

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

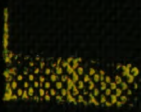
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

UC-NRLF

B 2 917 452

Russia. Min. nar. pros.
ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

ЧАСТЬ СССХІІ.

1897.

І Ю Л Ъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.

1897.

L451
A4
v. 312

THE
UNIVERSITY OF
MICHIGAN LIBRARY

→50

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ПАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

ЧАСТЬ СССХІІ.

1897.

АВГУСТЪ.

ВЪСНУВШЕГО
ВЪСНУВШЕГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.

1897.

THE
WIND
MILL

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ, ДАННЫЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

19-го мая 1897 года. Заслуженному ординарному профессору и декану историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго университета, члену учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ и археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, доктору римской словесности, тайному совѣтнику *Помяловскому*—Всемилоствивѣйше повелѣваемъ быть членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ его въ занимаемыхъ имъ должностяхъ.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (25-го апрѣля 1897 года). *Объ утвержденіи дополненій и измѣненій въ примѣненіи къ Кавказскому учебному округу правилъ о производствѣ испытаній и выдачѣ свидѣтельствъ на льготу 3-го (бывшій 4) разряда по воинской повинности, утвержденныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 16-го ноября 1885 года.*

Министръ народнаго просвѣщенія представилъ въ правительствующій сенатъ, для распубликованія во всеобщее свѣдѣніе, копию съ утвержденныхъ имъ 25-го апрѣля 1897 г., по соглашенію съ министрами военнымъ и внутреннимъ дѣлъ, оберъ-прокуроромъ святѣйшаго

843081

1*

синода и главноуправляющимъ Собственною Его Императорскаго Величества Канцелярію по учрежденіямъ Императрицы Маріи, дополненій и измѣненій въ примѣненіи къ Кавказскому учебному округу правилъ о производствѣ испытаній и выдачѣ свидѣтельствъ на льготу 3-го (бывш. 4) разряда по воинской повинности, утвержденныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 16-го ноября 1885 года.

На подлинныхъ написано: „Утверждаю“.

Подписалъ: министръ народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь
Графъ Деллиговъ.

Дополненія и измѣненія въ примѣненіи къ Кавказскому учебному округу правилъ о производствѣ испытаній и выдачѣ свидѣтельствъ на льготу 3-го (бывш. 4) разряда по воинской повинности, утвержденныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 16-го ноября 1885 года.

Въ дополненіе къ § 6: „Въ педагогическихъ совѣтахъ низшихъ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ, лица сія предсѣдательствуютъ въ засѣданіяхъ названныхъ совѣтовъ по дѣламъ о производствѣ испытаній и выдачѣ свидѣтельствъ на основаніи настоящихъ правилъ“.

Въ дополненіе къ § 7: „Въ предѣлахъ Кавказскаго учебнаго округа педагогическимъ совѣтамъ подлежащихъ учебныхъ заведеній представляется для присутствованія на экзаменахъ назначать какъ предсѣдателей и членовъ сихъ совѣтовъ, такъ и почетныхъ смотрителей и почетныхъ блюстителей училищъ, а равно смотрителей, законоучителей и учителей училищъ: двухклассныхъ начальныхъ по положенію 25-го іюня 1867 года и двухклассныхъ нормальныхъ сельскихъ по закону 22-го ноября 1873 года.“

Въ тѣхъ случаяхъ, когда для присутствованія на экзаменѣ въ томъ или другомъ училищѣ педагогическіе совѣты низшихъ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ, не найдутъ возможнымъ назначать кого-либо изъ поименованныхъ выше лицъ, обязанность присутствованія на экзаменѣ возлагается на мѣстныхъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ съ правомъ предсѣдательства въ испытательной комиссіи.

Примѣчаніе: 1) „Лицамъ, окончившимъ курсъ ученія во всѣхъ тѣхъ училищахъ Закаспійской области, которыя удовлетворяютъ условіямъ, указаннымъ въ § 2, льготныя свидѣтельства выдаются

педагогическими совѣтами городскихъ по положенію 1872 г. училищъ этой области; причемъ предсѣдательствованіе въ экзаменационныхъ комиссіяхъ возлагается на почетныхъ блюстителей училищъ; въ тѣхъ же училищахъ, гдѣ это не будетъ признано возможнымъ, для сего приглашаются лица, указанные выше въ дополненіи къ § 7-му“.

Въ дополненіе къ § 16: „Ученики не русскаго происхожденія, не достигшіе двѣнадцати лѣтъ, не допускаются къ экзамену и потому не вносятся въ экзаменный списокъ“.

Въ дополненіе къ § 28: „Въ предѣлахъ Кавказскаго учебнаго округа означенныя въ § 28 комиссіи могутъ быть открываемы какъ при педагогическихъ совѣтахъ подлежащихъ учебныхъ заведеній изъ числа означенныхъ въ примѣчаніи 1-мъ къ § 1, такъ и при двухклассныхъ нормальныхъ сельскихъ училищахъ, а равно при двухклассныхъ начальныхъ училищахъ по положенію 25-го іюня 1867 г. При тѣхъ и другихъ изъ сихъ училищъ комиссіи могутъ быть открываемы лишь тогда, когда въ данномъ училищѣ и по штату полагается и въ дѣйствительности имѣется при открытіи комиссіи православный законоучитель“.

Въ дополненіе къ § 31: „Въ Кавказскомъ учебномъ округѣ при двухклассныхъ начальныхъ училищахъ, означенныхъ въ дополненіи къ § 28, испытательныя комиссіи состоятъ изъ законоучителя православнаго исповѣданія и учителей наукъ въ данномъ училищѣ, подъ предсѣдательствомъ законоучителя“.

Въ дополненіе къ § 33: „Лица не русскаго происхожденія, желающія подвергнуться испытаніямъ, должны имѣть не менѣе 14 лѣтъ и не свыше призывнаго возраста“.

III. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(19-го мая 1897 г.). *Опредѣляется* на службу инженеръ-механикъ *Владимірскій* — директоромъ промышленнаго училища имени надворнаго совѣтника *Ө. В. Чицова*.

Назначается заслуженный ординарный профессоръ и деканъ историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго

университета, членъ археографической комиссіи министерства и учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ, докторъ римской словесности, тайный совѣтникъ *Помяловскій*—членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ въ занимаемыхъ имъ должностяхъ.

Утверждается звельскій ландратъ *фонъ-Цуръ-Мюленъ* — вновь, согласно избранію, почетнымъ попечителемъ Аренбургской гимназіи на три года, съ 1-го мая.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія штатный преподаватель С.-Петербургскаго 1-го кадетскаго корпуса, докторъ сравнительнаго языковѣдѣнія, коллежскій совѣтникъ *Томсонъ* — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Новороссійскаго университета, по кафедрѣ сравнительнаго языковѣдѣнія.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, директоръ Ченстовской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ *Геевскій*, съ 1-го мая, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Умершіе исключаются изъ списковъ: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ *Любимовъ*, съ 6-го мая; директоръ Ростовской-на-Дону гимназіи, статскій совѣтникъ *Филиповъ*, съ 20-го апрѣля; директоръ Иваново-Вознесенскаго низшаго механико-техническаго училища, инженеръ-технологъ, статскій совѣтникъ *Зеленцовъ*, съ 21-го марта.

(30-го мая 1897 г.). *Назначаются*: экстраординарный профессоръ Московскаго университета, докторъ философіи, коллежскій совѣтникъ *Лопатинъ*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ философіи; хранитель зоологическаго кабинета Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ зоологіи, коллежскій ассессоръ *Бучинскій* — экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ зоологіи.

Увольняется, согласно прошенію, консультантъ Императорскаго клиническаго института великой княгини Елены Павловны, врачъ при дѣвичьихъ школахъ вѣдомства Императорскаго человѣколюбиваго общества, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Лимбергъ* — отъ первой изъ означенныхъ должностей.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, директоръ Орловской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ *Блоруссовъ*.

Умершій исключается изъ списковъ директоръ Варшавской 1-й мужской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Стефановичъ*, съ 4-го мая.

Производятся, за выслугу лѣтъ со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе советники*: по Казанскому учебному округу: учителя гимназій: Казанской 3-й, *Баронъ*—съ 13-го октября 1896 года и Вятской, *Книзе*—съ 20-го августа 1896 года; по Рижскому учебному округу, учитель Митавской гимназіи *Новиковъ*—съ 1-го декабря 1896 года; по Варшавскому учебному округу, учителя: Лкблинской мужской гимназіи, *Евстафевичъ*—съ 1-го сентября 1887 года и Варшавской 1-й мужской прогимназіи, *Дядулевичъ*—съ 27-го августа 1896 года; изъ надворныхъ въ *коллежскіе советники*: по Казанскому учебному округу: учителя гимназій: Казанской 3-й *Черняевъ*—съ 3-го февраля 1897 года, Вятской: *Козьминъ*—съ 28-го августа 1895 года и *Веснинъ*—съ 12-го іюля 1896 года и реальныхъ училищъ: Вольскаго, *Никольскій*—съ 28-го августа 1895 года и Вятскаго, *Чурихинъ*—съ 3-го января 1897 года; по Рижскому учебному округу: учителя: Рижской Александровской гимназіи, *Адриановъ*—съ 10-го сентября 1896 года и реальныхъ училищъ: Юрьевскаго, *Замцъ*—съ 1-го августа 1896 года и Митавскаго, *Соколовъ*—съ 8-го февраля 1896 года; врачъ Рижскаго реального училища Императора Петра I *Рудаконъ*—съ 9-го января 1897 года; по Варшавскому учебному округу: учителя гимназій: Сувалкской мужской, *Шепелевъ*—съ 1-го ноября 1896 года и Люблинской женской, штатный *Дейкунъ-Мачаненко*—съ 21-го октября 1895 года; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: по Казанскому учебному округу: учитель-инспекторъ Астраханскаго 2-го четырехкласснаго городского училища *Скориковъ*—съ 11-го апрѣля 1896 года; по Рижскому учебному округу: учитель Митавской гимназіи *Окновъ*—съ 1-го августа 1894 года; учитель-инспекторъ Вейсенштейнскаго городского училища *Шумаковъ*—съ 26-го августа 1896 года; помощникъ классныхъ наставниковъ Рижскаго реального училища Императора Петра I *Игнатовичъ*—съ 1-го сентября 1896 года; по Варшавскому учебному округу: учителя училищъ: Лодзинскаго высшаго ремесленнаго, *Стурцель*—съ 15-го февраля 1893 года и Ловичскаго реального, *Шестаковъ*—съ 1-го апрѣля 1896 года; помощники классныхъ наставниковъ: Ловичскаго реального училища, *Маценко*—съ 1-го августа 1895 года и Пултуской мужской прогимназіи, *Шейжинъ*—съ 1-го января 1896 года; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: по Казанскому учебному округу: врачи четырехклассныхъ городскихъ училищъ: Казанскаго, *Кротовъ*—съ 8-го февраля 1893 года и Астраханскаго 1-го,

Баликлейскій—съ 22-го марта 1894 года; учителя Астраханскаго 2-го четырехкласснаго городского училища: *Швецовъ* — съ 2-го августа 1894 года и *Чернышевъ* — съ 10-го октября 1895 года; помощникъ классныхъ наставниковъ Вятской гимназіи *Каиженскій* — съ 16-го сентября 1895 года; по Рижскому учебному округу: учитель Ревельскаго городского училища Императрицы Екатерины II *Рыжовъ*—съ 1-го марта 1897 года; по Варшавскому учебному округу: сверхштатные помощники прозекторовъ Императорскаго Варшавскаго университета при кафедрахъ: физиологіи, *Кучинскій*—съ 5-го ноября 1894 года и оперативной хирургіи и топографической анатоміи, *Оржель*—съ 20-го августа 1894 года; учителя: Варшавскихъ мужскихъ гимназій: 3-ей, *Швачка*—съ 1-го сентября 1895 года, 6-й, *Ядыкъ*—съ 22-го сентября 1895 года, Варшавскаго реальнаго училища, *Домбровский* — съ 1-го сентября 1893 года и Лодзинскаго Александровскаго четырехкласснаго городского училища, *Феодоровичъ* — съ 1-го августа 1896 года; штатный учитель и завѣдывающій Калишскою женскою гимназіею *Литвиновскій*—съ 12-го января 1897 года; бывший сверхштатный лаборантъ при фармакологической лабораторіи Императорскаго Варшавскаго университета, нынѣ въ отставкѣ, *Иорданъ*—съ 7-го декабря 1894 года; завѣдывающій Ленчицкимъ двухкласснымъ городскимъ училищемъ *Лагутенокъ* — съ 1-го сентября 1896 года; помощники классныхъ наставниковъ: Люблинской мужской гимназіи, *Зинченко* — съ 5-го мая 1881 года и Ловичскаго реальнаго училища, *Чайко* — съ 1-го ноября 1891 года; изъ коллегскихъ секретарей въ *титულлярные советники*: по Казанскому учебному округу: почетный смотритель Казанскаго четырехкласснаго городского училища *Марковъ* — съ 10-го мая 1896 г.; по Рижскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Аренбургскаго, *Казикъ*—съ 1-го августа 1893 г., Илукетскаго, *Канавинъ*—съ 1-го августа 1894 г., Юрьевскаго, *Дависъ*—съ 1-го августа 1895 г. и Лемзальскаго, *Патрицкій*—съ 1-го іюня 1896 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Рижской Александровской гимназіи *Соколовъ* — съ 1-го сентября 1894 г.; по Варшавскому учебному округу: учителя: приготовительнаго класса Кѣлецкой мужской гимназіи *Ивановъ*—съ 1-го января 1897 г., Варшавской 1-й мужской прогимназіи, *Алихневичъ*—съ 1-го сентября 1895 г. и Лодзинскаго Александровскаго четырехкласснаго городского училища, сверхштатный *Антосюкъ*—съ 1-го августа 1895 г.; сверхштатные лаборанты Императорскаго Варшавскаго

университета при кафедрахъ: фармаціи и фармакогнозіи, *Беккеръ*—съ 20-го мая 1894 г. и общей химіи, *Левченко*—съ 7-го декабря 1896 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Варшавской 6-й мужской гимназіи *Яцукъ*—съ 15-го сентября 1895 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по Казанскому учебному округу: учитель приготовительнаго класса Астраханской гимназіи *Гусевъ*—съ 22-го сентября 1895 г.; по Варшавскому учебному округу: дѣлопроизводители канцелярій: учебнаго округа, *Азбѣвичъ*—съ 16-го февраля 1897 г. и Холмской учебной дирекціи, *Махновичъ*—съ 16-го февраля 1897 г.; учителя: Варшавской 3-й женской гимназіи, *Чирка*—съ 28-го января 1894 г., училищъ: Ловичскаго реальнаго, *Шмидтъ*—съ 1-го августа 1896 г. и Лодзинскаго высшаго ремесленнаго, *Лыткинъ*—съ 20-го октября 1895 г. и Варшавской 1-й мужской прогимназіи, *Чехъ*—съ 1-го октября 1896 г.; помощникъ дѣлопроизводителя канцеляріи учебнаго округа *Павловичъ*—съ 1-го мая 1897 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по Казанскому учебному округу: письмоводитель Астраханскаго реальнаго училища *Петрушевскій*—съ 16-го января 1897 г. и учитель начальнаго училища при Вольской учительской семинаріи *Лавимцевъ*—съ 1-го августа 1893 г.; по Варшавскому учебному округу: учитель Холмской мужской гимназіи *Миллеръ*—съ 15-го ноября 1896 г. и дѣлопроизводитель канцеляріи Ломжинской учебной дирекціи *Юрашневичъ*—съ 1-го августа 1894 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по Рижскому учебному округу: письмоводитель Ревельскаго реальнаго училища *Кристель*—съ 24-го іюля 1896 г. и учитель Рижскаго Александровскаго Задвинскаго городского мужскаго начальнаго училища *Ефимовъ*—съ 1-го января 1897 г.; по Варшавскому учебному округу: исправляющій должность архиваріуса канцеляріи Холмской учебной дирекціи *Харламовичъ*—съ 1-го апрѣля 1888 г.; писецъ и смотритель зданія Плоцкой женской гимназіи *Сусскій*—съ 16-го марта 1892 г. и надзиратель слѣпыхъ воспитанниковъ Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ *Шевелевъ*—съ 1-го августа 1896 г.

Производится изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры* бывшій письмоводитель Либавскаго реальнаго училища (нынѣ въ отставку) *Фейерабандъ*, согласно ст. ст. 792 и 794 уст. служб. прав. (св. зак. т. III, изд. 1896 г.).

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: по Рижскому учебному округу: учителя: Ревельской гимназіи

Императора Николая I, *Ветникъ*—съ 1-го февраля 1891 г. и Митавскаго реального училища *Виссеръ*—съ 1-го іюля 1891 г. и *Маттеевъ*—съ 1-го августа 1891 г.; по Варшавскому учебному округу: учителя мужскихъ гимназій: Варшавскихъ: 2-й, *Нарбековъ*—съ 24-го сентября 1892 г., 3-й, *Бауеръ*—съ 20-го ноября 1892 г. и 6-й, *Неру*—съ 20-го февраля 1884 г. и Люблинской, *Ровняковъ*—съ 1-го января 1893 г.; *титულлярнаго советника*: по Казанскому учебному округу: сверхштатный ассистентъ при кафедрѣ акушерства и женскихъ болѣзней Императорскаго Казанскаго университета *Столыпинскій*—съ 12-го февраля 1886 г., по степени лѣкаря; по Рижскому учебному округу: врачъ Газенпотскаго городского училища *Седдингъ*—съ 15-го ноября 1891 г., по степени лѣкаря; по Варшавскому учебному округу, штатный ординаторъ при клиникѣ кожныхъ и венерическихъ болѣзней Императорскаго Варшавскаго университета и врачъ Варшавскаго реального училища *Мертенсъ*—съ 15-го іюня 1892 г. и сверхштатный ординаторъ при той же клиникѣ означеннаго университета *Шаеръ*—съ 24-го августа 1887 г., оба по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: по Рижскому учебному округу: преподаватель Рижскаго политехническаго института *Мей*—съ 9-го іюля 1876 г., по степени ветеринара; учителя: Аренбургской гимназій, *Поль*—съ 3-го ноября 1892 г. и Аренбургскаго городского училища, *Брутанъ*—съ 1-го августа 1892 г. и помощникъ классныхъ наставниковъ Митавской гимназій *Константиновъ*—съ 8-го февраля 1893 г.; по Варшавскому учебному округу: учителя Люблинской мужской гимназій: *Нечаевъ*—съ 31-го декабря 1886 г. и *Лопацинскій*—съ 1-го августа 1883 г., оба по степени кандидата Императорскихъ университетовъ; сверхштатный лаборантъ при кафедрѣ анатоміи и физиологіи растеній Императорскаго Варшавскаго университета *Мицкевичъ*—съ 7-го декабря 1893 г., по степени кандидата Императорскаго Варшавскаго университета; помощники классныхъ наставниковъ мужскихъ гимназій: Кѣлецкой, *Паржуновъ*—съ 1-го января 1893 г. и Бѣльской, бывший, нынѣ въ отставкѣ, *Дмоховскій*—съ 1-го сентября 1892 г.; *убернскаго секретаря*: по Рижскому учебному округу, учитель приготовительнаго класса Либавскаго реального училища *Василевскій*—съ 15-го октября 1892 г.; по Варшавскому учебному округу, штатный учитель Сувалкской женской гимназій *Прокоповичъ*—съ 28-го іюня 1892 г., по званію дѣйствительнаго студента Императорскаго Варшавскаго университета; *коллежскаго регистратора*: по Казан-

скому учебному округу: помощники учителей Чистопольскаго двухкласснаго городского училища: *Преображенскій*—съ 3-го мая 1886 г. и *Коридалинъ*—съ 21-го августа 1891 г.; домашній учитель Казанской дирекціи народныхъ училищъ *Царгородцевъ* — съ 12-го января 1894 г.

(6-го іюня 1897 г.). *Назначаются*: экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Подрезъ*, Казанскаго, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Рустницкій* и исправляющій должность экстраординарнаго профессора того же университета, докторъ русскаго языка и словесности, коллежскій совѣтникъ *Будде* — ординарными профессорами означенныхъ университетовъ: *Подрезъ* — по кафедрѣ хирургической госпитальной клиники, *Рустницкій*—по кафедрѣ оперативной хирургіи, съ 1-го мая, и *Будде*—по кафедрѣ русскаго языка и русской литературы.

Увольняется отъ службы: сверхштатный экстраординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Кесслеръ*, за выслугою срока.

(13-го іюня 1897 г.). *Назначаются*: директоръ Елецкой гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Симсонъ* — директоромъ Ржевской прогимназій; инспекторъ училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ, статскій совѣтникъ *Хабаровъ* — директоромъ Ченстоховской мужской гимназій, съ 1-го мая; исправляющій должность сверхштатнаго адъюнктъ-профессора института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, магистръ минералогіи и геогнозій, титулярный совѣтникъ *Глинка* — адъюнктъ-профессоромъ того же института, по кафедрѣ минералогіи и геологій; кассиръ газетнаго стола департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ *Сысоевъ* — дѣлопроизводителемъ VI класса того же департамента, съ 1-го іюня.

Утверждаются: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ганъ*, коллежскій совѣтникъ *Сукачевъ* и кандидатъ юридическихъ наукъ *Каменискій*—вновь почетными попечителями: первый — Нарвской гимназій, второй—Иркутской мужской гимназій и третій — Екатеринбургскаго реальнаго училища, всѣ трое—согласно избранію, на три года.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (20-го февраля 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени Владиміра Носенкова при Московскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *тысячу шестьсотъ* руб., пожертвованнаго потомственною почетною гражданкою Анною Владиміровною Носенковой учреждается при Московскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени сына жертвовательницы „Владиміра Носенкова“.

§ 2. Пожертвованный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствѣхъ государственной 4% ренты, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ названнаго училища, составляя неотъемлемую собственность этого заведенія и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Въ случаѣ упраздненія или преобразованія реальнаго училища, означенный капиталъ долженъ составлять собственность того учрежденія, которое, находясь въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, будетъ или замѣнять Московское реальное училище, или вообще соответствовать образовательному характеру и типу сего заведенія.

§ 4. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе стипендіата.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ остатки отъ стипендіальнаго капитала употребляются на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій для стипендіата или же на какія либо другія его нужды.

§ 6. Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту Московскаго реальнаго училища.

§ 7. Стипендіатъ избирается изъ достойнѣйшихъ по успѣхамъ и дѣйствительно нуждающихся учениковъ Московскаго реальнаго училища безъ различія классовъ.

§ 8. Въ случаѣ неуспѣшности или неодобрительнаго поведенія стипендіатъ по опредѣленію педагогическаго совѣта можетъ быть лишенъ стипендіи. Равнымъ образомъ можетъ быть лишенъ стипендіи

также и стипендіатъ, оставшійся по неуспѣхамъ въ наукахъ на другой годъ въ одномъ и томъ же классѣ, если только малоуспѣшность его произошла не отъ болѣзни или не по другимъ уважительнымъ причинамъ.

§ 9. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

2. (25-го февраля 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени вдовы статскаго совѣтника Софьи Ивановны Яковлевой при Московской 1-й гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ завѣщаннаго въ 1886 году вдовою статскаго совѣтника С. И. Яковлевой капитала въ 6.000 руб., составляющаго нынѣ съ наросшими процентами *девять тысячъ пятьсотъ* рублей, учреждается при Московской 1-й гимназій одна стипендія съ наименованіемъ оной Яковлевскою.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Московской 1-й гимназій, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала составляютъ, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, ежегодную сумму въ 361 рубль. Изъ этой суммы 360 рублей поступаютъ на содержаніе въ пансіонѣ одного ученика гимназій. Ежегодные же остатки отъ процентовъ съ капитала присоединяются къ оному, для образованія въ послѣдствіи особаго капитала, проценты съ котораго могли бы быть употребляемы на уплату единовременнаго взноса (50 рублей) на первоначальное образованіе, при поступленіи стипендіата въ пансіонъ гимназій.

§ 4. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ гимназій изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ христіанскихъ исповѣданій, заслуживающихъ стипендію по отличному поведенію и удовлетворительнымъ успѣхамъ въ наукахъ.

§ 5. Стипендія сохраняется за стипендіатомъ въ теченіе всего гимназическаго курса, но педагогическому совѣту гимназій предоставляется право прекратить выдачу стипендіи, если онъ найдетъ къ тому уважительныя причины (дурное поведеніе стипендіата, неудовлетворительныя успѣхи безъ уважительныхъ причинъ и т. п.).

§ 6. Если съ теченіемъ времени плата за содержаніе воспитанниковъ будетъ увеличена на столько, что процентовъ съ капитала не будетъ доставать для покрытія этой платы, то педагогическому совѣту предоставляется поступить по его усмотрѣнію: или прекратить выдачу стипендіи до тѣхъ поръ, когда капиталъ пополнится въ достаточной степени, или дополнять недостающую сумму изъ специальныхъ средствъ гимназіи, или же, наконецъ, предложить стипендіату доплачивать эту сумму самому.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

3. (25-го февраля 1897 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени отставнаго подполковника А. П. Лачинова при Московской 2-ой мужской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ пять тысячъ рублей, завѣщаннаго отставнымъ подполковникомъ Александромъ Петровичемъ Лачиновымъ учреждаются при Московской второй мужской гимназіи двѣ стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ пяти свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, по 1.000 рублей каждое, составляетъ неотъемлемую собственность Московской 2-й гимназіи и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ этой гимназіи.

Примѣчаніе. Въ случаѣ выхода процентныхъ бумагъ въ тиражъ погашенія начальство Московской второй гимназіи обязано обмѣнить ихъ на другія процентныя государственныя или же гарантированныя правительствомъ бумаги.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на уплату за право ученія двухъ воспитанниковъ гимназіи. Ежегодно получаемые остатки выдаются, согласно волѣ завѣщателя, въ видѣ пособія на содержаніе этихъ стипендіатовъ поровну на руки родителямъ или опекунамъ ихъ.

§ 4. Могушіе образоваться остатки отъ процентовъ вслѣдствіе временнаго незамѣщенія стипендій или по какимъ либо другимъ причинамъ причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 5. Стипендіаты избираются педагогическимъ совѣтомъ гимназіи изъ числа бѣдныхъ приходившихъ учениковъ безъ различія званія, заслуживающихъ стипендіи по своей хорошей нравственности, отличному поведенію и удовлетворительнымъ успѣхамъ въ наукахъ.

§ 6. Преимуществомъ на получение стипендіи, согласно волѣ завѣщателя, должны пользоваться нисходящіе потомки по прямой линіи отъ Владиміра Лачинова, Александра Бабакина и Владиміра Еремѣева. Если же таковыхъ потомковъ при назначеніи стипендіи не окажется, то выборъ стипендіатовъ всецѣло принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи.

§ 7. Стипендіи сохраняются за стипендіатами въ теченіе всего гимназическаго курса, но педагогическому совѣту гимназіи предоставляется право прекратить выдачу стипендіи, если онъ найдетъ къ тому достаточныя основанія, какъ напримѣръ: дурное поведеніе стипендіата, неудовлетворительныя успѣхи безъ уважительныхъ причинъ, улучшеніе матеріальнаго положенія стипендіата, поступленіе въ гимназію одного изъ потомковъ Владиміра Лачинова, Александра Бабакина и Владиміра Еремѣева, заслуживающихъ стипендіи и тому подобное.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

4. (12-го марта 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго заслуженнаго преподавателя пятой С.-Петербургской гимназіи Константина Дмитріевича Краевича.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *девять тысячъ пятьсотъ* рублей, собраннаго по подпискѣ между почитателями, бывшими учениками, товарищами и друзьями покойнаго заслуженнаго преподавателя математики и физики Константина Дмитріевича Краевича, учреждается при пятой С.-Петербургской гимназіи одна стипендія его имени.

§ 2. Обеспечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ свѣдѣтельствахъ государственной 4% ренты, хранится, въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, въ мѣстномъ казначействѣ, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора, по закону 20-го мая

1885 года, выдаются ежегодно одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ пятой С.-Петербургской гимназіи, заслуживающему того по своему поведенію и успѣхамъ.

§ 4. Право избранія стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту пятой С.-Петербургской гимназіи.

§ 5. Стипендіатъ сохраняетъ право на получение стипендіи во все время обученія его въ пятой С.-Петербургской гимназіи, если только по своимъ успѣхамъ и поведенію продолжаетъ заслуживать этого.

§ 6. Могушіе образоваться почему либо остатки отъ процентовъ присоединяются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязанностей.

5. (25-го марта 1897 года). *Положеніе о стипендіи при Елецкой мужской гимназіи имени бывшаго елецкаго уѣзднаго предводителя дворянства Михаила Александровича Стаховича.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу руб., заключающагося въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, учреждается при Елецкой мужской гимназіи одна стипендія имени бывшаго елецкаго уѣзднаго предводителя дворянства Михаила Александровича Стаховича.

§ 2. Капиталъ этотъ хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названной гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, а проценты съ него, за вычетомъ 5% государственнаго налога, употребляются на уплату за право ученія въ гимназіи одного воспитанника.

§ 3. Назначеніе стипендіата зависитъ отъ Михаила Александровича Стаховича, а еслибы онъ отъ этого права отказался, а также послѣ его смерти, право назначенія стипендіата переходитъ къ елецкому уѣзднему предводителю дворянства.

§ 4. Образовавшіеся вслѣдствіе незамѣщенія стипендіи или по какимъ либо инымъ причинамъ остатки отъ стипендіальнаго капитала, или если онъ увеличится новыми взносами, эти суммы употребляются по усмотрѣнію Михаила Александровича Стаховича, или на увеличеніе размѣра стипендіи, или же на увеличеніе капитала.

§ 5. Въ случаѣ закрытія Елецкой мужской гимназіи капиталъ

передается и стипендія переводится въ другое учебное заведеніе по указанію Михаила Александровича Стаховича, а за отказомъ его или послѣ смерти его по указанію елецкаго уѣзднаго предводителя дворянства.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

6. (3-го апрѣля 1897 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени Астраханскаго биржеваго общества при Астраханской мужской гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *три тысячи восемьсотъ сорокъ* рублей, пожертвованнаго Астраханскимъ биржевымъ обществомъ въ память бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ учреждаются при Астраханской мужской гимназій три стипендіи имени биржеваго общества.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственной 4% рентахъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ. въ числѣ специальныхъ средствъ Астраханской гимназій, и, оставаясь неприкосновеннымъ, составляетъ неотъемлемую собственность гимназій.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, назначаются для уплаты за право ученія трехъ бѣдныхъ учениковъ Астраханской гимназій, православнаго вѣроисповѣданія, оказывающихъ при отличномъ поведеніи хорошіе успѣхи въ наукахъ.

§ 4. Право назначенія стипендіатовъ принадлежитъ Астраханскому биржевому комитету, а право лишенія стипендіи ученика, оказавшагося неисправнымъ по поведенію и успѣхамъ, — педагогическому совѣту Астраханской гимназій, коему предоставляется въ случаѣ, если неуспѣшность стипендіатовъ въ наукахъ произошла по причинамъ отъ него независящимъ и признаннымъ педагогическимъ совѣтомъ уважительными, не лишать ихъ стипендіи и въ случаѣ оставленія стипендіатовъ на повторительный курсъ въ томъ же классѣ.

§ 5. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендій или по какому либо другимъ причинамъ остатки присоединяются къ стипендіальному капиталу, для увеличенія размѣра стипендій.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

7. (5-го апрѣля 1897 года). *Положеніе о второй стипендіи имени красноярскаго купца Василія Философовича Васильева при Томской гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *пятьсотъ* руб., пожертвованнаго красноярскимъ купцомъ Василиемъ Философовичемъ Васильевымъ, учреждается при Томской гимназій одна стипендія, съ наименованіемъ оной „Вторая стипендія имени красноярскаго купца Василія Философовича Васильева“.

§ 2. Обеспечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4⁰/₀ ренты, хранится въ Томскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Томской гимназій, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. На хозяйственный комитетъ гимназій возлагается обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы упомянутый въ § 1 капиталъ своевременно былъ обмѣниваемъ на выгодныя правительственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги.

§ 4. Означенная стипендія предоставляется одному изъ бѣдныхъ приходящихъ учениковъ Томской гимназій и обращается на уплату за право ученія (двадцать руб. въ полугодіе).

§ 5. Стипендіей этой можетъ пользоваться ученикъ Томской гимназій, православнаго вѣроисповѣданія, безъ различія сословія, начиная со II класса, имѣющій хорошіе успѣхи и отличное поведение.

§ 6. Стипендіатъ, оказавшій неудовлетворительныя успѣхи или замѣченный въ неодобрительномъ поведеніи, лишается права пользоваться этой стипендіей, которая затѣмъ предоставляется другому достойному ученику.

§ 7. Выборъ стипендіата, а равно и лишеніе его стипендіи, принадлежитъ педагогическому совѣту гимназій.

§ 8. Остатки отъ процентовъ, могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи или по какимъ либо другимъ причинамъ, присоединяются къ стипендіальному капиталу, для образованія впоследствии другой такой же стипендіи.

§ 9. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

8. (5-го апрѣля 1897 года). *Положеніе о стипендіяхъ при Виленской 1-ой гимназіи имени отставнаго подпоручика Ивана Михайловича Шеміотъ-Полочанскаго.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *десять тысячъ руб.*, завѣщаннаго отставнымъ подпоручикомъ Иваномъ Михайловичемъ Шеміотъ-Полочанскимъ, учреждаются при Виленской 1-й гимназіи двѣ стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Завѣщанный капиталъ, обращенный въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ. составляетъ неотъемлемую собственность Виленской 1-й гимназіи и хранится въ Виленскомъ губернскомъ казначействѣ.

§ 3. Проценты съ стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ 5% государственнаго налога, по закону 20-го мая 1885 года, выдаются стипендіату по полугодіямъ.

§ 4. Стипендіи имени Шеміотъ-Полочанскаго предоставляются ученикамъ Виленской 1-й гимназіи изъ родственниковъ завѣщателя, носящихъ фамилію Шеміотъ-Полочанскихъ, а за отсутствіемъ таковыхъ ученикамъ той же гимназіи, хотя и не родственникамъ завѣщателя, но носящимъ ту же фамилію.

§ 5. Выборъ стипендіатовъ предоставляется педагогическому совѣту гимназіи.

§ 6. Избранные стипендіаты пользуются стипендіей во все время пребыванія въ Виленской 1-й гимназіи; но въ случаѣ, если поведеніе ихъ будетъ признано неодобрительнымъ, они могутъ быть во всякое время лишены стипендій, по постановленію педагогическаго совѣта гимназіи.

§ 7. Могущіе образоваться почему либо остатки присоединяются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

§ 8. Въ случаѣ закрытія Виленской 1-й гимназіи, стипендіальный капиталъ передается, съ тѣмъ же назначеніемъ, въ другое соотвѣтствующее учебное заведеніе гор. Вильны, по усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія.

§ 9. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

9. (17-го апрѣля 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Ивана Ивановича Кронберга при Тверской мужской гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *триста* руб., пожертвованнаго вдовою статскаго совѣтника Доротеею Ивановною Кронбергъ, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну, по закону 20-го мая 1885 года, государственнаго 5% налога, учреждается при Тверской гимназій одна стипендія имени ея покойнаго мужа Ивана Ивановича Кронберга.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ свидѣльствахъ государственной 4% ренты, хранится въ Тверскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Тверской гимназій, составляя неотъемлемую собственность ея и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Въ стипендіаты избирается одинъ изъ бѣдныхъ воспитанниковъ гимназій, преуспѣвающій болѣе въ нѣмецкомъ языкѣ, преподавателемъ коего покойный Кронбергъ состоялъ въ Тверской гимназій.

§ 4. Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту Тверской гимназій.

§ 5. Проценты съ вышеозначеннаго капитала обращаются на уплату за право ученія стипендіата.

§ 6. Могущіе образоваться по какому либо случаю остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

10. (23-го апрѣля 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Николая Егоровича Зайкевича при Мелитопольскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу* руб., пожертвованнаго служащими при Мелитопольскомъ реальномъ училищѣ, Мелитопольской женской гимназій и частными лицами, а также Мелитопольскимъ уѣзднымъ земствомъ, учреждается при Мелитопольскомъ реальномъ училищѣ стипендія имени бывшаго директора этого училища, статскаго совѣтника Николая Егоровича Зайкевича.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4^о/о государственной ренты, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища, составляя неотъемлемую собственность училища и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ этого капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5^о/о государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, расходуются на уплату за право ученія стипендіата.

§ 4. Кандидатъ на стипендію избирается педагогическимъ совѣтомъ Мелитопольскаго реальнаго училища изъ числа приходящихъ бѣдныхъ учениковъ сего училища, заслуживающихъ этой льготы по своему поведенію и успѣхамъ въ наукахъ.

§ 5. Первыми кандидатами на стипендію считаются ученики Мелитопольскаго реальнаго училища изъ фамиліи Николая Егоровича Зайкевича, если таковые не будутъ освобождены отъ платы за ученіе.

§ 6. Если бы стипендіатъ оказался впослѣдствіи неодобрительнаго поведенія или не успѣвалъ въ ученіи вслѣдствіе недостатка прилежанія, то педагогическій совѣтъ, по своему усмотрѣнію, рѣшаетъ вопросъ о выборѣ новаго стипендіата.

§ 7. Стипендіатъ, по окончаніи курса училища, не подлежитъ никакимъ обязательствамъ за пользованіе означенною стипендіей.

§ 8. Могущіе образоваться почему либо остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала причисляются къ сему послѣднему и обращаются на покрытіе расходовъ по приобрѣтенію необходимыхъ учебныхъ пособій для стипендіата.

§ 9. Въ случаѣ преобразования Мелитопольскаго реальнаго училища въ какое либо другое учебное заведеніе, капиталъ передается въ послѣднее, для употребленія по прежнему назначенію. При совершенномъ же упраздненіи этого училища стипендіальный капиталъ переходитъ въ распоряженіе другаго какого-нибудь мужскаго учебнаго заведенія въ г. Мелитополѣ, по усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія.

11. (23-го апрѣля 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго председателя Каменецъ-Подольскаго окружнаго суда, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Николая Владиміровича Римскаго-Корсакова при Каменецъ-Подольской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу двести руб., пожертвованнаго живущими въ округѣ Каменецъ-Подольскаго округ-

наго суда присяжными повѣренными и ихъ помощниками, учреждается при Каменецъ-Подольской мужской гимназіи стипендія имени бывшаго предсѣдателя этого суда дѣйствительнаго статскаго совѣтника Николая Владиміровича Римскаго-Корсакова.

§ 2. Пожертвованный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствѣхъ 4% государственной ренты, хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названной гимназіи и составляетъ неотъемлемую собственность ея, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендіей имѣеть право пользоваться одинъ изъ нуждающихся воспитанниковъ названной гимназіи, сынъ присяжнаго повѣреннаго или помощника присяжнаго повѣреннаго, безъ различія вѣроисповѣданія, заслуживающій того, какъ по своимъ успѣхамъ въ наукахъ, такъ и по поведенію.

§ 4. Выборъ стипендіата принадлежитъ дѣйствительному статскому совѣтнику Н. В. Римскому-Корсакову; послѣ его смерти педагогическому совѣту гимназіи, а по учрежденіи совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, сему послѣднему.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ остатки присоединяются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

12. (27-го апрѣля 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени коллежскаго совѣтника Михаила Ивановича Иванова въ мужскомъ училищѣ при евангелическо-лютеранской свв. Петра и Павла церкви въ Москвѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ пять тысячъ рублей, завѣщаннаго коллежскимъ совѣтникомъ Михаиломъ Ивановичемъ Ивановымъ, учреждается въ мужскомъ училищѣ при евангелическо-лютеранской свв. апостоловъ Петра и Павла церкви въ Москвѣ одна стипендія имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ хранится вѣчнымъ вкладомъ въ московской конторѣ государственнаго банка, составляя неотъемлемую собственность названнаго училища и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ сего капитала, за вычетомъ 5% государственнаго сбора, предназначаются для выдачи стипендіи бѣднѣйшему уче-

нику училища, православнаго исповѣданія, который избирается училищнымъ совѣтомъ.

§ 4. Назначеніе срока, которымъ можетъ пользоваться лицо, получившее стипендію, должно зависѣть также отъ училищнаго совѣта.

§ 5. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 6. Образовавшіеся по какому либо случаю остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала могутъ быть присоединены къ капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи, или отчисляемы для выдачи единовременныхъ пособій бѣднымъ ученикамъ училища православнаго исповѣданія.

§ 7. Въ случаѣ закрытія по какой либо причинѣ мужскаго Петропавловскаго училища, означенный вкладъ передается во вторую Московскую мужскую гимназію.

13. (16-го мая 1897. года). *Положеніе о стипендіи имени умершаго заслуженнаго профессора, инженеръ-технолога, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петра Алексѣевича Аванасьева, учрежденной въ Технологическомъ институтѣ Императора Николая I.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *десять тысячъ восемьсотъ* рублей (10.800 р.), внесеннаго коллежскимъ совѣтникомъ Димитріемъ Алексѣевичемъ Аванасьевымъ и отставнымъ штабсъ-капитаномъ Александромъ Алексѣевичемъ Аванасьевымъ, учреждается въ технологическомъ институтѣ Императора Николая I стипендія имени покойнаго ихъ брата, заслуженнаго профессора сего заведенія, инженеръ-технолога, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петра Алексѣевича Аванасьева.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, составляетъ неотъемлемую собственность названнаго института и хранится въ числѣ его специальныхъ средствъ въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ.

§ 3. Стипендія имени П. А. Аванасьева предоставляется одному изъ недостаточныхъ студентовъ института, механическаго отдѣленія, оказавшемуся, по усмотрѣнію учебнаго комитета, достойнымъ, независимо отъ курса, на которомъ онъ находится.

§ 4. Право на полученіе стипендіи имѣетъ студентъ православнаго исповѣданія, русскій по происхожденію, всякаго сословія, но преимущество въ выборѣ кандидата должно быть отдаваемо лицу изъ податнаго сословія.

§ 5. Изъ процентовъ съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго 5% сбора, по закону 20-го мая 1885 года, отчисляется 50 рублей за право обученія, а остатокъ распределяется равными частями помѣсячно въ стипендію, но не болѣе 30 р. въ мѣсяцъ; могущіе быть за сими остатками предоставляются въ распоряженіе учебнаго комитета для выдачи пособій недостаточнымъ студентамъ.

§ 6. Пользованіе стипендією не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

14. (22-го мая 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени умершаго тайнаго совѣтника Іосифа Васильевича Бертенсона при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *шесть тысячъ* руб., завѣщаннаго Императорскому Юрьевскому университету умершимъ тайнымъ совѣтникомъ Іосифомъ Васильевичемъ Бертенсономъ, учреждается при семъ университетѣ, для студентовъ медицинскаго факультета, стипендія имени завѣщателя, послѣ смерти жены его Маріи Михайловны Бертенсонъ, урожден. Храповицкой, имѣющей, по духовному завѣщанію, право на пожизненное пользованіе означеннымъ капиталомъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% вкладныхъ листахъ Харьковскаго земельнаго банка и находящійся нынѣ, по роспискѣ отъ 31-го августа 1895 г. за № 754086, на храненіи въ государственномъ банкѣ, долженъ послѣ смерти жены завѣщателя храниться въ Юрьевскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ, по закону 20-го мая 1885 г., государственнаго сбора, выдаются въ стипендію одному изъ студентовъ медицинскаго факультета университета, безъ различія вѣроисповѣданія.

§ 4. Выборъ стипендіата производится правленіемъ университета, по представленію медицинскаго факультета, съ соблюденіемъ общихъ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ въ университетѣ.

§ 5. Могущіе образоваться отъ временнаго незамѣщенія стипендіи или по какимъ либо другимъ причинамъ остатки отъ процентовъ причисляются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра онаго.

§ 6. Пользованіе стипендією не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Составленныя *Е. Водовозовой* книжки, подъ общимъ заглавіемъ: „Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ“: 1) „Чехи. Поляки. Русины. С.-Пб. 1897. Стр. 184. Цѣна 40 коп.“ 2) „Англичане. С.-Пб. 1894. Стр. 207. Ц. 40 коп.“ 3) „Нѣмцы. С.-Пб. 1895. Стр. 228. Ц. 40 коп.“— первую одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а равно для ученическихъ библиотекъ городскихъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ, а вторую и третью—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для ученическихъ библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: „Ученіе о богослуженіи Православной Церкви. Изданіе 2, исправленное и дополненное. Составилъ законоучитель „Дома Анатолія Демидова“ священникъ *Никаноръ Темномъровъ*. С.-Пб. 1896. Стр. 129+II“—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ училищъ, но съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книги были сдѣланы надлежащія исправленія.

— Изданныя Высочайше утвержденнымъ товариществомъ „Общественная Польза“ брошюры, подъ общимъ заглавіемъ: „Млекопитающія. Извлеченіе изъ „Жизни животныхъ *А. Брэма*“. Для народнаго чтенія. Подъ редакцію *К. Сентъ-Илера*. С.-Пб. 1897“: 1) Мартышки. Стр. 39. Ц. 20 коп. 2) Летучія мыши или рукокрылыя. Стр. 31. Ц. 15 коп. 3) Кошки. Стр. 79. Ц. 25 коп. 4) Хорьки, куницы и другія похожія животныя. Стр. 64. Ц. 20 коп. 5) Пиены и волки. Стр. 36. Цѣна 20 коп.—одобрить для ученическихъ, младшаго возраста, библиотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ городскихъ училищъ, а также для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ.

— Книгу: „Алгебраическій методъ рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе. Приложение алгебры къ геометріи. Различныя систематическіе способы рѣшенія геометрическихъ задачъ на построе-

ніе (въ связи съ приложеніемъ алгебры къ геометріи). Конкретное истолкованіе геометріи Лобачевскаго. *П. А. Некрасова*, ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета. Изданіе второе (пересмотрѣнное, исправленное и дополненное). М. 1897. Стр. X+262. Цѣна 1 р. 50 коп.—рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а первый отдѣлъ этой книги (§§ 1—27) одобрить, сверхъ того, въ качествѣ учебнаго руководства для дополнительнаго класса реальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги означенный отдѣлъ былъ сброшюрованъ и продавался отдѣльно отъ втораго.

— Книгу: „Жизнь моря. Животный и растительный міръ моря, его жизнь и взаимоотношенія. Сочиненіе проф. *К. Келлера*. Переводъ съ нѣмецкаго, съ разрѣшенія автора, съ дополненіями относительно русскихъ морей, *П. Ю. Шмидта*. Съ 10 хромофотографированными таблицами, 6 отдѣльными гравюрами и 287 рис. въ текстѣ. С.-Пб. Изданіе *А. Ф. Девріена*. 1897. Стр. VII+VIII+633“—рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библиотекъ учительскихъ институтовъ.

— Книжку: „*Н. Висковскій* и *А. Лелюхинъ*. Какъ отбыть воинскую повинность. Справочная книжка для лицъ высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній—студентовъ, гимназистовъ, реалистовъ и вольноопредѣляющихся. Изданіе второе, исправленное и дополненное по новѣйшимъ свѣдѣніямъ. М. 1896. Стр. VI+104+11 неумер. Ц. 75 коп.“—одобрить для библиотекъ всѣхъ мужскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а равно и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Брошюру: „Должно ли любить и заботиться о животныхъ? *Н. Василевъ*. С.-Пб. 1882. Стр. 16“. (Цѣна не обозначена), — допустить въ учительскія библиотеки низшихъ училищъ, въ бесплат-

ныя народныя бібліотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Брошюру: „Наше народное богатство. Составилъ *В. Поньревъ*. С.-Пб. 1882. Стр. 24. Цѣна 10 коп.“ — допустить въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книжку: „Безъ денегъ горе, при деньгахъ вдвое. Изъ разказовъ бабушки. Сочиненіе *Е. Положевой*. М. 1894. Стр. 120. Цѣна 40 коп.“ — допустить въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ, въ таковыя же, младшаго возраста, бібліотеки средне-учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Книжку: „*С. М. Архангельскій*. О русскихъ гражданскихъ законахъ. Бесѣды сельскаго ходока съ крестьянами о гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ. М. 1895. Стр. 137. Цѣна 20 коп.“ — допустить въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ, въ ученическія, младшаго возраста, бібліотеки средне-учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Книгу: „На досугѣ. Сборникъ стиховъ, провѣренныхъ на урокахъ и чтеніяхъ въ народной школѣ, для взрослыхъ и дѣтей. Составилъ сельскій учитель *Петръ Бодановъ*. Подъ редакціей *Виктора Острогорскаго*. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1896. Стр. VII + 249. Цѣна 50 коп.“ — допустить въ учительскія бібліотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Изданія *К. И. Тихомировымъ* книжки: „Изъ быта крестьянъ. Разказы для крестьянъ и для крестьянскихъ школъ. Протоіерея *Владиславлева*. Выпускъ I — XII. М. 1897“. (Цѣна каждой книжки 5 коп.) — допустить въ бібліотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Журналъ: „Школьное хозяйство“ за 1896 годъ — одобрить для учительскихъ бібліотекъ всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній и допустить въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Брошюру: „О посѣвахъ льна въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Составилъ *Дм. Ивановъ*. Псковъ. 1896. Стр. 22“. (Цѣна не обозначена) — допустить въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни, но лишь въ мѣстахъ льноводства и съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи брошюры были приняты во вниманіе указанія ученаго комитета.

— Книжку: „Руководство къ изученію религіозныхъ обрядовъ и

обычаевъ, по кодексу „Шулханъ арухъ, Орахъ хаимъ“, для еврейскаго юношества. Составилъ *Л. Р. Клячко*. Часть I-я. Обряды и обычаи для будней. Варшава. 1897. Стр. 91⁴. (Цѣна не обозначена)—одобрить для всѣхъ тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается еврейскій законъ Божій.

— Книжку: „*П. Л. Фшманъ и М. Либерманъ*. Софо Хаю (Жива: рѣчь). Иллюстрированная еврейская азбука для обученія чтенію и письму въ школь и дома. Рига. 1897. Стр. 79. Цѣна 30 коп.“—допустить къ употребленію въ еврейскихъ начальныхъ училищахъ, талмудъ-торахъ и хедерахъ.

— Книжку: „Свѣтлое и темное. Разказы изъ народнаго быта. Священника *Владимира Востокова*. Изд. 2-е. М. 1896. Стр. 72. Цѣна 20 коп.“—одобрить для ученическихъ библиотекъ низшихъ училищъ, для ученическихъ, младшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и допустить въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книгу: „*Н. Пономаревъ*. Родная земля. Книга для чтенія дома и въ народныхъ училищахъ. Съ рисунками въ текстѣ. Годъ I-й. 3-е, исправленное изданіе. С.-Пб. 1896. Стр. 80. Цѣна 25 коп. Годъ II-й. 2-е, исправленное изданіе. С.-Пб. 1896. Цѣна 50 коп.“—одобрить для класснаго употребленія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книги: „*П. Бармишиковъ*. Русская хрестоматія (азбука и первая послѣ азбуки книга для чтенія). Съ приложеніемъ. М. 1896. Часть I. Курсъ 1-го отдѣленія городскихъ училищъ. 4-е исправленное изданіе. Стр. 112. Цѣна 30 коп. Часть II. Курсъ 2-го отдѣленія. 4-е исправленное изданіе. Стр. 160. Цѣна 45 коп. Часть III—IV. Курсъ 3-го и 4-го отдѣленій. Изд. 3-е, исправленное. Стр. 212. Цѣна 60 коп. Часть V—VI. Курсъ 5-го и 6-го отдѣленій. Изд. 2-е, исправленное. Стр. 270. Цѣна 75 коп.“—допустить къ употребленію въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ, а первыя двѣ части—также и въ начальныхъ народныхъ школахъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи названныхъ книгъ были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета.

— Книжку: „Полный курсъ русской грамматики въ письменныхъ работахъ и диктантѣ съ образцами, выводами и правилами правописанія. Для начальныхъ народныхъ училищъ и для домашняго обученія. Составилъ *И. Матицкій*. 2-е исправленное и дополненное изданіе. Ярославль. 1896. Стр. V+190. Цѣна 35 коп.“—допустить въ учительскія библиотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

— Изданныя В. С. Спиридоновымъ книжки, подъ общимъ заглавіемъ „Библіотека маленькаго читателя“: 1) „Сборникъ разказовъ и стихотвореній. Книжка первая. Составилъ *В. Калымовъ*. М. 1896. Стр. 64. Цѣна 15 коп.“ и 2) „Омка-дуракъ. Разказъ *Анны Догановичъ*. М. 1896. Стр. 46. Цѣна 15 коп., въ папкѣ 23 коп.“ — одобрить для ученическихъ библіотекъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и допустить въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжку: „Изданіе Высочайше утвержденнаго южно-русскаго общества печатнаго дѣла. Дѣтская библіотека *Н. Г. Вучетича*. Нордъ-Звѣзда. Разказъ изъ жизни приволжскихъ охотниковъ. *Н. Г. Вучетича*. Рисунки художника *Г. А. Ладыженскаго*. Одесса. 1897. Стр. 56. Цѣна 30 коп. (безъ пересылки)“ — одобрить для ученическихъ библіотекъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и для бесплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Брошюры подъ общимъ заглавіемъ „Для школь и грамотнаго народа“: 1) „*Ө. Ө. Тютчевъ*. Герои долга. Разказъ изъ быта на границѣ. М. 1896. Стр. 38. Цѣна 5 коп.“ и 2) „*С. Т. Семеновъ*. Дичокъ. Разказъ. М. 1897. Стр. 30. Цѣна 3 коп.“ — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Изданныя *К. И. Тихомировымъ* брошюры: 1) „Священное Коронованіе русскихъ царей. Составлено по достовѣрнымъ источникамъ *И. Токмаковимъ*. М. 1896. Стр. 16. Цѣна не обозначена“ и 2) „Царь-Миротворецъ Императоръ Всероссійскій Александръ III. Составлено для народныхъ училищъ, какъ добавленіе къ книгамъ для чтенія и русской исторіи. *И. И. Виноградовъ*. М. 1896. Стр. 11. Цѣна 3 коп.“ — одобрить для ученическихъ библіотекъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и для бесплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Книгу: „Русскій букварь для обученія письму и чтенію, русскому и церковно-славянскому. Изданіе Т-ва *И. Д. Сытина*. М. 1897. Стр. VIII + 64. Цѣна 15 коп.“ — допустить къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Книгу: „*Н. Жеденовъ*. Дѣти работники. Разказъ съ рисунками. С.-Пб. 1896. Стр. 129. Цѣна 30 коп.“ — допустить въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ и среднихъ учебныхъ заведеній для средняго и старшаго возраста.

— Книжку: „*Н. Жеденовъ*. Сельскія пожарныя команды. Руко-

водство къ организаціи ихъ безъ особыхъ денежныхъ затратъ. Съ 5-ю рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1896. Стр. 42. Цѣна 30 коп.“ — допустить въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Изданныя книжнымъ магазиномъ Я. Шермана въ Одесѣ книжки, подъ общимъ заглавіемъ „Наша старина“: 1) „Дубновъ. Иосифъ Флавій (въ двухъ выпускахъ)“. 2) „Пенъ. Моисей Маймонидъ“. 3) „Базилевскій. Соломонъ бенъ-Исаакъ“. 4) „Шахрай. Моисей Мендельсонъ“. 5) „Дионео. Инквизиція и евреи въ Испаніи въ XV вѣкѣ“. 6) „Базилевскій. Соломонъ Ибнъ-Габириоль“. 7) „Давидсонъ. Начало поселенія и эмансипаціи евреевъ въ Англии“ и 8) „Давидсонъ. Саадіа Гаонъ“ — допустить въ ученическую бібліотеку Виленскаго еврейскаго учительскаго института и въ учительскія бібліотеки еврейскихъ начальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи этихъ книжекъ, а также и при печатаніи послѣдующихъ выпусковъ общее заглавіе этого изданія было замѣнено другимъ, болѣе точнымъ и близкимъ къ содержанию книжекъ.

— Изданіе: „А. Линбергъ. Маленькій географическій атласъ съ объяснительнымъ текстомъ. Стр. 12. 4 таблицы. М. 1897. Цѣна 20 коп.“ — допустить въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Нижеслѣдующія 174 книжекъ и брошюръ, изданныхъ Московскимъ отдѣломъ общества распространенія духовно-нравственныхъ книгъ: 1) Рождество Пресв. Богородицы. Изд. 6-е. Цѣна 2 коп. 2) Введеніе Пресв. Богородицы во храмъ. Изд. 5-е. Цѣна 2 коп. 3) Благовѣщеніе Пресв. Богородицы. Изд. 7-е. Цѣна 3 коп. 4) Рождество Христово. Изд. 7-е. Цѣна 3 коп. 5) Крещеніе Господне. Изд. 7-е. Цѣна 3 коп. 6) Срѣтеніе Господне. Изд. 6-е. Цѣна 3 коп. 7) Недѣля Вайй. Изд. 5-е. Цѣна 3 коп. 8) Страстная седмица. Объясненіе богослуженій. Изд. 3-е. Цѣна 10 коп. 9) Христосъ Воскресе. День Св. Пасхи. Изд. 8-е. Цѣна 2 коп. 10) Вознесеніе Господне. Изд. 7-е. Цѣна 2 коп. 11) Преображеніе Господне. Изд. 5-е. Цѣна 3 коп. 12) Успеніе Божіей Матери. Изд. 6-е. Цѣна 3 коп. 13) Воздвиженіе. Изд. 4-е. Цѣна 3 коп. 14) Пятидесятница или Троицынъ день. Изд. 9-е. Цѣна 5 коп. 15) Воскресные дни всего года и ихъ богослуженіе. Изд. 2-е. Цѣна 7 коп. 16) Отрочество Господа Іисуса Христа. Изд. 4-е. Цѣна 5 коп. 17) Вразумленіе виновнаго въ пренебреженіи къ Храму Божію. Изд. 3-е. Цѣна 2 коп. 18) Почему вообще въ православіи крестятъ именно погруженіемъ въ воду. Изд. 3-е.

Цѣна 3 коп. 19) Восковая свѣчка. Изд. 5-е. Цѣна 3 коп. 20) Нравоучительные уроки въ день Богоявленія Господня. 21) То-же Рождества Христова. 22) То-же Свѣтлаго Христова Воскресенія. 23) То-же въ недѣлю Мытаря и Фарисея. „Нравоучительные уроки изъ Евангелія“: 24) Въ день Рождества Пресв. Богородицы. 25) Въ день Усѣкновенія Главы Іоанна Крестителя. 26) Въ день Успенія Пресв. Богородицы. 17) Въ день Благовѣщенія Пресв. Богородицы. 28) Въ день Введенія во храмъ Пресв. Богородицы. 29) Въ день Покрова Пресв. Богородицы. 30) Въ день Преображенія Господня. 31) Въ день Срѣтенія Господня. 32) Въ день Богоявленія. 33) Въ день Воздвиженія Креста Господня. 34) Въ день Рождества Христова. 35) Въ день Новаго года. 36) Въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія. 37) Въ день Архистратига Михаила. 38) Въ день Св. Преподобнаго Сергія. 39) На день Св. Духа. 40) На день пророка Іліи. 41) На день Св. апостоловъ Петра и Павла. 42) Въ недѣлю о Самарянынѣ. 43) Въ недѣлю о Мвроносицахъ. 44) Въ недѣлю о Ѳомѣ. 45) Въ недѣлю о Разслабленномъ. 46) Въ недѣлю о Слѣпомъ. 47) на недѣлю Св. Отецъ. 48) На день Св. Николая Чудотворца. 49) На Вознесеніе Господне. 50) Въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ. 51) Въ недѣлю по Рождествѣ Христовомъ. 52) Въ недѣлю Мясопустную. 53) Въ недѣлю Сыропустную. 54) Въ недѣлю Блуднаго Сына. 55) Въ недѣлю Мытаря и Фарисея. 56) Въ недѣлю предъ Просвѣщеніемъ. 57) Въ недѣлю по Просвѣщеніи. 58) Въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ. 59) Въ недѣлю Крестопоклонную. 60—63) Въ 1-ю, 2-ю, 4-ю и 5-ю недѣли Великаго Поста. 64) Въ день Воскрешенія Лазаря. 65) Въ Вербное Воскресеніе. 66—71) Въ Великій Понедѣльникъ, Вторникъ, Среду, Четвергъ, Пятницу, Субботу. 72) Въ недѣлю Пятидесятницы. 73—103) Въ недѣлю вторую, третью и т. д. по 32-ю по Пятидесятницѣ. „Нравоучительные уроки изъ Апостольскаго чтенія“: 104) Въ Вербное Воскресеніе. 105) Въ день Св. Апостоловъ Петра и Павла. 106) Въ день Успенія Пресв. Богородицы. 107) Въ день Воздвиженія честнаго и животворящаго Креста Господня. 108) Въ день Преображенія Господня. 109) Въ день Срѣтенія Господня. 110) Въ день Вознесенія Господня. 111) Въ день Благовѣщенія Пресв. Богородицы. 112) Въ день Покрова Пресв. Богородицы. 113) Въ день Рождества Пресв. Богородицы. 114) Въ день Введенія Пресв. Богородицы во храмъ. 115) Въ день Св. Пророка Іліи. 116) Въ день Воскрешенія Лазаря. 117) Въ день усѣкновенія честныя главы Св. Іоанна Крестителя. 118) Въ день препод. Сергія Радонежскаго. 119) Въ день Св. Еван-

гелиста Іоанна Богослова. 120) Въ день Новаго года. 121) Въ день Св. Духа. 122) Въ день Святителя Николая. 123—126) Въ недѣлю первую, вторую, четвертую и пятую Великаго поста. 127) Въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ. 128) Въ недѣлю по Рождествѣ Христовомъ. 129) Въ недѣлю Праотець. 130) Въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ. 131) Въ недѣлю Крестопоклонную. 132) Въ недѣлю Святыхъ Отець. 133) Въ недѣлю о Мүроносицахъ. 134) Въ недѣлю о Фомѣ. 135) Въ недѣлю Мясопустную. 136) Въ недѣлю Сыропустную. 137) Въ недѣлю предъ Просвѣщеніемъ. 138) Въ недѣлю по Просвѣщеніи. 139) Въ недѣлю Блуднаго Сына. 140) Въ недѣлю о Слѣпомъ 141) Въ недѣлю о Самарянынѣ. 142) Въ недѣлю о Разслабленномъ. 143) Въ недѣлю Пятидесятницы. 144—174) Въ недѣлю 2-ю, 3-ю и т. д. по 32-ю по Пятидесятницѣ. (Цѣна каждой брошюркѣ подъ №№ 20—174—1 коп.; за сотню 70 коп., за десятокъ—7 коп.)—допустить въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни, съ тѣмъ, чтобы въ первыхъ пятнадцати изъ нихъ (№ 1—15), при слѣдующемъ ихъ изданіи, было обращено вниманіе на указаные въ рецензіи недостатки.

— Книгу: „Руководство по ариѳметикѣ цѣлыхъ отвлеченныхъ и именованныхъ чиселъ съ примѣрами и вопросами для одноклассныхъ городскихъ-приходскихъ и сельскихъ-народныхъ училищъ, приготовительныхъ классовъ городскихъ двухклассныхъ и духовныхъ училищъ, а также приготовительныхъ и первыхъ классовъ всѣхъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *В. С. Грицай*. Киевъ. 1896. Стр. V+270+IV. Цѣна 85 коп.“—допустить къ употребленію въ качествѣ учебнаго руководства въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также въ приготовительномъ и первомъ классахъ гимназій, мужскихъ и женскихъ.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Брошюру агронома *К. Дмитріева*: „Для школъ и народа. На практикѣ испытанное, крестьянамъ доступное средство отъ засухи,

изданіе *А. А. Силаева*. Москва. 1897. 32 стр. Цѣна 5 коп.“— допустить въ бібліотеки учительскихъ семинарій и народныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Брошюру *З. Ф. Савеловой*: „Вышиваніе по канвѣ. Изданіе *Тихомирова*. Москва 1896. 29 стр. съ 29-ю рисунками и 5-ю чертежами. Цѣна 15 коп.“ — одобрить для женскихъ учебныхъ заведеній, состоящихъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія.

— Журналъ „Вѣстникъ Императорскаго Россійскаго Общества садоводства за 1894 и 1895 гг. 6 выпусковъ въ годъ. С.-Пб. Цѣна 3 рубля въ годъ“, — что распространеніе названнаго журнала среди народныхъ учителей слѣдуетъ признать желательнымъ, такъ какъ оно могло бы содѣйствовать развитію въ населеніи любви къ садоводству.

— Книга *А. С. Давыдовой*: „Руководство для преподаванія рукодѣлія въ школахъ“. Съ приложеніемъ 9 рисунковъ. Второе изданіе исправленное и дополненное. С.-Пб. 1896. 124 стр. Цѣна 75 коп.“ — рекомендовать означенную книгу, какъ руководство для учительницъ рукодѣлій къ употребленію въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Брошюру *И. Семивановскаю*: „Петруша-плетенщикъ. Руководство по выдѣлкѣ соломенныхъ издѣлій артельно. Москва. 1895. 81 стр. Изданіе *К. И. Тихомирова*. Цѣна 15 коп.“ — рекомендовать въ бібліотеки начальныхъ школъ.

— Книга инженеръ-технолога *П. П. Федотьева*: „Производство сѣрной кислоты. С.-Пб. 1896. Съ 155-ю рисунками. Изданіе *Ф. В. Щепанскаю*. 249 стр., въ 8-ку. Цѣна 5 рублей“ — одобрить для техническихъ училищъ, въ качествѣ учебнаго пособія.

— Брошюру *В. И. Виноградова*: „Объ удобреніяхъ. Москва. 1896. Изданіе *К. И. Тихомирова*. 33 стр. Цѣна 8 коп.“ — одобрить для бібліотекъ учительскихъ семинарій.

— Брошюру *Д. Прянишникова*: „Кормовыя травы, съ рисунками. Москва. 1896. 39 стр. Изданіе *К. И. Тихомирова*. Цѣна 8 коп.“ — одобрить для бібліотекъ низшихъ сельско-хозяйственно-техническихъ училищъ, учительскихъ семинарій и городскихъ училищъ.

— Брошюру *Бажаева*: „О полевомъ травосѣяніи въ нечерноземныхъ губерніяхъ. Съ рисунками и планами. Издатель „Посредника“ *Бирюковъ*. Москва. 1895. 30 стр., въ 8-ку. Цѣна не обозначена“ — одобрить для бібліотекъ учительскихъ семинарій, городскихъ и сельскихъ училищъ нечерноземной полосы Россіи.

— Брошюру *Ө. Шувалова*: „Руководство по переплетному мастер-

ству. Москва. 1895. Съ 36-ю рисунками въ текстѣ. 44 стр. Изданіе *К. И. Тихомирова*. Цѣна 15 коп.—одобрить для ученическихъ библиотекъ городскихъ и сельскихъ училищъ.

— Брошюру *Красноперова*: „Про пчелъ, ихъ жилища и уходъ за ними“. Москва. 1896. Третье переработанное изданіе, въ 8-ку; 126 стр. съ рисунками. Цѣна 20 коп.— одобрить для одноклассныхъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ.

— Книгу *В. В. Святловскаго*: „Фабричная гигиена“. С.-Пб. 1891. 719 стр., въ 8-ку; съ 153 рисунками въ текстѣ. Цѣна 4 рубля — одобрить для учительскихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ, а также ремесленныхъ училищъ нормального типа.

— Книгу *П. И. Межеричера*: „Проекціонное черченіе. Элементарный курсъ начертательной геометріи. Съ 93 фигурами на 20 гравированныхъ на камнѣ листахъ чертежей. Одесса. 1896. 94 стр. + 20 таблицъ. Цѣна въ папкѣ 1 р. 35 коп.“ — одобрить, въ качествѣ учебнаго пособия, для ремесленныхъ, низшихъ и среднихъ техническихъ училищъ.

— Брошюру *А. Волотовскаго*: „Школьный садоводъ. С.-Пб. 1891. 36 стр., въ 8-ку; Цѣна 20 коп.“ — одобрить для библиотекъ низшихъ, двухклассныхъ и одноклассныхъ училищъ, а также учительскихъ семинарій.

— Книгу *К. Тумскаго*: „Технологія нефти, выпускъ 2-й. Обработка нефти. Съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей и 14-ю таблицами. Москва. 1896. 288 стр., въ 8-ку. Цѣна 8 р.“—одобрить для библиотекъ среднихъ техническихъ училищъ.

— Брошюру *П. Орелкина*: „Изъ жизни пчелъ. Чтеніе для юношества и народа. Съ рисунками. 2-е исправленное изданіе. С.-Пб., 1897. 54 стр., въ мал. 8-ку; Цѣна 15 коп.“ — одобрить для ученическихъ библиотекъ, среднихъ и низшихъ, мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Брошюру *А. М. Яковлевой*: „Какъ научиться ткать на простомъ станкѣ такъ же скоро, какъ на станкѣ самолетѣ. Вятка. 1896. 26 стр., въ 8-ку. Цѣна не обозначена“—рекомендовать для сельскихъ народныхъ библиотекъ.

— Брошюру *П. Пахомова*: „Выборъ молочнаго скота и наиболѣе важныя породы его. Изданіе *Тихомирова*. Москва. 1896. 37 стр. Цѣна 10 коп.“—одобрить означенную брошюру для приобрѣтенія въ библиотеки низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, учительскихъ

институтовъ и семинарій и тѣхъ народныхъ школъ, въ которыхъ преподается сельское хозяйство.

— Журналъ „Плодоводство за 1896 годъ. Ежемѣсячный иллюстрированный журналъ, выходитъ ежемѣсячно, книжками около 4-хъ листовъ, съ рисунками, чертежами и хромолитографіями. С.-Пб., 1896. Въ 8-ку. Цѣна 5 р. съ доставкой и пересылкой“ — одобрить для библиотекъ тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподаются садоводство и огородничество.

ОТКРЫТІЯ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію г. попечителя Харьковскаго учебнаго округа разрѣшено преобразовать съ 1-го іюля текущаго года существующее въ слободѣ Мартыновкѣ. 1-го Донскаго округа, Донской области, одноклассное сельское училище въ двухклассное училище вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

По всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія 13-го іюня сего года, послѣдовавшему вслѣдствіе соглашенія съ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на допущеніе воспитанниковъ, окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ по первому разряду, во всѣ факультеты (кромѣ богословскаго) Императорскаго Юрьевскаго университета по предварительному испытанію, установленному министерствомъ народнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ въ университеты Варшавскій (по историко-филологическому и физико-математическому факультетамъ), Томскій и Юрьевскій будутъ допускаемы, послѣ особаго испытанія, воспитанники духовныхъ семинарій, окончившіе курсъ по первому разряду. Въ прочіе же университеты будутъ приниматься лишь тѣ изъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій, кои представляютъ свидѣтельство зрѣлости, полученное по экзамену въ гимназіяхъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

I.

Ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. съ утвержденія г. министра, въ нынѣшнемъ 1897 году присуждены слѣдующія преміи императора Петра Великаго, учрежденныя при означенномъ министерствѣ: 1) *большая премія* (въ 2.000 рублей)— преподавателю Одесской Ришельевской гимназіи *А. П. Флерову* за книгу съ рукописными исправленіями, на правахъ рукописи: подъ заглавіемъ: „Грамматика древняго церковнославянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній (преимущественно для IV—VIII классовъ)“; и 2) *малая премія* (въ 500 рублей) — ординарному профессору Императорскаго Новороссійскаго университета *Н. Н. Ланге* за рукописное сочиненіе, подъ заглавіемъ „Учебникъ логики“.

Въ вознагражденіе за труды предсѣдателя особой комиссіи по разсмотрѣнію конкурсныхъ сочиненій, члена ученаго комитета *Н. П. Некрасова*, и членовъ комиссіи: членовъ ученаго комитета *А. А. Слѣпцова* и *Э. Л. Радлова*, профессора С.-Петербургской духовной академіи *М. И. Каринскаго* и преподавателя русскаго языка и словесности въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія *А. Г. Шалинина*, опредѣлено выдать названнымъ лицамъ учрежденныя на этотъ предметъ золотыя медали.

II.

Для соисканія премій императора Петра Великаго въ 1898 году назначены: 1) *по разряду гимназій*: группа „языки латинскій и греческій“, съ предпочтительнымъ правомъ на премію русско-греческаго словаря; 2) *по разряду реальныхъ училищъ*: „математическая географія, проекціонное черченіе и геометрическое черченіе“.

Конкурсныя сочиненія должны быть представлены въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія не позже 1-го ноября сего 1897 года.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ, ДАННЫЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

(3-го іюля 1897 года). „Ординарному профессору Императорскаго Московскаго университета, директору Московской пятой гимназіи, дѣйствительному статскому совѣтнику *Шварцу* — Всемиловѣйше повелѣваемъ быть директоромъ Константиновскаго межеваго института, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности ординарнаго профессора“.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

2. (22-го января 1897 года). *О оъ учрежденіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ единовременной денежной преміи имени А. Ю. Давидова.*

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 22-й день января 1897 года, Высочайше соизволялъ: 1) на учрежденіе при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, на физико-математическомъ факультетѣ, единовременной денежной преміи имени бывшаго заслуженнаго профессора сего университета и президента Московскаго математическаго общества, нынѣ покойнаго А. Ю. Давидова, на счетъ процентовъ съ капитала въ *три тысячи* рублей, пожертвованнаго на этомъ предметъ семьєю А. Ю. Давидова, и 2) на предоставленіе министру народнаго просвѣщенія права утвердить положеніе о сей преміи.

3. (5-го мая 1897 года). *Объ усиленіи личнаго состава инспекціи въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ усиленіи личнаго состава инспекціи въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ усиленіи личнаго состава инспекціи въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить, съ 1-го іюля 1897 года, въ составѣ инспекціи въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ должность старшаго помощника инспектора, съ присвоеніемъ ей оклада содержанія въ 2.400 р. въ годъ (въ томъ числѣ: 1.200 р. жалованья, 900 р. столовыхъ и 300 р. квартирныхъ), VI класса по чиновному производству, VI разряда по шитью на мундирѣ и пенсіи по учебной службѣ.

II. Ассигновать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1-го января 1898 года, на содержаніе упомянутой въ отд. I должности и вообще на усиленіе личнаго состава инспекціи въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ по *тринадцати тысячъ шестисотъ восьмидесяти* рублей въ годъ; въ текущемъ же году потребный на означенную надобность расходъ, по расчету съ 1-го іюля, отнести на спеціальныя средства названнаго университета.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателемъ и членами.

4. (5-го мая 1897 года). *О правахъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института по выпискѣ изъ за границы печатныхъ произведеній, рукописей и учебныхъ предметовъ и по приобрѣтенію имуществъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о правахъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института по выпискѣ изъ за границы печатныхъ произведеній, рукописей и учебныхъ предметовъ и по приобрѣтенію имуществъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о правахъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института по выпискѣ изъ за границы печатныхъ произведеній, рукописей и учебныхъ предметовъ и по приобрѣтенію имуществъ, мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1) С.-Петербургскій женскій медицинскій институтъ имѣеть право получать изъ за границы печатныя произведенія, рукописи и учебныя предметы безъ разсмотрѣнія цензуры и оплаты пошлиною, съ соблюденіемъ ст. 1047 уст. тамож. (св. зак. т. VI, изд. 1892 г.).

2) Означенному институту предоставляется приобрѣтать, на правѣ полной собственности, движимыя и недвижимыя имущества.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

5. (12-го мая 1897 года). *Объ увеличеніи пособія на содержаніе Археологическаго института въ С.-Петербургѣ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ увеличеніи пособія на содержаніе Археологическаго института въ С.-Петербургѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія, объ увеличеніи пособія на содержаніе Археологическаго института въ С.-Петербургѣ, мнѣніемъ положилъ: отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1-го января 1898 г., по *восемнадцати тысячъ* рублей въ годъ въ пособіе на содержаніе Археологическаго института въ С.-Петербургѣ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствовавшимъ и членами.

6. (12-го мая 1897 года). *Объ учрежденіи должности инспектора народныхъ училищъ Карсской области.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи должности инспектора народныхъ училищъ Карсской области, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи должности инспектора народныхъ училищъ Карсской области, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить, съ 1-го января 1898 г., должность инспектора народныхъ училищъ Карсской области, съ присвоеніемъ ей оклада содержанія, а также правъ по чиновпроизводству и на пенсію, наравнѣ съ другими такими же должностями въ Кавказскомъ учебномъ округѣ.

II. Вызываемый означенною мѣрою новый расходъ, въ количествѣ *двухъ тысячъ* рублей въ годъ, относить на средства государственнаго казначейства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

7. (12-го мая 1897 года). *О преобразованіи Борисоглѣбской Александровской шестиклассной прогимназіи въ полную гимназію.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о преобразованіи Борисоглѣбской Александровской шестиклассной прогимназіи въ полную гимназію, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи Борисоглѣбской Александровской шестиклассной прогимназіи въ полную гимназію, мнѣніемъ положилъ:

I. Преобразовать Борисоглѣбскую Александровскую шестиклассную прогимназію въ полную гимназію, съ тѣмъ, чтобы съ 1-го іюля 1897 г. былъ открытъ VII классъ, а съ 1-го іюля 1898 г.—VIII классъ.

II. Ассигновать въ дополненіе къ отпускаемымъ нынѣ суммамъ на содержаніе преобразуемой Борисоглѣбской Александровской прогимназіи: въ 1898 году—*четыре тысячи девятьсотъ сорокъ пять* рублей и, начиная съ 1899 г.,—*по пяти тысячъ восемьсотъ пятнадцати* руб. въ годъ, съ обращеніемъ въ доходъ казны: въ 1898 г.—*двухъ тысячъ четырехсотъ семидесяти двухъ* руб. *пятидесяти* коп. и, начиная съ 1899 г.—*по двѣ тысячи девятьсотъ семи* руб. *пятидесяти* коп., жертвуемыхъ мѣстными городскимъ обществомъ и земствомъ; въ текущемъ же году расходъ на содержаніе VII класса отнести на средства городского общества и земства.

III. Могущіе образоваться остатки отъ штатныхъ суммъ Борисоглѣбской Александровской гимназіи раздѣлять на двѣ части, изъ коихъ одну, пропорціональную ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую, причитающуюся на долю городского общества и земства, оставлять въ распоряженіи ихъ, для употребленія на нужды гимназіи.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

8. (29-го мая 1897 года). *Объ учрежденіи въ г. Барнауль семикласснаго реальнаго училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ г. Барнауль семикласснаго реальнаго училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ г. Барнауль семикласснаго реальнаго училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить. съ 1-го іюля 1897 г., въ г. Барнауль, вмѣсто существующаго окружнаго училища вѣдомства Кабинета Его Императорскаго Величества, семиклассное реальное училище вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, съ тѣмъ. чтобы въ первый годъ были открыты два низшихъ класса реального училища и чтобы полное сформированіе его было закончено въ теченіе четырехъ лѣтъ.

II. Постановитъ относительно Барнаульскаго реального училища (отд. I) слѣдующія правила:

1) Въ Барнаульскомъ реальномъ училищѣ двадцать пять бесплатныхъ вакансій полныхъ пансіонеровъ и десять бесплатныхъ вакансій приходящихъ учениковъ предоставляются въ распоряженіе Кабинета Его Императорскаго Величества для дѣтей служащихъ въ управленіи Алтайскимъ горнымъ округомъ.

2) Въ составъ хозяйственнаго комитета Барнаульскаго реального училища входитъ представитель управленія Алтайскимъ горнымъ округомъ.

3) Барнаульское реальное училище можетъ быть преобразовано министерствомъ народнаго просвѣщенія въ другое учебное заведеніе лишь по соглашенію съ Кабинетомъ Его Императорскаго Величества и въ установленномъ законѣмъ порядкѣ.

III. Потребный на содержаніе Барнаульскаго реального училища расходъ относить на ежегодныя пособія казнѣ въ размѣрѣ *двадцати шести тысячъ шестисотъ восьмидесяти восьми* рублей изъ Кабинета Его Императорскаго Величества и *двухъ тысячъ* рублей изъ средствъ мѣстнаго городского общества.

IV. Могущіе образоваться отъ суммъ, ассигнуемыхъ на содержаніе Барнаульскаго реального училища, остатки обращать въ его спеціальныя средства для употребленія на нужды сего учебнаго заведенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

9. (2-го іюня 1897 года). *Объ учрежденіи при Пятигорскомъ городскомъ училищѣ низшей ремесленной школы.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ учрежденіи при Пятигорскомъ городскомъ училищѣ низшей ремесленной школы, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе объ учрежденіи при Пятигорскомъ городскомъ училищѣ низшей ремесленной школы, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить, съ 1-го іюля 1897 г., при Пятигорскомъ городскомъ училищѣ низшую ремесленную школу на основаніи Высочайше утвержденныхъ 24-го апрѣля 1895 года, мнѣнія государственнаго совѣта и штата, съ присвоеніемъ ей наименованія „школа имени потомственнаго почетнаго гражданина В. С. Иванова“.

II. Ассигновать изъ государственнаго казначейства, начиная съ 1-го января 1898 г., на содержаніе означенной школы (отд. I) по *два тысячи семисотъ семидесяти* рублей ежегодно, съ обращеніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ доходъ казны по *одной тысячѣ шестисотъ тридцати одному* рублю *пятидесяти* копѣекъ въ годъ процентовъ съ капитала В. С. Иванова.

III. Въ текущемъ году расходъ на содержаніе школы (1.385 руб.) и на ея оборудованіе (2.815 р. 75 к.) отнести: въ суммѣ *одной тысячи шестисотъ тридцати одного* рубля *пятидесяти* копѣекъ—на проценты съ капитала В. С. Иванова, а въ остальной суммѣ (2.569 р. 25 к.) на имѣющійся въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія кредитъ въ 20.000 руб. на устройство низшихъ ремесленныхъ школъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствовавшимъ и членами.

10. (2-го іюня 1897 года). *О назначеніи Императорскому Московскому Археологическому обществу постояннаго пособія на устройство археологическихъ съѣздовъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о назначеніи Императорскому Московскому Археологическому обществу постояннаго пособія на устройство археологическихъ съѣздовъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія,

о назначеніи Императорскому Московскому Археологическому обществу постоянного пособия на устройство археологическихъ съѣздовъ, мнѣніемъ положилъ:

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1-го января 1898 года, по *пяти тысячъ* рублей въ годъ въ пособіе Императорскому Московскому Археологическому обществу на расходы по подготовленію, устройству и изданію трудовъ археологическихъ съѣздовъ и предварительныхъ къ нимъ комитетовъ и по археологическимъ экскурсіямъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствовавшимъ и членамъ.

III. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(19-го іюня 1897 года). *Опредѣляется* на службу, изъ отставныхъ, докторъ всеобщей исторіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гаусманъ* — ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Новороссійскаго университета, по кафедрѣ всеобщей исторіи, съ 1-го іюня.

Назначаются: старшій цензоръ центрального комитета цензуры иностранной, докторъ философіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Висковатовъ* — директоромъ частныхъ гимназій и реального училища доктора Видемана, въ С.-Петербургѣ, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности; экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ чистой математики, статскій совѣтникъ *Назимовъ* — ординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ чистой математики; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, магистръ всеобщей исторіи *Петрушевскій* — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго университета, по кафедрѣ всеобщей исторіи; въ званіи камеръ-юнкера Высочайшаго Двора, коллежскій совѣтникъ графъ *Бобринскій* — вновь почетнымъ попечителемъ Черкасской прогимназій, на три года.

Утверждаются: адъюнктъ Императорской академіи наукъ, докторъ славяно-русской филологіи, статскій совѣтникъ *Шахматовъ* — экстраординарнымъ академикомъ той же академіи, по русскому языку и словесности, съ 3-го мая; дворянинъ *Катакази* — вновь почетнымъ попечителемъ Кишиневской 1-й гимназій, согласно избранію, на три года.

(3-го іюля 1897 года) *Производятся*, за выслугу лѣтъ со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: по Оренбургскому учебному округу преподаватели: гимназій: Уфимской женской, *Ширяевъ*—съ 13-го сентября 1896 года, Троицкой, *Зеленецкій*—съ 10-го октября 1896 года, Екатеринбургской, *Бергъ*—съ 15-го февраля 1897 года, Уральского реального училища, *Свѣшниковъ*—съ 1-го декабря 1896 года; по Кавказскому учебному округу; сверхштатные учителя Кутаисской гимназіи: *Джорджикія*—съ 7-го января 1897 и *Машурко*—съ 3-го декабря 1896 года; учителя: Ставропольскихъ женскихъ гимназій: *Журавлевъ*—съ 1-го іюля 1896 года и *Истамановъ*—съ 2-го августа 1896 года, Закавказской учительской семинаріи *Эфенди-Заде*—съ 1-го февраля 1897 года; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: по Оренбургскому учебному округу: преподаватели Красноуфимскаго промышленнаго училища: *Агровъ*—съ 9-го ноября 1896 года и *Любченко*—съ 25-го января 1897 года; по Кавказскому учебному округу: смотритель Грозненской горской школы *Бутинъ*—съ 1-го января 1896 года; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: по Оренбургскому учебному округу: преподаватели: гимназій: Оренбургской, *Вилинскій*—съ 14-го марта 1895 года, Пермской женской: *Боявленскій*—съ 6-го іюля 1895 года и *Максимовъ*—съ 6-го ноября 1895 года, Уфимской женской, *Курашкевичъ*—съ 7-го февраля 1896 года, Уральского реального училища: *Михайловъ*—съ 21-го марта 1896 года и *Шапошниковъ*—съ 1-го сентября 1896 года, Кунгурскаго техническаго, Губкина, училища: *Скурскій*—съ 16-го ноября 1895 года и *Алексеевъ*—съ 22-го августа 1896 года; по Кавказскому учебному округу: учителя: Екатеринодарской городской гимназіи: *Дьячковъ-Тарасовъ*, *Некрасовъ* и *Борокъ*, всѣ трое—съ 1-го сентября 1896 года и *Сысоевъ*—съ 28-го сентября 1896 года, Бакинскаго реального училища: *Стась*—съ 27-го сентября 1896 года и *Шулцъ*—съ 7-го ноября 1896 года, женскихъ гимназій: Ставропольскихъ, *Карпинскій*—съ 1-го августа 1894 года, Бакинской Маринской женской, *Харкевичъ*—съ 5-го сентября 1896 года; исправляющій должность воспитателя пансіона Кубанскаго реального училища *Плакида*—съ 16-го сентября 1896 года; смотритель Назрановской городской школы *Дмитріевъ*—съ 14-го февраля 1886 года; учитель городскаго при Александровскомъ учительскомъ институтѣ училища *Авраменко*—съ 9-го сентября 1886 года; помощникъ воспитателя при пансіонѣ Ставропольской гимназіи *Рогожинъ*—съ 1-го ноября 1896 года; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: по Кавказскому

учебному округу: сверхштатный учитель Екатеринодарскаго городского училища *Соловьевъ*—съ 31-го января 1895 года; смотритель-учитель Уманскаго двухкласснаго начальнаго училища *Кочеровъ*—съ 1-го августа 1896 года; учитель Анапскаго мореходнаго класса *Борисовъ*—съ 16-го марта 1896 года; врачъ Екатеринодарскаго Александровскаго шестикласснаго городского училища *Рохлинъ*—съ 23-го мая 1895 года; изъ коллежскихъ секретарей въ *титულлярные совѣтники*: по Оренбургскому учебному округу: учитель Кунгурскаго городского четырехкласснаго училища *Хаберевъ*—съ 1-го января 1894 года; по Кавказскому учебному округу: учитель приготовительнаго класса Эриванской гимназіи *Семеновъ*—съ 1-го юля 1896 года; помощники классныхъ наставниковъ: Кутаисской гимназіи, *Тетцовъ* и Бакинскаго реальнаго училища *Красноуховъ*, оба—съ 1-го октября 1895 г.; учителя городскихъ училищъ: Екатеринодарскаго Александровскаго шестикласснаго, *Скопецъ*—съ 1-го декабря 1894 и Ейскаго Александровскаго четырехкласснаго, *Атманаки*—съ 15-го октября 1894 года; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по Оренбургскому учебному округу: преподаватель Кунгурскаго техническаго Губкина училища *Ошанинъ*—съ 31-го августа 1894 года; по Кавказскому учебному округу: бывший учитель Пятигорскаго городского училища (нынѣ въ отставкѣ) *Теръ-Аветикянцъ*—съ 16-го сентября 1895 года и учитель Нальчикской горской школы *Арутюнянцъ*—съ 11-го сентября 1894 года; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по Оренбургскому учебному округу: преподаватель Уральской женской гимназіи *Часовниковъ*—съ 1-го августа 1895 года; учитель Бирскаго Александровскаго городского приходскаго училища *Галановъ*—съ 12-го октября 1896 года; по Кавказскому учебному округу: письмо-водитель Елисаветпольскаго Михайловскаго ремесленнаго училища *Бадатъевъ*—съ 7-го декабря 1891 года; въ *коллежскіе регистраторы*: по Оренбургскому учебному округу: учитель-завѣдывающій Красноуфимскимъ двухкласснымъ городскимъ приходскимъ училищемъ *Вяткинъ*—съ 1-го августа 1895 года; по Кавказскому учебному округу: учителя: Хонскаго двухкласснаго начальнаго училища, Владиміръ *Мачарадзе*—съ 1-го августа 1887 года, сельскихъ училищъ двухклассныхъ: Марьинскаго, *Алейниковъ*, Крымскаго, *Капустянъ* и Староминскаго, *Рудько*, всѣ трое—съ 1-го августа 1896 года, одноклассныхъ Ванскаго, *Намичейшвили*—съ 1-го августа 1890 года, Кухскаго, Митрофанъ *Мачарадзе*—съ 1-го декабря 1886 года, Новоминскаго. *Соловьевъ*—съ 1-го августа 1896 года, станичныхъ учи-

лицъ: Ахтанизовскаго, *Бирюковъ* и Новолешковскаго, *Головки* оба—съ 1-го августа 1896 года.

Утверждаются въ чинахъ со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: по Оренбургскому учебному округу: преподаватели Оренбургскаго реальнаго училища, *Шостаченко*—съ 1-го августа 1892 года, Уральской женской гимназіи: *Затворницкій*—съ 9-го августа 1892 года и *Галлеръ*—съ 20-го сентября 1892 года, техническихъ классовъ Красноуфимскаго промышленнаго училища: надзиратель *Алферовъ*—съ 1-го сентября 1892 года и преподаватель *Пантелъевъ*—съ 20-го ноября 1892 года; по Кавказскому учебному округу, учитель Эриванской учительской семинаріи *Двицкій*—съ 15-го августа 1892 года; *коллежскаго секретаря*: по Оренбургскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Кунгурскаго четырехкласснаго, *Зиновьевъ*—съ 1-го іюля 1892 года и Алопаевскаго трехкласснаго, *Соколовъ*—съ 13-го февраля 1893 года; воспитатель Кунгурскаго техническаго, Губкина, училища *Пономаревъ*—съ 1-го іюля 1892 года; по Кавказскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Владикавказскаго Николаевскаго четырехкласснаго, *Павловъ*—съ 10-го февраля 1893 г. Екатеринодарскаго Александровскаго шестикласснаго, *Масловъ*—съ 18-го ноября 1892 года, Баталпашинскаго четырехкласснаго, *Нацваловъ* и Шемахинскаго трехкласснаго, *Доліевъ*, оба—съ 1-го января 1893 года; *убернскаго секретаря*, по Кавказскому учебному округу, учитель приготовительнаго класса Назрановской горской школы *Джанапаридзе*—съ 1-го іюля 1895 года; *коллежскаго регистратора*, по Кавказскому учебному округу, бывший помощникъ учителя Ахалцхскаго четырехкласснаго городского училища, нынѣ исправляющій должность учителя Владикавказскаго Николаевскаго городского четырехкласснаго училища *Шестаковъ*—съ 1-го августа 1890 года.

(5-го іюля 1897 года). *Назначаются*: экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Пономаревъ*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ дѣтскихъ болѣзней, съ 1-го іюля; директоръ Могилевскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Карпинскій*—инспекторомъ студентовъ Императорскаго университета св. Владиміра, съ 1-го іюля; директоръ Острожской мужской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Горкуновъ*, заслуженный преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Вятской гимназіи, статскій совѣтникъ *Казариновъ*, инспекторы: Кутаисской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ *Чебшизъ* и Житомирской прогимназіи.

статскій совѣтникъ *Гадзинскій*—директорами гимназій: Горкуновъ—Острожской мужской, Казариновъ—Саратовской 2-й, Чебишь—Кутаисской и Гадзинскій—Житомирской, всѣ четверо съ 1-го іюля; инспекторъ Кутаисской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Мамонтовъ*—директоромъ Кутаисскаго реального училища, съ 1-го іюля.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, инспекторъ студентовъ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Жукъ* съ 1-го іюля.

(9-го іюля 1897 года). *Назначаются*: экстраординарные профессора Императорскаго Юрьевскаго университета: докторъ философіи статскій совѣтникъ *Озе* и докторъ богословія, коллежскій совѣтникъ *Зебергъ*, исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго университета св. Владиміра, докторъ политической экономіи и статистики, коллежскій секретарь *Яснопольскій* и приват-доцентъ того же университета, докторъ государственнаго права князь *Трубецкой*—ординарными профессорами Императорскихъ университетовъ: *Озе* и *Зебергъ*—Юрьевскаго, а *Яснопольскій* и князь *Трубецкой*—св. Владиміра, изъ нихъ первый—по кафедрѣ философіи и педагогикѣ, второй—по кафедрѣ эзгегетическаго богословія, третій—по кафедрѣ финансоваго права и четвертый—по кафедрѣ энциклопедіи права и исторіи философіи права; инспекторъ Рязанской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Петрученко* и учитель, исполняющій обязанности инспектора Ростовской на Дону гимназіи, статскій совѣтникъ *Капеланаки*—директорами гимназій: *Петрученко*—Орловской, а *Капеланаки*—Ростовской на Дону; почетный попечитель Житомирской прогимназіи, губернский секретарь баронъ *де-Шодуаръ*—почетнымъ попечителемъ Житомирской гимназіи, на три года, съ 1-го іюля; коллежскій ассессоръ Саидъ-бей *Булаковъ*—вторымъ почетнымъ попечителемъ Симферопольской татарской учительской школы, на три года.

Умершіе исключаются изъ списковъ: директоры: Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, тайный совѣтникъ *Канановъ* и Ревельской Александровской гимназіи, статскій совѣтникъ *Рожанковскій*, изъ нихъ: первый—съ 4-го, а второй—съ 17-го іюня.

(12-го іюля 1897 года). *Производятся*, за выслугу лѣтъ со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: по Московскому учебному округу: инспекторы народныхъ училищъ губерній: Костромской (бывшій, нынѣ въ отставкѣ) *Папковъ*—съ 1-го іюля 1896 года и Смоленской, 2-го участка, *Пронинъ*—съ 1-го іюля 1894 г.; исправляющій должность доцента Демидовскаго юридическаго лицея *Литин-*

скій—съ 1-го января 1897 года; учителя: гимназическихъ классовъ Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая, *Любомудровъ*—съ 17-го октября 1896 года, Коммиссаровскаго, технического училища, *Исаенковъ*—съ 30-го октября 1896 г., гимназій: Нижегородской, *Щербаконъ*—съ 26-го ноября 1896 года, Рыбинской, *Байеръ*—съ 1-го января 1897 г., Тульской, *Блоруссовъ*—съ 8-го января 1897 г., Бѣльской шестиклассной прогимназіи, *Аллажъ*—съ 1-го октября 1896 г., реальныхъ училищъ: Ливенскаго, *Литте*—съ 9-го ноября 1896 г. и Тверскаго, *Окновъ*—съ 17-го декабря 1896 года; по Одесскому учебному округу: учителя: Симферопольской гимназіи, *Монастырлы*—съ 7-го января 1897 года, Херсонской прогимназіи *Зайончевскій*—съ 7-го марта 1897 года, Севастопольскаго реального училища, *Шафръ*—съ 15-го февраля 1897 года, Симферопольской женской гимназіи, *Казанакли*—съ 9-го октября 1896 года; исправляющій должность воспитателя пансіона при Екатеринославской гимназіи *Праведниковъ*—съ 1-го марта 1897 года; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: по Московскому учебному округу: инспекторы народныхъ училищъ Тверской губерніи: *Чистяковъ*—съ 1-го октября 1896 года и *Соколовъ*—съ 15-го декабря 1896 года; воспитатель при пансіонѣ Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II *Дементьевъ*—съ 1-го августа 1896 года; учителя: того же института, *Сессоровъ*—съ 5-го ноября 1896 года, гимназій: Владимірской, *Кравцовъ*—съ 1-го февраля 1897 г., Калужской, *Грюнталь*—съ 17-го декабря 1896 г., Московской 2-й, *Парше*—съ 29-го іюля 1895 г., Московской 6-й, *Кельбереръ*—съ 26-го октября 1896 года, Шуйской, *Любимовъ*—съ 1-го августа 1896 года; шестиклассныхъ прогимназій: Бѣльской, врачъ *Заукевичъ*—съ 22-го января 1897 года, учителя: Егорьевской, *Маликовъ*—съ 1-го октября 1896 года и *Зауеръ*—съ 16-го января 1897 г., реальныхъ училищъ: при реформатской церкви въ Москвѣ, *Рюшинъ*—съ 4-го октября 1896 г., Тульскаго, *Бонне*—съ 20-го января 1897 г. наставникъ (сверхштатный) Новинской учительской семинаріи *Масловъ*—съ 15-го декабря 1896 г.; по Одесскому учебному округу: учителя гимназій: Елисаветградской мужской, *Красавченко*—съ 1-го января 1897 года и Херсонской женской, *Емельяновъ*—съ 12-го января 1896 года; врачъ Одесской 2-й женской гимназіи *Федоровъ*—съ 5-го марта 1897 года; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: по департаменту народнаго просвѣщенія: архитекторъ департамента *Воротиловъ*—съ 1-го апрѣля 1895 года; по Московскому учебному округу: бывший учитель Лазаревскаго института восточныхъ

языковъ (нынѣ въ отставкѣ) *Куртэнъ* — съ 6-го апрѣля 1896 года; учителя: Костромской гимназій, *Сизовъ*—съ 18-го ноября 1895 года и частнаго реальнаго училища К. К. Мазинга въ Москвѣ, *Романовъ*—съ 1-го іюля 1896 года; наставникъ Новинской учительской семинаріи *Белюстинъ* — съ 30-го сентября 1896 года; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Козельскаго трехкласснаго, *Розановъ*—съ 1-го августа 1896 года и Мценскаго, *Томашевскій*—съ 11-го октября 1891 года; учитель Смоленской Маринской женской гимназій *Заксъ* — съ 1-го января 1895 года; младшій надзиратель пансіона при Императорскомъ лицей въ память Цесаревича Николая *Яворовскій*—съ 30-го ноября 1896 года; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Московской 4-й, *Флаге*—съ 19-го января 1897 года и Московской 7-й, *Дешевой*—съ 1-го декабря 1896 года; учителя городскихъ училищъ: завѣдывающій Лукояновскимъ, *Веселовъ*—съ 1-го августа 1893 года, Вяземскаго, *Хухлинъ*—съ 24-го декабря 1894 года, Дорогобужскаго, *Струнинъ* — съ 20-го августа 1896 года, Мологскаго трехкласснаго, *Розовъ*—съ 1-го августа 1892 года и Ростовскаго четырехкласснаго, *Ершовскій* — съ 17-го сентября 1895 года; по Одесскому учебному округу, помощникъ библиотекаря Императорскаго Новороссійскаго университета *Габбе* — съ 3-го сентября 1879 года; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: по Московскому учебному округу: врачи: Калужской гимназій, *Образцовъ* — съ 7-го августа 1893 года и реальнаго училища при реформатской церкви въ Москвѣ, *Зандбергъ* — съ 25-го октября 1893 года; наставникъ Новинской учительской семинаріи *Багрянскій* — съ 16-го февраля 1896 года; учитель Императорскаго лицей въ память Цесаревича Николая *Краско* — съ 12-го октября 1896 года; надзиратели Комисаровскаго техническаго училища: (старшій) *Чмыревъ*—съ 8-го декабря 1896 года и (младшій) *Огаревъ*—съ 20-го октября 1888 года; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Костромской, *Вершинъ* — съ 24-го февраля 1896 года и Тульской, *Зміевъ* — съ 1-го февраля 1895 года, Рязанской прогимназій, *Морозовъ* — со 2-го октября 1889 года, реальныхъ училищъ: при реформатской церкви въ Москвѣ. *Филитисъ*—съ 1-го декабря 1893 года и частнаго въ Москвѣ К. К. Мазинга, *Михайловъ*—съ 24-го марта 1897 года; письмоводитель и бухгалтеръ Костромскаго реальнаго училища *Рогаткинъ*—съ 1-го августа 1895 года; учителя: городскихъ училищъ: завѣдывающій общими классами Жиздринскаго городского училища съ двумя дополнительными классами по садоводству и огородничеству, *Ильинъ*—съ 5-го сентября 1896 года, Клин-

скаго, *Костровъ* — съ 1-го іюля 1896 года, Бѣльскаго, *Клемигъ* — съ 8-го сентября 1893 года, завѣдывающій Калязинскимъ, *Полтавегъ* — съ 1-го сентября 1893 года, Бѣжецкаго, *Виноградовъ* — съ 1-го іюля 1896 года, Осташковскаго, *Ганичевъ* — съ 27-го марта 1893 года, Угличскаго трехкласснаго, *Критскій* — съ 1-го мая 1896 года, бывшаго Перемышльскаго уѣзднаго училища, *Родионовъ* — съ 6-го мая 1896 года, Павловскаго двухкласснаго сельскаго училища, *Понятовскій* — съ 16-го сентября 1896 года и бывший учитель Васильскаго уѣзднаго училища (нынѣ въ отставкѣ) *Фаминскій* — со 2-го октября 1887 года; изъ коллежскихъ секретарей въ *титულлярные советники*: по Московскому учебному округу: учителя: городскихъ училищъ: завѣдывающій Можайскимъ, *Науменковъ* — съ 18-го августа 1894 года, Московскаго Басманнаго, *Фекличевъ* — съ 1-го августа 1894 года, Мценскаго трехкласснаго, *Пацевичъ* — съ 18-го января 1894 года, Рославльскаго, *Тюленевъ* — съ 1-го августа 1889 года, Новоторжскаго, *Неклюковъ* — съ 20-го августа 1894 года, уѣздныхъ училищъ: бывшаго Тарусскаго, состоящій за штатомъ *Хитровъ* — съ 3-го апрѣля 1890 года и Равенбургскаго, *Романцевъ* — съ 27-го апрѣля 1893 года; по Одесскому учебному округу: помощникъ бібліотекаря Императорскаго Новороссійскаго университета *Алексьевъ* — съ 26-го августа 1896 года; учителя городскихъ трехклассныхъ училищъ: Бердянскаго, *Тодоровъ* — съ 24-го іюля 1894 года и Орѣховскаго, *Зозулинскій* — съ 10-го ноября 1894 года; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по Московскому учебному округу: почетный смотритель казенныхъ начальныхъ города Москвы училищъ *Миндеръ* — съ 21-го марта 1890 года; архитекторъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ *Мейснеръ* — съ 17-го декабря 1896 года; учитель чистописанія, черченія и рисованія Жиздринской Маринской женской прогимназій *Заботинъ* — съ 1-го декабря 1896 года и письмоводитель Орловскаго Александровскаго реальнаго училища *Квинтовъ* — съ 9-го декабря 1896 года; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по Московскому учебному округу: почетный смотритель Калужскаго уѣзднаго училища *Архангельскій* — съ 16-го декабря 1896 года; учителя приходскихъ училищъ: 5-го мужскаго Калужскаго, *Поповъ* — съ 12-го октября 1896 года и Медынскаго, *Архангельскій* — съ 7-го августа 1895 года; помощники учителей городскихъ училищъ: 3-го Московскаго (бывшій) *Яковлевъ* — съ 13-го ноября 1894 года и 2-го Смоленскаго, *Котовъ* — съ 14-го марта 1892 года; по Одесскому учебному округу, помощникъ бібліотекаря Императорскаго Новороссійскаго уни-

верситета *Шестериковъ*—съ 22-го декабря 1889 года; въ *коллежскіе регистраторы*: по департаменту народнаго просвѣщенія, канцелярскій служитель департамента *Карнѣевъ*—съ 25-го октября 1896 года; по Московскому учебному округу: учителя мужскихъ городскихъ приходскихъ училищъ: Болховскаго: *Воскресенскій*—съ 26-го октября 1895 года и *Гороховъ*—съ 28-го ноября 1896 года и Касимовскаго 1-го мужскаго, *Крулянский*—съ 4-го ноября 1888 года.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *надворнаго совѣтника*: по Московскому учебному округу, преподаватель рисованія Императорскаго Московскаго техническаго училища, титулярный совѣтникъ *Горскій*—съ 31-го декабря 1896 года; по Одесскому учебному округу: прозекторъ Императорскаго Новороссійскаго университета, коллежскій ассесоръ *Медведевъ*—съ 7-го марта 1895 года; наблюдатель магнито-метеорологической обсерваторіи Императорскаго Новороссійскаго университета *Полль*—съ 1-го мая 1896 года; *коллежскаго ассессора*: по Московскому учебному округу: учителя: гимназій: Вяземской Императора Александра III Смоленскаго земства, *Якимовъ*—съ 9-го ноября 1892 года, Московской 5-й, *Козаковъ*—съ 1-го декабря 1892 года, реальныхъ училищъ: Зарайскаго, *Богодаровъ*—съ 1-го октября 1892 года, Иваново-Вознесенскаго, *Винеръ*—съ 15-го января 1893 года, при реформатской церкви въ Москвѣ, сверхштатный *Алексѣевъ*—съ 22-го октября 1892 года; по Западно-Сибирскому учебному округу, учитель Омской гимназій *Бройеръ*—съ 1-го января 1892 года; по Одесскому учебному округу: учителя: Елисаветградскаго реального училища, *Веселый*—съ 4-го іюля 1892 года, женскихъ гимназій: Кишиневской *Сырбъ*—съ 31-го января 1893 года, Одесской 2-й, *Полунинъ*—съ 3-го ноября 1891 года и Николаевской женской прогимназій, *Евстратовъ*—съ 15-го октября 1892 года; *титулярнаго совѣтника*: по Московскому учебному округу: врачи городскихъ училищъ: Верейскаго, *Сербскій*—съ 25-го ноября 1892 года и 2-го Смоленскаго, *Прайсъ*—съ 29-го октября 1892 года, оба по степени лѣкаря; по Одесскому учебному округу, врачъ Луганскаго городского двухкласснаго училища *Остроуховъ*—съ 27-го августа 1892 года, по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: по Московскому учебному округу: исправляющій должность доцента грузинскаго языка Лазаревскаго института восточныхъ языковъ *Хазановъ*—съ 3-го декабря 1894 года, по степени кандидата Императорскаго Московскаго университета, помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Теодоровичъ*—съ 14-го декабря 1896 года, по дип-

лону 1-й степени Императорскаго Московскаго университета; помощникъ классныхъ наставниковъ Коломенской гимназіи *Катлингъ* — съ 10-го ноября 1892 года; младшіе надзиратели Комисаровскаго технического училища: *Наумовъ* — съ 12-го ноября 1887 года и *Александровскій* — съ 28-го ноября 1887 года; учителя городскихъ училищъ: Московскаго Басманнаго, *Алексѣевъ* — съ 1-го августа 1892 года, Московскаго 1-го, *Дмитріевъ* — съ 11-го марта 1892 года, Бронницкаго, *Глябинъ* — съ 1-го августа 1892 года, Дмитровскаго, *Островскій* и Коломенскаго, *Каринъ*, оба съ 1-го іюля 1892 года, Нижегородскаго имени св. князя Владиміра, *Шихиревъ* — съ 4-го сентября 1889 года, 1-го Смоленскаго, *Городецкій* — съ 1-го августа 1890 года, 2-го Смоленскаго, *Падалицинъ* — съ 16-го мая 1892 года, Тульскаго, *Кузьминъ* — съ 1-го іюля 1892 года и Ярославскаго: *Лазаревъ* — съ 11-го ноября 1889 года и *Замыцкий* — съ 1-го августа 1892 года; по Одесскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Одесскаго пятикласснаго Ефрусси, сверхштатный *Семенчукъ* — съ 22-го января 1893 года и Θεодосійскаго трехкласснаго, *Эккъ* — съ 1-го сентября 1892 года; коллежскаго регистратора: по Московскому учебному округу: домашній учитель дирекціи народныхъ училищъ Калужской губерніи *Билибинъ* — съ 10-го августа 1896 года; помощники учителей городскихъ училищъ: Бронницкаго, *Стрежневъ* — съ 18-го декабря 1892 года, Клинскаго, *Владимірскій* — съ 29-го сентября 1892 года, Смоленскаго 2-го, *Карховъ* — съ 12-го марта 1887 года и Тверскаго, *Лебедевъ* — съ 6-го ноября 1892 года; по Одесскому учебному округу, домашній учитель *Юкельсонъ* — съ 1-го января 1896 года.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Объявляется благодарность министерства народнаго просвѣщенія лодзинскому фабриканту мануфактурь-совѣтнику Юлію Яковлевичу *Кунциеру* за пожертвованія на нужды Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища.

15. (5-го апрѣля 1897 года). *Положеніе о стипендіи Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ при Александровской женской прогимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 27-го марта 1897 г., при Александровской женской прогимназіи учреждается, въ ознаме-

нованіе Священнаго Коронованія Его Императорскаго Величества Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Θεодоровны, стипендія Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ на проценты съ пожертвованнаго александровскимъ 2-й гильдіи купцомъ Алексѣемъ Михайловичемъ Первушинымъ для сей цѣли капитала въ *триста* рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ трехъ свидѣтельствахъ государственной 4^о/_о ренты по 100 руб. каждое, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ прогимназій.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ части, подлежащей, согласно закону 20-го мая 1885 года о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, обращенію въ казну, поступаютъ въ уплату женской прогимназій за ученіе стипендіатки въ томъ размѣрѣ, въ которомъ плата установлена; могущіе же образоваться остатки отъ стипендіи должны быть присоединяемы къ стипендіальному капиталу для его увеличенія.

§ 4. Право избранія стипендіатки принадлежитъ пожизненно жертвователю Алексѣю Михайловичу Первушину, а затѣмъ переходитъ къ его наслѣдникамъ, при чемъ для замѣщенія стипендіи должна быть избираема ученица отличнаго поведенія изъ числа бѣднѣйшихъ родителей мѣщанскаго сословія города Александрова.

§ 5. Стипендіатка можетъ быть по постановленію педагогическаго совѣта прогимназій лишена стипендіи въ томъ случаѣ, если поведеніе ея будетъ оцѣнено балломъ менѣе 4.

§ 6. Въ случаѣ преобразования Александровской женской прогимназій въ какое-либо иное учебное заведеніе, или учрежденія взаимѣнъ ея какого-либо другаго заведенія, стипендіальный капиталъ переходитъ къ сему послѣднему.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

16. (5-го апрѣля 1897 года). *Положеніе о стипендіяхъ въ ознаменованіе дня Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Θεодоровны при Мышкинскомъ городскомъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 27-го марта 1897 г. на проценты съ капитала въ *сто девятнадцать* руб. *двадцать девъ* коп.,

пожертвованнаго жителями города Мышкина въ ознаменованіе дня Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, учреждаются при Мышкинскомъ городскомъ училищѣ двѣ стипендіи съ наименованіемъ: „Стипендіи въ ознаменованіе дня Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ“.

§ 2. Означенный капиталъ, состоящій въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ названнаго училища, и, составляя его собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ налога въ казну по закону 20-го мая 1885 г., идутъ въ пособіе двумъ ученикамъ для взноса платы за ученіе.

§ 4. Стипендіи назначаются бѣднѣйшимъ ученикамъ городского училища безъ различія сословій, русскимъ подданнымъ, православнаго вѣроисповѣданія, отличающимся нравственностью и прилежаніемъ; при чемъ избраніе стипендіатовъ производится педагогическимъ совѣтомъ городского училища.

§ 5. Стипендіаты пользуются стипендіями до окончанія полного курса или до выбытія изъ училища, но педагогическому совѣту предоставляется право за неусидѣнность въ наукахъ и неодобрительное поведеніе лишать ихъ стипендій и назначать оныя другимъ ученикамъ, болѣе достойнымъ.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 7. Если вслѣдствіе незамѣщенія стипендій или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ проценты останутся невыданными, то они присоединяются къ стипендіальному капиталу для его приращенія.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Мышкинскаго городского училища въ другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается сему заведенію, съ сохраненіемъ прежняго назначенія; въ случаѣ же совершеннаго закрытія училища, стипендіальный капиталъ передается другому учебному заведенію, по усмотрѣнію г. министра народнаго просвѣщенія.

17. (5-го апрѣля 1897 года). *Положеніе о стипендіи Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ при Александровскомъ трехклассномъ городскомъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 27-го марта 1897 г., при Александровскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ учреж-

дается въ ознаменованіе Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Теодоровны стипендія Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ на проценты съ пожертвованнаго александровскимъ 2-й гильдіи купцомъ Алексѣемъ Михайловичемъ Первушинымъ для сей цѣли капитала въ *сто* рублей.

§ 2. Ствендіальный капиталъ, заключающійся въ одномъ свидѣтельствѣ государственной 4⁰/₀ ренты въ *сто* руб., оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ училища.

§ 3 Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ части, подлежащей, согласно закону 20-го мая 1885 г. о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, отчисленію въ казну, поступаютъ на уплату за ученіе стипендіата; могущіе же образоваться остатки отъ стипендіи должны быть присоединяемы къ стипендіальному капиталу, для его увеличенія.

§ 4. Право избранія стипендіата принадлежитъ пожизненно жертвователю Алексѣю Михайловичу Первушину, а затѣмъ переходитъ къ его наслѣдникамъ, при чемъ для замѣщенія стипендіи долженъ быть избираемъ ученикъ отличнаго поведенія изъ числа бѣднѣйшихъ родителей мѣщанскаго сословія города Александрова.

§ 5. Стипендіатъ можетъ быть по постановленію педагогическаго совѣта училища лишаемъ стипендіи въ томъ случаѣ, если поведеніе его будетъ оцѣнено балломъ менѣе 4.

§ 6. Въ случаѣ преобразования Александровскаго городского училища въ какое-либо иное учебное заведеніе, или учрежденія взамѣнъ его какого-либо другаго заведенія, стипендіальный капиталъ переходитъ къ сему послѣднему.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

18. (5-го апрѣля 1897 года). *Положеніе о стипендіяхъ въ ознаменованіе Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Теодоровны при Заславскомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 27-го марта 1897 г., въ ознаменованіе Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Ве-

личествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Теодоровны учреждаются при Заславскомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ двѣ стипендіи на проценты съ капитала въ *триста пятьдесятъ одинъ* руб., пожертвованнаго съ этою цѣлью мѣстнымъ дворянствомъ и нѣкоторыми частными лицами.

§ 2. Означенный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ училища.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ части, подлежащей по закону 20-го мая 1885 года поступленію въ казну, употребляются на взносъ платы за ученіе двухъ учащихся въ названномъ училищѣ.

§ 4. Могушіе почему-либо образоваться остатки присоединяются къ стипендіальному капиталу для увеличенія его и обращаются, по накопленіи, въ $\%$ бумаги, доходъ съ которыхъ употребляется на учрежденіе новыхъ такого же рода стипендій или на увеличеніе размѣра уже существующихъ, въ случаѣ, если плата за ученіе будетъ также увеличена.

§ 5. Пользованіе стипендіями предоставляется учащимся обоимъ отдѣленіямъ училища — мужскаго и женскаго, безъ различія сословія, но непременно лицамъ христіанскаго вѣроисповѣданія.

§ 6. Стипендіаты и стипендіатки избираются Заславскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ Заславскаго городского двухкласснаго училища, изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ и ученицъ этого училища.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на пользующихся ими никакихъ обязательствъ.

§ 8. При увеличеніи въ Заславскомъ училищѣ платы за ученіе до такихъ размѣровъ, при которыхъ $\%$ со стипендіальнаго капитала окажется недостаточно на взносъ платы за ученіе двухъ учащихся названнаго училища, проценты эти распредѣляются для указанной надобности предводителемъ дворянства, по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ училища.

§ 9. Въ случаѣ закрытіи Заславскаго городского двухкласснаго училища, стипендіальный капиталъ передается на вышеизложенныхъ основаніяхъ тому учебному заведенію, которое будетъ учреждено въ гор. Заславлѣ, взаимѣнъ существующаго городского училища.

19. (7-го апрѣля 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени генералъ-лейтенанта Павла Львовича Волоцкаго при Виленскомъ Маріинскомъ высшемъ женскомъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, на проценты съ капитала въ одну тысячу рублей, пожертвованнаго лицомъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ, учреждается при Виленскомъ Маріинскомъ высшемъ женскомъ училищѣ одна стипендія имени генералъ-лейтенанта Павла Львовича Волоцкаго.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ билетахъ 4% государственной ренты, хранится въ Виленскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Маріинскаго высшаго женскаго училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ суммы, подлежащей по закону 20-го мая 1885 года поступленію въ казну, выдаются одной изъ бѣдныхъ ученицъ Маріинскаго высшаго женскаго училища, христіанскаго вѣроисповѣданія, безъ различія сословій, оказавшей, при отличномъ поведеніи, удовлетворительные успѣхи въ наукахъ.

§ 4. Стипендіатка избирается и утверждается педагогическимъ совѣтомъ Маріинскаго высшаго женскаго училища.

§ 5. Стипендіатка, не успѣвающая въ наукахъ или неодобрительнаго поведенія, можетъ быть лишена стипендіи по постановленію педагогическаго совѣта, и тогда на мѣсто ея избирается новая стипендіатка.

§ 6. Стипендія выдается стипендіаткѣ пополугодно до окончанія ея курса наукъ въ Маріинскомъ высшемъ женскомъ училищѣ.

§ 7. Въ случаѣ закрытія Маріинскаго высшаго женскаго училища, пожертвованный капиталъ передается для той же цѣли въ другое женское учебное заведеніе, по усмотрѣнію г. попечителя Виленскаго учебнаго округа.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

20. (25-го апрѣля 1897 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени бывшаго Мало-Вишерскаго посадскаго головы Михаила Петровича Варисова при Мало-Вишерскомъ городскомъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія.)

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, на счетъ процентовъ съ капитала въ *двести девять руб. семь коп.*,

частью собраннаго по подпискѣ, частью ассигнованнаго Мало-Вишерскою посадскою думою, учреждаются при Мало-Вишерскомъ городскомъ училищѣ двѣ стипендіи имени бывшаго Мало-Вишерскаго посадскаго головы Михаила Петровича Варасова.

§ 2. Означенный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ суммы, подлежащей по закону 20-го мая 1885 года обращенію въ казну, употребляются на взносъ платы за ученіе двухъ учениковъ училища.

§ 4. Право выбора стипендіатовъ предоставляется Мало-Вишерской посадской думѣ по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ училища.

§ 5. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 6. Въ случаѣ увеличенія платы за ученіе въ училищѣ и если процентовъ съ капитала будетъ недостаточно для обезпеченія стипендій, одна изъ нихъ остается незамѣненною впредь до соотвѣтствующаго увеличенія капитала получаемыми съ онаго процентами.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія Мало-Вишерскаго городского училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее для употребленія по назначенію.

21. (1-го мая 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Евгенія Васильевича Богдановича при Ирбитскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, на проценты съ капитала въ *двести пятьдесятъ* рублей, пожертвованнаго Ирбитскимъ ярмарочнымъ комитетомъ, учреждается при Ирбитскомъ городскомъ 3-хъ классномъ училищѣ стипендія имени тайнаго совѣтника Евгенія Васильевича Богдановича.

§ 2. Означенный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ Ирбитскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Ирбитскаго 3-хъ класснаго городского училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

Въ случаѣ выхода въ тиражъ означенныхъ процентныхъ бумагъ, педагогическій совѣтъ училища немедленно пріобрѣтаетъ взамѣнъ ихъ новыя таковыя же бумаги.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ суммы, подлежащей по закону 20-го мая 1885 года поступленію въ доходъ казны, употребляются на взносъ платы за ученіе одного ученика училища изъ числа дѣтей бѣдныхъ жителей города Ирбита и на покупку для него учебныхъ пособій.

§ 4. Право избранія стипендіата предоставляется Ирбитской городской думѣ.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 6. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи или по другимъ какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ присоединяются къ стипендіальному капиталу для увеличенія его.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее, для употребленія по назначенію.

22. (2-го мая 1897 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени потомственнаго почетнаго гражданина Александра Сергѣевича Александрова, при Казанской Маріинской женской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, на проценты съ капитала въ *десять тысячъ девятьсотъ* рублей, пожертвованнаго вдовою генералъ-лейтенанта Ольгою Сергѣевною Гейнсъ, урожденною Александровою, учреждаются при Казанской Маріинской женской гимназіи десять стипендій имени ея покойнаго брата, потомственнаго почетнаго гражданина, Александра Сергѣевича Александрова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, составляя неотъемлемую собственность Казанской Маріинской женской гимназіи, хранится въ мѣстномъ казначействѣ и остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ вышеозначеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ суммы, подлежащей по закону 20-го мая 1885 года поступленію въ казну, обращаются на уплату за право ученія десяти воспитанницъ гимназіи, исключительно за обязательные предметы.

§ 4. Могущіе образоваться остатки отъ процентовъ подлежатъ

обращенію, по усмотрѣнію попечительнаго совѣта гимназіи, или на присоединеніе къ основному капиталу на случай увеличенія платы за обязательные предметы, или же расходованію на покупку учебныхъ пособій для стипендіатокъ во время прохожденія ими курса.

§ 5. Въ случаѣ повышенія платы за право ученія или уменьшенія дохода отъ процентныхъ бумагъ до такихъ размѣровъ, что приносимаго ими дохода окажется недостаточнымъ для уплаты за ученіе всѣхъ десяти стипендіатокъ, попечительному совѣту предоставляется право уменьшить количество стипендіатокъ настолько, чтобы расходы вполне покрывались получаемымъ доходомъ.

§ 6. Право избранія стипендіатокъ пожизненно принадлежитъ жертвователю Ольгѣ Сергѣевнѣ Гейнсѣ, а затѣмъ, по смерти ея, сіе право переходитъ къ начальницѣ гимназіи.

§ 7. Воспитанницы, обучающіяся на проценты со стипендіальнаго капитала, именуется стипендіатками потомственнаго почетнаго гражданина Александра Сергѣевича Александра.

§ 8. Пользованіе означенными стипендіями не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ преобразованія гимназіи въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее для употребленія по назначенію.

23. (5-го іюня 1897 года). *Положеніе о стипендіи при Екатеринбургской женской гимназіи, учреждаемой въ память бывшей ученицы сей гимназіи Ольги Егоровны Магницкой.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., при Екатеринбургской женской гимназіи учреждается стипендія въ память бывшей ученицы сей гимназіи Ольги Егоровны Магницкой, на счетъ процентовъ съ капитала въ *пятьсотъ* р., пожертвованнаго для сего присяжнымъ повѣреннымъ Николаемъ Флегонтовичемъ Магницкимъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ долженъ быть внесенъ вѣчнымъ вкладомъ въ государственный банкъ или одну изъ его конторъ, съ указаннымъ наименованіемъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ суммы, подлежащей по закону 20-го мая 1885 г. обращенію въ казну, употребляются, по усмотрѣнію попечительнаго совѣта женской гимназіи, на вспомошествованіе или въ одеждѣ, или въ платѣ за квартиру, или

въ покупкѣ учебныхъ пособій какимъ-либо бѣднѣйшимъ ученицамъ Екатеринбургской женской гимназіи или одной изъ нихъ.

§ 4. Выборъ таковой стипендіатки или стипендіатокъ, преимущественно изъ жителей г. Екатеринбурга, предоставляется усмотрѣнію попечительнаго совѣта женской гимназіи.

§ 5. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

§ 6. Жертвователю Н. Ф. Магницкому предоставляется право исполнять этотъ капиталъ вполнѣ.

§ 7. Въ случаѣ прекращенія существованія гимназіи, жертвователю или наследникамъ его предоставляется право указать, на какія благотворительныя надобности должны быть употреблены въ этомъ послѣднемъ случаѣ проценты съ пожертвованнаго капитала.

24. (9-го іюня 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени купца Дмитрія Павловича Соколова при Верхнеднѣпровскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., на счетъ процентовъ съ капитала въ семьсотъ руб., пожертвованнаго вдовою купца Александрою Емельявною Соколовой, учреждается при Верхнеднѣпровскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ одна стипендія имени умершаго мужа ея, купца Дмитрія Павловича Соколова.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ внутренняго $4\frac{1}{2}\%$ займа 1893 года, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ училища, составляя неотъемлемую собственность онаго и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ этого капитала, за исключеніемъ изъ нихъ слѣдующаго въ пользу казны сбора по закону 20-го мая 1885 года, обращаются, въ соотвѣтственномъ количествѣ, въ плату за ученіе стипендіата, а остальные деньги выдаются ему на книги и другія учебныя пособія.

§ 4. Право избранія стипендіата, а равно и лишеніе его стипендіи принадлежитъ педагогическому совѣту Верхнеднѣпровскаго городского училища.

§ 5. Въ стипендіаты избирается ученикъ Верхнеднѣпровскаго городского училища безъ различія званія, недостаточнаго состоянія,

русскій подданный, православнаго вѣроисповѣданія, заслуживающій того по успѣхамъ, прилежанію и поведенію.

§ 6. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи остатки причисляются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Верхнедѣпровскаго городского училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее, для употребленія по назначенію.

25. (14-го іюня 1897 года). *Положеніе о стипендіяхъ Именъ Ея Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича, Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны и Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны при училищѣ для дѣтей бѣдныхъ лицъ иностранныхъ исповѣданій въ С.-Петербургѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 9-го іюня 1897 года, при училищѣ для дѣтей бѣдныхъ лицъ иностранныхъ исповѣданій въ С.-Петербургѣ учреждаются три стипендіи Именъ Ея Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича, Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны и Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны на счетъ процентовъ съ капитала въ *три тысячи* руб., по 1000 руб. для каждой стипендіи, пожертвованнаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Густавомъ Эрнестовичемъ Винклеромъ-Ульрихсомъ и супругою его Софьею Ѳеодоровною Винклеръ-Ульрихсъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ $4\frac{1}{2}\%$ закладныхъ листахъ С.-Петербургско-Тульского земельного банка, хранится въ государственномъ банкѣ подъ квитанціею комитета училища, составляя неотъемлемую собственность послѣдняго.

§ 3. Заботы о замѣнѣ вышедшихъ въ тиражъ закладныхъ листовъ другими ипотечными же, или правительственными, или правительствомъ гарантированными процентными бумагами, а равно и полученіе по нимъ процентовъ лежатъ на обязанности комитета училища.

§ 4. Проценты съ этого капитала, за удержаніемъ изъ нихъ части, подлежащей по закону 20-го мая 1885 г. поступленію въ казну,

употребляются на взносъ платы за учение одного лучшаго ученика и и двухъ лучшихъ ученицъ.

§ 5. Право выбора стипендіата и стипендіатокъ, а равно и прекращенія выдачи стипендій принадлежитъ комитету училища.

§ 6. Въ случаѣ желанія пользующихся стипендіями продолжать дальнѣйшее образование свое въ какомъ-либо среднемъ учебномъ заведеніи, стипендіи выдаются имъ и тамъ, въ теченіе перваго года обученія.

§ 7. Могушіе образоваться вслѣдствіе временнаго незамѣщенія стипендій или по какимъ-либо другимъ причинамъ остатки причисляются къ стипендіальному капиталу на предметъ увеличенія размѣра соотвѣствующихъ стипендій.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на получающихъ оныя никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ прекращенія существованія училища, упомянутыя стипендіи подъ тѣми же наименованіями должны перейти въ другое казенное или общественное учебное заведеніе, пользующееся правами казеннаго заведенія, всего болѣе подходящее по своему строю къ данному училищу, по постановленію о томъ комитета сего училища.

26. (14-го іюня 1897 года). *Положеніе о стипендіи Имени въ Божѣ почивающаго Государя Императора Александра I при училищѣ для дѣтей бѣдныхъ лицъ иностранныхъ исповѣданій въ С.-Петербургѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 9-го іюня 1897 года, при училищѣ для дѣтей бѣдныхъ лицъ иностранныхъ исповѣданій въ С.-Петербургѣ учреждается стипендія Имени въ Божѣ почивающаго Государя Императора Александра I на счетъ процентовъ къ капитала въ одну тысячу руб., пожертвованнаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Густавомъ Эрнестовичемъ Винклеромъ-Ульрихсомъ и супругою его Софьею Ѳедоровною Винклеръ-Ульрихсъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ $4\frac{1}{2}\%$ закладныхъ листахъ С.-Петербургско-Тульского земельного банка, хранится въ государственномъ банкѣ подъ квитанціею комитета училища, составляя неотъемлемую собственность послѣдняго.

§ 3. Заботы о замѣнѣ вышедшихъ въ тиражъ закладныхъ листовъ другими ипотечными же, или правительственными, или правительствомъ гарантированными процентными бумагами, а равно и полученіе по нимъ процентовъ лежитъ на обязанности комитета училища.

§ 4. Проценты съ этого капитала, за удержаніемъ изъ нихъ части, подлежащей по закону 20-го мая 1885 года поступленію въ казну, употребляются на взносъ платы за ученіе одного лучшаго ученика.

§ 5. Право выбора стипендіата, а равно и прекращеніе выдачи стипендіи принадлежитъ комитету училища.

§ 6. Въ случаѣ желанія стипендіата продолжать дальнѣйшее образованіе свое въ какомъ либо среднемъ учебномъ заведеніи, стипендія выдается ему и тамъ въ теченіе перваго года обученія.

§ 7. Могушіе образоваться вслѣдствіе временнаго незамѣщенія стипендіи или по какимъ-либо другимъ причинамъ остатки причисляются къ стипендіальному капиталу на предметъ увеличенія размѣра стипендіи.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ прекращенія существованія училища, стипендія подъ тѣмъ же наименованіемъ должна перейти въ другое казенное или общественное учебное заведеніе, пользующееся правами казеннаго заведенія, всего ближе подходящее по своему строю къ данному училищу, по постановленію о томъ комитета сего училища.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книжку: „Какъ лѣчить раны. Составилъ *Григорій Коваленко*. Изданіе „Посредника“ (№ 242), М. 1896. Стр. 34. Цѣна 1¹/₂ коп.“ — одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для учительскихъ библиотекъ низшихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ.

— Книжку: „О табакѣ и вредѣ его куренья. Врача *Д. П. Никольскаго*. Изданіе „Посредника“ (№ 224). М. 1895. Стр. 32. Цѣна 1¹/₂ к.“ — допустить въ ученическія, старшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ учительскія библиотеки низшихъ училищъ, а также въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книгу: „А. Ф. графъ фонъ-Шаккъ. Исторія норманновъ въ Сициліи. Переводъ съ нѣмецкаго *Н. М. Соколова*. С.-Пб. Изданіе

Л. Ф. Пантелѣва. 1896. Стр. VII+383. Цѣна 2 руб. 50 коп.“— одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Историческія чтенія. Частная и общественная жизнь грековъ. *П. Гиро*. Переводъ съ французскаго съ 70 рис., подъ редакціей *Я. И. Руднева*. С.-Пб. 1897. Изданіе Л. Ф. Пантелѣва. Стр. VIII+540. Цѣна 3 руб.“ — одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній средняго и старшаго возраста.

— Книгу: „Исторія Греціи со времени Пелопоннесской войны. Сборникъ статей. Переводъ подъ редакціей *Н. Н. Шамомина* и *Д. М. Петрушевскаго*. Вып. 1-й. XIX+451+III стр. Вып. 2-й XII+502+II стр. М. 1896“—одобрить для ученическихъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній (мужскихъ и женскихъ) старшаго возраста.

— Брошюры: 1) „*А. Хребтовъ*. Памятная книжка для собирателей монетъ, чеканенныхъ въ царствованіе императрицы Екатерины II Выпускъ I. 1762—1796 гг. С.-Пб. 1897. Въ 16-ю д. л. стр. II+25“ и 2) „*А. Хребтовъ*. Памятная книжка для собирателей монетъ. Выпускъ II. Монеты, чеканенныя въ царствованіе императора Павла I. 1796—1801 гг. С.-Пб. 1897. Въ 16-ю д. л. Стр. 14+VI. Цѣны не обозначены“—допустить въ ученическія, средняго и старшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*И. И. Васильевъ*. Псковская губернія. Историко-географическіе очерки, какъ пособіе народнымъ учителямъ по предмету родиноуѣднїя. Съ картою губерніи. Изданіе Псковскаго статистическаго комитета. Псковъ. 1896. Стр. 2+VI+267+49. Цѣна не обозначена“—допустить въ учительскія библиотеки низшихъ учебныхъ заведеній Псковской губерніи, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи она была исправлена по указаніямъ ученаго комитета.

— Книгу: „*К. Сильченковъ*. Прощальная бесѣда Спасителя съ учениками. Евангеліе Іоанна XIII, 31—XIV, 33 (Опытъ истолкованія). Харьковъ. 1895. Стр. XI+358+160. Цѣна 2 руб. съ пересылкою“— одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Брошюру: „Памятная книжка православнаго христіанина о Святой Библии (объ ея происхожденіи, составѣ, содержаніи и значеніи). Законоучителя Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая священника *Іоанна Соловьева*. М. 1896. Стр. 54. Цѣна 25 коп.“—

одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ.

— Книжку: „Заразныя болѣзни, ихъ признаки. Уходъ за больными. Средства уберечься отъ заразы. Руководство для простаго народа, составленное врачомъ *В. В. Рудинымъ* и одобренное костромскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ. Изданіе „Посредника“ (№ 189). М. 1895. Стр. 29. Цѣна 6 коп.“—допустить въ учительскія библиотекы низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя библиотекы и читальни.

— Книгу: „Краткое руководство къ осмотру свиного мяса на трихины. Составили по *Leuckardt'y, Johnе, Long'y, Preusse, Ostertag'y, Небыкову* и др. *Е. М. Сальяръ* и *Г. И. Гуринъ*, ветеринарные врачи московскихъ боевъ. Съ 35 рис. въ текстѣ. М. 1895. Стр. 71. Цѣна 50 коп.“ — одобрить для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читалень.

— Книжку: „Очки, ихъ польза и вредъ. Доктора медицины *Р. Кауэ*. С.-Пб. 1897. Стр. 64. Цѣна 50 коп.“—рекомендовать для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читалень.

— Книгу: „Курсъ греческаго языка по Коху и Кэги. Часть I. Этимологія. Съ краткими греческими и русскими примѣрами по Везенеру и съ отрывками изъ греческихъ классическихъ авторовъ и изъ церковныхъ книгъ. Составилъ *М. Григоревскій*. Изданіе девятое, вновь передѣланное. С.-Пб. 1897. Стр. 207. Цѣна 1 рубль“—одобрить какъ полезное руководство по греческому языку въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Краткая систематическая грамматика французскаго языка. Составилъ *В. Каннъ*, М. 1897. Стр. 192. Цѣна 80 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Вилліамъ Шекспиръ. *Е. Н. Григоровой*. Для юношескаго возраста. М. 1896. Стр. 94. Цѣна 75 коп.“ — одобрить для ученическихъ, младшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ библиотекъ городскихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читалень.

— Книгу: „Христоматія. Пособіе при изученіи русской словесности. Составили, согласно съ учебными планами мужскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія, *В. Соколовъ* и *П. Борзановъ*.

скій. Часть I. Произведенія русской словесности до Петра Великаго. Изданіе 3-е, измѣненное согласно съ учебными планами 1890 года. Одесса. 1897. Стр. XII+152. Цѣна 1 рубль. Часть II, вып. 1-й. Произведенія русской словесности XVIII вѣка. Одесса. 1897. Стр. IV+123. Цѣна 80 коп.—Часть II, вып. 2-й. Произведенія русской словесности XIX вѣка. Одесса. 1897. Стр. V+355. Цѣна 1 р. 50 к.—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія при изученіи русской словесности для старшихъ классовъ мужскихъ гимназій.

— Книгу: „*Соловьевъ, Влад.* Оправданіе добра. Нравственная философія. С.-Пб. 1897. 8°, стр. XXXI+681. Цѣна 4 руб.“—рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книжку: „*Г. К. Дорофеевъ.* О постановкѣ внѣкласснаго чтенія и литературныхъ бесѣдъ въ Ставропольской гимназіи въ 1890—1891 году. Тифлисъ. 1896. Стр. 96. Цѣна 50 коп.“—допустить въ фундаментальныя библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Прямолинейная тригонометрія для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ П. Злотчанскій, преподаватель Одесскаго реальнаго училища св. Петра.* Второе изданіе, исправленное и дополненное. Одесса. 1897. Цѣна 75 коп. Стр. VI+104“—допустить какъ руководство для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Астраханскій Сборникъ, издаваемый Петровскимъ обществомъ изслѣдователей Астраханскаго края.* Выпускъ 1-й. Съ 10-ю рисунками. Астрахань. 1896. Стр. VI+335. Цѣна 1 р. 25 коп.“—одобрить для приобрѣтенія въ фундаментальныя библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Premier livre de lecture d'après la méthode naturelle. Causeries et exercices de lecture à l'usage des commençants.* Руководство для начальнаго обученія французскому языку по естественному методу, составленное *Е. Конофъ*, преподавательницею 3-й Московской женской гимназіи. М. 1897. Стр. 88+XVI. Цѣна 70 коп.“—допустить къ употребленію въ качествѣ учебнаго руководства, исключительно въ приготовительномъ классѣ женскихъ гимназій иprogимназій.

— Книгу: „*Курсъ теоріи словесности. Составилъ на основаніи изслѣдованій Бена, Ваккернагеля и Потемни И. Н. Стефановскій.* (Отдѣльный оттискъ изъ „Филологическихъ Записокъ“). Воронежъ. 1896. Стр. 129. Цѣна не обозначена“—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Насѣкомыя. Безкрылыя и двукрылыя. Изданіе редакціи журнала „Досугъ и Дѣло“. С.-Пб. 1897. Стр. 46. Цѣна не обозначена“ — допустить въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Книгу: „Д-ръ С. Бекъ и д-ръ М. Браннъ. Еврейская исторія. Переработалъ и дополнилъ С. М. Дубновъ. Въ двухъ томахъ. Одесса. 1896—1897. Цѣна 3 р. 50 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для бібліотеки Виленскаго еврейскаго учительскаго института.

— Журналъ: „Средне-Азіатскій Вѣстникъ, ежемѣсячный научно-литературный журналъ, издаваемый, подъ своей редакціей, Е. Т. Смирновымъ. Ташкентъ. 1896. Подписная цѣна на годъ съ пересылкою 7 рублей. Отдѣльныя книжки по 60 коп., съ пересылкою 70 коп.“—одобрить для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Н. Жеденовъ. Дѣтскіе сельско-хозяйственно-кустарные пріюты самопомощи. Исторія ихъ, устройство и жизнь. Съ 5 рисунками и 5 планами. С.-Пб. 1896. Стр. 212. Ц. 1 руб.“—допустить въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Изданіе: „Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Подъ редакціей Арс. И. Введенскаго. Въ 4-хъ томахъ. Съ біографическимъ очеркомъ, факсимиле и портретомъ Лермонтова, гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ. С.-Пб. Изданіе А. Ф. Маркса. 1891.“—допустить въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ.

— Книгу: „В. Латтшевъ, директоръ народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи. Руководство къ преподаванію ариѳметики. Изданіе 2-е, съ приложеніемъ программы ариѳметики для школы съ трехлѣтнимъ курсомъ. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1897. Стр. 160 + 8. Ц. 50 коп.“—допустить въ учительскія бібліотеки низшихъ

учебныхъ заведеній, а также въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книжки подъ общимъ заглавіемъ: „Изъ народовѣдѣнія. Чтеніе для народа. Составилъ *Ө. Ө. Пуцковичъ*. Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова. С.-Пб. 1897.: 1) Нѣмцы. 2) Французы. 3) Итальянцы. 4) Испанцы. 5) Скандинавы. 6) Венгерцы. 7) Турки. 8) Японцы. 9) Корейцы. 10) Арабы. 11) Индусы. 12) Персы. 13) Египтяне. 14) Негры. 15) Сѣверо-Американцы. (Цѣна каждой книжки 5 коп.)—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни и для народныхъ чтеній.

— Книгу: „*И. О. Пирожниковъ*. Нотная грамота для школъ в самообученія. Вильна. 1896. 105 стр. Ц. 60 коп.“—одобрить для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ.

— Изданіе: „*В. С. Гербачъ*. Прямое письмо. Новыя русскія прописи, какъ пособіе для начальнаго обученія въ школъ и дома. Изданіе Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1896. 16 стр. Ц. 10 коп.“—допустить къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія въ начальныхъ училищахъ.

— Изданныя А. И. Мамонтовымъ книги: 1) *А. В. Кругловъ*. Полканъ Собакевичъ. Повѣсть въ 2 частяхъ. Рисунки *А. С. Степанова*. Москва. Стр. 145. Ц. 1 руб.“, 2) „*Вас. Ив. Немировичъ-Данченко*. Соколиныя гнѣзда. Повѣсть изъ быта кавказскихъ горцевъ. Рисунки *В. А. Строва*. М. 1897. Стр. 117. Ц. въ папкѣ 85 коп.“ и 3) *В. М. Сысоевъ*. Разказы и очерки. Съ рисунками *К. С. Вывоцаго*. М. 1897. Стр. 169. Ц. 1. руб. 25 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ такыя же, младшаго и средняго возраста. библіотеки средне-учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными его превосходительствомъ г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Книгу *Н. Жуковскаго*. „Воздушное садоводство. Практическіе совѣты о разведеніи фруктовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустарниковъ.“

С.-Пб. 2-е изданіе, значительно дополненное, съ 83 рисунками въ текстѣ. 1891. 136 стр., 8°. Ц. 60 коп.“—допустить означенную книгу въ бібліотеки учительскихъ семинарій.

— Брошюры: *Д. М. Городецкаго* (редактора неофициальной части Новгородскихъ губернскихъ вѣдомостей) а) „Противопожарная деревня“. Рѣзказъ. Новгородъ. 1897. 32 стр. 32-ю д. л. Ц. 5 коп. и б) „Борьба съ пожарами въ деревнѣ“. Новгородъ. 1897. 48 стр., 32-ю д. л. Ц. 8 коп.“—одобрить для ученическихъ бібліотекъ начальныхъ училищъ, а также для народныхъ бібліотекъ.

— *Ольги Дьячковой*, „Руководство и альбомъ рисунковъ для вышиванія гладью“. С.-Пб. 1897. 28 стр. Ц. 1 руб. 50 к.“—допустить какъ учебное руководство въ женскія учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія.

— „Сборникъ публичныхъ лекцій“, читанныхъ въ 1895 году въ Ново-Александрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ пользу недостаточныхъ студентовъ этого института. Варшава. 1895. 193 стр., 8°, безъ обозначенія цѣны. Всего шесть лекцій:

1) „Гигиеническое значеніе солнечнаго свѣта“—ад.-проф. *А. С. Саночкаго*. 2) „Густота посѣва зерновыхъ хлѣбовъ“—проф. *А. Ѳ. Фортунатова*. 3) „Нефть“—ад.-проф. *В. В. Шкателова*. 4) „Русское лѣсное хозяйство въ его прошломъ и настоящемъ“—ад.-проф. *М. М. Орлова*. 5) „Вредныя для лѣса насѣкомыя и мѣры борьбы съ ними“—ад.-проф. *Бураго*. 6) „Важнѣйшія культурныя растенія прошлаго и настоящаго времени“—проф. *П. В. Бударина*—одобрить для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для учительскихъ институтовъ и семинарій.

786. Герцъ, Г. Обь отношеніяхъ между свѣтомъ и электричествомъ. С.-Пб. 1890. Ц. 50 к.
787. Гершель. Простыя бесѣды о научныхъ предметахъ. С.-Пб. Ц. 2 р. 50 к.
788. Густавсонъ, Г. Двадцать лекцій по агрономической химіи. М. Ц. 1 р. 50 к.
789. Диксонъ, Ч. Перелетъ птицъ. Пер. съ англ. подъ ред. Д. Кайгородова. С.-Пб. 1895. Ц. 1 р. 50 к.
790. Догель, А. проф. Предѣлы челоѳической жизни. Казань. 1891. Ц. 30 к.
791. Жакъе. Сборникъ физическихъ задачъ. Пер. съ франц. Н. Мамонтова. М. 1893. Ц. 2 р.
792. Жиро, П. Общества у животныхъ. Пер. В. Склифасовскаго. М. 1896. Ц. 1 р.
793. Жьз, Л. Задачи по физикѣ. Пер. съ франц. Н. Мамонтова. Москва. 1892. Ц. 2 р.
794. Золотницкій, Н. Аквариумъ любителя. Подробное описаніе флоры и фауны аквариума, устройство аквариума, уходъ за нимъ и проч. Съ 189 политип. Изд. 2-е, значительно передѣланное и дополненное. М. 1890. Ц. 5 р.
795. Измайлова, Л., женщ.-врачъ. Учебникъ гигиены, анатоміи и физиологіи. Для старш. кл. жен. средн. учеб. зав. Тифлисъ. 1892. Ц. 70 к.
796. Кадіа и Дюбость. Практическое руководство къ примѣненію электричества въ промышленности. Изд. 2-е. С.-Пб. 1890. Ц. 5 р.
797. Карповъ. Руководство къ изученію фотографіи для начинающихъ и любителей. Изд. 5-е. Съ рисунками. С.-Пб. 1894. Ц. 2 руб.
798. Кольбе, Б. Введеніе въ ученіе объ электричествѣ. I. Статическое электричество. Съ 75 рис. въ тек. С.-Пб. 1893. Ц. 1 р. 20 к. II. Динамическое электричество. Съ 75 рис. въ тек. С.-Пб. 1896. Ц. 1 р. 40 к.
799. Кондратьевъ, А., д-ръ. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ. С.-Пб. 1894. Ц. 60 к.
800. Кольраушъ. Руководство къ практическимъ занятіямъ по физикѣ. С.-Пб. 1891. Ц. 1 р. 25 к.
801. Кузь. Новая химія. (Библиотека для самообразованія). М. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

802. **Бурръ**. Атласъ минераловъ. Раскраш. таблицы съ текстомъ А. Ганике. С.-Пб. 1871. Ц. 6 р.

803. **Леббокъ, Дж.** Цвѣты, плоды и листья. Пер. А. Герда. Съ предисл. А. Бекетова. Изд. Пантелѣва. С.-Пб. Ц. 1 р. 25 к.

804. **Лебедовъ, Г.** Учебникъ минералогіи. Часть описательная (физиографія минераловъ). Выпускъ. I. Съ 376 рис. С.-Пб. 1896. Ц. 3 р.

805. **Майеръ, Ю. и Вернарь.** Свѣтъ. Рядъ простыхъ занимательныхъ и недорогихъ опытовъ, имѣющихъ предметомъ явленія свѣта. Пер. М. Антоновича. С.-Пб. 1891. Ц. 50 к.

806. **Маракуевъ, Н.** Ньютонъ. Его жизнь и труды. Изд. 2-е. М. 1892. Ц. 40 к.

807. **Матусевичъ, П.** Растенія, какъ источникъ органической жизни на землѣ. Главнѣйшія свѣдѣнія изъ жизни растений. Кіевъ. 1895. Ц. 90 к.

808. **Махъ.** Введеніе къ ученію о звуковыхъ ощущеніяхъ проф. Гельмгольца. С.-Пб. 1879. Ц. 75 к.

809. **Меншуткинъ.** Аналитическая химія. 7-е изд. С.-Пб. 1894. Ц. 2 р.

810. **Миллеръ, В., д-ръ.** Поданіе помощи мнимоумершимъ отъ утопленія. Изд. Общества спасанія на водахъ. Съ 10 табл. рис. С.-Пб. 1892. Ц. 30 к.

811. **Оствальдъ, В.** Энергія и ея превращенія. Вступительное чтеніе въ Лейпцигскомъ университетѣ. Пер. Н. Дрентельна. С.-Пб. 1890. Ц. 50 к.

812. **Петрушевскій.** Свѣтъ и цвѣта сами по себѣ и по отношенію къ животнымъ. Публичн. лекція. С.-Пб. 1883. Ц. 65 к.

813. **Потылицынъ, А.** Начальный курсъ химіи, 4-е дополн. изд. Варшава. 1892. Ц. 1 р. 50 к.

814. **Регель.** Изыщное садоводство. С.-Пб. 1896. Ц. 6 р.

815. **Розенбергъ, Ф.** Очеркъ исторіи физики. Пер. подъ ред. И. Сѣченева. 3 т. С.-Пб. 1886—1890. Ц. 10 р.

816. **Смоленскій, д-ръ** Простѣйшіе и общедоступные способы изслѣдованія и оцѣнки доброкачественности съѣстныхъ припасовъ, напитковъ, воздуха, воды, жилищъ и проч. Съ 60 рис. въ текстѣ. Изд. 2-е, значительно дополненное. С.-Пб. Ц. 1 р. 50 к.

817. **Тернеръ, Г.** Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. С.-Пб. 1894.

818. **Тимирязевъ, К.** Земледѣліе и физиологія растений. I. Борьба

растений съ засухой. М. 1890. Ц. 50 к. II. Происхождение азота растений. М. 1893. Ц. 50 к.

819. **Тиндаль, Дж.** Очерки изъ естественныхъ наукъ съ предисловіемъ Гельмгольца. Пер. съ нѣм. Бобылева, Гезехуса и Егорова. С.-Пб. 1876. Ц. 1 р. 25 к.

820. **Тиндаль, Дж.** Фарадей и его открытія. Съ прибавл. Гельмгольца. С.-Пб. 1871. Ц. 1 р.

821. **Томсонъ.** Строеніе матеріи. Популярныя лекціи и рѣчи. Перев. подъ ред. проф. Воргмана. Изд. Пантелѣва. С.-Пб. 1896. Ц. 2 р. 50 к.

822. **Томсонъ, Сильванусъ.** Электромагнитъ и электромагнитныя механизмы. Пер. съ англ. М. Шателеномъ. Изд. подъ ред. А. Смирнова. Съ 204 фигуръ. въ текстѣ. С.-Пб. 1892. Ц. 4 р.

823. **Тэтъ, П.** Свойства матеріи. Пер. подъ ред. И. Съченова. Изд. Пантелѣва. С.-Пб. 1889. Ц. 2 р. 50 к.

824. **Хвольсонъ, О.** Опыты Герца и ихъ значеніе. Популярное изложеніе. С.-Пб. 1890. Ц. 50 к.

825. **Цабель, Н.** Курсъ общей ботаники. Часть II. Растенія безцвѣтковыя или споровыя. Изд. 2-е, переработ. и сокращ. М. 1893. Ц. 50 к. (Ср. „Опытъ“ № 990, стр. 67).

826. **Чермакъ, Г.** Учебникъ минералогіи. Часть общая, съ 300 рис. Пер. Г. Лебедева. С.-Пб. 1884. Ц. 3 р. 50 к.

827. **Чижоловъ, В.** Чудеса техники и электричества. Изд. Павленкова. С.-Пб. Ц. 30 к.

828. **Chevalier, Muntz, Villedenit, Jaquier.** Problèmes de physique. Сборникъ физическихъ задачъ. Пер. В. Вальтеръ. Часть I-ая. Воронежъ. 1892. Ц. 50 к.

829. **Шестаковъ.** О современныхъ задачахъ метеорологіи въ при-
мѣненіи къ сельскому хозяйству. Омскъ. 1886. Ц. 15 к.

830. **Шиллеръ.** Элементы ученія объ электричествѣ. Кіевъ. 1886. Ц. 60 к.

831. **Эпштейнъ.** Очеркъ физическихъ основаній электротехники въ общепонятномъ изложеніи. Пер. Н. Дрентельна. Съ рис. С.-Пб. 1894. Ц. 1 р.

832. **Эттель, Ф.** Практическое руководство для электро-техническихъ работъ. Перев. Сватскаго подъ ред. проф. Д. Коновалова. С.-Пб. 1894. Ц. 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. Согласно опредѣленію Ученаго Комитета, утвержденному г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, пополнять

библіотеки книгами по изученію края, въ которомъ находится учебное заведеніе, предоставлено Педагогическимъ Совѣтамъ подъ вѣдѣніемъ Попечителя округа. (См. предисловіе ко 2-му изд. „Опыта“, стр. 8). Ученый Комитетъ изъ книгъ, бывшихъ на его разсмотрѣніи, могъ-бы, съ своей стороны, указать на слѣдующія сочиненія, вполне пригодныя для данной цѣли:

833. Варпаховскій, Н. Опредѣлитель рыбъ бассейна рѣки Волги. Описаніе рыбъ Нижегородской губерніи. Съ 71 рис. С.-Пб. 1889. Ц. 1 р. 50 к.

834. Коржинскій. Флора окрестностей города Астрахани. Ц. 2 р.

835. Маевскій, П. Ключъ къ опредѣленію древесныхъ растений по листьѣ для средней, юго-западной и западной Россіи. М. 1890. Ц. 75 к.

836. Маевскій, П. Злаки Средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію средне-русскихъ злаковъ. М. 1891. Ц. 85 к.

837. Маевскій, П. Полевья травы Средней Россіи. Таблицы для опредѣленія растений, живущихъ между посѣвами и на паровыхъ поляхъ. М. 1887. Ц. 50 к.

838. Петунниковъ, А. Растительность Московской губерніи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растений, дикорастущихъ и разводимыхъ въ предѣлахъ Московской губерніи. М. 1890. Ц. 2 р. 50 к.

ОТДѢЛЪ VI.

Русскій языкъ. Словесность русская, классическая и всеобщая.

1. РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

(Для возрастовъ средняго и старшаго).

839. Вродовскій, М. Искусство устнаго изложенія (чтеніе вслухъ, декламация, ораторская рѣчь и проч.). С.-Пб. 1887. Ц. 1 р.

840. Коровяковъ, Д. Искусство выразительнаго чтенія. С.-Пб. 1892. Ц. 1 р.

841. Коровяковъ, Д. Этюды выразительнаго чтенія художественныхъ литературныхъ произведеній. С.-Пб. 1893. Ц. 1 р.

842. **Легуве**. Чтеніе какъ искусство. С.-Пб. 1896. Ц. 1 р.

843. **Максимовъ**, С. Крылатія слова. С.-Пб. 1890. Ц. 3 р.

844. **Михельсонъ**, М. Ходячія и мѣткія слова. Сборникъ русскихъ и иностранныхъ цитатъ, пословицъ, поговорокъ, пословичныхъ выраженій и отдѣльныхъ словъ (иносказаній). Второе, пересмотрѣнное и значительно дополненное изданіе. С.-Пб. 1896. Ц. 5 р.

845. **Овелахъ**, А. Лингвистика, рус. перев. со 2-го франц. изд. С.-Пб. 1881. Ц. 2 р.

846. **Чудиновъ**, А. Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. С.-Пб. 1894. Ц. 3 р. 50 к.

847. **Шарловскій**, I. Русская просодія. Одесса. 1890. Ц. 1 р.

2. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕОРИЯ СЛОВЕСНОСТИ.

Младшій возрастъ.

848. **Авенаріусъ**, В. Васильки и колосья. Очерки и рассказы для юношества. Съ 22 портретами и рисунками. С.-Пб. 1892. Ц. 1 р. 25 к.

849. **Авенаріусъ**, В. Гоголь-гимназистъ. Первая повѣсть изъ біографической трилогіи „Ученическіе годы Гоголя“. С.-Пб. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

850. **Авенаріусъ**, В. Листки изъ воспоминаній. Десять автобіографическихъ рассказовъ. С.-Пб. 1893. Ц. 1 р. 50 к.

851. **Библіотека журнала „Дѣтское чтеніе“**: I. **Маминъ-Сибирякъ**, Д. 1) Рассказы и сказки для дѣтей младшаго возраста. Ц. 60 к. 2) Зарницы. Второй сборникъ рассказовъ. Ц. 75 к. 3) Акъ-Возать. Ц. 30 к. 4) Послѣдняя треба. Ц. 10 к. 5) Два рассказа: „Земля не принимаетъ“ и „Ангелочки“. Ц. 10 к. II. **Немировичъ-Данченко**, В. Гаврюшкинъ плѣнъ. Ц. 60 к. III. **Потапенко**, И. Голодь (исторія одного волка). Ц. 40 к. IV. **Станюковичъ**, Б. Среди моряковъ. Рассказы. Ц. 60 к.

852. **Гаршинъ**, Вс. „Сигналъ“. Рассказъ. [Изд. „Посредника“. С.-Пб. 1887. Ц. 3 к.

853. **Данилевскій**, Г. Историческіе рассказы. Изд. 2-е. („Дешевая Библіотека“ Суворина). Ц. 20 к.

854. Короленко, В. 1) Дѣти подземелья. (Изд. Муриновой). Ц. 5 к.
2) Невольный убійца (Изд. Ком. Грамотн.). Ц. 10 к.
855. Кругловъ, А. Все пріятели. Разказы для дѣтей младшаго возраста. Съ рисунками. М. 1896. Ц. 30 к.
856. Кругловъ, А. Всякому гвоздю свое мѣсто. Повѣсть. Съ 46 рисунками. С.-Пб. 1892. Ц. 1 р. 25 к.
857. Лукашевичъ, Кл. Макаръ. Разказъ, изданный С.-Петербургскимъ Фребелевскимъ Обществомъ для дѣтей младшаго возраста. С.-Пб. 1889. Ц. 50 к.
858. Маминъ-Сибирякъ, Д. 1) Зимовье на Студеной. Разказъ. С.-Пб. 1894. Ц. 3 к. 2) Вольный человекъ Яшка. (Изъ „Читальни народной школы“). С.-Пб. 1894. Ц. 5 к. 3) „Летные“. М. 1893. Ц. 5 к. 4) „Конь и работникъ“. Изд. Ступина. Ц. 10 к. 5) Исповѣдь. С.-Пб. 1897. Ц. 5 к. (См. также № 854).
859. Сказъ объ Ильѣ Муромцѣ. Изд. Комитета Грамотности. С.-Пб. 1887. Ц. 15 к.
860. Наумовичъ, І. Псалтырникъ. Повѣсть изъ галицко-русской жизни. (Изъ „Приходской библиотеки“). С.-Пб. 1894. Ц. 20 к.
861. Островинская, А. Искры Божии. Біографическіе очерки. С.-Пб. 1890. Ц. 1 р. 25 к.
862. Островская, Н. Разказы для дѣтей. Съ 10 рис. С.-Пб. 1891. Ц. 2 р.
863. Острогорскій, А. У рабочихъ людей. Сборникъ разказовъ, съ рис. Изд. 2-е, исправленное. С.-Пб. 1889. Ц. 1 р.
864. П. Д. Пятьдесятъ басенъ Крылова съ примѣчаніями и поясненіями, съ вступительною статьей „Пословицы, притчи и басни“. С.-Пб. 1894. Ц. 35 к. ¹⁾
865. П. Д. Пословицы, притчи и басни. С.-Пб. 1894. Ц. 10 к. (Отдѣльный оттискъ изъ книги: „50 басенъ Крылова“, см. № 864).
866. Пассекъ. Русскимъ дѣтамъ въ память бабушки. С.-Пб. 1891. Ц. 1 р.
867. Погорѣльскій, А. Черная курица. Волшебная повѣсть. Изд. Суворина. С.-Пб. 1888. Ц. 5 коп.
868. Повняковъ, Н. Товарищъ. Повѣсть изъ школьной жизни. С.-Пб. 1898. Ц. 2 р.

¹⁾ Самыя басни Крылова Педагогическимъ Совѣтамъ предоставляется покупать въ любомъ изданіи, наблюдая, конечно, чтобы въ учебныя заведенія не попадали изданія малограмотныя.

869. Полевой, Н. А. Дѣдушка русскаго флота. Параша Сибирячка. Изд. Суворина. С.-Пб. 1888. Ц. 5 коп.

870. Полевой, П. Историческіе рассказы и повѣсти. Рис. К. Лебедева. С.-Пб. 1892. Ц. 5 р.

871. Полевой, П. Государевъ кречетникъ. С.-Пб. („Дешевая бібліотека“ Суворина). Ц. 15 к.

872. Поливановъ, Л. Избранное чтеніе для юношества. Русскія народныя быльицы. Тексты, объяснительныя статьи и примѣчанія. М. 1888. Ц. 2 р. 50 к.

873. Разинъ, А. Разоренный годъ. Повѣсть изъ русской исторіи. С.-Пб. 1893. Ц. 15 к.

874. Станюковичъ, К. 1) Между матросами. Рассказъ. Изд. С.-Пб. Ком. Грамот. 1894. Ц. 5 к. 2) Кудый. Рассказъ. Изъ „Читальни народной школы“. 1896. Ц. 10 к.

875. Станюковичъ, К. Для дѣтей. Восемь рассказовъ изъ морской жизни. С.-Пб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

876. Станюковичъ, К. Вокругъ свѣта на „Коршунъ“. С.-Пб. 1896. Ц. 3 р.

877. Сысоева, Е. Актеа. Повѣсть изъ древней греческой и римской жизни. Изд. 2-е, исправл. Съ 2 рис. С.-Пб. 1890. Ц. 50 к.

878. Сысоева, Е. Отъ бревенчатой хижины до Бѣлаго дома. С.-Пб. 1888. Ц. 60 к.

879. Фурманъ. Петръ Ждановъ, московскій купецъ. С.-Пб. 1891. Ц. 1 р.

Средній возрастъ.

880. Данилевскій, Г. На Индію при Петрѣ I. Потемкинъ на Дунаѣ. С.-Пб. 1885. Ц. 1 р. 50.

881. Даниловъ, Кирша. Древнія русскія стихотворенія. С.-Пб. („Дешевая бібліотека“ Суворина). Ц. 30 к.

882. Екатерина II, Императрица. Избранныя сочиненія. 3 книги. С.-Пб. („Дешевая бібліотека“ Суворина). Ц. 60 к. (Ср. „Опытъ“ № 1193, стр. 80).

883. Бюльцовъ, А. Стихотворенія. С.-Пб. 1896. („Дешевая бібліотека“ Суворина). Ц. 10 к. (Ср. Опытъ № 1133). Могутъ быть допущены и другія изданія по усмотрѣнію Педагогическихъ Совѣтовъ.

884. Чеховъ, А. Каштанка. С.-Пб. 1897. Ц. 50 к.

885. Шевченко, Т. Г. Кобзарь. Въ переводѣ русскихъ авторовъ подъ ред. Н. В. Гербея. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.

886. **Вогословскій, Е.** Интересъ изученія древней русской литературы. Лекція въ пользу Общества вспомошествованія нуждающимся ученикамъ Кубанской войсковой гимназiи. Екатеринодаръ. 1889. Ц. 25 к.

887. **Витте де, Е.** Народное творчество. Сказки и былины и „Слово о полку Игоревѣ“ въ оригиналѣ и новомъ переводѣ. Съ примѣчанiями и приложенiями. Ковно. 1889. Ц. 75 к.

888. **Владиміровъ, П.** „Слово о полку Игоревѣ“. Изъ лекцій. Вып. I. Кіевъ. 1894. Оттискъ изъ Кіевскихъ „Университетскихъ Извѣстій“ за 1894 г. Ц. 50 к.

889. **Евстафьевъ, П.** Древняя русская литература. Вып. I — Устная народная словесность. Изд. 6-е. С.-Пб. 1894. Ц. 50 к. Вып. II. Книжная словесность, изд. 5-е. С.-Пб. 1894. Ц. 75 к. Вып. III. Новая русская литература, изд. 10-е. С.-Пб. 1893. Ц. 1 р. 50 к.

890. **Житецкiй, П.** Теорiя сочиненiя съ хрестоматiей. Кіевъ, 1895. Ц. 1 р.

891. **Карауловъ, Г.** Очерки исторiи русской литературы въ 2-хъ томахъ. М. 1885. Ц. 3 р. 50 к.

892. **Либровичъ, Сигизмундъ.** Пушкинъ въ портретахъ. Исторiя изображенiй поэта въ живописи, гравюрѣ и скульптурѣ. Съ 70 иллюстраціями. С.-Пб. 1890. Ц. 3 руб.

893. **Маркевичъ, А.** Юрiй Крижаничъ и его литературная дѣятельность. Варшава. 1876. Ц. 1 р. 50 к.

894. **Незеленовъ, А.** Исторiя русской словесности. 2 ч. С.-Пб. 1895. Ц. 2 р.

895. **Покровскiй, В.** Сокращенная историческая хрестоматiя. Пособіе при изученiи русской словесности. Для учениковъ стар. клас. ср.-учеб. зав. М. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

896. **Покровскiй, В.** Позвiя, какъ главный факторъ эстетическаго развитiя. М. 1885. Ц. 1 р.

897. **Половой, П.** Исторiя русской литературы въ очеркахъ и биографiяхъ. Ч. I. Древнiй періодъ. Изд. 5-е. С.-Пб. 1885. Ц. 2 р. 50 к. Ч. II. Новыи и новѣйшiй періодъ. Изд. 5-е дополненное. С.-Пб. 1890. Ц. 2 р. 50 к.

898. **Русская классная библиотека**, издаваемая подъ редакціею А. Н. Чудинова. 25 выпусковъ. Пособіе при изученiи русской литературы:

Вып. I. Слово о полку Игоря. С.-Пб. 1891. Ц. 30 к. II. Домострой. 1891. Ц. 45 к. III. Басни русскихъ писателей въ сравнитель-

номъ изученія. 1891. Ц. 40 к. IV. Григорій Котошихинъ. 1891. Ц. 30 к. V. Баллады В. А. Жуковского. Ц. 65 к. VI. Горе отъ ума А. С. Грибоѣдова. 1891. Ц. 45 к. VII. Д. И. Фонъ-Визинъ. Избранныя сочиненія. 1892. Ц. 50 к. VIII. Н. М. Карамзинъ. Избранныя сочиненія. Ч. I. 1892. Ц. 55 к. IX. Н. М. Карамзинъ. Избранныя сочиненія. Ч. II. 1892. Ц. 60 к. X. М. В. Ломоносовъ. Избранныя сочиненія. 1892. Ц. 35 к. XI. Г. Р. Державинъ. Избранныя сочиненія. 1893. Ц. 40 к. XII. Кн. А. Д. Кантемиръ. Избранныя сатиры. 1893. Ц. 40 к. XIII. Быливы. 1893. Ц. 50 к. XIV. А. П. Сумароковъ. Избран. драм. произв. 1893. Ц. 50 к. XV. Типы скунаго въ произведеніяхъ русской и иностранной лит. 1893. Ц. 40 к. XVI. Лѣтописецъ Несторъ. 1893. Ц. 50 к. XVII. Импер. Екатерина II. Избран. сочиненія. 1894. Ц. 45 к. XVIII. Русская народная лирика. 1894. Ц. 40 к. XIX. Древне-русскіе повѣсти и романы. 1895. Ц. 40 к. XX. М. М. Херасковъ. Россіада. 1895. Ц. 60 к. XXI. И. И. Дмитриевъ. Избран. стихотв. 1896. Ц. 40 к. XXII. В. Н. Татищевъ. Духовная моему сыну. 1896. Ц. 30 к. XXIII. Е. А. Баратынскій. Избран. сочин. 1896. Ц. 50 к. XXIV. Житіе и хоженіе Данила. 1896. Ц. 50 к. XXV. Н. И. Новиковъ. Избранныя статьи изъ „Живописца“ и „Тругна“. 1896. Ц. 35 к.

899. Штепенко, Вл. Пособіе для историческаго изученія главнѣйшихъ произведеній древнерусской словесности—устной и письменной. Керчь. 1895. Ц. 1 р.

900. Яковлевъ, В. Учебная библіотека. Лѣтопись Нестора. Съ примѣчаніями. Спб. 1891. Ц. 35 к.

901. Яковлевъ, В. Учебная библіотека. Слово о полку Игоревѣ. Съ примѣчаніями. Спб. 1891. Ц. 25 к.

Старшій возрастъ.

902. Анненковъ, П. В. Воспоминанія и критическіе очерки, собраніе статей и замѣтокъ (1849—1868). Отдѣлъ I. С.-Пб. 1877. Отдѣлъ II. С.-Пб. 1879. Отдѣлъ III. С.-Пб. 1881. Каждый отдѣлъ по 1 р.

903. Анненковъ, П. В. и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1835—85 годовъ. С.-Пб. 1892. Ц. 3 р.

904. Баратынскій, Е. А. Сочиненія. С.-Пб. („Дешевая библіотека“ Суворина). Ц. 25 к. (Ср. „Опытъ“ № 1172, стр. 78).

905. Вестужевъ, А. А. (Марлинскій). Избранныя сочиненія, вошедшія въ составъ „Дешевой библіотеки“ Суворина: 1) Латникъ.

Ц. 10 к. 2) Разказъ офицера, Красное покрывало и др. Ц. 15 к.
3) Лейтенантъ Вѣлзоръ. Ц. 15 к. (Ср. „Опытъ“ № 1175).

906. **К. Р.** 1) Стихотворенія (1879—1885). Изд. 2-е. С.-Пб. 1889. Ц. 2 р. 2) Новыя стихотворенія (1886—1888). Спб. 1889. Ц. 1 р. 3) Севастьянъ-мученикъ. Стихотвореніе. Спб. 1890. Ц. 50 к.

907. **Квитка.** Собраніе сочиненій. III — VI. Харьковъ. 1889 — 1894. Ц. 5 р. 75 к.

908. **Короленко, В.** Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. М. 1888. Ц. 75 к.

909. **Крестовскій, В.** (псевдонимъ). Сочиненія. 5 томовъ. С.-Пб. 1892. Ц. 15 р., а также отдѣльно изданные разказы (см. „Опытъ“ изд. 1896 г., стр. 8 и 74, выноска).

910. **Милуковъ, А.** Литературныя встрѣчи и знакомства. С.-Пб. 1890. Ц. 1 р.

911. **Покровскій, В.** Историческая хрестоматія. Пособіе при изученія русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній и для преподавателей. Вып. V. М. 1889. Ц. 2 р. 50 к. Вып. VI. М. 1891. Ц. 2 р. Вып. VII. М. 1891. Ц. 1 р. 50 к. Вып. VIII. М. 1891. Ц. 1 р. 50 к. Вып. IX. М. 1893. Ц. 1 р. 50 к. (Ср. „Опытъ“ 1896. № 1220, стр. 82).

912. **Посошковъ, И.** Отеческое завѣщаніе къ сыну. (Здѣсь помѣщена и вторая часть „Завѣщанія“, оставшаяся доселѣ неизвѣстною и изданная по найденному въ синодальномъ архивѣ списку). Изд. Синодальной типографіи. С.-Пб. 1897.

913. **Пушкинъ, А. С.** Письма къ разнымъ лицамъ. Письма къ женѣ. С.-Пб. 1891. Ц. 15 к. (Томъ этотъ въ 604 страницы входитъ въ составъ сочиненій Пушкина, изд. Суворина, но продается и отдѣльно, такъ же какъ и прочіе томы „Сочиненій“ Пушкина, что дѣлаетъ ихъ удобными для распределенія сочиненій Пушкина по класснымъ бібліотекамъ, даже предпочтительно передъ „Пушкинской бібліотекой“ Павленкова, указанной въ „Опытѣ“ № 1225).

914. **Рылѣевъ, К. Ѳ.** Думы и поэмы. Изд. Суворина. С.-Пб. 1893. Ц. 20 к.

915. **Смирнова, А. О.** Записки. (Изъ записныхъ книжекъ 1825—1845). Изд. „Сѣвернаго Вѣстника“. Ч. I. С.-Пб. 1895. Ц. 2 р.

916. **Сумцовъ, Н.** Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ. Харьковъ. 1885. Ц. 1 р. 50 к.

917. **Фотъ, А. А.** Ранніе годы моей жизни. Москва. 1893.

918. **Фотъ, А. А.** Мои воспоминанія (1848—1889). М. 1890. Въ 2-хъ частяхъ. Ц. 4 р.

919. Аверкіевъ, Д. О драмѣ. Критическое разсужденіе. Съ приложеніемъ статьи: Три письма о Пушкинѣ. С.-Пб. 1893. Ц. 1 р. 50 к.

920. Алферовъ, А., Грузинскій, А., Нелидовъ, Ф., Смирновъ, С. Десять чтеній по литературѣ. Русскіе народныя пѣвцы.—Максимъ Грекъ.—Хулители наукъ въ Екатерининской сатиры XVIII вѣка.—Д. И. Фонъ-Визинъ.—С. Т. Аксаковъ.—Д. В. Григоровичъ.—В. Г. Бѣлинскій.—Петрушка.—Сервантесъ.—Дефозъ. Съ 29 рис. Изд. А. Мамонтова. М. 1895. Ц. 1 р.

921. Андреевскій, С. Литературныя чтенія. Изд. 2-е. С.-Пб. 1891. Ц. 1 р.

922. Анненская, А. Н. В. Гоголь, его жизнь и литературная дѣятельность. Съ портретомъ. С.-Пб. 1891. Ц. 25 к.

923. Барышниковъ, П. Жизнь Алексѣя Кольцова (въ память пятидесятилѣтія его смерти). Изд. книжн. маг. „Начальная школа“ Тихомировой. М. 1893. Ц. 25 к.

924. Врилантъ, С. Фонъ-Визинъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Съ портретомъ. С.-Пб. 1892. Ц. 25 к.

925. Врилантъ, С. Г. Р. Державинъ, его жизнь и литературная дѣятельность. С.-Пб. 1893. Ц. 25 к.

926. Вѣлосерская, Н. Василій Трофимовичъ Нарѣжный. Историко-литературный очеркъ, удостоенный Уваровской преміи въ 1893 г. Изд. 2-е, исправл. и дополн. С.-Пб. Изд. Л. Пантелѣева. 1896. Ц. 1 р. 75 к.

927. Васильевъ, С. Драматическіе характеры. Вып. I. Молчаливъ. II. Софья. Изд. театральной библ. С. Разсохина. М. 1889—1890. Ц. вып. 1 р.

928. Веселовскій, А. Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Сравнительно-историческіе очерки. М. 1883. Ц. 1 р. 50 к.

929. Гаршинъ, Евг. Русская литература XIX в. Опытъ исторіи по новѣйшей русской словесности въ біографіяхъ, характеристикахъ и образцахъ. Т. I. Вып. 1. С.-Пб. 1891. Ц. 60 к.

930. Зелинскій, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя. Ч. I. (1829—42 гг.). М. 1889. Ц. 1 р. Ч. II. М. 1893. Ц. 1 р.

931. Зелинскій, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронолог. сборникъ критико-библіограф. статей въ 3-хъ частяхъ. По 1 р. М. 1887—1888.

932. **Зелинскій, В.** Русская критическая литература о произведеніяхъ И. С. Тургенева. Вып. I. Изд. 2-е. М. 1895. Ц. 2 р. Вып. II. Ц. 2 р.

933. **Зелинскій, В.** Русская критическая литература о произведеніяхъ гр. Л. Н. Толстого, въ 3-хъ частяхъ. М. 1888. Ч. I. (1854—1862). Ч. II. (1862—1865). Ч. III. (1865—1868). Ц. по 1 р. за часть.

934. **Зелинскій, В.** Критическіе комментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго. Хронолог. сборникъ критико-библиографическихъ статей, въ 2-хъ частяхъ. Ц. 2 р.

935. **Ивановъ, И. И. С.** Тургеневъ, его жизнь, личность, творчество. С.-Пб. 1896. Ц. 2 р.

936. **Кирпичниковъ, А.** Очерки по исторіи новой русской литературы. Слб. 1896. Изд. Л. Пантелѣва. Ц. 2 р. 50 к.

937. **Кулишъ, Н.** Записки о жизни Гоголя, составленныя изъ воспоминаній его друзей и знакомыхъ и изъ его собственныхъ писемъ, въ 2-хъ том., съ портр. С.-Пб. 1856. Ц. 3 р.

938. **Майковъ, Л.** Историко-литературныя очерки. С.-Пб. 1895. Изд. Пантелѣва. Ц. 2 р.

939. **Майковъ, Л.** Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій. С.-Пб. 1889. Ц. 2 р. 50 к.

940. **Матвѣевъ, П.** Гоголь и его „Переписка съ друзьями“. С.-Пб. 1894 Ц. 1 р. 50 к.

941. **Незеленовъ, А.** Островскій въ его произведеніяхъ. С.-Пб. 1888. Ц. 1 р. 50 к.

942. **Потебня, А.** Изъ лекцій по теоріи словесности. „Васня, половицы, поговорки. Харьковъ. 1894. Ц. 1 р. 35 к.

943. **Страховъ, Н.** Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. Въ 3-хъ книжкахъ, историческіе и критическіе очерки. Кн. 3-я. С.-Пб. 1896. Ц. 1 р. 50 к. (Ср. „Опытъ“, № 1268, стр. 85).

944. **Сумцовъ, Н.**, проф. В. Θ. Одоевскій. Харьковъ. 1884. Ц. 60 к.

945. **Сумцовъ, Н.**, проф. Этюды о Пушкинѣ. Вып. I—IV (разборъ мелкихъ стихотвореній поэта). Варшава и Харьковъ. 1803—1896. Ц. по 1 р. за вып.

946. **Сусловъ, А.** Разборъ комедіи „Горе отъ ума“, читанный на литературной бесѣдѣ 8-го января въ м. Хони по случаю столѣтія со дня рожденія А. С. Грибоедова. Тифлисъ. 1895. Ц. 40 к.

947. Трубачевъ. С. Пушкинъ въ русской критикѣ (1820 — 1880). С.-Пб. 1889. Ц. 2 р.

948. Туловъ, М. Руководство къ познанію родовъ, видовъ и формъ поэзіи. Кіевъ. 1853. Ц. 2 р. 50 к.

949. Царевскій, А. Посошковъ и его сочиненія. Обзоръ сочиненій Посошкова (изданныхъ и неизданныхъ) со стороны ихъ религіознаго характера и историко-литературнаго значенія. М. 1883 г.

950. Царевскій, А. Иванъ Тихоновичъ Посошковъ въ исторіи русскаго прогресса. Публичная рѣчь. читанная на магистерскомъ диспутѣ въ Казанской духовной академіи. С.-Пб. 1883. Ц. 20 к.

951. Чешихинъ, Вс. Жуковскій, какъ переводчикъ Шиллера. Критическій этюдъ. Рига. 1895. Ц. 60 к.

952. Шенрокъ, В. Матеріалы для біографіи Гоголя. Т. I. М. 1892. Ц. 2 р. Т. II. 1893. Ц. 2 р. Т. III. 1895. Ц. 3 р.

3. КЛАССИЧЕСКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Средній возрастъ.

953. Алексѣевъ, В. Древне-греческіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. С.-Пб. 1895. Ц. 3 р.

954. Гомеръ. Илиада. Перев. Н. Минскаго. М. 1896. Ц. р. 75 к.

955. Войтевнъ. Краткое руководство по греческимъ древностямъ. Перев. со 2-го нѣмецкаго изданія К. Зембергъ. Рига. 1890. Цѣна 1 р. 50 к.

956. Георгіевскій, М. Древне-классическія реалии. С.-Пб. 1894. Ц. 70 к.

957. Герои и героини греческихъ трагедій въ разсказахъ для всѣхъ возрастовъ. С.-Пб. 1890. („Дешевая бібліотека“ Суворина). Ц. 15 к.

958. Петушилъ. Очерки римскихъ государственныхъ древностей. Харьковъ. 1895.

959. Санчуровскій. Краткій очеркъ римскихъ древностей. С.-Пб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Старшій возрастъ.

960. **Анакреонъ.** Сочиненія. Изд. Ледерле. С.-Пб. 1896. Ц. 60 коп.
961. **Аристотель.** Объ искусствѣ поэзіи. Греческій текстъ, съ переводомъ и объясненіями В. Апелльрота. Москва. 1893. Ц. 50 к.
962. **Аристотель.** Риторика. Пер. Платоновой. С.-Пб. 1894. Ц. 1 р.
963. **Аристофанъ.** Лагушки. Перев. и примѣчанія К. Нейлисова. С.-Пб. 1887. Ц. 65 к.
964. **Аристофанъ.** Облака. Перев. Алексѣева. С.-Пб. 1893. („Дешевая бібліотека“ Суворина). Ц. 20 к.
965. **Виргилій.** Энеида. Пер. Квашнина-Самарина. Спб. 1893. Ц. 2 р.
966. **Гомеровскіе гимны I, IV—XXVIII.** Перев. Шестакова. Базань. 1891. Ц. 1 р. 50 к.
967. **Кебетъ.** Картина. Перев. съ греч. В. Алексѣева. С.-Пб. 1888. Ц. 20 к.
968. **Ливій, Т.** Римская исторія. Перев. подъ ред. Адрианова М. 1893—1896. Ц. 3 р. 80 к.
969. **Лисій.** Рѣчи. Перев. Версилова. 3 выпуска. С.-Пб. 1895. Ц. 1 р. 90 к.
970. **Маркъ Аврелій Антонинъ,** императоръ. Къ самому себѣ. Размышленія. Перев. Пл. Краснова. С.-Пб. 1896. („Дешевая бібліотека“ Суворина). Ц. 25 к.
971. **Марціалъ.** Эпиграммы. Пер. Фета. М. 1891. Ц. 4 р.
972. **Овидій.** Скорби. Пер. А. Фета. М. 1894. Ц. 3 р.
973. **Петроній.** См. „Библіотека европейскихъ писателей и мыслителей“ В. Чуйко. Вып. VIII. С.-Пб. 1882. Ц. 75 к.
974. **Плавтъ.** Трехгрошевый день. Перев. Эйгесъ. С.-Пб. 1895. („Дешевая бібліотека“ Суворина). Ц. 15 к.
975. **Плавтъ.** Хвастливый солдатъ. Перев. Алексѣева. С.-Пб. 1895. („Дешевая бібліотека“ Суворина). Ц. 15 к.
976. **Полибій.** Всеобщая исторія въ 40 кв. Пер. О. Мищенко. М. 1893—1896. Ц. 11 р.
977. **Сенека, Л.** Избранныя письма къ Люцілю. Пер. Краснова. С.-Пб. 1893. Ц. 30 к.
978. **Сенека, Л.** Сатира на смерть императора Клавдія. Пер. Алексѣевъ. С.-Пб. 1891. Ц. 30 к.

979. Софокль. Царь Эдипъ. Пер. съ греч. въ стихахъ Ольги Вейсъ, съ предисловіемъ В. Грингмута. Москва. 1893. Ц. 50 к. То же въ прозаическомъ переводѣ Алексѣева. С.-Пб. („Дешевая библ.“ Суворина). Ц. 15 к.

980. Софокль. Электра. Пер. П. Занкова. С.-Пб. 1891. („Дешевая библіотека“ Суворина). Ц. 12 к.

981. Софокль. Эдипъ въ Колонѣ. Перев. Алексѣева. С.-Пб. 1896. („Дешевая библіотека“ Суворина). Ц. 10 к.

982. Сульпиція. О положеніи ученыхъ въ правленіе Домиціана. Повѣсть въ стихахъ римской поэтессы Сульпиціи. (Введеніе, переводъ и примѣчанія Черняева). Казань. 1893. Ц. 30 к.

983. Теренцій. Андрианка. Перев. Алексѣева. С.-Пб. 1896. („Дешевая библіотека“ Суворина). Ц. 15 к.

984. Цицеронъ. Рѣчи противъ Катилины. Пер. съ латинскаго Алексѣевъ. Изд. 2-е, исправл. и дополн. С.-Пб. 1896. Ц. 40 к.

985. Цицеронъ. Философскій трактатъ о старости и дружбѣ. М. 1866. Ц. 50 к.

986. Эврипидъ. Ипполить. Перев. Е. Шнейдера. М. 1889. Ц. 50 к.

987. Эврипидъ. Альцеста. Перев. Е. Шнейдера. М. 1890. Ц. 50 к.

988. Эврипидъ. Медея, Неистовый Гераклъ, Алкестида, Ионъ, Ифигенія въ Авлидѣ, Ифигенія въ Тавридѣ, Вакханки, Гипполить (8 книжекъ). Перев. съ греч. В. Алексѣева, съ введеніемъ и примѣчаніями. („Дешевая библ.“ Суворина). Ц. каждой книжки 10 к.

989. Эпиктетъ. Афоризмы. Пер. Алексѣева. („Дешевая библ.“ Суворина). С.-Пб. Ц. 7 к.

990. Эпиктетъ. Основанія стоицизма. Перев. Алексѣева. С.-Пб. 1888. Ц. 25 к.

991. Эпиктетъ. Настольныя замѣтки стоической морали. Казань. 1883. Ц. 30 к.

992. Эсхиль. Прикованный Прометей. Трагедія. Пер. В. Г. Апелльрота. М. 1888. Ц. 30 к.

993. Эсхиль. Орестія. Перев. Алексѣева. Вып. I. Агамемнонъ. Ц. 20 к. Вып. II. Хозфоры. Ц. 15 к. С.-Пб. („Дешевая библіотека“ Суворина).

994. Эсхиль. Прикованный Прометей. Перев. В. Алексѣева. С.-Пб. 1890. („Дешевая библіотека“ Суворина). Ц. 10 к.

995. Ювеналь. Сатиры. Пер. Адольфа. М. 1888. Ц. 8 р.

996. **Аппельротъ.** Великіе греческіе ваятели IV в. до Р. Х. Вып. I. М. 1894.
997. **Ардашевъ.** Переписка Цицерона, какъ матеріалъ для біографіи Цезаря. М. 1890. Ц. 2 р.
998. **Водуанъ-де-Куртенэ.** Изъ лекцій по латинской фонетикѣ. Воронежъ. 1894.
999. **Вреаль.** Древніе языки въ среднемъ образованіи. Перев. Сперанскаго. М. 1892. Ц. 75 к.
1000. **Вуасье, Гастонъ.** Виргилій. Изъ послѣдней археологической побѣдки. Пер. съ франц. Съ картою. Оренбургъ. 1891. Ц. 1 р.
1001. **Гельвихъ.** Наблюденіе надъ именами прилагательными у Плавта. С.-Пб. 1894. Ц. 2 р. 50 к.
1002. **Гинрихсъ.** Греческая эпиграфика. Пер. Никитскаго. Одесса. 1893.
1003. **Джеббъ.** Гомеръ. Введеніе къ Иліадѣ и Одиссеѣ. С.-Пб. 1891. Ц. 1 р. 50 к.
1004. **Джеббъ.** Исторія греческой литературы. М. 1891. Ц. 1 р. 50 к.
1005. **Эллидинскій, Я.** Религіозно-нравственное міровоззрѣніе Плутарха Херонейскаго. С.-Пб. 1893. Ц. 3 р.
1006. **Зенгеръ.** Критическій комментарий къ нѣкоторымъ спорнымъ текстамъ Горація. Изд. 2-е. Варшава. 1895.
1007. **Мионовъ.** Картины загробной жизни въ греческой живописи на вазахъ. М. 1895. Ц. 2 р.
1008. **Мищенко, Ѳ.** Демосеенъ. Жизнь Демосеена и его труды. Кіевъ. 1894. Ц. 35 к.
1009. **Мищенко, Ѳ.** Краткій очеркъ греческой литературы отъ начала ея до половины XV в. по Р. Х. Кіевъ. 1893. Ц. 1 р. 50 к.
1010. **Олсуфьевъ, А.** гр. Марціалъ. Біографическій очеркъ. М. 1891. Ц. 1 р.
1011. **Павловскій.** Скульптура въ Атикѣ до греко-персидскихъ войнъ. С.-Пб. 1896. Ц. 4 р.
1012. **Тиховъ, А.** Греческая поэзія до Гомера. Изд. жур. „Гимназія“. Ревель. 1892. Ц. 75 к.
1013. **Фолькманъ.** Риторики грековъ и римлянъ. Пер. Веригинъ. Ревель. 1891.
1014. **Черняевъ, П.** Введеніе къ чтенію Виргилія. Странствованія Энея. Подробное изложеніе содержанія Энеиды Виргилія, съ обра-

цініємъ особаго вниманія на художественную сторону этой поэмы.
Казань. 1893. Ц. 50 к.

1015. Шестаковъ. О происхожденіи поэмъ Гомера. I. Казань. 1892.
Ц. 1 р. 25 к.

1016. Эмихонъ. Греческій и римскій театръ. Пер. И. Семенова.
М. 1894. Ц. 1 р.

4. ВСЕОБЩАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Младший возрастъ.

1017. Андерсенъ, Г. Сказки.

Сказки Андерсена пользуются заслуженною извѣстностью, издаются во множествѣ, и на нихъ въ школьныхъ бібліотекахъ спросъ большой, но далеко не всё сказки Андерсена пригодны для младшаго возраста: однѣ — въ виду слишкомъ мрачнаго характера (Мать, Красные башмачки, Продащица спичекъ), другія — въ виду своеобразнаго, узкаго мистицизма автора (таковы особенно сказки послѣдняго періода жизни Андерсена). Хорошо составленный сборникъ избранныхъ сказокъ Андерсена для дѣтей младшаго возраста былъ бы очень желателенъ, но пока намъ такого сборника не попадалось. Собрать подходящія сказки Андерсена каждый Педагогическій Совѣтъ или классный наставникъ могъ бы для даннаго класса, пользуясь отдѣльно-отпечатанными сказками въ изданіи Павленкова. Жаль только, что онѣ напечатаны слишкомъ мелкимъ шрифтомъ. Хорошій подборъ сказокъ Андерсена въ хорошемъ переводѣ, хорошо изданный, былъ бы очень желателенъ.

1018. Амичисъ, де. Дневникъ школьника. С.-Пб. 1891. Ц. 2 р.

1019. Вернардень-де-Сентъ-Пьеръ. Павелъ и Виргинія. Пер. Е. Бекетовой, изд. Суворина. С.-Пб. 1892. Ц. 15 к.

1020. Вернетъ. Исторія маленькаго лорда. Пер. съ англ. подъ ред. Е. Сысоевой. С.-Пб. 1889. Ц. 1 р. 75 к.—То же, пер. С. Долгова. М. 1893. Ц. 1 р. 50 к.

1021. Бичеръ-Стоу. Г. Хижина дяди Тома. Изд. Суворина. 2 т. С.-Пб. 1893. Ц. 1 р. 20 коп. То же, изд. Губинскаго. С.-Пб. 1897. Ц. 1 р. 75 к.

1022. Гауфъ. Сказки. Пер. Даля. С.-Пб. Ц. 7 р. 50 коп. То же, перев. Зотова. С.-Пб. 1890. Ц. 1 р. 50 к.—То же, перев. Порозовской. С.-Пб. 1894. Продается отдѣльными выпусками отъ 10 до 18 к. за выпускъ.

1023. Два міра. Повѣсть изъ римской жизни первыхъ временъ христіанства. Передѣлала съ французскаго Ел. Бекетова. Съ 10 рис. С.-Пб. 1890. Ц. 1 р. 25 к. съ перес.

1024. Додэ, Ф. Изъ писемъ съ мельницы. М. 1880. Ц. 20 к.
1025. Зандъ, Жоржъ. Бабушкины сказки. Перев. съ франц. Изд. 2-е. С.-Пб. 1893. Ц. 2 р. 75 к.
1026. Круммахеръ. Притчи. Изд. Ледерле. С.-Пб. 1895. Ц. 40 к. Избранныя притчи Круммахера, изъ „Читальни народной школы“. С.-Пб. 1895. Ц. 10.—То же, изд. Тузова. С.-Пб. 1889. Ц. 25 к.
1027. Местръ (Ксавье де). Параша-Сибирячка. С.-Пб. („Дешевая библиотека“ Суворина). Ц. 10 к.
1028. Отецъ и сынъ. Персидское сказаніе о Рустемъ и Зорабъ. Къ ней объяснительная статья „Поздній даръ“ (Жизнь Фирдуси, Шахъ-Наме и проч.). С.-Пб. 1895. Ц. обѣимъ книжкамъ 18 к.
1029. Разсказы, заимствованныя у иностранныхъ писателей въ книжкахъ журнала „Читальня народной школы“. С.-Пб. 1894—1897:
- 1) Какъ у насъ первый громоотводъ ставили (по Ауэрбаху). Ц. 8 к.
 - 2) Славный паренъ (по Бьернсону). Ц. 10 к.
 - 3) Гибель Медузы (съ англ.) Ц. 12 к.
 - 4) Три дня (по Диккенсу).
 - 5) Королева шведская (по Генсену). Ц. 10 к.
 - 6) Жизнь за ласку (по Лаффранъ). Ц. 10 к.
 - 7) Рыбаки (по Лотти). Ц. 12 к.
 - 8) Черный царь (по Мериме). Ц. 8 к.
 - 9—11) Юліанка, Ц. 10 к.; Ходатай по крестьянскимъ дѣламъ, Ц. 12 к.; Въ зимній вечеръ. Ц. 8 к. (по Оржешко).
 - 12) Михайло-простота (по Прусу). Ц. 7 к.
 - 13—14) Побѣдитель. Ц. 10 к.; За моремъ. Ц. 7 к. (по Сенкевичу).
 - 15) Малытка (по Сентину). Ц. 15 к.
 - 16) Судья передъ судомъ (съ англ.). Ц. 7 к.
 - 17) По совѣсти (по Уайту). Ц. 10 к.
 - 18) Услуга за услугу (съ англ.). Ц. 10 к.
1030. Прусъ, В. Антекъ. С.-Пб. 1892. Ц. 15 к.
1031. Твенъ, Маркъ. Приключенія Финна. С.-Пб. Ц. 3 р.
1032. Уйда. Двѣ сказки. Въ пер. Гаршина. Изд. 2-е. С.-Пб. 1890. Ц. 75 к.
1033. Уйда. Сказки. С.-Пб. 1883. Ц. 2 р. (Ср. „Опытъ“ № 1353, стр. 90).
1034. Эрманъ-Шатрианъ. Лѣсничій Фердинандъ. Перев. А. Успенской. С.-Пб. 1891. Ц. 75 к.

Средній возрастъ.

1035. Гетэ. Гецъ фонъ Берлихингенъ. Перев. Хмѣлевой. Изд. Ледерле. С.-Пб. 1893. Ц. 40 к.
1036. Зандъ, Жоржъ. Повѣсти. Изд. Ледерле. С.-Пб. 1895. Ц. 80 к.

1037. **Зандъ, Жоржъ:** 1) Бѣсенокъ. Ц. 15 к. 2) Чортово болото. Ц. 15 к. 3) Пріемышъ. Ц. 15 к. („Дешева бібліотека“ Суворина).
1038. **Калевала.** Финскій эпосъ въ пересказѣ Н. Борисова. С.-Пб. 1889. Ц. 50 к.
1039. **Корнель, П. Гораціи.** Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Пер. въ стихахъ размѣромъ подлинника Льва Поливанова. Съ очеркомъ жизни Корнелія и съ объяснительными статьями. М. 1895. Ц. 1 р. То же переводъ М. Чайковского. С.-Пб. 1893. Ц. 12 к.
1040. **Корнель, П. Сидъ.** Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ. Пер. В. Лихачева. Изд. Суворина. С.-Пб. 1891. Ц. 12 к.
1041. **Лессингъ.** Эмилія Галотти. Изд. Ледерле. С.-Пб. 1894. Ц. 20 к.
1042. **Лонгфелло.** Гайавата. Сказка изъ жизни сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. Пер. и предисл. Д. Михаловскаго. Съ 30-ю рис. Н. Каразина. С.-Пб. 1890. Ц. 2 р.
1043. **Лонгфелло.** Стихотворенія въ переводѣ русскихъ писателей. Изданіе подъ редакцію Д. Михаловскаго. С.-Пб. 1894. Ц. 40 коп.
1044. **Мольеръ.** Скупой. Комедія. Пер. В. Лихачева. Изд. Суворина. С.-Пб. Ц. 15 к.
1045. **Острогорскій, В. Георгъ Краббъ,** англійскій поэтъ. С.-Пб. 1889. Ц. 10 к.
1046. **Сувестръ, Э.** Философъ на чердакѣ. Разсказъ, удост. преміи франц. акад. наукъ. Пер. О. Хмѣлевой. С.-Пб. 1894. Ц. 60 к.
1047. **Фарраръ.** На зарѣ христіанства. Историческій романъ. Переводъ Лопухина. С.-Пб. 1892. Ц. 3 р. Переработки того же романа для юношества: 1) Тьма и разсвѣтъ. С.-Пб. 1892. Ц. 1 р. и 2) На разсвѣтѣ христіанства. С.-Пб. 1893. Ц. 2 р.
1048. **Фо, Даніэль.** Жизнь и удивительныя приключенія Робинзона Крузо, юркскаго моряка. Пер. съ англ. Петра Кончаловскаго. Со мног. рис. въ текстѣ. М. 1888. Ц. 4 р. То же 2-е изданіе. М. 1897. Ц. 1 р. 50 к.
1049. **Фритіофъ.** Древне-скандинавское сказаніе. Изложилъ Н. Борисовъ. Спб. 1893. Ц. 60 к.
1050. **Шамиссо, А.** Чудесная исторія Петра Шлемиля. С.-Пб. 1890. Ц. 50 к.
1051. **Шекспиръ.** Гамлетъ. Перев. Н. Полеваго. („Дешева бібліотека“ Суворина). С.-Пб. Ц. 25 к.

1052. Шиллеръ. Его жизнь и избранныя стихотворенія. С.-Пб. 1887. Ц. 1 р. 50 к.

1053. Шиллеръ. Пѣсьнь о колоколѣ. Баллады. Лагерь Валленштейна. (Изъ собранія „Европейскіе классики въ русскомъ переводѣ“ подъ ред. П. Вейнберга. Остальные выпуски того же собранія указаны въ „Опытѣ“, стр. 91—94. Ср. также „Опытъ“ № 1383).

1054. Шиллеръ. Разбойники. Перев. Алексѣева. С.-Пб. 1896. Ц. 25 к.

1055. Эллиотъ, Дж. Ромола. Историческій романъ. Изд. Суворина. С.-Пб. 1893. Ц. 25 к.

Старшій возрастъ.

1056. Андерсенъ. Собраніе сочиненій, въ пер. А. и П. Ганзенъ. 4 тома. С.-Пб. 1895. Ц. 8 р.

1057. Аріостъ. Неистовый Роландъ. Перев. подъ ред. В. Зотова. С.-Пб. 1892. Ц. 4 р.

1058. Ауербахъ. Спиноза. Изд. Ледерле. С.-Пб. 1894. Ц. 80 к.

1059. Вайронъ. Невѣста Абидосская. Перев. Н. Козлова. С.-Пб. 1891. Ц. 10 к.

1060. Вальзакъ. Отецъ Семейства. (Père Goriot). С.-Пб. 1872. Ц. 35.

1061. Вьернстѣрнъ - Вьернсонъ. Повѣсти и рассказы. Перев. О. Петерсонъ. 2 части. С.-Пб. 1893. Ц. 1 р. 20 к.

1062. Гете. Разговоры, собран. Эккерманомъ. Пер. съ нѣм. Д. Аверкіева. С.-Пб. 1891. ч. I и II. Каждая часть по 1 р. 50 к.

1063. Гете. Фаустъ. Перев. Холодковского. С.-Пб. („Дешевая бібліотека“ Суворина). Ц. 25 коп.

1064. Гольдсмитъ. Векфильдскій священникъ. Перев. Ек. и Ел. Бекетовыхъ. С.-Пб. 1893. Ц. 25 к.

1065. Гофманъ. Житейскія воззрѣнія Кота Мура съ отрывками изъ біографіи капельмейстера Л. Кейслера. Перев. Бальмонта. Кн. I—III. С.-Пб. 1893. Ц. 70 к.

1066. Гудковъ. Уриель Авоста. Пер. Вейнберга. С.-Пб. 1895. Ц. 40 к.

1067. Гюго, В. Ганъ Исландецъ. Изд. Ледерле. С.-Пб. 1893. Ц. 80 к.

1068. Гюго, В. Соборъ Парижской Богоматери. С.-Пб. („Дешевая бібліотека“ Суворина). Ц. 60 к.

1069. **Гюго, В.** Трудники моря. С.-Пб. („Дешевая библиотека“ Суворина). Ц. 50 к.
1070. **Калевала.** Финская народная эпопея. Полное стихотвор. пер., съ предислов. и примѣч. Л. Бѣльскаго. С.-Пб. 1888. Ц. 3 р.
1071. **Балидаса.** Сагунтала. Перев. С. Эйгесъ. С.-Пб. 1893. Ц. 25 к.
1072. **Кюппе, Ф.** Стихотворенія. Подъ ред. П. Вейнберга. С.-Пб. 1889. Ц. 60 к.
1073. **Кюппе, Ф.** Разказы. Изд. Ледерле. С.-Пб. 1894. Ц. 60 к.
1074. **Курреръ - Велль.** Дженни Эйръ. Изд. Ледерле. С.-Пб. 1893. Ц. 80 к.
1075. **Ламартинъ.** Иоанна д'Аркъ. С.-Пб. 1889. Ц. 12 к.
1076. **Лессингъ, Г.** Гамбургская драматургія. Пер. съ нѣм. И. Разсадина. Съ предислов., примѣч. разныхъ комментаторовъ и алфавитнымъ указателемъ. Москва. 1883. Ц. 3 р.
1077. **Лотти, П.** 1) Исландскіе рыбаки. Изд. Ледерле. С.-Пб. 1893. Ц. 40 к. 2) Матросъ. С.-Пб. 1895. Ц. 40 к.
1078. **Макферсонъ.** Поэмы Оссиана. Перев. и примѣч. Е. Балабановой. С.-Пб. 18.. Ц. 3 р.
1079. **Мольеръ.** Довъ Жуанъ. Перев. Лихачева. С.-Пб. 1892. Ц. 15 к.
1080. **Мольеръ.** Мизантропъ. Пер. Л. Поливанова. М. 1889. Ц. 1 р. 50 к.
1081. **Мольеръ.** Мѣщанинъ въ дворянствѣ. Перев. В. Острогорскаго. С.-Пб. 1895. Ц. 40 к. То-же Перев. Лихачева. С.-Пб. 1893. Ц. 15 к.
1082. **Мольеръ.** Школа Женъ. Перев. Лихачева. С.-Пб. 1890. Ц. 15 к.
1083. **Нибелунги.** Пѣснь. Пер. съ средне-верхне-нѣмецкаго развѣромъ подлинника Кудряшева. Съ введеніемъ и примѣчаніями С.-Пб. 1890. Ц. 2 р.
1084. **Оржешко, Е.** Могучій Самсонъ. Разказъ. Москва. 1886. Ц. 7 к.
1085. **Расинъ, Ж.** Гоеолия (Athalie). Трагедія. 1891. Пер. развѣромъ подлинника Л. Поливановъ; съ портретомъ Расина. М. 1892. Ц. 2 р.
1086. **Сафиръ.** Избранныя мысли. Перев. подъ ред. Вейнберга С.-Пб. 1893. Ц. 30 к.
1087. **Свифтъ, Дж.** Путешествіе Гулливера. 2 ч. М. 1889. Ц. 4 р. 40 к.

1088. Шериданъ. Соперники. Перев. Вѣтринскаго. С.-Пб. 1894. Ц. 15 к.
1089. Шериданъ. Школа злословія. Перев. Вѣтринскаго. С.-Пб. 1894. Ц. 15 к.
1090. Эразмъ роттердамскій. Похвала глупости. Перев. А. Кирпичникова. М. 1884. Ц. 60 к.
1091. Ватюшковъ, Ѳ. Корнелевъ „Сидъ“. Историко-литературный анализъ пьесы (по поводу новѣйшихъ отзывовъ критики). „Ж. М. Н. Пр.“. 1895, № 8. Продается и отдѣльно. С.-Пб. 1895. Ц. 50 к.
1092. Веселовскій, А. Мизантропъ (опытъ новаго анализа пьесы и обзоръ созданной ею школы). Изъ „Этюдъ о Мольерѣ“. Изд. К. Солдатенкова. М. 1881. Ц. 2 р.
1093. Веселовскій, А. Тартюфъ. Исторія типа и пьесы. Монографія Веселовскаго. М. 1879. Ц. 2 р.
1094. Веселовскій, А. Этюды и характеристики. М. 1894. Ц. 2 р. 57 к.
1095. Гарусовъ. Очерки литературы древнихъ и новыхъ народовъ. Пособіе при изученіи словесности въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Вып. I. Поэзія драматическая. Москва. 1892. Ц. 2 р.
1096. Гаспари, Ад. Исторія итальянской литературы. Изд. К. Солдатенкова, перев. К. Вальмонта. М. Т. I. 1895. Ц. 3 р.
1097. Гетнеръ, Г. 1) Нѣмецкая литература 1648—1740. Перев. А. Пыпина и А. Плещеева. Изд. К. Солдатенкова. М. 1872. Ц. 2 р. 2) Періодъ бурныхъ стремленій. Перев. П. Барсова. М. 1875. Ц. 2 р. 75 к.
1098. Гетнеръ, Г. Французская литература въ XVIII в. Перев. А. Пыпина. Изд. О. Бакста. С.-Пб. 1866. Ц. 2 р.
1099. Горнъ, Фридрихъ - Винкель. Исторія скандинавской литературы отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Съ приложеніемъ этюда Ф. Швейцера: Скандинавское творчество новѣйшаго времени. Перев. К. Вальмонта. Изд. К. Солдатенкова. М. 1894. Ц. 2 р. 50 к.
1100. Бюхъ, Максъ, проф. марбургскаго университета. Шекспиръ. Перев. съ предислов. Н. Стороженка, изд. В. Маракуева. М. 1888. Ц. 2 р.
1101. Сентсбери. Краткая исторія французской литературы. С.-Пб. 1884. Ц. 40 к.

1102. Шмидтъ, Юліанъ. Исторія французской литературы (со времени революціи 1789 г.), въ 2-хъ томахъ. С.-Пб. 1863—1865. Ц. 4 р.

ОТДѢЛЪ VII.

Періодическія изданія, разрѣшенныя въ выпискѣ для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Согласно циркулярамъ Его Сіятельства г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 19 іюня 1896 г. (№ 15.075) и отъ 4 марта 1897 г. (№ 5587), а также опредѣленію Ученаго Комитета отъ 9 декабря 1896 г., утвержденному г. Товарищемъ Министра 19 декабря 1896 г.

- 1) „Вѣра и Разумъ“.
 - 2) „Вѣстникъ опытной физики и элементарной математики“.
 - 3) „Наука и Жизнь“.
-
- 4) „Всходы“.
 - 5) „Дѣтскій Отдыхъ“.
 - 6) „Дѣтское Чтеніе“.
 - 7) „Игрушечка“.
 - 8) „Родникъ“.
 - 9) „Читальня народной школы“.
-

ОТДѢЛЪ VIII.

Каталогъ французскихъ книгъ для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

I.

Для учебныхъ заведеній нашихъ, гдѣ учениковъ, твердо знающихъ французскій языкъ, немного, а между тѣмъ пріохотить учащихся къ чтенію на французскомъ языкѣ очень желательно, прежде всего необходимо имѣть въ ученическихъ библіотекахъ хорошія изданія фран-

цузскихъ авторовъ, снабженныя объясненіями и словарями. Ихъ въ настоящее время уже довольно много. Таковы нижепоименованныя изданія, бывшія на разсмотрѣніи Ученаго Комитета:

1. *Cornelle, P. Le Cid.* Объясн. В. Баралевскій, изд. С. Манштейнъ. Ц. 40 к. То же. Объясн. В. Игнатовичъ, изд. Д. Полубоариновъ. Ц. 55 к.

2. *Cornelle, P. Horace.* Объясн. В. Игнатовичъ, изд. Д. Полубоариновъ. Ц. 45 к.

3. *Fenillet, O. Le Village.* Объясн. В. Игнатовичъ, изд. С. Манштейнъ. Ц. 30 к. То же. Объясн. и изд. А. Алексѣевъ. Ц. 30 к.

4. *Malstre, X. (de). Prascovie ou la jeune Sibérienne.* Объясн. А. Пильцъ, изд. С. Манштейнъ. Ц. 30 к. То же. Объясн. и изд. А. Алексѣевъ. Ц. 35 к.

5. *Malstre, X. (de). Les prisonniers du Caucase. Le Lérgeux de la cité d'Aoste.* Объясн. и изд. А. Алексѣевъ. Ц. 40 к.

6. *Mollère, P. L'Avare.* Объясн. К. Фельн, изд. С. Манштейнъ. Ц. 40 к. То же. Объясн. В. Игнатовичъ, изд. Д. Полубоариновъ. Ц. 55 к.

7. *Mollère, P. Le Bourgeois gentilhomme.* Объясн. Ю. Лефрансуа, изд. С. Манштейнъ. Ц. 40 к. То же. Объясн. В. Игнатовичъ, изд. Д. Полубоариновъ. Ц. 55 к.

8. *Mollère, P. Le Misanthrope.* В. Игнатовичъ, изд. Д. Полубоариновъ. Ц. 45 коп. То же. Объясн. и изд. А. Алексѣевъ. Ц. 40 к.

9. *Mollère, P. Les femmes savantes.* Объясн. В. Игнатовичъ, изд. Д. Полубоариновъ. Ц. 45 к.

10. *Racine, J. Athalie.* Объясн. В. Игнатовичъ, изд. Д. Полубоариновъ. Ц. 45 к. То же. Объясн. и изд. А. Алексѣевъ. Ц. 40 к.

11. *Racine, J. Esther.* Объясн. В. Игнатовичъ, изд. Д. Полубоариновъ. Ц. 55 к.

12. *Rollin. Biographies d'hommes célèbres de l'antiquité.* Объясн. и изд. А. Алексѣевъ. Ц. 40 к.

13. *Scribe. La Samaraderie.* Объясн. К. Фельн, изд. С. Манштейнъ. Ц. 40 к.

14. *Séguir (comte de). La bataille de la Moscova.* Объясн. К. Фельн, изд. С. Манштейнъ. Ц. 40 к.

15. *Séguir (comte de). Le passage de la Bérézina.* Объясн. и изд. А. Алексѣевъ. Ц. 45 к.

16. *Souvestre, E. Au coin du feu.* Объясн. В. Баралевскій, изд.

С. Манштейнъ. Ц. 30 к. То же. Объясн. и изд. А. Алексѣевъ. Ц. 40 к.

17. **Thierry, A.** La Conquête de l'Angleterre. Объясн. В. Игватовичъ, изд. С. Манштейнъ. Ц. 40 к.

18. **Thiers.** Napoléon à S-te Hélène. Объясн. и изд. А. Алексѣевъ. Ц. 55 к.

19. **Voltaire A. (de).** Histoire de Charles XII. Объясн. В. Игватовичъ, изд. С. Манштейнъ. Ц. 50 к. То же. Объясн. и изд. А. Алексѣевъ. Ц. 65 к.

II.

Для учениковъ, свободнѣе владѣющихъ французскимъ языкомъ, предлагаются слѣдующія книги:

Младшій возрастъ.

20. **Achard, A.** Histoire de mes amis.
21. **Casteyras.** Aventures de trois enfants en Algérie.
22. **Chazel.** Le Chalet des sapins.
23. **Daudet, A.** Histoire d'un enfant.
24. **Dumas, A.** La bouillie de la comtesse Berthe.
25. **Gouraud, I.** Mémoires d'un caniche,
26. **Maistre, X., de.** le lépreux de la cité d'Aoste.
27. — La jeune sibérienne (Prascovie).
28. — Les prisonniers du Caucase.
29. **Malot, H.** Romain Kalbris.
30. **Muller.** Jeunesse des hommes célèbres.
31. — Morale en action par l'histoire.
32. **Nantueil, m-me de.** Capitaine.
33. **Nodier, Ch.** Contes choisis.

Средній возрастъ.

A. Сочиненія въ прозѣ.

34. **About, É.** Le roman d'un brave homme.
35. **Balzac.** Le médecin de campagne.
36. **Barante.** Histoire des ducs de Bourgogne.
37. **Barreau.** Livre de morale pratique. Choix de préceptes et de beaux exemples.

38. **Barthélemy.** Voyage d'Anacharsis en Grèce.
39. **Blanchère, de la.** Oncle Tobie le pêcheur.
40. **Boussenard.** A travers l'Australie.
41. **Brueys.** Le Grondeur.
42. — L' Avocat Patelin.
43. **Casin.** Un drame dans la montagne.
44. **Daudet, A.** Lettres de mon moulin.
45. — Contes choisis.
46. **Dumas, A.** La Tulipe noire.
47. — Le Coricolo.
48. **Fayette, m-me de la.** La princesse de Clèves.
49. **Fénelon.** Aventures de Télémaque.
50. **Feuillet, O.** Le roman d'un jeune homme pauvre.
51. — Le village.
52. **Gandinet.** Le Panache.
53. **Garsault.** Causeries d'un grand père.
54. **Halévy.** L' Abbé Constantin.
55. **Karr, A.** Geneviève.
56. — Voyage autour de mon jardin.
57. **Lamartine.** Graziella.
58. **Marmontel.** Bélisaire.
59. — Les Incas.
60. **Meilhac.** L'été de la Saint-Martin.
61. **Mérimée, Pr.** Colomba.
62. — Nouvelles.
63. **Michaud.** Histoire des Croisades.
64. **Le Sage.** Gil-Blas de Santillane (édit. épurée).
65. **Saintine.** Picciola.
66. **Sand, George.** La petite Fadette.
67. — La Mare au diable.
68. — François le Champi.
69. — Les Maîtres mosaïstes.
70. — Histoire du véritable Gribouille.
71. **Sardou.** Nos bons villageois.
72. — Les pattes de mouche.
73. **Scribe, É.** La Camaraderie.
74. — Le Verre d'eau.
75. **Sedaine.** Le Philosophe sans le savoir.
76. **Séjur.** Mémoires et Anecdotes.

77. Souvestre, É. Au coin du feu.
78. — Sous la tonnelle.
79. — Les derniers Bretons.
80. — Un philosophe sous les toits.
81. — La dernière étape.
82. Sue, Eug. La Salamandre.
83. Theuriot. Contes pour les enfants et pour les vieux.
84. Toepffer. Voyage en zig - zag.
85. — Nouvelles genevoises.
86. — Le Presbytère. Rose et Gertrude.
87. Vigny, A. de. Cinq - Mars.

Б. СОЧИНЕНИЯ ВЪ СТИХАХЪ.

88. Brizeux. Poésies.
89. Collin d'Harleville. Le Vieux célibataire.
90. Destouches. Le glorieux.
91. Doucet, C. Le fruit défendu.
92. Fabre d'Églantine. Le Philinte de Molière.
93. Florian. Fables.
94. La Fontaine. Fables.
95. Gilbert. Poésies.
96. Gresset. Le Méchant.
97. Regnard. Le Légataire universel.
98. — Le Joueur.
99. Vigny, Al. de. Poèmes anciens et nouveaux.

Старый возрастъ.

А. СОЧИНЕНИЯ ВЪ ПРОЗЪ.

100. Augier. Le gendre de M. Poirier. Un beau mariage.
101. Barrière. Les faux bons hommes.
102. Chateaubriand. Le dernier Abencerage.
103. — Atala.
104. — Le génie du Christianisme.
105. — Les martyrs.
106. — René.
107. — L'Itinéraire de Paris à Jérusalem.

108. — Voyage en Italie et au Mont - Blanc. Voyage en Amérique.
109. **Daudet, A.** Fromont jeune et Risler aîné.
110. — Jack.
111. **Dumas, A.** Midi de la France.
112. — Italie.
113. — Impressions de voyage en Suisse.
114. **Feuillet, O.** Scènes et Comédies.
115. — Scènes et Proverbes.
116. **Hugo, Victor.** Notre Dame de Paris.
117. — Han d' Islande.
118. — Bug Jargal
119. — Hernani.
120. — Les Burgraves.
121. — Les travailleurs de la mer.
122. — L' Art d'être grand-père.
123. **Karr, Alph.** Les Fées de la mer.
124. **Lamartine.** Geneviève. Le Tailleur de pierre de Saint-Point.
125. **Maistre, X. de.** Voyage autour de ma chambre. Expédition nocturne.
126. **Michelet.** Jeanne d' Arc.
127. — Louis XI et Charles le Téméraire.
128. — L'insecte. L'oiseau. La mer.
129. **Molière.** L' Avare. Le Bourgeois gentilhomme. Le Malade imaginaire. L'Ecole des maris. L'Ecole des femmes. Les précieuses ridicules.
130. **Montesquieu.** Considérations sur les causes de la grandeur et de la décadence des romains.
131. **Nodier, Ch.** Jean Sbogar.
132. — Adèle.
133. — Thérèse Aubert.
134. — La Fée aux miettes.
135. — Trésor des fèves.
136. — Mademoiselle de Marsan.
137. **Picard, L. B.** La petite ville (comédie).
138. — Las amis de collègue (comédie).
139. **Ponsard.** La Bourse.
140. — L' honneur et l' argent.
141. **Racine, J.** Oeuvres.
142. **Rollin.** Biographies d'hommes célèbres de l'antiquité.

143. Sandeau. J. Modemoiselle de la Seiglière.
144. Souza, M-me la comtesse de. Adèle de Senanges.
145. — — Émilie et Adolphe.
146. — — Eugène de Rothelin.
147. Staël, M-me de. Corinne.
148. — — Delphine.
149. Stahl. Mon premier voyage en mer.
150. Vaste, H. Le tour du monde il y a quatre siècles.
151. Vigny, Alf., de. Stello.
152. — — Chatterton.
153. — — Vasco de Gama et Magellan.
154. Wallon. Histoire de Jeanne d'Arc.

Б. СОЧИНЕНИЯ ВЪ СТИХАХЪ.

155. Boileau. Oeuvres.
156. Bornier. La Fille de Roland.
157. Corneille, P. Oeuvres.
158. Delavigne, C. Louis XI.
159. — — L'École des vieillards.
160. Hugo, V. Feuilles d'automne.
161. — — Les rayons et les ombres.
162. — — Odes et Ballades.
163. — — Chants du crépuscule.
164. — — Contemplations (1-re partie).
165. Lamartine. Harmonies.
166. — — Méditations.
167. — — Jocelyn (poème).
168. Molière. Oeuvres.
169. Racine, J. Oeuvres.
170. Voltaire, Fr. Oedipe.
171. — — Brutus.
172. — — La Mort de César.
173. — — Alzire.
174. — — Mahomet.
175. — — Mérope.
176. — — Zaïre.

ОТДѢЛЪ ІХ.

Каталогъ нѣмецкихъ книгъ для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

І.

Для учебныхъ заведеній, гдѣ преподаваніе ведется на русскомъ языкѣ, гдѣ вообще учениковъ, твердо знающихъ нѣмецкій языкъ, немного, а между тѣмъ пріохотить учащихся къ чтенію на нѣмецкомъ языкѣ очень желательно, прежде всего необходимо имѣть въ ученическихъ библиотекахъ хорошія изданія нѣмецкихъ авторовъ, снабженныя объясненіями и словарями. Ихъ въ настоящее время уже довольно много. Таковы нижепоименованныя изданія, бывшія на разсмотрѣніи Ученаго Комитета:

1. **Campe, I. Robinson Crusoe.** Изд. М. Фишера. М. 1889. Ц. 50 к.
2. **Chamisso, A. Peter Schlemihl.** Изд. М. Фишера. М. 1888. Ц. 40 к.
3. **Deutsche Heldensage.** 1) *Gudrun.* Изд. М. Фишера. М. 1895. Ц. 40 к. 2) *Parcival.* Изд. Фишера. М. 1895. Ц. 40 к. 3) *Siegfried.* Изд. М. Фишера. М. 1894. Ц. 40 к.
4. **Deutsche Volkssage.** 1) *D-r Johann Faust u. Till Eulenspiegel* Изд. М. Фишера. М. 1889. 2) *Rübezahl.* Изд. М. Фишера. М. 1888.
5. **Fischer, Max. Poesie.** Сборникъ избранныхъ стихотвореній, пѣсень, пословиць и т. д. Ч. I. М. 1892. Ц. 1 р. Ч. II. (въ составъ которой вошли преимущественно баллады и стихотворенія Шиллера). М. 1892. Ц. 1 р. 25 к.
6. **Goethe, W. Egmont.** Объясн. Е. Лева, изд. С. Манштейна. С.-Пб. 1893. Ц. 40 к.—То же, изд. Э. Андерсона. С.-Пб. 1894. Ц. 40 к.
7. **Goethe, W. Hermann u. Dorothea.** Объясн. М. Фишеръ, изд. С. Манштейна. С.-Пб. 1893. Ц. 40 к.—То же, изд. Э. Андерсона. С.-Пб. 1893. Ц. 30 к.
8. **Grimm. Ausgewählte Märchen.** Изд. М. Фишера. М. 1892. Ц. 60 к.
9. **Hauff, W. Ausgewählte Märchen.** Объясн. Н. Розенбергъ. Изд. Манштейна. С.-Пб. 189 . Ц. 40 к.—То же, изд. С. Чекала. М. 1891. Ц. 50 к.—То же, изд. Э. Андерсона. Сиб. 1893. Ц. 40 к.

10. **Lessing, G. E. Emilia Galotti.** Объясн. А. фонъ-Фохтъ и Е. Розенбергъ. Изд. С. Манштейна. С.-Пб. 18 . Ц. 40 к.

11. — **Minna v. Barnhelm.** Объясн. К. Ганъ. Изд. С. Манштейна. Царское Село. 1892. Ц. 40 к.—То же (безъ указанія имени издателя въ собраніи: „Избранные нѣмецкіе писатели для школь“). С.-Пб. 1892. Ц. 35 к.

12. **Schiller, Fr. Egmont u. Oranien.** Объясн. М. Фишеръ. Изд. С. Манштейна. С.-Пб. 189 . Ц. 30 к.

13. — **Der 30-jährige Krieg.** Изд. Гросспичъ. М. 1892. Ц. 1 р. Вторая книга того же сочиненія Шиллера. Изд. О. Кейзера. пересмотр. Р. Гретманъ. М. 1892. Ц. 90 к.

14. — **Die Jungfrau v. Orleans.** Изд. М. Фишера. М. 1889. Ц. 50 к.—То же, изд. Э. Андерсона. Спб. 1893. Ц. 40 к.

15. — **Maria Stuart.** Объясн. К. Розенбергъ. Изд. С. Манштейна. Царское Село. 1892. Ц. 40 к.—То же изд. Э. Андерсона. С.-Пб. 1893. Ц. 40 к.

16. — **Wallenstein's Tod.** Изд. I. Гросспича. М. 1893. Ц. 60 к.

17. — **Wilhelm Tell.** Объясн. Г. Ирмеръ. Изд. С. Манштейна. С.-Пб. 1894. Ц. 40 к.—То же (безъ означенія имени издателя, изъ собранія: „Избранные нѣмецкіе писатели для школь“). С.-Пб. 1892. Ц. 40 к.

II.

Для учениковъ, свободно владѣющихъ нѣмецкимъ языкомъ, предлагаются слѣдующія книги:

Младшій возрастъ.

18. **Bechstein. Maerchenbuch.**

19. **Benndorf. Maerchen aus 1001 Nacht.**

20. **Campe. Robinson Crusoe.**

21. **Gellert, Ch. Fabeln und Erzählungen.**

22. **Grimm. Kinder—und Hausmärchen.**

23. **Hauff. Maerchen.**

24. **Horn. Jugend—und Volksbibliothek.**

25. **Musaeus. Maerchen. Für die Jugend erzählt v. Müller.**

26. **Niebuhr, B. Griechische Heroengeschichten.**

27. **Neritz.** Jugendbibliothek.
28. **Pichler.** Erzählungen für die Jugend.
29. **Schmidt.** Jugendbibliothek.

Средний возрастъ.

30. **Auerbach.** Edelweis.
31. — **Joseph im Schnee.**
32. **Barack (Christian).** Reinecke-Fuchs für die Jugend bearbeitet.
33. **Becker.** Erzählungen aus der alten Welt.
34. **Burmann.** Quer durch Afrika.
35. **Campe.** Die Entdeckung von Amerika.
36. **Gerstäcker-Grube.** Reisen um die Welt.
37. **Godin.** Märchen aus aller Herren Länder.
38. **Göll.** Die Weisen und Gelehrten des Alterthums.
39. **Grube.** Charakterbilder aus der Geschichte.
40. **Hartwig.** Das Leben des Meeres.
41. — **Die Tropenwelt.**
42. — **Die Unterwelt.**
43. **Herzberg, G.** Der Feldzug der 10.000 Griechen nach Xenophon.
44. **Hofmann, Franz.** Jugendbibliothek.
45. **Höcher.** Die Erfindung der Buchdruckerkunst.
46. **Musäus.** Märchen für die Jugend, erzählt von Müller.
47. **Riffert.** Der Parzival, für die Jugend erzählt.
48. **Roth.** Der Nordpolfahrer.
49. **Schiller.** Werke.
50. **Stein.** Bilder aus dem Kinderleben. Berlin.
51. **Stoll.** Geschichte der Griechen u. Römer in Biographien.
52. — **Sagen des klassischen Alterthums.** 2 т. Leipzig. 1884.

Старый возрастъ.

53. **Auerbach.** Barfüszeln.
54. — **Neue Dorfgeschichten.**
55. **Brehm.** Vom Nordpol zum Aequator
56. **Buchner.** Alexander von Humbolt.
57. — **Beethoven.**
58. — **Mozart.**
59. **Chamisso.** Peter Schlemihl.

60. **Ebers.** Eine ägyptische Königstochter.
61. -- Serapis.
62. — Uarda.
63. **Fouqué.** Undine.
64. **Freitag.** Die verlorene Handschrift.
65. **Freitag.** Soll und Haben.
66. **Gerstaecker.** Reisen um die Welt.
67. — Streif—und Jagdzüge.
68. **Goethe.** Werke ¹⁾.
69. **Hackländer.** Augenblick des Glückes.
70. **Hackländer.** Bilder aus dem Leben.
71. **Hauff.** Lichtenstein.
72. **Heyse.** P. Ausgewählte Novellen.
73. **Immermann.** Der Oberhof.
74. **Kinkel.** Otto der Schütz.
75. **Kleist.** Der zerbrochene Krug.
76. **König.** Geschichte der deutschen Literatur in zusammenhängender Darstellung.
77. **Körner.** Sämmtliche Werke. А также отдѣльно Zriny и др.
78. **Laube.** Die Karlschüler.
79. **Lessing.** Werke.
80. **Österwald, K.** Aeschylos, Erzählungen.
81. — Euripides, Erzählungen.
82. — Sophokles, Erzählungen.
83. **Palleske.** Leben und Werke Schillers.
84. **Scheffel.** Ekkehard.
85. **Storm.** Immensee.
86. **Wagner, W.** Die Niebelungen nach nordischer u. deutscher Dichtung erzählt.
87. **Wolff.** Der Sulfmeister.
88. **Zchokke.** Ausgewählte Werke.

1) Хотя въ ученической библіотеки старшаго возраста и допускаются полныя собранія сочиненій Гете, Лессинга, Шиллера, Кернера и др., лучше снабжать библіотеки изданіями отдѣльныхъ сочиненій тѣхъ же авторовъ, по выбору преподавателей. Такихъ изданій очень много. Хороши также школьныя изданія авторовъ (напр. Schulausgaben v. Schiller u. Göthe, Cotta's Verlag).

УКАЗАТЕЛИ.

I.

Алфавитный указатель именъ авторовъ, переводчиковъ, редакторовъ, издателей, встрѣчающихся въ первомъ дополненіи къ „Опыту каталога ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній“¹⁾.

I. Авторы.

Абаза, К. 229, 230.
Августинъ, архим. 47.
Авенаріусъ, В. 848—850.
Аверкіева. 759.
Аверкіевъ, Д. 919.
Агафоновъ, В. 773, 774.
Акинфіевъ. 629.
Аксаковъ, К. С. 256.
Александровъ, А. 506.
Александровъ, Н. 549.
Алексѣевъ, В. 953.
Алмазовъ, В. 22.
Алферовъ, А. 920.
Аничисъ де, Э. 668, 1018.
Амфитеатровъ, Г. 48.
Анакреонъ. 960.
Андерсенъ, Г. 1017; 1056.
Андреевскій, С. 921.
Андріевскій, А. 552.

Андріашевъ, А. 187.
Анненковъ, П. В. 902, 903.
Анненская, А. 387, 922.
Антоній, іером. 49.
Антоновичъ, В. 257.
Аппельротъ. 996.
Ардашевъ. 997.
Аристотель. 122—125, 435, 961, 962.
Аристофанъ. 963, 964.
Аріостъ. 1057.
Архангельская, А. 636.
Архангельскій. 176.
Ауэрбахъ. 1029, 1058.
Аванасъевъ. 3.

Бадень. 522.
Байронъ. 1059.
Бальзакъ. 1060.

¹⁾ Въ каталогѣ, а слѣдовательно и въ указателѣ, имена авторовъ, а по возможности также имена переводчиковъ и редакторовъ, приведены при всѣхъ сочиненіяхъ, при которыхъ имена эти значатся въ книгопродавческихъ каталогахъ, имена-же издателей и издательскихъ фирмъ только тамъ, гдѣ это представлялось необходимымъ: за неопредѣленіемъ при сочиненіи имени автора; при брошюрахъ, которыя безъ указанія на издателя ихъ находить затруднительно; для отличія разныхъ изданій того-же сочиненія, и т. д.

- Бажановъ, В. 23—25, 50.
 Балабанова, Е. 414.
 Баратынскій, Е. А. 898, 904.
 Барсовъ, К. 669.
 Барсовъ, М. 51.
 Барсуковъ, Н. 258—261.
 Барщевскій, В. 189.
 Барышниковъ, П. 923.
 Батюшковъ, П. 361—366.
 Батюшковъ, Ф. 1091.
 Бахметева, 4, 5, 6.
 Бахтиаровъ. 188, 553.
 Безобразовъ, П. 262.
 Бекетова, Еж. 1023.
 Бекетова, М. 388.
 Бекетовъ, А. проф. 759, 803.
 Бекетовъ, Н. 775.
 Беккеръ, К. 415.
 Беккеръ, С. 670.
 Бекки, д-ръ. 126.
 Беклей. 735.
 Березинъ, Н. 697.
 Бернарденъ-де-Севъ-Пьеръ. 1019.
 Бернаръ. 805.
 Бернетъ. 1020.
 Берсье, Е. 52.
 Беръ, П. 637, 736, 737.
 Бестужевъ, А. А. (Марлинскій). 905.
 Бизе, А. 127.
 Бильбасовъ, В. 263, 436, 437.
 Бичеръ-Стоу, Г. 1021.
 Благовидовъ, Н. 554.
 Благово, Д. 231.
 Благовѣщенскій, Н. проф. 438.
 Бладернъ. 776.
 Бобровскій. 738.
 Бобровскій, П. 264.
 Бобровскій, С. 760.
 Богдановъ, М. 739.
 Боголюбскій. 606.
 Богословскій, Е. 886.
 Богословскій, М. 26, 27.
 Бодуэнъ-де-Буртена. 998.
 Божеряновъ, И. 230.
 Бойезенъ. 955.
 Бойсь. 741.
 Болотовъ, А. Т. 265.
 Борисовъ, Н. 191, 1038, 1049.
 Боровскій, И. 779.
 Бородинъ, И. 777, 778.
 Бороздинъ, К. 233.
 Ботгонъ. 780, 781.
 Брайсь, Дж. 439.
 Брайтвинъ. 741.
 Брамсонъ, К. 782.
 Брандтъ, Э. 761, 783.
 Брассей, А. 638.
 Бреаль. 999.
 Бремъ, А. 762.
 Бриліантъ, С. 924, 925.
 Бряфъ. 671.
 Броггеръ. 698.
 Бродовскій, М. 839.
 Брянецъ, П. 234, 266, 267, 367.
 Буасье, Г. 440, 1000.
 Будиловичъ, А. проф. 441.
 Бувольтъ, Г. 442.
 Булгаковъ, Ф. 268, 416.
 Буткевичъ, Н. 53.
 Бурда. 763.
 Буринскій, В. 742.
 Бьерисонъ. 1029, 1061.
 Бекеръ-паша. 699.
 Бэконъ, Фр. 128.
 Бэръ, Ад. 443.
 Бѣловъ, Г. 672.
 Бѣлозерская, Н. 926.
 Бѣльскій, Л. 1070.
 Бѣлюстанъ, I. 28.
 Бѣляевъ, Н. 54—56.
 В. Н. 235.
 Вагнеръ, Ю. 764.
 Вальтеръ. 536.
 Варпаховскій, Н. 833.
 Васильевскій. 368.
 Васильевъ, С. 927.
 Васильчиковъ, А. 269.
 Вахтинъ, В. 584.
 Веберъ, Г. 444.
 Величкинъ, В. 192.
 Веневитиновъ, И. 369.
 Верещагинъ, В. 700.
 Верещагинъ, В. 193.
 Веригинъ. 417.
 Вернеръ. 609.
 Веселовскій, А. 928, 1092—1094.
 Веселовскій, Г. 673.
 Весинъ, А. 674.
 Вигель, Ф. 270.
 Виллемсъ, П. 177.
 Вилльманъ, 389, 390.
 Willedehit. 828.
 Вильке. 784.
 Вильчяинскій, О. 971.
 Виндельбандъ. 129.
 Виноградовъ, И. 370.
 Виргилій. 965.
 Васковатовъ, В. 391, 639.
 Виссаріонъ, еп. 7, 29, 57.
 Витевскій, В. 272, 371.
 Витковскій. 675.
 Витте-де, Е. 8, 273, 887.
 Вишняковъ, Е. 607.
 Владиміровъ, П. 888.
 Владимірскай-Будановъ, М. 274.

- Владиславлевъ, М. 130.
 Вогюэ, Еде. 640.
 Водовозова, Е. 676.
 Войтъ, Вл. 275.
 Волгинъ. 608.
 Волкова, Е. 194.
 Волковъ, М. 131.
 Воронецкій, А. 555, 642.
 Воропай. 556.
 Воцель, Л. 445.
 „Всходы“, журналъ. Стр. 71.
 Вышеславцевъ, А. 446.
 „Вѣра и Разумъ“, журналъ. Стр. 71.
 „Вѣстникъ опытной физики и элементарной математики“, журналъ. Стр. 71.
 Гаварре, Ж. 785.
 Галузѣвъ, В. 643.
 Гавике, А. 802.
 Ганъ, И. 743.
 Гаршинъ, Вс. 852.
 Гаршинъ, Ев. 929.
 Гарусовъ. 1095.
 Гаспари. 1096.
 Гауфъ. 1022.
 Гельвихъ. 1001.
 Гельмгольцъ. 819, 820.
 Георгиевскій, В. 195.
 Георгиевскій, М. 956.
 Гербартъ. 132.
 Герберштейнъ. 276.
 Гевинусъ. 447.
 Гердъ, Я. 509.
 Гермогенъ, еп. 30.
 Герцбергъ. 448.
 Гершель. 787.
 Гершензонъ. 449.
 Герцъ, Г. 786.
 Герье, В. 450.
 Гете, В. 1035, 1062, 1063,
 Гетнеръ, Г. 1097, 1098.
 Гетте, А. 744.
 Геттэ, В. 58.
 Гефдингъ, Д. 133.
 Гиляровскій, А. 134.
 Гинрхъ. 1002.
 Гинтервальднеръ, I. 765.
 Глянка, М. И. 277.
 Головкинскій. 609.
 Голодниковъ, К. 372.
 Голубинскій, О. 278.
 Годубовскій, П. 373.
 Гольдсмитъ. 1064.
 Гольмсъ, Ф. 418.
 Гомеръ. 954, 966.
 Гордонъ, Патрикъ. 279.
 Горемыкинъ, И. 280.
 Горнъ, Фридрихъ-Винкель. 1099.
 Горскій, А. 59, 281.
 Готторнъ, Н. 393.
 Гофманъ. 1065.
 Грандиде. 701.
 Грановскій, Т. Н. 451.
 Гранстремъ, Э. 394, 677.
 Гречъ, Н. И. 282.
 Грибоѣдовъ, А. С. 898.
 Грингутъ, В. 979.
 Гротъ, Н. 135, 136.
 Грубе, А. 395.
 Грузинскій, А. 920.
 Гуревичъ, Я. 452, 453.
 Гурьевъ, В. 9, 60.
 Густавсонъ, Г. 788.
 Гуцковъ. 1066.
 Гюго, В. 1067—1069.
 Гюйо. 137.
 Далла. 537.
 Данилевскій, Г. 853, 880.
 Даниловъ, Кирша. 881.
 Даниловъ, М. 283.
 Даниилъ, игуменъ. 898.
 Дашкевичъ, Н. 284.
 Дебольскій, Г. 10.
 Девель, Ф. 585.
 Декартъ. 138.
 Делавронъ. 586.
 Деметьева, Н. 419.
 Демковъ, М. 139.
 Дешоловичъ, П. 396, 644.
 Державинъ, Г. Р. 898.
 Дестунисъ, С. 61.
 Джеббъ. 1003, 1004.
 Девонсъ. 140, 141.
 Дидонъ. 62.
 Диккенсъ. 1029.
 Диксонъ, Ч. 789.
 Дитятинъ, И. проф. 285.
 Дмитріевъ, А. 286.
 Дмитріевъ, И. И. 898.
 Дмитрій, св., еп. ростовскій. 63.
 Догель, А. 790.
 Додэ, А. 1024.
 Долбинъ, В. 178.
 Долгорукая, кн. Наталья Борисовна. 287.
 Долгоруковъ, кн. 630.
 Дриновъ, М. 454, 455.
 Дройзенъ, Л. 456, 457.
 Дружининъ. 745.
 Дружининъ, Н. 179, 180.
 Дубровинъ, Н. 288—291, 702.
 Дубровскій, Н. 236.
 Дьяконовъ, В. 64.
 Дьяконовъ, М. 292.
 Дьяченко, Г. 31.
 Дюбость. 796.

- Дютше. 420.
Дѣдовъ, М. 197.
„Дѣтскій Отдыхъ“, журналъ. Стр. 71.
„Дѣтское Чтеніе“, журналъ. Стр. 71.
- Евстафьевъ, П. 889.
Екатерина II, Императрица. 882, 898.
Есяповъ, Г. 293.
Ершовъ, А. 237.
Елисѣевъ, А. 703.
Елпатьевскій, К. 198.
Елпатьевскій, С. 587.
Еллидинскій, Л. 1005.
Ельницкій, К. 113, 181, 588.
- Жакъ. 791, 828.
Жиро, П. 792.
Житецкій, П. 890.
Жихаревъ, С. П. 294.
Желябужскій. 200.
Желиховская, В. 199.
Жуковский, В. А. 898.
Жъ, Л. 793.
- Забѣлинъ, И. 295, 296.
Завадскій-Краснополскій. 610.
Зайѣсовъ. 611.
Зандъ, Жоржъ. 1025, 1036, 1037.
Захарченко, М. 297.
Зелинскій, В. 930—934.
Зенгеръ. 1006.
Зернинъ. 458.
Знаменскій, П. 65.
Зографъ, Н., проф. 589.
Золотницкій, Н. 794.
- Ивановъ, А. 32, 66.
Ивановъ, Д. 202.
Ивановъ, И. 935.
Ивановъ, К. 421—424.
Ивановъ-Платоновъ, А. 67, 114, 115.
„Игрушечка“, журналъ. Стр. 71.
Ивъковъ, Н. 68.
Измайлова, Л. 795.
Иконниковъ, В., проф. 298, 299.
Иловайскій, Д., проф. 300.
Иннокентій, митр. моск. 69.
Ирвингъ, В. 459.
Истомина. 557.
Ишимова, А. 203.
- Иегеръ. 425.
Иенсень. 1029.
Іоаннъ Златоустъ, св. 70
Іонинъ, А. 704.
- И. Р. 906.
Кадіа. 796.
- Кайгородовъ, Д. 741, 746, 754, 766.
Калидаса. 1071.
Кандезъ, Э. 748.
Канитцъ. 705.
Кантемиръ, А. Д. 898.
Каптеревъ, П. 142.
Каразинъ, Н. 678.
Карамзинъ, Н. М. 898.
Карауловъ, Г. 891.
Каринскій. М. 143.
Карповъ. 797.
Каршовъ, Г. 301.
Карѣевъ, Н. 302, 460.
Квятка. 907.
Кедровъ, Н. 303.
Кейръ. 144.
Келлеръ, К. 538.
Кентъ. 749.
Киплингъ, Р. 750.
Кипріяновичъ, Г. 239.
Кириллъ, оп. 33.
Кирпичниковъ, А. 936.
Кирпотенко, А. 510, 751, 752.
Кирхманъ, І. 145.
Кирхнеръ, Ф. 146.
Киселевъ, М. 393.
Классовскій. 461.
Клейнъ. 539.
Ключевскій, В., проф. 240, 304.
Кобеко, Д. 305.
Ковалевскій, Е. 306.
Ковалевскій, Е. 706.
Ковальскій, Л. 511.
Кожениковъ, В. 462.
Кологривовъ, Ю. 558, 559.
Кольбе, Б. 798.
Кольцовъ, А. В. 883.
Колъ, Л. 399.
Компейрѣ. 147.
Кондратьевъ, А. 799.
Кольраушъ. 800.
Конингтонъ-Гейки. 71.
Конацкій. 512.
Конради, Е. 679.
Коппе, Ф. 1072, 1073.
Корелинъ, М. 426.
Коржинскій. 834.
Коровяковъ, Д. 840, 841.
Короленко, В. 854, 908.
Корольковъ, А. 767.
Коропчевскій, Д. 513, 523, 648, 680—
683, 753.
Корнель, П. 1039, 1040.
Корсаковъ, Д., проф. 307—310.
Корсунскій, П. 400, 401.
Костомаровъ, Н. 204, 311, 312.
Котошихинъ, Г. 313, 898.
Кохъ, Максъ, проф. 1100.

- Красновъ, А., проф. 631.
Красовъ, А. 241.
Крестовскій, В. (псевдонимъ). 909.
Кругловъ, А. 855, 856.
Крумахеръ. 1026.
Кудряцевъ-Платоновъ, В. 148.
Гудряшевъ. 1083.
Гузнецовъ, А. 402.
Кузь. 801.
Кулишъ, Н. 314, 937.
Кумской, П. 427.
Курочкинъ, И. 72.
Курочкинъ, А. 755.
Куррьеръ-Белль. 1074.
Куррь. 802.
Кутеповъ, Н. 315.
Куторга, М. С. 464.
Кушелевъ, В. 613.
Кэнъ. 707.
- Лавистъ, Э. 465.
Лаврентьевъ, К. 632.
Лавровъ, В. 149.
Лавровскій, П. 466.
Лавровъ М. 560.
Лакруа. 316.
Ламартинъ. 1075.
Ламе-Флери. 403.
Латышевъ, В. 463.
Латышевъ, П. 768.
Лафрантъ. 1029.
Лачиновъ. 540.
Лашкаревъ. 467.
Леббокъ, Дж. 116—119, 803.
Лебедевъ, А., проф. 74.
Лебедевъ, А., прот. 34, 73.
Лебедевъ, В. 75.
Лебедевъ, Г. 804.
Лебедевъ, П. 35.
Легуве. 842.
Лейбницъ. 150.
Лейскнеръ. 469.
Ленорманъ. 470.
Лессингъ. 1041, 1076.
Лефевръ. 649.
Либровичъ, С. 892.
Ливій, Т. 968.
Лисій. 969.
Литль-Бой. 708.
Лихачева, Е. 317, 404.
Ломанъ, Д. 205.
Ломоносовъ, М. В. 898.
Лонгфелло. 1042, 1043.
Лопухинъ, А. 76.
Лоренцъ. 471.
Лотти. 1029, 1077.
Лотце. 151.
Лукашевичъ, Кл. 857
- Лупповъ. 590.
Львовъ. 591.
Любке. 428.
Люкасъ, Э. 733.
Лялина, М. 592—595.
- Ш. С. 650, 651, 754.
Маевскій, П. 835—837.
Майеръ, Ю. 805.
Майковъ, Л. 938, 939.
Макарій, митр. 77, 78.
Маевсьмовъ, С. 561—564, 614, 709, 843.
Макферсонъ. 1078.
Макушевъ. 472.
Макъ-Клоръ. 683.
Малисъ, Ю. 242.
Мальшевскій, Ив. 79, 80.
Мальцевъ, А. 152.
Маминъ-Сибирякъ, Д. 851, 858.
Манштейнъ. 318.
Маминъ-Невструевъ, А. 243.
Маркуевъ, В. 565, 806.
Марголе. 522.
Марта. 153.
Маркевичъ, А. 893.
Маркевичъ, Н. 319.
Марковъ, Е. 596.
Маркъ Аврелій Антонинъ, императоръ. 970.
Марлинскій (см. Бестужевъ). 905.
Марциалъ. 971.
Масалджи, В. 652.
Масперо. 473.
Матвѣвскій, П. 82.
Матвѣвъ, П. 940.
Матусевичъ, П. 807.
Матусовскій, З. 710.
Матченко, И. 206, 244.
Матюшенко, П. 767.
Махъ. 808.
Мebuсъ, А. 541.
Медеръ, Н. 514.
Мензбиръ, проф. 769.
Меншуткинъ. 809.
Мерцаловъ, А. 374.
Мериме. 1029.
Местръ (Ксавьє де). 1027.
Мечъ, С. 684—686.
Милле. 522.
Миллеръ, В. 810.
Миловидовъ, И. 375.
Милюковъ, А. 910.
Милюковъ, П. 320.
Минто, В. 154.
Минье. 474.
Мироновъ. 1007.
Мирковичъ. 711.
Михайловскій, В. 36, 37.

- Михайловъ. 597.
 Михельсонъ, М. 844.
 Мичи. 615.
 Мичурина. 754.
 Мищенко, Ф. 1008, 1009.
 Можайскій, И. 633.
 Мольтеръ. 1044, 1079—1082.
 Мордовцевъ, Д. 712, 713.
 Морлей. 155, 156, 157.
 Морозовъ. 524.
 Морозкинъ, М. 321.
 Мостовскій, М. 245.
 Мурашевъ, А. 83—88.
 Мүшниковъ, А., проф. 182—184.
 Миллеръ. 475.
 Миллеръ, Е. 405.
 Muntz. 828.
 Мунтъ-Валуева, А. 406, 598.
- М**аежединъ, П. 616.
 Надлеръ, В. 246, 476, 477.
 Наумовичъ, И. 12, 38, 89, 860.
 „Наука и Жизнь“, журналъ. Стр. 71.
 Невскій, А. 39.
 Недумовъ, А. 687.
 Незеленовъ, А. 894, 941.
 Нелидовъ, Ф. 920.
 Немировичъ-Данченко, В. 208, 247, 568,
 599—601, 617, 688, 714, 851.
 Неплюевъ, И. 371.
 Неплюевъ, И. И. 322.
 Несторъ, хѣтописецъ. 210, 898.
 Негушилъ. 958.
 Нечаевъ, А. 756.
 „Нижегородскій кружокъ любителей
 физики и астрономіи“. 546.
 Никаноръ, архіеп. 90, 91.
 Никитскій, А. 323, 324.
 Никольскій. 754.
 Никонъ, іером. 40.
 Новиковъ, Н. И. 898.
 Новичкая. А. 566.
 Новолѣтовъ, М. 325.
 Новосадскій. 478.
 Нордовъ, В. 92.
- О**бразцовъ, Р. 634.
 Общество офицеровъ генеральнаго шта-
 ба въ Москвѣ. 248.
 Овельтъ, А. 845.
 Овидій. 972.
 Овсянниковъ, А. 570, 571.
 Овсянниковъ, Н. 377.
 Огарковъ, В. 249.
 Огородниковъ. 656.
 Оже, Д. 407.
 Ожсуфьевъ, А., гр. 1010.
 Опель, К. 429.
- Ординъ, К. 326.
 Оржешко, Е. 1029, 1084.
 Осокинъ, Н. 479.
 Оссианъ. 1078.
 Оствальдъ, В. 811.
 Островинская, А. 861.
 Островская, Н. 862.
 Острогорскій, А. 516, 863.
 Острогорскій, В. 1045.
- П**авинскій, А. 480.
 Павловъ, Н. 250.
 Павловичъ, Б. 209.
 Павловскій. 1011.
 Павловскій, И. 327.
 Палаузовъ. 481.
 Пальманъ. 482.
 Пассекъ, Т. П. 328, 866.
 Пасынковъ, Яковъ. 770.
 Паульсенъ. 158.
 Перволюфъ. 483.
 Перовъ, И. 93.
 Петеръ. 484.
 Петри, Э., проф. 732, 765.
 Петровъ, М. 485.
 Петровій. 973.
 Петрушевскій. 504.
 Петрушевскій. 812.
 Петунниковъ, А. 838.
 Пешель. 715, 716.
 Пинегинъ, М. 378.
 Пирлингъ, П. 329.
 Плавтъ. 974, 975.
 Платоновъ, С. 330, 486.
 Плутархъ. 408.
 Побѣдоносцевъ, К. П. 41, 42, 43, 94.
 Погорѣльскій, Ав. 867.
 Погосскій А. 211, 517.
 Поддубный, И. 572.
 Позняковъ, Н. 868.
 Покровскій, В. 895, 896, 911.
 Покровскій, К. 542.
 Полевой, К. С. 331.
 Полевой, Н. 869.
 Полевой, П. 573, 870, 871, 897.
 Поливановъ, Л. 872.
 Полябий. 976.
 Поморцевъ, М. 543.
 Попка П. 618.
 Поповъ, А. 332.
 Поповъ, В. 379.
 Поповъ, Е. 333.
 Поповъ, Н. 334.
 Порошинъ, С. 335.
 Посошковъ, И. 912.
 Попруженко, М. 525.
 Потаннна. 658.

- Потапенко, И. 851.
 Потеня, А. 942.
 Поторжинский. 95.
 Потто. 214.
 Потылицынъ, А. 813.
 Похолковъ, Хр. 159.
 Прельсъ, Р. 160.
 Преображенскій, М. 380.
 Прескоттъ, В. 487.
 Прессансе. 96.
 Пржевальскій. 917—720.
 Прозоровскій. 336.
 Прустъ, Б. 1029, 1030.
 Пуцковичъ. 44.
 Пуццлло, П. 185.
 Пуше. 526.
 Пушкинъ, А. С. 913.
 Пѣвцовъ, В. 15.
 Пясецкій. 721.
Р
 Раде, Г. 619.
 Расвскій, Н. 757, 771.
 Разинъ, А. 659, 873.
 Рамбо, А. 251.
 Ранцевъ, В. 527.
 Расинъ, Ж. 1085.
 Регель. 814.
 Реклю, Э. 523, 528, 544, 545, 620.
 Ремизовъ, И. 215.
 Рено, А. 409.
 Рише, И. 162.
 Ржигъ, Ф. 163.
 «Родникъ», журналъ. Стр. 71.
 Розановъ, В. 430.
 Розенбергъ, Ф. 815.
 Розовъ, И. 98.
 Рольфсонъ. 698.
 Романовичъ-Славатинскій, А. 337.
 Романовичъ, П. 216.
 Рохану, А. 489.
 Роменсъ. 161.
 Рубакинъ, Н. 518, 660.
 Рылѣвъ, К. Ф. 914.
С
 С. Ч. 381.
 Сабанѣвъ. 578.
 Садовниковъ. 574.
 Самаряновъ, В. 338.
 Санчурскій. 959.
 Сапуновъ, А. 621.
 Сафиръ. 1086.
 Сахаровъ, А. 575, 662.
 Свифтъ, Дж. 1087.
 Сенека, Л. А. 977, 978.
 Свняговъ, Г. 218.
 Семкевичъ. 1029.
 Сергѣевъ, А. 690.
 Середонинъ, С. 339.
 Сентянъ. 1029.
 Сейтсбери. 1101.
 Сидоровъ, В. 722.
 Симонова, Л. 759.
 Симоновъ, Л. 772.
 Синовскій, В. 120, 219.
 Скворцовъ, К. 16.
 Словоновъ, И. 383.
 Смайльсъ. 121, 410, 411.
 Смирновъ, А. 577.
 Смирнова, А. 915.
 Смирновъ, А. 490, 622—625.
 Смирновъ, А., проф. 164.
 Смирновъ, И. 491.
 Смирновъ, С. 920.
 Смоленскій, д-ръ. 816.
 Соболевскій, А., проф. 340.
 Соловьевъ, Е. 579.
 Соловьевъ, С. М. 341—343.
 Солдовниковъ, А. 186.
 Сольси (де). 431.
 Сопрель. 522.
 Софокль. 979—981.
 Спиноза. 165.
 Станюковичъ, К. 851, 874—876.
 Старковскій, В. 327.
 Страховъ, Н. Н. 943.
 Страховъ, Н. 166.
 Стэнли. 663, 664, 723, 724.
 Сувестръ, Э. 1046.
 Сульпиція. 982.
 Сумароковъ, А. П. 898.
 Сумцовъ, Н. 916, 944, 945.
 Сусловъ, А. 946.
 Сысоева, Е. 17, 412, 877, 878.
Т
 Татищевъ, В. В. 898.
 Татищевъ, С. 344, 345.
 Твенъ, Маркъ. 1031.
 Теодоровичъ, Н. 384.
 Теренцій. 983.
 Тернеръ. 100.
 Тернеръ, Г. 817.
 Тимирязевъ, К. 818.
 Тиндаль, Дж. 529, 819, 820.
 Тиршъ. 101.
 Тисандье. 522.
 Титовъ, Г. 102.
 Тиховъ, А. 1012.
 Тихомирова, Е. 220.
 Тихомировъ, Д. 103.
 Тихомировъ, Е. 45.
 Тихонъ, св., еп. воронежскій. 50, 101.
 Титъ, Б. 734.
 Токвилъ, А. 492.
 Толстой, Л. Н., гр. 224.
 Толстой, М., гр. 18.
 Толычева, Т. 222, 223.
 Томскъ. 493.

Томсонъ, С. 821, 822.
Тренчъ, 105.
Трескинъ, Н. 580.
Трубачевъ, С. 947.
Туганъ-Барановскій. 581.
Тудовъ, М. 948.
Турбинъ, С. 603.
Туренинъ. 225.
Турцевичъ, Ар. 346.
Тутковскій, П. 626.
Тьерри, Ам. 106.
Тьерри, О. 494.
Тэнъ, И. 168, 495.
Тэтъ, П. 823.

Уайтъ. 1029.
Уйда. 1032, 1033.
Усларт, П. 627.
Успенскій, Ф. 347.
Ушинскій, К. 169.
Уэлласъ. 725.
Уэлласъ. 1046.
Уэтли, Р. 170.

Файфъ. 496.
Фалькенбергъ. 171.
Фалькенгоретъ. 691.
Фарраръ. 1047.
Фенелонъ. 107.
Фегъ, А. А. 917, 918.
Фигье, Л. 692.
Филипповъ, С. 604.
Фирдуси. 1028.
Фиске, Дм. 497.
Фламмаріонъ, К. 530—534.
Флугъ, К. 727.
Фо, Давіэль. 1048.
Фогель. 726.
Фогтъ, К. 693.
Фонъ-Визинъ, Д. И. 898.
Фольдманъ. 1013.
Фриккенъ, А. 498.
Фриманъ. Эд. 499, 500.
Фулье. 172—174.
Функе. 432.
Фурманъ. 879.
Фюстель де-Куланжъ. 501.

Ханъ, М. 727.
Хвольсонъ, А. 758.
Хвольсонъ, О. 824.
Херасковъ, М. М. 898.
Хякманъ, Л., проф. 728.
Хятровъ, М. 20, 108, 109.
Хованскій, Н. 385.
Хохрякова. 226.
Худсонъ. 694.

Цабель, Н. 825.
Царевскій, А. 949, 950.
Цвѣтаевъ, Дм. 348.
Цвѣтковъ, К. 227.
Целлеръ, 175, 502.
Циммерманъ. 628, 695.
Цитень. 665.
Цидеронъ. 984, 985.
Цыбульскій, С. 503.
Цюрхеръ. 522.

Чаплыгинъ, И. 521.
Челокъ. 754.
Чермакъ, Г. 826.
Черняевъ, П. 1014.
Черскій, Л. 406.
Чечулинъ, Н. 350—352.
Чешихинъ, В. 951.
Чешихинъ, Е. 252, 353.
Чеховъ, А. 884.
Чиколевъ, В. 827.
Чистяковъ, М. Б. 582, 583, 666, 667.
„Читальня народной школы“, жур-
наль. Стр. 71.
Чичаговъ, Л. 349.
Чудиновъ, А. 846.

Цыбайноха. 354.
Шамиссо, А. 1050.
Шамонинъ. 504.
Шарловскій, І. 847.
Шарнгоретъ, К. 547, 548.
Шафъ, Ф. 110.
Шаховской, кн. 252.
Chevalier. 828.
Швейцерь, Ф. 1099.
Шевченко, Т. Г. 885.
Шекспиръ, В. 1051.
Шенрокъ, В. 952.
Шериданъ. 1088, 1089.
Шестаковъ. 829, 1015.
Шиллеръ, Ф. 433, 1052—1054.
Шиллеръ. 830.
Шишкнинъ, Н. 386.
Шляпкинъ, И. 355.
Шмидтъ, Ю. 1102.
Шпачинскій. 535.
Шрейдеръ, Д. 729.
Штепенко, Вл. 899.
Штоль, Г. 413.
Шульгинъ, В. 434.
Шумахеръ, А. 253.
Шурць. 730.

Щебальскій, П. 356.
Щеголовъ, Д. 505.
Щепкина, Е. 357.
Щербатовъ, кн. 358.

Эварницкій, Д. 359.
Эврипидъ. 986—988
Эйнгорнъ, В. 254.
Экземпларскій, А. 360.
Эккерманъ. 731.
Эллиотъ, Дж. 1055.
Эмхенъ. 1016.
Эпиктетъ. 989, 990, 991.
Эпштейнъ. 831.
Эразмъ роттердамскій. 1090.
Эрманъ-Шатрианъ. 1034.
Эсхилъ. 992, 993, 994.

Эттель, Ф. 832.

Ювеналь. 995.
Юнкеръ, В. 732.

Ядринцевъ, Н. 605.
Яковлевъ, В., проф. 255, 900, 901.
Янушевичъ, П. 111.
Яцковская, С. 228.

Федоровъ. 696.
Феофанъ, еп. 112.

2. Переводчики, редакторы и издатели ¹⁾.

Абрамова (изд.). 576.
Аверкиевъ, Д. 1062.
Адольфъ. 995.
Александровъ, В. 408, 964, 967, 975, 978,
979, 981, 983, 984, 988, 989, 990, 993,
994, 1054.
Андреевъ. 444.
Адриановъ. 968.
Автоновичъ, М. 140, 141, 459, 489,
805.
Аппельротъ, В. 961, 992.
Бакстъ, О. (изд.). 1098.
Балабанова, Е. 1078.
Бальмонтъ. 1065, 1096, 1099.
Барсовъ, П. 1097.
Бекетова, Ек. 1019, 1064.
Бекетова, Ел. 1064.
Бибиковъ, П. 128.
Бобылевъ. 819.
Бодянский, П. 177.
Боргманъ. 821.
Бузескулъ, П. (ред.). 485.
Бѣльскій, Л. 1070.
Вальтеръ, В. 828.
Введенскій, проф. 129, 171.
Вейнбергъ, П. 1053, 1066, 1072,
1086.
Вейсъ, О. 979.
Веригинъ. 1013.
Версиловъ. 969.
Виноградовъ, И. 390.
Виноградовъ, П., проф. (ред.). 463,
492.

Владимировъ. 160, 409.
Вольфсонъ. 146, 407.
„Воскресное Чтеніе“ (изд.). 99.
Вѣтринскій. 1088, 1089.

Ганзенъ, А. 698, 1056.
Ганзенъ, П. 698, 1056.
Гаршинъ. 1032.
Гезехусть. 776, 819.
Гербель, Н. 433, 885.
Гердъ, А. 803.
„Гимназія“, журналъ (изд.). 139, 1012.
Головъ. 749, 784.
Гротъ, Н. 172.
Губинскій (изд.). 1021.
Гуревичъ, Л. 165.
Гуревичъ, Я. 413.

Даль. 1022.
Девриень (изд.). 777.
Дмитриевъ. 474.
Долговъ, С. 1020.
„Досугъ и Дѣло“, журналъ (изд.). 202,
238, 392, 507, 508, 520, 567, 603,
645, 661.
Дрентельнъ, Н. 811, 831.
„Дѣтское Чтеніе“, журналъ (изд.). 750,
851.

Егоровъ. 819.

Жирковъ (изд.). 768.

Зайцевъ. 473.
Занковъ, П. 980.

¹⁾ Сокращения „ред.“ „изд.“ стоятъ при именахъ редакторовъ и издателей.
Прочія имена принадлежать переводчикамъ.

Зембергъ, К. 955.
Зиновьевъ. 105.
Зотовъ. 1022, 1057.

„Грушечка“, журналъ (изд.). 756.

Жайгородовъ, Д. 789.
Каншинъ. 663.
Касторскій. 123.
Квашининъ-Самаринъ. 965.
Кеневичъ, В. 354.
Кирпичниковъ, А. проф. 155, 381, 1090.
Кіевская коммиссія народныхъ чтеній
(изд.). 552.
Кіевское общество грамотности (изд.).
550.

Ковалевскій. 154.
Ковальницкій. 107.
Козловъ, Н. 1059.
Колубовскій. 133.
Комиссія народныхъ чтеній (изд.).
196, 207, 558, 559, 570, 571, 577,
646, 647, 653—655, 773.

Кондревъ. 492.
Коноваловъ, Д. 832.
Кончаловскій, П. 1048.
Корелянъ. 440.
Коропчевскій. 117, 121, 127, 528, 544.
Корсаковъ, М. 153.
Красновъ, Пл., проф. 536, 970, 977.
Крестовскій, В. (псевдонимъ). 668.
Кудряшевъ. 1083.
Кустодіевъ. 431.

Лавра Троицко-Сергіевская (изд.). 11.
Лаварева. 393.

Ланге. 122.
Лебедевъ, Г. 826.
Лехерле, М. (изд.). 406, 960, 1026,
1035, 1036, 1041, 1058, 1067, 1073,
1074, 1077.
Либбергъ, А. 692.
Лихачевъ, В. 1040, 1044, 1079, 1081,
1082.
Ловцова. 116, 119.
Лопухинъ. 1047.
Лучицкая, М. 496, 499.
Лучицкій, И. (ред.). 499.
Любимовъ, Н. 138.

Магазинъ „Начальная Школа“, Тихо-
мировой. (изд.). 569, 923.
Майкова. 399.
Малиссъ, Л. (изд.). 541.
Мамонтова, Н. 791, 793.
Мамонтовъ, А. 920.
Маракучевъ, (изд.). 391, 397.

Маркевичъ, А., проф. 381.
Марковъ, В. 471.
Марксъ (изд.). 425.
Минскій, Н. 954.
Михаловскій, Д. 1042, 1043.
Михельсонъ, А. 254.
Мищенко, Ф. 976.
Модзалевскій, Л. 169.
Московский Комитетъ грамотности
(изд.). 551.
Муринова (изд.). 854.
Мюллеръ, В. (ред.). 425.
Мѣдниковъ. 475.

Надлеръ (ред.). 485.
„Народная библіотека“ (изд.). 657.
Невѣдомскій. 156, 157, 444.
Нейлисовъ, К. 963.
Никитскій. 1002.
Николаевъ. 173, 497, 500, 689.

Оболенскій, Л. 145.
Обреимовъ. 733.
Общество распространенія полезныхъ
книгъ (изд.). 515.
Общество спасенія на водахъ (изд.).
810.
Одесская городская аудиторія народ-
ныхъ чтеній (изд.). 381, 763.
Острогерскій, В. 1081.

Навленковъ, Ф. (изд.). 530, 531, 762,
827, 913.
Пантелѣевъ (изд.). 464, 475, 740, 803,
821, 823, 926, 938.
Петерсонъ, О. 1061.
Петровъ, П. 465.
Петрушевскій. 439.
Платонова. 962.
Плещеевъ, А. 1097.
Побѣдоносцевъ, К. П. 101.
Позняковъ, Н. 638.
Полевой, Н. 1051.
Полявановъ, Л. 1039, 1080, 1085.
Порозовская. 1022.
„Посредникъ (изд.)“ 602, 852.
Праховъ. 448.
Предтеченскій, Е. 530.
Преображенскій. 150.
„Приходская библіотека“ (изд.). 554,
572, 590, 860.
Прияшниковъ, П. (изд.). 770.
Пыпинъ, А. 489, 1097, 1098.

Радловъ. 124.
Ранцевъ, В. 531.
Разсадинъ, И. 1076.

- Раасохинъ, С. (изд.). 927.
 „Русская Старина“, журналъ (изд.). 318.
- СПб. Комитетъ грамотности (изд.). 224, 851, 859, 874.
 СПб. Фребелевское общество. 857.
 Салтыкова, М. 279.
 Саратовское Общество вспомошествованія нуждающимся литераторамъ (изд.). 382.
 Святскій. 832.
 Семенова, И. 502, 1016.
 Сентъ-Илеръ, К. (ред.). 169.
 Синодальная типографія (изд.). 912.
 Склифасовскій, В. 792.
 Смирновъ, А. 822.
 Смирновъ, В. 484.
 Снегиревъ. 125.
 Солдатенковъ (изд.). 443, 497, 1092, 1093, 1097, 1099.
 Сперанскій. 999.
 Стороженко, Н. 1100.
 Страховъ. Н. Н. 168, 429.
 Струнинъ. 695.
 Студенты харьковскаго университета. 442.
 Ступницъ (изд.). 858.
 Суворинъ, А. (изд.). 287, 408, 428, 488, 494, 580, 601, 750, 853, 867, 869, 871, 881, 882, 883, 904, 905, 913, 914, 957, 964, 970, 974, 975, 979, 980, 981, 983, 988, 989, 993, 994, 1019, 1021, 1027, 1037, 1040, 1044, 1051, 1055, 1063, 1068, 1069.
 Сысоева, Е. 1020.
 „Сѣверный Вѣстникъ“ (изд.). 915.
 Сычоновъ, И. 815, 823.
- Тптовскій. 158.
 Товарищество „Общественная польза“. 522.
 Трескинъ. 494.
 Тузовъ (изд.). 1026.
- „Университетскія Памѣтїя (Кіевскія) (изд.)“. 888.
 Управление Кавказскаго учебнаго округа (изд.). 635.
 Успенская, А. 1034.
 Училищный Совѣтъ при Святѣйшемъ Синодѣ (изд.). 190.
- Ф-тъ, Гр. 693.
 Феть, А. 971, 972.
- Жарьковское Общество грамотности. 557, 566.
 Хмѣлева. 1035, 1046.
 Холодковскій. 1063.
- Циммерманъ. 443, 444.
- Чаиковскій, М. 1039.
 Челпановъ, В. 147.
 Черкасовъ. 532.
 Черниевъ. 982.
 Чижовъ, Е. 736.
 „Читальня народной школы“, журналъ (изд.). 201, 210, 221, 506, 513, 519, 560, 641, 648, 754, 858, 874, 1026, 1029.
 Чудиновъ, А. (ред.). 898.
 Чуйко, В. 160, 973.
- Щателенъ, М. 822.
 Шелгуновъ, М. 456.
 Шестаковъ. 966.
 Шашковъ. 170.
 Шмидтъ, Ю. 538.
 Шнейдеръ. 986, 987.
- Эйгесъ. 974, 1071.
- Якоплевъ, В. 493.
 Янвйскій, М. 71.

Книги, при которыхъ не означено ни автора, ни переводчика, ни издателя.

1. 46. (Новый Завѣтъ). 21. (Библія). 13. (Письма Святогорца). 14. (Послѣднія минуты христіанина). 19. (Училище благочестія). 81. (Маргаритъ). 97. (Проповѣдь нагорная). 217. (Рудаковъ, Ф. В., педагогъ). 376. (Милорадовичъ, гр. А. С.). 612. (Кавказъ). 690. (Путешествіе по Америкѣ). 748. (Стекло). 967. (Кебетъ).

II.

Алфавитный указатель авторовъ, редакторовъ и издателей къ каталогу французскихъ книгъ для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведений.

I. Авторы.

- About, E.** 34.
Achard, A. 20.
Augier, 100.
- Balzac.** 35.
Barante. 36.
Barreau. 37.
Barrière. 101.
Barthélemy. 38.
Blanchère, de la. 39.
Boileau. 155.
Bornier. 156.
Boussenard. 40.
Briseux. 88.
Brueys. 41, 42.
- Casin.** 43.
Casteyras. 21.
Chateaubriand. 102—108.
Chazel. 22.
Collin d'Harleville. 89.
Corneille, P. 1, 2, 157.
- Daudet, A.** 23, 44, 45, 109, 110.
Delavigne, C. 158, 159.
Destouches. 90.
Doucet, C. 91.
Dumas, A. 24, 46, 47, 111, 112, 113.
- Fabre d'Eglantine.** 92.
Fayette, m-me de la. 48.
Feuillet, O. 3, 50, 51, 114, 115.
Florian. 93.
- Gandinet.** 52.
Garsault. 53.
Gilbert. 95.
Gourand, I. 25.
Gresset. 96.
- Halévy.** 54.
Hugo, Victor. 116—122, 160—164.
- Karr, A.** 55, 56, 123.
- La Fontaine.** 94.
Lamartine, 57, 124, 165—167.
Le Sage. 64.
- Maistre, X. (de).** 4, 5, 26—28, 125.
Malot, H. 29.
Marmontel. 58, 59.
Meilhac. 60.
Mérimée, Pr. 61, 62.
Michaud. 63.
Michelet. 126—128.
Molière, P. 6—9, 129, 168.
Montesquieu. 130.
Muller. 30, 31.
- Nanteuil, m-me de.** 32.
Nodier, Ch. 33, 131—136.
- Picard, L.** 137, 138.
Ponsard. 139, 140.
- Racine, I.** 10, 11, 141, 169.
Regnard, 97, 98.
Rollin. 12, 142.
- Saintine.** 65.
Sand, George. 66—70.
Sandeau, I. 143.
Sardou, 71, 72.
Scribe, E. 13, 73, 74.
Sedaine. 75.
Séguir (comte de). 14, 15, 76.
Seuvestre, E. 16, 77—81.
Souza, M-e la comtesse de. 144—146.
Staël, M-me de. 147, 148.
Stahl. 149.
Sue, Eug. 82.
- Theuriet.** 83.
Thierry, A. 17.

Thiers. 18.
Toepffer. 84, 85, 86.

Wallon. 154.

Vaste, H. 150.
Vigny, A. de. 87, 99, 151—153.
Voltaire, A. de. 19, 160—176.

2. Редакторы и издатели.

а) Редакторы:

Александровъ, А. 3, 4, 5, 8, 10, 12, 15,
16, 18, 19.
Баралевскій, В. 1, 16.
Игнатовичъ, В. 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10,
11, 17, 19.
Лефрансуа, Ю. 7.
Пильцъ, А. 4.
Фельк, К. 6, 13, 14.

б) Издатели:

Александровъ, А. 3, 4, 5, 8, 10, 12, 15,
16, 18, 19.
Манштейнъ, С. 1, 3, 4, 6, 7, 13, 14, 16,
17, 19.
Полубояриновъ, Д. 1, 2, 6, 7, 8, 9, 10, 11.

III.

Алфавитный указатель авторовъ, редакторовъ и издателей къ
каталогу немецкихъ книгъ для ученическихъ библиотекъ сред-
нихъ учебныхъ заведений.

1. Авторы.

Auerbach. 30, 31, 53, 54.

Barack, Ch. 32.

Bechstein. 18.

Becker. 33.

Benndorf. 19.

Brehm. 55.

Buchner. 56—58.

Burmann. 34.

Campe. 20, 35.

Chamiasso. 2, 59.

Ebers. 60—62.

Fouqué. 63.

Freitag. 64, 65.

Gellert, Ch. 21.

Gerstaecker. 36, 66, 67.

Godin. 37.

Goethe. 6, 7, 68.

Grimm. 8, 22.

Grube. 36.

Hacklaender. 69, 70.

Hartwig. 40—42.

Haufl. 9, 23, 71.

Herzberg, G. 43.

Heyse, P. 72.

Hoecher. 45.

Hofmann, Fr. 44.

Horn. 24.

Immermann, 73.

Kinkel 74.

Kleist, 75.

König. 76.

Körner. 77.

Laube. 78.

Lessing. 10, 11, 79.

Musaens. 25, 46.

Müller. 25.

Niebuhr, B. 26.

Nieritz. 27.

Osterwald. 80—82

Paleske. 83.

Pichler. 28.

Riffert. 47.

Roth. 48.

Scheffell. 84.

Schiller, Fr. 12—17 49.

Schmidt. 29.

Stein. 58.

Stok. 51, 52.

Storm. 85.

Zchokke. 88.

Wagner, W. 86.

Wolff. 87.

2. Редакторы и издатели.

а) Редакторы:

Ганъ, К. 11.

Гретманъ, Р. 13.

Ирмеръ, Г. 17.

Леве, Е. 6.

Розенбергъ, Е. 9, 10, 15.

Фишеръ, М. 7, 12.

Фохтъ, фонъ, А. 10.

б) Издатели:

Андерсонъ, О. 6, 7, 9, 14, 15.

Гроспичъ, 13, 16.

„Избранные нѣмецкіе писатели для
школъ“ (безъ означенія фамилии изда-
теля): 11, 17.

Кейзеръ, О. 13.

Мавштейнъ, С. 6, 7, 9, 10, 11, 12, 15, 17.

Фишеръ, М. 1, 2, 3, 4, 8, 14.

Чекала, С. 9.

ОГЛАВЛЕНІЯ.

I.

Оглавление ко 2-му изданію „Опыта каталога ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній“, напечатанному въ 1896 году.

	Стран.
Предисловіе ко второму изданію (1896 года)	1
Предисловіе къ первому изданію (1889 года)	9
Отдѣль I. Книги религіозно-правственнаго содержанія	11
Младшій возрастъ	11
Средній возрастъ	13
Старшій возрастъ	16
Отдѣль II. Сочиненія философскія	21
Средній возрастъ	21
Старшій возрастъ	22
Отдѣль III. Исторія	24
1. Отечественная исторія	24
Младшій возрастъ	24
Средній возрастъ	27
Старшій возрастъ	29
Сочиненія по исторіи мѣстности, гдѣ находится учебное заведеніе	32
2. Всеобщая исторія	33
Младшій возрастъ	33
Средній возрастъ	35
Старшій возрастъ	37
Отдѣль IV. Географія	41
1. Математическая и физическая географія	41
Младшій возрастъ	41
Средній возрастъ	43
Старшій возрастъ	44

	Стран.
2. Отечествовѣдѣніе	45
Младшій возрастъ	45
Средній возрастъ	46
Сочиненія по родноивѣдѣнію	48
Старшій возрастъ	49
3. Всеобщая географія.	50
Младшій возрастъ	50
Средній возрастъ	51
Старшій возрастъ	58
Отдѣлъ V. Математика и естествовѣдѣніе.	55
1. Математика	55
2. Естествовѣдѣніе	56
Младшій возрастъ	56
Средній возрастъ	59
Старшій возрастъ	63
Сочиненія по изслѣдованію мѣстной природы	68
Отдѣлъ IV. Русскій языкъ. Словесность русская, классическая и всеобщая.	68
1. Русскій языкъ	68
2. Русская словесность. Исторія русской литературы. Теорія словесности	69
Младшій возрастъ	69
Средній возрастъ	74
Старшій возрастъ	78
3. Классическая словесность	86
Средній возрастъ	86
Старшій возрастъ	86
4. Всеобщая литература	89
Младшій возрастъ	89
Средній возрастъ	90
Старшій возрастъ	92
Алфавитный указатель именъ авторовъ, переводчиковъ, издателей, встрѣчающихся во 2-мъ изданіи „Опыта каталога ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній“	96
I. Авторы	96
II. Переводчики, редакторы и издатели	105
Книги, при которыхъ не означено ни автора, ни переводчика, ни издателя	108
Сравнительный указатель номеровъ, подъ которыми та же книга означена въ изданіи 1889 года и въ изданіи 1896 года	109

II.

Оглавление первого дополненія къ „Опыту каталога
ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заве-
деній“.

	Стран.
Отдѣль I. Книги религіозно-правственнаго содержанія.	1
Младшій возрастъ	2
Средній возрастъ	3
Старшій возрастъ	4
Отдѣль II. Сочиненія философскія и законовѣдѣніе	8
1. Сочиненія философскія	8
Средній возрастъ	8
Старшій возрастъ	9
2. Законовѣдѣніе	12
Отдѣль III. Исторія	13
1. Отечественная исторія	13
Младшій возрастъ	13
Средній возрастъ	15
Старшій возрастъ	17
Сочиненія по исторіи мѣстности, гдѣ находится учебное заведеніе	22
2. Всеобщая исторія	24
Младшій возрастъ	24
Средній возрастъ	26
Старшій возрастъ	27
Отдѣль IV. Географія	31
1. Математическая и физическая географія	31
Младшій возрастъ	31
Средній возрастъ	32
Старшій возрастъ	33
2. Отечественноевѣдѣніе	34
Младшій возрастъ	34
Средній возрастъ	36
Старшій возрастъ	37
Сочиненія по родиновѣдѣнію	38
3. Всеобщая географія	39
Младшій возрастъ	39
Средній возрастъ	41
Старшій возрастъ	43

	Стран.
Отдѣль V. Математика и естествовѣдѣніе	45
1. Математика	45
2. Естествовѣдѣніе	45
Младшій возрастъ	45
Средній возрастъ	47
Старшій возрастъ	48
Сочиненія по изслѣдованію мѣстной природы	51
Отдѣль IV. Русскій языкъ. Словесность русская, классическая и всеобщая	52
1. Русскій языкъ	52
2. Русская словесность. Исторія русской литературы. Теорія словесности	53
Младшій возрастъ	53
Средній возрастъ	55
Старшій возрастъ	57
3. Классическая словесность	61
Средній возрастъ	61
Старшій возрастъ	62
4. Всеобщая литература	65
Младшій возрастъ	65
Средній возрастъ	66
Старшій возрастъ	68
Отдѣль VII. Періодическія изданія, разрѣшенныя къ выпискѣ для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній	71
Отдѣль VIII. Каталогъ французскихъ книгъ для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній	71
I. Книги для учениковъ, менѣе знакомыхъ съ французскимъ языкомъ	71
II. Книги для учениковъ, свободнѣе владѣющихъ французскимъ языкомъ	73
Младшій возрастъ	73
Средній возрастъ	73
Старшій возрастъ	75
Отдѣль IX. Каталогъ нѣмецкихъ книгъ для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній	78
I. Книги для учениковъ, менѣе знакомыхъ съ нѣмецкимъ языкомъ	78

	Стран.
II. Книги для учениковъ, свободнѣе владѣющихъ нѣмецкимъ языкомъ	79
Младшій возрастъ	79
Средній возрастъ	80
Старшій возрастъ	80
Указатели:	82
I. Алфавитный указатель именъ авторовъ, переводчиковъ, редакторовъ и издателей книгъ на русскомъ языкѣ, которыя встрѣчаются въ первомъ дополненіи къ „Опыту каталога ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній“	82
1. Авторы	82
2. Переводчики, редакторы и издатели	90
3. Книги, при которыхъ не означено ни автора, ни переводчика, ни издателя	92
II. Алфавитный указатель именъ авторовъ, редакторовъ и издателей къ каталогу французскихъ книгъ для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній	93
1. Авторы	93
2. Редакторы и издатели	94
III. Алфавитный указатель именъ авторовъ, редакторовъ и издателей къ каталогу нѣмецкихъ книгъ для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній	94
1. Авторы	94
2. Редакторы и издатели	95
Оглавленія.	
I. Оглавленіе ко 2-му изданію „Опыта каталога ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній“, напечатанному въ 1896 году	96
II. Оглавленіе перваго дополненія къ „Опыту каталога ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній“	98

МОЛОДОСТЬ В. К. ТРЕДИАКОВСКАГО ДО ЕГО ПОЕЗДКИ ЗА ГРАНИЦУ.

(1703 — 1726).

Какъ извѣстно, М. П. Погодинъ неоднократно печаталъ въ своемъ *Москвитянинѣ* разные матеріалы для біографіи Василя Кирилловича Тредіаковскаго. Въ 1851 году, при изданіи любопытнѣйшей просьбы его въ правительствующій сенатъ отъ 28-го февраля 1744 года, Погодинъ объявилъ, что о Тредіаковскомъ у него набралось „множество матеріаловъ—на цѣлую книгу, которые будутъ ожидать добросовѣстнаго дѣлателя“, и къ этому прибавилъ: „Пора реставрировать это лицо, изуродованное невѣжествомъ, легкомысліемъ, опрометчивостію. Тредіаковскій точно былъ странень, смѣшонъ съ нѣкоторыхъ сторонъ, за то съ другихъ, опускаемыхъ совершенно изъ виду, онъ достоинъ нашего участія, уваженія и благодарности, какъ первый труженикъ и страдалецъ русской литературы“. Это мнѣніе Погодина отличается и преувеличеніемъ, и неточностью, однако назвать его совершенно несправедливымъ нельзя. Не Тредіаковскій, конечно, былъ первымъ труженикомъ и страдалцемъ русской литературы: чтобы доказать противное словамъ Погодина, достаточно напомнить хотя бы только два имени—Максима Грека изъ XVI столѣтія и Сильвестра Медвѣдева изъ конца XVII вѣка, времени близкаго къ жизни Тредіаковскаго. Но въ замѣчаніи московскаго историка положительно вѣрно то, что потомство оказалось очень неблагодарнымъ въ отношеніи къ переводчику Роллена и дѣйствительно изуродовало его личность легкомысленнымъ и невѣжественнымъ сужденіемъ. Еще заживо Тредіаковскій подвергался непрерывнымъ насмѣшкамъ, а послѣ его смерти

эти насмѣшки легли въ основу приговоровъ, которые высказывались о немъ послѣдующими поколѣніями. Съ легкой руки зубоскаловъ о Тредіаковскомъ сложилось представленіе, какъ о бездарномъ и смѣшномъ, но самодовольномъ педантѣ и какъ о человѣкѣ низкой души, и имя его сдѣлалось нарицательнымъ въ этомъ смыслѣ. Такъ было въ царствованіе Екатерины и въ первой четверти нынѣшняго вѣка. Въ 1835 году былъ напечатанъ романъ И. И. Лажечникова „Ледяной домъ“— произведеніе, написанное съ большимъ талантомъ и согрѣтое гуманнымъ чувствомъ. Современники вѣрно понимали, въ чемъ именно состоитъ свойство таланта Лажечникова. „Въ его романахъ“, писалъ тогда же даровитый юноша Станкевичъ, — „я вижу умный взглядъ на вещи, чувство истинное и благородное, любовь къ Россіи и къ правдѣ“¹⁾. Однако, и въ „Ледяномъ домѣ“ Тредіаковскій былъ представленъ очень непривлекательными и потѣшными чертами, и несомнѣнно, такое изображеніе еще болѣе укрѣпило общество въ неблагоприятномъ мнѣніи о немъ. Правда, среди хора глумленій раздавались иногда голоса въ пользу обиженнаго: одинъ изъ нихъ, въ концѣ прошлаго вѣка, принадлежалъ А. Н. Радищеву, а другой, въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія,—Пушкину, который между прочимъ полемизировалъ въ пользу Тредіаковского съ Лажечниковымъ; но и эта благородная защита не помогла дѣлу: въ понятіяхъ большинства, въ ходячихъ мнѣніяхъ толпы живетъ понынѣ только преданіе о феноменальной будто бы бездарности Тредіаковского и ничего не извѣстно объ его огромныхъ трудахъ и пользѣ, ими принесенной.

Установить правильный и безпристрастный взглядъ на Тредіаковского и его дѣятельность можетъ только обстоятельная научная разработка исторіи русской литературы. И въ этомъ смыслѣ были уже сдѣланы кое-какія попытки — въ изданіи П. М. Перевлѣскаго, въ небольшой статьѣ о Тредіаковскомъ И. И. Введенскаго²⁾ и въ параграфахъ, посвященныхъ тому же писателю въ учебникахъ А. Д. Галахова, И. Е. Порфирьева и др.; но все это—лишь краткіе очерки, въ которыхъ фактическая часть скудна и не всегда проверена по источникамъ, а разсужденія и заключенія недостаточно мотивированы. Затѣмъ нѣкоторые отдѣльные эпизоды изъ литературной дѣятельности

¹⁾ Николай Владиміровичъ Станкевичъ. Переписка его и біографія, написанная П. В. Анненковымъ. М. 1857, стр. 151.

²⁾ Помѣщена въ журналѣ *Сѣверное Обозрѣніе* 1849 г., т. II.

Тредиаковскаго привлекли къ себѣ вниманіе академика А. А. Куника и были подвергнуты имъ изслѣдованію съ тою тщательностью, какая отличаетъ всѣ его труды ¹⁾. Болѣе всего сдѣлано для изученія жизни Тредиаковскаго академикомъ П. П. Пекарскимъ; онъ извлекъ изъ архива академіи наукъ рядъ новыхъ документовъ, напечаталъ ихъ цѣликомъ или въ извлеченіи и на ихъ основаніи составилъ подробную біографію переводчика Роллена ²⁾. Какъ добросовѣстное собраніе фактическихъ данныхъ, этотъ трудъ заслуживаетъ полнаго уваженія, но какъ полная монографія о жизни и сочиненіяхъ извѣстнаго писателя, онъ далеко не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Вопервыхъ, Пекарскій, соблазнившись богатствомъ собраннаго имъ архивнаго матеріала, совершенно пренебрегъ тѣми автобіографическими данными, которыя щедро разсыпаны Тредиаковскимъ въ разныхъ его печатныхъ сочиненіяхъ и относятся главнымъ образомъ къ періоду его пребыванія въ Парижѣ; во вторыхъ, по самому свойству того матеріала, которымъ біографъ преимущественно пользовался (офиціальныя документы), онъ не могъ удовлетворительно объяснить внутреннее развитіе учено-литературной дѣятельности Тредиаковскаго, не опредѣлялъ источниковъ его образованія и не указалъ на характерныя черты послѣдняго, и третьихъ, онъ не далъ никакой оцѣнки трудовъ Тредиаковскаго по отношенію какъ его времени, такъ и послѣдующаго. Короче сказать, въ сочиненіи Пекарскаго много цѣнныхъ, но почти сырыхъ матеріаловъ и совершенно нѣтъ законченности, такъ что оно можетъ служить только полезною канвой для дальнѣйшихъ изслѣдованій.

По нашему мнѣнію, до сихъ поръ всего менѣе разъясненными остаются *Lehr- und Wanderjahre* Тредиаковскаго, а между тѣмъ именно эти годы оказали, какъ намъ думается, самое рѣшительное вліяніе на всю его дальнѣйшую судьбу. Поэтому намъ показалось небезполезнымъ пересмотрѣть эту часть его біографіи. Настоящую статью мы посвящаемъ разсказу о жизни Тредиаковскаго до его заграничнаго путешествія, — пребываніе же его въ Голландіи и Франціи составитъ предметъ другой статьи, которая появится впоследствии. Такъ какъ

¹⁾ Изслѣдованія г. Куника и относящіяся къ нимъ документы помѣщены въ „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской академіи наукъ“ (С.-Пб. 1865. Двѣ части).

²⁾ Она помѣщена во II томѣ „Исторіи Императорской академіи наукъ“ (С.-Пб. 1873), стр. 1—258.

нашъ опытъ представляетъ какъ бы дополненіе къ труду Пекарскаго, то мы не дѣлаемъ ссылокъ на его сочиненіе, а равно на источники, которыми пользовался покойный академикъ.

I.

Василій Кирилловичъ Тредіаковскій родился 22-го февраля 1703 года въ Астрахани, гдѣ его отецъ и дѣдъ были приходскими священниками. Отецъ Кириллъ былъ человекъ съ нѣкоторымъ достаткомъ; по крайней мѣрѣ сынъ впоследствии рассказывалъ, что у нихъ былъ свой домъ и „небезвыгодный садъ виноградный“¹⁾. На восьмомъ году мальчикъ, по обычаю, былъ посаженъ за ученіе; первымъ его наставникомъ былъ отецъ, обучавшій его грамотѣ, письму и пѣнію по нотамъ; первыми прочтенными книгами были, разумѣется, церковныя; хорошее ихъ знаніе Тредіаковскій обнаруживалъ и впоследствии.

Въ 1719 или 1720 году, то-есть, лѣтъ шестнадцати, Тредіаковскій поступилъ въ школу къ католическимъ монахамъ капуцинскаго ордена, которые незадолго передъ тѣмъ поселились въ Астрахани, построили въ Армянской слободѣ свою церковь и занялись обученіемъ юношества. Такова была одна изъ странныхъ случайностей Петровскаго времени, одно изъ „противорѣчій“ русскаго возрожденія: на юго-восточной окраинѣ Европейской Россіи, на порогѣ Азіи, въ городѣ, гдѣ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ одинъ слухъ о томъ, что молодой царь вводитъ, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ платьемъ, и новую вѣру, произвелъ народный бунтъ,—сынъ православнаго священника сталъ питомцемъ католическихъ монаховъ. Русское астраханское духовенство крайне подозрительно смотрѣло на этихъ иноземцевъ чужой вѣры, нежданно-негаданно водворившихся среди его паствы: въ 1721 году епископъ Іоакимъ жаловался синоду, „что римской вѣры патеръ Антоній безъ пашпорта чрезъ Персію прибылъ въ Астрахань, построилъ костель свой... и чинить христіанамъ многія противности“²⁾. Но капуцины нашли себѣ защитника въ лицѣ тогдашняго Астраханскаго губернатора, извѣстнаго Артемія Петровича Волинскаго; костель былъ построенъ съ его разрѣшенія, и когда иностранная коллегія, вслѣдствіе синодскаго указа, потребовала объясненія по этому дѣлу, губернаторъ

¹⁾ Сборникъ II-ю отдѣленія Императорской академіи наукъ, т. VII, стр. XXXII („Записка о Тредіаковскомъ“ Г. Н. Тельова).

²⁾ Описаніе дѣлъ архива св. синода, т. I, стр. 758.

отвѣчалъ, что не только не видитъ никакой опасности отъ пребыванія католическихъ монаховъ въ Астрахани, но еще ожидаетъ со временемъ и пользы отъ нихъ, „понеже изъ тамошняго суроваго народа обучаются отъ нихъ молодыя дѣти латинскаго и прочихъ языковъ“¹⁾). Въ числѣ этихъ-то дѣтей находился и Василій Тредяковскій. Покровительство, оказанное капуцинамъ Волынскимъ, заставляетъ предполагать, что и самый выборъ учениковъ среди не расположеннаго къ иновѣрцамъ православнаго населенія состоялся не безъ участія губернатора, а въ такомъ случаѣ Артемію Петровичу весьма естественно было обратить вниманіе на священническаго сына, такъ какъ государь неоднократно распоряженіями требовалъ, чтобы бѣлое духовенство въ особенности заботилось объ образованіи своихъ дѣтей и отдавало бы ихъ въ школы²⁾), — въ Астрахани же не было въ то время никакого другого училища, кромѣ заведеннаго капуцинами. Во всякомъ случаѣ ясно, что Тредяковскій еще съ этой ранней поры своей жизни сталъ извѣстенъ Волынскому.

Въ капуцинской школѣ юный поповичъ успѣлъ пройти латинскую грамматику и приступилъ уже къ словеснымъ наукамъ; можно не сомнѣваться, что, согласно общему школьному обычаю того времени, употребленіе латинскаго языка было обязательно для учениковъ этой школы и помимо уроковъ. Такимъ образомъ, Тредяковскій былъ обязанъ ей началомъ хорошаго знанія латыни, которое такъ пригодилось ему впослѣдствіи.

Въ 1722 году Астрахань посѣтилъ Петръ I; онъ былъ тамъ въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ, предъ отправленіемъ въ Персидскій походъ. Есть извѣстіе, что при этомъ государь и сопровождавшая его Екатерина проявили благосклонность римскимъ патерамъ, которымъ еще въ апрѣлѣ того же года были разрѣшены пребываніе въ Астрахани и свобода богослуженія³⁾). Посѣщеніе этого города царскимъ дворомъ должно было произвести впечатлѣніе на Тредяковскаго и возбудить въ немъ желаніе выйти изъ тѣсной среды, въ которой онъ жилъ до тѣхъ поръ; молодой человѣкъ могъ пріобрѣсти себѣ полезныя знакомства среди пріѣзжихъ. За Петромъ послѣдовалъ въ Астрахань спасенный имъ отъ турецкой казни, бывший Молдавскій или, какъ его звали у насъ, Волошскій господарь князь Димитрій Канте-

¹⁾ Полное собраніе постановленій св. синода, т. II, стр. 271.

²⁾ *Соловьевъ*. Исторія Россіи, т. XVI, стр. 349.

³⁾ *К Сторожевскій*. Капуцины и іезуиты въ Астрахани — *Русская Рѣчь* 1862 г., стр. 613.

миръ, а его сопровождалъ учитель его дѣтей и домашній секретарь Иванъ Ильинскій, получившій образованіе въ Московской славяно-греко-латинской академіи въ послѣдніе годы XVII вѣка. До князя Кантемира Тредіаковскому, разумѣется, было далеко; другое дѣло—Ильинскій. Впослѣдствіи, въ 1755 году, Василій Кирилловичъ отзывался о немъ съ рѣдкимъ уваженіемъ: „праводушный, честный и добронравный мужъ, да и другъ другамъ нелицемѣрный, искусный довольно въ латинскомъ языкѣ, нѣсколько въ молдавскомъ, а совершенно въ славянскомъ“¹⁾. Этотъ отзывъ—вполнѣ безкорыстный, такъ какъ былъ высказанъ много лѣтъ спустя по смерти Ильинскаго,—доказываетъ, что Тредіаковскій имѣлъ когда-либо случай воспользоваться покровительствомъ Кантемирова секретаря: весьма вѣроятно, что еще въ Астрахани Ильинскій, человекъ уже въ лѣтахъ и съ нѣкоторыми связями, узналъ молодого поповича, оцѣнилъ его школьные успѣхи и любознательность и выразилъ готовность быть ему полезнымъ.

Между тѣмъ Василю шелъ двадцатый годъ, и отецъ Кириллъ задумалъ женить сына, съ тѣмъ чтобы со временемъ, по обычаю, передать ему свой приходъ. Но сынъ питалъ уже другія намѣренія и на канунъ того дня, когда предполагалось сыграть свадьбу, покинулъ и родительскій домъ, и родной городъ, чтобы на сторонѣ искать счастья и прежде всего науки. Случилось это въ началѣ 1723 года, стало быть, приблизительно въ то же время, когда выѣхалъ изъ Астрахани Ильинскій, задержанный здѣсь болѣзнью князя Кантемира. Въ ту смутную пору, когда сознаніе необходимости просвѣщенія въ одной части русскаго общества вступало въ ожесточенную борьбу съ невѣжествомъ и косностью другой, бѣгство ради ученія представляло собою столь же характерное явленіе, какъ и бѣгство изъ школъ молодежи, насильно, царскимъ указомъ посаженной на школьную скамью. При затруднительности тогдашнихъ сообщеній между разными концами государства уйти изъ роднаго дома значило — разстаться съ близкими едва ли не на всю жизнь; тѣмъ легче было, при доброй волѣ, замести слѣдъ своего бѣгства и самому, въ свою очередь, потерять родныхъ изъ виду. Такъ случилось и съ Тредіаковскимъ: когда, лѣтъ десять спустя послѣ отъѣзда изъ Астрахани, онъ сталъ наводить справки о своихъ родственникахъ, оказалось, что почти всѣ они „волею Божіею отъ язвы померли“, а все

¹⁾ Сочиненія Тредіаковскаго. Изданіе *Смирдина*. Т. I, стр. 775

оставшееся послѣ отца имущество „по рукамъ растащено“; въ живыхъ оказалась только сестра Василія Кирилловича, терпѣвшая крайнюю нужду, такъ что ему приходилось посылать ей денежные пособія, входя для того въ долги ¹⁾).

Въ Москвѣ Тредіаковскій нашелъ случай опредѣлиться въ славяно-греко-латинскую академію или въ Спасскія школы, какъ ее попросту тогда называли, потому что академія помѣщалась въ Спасскомъ монастырѣ, чтѣ за Иконнымъ рядомъ. Какъ это устроилось—въ точности не извѣстно, но весьма возможно, что именно тутъ дѣло обошлось не безъ помощи Ильинскаго ²⁾); еще въ Астрахани онъ могъ указать къ тому способы Тредіаковскому. Удовлетворительно подготовленный по части латыни въ капуцинскомъ училищѣ, юноша долженъ былъ считаться рѣдкостью между поступавшими и потому былъ принятъ прямо въ одинъ изъ среднихъ классовъ — однако не на казенное содержаніе, какимъ пользовалось большинство академическихъ воспитанниковъ, а „на собственномъ иждивеніи“ ³⁾); очевидно, положеніе его было близко къ нищенскому.

Московская академія была въ то время единственнымъ въ Вѣликороссіи учебнымъ заведеніемъ съ высшимъ курсомъ преподаванія. Съ начала XVIII вѣка, съ тѣхъ поръ, какъ Стефанъ Яворскій, назначенный мѣстоблюстителемъ патриаршаго престола, сталъ ея верховнымъ протекторомъ, она сдѣлалась близкимъ подобіемъ академіи Кіевской, которая, въ свою очередь, была устроена по образцу католическихъ училищъ западной Европы, преимущественно іезуитскихъ. На смѣну прежнихъ учителей, по желанію Стефана, были вызваны изъ Кіева новые преподаватели, питомцы тамошней академіи. Такимъ образомъ, въ молодое еще училище перенесено было старое педагогическое преданіе, и обученіе повелось по издавна испытаннымъ приемамъ. Матеріальное положеніе академіи было скудное: она помѣщалась въ полуразрушенномъ зданіи и держала учениковъ въ суровой обстановкѣ. Но преподавателямъ нельзя было отказать въ усердіи и

¹⁾ Доношеніе отъ 28-го февраля 1744 года—*Московтлинны* 1851 года, № 11, стр. 228; копія съ письма къ Шумахеру отъ 27-го февраля 1737 года, на французскомъ языкѣ, обязательно сообщенная намъ академикомъ А. А. Кунякомъ.

²⁾ Впрочемъ, въ первой половинѣ 1723 года Ильинскаго не было въ Москвѣ; онъ пріѣхалъ туда только въ сентябрѣ послѣ смерти князя Дмитрія Кантемира (*Русская Старина* 1897 г., № 1, стр. 69).

³⁾ Объ этомъ упоминается въ краткой біографіи Тредіаковскаго, приложенной къ изданію его трагедіи „Дедамія“ (М. 1775).

даже въ любви къ своему дѣлу. Дисциплина господствовала въ училищѣ строгая, и отъ учащихся требовалось много труда. Преподаваніе шло большею частью на латинскомъ языкѣ, и читаемые курсы составлялись обыкновенно при пособіи руководствъ, употреблявшихся въ школахъ католическаго запада. Предметы преподаванія состояли изъ латинской и славянской грамматики ¹⁾—въ трехъ низшихъ классахъ, изъ философіи и богословія — въ двухъ высшихъ, и изъ словесныхъ наукъ—въ двухъ среднихъ, при чемъ на пѣтику отводился одинъ годъ, а на риторикѣ два. Въ этихъ-то двухъ классахъ академіи, при ректорѣ Гедеонѣ Вишневокомъ. Тредіаковскій и пробылъ съ 1723 по 1726 годъ ²⁾.

Не сохранилось точныхъ свѣдѣній о томъ, какіе наставники преподавали словесныя науки въ академіи въ эти именно года ³⁾; не сохранились и записки читанныхъ ими курсовъ. Тѣмъ не менѣе, составъ и характеръ этихъ чтеній можетъ быть опредѣленъ съ полною достовѣрностью. Не только въ русскихъ училищахъ первой половины XVIII вѣка, но и на западѣ въ это время школьное преподаваніе не затрогивало общихъ философскихъ началъ словеснаго искусства и ограничивалось лишь техническими наставленіями о томъ, какъ писать стихи и какъ сочинять ораторскія рѣчи: исчислялись разные виды и роды поэтическихъ и ораторскихъ произведеній, опредѣлялись ихъ составныя части, указывались приемы для собиранія матеріала и лучшіе способы его расположенія. предлагались образцы, а затѣмъ ученикамъ давались практическія упражненія въ виршахъ и ораціяхъ, при чемъ вмѣнялось въ обязанность придерживаться какъ можно ближе къ даннымъ примѣрамъ. Такимъ образомъ, подражательность была возведена въ коренное правило, и самое достоинство школьныхъ сочиненій опредѣлялось преимущественно по степени умѣнья учениковъ пользоваться

¹⁾ Греческій языкъ вовсе не преподавался въ академіи съ 1722 года почти до половины XVIII вѣка (*Смирновъ*. Исторія Моск. слав.-гр.-лат. академіи, стр. 118 и 114).

²⁾ Это обнаруживается изъ показанія самого Тредіаковскаго, который въ своей краткой автобіографіи (*Пекарскій*. Отчетъ о занятіяхъ въ 1863—1864 годахъ, стр. 30 и 31) говоритъ, что онъ оставилъ Московскую академію „по окончаніи реторики“; такъ какъ это послѣдовало весной 1726 года, то стало быть, въ 1723 году онъ былъ принятъ прямо въ классъ пѣтики. Учебный годъ начинался въ академіи 15-го іюля.

³⁾ Въ „Исторіи“ *Смирнова*, стр. 218, есть указаніе, что въ 1724 году каедрѣ пѣтики занималъ іеромонахъ Пареній Яновскій; но его ли именно слушалъ Тредіаковскій въ 1723—1724 годахъ — остается все-таки неизвѣстнымъ.

указанными образцами. Тредиаковский въ этомъ отношеніи остался навсегда вѣрнымъ послѣдователемъ своей московской школы, тѣмъ болѣе, что и во время своего заграничнаго ученія онъ слышалъ тѣ же наставленія о пользѣ изученія образцовъ и подражанія имъ. Слогъ его произведеній, даже написанныхъ въ зрѣлую пору его жизни, наполненъ оборотами рѣчи и отдѣльными выраженіями, взятыми у древнихъ, преимущественно латинскихъ классиковъ, и притомъ еще нерѣдко съ педантическою точностью указывается самый источникъ заимствованія. Фактическій матеріалъ академическихъ курсовъ не отличался богатствомъ: лишенный всякой научной обработки, онъ состоялъ изъ случайныхъ данныхъ, подобранныхъ безъ критики, безъ различія между непосредственными свидѣтельствами и толкованіями ученыхъ, лишь бы эти данныя годились къ подкрѣпленію выставленныхъ впереди положеній. Точно также и у Тредиаковскаго критика въ научныхъ и литературныхъ вопросахъ всегда оставалась слабою и мелочною, а поклоненіе предъ авторитетами было безграничное. По ѣдкому замѣчанію Теофана Прокоповича ¹⁾, богословствовавшіе „латынщики“ Московской академіи набирали отдѣльные параграфы, выхваченные какинъ-нибудь іезуитомъ изъ какиихъ-либо сочиненій схоластическихъ или языческихъ, и плохо шивали, если не искажали ихъ, а при всемъ томъ мнили себя такими мудрецами, что лучше не надо: подобно тому, и Тредиаковский всегда пробавлялся заимствованиями изъ чужихъ сочиненій и дорожилъ не тѣмъ, чтобы предлагать читателямъ плоды своихъ самостоятельныхъ изысканій, а лишь тѣмъ, чтобы предлагаемое „было пріятное, важное и полезное“ ²⁾. Даже ознакомившись непосредственно съ наукою западной Европы, онъ не умѣлъ развить въ себѣ настоящій духъ критики и научнаго изслѣдованія и навсегда остался только болѣе или менѣе искуснымъ компиляторомъ.

Для развитія въ студентахъ способности къ діалектикѣ, преподаватели академіи устраивали между ними ученые диспуты. Тредиаковский очень цѣнилъ этотъ родъ школьныхъ упражненій и внослѣдствіи хвалился тѣмъ, что самъ „держалъ диспуты“ въ Парижской Сорбоннѣ ³⁾. Въ Московской академіи онъ едва ли былъ къ тому допускаемъ, какъ еще не достигшій высшихъ классовъ; но весьма вѣ-

¹⁾ Epistolae Th. Procopowicz. Mosquae 1776, epist. 20.

²⁾ Русская исторія *Роллена*, въ переводѣ *Тредиаковскаго*, т. I, стр. 4 (предисловіе).

³⁾ *Печарскій*. Отчетъ о занятіяхъ въ 1863—1864 годахъ, стр. 30.

роятно, что онъ присутствовалъ на диспутахъ свои старшихъ товарищей, и въ особенности на чрезвычайномъ диспутѣ, происходившемъ въ академіи 26-го мая 1724 года, во время празднествъ по случаю коронаванія императрицы Екатерины. Въ дневникѣ голштинскаго камеръ-юнкера Берхгольца, сопровождавшаго герцога Карла-Фридриха, сохранилось описаніе этого пренія, живо изображающее тогдашніе обычаи Спасскихъ школъ. „26-го числа, въ Троицынъ день“, разказываетъ Берхголецъ, — „къ оберъ-камергеру (герцога) приходили два студента для приглашенія его высочества на диспутъ, который долженъ былъ происходить послѣ обѣда между русскими и нѣкоторыми иновѣрными духовными лицами. Нашъ придворный проповѣдникъ былъ приглашенъ въ оппоненты. Его королевское высочество, съ большею частию своей свиты, отправился въ большое училище, которое въ то же время и монастырь... Мы были приняты ректоромъ, отцомъ Гедеономъ, съ прочими архіепископами, епископами и многими архимандритами, и проведены въ аудиторію, которая хотя и находилась въ ветхомъ зданіи, однако же внутри была довольно хороша и украшалась обоями и живописью. Надъ кафедрой висѣлъ портретъ императрицы, убранный множествомъ лентъ. Прибытіе наше было привѣтствовано звуками трубъ и литавръ, и всѣ присутствовавшіе сѣли по своимъ мѣстамъ; диспутантъ, монахъ и профессоръ богословія, началъ говорить на русскомъ языкѣ рѣчь, по окончаніи которой позади кафедры заиграла довольно хорошая музыка. Затѣмъ, когда она умолкла, выступили два педеля и стали приглашать обоихъ оппонентовъ, именно нашего придворнаго проповѣдника и одного монаха-капуцина, начать диспутъ, или лучше сказать, возраженіе. Начался диспутъ. Нашъ придворный проповѣдникъ опровергалъ ученіе объ исхожденіи Святаго Духа только отъ Отца, извѣстный догматъ греческой церкви. Ректоръ, отецъ Гедeonъ, президентъ диспута, не стоялъ на кафедрѣ, а сидѣлъ подлѣ нея на стулѣ. По окончаніи диспута, внизу, у ректора, его королевское величество угощали виномъ и сладостями, и онъ провелъ еще часа два въ обществѣ духовныхъ лицъ“¹⁾. Очевидно, преніе происходило только для виду: ни одинъ изъ препиравшихся не могъ бы согласиться со своимъ противникомъ, не измѣнивъ своему исповѣданію; но ораторамъ предоставлялось блистать искусствомъ своей діалектики, а въ этомъ-то—по мнѣнію академическихъ наставниковъ—

¹⁾ Дневникъ камеръ-юнкера *Берхгольца*, ч. IV, стр. 62 и 63; ср. *Пекарскій*. Наука и литература при Петрѣ Великомъ, т. I, стр. 485.

и заключалась поучительная сторона подобных словопрений для слушателей.

Дважды въ теченіе учебнаго года въ Спасскихъ школахъ устраивались театральныя представленія. Этотъ обычай перешелъ сюда изъ Кіевской академіи, которою былъ усвоенъ съ запада. Изданный въ 1721 году Духовный Регламентъ узаконилъ его, признавъ, что „дѣлать комедіи“ въ школахъ — „зѣло полезно къ наставленію и резолюціи, сіесть, честной смѣлости“. Еще до изданія Регламента, въ первое десятилѣтіе XVIII вѣка, когда Петръ особенно благоволилъ къ Московской академіи, въ ней между прочимъ исполнялись піесы, походившія на *ludi caesarei* іезуитскихъ школъ; онѣ заключали въ себѣ намеки на современныя событія, главнымъ образомъ прославленіе побѣдъ русскаго оружія надъ шведами; согласно правиламъ школьной піитики, въ этихъ драматическихъ панегирикахъ господствовали мотивы классической міеологіи и аллегорическія олицетворенія, а для ихъ исполненія на сценѣ требовалась болѣе или менѣе блестящая обстановка¹⁾. Собственно за время пребыванія Тредяковскаго въ Московской акдеміи ея драматическій репертуаръ остается почти совершенно неизвѣстнымъ; знаемъ только, что въ маѣ 1724 года въ ней была исполнена какая-то комедія на латинскомъ языкѣ—безъ сомнѣнія, потому, что среди зрителей находились иностранцы; но имъ піеса не понравилась, и видѣвшій парижскіе театры Берхгольцъ называетъ ее „пошлою“ или „лишенною вкуса“²⁾. Въ Кіевѣ школьныя піесы сочинялъ обыкновенно учитель піитики; то же, вѣроятно, соблюдалось и въ Московской академіи; но въ бытность тамъ Тредяковскаго эта обязанность была дважды возлагаема на него; впоследствии онъ не безъ самодовольства вспоминалъ — „да позволится сказать о себѣ нетщеславно“. — что „еще въ студенствѣ“ своемъ сочинилъ двѣ драмы „Явонъ“ и „Титъ Веспасіановъ сынъ“, которыя и были представлены „въ Законоспасскомъ монастырѣ“³⁾. По этому порученію можно между прочимъ заключать, что ихъ авторъ былъ на хорошемъ счету у своихъ учителей. Самыя піесы однако не сохранились, и мы не знаемъ ихъ содержанія; впрочемъ, можно считать весьма вѣроятнымъ предположеніе, что подъ именами

¹⁾ *Морозовъ*, Исторія русскаго театра до половины XVIII столѣтія. С.-Пб. 1889, стр. 309 и 330.

²⁾ Дневникъ *Берхгольца*, ч. IV, стр. 64; ср. *Лекарскій*. Наука и литература при Петрѣ Великомъ, т. I, стр. 435.

³⁾ Сочиненія, т. I, стр. 778.

Язона и Тита въ драмахъ Тредіаковскаго прославлялся опять-таки Петръ ¹⁾, и слѣдовательно, эти піесы, подобно другимъ, представленнымъ въ Московской академіи, имѣли отношеніе къ современности.

Тредіаковскій сообщаетъ о своихъ драмахъ только то, что онѣ были написаны силлабическимъ разиѣромъ или, какъ онъ выразился, стихами польскаго состава. Въ Московской академіи много занимались въ то время сочиненіемъ стиховъ этого рода. По вѣрному замѣчанію Тредіаковскаго ²⁾, силлабическій разиѣръ, введенный у насъ Симеономъ Полоцкимъ, утвержденъ былъ въ русской словесности именно благодаря Спасскимъ школамъ. Тамъ „стихотворствовали до тошноты“, насмѣшливо замѣчалъ со своей стороны Теофанъ Прокоповичъ ³⁾, неособенно благоволившій къ такому занятію. Какъ бы то ни было, Тредіаковскій еще въ Московской академіи пристрастился къ стихотворству и, безъ сомнѣнія, тамъ же познакомился съ тѣми немногими образцами силлабическихъ виршъ, какіе у насъ тогда существовали. Изъ одной позднѣйшей статьи его видно, что ему были извѣстны стихотворныя произведенія Симеона Полоцкаго и Сильвестра Медвѣдева, въ томъ числѣ и не бывшія тогда въ печати; въ числѣ виршъ послѣдняго онъ упоминаетъ между прочимъ „огромный эпитафій Симеону Полоцкому, погребенному въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, въ нижней церкви“, который былъ „вырѣзанъ на большомъ стоячемъ или, помнится, на двухъ стоячихъ камняхъ“ ⁴⁾. Это воспоминаніе, очевидно, относится ко времени пребыванія Тредіаковскаго въ Спасскихъ школахъ. Къ той же порѣ слѣдуетъ отнести и знакомство его со „стихотворцами Спасскаго моста“; такъ называлъ онъ каликъ, пѣвшихъ духовные стихи и обыкновенно собиравшихся на урочищѣ, которое находилось по близости Спасскаго училищнаго монастыря. Само собою разумѣется, что къ этимъ народнымъ пѣвцамъ Тредіаковскій относился съ высоты своей школьной учености и находилъ, „что они, излагая свои рацеи, на правила (стихосложенія) не смотрятъ, а чтобы сказать да не солгать, можетъ быть, и не знаютъ“ ⁵⁾.

Преподаватели Московской академіи откликались своими виршами на разныя событія текущей жизни. Въ началѣ февраля 1725 года въ Москву пришла печальная вѣсть о кончинѣ императора Петра I; по

¹⁾ Морозовъ, Исторія русскаго театра, стр. 340.

²⁾ Сочиненія, т. I, стр. 774 и 775.

³⁾ Epistolae Th. Procopowicz, epist. 20.

⁴⁾ Сочиненія, т. I, стр. 776.

⁵⁾ Тамъ же, т. III, стр. 650 и 651.

этому случаю въ Законоспаскомъ монастырѣ была отслужена торжественная панихида, о которой сохранилось слѣдующее любопытное современное извѣстіе: „Состроенъ былъ гробъ и поставленъ посередѣ церквѣ, и при собраніи множественнаго народа отъ греко-латинскихъ учителей и студентовъ о добродѣтеляхъ его императорскаго величества, яко отцу отечества благоутробнѣйшему, прекрѣпкому въ бранѣхъ побѣдителю и оныхъ училищъ фундатору, благодарное изрѣченіе было“¹⁾. Вѣроятно, въ связи съ этою панихидой находится самое раннее изъ сохранившихся стихотвореній Тредіаковскаго: „Элегія о смерти Петра Великаго“²⁾. Написанная грубыми стихами, она наполнена миеологическими намеками и вообще представляетъ собою не болѣе какъ наборъ самыхъ безсвязныхъ общихъ мѣсть въ дѣтски-нескладной формѣ.

Рядомъ съ опытами стихотворства Тредіаковскій, въ бытность свою въ Московской академіи, занялся еще однимъ трудомъ—на этотъ разъ въ прозѣ: „почитай вступивши въ реторическій классъ“, онъ перевелъ съ латинскаго огромный политико-героническій романъ Іоанна Барклая „Аргениду“. Предпріятіе это считалось въ тѣ времена очень смѣлымъ въ виду мастерскаго изложенія и важности содержанія подлинника, и самъ переводчикъ, спустя много лѣтъ, удивлялся „продерзости“ своей юношеской затѣи; однако самъ же онъ свидѣтельствуешь, что читавшіе его трудъ въ рукописи „не такъ были имъ недовольны, чтобъ его всеконечно и совершенно ни къ чему негоднымъ почли“. Съ тѣхъ поръ „Аргенида“ сдѣлалась одною изъ его любимыхъ книгъ, и онъ не разъ говорилъ о ней въ своихъ сочиненіяхъ; такъ напримѣръ, въ „Способѣ къ сложенію стиховъ Россійскихъ“ (1735 г.), упоминая, что у французовъ много есть романовъ въ прозѣ, онъ замѣчалъ, что „всѣ таковыя романы на силу могутъ ли перевѣсить хорошествомъ одну Барклаіеву „Аргениду“, латинскимъ языкомъ хитро написанную“³⁾. Рукопись этого своего перевода онъ впоследствии кому-то отдалъ и уже не могъ получить обратно; но

¹⁾ Исторія Петра Великаго, рукопись Императорской Публичной Библіотеки Р. IV. 8. Приведенная въ текстѣ выписка сообщена въ напечатанныхъ *А. О. Вычковымъ* „Письмахъ Петра Великаго, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ“ (С.-Пб. 1872), стр. 131.

²⁾ Сочиненія, т. III, стр. 787—740; о времени сочиненія элегіи см. тамъ же т. I, стр. XXII.

³⁾ *Думикъ*. Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской академіи наукъ, ч. I, стр. 71.

уваженіе его къ роману Барклая было такъ велико, что онъ засѣлъ за новый его переводъ, который и былъ изданъ въ 1751 году ¹⁾.

II.

Будучи спасскимъ школьникомъ. Тредіаковскій, по собственному его сознанию ²⁾, не только писалъ, но и „разговаривалъ се всѣми языкомъ славенскимъ“, избѣгая „простаго русскаго слова“. Въ этомъ желаніи „особимъ рѣчеточцемъ себя показывать“ очень ясно обнаруживается вліяніе Московской академіи на литературное образованіе своего питомца. Академія и ея представители сыграли свою роль въ исторіи нашего литературнаго языка. Послѣ того, какъ въ 1648 году въ Москвѣ было выпущено второе изданіе „Славянской грамматики“ Мелетія Смотрицкаго, притомъ какъ бы съ характеромъ обязательнаго руководства, болѣе образованные изъ московскихъ книжниковъ стали строго придерживаться правилъ этого учебника. Ихъ примѣру слѣдовали и переселявшіеся въ Москву ученые кіевляне, начиная съ Епифанія Славинецкаго и Симеона Полоцкаго, а затѣмъ и преподаватели академіи. Поэтому совершенно правъ былъ иноземный наблюдатель, составившій въ концѣ XVII вѣка „Граматику русскаго языка“ по латыни ³⁾, когда утверждалъ, что русскіе въ сущности употребляютъ два языка: собственно русскій и славянскій, первый—въ ежедневномъ обиходѣ, въ обыкновенномъ разговорѣ, а второй — въ богослуженіи, въ церковныхъ книгахъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится писать или разсуждать о предметахъ учености: „чѣмъ ученѣе кто хочетъ прослыть“, замѣчалъ Лудольфъ, — „тѣмъ больше славянизмовъ вмѣшиваетъ онъ и въ свою устную рѣчь, и въ письменную“. На той же точкѣ зрѣнія московскихъ книжниковъ стоялъ и Дмитрій

¹⁾ Аргенида, т. I, стр. LVIII и LIX (Предувѣдомленіе отъ трудившагося въ переводѣ). Въ доношеніи президенту академіи графу К. Г. Разумовскому отъ 8-го марта 1751 года (*Труды Имп. Росс. академіи* 1840 г., ч. III, стр. 227) Тредіаковскій между прочимъ заявлялъ: „Перевелъ я съ претруднаго латинскаго сочиненія Барклаіеву „Аргениду“, которая нынѣ печатается. Надъ сею книгою тружусь я понынѣ тридцать лѣтъ“. Тутъ есть хронологическое несогласіе со словами „Предувѣдомленія“, приведенными въ нашемъ текстѣ; но можетъ быть, что еще въ 1721 году, въ бытность у капуциновъ, Тредіаковскій имѣлъ случай впервые познакомиться съ романомъ Барклая.

²⁾ Сочиненія, III, стр. 649 и 650 (предисловіе къ „Вздѣ на островъ любви“).
³⁾ *Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Rossica*. Oxonii. 1696.

Ростовскій, когда въ предисловіи къ своему „Розыску о Брынской вѣрѣ“ (1709 г.) просилъ читателя не удивляться допущенному имъ „просторѣчию“ и „некрасному сложенію“ и оправдывалъ себя тѣмъ, что писалъ для „самыхъ прешростыхъ людей“¹⁾. Такое же оправданіе счелъ нужнымъ выставить и другой книжный человекъ Петровскаго времени, неизвѣстный по имени собиратель русскихъ пословицъ; въ предисловіи къ составленному имъ сборнику онъ говоритъ: „Аще ли речеть нѣкто о писанныхъ здѣ, яко не суть писана здѣ отъ божественныхъ писаній, таковыи да вѣсть, яко писана многая согласна Святому Писанію, точию безъ украшенія, какъ мірстїи жители простою рѣчию говорятъ“²⁾. Но съ развитіемъ Петровской реформы въ русскомъ литературномъ языкѣ послѣдовалъ такой же переворотъ какъ и во всѣхъ другихъ проявленіяхъ русской жизни: живая русская рѣчь стала настойчиво вторгаться въ старинную, еще полную славянизмовъ книжность. Это было естественнымъ послѣдствіемъ практическихъ требованій преобразования. Въ 1720 году одинъ изъ самыхъ горячихъ его сторонниковъ, Феофанъ Прокоповичъ, издалъ составленную имъ по приказанію царя книжку для начальнаго чтенія подъ заглавіемъ: „Первое ученіе отрокомъ“ и, объясняя популярную цѣль этого изданія, высказалъ осужденіе прежнимъ учебникамъ этого рода именно за то, что они сочинялись непонятнымъ для дѣтей „высокимъ славянскимъ діалектомъ, а не просторѣчіемъ“³⁾. Самъ Петръ еще раньше выражалъ ту же мысль и неоднократно требовалъ, чтобы книги, печатаемыя по распоряженію правительства, излагались „не высокими словами славянскими, но простымъ русскимъ языкомъ“. Передавая такую волю царя одному изъ своихъ подчиненныхъ, начальникъ монастырскаго приказа графъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ счелъ нужнымъ своеручно приписать (2-го іюня 1717 г.): „Со всѣмъ усердіемъ трудися, и высокихъ словъ славянскихъ класть не надобяты, но посольскаго приказу употреби слова“⁴⁾. Эта слава посольскаго приказа на счетъ умѣнья писать хорошимъ русскимъ языкомъ сохранялась за нимъ даже во второй половинѣ XVIII столѣтія, когда онъ уже былъ переименованъ въ иностранную коллегію, но по прежнему,

¹⁾ *Сусомлиновъ*. О языкованіи въ древней Россіи — Уч. *Записки II-ю отдѣленія Императорской академіи наукъ*, т. I, стр. 252—254.

²⁾ *Буслаевъ*. Русскія пословицы — *Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи*, т. II, кн. 2-я, отд. IV, стр. 63.

³⁾ *Пекарскій*. Наука и литература при Петрѣ Великомъ, т. I, стр. 179.

⁴⁾ *Русскій Архивъ* 1868 г., ст. 1058 и 1054.

какъ въ старину, принималъ къ себѣ на службу людей болѣе или менѣе образованныхъ ¹⁾).

С. М. Соловьевъ, припоминая вышеприведенное требованіе Петра, справедливо замѣчаетъ: „Въ изученіи памятниковъ живого, сильнаго, царственнаго языка Московской Руси преобразователь указалъ лучшее средство умѣтти въ свойство нашего природнаго языка“ ²⁾. Но московскіе книжные люди, принадлежавшіе къ составу преподавателей Московской академіи или около нея группировавшіеся, никакъ не хотѣли согласиться съ возрѣніемъ царя и по прежнему держались за Максимовскую „Грамматику“ ³⁾. Въ 1721 году она была вновь перепечатана, съ небольшими измѣненіями, Федоромъ Поликарповымъ и въ этомъ видѣ продолжала служить академическимъ учебникомъ. Бывшій питомецъ Московской академіи въ первые годы ея существованія, потомъ самъ въ ней преподававшій нѣкоторое время, составитель „Букваря“ для славянскаго, греческаго и латинскаго языковъ (1701 г.) и „Лексикона тринаязычнаго“ (1704 г.), Поликарповъ слылъ за отличнаго филолога: онъ неоднократно высказывалъ свое убѣжденіе, что съ наплывомъ нововведеній по заграничному образцу и иностранныхъ словъ „чистота славянская засыпалась отъ чужестранныхъ языковъ въ пепель“ ⁴⁾; въ писаніяхъ своихъ онъ строго держался славянскихъ грамматическихъ формъ, а когда, при изданіи „Географіи“ Варенія (1718 г.), ему пришлось уступить настояніямъ Петра и употребить въ этомъ переводѣ болѣе простой языкъ, онъ счелъ долгомъ извиниться передъ читателями. „Моя должность объявити“, писалъ онъ въ предисловіи, — „яко переводихъ сію (книгу) не на самый высокій славенскій діалектъ противъ авторава сочиненія и храненія правилъ грамматическихъ, но множае гражданскаго посредственнаго употреблялъ нарѣчія, охраняя сенсъ и рѣчи оригинала иноязычнаго“ ⁵⁾. Съ мнѣніемъ Поликарпова соглашались и другіе прикосновенные къ ака-

¹⁾ Записки *Поршнина*, стр. 80 и 82.

²⁾ *Исторія Россіи*, т. XX, стр. 248.

³⁾ Такъ — по свидѣтельству Тредіаковскаго — называлась въ его время московская перепечатка (1648 г.) „Грамматикъ“ М. Смотрицкаго, ибо къ ней, въ видѣ предисловія, была приложена статья Максима Грека о пользѣ грамматическаго ученія (*Думикъ*, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской академіи наукъ, ч. I, стр. 21).

⁴⁾ Предисловіе къ „Лексикону“; ср. *Пекарскій*. Наука и литература при Петрѣ Великомъ, т. I, стр. 191.

⁵⁾ *Пекарскій*. Наука и литература при Петрѣ Великомъ, т. II, стр. 433.

демии люди: такъ напримѣръ, извѣстный составитель „Арифметики“ Леонтій Магнитскій, также учившійся въ Спасскихъ школахъ въ исходѣ XVII вѣка, а равно тамошніе преподаватели и начальники считали, подобно составителю „Трехъязычнаго лексикона“, только славянскій языкъ приличнымъ для литературнаго употребленія, оставляя русскій для однихъ приказныхъ дѣлъ.

По возвращеніи изъ-за границы Тредяковскій немало потѣшался надъ „глубокословною славенщиною“, которая олицетворялась для него въ писаніяхъ Поликарпова, и каялся въ своемъ „глупословіи славенскомъ“¹⁾; однако и въ зрѣлые годы онъ превозносилъ ученость этого книжника, какъ „мужа искуснѣйшаго въ греческомъ, славенскомъ и латинскомъ языкахъ“, а о Магницкомъ отзывался какъ о знатокѣ славянскаго языка²⁾. Что же касается поры ранней молодости, годовъ академическаго ученія, то очевидно, именно этихъ „славянскихъ рѣчеточевъ“ Тредяковскій избиралъ себѣ въ образцы для подражанія, да отчасти остался ихъ послѣдователемъ и въ болѣе позднюю пору своей дѣятельности. Кромѣ печатныхъ сочиненій и переводовъ Поликарпова, сохранились письма его³⁾, чрезвычайно характерныя по своему языку и слогу: и въ этихъ не предназначенныхъ для печати писаніяхъ онъ постоянно примѣшиваетъ славянскія грамматическія формы къ русскимъ и въ то же время не прочь блеснуть краснословіемъ, любитъ говорить въ риому, отпустить острогу и привести народную пословицу. Точно такъ-же слогъ и во многихъ произведеніяхъ Тредяковскаго⁴⁾: рѣчь его постоянно колеблется между славянизмами и выраженіями не только народнаго, но даже простонароднаго языка; то онъ пересыпаетъ ее высокопарными словами, то вставляетъ „шильце“⁵⁾, то подкрѣпляетъ свои доказательства поговорками и поясняетъ свою мысль народными присловьями. Подобные обороты рѣчи и приемы слога такъ были свойственны Тредяковскому, что выдавали его авторство даже въ тѣхъ особенныхъ случаяхъ, когда онъ желалъ и долженъ былъ скрывать его: въ 1755 году, во время одной изъ безчисленныхъ академиче-

¹⁾ Сочиненія, т. III, стр. 649 и 650. Выходи противъ Поликарпова и есть въ „Разговорѣ о правописаніи“.

²⁾ Сочиненія, т. I, стр. 776 и 777.

³⁾ Напечатаны въ *Русскомъ Архивѣ* 1868 года.

⁴⁾ Напримѣръ, въ „Разговорѣ о правописаніи“, въ предисловіяхъ къ „Бздѣ“ и „Аргенидѣ“ и даже въ нѣкоторыхъ официальныхъ документахъ.

⁵⁾ Такъ Тредяковскій переводитъ французское слово *pointe* (Сочиненія, т. I, стр. 46 и 47).

скихъ ссоръ, Ломоносовымъ было получено оскорбительное подметное письмо; нужно было разыскать его сочинителя, — и совѣтникъ академіи Тепловъ, искусно подобравъ въ этомъ пасквилѣ своеобразныя примѣты его „штія“, съ злобною радостью и вполне убѣдительно доказалъ, что авторомъ письма былъ не кто иной, какъ человѣкъ, „у котораго густымъ изъ всѣхъ школьныхъ наукъ чадомъ набита голова“, то-есть, бывшій ученикъ Спасскихъ школъ Тредіаковскій¹⁾.

Странники „глубокословныя славенщизны“, пріютившіеся въ стѣнахъ Московской академіи, были консерваторами не въ одной только сферѣ языка и слога. Оказывая предпочтеніе славянской рѣчи передъ русскою, они въ то же время желали охранить прежній складъ русской жизни отъ иноземныхъ нововведеній, всего же болѣе опасались, чтобы вліяніе иновѣрцевъ не поколебало православія и старыхъ церковныхъ обычаевъ. Въ первые годы существованія Московской академіи, при патріархахъ Іоакимѣ и Адрианѣ, въ ней преобладало такъ-называемое греческое направленіе; его представителями были ученые греки Іоанникій и Софроній Лихуды, одинаково горячо полемизировавшіе и противъ протестантства, и противъ католицизма. склонность къ которому они замѣчали въ ученыхъ киевлянахъ. Но послѣ того, какъ во главу Русской церкви поставленъ былъ питомецъ Киевской академіи и польскихъ школъ Стефанъ Яворскій, люди одного съ нимъ направленія получили преобладающее значеніе въ русской церковной іерархіи, а въ Московской академіи утвердилось направленіе латинское; съ 1704 по 1722 годъ въ ней былъ ректоромъ киевлянинъ Теофилактъ Лопатинскій, а затѣмъ его смѣнилъ въ этомъ званіи Гедеонъ Вишневскій, тоже питомецъ Киевской академіи. При немъ-то, какъ было сказано выше, Тредіаковскій и попалъ въ Спасскія школы. Гедеонъ былъ человѣкъ хорошо образованный и умный, но хитрый и честолюбивый; занимаясь академіей, онъ въ то же время пролагалъ себѣ путь къ іерархическому возвышенію, и потому былъ сильно увлеченъ борьбою партій, на которыя дѣлилось тогда русское общество. Во второй половинѣ царствованія Петра Великаго два событія въ особенности волновали людей латинскаго направленія: долго тянувшееся дѣло лѣкаря Тверитинова и другихъ московскихъ религіозныхъ вольнодумцевъ и возвышеніе Теофана Прокоповича; въ первомъ латынщики хотѣли видѣть вліяніе протестантскихъ идей на

¹⁾ Записка Теплова напечатана въ *Сборникъ II-го отдѣленія Императорской академіи наукъ*, т. VII, а также въ *Запискахъ академіи*, т. XIV.

русское общество, а во второмъ съ прискорбіемъ замѣчали сочувствіе царя къ человѣку, который хотя самъ вышелъ изъ одной съ ними школы, однако отнесся къ ней съ безошаднымъ осужденіемъ и обличалъ ихъ тайное противодѣйствіе просвѣтительнымъ стремленіямъ государя. Въ яростномъ преслѣдованіи московскихъ вольнодумцевъ Стефанъ Яворскій нашелъ себѣ усердныхъ и дѣятельныхъ пособниковъ не только въ латынщикахъ академіи, заражавшихся еще въ католическихъ училищахъ ненавистью къ протестантству, но и въ такихъ московскихъ книжникахъ, которые, будучи учениками Лихудовъ, не очень сочувствовали латинскому направленію: мы разумѣемъ Ѳеодора Поликарпова и въ особенности Леонтія Магницкаго. За то свѣтская власть оказала слабую поддержку мѣстоблюстителю патріаршаго престола, когда онъ вздумалъ выступить въ роли, достойной католическаго инквизитора. Что касается Ѳеофана Прокоповича, то ни полемика противъ его богословскихъ сочиненій, стремившаяся обличить его въ скрытомъ лютеранствѣ и кальвинизмѣ, ни протесты со стороны Яворскаго, Лопатинскаго и Вишнеускаго (послѣдній враждовалъ съ Ѳеофаномъ еще въ Кіевской академіи) не воспрепятствовали возведенію даровитаго царскаго любимца въ архіерейскій санъ. Петръ остался недоволенъ мягкимъ отвѣтомъ, который былъ изготвленъ Стефаномъ на предложеніе сорбоннскихъ богослововъ относительно соединенія православной и католической церковей, и одобрилъ другой отвѣтъ, написанный Ѳеофаномъ въ смыслѣ почти категорическаго отказа. Съ тѣхъ поръ Прокоповичъ становится главнымъ совѣтникомъ Петра по церковнымъ дѣламъ, послѣдствіемъ чего было окончательное уничтоженіе патріаршества и преобразование русскаго церковнаго управленія. Представители латинской партіи совершенно потеряли довѣріе государя.

Всѣ эти событія предшествовали пріѣзду Тредіаковскаго въ Москву. Но когда онъ вступилъ въ академическую среду, то долженъ былъ замѣтить глухое недовольство, слышать жалобы на новые церковныя безпорядки, злобныя рѣчи противъ руководителей преобразования. Съ кончиной Петра эти голоса, конечно, стали раздаваться громче и вмѣстѣ съ тѣмъ послышались надежды на возстановленіе стараго порядка вещей. Все это не могло не оказывать извѣстнаго вліянія на молодого человѣка и давало извѣстное направленіе его мыслямъ и сочувствіямъ. Вращаясь среди московскихъ латынщиковъ, Тредіаковскій усвоивалъ отъ нихъ не одну школьную науку, но и ихъ воззрѣнія на событія текущей жизни, ихъ отношеніе къ тѣмъ

иновѣрнымъ элементамъ, къ которымъ приблизила русскихъ людей Петровская реформа. Дѣйствительно, нѣкоторыя обстоятельства его позднѣйшей жизни и отзывы, встрѣчающіеся въ его сочиненіяхъ, оправдываютъ такое заключеніе. Онъ всегда питалъ извѣстное уваженіе къ католицизму и къ католическому духовенству, между тѣмъ какъ къ протестантству во всѣхъ его видахъ всегда относился отрицательно. Становится понятнымъ и выборъ для перевода Барклаевой „Аргениды“, сдѣланный еще на школьной скамьѣ. Содержаніе этого романа взято изъ античной жизни, но лица и происшествія, въ немъ описанныя, составляютъ аллегорію, подъ которою должно разумѣть историческихъ дѣятелей и событія во Франціи во время религиозныхъ междоусобій XVI столѣтія. Главная цѣль романа была политическая, но авторъ его—католикъ и изображаетъ событія съ католической точки зрѣнія, при чемъ секту гиперрефаніанъ, то-есть, кальвинистовъ, представляетъ враждебною общественному порядку и благу страны, гдѣ происходитъ дѣйствіе романа. Тредіаковскій, печатая въ 1751 году вторично сдѣланный имъ переводъ „Аргениды“ и объясняя въ предисловіи аллегорическій смыслъ и красоты романа, не упустилъ случая обратить вниманіе читателей на то, что во второй части „Аргениды“ помѣщено „разсужденіе о гиперрефанянахъ, то-есть, послѣдователяхъ Кальвину, и о неправдѣ ихъ разумѣніи, и больше о вредительныхъ восплѣдованіяхъ отъ ихъ разврата“¹⁾. Понятно, что и въ молодые годы, изучая „Аргениду“, онъ точно также раздѣлялъ воззрѣнія ея автора на религиозные вопросы. Въ томъ же предисловіи есть еще одна любопытная замѣтка: „Зналъ я мудраго у насъ мужа, который уже нынѣ во блаженномъ успеніи: сей мнѣ самъ изволилъ нѣкогда сказывать, что онъ, впервые начавъ читать моего автора, съ толикимъ услажденіемъ его читалъ, что досадно ему было, когда необходимо требовало тѣло пищи; а и прочелъ онъ его въ три дни“²⁾. Можетъ быть, и это воспоминаніе относится къ школьнымъ годамъ Тредіаковского, когда онъ самъ впервые познакомился съ романомъ Барклая; во всякомъ случаѣ, оно свидѣтельствуетъ о томъ, что это произведеніе, ярко выражающее католическія стремленія своего времени, находило себѣ въ Россіи, чрезъ сто слишкомъ лѣтъ послѣ своего изданія въ подлинникѣ, восторженныхъ цѣнителей, и что съ ихъ мнѣніемъ вполне соглашался Тредіаковскій.

¹⁾ Аргенида, ч. I, стр. LIII (Предувѣдомленіе).

²⁾ Тамъ же, стр. XCV.

Жизнь въ Москвѣ должна была доставить астраханскому поповичу кое-какія общественныя связи. Можно съ увѣренностью сказать, что еще въ періодъ своего ученія въ Спасскихъ школахъ онъ нашель случай лично узнать, кромѣ своихъ наставниковъ, еще двухъ уже помянутыхъ нами лицъ, принадлежавшихъ къ числу московскихъ книжныхъ людей—Федора Поликарпова и Леонтія Магницкаго. Первый изъ этихъ стариковъ находился въ то время въ отставкѣ, отрѣшенный отъ управленія Московской типографіей за казнокрадство и взятки, а второй состоялъ учителемъ Сухаревской мореходной школы¹⁾. Поликарповъ умеръ въ 1731 году, а Магницкій въ 1737; слѣдовательно, послѣ своего пребыванія въ Москвѣ (до 1726 года) Тредіаковскій и не могъ бы съ ними встрѣтиться; а между тѣмъ воспоминаніе личнаго знакомства слышится въ его позднѣйшихъ отзывахъ объ этихъ лицахъ, которыя имѣли для него въ ранней молодости значеніе первостепенныхъ литературныхъ авторитетовъ. Сужденіе Василя Кирилловича о Поликарповѣ уже было приведено выше; еще замѣчательнѣе, какъ свидѣтельство личнаго знакомства, слова Тредіаковскаго о Магницкомъ: „сущій христіанинъ, добросовѣстный челоувѣкъ, и въ немже льсти не было“²⁾. Изъ извѣстной записки Магницкаго по дѣлу Тверитинова³⁾ видно, что онъ считалъ свое участіе въ обличеніи ересей московскаго лѣкаря, такъ-сказать, героическимъ моментомъ своей общественной дѣятельности. Процессъ этотъ кончился вопреки усиліямъ латынщиковъ-обвинителей: Тверитиновъ былъ оправданъ и принятъ въ общеніе съ церковью въ февралѣ 1723 года, приблизительно около того времени, когда Тредіаковскій пріѣхалъ въ Москву. Обстоятельства этого громкаго дѣла и дѣятельная въ немъ роль Магницкаго стали, разумѣется, вскорѣ извѣстны новоприбывшему; онъ успѣлъ еще видѣть первое тяжелое впечатлѣніе, произведенное оправданіемъ Тверитинова на его слишкомъ усердныхъ обличителей. И если, послѣ всего этого, Тредіаковскій могъ отзываться съ особеннымъ уваженіемъ о нравственной личности учителя Сухаревской школы, то очевидно, онъ не только зналъ его лично, но и одобрялъ его поступокъ, сочувствовалъ его старанію выставить мудрованія Тверитинова какъ злѣйшую ересь, какъ явное протестантство и разрушеніе православія.

¹⁾ *Пекарскій*. Наука и литература при Петрѣ Великомъ, т. II, стр. 637 и 637; *Бергъ*. Жизнеописаніе рос. адмираловъ, ч. I, стр. 50—56.

²⁾ Сочиненія, т. I, стр. 777.

³⁾ Издана въ *Памятникахъ древней письменности* 1892 года.

Немного сохранилось свѣдѣній о школьной жизни Тредіаковскаго въ Москвѣ, — однако достаточно, чтобы вывести изъ нихъ, въ связи съ общими культурными фактами того времени, опредѣленное заключеніе. Не подлежитъ сомнѣнію, что пребываніе въ Спасскихъ школахъ оказало на Тредіаковскаго сильное вліяніе: здѣсь приобрѣлъ онъ начала литературнаго образованія; здѣсь же положены были основы тѣхъ общихъ воззрѣній на просвѣщеніе, которымъ онъ оставался вѣренъ въ теченіе всей своей жизни.

Л. Майновъ.

ОСНОВНЫЯ ТЕЧЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЖИЗНИ КИТАЯ ВЪ XIX ВѢКѢ ¹⁾.

Милостивые государи!

Предположивъ приступить къ изложенію исторіи Китая въ XIX вѣкѣ, каковой курсъ впервые является предметомъ университетскаго преподаванія, я почитаю своимъ долгомъ представить во вступительномъ чтеніи общую характеристику главнѣйшихъ явленій жизни Срединной имперіи въ нашемъ столѣтіи. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что первенствующую роль во всей новѣйшей исторіи Китая играетъ вопросъ о взаимоотношеніи двухъ культуръ, европейской и китайской, западной и восточной. Сношенія Запада съ Востокомъ являются нынѣ прочно установившимся фактомъ, ожидающимъ для себя въ будущемъ одного лишь развитія. Представители двухъ, совершенно независимо развившихся расъ, стоятъ теперь лицомъ къ лицу и борются за преобладаніе. Кто побѣдитъ въ неравномъ спорѣ? Вотъ вопросъ, по которому высказывались такъ или иначе всѣ лица, интересовавшіяся и интересующіяся Китаемъ.

„Уже раздаются возгласы, — писалъ одинъ изъ синологовъ, — что Китай одряхлѣлъ, почти совсѣмъ утратилъ жизненные силы, и что скоро скоро настанетъ то время, когда этотъ колоссъ рассыплется подъ напоромъ западнаго вліянія. Но являются и противники подобному мнѣнію: Китай, говорятъ они, этотъ громадный, глубоко вдавлившійся въ землю камень, въ теченіе своего 4000-лѣтняго существованія испыталъ на себѣ много ударовъ, но не рассыпался, даже не треснулъ,

¹⁾ Вступительная лекція, произнесенная въ С.-Петербургскомъ университетѣ 9-го ноября 1896 г.

много разъ былъ подкапываемъ, но не сдвинулся съ кореннаго мѣста, каждый разъ глубже уходя въ землю и давя подъ собою тѣхъ, которые легкомысленно довѣрялись своимъ силамъ и предпринимали неисполнимую работу“¹⁾). Вопросъ этотъ имѣетъ, внѣ всякаго сомнѣнія, громадную, міровую важность, но мнѣ кажется, что такія противорѣчивыя мнѣнія по нему уже однимъ своимъ существованіемъ доказываютъ всю рискованность того или другаго положительнаго его рѣшенія. Вотъ почему я полагаю ограничиться здѣсь гораздо болѣе скромною задачей. Извѣстно, что Китай цѣлыя тысячелѣтія существовалъ самобытно, въ нерушимой неприкосновенности, вплоть до XIX вѣка. Въ этомъ столѣтіи въ его жизнь вторгается западно-европейская культура, и въ періодъ одного 60-ти лѣтняго китайскаго цикла она приводитъ къ возможности сомнѣній въ прочности самаго Китая. Какимъ образомъ произошло такое явленіе? Какіе историческіе факторы здѣсь дѣйствовали, и какіе пути и средства избрала или должна была взять по необходимости западная культура для проникновенія въ китайскую жизнь? Съ другой стороны, какъ глубоко коснулось европейское вліяніе самыхъ нѣдръ китайской жизни, какъ широко охватываетъ оно организмъ Китая, и остался ли въ послѣднемъ залогъ для самобытнаго существованія. Отвѣтъ на эти вопросы, какъ мнѣ представляется, должна дать характеристика главнѣйшихъ явленій исторіи Китая въ XIX вѣкѣ,—характеристика, связанная съ указаніемъ тѣхъ изъ сторонъ китайской жизни, которыя затронуты доселѣ такъ или иначе западно-европейскимъ вліяніемъ.

Если мы обратимся къ физической, массовой жизни населенія Китая, то увидимъ, что въ ней въ означенный періодъ прежде всего отмѣчается фактъ необычайнаго расширенія китайской расы. Явленіе это на сѣверѣ Китая характеризуется въ настоящее время уже довольно опредѣленными чертами умственнаго, нравственнаго, бытоваго и общеэкономическаго порабощенія мѣстнаго населенія китайцами, отдѣльные признаки котораго подмѣчаются тамъ и здѣсь путешественниками и наблюдателями.

На первомъ мѣстѣ въ ряду результатовъ расширенія китайскаго племени по сю сторону Великой стѣны необходимо поставить совер-

¹⁾ С. М. Георгіевскій, Принципы жизни Китая, стр. XII—XIII.

шающійся здѣсь переходъ племень отъ кочеваго и звѣроловнаго быта къ земледѣльческому, осѣдлому.

„Не далѣе какъ 15 лѣтъ тому назадъ,—пишетъ одинъ изъ послѣднихъ изслѣдователей Монголіи,—покойный Н. М. Пржевальскій сообщалъ намъ относительно пограничной линіи къ юго-западу отъ Кяхты и пространства отъ Кяхты до Урги, имѣющихъ характеръ плодороднѣйшихъ горныхъ долинъ, отличающихся обиліемъ лѣсовъ, воды, поемныхъ луговъ и земель, вполне пригодныхъ для хлѣбопашества, сообщалъ, что „культура еще совершенно не коснулась этой страны,“ теперь здѣсь представляются уже совершенно инныя картины. Постоянно встрѣчаются здѣсь пашни, на которыхъ съ большимъ успѣхомъ воздѣлывается пшеница, просо, ячмень и овесъ. Пашни эти располагаются, начиная отъ русской границы, по берегамъ рѣки Бури и далѣе не только по всему теченію рѣкъ Селенги, Орхона, Ира, Ибициха, Байна, Ибэна, Бургултая и Хары, но и въ урочищахъ, сопредѣльныхъ этимъ рѣкамъ. Въ нѣкоторой долѣ пашни эти доселѣ еще принадлежатъ китайцамъ, несомнѣнно положившимъ начало мѣстному земледѣлію и арендующимъ здѣсь монгольскія земли подъ свои посѣвы. Но съ недавняго времени монголы и сами принялись за хлѣбопашество, въ общемъ же количество распахиваемыхъ ими земель нынѣ уже значительно превышаетъ китайскія“¹⁾. Лучшею гарантіею успѣшнаго водворенія земледѣльческаго быта на сѣверѣ Монголіи служитъ фактъ постоянныхъ приобрѣтеній пахотныхъ земель и распространенія хлѣбопашества буддійскими монастырями, самыми крупными и состоятельными собственниками среди монголовъ. Здѣсь уже подмѣчается и одно изъ естественныхъ слѣдствій переходнаго состоянія культуры—фактъ борьбы изъ-за поземельной собственности между мѣстными монголами и пришлыми китайцами. Побѣдителей въ этомъ соревнованіи предвидѣть не трудно: ими будутъ китайцы.

Но если особенные успѣхи перехода отъ кочеваго быта къ земледѣльческому на сѣверѣ Монголіи исчерпываются послѣдними 15-ю годами, то въ мѣстностяхъ ближайшихъ къ Великой стѣнѣ это явленіе относится ко времени гораздо болѣе раннему настоящаго вѣка. Относительно ихъ мы можемъ сказать развѣ то, что за послѣднія десятилѣтія онѣ культивируются съ замѣчательною быстротою. Въ самомъ дѣлѣ, изданная недалѣе какъ въ 1858 году г. китайская энциклопедія историко-географическихъ свѣдѣній о монгольскихъ ко-

¹⁾ А. Позднѣевъ, Монголія и Монголы, т. I, стр. 54, 55, 58.

чевьяхъ, подъ названіемъ „Мэнь-гу-ю-му-цзи“, описываетъ намъ положеніе юго-восточной Монголіи въ строго кочевомъ бытѣ: даетъ свѣдѣнія о находящихся здѣсь кочевьяхъ монголовъ, обозначаетъ крайніе пункты границъ этихъ кочевьевъ по странамъ свѣта и присоединяетъ примѣчанія относительно проживающаго здѣсь кочеваго населенія ¹⁾). Между тѣмъ проѣзжавшій по этой мѣстности одинъ изъ членовъ англійской миссіи въ Пекинѣ, г. Бушель, характеризовалъ въ 1874 г. эту страну слѣдующими словами: „Китайскіе эмигранты, являющіеся сюда главнымъ образомъ изъ трехъ провинцій: Шань-си, Шань-дунъ и Чжи-ли, годъ отъ году занимаютъ плодородныя долины ручьевъ и рѣкъ. Крупныя хищныя животныя, а также олень и антилопа, убѣгають въ горы и постепенно истребляются, а монголы, аборигены страны, лишаются своихъ излюбленныхъ кочевыхъ пастбищъ. Послѣднія вынуждены пятиться все дальше и дальше къ сѣверу подъ натискомъ земледѣльческаго населенія. Къ востоку въ округѣ Пагоу монголы сами занялись земледѣліемъ и начали строить себѣ маленькія хижины по образцу своихъ старыхъ войлочныхъ юртъ. Въ этихъ рѣчныхъ долинахъ почти не осталось воспоминанія о монголахъ, хотя 200 лѣтъ назадъ вся страна была занята исключительно ими“.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ китайцы берутъ перевѣсъ надъ иноземцами и становятся господами положенія, они уже даютъ всему свои собственныя имена, или осмысливають по-своему имена, существовавшія до ихъ прихода. „Ручьи, холмы и другія мѣста въ юго-восточной Монголіи,—пишетъ Бушель,—все сохранило на себѣ здѣсь оригинальныя монгольскія имена, но эти имена совершенно искажены въ настоящее время китайскимъ произношеніемъ. Такъ, напримѣръ, общеупотребительнѣйшее монгольское слово Шибартай означающее обыкновенно равнину, китайцы передѣлали въ Шипали-тай, то-есть, станція въ 18 ли. И если вы спросите китайца, почему она такъ называется, то онъ отвѣтитъ вамъ: потому, конечно, что она находится въ 18-ти ли отъ города. Но послѣднее совпаденіе, конечно, чисто случайно, и рѣшеніе загадки заключается вовсе не въ этомъ. Еще примѣръ. Если вы спросите о станціи Маниту, какъ она правильно называется по-монгольски, то рискуете быть непонятымъ, потому что каждый китаецъ знаетъ ее подъ своимъ именемъ за станцію Маньтоу (хлѣбъ)“ ²⁾.

¹⁾ Мэнь-гу-ю-му-цзи. Цзюань II.

²⁾ S. W. Bushell. Notes of Journey out side the Great Wall of China. Journ. of the Royal Geograph. Soc., vol. XLIV, 1874.

Здѣсь уже мы встрѣчаемъ новую стадію водворенія китайской культуры въ странѣ. Осмысливаніе и толкованіе изъ собственнаго языка именъ пришедшею расою является уже гораздо болѣе прочнымъ признакомъ поглощенія ею туземцевъ, нежели простое поселеніе на новомъ мѣстѣ. Та же самая черта расширения китайской колонизаціи и водворенія подъ ея воздѣйствіемъ земледѣльческой культуры отмѣчается и въ западной Монголіи и въ провинціи Гань-су-синь-цзянь, или Земляхъ Новой линіи, и въ Маньчжуріи. Въ Западномъ краѣ еще въ прошломъ столѣтіи, въ періодъ борьбы съ Восточнымъ Туркестаномъ, китайское правительство приняло систему военно-пахотныхъ колоній, которымъ выпало на долю быть пионерами по водворенію хлѣбопашества. Въ Маньчжуріи же въ Хэй-лунь-цзянской и Гиринской провинціяхъ, вслѣдъ за разрѣшеніемъ китайской колонизаціи въ 1882 году, богдоханскимъ указомъ повелѣно открывать административные округа съ чисто китайскою организаціей по мѣрѣ занятія ихъ земледѣльцами колонистами. И съ тѣхъ поръ эти округа и мелкія административныя единицы учреждаются чуть ли не ежегодно. Но еще болѣе привлекательными для китайцевъ оказываются богатые и по климату и по дарамъ природы, рѣчные бассейны, спускающіеся на совершенно противоположной сторонѣ Имперіи изъ южныхъ провинцій Сы-чуани и Юнь-нани въ Индо-Китай. Сюда направляется еще сильная волна китайской эмиграціи, и, спускаясь по теченію рѣкъ, колонисты, пришедшіе по сушѣ, должны будутъ неизбежно сойтись въ Сіамѣ съ своими соотечественниками, прибывшими по морю.

Расширеніе китайской расы по странамъ, прилегающимъ къ Срединной имперіи, оказывается первою причиною столкновенія ея съ европейскимъ міромъ. Но еслибы дѣло было представлено одному этому фактору, то конфликтъ между двумя культурами произошелъ бы значительно позднѣе. Его ускорило усиленное движеніе въ XIX вѣкѣ на востокъ, въ Азію, европейцевъ. Не останавливаясь на причинахъ этого событія, необходимо отмѣтить, что въ текущемъ столѣтіи поступательное движеніе въ Азіи европейцевъ идетъ гигантскими шагами. и послѣ того, какъ Россія полукругомъ охватила все восточно-азиатское нагорье, Англія заняла Индію, Малакку, Бирму; Франція — Индо-Китай; Испанія—Филиппинскіе острова, столкновеніе двухъ расъ стало совершенно естественнымъ и неизбежнымъ слѣдствіемъ самаго хода исторіи, и замкнутости Китая наступилъ конецъ.

Первою формою, въ которую облеклось соприкосновеніе двухъ

культуръ, были коммерческія отношенія, но для того, чтобы имъ упрочиться и достигнуть тѣхъ грандіозныхъ размѣровъ, которыми онѣ отличаются нынѣ, китайско-европейскому міру пришлось пройти черезъ цѣлую стадію вооруженныхъ столкновеній.

По вопросу о причинахъ и значеніи войнъ европейцевъ съ Китаемъ существуютъ самыя разнорѣчивыя мнѣнія, изъ которыхъ крайнее обвиняетъ европейцевъ въ безчеловѣчии и насильственномъ вторженіи въ Китай. Извѣстно, что ближайшимъ поводомъ къ первой англо-китайской войнѣ 1840 г. послужилъ поступокъ Линь-цзѣ-сю'я, когда онъ потребовалъ отъ англійскихъ купцовъ выдачи 20 тысячъ ящичковъ опиума и подвергъ ихъ уничтоженію. Этотъ поступокъ называютъ правильнымъ, а войну—безчестною. Указываютъ затѣмъ на недостаточность поводовъ для второй англо-китайской войны, на жестокое и не оправдываемое ничѣмъ разрушеніе ими знаменитаго китайскаго дворца Юань-минъ-юаня и такимъ путемъ обвиняютъ европейцевъ и оправдываютъ китайцевъ.

Въ этихъ обвиненіяхъ и оправданіяхъ слышится пристрастность и односторонность. Если мы познакоимся не съ одними только европейскими источниками этихъ войнъ, а и съ китайскими, если мы взвѣсимъ отношенія Китая къ иностранцамъ, то придемъ къ выводу о неизбежности этихъ войнъ, какъ средства къ извлеченію Китая изъ его изолированности и ко введенію его въ среду народовъ, къ вынужденію его признать за европейцами права на человѣческое достоинство, права на равенство. Еще въ началѣ настоящаго столѣтія Китай присвоилъ себѣ верховное владычество надъ всѣми другими народами земнаго шара. Во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ остальнымъ человѣчествомъ китайцы обращались съ такою дерзостью и съ такимъ тономъ покровительства, съ такою недовѣрчивостью и презрѣніемъ, что европейцамъ оставалось одно изъ двухъ: или никогда не входить ни въ какія сношенія, не подходить къ берегамъ и не проѣзжать черезъ территорію Срединной имперіи; или же мириться съ такою унижительною подчиненностью, которой перенести никто не могъ. Для доказательства пришлось бы взять любое официальное письмо китайскихъ властей къ иностранцамъ, и я ограничусь только ссылкой на начало международнаго акта, размѣненнаго 8-го февраля 1792 года Россією и Китаемъ въ Кяхтѣ. „Поелику великій святѣйшій государь (то-есть, китайскій императоръ),—гласитъ этотъ документъ,—единообразно ко всѣмъ одушевленнымъ существамъ оказываетъ свое человѣколюбіе, ниспослалъ милостивый указъ объ открытіи торго-

въ Кяхтѣ въ разсужденіи благосклоннаго прошенія отъ Россійскаго Сената, то, ради сего, впредь ничего не начинать въ противность постановленнаго трактата, сохраняя оный твердо въ сходственность ниспосланнаго великаго святѣйшаго государя повелѣнія“¹⁾). Но если Россія сносила въ концѣ прошлаго столѣтія подобныя оскорбленія, то англичане не могли остаться спокойными, когда ихъ третировали, какъ „собакоподобныхъ варваровъ, рожденныхъ внѣ лона цивилизаціи“. При такихъ отношеніяхъ войны являлись неизбѣжнымъ слѣдствіемъ хода событій, такъ какъ остановить движеніе европейцевъ на Востокъ было невозможно.

Мирною, самою дѣйствительною и плодотворною формою ознакомленія Китая съ Европою явились установившіяся между ними торгово-промышленныя отношенія. Чтобы понять все значеніе для экономической жизни Китая торговли съ Западомъ, достаточно указать на ея самыя разительныя слѣдствія. Общій оборотъ этой торговли въ 1894 г. равнялся огромной суммѣ приблизительно въ 290 милл. рублей мет.; въ портахъ было зарегистрировано 38 тыс. судовъ, вмѣстимостью въ 29 мил. тоннъ, изъ коихъ было 30 тыс. пароходовъ²⁾). Открыто для иностранной торговли 23 порта, при чемъ Шанхай, бывшій 50 лѣтъ тому назадъ небольшимъ поселкомъ, теперь справедливо заслуживаетъ названіе китайскаго Лондона. Занимая первое мѣсто, какъ денежный рынокъ Срединной имперіи и какъ центръ промышленной и умственной жизни европейцевъ въ Китаѣ, Шанхай въ своемъ сэттлментѣ представляется большимъ блестящимъ городомъ, который, будучи перенесенъ въ центръ Парижа, не испортилъ бы общаго впечатлѣнія чисто европейскаго города. Такой ростъ города станетъ понятенъ лишь тогда, когда мы скажемъ, что въ силу удобнаго географическаго положенія Шанхай является поставщикомъ и распредѣлителемъ европейскихъ товаровъ по всему Китаю, и что валовой оборотъ его торговли достигаетъ 200 милл. рублей мет.

Если отъ исторіи оружія и торговаго обмѣна мы обратимся къ теченію внутренней, душевной жизни Китая въ XIX вѣкѣ, то и здѣсь окажемся вынужденными констатировать проявленіе вліянія Запада. При этомъ въ исторіи жизни религіозной, раньше чѣмъ обратиться къ европейской религіозной пропагандѣ, необходимо отмѣтить суще-

¹⁾ Сборникъ договоровъ Россіи съ Китаемъ. Изд. Мин. Ин. Дѣлъ. С.-Пб. 1889, стр. 93.

²⁾ Returns of Trade and Trade Reports for the year 1894. Shanghai. 1895.

ствование въ Китаѣ религіи, хотя и не европейской, но западной, по происхожденію.

Около 20 лѣтъ тому назадъ съ кафедры нашего же университета была прочитана рѣчь В. П. Васильевымъ „О движеніи магометанства въ Китаѣ“. „Китай сдѣлается ли мусульманскимъ государствомъ?“— вотъ вопросъ, который изслѣдовалъ тогда профессоръ и привелъ множество данныхъ въ пользу утвердительнаго на него отвѣта. Онъ констатировалъ тогда обширное распространеніе магометанства почти во всѣхъ, а преимущественно въ сѣверныхъ провинціяхъ Китая; отмѣтилъ рядъ магометанскихъ возстаній, какъ въ юго-западномъ Китаѣ, въ Юнь-нани, такъ особенно въ сѣверномъ, Гань-су, Шень-си и въ земляхъ Новой линіи. Взаимная солидарность китайскихъ магометанъ служила для него лучшею гарантіею грядущаго успѣха магометанства въ Китаѣ, а терпѣніе мусульманства, обыкновенно столь фанатическаго, доказывало ему, что данная религія съумѣла вступить на вѣрный путь и когда либо добьется своей цѣли—подчиненія всего населенія Срединной имперіи.

Событія въ Китаѣ и литература о магометанствѣ за протекшія два десятилѣтія не дали намъ ничего, опровергающаго высказанную проф. Васильевымъ гипотезу. Долго занимавшійся изученіемъ судебъ религіи полумѣсяца въ Китаѣ Dabry de Thiersaut не нашелъ ничего лучшаго, какъ воспроизвести въ концѣ своего труда „Le Mahométisme en Chine“, почти цѣликомъ упомянутую рѣчь русскаго ученаго, высказавъ свое съ нею согласіе. Два, три раза поднимавшіяся въ этотъ періодъ волненія магометанъ въ западномъ краѣ находили себѣ всегда откликъ въ Гань-су и Юнь-нани и дали такимъ образомъ наглядное подтвержденіе существованія между послѣдователями пророка въ Срединной имперіи прочной связи. Возстаніе же прошлаго года, угрожавшее распространеніемъ по всему магометанскому району Срединной имперіи и не прекратившееся доселѣ, является послѣднимъ доказательствомъ той же мысли о значеніи магометанства, какъ одного изъ важнѣйшихъ факторовъ новой исторіи Китая. Постоянныя сношенія китайскихъ мусульманъ съ своими единовѣрцами въ Индіи, Западной Азійи и Азіатской Россіи дѣлають ихъ естественными проводниками въ глубь Китая европейской культуры, къ которой они оказываются гораздо болѣе воспримчивыми, чѣмъ ихъ единоплеменники, преданные другимъ религіямъ.

Исторія другой, привнесенной съ Запада на китайскую почву религіи, христіанства, характеризуется въ XIX вѣкѣ, вопервыхъ,

борьбою его здѣсь за право существованія съ препятствіями, выставяемыми чисто народною китайскою жизнью вопреки санкціи центрального правительства, дозволившаго свободное распространеніе христіанства по имперіи, и, вѣроятно, тою ролью, которую христіанство начинаетъ играть въ Средней имперіи уже, какъ факторъ китайской жизни. Достаточно указать въ послѣднемъ случаѣ на исторію Тайпинскаго движенія, подъ каковымъ названіемъ извѣстна въ Европѣ попытка китайской націи сбросить съ себя власть маньчжурскаго дома во второй половинѣ настоящаго столѣтія (1850—1864). Среди причинъ, способствовавшихъ усиленію тайпинской партіи и обостренію отношеній ея къ правящей въ Китаѣ династіи, было несомнѣнно участіе въ движеніи христіанскаго элемента. Нынѣ документально установлено, что глава Тайпинскаго движенія Хунъ-сю-цюань въ 1833 г. приобрѣлъ въ Кантонѣ, у одного протестантскаго миссіонера изъ китайцевъ, нѣсколько брошюръ съ изложеніемъ главъ Библии, нѣсколько этюдовъ о различныхъ вопросахъ христіанства и разсужденій, основанныхъ на Библии ¹⁾. Когда, подъ вліяніемъ этихъ книгъ, страдавшій эпилептическими припадками Хунъ-сю-цюань подвергся галлюцинаціямъ, его видѣнія приняли характеръ странной смѣси впечатлѣній конфуціанца отъ знакомства съ описаніями видѣній ветхозавѣтныхъ пророковъ и съ нѣкоторыми положеніями христіанства. Вліяніе тѣхъ же христіанскихъ идей сказывается въ поведеніи вождя тайпиновъ и позднѣе. Онъ называлъ себя посланникомъ небснаго отца, возвѣщающимъ его волю при сошествіи на землю. издавалъ гимны о спасеніи міра, сборникъ небсныхъ узаконеній и т. п. Слогъ его указовъ, грамотъ и сочиненій носить на себѣ печать несомнѣнныхъ заимствованій изъ китайскаго перевода библии, сдѣланнаго миссіонеромъ Моррисономъ въ началѣ нашего столѣтія. Мы видимъ въ китайскомъ текстѣ официальныхъ тайпинскихъ бумагъ прямо списанныя выраженія изъ Евангелія Іоанна объ Отцѣ, Сынѣ, ниспосланномъ съ неба, о вдохновеніи и пр. ²⁾. Подъ вліяніемъ христіанскихъ идей создалась и секта богопоклонниковъ, явившаяся ядромъ партіи Хунъ-сю-цюаня, и эта же секта съ ея взглядами несомнѣнно послужила одною изъ причинъ позднѣйшаго упадка тайпинскаго движенія.

¹⁾ *T. T. Meadows, Chinese and their rebellions. Chapt. VI, p. 85.*

²⁾ Коллекція китайскихъ документовъ въ British Museum'ѣ въ Лондонѣ— „Тайпинъ-тянь-го“.

На ряду съ положеніемъ объ участіи христіанства въ отдѣльныхъ явленіяхъ китайской жизни стоитъ общій вопросъ о развитіи христіанства въ Китаѣ и о той борьбѣ, которую ведетъ оно здѣсь за право существованія. Главнѣйшимъ препятствіемъ, съ которымъ приходится считаться въ Срединной имперіи христіанской пропагандѣ, является исключительная ненависть къ христіанству, существующая въ китайскихъ высшихъ, ученыхъ и правящихъ классахъ. Въ числѣ причинъ, способствовавшихъ возникновенію и росту этой ненависти, реагируютъ у китайцевъ и экономическія соображенія, и боязнь утратить часть своего авторитета надъ населеніемъ, и месть за постоянныя обнаруженія европейцами злоупотребленій и преступленій высшихъ китайскихъ классовъ, и вся та масса мелкихъ причинъ, которыя вытекаютъ изъ основнаго различія западно-европейской и китайской культуръ. Во всякомъ случаѣ христіанство въ Китаѣ имѣетъ дѣло не съ грубо-языческимъ шаманизмомъ и дѣтски-простодушными полудикарями, готовыми къ воспріятію проповѣди, а съ прочно выработанными, освященными вѣками религиозными системами и ихъ послѣдователями, убѣжденными въ правотѣ и превосходствѣ своихъ вѣрованій надъ всѣми другими религіями. Лучшіе изъ католическихъ и протестантскихъ миссіонеровъ не закрываютъ глаза на эти трудности и признаютъ возможнымъ лишь самое медленное и постепенное проникновеніе и упроченіе христіанства въ китайскомъ обществѣ.

Но каковы бы ни были условія миссіонерской дѣятельности въ Китаѣ, одного взгляда на статистическія данныя миссіонерскихъ отчетовъ достаточно для того, чтобы понять, что христіанство должно давать результаты, ведущіе къ ознакомленію Китая съ Западомъ. Въ послѣднія десятилѣтія по католическимъ отчетамъ въ Срединной имперіи значится: больше 40 епископій, до 700 миссіонеровъ, до 600 священниковъ-туземцевъ, 40 монастырей съ коллегіями и свыше милліона обращенныхъ. Протестантскихъ миссіонеровъ числится разныхъ исповѣданій, сектъ и народностей до 1.500 и обращенныхъ ими до 50 тыс. человекъ. Разныя благотворительныя учрежденія: школы, больницы, мастерскія, пріюты, считаются сотнями. Раіонъ дѣятельности католическихъ и протестантскихъ миссіонеровъ распространился теперь на всѣ провинціи Китая, и въ самыхъ забытыхъ и далекихъ уголкахъ его нерѣдко можно встрѣтить миссіонерскія станціи. Естественно, что совершенно безслѣдно для страны пройти подобная дѣятельность не можетъ.

Вслѣдъ за упроченіемъ европейцевъ въ Китаѣ въ сферахъ тор-

гово-промышленной и религиозной дальнѣйшимъ шагомъ ихъ поступательнаго движенія оказалось распространеніе западнаго вліянія и въ области административныхъ и правительственныхъ учреждений. Развитие государственныхъ учреждений въ Китаѣ, какъ и во всякой другой странѣ, служить однимъ изъ главныхъ критеріевъ для опредѣленія хода исторіи, для выясненія направленія внутренне-политической жизни страны; оно даетъ наиболѣе точное и опредѣленное понятіе, какъ о ростѣ государственной жизни, такъ и о тѣхъ вліяніяхъ, подъ которыми течетъ эта жизнь. Поэтому, если на ряду съ исконными шестью министерствами въ XIX вѣкѣ въ Китаѣ вырастаютъ еще два новыя—Хай-чунь-ямынь, морской приказъ, и Цзунь-ли-ямынь, или палата иностранныхъ дѣлъ, и если эти два учрежденія въ самое короткое время становятся въ одинъ уровень съ высшими государственными учреждениями, то такой фактъ говорить громче воинскихъ побѣдъ за успѣхи западныхъ вліяній въ Китаѣ.

Юристы-европейцы до сихъ поръ совершенно справедливо утверждаютъ, что принципы международнаго права не могутъ быть безусловно примѣняемы къ государствамъ дальняго Востока, а въ особенности къ Китаю, что китайцы не вполне понимаютъ юридическіе принципы, на которыхъ основываются отношенія между цивилизованными народами ¹⁾. Но, буде историкъ долженъ констатировать нѣкоторую разницу въ отношеніяхъ къ европейцамъ, если не массы населенія, то правительства Китая, —разницу, создавшуюся въ теченіе настоящаго столѣтія, то матеріаловъ для исторіи этого вопроса онъ долженъ искать нигдѣ больше, какъ въ архивахъ Цзунь-ли-ямыня или въ изданныхъ имъ документахъ.

Если вслѣдъ затѣмъ мы констатируемъ существованіе въ Китаѣ такого учрежденія, какъ морскія таможи (Хай-гуань), то это не значитъ, что тѣмъ лишь отмѣчается данный голый фактъ. Китайскія морскія таможи являются результатомъ значительнаго видоизмѣненія въ новѣйшія времена всей государственной, экономической и административной жизни во всемъ приморскомъ Китаѣ. Китайскія таможи, служа главнымъ источникомъ доходовъ китайскаго правительства, вносятъ въ новой исторіи преобразование во всю финансовую жизнь Китая, онѣ даютъ возможность заключенія внѣшнихъ займовъ, способствуютъ процвѣтанію 23 открытыхъ для европейской торговли пор-

¹⁾ *F. Martens*, *Le conflit entre la Russie et la Chine*, Bruxelles, p. 71.

товъ, гдѣ находятъ себѣ средства къ существованію милліоны туземнаго населенія, онѣ своею регулярною и законо-соразмѣрною дѣятельностью способствуютъ развитію централизаціи и усиленію государственной власти въ Китаѣ болѣе, нежели всѣ вмѣстѣ взятые походы и побѣды самыхъ блестящихъ представителей нынѣ правящей династіи. Таможни вносятъ массу новыхъ вліаній въ плохо организованную административную и правительственную систему имперіи, и блестящими результатами своей дѣятельности наглядно убѣждаютъ китайцевъ въ возможности и необходимости преобразованій и реформъ въ имперіи. Мало-по-малу, при столкновеніяхъ съ другими правительственными учрежденіями, таможни знакомятъ мѣстную администрацію съ духомъ европейскаго законодательства и подчиняютъ иногда своимъ рѣшеніямъ даже центральныя правительственныя учрежденія.

Ближайшимъ слѣдствіемъ дѣятельности морскихъ таможенъ является основаніе въ Пекинѣ въ 1861 г. особаго рода китайско-европейской коллегіи (Тунъ-вэнь-гуань) съ цѣлью распространенія въ Китаѣ европейскихъ языковъ, наукъ и знаній. Тунъ-вэнь-гуань служитъ знаменіемъ времени въ томъ отношеніи, что она какъ бы смѣнила раньше существовавшія школы Сы-и-гуань, т. е. четырехъ инородческихъ языковъ, и Тунъ-вэнь-танъ. Но тогда какъ въ этихъ послѣднихъ изучали лишь языки средне-азиатскихъ или индо-китайскихъ и бирманскихъ инородцевъ, въ программу занятій Тунъ-вэнь-гуаня нынѣ входятъ языки: англійскій, французскій, русскій и нѣмецкій, изъ предметовъ же—химія, естественная исторія, математика, медицина, физика, фізіологія, астрономія, метеорологія и международное право. Отмѣтивъ за сямъ фактъ учрежденія и существованія въ различныхъ городахъ Китая десятка другихъ специальныхъ европейскихъ школъ, мы скажемъ еще, что Тунъ-вэнь-гуань все же служитъ основнымъ источникомъ распространенія западной науки въ Китаѣ; на полкахъ бібліотеки нашего университета хранятся переводы на китайскій языкъ цѣлаго ряда европейскихъ сочиненій, выполненныхъ преподавателями Тунъ-вэнь-гуаня.

Изученіе вопроса о развитіи государственныхъ учреждений въ Китаѣ, въ цѣляхъ уясненія общаго хода взаимоотношеній этой страны съ Западомъ, осложняется въ значительной мѣрѣ существующими въ Срединной имперіи отношеніями центральнаго пекинскаго правительства къ высшимъ провинціальнымъ властямъ. Китай дѣлится на

генераль-губернаторства, главамъ которыхъ вѣряется гражданское и военное управленіе одной, двухъ и даже трехъ провинцій. Эти сатрапы имѣютъ въ своемъ распоряженіи армию и флотъ, располагаютъ самостоятельно бюджетомъ, уплачивая лишь опредѣленные суммы въ Пекинъ, и вообще обладаютъ такою долею самостоятельности, которая, если не совпадаетъ, то во всякомъ случаѣ очень близка къ полной независимости. Если мы при этомъ вспомнимъ, что на территории, подвѣдомственной сы-чуаньскому генераль-губернатору, проживаютъ до 70-ти милл. населенія, что въ Ху-гуанѣ число жителей равняется 54 милліонамъ:

въ Цзянь-нанѣ 63 милл. жит.,
 „ Минь-чжэ 37 милл.,
 „ Лянь-гуанѣ 35 милл.
 и въ Юнь-гуй 20 милл.,

что такимъ образомъ эти генераль-губернаторства превосходятъ по числу жителей многія независимыя государства, то намъ станетъ понятною вся важность знакомства съ исторіей каждой провинціи отдѣльно и провѣрка этимъ частичнымъ изученіемъ тѣхъ общихъ выводовъ, къ которымъ приводятъ матеріалы по исторіи центральныхъ государственныхъ учреждений. Поэтому въ изслѣдованіе развитія государственныхъ учреждений, какъ весьма существенная часть, входитъ изученіе провинціальныхъ учреждений, а, кромѣ того, подробное знакомство съ біографіями самихъ генераль-губернаторовъ. Личностями послѣднихъ опредѣляется въ большинствѣ случаевъ въ Китаѣ руководящее направленіе жизни цѣлой провинціи, одно имя генераль-губернатора даетъ возможность понять, каково было въ періодъ его управленія отношеніе области къ центральному правительству, представлялись ли возможными новыя вѣянія и реформы, и пользовались ли иностранцы здѣсь льготами или терпѣли притѣсненія. Знакомство съ характеромъ и біографіей каждаго генераль-губернатора имѣетъ такое же значеніе для пониманія исторіи управляемаго имъ округа, какъ знаніе воззрѣній и направленія дѣятельности всякаго государя для уразумѣнія хода его царствованія.

Строго говоря, доселѣ только два высшихъ китайскихъ сановника дѣятельно стремились къ водворенію на китайской почвѣ плодовъ европейской матеріальной культуры. Это бывший генераль-губернаторомъ столичной Чжи-лійской провинціи Ли-хунь-чжанъ и мѣнѣе извѣстный въ Европѣ, но едва ли не болѣе Ли-хунь-чжана по-

пулярный въ Китаѣ, его постоянный противникъ и врагъ, Чжанъ-чжи-дунъ. Первый признаетъ введеніе реформъ въ Китаѣ возможнымъ единственно при непосредственномъ участіи европейцевъ. Второй смотритъ на послѣднее обстоятельство, какъ на неизбежное зло, и пытается повсюду, гдѣ только возможно, замѣщать европейцевъ китайцами. Дѣятельностью этихъ двухъ генераль-губернаторовъ исчерпываются почти всѣ успѣхи европеизма въ Китаѣ, локализирующіеся главнымъ образомъ въ подвѣдомственныхъ имъ районахъ. Потому-то прогрессъ Китая въ смыслѣ сближенія съ европейцами главнымъ образомъ приурочивается или къ Чжи-лійской провинціи, гдѣ въ районѣ Желтаго моря создались три открытыхъ порта, была сдѣлана попытка основанія флота и арміи, начаты постройка желѣзнодорожной и телеграфной линій, разработка каменно-угольныхъ копей, учрежденіе европейскихъ училищъ и пр. или къ тѣмъ изъ провинцій Китая, приморскихъ или расположенныхъ по Янь-цзы-цзяну, куда послѣдовательно перемѣщался на постъ генераль-губернатора Чжанъ-чжи-дунъ. Его знаменитый докладъ трону 1885 года о необходимости реформъ для Китая произвелъ огромную сенсацію, но его попытки проведенія въ жизнь этихъ реформъ, при несимпатичномъ и недобѣрчивомъ отношеніи къ европейцамъ, имѣли повсюду крайне малый успѣхъ.

Приведенною характеристикою исчерпываются основныя сферы китайской жизни, доселѣ затронутыя европейскимъ влияніемъ. Сторонники взгляда объ одряхленіи и омертвѣлости Китая заключаютъ на этомъ основаніи, что при дальнѣйшемъ своемъ развитіи на китайской почвѣ европеизмъ охватитъ и всѣ другія стороны государственнаго организма Китая и подчинитъ себѣ ихъ безвозвратно.

Нельзя, однако, не видѣть всей поспѣшности такого заключенія, можетъ быть, вытекающей изъ пристрастія европейцевъ къ родной имъ культурѣ и изъ желанія видѣть торжество послѣдней надъ самыми принципами китаизма. Вопросъ борьбы цивилизацій доселѣ остается нерѣшеннымъ, и главнѣйшими причинами, препятствующими благопріятному для европейцевъ выводу, являются, во-первыхъ, прочность и устойчивость началъ, созданныхъ китайскою культурою въ каждомъ отдѣльномъ китайцѣ, во-вторыхъ, необычайная величина какъ китайскаго государственнаго организма, такъ и сферъ китайской жизни, находящихся доселѣ внѣ всякой тѣни европейскаго влиянія.

Наглядною иллюстраціею перваго положенія служатъ заключительныя слова того самаго знаменитаго доклада генераль-губернатора Чжань-чжи-дуна, которымъ проектировался въ Китаѣ цѣлый рядъ самыхъ широкихъ реформъ въ европейскомъ духѣ.

„Если мы будемъ въ состояніи устроить дѣло такъ,—писалъ китайскій генераль-губернаторъ,—чтобы производство въ устроенныхъ нами арсеналахъ и заводахъ день ото дня совершенствовалось. чтобы то и дѣло появлялись у насъ способные люди, и чтобы разработка естественныхъ богатствъ болѣе и болѣе увеличивалась, то при помощи машинъ одни за другими явятся у насъ и собственные броненосцы и собственные желѣзныя дороги, и тогда мы можемъ исполнить широкій планъ—оградиться отъ иностранцевъ и остановить ихъ напоръ на насъ, создать дѣло вѣчности и величія Китая и устроить счастье Поднебесной“.

Такова конечная цѣль китайскихъ реформъ и заимствованій съ запада. Сношенія съ европейцами, по мнѣнію всякаго истиннаго китайца,—неизбѣжное зло, которому нельзя не подчиняться, когда это оказывается необходимымъ, но избавленіе отъ котораго, при малѣйшей возможности, даетъ истинное наслажденіе. Легко видѣть силу націи, горящей подобными чувствами, и рѣчь о движеніи ея по тому культурному пути, идеи и идеалы котораго для нея ненавистны, характеризуетъ скорѣе заблужденіе руководителей, нежели увлеченіе руководимыхъ.

Измѣрить степень проникновенія европейскихъ началъ въ глубь самыхъ основъ китайской культуры невозможно, такъ какъ весьма часто такой предметъ оказывается совершенно недоступнымъ для математическихъ выкладокъ. Но если мы, въ параллель сказанному, посмотримъ на ходъ исторіи тѣхъ сторонъ жизни Китая, которыя остались, внѣ всякаго вліянія Запада, то, безъ сомнѣнія, придемъ къ выводу, что по отношенію къ чисто народной жизни европейское вліяніе въ Китаѣ не больше, какъ капля въ морѣ.

Нѣтъ надобности особенно останавливаться на объясненіяхъ того очевиднаго факта, что самая значительная изъ сторонъ дѣятельности европейцевъ, торгово-промышленная, доселѣ достигла сравнительно самыхъ незначительныхъ размѣровъ. Безспорно, что доселѣ Китай живетъ на собственные средства, являясь и производителемъ и потребителемъ нужныхъ ему продуктовъ. Что значать дѣйствительно 23 открытыхъ для иностранной торговли, порта въ сравненіи съ тысячами торгово-про-

мышленныхъ центровъ, обслуживающихъ 350 миллионную массу населенія? Что такое тысячи европейскихъ судовъ предъ миллионами китайскихъ джонокъ, наполняющихъ всѣ внутренніе водяные пути сообщенія и несущихъ на себѣ почти весь каботажъ? Вся береговая линія Китая, болѣе или менѣе знакомая съ европейцами, представляется весьма незначительною по сравненію съ остальною територіею имперіи, гдѣ живутъ и дѣйствуютъ сотни миллионъ китайцевъ, и говорятъ о проникновеніи европейскаго вліянія въ глубь такихъ провинцій, какъ Ху-нань, Гуй-чжоу, Сы-чуань, Юнь-нань, Шень-си. Гнь-су и др., значить рисовать себѣ картину жизни Китая совершенно въ ложномъ свѣтѣ.

Кромѣ войнъ съ европейцами, XIX вѣкъ носитъ въ себѣ еще всю внутреннюю политическую жизнь самой Срединной имперіи, не имѣющую никакой связи съ Западомъ и при случайныхъ столкновеніяхъ оказывающуюся всегда враждебною послѣднему. На первомъ планѣ выростаеъ здѣсь борьба китайской націи съ маньчжурскимъ домомъ. Гдѣ бы ни возникли волненія въ Китаѣ, подъ какими бы вліяніями и по какимъ бы побужденіямъ они ни развивались, будь то волненія по причинамъ экономическимъ или религіознымъ, будь то простая вспышка народнаго негодованія противъ незаконныхъ поборовъ чиновниковъ, стремленіе народа къ ниспроверженію правящей династіи всегда примыкаетъ къ возникшимъ волненіямъ и даетъ имъ устойчивость и силу. Главными носителями революціонныхъ замысловъ противъ правящей династіи являются въ Китаѣ секретныя общества, распространенныя по всей имперіи и обнаруживающія свое присутствіе во всѣхъ волненіяхъ въ странѣ. Строго говоря, революціонная дѣятельность ихъ въ теченіе всего настоящаго столѣтія не прекращается. Такъ въ 1802—1805 г. ими было поднято возстаніе въ сѣверо-восточныхъ провинціяхъ, въ 1808—1810 г. они дѣйствуютъ вмѣстѣ съ пиратами въ приморскихъ провинціяхъ Южнаго Китая, въ 1813—открытъ давно организованный въ Пекинѣ заговоръ ихъ на жизнь императора Цзя-цина, заговоръ, который, хотя и не удался, но повлекъ за собою огромныя волненія въ провинціяхъ Хэ-нани, Шань-си, Шэнь-си, Шань-дунъ и Сы-чуани. Въ періодъ, предшествовавшій первой англійской войнѣ, тайныя общества дѣйствовали главнымъ образомъ на югѣ Китая, а послѣ заключенія Нанкинскаго договора они включили въ программу своей дѣятельности, кромѣ взаимной поддержки и борьбы съ властями, еще и борьбу съ европейцами, и съ этого времени они

являются одною изъ самыхъ основныхъ причинъ повсюду усиливающихся анти-европейскихъ беспорядковъ. О неустанной агитаціи тайныхъ обществъ въ Гуань-си, Гуань-дунѣ и Гуй-чжоу въ 40-хъ годахъ у насъ имѣются доклады мѣстныхъ властей, а вслѣдъ затѣмъ вспыхиваетъ уже упомянутое тай-пинское движеніе, связь котораго съ однимъ изъ самыхъ распространенныхъ обществъ Тріады (Сань-хэ-хуй) удостовѣрена документально. По окончаніи тай-пинскаго возстанія, какъ наслѣдіе его, въ провинціи Ху-нань организуется общество Ге-лао-хуй, продолжающее свою дѣятельность доселѣ. Анти-европейскіе и анти-миссіонерскіе беспорядки находили себѣ опорѣ и поддержку въ членахъ этого общества не только въ Собственномъ Китаѣ, но даже на сѣверѣ его, за Великою стѣной.

Другаго непримиримаго внутренняго врага центральному пекинскому правительству создало существованіе въ имперіи пиратства, въ первой половинѣ нашего столѣтія еще сохранявшаго всю свою силу. Строго говоря, разбойники и пираты на дальнемъ Востокѣ существуютъ, какъ оппозиція произволу мѣстныхъ провинціальныхъ властей, и съ этой точки зрѣнія ихъ исторія для характеристики чисто народной жизни даетъ гораздо больше матеріала, чѣмъ лѣтописи правящей династіи. Районъ дѣятельности китайскихъ пиратовъ распространялся по всему побережью, начиная отъ французской Кохинхины черезъ Тонкинъ, устье Чжу-цзяна, Хайнанъ, Гонконгъ, Формозскій проливъ и даже за Чжусанскій архипелагъ. Въ этихъ предѣлахъ пиратство основалось и утвердилось, не какъ исключительное, а какъ совершенно нормальное явленіе китайской жизни, съ опредѣленною фязіономіей. Еще въ 1808—1810 гг. здѣсь существовало цѣлое государство подъ управленіемъ Чжень-инъ съ кодексомъ законовъ и правильною организаціей. Численность ея арміи изъ подданныхъ-пиратовъ доходила до 70.000 человекъ, владѣвшихъ 800 джонками. не считая множества мелкихъ судовъ, и борьба съ ними была совершенно непосильною для китайскаго правительства. Если мы вспомнимъ, что весь этотъ районъ операцій пиратовъ населенъ племенами, въ значительной мѣрѣ разнящимися этнографически отъ остальнаго Китая, то само пиратство представится намъ явленіемъ, обусловленнымъ существованіемъ въ Китаѣ инородческаго элемента и другими причинами, и такимъ образомъ весьма далекимъ отъ связи съ европейскою культурою.

Вслѣдъ за волненіями, поднимавшимися секретными обществами,

и за борьбой съ пиратами необходимо поставить войны магометанскія, юнь-наньскую въ 50-хъ, нянь-фэйскую въ 60-хъ и дунганскую въ 70-хъ годахъ. Всѣ эти войны, веденныя съ чисто восточною манерой поголовнаго истребленія населенія дѣльныхъ городовъ и областей, въ силу чего за періодъ этихъ волненій уменьшеніе населенія Китая исчисляется суммою отъ 20 до 30-ти милл. человекъ, продолжавшіяся отъ 5 до 10 и 15 лѣтъ, и охватывавшія огромныя районы, равныя по пространству $\frac{1}{4}$ Европы, дѣйствительно совершенно затмеваютъ тѣ столкновенія Китая съ европейцами, которыя касались лишь нѣсколькихъ приморскихъ пунктовъ, не сопровождались ни большимъ числомъ жертвъ, ни народными бѣдствіями и влекли за собою лишь уплату правительствомъ контрибуціи да уступку нѣкоторыхъ коммерческихъ привилегій. Китай остался и въ этомъ отношеніи вѣренъ самому себѣ и создалъ въ XIX вѣкѣ въ своемъ собственномъ политическомъ организмѣ такіе примѣры внутреннихъ междоусобій, предъ которыми великая революція Франціи по своимъ размѣрамъ и жертвамъ представляются забавою.

Религіозная жизнь Китая въ основахъ своихъ характеризуется тѣми же чертами самобытности и непроницаемости для чьего бы то ни было чуждаго вліянія, какъ и весь внутренній душевный складъ китайской націи.

Изъ трехъ, существующихъ искони въ Китаѣ религій.—конфуціанства, буддизма и даосизма,—жизнь и вліяніе второй, то-есть, буддизма, въ нашемъ вѣкѣ замѣтно падаетъ. Еще императоры прошлаго вѣка усердно поддерживали и сооружали буддійскіе храмы, издавали сочиненія и заботились о распространеніи и блескѣ религіи Сакья-Муни. Теперь буддизмъ въ Китаѣ остается все болѣе и болѣе въ пренебреженіи, его духовенство пользуется сравнительно гораздо меньшимъ почетомъ и вліяніемъ, а важнѣйшія буддійскія святыни, нѣмые свидѣтели прежней заботливости о нихъ богдыхановъ, остаются въ запустѣніи, безъ щедрыхъ приношеній и почетныхъ посольствъ изъ столицы съ богатыми дарами и милостями Сына Неба.

Въ противоположность упадку въ Собственномъ Китаѣ, буддизмъ въ XIX вѣкѣ продолжаетъ еще играть ранѣе созданную для него китайскимъ правительствомъ роль политическаго орудія укрощенія и обезсиленія монголовъ.

Даосизмъ и конфуціанство, продолжающіе свое существованіе по издавна усвоенному порядку, даютъ исторіку религій на Востокъ въ

XIX вѣкѣ лишь детальныя уклоненія отъ разъ принятаго ими курса. Но нигдѣ, ни на одну югу, не замѣчается ни въ одной изъ этихъ трехъ религій уступокъ въ пользу западнаго вліянія, и ни однимъ шагомъ не двигаются они по пути компромисса съ европеизмомъ.

Относительно сферы государственнаго устройства необходимо сказать, что указанныя выше нововведенія, выразившіяся въ учрежденіи нѣсколькихъ новыхъ органовъ управленія, имѣють частный характеръ и нисколько не касаются самаго существа китайскаго государственнаго строя, открывающаго, по словамъ одного изслѣдователя, своеобразныя особенности, свойственныя исключительно Срединной имперіи и коренящіяся въ ея давней изолированности, а отчасти въ свойствахъ духа китайскаго народа ¹⁾. Основы теократической неограниченной монархіи и стоящей въ полномъ противорѣчій съ ними децентрализаціи провинціального управленія остаются въ Китаѣ доселѣ неизблѣмыми. Всѣ органы верховнаго управленія, какъ-то: нэйгэ или верховный секретаріатъ, Цзюнь-цзи-чу, или богдыханскій совѣтъ, шесть министерствъ и центральныя органы меньшей важности, какъ, напримѣръ, экспедиція по устройству официальныхъ жертвоприношеній, экспедиція официальныхъ пиршествъ, астрологическій приказъ, Ли-фань-юань, или инородческій приказъ, Хань-линь-юань, или важнѣйшее ученое учрежденіе, охраняющее чистоту древнихъ классическихъ доктринъ и вырабатывающее на началахъ конфунціанства замѣстителей и кандидатовъ на самыя разнородныя важнѣйшія государственныя посты,—всѣ эти и масса другихъ учрежденій ничего не знаютъ и не хотятъ знать о западной культурѣ, или системахъ государственнаго управленія Европы и Америки, несравненно, по понятіямъ всѣхъ китайцевъ, низшихъ, чѣмъ практикующаяся въ Срединной имперіи. Еще съ большей силою то же самое должно сказать объ управленіи провинціальною, гдѣ выраженію симпатій народной массы предоставляется гораздо болѣе широкой просторъ, и гдѣ антагонизмъ къ европейцамъ препятствуетъ принятію какихъ либо нововведеній. Что можно сказать о дѣятельности двухъ-трехъ генералъ-губернаторовъ, признающихъ необходимость реформъ, въ сравненіи съ тысячами администраторовъ, разрушающихъ ихъ начинанія? Поименовавъ, хотя и съ оговорками на одной сторонѣ Ли-хунъ-чжана и

¹⁾ *И. Коростовецъ.* Китайцы и ихъ цивилизація. С.-Пб. 1896, стр. 73.

Чжань-чжи-дуна, а изъ прежнихъ дѣятелей Цзэнъ-го-фаня, въ числѣ антагонистовъ Запада не трудно назвать десятки государственныхъ людей Китая: за знаменитымъ Линь-цзѣ-скеомъ слѣдуютъ: Юй-цзянь, Ци-шень, Янь-фанъ, И-шанъ, Ци-инъ, И-ли-пу и Лю-да-жэнь въ первой англійской войнѣ; Да-гунъ-а, Ъ, Би-гуй, Гуй-лянь и Гуашанъ во второй англійской войнѣ; Сань-ко-линь-синъ, Цзо-цзунъ-танъ, Лю-бинъ-чжанъ и др. изъ недавнихъ дѣятелей.

Такія соображенія въ пользу прочности и устойчивости началъ китайской цивилизаціи вынуждаютъ относиться скептически ко взглядамъ рьяныхъ защитниковъ европеизма и его ничѣмъ несокрушимой власти подчинять себѣ другія культуры. Поэтому, констатировавъ присутствіе на китайской почвѣ двухъ почти прямо взаимно исключających одно другое теченій государственной жизни въ XIX вѣкѣ, мы вынуждаемся оставить вопросъ объ исходѣ ихъ борьбы открытымъ. Но ощущался бы большой недочетъ въ характеристикѣ жизни дальняго Востока, еслибы игнорировать еще одинъ историческій факторъ, влияніе котораго въ Азіи чувствуется въ послѣднія десятилѣтія все сильнѣе и сильнѣе, а въ недалекомъ будущемъ общаесть стать однимъ изъ важнѣйшихъ. Я говорю о влияніяхъ Россіи и въ этомъ случаѣ почитаю возможнымъ обосноваться на недавно высказанномъ по этому вопросу мнѣніи непредубѣжденнаго географа Реклю ¹⁾).

„Широкій поясъ Монголіи, доселѣ отдѣляющій русскихъ отъ китайцевъ, по словамъ географа, тяготеетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе къ сферѣ славянскаго влиянія. Въ силу страннаго поворота историческихъ вѣсовъ русскіе живутъ теперь наканунѣ реванша за то господство варваровъ, которое они испытали надъ собою назадъ тому шесть вѣковъ, или, скорѣе, наканунѣ сліянія съ собою національностей, которыя ихъ нѣкогда завоевывали. Не одни русскіе производили изслѣдованія въ Монголіи, Кашгаріи и прилегающихъ странахъ, хотя большая часть работы на этомъ поприщѣ выпала на ихъ долю, при чемъ они въ полнотѣ воспользовались еще и результатами изысканій всѣхъ иностранныхъ изслѣдователей, начиная съ Адольфа Шлагинтвейта, Шоу, Джонсона, Гюка, Нэй Эліаса, Рокхилля до Рихтгофена, Бонвало, Генриха Орлеанскаго и Свенъ Хедина“. Отмѣтивъ,

¹⁾ *Elisée Reclus. La Russie, la Mongolie et la Chine. Revue des Revues* 1895. № 10.

что самыя точныя статистическія данныя о странахъ Дальняго Востока приходятъ въ Европу отъ русскихъ путешественниковъ, Реклю обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что въ настоящее время Сибирь представляетъ собою вмѣстѣ всевозможныхъ племенъ, постепенно сливающихся въ одинъ народъ, при чемъ сибиряки имѣютъ предъ западно-европейцами то огромное преимущество, что они дѣйствительно понимаютъ народы Востока. На нихъ возложена поэтому самую природою задача брать отъ своихъ сосѣдей-инородцевъ то, чего никогда не могли бы взять у послѣднихъ западно-европейцы, съ своими столь различными по существу взглядами на дѣятельность и методами развитія. Изъ уроженцевъ Западной Европы исключеніе можетъ быть сдѣлано только для нѣкоторыхъ миссіонеровъ, живущихъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ китайцами, да и для нѣкоторыхъ купцовъ и дипломатовъ, посѣщающихъ „Царство цвѣтовъ“, но и они не могутъ совершенно претендовать на какое бы то ни было дѣйствительное пониманіе народнаго характера китайцевъ. Для этого недостаточно еще умѣть строго обращаться съ мандаринами или продавать туземцамъ опиумъ. Русскіе же являются истинными братьями своихъ сосѣдей Дальняго Востока и естественными посредниками между двумя мірами. По такимъ-то основаніямъ Реклю полагаетъ, что именно на долю русскихъ выпадаетъ забота о приведеніи къ осуществленію сліянія въ одинъ цѣльный организмъ этихъ двухъ половинъ рода человѣческаго, доселѣ чуждыхъ одна другой. Дѣйствительно, въ средѣ инородцевъ нашей Сибири мы можемъ найти цѣлую цѣпь многочисленныхъ племенъ, которыя въ различныхъ степеняхъ, но все самымъ тѣснымъ образомъ связываются съ одной стороны съ Японіей, а съ другой съ обладателями Китая—маньчжурами и Монголіей. Носятъ ли эти племена въ себѣ достаточно силъ для самостоятельнаго развитія, съ сохраненіемъ своей естественной индивидуальности, или, какъ то кажется болѣе вѣроятнымъ, имъ придется мало-по-малу исчезнуть въ массѣ славянскихъ или ославянизованныхъ элементовъ, во всякомъ случаѣ, они должны сыграть свою роль въ исторіи,—роль, опредѣляющуюся ихъ интеллектуальными и моральными дарованіями. Инородческія племена Европейской Россіи несомнѣнно получаютъ теперь понятіе о западной цивилизаціи; тѣмъ же самымъ путемъ направится послѣдняя, постепенно ускоряя свой ходъ, и къ остальному, не-арійскому міру.

Географія не измѣняется по волѣ дипломатовъ. Существуетъ или

нѣтъ соперничество между Россією и другими европейскими державами, но эти послѣднія навсегда останутся чуждыми Китаю, между тѣмъ какъ Россія является ближайшею и вѣчною сосѣдкою Средняго царства. Ей принадлежитъ, поэтому, естественное право непосредственнаго воздѣйствія на пустынные или населенныя области Монголіи и Маньчжуріи, а за симъ и на самый Китай. Починъ къ этому уже сдѣланъ, и въ наше время тяготѣніе европейской культуры къ востоку будетъ замѣчательнымъ образомъ усилено сооруженіемъ сибирской желѣзной дороги, имѣющей замѣнить въ Азіи прежній долгій трактъ телѣгъ, саней и верблюжьихъ каравановъ.

Дмитрій Педдѣевъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ ИКОНОПИСНЫХЪ ИЗОБРАЖЕНІЙ БОГОМАТЕРИ ¹⁾.

Во всемірной исторіи можно различать двѣ одинаково важныя составныя части; эта великая наука, ставшая въ наше время, на мѣсто прежней философіи, наукой наукъ, имѣеть цѣлю съ одной стороны изслѣдовать *пережитое* человѣчествомъ, съ другой стороны— *передуманное* и *перечувствованное* имъ; она есть и изученіе прошлой *дѣйствительности* и изученіе *идеаловъ* прошлаго. Рѣзко разграничить эти два элемента исторіи нѣтъ никакой возможности, такъ какъ идеалы и дѣйствительность обусловливаютъ другъ друга: то, что человекъ дѣлаетъ, зависитъ отъ того, о чемъ онъ мечтаетъ, къ чему стремится; а стремится онъ къ тому, на что его наталкиваетъ переживаемая имъ дѣйствительность. Но тѣмъ не менѣе, одни роды историческихкихъ работъ имѣють въ виду преимущественно дѣйствительность, какъ исторія политическая и экономическая; другіе — какъ исторія искусства, изслѣдуютъ главнымъ образомъ постепенное перерожденіе и смѣну идеаловъ человѣчества или извѣстной его части, смѣну, которая, конечно, всегда оказывается въ тѣснѣйшей связи съ дѣйствительностью, выражающеюся въ дѣлахъ и словахъ одного народа или группы народовъ, иначе сказать, въ исторіи политической и литературной.

Въ послѣдніе 19 вѣковъ передовую, можно сказать, единственно-историческою группой народовъ являются народы христіанскіе, въ искусствѣ которыхъ разрабатываются однѣ и тѣ же высокія идеи и

¹⁾ Публичная лекція, читанная въ Москвѣ 19-го апрѣля 1897 г. на выставкѣ „Изображеній Богоматери“, въ Обществѣ Поощренія Художествъ.

повидному, въ однихъ и тѣхъ же образахъ. Но такъ какъ дѣйствительность въ эти 19 вѣковъ измѣнялась непрерывно и послѣдовательно, то и идеальные религиозные образы видоизмѣнялись замѣтно до осязательности, такъ что по перерожденіямъ хотя бы одного изъ нихъ можно воссоздать въ главныхъ чертахъ всю внутреннюю исторію христіанскаго человѣчества.

Нѣтъ болѣе возвышеннаго въ человѣчествѣ идеала какъ Заступница, Всѣхъ Скорбящихъ Утѣшительница, Владычица Богоматерь Дѣва Марія, и его художественное выраженіе достигаетъ наибольшей, доступной для силъ человѣческихъ красоты.

Чтобы *чувствовать* красоту Сикстинской Мадонны, надо имѣть только глаза и душу; но чтобы *понять*, какъ могло европейское общество доработаться до такого объединенія красоты духовной и физической, надо прослѣдить исторію изображенія Богородицы, для чего настоящая выставка даетъ матеріаль, къ которому моя лекція должна служить посильнымъ историческимъ комментариемъ.

Когда въ Римѣ составилаь впервые христіанская община, въ ея подземныхъ усыпальницахъ, такъ обильно, хотя и скромно разукрашенныхъ растительными орнаментами, геніями и символическими изображеніями пальмовыхъ вѣтвей, голубей, рыбы, Ноя, Моисея, источающаго воду изъ камня, Даніила во рвѣ львиномъ, воскрешаемаго Лазаря и пр. и пр., изображеніями, стремившимися выразить обновленіе человѣчества благою вѣстью евангельской любви и вѣры въ будущую жизнь, изображеній Богоматери встрѣчается очень мало, и типъ ея, несмотря на высокое достоинство античной техники, далекъ отъ опредѣленности. Напрасно нѣкоторые западные археологи (изъ католиковъ) стремились видѣть Богоматерь во всякой красивой женской фигурѣ въ позѣ оранты и во всякомъ изображеніи матери съ младенцемъ на рукахъ. Объективная наука склонна признавать въ нихъ портреты умершихъ и здѣсь погребенныхъ лицъ, такъ какъ нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы въ тѣ времена, когда идеальныя стремленія молодой общины были сосредоточены на усвоеніи основныхъ идей — искупленія и нравственнаго возрожденія человѣчества евангельской проповѣдью, когда и въ церковной литературѣ мать Христа упоминается сравнительно очень рѣдко, благочестивые художники могли надѣяться, что зрители узнаютъ Богоматерь Марію безъ надписи и безъ какихъ либо характерныхъ признаковъ.

Древнѣйшимъ несомнѣннымъ ея изображеніемъ въ настоящее время считается жена съ младенцемъ изъ катакомбы св. Присциллы,

такъ какъ надъ этой группой находится *звѣзда*, на которую, повидимому, указываетъ юноша въ палліумѣ. При портретѣ или при семейной сценѣ звѣзда была бы необъяснима; а при изображеніи новорожденнаго Спасителя, начиная отъ Евангелія (Матѣ. II, 2—11), въ продолженіе всѣхъ 19 вѣковъ христіанства, звѣзда или таинственный свѣтъ служить яснымъ и осязательнымъ свидѣтельствомъ небесъ о божественности предвѣчнаго младенца. Но кто этотъ юноша, указующій одною рукою на звѣзду, а другую простирающій къ Младенцу съ матерью ¹⁾? Здѣсь мнѣнія археологовъ расходятся: одни считаютъ его обручникомъ Іосифомъ, который, дѣйствительно, долго изображался молодымъ человѣкомъ — древнехристіанское искусство въ тѣсномъ смыслѣ — стариковъ не знаетъ; по мнѣнію другихъ и моему въ томъ числѣ, это пророкъ Исая, выразительный жестъ котораго замѣняютъ слова: *Се дѣва во чревтѣ пріеметъ и родитъ сына*—указаніе лѣвой руки—и *нарекутьъ ему имя Емануиль, ежесть сказано съ нами Богъ*—указаніе десницы. Это композиція въ своемъ родѣ единственная, но задачамъ христіанскаго искусства II вѣка вполне соответствовавшая.

Напротивъ того, всѣмъ 19 вѣкамъ христіанства принадлежитъ слѣдующая по времени композиція, гдѣ изображено *поклоненіе волхвовъ*. Эти изображенія уже самой своей неуступчивостью—иногда въ нихъ 2 волхва, иногда 4, въ Ев. отъ Матѣ. II, 1 число ихъ не показано—свидѣтельствуютъ о своей глубокой древности. Всмотриваясь, какъ изображена въ нихъ Богоматерь, мы и здѣсь видимъ неопредѣленность типа: иногда это юная, красивая дѣвушка; иногда серьезная и скромная матрона ²⁾. Очевидно, здѣсь цѣль художниковъ не историческое изображеніе, но указаніе на значеніе событія, на первое на землѣ признаніе божества Спасителя мудрецами свѣта сего.

Въ общемъ, на фрескахъ катакомбъ и на раннихъ лучшихъ барельефахъ мы видимъ въ Богоматери благородную женскую фигуру, прекрасную, скромную и въ то же время исполненную достоинства; но только въ немногихъ случаяхъ художникамъ удавалось вдохнуть въ ея изображеніе величіе и задушевность христіанскаго идеала; только

¹⁾ По наблюденію многихъ, въ лѣвой рукѣ онъ держалъ свитокъ, въ настоящее время полуистертый.

²⁾ Въ видѣ матроны она изображена и въ катакомбѣ св. Каллиста, гдѣ волхвовъ трое. См. Martigny s. v. Mages.; у Н. В. Похровскаго, Очерки иконографіи. Рис. 16.

дѣвичье убранство головы указываетъ на отличіе этого типа отъ всѣхъ другихъ, указываетъ на то, что художникъ имѣлъ въ виду изобразить Матерь-Дѣву, бывшую орудіемъ нашего спасенія и искупленія грѣха прародителей.

Тоже мы находимъ и въ литературѣ первыхъ вѣковъ; уже апологетъ Юстинъ противопоставляетъ Богоматерь Евѣ; въ томъ же II столѣтіи восхваляютъ ея послушаніе и твердость ея вѣры. Ириной Лионскій называетъ ее ходатайницею (за родъ человѣчскій).

Гонимая церковь высоко чтитъ Пресвятую Дѣву, ставитъ ее выше апостоловъ, считаетъ ее *идеаломъ* земнородныхъ женщинъ; но этотъ идеалъ еще не выработался и потому не находитъ себѣ опредѣленнаго выраженія въ искусствѣ.

Но вотъ послѣ 313 г. христіанская религія становится государственной, и вмѣсто сотенъ и тысячъ, составлявшихъ крѣпкосплоченныя свободныя, самоуправляемыя общины, цѣлые милліоны городскихъ жителей густо населенной всемірной монархіи дѣлаются христіанами. Тогда христіанское искусство выходитъ изъ подземелій на яркій свѣтъ, занимаетъ роскошныя обширныя базилики и рѣзко измѣняетъ свой характеръ: изъ скромно-вдумчиво символическаго оно становится торжественнымъ, величественнымъ, церемоніальнымъ ¹⁾ и въ то же время историческимъ.

Эта переѣна немедленно и наглядно отражается на изображеніяхъ Богоматери. Смотрите на снимки даже отъ IV вѣка; вы видите уже *иконы* Богоматери, еще вырабатывающійся (не безъ нѣкотораго участія идеаловъ языческаго прошлаго) гіератическій типъ, типъ величественной и строгой Царицы небесной, который скоро будетъ осложняться глубокомысленными богословскими идеями византійскаго символизма—олицетвореніемъ церкви, Премудрости Божіей, параллелью съ Трономъ Господнимъ и пр. Востокъ въ разработкѣ этого высокаго типа явно идетъ впереди запада: есть указанія, что новая столица имперіи была отдана подъ особое покровительство Богоматери; есть извѣстія о существованіи многоличныхъ тоже восточныхъ ея изображеній, гдѣ она была окружена святыми; восточно-церковные поэты, напримѣръ, Ефремъ Сирийскій, обращаются къ ней съ горячими молитвами, а на западѣ младшій Пруденцій († ок. 413 г.) убѣжденъ, что волхвы въ Марію сочли достойнымъ поклоненія *matris adoratam gremium*. На востокъ же разыгрались и тѣ

¹⁾ Н. В. Покровский. Очерки стр. 69.

церковно-историческія событія, которыя имѣли результатомъ окончательное установленіе цѣлаго ряда иконографическихъ изображеній Богоматери.

10-го апрѣля 428 года на константинопольскій патриршіи престолъ вступилъ антиохійскій іеромонахъ Несторій, человекъ краснорѣчивый и самоувѣренный, считавшій себя столпомъ православія. Въ первой своей рѣчи, обращаясь къ императору, онъ говорилъ: дай мнѣ страну, чистую отъ еретиковъ, и я дамъ тебѣ помощь и искоренить ереси, и я помогу тебѣ противъ персовъ. Онъ принялся дѣятельно пресѣдовать армянъ, македонцевъ, аполлинаристовъ и др.; но скоро онъ сталъ считаться неправославнымъ и слишкомъ, какъ онъ полагалъ, высокое почитаніе Дѣвы Маріи. Споръ вызванный имъ изъ Антиохіи священникъ скавалъ проповѣдь, въ которой возсталъ противъ названія свѣ Дѣвы Воспродичею, а потому и самъ патриархъ сталъ доказывать, что Марія не могла быть матерью Бога, а только человека-Христа. Слушатели же съмѣтры на все почтеніе въ его сану, возмущались. Въ самой церкви выступили противъ него константинопольскій адвокатъ Евсевій, который и потомъ продолжалъ полемизировать съ патриархомъ и приверженно. Много обличителей Несторія съ каждымъ днемъ увеличивалось, но онъ продолжалъ стоять на своемъ. Споръ привлекъ вниманіе александрийскихъ ученыхъ богослововъ и не ученикъ, но многочестивыхъ и влиятельныхъ отшельниковъ египетскіихъ. Противъ Несторія выступили св. Кириллъ, патриархъ александрійскій. Я удивляюсь, писалъ онъ въ конужномъ посланіи монахамъ египетскимъ, какъ допускаютъ сомнѣніе въ томъ, что св. Дѣву должно называть Матерью Божіею. Если Спаситель нашъ І. Х. есть Богъ, то какъ она Дѣва, мать его, не есть Мать Божія? Это въра аристотельскан, хотя аристотель не употребилъ этого слова. Отъ ученыхъ отцовъ церкви (1). Но св. Кириллъ и началъ и самого Несторія отклонить отъ его заблужденія, но напрасно. Съ св. Кирилломъ были одного мнѣнія и римскія папа Целестинъ и огромное большинство епископовъ; съ стороны Несторія держали многіе изъ свѣтскихъ сановниковъ. Борьба все разгоралась; обѣ партіи предавали одна другую анаемѣ. Тогда императоръ Феодосій II назначилъ для рѣшенія дѣла въ Эфесѣ вселенскій соборъ, который и со-

1) Лѣтопись церковныхъ событій архимандрита Арсенія С. Пб. 1890, стр. 169 и слѣд.

2) Лѣтопись, 172.

стоялся въ іюнѣ 431 г. Ученіе Несторія, лично въ засѣданіе не явившагося, было осуждено единодушно, и онъ былъ объявленъ низложеннымъ. Но и у Несторія нашлись сторонники между высшимъ духовенствомъ Іоаннъ, епископъ антиохійскій, прибывшій въ Эфесъ 8-го іюля, вмѣстѣ съ Теодоритомъ Киррскимъ, вошелъ въ сношенія съ Несторіемъ, объявилъ дѣйствія св: Кирилла незаконными и составилъ особый соборъ, который оправдалъ Несторія и осудилъ Кирилла. Рѣшенія обоихъ соборовъ дошли до императора почти одновременно, и онъ вначалѣ думалъ подвергнуть аресту и св. Кирилла и Несторія, но скоро его колебанія окончились, и Несторій былъ заключенъ въ монастырь, а потомъ и сосланъ. Впослѣдствіи и Іоаннъ антиохійскій и бл. Теодоритъ Киррскій приняли постановленія эфесскаго собора. Такое рѣшеніе дѣла, очевидно, соотвѣтствовало духу времени и желанію массы вѣрующихъ. Въ самомъ Эфесѣ оно было пріятнѣе всеобщей радостью, да и по всей имперіи съ этого именно времени „почитаніе Богоматери пріобрѣтаетъ особенное значеніе“ ¹⁾: во имя Ея вновь строятся множество церквей, въ томъ числѣ и храмъ Богородицы Влахернской въ Константинополѣ; многіе роскошные храмы, прежде посвященные богинямъ языческимъ, перестраиваются и посвящаются Богоматери ²⁾; подъ ея особое покровительство отдаютъ себя знаменитѣйшіе монастыри востока, и Она спасаетъ ихъ отъ пожаровъ, отъ нападеній враговъ и разбойниковъ, сохраняетъ во всякихъ бѣдахъ отдѣльныхъ членовъ монастырской общины, и уже на границѣ VI и VII столѣтій бытописатель одного палестинскаго монастыря, разказавъ нѣсколько таковыхъ Ея благодѣяній, говоритъ: „Многія и другія чудеса сотворила благословенная Владычица въ этомъ мѣстѣ, но если (всѣ) ихъ написать, большой книги намъ не хватитъ“ ³⁾. Египетскіе отшельники оказались самыми ревностными защитниками Богоматери противъ позднѣйшихъ отзвуковъ несторіанства ⁴⁾, и въ VI столѣтіи въ самой бѣдной келіи передъ ея иконою теплилась лампада; эта икона—единственная связь суроваго живо погребеннаго аскета съ живой жизнью.

¹⁾ Н. В. Покровский, Очерки, стр. 70.

²⁾ Напримѣръ, храмъ Ренъ въ Дельфахъ (Malalas ed. Bonn. 78), къ которому пріурочивалось сказаніе о пророчествѣ Псеимъ аргонавтамъ относительно Дѣвы Маріи (ib. 77—8).

³⁾ Vita S. Georgii Chozebitae (Anal. Bollandiana VII, 1888 г., стр. 123): Πολλά δὲ καὶ ἄλλα θαύματα ἄπερ ἐποίησε ἡ εὐλογημένη Δεσποίνα ἐν τῇ ἀγίῳ τόπῳ τοῦτοφ ἄτινα εἰὼν ἐγράφεται, βιβλος μεγάλη οὐκ ἀρκήσῃ ἡμῖν.

⁴⁾ См. Лугъ Іоанна Моска гл. 45.

Иконы Богоматери вывѣшивались на всѣхъ мачтахъ военныхъ кораблей при ихъ выступленіи въ походъ противъ невѣрующихъ, такъ что Дѣва Марія являлась какъ бы полководцемъ войскъ христіанскихъ; тѣ же иконы висѣли на веревкахъ даже въ тюрьмахъ, гдѣ содержались самые ужасные преступники ¹⁾; есть даже извѣстіе, что одно время явился обычай ткать матеріи для одежды и занавѣсей съ изображеніями Богородицы и Христа-Младенца, такъ что это изображеніе изъ иконы обратилось въ простой символъ; это уже была неразумная крайность.

Но и многія настоящія иконы отъ того же времени приобрѣтають извѣстность: такъ знаменитую икону Одигитріи Евдокія переслала изъ Палестины императрицѣ Пульхеріи ²⁾. Изготавливаются тогда и классически-прекрасныя статуи Богоматери, погибшія впоследствии отъ рукъ иконоборцевъ. Сотнями появляются и барельефы, изображающія событія изъ жизни Богоматери; они украшаютъ саркофаги, диптихи, оклады евангелій и троны епископовъ.

Разматривая эти изображенія, вы встрѣчаете въ нихъ или такія подробности евангельскихъ событій, которыхъ нѣтъ въ св. Писаніи, напримѣръ корзину съ пряжей и веретено при Благовѣщеніи или даже цѣлые сюжеты, Евангелію неизвѣстные, напримѣръ „Дѣва Марія пьетъ воду обличенія“. Откуда это?

Именно въ этотъ періодъ, между эфесскимъ соборомъ и иконоборствомъ, сказанія о земной жизни Богородицы, основывающіяся на древнемъ преданіи и совпадающія съ очень популярными и тогда и впоследствии апокрифическими книгами, уже очищенными отъ еретическихъ мнѣній и странныхъ вымысловъ, приобрѣтають широкое распространеніе и оказываютъ сильное вліяніе какъ на церковную поэзію, такъ и на искусство.

Я позволю напомнить вамъ главные моменты именно тѣхъ изъ нихъ, которые отразились въ изображеніяхъ Богоматери, какъ этого періода, такъ и послѣдующихъ. Въ Назаретѣ жилъ благочестивый мужъ Іоакимъ изъ колѣна Іудина; онъ имѣлъ въ супружествѣ Анну, происходившую изъ рода Давидова (отсюда, между прочимъ, перѣд-

¹⁾ Какъ при Тиверіи (578—82) уличенный въ жертвоприношеніяхъ и колдовствѣ Анатолій, который попытлся передъ отправкою въ Константинополь помолиться такою иконѣ, но она отвернулась отъ него. *Evagrii Hist. Eccl. Migne* стр. 2828—9.

²⁾ *Römische Quartalschrift* 1888 II, 97: Das Bild stellte Maria dar ἐν ταῖς ἱεραῖς ὀλέαις ἀγαλιζομένην τὸν Κύριον.

кія изображенія царя Давида при Благовѣщеніи и въ другихъ случаяхъ при Богоматери. Они были богаты и добродѣтельны, но дѣтей у нихъ не было. Много лѣтъ прожили они такъ. Разъ во время праздника, когда Іоакимъ пошелъ въ храмъ Іерусалимскій принести обычные дары, священникъ отвергъ его жертву, какъ челоуѣка негоднаго Богу, и огорченный Іоакимъ ушелъ въ пустыню къ пастухамъ своимъ, постился и молился тамъ, рѣшивъ не возвращаться домой, пока Господь не услышитъ его. Покинутая имъ Анна плакала неутѣшно. „Теперь я всѣхъ несчастіе, говорила она: Богъ отвергнулъ меня, люди поносятъ и мужъ оставилъ. О чемъ мнѣ болѣе плакать теперь? О моемъ ли безчадіи или о вдовствѣ? о моемъ ли сиротствѣ или о томъ, что не удостоилась назваться матерью“¹⁾? Ея служанка Юдифъ пыталась утѣшить ее, но дѣлала это такъ неумѣло, что еще болѣе огорчила госпожу свою. Анна пошла въ свой садъ и на лавровомъ деревѣ (по греч. δάφνη) увидала гнѣздо съ птенчиками и расплакалась горче прежняго: „Увы мнѣ! съ кѣмъ я могу сравнить себя? Ни съ птицами небесными, ни съ звѣрями! Они приносятъ Тебѣ плодъ свой, Господи! а я остаюсь безплодною“²⁾. Плачущей Аннѣ явился Ангелъ Господень и сказалъ ей: „Услышана молитва твоя, и слезы твои дошли до Господа. Ты зачнешь и родишь Дщерь благословенную, ради когорой благословятся всѣ роды земные“. Анна словословить Бога, обѣщается отдать свое чадо на служеніе Ему и спѣшитъ въ храмъ Іерусалимскій принести Господу благодареніе. Въ то же время является ангелъ и св. Іоакиму, предсказываетъ ему рожденіе дочери и велитъ идти въ Іерусалимъ, гдѣ онъ у Золотыхъ Вратъ встрѣтитъ супругу свою Анну. Сцена свиданія Іоакима и Анны одинъ изъ распространеннѣйшихъ иконописныхъ сюжетовъ православнаго Востока и вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ любимѣйшихъ темъ западной живописи эпохи возрожденія: она давала художникамъ возможность ввести въ картину и ландшафтъ и нѣсколько второстепенныхъ фигуръ, спутниковъ Іоакима или спутницъ Анны.

Въ узаконенное природой время Анна родила дочь Пречистую Дѣву Марію. Изображенія этого великаго событія, празднуемаго 8-го сентября, встрѣчаются съ X го вѣка и въ формахъ, нѣсколько напо-

¹⁾ *Людотья Глинка*, Жизнь Пресвятой Дѣвы Богородицы изъ книгъ Чети-Миней. Изд. 8-е, стр. 45.

²⁾ *Ib.* 46.

минающихъ Рождество Христово: св. Анна полулежитъ въ такой же позѣ, какъ въ Р. X.—Богородица. Ниже ея одра помѣщается женская фигура (иногда двѣ) у сосуда съ водою, обмывающая Младенца съ нимбомъ. Отличительною чертою Рождества Богородицы служатъ нѣсколько женскихъ фигуръ, подносящихъ родильницѣ сосуды съ укрѣпительною снѣдью, или онахала.

Радость свою по поводу рожденія Дочери св. Іоакимъ выразилъ пиромъ, который онъ устроилъ въ своемъ домѣ для священниковъ и левитовъ; на этотъ пиръ, по преданію, была вынесена на рукахъ матери и Младенецъ—Марія, и священники благословили ее.

Когда ей исполнилось три года (по другому сказанію семь лѣтъ) родители рѣшили, согласно своему обѣту, отвести ее въ храмъ іерусалимскій. Іоакимъ приказалъ собрать дѣвушекъ еврейскихъ и дать имъ зажженные свѣчи, чтобы онѣ слѣдовали за св. Дѣвою, „да не возвратится откровица вспять и пленять сердце ея отъ церкви Господне Бога“¹⁾. Такъ это и было сдѣлано. Св. Дѣва, смѣло и не оглядываясь на родителей, вступила въ храмъ, у входа въ который ее принялъ съ достоюльнимъ уваженіемъ и благосклонностью священникъ и „посади ю на третьемъ ступени олтаревнѣмъ“. Дѣва Марія осталась жить въ храмѣ, гдѣ пользовалась всеобщою любовью, а почивающая на ней благодать Божія во-очію выражалась тѣмъ, что пищу себѣ она получала съ неба изъ рукъ ангела Господня.

По сказаніямъ, преимущественно распространеннымъ на западѣ, къ храму вело 15 ступеней, и всѣ присутствующіе были поражены изумленіемъ, когда Младенецъ съ полною готовностью прошелъ ихъ, устремивъ все вниманіе на ожидающаго его священника. Этотъ моментъ очень часто воспроизводятъ художники эпохи возрожденія; его изобразилъ Тиціанъ въ своей знаменитой картинѣ.

На православномъ Востокѣ какъ въ фрескахъ и иконахъ, такъ и въ миниатюрахъ ступени храма въ изображеніи Введенія не играютъ никакой роли, а за первосвященникомъ, который большею частію рисуется съ нимбомъ, такъ какъ это былъ святитель Захарія, отецъ Іоанна Крестителя, снова изображается юная Дѣва, сидящая на возвышеніи и получающая пищу отъ ангела. Это возвышеніе знаменуетъ Святая Святыхъ или внутреннюю скинію. находившуюся за второю завѣсой²⁾, куда дозволялось входить, по внушенію Господню, только одной Дѣвѣ Маріи для молитвы.

¹⁾ Мав. Миней подъ 8 сент. (по изд. стр. 355).

²⁾ Жизнь Богородицы, стр. 27.

Живя въ храмѣ Іерусалимскомъ, Пречистая Дѣва поучалась отъ старшихъ дѣвиць св. Писанію и женскому рукодѣлью; она пряла шерсть и ленъ и вышивала шелками. Питаясь хлѣбомъ небеснымъ, она свою обыкновенную пищу, получаемую отъ храма, раздавала нищимъ и странникамъ.

Когда Дѣва Марія достигла брачнаго возраста, священники побуждали ее, чтобы она, по примѣру другихъ храмовыхъ дѣвиць, избрала себѣ мужа; но она отказывалась, говоря, что еще съ пеленъ посвящена Богу. Не желая съ одной стороны нарушить обѣтъ ея, а съ другой—исконный обычай, священники совѣщались между собою и потомъ черезъ Захарію обратились съ молитвою къ Богу, испрашивая отъ Него рѣшенія. Господь повелѣлъ Захарію собрать вдовцовъ, взять у каждаго изъ нихъ жезлъ и ждать знаменія. Глашатаи съ трубнымъ звукомъ объявляютъ объ этомъ народу. Услышавъ ихъ призывъ и праведный вдовецъ Іосифъ, повергъ топоръ, которымъ онъ работалъ, и явился въ храмъ. Жезлъ его вмѣстѣ съ другими (въ числѣ 12) былъ положенъ на алтарь Господень, и Захарія ночью молился передъ нимъ. Когда на утро пришли люди, жезлъ Іосифа оказался процвѣтшимъ, а когда Іосифъ взялъ его въ руки, вышелъ изъ жезла голубь и сѣлъ на главу Іосифову. Тогда Дѣва Марія была обручена праведному Іосифу и вручена ему на храненіе.

Излагаемая мною сказанія послѣ эфесскаго собора получили окончательную обработку; но что составныя ихъ части существовали и были извѣстны народу и до тѣхъ поръ, доказывается между прочимъ однимъ сохранившимся въ Провансѣ памятникомъ IV-го вѣка, гдѣ Богоматерь очень неискусно изображена въ видѣ оранты, а надъ нею малограмотная, надпись: *María Virgo minester de tempulo Gerosale* ¹⁾.

Позднѣ жизнь Дѣвы Маріи въ храмѣ, ея совмѣстныя работы съ подругами, добрыя дѣла ея, бесѣды съ Ангеломъ, свидѣтелемъ которыхъ разъ сдѣлался св. Захарія, равно какъ и подробности ея обрученія: совѣтъ священниковъ, объявленіе народу, Іосифъ, бросающій свою работу и поспѣшающій въ храмъ и пр., служатъ предметомъ византійскихъ, а позднѣ и западно-европейскихъ (начиная съ Италіи) миниатюръ, иллюстрирующихъ рукописи, посвященныя прославленію Богородицы. Таковы, на примѣръ, двѣ очень сходныя, превосходно разрисованныя греческія рукописи „Словъ монаха Іакова“ (одна изъ нихъ хранится въ Ватиканѣ, другая въ Парижѣ) XI вѣка.

¹⁾ См. *Rohault de Fleury, Sainte Vierge* II v. Pl. CXVI, ср. I, 51 и слѣд.

Тамъ воспроизводится красками, иногда по нѣскольку разъ, всякій моментъ изъ жизни Дѣвы Маріи съ большой обдуманностью, пониманіемъ дѣла и изяществомъ.

Изрѣдка и не съ такою подробностью отдѣльные эпизоды приводимыхъ мною сказаній воспроизводятся въ фрескахъ и даже въ мозаикахъ православнаго Востока (напримѣръ въ Константинопольской церкви Спаса въ Хорѣ, нынѣ мечети Кахрие—Джамиси) и средне-вѣковой Италиі.

Во время возрожденія изъ этой эпохи жизни Богоматери изрѣдка воспроизводится сцена моленія Захаріи передъ жезлами, лежащими на алтарѣ, и несравненно чаще—сцена обрученія Богоматери съ Іосифомъ. безъ сомнѣнія, памятная всѣмъ по знаменитой картинѣ Рафаэля, который позволилъ себѣ изобразить и то, чего совсѣмъ не знаетъ легенда: какъ другіе женихи, юные и прекрасные, но отвергнутые волею Господа, въ досадѣ ломаютъ жезлы свои.

Такого рода будто бы произвольныя распространенія и добавленія—я называю бы ихъ эпическими—допускаютъ и средне-вѣковые миниатюристы и глубоко-вѣрующіе великіе художники эпохи процвѣтанія искусства. А въ то же время они остаются безусловно вѣрными не только духу церковнаго преданія, но и самому его тексту, во всѣхъ его подробностяхъ, по скольку онъ опредѣляетъ характеры и настроеніе главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Я могу привести доказательство изъ того же Рафаэлева Обрученія. Ни на идеально-прекрасномъ лицѣ юной Дѣвы Маріи, ни на изможденномъ лицѣ Іосифа не видно и слѣда хотя бы скрытой радости. а только глубокое смиреніе, преданность волѣ Божьей и какъ бы слѣды недавно прошедшей душевной борьбы. Обращаемся за разъясненіемъ къ тексту преданія: узнавъ отъ іерея, что онъ долженъ взять Марію „противу рече Іосифъ, глаголя: Сыны имамъ и старъ есмь, оно же есть дѣвица; егда како смѣхъ буду сыномъ Израилевымъ?“¹⁾

Но услышавъ, что за непослушаніе ему грозитъ участь Дафана и Авирона, „убоявъ же ся Іосифъ, поятъ ю въ соблюденіе себѣ“. Съ другой стороны, по словамъ сказанія, часто воспоминаемаго великими проповѣдниками, сильно печалилась о предстоящемъ ей обрученіи Пресв. Дѣва; но особое откровеніе свыше побудило ее безъ боязни идти въ домъ Іосифа, человѣка праведнаго и Ея сродника.

¹⁾ Мак. Миней I, стр. 356.

въ которомъ она будетъ имѣть не супруга, а защитника и обручника ¹⁾.

Вы видите изъ этого, на сколько не скажу, важно, а прямо: необходимо даже для пониманія Рафаэля изученіе церковнаго преданія, главныя основы котораго восходятъ ко временамъ апостольскимъ и свято-отеческимъ.

Я конечно, далекъ отъ предположенія, что учителя Рафаэля или самъ онъ изучали и сводили воедино различныя версіи сказанія, какъ это дѣлаетъ ученый нашего времени. Нѣтъ, это давалось имъ несравненно легче: каждый изъ нихъ зналъ преданіе съ дѣтства, и памяти о немъ постоянно обновлялась у него въ храмѣ Божьемъ, церковными дѣньями, проповѣдью и даже на улицѣ — родной поэзіей. Рафаэль и не могъ написать обрученія иначе, такъ какъ именно такое вѣрное преданію представленіе было у вѣрующаго народа, для созерцанія котораго предназначалась его картина—икона.

Но такъ поступаютъ субъективные художники позднѣйшаго времени: конечно, каждый изъ нихъ тоже желаетъ быть понятенъ зрителямъ (а не простому народу); но въ то же время каждый изъ нихъ желаетъ даже и въ картинѣ на религиозный сюжетъ пронести *свою* идею, показать *свою* изобрѣтательность или ученость, и въ результатъ получается нѣчто очень глубокомысленное, но съ религіей ничего общаго не имѣющее.

Дѣва Марія жила въ Назаретѣ, въ домѣ Іосифа съ дѣтьми его въ то время, какъ ея покровитель отсутствовалъ по дѣламъ своимъ. Священники іерусалимскіе рѣшили изготовить роскошную завѣсу для храма и поручить эту работу 8-ми непорочнымъ дѣвицамъ изъ колѣна Давидова. Слуги нашли только 7 такихъ дѣвицъ; тогда священникъ вспомнилъ объ отроковицѣ Маріи, велѣлъ привести ее къ себѣ и приказалъ собравшимся дѣвицамъ выбрать изъ своей среды ту, которой поручится самая почетная часть работы—прясть пурпуръ. По жребію избрана была для этого Марія. Взявъ драгоценныя матеріалы, она пошла въ домъ свой и стала усердно работать ²⁾.

Разъ пошла Дѣва Марія съ водоносомъ зачерпнуть воды и вдругъ слышитъ голосъ: „Радуйся, возрадованная! Господь съ тобою! Благословенна ты въ женахъ“. Она оглядывается направо и налево, никого не видитъ и съ трепетомъ возвращается въ свое жилище.

¹⁾ Жизнь Пресв. Богородицы, стр. 41.

²⁾ Мат. Миней 356—7.

Это такъ называемое *благовѣщеніе у кладезя* или *Предблаговѣщеніе*, воспроизведеніе котораго въ искусствѣ мы встрѣчаемъ, начиная съ V—VI вѣка ¹⁾, въ такой формѣ: Богоматерь въ видѣ молодой дѣвицы, прекрасно одѣтой, стоитъ на колѣняхъ передъ скалой, изъ которой истекаетъ вода; у Богоматери въ одной рукѣ сосудъ; съ удивленіемъ и страхомъ онъ обертывается назадъ на голосъ ангела, который *изображенъ* стоящимъ сзади нея въ обычной формѣ *благовѣстника*.

Эта композиція съ небольшими измѣненіями—Богоматерь стоитъ во весь ростъ или слегка наклоняется къ водоему, который принимаетъ самыя разнообразныя формы, отъ изящно-античной до русскаго деревенскаго колодезя-сруба—встрѣчается очень часто въ миниатюрахъ греческихъ, армянскихъ и славянскихъ рукописей; ее же видимъ мы въ знаменитой фрескѣ киево-софійскаго собора и въ превосходной мозаикѣ св. Марка въ Венеціи—обѣ XI вѣка ²⁾. Нашъ Даниилъ Паломникъ (XII вѣка) видѣлъ близъ Назарета на разстояніи полета стрѣлы и самый тотъ „св. кладезъ, гдѣ первое бысть Благовѣщеніе Св. Богородицѣ“. Позднѣе на католическомъ западѣ *Предблаговѣщеніе* выходитъ изъ употребленія; у насъ же и другихъ православныхъ оно доживаетъ до XVIII вѣка, при чемъ не всегда является въ связи съ другими моментами житія Богородицы, но встрѣчается и въ видѣ самостоятельной иконы *Благовѣщенія*.

Въ этой композиціи художникамъ представлялась одна техническая трудность: по сказанію, Дѣва Марія только слышитъ голосъ,—мы изъ послѣдующаго догадываемся, что это голосъ архангела—но никого не видитъ. Какъ быть художнику? Изобразить одну Богоматерь, съ трепетомъ озирающуюся? Зритель не пойметъ причины ея трепета. Изобразить архангела? Зритель подумаетъ, что онъ явился Богородицѣ видимо. Уже въ памятникахъ XI вѣка, до насъ дошедшихъ, живописцы своеобразно побѣждаютъ трудность, изображая архангела наверху, въ отдаленіи, что выражается малыми его размѣрами, или находящимся въ небѣ, которое стилизовано сегментомъ голубого цвѣта. Но изображать Богородицу одну, безъ архангела, сколько знаю, никто не рѣшался, и пониманіе, болѣе реальное, побѣждало явно. что видно, на-

¹⁾ См. Оглядъ Миланскаго Евангелія у Н. В. Покровскаго, Евангеліе и проч., рис. Б.

²⁾ См. *Покровскій*, I. с. стр. 22 и слѣд.; дополненія въ моемъ отзывѣ о сочиненіи Н. В. Покровскаго (С.-Пб. 1895 г.) стр. 24 и слѣд.

примѣръ, изъ подписи подъ изображеніемъ этого сюжета у очень умнаго миниатюриста Словъ мниха Іакова: *видѣніе Богородицы берущей воду* ¹⁾). Такое пониманіе композиціи и было, я думаю, причиною того, что Предблаговѣщеніе стало самостоятельной формой иконы Благовѣщенія.

Возвратившись въ свой покой, Дѣва Марія взяла порфиру, сѣла „на престолѣ своемъ“, и начала работу. И вотъ ангелъ Господень сталъ передъ нею, говоря: „не бойся, Марія...“ и такъ далѣе, по Евангелію отъ Луки (I, 30—39).

Благовѣщеніе, какъ одно изъ важнѣйшихъ событій евангельскихъ, издревле прославляемое пѣснопѣвцами и великими проповѣдниками, первый по времени повсемѣстно установленный Богородичный праздникъ (уже въ IV столѣтіи отцы церкви называли его первымъ и всечестнымъ) ²⁾, было, можетъ быть, еще до эфесскаго собора общезвѣстнымъ иконописнымъ сюжетомъ. Уже отъ первой половины V вѣка мы имѣемъ многоличное роскошное его изображеніе въ богатой и прекрасной мозаикѣ Маріи Великой въ Римѣ. На нашей скромной по размѣрамъ выставкѣ вы изходите не менѣе 30 иконъ и картинъ Благовѣщенія. Перечислять всѣ разнообразныя формы, въ которыхъ встрѣчается оно въ продолженіе 15 вѣковъ, было бы слишкомъ долго; я остановлю ваше вниманіе на немногихъ и главнѣйшихъ.

Только-что приведенное мною сказаніе дало древнюю композицію Благовѣщенія съ пряжею, превосходные образцы которой мы имѣемъ уже отъ VI вѣка.

Такимъ „переводомъ“ Благовѣщенія, закрѣпленнымъ церковными преданіемъ и проповѣдниками, украшались не только стѣны храмовъ, но и самыя рукописи *Евангелія*, начиная съ древнѣйшихъ временъ и у насъ до XVII вѣка включительно, а въ „подлинникахъ“, то-есть, въ наставленіяхъ, какъ изображать тотъ или другой сюжетъ, оно встрѣчается и въ XVIII вѣкѣ; на западѣ оно забывается несравненно ранѣе (послѣ XIII вѣка). Рядомъ съ этимъ „переводомъ“ съ VIII столѣтія начинается входить въ употребленіе другой, простѣйшій, по которому Богоматерь изображается сидящею или стоящею безъ рукодѣлья. Первоначально эта композиція, можетъ быть, являлась вслѣдствіе того, что художникъ опускалъ рукодѣлье, такъ какъ не нахо-

¹⁾ *Ὁπτασία τῆς Θεοτόκου ὑδροουμένης. Bordier, Description des peintures etc. Paris 1883, стр. 165.*

²⁾ *Покровский*, I. с., стр. 7.

диль для него основанія въ Евангеліи; но скоро возобладало другое преданіе, подтвержденное высокочтимымъ и на востокѣ и на западѣ греческимъ житіемъ Богородицы, авторъ котораго, іеромонахъ Епифаній, жилъ въ XI столѣтіи; тамъ сказано ¹⁾, что архангелъ Гавріиль засталъ Богоматерь во время ея молитвы; согласно этому преданію Богородицу стали изображать стоящею.

Переводъ Благовѣщенія съ *книгою* возникъ почти одновременно съ предыдущимъ ²⁾; онъ особенно развился на западѣ, а къ намъ перешелъ въ XVI—XVII вѣкѣ. Книга, которую читала Богоматерь въ моментъ появленія архангела, чаще всего—пророчества Исаи, разогнутыя на текстъ: Се дѣва во чревѣ приметъ и пр.; рѣже Псалтырь. Какъ на западѣ, такъ и у насъ этотъ переводъ иногда встрѣчается въ соединеніи съ рукодѣльемъ. Книгу иногда замѣняетъ свитокъ, который не всегда можно отличить отъ прялки.

Нерѣдко встрѣчается композиція Благовѣщенія съ служанкою, которая, чаще всего, сидя у ногъ Богородицы, прядетъ пряжу. Христіанская археологія настолько еще молодая наука, что фигура этой служанки до сихъ поръ остается загадочной: можетъ быть, она представляетъ отзвукъ тѣхъ 2-хъ служанокъ, которыя являются въ нѣкоторыхъ древнихъ изображеніяхъ ради усиленія торжественности событія; можетъ быть, она замѣняетъ спутницъ Дѣвы Маріи или дочерей Іосифа, которыхъ поминають апокрифическія евангелія; можетъ быть, она явилась послѣ того, какъ болѣе точное воспроизведеніе текста Евангелія отъ Луки заставило художниковъ изъять пряжу изъ рукъ Богоматери.

На западѣ, особенно во Франціи, очень сильно развита композиція Благовѣщенія съ цвѣткомъ (чаще всего съ лиліею), который или стоитъ между Богоматерью и архангеломъ, или подносится архангеломъ Богоматери. Популярностью своей эта композиція, безъ сомнѣнія, обязана поэтическому сравненію Чистой Дѣвы съ бѣлой, какъ снѣгъ, лиліею.

На западѣ къ концу среднихъ вѣковъ, по мѣрѣ распространенія сказаній о чудесахъ Богородицы и развитія народнаго культа ея за предѣлы дозволеннаго даже католической церковью, архангелъ въ

¹⁾ Eriphanii monachi et presbyteri edita et inedita cura A. Dressel. Parisiis. 1843, стр. 21.

²⁾ Древнѣйшіе дошедшіе до насъ памятники относятся къ IX вѣку (см. мой отзывъ о книгѣ Н. В. Покровскою стр. 32 и слѣд.); въ IX же вѣкѣ эта композиція въ памятникѣ поэтическомъ является соединенной съ рукодѣльемъ.

изображеніяхъ Благовѣщенія все чаще и чаще принимаетъ позу смиреннаго поклоненія Богоматери, которая въ своей домашней обстановкѣ окружается все большей и большей, часто совсѣмъ царской роскошью.

Спеціально въ XIV вѣкѣ на западѣ распространяется композиція Благовѣщенія съ нагимъ младенцемъ, который изображается летящимъ къ Богородицѣ по лучу свѣта небснаго и съ неумѣстной наглядностью выражаетъ тайну воплощенія.

Зато тотъ же западъ въ эпоху ранняго возрожденія среднихъ вѣковъ создалъ гениальные по своей простотѣ и изяществу образцы душевной красоты, цѣломудрія и смиренія для изображенія Дѣвы Маріи, принимающей небесное благовѣстіе (какъ онъ же создалъ и идеаль цѣломудренной материнской любви и преданности волѣ Божьей въ изображеніи Богородицы съ Младенцемъ). Произошло это въ Италіи, въ которой всегда были сильны византійскія преданія, сдержившія произволь художниковъ и въ то же время смягчаемыя стремленіемъ къ внѣшней красотѣ и выразительности.

Слѣдующій за Благовѣщеніемъ моментъ въ житіи Богоматери — ея свиданіе съ Елизаветою (Лук. I, 39—56)—сталъ предметомъ художественнаго изображенія, начиная съ V вѣка. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ надъ Богоматерью на кровлѣ зданія изображается благословляющій младенецъ Христосъ, надъ Елизаветою—поклоняющійся младенецъ Іоаннъ. Эта странная съ перваго взгляда подробность объясняется вліяніемъ пѣснопѣннѣй и проповѣдей, гдѣ въ уста этимъ еще не рожденнымъ младенцамъ влагаются рѣчи. живописующія тайну искупленія. Но такой „переводъ“ цѣлованія Елизаветы представляетъ явленіе сравнительно рѣдкое ¹⁾: обыкновенно изображаются только двѣ женскія фигуры: Богоматери и Елизаветы, дающія другъ другу цѣлованіе. На православномъ востокѣ положеніе ихъ всегда одинаково—онѣ обнимаются, какъ равныя; на католическомъ западѣ чѣмъ дальше отъ византійскаго иконописнаго типа и чѣмъ ближе къ XV вѣку, тѣмъ почтительнѣе становится поза Елизаветы: отъ полунаклона она доходитъ до колѣнопреклоненія. Подъ вліяніемъ грубоватаго реализма конца среднихъ вѣковъ Елизавета, а иногда и Богоматерь (что совершенно невѣрно исторически) изображаются чреватými.

¹⁾ Мимоходомъ позволяю себѣ высказать предположеніе, что композиція цѣлованія съ 4-мя фигурами повліяла на развитіе столь популярной въ эпоху Рафаэля и послѣдующую композицію Св. Семейства.

Разъясненіе сомнѣній Іосифа тоже встрѣчается въ искусствѣ очень рано (начиная съ VI вѣка); но этотъ сюжетъ не получилъ особаго развитія, тѣмъ болѣе, что онъ не могъ не слиться съ послѣдующимъ *явленіемъ ангела Іосифу*.

Затѣмъ мы опять вступаемъ въ область преданія. Въ домъ Іосифа приходитъ одинъ книжникъ и, увидя положеніе Маріи, спѣшитъ донести объ этомъ архіерею и всему собору¹⁾. Посланные отъ архіерея убѣдились въ справедливости его доноса и привели Іосифа вмѣстѣ съ Дѣвою на судъ. Архіерей горько упрекалъ обрученныхъ; Іосифъ и Марія не признаютъ себя виновными. Тогда, согласно закону²⁾, ихъ осуждаютъ испить *воду обличенія*, чтобы Господь обнаружилъ передъ всѣми преступленіе ихъ (если эту воду изъ рукъ священника испивала женщина виновная, ее постигало для всѣхъ очевидное Божіе наказаніе). Испиваетъ воду обличенія сперва Іосифъ, потомъ Марія; не оказалось на нихъ никакого грѣха, и возвратились они въ домъ свой, слава Бога.

Вотъ, что значитъ та *вода обличенія*, которая встрѣчается такъ часто уже въ VI столѣтіи. Позднѣе сюжетъ этотъ почти исчезаетъ изъ обращенія.

Приблизительно въ такомъ же положеніи и *путешествіе Іосифа и Маріи въ Вилелемъ*; въ апокрифическихъ сказаніяхъ (даже и въ такихъ, которыя вошли, напримѣръ, въ Макарьевскія Минеи) и въ народной поэзіи этотъ эпизодъ украшается многими любопытными подробностями³⁾; но въ искусствѣ онъ не былъ распространенъ между прочимъ и потому, что онъ долженъ былъ изображаться очень сходно съ бѣгствомъ въ Египетъ.

Рождество Христова такой громадной важности художественный циклъ, что было бы не трудно даже при тѣхъ средствахъ, которыми располагаетъ Москва, и въ высокой степени поучительно устроить специальную выставку изъ однѣхъ иконъ и картинъ на этотъ сюжетъ. Типичнымъ для всего православнаго востока можетъ служить его изображеніе въ Менологіи Василя II. Тамъ видимъ мы композицію, уже вполне сложившуюся на основаніи древнѣйшихъ принятыхъ церковью сказаній: тамъ ясно видна пещера, гдѣ, по преданію, произошло со-

¹⁾ Жизнь Пресв. Дѣвы Маріи стр. 64 и слѣд.

²⁾ Числъ V, 12—28.

³⁾ См. моя „Этюды по иконографіи Р. Хр.“ № 1 С.-Пб. 1894 (изд. Имп. Археол. Общества).

бытіе; тамъ вольт и осель, которые воспроизводятся при Рождествѣ Христовомъ, начиная съ катакомбнаго періода; тамъ двѣ женщины, обмывающія Новорожденнаго, изъ которыхъ одна старица Соломонія, родственница Богоматери ¹⁾; тамъ и старый пастырь въ козлиной шкурѣ; тамъ и задумчивый Іосифъ; тамъ, несмотря на скромные размѣры, въ лицѣ и позѣ Богородицы ясно видно соединеніе торжественнаго спокойствія съ сознаниемъ величія совершившагося событія. Православный востокъ въ послѣдствіи развиваетъ эту композицію далѣе, присоединяя къ ней сцену благовѣстія пастырямъ направо отъ зрителя и приходъ волхвовъ съ дарами налѣво. Такимъ образомъ слагается цѣлая художественная поэма, величественная и прекрасная. Западъ послѣ раздѣленія церквей, въ особенности же къ концу среднихъ вѣковъ, напротивъ, показываетъ стремленіе расчленивъ изображеніе Рождества Христова на отдѣльные моменты: отдѣльно изображается поклоненіе Іосифа и Богоматери Новорожденному Спасителю— „переводъ“ сравнительно поздній, но имѣющій основаніе въ древнемъ преданіи ²⁾, благовѣстіе ангеловъ пастырямъ у башни Адеръ, путешествіе волхвовъ, волхвы у Ирода и пр. Соединеніе нѣсколькихъ моментовъ въ одно цѣлое есть характерная черта гіератическаго искусства или иконописи, которая говоритъ не одному зрѣнію и эстетическому чувству, но и чувству религиозному и религиозному настроенію ума; этимъ иконопись отличается отъ простой живописи, которая естественно стремится къ реализму; вы знаете, до чего доходитъ этотъ реализмъ въ изображеніи Рождества Христова у позднихъ нидерландцевъ.

Срѣтеніе, встрѣчается уже въ мозаикѣ Маріи Великой; но праздникъ Срѣтенія, какъ извѣстно, установленъ только при Юстиніанѣ ³⁾ и форма его изображенія ясно опредѣляется только въ IX—X столѣтіяхъ ⁴⁾; на востокѣ она держится въ общихъ чертахъ до нашихъ дней; на западѣ позднѣйшія изображенія допускаютъ едва ли умѣстный произволь художниковъ. Раннія изображенія бѣгства въ Египетъ пока не найдены; но мы имѣемъ рядъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ, что сказаніе объ этомъ событіи существовало въ VI столѣтіи именно съ тѣми чертами, которыя мы находимъ въ

¹⁾ Жизнь Пресв. Дѣвы, стр. 69.

²⁾ Въ гимнѣ Романа Сладкопѣвца мы читаемъ: ἡ Μαρία... τοῦ ἐκ σπλάγγων αὐτῆς κόψασα προσεκύνησεν etc. (Pitra, стр. 3).

³⁾ Жизнь Пресв. Дѣвы, стр. 97.

⁴⁾ Покровский, 1. с. стр. 102.

средневѣковыхъ изображеніяхъ. Въ Менологіи Василя мы видимъ несомнѣнно очень древнюю композицію, въ которой женщина, въ такъ называемой гражданской коронѣ, — символъ страны или *города* Египта (античная богиня Судьбы города), выходитъ на встрѣчу Св. Семейству и готовится принять Господа покровенными въ знакъ почтенія руками. Въ древнихъ миниатюрахъ встрѣчается воспроизведеніе принятаго церковью преданія о деревѣ, преклонившемся передъ Христомъ и Богоматерью, чтобы доставить имъ пищу и убѣжище отъ солища ¹⁾. Въ безчисленныхъ изображеніяхъ 2-ой половины среднихъ вѣковъ мы встрѣчаемъ другія чудеса, происшедшія, по преданію, во время бѣгства въ Египетъ: падаеть со столба темная челоуѣкообразная фигура, представляющая египетскихъ идоловъ, повергшихся въ прахъ передъ истиннымъ Богомъ ²⁾; виденъ сѣятель и чудесно выросшая жатва и пр.

Еще позднѣе въ композицію бѣгства входитъ реалистическая черта: Іосифъ несетъ на плечѣ младенца Христа; въ новое время у нидерландцевъ остановка Св. Семейства на пути въ Египетъ обратилась въ жанровую сцену отдыха утомленныхъ путниковъ среди небольшого оазиса.

Отъ спокойной и радостной, но озаренной глубокой мыслью о грядущей судьбѣ Рожденнаго Ею Пресвятой Дѣвы-Матери древне-христіанская иконографія непосредственно переноситъ насъ къ Богоматери, скорбящей свышчелоуѣческой скорбью у Креста Господня. Богородица изображается у Распятіяhalbъ отъ зрителя даже и въ тѣхъ древнихъ памятникахъ, гдѣ на крестѣ нѣтъ еще и Самого Распятаго, а только преобразующій его агнецъ или бюстъ. Въ сирийскомъ Евангеліи Раввулы 586 г. художникъ хотъ и отвелъ Богородицѣ второе мѣсто за апостоломъ Іоанномъ, но видимо употребилъ усилія, чтобы пояснѣе выяснитъ Ея великое горе ³⁾. Рано въ этомъ отношеніи церковная пѣснь и проповѣдное слово состязаются съ искусствами пластическими; но древне-христіанская иконопись при тѣхъ скромныхъ техническихъ средствахъ, которыми располагала она, и притомъ строгомъ и торжественномъ, мало подвижномъ характерѣ, который приобрѣла она съ V—VI вѣка, не могла равняться по вырази-

¹⁾ См. Жизнь Пресв. Дѣвы стр. 103, ср. 105.

²⁾ Ibid., 102 и 104.

³⁾ Одно изъ лучшихъ средствъ антигеа скорби Ея и другихъ близвкихъ Спасителю лицъ равнодушію воинвоу римскихъ.

тельности съ гибкимъ и впечатлительнымъ воодушевленнымъ чело-
вѣческимъ словомъ; сами художники, сознавая слабость силъ своихъ
сравнительно съ поэтами и ораторами, придавали Богоматери у креста
жестъ говорящей; оттого такъ рано и въ такомъ совершенствѣ и
развиваются во всѣхъ христіанскихъ литературахъ Плачи Богородицы.

Но вотъ въ Италіи въ эпоху Данта вмѣстѣ съ развитіемъ народ-
наго самосознанія совершенствуется на почвѣ византійскаго преда-
нія художественная техника, и немедленно появляются чудныя своей
простотою и выразительностью религіозныя картины, съ изображе-
ніемъ страдающей Матери Божественнаго Сына, въ лицѣ и позѣ
Которой величайшая скорбь соединена съ полнымъ отрѣшеніемъ отъ
себя и преданностью волѣ Божьей.

Какъ исторія христіанской поэзіи различаетъ два Плача Богома-
тери: первый у подножья креста, а второй надъ тѣломъ Спасителя,
такъ и въ христіанскомъ искусствѣ извѣстны два тому соотвѣтствен-
ныя изображенія Скорбящей Богородицы ¹⁾. Въ позднемъ западномъ
искусствѣ *Mater Dolorosa* часто сливается въ себѣ оба момента; но
второй моментъ существуетъ и отдѣльно въ массѣ картинъ, нося-
щихъ техническое италіанское названіе *pietà*. Къ намъ на Русь эта
композиція попала съ запада еще въ XVI вѣкѣ, какъ доказываетъ
послание Максима Грека „объ образѣ *уманіе, піетасъ*“. А priori
можно бы думать, что эта композиція есть специальный продуктъ
католическаго запада, но и это оказывается не такъ: при императорѣ
Мануилѣ (1143—1180 г.) изъ Эфеса въ Византію былъ перенесенъ
камень, на которомъ лежало тѣло Иисусово и были видны слѣды
слезъ Богородицы ²⁾; камень описывается такимъ образомъ, что ста-
вить почти внѣ сомнѣнія существованіе соотвѣтствующей иконы. Въ
эпоху самостоятельнаго созданія глубокомысленныхъ многоличныхъ
иконъ-поэмъ на Руси эта композиція вошла какъ важная часть въ
иконы: „Единородный Сынъ Слово Божіе“ ³⁾ и „Не рыдай мене
мати“, прекрасный экземпляръ которой вы можете видѣть.

Изъ послѣвоскресныхъ евангельскихъ событій Богоматерь съ
древнѣйшихъ временъ изображается въ Вознесеніи; она стоитъ по
средиѣ иконы въ позѣ оранты и не смотритъ на возносящагося
Сына. Такой „переводъ“ на Руси сохраняется неизмѣнно до нашихъ

¹⁾ О Плачахъ и ихъ изображеніяхъ см. въ моей статьѣ: Взаимодѣйствіе
иконописи и словесности. М. 1895 (изд. Арх. Общества).

²⁾ *I. Cippati* VI, 8 (Bonn. 277).

³⁾ См. у Буслаева, Общія понятія о русской иконописи, стр. 11.

дней и въ иконахъ двенадцатыхъ праздниковъ и, особенно, въ складныхъ, тогда какъ на западѣ беретъ перевѣсъ болѣе реальное изображеніе, въ которомъ Богородица и съ радостью, и съ горемъ вмѣстѣ простираетъ руки къ покидающему землю Спасителю. Несмотря на надпись у головы Богородицы МР ΘΥ, я склоненъ видѣть въ древнемъ переводѣ въ женской фигурѣ церковь торжествующую, точнѣе: столь обычное и у пѣснотворцевъ и у проповѣдниковъ слияніе Богородицы съ олицетвореніемъ церкви ¹⁾.

Церковное преданіе знаетъ рядъ событій изъ житія Богородицы по вознесеніи Спасителя: ея пребываніе въ домѣ Іоанна Богослова на горѣ Сіонской ²⁾, посѣщеніе ею горы Аѳонской ³⁾; свиданіе ея съ Діонисіемъ Ареопагитомъ ⁴⁾, частыя посѣщенія ею мѣстъ Страстей Господнихъ и горы Аѳонской, и обстоятельно разказываетъ объ ея блаженномъ Успеніи (какъ архангелъ Гавриилъ предувѣдомилъ ее за 3 дня до событія и вручилъ ей при этомъ вѣтвь изъ рая; какъ Богородица поклонилась масличныя деревья на горѣ Аѳонской ⁵⁾; какъ она сказала о предстоящей кончинѣ своей близкимъ людямъ и утѣшала ихъ: какъ при громѣ на облакахъ явились, согласно ея желанію, апостолы, какъ въ самый день успенія возлежала она на одрѣ, ожидая отхода души, какъ разверзся потолокъ въ палатѣ и явился Христосъ съ херувимами и серафимами и принялъ ея пречистую душу ⁶⁾; какъ апостолы провожали ея тѣло изъ Сіона черезъ Іерусалимъ въ Геесиманію съ пѣніемъ псалма: *Во исходѣ израильтъ*; какъ іудеи хотѣли помѣшать погребенію и сжечь пречистое тѣло; какъ ангелы наказали ихъ слѣпотою; какъ священникъ Афонія положилъ свои руки на гробъ Богородицы, и онѣ были отрублены невидимымъ мечомъ ангела, но по молитвѣ апостола Петра исцѣлились, когда Афонія увѣровалъ; какъ апостолы погребли тѣло въ пещерѣ въ Геесиманіи, какъ на третій день пришелъ Ѳома, и апостолы ради него открыли гробъ Пречистой, но нашли тамъ только одну плащаницу; какъ, наконецъ, послѣ ихъ совмѣстной трапезы явилась имъ Богородица и возвѣстила о своемъ вознесеніи ⁷⁾.

¹⁾ Труды VI арх. съѣзда. Одесса 1884. т. III, стр. 387—395.

²⁾ Жизнь Пресвятой Дѣвы, стр. 140.

³⁾ Ib. 128.

⁴⁾ Ib. 131.

⁵⁾ Ib. 142.

⁶⁾ Ib. 148.

⁷⁾ Ib. 156.

Сказаніе это въ основныхъ чертахъ своихъ было извѣстно и признано церковью уже во 2-й половинѣ V столѣтія ¹⁾, стало быть, почти непосредственно послѣ эфесскаго собора. Изображенія его дошли до насъ только отъ X вѣка, приблизительно въ той самой простѣйшей формѣ, которая въ нашей иконописи удерживается и доселѣ: Богоматерь лежитъ на одрѣ, окруженная апостолами; Христосъ стоитъ за ея одромъ и принимаетъ чистую душу ея, символически изображаемую въ видѣ младенца въ бѣлой одеждѣ. Позднѣе на востокѣ (можетъ быть, именно у насъ на Руси) устанавливается переводъ, соединяющій этотъ моментъ съ нападеніемъ Афоніи; католическій западъ разрабатываетъ третью форму, тоже имѣющую для себя традиционную основу (1-й по времени памятникъ—IX столѣтія): вознесеніе Богоматери, всѣмъ вамъ извѣстную по идеально-прекрасному произведенію Тиціана. Сѣверный ультрареализмъ новаго времени превращаетъ Успеніе въ бытовую сцену смерти благочестивой женщины, одр которой окружаютъ преданные ей друзья.

Перечисляя иконописныя Богородичныя композиции, я не могу не упомянуть о такъ называемомъ *деисусѣ*, который вы имѣете здѣсь отъ X—XII вѣковъ. *Деисусъ* отъ греческаго слова *δέησις* — *моленіе* есть трехличная икона, на которой по срединѣ изображенъ Спаситель, а по сторонамъ отъ него Богородица и Іоаннъ Предтеча, умоляющіе Его за родъ христіанскій; эти два лица являются главными нашими заступниками по своимъ заслугамъ передъ Христомъ ²⁾. На Руси эта икона въ простомъ или сложномъ видѣ (къ Богоматери и Крестителю, но далѣе отъ центральной фигуры Спасителя, присоединяются архангелы Михаилъ и Гавріиль, апостолы Петръ и Павелъ и святители) была до того распространена, что иные называютъ всѣ старыя иконы *деисусами*. Та же композиція, хотя безъ этого названія и нѣсколько въ иной обстановкѣ часто встрѣчается и на западѣ въ концѣ среднихъ вѣковъ.

Начало ея опять-таки надо искать въ Византіи въ тотъ же періодъ послѣ эфесскаго собора: первое датированное упоминаніе о ней мы находимъ въ VII вѣкѣ у Софронія изъ Дамаска, сперва софиста, а съ 629 года патріарха Іерусалимскаго; въ Похвалѣ святыхъ Киру

¹⁾ См. мое изслѣдованіе объ Успеніи въ Трудахъ VI съѣзда. Одесса. 1888. Т. II, стр. 207 и слѣд.

²⁾ См. мою статью: Деисусъ на востокѣ и на западѣ, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1893 года, № 11, стр. 1—27.

и Иоанну онъ говоритъ: „Придя въ храмъ нѣкій... увидали мы величайшую и удивительную икону; въ срединѣ ея красками написанъ Христосъ; налѣво Мать Христа. Госпожа наша Богородица и Приснодѣва Марія, а направо Креститель самого Спаса и Предтеча“. Положимъ, лицо, которое это разказываетъ, видѣло все это во снѣ, но вѣдь во снѣ люди видятъ то, что знакомо имъ въ дѣйствительности. Къ VII же вѣку, по всей вѣроятности, относится миниатюра съ деисусомъ въ Ватиканской рп. Космы Индикоплова. Отъ X вѣка мы имѣемъ цѣлый рядъ деисусовъ, гдѣ идея моленія за родъ христіанскій выражена очень явственно. Эта композиція тѣсно связана съ древнѣйшими литургическими памятниками и церковными пѣснопѣвными.

Итакъ, изъ краткаго обзорѣнія отдѣльныхъ композицій оказывается, что всѣ главные моменты иконографіи Богоматери намѣчены почти непосредственно послѣ побѣды православія надъ несторіанствомъ и намѣчены, конечно, въ томъ уголкѣ міра, который тогда былъ единственныи хранителемъ и носителемъ цивилизаціи — въ византійской имперіи. Благочестивымъ художникамъ оставалось только развивать дальше и закрѣплять намѣченное въ согласіи съ церковнымъ преданіемъ и духомъ времени.

Въ VI и VII столѣтіяхъ устанавливается нѣсколько новыхъ праздниковъ въ честь Богоматери и тогда же, именно въ 626 году, является самый крупный фактъ Богородичной поэзіи — акакистъ (то-есть несѣдальный гимнъ) патріарха Сергія, начинающійся словами: *Взбранной воеводитъ побѣдительная*.

Но вотъ въ первой половинѣ VIII столѣтія возникаетъ новая ересь, направленная специально противъ церковнаго искусства — иконоборство. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сопротивленіе большинства возбуждаетъ страсти и увеличиваетъ требованія меньшинства, въ началѣ побѣдоноснаго въ силу участія въ немъ императора. Левъ Исаврянинъ возстаетъ только противъ иконъ, да и то сдержанно. Наслѣдникъ его Константинъ Копронимъ отвергаетъ не только иконы, но и монашество и *почитаніе Богоматери*. Ожесточенная борьба длится болѣе ста лѣтъ; во время ея гибнетъ множество памятниковъ христіанской древности, и умами многихъ овладѣваетъ религіозный индифферентизмъ. Но такъ какъ большая часть народа и духовенства за иконы и Богородицу, то въ концѣ концовъ и иконографія и почитаніе Богородицы развиваются сильнѣе прежняго. Именно во время иконоборства возникаетъ и крѣпнетъ сказаніе

о портретной иконѣ Богоматери, писанной евангелистомъ Лукою ¹⁾. Въ богословскихъ и литературныхъ трудахъ Іоанна Дамаскина, выдающагося борца за почитаніе иконъ, православное ученіе о Богородицѣ достигаетъ полной опредѣленности и кульминаціоннаго пункта своего развитія для православнаго міра.

Въ IX—X столѣтіяхъ, послѣ побѣды иконопочитанія, въ Византіи окончательно устанавливаются типичныя композиціи, сохранившіяся въ православіи нерушимыми; въ это время византійскія лѣтописи переполнены постоянными указаніями на высокое почитаніе Богоматери, но въ предѣлахъ и направленіи, указанныхъ церковью. Приведу на выборъ нѣсколько мелкихъ, но, какъ мнѣ кажется, характерныхъ фактовъ: когда Никита Фокѣ въ 960 году явился съ войскомъ на островъ Критъ (до тѣхъ поръ принадлежавшій арабамъ) и осадилъ столицу его Хандакъ, въ его лагерь въ три дня была выстроена церковь въ честь Богоматери: военной пѣснью византійцевъ въ это время служилъ гимнъ Богородицѣ; возбуждая солдатъ къ приступу, Никифоръ показываетъ имъ въ облакахъ Матерь Божию, благословляющую войско христіанское; около нея находятся свв. Димитрій, Георгій, два Феодора (Стратилать и Тиронъ—все это свв. воины) и Михаилъ архангелъ; Вседержитель возлагаетъ ей десницу на главу, какъ бы одобряя тѣмъ ея заступничество ²⁾. Когда византійскіе императоры съ побѣдой возвращались въ столицу и имъ устраивали триумфъ, они не становились на торжественную колесницу, а шли пѣшкомъ; на колесницу же ставили икону Богоматери, какъ истинной побѣдительницы невѣрныхъ. Этотъ характерный обрядъ въ употребленіи и при Комненахъ въ концѣ XII вѣка, когда Византія уже уступила передовую роль въ умственной жизни западу.

Сильный переломъ въ духовной жизни Европы совершился въ концѣ перваго тысячелѣтія христіанской эры: до тѣхъ поръ западъ отличался крайнимъ консерватизмомъ и нерасположеніемъ къ новшествамъ, разумѣется, главнымъ образомъ вслѣдствіе своей умственной

¹⁾ Первое извѣстіе о евангелистѣ Лукѣ, какъ живописцѣ Богоматери, мы встрѣчаемъ у монаха Михаила, ученика Феодора Студита, въ житіи послѣдняго (*Порфирій Успенскій*, Авоны I, 1, 321). Пресвященный Порфирій не вѣритъ этому преданію (ib. 322), такъ какъ евангелистъ Лука былъ по специальности врачъ, а не живописецъ, и такъ какъ Евсевій и др. ранніе источники ничего объ этомъ не знаютъ. Основа легенды, безъ сомнѣнія, въ томъ, что Евангеліе отъ Луки сообщаетъ наиболѣе свѣдѣніи о Пресвятой Дѣвѣ.

²⁾ *Schlumberger*, Un empereur byzantin etc. Paris. 1890, стр. 88 и слѣд.

и художественной бѣдности: его будто на буксирѣ ведетъ за собою вѣчноволнующійся, умственно энергичный византійскій востокъ. Даже при Карлѣ Великомъ, когда этотъ востокъ раздѣлился на двѣ партіи, западъ осторожно держится золотой середины; а когда иконопочитаніе побѣдило, западъ смиренно плетется за Византіей, какъ ученикъ за учительницей. Но это было уже въ послѣдній разъ.

Послѣ перелома роли мѣняются: западъ, предоставленный, вслѣдствіе раздѣленія церковей, самому себѣ, уже не стѣсняясь преданіемъ, идетъ все дальше и дальше въ самостоятельной разработкѣ религиозныхъ представленій и создаетъ новыя формы христіанскаго искусства, тѣсно связанныя съ новой христіанскою поэзіей на родномъ языкѣ, которая именно къ тому времени появляется во всѣхъ передовыхъ странахъ Европы.

Съ поразительною очевидностью это можно показать на нашемъ сюжетѣ.

Ни одинъ объективный изслѣдователь не станетъ отвергать, что въ началѣ среднихъ вѣковъ западъ относился къ Богородицѣ холоднѣе востока: даже во время раздѣленія церковей латыняне часто называли Богородицу только *блаженной* или *святой*. У византійцевъ Благовѣщеніе называется Благовѣщеніемъ святой или пресвятой Богородицы; на западѣ оно большею частію только Благовѣщеніе Господне и т. д. Не то послѣ 1000 года: Петръ Даміани уже въ XI столѣтіи называетъ Дѣву Марію *обоготворенною*, говоритъ о томъ, что Господь предызбралъ ее для обновленія всего имъ созданнаго. По Ансельму Кентерберійскому (род. 1033), „Богъ есть отецъ всѣхъ созданий, Дѣва Марія—мать всѣхъ вещей возсоздаваемыхъ“. Въ томъ же XI вѣкѣ въ монастыряхъ въ честь ея совершаютъ особую службу и ей посвящаютъ субботу, подобно тому, какъ Христу посвящено воскресенье. Создается особый *Псалтырь* богородичный, а позднѣе и особая *Библия* Богородицы. Въ особенности въ памятникахъ національной поэзіи культъ Мадонны переходитъ всякую мѣру: въ одной французской молитвѣ она называется Матерью св. Троицы; одна исландская молитва прямо говоритъ, что Мадонна должна быть почитаема выше Христа; въ нѣмецкомъ эпосѣ вся практика христіанства сводится прежде всего къ Ave Maria: обращая язычниковъ, герой научаетъ ихъ богородичной молитвѣ, и дѣло кончено. Въ многочисленныхъ старофранцузскихъ миракляхъ достаточно повторяютъ эту молитву, чтобы не только удостоиться царствія небеснаго, но и въ земной жизни пользоваться милостью Господней, даже совершая

преступленія и живя въ сквернѣ грѣховной. Противъ такихъ преувеличеній, небывалыхъ на православномъ востокѣ, уже въ XIV вѣкѣ раздаются обличенія и протесты богословствъ; но масса общества не слушаетъ и даже не слышитъ ихъ.

Въ области искусства эта наивная вѣра народа отражается въ грубо сдѣланныхъ коронованныхъ статуяхъ Мадонны съ Христомъ и въ плохихъ иконахъ, гдѣ царственность и всемогущество Богоматери выражается роскошью одежды и многочисленной ея свитой изъ святыхъ и ангеловъ. У художниковъ передовыхъ и размышляющихъ, въ періодъ такъ называемой *ютики*, въ ликахъ Богоматери выражается полное презрѣніе къ радостямъ земной жизни и до болѣзненности сильное стремленіе къ небу. Худое изможденное лицо, худыя руки, крѣпко сжатыя въ истерической молитвѣ, не красивыя однообразныя складки одежды; жизнь—только въ горящихъ глазахъ. Такъ и кажется, что она добровольно вырвется изъ тяготящей ее оболочки и вознесется къ небу, блаженство котораго, неописуемое на языкѣ человѣческомъ, закрыто отъ зрителя неискусно сдѣланными облаками.

Но вотъ въ европейскомъ обществѣ раздается сперва слабо, а потомъ все сильнѣй и сильнѣй призывъ къ новой полной жизни, къ возвращенію униженной плоти ея законныхъ правъ. Великій Панъ, о смерти котораго возвѣстили 1.000 лѣтъ назадъ, снова ожилъ. Возстаютъ изъ пыльныхъ гробовъ своихъ памятники античнаго искусства. Художники прилежно изучаютъ ихъ, изучаютъ и тѣло человѣческое и глубоко проникаются чувствомъ красоты формы и ея соответствія содержанію и чувствомъ мѣры; а вѣра ихъ еще жива и искренна; она только просвѣщена и усовершенствована наукой; да и работаютъ они для общества и просвѣщеннаго и вѣрующаго. Тогда то настаетъ золотой вѣкъ искусства, вѣкъ Сикстинской Мадонны, вѣкъ Рафаэля, Корреджіо, Микель Анжело и Гольбейна.

Для религіознаго искусства этотъ вѣкъ очень не продолжителенъ; плоть, такъ недавно освобожденная отъ веригъ аскетизма, забираетъ слишкомъ много силы, и даже у гениальнаго Тиціана Богородица и Христосъ неумѣренно тѣлесны и реальны; а его ученики, нидерландцы и Дюреръ обращаютъ религіозныя картины въ бытовыя или историческія. Мадонны Гвидо Рени и Дольчи при всей изумительной красотѣ своей и силѣ экспрессіи рѣдко кому могутъ внушить молитвенное настроеніе. Только въ Испаніи у Мурильо живо и напряженно религіозное чувство; но тамъ оно уже переходитъ въ экстазъ, опять такъ не здоровый и мало доступный народу. Но

было бы несправедливо утверждать, что на католическомъ западѣ послѣ возрожденія изсякли въ массѣ вѣра и религиозное творчество, и предметъ нашей выставки представляетъ очевидное тому доказательство.

Борьба съ реформою даетъ новый толчекъ развитію легенды и иконографіи Мадонны, которое и продолжается непрерывно почти до нашихъ дней. То обстоятельство, что передовые люди перестали жить религиозными интересами, не только не препятствуетъ этому движенію, а даже какъ будто ускоряетъ его ненормальный ростъ, освобождая отъ критики.

Отъ XVII — XVIII вѣковъ осталась цѣлая литература видѣній, преимущественно имѣвшихъ мѣсто въ женскихъ монастыряхъ южной Франціи, Италіи, Испаніи; монахини вели длинныя бесѣды съ Богоматерью, спрашивали ее о ея земной жизни и узнавали новыя до тѣхъ поръ никому неизвѣстныя подробности. Въ концѣ 40-хъ и 50-хъ нынѣшняго столѣтія во Франціи производилась масса слѣдствій о явленіяхъ Богоматери (преимущественно въ горныхъ странахъ) дѣтямъ и дѣвушкамъ; постоянно появляются новые типы иконъ Мадонны до *Notre Dame des chemins de fer* съ локомотивомъ включительно. По тѣсной связи съ этимъ неправильнымъ и нездоровымъ развитіемъ культа, даже и лучшія по технику религиозныя картины на Богородичные сюжеты лишены равновѣсія между идеей, иногда очень глубокомысленной, и формою, большею частію черезъ чуръ реальною.

Въ послѣднее время и на западѣ довольно замѣтно, хотя и спорадически, сказывается стремленіе вернуться къ византійской старинѣ, стремленіе, въ которомъ искусству подаетъ руку археологія.

Вотъ все, что я имѣлъ предложить вашему вниманію въ видѣ бѣзглаго комментарія къ выставкѣ. Простите, что вмѣсто полнаго идеями толкованія художественнаго я далъ вамъ только небольшой рядъ историческихъ справокъ, вѣроятно для многихъ изъ васъ не новыхъ. Но я не художникъ, а историкъ, и къ тому же я глубоко убѣжденъ, что эстетическое *созерцаніе* не нуждается въ комментаріи, а что одно эстетическое *сужденіе*, безъ исторической основы, ведетъ къ ошибкамъ, часто крайне опаснымъ. въ особенности, если въ нихъ впадаетъ цѣлое поколѣніе вліятельныхъ дѣятелей. Примѣръ у всѣхъ передъ глазами: наша академическая церковная живопись XVIII и начала XIX вѣковъ (иконопись въ тѣсномъ смыслѣ въ огромномъ большинствѣ случаевъ оставалась вѣрна преданію), слѣпо преклонявшаяся передъ узкопонятымъ эстетическимъ достоинствомъ поздняго

италіанскаго и нѣмецкаго искусства, почти убила въ нашихъ дѣдахъ и отцахъ чувство религіозно-національнаго самосознанія и едва не сдѣлала насъ и въ художественномъ отношеніи, по рѣзкому, но пластичному выраженію Достоевскаго, *международной обиммой*. Только благодаря изученію родной художественной старины, которая коренится на древности обще-христіанской, создается на нашихъ глазахъ настоящее, не по имени только *русское* искусство, которое, будемъ надѣяться, внесетъ новое слово и въ искусство всемірное.

А. Кириичниковъ.

ЗАПАДНО-РУССКАЯ СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА ВЪ XVI ВѢКѢ.

Въ послѣднее время по вопросу о сельской общинѣ въ предѣлахъ литовско-русскаго государства появились въ литературѣ два противоположныя мнѣнія. Проф. Владимірскій-Будановъ въ весьма удачной статьѣ своей о формахъ крестьянскаго землевладѣнія въ литовско-русскомъ государствѣ ¹⁾, указавъ на немногочисленныя данныя о сельской общинѣ, извѣстныя изъ изданныхъ источниковъ, пришелъ къ заключенію о существованіи сельской общины въ западно-русскихъ земляхъ. Главная основа западно-русской общины—общинное владѣніе землей. „Земли всего села,—говоритъ почтенный ученый,—нѣкогда состояли въ распоряженіи цѣлаго села, которое уже потомъ дѣлится на дворища, а нѣкоторыя оставляетъ въ общемъ владѣніи, и что это послѣднее можетъ состоять не только въ угодьяхъ (лѣсныхъ входахъ, бортяхъ, правѣ охоты и др.), но и въ обработанныхъ участкахъ; обработка совершается сообща“ ²⁾. Въ непосредственной связи съ сельскою общиною находится община волостная, потому что „административное единство волости состоитъ въ весьма близкой связи съ хозяйственнымъ и землевладѣльческимъ значеніемъ ея“ ³⁾. Хотя авторъ и предвидитъ возраженія, вслѣдствіе неполноты нашихъ свѣдѣній, какъ о сельской, такъ и о волостной общинѣ, но тѣмъ не менѣе приписываетъ волости широкое значеніе въ сферѣ имущественныхъ интересовъ: въ числѣ волостныхъ распорядковъ „важнѣйшіе относятся къ распредѣленію земельныхъ имуществъ;

¹⁾ *Кіевскій Сборникъ*, изд. подъ ред. И. В. Лучицкаго, Кіевъ, 1892 г

²⁾ *Ibid.*, p. 377.

³⁾ *Ibid.*, 380.

отсутствіемъ данныхъ трудно объяснять отсутствіе самаго института разъ есть хотя бы и слабые на него намеки¹⁾.

Совершенно иначе представляется данный вопросъ г. Любавскому. По его мнѣнію, „явленія сельской и волостной солидарности и даже общиннаго владѣнія съ нѣкоторыми угодьями и пахотными землями объясняются и безъ предположенія, что вся земля нѣкогда состояла во владѣніи и пользованіи села или волости“²⁾.хлопоты крестьянъ о цѣлостности волости, участіе ихъ въ общихъ повинностяхъ, появленіе цѣлой волости на судѣ, существованіе общинныхъ угодій—все это можетъ быть объяснено, какъ „простая сосѣдская и повинностная солидарность“. „Что касается права сельскихъ общинъ участвовать въ раздачѣ свободныхъ участковъ, то г. Владимірскій-Будановъ не приводитъ для своего утвержденія данныхъ источниковъ. Въ актахъ „... намъ не попадалось ни малѣйшихъ признаковъ этого участія“³⁾.

Само собою разумѣется, что общее владѣніе землею служитъ весьма важнымъ признакомъ существованія общины. Но и самые усердные защитники общины склонны признавать за главный признакъ общинной жизни не тотъ или иной способъ владѣнія землею, а самый фактъ владѣнія, когда община по отношенію къ общинному имуществу является юридическимъ лицомъ⁴⁾. Кромѣ связи по общинному владѣнію землею (хотя бы въ видѣ угодій), община соединена цѣлымъ рядомъ разнообразныхъ интересовъ матеріальныхъ и нравственныхъ⁵⁾. Все это уже представляетъ признаки общинной жизни.

Но прежде чѣмъ приступить къ описанію формъ общинной жизни въ Западной Россіи, необходимо указать на то, что изслѣдователю приходится наблюдать общину при весьма неблагоприятныхъ условіяхъ

Наши источники—преимущественно акты, вышедшіе изъ государственной канцеляріи. Эти акты рѣдко касаются деталей внутреннихъ распоряжковъ областной жизни. Но и независимо отъ источниковъ самое теченіе исторической жизни въ литовско-русскомъ государствѣ складывалось неблагоприятно для полнаго развитія общинныхъ порядковъ. Первая половина XVI вѣка—время постепеннаго закрѣпощенія крестьянства и развитія крѣпостнаго землевла-

¹⁾ Ibid., p. 383.

²⁾ Областное дѣленіе, p. 470.

³⁾ Ibid., p. 468.

⁴⁾ *Кавеличъ*, Общинное владѣніе, pp. 15 и 11.

⁵⁾ Ср., напримѣръ, *Соколовскій*, Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, С.-Пб., 1877, p. 136.

дѣнія въ связи съ развитіемъ шляхетскихъ вольностей. Рядомъ съ этимъ правительство да и частные владѣльцы усиленно перестраиваютъ и городскія общины, отрывая ихъ отъ волостныхъ, и сельскія на нѣмецкое право, съ которымъ неразлучно связывалась и волочная система. Всѣ эти условія разрушительно дѣйствовали на сельскую общину. Тѣмъ не менѣе, слѣды ея гораздо ощутительнѣе, чѣмъ это предполагаютъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется имѣть въ виду преимущественно волостную общину. Проявленія общинной жизни села весьма незначительны; въ источникахъ не всегда возможно отдѣлать село отъ волости, такъ и само понятіе о селѣ не отличалось полною опредѣленностью, какая имъ придается теперь. Въ половинѣ XV вѣка, напримѣръ, волость имѣетъ весьма неопредѣленное значеніе: великій князь Казимиръ даетъ одному земнину „волость у Богдановичохъ селе“ всего 8 человекъ ¹⁾, при чемъ волость является видовымъ понятіемъ по отношенію къ селу. Только къ началу XVI вѣка волость и село пріобрѣтаютъ болѣе точный смыслъ, при которомъ волость понимается, какъ административная единица съ извѣстнымъ центромъ—городомъ, замкомъ. Но нѣтъ надобности думать, что центральное правительство устанавливало само географическіе районы волостей: оно, конечно, воспользовалось уже существовавшею организаціей. Нужно, притомъ, принять въ расчетъ, что въ Западной Россіи, какъ и въ Московскомъ государствѣ, села были весьма незначительны: *селцо* чаще всего состояло изъ 1—5 дворищъ, службъ или жеребьевъ ²⁾. Въ основѣ дворищъ лежитъ семейно-родовая организація. Союзы дворищъ и службъ и составляли сельскую или волостную общину. Но даже и въ половинѣ XVI вѣка волостныя общины были невелики: Гомельская волость состояла изъ 32 селъ, въ которыхъ было всего 88 службъ или 202 дыма ³⁾—ве-

¹⁾ Книга даннѣй велик. князя Казимира, стр. 6, документовъ, издаваемыхъ мною при Моск. арх. мин. вост. (въ отд. оттискахъ это изданіе выйдетъ подъ заглавіемъ „Акты Литовско-русскаго государства“, т. II. Ссылки на *первый* томъ Актовъ Литовско-русск. госуд. дѣлаются на документы, издаваемые мною въ „Чтеніяхъ“ Общ. Ист. и Др. Росс. Такъ какъ оба изданія выйдутъ въ свѣтъ въ весьма непродолжительномъ времени, то считаю болѣе удобнымъ сослаться не на листы рукописей, а на страницы обохъ томовъ).

²⁾ См. *Леонтовичъ*, „Крестыянскій дворъ и пр.“ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1896 г.

³⁾ Акты Вил. Арх. Ком., XIII, р. 343.

личина нашего небольшого села. Въ Гомельской волости былъ одинъ ея представитель — старецъ. Но иногда, хотя извѣстная территория выступаетъ передъ правительствомъ — какъ одинъ округъ, волость, въ ней, однако, оказывается по нѣскольку общинъ съ отдѣльными представителями-старцами. Иногда сами правительственные документы даютъ поводъ думать, что въ волости по нѣскольку старцевъ ¹⁾, а изъ описанія Оршанской волости мы узнаемъ, напримѣръ, что въ каждомъ селѣ, величиною около 20 дымовъ, былъ старецъ ²⁾, слѣдовательно волость дѣлилась на нѣсколько сельскихъ общинъ, слагавшихся въ одну волостную. Въ виду этого вполне правдоподобно, что центромъ общинной жизни было не село собственно, а волость ³⁾.

Мы начнемъ наше знакомство съ западно-русскою общиной не съ положительной ея стороны, а, такъ сказать, съ отрицательной. Община въ изслѣдуемый моментъ падаетъ; съ изученія причинъ распавенія ея мы и будемъ знакомиться съ ней. Борьба волостей съ врядниками на податной почвѣ является тою стороною общинной жизни, которая чаще всего встрѣчается въ нашихъ источникахъ.

Въ Поддѣбрскихъ волостяхъ повсемѣстно еще въ началѣ XVI вѣка повинности раскладываетъ скарбъ не на каждого плательщика налоговъ, но на цѣлую волость; волость уже дѣлаетъ самостоятельно разрубъ на отдѣльныхъ плательщиковъ. Финансовые интересы были для волости самыми острыми интересами. Каждый державца хотѣлъ собрать съ волости возможно большее количество волостельскихъ доходовъ; рядомъ съ податями державцы или его слуги устанавливали новины. Между тѣмъ благосостояніе волости уменьшалось отъ раздачи селъ и дворищъ служилымъ людямъ, отъ того, наконецъ, что крестьяне уходили изъ волости на помѣщичьи земли и пр. Вслѣдствіе этого происходили столкновения между урядомъ и волостью; волость обращалась къ королю. Мы возьмемъ нѣсколько такихъ примѣровъ. Эти примѣры наглядно покажутъ намъ, въ какихъ неблагоприятныхъ условіяхъ находилась волостная община.

Около 1536 г. королю жаловались представители Могилевской во-

¹⁾ Кн. Записей Лит., XV, г. 172.

²⁾ *Довнаръ-Запольскій*, Акты Литовско-русс. госуд., т. II, р. 122 и сл.

³⁾ Ср. *Чичеринъ*, Опыты по исторіи русскаго права, стр. 26. На сѣверѣ Россіи и въ настоящее время сельская община составляется иногда изъ 20 и болѣе поселковъ, столь же небольшихъ, какъ и западно-русскія селца, ср. *Соколовскій*, *op. cit.*, стр. 161 и сл.

лости на державцу своего кн. Вас. Ив. Соломорецкаго. Оказывается, что волощане могилевскіе заключили съ Соломорецкимъ договоръ объ отбываніи подводной повинности: крестьяне за освобожденіе отъ натуральныхъ повинностей обязались дѣлать державцѣ извѣстный ежегодный взносъ. Между тѣмъ Соломорецкій установилъ въ волости своихъ десятниковъ, которые грабятъ крестьянъ, берутъ у нихъ подводы, вѣзды; подать съ дыма державца повысилъ съ 2 гр. въ годъ до 20; державца самъ назначилъ въ волости старца, но этотъ старецъ началъ чинить всякія „драчества“ и „тяжкости“, такъ что и волость опустошилъ. Бирчие собрали большую дань, а между тѣмъ не дали волости отчета, „где оныя пенезы, што у нихъ выбирали, обернули“. Люди начали расходиться изъ волости. Господарь требуетъ, чтобы державца „учинилъ справедливое въ всѣхъ рѣчахъ“ поданнымъ передъ дворяниномъ господарскимъ; староста могилевскій долженъ во всемъ поступать „подле давного обычая“ и такъ относиться къ поданнымъ, чтобы „пожитки наши господарскіе не были заронены“, поданные „къ убожеству не приходили“ и господарю „докуки не чинили“¹⁾. Дѣло было настолько серьезно, что господарь не только издалъ строгій указъ на имя державцы, но и точно установилъ податныя обязанности могилевцевъ, на основаніи прежнихъ уставовъ. Въ уставѣ точно опредѣленъ волостельскій и господарскій доходъ, сроки сбора платежей, повинностей и пр. Но что касается права волости на самообложеніе, то оно поставлено подъ контроль державцы: волость не имѣла права „кидать метовъ“ на поданныхъ безъ вѣдома и воли державцы, „бо для таковыхъ метъ ихъ поданнымъ нашимъ тяжесть великая сядеетъ и многи з них оттого и прочь реходятъ“, и дань господарская гинетъ²⁾.

Такимъ образомъ, оставляя строй общественной жизни неприкосновеннымъ, правительство предоставляетъ себѣ право контроля.

Весьма любопытны тяжбы Кричевской волости съ своими намѣстниками. Въ 1522 году волощане кричевскіе жаловались на своего намѣстника кн. Вас. Семен. Жилинскаго. Король призналъ справедливость ихъ жалобъ; а между прочимъ крестьяне жаловались, что кн. Жилинскій, когда они кладутъ между собой разметъ, то и князь садится съ ними „на тыхъ разметяхъ... и с того себе не мало на нихъ пенезей береш“. Король категорически приказываетъ намѣстнику не

¹⁾ Акты лит.-русс. госуд., т. I, № 235.

²⁾ Ibid., № 241.

въѣзжать въ волость на полюдьѣ, не садиться на разметахъ и запретить своимъ урядникамъ садиться. Король прибавляетъ, что въ данномъ случаѣ онъ только подтверждаетъ болѣе раннюю пергаменную уставу ¹⁾). Въ самомъ дѣлѣ въ 1511 году тотъ же король подтвердилъ въ поднѣпрскихъ и задвинскихъ волостяхъ порядокъ, существовавшій во времена Витовта и великаго князя Сигизмунда: по этой грамотѣ возстановлялись права крестьянъ на самостоятельный сборъ дани (слѣдовательно и на разметы) подъ условіемъ аккуратнаго взноса ея; намѣстники и писаря не должны были въѣзжать въ волость ²⁾). Однако намѣстники мало считались съ волею короля. Въ 1554 году крестьяне Чичерской волости вели интересную тяжбу съ своимъ намѣстникомъ п. Юріемъ Зеновьевичемъ. По поводу ихъ жалобы король даетъ весьма подробную уставу жителямъ. По интересующему насъ вопросу о разметахъ грамота устанавливаетъ новое положеніе: волошане не имѣютъ права метать метовъ безъ „вѣдомости“ державцы „и разрубивати, але кгда потреба вкажетъ для платовъ нашихъ господарскихъ, або для якое слушное потребы волостное розрубъ чинити и метъ метати“; при разрубкахъ и метахъ долженъ присутствовать самъ державца и его вижь; если нѣтъ самого державцы, то „зъ ведомостью“ его намѣстника и „вижа“ ³⁾). За крестьянскою общиной, какъ видимъ, остаются еще права на раскладку податей, но подъ сильною опекой врядника; община имѣетъ также право самообложенія, но опять таки подъ контролемъ державцы.

Такъ быстро шла ломка стародавнихъ обычаевъ. Мы уже упоминали объ уставной грамотѣ задвинскимъ и поднѣпрскимъ волостямъ. Кромѣ Чичерска и Кричева, въ числѣ ихъ упомянуты слѣдующія волости: Озеришская и Усвятская, Любошанская, Пропойская, Горвольская, Рѣчицкая, Мозырская и Свислочская. Любопытно прослѣдить и здѣсь, какіе успѣхи дѣлали врядники. Въ 1535 году королева Бона изъ особой „бачности“ своей на людей волостей Усвятской и Озеришской устанавливаетъ, что державца оболепкій долженъ въѣзжать въ волость только для сбора дани ⁴⁾; община управляется выборнымъ старцемъ ⁵⁾). Такимъ образомъ нарушались права крестьянъ.

¹⁾ Акты литовско-русс. госуд., т. I, стр. 184—185.

²⁾ А. З. Р., II, 99.

³⁾ Кн. Зап. Лит. XXXVII, л. 101.

⁴⁾ Акты литовско-русс. госуд., I, № 238. (Кн. Зап.-Лит. XXXII, л. 38—9).

⁵⁾ Кн. Зап.-Литовск. XXXII, л. 39.

Не въ лучшемъ положеніи находилась Свислочская волость. Въ королевской грамотѣ, выданной волости въ 1534 году, высчитанъ длинный рядъ „новинъ“, которыя введены были державцею Андреемъ Немировичемъ и его слугами въ волости. Многіе поборы старостинскіе удвоены и утроены. Крестьяне жаловались на то, что когда слуги державцы наѣзжаютъ на волость метать дань, то они являются въ количествѣ 20—30 человѣкъ съ женами и слугами, живутъ на счетъ волости и до тѣхъ поръ не уѣзжаютъ, пока тамъ не получаютъ „поклона“. Всѣ эти притѣсненія повели къ тому, что городъ и волость „збожело“¹⁾, люди порасходились, отчего и доходъ королевскій уменьшился. Разобравъ дѣло, король устанавливаетъ нормы податей и участіе намѣстника въ метаніи податей ограничиваетъ слѣдующимъ образомъ: намѣстники не имѣютъ права въѣзжать въ волость для метанія дани, крестьяне должны сами „зметати“ дань и отвезти въ замокъ.

Правительство, видимъ мы, пытается возстановить древній порядокъ, но нельзя сомнѣваться въ безуспѣшности его попытокъ.

Мы приведемъ еще два факта борьбы волостныхъ порядковъ съ крѣпостническими тенденціями королевскаго уряда изъ мѣстности тѣхъ же подлѣпскихъ волостей.

Въ 1533 году старцы и люди Бобруйской волости жаловались на королевскихъ писарей за ихъ поборы при выбираніи даней; они просили не посылать къ нимъ писарей, соглашаясь сами вносить дань „сполна“. Король согласился и опредѣлилъ сроки взносовъ даней грошовой и натуральной. При этомъ грамота отмѣчаетъ „хитрыи обычаи“, появившіеся у волощанъ: когда приходитъ время сбора дани, многіе изъ нихъ расходятся по другимъ волостямъ, возвращаясь въ свои дома по окончаніи срока сбора дани; другіе же прямо осаживаются въ сосѣднихъ волостяхъ, но продолжаютъ пахать свои земли въ Бобруйской волости и пользоваться бортями, а даней не платятъ. Всѣмъ этимъ такіе крестьяне приносятъ „шкodu“ королю, „а тяжкости подданнымъ нашимъ деють, ажъ они за тыхъ сами дань нашу платятъ“. Поэтому король приказываетъ державцамъ волостей не принимать ни одного человѣка изъ другой волости; если человѣкъ самъ уйдетъ, то его сосѣди должны извѣстить объ отходѣ и указать мѣсто новаго поселенія вряднику; если сосѣди не укажутъ, они сами должны будутъ платить за отошедшаго дань; если врядникъ, зная объ отходѣ, не вызоветъ ушедшаго. — онъ платитъ за

¹⁾ Акты литовско-русскаго госуд., т. I, № 224.

него дань; если помѣщики или намѣстники не выдаютъ ушедшаго, платятъ „закладу“ въ 100 копѣ грошей. Намѣстники обязаны осадить пустыя земли, чтобы и съ нихъ шла дань. Крестьяне указывали на то, что они не разбираютъ пустыхъ земель, потому что вриадники берутъ свои вриадничьи доходы и съ „живого“, то-есть, съ занятыхъ земель, и съ пустыхъ; если бы король приказалъ вриадникамъ не брать своихъ доходовъ съ пустыхъ земель, то крестьяне обязывались разобратъ „межь себя“ все пустовщины и платить съ нихъ господарскія платы. Король согласился и на это предложеніе. Но та же грамота даетъ и еще одну интересную для насъ черту: крестьяне жалуются, что старцы „частыи меты мечутъ на волость“, а деньги обращаютъ на свои потребности. По этому вопросу, король высказалъ такое рѣшеніе: старцы съ этого времени не должны самостоятельно класть разметы на волость, но когда понадобятся деньги на „волостную потребу“, тогда вся волость „зволнвшися“ съ старцами, объявляютъ объ этомъ вриаднику намѣстника; вриадникъ посылаетъ своего вижа въ волость, въ присутствіи котораго волость кидаетъ разметъ такъ, „якъ бы сума не превышала“ волостной потребности. Согласно размету, старецъ долженъ выбрать деньги и тратить на нужды волости ¹⁾).

Изложенная устава Бобруйской волости прибавляетъ важныя данныя къ интересующему насъ вопросу. Прежде всего оказывается несомнѣннымъ, что волость платитъ и за тѣхъ плательщиковъ, которые уходятъ изъ волости; для этого волость дѣлаетъ разметы на всѣхъ наличныхъ плательщиковъ. Волость имѣетъ свои волостныя потребности, которыя она удовлетворяетъ самообложеніемъ, при чемъ размѣры сбора устанавливаются общиной, а раскладка производится старцемъ и, вѣроятно, старшими мужами, въ присутствіи всего волостнаго схода, а по королевскому распоряженію и вижа. Но въ самую волость уже проникаетъ элементъ разложенія, потому что старцы и волощане, жалуясь на вриадниковъ, указываютъ на притѣсненія и со стороны выборныхъ старцевъ. По этому поводу приходится сдѣлать предположеніе, что выборы или смѣщеніе старцевъ были стѣснены вмѣшательствомъ вриадника. Такіе примѣры мы уже видѣли.

Разсматривая съ интересующей насъ точки зрѣнія „кривды“ различныхъ волостей, нельзя оставить безъ вниманія жалобъ королевѣ Бонѣ, поданныхъ людьми Борисовской волости въ 1522 году. Воло-

¹⁾ Кв. Зап. Лнт., XV, л. 172.

щане жаловались на воеводу виленскаго Гаштольда, отъ котораго зависѣла волость, что онъ „накинулъ“ на всю волость винщины 70 копъ и другіе поборы. Когда приходитъ время метать дань, воевода беретъ „поѣздки“ 5 копъ, а его намѣстникъ на себя еще беретъ 5 копъ. Волость „со слезами“ бьетъ челомъ государынѣ, прося освободить отъ новинъ и взять волость въ свое управленіе ¹⁾). Въ данномъ случаѣ мы наблюдаемъ знакомое намъ явленіе: за волостною общиною еще сохраняется право раскладки податей, даже старостинскіе доходы уплачиваются еще всею волостью, по раскладкѣ, но урядъ всѣми мѣрами старается уничтожить волостную самостоятельность.

Эти факты вводятъ насъ во внутреннюю жизнь крестьянской общины. Общее впечатлѣніе одно: мы присутствуемъ въ моментъ глухой борьбы крестьянской общины съ королевскими врядниками. Община пытается отстоять свою независимость отъ врядника, воспрепятствовать, согласно старинѣ, его вѣздамъ въ волость. Напротивъ, для врядника вѣздъ въ волость слишкомъ доходная статья, чтобы онъ могъ отъ нея отказаться: пользуясь вѣздомъ, входя въ мельчайшія дѣла общины, онъ можетъ удесятерить свой доходъ разными поборами. Не слѣдуетъ думать, что эта свобода отъ врядничьихъ вѣздовъ явленіе новое, или такое, которое крестьяне пытаются выставить противъ надвигающагося закрѣпощенія. Въ Полоцкой уставной грамотѣ 1511 г. совершенно ясно ограничено право вѣзда въ волости воеводы полоцкаго ²⁾, слѣдовательно и его врядниковъ. Но припомнимъ, что уставныя грамоты повторяли изстаринныя земскія права. Мало того, можно привести вполнѣ опредѣленныя свидѣтельства, доказывающія, что врядничій вѣздъ въ волость бываетъ временною привилегіею для державцы, которую правительство иногда считало нужнымъ выкупить ³⁾.

¹⁾ А. Ю.-З. Р., I, р. 62.

²⁾ А. З. Р., II, 88.

³⁾ Грамота Сигизмунда Стараго Юрію Зеновьевичу, которою король отдаетъ ему державу Могилевскую, перечисляетъ подати и повинности Могилевской волости; о вѣздѣ его въ волость и о полюдьи она говоритъ какъ о чемъ то весьма обыкновенномъ: „а державца нашъ панъ Юрья маєт съ нихъ брати въ каждый годъ: узъезду своего“ и пр. (А. З. Р., II, р. 113). Въ точно такихъ же выраженіяхъ грамота 1513 г. передаетъ ту же державу Яну Щиту (Кн. Зап. Литовск., VII, л. 594). Не объясняетъ сущности вѣзда и грамота самому Юрію Зеновьевичу (та же книга, стр. 1168 новой нумераціи). Казалось бы, что вѣздъ

Намѣстники господарскіе не всегда довольствовались въѣздами или увеличеніемъ числа послѣднихъ; они часто стремятся посадить въ волости своего намѣстника, слугу, который такимъ образомъ пользуется стаціей въ теченіе всего года. Такъ, напримѣръ, Бчицкая волость въ первые годы княженія Сигизмунда I жаловалась господарю на намѣстника мозырскаго (Мозырская волость и Бчицкая управлялась однимъ урядникомъ) на введеніе новины: онъ держитъ постоянно своего намѣстника на Бчицѣ, котораго волость обязана поднимать стаціями; между тѣмъ въ волости обычай таковъ, что мозырскій державца только разъ въ годъ пріѣзжалъ къ нимъ на полюдіе. Господарь возстановилъ обычай, запретивъ державцѣ держать въ Бчицкой волости намѣстника ¹⁾. Но и послѣдующіе державцы не всегда выполняли эту уставу. Въ 1551 г. виленскій воевода снова разбиралъ жалобу волощанъ на намѣстника ихъ Н. В. Нарбута: послѣдній посылалъ въ годъ по два раза своего намѣстника. Воевода согласно съ листомъ господарскимъ возстановилъ старину ²⁾.

Иногда споры изъ-за въѣздовъ приводили урядъ къ открытымъ столкновеніямъ съ волостью.

представляетъ одну изъ обычныхъ повинностей волости. Но современники смотрѣли на него иначе. Черезъ 22 года, въ 1536 г., когда возникла у Могилевской волости тяжба съ ея державцею кн. В. И. Соломорецкимъ, король велѣлъ „днизи канцелярейскіе отворити“ (то-есть ту же Метриву) для установленія повинностей отношеній волости къ державцѣ. Нашли тѣ же уставы, которыя и намъ извѣстны, но отнеслись къ нимъ такъ: „тамъ у тыхъ уставахъ тотъ уездъ описанъ есть, ижъ з ласки наше господарское за даминою и за листомъ нашимъ они тотъ уездъ имъ *установили*; але кгда жъ то они первымъ державцамъ пану Юрью Зеновьевичу, а пану Яну Щиту давали з уставы наше и за листомъ нашимъ господарскимъ (значить не по старинѣ),—на тотъ часъ *тотъ уездъ имъ отпускаемъ* до воли наше господарское. А *напротиву* того з ласки наше дами есьмо князю Василью на нихъ брати тивунщины 80 копъ грошей на узкую личбу, которую тивунщину *они намъ давали*“. (Кн. Зап.-Литовск. XIX, л. 173—175, — въ Актахъ Литовско-Русск. госуд., т. I, № 241). Очевидно, Соломорецкій получилъ волость въ держаніе на тѣхъ же условіяхъ, что и Зеновьевичъ и Щитъ, почему господарь взаимнѣ въѣзда даетъ ему тивунскій доходъ, составлявшій собственный кормовскій доходъ, то-есть выкупаетъ у державцы право въѣзда. Это дѣло лишній разъ свидѣтельствуетъ, что далеко не всегда можно полагаться на точный, по-видимому, текстъ господарской грамоты: только въ дѣлѣ 1536 г. выяснилось, что въѣздъ давался какъ пожалованіе, а не какъ обычная статья волостельск го дохода.

¹⁾ Любавскій, Областное дѣленіе и пр., прил. № 17.

²⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XXVII, л. 88.

Совершенно понятно, что разъ урядникъ не имѣлъ права вѣзда въ волость, то мы должны предположить широкую автономію общины въ административномъ и финансовомъ отношеніяхъ.

До сихъ поръ мы наблюдаемъ ту сторону общины, которая касается ея финансоваго хозяйства. И это понятно, такъ какъ финансовые интересы стоятъ на первомъ планѣ въ жизни всякой общины: они созидали общины, они и разрушаютъ ее. Наши документы бросаютъ свѣтъ на общинный строй, не въ моментъ его созиданія или нормальной жизни, а наоборотъ въ періодъ разрушенія этого строя. И въ самомъ дѣлѣ все благопріятствовало этому разрушенію. Укажемъ и на другія стороны, способствовавшія разрушенію общины. Намъ придется сейчасъ встрѣтиться съ весьма разнообразными сторонами государственнаго хозяйства. Поэтому, ограничимся лишь указаніемъ на нѣкоторыя особенности его.

Цѣлость общины разрушалась, когда изъ нея выдѣлялись отдѣльные ея члены, сохраняя, однако, за собою общинную землю. Это могло случиться, когда членъ общины получалъ землю на „особную службу“. Крестьянинъ могъ получить большею частью пустошину на „особную службу“¹⁾; но правительство поощряло въ первое время и переходъ изъ тяглой общины на чиншъ²⁾.

Не менѣе нарушалось платежное равновѣсіе общины, когда частью земли ея завладѣвалъ того или другаго разряда служилый человекъ. Нужно замѣтить, что въ древнѣйшихъ грамотахъ довольно явственно проглядываетъ представленіе, что тотъ или другой характеръ отбыванія службы съ земли прикрѣпляется не къ лицу, а къ землѣ. Такимъ образомъ земля могла быть данная, или куничная, тяглая, дякольная, боярская и пр. Если на ней садился соответственнаго разряда человекъ, то, конечно, никакого измѣненія не могло быть. Но бывало и наоборотъ: бояринъ, напимѣръ, получалъ или покупалъ землю тяглую. Въ такомъ случаѣ, съ своей боярской земли онъ несетъ боярскую службу, а съ тяглой служить тягло³⁾. Такой взглядъ относится по крайней мѣрѣ къ низшимъ разрядамъ службъ. Для того, чтобы боя-

1) Акты лит.-русс. госуд., т. I, стр. 37, 149.

2) „Нижли, если бы которые люди наши хотели сами своею доброю волею на пенязехъ осести, не хотячи службы служити, тыхъ бы еси (державца) людей отсаживалъ, а в томъ бы еси имъ черезъ то тяжности не делалъ“, Браславская волость въ Подляхія. Акты лит.-русс. госуд., т. I, стр. 197.

3) Бояре заявляютъ: „мы съ того три службы служимъ: одну боярскую, а двѣ дякольные“. Акты Вих. Ком., XVII, стр. 16.

рину избавиться отъ тяглой службы съ тяглой земли, онъ долженъ былъ просить на это спеціальнаго разрѣшенія у короля, которое многимъ и давалось ¹⁾. Извѣстны и такіе факты, когда тяглый или куничный человекъ получалъ за какую нибудь услугу отъ короля боярство, или назначался имъ въ спеціальную службу, оставляя, однако, за собою ту землю, которою онъ владѣлъ. Въ такомъ случаѣ переходившій въ другой разрядъ объявлялъ и ту землю, на которой онъ сидѣлъ ²⁾.

Но случаи, подобные вышеприведеннымъ, не въ такой мѣрѣ нарушали равновѣсіе общины, какъ раздача шляхтѣ въ громадныхъ размѣрахъ земли съ поселенными на ней крестьянами, потому что были большею частью единичными. Раздача могла быть двоякая: король или передавалъ помѣщику всѣ его дани и службы, приходившіяся на село или отдѣльное дворце, или же удерживалъ съ отдаваемыхъ крестьянъ господарскій доходъ, предоставляя помѣщику собственно старостинскіе доходы. Оба способа раздачи извѣстны съ очень древняго времени. Такъ, напримѣръ, великій князь Витовтъ даетъ Ильѣ Вячквичу нѣсколько селъ на Волыни „вѣчно“, но сверхъ того „зъ ласки“ освобождаетъ эти села отъ воловщины, яма и даже отъ слѣдогоней и роспусокъ владыкъ ³⁾. Очевидно, требовалась особенная „ласка“ со стороны князя для освобожденія отъ государственныхъ повинностей владѣльческихъ крестьянъ, отдаваемыхъ даже въ вѣчное владѣніе, а не въ держанье. Великій князь Казимиръ даетъ пану Довкшу три двора въ Бобруйской волости, приказывая въ то же время намѣстникамъ въ нихъ не вступаться ⁴⁾. Андрею Пряжовскому пришлось просить великаго князя Александра объ освобожденіи его людей Шершнвичей отъ медовой дани на ключъ кievскій, которую они давали, хотя и принадлежали помѣщику ⁵⁾ и т. д. Такъ какъ волостная разверстка податей относилась главнымъ образомъ къ господарскимъ данямъ, то передача людей въ руки частнаго владѣльца тогда только затрагивала интересы волости, когда она сопровождалась пожалованіемъ владѣльцу и государственныхъ податей, которыя приходились на долю жалемыхъ крестьянъ.

¹⁾ Напримѣръ, Акты лит.-русс. госуд., т. I, стр. 133, 150.

²⁾ Акты лит.-русс. госуд., т. I, стр. 65.

³⁾ Акты лит.-русс. госуд., т. I, стр. 3.

⁴⁾ Ibidem, стр. 16.

⁵⁾ Ibidem, стр. 69; ср. еще стр. 74, стр. 135, стр. 127.

Весьма понятно, что нерѣдко бывали и такіе случаи, когда частновладѣльческіе крестьяне не желали отбывать лежащихъ на нихъ волостныхъ повинностей, хотя и не были отъ нихъ освобождены. Въ такомъ случаѣ волость должна была сама искать своихъ потужниковъ по государственному тяглу. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Люди Неменчинской и Лыгменской волостей жаловались въ 1495 г. великому князю Александру на пановъ Нарбутовичей въ томъ, что паны забрали безъ данины господарской волостныхъ людей. По справкамъ, однако, оказалось, что у Нарбутовъ есть листы великихъ князей Сигизмунда и Казимира на нѣкоторыхъ людей; великій князь обѣщаетъ оставить ихъ при данинахъ, „а што будут самоволне людей нашихъ за себе забрали и зъ землями ихъ, а на што *люди наши доводъ вчинят*“, то эти захваты князь обѣщаетъ изслѣдовать черезъ своихъ посланцевъ ¹⁾. Такимъ образомъ, волость и вчиняетъ искъ о захваченныхъ своихъ сообщинникахъ и, когда возникаетъ дѣло, играетъ въ немъ важную роль. Не менѣе интересенъ и слѣдующій случай. Свислоцная волость жалуется въ 1499 г. на людей, принадлежащихъ боярамъ Котовичамъ, за то, что послѣдніе не исполняютъ виѣстѣ съ ними общегосударственныхъ повинностей — ордынщины, городской работы и сторожи и др. Для доказательства волощане ссылались на всѣ пять сосѣднихъ волостей, но боярскіе люди потребовали присяги только нѣсколькихъ лицъ, которыя своими показаніями не оправдали ихъ надеждъ: король рѣшилъ, что люди бояръ Котовичей должны „всякую тягль тягнути“ съ волостью ²⁾. Въ такомъ же смыслѣ имѣли тяжбу въ 1529 г. подданные Бобруйской волости съ людьми пана Яна Николаевича Радивиля и пана Вацлава Костевича. Бобруяне утверждали, что люди обоихъ помѣщиковъ, Зубаревичи и Колчичане, „з давнихъ часовъ“ участвовали съ ними въ волостныхъ разметахъ, сторожѣ, городской и мостовой работѣ (которыя тоже отбывались по разметамъ). Зубаревичи и Колчичане проиграли дѣло и обязаны были участвовать въ разметахъ ³⁾.

Вполнѣ понятна причина подобныхъ столкновеній. Владѣльческіе крестьяне, пользуясь защитой помѣщика, ускользали отъ волостной разверстки. Во всѣхъ случаяхъ ищеть своихъ поплечниковъ и потуж-

¹⁾ Акты литовско-русскаго госуд., т. I, стр. 61.

²⁾ Акты литовско-русскаго госуд., т. I, стр. 86—87.

³⁾ Ibidem, № 194.

никовъ по государственному тяглу сама волость. Но иногда правительство предлагаетъ и державцамъ слѣдить за правильнымъ отбываніемъ помѣщичьими крестьянами государственнаго тягла¹⁾. Само собою разумѣется, что въ такихъ случаяхъ шла рѣчь только о такихъ владѣльческихъ крестьянахъ, которые не были освобождены отъ государственнаго тягла при переходѣ къ частнымъ лицамъ. Державцы, впрочемъ, не были особенно расположены вступать съ помѣщиками въ пререканія относительно повинностей съ ихъ людей. Напротивъ, они требовали съ волостныхъ крестьянъ всѣхъ повинностей и податей, хотя волости сильно уменьшались отъ раздачь крестьянъ шляхтѣ²⁾.

Нежеланіе владѣльческихъ крестьянъ нести общегосударственное

¹⁾ „Такжеж жаловали (люди Браславской волости) намъ, штожь мы тамъ вторыхъ людей, потужниковъ ихъ, подданныхъ нашихъ, поотдавали, ино тые люди у городской работе и мостовъ мостити помогати имъ не хотятъ. И ты дей к той работе однихъ нашихъ людей выгоняешъ... Ино ачь есмо тамъ подданнымъ нашимъ люди поотдавали, а работы городовой и мостовое никому есмо не отпускали, а такъ ажъ бы еси и городъ и мосты всеми людьми, какъ нашими, такъ и подданныхъ нашихъ робилъ потому, какъ и передъ тымъ бывало“. Акты литовско-русскаго госуд., I, стр. 197. Интересна также грамота, данная въ 1533 г. по жалобѣ бобруйскихъ волощанъ: „И которыми тежь люди волости Бобруйское княземъ и паномъ, и бояромъ и двораномъ нашимъ тамъ есмо подавали, велели есмо имъ дань медовую на себе съ нихъ брати, а дань грошовую и бобры и кунци и яшшии всякии повинности велели есмо посполъ з волостью нашою Бобруйскою имъ на насъ давати. То пакъ дей они з волостью тыхъ доходовъ нашихъ полнити не хочутъ“. Для чего посылается господарскій дворянинъ, который обязанъ „тыхъ людей к волости Бобруйской приворотати и к работе тежь замку нашего Киевского ихъ выганати“. Ibidem, № 221. (Кн. Зап.-Литовск. XV, л. 102—103). Въ Чичерской волости (1554): „А люди боярскихъ, которые безъ листовъ нашихъ земли и люди тамъ держать, и тежь мещане тамошние и бобровники, и тяглые, и подданные наши тые, которые земли тяглыми под собою держачы, ихъ вживають, мають имъ (волощанамъ) в метехъ и в работе и во всемъ помогати и вси повинности несполюкъ с ними сполнати“. Зап.-Литовск. кн. XXXVII, л. 101.

²⁾ Ibidem, р. 185 — относительно Кричевской волости. Подданные Оболецкой и Себежской волости жаловались на хорунжаго половеца за то, что онъ отъ нихъ требуетъ ежегодно по 10 копъ гр.; между тѣмъ изъ волости много людей роздано, и они могутъ дать (вѣроятно, по раскладѣ) только 7 копъ. „Я о томъ ничего не ведаю, одно якъ передъ тымъ платили 10 копъ грошей сполна, такъ и теперь мне платите“, — говорилъ предъ королемъ хорунжий. Интересно, что воевода Пегръ Станиславовичъ рѣшилъ дѣло въ пользу хорунжаго, а король — въ пользу крестьянъ. „Ино намъ не виделося. ажъ бы они мели платити и за тыхъ, которые суть розданы“, № 220.

тягло вмѣстѣ съ волостью вызывало иногда спеціальныя распоряженія высшаго правительства. Подобное распоряженіе издано было въ 1528 г. для Мозырской волости. Дѣло было возбуждено передъ королемъ мѣщанами, старцемъ и всею волостью Мозырскою. Волощане предъявили королю уставу, по которой частновладѣльческіе крестьяне должны были участвовать съ волостью въ подымщинѣ, замковой работѣ, дяклѣ и грошахъ на замокъ. Король съ панами радами издалъ по этому поводу такое постановленіе: если кому розданы люди и земли съ освобожденіемъ отъ тягла до изданія устава, то таковыя не несутъ тягла съ волостью; кто же изъ помѣщиковъ получилъ земли до изданія устава безъ освобожденія отъ тягла, или послѣ устава, хотя бы и съ освобожденіемъ отъ тягла, — таковыя должны нести тягло съ волостью. Такимъ образомъ, правительство отбѣнило для многихъ помѣщиковъ привилегіи ¹⁾).

Мы разсматривали такіе конфликты, которые возникали у волощанъ съ частновладѣльческими крестьянами. Но встрѣчаются факты такого рода, когда въ средѣ самой волости одна часть крестьянъ не обязана исполнять всѣ или только нѣкоторыя повинности со всею общиною. Правда, такіе факты крайне рѣдки. Такъ, намъ извѣстна жалоба подданаго господарскаго Полоцкаго повѣта Ломота на подданныхъ Гридка съ товарищи. Ломоть доказывалъ, что Гридко съ другими обязанъ помогать Кушликовлянамъ и Бороздивлянамъ въ подниманіи станами воеводы полоцкаго. Свидѣтельскія показанія не подтвердили жалобы Ломота и его общины ²⁾). Такимъ образомъ, въ средѣ самой общины были члены, пользовавшіеся нѣкоторыми льготами.

До сихъ поръ мы разсматривали такія условія общегосударственной жизни Литовско-русскаго государства, которыя разрушительно дѣйствовали на сельскую общину. Но нашъ обзоръ будетъ не полонъ, если мы не остановимся еще на одномъ явленіи, правда, очень сложномъ. Намъ необходимо остановиться на вопросѣ о выдѣленіи города изъ состава волости. Разумѣется, выдѣленіе города могло имѣть только разрушающее вліяніе на самостоятельность волостной общины. Въ городѣ жили болѣе самостоятельныя члены общины; городъ представлялъ больше благопріятныхъ условій для укрѣпленія общинной солидарности, хотя бы уже потому, что жители

¹⁾ Акты литовско-русск. госуд., т. I, стр. 207.

²⁾ Ibidem, № 225.

его находились въ болѣе частомъ общеніи другъ съ другомъ. тѣмъ жители отдѣльныхъ сель, составлявшихъ волость. Въ началѣ почти всѣхъ заявленій-жалобъ волостныхъ людей стоитъ указаніе на то, что мѣсто и волость дѣйствуютъ единодушно. Повидимому, волостной старецъ для многихъ волостей былъ общимъ представителемъ города и его округа-волости. То или другое установленіе относительно раскладки податей и другихъ общинныхъ интересовъ относится въ грамотахъ одинаково къ волости и ея центру—городу. Общность интересовъ населенія сельской и городской общины объясняется не только ихъ административнымъ единствомъ, но и тѣмъ, что городъ по своимъ занятіямъ не отличался отъ села, или мало чѣмъ отличался отъ него. Но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду географическое распредѣленіе тѣхъ данныхъ, на которыя намъ до сихъ поръ приходилось ссылаться: они относятся къ восточнымъ и сѣверо-восточнымъ областямъ государства, къ такъ называемымъ Задвинскимъ и Поднѣпрскимъ волостямъ. Въ этихъ мѣстностяхъ городъ позже выдѣляется изъ состава волости, едва къ половинѣ XVI столѣтія. Напомнимъ что даже города, служившіе центральными для цѣлыхъ земель, не скоро порываютъ свою связь съ черными людьми. Уставныя грамоты Полоцка, Смоленска и Витебска даны не только на имя шляхты и духовенства, но и на имя всей земли, всего посполства (Полоцкая) и черныхъ людей (Смоленская)¹⁾, хотя сами уставныя грамоты почти ничего не говорятъ о свободномъ крестьянскомъ поселеніи земель. Эта связь, въ сферѣ финансовыхъ интересовъ, замѣтна еще и въ концѣ XV вѣка²⁾, хотя, конечно, отношенія центрального города къ землѣ совсѣмъ другія, чѣмъ отношенія волостнаго центра къ волости. Напротивъ, западныя области литовско-русскаго государства рано выдѣляютъ городъ изъ земства, именно съ конца XIV вѣка, при посредствѣ широкаго распространенія магдебургскаго права. Конецъ XV и первая половина XVI вѣка здѣсь на западѣ, въ Подляхін, на Волини, отчасти въ собственной Литвѣ, заняты ускореннымъ переходомъ къ нѣмецкому праву, городскому и сельскому; это относится какъ къ государственнымъ зе-

¹⁾ Ясинскій, Уставныя земскія грамоты, стр. 104. Жмудская грамота дана не только шляхтѣ, но и кметамъ, *ibid.* 105.

²⁾ Напримѣръ, дворяне, мѣщане и волостные люди полоцкіе получаютъ отъ великаго князя Александра бобровые гонимы въ общее пользованіе за общій взносъ, для котораго нужна была, конечно, разверстка, А. З. Р., I, 131.

мямъ, такъ и къ частнымъ (особенно въ Подляхѣн). На нѣмецкомъ правѣ садится часть свободнаго земледѣльческаго населенія; другая часть вмѣстѣ съ рабами закрѣпощается. Эту разницу въ исторіи экономическаго быта той и другой половины Литовскаго государства необходимо и намъ имѣть въ виду.

Что касается до отношеній города къ волости до его выдѣленія, то источники наши, къ сожалѣнію, мало говорятъ объ этомъ. Намъ извѣстны лишь нѣсколько случаевъ столкновеній города съ волостью. Такъ, волостные люди здитовскіе жаловались въ 1520 г. на войта и мѣщанъ здитовскихъ (впрочемъ, неизвѣстно, на весь ли городъ или только на часть его) въ томъ, что мѣщане не хотятъ платить съ ними податей и тянуть тягла, „а землю под собою мают“. Мѣщане между тѣмъ показали, что они никогда не платили податей и тягла не тянули съ волостью, но служатъ конемъ; король призналъ правыми мѣщанъ, потому что они представили соотвѣтственные документы ¹⁾. Здѣсь интересно для насъ отмѣтить, что связь города съ волостью въ сознаніи волостныхъ людей основывалась на общемъ владѣніи землею: волощане такъ настоятельно требуютъ здитовскихъ мѣщанъ къ общему отбыванію повинностей потому, что послѣдніе владѣютъ волостною землею. Такимъ образомъ, общая земля была тою почвой, на которой сходились интересы горожанъ съ волостными.

Другою сферой общихъ интересовъ было общее податное тягло. На этой почвѣ иногда и происходили столкновенія города съ волостью.

Такъ, между мѣщанами торопецкими и волостью происходили столкновенія изъ-за раскладки податей; столкновенія эти повели къ тому, что король „пожаловалъ“ волощанъ, дозволивъ имъ отдѣльно отъ горожанъ собирать дань и доставлять ее въ скарбъ. Очевидно, мѣщане торопецкіе, пользуясь тѣмъ, что намѣстникъ назначался изъ ихъ среды, притѣсняли волощанъ при раскладкѣ податей. Король выдѣлялъ волость изъ города ²⁾.

Но особенно любопытна тяжба борисовцевъ, мѣщанъ и волощанъ. Когда дѣло касалось интересовъ всей волости, мы видимъ, что и тѣ и другіе дружно отстаиваютъ ихъ. Но у нихъ былъ и предметъ спора, возобновлявшійся нѣсколько разъ въ теченіе полутора столѣтій и нарушавшій согласіе общины. Причина этого спора—грамота великаго князя Витовта, освобождавшая волощанъ отъ подводной повинности.

¹⁾ Акты литовско-русск. госуд., т. I, стр. 170.

²⁾ А. З. Р., I, 171.

При Казимирѣ мѣщане успѣли „привернуть“ волостныхъ людей въ подводы: они заставили волощанъ „стеречь“ съ подводами десять недѣль, тогда какъ сами отбывали только три. Великій князь Александръ, вслѣдствіе жалобы волощанъ въ 1494 г., установилъ такой порядокъ: мѣщане должны стеречь шесть недѣль, волощане—десять. При проѣздѣ великихъ государскихъ пословъ, мѣщане и волощане обязаны вмѣстѣ поднимать ихъ стациями. Если князь пришлетъ въ Борисовъ на „покормъ“ лошадей, то конокормская повинность распредѣлялась согласно съ распредѣленіемъ подводныхъ недѣль: шесть недѣль лежали на мѣщанахъ, десять — на волощанахъ ¹⁾). Нельзя не замѣтить, что такое господарское рѣшеніе не совсѣмъ возстановляло права волощанъ, потому что Витовтъ совсѣмъ освободилъ ихъ отъ подводъ. Въ 1541 г. споръ возобновился. На этотъ разъ волощане представили листъ Витовта и судебное рѣшеніе Ольбрахта Кгаштольта; оба документа были болѣе благопріятны для нихъ. Быть можетъ, въ виду этого не представленъ листъ Александра, который мы только что цитировали. Судебное рѣшеніе на этотъ разъ свелось къ утверженію льготъ, предоставленныхъ Витовтомъ и рѣшеніемъ Кгаштольта: волощане освобождались навсегда отъ подводъ, за исключеніемъ пріѣзда самого господара. Гонцовъ и пословъ поднимаютъ сами мѣщане. Волощане даютъ подводы съ мѣщанами вмѣстѣ только подъ звѣря, убитаго въ борисовскихъ ловахъ ²⁾). Такимъ образомъ, причина столкновенія волостныхъ и городскихъ людей Борисовской волости—привилегія Витовта—чисто внѣшняя. Мы не знаемъ ея мотивовъ, но, видимо, это вмѣшательство власти было не совсѣмъ обычнымъ: противъ него протестовали не только мѣщане—потерпѣвшіе, но и великій князь Александръ, не утвердившій привилегію во всѣхъ пунктахъ.

Къ половинѣ столѣтія разладъ между городомъ и волостью становится ощутительнѣе. Въ 1551 г. мозырскіе мѣщане уже отдѣльно

¹⁾ Кн. Записей Лит., V, л. 5. Напечатана у *Леонтовича*, Акты Метрики Литовской, № 91.

²⁾ Кн. Зап., 27 л. 53 об. — 54 об. Волощане представили листъ Витовта и судебн. рѣш. Ольбрахта Кгаштольта, — „в которыхъ же листехъ выписано имъ людямъ даннымъ с подводами недели не стеречи николи, нижли коли самъ господаръ тамъ поедеть, а пословъ и гонцовъ и иншихъ, хто на подводахъ поедет, мещане ковыми своими мають поднимати, бо они люди служебными, а даннымъ людямъ волощанамъ того с ними неподнимати. А которые звер тамъ въ ловахъ борисовскихъ уловят, мно волощане послопу с мещаны под тотъ зверъ подводы давати мають“.

отъ волости жалуются на своего намѣстника за кривды; въ ихъ жалобѣ уже чувствуется даже раздоръ съ послѣдней: мѣщане упрекаютъ державцу между прочимъ и въ томъ, что онъ за поклоны отпускаетъ съ замковой работы волощанъ, отъ чего постройка замка замедляется ¹⁾). Въ Могилевской волости тоже происходили недоразумѣнія между городской общиною и сельскою. Въ 1555 г. дѣло дошло до короля: мѣщане хотѣли взвалить на волость четыре пятыхъ городской работы. Но изъ реестровъ скарбныхъ, изъ показаній хоролю знавшаго тамошняго отношенія по частымъ поѣздкамъ подскарбія Ив. Горностая, выяснилась слѣдующая система раскладки податей и повинностей между селами и городомъ: однихъ „поплатковъ“ горожане вносили четвертую часть, другихъ—пятую, а изъ городской работы должны были дѣлать четвертую часть. Такое соотношеніе установлено королемъ и на будущее время ²⁾).

Отмѣченные факты указываютъ на двѣ причины столкновений, вообще очень рѣдкихъ, городскихъ интересовъ съ волостными, —столкновений на почвѣ владѣнія землей и раскладки податей. Но, конечно, не одни эти, а болѣе глубокія причины повели къ выдѣленію города изъ волости, даже и въ восточныхъ областяхъ. Намъ нѣтъ нужды на нихъ останавливаться. На одномъ только можно настаивать, что выдѣленіе города изъ волости неблагоприятно отозвалось на устойчивости послѣдней: съ городомъ выдѣлилась болѣе подвижная, тѣснѣе сплоченная, вѣроятнѣе, болѣе богатая и развитая въ общественномъ отношеніи часть волости.

До сихъ поръ намъ приходилось разсматривать одну только сторону общинной жизни. Общее впечатлѣніе, которое выясняется изъ этого обзора, сводится къ тому, что въ первой половинѣ XVI столѣтія существуетъ въ западно-русскихъ областяхъ крестьянская солидарность; эту солидарность можно признать общинною организаціею въ предѣлахъ волости. Внутреннимъ связующимъ звеномъ этой организаціи служатъ финансовыя (не только податныя) интересы, внѣшнимъ—административное дѣленіе. Но моментъ, въ который мы наблюдаемъ общину—время ея упадка подъ давленіемъ правительственной опеки, административнаго произвола и общихъ условій государственнаго хозяйства.

¹⁾ Кн. Судн. дѣлъ Лит., XXVII, лл. 84—87, въ Актахъ литовско-русс. госуд., т. I.

²⁾ Акты Литовск.-Русск. госуд., т. I, (изъ кн. С. Д. Лит. XXXIV).

Теперь мы перейдемъ къ тѣмъ даннымъ, которыя рисуютъ положительныя черты общинной жизни. Зная, что мы наблюдаемъ общину въ моментъ разрушенія, зная недостаточность нашихъ источниковъ, трудно дать полное описаніе общинныхъ порядковъ и при томъ такое, въ которомъ бы всѣ частности были выяснены.

Члены волостной общины, выполнявшіе какія либо общественныя функціи, обычно носили названіе *мужей*, рѣже просто *людей*: такъ они сами себя называютъ, такъ называютъ ихъ и правительственные акты. Великій князь Казимиръ пишетъ грамоту на имя намѣстниковъ могилевскихъ, старцевъ и *всѣхъ мужей* ¹⁾. „Мы мужи любощанцы“, или „мы мужи лебедевцы“, говорится въ общественныхъ приговорахъ, о которыхъ намъ еще придется говорить. Королевъ Бонѣ жалуются *люди* волости Усвятской. Такъ называли другъ друга и однообщинники, если судить объ этомъ по обращеніямъ судящихся къ копнымъ судьямъ ²⁾. Община носила названіе громады ³⁾. Весьма вѣроятно, что и общинное собраніе носило то же названіе, какое придается ему при выполненіи копнаго суда—*копой*, *громадой* ⁴⁾, наконецъ *вѣчель* ⁵⁾, можетъ быть *кругомъ* ⁶⁾.

Постояннымъ блюстителемъ общинныхъ интересовъ былъ выборный глава ея *старецъ*. Обычай выбирать старца—былъ стародавній обычай волости, слѣдовательно ея право. Люди Усвятской волости жаловались королевѣ Бонѣ на своего державцу, п. Кирдея Гричиновича: никогда того не бывало, говорили они, чтобы державца постоянно держалъ въ волости своихъ слугъ, напротивъ „нижли дей тотъ в нихъ есть обычай стародавній, што они сами старца межи собою выбираютъ. И били намъ чоломъ, абыхмо ихъ при стародавнихъ обычаяхъ ихъ тамошнихъ заховали“; королева приказываетъ державцѣ выслать своего слугу изъ волости, „нижъ они старца межи собою выбраного мають тамъ мети и водлугъ давного звычайного обычая мають ся въ томъ справовати и радити“. Правда, Бона оставляетъ вопросъ о старцѣ „до часу“, пока разузнаетъ ⁷⁾, но все-таки указа-

¹⁾ А. Ю. и З. Р., I, р. 18.

²⁾ *Спросисъ*, Копный судъ, Труды предвар. комитета по устройству IX Виленскаго археологическаго съѣзда, 246.

³⁾ Архивъ Юго-Зап. Р., ч. 7, т. 2, р. 284.

⁴⁾ *Ibidem*, р. 243.

⁵⁾ *Arch. Sang.*, IV, 173.

⁶⁾ *Вих. Арх. Сборн.*, I, 194—195.

⁷⁾ Метрик. Литовская, кн. Записей Лйт., XXXII, л. 39, среди актовъ 1548 г.

нѣ самихъ волощанъ само по себѣ весьма важно. И это указаніе на „звыкль“ обычай не стоитъ одиноко. Одинъ интересный документъ даетъ указаніе на то, какъ выбирались старцы. „Мужи любошанцы“ ¹⁾ составили приговоръ, помѣченный 9 мартомъ 1500 г. объ избраніи старцемъ челоуѣка той же Любошанской волости Селивона Хласовича. Всѣхъ мужей, объявившихъ приговоръ отъ имени волости, — девятнадцать челоуѣкъ; очевидно, каждый изъ нихъ является представителемъ еще меньшей ячейки крестьянской территоріи — села: Симонъ з *Суши*, Сорока з *Хочичъ* и т. д. Выбранный старцемъ находится среди выборщиковъ и, былъ, повидимому, избранъ вторично (Селивонъ, старецъ, з *Лешницы*). Остается подъ сомнѣніемъ одно обстоятельство: названные девятнадцать челоуѣкъ заявляютъ: „Мы, мужи Любошанцы, с порученья всея волости Любошанское, визнаваемъ симъ нашимъ листомъ (слѣдуютъ имена): обобрали есмо вси всполокъ старцомъ чоловека волости Любошанское ж на имя Селивона Хласовича“. Это мѣсто не совсѣмъ опредѣленно говоритъ: *выбирали* ли они старца по порученію волости, или же только по порученію ея составили *листъ*, то-есть, *письменный приговоръ*, который и объявили въ Вильнѣ? Вѣроятно же всего, что представители сель были и выбиравшими старца и составлявшими объ этомъ *листъ*; въ данномъ случаѣ можно было бы напомнить, что и на копный судъ обычно выходили не всѣ *люди*, но выборные ²⁾.

Въ виду важнаго значенія разсматриваемой стороны общинной жизни, намъ слѣдуетъ еще остановиться на нѣсколькихъ примѣрахъ. Въ 1556 г. возникла тяжба между волощанами могилевскими и ихъ державцемъ, кн. В. Ив. Соломирецкимъ. Жалобщики, между прочимъ, указывали, что державца самъ устави въ волости старца Якова, который „великіе драгезства и тяжкости“ чинилъ людемъ. Господарь по этому вопросу высказывается весьма опредѣленно, требуя смѣщенія старца и назначенія другаго, — „чоловека доброго, а годного, кого волость похочеть и который бы за людьми стоялъ“ и справедливость чинилъ ³⁾.

Мало того, одинъ документъ объясняетъ намъ даже, когда и на какіе сроки выбирали общиннаго старца. Волость Борисовская жалуетъ на разныя кривды, чинимыя ей воеводоу виленскимъ Гаш-

¹⁾ Акт. см. ниже, въ прим. на стр. 109.

²⁾ *Спротивъ*, op. cit.

³⁾ Акты Лит.-Русск. госуд., т. I, № 235.

тольдомъ, и между прочимъ на слѣдующее: „А ещо, милостивая господарине, у томъ намъ кривду чинить: штожь какъ межи себе *по веснѣ*, собравшия зъ мужми посполъ, которого межи себе старца уставить хочеть“, отъ того намѣстникъ беретъ съ волости пять копъ да еше на воеводу пять копъ ¹⁾). Такимъ образомъ, старцы выбирались ежегодно весною; время выбора, замѣтимъ, вполнѣ совпадаетъ съ датой приговора мужей Любошанскихъ.

Данныя актовъ, о которыхъ мы только что говорили, обращаютъ на себя вниманіе еше въ двухъ отношеніяхъ. Впервыхъ, они ясно показываютъ, что уже въ началѣ XVI вѣка королевскіе урядники стремятся стѣснить общинную жизнь, или замѣняя старца собственнымъ слугою, или взимая непомѣрную пошлину за выборы. Эта политика королевскихъ урядниковъ стоитъ, разумѣется, въ тѣсной связи съ общею шляхетскою политикою того времени по отношенію къ земледѣльческому населенію страны. Но тѣ же акты могутъ разъяснить намъ и еше одну сторону общинной жизни. Въ источникахъ встрѣчаются указанія на то, что старчество раздаетъ и самъ великій князь или его намѣстникъ: выше былъ приведенъ документъ, въ которомъ король приказываетъ намѣстнику давать того старца волости, котораго она захочеть, но изъ документа ясно видно, что старецъ выбирается; значить, намѣстникъ „даеть“ старца, то-есть, утверждаетъ выбраннаго волостью; далѣе, мы видѣли, что въ Борисовской волости и воевода и намѣстникъ взимали плату за выборъ старца. Правда, въ документѣ не совсѣмъ ясно, что оспаривали волошане—самое право взимать за выборы старца или размѣръ пошлینی; но вполнѣ возможно, что старцы вносили за свой выборъ намѣстнику или самому великому князю извѣстную плату. Такъ, сохранилась одна запись о раздачѣ въ Трокахъ намѣстничествъ и старчествъ: хотя въ записи говорится о *раздачѣ* старчествъ, но не слѣдуетъ ли и здѣсь предполагать предварительнаго выбора ²⁾)?

Мы привели нѣсколько фактовъ, гдѣ старцы упоминаются въ такъ называемыхъ Поднѣпрскихъ, Полоцкихъ и Торопецкихъ ³⁾ волостяхъ. Но изъ этого было бы ошибочно выводить заключеніе, что старцы.

¹⁾ Акты Ю. и З. Р., I, р. 62.

²⁾ „А старченье Речицкое взялъ Комаръ, королю далъ 2 корабельники“... „Отъ серебрянаго старченья могилевскаго Юрко далъ 13 копъ. Отъ медоваго старченья Андрейко далъ 4 копы“. Акты Лятовск.-русск. госуд., т. I, стр. 52.

³⁾ Акты З. Р., I, стр. 198, 171, 27.

какъ представители крестьянской общины, извѣстны только въ восточныхъ областяхъ литовско-русскаго государства. Напротивъ, старцевъ мы встрѣчаемъ и на западныхъ его окраинахъ: въ Пинскомъ княжествѣ ¹⁾, на Волини ²⁾, въ Новгородскомъ повѣтѣ ³⁾, на Подляшѣ ⁴⁾, въ собственной Литвѣ ⁵⁾.

Важно отмѣтить и то обстоятельство, что старцы въ литовско-русскихъ областяхъ несомнѣнно древнѣе литовскаго владычества: наиболѣе раннія упоминанія о нихъ относятся къ концу XIV столѣтія и въ Полоцкихъ волостяхъ ⁶⁾, гдѣ въ то время и не могли еще утвердиться литовскіе порядки.

Въ нашу цѣль не входитъ обзорнѣе функцій другихъ представителей крестьянскихъ властей—приставовъ, сотскихъ, сорочниковъ и десятниковъ; хотя и эти власти выступаютъ во главѣ крестьянскихъ общинъ, особенно когда дѣло касается матеріальныхъ интересовъ общины, но несомнѣнно они, какъ по происхожденію своему ⁷⁾, такъ и потому, что они назначались королямъ, или его урядниками ⁸⁾, не могутъ быть отнесены къ представителямъ самостоятельной общинной жизни. Любопытно одно, что нигдѣ сотники, сорочники или десятники не дѣйствуютъ совмѣстно съ старцами ⁹⁾, хотя нѣкоторые изъ нихъ стоятъ во главѣ волостей. Старцы въ западной половинѣ литовской Руси уже въ первые годы XVI вѣка упоминаются рѣдко, случайно; въ восточной же они представляютъ еще въ тридцатыхъ годахъ XVI вѣка прочный институтъ, вступающій небезуспѣшно въ борьбу съ королевскими намѣстниками. Если мы сопоставимъ это явленіе съ тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что измѣненіе древнерусскихъ сельско-хозяйственныхъ отношеній географически распро-

¹⁾ Акты Вил. Арх. Ком., XX, р. 300.

²⁾ Архивъ Юго-Зап. Р., ч. VII, т. I, стр. 38—39.

³⁾ Акты Вил. Арх. Ком., XIII, 337.

⁴⁾ Вил. Арх. Сб., I, 133.

⁵⁾ Акты Лит.-русск. госуд. т. II, стр. 116 и 75.

⁶⁾ А. З. Р., I, 27.

⁷⁾ *Линиченко*, Черты изъ исторіи сословій въ юго-западной (Галицкой) Руси, М. 1894, стр. 116.

⁸⁾ *Любаскій*, *op. cit.*

⁹⁾ Державца моголевскій устанавливаетъ своихъ десятниковъ въ волости, и крестьяне жаждутся на это, Акты Литовск.-русск. госуд., т. I, № 235. Въ жалобахъ волости, какъ мы видѣли, часто оспаривается право намѣстника держать въ волости своего слугу, намѣстника. По всей вѣроятности, эти слуги то же, что въ другихъ актахъ десятники и сотники намѣстничьи.

странялось съ запада, то и ранняя замѣна старцевъ въ Подляхѣи, Черной Руси и на Волини другими, болѣе зависимыми отъ уряда, властями, станеть вполнѣ понятною. Для замѣны выборныхъ общинныхъ властей были привлечены не новыя по своему происхожденію власти (такъ какъ сотники и пр. тоже старинный институтъ): представители различныхъ специальныхъ службъ, зависямыя вполнѣ отъ дворцоваго уряда, были готовымъ матеріаломъ для такой замѣны ¹⁾.

Обратимся теперь къ тѣмъ предметамъ, которые вѣдалъ старецъ.

Прежде всего мы отмѣтимъ, что старцамъ принадлежалъ судъ въ волости или по крайней мѣрѣ участіе въ немъ. Такъ, напримѣръ, Александру жаловались въ 1497 г. старецъ и люди Старцовой волости на намѣстника торопецкаго по поводу разныхъ притѣсненій со стороны послѣдняго; король между прочимъ приказываетъ намѣстнику „не судити ихъ, ни рядити: маеть ихъ судити и рядити старецъ, а любо выѣздчій нашъ, который выѣдетъ къ нимъ по дань нашу, а любо за ныне наши дѣла кого вышлемъ“ ²⁾. Въ данномъ случаѣ судъ вѣдался однимъ старцемъ. Но иногда старецъ судилъ съ помѣщичьимъ или королевскимъ намѣстникомъ совмѣстно. Въ 1499 году вел. кн. Александръ, рѣшая споръ между владыкою Лукою и мѣшанами полоцкими о людяхъ, данныхъ кн. Скиргелломъ крылошанамъ св. Софїи въ Полоцкѣ, такъ говоритъ относительно суда старца: „а судити мають ихъ (людей) крылошане изъ старцы тѣхъ волостей, а вина на крылошанъ же маеть быти по давному“ ³⁾. Встрѣчаемъ также объ участіи въ судѣ старцевъ и мужей волости въ другихъ мѣстахъ Полоцкаго повѣта ⁴⁾.

Само собою разумѣется, что указать на компетенцію старцеваго суда, вслѣдствіе недостатка данныхъ, нельзя. Но было бы ошибочно думать, что въ приведенныхъ извѣстіяхъ мы имѣемъ дѣло съ какими нибудь исключительными случаями—привилегіями. Грамоты лишь исправляютъ старину; въ послѣднемъ, напримѣръ, случаѣ в. кн. Александръ только подтверждаетъ порядки, установленные нѣкогда кн. Скиргайлою. Недостаткомъ данныхъ нельзя также объяснять, что судебными функціями старцы обладали только въ восточныхъ обла-

¹⁾ Ср. извѣстіе о десятиникахъ владычныхъ, А. З. Р., I, стр. 103.

²⁾ А. З. Р., I, стр. 171. Свислочьскіе волощане имѣли, по уставѣ, судъ о брѣтняхъ, *ibid.*, II, р. 368.

³⁾ А. З. Р., I, стр. 198.

⁴⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, стр. 29.

стяхъ: слѣдуетъ по этому поводу помнить, что мы наблюдаемъ общину въ моментъ ея разрушенія, что, наконецъ, тяжущіеся на копныхъ судахъ, вѣроятно, небезосновательно называли своихъ судей *панове старци* ¹⁾;

Но судомъ не ограничивалась дѣятельность старца. Главнѣйшія функціи старца состояли въ сборѣ податей. Въ предыдущемъ изложеніи мы уже встрѣчали такіе факты, изъ которыхъ видно, что старецъ и собиралъ подать и игралъ важную роль при раскладкѣ податей. Но мы видѣли также и то, что старецъ не самолично меты металъ на волость, когда оказывалась нужда въ волостныхъ расходахъ, но въ присутствіи мужей волости. Одинъ документъ, на который приходилось уже сослаться въ предыдущемъ изложеніи, указываетъ и на то, что рядомъ со старцемъ въ волости были и *бирчи*, собиравшіе подати и, повидимому, долженствовавшіе отдавать отчетъ въ ихъ употребленіи волости; но роль этихъ бирчихъ по отношенію къ волости не совсѣмъ ясна. Несомнѣнно одно, что предъ скарбомъ представителемъ финансовыхъ функцій въ общинѣ былъ старецъ. Въ большинствѣ случаевъ, особенно въ концѣ XV вѣка, старецъ самъ относитъ волостныя дани въ господарскій скарбъ ²⁾. Само собою разумѣется, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ записяхъ приходоу господарскаго скарба встрѣчаемъ указаніе на то, что волостяне принесли подати, то, надо думать, во главѣ ихъ былъ все-таки старецъ ³⁾; множественное число въ такихъ случаяхъ можетъ служить лишь указаніемъ, хотя и косвеннымъ, на то, что старецъ велъ расчеты съ скарбомъ въ присутствіи другихъ мужей волости, быть можетъ тѣхъ же бирчихъ. Необходимо еще сдѣлать одно замѣчаніе. Въ древнѣйшихъ записяхъ иногда встрѣчается указаніе, что намѣстникъ такой-то волости даетъ дань въ скарбъ. Ошибочно было бы думать, что въ данномъ случаѣ намѣстникъ замѣняетъ старца: старецъ и намѣстникъ одной и той же волости даютъ иногда дань въ скарбъ въ одно время; очевидно, слѣдовательно, намѣстникъ даетъ въ скарбъ со своихъ намѣстничьихъ доходовъ, а старецъ вс-

¹⁾ См. указанную статью г. *Спроисса*.

²⁾ Акты Виленской арх. ком., XX, 300; А. З. Р., I, стр. 171; Акты литовско-русск. госуд., т. I, 64.

³⁾ См. Акты литовско-русск. госуд., т. I, стр. 63—64. Въ 1496 г. писарь господарскій „бразъ“ дань съ Задвинскихъ волостей; но оказывается онъ „бразъ“ ее въ Берштахъ—значить, сюда принесли старцы, писарь же самъ не ѣздилъ по волостямъ, *ibid.*, 67.

лости—волостные сборы¹⁾. Это обстоятельство требуетъ крайне осторожнаго отношенія къ извѣстіямъ о сборѣ дани съ волости самими намѣстниками.

Для центральнаго правительства старецъ во всякомъ случаѣ является представителемъ финансовой администраціи волости. Если князь освобождалъ когонибудь отъ тягла вмѣстѣ съ волостью, то онъ извѣщалъ объ этомъ не только намѣстника, но и старцевъ²⁾. Равнымъ образомъ, если господарь выдѣлялъ нѣсколько тяглыхъ службъ изъ волости частному лицу, освобождая эти службы отъ государственнаго тягла, то и въ этомъ случаѣ онъ поставлялъ въ извѣстность старца³⁾. Даже выдѣлъ незанятой земли въ предѣлахъ волостной территоріи, въ случаѣ сомнѣній, производился при помощи опроса мужей волости⁴⁾, наконецъ, онъ завѣдуетъ пустовщинами въ волости, осаживаетъ ихъ прихожими людьми⁵⁾. Старецъ поставляется также въ извѣстность объ отдачѣ господаремъ мытныхъ сборовъ въ волости⁶⁾.

Отсюда понятно важное значеніе старца во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда такъ или иначе затрогивается финансовая сторона общины. Старецъ въ этихъ случаяхъ является блюстителемъ общинныхъ интересовъ во главѣ волости. Многочисленные случаи подобнаго рода представительства мы видѣли въ предыдущемъ изложеніи, когда передавали факты борьбы волости съ областною администраціею. Но мы остановимся еще на нѣсколькихъ изъ нихъ, рисующихъ дѣятельность старца и кругъ общинныхъ интересовъ.

Въ 1497 г. великій князь Александръ разсматривалъ жалобу намѣстника витебскаго Станислава Глѣбовича на людей Озерицкой и Усвятской волостей. Старецъ и мужи утверждали, что они не обязаны волочить оз. Вымны, потому что освобождены отъ этого грамотою Витовта, и что намѣстники въ данномъ случаѣ ввели новину; но оказалось, что листы освобождали ихъ только отъ платы неводничимъ, а не отъ работы, въ чемъ сознались и сами волощане.

1) Акты литовско-русс. госуд.: „Мозырскій наместникъ далъ 12 коп. гр. великому князю, старецъ мозырскій далъ 4 копы грошей“, т. I, стр. 64.

2) А. З. Р., I, 18; *Леонтовичъ*, Акты Литовской Метрики, № 11.

3) *Леонтовичъ*, *ibid.*, № 74; Акты литовско-русс. госуд., стр. 16.

4) *Ibid.*, № 118.

5) Арх. Сб. Вил., III, 272, 276.

6) *Ibid.*, № 180.

Тотъ же намѣстникъ жаловался на волощанъ Озеричскихъ, что они отказываются косить луки на р. Лужеснѣ и забивать езы ¹⁾. Такимъ образомъ, представители волости пытаются освободиться отъ части лежавшаго на нихъ тягла.

Всякая новина, всякое притѣсненіе со стороны намѣстника встрѣчаетъ отпоръ въ представителяхъ волости, во главѣ которыхъ выступаетъ старецъ. Около 1540 г., напримѣръ, подданные королевскіе подали цѣлый списокъ жалобъ на новины и вымогательства ихъ державцы кн. Андрея Мелешковскаго ²⁾. Примѣры подобнаго рода жалобъ мы уже видѣли.

Волость была, разумѣется, озабочена правильною и не тягостною для населенія раскладкою податей. Несмотря на противорѣчивыя иногда данныя, все же остается то общее впечатлѣніе, что на волость налагалась общая сумма дани, и разрубъ ея производился самою волостью. Мы выше видѣли, что крестьяне борются съ намѣстниками даже въ половинѣ XVI вѣка изъ-за права самостоятельнаго разруба; видѣли, что крестьяне кладутъ сами разметы; наконецъ, видѣли, что крестьяне сами вносятъ въ скарбъ подати, что предполагаетъ самостоятельную разверстку. Кромѣ всего этого, до насъ сохранилось нѣсколько „уставъ“ податныхъ Могилевской волости: въ нихъ весьма опредѣленно указывается, что съ волости идетъ общій господарскій доходъ, независимо слѣдовательно отъ числа ея жителей; доходъ при кор. Еленѣ собирался въ такихъ же размѣрахъ, какъ и въ 20-хъ годахъ XVI вѣка, хотя численность населенія за это время не была однообразною ³⁾. Въ самомъ дѣлѣ въ 1523 г. волощане и старцы Могилевской волости бьютъ господарю челомъ о томъ, что въ волости много пустыхъ земель, которыми они не пользуются, между тѣмъ писаря взимаютъ дани и за пустыя земли; господарь освободилъ ихъ отъ даней съ земель пустыхъ, которыхъ волощане не пашутъ ⁴⁾. Но въ 1530 г. волощанамъ снова пришлось повторять свою просьбу о томъ же ⁵⁾. Просьба волости о сложеніи податей съ пустовщинъ вполне понятна, потому что общинѣ приходилось платить и за ушедшихъ. Устава Бобруйской волости 1533 г. говоритъ объ этомъ вполне опредѣленно: уходъ подданныхъ причиняетъ „шкodu“ скарбу и „тяж-

¹⁾ Акты литовско-русс. госуд., т. I, стр. 76.

²⁾ Акты литовско-русс. госуд., № 199.

³⁾ См. Акты литовско-русс. госуд., т. I, стр. 187 и 173.

⁴⁾ Ibid., стр. 192.

⁵⁾ Ibid., № 206.

кость“ оставшимся, потому что послѣдніе „за тыхъ сами дань нашу платять“¹⁾.

Могилевская волость не представляла исключенія. Въ 1540 г. король Сигизмундъ Старый даетъ грамоту Свислочнои волости, которою подтверждаетъ старину: „дань на насъ господаря дають со всеи волости подлѣ давного обычаю“; при замѣтѣ дани „ни вриадникъ и ни хто к нимъ не маеть вѣвжати, одно сами мужи и закидывають“. Замковому вриаднику волощане нѣкоторыя подати отдають „съ трехъ сохъ“, нѣкоторыя со всей волости, а сѣно и дрова — съ дыму²⁾. Такимъ образомъ, раскладка государственныхъ податей лежала на волости³⁾. И несмотря на всѣ пренятствія, такой порядокъ, то-есть, опредѣленіе общей суммы господарскихъ доходовъ съ волости, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ продолжается до конца XVI столѣтія. Еще въ 1589 г. Сигизмундъ III подтверждаетъ нѣсколькимъ мелкимъ волостямъ Полоцкаго повѣта ихъ старину: скарбовый реестръ, которымъ дани съ этихъ волостей опредѣлены общею суммою съ каждой волости⁴⁾. Въ виду этого, разъ мы встрѣчаемъ въ люстраціяхъ половины XVI вѣка опредѣленіе господарскихъ даней съ цѣлаго села, то естественно предположить, что податная разверстка лежала на обязанности села⁵⁾.

Приходилось не разъ уже указывать на то, что мѣстная администрація борется съ особенностями крестьянскаго самоуправления. Мѣстной администраціи было выгодно замѣнить своими служебниками

¹⁾ Книга Зап. Лит., XV, л. 172.

²⁾ А. З. Р., II, 367.

³⁾ Приведемъ еще нѣсколько данныхъ, говорящихъ объ общинной раскладкѣ: въ судебномъ вырокѣ М. Радзивила по поводу жалобы волости Мозирской на державцу своего Нарбута мѣщане жалуются: „Мы дей въ волостью подле привилія его королевское милости платъ ерочистый даемъ двесте копъ и шестьдесятъ копъ грошей, а двесте и шестьдесятъ бочокъ жыта; с того дей державца мель выхованье свое мѣти и посла и гонца стацеями и пдводами поднимати“. Ки. Судн. Дѣлъ Лит., XVII, лл. 84—87.

⁴⁾ „Нищатская волость повинни давати, водлугъ реестру старого, бобровщины по полтрети копы грошей широкихъ, меду пресного пудовъ чотыри, за данью городничому полоцкому дванадцать грошей широкихъ, на сторожы замковне зъ дыму по два гроши широкихъ, хоружому полоцкому по двѣ копе грошей литовскихъ, его королевской милости одну свѣтлицу зъ иншими волостями, зъ людми волость Клясацкое“ и т. д., А. Ю.-З. Р., I, 229.

⁵⁾ Дань со всего села опредѣлена, напримѣръ, въ селахъ Остерскихъ и Мозирскихъ, см. Архивъ Юго-Зап. Р., ч. VII, т. I, стр. 597 и стр. 620 и слѣд.

представителей волости. Очень возможно, что бѣдность крестьянъ или другія причины побуждаютъ ихъ вносить въ скарбъ меньше, чѣмъ считали скарбные реестры. Администраторы не разъ ссылаются на недобросовѣстность данниковъ при взносѣ дани, а помочь скарбу предполагалось или усиленною опекой надъ общиной, или полнымъ отнятіемъ у крестьянства его правъ на раскладку податей. Понятно и то, что неподвижность государственныхъ, опредѣляемыхъ по старинѣ, податей не могла не озабочивать скарбъ, нужды котораго въ половинѣ XVI вѣка разрастаются. Реформа крестьянскаго землевладѣнія явилась при такихъ условіяхъ логическою необходимостью и для центральнаго правительства. Она явилась въ видѣ волочной системы. При введеніи волочной помѣры финансовая особенность общины теряла всякое значеніе. Это доказываютъ не только многочисленныя люстраціи, въ которыхъ строго проведенъ принципъ правительственной разверстки податей, отчасти и повинностей, но и нѣкоторыя болѣе прямыя указанія. Въ 1561 г. Григоріемъ Воловчичемъ и Николаемъ Нарушевичемъ дана Рѣчицкой волости устава, опредѣляющая подати и повинности города и волости уже на основаніи волочной помѣры. Устава прямо говоритъ о прекращеніи волостной разверстки въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „мѣщане в мѣстехъ и старцы по волостяхъ мають вжо престати разрубовъ и розметовъ класти на подданныхъ господарскихъ: бо вжо яко волощане, такъ и мѣщане господарекіе отъ того вызволены и выняты суть“ ¹⁾. Но, что создалось вѣками, то не сразу поддавалось правительственной регламентаціи. Такъ въ волочной уставѣ Могилевскихъ волостей нѣкоторыя подати и повинности, какъ бобровщина и сторожовщина, оставлены при волостной разверсткѣ ²⁾.

Указывая на самодѣятельность въ податномъ отношеніи волостной общины, необходимо сдѣлать еще одну оговорку. Мы говоримъ объ общинѣ конца XV и начала XVI стол. Здѣсь является вопросъ: слагаются ли финансово-административные порядки общины на глазахъ исторіи подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ факторовъ общегосударственной жизни, или эти порядки стариннаго происхожденія? Слишкомъ много было приведено фактовъ для того, чтобы составилось убѣжденіе въ томъ, что мы имѣемъ дѣло съ общиной въ моментъ ея разрушенія: сначала борьба ведется на почвѣ личныхъ

¹⁾ А. З. Р., IV, стр. 130.

²⁾ Арх. Сborn. Вил., I, стр. 188.

отношеній мѣстной администраціи съ волостью; съ половины XVI вѣка на помощь уряду выступаетъ центральное правительство со своими реформами. Но когда сложилось то общинное зданіе, которое разрушаютъ въ первой половинѣ XVI вѣка,—сказать трудно. Что оно не могло сдѣлаться: въ періодъ разрушенія,—это понятно. Но нѣтъ источниковъ, чтобы прѣникнуть въ болѣе раннее время, въ періодъ созиданія литовско-русскаго государства. Чтобы не уклоняться въ сторону, мы ограничимся лишь предположеніемъ, что и въ начальный періодъ литовско-русскаго государства обозначенная организація, по крайней мѣрѣ, въ финансовой сферѣ уже существовала. Въ одной грамотѣ вел. кн. Витовта, данной борисовцамъ о тивунскомъ доходѣ, встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто: „а вѣсити (медовую дань—тивунскій доходъ) ихъ человѣку борысовцу по старинѣ передъ тивуномъ и передъ мужи, а тивунамъ и слугамъ его въ то не вступатися и ничѣмъ чрезъ пошлину не обидити“¹⁾. Нельзя широко толковать эту грамоту, но можно, кажется, представить порядокъ отдаванія дани такой: „человѣкъ“, — мы бы приравняли его старцу, — въ присутствіи мужей волости сдавалъ дань тивуну отъ всей волости; слѣдовательно и дань была собираема самими волощанами. Такимъ образомъ, нѣтъ данныхъ видѣть въ административно-финансовой дѣятельности общины такого явленія, которое сложилось бы сравнительно недавно подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ условій государственной жизни. Надо помнить, что литовско-русское правительство неоднократно заявляетъ свое стремленіе охранять обычай „звечный, стародавній“: „мы никому съ подданныхъ нашихъ новины не вводимъ, а старины не рушаемъ“²⁾.

Изучающему западно-русскую общину приходится съ особенною тщательностью собирать факты, указывающіе на ея финансовую самостоятельность. И это потому, что на ряду съ положительными фактами, встрѣчаемъ, повидимому, и отрицательные. Хорошо извѣстенъ характеръ многихъ жалованныхъ грамотъ великихъ князей и удѣльныхъ, въ которыхъ точно опредѣляются дани съ двора или человѣка, жалуемаго княземъ. Если дань опредѣляется съ двора, то съ двора ее и платятъ, и это относится не только къ дякольнымъ дворамъ, но и къ данникамъ³⁾. Мало того, въ тѣхъ же волостяхъ,

¹⁾ А. Ю.-З. Р., т. I, стр. 3.

²⁾ А. З. Р., II, 368.

³⁾ Напримѣръ, люди Шершневичи въ Завской волости давали на ключъ Кіевскій ведро меду прѣснаго, Акты литовско-русск. гос., I, стр. 69; человѣкъ-данникъ Брян-

гдѣ встрѣчаемъ прямыя указанія на разверстку податей. встрѣчаемъ люстраціи, въ которыхъ подати разверстаны подворно, такова, напр. Гомельская волость ¹⁾, или данники Оршанской волости ²⁾, Ратненскаго староства ³⁾ и др. Эти факты не легко объяснить. Первое впечатлѣніе, которое получается при сопоставленіи ихъ съ данными бытового и юридическаго характера, освѣщающими раскладочную дѣятельность общины, таково, что эти бытовые факты противорѣчатъ законодательнымъ постановленіямъ, каковыми являются цитированныя выше уставы волостямъ. Но въ данномъ случаѣ необходимо имѣть въ виду еще нѣкоторыя соображенія. Если разобрать древнѣйшія постановленія (а они наиболѣе характерны), въ которыхъ встрѣчается подворничное опредѣленіе даней, то прежде всего является сомнѣніе, какого рода дворница въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мы имѣемъ, то-есть, жалуются ли княземъ боярское служебное дворнице, уже раньше выдѣленное изъ общины, или же дворнице выдѣляется изъ общины только въ данный моментъ самимъ актомъ пожалованія. Приведемъ примѣръ для поясненія. Ивашко Русиничъ просить у вел. кн. Александра села Сомина въ Володимирскомъ повѣтѣ. Господарь поручилъ справиться Василю Храбровичу, „какое то ест. сѣло, а што намъ с него плату идетъ“. Село оказалось тяглое, дань съ него шла опредѣленная. Но раньше Сомино было во владѣніи уже двухъ бояръ Казарина и Тишка ⁴⁾, и такимъ образомъ на господаря никакихъ съ него платовъ не шло. Село, слѣдовательно, было давно уже выдѣлено изъ общины (конечно, если само оно не составляло общины), и, конечно въ періодъ частнаго владѣнія подати и повинности съ него опредѣлялись независимо отъ общинной раскладки. Далѣе, иногда грамота давалась на людей уже послѣ того, какъ получающій ее вступилъ во владѣніе людьми по намѣстничьей данинѣ ⁵⁾. Наконецъ общеиз-

скаго пов. давалъ кадъ меду, ведро ловчее, сокола на городъ, *ibid.*, стр. 78; село Бабиновичи Смоленскаго пов. даетъ кадъ меду, 15 грошей, посощину, кунницу, насадку меда и пива и *жито* (значитъ дякольвики), *ibid.*, стр. 89, ср. дань съ данниковъ Житомирскаго повѣта, стр. 117; съ села Жасковичевъ въ Мозырскомъ пов. шло шесть копъ грошей, ведро и три полуколады меду, 4 бобра, 2 кунницы, 13 грошей воловщины и др., стр. 118; съ села Тулеговичевъ того же повѣта шло всѣхъ даней на 10 копъ грош, *ibidem*, стр. 119 и нѣк. др.

¹⁾ Акты Вил. Арх. Ком., XIII, стр. 343 и слѣд.

²⁾ Акты лит.-русс. госуд., т. II, стр. 123 сл.

³⁾ Архивъ Ю.-Зап. Р., ч. VII, т. 2, стр. 272 и слѣд.

⁴⁾ Акты литовско-русс. госуд., т. I, стр. 91—92.

⁵⁾ *Ibidem*, напримѣръ, стр. 55 и др.

вѣстенъ и тотъ фактъ, что данину большею частью подыскивалъ себѣ самъ проситель и просилъ о подтвержденіи; разумѣется, подыскавшій землю съ людьми долженъ былъ опредѣлять предъ господаремъ и ея доходность ¹⁾, то-есть, ту часть дани, которая, наложенная по раскладкѣ, приходилась съ просимыхъ людей. Но самый процессъ подыскиванія земель разказывается въ жалованной грамотѣ не всегда; не всегда можно для каждаго единичнаго случая указать, что земля жалуемая и раньше была служебною, а не выдѣляется впервые изъ волости. Хотя мы иногда встрѣчаемъ и непосредственное выдѣленіе людей изъ волости ²⁾, но и здѣсь надо имѣть въ виду условія дани: государь подтверждаетъ или данину „до воли и ласки господарской“, или насмотрѣнный самимъ просителемъ: въ обоихъ случаяхъ получающій можетъ указать, какую дань даютъ просимые люди.

Но еще болѣе интересенъ тотъ фактъ, что сама подворничная или подымная раскладка, зарегистрированная скарбовою люстраціею, не исключаетъ общинной раскладки. Такъ люстрація Реваницкой волости (даники Радошковской волости) опредѣляетъ дань подымно; недвижимыя хозяйственнаго инвентаря обложены такою же данью, какъ и имѣющіе его. Дѣло разъясняется довольно просто: на господаря идетъ общая сумма, а волощане сами ее раскладываютъ, соразмѣрно имуществу плательщиковъ ³⁾. Тѣ же порядки объяснены люстраторами Ратненскаго староства ⁴⁾, имѣнія Титовянъ ⁵⁾ и пр. Очевидно, люстрація разверстывала общую сумму шедшей съ общины подати лишь приблизительно для опредѣленія дѣйствительной доходности въ извѣстный моментъ; но это была только теоретическая раскладка, а фактическая все-таки оставалась на обязанности самихъ плательщиковъ.

До сихъ поръ говорилось о государственныхъ податяхъ. Но онѣ не столько тяготили населеніе, какъ намѣстничьи сборы. Державца

¹⁾ Ср., напримѣръ, *ibidem*, стр. 169; путные люди, напримѣръ, были obviously выпрошены за тяглыхъ, *ibidem*, стр. 136; др. факты ср. стр. 129, 127 — 128, 118 и др.

²⁾ Акты литовско-русскаго госуд., I, стр. 16: „Ино еще придали есмо у Бобруйской волости... три дворы, што въ Чичерскую волость подали ся были“.

³⁾ Акты лит.-русскаго государства, т. II, стр. 118.

⁴⁾ Дань медовая разложена по дымамъ, но: *Myodu dannego, wedlie dawnego zwiczaju, yaka na ktorego przimaliansi przichodzi* и т. д., Архивъ Юго-Зап. Р. ч. VII, т. I, стр. 292.

⁵⁾ А. Вил. К. XIV, 11.

собиралъ свой доходъ не съ волости, а съ дыма, дворища, службы¹⁾; волостельскіе доходы отличались при томъ разнообразіемъ, которое могло подавать поводъ къ злоупотребленіямъ и введенію новины. Державца же выбиралъ свои доходы не черезъ старца, а черезъ своихъ приказчиковъ и десятниковъ или сами лично.

Неопредѣленность намѣстническихъ доходовъ, ихъ разнообразіе давали поводъ къ всевозможнымъ злоупотребленіямъ. Чтобы предотвратить притѣсненія крестьянъ со стороны намѣстниковъ, великій князь издавалъ неоднократно уставы, опредѣляющія повинностныя отношенія крестьянъ; иногда сами крестьяне приходили себѣ на помощь, заключая съ намѣстникомъ договоры. Такъ, напримѣръ, волость Могилевская заключила договоръ съ своимъ намѣстникомъ княземъ Соломорецкимъ: могилевцы обязались давать князю ежегодно 120 копей грошей широкихъ за освобожденіе отъ подводъ, пастбы стада намѣстника, отъ сторожей на намѣстничьи потребности и пр.²⁾ Подобнаго рода договоръ заключила и Мозырская волость съ своимъ державцею Андреемъ Немировичемъ въ 1510 году, хотя онъ и не исполнялъ договора³⁾. Поэтому государь, разо-

¹⁾ Впрочемъ, державцы иногда часть своихъ доходовъ взимаютъ со всей волости, другую часть (болѣе мелкихъ) съ сохъ или дымовъ. Свислоцкая волость жаловалась на своего державцу п. Немировича въ 1534 г. за введеніе разныхъ новинъ, при чемъ новинами названы и волостельскіе доходы съ сохъ и дымовъ. Государь такъ опредѣлилъ намѣстничій доходъ: „водле стародавнаго обычая, какъ и за первыхъ державцевъ нашихъ бывало: 10 каменей меду, 8 яловиць, 8 вепровъ, 8 барановъ, а 2 бочки соли, а съ трохъ сохъ мають дати по солянце жыта, а по солянце овса, а по корцу крупъ, а з дыму по сыр, а по курати, по 10 еецъ а по фаску масла, а по возу сена“. Ахты литовско-русск. госуд., т. I, № 224, ср. №№ 241 и 235.

²⁾ Ахты Литовско-русск. госуд., т. I, № 235.

³⁾ Подобнаго рода договоры не единичны. Изъ вырока между старостой жойтскимъ М. Радивиломъ и волостью Тондягольской оказывается слѣдующее. Получивъ старство, Радивилъ собралъ представителей всѣхъ волостей въ свое имѣніе Кейданы и заявилъ имъ, „якъ я по посѣден не хочу ездити, яко предкове мои езчывали для того, ижъ вамъ з большою шкодою и утратою будетъ, и болшей бы вамъ вышло, коль бысте мене подымовали. Гдѣжъ ся имъ то подобало. А в тому еще в каждой волости по два вранники бывали—тывунъ а намесникъ, а от нихъ слуги два“. Радивилъ уставлялъ въ волости по одному враннику, тывунскіе доходы „показилъ“. „И учинилъ з ними угоду со всеми людьми и волости старства моего, положиломъ на нихъ платъ, якъ у волостяхъ господарскихъ: з людей идетъ на господара его милость изъ сохи по полукопью грошей, а в тому по бочке овса, по возу сена, з дыму по курати, по десети яецъ... И они то приняли сами добровольне, на што есьми у каждую волость ~~милости~~ мои подавалъ, а имъ особныи листы далъ, где жъ они на то призвоили и вхваили, подылися то платити“. Ахты Литовско-русск. госуд., I, № 239. Договоры могилевскихъ волостанъ съ державцею кн. Соломорецкимъ см. *ibidem*, №№ 235 и 241.

бравши дѣло, далъ волости подробную уставу. Характерною особенностью послѣдней является слѣдующее обстоятельство. Волость обязалась съ города и съ волости давать державцѣ по полукопѣ съ дыму. Но оказывается, что и этотъ подымный налогъ раскладывался волостью и при томъ падалъ неравномѣрно на всѣхъ плательщиковъ, хотя и была принята единица обложенія—дымъ. Мѣщане и волостные мужи обязались вносить и за малоимущихъ своихъ однообщинниковъ: если плательщикъ не будетъ въ состояніи уплатить налога, и для этого ему пришлось бы продать дитя или уйти изъ волости, то волость обязана раскинуть платежъ на болѣе богатыхъ мужей ¹⁾).

Впрочемъ. надо имѣть въ виду, что не всѣ повинности и наѣстничьи платежи, даже при отсутствіи договора, разлагались самими урядомъ на единичныхъ плательщиковъ: сторожа, подводная повинность, замковая работа и нѣкоторыя другія повинности по раскладкѣ своей вѣдались самою волостью; точно также, если державца не вѣзжалъ въ волость, то получалъ свои доходы со всей волости ²⁾).

Если подати налагаются на всю волость, то весьма понятно, что волость зорко слѣдитъ за всѣми случаями захвата волостныхъ тяглыхъ людей сосѣдними замлевлдѣльцами. О всякомъ такомъ захватѣ волость извѣщаетъ господаря и зоветъ на его судъ расхищающихъ волость ³⁾).

Нужно отмѣтить еще одну черту, объясненіе которой лежитъ въ самомъ характерѣ отношеній мѣстной администраціи къ волости. Правительство часто не знаетъ, на какую сторону можно положиться: оно не довѣряло и своимъ урядникамъ и самимъ волощанамъ. Въ 1525 г., напримѣръ, господарь издаетъ указъ старцамъ и мужамъ волости Могилевской, чтобы они давали тивунщину прямо въ скарбъ; раньше, говорится въ листѣ, волость давала тивунщину тому, кому князь поручалъ; теперь, еслибы изъ канцеляріи даже былъ выданъ кому либо листъ на выбиратье тивунщины, — волость не должна выдавать и на такой листъ ⁴⁾). Правительству часто приходилось считаться съ расхищеніемъ скарбовыхъ доходовъ его же чиновниками ⁵⁾).

¹⁾ Акты Литовско-русс. госуд., т. I, стр. 144—146.

²⁾ См., напримѣръ, Акты Литовско-русс. госуд., т. I, стр. 173.

³⁾ Ibidem, стр. 61 и др. *Леонтовичъ*, № 319.

⁴⁾ Акты Литовско-русс. госуд., т. I, стр. 198.

⁵⁾ Съ Бобруйскаго волости не дошло въ 1528 въ скарбъ даней, обозначенныхъ въ реистрахъ: „а передъ тымъ не только с тое волости дани выхаживало, о чомъ же мы добре веми и реистра оное сумы и тепер в насъ суть“, а писаря побрали собранное себѣ. Кн. Зап.-Литовск., XV, л. 102—103. (Акты Литовск.-Русск. госуд., I, № 219).

Но и представители уряда зорко слѣдили за слабыми сторонами волостныхъ порядковъ. Если волость неисправно вносила платежи, находился желающій взять волость въ держанье для болѣе исправнаго взиманія податей. Въ 1528 г. Сигизмундъ I отдалъ въ держанье волость Горвольскую Богдану Шолухѣ, потому что она, по докладу того же Шолухи, неисправно вносила дани: державца долженъ былъ выбирать дани и вносить въ скарбъ общую сумму, которая полагалась съ волости, „врокомъ“¹⁾).

Предыдущее изложеніе выясняетъ двѣ разновидности одной и той же финансовой дѣятельности общины. Но у волости была еще одна сторона той же дѣятельности — собственные волостныя нужды, на которыя требовались разметы между волощанами.

Нѣтъ необходимости повторять здѣсь то, что говорилось раньше о правахъ волости дѣлать разметы на свои надобности. Волость имѣла и свои „волостные пенези“. Напомнимъ, что и въ эту сферу дѣятельности общины проникаетъ опека уряды и пытается, подъ разными предлогами, ограничить волостную самодѣятельность.

Къ счастью, наши источники сохранили намъ кой-какія свѣдѣнія о томъ, какія иногда бывали у волости нужды, на которыя она собирала сборы. Въ 1540 г. подданные с. Лебедева Берестейскаго повѣта разрушили мельницу, построенную пушкаремъ берестейскимъ Маркомъ Зубрицкимъ на землѣ, которую они признавали спорною. Староста п. Александръ Ходкевичъ присудилъ со всего села Зубрицкому за гвалтъ 40 копъ грошей; 30 копъ они заплатили готовыми деньгами, а въ 10 копахъ заложили Зубрицкому двѣ нивы. О своей мировой съ Зубрицкимъ подданные лебедевцы, во главѣ со своимъ старцемъ, составили листъ вызнанный²⁾. Въ этомъ документѣ источники сохранили намъ одинъ изъ поводовъ, когда волощанамъ надобилось прибѣгнуть къ самообложенію. Иногда и сама волость по суду, напримѣръ, получала ту или другую сумму. Такъ въ 1555 г. старецъ могилевскій Андрей Печера съ другими представителями волости просилъ записать въ книги канцелярейскія, что волость получила удовлетвореніе отъ бояръ Радки Щолкановича и Семена

¹⁾ Ibidem, стр. 206.

²⁾ Кн. Зап. Литовск., XIII, л. 28 об.—29 об. Разрушеніе млына было сдѣлано, конечно, по постановленію громады. Примѣры подобныхъ постановленій извѣстны и изъ другихъ документовъ, см., напримѣръ, Архивъ кн. Сангушекъ, IV, стр. 174.

Котла въ количествѣ 104^{1/2}, копъ грошей ¹⁾). Къ сожалѣнію, заявленіе крестьянъ не объясняетъ, почему эта значительная сумма была дана волости боярами, но, надо думать, она была присуждена за какое либо безчестье или убытки.

Само собою разумѣется, что этими случайными указаніями вовсе не исчерпываются всѣ поводы, когда волость расходовала на свои волостныя потребности деньги, или сама ихъ получала. Мы не можемъ и ожидать обилія фактовъ подобнаго рода отъ книгъ государственной канцеляріи, которыя сохранило намъ время. Можно отмѣтить еще, что община имѣетъ, наприимѣръ, свой перевозъ и беретъ на немъ мыто ²⁾, имѣетъ свою общинную церковь ³⁾, наконецъ мельницу ⁴⁾. Но и этого достаточно, чтобы видѣть, что община представляла изъ себя не только государственную финансово-административную единицу, но имѣла и собственный кругъ дѣятельности.

Самою важною, конечно, стороною общинной жизни было владѣніе землею. Разрѣшеніе этого вопроса представляетъ наиболѣе затрудненій для изслѣдователя западно-русской общины. Обыкновенно признаютъ, что въ Западной Россіи преобладающею формою крестьянскаго землевладѣнія уже съ XV вѣка является двориче, служба съ семейно-родовымъ характеромъ. Мы встрѣчаемъ въ актахъ дворича, имѣющія опредѣленный земельный надѣлъ, съ котораго идетъ опредѣленная служба. Разъ двориче оформилось такимъ образомъ, то, по видимому, здѣсь нѣтъ мѣста для общиннаго владѣнія по крайней мѣрѣ пахотною землею. Однако, надо отличать такія дворича и службы, которыя почему либо выдѣлились изъ общины; необходимо, поэтому, обратиться къ неразложившейся общинѣ. Выше нами былъ приведенъ общественный приговоръ мужей Любошанской волости о выборѣ старца. Оканчивается этотъ приговоръ слѣдующимъ постановленіемъ тѣхъ же мужей: „Итакъ ся есмо его милости господарю подвезали: ижъ которыи земли паставскии в той волости Любошанской есть, мы тыи земли на себе розобрати хочемъ. А маемъ с тыхъ земель господарю его милости в кождый годъ дань медовую, и грошовую, и бобры и куницу

¹⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Литовск., XXXIV, л. 87.

²⁾ *Леоновичъ*, Акты Метрики Литовской, I, № 381.

³⁾ Акты литовско-русскаго государства, II, стр. 119 (Радомковская волость).

⁴⁾ *Ibidem*, стр. 116: „Село Реванячы... при немъ река от села на пол-мили, зовуть ее Уша, на которой есть ставъ и млынь мелеть, нижли волость Реваняцкая сами себе тотъ ставъ заняли и на нихъ же мелеть, а отъ чужового-люстцовъ завозу нетъ“.

все сполна выдавати до скарбу его милости по старому¹⁾. Приведенный фактъ не даетъ опредѣленнаго отвѣта по вопросу о характерѣ общиннаго землевладѣнія. Изъ него ясно одно, что къ волости тянется извѣстная неразработанная территория, которую крестьяне рѣшились „разобрать“ по службамъ; за взятую землю они обѣщаютъ вносить причитающееся на господаря количество даней; мало того, община считаетъ нужнымъ извѣстить объ этомъ господаря. Извѣстенъ и другой аналогичный случай: крестьяне полоцкаго воеводы Яна Глѣбовича бьютъ челомъ своему помѣщику о дозволеніи передѣлить между собою *всю* земли и дани распределить поровну по службамъ; воевода позволилъ имъ раздѣлѣть, но въ присутствіи своего приказчика²⁾. Можно впрочемъ, указать и на то, что не всегда крестьяне извѣщали господаря о предпринятыхъ ими сообща разробкахъ: въ Пинскомъ староствѣ великій князь

¹⁾ „Мы мужы Любошанцы, с порученья всея волости Любошанское визнаваемъ симъ нашимъ листомъ,—Ясь с Кекерова, Панко съ Стоялѣ (?), Мышко с Кожмыч, Слудѣ Высоки, Симонъ зъ Суши, Сорока з Хочичъ, Дорощ Старынчичъ, Платонъ с Варякошичъ, Иванъ з Далель, Семень Старынчичъ, Андрей Хороховскій з Добриловичъ, Фома Масъ (с) Добрыловичъ, Данило Сланковичъ з Далель, Можей с Высокичъ, Илейка з Бросневичъ, Толстый з Довгоедъ, Селивонъ, старецъ, з Лешницы, Прыкрый в Любошанехъ, Овсей Семеновичъ (з) Любошанъ—обобрали есмо вси восполонъ старцомъ човева волости Любошанское ж на имя Селивона Хласовича. И такъ ся есмо его милости господарю подвезали: ижъ вторымъ земли наставскии (очев. наставскии) в той волости Любошанской есть, мы тые земли на себе разобрати хочемъ, а маемъ с тыхъ земель господарю его милости в кождый годъ дань медовую и грошовую и бобры и вулицу—все сполна выдавати до скарбу его милости по старому. И на то дали есмо себъ нашъ листъ под нашимъ клейны. Писанъ у Вильни под лето бож. нарож. 1500. мѣа мар. 9 день, индиктъ 7^а. Кн. Судн. Дѣлъ Лит. VII, л. 115—115 об.

²⁾ Фактъ указанъ у *Любавскаго*, Областное дѣленіе, стр. 471. Приводимъ этотъ важный документъ: „Про память панъ его милость (воевода полоцкій) казалъ в книги записати: Штожъ били чоломъ его милости люди вси волости Готлянского и Гостиловское, абы его милость дозволилъ имъ вси земли ихъ пашные и бортные и дань медовую и грошовую на ровные части межъ нихъ поровновати и по службамъ поделити. И панъ его милость то имъ дозволилъ передъ вридикомъ своимъ сее весны вчинити. И якъ вчинити, о томъ казалъ его милость до себе имъ отписати. А которые половицы девятое меры дани медовое и грошовое, то колько летъ пану его милости недавали,—ягда ся в земляхъ поровнанье межъ нихъ стаетъ, на онъ часъ вси люди Готлянские будутъ повинны пану его милости тую дань, которая у ихъ колько летъ погнула, сполнити, а за утаенье и за неотдаванье тежъ дани хмелевое мають погътрети кошъ грошей заплатити. Писанъ в Готлянихъ, под лето бож. нарож. 1588, мѣа декабра 15 день, индиктъ. 12^а. Кн. Зап.-Литовск. XVI, л. 283.

далъ землю въ волости какой-то Святохнѣ; но оказалось, что крестьяне „разробили“ эту землю на себя, и король велѣлъ обыскать Святохнѣ землю въ другомъ мѣстѣ ¹⁾. Наши данныя могутъ быть истолкованы и въ томъ смыслѣ, что крестьяне, разработавъ на пашню общинный лѣсъ или выгонъ, дѣлили его между дворицами, службами, на чемъ и прекращалась власть общины надъ общинною землею; но и такое толкованіе не вполне оправдывается другими фактами. Известны, напримѣръ, случаи, когда село, даже частновладѣльческое, выдѣляетъ часть земли на церковь, вслѣдствіе общиннаго приговора ²⁾, или случаи, когда сверхъ земли, разложенной по службамъ, оставалась еще пашня, которую крестьяне пашутъ „сообща“ ³⁾. Подданные села Лебедява, приговоръ которыхъ по дѣлу съ Зубрицкимъ мы цитовали выше, выдѣлили послѣдному въ заставу двѣ нивы ⁴⁾. Но здѣсь является вопросъ: какія нивы они выдѣлили? Или они выдѣлили такія нивы, которыя пахались всѣмъ селомъ сообща, или

¹⁾ Ревизія пущъ и переходовъ звѣринныхъ, стр. 277. О необходимости разрѣшенія для роспашей въ господарской пущѣ см., напримѣръ, *Лесотовичъ*, Актъ, стр. 140.

²⁾ Нѣсколько указаній приведено проф. *Владимирскимъ-Будановымъ*, основанныхъ на писцовыхъ книгахъ Пинскаго староства, *op. cit.*, стр. 378.

³⁾ Писц. кн. Пинск. стар., II, стр. 242.

⁴⁾ Мы мужы господарские Лебедевцы Ялуць Мицковичъ, старецъ, а Олисей Михалковичъ и Федко Панасовичъ, Кузма Ковалевичъ, Мацко Панасовичъ, Артимъ Александровичъ и Миць Игнатовичъ со всеми потужниками нашими визнаваемъ сямъ нашимъ листомъ сами на себе пану Марку Зубрицкому, пушкару замку Берестейскаго, што его милость панъ Александръ Ивановичъ Ходкевича, староста берестейскій присудилъ на насъ пану Марку за гвалты сорокъ копъ грошей. Ино вже есмо его милости заплатили тридцать копъ грошей а десеть грошей на насъ еще осталось, нижли мы баеечи трудность и упадокъ нашъ, штожь пенезей такъ скоро достати не могли, чымъ быхмо мели и тую десеть копъ грошей заплатити, и просили есмо его милости, абы онъ узалъ у насъ у заставе у тыхъ десети копахъ грошей две поли изъ житомъ. Явожь его милость бачечи нашу трудность и упадокъ взялъ его милость тые две поли в тыхъ десети копахъ грошей у заставе, которое жъ одно поле от Добротичъ, едучи въ Коштову, наеже за дорогою вперло у самый ставъ пана Марковъ в реку Корошчину, а другое поле... гдежь есмо пану Марку его милости тая обе поли предъ вижомъ замковымъ завели, не оставуючи ихъ ничего на себе. И маеть его милость тые поля до тыхъ часовъ держати, поки его милости пенези вышей писаные отдамо. А естли быхмо пенези не отдавши а в поля тые чымъ кольвекъ уступовати ся мели, тогда маемъ пану Марку съ советостью тые пенези заплатити, а на замковъ вины десеть копъ отдать“,—далѣе слѣдуютъ подписи свидѣтелей. 1540 г. 20-го января. Кн. Зап.-Литовск. XIII, л. 28 об.—29.

они выдѣлили нивы своихъ однообщинниковъ; въ послѣднемъ случаѣ, чтобы уравнивать взносъ на общественныя нужды, они должны были передѣлить остальную землю села между собою. Но для насъ важно здѣсь то, что сельская община считаетъ себя вправѣ распоряжаться общинною землею, независимо отъ того, раздѣлена она на дворища, или нѣтъ.

Если трудно найти положительные факты, которые указывали бы вполне ясно на способы общиннаго землепользованія пахотною землею, то за то относительно сельско-хозяйственныхъ угодій дѣло обстоитъ иначе. Каждое село или нѣсколько селъ имѣли земли бортные, бобровыя гоны, лѣсъ, выгоны, которые къ нему тянули. Этими ухояями они распоряжались сообща, и если кто нибудь нарушалъ ихъ право владѣнія, то вся община защищала свою землю. Такъ въ 1529 г. помѣщикъ Вагановскій судился передъ королемъ съ людьми пужицкими и токаревскими (въ Берестейскомъ повѣтѣ): люди этихъ двухъ селъ не позволяли ему имѣть вступъ и въѣздъ и разрабатывать новую пашню въ пушчѣ Пужицкой. Но Вагановскій доказалъ свидѣтельскими показаніями, что эти пушча и земли „здавна посполиты“, что пушча „спольная“ пужичанъ и токаревцевъ съ его людьми. На этомъ основаніи судъ вынесъ такое рѣшеніе, что пушча должна находиться въ общемъ пользованіи двухъ названныхъ селъ и людей пана Вагановскаго: „одинъ безъ другого воли не маеть никому дерева съ тое пушци давати, а роспашни мають себе въ той пушци роспахвати, а одинъ у другого поля, какъ у старие, такъ и новые не мають ся уступати“¹⁾). Такимъ образомъ, крестьяне отстаиваютъ угодья, которыя находились въ пользованіи двухъ селъ; но раньше съ ними, очевидно, были въ совладѣніи люди Вагановскаго, пока послѣдній не получилъ ихъ у короля. Пужичане и токаревцы хотѣли воспользоваться переходомъ своихъ однообщинниковъ къ помѣщику, но судъ рѣшилъ иначе.

Въ источникахъ мы встрѣчаемся неоднократно съ аналогичными случаями. Укажемъ еще на нѣкоторыя изъ нихъ. Такъ, въ 1495 г. люди Грешане искали передъ великимъ княземъ на ключникѣ Львѣ Боговитиновичѣ землю полазную и островъ Чертовичи²⁾); люди не доказали своего права, и земля осталась за ключникомъ. Въ томъ же году великій князь разсматривалъ тяжбу Рославской волости съ Бо-

¹⁾ Кн. Зап.-Литовск. XVII, л. 64—66.

²⁾ Леонтовичъ, № 169.

рисомъ Семеновичемъ. Волость обвиняетъ послѣдняго въ томъ, что онъ занялъ семь селъ изъ волости безъ данины господарской; даѣе, волость указываетъ на то, что Семеновичъ занялъ ихъ дуброву, выгонъ городской ¹⁾. Оба обвиненія и въ данномъ случаѣ не имѣли успѣха, потому что у отвѣтчика оказались листы—данныи. Люди токаревскіе Берестейскаго повѣта имѣютъ, напримѣръ, свои земли пашныя, бортныя и сѣножать, которыя отстаиваютъ всѣмъ селомъ ²⁾. Въ Ратненскомъ староствѣ громада владѣеть островомъ ³⁾. Люди Дубляне Городенскаго повѣта сожгли дворецъ Тишки Гринковича, утверждая, что онъ построилъ дворецъ на ихъ „властной“ землѣ ⁴⁾. Крестьяне Берестейскаго повѣта ищутъ на судѣ своей „отчинной“ земли ⁵⁾.

Когда рѣчь идетъ о такомъ важномъ и спорномъ вопросѣ, какъ общинное землепользованіе, изслѣдователю приходится быть весьма осторожнымъ въ выводахъ. Надо принимать въ расчетъ и скудость историческихъ свидѣтельствъ, и ихъ неопредѣленность, и, наконецъ, свидѣтельства противоположнаго свойства. Изъ послѣднихъ, напримѣръ, важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что трудно, повидимому, настаивать на правѣ общины выдѣлять земли вновь прибывающимъ въ нее членамъ: земли выдѣляетъ господарскій намѣстникъ, или его прикащикъ ⁶⁾. Прямыхъ указаній въ этомъ отношеніи много—это правда, — но они ослабляются нѣкоторыми соображеніями. Намъ теперь знакомы факты такого рода, что господарь ставитъ въ извѣстность волостнаго старца, какъ представителя общины, о выдѣлѣ службъ и людей изъ волости и т. п. измѣненіяхъ; съ другой стороны вридникъ или его слуга вѣзжаетъ въ волость только въ опредѣленные сроки, или даже совсѣмъ не имѣетъ вѣзда. Очевидно, что въ послѣднемъ случаѣ вриднику не легко раздавать земли въ волости, подыскивать ихъ и пр.; мало того, волость несетъ повинности и за

¹⁾ Ibidem, № 200. Кн. Зап. Лит., V, л. 42.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XXV, л. 68.

³⁾ Арх. Юго-Зап. Р., ч. VII, т. 2, стр. 293.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., V, л. 50.

⁵⁾ Кн. Зап. Лит., VI, л. 74.

⁶⁾ „А мужъ пришелъ на Кораевскую землю и прикладаѣ слуге его (намѣстника) Скурате и просилъ поместя, и онъ поместя не нашель“. (Акты Литовско-Русск. госуд., I, № 199). Поданный господарскій билъ челомъ Яну Радивилу, державцѣ волковыяскому, и „просилъ насъ о землю пустовскую на имя... и мы тую землю ему пустовщину дали, на которой, онъ поведилъ, ижъ хоромини неть“, — почему и дана льгота на 3 года. Кн. Судн. Д. Литовск., VI, л. 315.

пустующія земли, и ей. естественно, надо заботиться объ обработкѣ ихъ, хотя бы испрашивая каждый разъ разрѣшеніе уряда. Но весьма понятно, что урядъ стремится захватить раздачу прихожимъ людямъ волостной земли: онъ за отведенную землю получаетъ поклонъ, онъ стремится наложить свою опеку на крестьянъ. Далѣе, о дѣятельности уряда по раздачѣ земли мы встрѣчаемъ кое-какія указанія, а о дѣятельности старцевъ почти не встрѣчаемъ, потому что община и не вела такихъ записей. Впрочемъ, въ описаніи Дубровенской волости 1560 г. имѣемъ прямое указаніе на то, что именно старецъ „вodle уставы господарское“ завѣдуетъ пустовскими землями, осаживаетъ ихъ ¹⁾, но едва-ли устава возложила на представителя общины какую-нибудь новую обязанность.

Но вотъ на что слѣдуетъ обратить вниманіе. Въ половинѣ XVI вѣка правительствомъ предпринимается важная финансовая реформа съ цѣлью выяснить доходы, шедшіе съ господарскихъ земель, и найти новые „пожитки“ для скарба. Реформа производилась въ то время, когда административная опека и произволъ уряда въ волостяхъ достигли весьма значительныхъ размѣровъ. Съ двадцатыхъ годовъ правительство издаетъ цѣлый рядъ уставовъ отдѣльнымъ волостямъ, имѣющихъ цѣлью установить „старину“ въ отношеніяхъ областной администраціи къ крестьянамъ, точно опредѣлить подати и повинности, шедшія и въ скарбъ и на урядъ. Но все эти циркуляры не имѣли практическаго значенія: жалобы крестьянъ на державцевъ и ихъ слугъ раздаются къ половинѣ столѣтія съ большею силою, чѣмъ прежде. Это обстоятельство, въ связи съ новыми хозяйственными взглядами, разстройствомъ казны, привело правительство къ мысли о необходимости коренныхъ реформъ въ господарскихъ имѣніяхъ. Реформа выразилась въ повсемѣстномъ введеніи волочной помѣры въ западныхъ областяхъ государства и въ регистраціи службъ и дворищъ — въ восточныхъ. Памятники, касающіеся этой „ревизіи“, не объясняютъ того, какъ пользовались крестьяне землею до нея. Одной изъ цѣлей ревизіи было поставить каждаго отдѣльнаго плательщика лицомъ къ лицу съ скарбомъ; поэтому каждый клочекъ земли долженъ

¹⁾ Виленск. Археогр. Сб., III, стр. 276, 277. Однако, здѣсь же, въ другомъ мѣстѣ, обязанность заботиться о заселеніи пустыхъ земель возложена на замковый урядъ (стр. 263), что вовсе не противорѣчитъ одно другому; конечно, и урядъ заботился объ увеличеніи „пожитковъ скарбовыхъ“, о заселеніи волости, урядъ наблюдаетъ за раздачею земель.

быль имѣть своего хозяина, за которымъ могъ бы слѣдить скарбъ. При такихъ условіяхъ община не можетъ распоряжаться надѣльной землей. Однако, по отношенію къ внѣнадѣльнымъ пахотнымъ землямъ и къ угодіямъ памятники ревизіи убѣдительно говорятъ за то, что среди крестьянъ укоренился обычай пользоваться по крайней мѣрѣ этими землями сообща. Такъ, нѣтъ ни одного изъ извѣстныхъ доселѣ описаній староствъ, въ которыхъ бы нельзя было встрѣтиться съ фактомъ пользованія цѣлымъ селомъ участками сверхъ надѣльной пахотной земли ¹⁾; не говоря уже о бортныхъ земляхъ, рыбныхъ ловляхъ и т. под. ухозяяхъ, которыя часто находились въ „суплетномъ“ пользованіи нѣсколькахъ сель ²⁾.

Уставъ, изданный въ 1594 г. для Могилевской волости, уже разбитой на волоки, когда уже новые порядки считали за собой нѣсколько десятилѣтій, сохраняетъ, однако, за общиной пользованіе угодьями. Бобровые гоны находятся въ общемъ „уживаніи“ села. Бортное хозяйство то же находится въ вѣдѣніи всего села или круга, при чемъ община иногда дѣлитъ ихъ между собою, но можетъ пользоваться и безъ „дѣлу“.

Взвѣсивая всѣ данныя относительно общиннаго землепользованія, нельзя не отмѣтить, что онѣ не даютъ еще права на вполне определенный выводъ, вслѣдствіе своей неполноты и неопредѣленности. Пока очевидно одно, что въ сельской общинѣ широко вкорененъ обычай общаго пользованія сельско-хозяйственными угодьями, бортными и другими землями; не менѣе извѣстно также общее пользованіе придаточными земельными участками, пустошинами. Обѣ категоріи земель крестьяне иногда дѣлятъ между собою, по службамъ, но въ некоторыхъ случаяхъ пользуются и безъ „дѣлу“ ³⁾. Труднѣе опредѣлить характеръ участія общины въ выдѣлѣ земли и особенно способы пользованія надѣльной землей, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ власть общины простиралась и на передѣлъ всей территоріи.

Важно одно, что тѣ или другія земли община считаетъ своими, и защищаютъ ихъ отъ захватовъ не отдѣльныя лица, но вся община. Власть

¹⁾ Такъ, см. Берестейское староство (*Довнаръ-Запольскій*, Агты Литовско-Русскаго госуд., т. II, р. 261 и развѣн), Кобринское стар. (Ревизія Кобр. экон. изд. Ви. Арх. ком., стр. 38 и др.), Троекское стар. (Ви. Археогр. Сб., VIII, стр. 118, 39 и др.), Дубровенская волость (Ви. Археогр. Сб., III, стр. 270, 275 и др.), Гомельское стар. (Агты Ви. Археогр. ком., XIII, стр. 347 и др.).

²⁾ Напр., А. Ви. Арх. ком., XIII, 354 и др.

³⁾ Ви. Археогр. Сборн., I, стр. 194—195.

общины простиралась въ экстренныхъ случаяхъ и на передѣлъ земли. Это обстоятельство, хотя и мало освѣщенное данными, позволяетъ, однако, думать, что связь общинная была сильна и простиралась и на землю, которою, хотя и отдѣльно, владѣютъ ея однообщинники. Другой вопросъ, была ли права юридически община, и съ тогдашней и съ нашей точки зрѣнія,—считая себя распорядительницею общинной земли. Правда, крестьяне называютъ свою землю „власною“, „отчизною“¹⁾, но опредѣленія ихъ надо понимать весьма относительно, примѣняясь къ условіямъ тогдашняго землевладѣнія. Крестьянское землевладѣніе на господарской землѣ — прежде всего служба. И съ этой стороны крестьянскую службу можно сопоставить со службою всякаго служилаго челоуѣка. Какъ послѣдній распоряжался служебною землею постольку самостоятельно, поскольку это распоряженіе не нарушало правильнаго отбыванія службы, — точно также и крестьянинъ или крестьянская община могли распоряжаться своею землею, не нарушая интересовъ службы, то-есть, интересовъ господарскаго скарба²⁾. Съ нашей точки зрѣнія такое пользованіе землею не будетъ полнымъ владѣніемъ, но мы должны примѣняться къ условіямъ времени.

Само собою разумѣется, при всемъ этомъ надо имѣть въ виду, что западно-русское крестьянство не было однородною массою. Наоборотъ, раздробленность его, разнообразіе службъ, на немъ лежавшихъ, а вслѣдствіе этого и его правъ, были весьма значительны. Въ виду этого намъ необходимо поставить вопросъ и о томъ, среди какаго разряда земледѣльческаго населенія встрѣчаются признаки общинной жизни, разсмотрѣнной выше.

Если собрать указанія источниковъ, цитированныхъ выше, то окажется, что крестьяне, выступающіе въ нихъ, всѣ, за исключеніемъ немногихъ сомнительныхъ случаевъ, принадлежатъ къ разряду такъ называемыхъ данниковъ. Если опредѣлять географически мѣстности, которыхъ касаются наши источники, то придется поставить на видъ, что большинство ихъ относятся къ такъ называемымъ Поднѣпрскимъ и Задвинскимъ волостямъ и сравнительно немного къ волостямъ западнымъ. Такимъ образомъ передъ нами два вопроса о томъ, что

1) См., напримѣръ, Ревизія пущъ, стр. 248.

2) См., напр., характерный мотивъ разрѣшенія людямъ на мѣну земли съ соуднимъ помѣщикомъ въ Кн. Зап. Лит., VI, л. 62, или Акты Вил. Арх. Ком., т. XVII, стр. 3.

такое данники, и почему эти данники, какъ община, выступаютъ въ восточныхъ областяхъ Литовско-русскаго государства.

Вопросы эти настолько сложны, что болѣе или менѣе подробное изученіе ихъ не можетъ входить въ задачу настоящей статьи: поволнительно, поэтому, ограничиться лишь нѣсколькими замѣчаніями.

Повинностныя отношенія западно-русскаго крестьянства отличаются необыкновеннымъ разнообразіемъ, затрудняющимъ точное ихъ опредѣленіе. Данники во всякомъ случаѣ отличаются отъ тяглыхъ людей въ собственномъ смыслѣ; признакъ тяглаго человѣка тотъ, что онъ ходитъ „съ серпомъ и косою“ и дякло даетъ. Положеніе данника прежде всего опредѣляется данью. Дань—это главная повинность данника, независимо отъ того, сидитъ ли онъ на господарской землѣ, или на частной. Иногда повинностныя отношенія данника и ограничиваются только одною данью ¹⁾, но чаще на данникахъ лежитъ и извѣстная доля тягла. Такъ данники иногда обязаны волочить озеро, косить луга ²⁾. Но главное тягло данниковъ на господарскихъ земляхъ—подводная и городова я повинность ³⁾. Сравнительно рѣдко, и то въ позднѣйшее время, можно встрѣтить данниковъ, отбывающихъ пригоны и толоки ⁴⁾.

Если обратиться къ древнѣйшимъ даннымъ, напримѣръ, къ записямъ пожалованій Казимира и къ нѣкоторымъ другимъ, то въ нихъ мы найдемъ данника, обязаннаго только данью ⁵⁾. Съ другой стороны, крестьяне-данники весьма часто оспариваютъ право намѣстниковъ заставлять ихъ косить сѣно и пр., называя такія повинности новой, хотя послѣдняя и не всегда является таковою въ глазахъ суда ⁶⁾. Очень возможно, что натуральныя повинности частноправнаго характера явились уже только первою ступенью къ закрѣпощенію,

¹⁾ А. Ю. и З. Р., I, 127: „а заплативши оную вышеписаную данцу, три пуды меду и грошей зъ данью осмнадцать, и къ тому серебшину отъ полпята сохи заплативши... неповинны вже некоторое службы служить, ани дачки иное некоторое не давати“. Ср. Дубровенская вол., Виш. Арх. Сб., III, Гомельская, А. Виш. Ком., XIII, и др.

²⁾ Акты лит.-русск. гос., т. I, напр., стр. 76 и др.

³⁾ Въ цитированныхъ выше уставахъ волостямъ—*passim*.

⁴⁾ Напр., Радомковскіе данники ходятъ сѣно косить, Акты литовско-русск. государства, II, стр. 110 и др.

⁵⁾ Книга даннъ Казимира напечатана мною во II т., „Актовъ лит.-русск. государства“, стр. 1 и слѣд.

⁶⁾ См., напр., жалобу Свислоцкой вол., Акты лит.-русск. госуд., I № 224, жалобу Овершцкой вол., *ibidem*, стр. 76 и др.

не составляя раньше, половины XV вѣка, необходимой принадлежности службы данниковъ.

Гораздо труднѣе опредѣлить характеръ личной зависимости данника: былъ ли данникъ человѣкъ похожій, или же прикрѣпленный къ землѣ. Правда, что уже въ записяхъ земельныхъ дачъ великаго князя Казимира встрѣчаемъ раздачу данниковъ ¹⁾, хотя эта раздача и можетъ быть понята въ смыслѣ простой передачи права взиманія дани ²⁾. Но съ другой стороны иногда частные владѣльцы считали своихъ данниковъ „звѣчными“, „старыми“, „отчичами“, „дѣдичными“, „отчизными“ ³⁾, иногда они воспрещали данникамъ уходить съ земли ⁴⁾. Но эти случаи скорѣе исключеніе, чѣмъ общее правило: самое запрещеніе отхода какъ бы косвенно подтверждаетъ его возможность. Акты начала XVI вѣка опредѣленно называютъ только одинъ разрядъ крестьянъ, которыхъ помѣщикъ считалъ крѣпостными и могъ разыскивать — это тяглые отчичи: достаточно помѣщику доказать, что такой-то его человѣкъ ходилъ съ косою и серпомъ на помѣщичью работу, давалъ дякло. — и судья выдастъ такого крестьянина владѣльцу. Но съ

¹⁾ Акты лит.-русс. госуд., II, стр. 1—72, *passim*.

²⁾ Напр.: Монастырь Св. Троицы въ Смоленскѣ имѣетъ кадъ меду „с погреба нашего“. Но здѣсь же передается содержаніе грамоты Александра, которую предоставлялось монастырю брать кадъ меду съ данника Майковскаго съ братъею. Такимъ образомъ, хотя жалованною грамотою монастырю предоставлялось собирать дань съ назначеннаго человѣка, но фактически монастырь получалъ ее отъ уряда изъ погреба. Ясно, что личной зависимости плательщика отъ монастыря не могло быть. Акты лит.-русс. госуд., I, стр. 135. Пустыньскій монастырь въ Кричевѣ получилъ дань „зъ села Кричовскаго на имя Лобовичовъ“; люди должны были сдавать дань въ монастырь, но серебщина и другіе „поплатки“ оставлены на господаря; *ibidem*, стр. 137. Наконецъ, въ Гомельскомъ староствѣ числятся одиночные данники, съ которыхъ дань идетъ на церкви, но въ то же время они обложены и господарскими податями. См. XIII т. Актовъ Вил. Ком., стр. 643 сл. Въ уставѣ Бобруйскаго волости находимъ прямое указаніе по этому поводу: „господарь пораздавалъ въ волости людей панамъ, „велели есмо имъ дань медовую на себе (помѣщиковъ) с нихъ (людей) брати, а дань грошовую и бобры и кунницы... на насъ давати“. Кн. Зап. Лист., XV, лл. 102—103. По дѣлу Колчичавъ и Зубаревичей, принадлежавшихъ Яну Радивилу и В. Костевичу, господарь присудилъ людямъ отбывать работы съ волостью Бобруйскою, помогать имъ во „всякихъ розметахъ“, — ни жили только тые люди мають своимъ паномъ дань давати, што на нихъ придетъ“. Кн. Судн. Дѣлъ Лит., IV, л. 266 об. Значить, господарь давалъ помѣщику съ данниковъ только дань.

³⁾ А. Ю.-З. Р., I, 49, 58; А. З. Р., I, 186; Акты Вил. Ком., XIII, р. 337. Арх. Сборн. Вил., VII, 3.

⁴⁾ А. З. Р., I, стр. 113.

другой стороны, если крестьянинъ захочетъ доказать, что онъ имѣетъ право отхода, онъ называетъ себя вольнымъ, похожимъ.

Обращаясь къ источникамъ, которые говорятъ о данникахъ, членахъ волости, нельзя не отмѣтить того общаго впечатлѣнія, выносиваго изъ изученія ихъ, и сводящагося къ тому, что члены волостной общины пользовались извѣстнымъ правомъ отхода. Источники нерѣдко упоминаютъ, что крестьяне разошлись изъ волости, расходятся вслѣдствіе притѣсненій намѣстниковъ, расходятся въ большомъ числѣ и не только на сосѣднія господарскія земли, но и на панскія ¹⁾. Державцы, притѣсняющіе волощанъ, могли бы стѣснить свободу отхода, но, видимо, не принимаютъ къ этому мѣръ, очевидно не считая себя вправѣ.

Правда, правительство иногда принимаетъ мѣры къ возврату ушедшихъ данниковъ, но нельзя не отмѣтить, что мѣры эти скорѣе хозяйственныя, чѣмъ юридическія. Центральное правительство старается унять грабительство воеводы, разошедшимся совѣтуетъ давать льготы, въ случаѣ возвращенія на прежнія мѣста ²⁾. Положимъ, то же правительство пробуетъ издавать указы о возвращеніи разо-

¹⁾ Въ жалобѣ данниковъ Свислочнои волости 1584 года говорится: вслѣдствіе тяжкостей „некоторые люди с тои волости и мѣста нашего розно ся розышли“. Акты литовско-русска. госуд., т. I, № 224. Въ Могилевской волости „многи ся люди с тои волости прочь розошли“,—*ibidem*, № 235. Господарь Сигизмундъ I поручаетъ писарю Ивану Горностаю разслѣдовать тяготы Могилевской волости: „Тежь которые люди с тои волости нашеи Могилевское с отчизнъ своихъ для обтяженья будутъ ся розышли до именеи князскихъ, и панскихъ, и боярскихъ и хотели бы за ся на тыхъ отчизнахъ своихъ сести, и ты бы имъ далъ воли на колко лѣтъ“, *ibidem*, № 206. Въ Кораевской волости (около 1580 года): „А которые мужъ поидеть съ простое земли Кораевское, и онъ (намѣстникъ) кунницы беретъ. То намъ новину учинилъ“, *ibidem*, № 199. Эти факты убѣдительно говорятъ за то, что данники считали себя вправѣ уходить и даже въ Кораевской землѣ выходная кунница съ „простой“ (крестьянской?) считалась новиною. Уходить данника изъ города см. *ibidem*, стр. 146. Въ концѣ XVI вѣка въ Могилевской волости, уже послѣ волочной помѣры, безпрепятственный выходъ дозволялся на зиму, безъ выходнаго; кто убѣгалъ „неоповѣдавшия войту“, тотъ терялъ „домовство“ (значить „оповѣдавшия“ можно было уйти). Кто уходить за кривдою врандника, то, по разсмотрѣніи дѣла ревизоромъ, ему должны быть возвращены посѣвъ и постройки. Очевидно, уходившихъ не преслѣдовали и старались привлечь ихъ снова на земли. Арх. Сборникъ Вил., I, стр. 193—194. Квалификаціи отхода мы не касаемся; соображенія по этому поводу ср. у *Любавскаго*, Областное дѣленіе и пр.

²⁾ См. предыдущ. примѣч.

шедшихся подданныхъ, но извѣстныя намъ грамоты по этому поводу исходятъ изъ положеній финансоваго характера, а не юридическихъ. Листъ, данный по жалобѣ бобруйскихъ волощанъ, рассказываетъ о „хитрыхъ обычаяхъ“ нѣкоторыхъ изъ крестьянъ: пользуясь цѣлый годъ землей, нѣкоторые изъ нихъ уходятъ въ другія волости, когда приходитъ срокъ сбора податей, а по прошествіи срока возвращаются вновь на свои земли; нѣкоторые продолжаютъ жить въ сосѣднихъ волостяхъ, но продолжаютъ пользоваться землей Бобруйской волости, не платя податей. Господарь приказываетъ державцамъ не принимать крестьянъ изъ другихъ волостей и разыскивать подданныхъ бобруйскихъ ¹⁾). Но „хитрые обычаи“ бобруянъ своего рода новина; противъ нихъ правительство вводитъ тоже новину — запрещаетъ переходы. Этотъ указъ, изданный по частному случаю (вѣроятно, по просьбѣ волощанъ), не имѣлъ серьезныхъ послѣдствій. Это—одинъ изъ камней того крѣпостного зданія, стройка котораго завершилась гораздо позже. И этотъ камень не одинъ. Подобнаго рода указъ былъ изданъ по просьбѣ волощанъ могилевскихъ около того же времени, въ 1530 году. Великій князь послалъ своего дворянина по всему княжеству разыскивать разошедшихся подданныхъ Могилевской волости и „мощно выводить“ ²⁾). Однако, если мы сравнимъ этотъ указъ съ наказомъ посланному дворянину (Ивану Горностаю), то дѣло представляется не столь безнадежнымъ. Горностаю долженъ разузнать о кривдахъ подданнымъ отъ писарей и подключихъ, учинить людямъ „полечку“ и искать разошедшихся подданныхъ: если

¹⁾ Кн. Зап. Литовск., XV, лл. 172—174 (1533 г.). Ср. толкованіе этой грамоты проф. *Леонтовичемъ*, Крестьянскій дворъ, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1896 года, ноябрь, стр. 201.

²⁾ „Княземъ нашимъ и паномъ воеводамъ и старостамъ, наместникомъ и тиунномъ, княгинямъ и панямъ вдовамъ, бояромъ и дворяномъ нашимъ по отчизне нашей великому князѣству Литовскому. Приходили къ намъ люди наши Могилевское волости и повелили передъ нами, штожь дей многие люди наши Могилевцы з отчизни своихъ розышлися прочъ и мешаютъ по местомъ и дворомъ и именамъ вашимъ. Ино мы для того послали тамъ дворянина нашего, а прото: где колвекъ онъ тыхъ людей нашихъ найдеть, приказуетъ вамъ, ажь бы есте ему ихъ выдавали со всеми ихъ статки, с чимъ будутъ за кого зашли. Паклижь бы есте тыхъ людей нашихъ ему выдавати не хотели, мы казали тому дворянину нашему тыхъ всихъ людей нашихъ, где колвекъ нашодли, оттоля мощно выводити и за ся на ихъ отчизнахъ осаживати. И вы бы тому дворянину нашему противни не были конечно, а бы то инакъ не было. Писанъ у Кракове“, 14-го августа 1530 г. Кн. Зап.-Литовск. XVII, л. 2 об.

кто изъ послѣднихъ *захочетъ* возвратиться на свои отчины, то Горностаи долженъ давать льготы ¹⁾). Сказаннаго совершенно достаточно для нашей цѣли. Та часть крестьянства, которая извѣстна подъ названіемъ данниковъ, имѣла право выхода (конечно, обставленное извѣстными формальностями). Въ чисто финансовыхъ цѣляхъ правительство принимаетъ мѣры противъ переходовъ, по настоянію остающихся данниковъ волости; но мѣры эти направлялись не столько противъ права отхода, сколько противъ обхода формальностей послѣдняго, нарушавшихъ платежную силу волости. Разумѣется, эти мѣры прокладывали дорогу къ закрѣпощенію, но въ разсматриваемое время не могли еще имѣть серьезныхъ практическихъ послѣдствій.

Такимъ образомъ мы подошли къ тому, что данники пользовались правомъ перехода. Если это право ограничивали, если данниковъ стараются законно и незаконно удержать, то вѣдь надо помнить, что первая половина XVI вѣка—время закрѣпощенія; вѣдь стараются же помѣщики этого времени стѣснить и переходъ вольныхъ похожихъ людей, заключаютъ съ этою цѣлью договоры между собою и пр. ²⁾), а между тѣмъ не можемъ же мы сомнѣваться въ существованіи права перехода вольныхъ людей. Если мы встрѣчаемъ передачу данниковъ отъ господаря частному лицу, или передачу ихъ по наслѣдству, то вѣдь передаются точно также и вольные похожіе люди. бояре путные и пр. ³⁾), права перехода которыхъ не отрицали ни современники, ни современные намъ изслѣдователи. Далѣе, само понятіе похожегаго человѣка указываетъ только на одну юридическую сторону личности крестьянина, но не объясняетъ его повинностнаго отношенія къ землѣ и помѣщику. Перехожій человѣкъ, могъ, конечно, сдѣлаться и наемникомъ и тягломъ, но могъ быть и данникомъ. Но если онъ возьмется за тягло,—онъ непременно потеряетъ право перехода—это мы знаемъ навѣрное; сядясь на дань, куницу или чиншъ, онъ, повидимому, не терялъ права уйдти. Нельзя не обратить также вниманія на то, что на господарскихъ земляхъ нигдѣ не упоминаются вольные переходжіе люди: древнѣйшіе инвентари,—до волочной помѣры, знаютъ только на господарскихъ земляхъ тяглыхъ, данни-

¹⁾ Акты литовско-русскаго госуд., № 206.

²⁾ А. Ю.-З. Р., I, стр. 79. Въ Брадавщину и Каневщину въ половинѣ XVII вѣка король посылаетъ, напримѣръ, Яна Волчовича для формальнаго прикрѣпленія крестьянъ.

³⁾ Ср., напримѣръ, пожалованія Arch. kv. Sang., III, 96, 132 и др.

ковъ, или куничниковъ, челядь, бортниковъ и пр. специальныя службы. Трудно было бы предполагать, что до насъ случайно дошли именно тѣ описанія имѣній, гдѣ не было переходныхъ людей даже, напри- мѣръ, въ Оршанской волости, гдѣ во главѣ данниковъ показанъ ста- рець и въ волости, которая лежала въ центрѣ тѣхъ самыхъ Под- нѣпрскихъ волостей, гдѣ такъ много было на господарскихъ земляхъ данниковъ. Скорѣе всего предположить другую возможность, — что крестьяне, имѣющіе право перехода, скрыты въ описаніяхъ подъ другими терминами, и именно подъ терминомъ данниковъ. Для по- мѣщика, составлявшаго инвентарь, важны вѣдь были крестьяне не по своимъ юридическимъ правамъ, о которыхъ онъ охотно забывалъ, а ихъ повинностныя отношенія къ нему.

Вопросъ о юридической природѣ данниковъ выходитъ нѣсколько за предѣлы нашей статьи. Тѣмъ болѣе побочнымъ является для насъ сложный вопросъ о томъ, почему данниковъ, и при томъ связанныхъ об- щинными интересами, мы встрѣчаемъ по преимуществу въ восточныхъ областяхъ. Впрочемъ, географически данники прикрѣпляются не къ однимъ восточнымъ областямъ. Мы ихъ встрѣчаемъ въ мѣстностяхъ быв- шаго Пинскаго княжества ¹⁾, на Жмуди и Литвѣ ²⁾, на Волини ³⁾, въ Новгородскомъ воеводствѣ ⁴⁾, въ Подляхii ⁵⁾ и др. Для насъ, слѣ- довательно, ясно, что данники, какъ извѣстная разновидность земле- дѣльческаго сословія, встрѣчаются повсемѣстно въ литовско-рус- скихъ областяхъ. Но въ такомъ случаѣ вопросъ сводится къ тому, почему же въ нашихъ источникахъ выступаютъ съ сильно развитымъ сознаниемъ волостной солидарности крестьяне восточныхъ областей, и не имѣемъ ли мы здѣсь чисто случайнаго явленія: быть можетъ, время сохранило намъ документы одной только мѣстности. Разумѣется, трудно ручаться за полноту матеріала, но книги господарской кан- целяріи, сохранившія намъ господарскіе выроки и уставы восточнымъ волостямъ, имѣютъ общегосударственное значеніе, почему въ нихъ вошли бы и документы другихъ мѣстностей. Проявленіе волостной

¹⁾ Ревизія и пр., 65, 71, 102 и др.

²⁾ Акты Вил. Арх. Ком., XIV, 11; А. Ю.-З. Р., I, 298; Акты Литовско-русскаго государства, II, стр. 116.

³⁾ Архивъ Юго.-З. Р., ч. VI, 8, I, стр. I; Arch. ks. Sang., III, 78; ср. ин- вентарь Ратненскаго староства, въ VII ч. 2 т. Арх. Юго.-З. Р.

⁴⁾ Акты Вил. Арх. Ком., XIII, 337.

⁵⁾ См., напримѣръ, *Леонтовичъ*, Акты, I, № 379, № 384.

солидарности восточныхъ областей—не случайность; оно—результатъ особенностей экономической и политической жизни этихъ мѣстностей, наконецъ, даже географическаго ихъ положенія. Жизнь здѣсь слагалась при нѣсколько иныхъ условіяхъ, чѣмъ на западѣ. Въ западныхъ и отчасти юго-западныхъ областяхъ условія жизни слагались такъ, что экономическое развитіе страны шло болѣе быстрыми шагами, чѣмъ на востокѣ.

Отдѣленіе города отъ земли началось здѣсь съ конца XIV вѣка; въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка здѣсь уже широко распространяется волочная помѣра; сотни городковъ и селъ организованы на магдебургскомъ правѣ. Великокняжеское хозяйство строится по образцу крупныхъ владѣній. Сельско-хозяйственная система того времени состояла въ дворцовомъ хозяйствѣ, а послѣднее требовало большаго числа рабочихъ рукъ, которое не могло быть удовлетворено рабскимъ трудомъ. Въ половинѣ XV вѣка Литва и отчасти Подляхія покрыты были господарскими дворами, въ которыхъ скоплялось сбожье, сработанное крѣпостнымъ и рабскимъ трудомъ на великокняжескихъ земляхъ, или свезенное въ видѣ дякла. И этотъ хлѣбъ находилъ себѣ сбытъ: многочисленный велико-княжескій дворъ пребывалъ въ западныхъ областяхъ, перекочевывая изъ столицы въ Польшу и обратно, истребляя по пути и въ столицѣ запасы. Остатки хлѣба и другихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ находили себѣ сбытъ опять-таки на западѣ, гдѣ Нѣманъ сосредоточивалъ на своихъ водахъ хлѣбную торговлю. Вѣдь нужно имѣть въ виду, что господарь Литвы и Руси былъ въ то же время и крупнымъ купцомъ. Ему не было расчета устраивать дворы и собирать хлѣбъ въ восточныхъ областяхъ, гдѣ добывался болѣе дорогой продуктъ медъ (усиленный вывозъ хлѣбныхъ и лѣсныхъ товаровъ, требовавшихъ также рабочихъ рукъ, начинается только къ половинѣ XVI вѣка). Затѣмъ надо имѣть въ виду, что и политическая самостоятельность восточныхъ областей продолжалась дольше, и по сліяніи съ Литвой эти области имѣли больше правъ, чѣмъ на западѣ. Что касается частнаго землевладѣнія, то въ немъ на западѣ замѣчается особенность, отсутствующая на востокѣ и югѣ. Рядомъ съ небольшимъ числомъ весьма крупныхъ владѣній, на которыхъ могла продолжаться общинная жизнь, — существуетъ масса мелкой шляхты, имѣющей по нѣсколько крестьянскихъ дворовъ; средины нѣтъ, а мелкое землевладѣніе разрушало общину.

Всѣ эти бѣглыя замѣчанія имѣютъ цѣлью указать на то, что на западѣ было больше причинъ ведшихъ крестьянство въ зависимое

положеніе, чѣмъ на востокѣ. Но различіе хода экономической жизни не даетъ повода думать, что и въ западныхъ областяхъ (по крайней мѣрѣ, русскихъ) не была развита община въ той или иной формѣ въ болѣе ранній періодъ. Мы застаемъ волостную общину на востокѣ въ моментъ ея агоніи. На западѣ мы видимъ тѣ же черты общинной жизни, хотя слабѣе выраженные. Напомнимъ, что и здѣсь мы встрѣчаемъ разряды данниковъ, во главѣ ихъ старцевъ, общія угодыя, наконецъ общность экономическихъ интересовъ. Все это слабѣе, чѣмъ на востокѣ, но вѣдь здѣсь крѣпостничество появилось раньше, и тѣ условія экономической жизни, которыя развились здѣсь къ концу XV и началу XVI вѣковъ, на востокѣ установились цѣлымъ столѣтіемъ позже—къ концу XVI и началу XVII вѣковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если обратиться къ люстраціямъ восточныхъ областей половины XVI вѣка, хотя такихъ памятниковъ дошло до насъ очень немного, то окажется, что эти волости сплошную заселены данниками¹⁾. Между тѣмъ нельзя того же сказать о западныхъ областяхъ. Въ древнѣйшей люстраціи Житомира данники сидятъ среди земледѣльческаго населенія другихъ разрядовъ²⁾; въ частныхъ и даже господарскихъ имѣніяхъ Полѣсья данники иногда сидятъ по одному-два человекъ среди тяглаго населенія³⁾.

Однимъ словомъ, тотъ классъ земледѣльческаго населенія, среди котораго въ началѣ XVI вѣка встрѣчается наиболѣе опредѣленное проявленіе общинной солидарности, классъ данниковъ, — извѣстенъ повсемѣстно въ литовско-русскомъ государствѣ. Этотъ разрядъ не новаго происхожденія, а древняго (въ этомъ отношеніи онъ отличается, вѣроятно, отъ куничниковъ и навѣрно отъ чиншевиковъ). Ему одинаково вездѣ была извѣстная общинная организація, но слабость ея проявленій въ западныхъ областяхъ объясняется здѣсь болѣе интенсивнымъ ростомъ экономической жизни.

Наша статья не будетъ исчерпывающею вопросъ, если мы не

¹⁾ Напримѣръ, Гомельское староство, въ Актахъ Виш. Арх. Ком., т. XIII, стр. 343, Остерскій замокъ, Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. 7, т. I, стр. 597 сл., Мозырская и Бчицкая волости, *ibidem*, стр. 624 и сл. Оршанскій замокъ въ Актахъ Лит.-русс. госуд., т. II.

²⁾ Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. 7, т. 2, стр. 11.

³⁾ Ревизія пущъ и переходовъ вѣрныхъ, *passim*. Впрочемъ, ср. люстрацію Рагненскаго староства, гдѣ элементъ данниковъ преобладаетъ, Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. 7, т. II, стр. 275.

дополнимъ ея свѣдѣніями объ общинѣ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ и о проявленіяхъ общинной жизни среди другихъ разрядовъ тягловцовъ. Правда, состояніе извѣстныхъ намъ источниковъ не позволитъ коснуться обоихъ вопросовъ сколько нибудь подробно. Но сдѣлаемъ, что можно.

Прежде всего является предположеніе: не слѣдуетъ ли приписывать данникамъ на частновладѣльческой землѣ точно такую же общинную организацію, какъ и у данниковъ господарскихъ. Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ положительно, но есть признаки, подсказывающіе утвердительный отвѣтъ.—разумѣется, разъ данники составляютъ цѣлое село или волость на землѣ помѣщика. Нельзя, напримѣръ, не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство. Волость Радшковская принадлежала Гаштольтамъ. Описана волость была въ 1549 г. (по случаю перехода волости къ великому князю, какъ вымороченной). Въ ней были люди разныхъ разрядовъ. Люди тяглые, куничники, бобровники описаны очень подробно: показанъ ихъ инвентарь, количество земли подъ каждою службою, размѣры податей и повинностей съ cadaго. Во главѣ тягловцовъ и даже куничниковъ въ волости тивунъ и пристава. Совершенно выдѣлены въ этомъ описаніи данники — они составляютъ волость въ волости. Они посчитаны по дымамъ, а не по службамъ, указанъ ихъ хозяйственный инвентарь и дань медовая съ дыма. Весьма любопытно, что во главѣ ихъ стоитъ старецъ. Вся волость данниковъ имѣетъ свой млынъ на рѣкѣ Ушѣ, который они сами себѣ устроили и на которомъ мелютъ только они. Среди населенія, въ общемъ довольно зажиточнаго, есть и такіе, которые ничего не имѣютъ, хотя даютъ медовую дань. Однако оказывается, что у нихъ существуетъ, помимо люстраціонной, своя раскладка подати, почему и за убогихъ взимаютъ дань медовую. Другія подати и совсѣмъ не расписаны по дымамъ: куничные пенеzi, бобровые, овесь, ленъ, бѣлки, яловицы, воскъ—даетъ вся волость. Это старыя подати, а новый налогъ, установленный пани Гаштольковою, врядникъ взимаетъ уже съ дыму. Волость далѣе имѣетъ свою церковь. Что касается земли, то тѣ самые люстраторы, которые тщательно высчитали количество земли подъ тяглыми службами, по отношенію къ данникамъ поступили иначе; они указали на общее количество земли, принадлежавшей Реваницкимъ данникамъ, — миля поперекъ и три мили въ длину, въ одномъ кускѣ. Нельзя думать, чтобы эти данники не пахали, занимаясь только пчеловодствомъ: довольно большое количество сохъ, воловъ и лошадей при каждомъ дымѣ прямо указываетъ

на то, что мы имѣемъ передъ собою хлѣбопашцевъ ¹⁾). Къ землѣ, на которой сидѣли данники, ревизоры не такъ внимательно отнеслись, какъ къ тяглою; это слѣдуетъ поставить на видъ, но дѣлать отсюда опредѣленный выводъ, при отсутствіи другихъ данныхъ, — воздержимся.

Возьмемъ другой примѣръ — частновладѣльческое имѣніе Титовяны, въ Литвѣ. Тяглые люди описаны въ немъ отдѣльно отъ двухъ сель данниковъ; при каждой службѣ тяглыхъ обозначено количество податей и повинностей; при данникахъ только ихъ хозяйственный инвентарь. Не знаемъ, кто стоялъ во главѣ данниковъ, но тяглые люди названы „тивунскими“, то-есть, они управлялись помѣщичьимъ тивуномъ; данники же платятъ тивушину, — откупъ отъ тивуна. Далѣе, дань съ cadaго села обозначена общою суммою; изъ 49 дымовъ села Гнѣздловичъ выходятъ на сѣнокосъ 7 человекъ; осенью — два человека являются ко двору съ топоромъ. Все это предполагаетъ разверстку податей и повинностей. Она и была: „Котораяжъ тая дань, — говоритъ люстрація послѣ указанія общей суммы ея съ села, — изъ тое части, кому ся достанеть, по особну изъ оныхъ данниковъ брана быти маеть“ ²⁾). Помѣщикъ знаетъ только общую сумму дани съ села, разверстка производится самимъ селомъ; но разрубный списокъ, видимо, предъявлялся помѣщику или его уряднику, потому что съ cadaго хозяина вималась дань отдѣльно; понятно, помѣщику послѣднее выгодно: онъ получить пишее, „за данью“ и пр.

Такимъ образомъ община данниковъ, такъ или иначе оказавшаяся на помѣщичьей землѣ, не сразу теряла свои особенности ³⁾). И когда читаешь въ приказаніи виленскихъ крылошанъ старцу ихъ имѣнія Каменецкаго угрозы за неисполненіе приказаній, то чувствуется, что они обращаются не къ своему приказнику, а къ общинному выборному, который находится между двухъ огней — помѣщикомъ и своими однообщинниками ⁴⁾).

¹⁾ Акты Лит.-русс. госуд., II, стр. 90—119.

²⁾ Акты Вил. Арх. Ком., XIV, стр. 11.

³⁾ Юрій Зеновьевичъ, записывая данниковъ на Киево-Печерскій монастырь, говоритъ: „а возити тымъ людемъ тую дань и тые грошы самымъ къ дому Пречистое, какъ и передъ тымъ важивали“, А. З. Р., I, 105.

⁴⁾ Вил. Археогр. Сборн., т. I, 133. Разуиѣтся, единообразія на помѣщичьихъ земляхъ ожидать нельзя. Ср., напр., инвентарь Мядельской волости 1545 г.: во главѣ волостныхъ людей стоитъ старецъ; по данямъ, волостные люди Мяделя — данники, но подѣлены по службамъ, съ известнымъ количествомъ земли при каждой; они уже отбываютъ тягло по одному дню въ недѣлю. Тѣмъ не менѣе данники Мяделя отличаются отъ тяглыхъ дворскихъ людей съ тивунами во главѣ,

Намъ нѣтъ нужды подробно останавливаться на проявленіи общинной жизни среди другихъ разрядовъ тягловцевъ. Положеніе паробковъ, тяглыхъ данниковъ, дойлидовъ, даже слугъ путныхъ было не таково, чтобы способствовать той или иной формѣ общинной жизни. Эти разряды находились въ болѣе личной зависимости отъ своихъ владѣльцевъ, не составляли такой сплоченной массы населенія, какъ данники, потому что паробки, слуги, дойлиды и пр. находились въ небольшомъ количествѣ при господарскихъ или помѣщичьихъ дворахъ. Можно указать лишь на то, что и среди этихъ разрядовъ встрѣчаются признаки общинной организаціи, вызываемой общностью ихъ повинностныхъ отношеній. Путные бояре иногда цѣлою общиной отстаиваютъ свои юридическія права, когда намѣстникъ ихъ тянетъ въ тягло, паробки, кобыльники слѣдятъ за равномернымъ отбываніемъ общихъ повинностей тѣми изъ своихъ сосѣдей, которые уклоняются отъ нихъ ¹⁾ и пр. Источники не даютъ возможности сказать, скры-

Акты Литовско-русскаго госуд., II, 75. Ср. еще интересное описаніе Кереноенскаго двора (имѣніе Гаштольдъ). Данники строго разграничены отъ людей тяглыхъ и др. Тяглые люди находятся подъ приставами, паробки подъ тивунами, данники—подъ старцемъ. Земли у данниковъ „отчизныя“, дань опредѣляется общемо суммою. Арх. Сборн. Вил., VII, стр. 15—17. Ср. Кейданы, *ibid.*, стр. 12—15.

¹⁾ Такъ 1551 г. слуги путные Полоцкаго повѣта возбудили дѣло противъ бояръ и мѣщанъ полоцкихъ. Слуги жаловались на то, что шляхтичи и мѣщане скупаютъ земли у ихъ потужниковъ-слугъ и не несутъ соотвѣтственныхъ повинностей съ приобретенныхъ земель. Слуги опирались на привилей, разрѣшающій имъ покупать земли у шляхты. Последняя и мѣщане ссылались на земскій привилей, по которому они имѣютъ право покупать земли у путныхъ людей. Судъ призналъ, что земскій привилей важнѣе, потому что онъ древнѣе привилей путныхъ слугамъ. Но окончательному рѣшенію придана была такая формулировка: шляхта и мѣщане могутъ покупать у путныхъ слугъ земли, но должны нести съ путныхъ земель соотвѣтственныя повинности; въ свою очередь, путные слуги, купившіе шляхетскія земли, несутъ съ последнихъ шляхетскія повинности. Книга Судн. Дѣлъ Литовск., № XXIV, л. 121—122.

Въ 1532 г. кобыльники Домановляне жаловались господарю на своихъ поплечниковъ по тяглу Васью Яковлевича и Еску Кузмича и др. „о томъ, штожь они всякую службу посполъ з нами служатъ и доходы даютъ, а теперъ не хотятъ з нами дороги теревити“. На судѣ выяснилось, что всѣ кобыльняки обязаны теревити дорогу вмѣстѣ. Кн. Зап. Лит., XVI, л. 51 об.—52.

Интересна еще жалоба селецкихъ паробковъ. Они жаловались воеводѣ итебскому на Кучку Ортеша въ томъ, что послѣдній служилъ раньше съ нами, а теперъ не служитъ. Кучка заявилъ, что „купилъ есми паробка на имя Андрея Петровича, поплечника“ и поставилъ съ разрѣшенія прежняго воеводы Салѣги, на свое мѣсто. При этомъ онъ представилъ листъ купчій и разрѣшеніе воеводы. Воевода нашель его правымъ. Кн. Зап. Литовск., XVI, л. 27.

валась ли въ средѣ низшихъ разрядовъ болѣе прочная организація за этими примитивными формами общественной солидарности.

На этомъ мы закончимъ наши замѣчанія объ исторіи крестьянской общины въ Западной Россіи. Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ подвести краткіе итоги сказанному.

Въ нашу задачу не входитъ вопросъ о происхожденіи западно-русской общины. Послѣдній вопросъ, имѣющій общее принципиальное значеніе, не можетъ быть рѣшенъ на основаніи однихъ западно-русскихъ источниковъ, вслѣдствіе ихъ недостаточности. Мы разсматривали общину въ первой половинѣ XVI в., то-есть, какъ разъ въ такое время, когда условія общегосударственной экономической жизни дѣлаютъ ее весьма замѣтною въ государствѣ. Это происходитъ отъ того, что крѣпостническія тенденціи шляхты сталкиваются съ такими формами крестьянскаго быта, которыя находятся въ полномъ противорѣчій съ шляхетскимъ аппетитомъ. Въ руки мѣстныхъ управителей изъ шляхты попадаютъ, въ видѣ держанья или аренды господарскія волости. Управление понимается въ смыслѣ собиранія доходовъ, важны. Понятно, что намѣстникомъ дѣлается все, чтобы увеличить доходность управляемой волости. Суды, вѣзды, стація и др. повинности служатъ предметомъ вымогательства. Но пока державца стоитъ лицомъ къ лицу съ цѣлою общиною, дѣятельность его встрѣчаетъ противодѣйствіе въ общинной организаціи, въ „старинѣ“ общины. Устранить эти препятствія можно только тѣмъ, чтобы поставить каждаго пахаря лицомъ къ лицу съ мѣстною властью. Къ этому клонится работа мѣстныхъ органовъ и идетъ весьма успѣшно, разрушая общину съ ея стариною и уставами. На ряду съ этою личною борьбой двухъ общественныхъ элементовъ паденію общиннаго строя помогаетъ уменьшеніе общины путемъ выдѣла изъ нея земель въ частныя владѣнія и вслѣдствіе выдѣленія города изъ волости. Центральное правительство еще въ тридцатыхъ годахъ проявляетъ достаточно консерватизма по отношенію къ волости, доказательствомъ чего служатъ рядъ уставовъ. Но не только вліяніе мѣстной администраціи на центральную, а весь ходъ экономической жизни страны долженъ былъ привести правительство къ необходимости реформировать податныя отношенія волости. Разбрѣдающееся, уменьшенное раздачами въ числѣ. обѣднѣвшее населеніе не могло удовлетворять, при старой системѣ, возрастающимъ нуждамъ истощенной господарской казны. Реформа, въ видѣ волочной помѣры и пописы службъ, гдѣ первая не была введена, поставила крестьянина лицомъ къ лицу съ скарбомъ. Эти реформы

довершили разложеніе общины, подготовленное предшествующею жизнью. Въ самомъ дѣлѣ къ концу XVI вѣка проявленія общинной жизни замирають.

Что касается внутренняго строя общины, то намъ нѣтъ нужды повторять то, что сказано по этому поводу въ предыдущемъ изложеніи. Община имѣла своего выборнаго главу, въ извѣстной мѣрѣ судъ, имѣла общее недвижимое имущество, имѣла свои волостные доходы и расходы. Во владѣніи общины находились также сельскохозяйственныя угодья, а иногда и роспаши. Но власть общины не простиралась на землю, отведенную каждому отдѣльному дворищу, хотя и въ данномъ случаѣ за общиной признавалось право на тотъ или иной передѣлъ земли, въ экстренныхъ случаяхъ. Главная основа общины, такимъ образомъ, административно-финансовая организація. Въ податномъ отношеніи община представляла самостоятельную единицу; она пользовалась правомъ раскладки господарскихъ и отчасти волостныхъ податей, хотя право это и подвергалось ограниченіямъ со стороны административной опеки. Общинная организація преимущественно проявлялась среди такъ называемыхъ данниковъ. Послѣдній разрядъ крестьянства въ изучаемое время сплошною массою населяетъ поднѣпрскія волости, но онъ извѣстенъ повсемѣстно въ Западной Руси и Литвѣ. Въ послѣднихъ областяхъ онъ раньше теряетъ общинную организацію вслѣдствіе иныхъ экономическихъ условій жизни этихъ мѣстностей.

М. Довнаръ-Занольскій.

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢВИЧЪ ЛЮБИМОВЪ.

(1830—1897).

Николай Алексѣвичъ Любимовъ родился въ Москвѣ 26-го Января 1830 года. Ребенокъ, приписанный къ московскому мѣщанскому обществу Мясницкой слободы, нашель пріютъ въ семьѣ Алексѣя Леонтьевича Ловецкаго. А. Л. Ловецкій былъ профессоромъ московскаго отдѣленія Императорской медико-хирургической академіи, гдѣ читаль минералогію и зоологію и профессоромъ натуральной исторіи въ Московскомъ университетѣ. Еще въ бытность свою репетиторомъ по минералогіи и зоологіи при профессорѣ Фишерѣ фонъ-Вальдгеймѣ, Ловецкій страстно отдался изученію естественныхъ наукъ. Кроткій, никогда никого не осуждавшій, Ловецкій, имѣя собственную довольно богатую бібліотеку и пользуясь лучшими заграничными изданіями, посвящаль все свое время или обработкѣ лекцій, въ которыхъ „добросовѣстно“ сообщаль своимъ слушателямъ научные успѣхи запада, или же составленію статей и учебниковъ по различнымъ отраслямъ естествознанія, пользовавшихся въ то время большою извѣстностью.

Подъ руководствомъ этого добродушнаго и преданнаго наукѣ челоука протекли дѣтскіе годы Н. А. Любимова.

Десяти лѣтъ (въ 1840 году) Н. А. былъ опредѣленъ въ 3-ю Московскую гимназію, гдѣ успѣхи и любознательность обратили на него вниманіе учителей.

Окончивши курсъ по классическому отдѣленію съ серебряной медалью, Н. А. осенью 1847 года поступилъ въ Московскій университетъ на 2-е отдѣленіе философскаго факультета. Онъ слушалъ лекціи профессоровъ Перевощикова по астрономіи, Спасскаго — по физикѣ, Зернова и Брашмана по математикѣ и механикѣ.

Время поступления Н. А. совпало съ блестящею эпохою Московскаго университета, когда его слава проникала до далекихъ окраинъ нашего отечества. Къ сожалѣнію научный подъемъ московскаго университета не коснулся лекцій экспериментальной физики, которыя были слабы, какъ по содержанію, такъ и по демонстративной обстановкѣ.

За то лекціи небесной механики Перевощикова, котораго Н. А. называлъ всегда своимъ учителемъ, отличались превосходнымъ изложеніемъ и увлекали слушателей: по выраженію одного изъ нихъ—сложныя математическія формулы превращались въ ноты дивной гармоніи небесныхъ сферъ. Николая Алексѣевича тянуло, какъ и другихъ студентовъ того времени, въ аудиторіи, въ которыхъ раздавался голосъ вдохновенныхъ и талантливыхъ лекторовъ — Рулье, Каткова, Кудрявцева, Грановскаго. Особенно часто Н. А. посѣщалъ лекціи М. Н. Каткова о философскихъ и религіозныхъ ученіяхъ Востока: чтенія производили большое впечатлѣніе философскою глубиною изложенія.

Въ слабой постановкѣ любимаго предмета, въ увлеченіи другими отраслями знанія и мышленія кроются, быть можетъ, причины, породившія характерныя черты послѣдующей дѣятельности Н. А. Эта дѣятельность постоянно дробится между естествознаніемъ и вопросами далеко отъ него лежащими. Самостоятельное приобрѣтеніе знаній развивало ясность мысли, перешедшую впослѣдствіи и въ научныя статьи Н. А. вмѣстѣ съ тѣмъ учась много безъ руководителей, онъ приобрѣталъ необходимыя качества учителя и сознаніе цѣнности знанія. Этимъ объясняются его стремленія къ популяризаціи науки. Вся послѣдующая научная дѣятельность Н. А. показываетъ, что въ духовной атмосферѣ, среди которой работалъ его умъ, стояло на очереди не столько движеніе науки впередъ, сколько стремленіе къ усвоенію уже сдѣланныхъ научныхъ приобрѣтеній—къ просвѣщенію.

Въ 1851 году, окончивъ курсъ въ университетѣ кандидатомъ физико-математическаго факультета, онъ поступилъ въ слѣдующемъ (1852) году старшимъ учителемъ естественныхъ наукъ въ московскую 4-ю гимназію.

Въ 1853 году появляются первыя научныя статьи Н. А. въ печати, именно въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, которыя въ то время отводили много мѣста ознакомленію русскаго общества съ умственнымъ и въ частности научнымъ движеніемъ на западѣ. Здѣсь мы встрѣчаемъ вышедшіе изъ подъ пера Н. А.—популярный очеркъ раз-

личныхъ проявленій и свойствъ электрическаго разряда и новости по части естествознанія. Съ замѣчательною ясностью излагаются русской публикѣ капитальныя идеи Сади Карно, опыты Джаула и основы ученія о взаимномъ превращеніи теплоты и механической работы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Н. А. усердно готовился къ магистерскому экзамену. Въ маѣ 1854 года это испытаніе, письменное и устное, было закончено съ большимъ успѣхомъ, и деканъ Спасскій вошелъ въ факультетъ съ предложеніемъ о необходимости назначенія адъюнкта по физикѣ; предложенная кандидатура Н. А. была единодушно принята и 20-го октября 1854 года онъ былъ утвержденъ исправляющимъ должность адъюнкта. Въ томъ же году 11-го ноября Н. А. прочелъ первую вступительную лекцію, обратившую на себя вниманіе не только профессоровъ, но и общества, благодаря *Московскимъ Вѣдомостямъ*, которыя спѣшили сообщить ее читателямъ. Эта лекція была озаглавлена: „*О направленіи и задачахъ современной физики*“ (*Московскія Вѣдомости* № 139, 1854 года). Въ ней уже обнаруживаются результаты усидчивыхъ занятій Н. А. Не смотря на молодые годы лектора, не побывавшаго еще за границей, чтеніе его обнаруживаетъ замѣчательныя популяризаторскія и педагогическія таланты. Въ лекціи—спеціальному изложенію предпосылается рядъ мыслей объ общемъ характерѣ современнаго научнаго движенія. Н. А. говоритъ, что положительное направленіе, первыми провозвѣстниками котораго были Ньютонъ и Галилей, ставши основой естествознанія, мало по малу завоевываетъ себѣ всѣ отрасли человѣческаго знанія. Характерная черта такого направленія заключается въ обоснованіи заключеній только на строгомъ и внимательномъ изученіи фактовъ, затѣмъ въ сведеніи всего разнообразія явленій къ немногимъ простымъ началамъ и въ открытомъ признаніи непониманія и незнанія того, что еще не поддается этимъ методамъ.

Далѣе идетъ отчетливая характеристика основныхъ главъ физики, а вмѣстѣ съ тѣмъ и выдвигаемыхъ ими задачъ. Последовательно разсматриваются — понятіе о веществѣ, тяжесть, частичныя силы, свѣтъ, теплота, указывается на современный вопросъ—какимъ образомъ работаетъ тепло. Наконецъ, обобщаются явленія электричества.

Николаю Алексѣвичу было поручено чтеніе лекцій по математической физикѣ и затѣмъ два последовательные академическія года онъ съ большимъ успѣхомъ преподавалъ предварительный курсъ астрономіи.

Двадцатипятилѣтній адъюнктъ неутомимо поддерживаетъ научные интересы общества. Въ сборникѣ статей, изданныхъ московскимъ университетомъ ко дню празднованія его столѣтія (12-го января 1855 года) появляется работа Н. А. „*Ломоносовъ какъ физикъ*“ и замѣтки по поводу появившихся изданій популярной астрономіи Араго и Варшавскаго изданія Коперника.

Въ 1856 году появляется магистерская диссертация Н. А. — „*Основной законъ электродинамики и его приложение къ теоріи магнитныхъ явленій*“. Она заключаетъ въ себѣ обстоятельное изложеніе теорій Ампера и Вебера. Составляя пріобрѣтеніе русской ученой литературы того времени, она была горячо пріивѣтствована представителями науки. Оппонентами на диспутѣ были профессоръ Зерновъ, Давидовъ и Брашманъ; депутатами отъ совѣта присутствовали профессоръ Глѣбовъ и Топоровъ. Мы не находимъ въ ней самостоятельнаго научнаго вклада, а имѣемъ передъ собой по выраженію самого автора—во внимательномъ возстановленіи хода открытій Ампера—первый опытъ изученія логики открытій въ ихъ исторіи.

Въ связи съ основнымъ характеромъ своей научной дѣятельности Н. А. ведетъ съ 1876 года научное обозрѣніе въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, и въ сентябрѣ появляется статья—„*Ньютонъ, характеристика*“. Затѣмъ продолжаютъся научныя замѣтки въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

Громадный толчекъ къ полному развитію педагогическихъ талантовъ Н. А. Любимова дала ему двухгодичная командировка за границу, куда онъ отправился въ маѣ 1857 г. Въ Парижѣ преподаваніе физики представилось ему во всемъ своемъ блескѣ. Онъ описываетъ свои впечатлѣнія въ рядѣ писемъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* за 1857 г. Н. А. Любимовъ слушалъ лекціи Реньо въ Collège de France и принималъ участіе въ лабораторныхъ работахъ этого образцоваго экспериментатора. Во второмъ томѣ своихъ мемуаровъ, Реньо, въ числѣ другихъ европейскихъ ученыхъ, занимавшихся въ его лабораторіи, выражаетъ благодарность и Н. А. Любимову. Н. А. Любимовъ слушалъ также превосходныя лекціи по экспериментальной физикѣ Desains въ Сорбоннѣ, при чемъ его поразила обстановка физическихъ демонстрацій, между прочимъ проложеніе опытовъ на экранѣ при помощи электрическаго свѣта. Рисунки, модели, инструменты употреблялись непрерывно. Н. А. Любимовъ высказываетъ убѣжденіе, что „наглядность необходима при изложеніи явленій видимаго міра“. Онъ слушаетъ медицинскую физику у Гаварре и приводитъ

примѣръ до чего доводится наглядность преподаванія: говоря о плавленіи и отвердѣваніи металловъ, на лекціи же дѣлается опытъ съ плавленіемъ и отвердѣваніемъ олова. „Науки о природѣ“, говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Н. А. Любимовъ, „далекія отъ шума и тревогъ политической жизни составляютъ тихое убѣжище ума, жаждущаго истины, насколько она высказывается въ непреложныхъ законахъ, какимъ подчинены явленія внѣшняго міра“.

Н. А. Любимовъ слушалъ и лекціи по философіи Saisset, интересовался чтеніями Флуранса о развитіи куриного зародыша, ученіемъ Клодъ-Бернара о поджелудочной железѣ и поражался тѣмъ, что на лекціяхъ, на глазахъ слушателей, производилось непосредственное изслѣдованіе природы. Н. А. Любимовъ посѣщалъ богатые коллекціи и музеи Парижа и описывалъ ихъ русской публикѣ. (Напримѣръ, подробное описаніе коллекцій въ Conservatoire des arts et métiers).

Находясь въ Парижѣ, центрѣ научнаго движенія, Н. А. Любимовъ естественно интересовался и учрежденіями насаждавшими знаніе. Онъ знакомится съ постановкой высшаго и низшаго образованія заграницей. Его взгляды характеризуются цитируемымъ имъ изреченіемъ Лейбница: „кто властвуетъ надъ воспитаніемъ, тотъ можетъ измѣнить весь міръ“. Въ образованіи, говоритъ Н. А. Любимовъ, „видимъ мы и грядущее нашего отечества“. Въ этихъ словахъ усматривается основная черта профессорской дѣятельности Н. А. Любимова, удѣлявшаго лишь малую часть своихъ силъ академическому служенію наукъ.

Упомянемъ здѣсь объ одномъ эпизодѣ парижской жизни Н. А. Любимова, характеризующемъ его отношенія къ общественнымъ вопросамъ, волновавшимъ русское общество, и указывающемъ въ тоже время на его многостороннее развитіе. Чествованіе Татьянина дня 12-го января 1858 г. собрало почти всю русскую парижскую колонію. Рѣчь, произнесенная Н. А. Любимовымъ была встрѣчена громомъ сочувствія; онъ говорилъ: „Мы стоимъ при дверяхъ свѣтлой эпохи, эпохи оживленія мысли, когда слышится голосъ, высказывающій нужды, потребности, желанія общества; когда пробуждается общественное сознаніе, ободряемое нашимъ царственнымъ Вождемъ, Вождемъ, который владѣетъ и нашей волею, и нашими сердцами; эпохи, когда правительство довѣрчиво обращается къ цѣлому сословію, поставляя его судьбою въ его собственномъ дѣлѣ и ожидая отъ него великодушія и истиннаго благородства; когда начинающаяся гласность не

правится только тѣмъ, кто боится свѣта, когда все жаждетъ свѣта“.

Конецъ 1858 г. Н. А. провель въ Гёттингенѣ.

Вторая научная работа Н. А. „*Recherches sur la grandeur apparente des objets*“ была помѣщена въ *Annales de Chimie et de Physique* въ 1858 г. Т. LIV sér. 3. Опыты, предложенные Н. А., были сообщены Реньо въ Парижской академіи и затѣмъ изложены на одной изъ лекцій въ Collège de France.

Возвратившись въ 1859 г. изъ заграницы Н. А. былъ избранъ совѣтомъ Московскаго университета въ экстраординарные профессора большинствомъ 20-ти голосовъ противъ 8-ми и послѣ смерти Спасскаго занялъ кафедру опытной физики въ Московскомъ университетѣ. Кромѣ того онъ преподавалъ общую и прикладную физику въ ремесленномъ учебномъ заведеніи. Съ этого времени Николаю Алексѣевичу открывается возможность проявить вполне свои педагогическія способности и дѣйствительно это была самая блестящая пора въ его академической жизни. Онъ поднималъ сразу преподаваніе физики въ Московскомъ университетѣ своимъ талантливымъ изложеніемъ, популяризацией науки и стремленіемъ довести это преподаваніе до уровня, съ которымъ онъ ознакомился въ своей заграничной поѣздкѣ. Начинаются постоянныя заботы о пополненіи инструментами физическаго кабинета въ то время крайне бѣднаго и объ устройствѣ для него новаго помѣщенія. Въ виду этого предпринимаются многочисленныя ходатайства объ отпускѣ суммъ и поѣздки за границу для осмотра и приобрѣтенія инструментовъ на мѣстѣ. Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* въ декабрѣ того же года появилась первая статья Н. А. по вопросамъ касающимся университетскаго образованія, подъ заглавіемъ: „*Объ университетскихъ экзаменахъ*“.

Въ этомъ же году Н. А. женился на Екатеринѣ Дмитриевнѣ Зайковской.

Въ 1860 г. Н. А. открываетъ первый публичный курсъ физики о явленіяхъ свѣта, электричества и магнетизма. Лекціи имѣли громадный успѣхъ: послушать молодаго лектора собиралось до 400 человекъ. Вольтова дуга впервые заблистала въ Москвѣ въ рукахъ Н. А. и заливала своимъ свѣтомъ аудиторію, собравшую въ свои стѣны московскую интеллигенцію, превращая, вмѣстѣ съ талантливымъ изложеніемъ, научную лекцію въ научный праздникъ. Проф. Н. Е. Зерновъ далъ о ней въ тогдашей прессѣ восторженный отзывъ. Но публика видѣла и знала только показную сторону. Она не подозревала тѣхъ волненій, которыя испытывалъ лекторъ. Вольтова

дуга должна была получиться отъ нѣсколькихъ десятковъ элементовъ Бунзена. Снарядить такую большую баттарейю было дѣломъ далеко не легкимъ. За часъ до сѣзда публики зарядженіе баттарей, находившейся въ особомъ помѣщеніи, было окончено. Оставалось только свести угли въ регуляторъ Дюбоска, чтобы получить электрическій свѣтъ. Н. А. дѣлаетъ пробу, но вольтова дуга не появляется, баттарейя не дѣйствуетъ. Бѣгутъ въ помѣщеніе баттарей—оно наполнено удушливыми парами и входъ въ него сопряженъ съ большою опасностью. Оказывается, что помощникъ Н. А. перепуталъ кислоты и налилъ ихъ не въ надлежащія части элементовъ. Съ большимъ трудомъ и рискомъ пришлось заняться разборкой баттарей и ея перезарядженіемъ! Все было кончено какъ разъ къ началу лекціи.

За успѣхомъ опытовъ послѣдовали приглашенія Н. А. къ чтенію физики въ рядѣ учебныхъ заведеній.

Въ 1867 г. въ Практической академіи коммерческихъ наукъ, гдѣ Н. А. состоялъ преподавателемъ, имъ были устроены вмѣстѣ съ проф. Киттарой вечернія научныя и литературныя чтенія съ роскошной экспериментальной обстановкой. Вечера привлекли массу посѣтителей и послужили прототипомъ распространившихся потомъ публичныхъ и народныхъ чтеній съ опытами.

По возвращеніи изъ командировки на всемірную парижскую выставку, куда онъ ѣздилъ заручившись правомъ пріобрѣтенія физическихъ инструментовъ, Н. А. читаетъ публичную лекцію: „*Старое и новое о движеніи земли*“. На этой лекціи былъ показанъ опытъ Фуко, причемъ перемѣщеніе тѣни, бросаемою электрическимъ свѣтомъ отъ нити маятника на экранъ, наглядно указывало вращеніе земли. Этотъ опытъ повторяется и по нынѣ.

Съ декабря 1867 г. начинается рядъ 12-ти публичныхъ чтеній чрезвычайно интереснаго и разнообразнаго содержанія. Вотъ вкратцѣ ихъ программа:

Ученіе о сохраненіи энергіи. Новыя электрическія машины, особенно Гольтца. Новый регуляторъ электрическаго свѣта Фуко. Новые воздушные насосы Гейсслера и Делейя. По поводу новаго сочиненія Тиндаля о звукѣ и акустической выставкѣ Кёнига въ Парижѣ. Телескопъ Фуко. Спектральный анализъ. Успѣхи фотографической оптики. Физическій лучъ, начало теоріи свѣта. Калоресценція. Исслѣдованія Тиндаля надъ темными лучами. Двигатели помощью нагрѣтаго воздуха; начала механической теоріи теплоты. Очеркъ открытій покойнаго Фарадея въ области электричества.

Первая и послѣдняя лекціи были развиты Н. А. въ двухъ статьяхъ *Русскаго Вѣстника* за 1868 г. подъ заглавіемъ: „Ученіе о сохраненіи энергии въ природѣ“ и „Очеркъ трудовъ Фарадея въ области электричества“.

Въ 1869 г. Н. А. читаетъ пять публичныхъ лекцій о механикѣ природы. Онѣ обнимаютъ слѣдующіе отдѣлы:

1. Механика машинъ. Историческій очеркъ. Понятія заимствованныя изъ ученій о машинахъ въ приложеніи къ явленіямъ природы. Ученіе о невозможности вѣчнаго движенія въ приложеніяхъ къ физическимъ явленіямъ.

2. Механика природы. Ученіе о движеніи тѣлъ. Механика толчка и давленія (механика Декарта).

3. Механика взаимныхъ дѣйствій тѣлъ (механика Ньютона)—притяженій и отталкиваній.

4. Механика взаимнаго дѣйствія частицъ: міръ частичныхъ силъ и частичныхъ движенія (кристаллическое строеніе тѣлъ; теплота и свѣтъ, какъ движенія).

5. Механическія начала въ приложеніи къ изученію органической природы.

Весною 1870 г. Н. А. Любимовъ посвятилъ двѣ публичныя лекціи физикѣ всedневныхъ явленій и одну лекцію подземной теплотѣ. Осенью 1873 г. прочелъ 15-ть публичныхъ лекцій: механическія начала ученія о природѣ, силы природы дѣйствующія на значительномъ разстояніи, силы дѣйствующія на малыхъ разстояніяхъ, междучастичная среда.

Многочисленныя поѣздки за границу и отпускъ суммъ на пріобрѣтеніе физическихъ инструментовъ, дали возможность Н. А. Любимову пополнить физическій кабинетъ инструментами лучшаго качества. Эти инструменты составляютъ и по настоящее время наиболѣе цѣнную и обширную часть физическаго кабинета Московскаго университета.

Н. А. Любимовъ любилъ эффектные и грандіозные опыты и предпочиталъ, сообразуясь съ размѣрами аудиторіи и численностью слушателей, крупные приборы. Онъ самъ изобрѣталъ приборы и дополнялъ опыты. Укажемъ нѣкоторыя излюбленныя имъ демонстраціи. Опытъ Фуко съ проложеніемъ на экранѣ; для его объясненія онъ придумалъ маятникъ на упругомъ стержнѣ, направленіе котораго съ осью вращенія прибора можетъ быть измѣняемо. Этотъ снарядъ описанъ Н. А. въ *Вѣстникѣ естественныхъ наукъ* за 1860 годъ.

Наклонная плоскость Галилея съ катящейся телѣжкой, несущей закопченную стеклянную пластинку, на которой въ различные моменты движенія, камертоны чертили синусоиды. Опытъ съ передачей звука твердыми тѣлами: длинный шестъ пропущался черезъ отверстіе въ полу аудиторіи въ подвальное помѣщеніе и опирался на деку рояля. На шестъ клалась большая сосновая доска и въ аудиторіи раздавалась пьеса, которую играли въ нижнемъ помѣщеніи. Далѣе—большой гейзеръ, фонтанъ съ струею бывшей до потолка и освѣщавшійся электрическимъ свѣтомъ; вытекающая струя воды, освѣщаемая при помощи полного внутренняго отраженія; всевозможные опыты съ проложеніемъ явленій спектральныхъ, двойнаго преломленія, интерференцій, дифракціи, хроматической поляризаціи и т. д. Словомъ всѣ основные опыты физики дѣлались доступны громадной аудиторіи. Изложеніе Н. А. неразрывно сливалось съ опытомъ.

Вернемся теперь къ ученымъ трудамъ Н. А.

Въ 1861 г. имъ издается *Начальный курсъ физики*, ч. I, 341 стр., вошедшій позднѣе въ переработанномъ видѣ въ курсъ изданный въ 1873 г. Этотъ курсъ отличается чрезвычайною ясностью и отчетливостью изложенія. Въ 1865 г. Н. А. представилъ докторскую диссертацию: „*О дальтоновомъ законѣ и количествѣ пара въ воздухѣ при низкихъ температурахъ*“. Это опытное изслѣдованіе произведено имъ въ физическомъ кабинетѣ университета въ зимнее время, при чемъ Н. А. приходилось иногда заочевывать рядомъ съ комнатою, гдѣ производились эти опыты. Послѣ защиты диссертация онъ былъ избранъ 6-го февраля 1865 г. Совѣтомъ Московскаго университета большинствомъ 30-ти голосовъ противъ одного — ординарнымъ профессоромъ.

21-го іюня 1867 г. Н. А. дѣлаетъ въ Московскомъ математическомъ обществѣ сообщеніе: „*Электрическій переносъ теплоты и ученіе о количествѣ электричества съ точки зрѣнія динамической теоріи*“.

Въ 1872 г., 10-го февраля была сообщена въ Московскомъ математическомъ обществѣ и помѣщена въ Сборникѣ того же общества статья, вызвавшая оживленную полемику, подъ заглавіемъ „*Новая теорія поля зрѣнія и увеличенія оптическихъ снарядовъ*“. Она была напечатана на нѣмецкомъ языкѣ („*Neue Theorie des Gesichtsfeldes und der Vergrößerung der optischen Instrumente*“) въ Carl's Repertorium der Physik (Bd. VIII Heft 6), а въ слѣдующемъ году перепечатана въ Poggendorff's Annalen der Physik und Chemie. Къ этому же времени относится изобрѣтеніе опрокидывающагося термо-

метра, приложеннаго къ опредѣленію температуръ въ артезианскомъ колодцѣ въ Москвѣ. Наблюденія дѣлалъ Н. Н. Шиллеръ, теперь проф. Кіевскаго университета.

Въ 1873 г. появилось первое, а въ 1876 г. второе изданіе „*Начальной физики въ объемъ гимназическаго курса*“. Этотъ учебникъ оригиналенъ тѣмъ, что изложеніе основныхъ законовъ сопровождается историческимъ разказомъ объ ихъ открытіи и біографическими подробностями лицъ, сдѣлавшихъ эти открытія. Общедоступность и увлекательность изложенія этого учебника связана съ инцидентомъ, характеризующимъ доброту и простоту Н. А.

Одной изъ заботъ Н. А. было созданіе университетской механической мастерской. Въ 1866 г. помощникъ на лекціяхъ Н. А.—механикъ Мазинъ отказался отъ службы въ университетѣ, и Н. А. озаботился устройствомъ механической мастерской при университетѣ. Для ея завѣдыванія былъ приглашенъ Ф. Симоновъ, любитель-часовщикъ, съ которымъ Н. А. познакомился благодаря починкѣ регулятора Фуко, исправленіе котораго обнаружило механическія способности Симонова. Н. А. принималъ личное участіе въ устройствѣ мастерской и слѣдилъ за занятіями въ ней учениковъ. По распоряженію Н. А. ученики посѣщали воскресные классы черченія при Строгановскомъ училищѣ технического рисованія. Университетская мастерская дала искусныхъ механиковъ, занявшихъ впоследствии соотвѣтственныя должности при многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Разкажемъ здѣсь исторію одного изъ этихъ учениковъ.

Осенью 1874 г. сынъ крестьянина 19-ти лѣтній И. Ф. Усагинъ, умѣвшій только читать и писать, находился въ услуженіи у своего отчима, содержавшаго бакалейную лавку въ Москвѣ. Усагинъ, обладая большой любознательностью, тайкомъ отъ отчима читалъ книги, которыми такимъ же образомъ снабжалъ его пожилой крестьянинъ, купавшій ихъ подъ Сухаревой башней и извѣстный въ своемъ кругу подъ названіемъ „астронома“. Между прочими книгами Усагину попалась старая физика Павлова и съ этого времени у него является желаніе изучать физику. Услыхавъ какъ-то, что есть новая физика,—Любимова, Усагинъ пріобрѣтаетъ ее на свои скудныя средства и въ послѣобѣденные роздыхи, въ подвалѣ подъ помѣщеніемъ лавки, устраиваетъ самодѣльно маленькій физическій кабинетъ съ электрическими машинами, гальваническими элементами и т. д. Однако затѣи Усагина скоро открылись и повели къ крупному столкновенію между нимъ и его отчимомъ, который считалъ совершенно лишнимъ стрем-

леніе Усагина къ ученю. Въ декабрѣ 1874 г. Усагинъ пишетъ письмо Н. А. Любимову, въ которомъ, изложивъ свою охоту къ изученію физики и встрѣчаемыя имъ къ тому препятствія, проситъ совѣта. Дня черезъ два Усагинъ получаетъ отвѣтъ, въ которомъ Н. А. назначаетъ ему часъ для свиданія. Н. А. принявъ горячее участіе въ судьбѣ Усагина и посовѣтовалъ ему посвятить себя ознакомленію съ построеніемъ физическихъ инструментовъ. Для осуществленія такого плана нужно было получить согласіе отчима и Н. А., надѣвши ордена, отправился въ лавку. Поѣздка Н. А. увѣнчалась успѣхомъ: отчимъ отпустилъ Усагина на новое поприще. Н. А. помѣщаетъ Усагина въ семью архиваріуса Московскаго университета Ларионова, платитъ изъ личныхъ средствъ по 15 р. въ мѣсяць за столъ и квартиру Усагина и опредѣляетъ его ученикомъ въ университетскую мастерскую. Но на этомъ не остановились заботы Н. А. объ Усагинѣ. Онъ долженъ былъ ежедневно являться къ Н. А., который въ продолженіи шести мѣсяцевъ въ утренніе часы обучалъ его ариметикѣ, краткой геометріи, алгебрѣ и грамматикѣ. Черезъ годъ Усагинъ помогалъ Н. А. на лекціяхъ физики въ лицей Цесаревича Николая, а въ 1882 г., послѣ смерти механика Симонова, занялъ его мѣсто въ университетѣ. Н. А. поставилъ физическій кабинетъ Московскаго университета на желаемую высоту не только приобрѣтеніемъ приборовъ, но и выработкою препарата, искусству и талантамъ котораго, и по сіе время, — демонстраціи на экспериментальныхъ лекціяхъ — обязаны своею замѣчательною чистотой и отчетливостью.

Во время своего профессорства въ Московскомъ университетѣ Н. А. дѣлалъ рядъ сообщеній по научнымъ вопросамъ. Въ 1865 году на съѣздѣ преподавателей физики Московскаго учебнаго округа, онъ произноситъ вступительную рѣчь и излагаетъ подробный планъ преподаванія физики въ гимназіяхъ; съѣздъ этотъ описанъ въ отдѣльной брошюрѣ. Въ 1867 году онъ произноситъ рѣчь на актѣ Московскаго университета подъ заглавіемъ: „*Въ чемъ духъ естествовѣднія*“. Въ августѣ 1869 года на первомъ общемъ собраніи съѣзда естествоиспытателей онъ читаетъ статью: „*Съѣзды естествоиспытателей въ Швейцаріи, Германіи и Анліи*“, напечатанную потомъ въ „*Русскомъ Вѣстникѣ*“. Въ собраніи общества испытателей природы, посвященномъ памяти Гумбольдта читаетъ рѣчь „*Труды Гумбольдта въ области электрофизиологии*“ (напечатано въ „*Русскомъ Вѣстникѣ*“). Въ 1871 г. въ торжественномъ собраніи того же общества, по слу-

чаю столѣтія со дня рожденія основателя общества Г. И. Фишеръ-фонъ-Вальдгѣйма, Н. А. произноситъ рѣчь „*Парижъ въ 1798 г. — наука и общественная жизнь*“. За тотъ же періодъ времени Н. А. пишетъ въ „*Русскомъ Вѣстникѣ*“ и въ „*Московскихъ Вѣдомостяхъ*“, а также издаетъ отдѣльными брошюрами статьи и рецензіи научнаго и смѣшаннаго содержанія, а именно: въ 1861 г. „*Рецензія на очерки астрономіи Гершеля*“. „*Споръ въ физико-медицинскомъ обществѣ*“. „*Физическая географія Мори*“ (рецензія въ „*Русскомъ Вѣстникѣ*“ июль). „*Астрономія невидимого*“. Въ 1862 г. „*Московскія Вѣдомости*“ № 42 „*О скорости свѣта*“, № 50—„*О заграничныхъ отчетахъ нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ*“ и полемика съ Гояриновымъ. Въ 1864 г. „*Некрологъ проф. Зернова*“. „*О животномъ электричествѣ*“ по поводу книги проф. Сѣченова—„*Русскій Вѣстникъ*“. июль. „*Академіи старыхъ временъ*“ „*Лейбницъ и египетская экспедиція*“.

Начиная съ 1865 г. въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ по инициативѣ и подъ наблюденіемъ Н. А. помѣщались свѣдѣнія о собраніяхъ Британской ассоціаціи наукъ и переводъ рѣчей предсѣдателей.

Въ 1866 г.—„*По поводу книги проф. Хлѣбникова Физика земнаго шара*“ („*Русскій Вѣстникъ*“—апрѣль). 1867—„*По поводу перевода исторіи индуктивныхъ наукъ Юэлла*“. Въ 1869 г.—„*Воспоминанія объ А. С. Ершовѣ*“. Въ 1872 г.—„*Жизни и труды Ломоносова*“. „*Романъ Ампера*“. Въ 1875 г.—„*Памяти Плотина*“. Въ 1878 г.—„*Изъ исторіи физическихъ ученій съ эпохи Декарта*“. „*Тайны жизни*“. Въ 1879 г.—„*Некрологъ М. Л. Назимова*“. Въ 1880 г.—„*Изъ физическихъ ученій съ эпохи Декарта*“. Въ 1882 г.—„*Совпаденіе мыслей*“ (съ Пастѣромъ—„*Московскія Вѣдомости*“ № 138).

Кромѣ занятій въ университетѣ Н. А. послѣ утвержденія устава лица Цесаревича Николая былъ избранъ въ члены совѣта этого учрежденія. Здѣсь же онъ и преподавалъ физику до конца 1882 года.

Н. А. какъ членъ профессорской корпораціи и педагогъ, интересуясь учебными заведеніями какъ средними, такъ и высшими, отдавалъ много времени вопросамъ, касающимся ихъ организаціи. Педагогическая дѣятельность Н. А. въ Московскомъ университетѣ несомнѣнно представляла значительный шагъ впередъ. Въ постановкѣ преподаванія физики приходилось начинать дѣло почти съ азбуки и ловеденіе его до совершенства, котораго оно достигло въ рукахъ Н. А., требовало большихъ усилій и недюженыхъ способностей. Трудъ Н. А. былъ большимъ приобрѣтеніемъ въ исторіи кафедръ физики Московскаго университета, но это было только подороги. При-

чина обаянія испытаннаго Н. А. на лекціяхъ въ Парижѣ лежала, конечно, не въ блескѣ производившихся опытовъ, но въ томъ, что лекторами были Реньо, Клодъ-Бернаръ, Флурансъ, Desains, бывшіе не только посредниками между наукой и аудиторіей, но служившіе движенію и развитію знанія. Задачи университетской каведры не овладѣвали всею дѣятельностью Н. А. На новомъ пути его работы приобрѣтали все болѣе и болѣе публицистическій оттѣнокъ, увлекшій его въ области далекія отъ ближайшихъ задачъ профессора физики. Перечислимъ статьи относящіяся къ этой новой дѣятельности Н. А. Уже въ 1857 г. въ своихъ парижскихъ письмахъ Н. А. обращаетъ вниманіе на организацію учебныхъ заведеній заграницей. Въ декабрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1859 г. находимъ его статью объ университетскихъ экзаменахъ. Въ 1860 г. въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за мартъ статья „Парижская академія наукъ“, а за ноябрь— „О положеніи профессоровъ въ русскихъ университетахъ“. Въ томъ же году въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ № 138 „Замѣчанія на проектъ устава низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній“. Въ 1862 г. — „Изъ исторіи народнаго просвѣщенія во Франціи въ эпоху революціи“. Въ 1863 г. „Труды ученаго комитета главнаго управленія училищъ по разсмотрѣнію проекта обще-образовательныхъ учебныхъ заведеній“ (полемика съ предѣвателемъ комитета Вороновымъ). Съ лѣта 1863 г. начинаются редакціонныя занятія Н. А. по изданію „Русскаго Вѣстника“, продолжавшіяся почти 20 лѣтъ до 1882 г. Въ 1864 г. въ передовыхъ статьяхъ „Московскихъ Вѣдомостей“ Н. А. ведетъ полемику по поводу устройства Петровской земледѣльческой академіи въ Москвѣ. Въ 1866 г. съ 18-го мая по 25-ое іюня Н. А. былъ временнымъ редакторомъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Въ 1870 г. статья— „Событіе въ нигилистическомъ мірѣ“. Въ 1873 г.— „Мнѣніе по поводу пересмотра университетскаго устава“, напечатанное въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ въ февралѣ, ранѣе чѣмъ оно было заявлено въ совѣтѣ Московскаго университета (мартъ 1873 г.)— обстоятельство вызвавшее большое неудовольствие среди многихъ профессоровъ. Мнѣніе это подало поводъ къ продолжительной полемикѣ. Въ 1874 г. въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появляется статья объ устройствѣ университетовъ въ Германіи подъ заглавіемъ „Университетскія письма“. Въ 1875 г.— „Университетскій вопросъ“. Въ 1876 г. въ комиссію по пересмотру общаго устава университетовъ подъ предѣвательствомъ статс-секретаря, нынѣ графа Деянова была подана „Записка о недостаткахъ нынѣшняго состоянія нашихъ университетовъ“. Эта записка въ

формѣ статьи вмѣстѣ съ дополненіемъ къ ней была напечатана въ 1877 г. подъ заглавіемъ „*Университетскій вопросъ*“. „*Извлечение изъ книги Вѣнскаго профессора Билльота о медицинскихъ факультетахъ германскихъ университетовъ*“ и полемика съ проф. Герье. Въ 1878 г.— „*О книгѣ Лемайера объ австрійскихъ университетахъ*“. Въ 1880 г.— въ „*Русскомъ Вѣстникѣ*“ „*Противъ теченія. Бесѣды о революціи*“. Эта статья продолжается въ томъ же изданіи въ 1881 г., 1882, 1883 и 1884 годахъ. Въ 1881 г. въ „*Русскомъ Вѣстникѣ*“ статья „*Университетскій вопросъ*“, содержащая изложеніе отложеннаго проекта университетскаго устава. Затѣмъ идетъ первый томъ сборника „*Мой вкладъ*“—статьи, записки, чтенія, замѣтки. Томъ первый—*Университетскій вопросъ*“ (561 стр.). Второй томъ появился въ 1887 г. „*По вопросамъ народнаго просвѣщенія, изъ исторіи и природы*“ (825 стр.).

Въ 1882 г. заслуженный ординарный профессоръ Московскаго университета Н. А. Любимовъ по выслугѣ 30-ти лѣтняго срока, былъ оставленъ по Высочайшему повелѣнію въ должности профессора университета еще на пять лѣтъ. 21-го октября 1882 г. назначенъ членомъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія и покинулъ Московскій университетъ. Многие ученики Н. А. занимали и занимаютъ кафедры физики въ различныхъ университетахъ; изъ нихъ мы можемъ указать на покойныхъ профессоровъ Коули и Столѣтова, на пишущаго эти строки и на профессора Шиллера.

Переселившись въ Петербургъ, Н. А. продолжалъ свою литературную дѣятельность, частью указанную уже ранѣе. Въ 1883 г. онъ издаетъ книжку „*Въ ожиданіи коронаціи. Вѣнчаніе русскихъ самодержцевъ*“ (171 стр.) и въ 1884 г. пишетъ многія передовыя статьи въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, выходившихъ подъ редакціей В. Г. Австенко. Въ 1888 г. помѣщаетъ въ Русскомъ Вѣстникѣ статью „*Михаилъ Никифоровичъ Катковъ по личнымъ воспоминаніямъ*“. Тамъ же „*Первыя политическіе обиды въ Россіи*“. Въ 1889 г.— „*М. Н. Катковъ и его историческая заслуга*“ (356 стр.). Въ 1891 г. въ журналѣ „*Художникъ*“ „*Два эпизода изъ эпохи революціи*“ и въ Русскомъ Вѣстникѣ „*Сентябрскіе дни въ Парижѣ въ 1792 г.*“. Въ 1892 г. „*Лѣтопись мимоидущаго*“ (574 стр.). Эта книга представляетъ собою сборникъ ежедневныхъ „*Отголосковъ*“, которые съ 1887 г. составлялись Н. А. Любимовымъ въ газетѣ „*Свѣтъ*“ Комарова. Въ 1893 г. книга „*Крушеніе монархіи во Франціи: очерки и эпизоды первой французской революціи (1786 — 1790 и.)*“ (657 стр.). Въ 1894 г.— „*Общественная жизнь въ Москвѣ въ началѣ 30-хъ ю-*

довъ“ (Московскія Вѣдомости). „Новости дня сто лѣтъ тому назадъ“ (559 стр.). Въ 1895 г. въ Русскомъ Вѣстникѣ „Изъ лѣтописи нашей журналистики“ за подписью „Старый читатель“.

Среди этихъ занятій публицистическаго характера Н. А. возвращался и къ вопросамъ естествознанія, при чемъ эти возвращенія выражались въ обширныхъ работахъ, носящихъ прежній педагогическій характеръ. Сюда относятся очень хорошо составленная книга, печатавшаяся въ 1885—1886 гг. въ формѣ приложенія къ *Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія* подъ заглавіемъ „Философія Декарта, переводъ разсужденія о методѣ съ поясненіями. Изложеніе ученія Декарта о мірѣ и человѣкѣ“ (434 стр.). Въ 1888 г. „Изъ книги иллюзій, тайнъ, чудесъ, открытій, диковинокъ, курьезовъ, предразсудковъ, заблужденій, мечтаній, невѣроятностей и невозможностей“ съ многочисленными рисунками (72 стр.). Въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1890—1891 гг. — „Изученіе природы въ древности и въ новое время“. Съ 1892 г. начинается печатаніе въ приложеніяхъ къ *Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія* обширнаго труда подъ заглавіемъ „Исторія физики. Опытъ изученія логики открытій въ ихъ исторіи“. Этотъ трудъ продолжается въ 1894, 1895 и 1897 гг. Онъ не оконченъ. Первая его часть (264 стр.) посвящена оригинальному вступленію и періоду греческой науки. Вторая часть обнимаетъ періодъ средневѣковой науки. Третья—заканчивается изложеніемъ работъ Галилея о паденіи тѣлъ. Въ 1893 г. въ Русскомъ Вѣстникѣ статья „Средневѣковая наука въ школахъ и внѣ школъ“. Въ томъ же году въ Научномъ Обзорѣніи № 1 — „Экспериментальная наука въ прошедшемъ и будущемъ“. Въ 1892, 1894 и 1895 гг. въ Правительственномъ Вѣстникѣ статьи подъ названіемъ „Изъ области науки“. Въ 1895 г. въ Русскомъ Вѣстникѣ статья „Книга Галилея о системахъ міра и ея осужденіе“. Въ Русскомъ Обзорѣніи „Значеніе Бекона Веруламскаго въ исторіи философіи природы“—все эти статьи вошли впоследствии въ его „Исторію Физики“. Въ фельетонахъ Правительственнаго Вѣстника—„Научное воспитаніе чувствъ. Зрѣніе и живопись“. Въ Научномъ Обзорѣніи — „Изъ физики протвѣтъ вещей“.

Физикъ-экспериментаторъ воскресаетъ въ Н. А. подъ конецъ его жизни. Въ 1892 г., слѣдовательно 62-хъ лѣтъ, онъ придумываетъ новые опыты въ такомъ старомъ вопросѣ, какъ паденіе тѣлъ, отличающіеся замѣчательнымъ остроуміемъ. Эти опыты произведены имъ въ первый разъ въ Ремесленномъ училищѣ Цесаревича Николая.

Они были демонстрированы въ засѣданіи математическаго отдѣленія Новороссійскаго Общества естествоиспытателей во время посѣщенія Николаемъ Алексѣвичемъ Одессы въ качествѣ предсѣдателя государственной испытательной комиссіи, а въ 1894 г. на засѣданіи физической секціи съѣзда естествоиспытателей, при чемъ показывались и новые опыты съ образовавшемъ пустоты, съ сифономъ и снарядомъ для анализа стробоскопическихъ явленій, устроенномъ по его идеѣ Одесскимъ механикомъ Тимченко. Сообщение Н. А. вызвало шумныя одобренія членовъ секціи. Опыты эти описаны въ упомянутыхъ выше статьяхъ „Изъ области науки“, въ *Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1893 г. въ статьѣ „*Старое и новое о нѣкоторыхъ простѣйшихъ физическихъ явленіяхъ. Паденіе тѣлъ*“. Въ томъ же году опыты описаны въ XV т. Записокъ математическаго отдѣленія Новороссійскаго общества естествоиспытателей подъ заглавіемъ „*Къ физикъ системы имѣющей переменное движеніе*“ и наконецъ въ прибавленія къ послѣдней части „Исторіи физики“.

Н. А. продолжалъ работать не смотря на болѣзнь, развивавшуюся все болѣе и болѣе втеченіи послѣднихъ лѣтъ. Съ корректурами въ рукахъ, обдумывая продолженіе начатыхъ работъ, Н. А. Любимовъ скончался 6-го мая 1897 г.

И. Уновъ.

СЛѢДЫ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ВЛІЯНІЯ НѢМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ДРЕВНЕ-РУССКУЮ.

(Библиографическія замѣтки).

Между иноземными вліяніями, оставившими свой непосредственный слѣдъ на русской литературѣ до-петровскаго періода, самое видное мѣсто принадлежитъ, какъ извѣстно, греческой литературѣ (съ начала существованія нашей письменности до XV вѣка, а частію и позднѣе), затѣмъ литературамъ славянскимъ: болгарской и сербской въ XV вѣкѣ и позднѣе и польской въ XVI и особенно XVII вѣкѣ. Факты, обстоятельства и причины этихъ вліяній уже настолько установлены и выяснены, что говорить объ этомъ подробно въ настоящемъ случаѣ не представляется необходимымъ. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что историческій смыслъ и характеръ воздѣйствія названныхъ литературъ на древне-русскую далеко не былъ одинаковъ. Греческая литература, дѣйствуя на русскую въ силу, такъ сказать, родоначальническаго къ ней отношенія, цѣликомъ опредѣляла на первыхъ порахъ ея содержаніе и форму, а для позднѣйшаго времени ясно указывала направленіе ея дальнѣйшаго существованія и развитія: церковная зависимость отъ Византіи находила себѣ полное выраженіе и въ зависимости отъ византійской литературы, и такимъ образомъ это литературное общеніе опредѣлялось и характеризовалось съ русской стороны внутренними потребностями лишь по столько, по сколько эти самыя потребности были внушены и затѣмъ поддерживаемы въ своемъ развитіи господствующимъ церковно-культурнымъ отношеніемъ Греціи къ древней Руси. Вліяніе южно-славянскихъ литературъ на древне-русскую, при зависимости этихъ литературъ также отъ византійской, носило въ значительной степени тотъ же

характеръ церковности и религіозной назидательности, но уже сильно отличалось отъ греческаго вліянія самою ролю въ этомъ общеніи русской литературы, которая не только воспринимала на себя чужое вліяніе, но и сама оказывала главнымъ образомъ въ томъ же духѣ и направленіи воздѣйствіе на южнославянскія литературы особенно въ XVI и XVII вѣкахъ. Наконецъ, вліяніе иновѣрной Польши на русскую литературу, опредѣляемое не религіозными, а культурно-образовательными связями, территоріальнымъ сосѣдствомъ и близостью языка, имѣло не столько прямой, сколько, такъ сказать, передаточный характеръ, предоставляя русскимъ переводчикамъ въ болѣе доступномъ (по слабому знакомству съ западно-европейскими языками) видѣ произведенія западныхъ литературъ, написанныя на языкахъ: латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и италіанскомъ; тутъ уже не было, подобно литературному вліянію Греціи или южнаго славянства, воздѣйствія церковно-просвѣтительнаго и религіознаго—католическая Польша вызывала даже съ этой стороны отъ русскихъ горячую полемику и полнѣйшее недовѣріе: тутъ брали главнымъ образомъ такія произведенія чужихъ литературъ въ польской оболочкѣ, которыя по своему характеру — то въ формѣ краткаго разказа и притчи, то серьезнаго нравоученія, то сатиры и шутки—удовлетворяли все болѣе и болѣе развивавшейся потребности къ легендарному и повѣствовательному чтенію, а по своему общеназидательному назначенію и смыслу не противорѣчили тѣмъ литературнымъ вкусамъ, которые выработались у русскаго читателя въ предшествующіе вѣка русской письменности.

Помимо названныхъ иноземныхъ вліяній, документированныхъ значительнымъ количествомъ памятниковъ и отмѣтившихъ собою цѣлыя эпохи въ развитіи древней русской литературы, другія литературы Запада и Востока весьма мало имѣли на нашу до-петровскую письменность *прямою, непосредственною* воздѣйствія, отдѣленные отъ нея трудностью личныхъ сношеній и малымъ знакомствомъ нашихъ предковъ съ иностранными языками. Вліянія эти изрѣдка выражались лишь въ единичныхъ фактахъ, не представляющихъ собою для историка пока ничего значительнаго и цѣльнаго. Однако, и эти отдѣльные факты заслуживаютъ извѣстнаго вниманія, умножаясь въ своемъ числѣ и значеніи вмѣстѣ съ ходомъ болѣе обстоятельнаго изученія памятниковъ нашей древней литературы и, быть можетъ, будучи способны позднѣе открыть новыя перспективы для ея дальнѣйшей исторической разработки. На одной группѣ такихъ фактовъ, именно

на слѣдахъ непосредственнаго вліянія нѣмецкой литературы на древне-русскую, я и хотѣлъ бы въ настоящемъ случаѣ остановиться.

Уже и теперь можно съ большою достовѣрностью утверждать, что въ числѣ иноземныхъ литературъ, стоящихъ, такъ сказать, во второмъ ряду по своему вліянію на древне-русскую письменность, нѣмецкая литература должна занять первое мѣсто. Причина этого обстоятельства лежитъ главнымъ образомъ въ давней территоріальной близости къ Россіи нѣмецкихъ земель и въ обусловленныхъ этимъ болѣе легкихъ, какъ враждебныхъ, такъ и мирныхъ, политическихъ и торговыхъ сношеніяхъ съ нѣмцами; въ особенности часто подавали поводъ къ такимъ сношеніямъ нѣмецкія поселенія Балтійскаго побережья съ XIII столѣтія, съ которыми русскіе князья въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій то воевали, то мирились, а русское населеніе вело непрерывныя и нерѣдко весьма живыя торговыя сношенія. Названіе „нѣмцевъ“ встрѣчается уже на самыхъ первыхъ страницахъ нашей древнѣйшей лѣтописи ¹⁾, и отъ конца XII вѣка сохранилась, хотя и не въ подлинникѣ, мирная грамота новгородскаго князя Ярослава Владиміровича съ нѣмцами ²⁾, но должно замѣтить, что представленіе о нѣмцахъ у нашихъ предковъ въ смыслѣ этнографическомъ не было совершенно яснымъ: подъ „нѣмцами“ разумѣлись, какъ это отчасти и теперь въ простомъ народѣ, вообще иностранцы; въ старинныхъ космографіяхъ говорится объ Америкѣ, что она „изыскана отъ Шпанскихъ и Французскихъ нѣмецъ“ ³⁾. На частыя сношенія русскихъ съ нѣмцами, какъ враждебныя, такъ и мирныя, указываетъ не только лѣтопись, но и цѣлый рядъ историческихъ документовъ, особенно въ видѣ договорныхъ грамотъ, не нуждающихся здѣсь въ подробномъ перечисленіи. Въ XVI и XVII вѣкахъ были неоднократно поѣздки нѣмецкихъ путешественниковъ въ Россію, много содѣйствовавшія взаимному ознакомленію двухъ націй ⁴⁾. На какомъ языкѣ происходили мирныя сношенія русскихъ съ нѣмцами, судить объ этомъ довольно трудно по недостатку положительныхъ указаній, но вообще можно съ большою вѣроятностію думать, что знаніе нѣ-

¹⁾ Повѣсть временныхъ лѣтъ по Лаврентьевскому списку. Изд. Археогр. Ком. С.-Пб. 1872, стр. 4, 83 и др.

²⁾ *Срезневскій, И. И.* Памятники русскаго языка. Изд. 2, столб. 75.

³⁾ *Сухомятовъ, М. И.* О языкованіи въ древней Россіи. Ученыя Записки II Отдѣленія Академіи Наукъ. Кн. I. С.-Пб. 1854, стр. 188.

⁴⁾ См. *Adelung, Fr.* Kritisch-literarische Uebersicht von Reisenden in Russland bis 1700. I—II. S.-Petersburg und Leipzig, 1846.

мецкаго языка въ древней Руси было явленіемъ рѣдкимъ и исключительнымъ. Первый издатель „Духовной“ Владиміра Мономаха допускалъ предположеніе, что въ числѣ тѣхъ пяти языковъ, которыми, по свидѣтельству автора „Духовной“, владѣлъ его отецъ великій князь Всеволодъ Ярославовичъ (1078 — 1093), былъ и нѣмецкій¹⁾. Отъ XVI и XVII вѣковъ свидѣтельствъ о знаніи русскими нѣмецкаго языка имѣется больше, но согласно имъ такое знаніе принадлежало главнымъ образомъ профессиональнымъ лицамъ, членамъ посольскаго приказа, употреблявшимся въ официальныхъ сношеніяхъ съ иностранцами: такимъ лицомъ былъ, напримѣръ, въ началѣ XVI вѣка Дмитрій Щербатовъ, о знаніи нѣмецкаго языка которымъ свидѣтельствуемъ самъ нѣмецкій посланникъ²⁾. Извѣстный богословъ Фабри, ведшій въ Тюбингенѣ, по порученію короля Фердинанда, переговоры съ русскими послами въ 1525 году, упоминаетъ о знаніи нѣмецкаго языка однимъ русскимъ, употребленнымъ въ качествѣ переводчика³⁾. Царь Иванъ Васильевичъ въ своей рѣчи, обращенной къ двумъ ливонскимъ плѣннымъ, по поводу предложенія римскаго императора Фердинанда объ уступкѣ Ливоніи рыцарямъ Тевтонскаго ордена, говорилъ, между прочимъ, о своемъ намѣреніи завести въ будущемъ въ Псковѣ и Новгородѣ училища, въ которыхъ бы русское юношество училось латинскому и нѣмецкому языкамъ⁴⁾. Точно также и изъ XVII вѣка есть свидѣтельства, какъ о переводчикахъ изъ русскихъ при сношеніяхъ съ нѣмцами (Ивашко Давыдовъ, Истома Малый и другіе)⁵⁾, такъ и вообще о занятіи въ Россіи нѣмецкимъ языкомъ⁶⁾.

Приведенныя извѣстія указываютъ на возможность сношеній между русскими и нѣмцами также и въ области литературы; изъ такихъ фактовъ нѣмецкаго литературнаго воздѣйствія на нашу до-петровскую письменность намъ извѣстны слѣдующіе:

- 1) Въ трехъ спискахъ полнаго текста священныхъ книгъ, храня-

¹⁾ Духовная великаго князя Владиміра. С.-Пб. 1792, стр. 27—28.

²⁾ Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. I. С.-Пб. 1851, стр. 125—126.

³⁾ *Regum Moscovitarum auctores varii, unum in corpus nunc primum congesti.* Francofurti, 1600, стр. 130—131.

⁴⁾ *Scriptores rerum Livonicarum.* Т. II. Riga und Leipzig. 1848, стр. 702.

⁵⁾ *Котошилинъ*, О Россіи въ царствованіи Алексія Михайловича. Изд. 3. С.-Пб. 1884, стр. 97. Ср. *Сухомлиновъ*, назв. соч., стр. 194.

⁶⁾ *Сухомлиновъ*, назв. соч., стр. 234.

ащихся въ Московской синодальной (патріаршей) бібліотекѣ, имѣется „Предисловіе на настоящю книгу“ и затѣмъ находящееся съ нимъ въ непосредственной связи „Оглавленіе“ книгъ какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта. „Все это Предисловіе, по словамъ ученыхъ описателей бібліотеки, съ принадлежащимъ къ нему Оглавленіемъ совершенно отлично отъ извѣстныхъ на греческомъ языкѣ обзорній книгъ Священнаго Писанія: св. Іоанна Златоуста или Аванасія. По всей вѣроятности, оно написано кѣмъ либо изъ ученыхъ Западной Церкви, потому что въ Предисловіи два раза приводятся слова блаженнаго Августина и въ одномъ случаѣ съ наименованіемъ его „Божественнымъ“. хотя заимствованныя изъ него слова и не заключаютъ въ себѣ ничего особеннаго. Видно, что писателю онъ былъ ближе другихъ отцевъ и учителей церкви. Статья эта переведена, вѣроятно, изъ какого нибудь изданія Библии на нѣмецкомъ языкѣ, которыхъ было много и до Лютерова перевода“. Это заключеніе, кромѣ только что приведеннаго общаго соображенія описателей, основывается и на слѣдующемъ ихъ указаніи: въ Оглавленіи, составляющемъ одно цѣлое съ Предисловіемъ, о книгѣ „Пѣснь пѣсней“, между прочимъ, замѣчено, что она „нѣсть преведена на гермѣскіи языкъ. винѣ есть что ради. възыщи въ еѣ началѣ“; хотя при этой книгѣ особаго предисловія нѣтъ и ссылка является неточною, но она, очевидно, имѣетъ въ виду слѣдующую отмѣтку въ подробномъ изложеніи содержанія библейскихъ книгъ, помѣщенномъ въ концѣ описываемыхъ списковъ: „того ради на немецкое не преведена есть ради же сего да бібліѣ всѣ. и бѣ нѣкоѣ wskудѣнѣѣ въ книзѣ имѣтсѣ. послѣдѣтъ сѣѣ сама книга порѣски здѣ после написана“. Описатели справедливо замѣчаютъ, что „это двукратное указаніе на нѣмецкую біблію, конечно, не имѣло бы мѣста въ сочиненіи „русскаго“¹⁾.

2) М. П. Погодинъ, на основаніи надписи на одномъ спискѣ Псалтыри, свидѣтельствуетъ о переводѣ съ нѣмецкаго обзора содержанія псалмовъ, слѣланномъ въ 1502 году извѣстнымъ переводчикомъ Посольскаго приказа Дмитріемъ Герасимовымъ, получившимъ образованіе въ Ливоніи и не разъ бывавшимъ за границей²⁾.

3) Другой переводчикъ Посольскаго приказа Авраамій Панкратьевъ

¹⁾ Горскій и Невоструевъ, Опис. слав. рукописей Моск. Синод. бібліотеки, I, 4—6.

²⁾ Москвитининъ, 1850, № 9, Смѣсь, стр. 20. Ср. Горскій и Невоструевъ, Опис., I, 7.

Фирсовъ перевелъ въ Москвѣ въ 1683 году книгу Псалтырь „съ лютеранской библии“. Книга эта, какъ свидѣтельствуется помѣщенная на ней надпись, по приказу государей Іоанна и Петра Алексѣевичей, прислана въ декабрѣ 1686 года изъ Стрѣлецкаго приказа къ патриарху въ Крестовую палату, а отъ патриарха, помѣстившаго ее въ ризницу, „безъ указу. Смотри давать не велено никому“¹⁾.

Было переведено съ нѣмецкаго также и нѣсколько произведеній чисто-литературнаго характера:

4) По изслѣдованію проф. *И. Жданова*²⁾, съ общими результатами котораго выражаетъ свое согласіе и акад. *А. Н. Веселовскій*³⁾. известное „Двоесловіе Живота и Смерти“, столь распространенное въ нашей древней письменности XVI—XVII вѣка и вошедшее въ составъ одной изъ самыхъ популярныхъ народныхъ книгъ того времени⁴⁾, переведено съ нѣмецкаго. Исторія появленія этого произведенія въ нашей литературѣ г. Ждановъ представляетъ въ слѣдующемъ видѣ. Между старинными нѣмецкими „масляничными представленіями“ (Fastnachtspiele) сохранился одинъ памятникъ, написанный на нижне-нѣмецкомъ нарѣчій и озаглавленный „Масляничная игра о Смерти и Жизни“; хотя этотъ памятникъ напечатанъ былъ лишь въ 1576 году, но составленіе его относится къ XV вѣку; авторомъ называется Николай Меркаторисъ, о жизни и дѣятельности котораго ничего неизвѣстно. Этотъ трудъ Меркаториса, еще до своего изданія, въ концѣ XV вѣка обратилъ на себя въ рукописи вниманіе какого-то автора, который составилъ изъ стиховъ „масляничнаго представленія“ „Диалогъ Жизни и Смерти“ и напечаталъ его въ видѣ объясненія къ небольшой соотвѣтствующей картинкѣ, снабдивъ въ концѣ общимъ поучительнымъ заключеніемъ. Такія иллюстрированныя изданія, предназначавшіяся для обращенія въ простомъ народѣ, были въ широкомъ употребленіи въ XV—XVI вѣкахъ въ Германіи, и одно изъ нихъ въ отрывкахъ (въ видѣ обрѣзковъ, наклеенныхъ на листахъ одного рукописнаго молитвенника Любекской городской библиотеки) сдѣлалось въ 1876 году достояніемъ науки, благодаря изданію В. Мантеляса, въ бременскомъ „*Jahrbuch des Vereins für niederdeutsche Sprachfor-*

¹⁾ Горскій и Невоструевъ, Опис., I, 190—191.

²⁾ Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи. Кіевъ. 1881, стр. 6—13.

³⁾ Рецензія на соч. И. Жданова, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1884, № 2, стр. 359.

⁴⁾ Наше соч. „Очерки изъ лит. исторіи Синодика“, стр. 282.

schung“. Подобная популярная книжка могла попасть въ XVI вѣкѣ на Русь, напримѣръ, черезъ Новгородъ, пришлась тамъ по вкусу, какъ по своей интересной темѣ, такъ и по ея обработкѣ, и была переведена. Не лишено интереса то обстоятельство, что въ то время какъ нѣмецкій оригиналъ извѣстенъ лишь въ отрывкахъ, русскій переводъ имѣется въ болѣе полномъ видѣ, въ значительномъ числѣ списковъ, и, будучи весьма близокъ къ оригиналу, можетъ служить для знакомства съ утраченнымъ или еще неотысканнымъ полнымъ текстомъ нѣмецкаго своего подлинника. Наглядно убѣждаютъ въ справедливости основнаго вывода г. Жданова представленные имъ ¹⁾ рядомъ нѣмецкій и русскій тексты „Двоесловія“.

5) Въ рукописи Императорской Публичной бібліотеки XVII, Q. 7, XVII вѣка, изъ собранія гр. Толстого, л. 1—95, имѣется: „Зрѣлище житія человѣческаго, в немже изъявлены суть дивныя бесѣды животныхъ со истинными къ тому приличными повѣстми въ наученіе всякаго чина и сана человѣкомъ; нынѣ *новотрєведено изъ нѣмецкаго языка* всѣмъ во общую пользу въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, въ лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1674“. Книга эта представляетъ собраніе нравоучительныхъ басенъ въ количествѣ 124; при басняхъ помѣщены и историческія свидѣтельства на тѣ же, весьма извѣстныя, темы, взятія изъ Геродота, Плутарха, Цицерона, Светонія, Флавія, Діона, *Gesta Romanorum* и изъ средневѣковыхъ историковъ и лѣтописцевъ. Г. *Питинъ* о переводѣ отзывается такъ: „переводъ хорошъ для того времени; въ немъ нѣтъ германизмовъ, и фраза почти всегда соотвѣтствуетъ требованіямъ тогдашняго литературнаго языка“ ²⁾. Въ другомъ спискѣ этого же сборника, принадлежащемъ г. Забѣлину (№ 78, XVIII вѣка), указано и имя переводчика—извѣстнаго своею переводною дѣятельностью „Андрея Андреева сына Виніуса“ ³⁾.

6) Рукопись Императорской Публичной бібліотеки XVII, F. 4, XVII вѣка, изъ собранія Фролова, заключаетъ въ себѣ переводъ съ нѣмецкаго двухъ произведеній извѣстнаго персидскаго поэта Саади и басенъ Локмана. Тотъ же переводъ названныхъ сочиненій имѣется и въ другой рукописи Императорской Публичной бібліотеки XV,

¹⁾ Назв. соч., стр. 194—200.

²⁾ Очеркъ литературной исторіи, стр. 177.

³⁾ *Питинъ*, назв. соч., стр. 358. Ср. *Пекарскій*, Наука и литература при Петрѣ Великомъ, I, 200—201.

Ф. 12, XVII вѣка, изъ собранія гр. Толстого. О происхожденіи перевода заглавіе Толстовскаго списка даетъ слѣдующія свѣдѣнія: „Персицкой *Крынной доли* (то-есть, знаменитое произведение Саади „Гюлистанъ“), въ которомъ много веселыхъ и пріятныхъ исторей, остроумные рѣчи, прибыльные ученія, основательные статьи и притчи, такого же при томъ персицкаго благоученнаго и славнаго Локмана склады и примѣры такожь обрѣтаются; и описалось сіе дѣло тому назадъ 500 лѣтъ отъ тогдашняго славнаго и высокоразумнаго поэта Спихасадія, по персицки описалось и для его избранства и достоинства высокопочитается и возлюбляется, и тому назадъ лѣтъ съ пятьдесятъ переведена въ нѣмецкой языкъ отъ славнаго издателя Адама Аларія... Персидской *Деревной Сады*... описано во персидскомъ языкѣ отъ Ших-Мусладія Саадія Шираскаго, и для ево изрядства изъ персидскаго на галанской языкъ переведенъ и изъ того въ высокой цесарской языкъ (то-есть, hochdeutsch) переведено“. Изъ того же сборника Оларія взяты были и „Премудраго Лохмана удивительные склады и примѣры“. Переводъ этихъ сочиненій, по наблюдениямъ г. *Пытина*, менѣе удаченъ, чѣмъ переводъ „Зрѣлища житія человѣческаго“: „въ нашемъ переводчикѣ можно замѣтить неумѣнье совладѣть съ нѣмецкою фразой; для передачи мудреныхъ нѣмецкихъ словъ онъ сочинялъ даже новыя слова, большею частію не весьма удачныя“¹⁾.

7) Въ 1859 г. въ I кн. „Лѣтописей русской литературы и древности“ акад. *Н. С. Тихонравовъ*, печатая впервые 1-ю часть „Люцидаріуса“, въ краткомъ предисловіи, которымъ снабжено это изданіе, высказалъ предположеніе, что этотъ вѣрный и любопытный сборникъ, заключавшій въ себѣ въ катехизической формѣ вопросовъ и отвѣтовъ цѣлую энциклопедію свѣдѣній о мірѣ, людяхъ, странахъ, животныхъ и т. п., переведенъ былъ въ XVI вѣкѣ на русскій языкъ съ нѣмецкаго, при чемъ указалъ на нѣсколько германизмовъ русскаго текста. Переводъ сдѣланъ былъ какимъ-то Георгіемъ, и покойный Тихонравовъ, стараясь отгадать, кто былъ этотъ Георгій, склоненъ отчасти думать, что можетъ быть это — князь Георгій Ивановичъ Токмаковъ, составившій повѣсть о Выдропусской иконѣ Божьей Матери и бывший намѣстникомъ въ Псковѣ²⁾. Этотъ переводъ вызвалъ извѣстныя возраженія Максима Грека въ его сочиненіи „Посланіе къ нѣкому мужу поучительно на обѣты нѣкоего латынина

¹⁾ *Пытинъ*, назв. соч., стр. 178—179.

²⁾ Стр. 35, прим. 3; 37—38.

мудреца¹⁾. Проф. *И. Я. Порфирьевъ*, при новомъ изданіи Люцида-риуса, уже въ полномъ видѣ, выразилъ полное согласіе съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ Тихонравова о происхожденіи русскаго перевода этого памятника²⁾.

8) Извѣстно, что начало театральныхъ представлений въ Россіи въ XVII вѣкѣ тѣсно связано было съ дѣятельнымъ участіемъ въ этомъ нѣмцевъ. Въ самыхъ краткихъ чертахъ дѣло было такъ. Бояринъ А. С. Матвѣевъ, одинъ изъ убѣжденнѣйшихъ сторонниковъ иноземныхъ новшествъ у насъ въ XVII вѣкѣ, заинтересовалъ царя Алексѣя Михайловича, между прочимъ, и въ театральномъ дѣлѣ, которому немедленно рѣшено было дать ходъ въ Москвѣ. Царь обратился за этою „нѣмецкою потѣхой“ къ нѣмцамъ: и вотъ 15-го мая 1672 года черезъ Матвѣева объявленъ былъ фанъ-Стадену царскій указъ—ѣхать къ Курляндскому герцогу Іакову (1642—1681), чтобы тамъ подыскать „великаго государя въ службу рудознатныхъ всякихъ самыхъ добрыхъ мастеровъ, которые бь руды всякія подлинно знали и плавить ихъ умѣли, да трубачей самыхъ добрыхъ и ученыхъ, да *которыя бь умѣли всякія комедіи строить*“, при чемъ прибавлено, что если такихъ людей не найдется въ Курляндіи, то ѣхать фанъ-Стадену въ Швецію и въ Прусскую землю. Прибывши въ Ригу, фанъ-Стаденъ нанялъ тутъ въ іюлѣ восемь человекъ актеровъ, а въ октябрѣ сообщилъ Матвѣеву, что ему удалось приговорить „еще три человека молодыхъ, которые на всѣхъ играхъ играютъ, чего никогда впредь сего на Москвѣ не слыхано“. Черезъ рижскихъ актеровъ фанъ-Стаденъ познакомился съ нѣкоторыми изъ германскихъ странствующихъ труппъ и заручился согласіемъ нѣкоторыхъ тамошнихъ актеровъ пріѣхать въ Москву. Впрочемъ, эти переговоры съ иноземными нѣмцами кончились весьма незначительными результатами, такъ такъ давшіе сначала согласіе актеры впоследствии отъ него отказались, и фанъ-Стадену, вернувшемуся изъ поѣздки своей въ декабрѣ 1672 г. въ Москву, оказалось возможнымъ привезти съ собой только одного трубача да трехъ музыкантовъ. Но дѣло заведенія театра отъ этого не остановилось, и въ Москвѣ еще до выясненія результатовъ посольства фанъ-Стадена обратились за тѣмъ же дѣломъ въ мѣстную нѣмецкую слободу. Важныя услуги въ этомъ дѣлѣ оказалъ московскій

¹⁾ Сочиненія Максима Грека, III, 226—236.

²⁾ Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки. С.-Пб. 1890, стр. 132.

пасторъ Іоганнъ Готфридъ Грегори, уроженецъ Мерзебурга, ставшій во главѣ новаго театральнаго предпріятія въ Москвѣ: ему пришлось не только опредѣлить выборъ репертуара (для этого взяты были такъ называемыя „англійскія комедіи“, сборникъ которыхъ изданъ былъ въ 1620 году), но и заняться переводомъ подходящихъ нѣмецкихъ пьесъ на русскій языкъ, подыскать и выучить актеровъ и музыкантовъ и вообще быть общимъ руководителемъ и душою всего этого въ высшей степени новаго и необыкновеннаго въ Москвѣ дѣла. При всѣхъ трудностяхъ, которыя пришлось встрѣтить Грегори, при исполненіи царскаго желанія о театрѣ, главнымъ образомъ со стороны нѣкоторыхъ своихъ соотечественниковъ, руководимыхъ посторонними чувствами недоброжелательства и зависти, старанія его были столь успѣшны, что 17-го октября 1672 года состоялось въ Москвѣ, въ особо устроенной для того „храминѣ“, въ присутствіи царя и избранной публики первое представленіе „Артоксерксова дѣйства“, съ содержаніемъ, взятымъ изъ Библии. Текстъ этой пьесы, къ сожалѣнію, до насъ не дошелъ, но, несомнѣнно, онъ былъ писанъ по-русски, какъ и текстъ другихъ пьесъ, велѣдъ затѣмъ исполненныхъ на Московскомъ театрѣ и до насъ дошедшихъ: „Іудинъ“, „Комедія о Товіи Младшемъ“, „Темирь-Аксаково дѣйство“, „Комедія объ Адамѣ и Евѣ“, передѣланныхъ съ нѣмецкаго и исполненныхъ множества германизмовъ¹⁾). Вообще матеріалъ для репертуара, заведеннаго въ Москвѣ, также брался изъ нѣмецкой драматической литературы; пасторъ Грегори и его ближайшіе сотрудники, вѣроятно, сначала компилировали эти пьесы по-нѣмецки, приспособляя ихъ къ средствамъ и условіямъ сцены, а потомъ онѣ переводились для представленія по-русски²⁾).

Такимъ образомъ, согласно несомнѣннымъ даннымъ, начало театральныхъ представленій въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ и возникновенія драматической нашей литературы прошли при близкомъ участіи и содѣйствіи нѣмцевъ и нѣмецкой литературы.

9) Переводились съ нѣмецкаго лѣчебныя книги. Въ послѣсловіи къ „Благопрохладному Цвѣтнику“ (Травникъ) въ библиотекѣ графа Уварова № 2191 (623), писанному въ 1616 г., читаемъ: „... А печатана была (книга сія) по приказу Стефана Андрѣева сына праваго писца, живущаго въ царскомъ градѣ Любкѣ, послѣ Рождества Господа на-

¹⁾ П. Морозовъ, Исторія русскаго театра до половины XVIII столѣтія. Т. I. С.-Пб. 1889, стр. 125 и сл.; 166, 179, 183.

²⁾ Тамъ же, стр. 189.

шего Іисуса Христа лѣтъ 1492. По повелѣнію же господина преосвященнаго Даніила, митрополита всея Русіи Божією милостію, сія книга преведена бысть съ нѣмецкаго языка на словенскій, а перевелъ полонянинъ Литовской, родомъ немчинъ, Любчянинъ... А преведена сія книга лѣта 7042 (1534) года¹⁾. То же имѣется въ рукописи той же библіотеки „Травникъ“ № 2192 (615) XVII вѣка²⁾, въ „Лѣчебникѣ“ Императорской Публичной Библіотеки F. VI. 9³⁾.

Замѣчанія объ этомъ переводѣ см. у *Л. Змьева*, назв. соч., стр. 22, 31, и у *В. Жмакина*: Митр. Даніилъ, стр. 278.

Въ концѣ рукописи Дрелехр. Погодина „Прохладный Вертоградъ“ № 1682, XVII вѣка, приписано: „Сія книга Прохладный Вертоградъ или Лѣчебникъ переведенъ съ нѣмецкова аптекарскаго лѣчебника земскаго приказу подъячимъ Андрѣемъ Микифоровымъ съ нѣмецкова языку на русской, въ лѣто „зрп (1672) году“⁴⁾.

10) *Пекарскій*⁵⁾ указываетъ на нѣсколько рукописныхъ календарей (изъ рукописей Императорской Эрмитажной библіотеки), имѣющихъ на себѣ указаніе о переводѣ ихъ съ нѣмецкаго:

„Календарь о малобываемыхъ вещьхъ Ягана Гендрика Фохта, королевскаго Свейскаго математика на 1695 лѣто отъ Р. Хр. Переведенъ съ нѣмецкаго языка на словенское реченіе въ государственномъ посольскомъ приказѣ переводчикомъ Петромъ Шафировымъ въ нынѣшнемъ 203 (1695) января въ 20 день“ (Эрмитажная библіотека, № 73). То же на 1696 годъ (Эрмитажная библіотека, № 74).

„Математическихъ хитростныхъ тонкостей календарь на 1697 лѣто отъ Р. Хр., въ немъ описуется купно съ провѣщаніемъ и о солнечномъ бѣгѣ и о высотѣ въ великости онаго, такожъ и объ основательномъ численіи солнечныхъ и мѣсячныхъ затменій. Сочиненъ впервые отъ Павла Галкена, математическаго художника, учрежденнаго письменнаго и сочинительнаго мастера града Буксшегуда. А переведенъ съ нѣмецкаго языка на словенской въ государственномъ посольскомъ приказѣ переводчикомъ Петромъ Шафировымъ въ нынѣшнемъ 205 (1697) году въ ноябрѣ мѣсяцѣ“ (Эрмитажная библіотека, № 65).

¹⁾ *Арх. Леонидъ*, Систематическое описаніе рукописей гр. А. С. Уварова. Ч. III, стр. 526.

²⁾ Тамъ же, IV, стр. 527.

³⁾ *Л. Змеевъ*, Русскіе врачебники. С.-Пб. 1896, стр. 21.

⁴⁾ *Л. Змеевъ*, назв. соч., стр. 72—73. Ср. *В. Флоринскій*, Русскіе простонародные травники, стр. XII.

⁵⁾ Наука и литература, I, стр. 286—288.

11) Наконецъ, и народное художество, въ видѣ гравированныхъ картинокъ съ соответствующимъ текстомъ, имѣеть на себѣ нѣкоторые слѣды непосредственнаго нѣмецкаго вліянія.

Нѣмецкіе „печатные листы“ уже издавна обращались въ русской торговлѣ; они упоминаются въ приходо-расходныхъ книгахъ Оружейной Палаты 1634 и 1637 гг., и патриархъ Іоакимъ замѣчаетъ, что на картинкахъ священныя изображенія представлялись „неистово и неправо на подобіе лицъ своестранныхъ и въ одеждахъ нѣмецкихъ“. Во второй половинѣ XVII вѣка по настоянію духовныхъ владыкъ даже запрещено было продавать листы, напечатанные „нѣмцами-еретиками“, и приказано отбирать ихъ „бездѣнно“ и истреблять, а съ продающихъ взыскивать пеню. Также и „потѣшные листы“, обращавшіеся въ народѣ, иногда брали свое содержаніе изъ листовъ нѣмецкихъ ¹⁾. Нѣмецкія книжки назидательнаго или потѣшнаго характера проникали въ XVII вѣкѣ и въ царскую бібліотеку ²⁾, а нѣмецкіе листы съ картинками въ состоятельныхъ классахъ населенія были нерѣдко предметомъ дѣтской забавы ³⁾. Вліяніе этого рода картинъ и книжекъ на нашу народную литературу и картинки было поэтому дѣломъ весьма естественнымъ, хотя, по обычаю того времени, и очень рѣдко отиѣчалось. Въ одной рукописи XVII вѣка есть „повѣсть“ о превращеніи въ пса „нѣкоего пречестнаго кавалера“, и въ началѣ повѣсти помѣчено: „списокъ съ переводнаго нѣмецкаго листа печатнаго“ ⁴⁾.

Г. Стасовъ высказываетъ мнѣніе, что въ XVI и XVII вѣкахъ на нашей западной окраинѣ были сильно распространены нѣмецкіе гравированные Апокалипсисы и Библии, вліявшія въ XVII вѣкѣ на русскія граверныя произведенія; такъ, напримѣръ, онъ полагаетъ, что источники такихъ обширныхъ изданій, какъ Апокалипсисъ Прокопія, гравированный въ 1646 — 1662 г. ⁵⁾, нужно искать не въ голландскомъ изданіи Библии Пискагора, какъ думалъ Ровинскій, а скорѣе

¹⁾ *Лыпинъ*, Очеркъ литературной исторіи, стр. 206; Акты Археографической Экспедиціи, IV, стр. 254, № 200: ср. *Ровинскій*, Подробный словарь русскихъ переводовъ. С.-Пб. 1895, ст. 16, 227—231.

²⁾ *Лыпинъ*, назв. соч., стр. 264.

³⁾ *Забѣлинъ*, Дѣтскіе годы Петра Великаго. Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи. Ч. I. М. 1872, стр. 23.

⁴⁾ *Буслаевъ*, Рѣчь о народной поэзіи въ древне-русской литературѣ, прил. стр. 14. Ср. *Ждановъ*, Къ литературной исторіи, стр. 13.

⁵⁾ *Ровинскій*, Русскія народныя картинки, III, стр. 274.

въ соответствующихъ нѣмецкихъ изданіяхъ XVI и XVII вѣковъ или также родственныхъ имъ польскихъ ¹⁾).

Ровинскій высказываетъ мнѣніе, что наши лубочныя картинки свѣтскаго содержанія, какъ „по замыслу и способу изданія“, такъ и „по формату и стилю“ обнаруживаютъ сходство съ нѣмецкими иллюстраціями къ стихотвореніямъ Ганса Сакса (второй половины XVI вѣка) ²⁾. Съ первою частью этого мнѣнія согласенъ и *Стасовъ* ³⁾. Въ историческомъ обзорѣ русскаго гравированія, составляющемъ введение къ труду *Ровинскаго* „Подробный словарь русскіихъ гравировъ“, изданному послѣ его смерти, авторъ дѣлаетъ на основаніи изученнаго имъ обширнаго матеріала такое заключеніе: „Граверы юго-западныхъ типографій (въ XVI — XVII вѣкахъ) копировали западные образцы, копировали цѣликомъ нѣмецкихъ мастеровъ и копировали другъ съ друга. Московскіе граверы въ крупныхъ изображеніяхъ держались болѣе древнихъ образцовъ и переводовъ; въ мелкихъ же картинкахъ и архитектурныхъ украшеніяхъ и заставкахъ они подражали западнымъ образцамъ на ряду съ граверами юго-западныхъ типографій“ ⁴⁾.

Вотъ—сухой перечень извѣстныхъ намъ отрывочныхъ извѣстій по вопросу о непосредственномъ влияніи нѣмецкой литературы на древне-русскую. Приведенные факты, изъ которыхъ почти каждый заслуживаетъ болѣе подробнаго и широкаго изученія, что не лежало въ предѣлахъ нашей задачи, — касаются разнообразныхъ сторонъ нашей допетровской письменности: тутъ и Св. Писаніе, и назидательная литература, и театр, и медицина, и календари, и народныя картинки; но вмѣстѣ съ тѣмъ, соображая болѣе обширный кругъ литературныхъ фактовъ, относящихся къ каждой изъ названныхъ категорій, можно развѣ лишь о театрѣ сказать, что на немъ оставило нѣмецкое влияніе дѣйствительно замѣтный слѣдъ въ занимающую насъ эпоху; остальное является болѣе или менѣе случайнымъ.

Въ интересахъ вѣрнаго представленія о размѣрахъ нѣмецкаго литературнаго влиянія у насъ въ древній періодъ нужно имѣть въ виду, что, говоря о нѣмецкомъ влияніи, мы разумѣли не только народность, но и языкъ и даже главнымъ образомъ руководились этимъ послѣд-

¹⁾ Рецензія на „Русскія народныя картинки“ *Ровинскаго*; въ „Сочиненіяхъ В. В. Стасова“, т. II. С.-Пб. 1894, стр. 661—664.

²⁾ Русскія народныя картинки, IV, 198: V, 22.

³⁾ Соч., II, 670—671.

⁴⁾ Подробный словарь русскіихъ гравировъ, стр. 40.

нимъ признакомъ въ перечнѣ вышеприведенныхъ фактовъ. Въ столѣтія, о которыхъ мы говоримъ, нѣмцы еще въ весьма значительной степени пользовались латинскимъ языкомъ, какъ способомъ литературнаго выраженія. и факты перевода нѣмецкихъ сочиненій, написанныхъ по-латыни самими ихъ авторами, въ виду принятой нами точки зрѣнія, не нашли себѣ мѣста въ нашемъ обзорѣ. Наконецъ, у насъ шла рѣчь о непосредственномъ вліяніи нѣмецкой литературы, но, при болѣе широкой постановкѣ вопроса, не слѣдуетъ забывать, что древняя русская литература воспринимала нѣмецкое вліяніе еще и посредствомъ литературы польской, такъ какъ не мало произведеній, переведенныхъ у насъ съ польскаго языка въ XVII вѣкѣ, скрывало за собой нѣмецкое происхожденіе: такова, на примѣръ, Повѣсть о Мелузинѣ, нѣкоторыя „жарты“ и многое другое¹⁾; въ этомъ ознакомленіи русскихъ читателей XVII вѣка съ произведеніями западно-европейскихъ литературъ польскому языку принадлежать, какъ извѣстно, относительно русской литературы весьма значительная заслуга²⁾.

Е. Шѣтковъ.

¹⁾ *Пытинъ*, Очеркъ литературной исторіи, стр. 233, 267. Ср. тамъ же, стр. 243, 276.

²⁾ Тамъ же, стр. 250.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Русскіе влады. Изслѣдованіе древностей великокняжескаго періода. *Н. Кондакова*, Заслуженнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета. Томъ первый. Съ 20 таблицами рисунковъ и 122 поли-
типажами. С.-Пб. 1896.

Новое замѣчательное изслѣдованіе *Н. П. Кондакова* принадлежитъ къ такого рода научнымъ работамъ, которыя оцѣниваются не сразу, а постепенно, съ теченіемъ времени, цѣлыми отдѣлами своими ложатся въ основаніе науки. Изслѣдованіе русскихъ древностей въ этомъ сочиненіи поставлено на твердую научную почву, которая, безъ сомнѣнія, обезпечитъ многіе дальнѣйшіе шаги русской науки въ такой обширной и необслѣдованной, такой значительной и разнообразной по своему составу области, какъ русскія древности. Дѣйствительно, тотъ, кто откроетъ этотъ томъ in 4°, съ первой же главы увидитъ, какъ далеко отстоитъ новое сочиненіе, по своимъ задачамъ и цѣлямъ, по методу изслѣдованія, отъ прежнихъ сочиненій русскихъ и иностранныхъ ученыхъ по данному предмету.

Давно извѣстны труды западныхъ ученыхъ: *Линаса* (*L'orfèvererie cloisonnée*), *Лабарта* (*Histoire des arts industriels*), *Ластери* (*Orfèvererie*) какъ сочиненія общаго характера, затѣмъ труды: *Фонтенея*, *Барбье де Монто*, *Монтелуса*, особенно *Линденшмидта* (по древностямъ нѣмецкаго народа), гдѣ изслѣдуется лишь небольшіе отдѣлы частныхъ древностей. Ни въ одномъ изъ этихъ сочиненій мы не встрѣтимъ той зрѣлости принципиальнаго воззрѣнія на предметъ, той поражающей эрудици и примѣненія научныхъ методовъ, какъ въ сочиненіи нашего отечественнаго ученаго. Труды современнаго

французскаго ученаго Молинье, занимающагося изученіемъ предметовъ средне-вѣковыхъ и новыхъ ремеслъ (*Histoire générale des arts appliqués à l'industrie du V à la fin du XVIII siècle*, I, II), представляютъ по существу изданія для большой публики, матеріалъ которыхъ связанъ поверхностнымъ описательнымъ методомъ. Безчисленные труды по разнымъ отраслямъ древнихъ индустрій, являющіеся въ Англіи, Швеціи и Норвегіи, представляютъ описанія древностей, по большей, части, безъ надлежащаго ученаго пріема, съ узкими патріотическими тенденціями и предвзятыми узкими идеями.

Совершенно иначе обработано сочиненіе Н. П. Кондакова. Въ его трудѣ точно ограниченъ предметъ и опредѣленъ методъ изслѣдованія, и такъ какъ сочиненіе занимается извѣстнымъ отдѣломъ русскихъ древностей, то указаны исходные пункты науки о русскихъ древностяхъ вообще и впервые намѣчаются дальнѣйшіе шаги русской науки на этомъ поприщѣ. Все это уже съ самаго начала вызываетъ серьезное отношеніе къ труду, въ которомъ мы видимъ разборъ не только ученій и направленій, господствующихъ въ наукѣ, за границей и у насъ, но и новое самостоятельное разрѣшеніе множества вопросовъ, связанныхъ съ изученіемъ культуры и быта не только древней Руси, но и вообще древнихъ европейскихъ и азіатскихъ народовъ. Эта принципиальная сторона труда представляетъ чрезвычайную важность для русской науки о древностяхъ, горизонты которой чрезвычайно узки и туманны, и которая до сихъ поръ еще не въ состояніи стать на твердую научную почву по причинѣ отсутствія въ ней строго опредѣленныхъ принциповъ и работъ, выполненныхъ научно по своимъ пріемамъ и методамъ. Въ трудѣ Н. П. Кондакова мы находимъ два необыкновенно цѣнные качества научнаго изслѣдованія. Въ предметѣ, столь смутномъ, неопредѣленномъ, какъ русскія древности найдены его составные элементы, указанъ ихъ специальный и общій научный интересъ. Научная постановка предмета ставитъ разсматриваемую книгу въ число тѣхъ изслѣдованій, которыя прежде всего преслѣдуютъ цѣли и задачи науки вообще, какъ высшаго и объективнаго знанія, и лишь слѣдствіемъ такой постановки предмета изслѣдованія является то, что древности русскія, какъ древности отечественныя, получаютъ новое объективное освѣщеніе и такимъ образомъ взаимнѣ узко патріотическихъ или партійныхъ взглядовъ и сужденій о національномъ бытѣ и культурѣ, является научное, единственно вѣрное и безпристрастное воззрѣніе на культуру прошлой исторической жизни древней Руси.

Главное, наиболѣе важное положеніе этой замѣчательной книги, заключается въ томъ, что лишь *одна исторія искусства должна быть считаема общей наукой о древности, что только ея методы и принципы могутъ придать научный характеръ изслѣдованіямъ древностей курзанныхъ, кладовъ, и сдѣлать изъ этого предмета любопытства—предметъ знанія* (стр. 4). Это положеніе не только высказано, оно проведено во всемъ трудѣ съ такимъ блескомъ, съ такой эрудиціей, наконецъ такъ поразительно въ смыслѣ добытыхъ результатовъ, что сочиненіе, именно, этою своею стороною представляется уже „явленіемъ“ не одной русской, но вообще европейской науки, для которой русскія древности представляютъ интересъ лишь на столько, на сколько способствуютъ росту и движенію этой самой науки.

Весьма поучительнымъ оказывается и самый методъ историко-художественнаго анализа, методъ объективнаго сопоставленія формъ. Тотъ въ высшей степени обильный и прямо иногда загадочный матеріалъ, который представляютъ собою случайныя находки или клады различныхъ предметовъ древности на почвѣ обширной территоріи европейской Россіи, при сопоставленіи его съ сохранившимися памятниками иныхъ сосѣднихъ народовъ, расчленяется на вполне опредѣленные отдѣлы, становится яснымъ показателемъ цѣлыхъ исчезнувшихъ сторовъ быта и культуры. Этотъ матеріалъ, введенный въ среду общей исторіи искусства, расширяетъ самый кругозоръ нашихъ историко-художественныхъ возрѣній и даетъ положительное и новое данное тамъ, гдѣ ранѣе не подозрѣвалось существованія историческаго движенія.

Эти двѣ принципиальныя стороны труда, постановка всего изслѣдованія на общей почвѣ науки исторіи искусствъ и методъ историко-художественнаго анализа и сопоставленія формъ, тѣсно и неразрывно связаны въ самомъ изслѣдованіи и можно быть увѣреннымъ, что тѣ руководящія положенія и выводы, которые явились результатомъ изслѣдованія, будутъ приняты въ наукѣ вообще точно такъ же, какъ приняты и руководящія положенія автора въ исторіи искусства эпохи переселенія народовъ. Въ этомъ можно быть увѣреннымъ потому, что таково внутреннее достоинство выводовъ, дѣлающее ихъ обязательными въ общемъ движеніи науки.

Въ самомъ дѣлѣ, русскіе клады представляютъ такого рода матеріалъ, который, вслѣдствіе своего случайнаго состава, неопредѣленности и таинственности своего происхожденія, не можетъ быть объясненъ историческими свидѣтельствами. Вещи зарывались въ землю

при нашествіяхъ и иныхъ бѣдствіяхъ и потому каждая находка клада представляетъ намъ предметы, которые отмѣнены большимъ историческимъ значеніемъ, но въ то же время такія вещи, которыя говорить только сами за себя и таинственный языкъ которыхъ поучителенъ лишь для того, кто знаетъ достовѣрныя имъ параллели и аналогіи. Изученіе предметовъ самихъ по себѣ и въ связи съ аналогичнымъ матеріаломъ, очевидно, должно замѣнить собою въ этой области несуществующія историческія показанія... Археологія тѣмъ и отличается счастливо отъ собственной исторіи, говоритъ авторъ, что ея матеріаломъ служитъ самое произведеніе рукъ человѣческихъ, какъ для естествоиспытателя произведеніе природы, а не одинъ только разказъ о немъ или его описаніе, или мнѣніе лѣтописцевъ и историковъ (стр. 61). И вотъ, такимъ образомъ, обширная эрудиція и тонкій анализъ привлечены для раскрытія существа этихъ находокъ. Захватывающій интересъ изслѣдованія заключается въ томъ, что въ итогѣ изслѣдованія получается возстановленіе цѣлой культуры древней Руси въ домонгольскій періодъ.

Періодъ великокняжескій считается темнымъ періодомъ русской исторіи, „не только по отсутствію историческихъ свидѣтельствъ, но и по господствовавшему будто бы примитивному варварству; историки заранѣе отказываются изучать бытъ этой темной, безличной, однообразной среды земледѣльческаго быта и первобытнаго состоянія звѣролововъ и кочевниковъ. Между тѣмъ нельзя принимать безъ критики и даже рѣшительнаго отпора тѣхъ заключеній о примитивности древней Руси, которыя сдѣланы нашими историками, только на основаніи буквально понятой морали начальнаго лѣтописца“ (стр. 6). Чрезвычайно важно, кажется намъ, въ данномъ случаѣ отмѣтить, откуда авторъ заимствуетъ основаніе и данныя для критики и отпора этому предвзятому мнѣнію. Автору понадобилось изучить разнообразныя вліянія востока и запада, сходящіяся на русской территоріи, изучить искусство и бытъ древняго грека и византіяца, кочевника, араба, перса, скандинава, надо было быть именно тѣмъ ученымъ, который въ широкой рамѣ общей исторіи искусства видитъ живое движеніе формы, ея передачу и усвоеніе, ея развитіе и измѣненіе, чтобы критически отнестись къ благочестивому возрѣнію монаха лѣтописца, который подъ угломъ зрѣнія христіанской морали далъ характеристику славянскихъ племенъ и ихъ жизни. „Нельзя отождествлять добрые нравы, чистые христіанскіе обычаи съ культурою племени, которая, на примѣръ, могла стоять въ языческомъ періодѣ для извѣстной

мѣстности выше, чѣмъ въ періодъ христіанскій, по разнымъ причинамъ“ (стр. 61). „Еще менѣе можно, говорить онъ далѣе, характеристику промысловъ древней Руси начинать съ звѣринныхъ лововъ, рыболовства, бортничества, такъ какъ рядомъ съ земледѣліемъ издревле уживались и развивались по мѣстностямъ, подѣ условіемъ торговли, всевозможные промыслы и ремесла... и кустарная промышленность въ домонгольскій періодъ стояла даже выше, чѣмъ въ московское время, въ періодъ стѣсненія торговыхъ сношеній, суженія страны, обособленія ряда областей на западѣ, югѣ и востокѣ, подѣ гнетомъ страшныхъ нашествій“.

Этотъ отпоръ, эта критика воззрѣнія на цѣлый историческій періодъ домонгольской Руси вытекаетъ прямо изъ изученія находокъ и кладовъ въ связи съ культурами тѣхъ народовъ, которые соприкасалась со славянами: „взаимное ознакомленіе славянскихъ племенъ съ финскими и туранскими племенами сѣвера и востока, кочевыми ордами юга, греко-византійскими колоніями, государствами Кавказа, составляетъ важнѣйшій фактъ, нами познаваемый въ русскихъ курганныхъ древностяхъ IX — XI столѣтій“. Поэтому основной приемъ самаго изслѣдованія вещей есть изслѣдованіе ихъ формы и стиля. „Значеніе стилей въ русскихъ древностяхъ станетъ намъ непосредственно понятнымъ“, говоритъ авторъ, „когда мы представимъ себѣ, что этою постановкою ихъ мы станемъ лицомъ къ лицу съ вопросами о разнообразныхъ культурныхъ и художественныхъ вліяній на племена древней Россіи въ ея начальную эпоху: изслѣдованіе формъ восточнаго стиля поведетъ науку къ разсмотрѣнію того, какое именно вліяніе шло съ Волги, изъ Персіи, Сиріи, Средней Азіи; изученіе русско-византійскаго стиля должно въ будущемъ дать точныя указанія всего того культурнаго запаса, который русскіе вынесли изъ Византіи и своихъ съ нею связей“ (стр. 8).

Такимъ образомъ, открыты широкіе горизонты и пути для молодой русской науки въ изслѣдованіи отечественныхъ древностей. Аналитическая мысль открываетъ уже и самостоятельные отдѣлы, на которые должна разбиться русская археологическая наука. Понятно, что полная и всесторонняя разработка матеріала, разбивающагося на такіе огромные отдѣлы, не можетъ быть выполнена однимъ человѣкомъ. Это трудъ не одного поколѣнія и даже не исключительно ученыхъ отечественныхъ (стр. 8).

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ однимъ принципиальнымъ воззрѣніемъ на задачи русской археологической науки. Наоборотъ, изслѣ-

дованіе само по себѣ показываетъ, какой глубокой многолѣтней опытъ и эрудиція легли въ исполненіе труда; они свѣтятся изъ каждой строки книги. Мы не должны скрыть отъ людей, искренно цѣнящихъ научное значеніе и трудъ, сопряженный съ нимъ, что высказанныя положенія о дальнѣйшихъ задачахъ русской археологии, очевидно, есть сознанныя почти однимъ лицомъ насущная потребность русской науки, и по скольку вѣски принципиальныя воззрѣнія автора, по стольку же плодотворны его труды въ дѣлѣ основанія ученой школы, задачи которой специализируются на изученіи не только европейскаго искусства и его важнѣйшихъ для русской науки отдѣловъ древне-христианскаго и византійскаго искусства, но также и на изученіи искусства востока.

Собственно изслѣдованіе находокъ или кладовъ начинается съ извѣстнаго черниговскаго клада, найденнаго въ Черной могилѣ и относящагося къ X вѣку. Орнаментъ, украшающій оправу пары турьихъ роговъ этого клада, показываетъ автору близкое знакомство съ арабскимъ или, вообще восточнымъ стилемъ. Звѣриный орнаментъ, столь характерный для этой эпохи во всей Европѣ, находитъ себѣ продолженіе и на черниговскомъ рогѣ. Лишь широкое воззрѣніе на господство стилия въ X — XI вѣкѣ даетъ возможность автору найти аналогію между стилемъ оправы черниговскаго рога со стилемъ рельефа на мавританскомъ водоемѣ въ Валенсіи XII вѣка. Связи съ востокомъ были обширны и вспоминаются нашими былинами. Очеркъ данныхъ, находимыхъ въ былинахъ, указывающихъ на преемственныя связи древней Руси съ культурою на востокѣ, не только блестящъ по своей основной мысли, но и прямо поэтиченъ, какъ возстановленная картина древняго идеала быта.

Далѣе указано коренное различіе вещей скандинавскаго происхожденія отъ древностей русскихъ и поразительная бѣдность ихъ въ сравненіи съ русскими. Въ Западной Россіи извѣстны предметы, тождественныя со скандинавскими, что авторъ приписываетъ арабскому привозу и существованію мастерскихъ въ приднѣпровской области.

Особенный и чрезвычайно важный отдѣлъ въ русскихъ древностяхъ представляетъ Херсонесъ (Корсунь), издавна бывший въ живыхъ и постоянныхъ связяхъ съ населеніемъ Южной Россіи. Херсонесъ является своего рода передовымъ постомъ византійской культуры и промышленности. Роль Херсонеса падаетъ вмѣстѣ съ паденіемъ Южной Руси, подъ напоромъ монголовъ. Извѣстенъ корсунскій

стиль. Подъ именемъ корсунскаго въ древней Руси разумѣли все рѣдкое, высокое, но и чудное, старинное, архаическое. Если Константинополь имѣлъ для древней Руси значеніе столицы, то Херсонесъ съ его византійской культурой соединялъ черты восточныхъ вліяній Сиріи и Малой Азіи, какъ это показано авторомъ на образцахъ поливной посуды, находимой во множествѣ въ Херсонесѣ.

Переходя въ XI столѣтіе, авторъ устанавливаетъ обширнѣйшее и важнѣйшее вліяніе византійскаго искусства и культуры на древнюю Русь. Это есть періодъ русско-византійскаго искусства, такъ какъ, путемъ тщательнаго анализа различныхъ ремеселъ, авторъ впервые открываетъ чрезвычайно интересный отдѣлъ чисто русскихъ издѣлій, сдѣланныхъ въ стилѣ, манерѣ, техникѣ мастерства византійскаго. Это открытіе, которое теперь можетъ быть считаемо однимъ изъ важнѣйшихъ приобретений русской науки, давно ожидалось и предчувствовалось, но только самый тщательный анализъ и всестороннее изученіе искусствъ и ремеселъ Византіи могли привести къ нему. Такого рода научныя приобретения прямо измѣняютъ наши сужденія о бытѣ и культурѣ Руси великокняжескаго періода.

Въ Россію домонгольскаго періода проникли всѣ самыя утонченныя искусства и мастерства Византіи: архитектура, мозаическая живопись, техника перегородчатой эмали, сканное дѣло. При разсмотрѣніи нѣкоторыхъ родовъ мастерства въ ихъ возникновеніи и распространеніи въ Европѣ, авторъ подробно останавливается на темномъ вопросѣ о Мономаховой шапкѣ, сужденія о которой до сихъ поръ были самаго разнорѣчиваго характера, при чемъ въ общемъ тончайшая золотая скань, составляющая остовъ Мономаховой шапки, приписывалась татарскому мастерству XIV вѣка. Этотъ любопытный историческій экскурсъ прерываетъ на нѣкоторое время изложеніе о господствѣ разнообразныхъ стилей въ древностяхъ великокняжескаго періода, и въ виду того значенія, которое имѣетъ самый вопросъ, онъ успѣлъ вызвать оживленіе среди археологовъ, снова поднимающихъ его съ разныхъ сторонъ¹⁾. Прежде всего вопросъ о Мономаховой шапкѣ отдѣленъ отъ вопроса о царскомъ вѣнчаніи и отъ всякаго рода иныхъ историческихъ гаданій и поставленъ особо и самостоятельно въ зависимости отъ тѣхъ данныхъ, которыя усмотрѣны имъ въ самомъ памятникѣ и въ аналогичныхъ ему издѣліяхъ. Шапка Мономаха

¹⁾ См. литературу о Мономаховой шапкѣ „Клады“, стр. 61. Также Арх. Изв. и Зам. 1897, № 3, А. И. Соболевскаго, Мономахова шапка и царскій вѣнецъ.

не императорская стемма и не королевская корона, что доказывается ея внѣшнимъ видомъ. Изучая всѣ детали исполненія остова ея, авторъ приходитъ къ положительному и несомнѣнному результату, что мѣховая тулья не принадлежала первоначально шапкѣ, равнымъ образомъ какъ и сфера съ крестомъ поверхъ шапки позднѣйшей приставки. Первоначальная форма остова состояла изъ 8 филигранныхъ пластинокъ, составлявшихъ сверху звѣздчатое отверстие, которое могло быть покрыто звѣздчатой крышечкой, восьмигранной розеткой или конусомъ. Низъ шапки составлялъ обручъ, такъ какъ пластинки украшены жемчужными нитями. Въ такомъ видѣ шапка Мономаха будетъ походить на корону Карла Великаго, изображенную на одной печати, или еще скорѣе на византійскій кесарскій шлемъ. Но самая важная сторона Мономаховой шапки-- это ея филигрань. Она то и показываетъ лучше всего древность памятника, принадлежность шапки къ лучшимъ и роскошнѣйшимъ образцамъ филиграни XI вѣка; отнесеніе этой филиграни къ татарскимъ издѣліямъ есть простое заблужденіе. Эта тонкая нѣжная филигрань представляетъ въ рисункѣ разводы виноградныхъ побѣговъ, извѣстныхъ въ основной своей схемѣ еще въ IV вѣкѣ, переработанныхъ въ византійской орнаментикѣ и отсюда перешедшихъ въ искусство всей Европы и Азіи. Внутри разводовъ выполнены рисунки розетокъ типа бляшекъ, найденныхъ въ Херсонесѣ, цвѣтновъ крестообразной формы, которые находимъ на окладѣ Евангелія Гелатскаго монастыря на Кавказѣ, арабскихъ цвѣтковъ, стель извѣстныхъ въ византійской миниатюрѣ XI, XII вѣковъ. Эти данныя въ связи съ самымъ мастерствомъ и изяществомъ филиграни, которая особенно развилась и усовершенствовалась въ эпоху процвѣтанія перегородчатой эмали, указываютъ, что мы имѣемъ въ шапкѣ Мономаха почти единственный и самый совершенный образчикъ византійской филиграни.

Въ нижней части шапки по каймѣ ея идетъ оригинальный рисунокъ, составленный изъ небольшихъ желобковъ, въ видѣ гаммъ или глаголей. Эти желобки предназначались для жемчужныхъ нитей. Такія каймы встрѣчаются на коробочкахъ X вѣка въ восточной Россіи и на гелатскомъ окладѣ.

Разводы пластинокъ были кое-гдѣ крестообразно усажены жемчугомъ, что въ связи съ жемчужными нитями даетъ вполнѣ характеръ византійскаго мастерства, такъ какъ головные уборы византійскихъ демарховъ, кесарей были *ὀλομόρηρα*. Находящіеся теперь на шапкѣ Мономаха драгоценные камни придѣланы позднѣе, такъ какъ закрываютъ собою скань.

Изданный на рис. 40 окладъ гелатскаго Евангелія, будучи сравненъ со стороны рисунка съ пластинами Мономаховой шапки, не оставляетъ сомнѣнія, что анализъ художественныхъ формъ Мономаховой шапки заставляетъ насъ признать ее за памятникъ византійскій, выполненный на востокъ (Кавказъ, Херсонесъ, Малая Азія), то-есть, именно тамъ, гдѣ византійское искусство соприкасалось съ развитымъ арабскимъ стилемъ.

Помимо эмали, золотыхъ дѣлъ мастерства, скани, басменнаго дѣла, южно-русская промышленность достигла высокаго состоянія во многихъ другихъ областяхъ, на примѣръ, въ рѣзбѣ, которая въ XII вѣкѣ по словамъ митрополита Дристры, почиталась даже скиескою или русскою специальностью.

Первая глава заканчивается разсмотрѣніемъ сканнаго дѣла въ Европѣ. Со второй главы начинается обзорѣніе и анализъ русскихъ кладовъ. На обзорѣ предметовъ этихъ кладовъ специально разрѣшается внутренней принципъ исторической связи древне-русскаго народа съ его культурными сосѣдями.

Нѣтъ возможности, не задаваясь специальною цѣлью, изложить все содержаніе книги, перечислить всѣ тонко проанализированныя детали вещей кладовъ. Здѣсь такъ много разсыпано тонкихъ наблюдений, остроумныхъ объясненій, сближеній, освѣщающихъ то назначеніе предмета, то его технику, то стиль и манеру или пошибъ исполненія, что книга эта должна быть настольнымъ пособіемъ всякому ищущему живаго общенія съ древностью, всякаго специалиста, изучающаго древности Россіи, Византіи, Востока, не исключая Германіи, Франціи, и другихъ европейскихъ государствъ, гдѣ укоренились и процвѣтали старинныя мастерства. Главный и самый общій результатъ этого обзорѣнія кладовъ тотъ, что для русскихъ древностей совершенно доказаннымъ является существованіе утонченныхъ ремеслъ эмали, филиграни, чеканнаго дѣла въ золотѣ и серебрѣ, сканнаго дѣла, зерни, производства крестовъ, перстней, шейныхъ и иныхъ украшеній, при чемъ найдены и указаны признаки, черты и особенности этихъ художественныхъ ремеслъ на русской почвѣ и въ мастерской русскаго производства.

Мы получаемъ въ этой книгѣ не только понятіе о самомъ процессѣ извѣстнаго производства, начиная съ эмали и кончая литьемъ серегъ и колтовъ посредствомъ формочекъ (стр. 144), но научаемся различать основное производство отъ привитаго на русской почвѣ. Мы видимъ, какъ русскій мастеръ подражаетъ и совершенствуется,

какъ перенимаетъ онъ шаблоны и формы, какъ не понимаетъ хорошо знакомаго, но все же чуждаго ему одѣянія, типа, какъ ошибается въ надписяхъ и пишетъ ихъ на русскій ладъ, какъ, наконецъ, изображаетъ на византійскій образецъ своихъ святыхъ Бориса и Глѣба. Весь этотъ результатъ достигнуть посредствомъ мельчайшаго анализа самаго мастерства, иконографіи, всего культурнаго наслѣдія, которое сохранилось въ сложившемся византійскомъ образѣ, и въ сравненіи этихъ чертъ съ чертами, которыя обнаруживаютъ вещи русскихъ кладовъ.

Указаны центры подобныхъ производствъ въ Россіи: Кіевъ, Рязань, Суздаль, Черниговъ. Особенно высокаго совершенства достигаютъ русскіе мастера въ сканномъ дѣлѣ такъ-называемыхъ рязанскихъ бармъ, Мстиславова Евангелія и другихъ. Это художественное ремесло достигаетъ совершенства византійскаго. Не такъ совершенны, хотя все же чрезвычайны тонки по мастерству, и перегородчатны эмали. Русскій мастеръ, однако, не постигаетъ всѣхъ трудностей эмальернаго производства. Его эмаль тускнѣетъ, составъ красокъ не такъ проченъ, почему эмаль трескается и портится; онъ не понимаетъ часто оригинала, преувеличиваетъ неудачныя его стороны, путаетъ части одеждъ, не можетъ совладать съ тончайшими ленточками или перегородками, которыя у него выходятъ толще, концами заходятъ одна за другую, путаются. За этими утонченными мастерствами идутъ другія, пріобрѣвшія чисто народный характеръ, каковы: изготовленіе крестовъ, серегъ, колець, браслетъ и проч. Въ мотивахъ украшеній указываются византійскіе, сирійскіе, персидскіе и вообще восточныя образцы.

Третья и послѣдняя глава занимается художественно-историческимъ разборомъ отдѣльныхъ бытовыхъ и церемоніальныхъ предметовъ, формъ украшенія и уборовъ мужскихъ и женскихъ въ русскихъ древностяхъ домонгольскаго періода. Въ этой замѣчательной главѣ мы находимъ бытовое объясненіе многихъ изъ тѣхъ предметовъ, которые были описаны при обзорѣ кладовъ. Если въ предыдущей главѣ выяснилась передъ нами основная черта цѣлаго историческаго періода, какъ періода высоко-культурнаго, обладавшаго утонченными мастерствами, то въ этой главѣ картина общаго строя дополняется съ другой стороны. „Всякое заимствованіе или перениманіе, говоритъ авторъ, мы должны представлять себѣ въ связи съ обычаемъ, обрядомъ, назначеніемъ предмета, которое и должно быть выяснено, прежде чѣмъ мы будемъ обсуждать перемѣны въ его формѣ“ (стр. 8). Изъ этой

главы явствуетъ, что драгоценные предметы различныхъ кладовъ принадлежали къ личному, церемоніальному убору, къ убору женскому вообще, къ конскому, служили въ качествѣ головныхъ украшеній, какъ знаменитая золотая эмалевая русской работы діадема, шейными украшеніями, какъ цѣпи 5 кладовъ Кіева, служа въ то же время знаками достоинства или отличія, какъ и при византійскомъ дворѣ. Различнаго рода бляхи служили украшеніями одеждъ. Знаменитыя рязанскія бармы также представляютъ родъ украшенія шеи и груди и также церемоніальнаго назначенія. Авторъ даетъ остроумное объясненіе слову бармы (отъ багрома, бахрома, барити = багрити, то-есть окрашивать въ красный цвѣтъ, стр. 163). Цѣпи съ крестами, носившіяся на шеѣ, гривны, серьги, браслеты, все разобрано въ связи съ обычаемъ ношенія ихъ въ Византіи и у разныхъ народовъ, во многихъ случаяхъ указаны первоначальные образцы въ быту персовъ, варваровъ, сосѣдившихъ съ Византіей, и у другихъ народовъ. Подробно разобранъ русскій конскій уборъ, происходящій съ востока. Такимъ образомъ, вещамъ кладовъ указано ихъ значеніе въ самомъ быту древней Руси, и обозначена связь самаго быта съ бытомъ Византіи и востока.

Нельзя не удивляться тому углубленному взору, который изъ мелочей наблюденія возстановляетъ шагъ за шагомъ самый бытъ, и по пути, какъ бы касаясь темной области, вдругъ бросаетъ въ нее яркій свѣтъ. Наблюденія автора по большей части дѣлаются въ самыхъ необслѣдованныхъ областяхъ и поражающая масса этихъ наблюденій и прямыхъ открытій принадлежитъ ему, какъ строго методическому ученому, который мельчайшее наблюденіе приводитъ въ связь съ общимъ принципомъ. Мы не можемъ не указать на нѣкоторыя детальныя наблюденія. Мы узнаемъ, напримѣръ, о происхожденіи многихъ древне-русскихъ предметовъ отъ византійскихъ: поталы (πέταλον)—привѣски и бляшки нашивныя и подвѣсныя; цаты или браकिनаты, узнаемъ, что „червлена челка“ въ Словѣ о полку Игоревѣ есть дословный переводъ βερβάδια ἀλφεινῶ (173), узнаемъ о лунницѣ, что она представляла собою μηνίσκος въ Византіи. Первоначальную форму этой лунницы, столь употребительной на русскихъ иконахъ, авторъ находитъ въ мозаикѣ св. Виталія въ Равеннѣ. По пути находимъ цѣнныя, чрезвычайно важныя для иконографіи византійской и русской, экскурсы объ изображеніи Бориса и Глѣба и композиціи Распятія, деисуса, о происхожденіи формъ дарохранительницъ въ формѣ сіоновъ, образцы которыхъ встрѣчены въ рязанскомъ кладѣ,

о формѣ и значеніи византійскаго цвѣтка, столь распространеннаго въ византійской миниатюрѣ, мозаикѣ, эмаляхъ и разнаго рода издѣліяхъ, который авторъ называетъ „криномъ“ (лиріонъ у грековъ) и имѣющаго столь близкое отношеніе къ изображенію Благовѣщенія въ христіанскомъ западномъ искусствѣ и нашемъ позднерусскомъ.

Съ другой стороны нельзя въ достаточной степени оцѣнить совершенства ученаго приѣма въ анализѣ такихъ замѣчательныхъ памятниковъ, какъ шапка Мономаха, рязанскія бармы и особенно кievская женская діадема, опредѣленное ученіе о которой принадлежитъ исключительно автору, все цѣликомъ. Для всѣхъ этихъ памятниковъ найдены рѣшающія дѣло аналогіи, а что касается діадемы, то для нея указанъ цѣлый рядъ памятниковъ въ народныхъ древностяхъ другихъ странъ.

Общій результатъ изслѣдованія, возобновляющій передъ нами картину многихъ сторонъ быта великокняжескаго періода, могъ быть достигнутъ только послѣ долгихъ и углубленныхъ розысканій въ разныхъ областяхъ народныхъ искусствъ и ремеслъ. Никто болѣе нашего ученаго не можетъ быть считаемъ подготовленнымъ къ такому труду. Его изслѣдованія по византійской миниатюрѣ и иконографіи, по древностямъ Кавказа, Константинополя, по византійскимъ художественнымъ производствамъ эмали, филиграни и др., наконецъ труды по изданію русскихъ древностей въ сообществѣ съ такимъ ученымъ нумизматомъ, какъ графъ И. И. Толстой, въ которыхъ впервые изучены и изданы совершенно новые и неизвѣстные до сихъ поръ памятники русскихъ древностей и въ которыхъ заново обработаны и освѣщены такіе темные періоды, какъ эпоха переселенія народовъ, всѣ эти ученые труды, предшествовавшіе послѣднему труду по изученію кладовъ, кладутъ на него печать особаго совершенства, полноты мысли и положительности результатовъ. Только на основаніи такихъ обширныхъ изслѣдованій въ области народныхъ искусствъ и культуръ вообще можно прійти къ такимъ основнымъ выводамъ какъ тотъ, что въ русскихъ древностяхъ „нѣтъ первобытныхъ искусствъ“, а также и второй, пока намѣчающійся выводъ, что къ сѣверу отъ Кіева нѣтъ вещей такъ называемаго готскаго стиля эпохи переселенія народовъ (стр. 9).

И въ настоящемъ трудѣ громадное количество матеріала издано и обследовано научно впервые. Съ особеннымъ интересомъ русская наука будетъ слѣдить за появленіемъ втораго тома этого труда, въ которомъ должны быть обследованы курганныя находки Россіи, частъ

которых уже разобрана в V выпуске Русских Древностей, вышедшем параллельно с томом о кладах. Результаты не могут быть и здесь менее поучительны, хотя самая область беднее предметами высокого совершенства.

Прекрасный атлас хромофотографий и фототипий приложен в конце книги. Правда хромофотографии, приложенные к этому труду, далеко не так по исполнению, как в известном труде об эмалях, и именно мало удачны эмали, однако, рисунок, представляющий в красках одну из пластин Мономаховой шапки, можно причислить к совершеннейшим образцам по тонкости и ясности рисунка и по правильности наложения красок. Хорошо выполнены и большие медальоны с изображением Бориса и Глеба. Каждая глава украшена чрезвычайно интересными миниатюрами. Эти миниатюры переданы в цинкографиях и представляют любопытные изображения разных событий из древней русской истории, найденные автором в последнюю его поездку в Испанию в рукописи Иоанна Скилицы Куропалата в Национальной библиотеке Мадрида. Первая миниатюра представляет прием Ольги во дворец византийского императора, вторая переговоры Иоанна Цимисхия со Святославом, третья свидание Святослава с Цимисхием и четвертая—чудо с книгой, брошенной в огонь перед архонтом русов. В конце приложено и описание найденной рукописи и миниатюры, относящихся к событиям русской истории. Миниатюры, очевидно, были копированы в XIV веке с более ранних оригиналов. Композиции сложны, отличаются прекрасным исполнением, но в то же время утонченность ранней византийской миниатюры в них исчезла. Сюжеты и сцены отличаются смелостью, живыми позами и очень близко напоминают раннюю итальянскую живопись (стр. 213).

Таким образом от первой до последней страницы новый труд Н. П. Кондакова исполнен неослабывающего интереса и новизны.

После труда, с которым мы познакомили читателей, должна прекратиться всякая возможность появления такого рода сочинений, которые изобилуют множеством материала, небрежно описанного и непонятого, к которому насильственно привлекаются различные идеи общего характера и исторические известия, которые могут быть истолкованы с самых противоположных сторон. Каждая работа в области русских древностей должна будет считаться с теми объяснениями и положениями, которые даны в настоящей книге и таким образом вносить наблюдение методическое, ограниченное са-

нимъ предметомъ, изученіе древностей. Иначе сказать, своимъ появленіемъ сочиненіе о кладахъ требуетъ научнаго метода и научнаго изученія предмета отъ всякаго работающаго въ этой области. Равнымъ образомъ и историческая наука должна будетъ считаться для древнѣйшаго періода русской исторіи съ тѣми данными, которыя устанавливаетъ настоящій трудъ. Вотъ почему мы должны повторить сказанное нами вначалѣ, что трудъ этотъ принадлежитъ къ такимъ сочиненіямъ, значеніе которыхъ оцѣнивается не сразу. Однако, врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что общій результатъ изслѣдованія и теперь уже приобрѣлъ очертанія достовѣрнаго и важнаго факта для древняго періода русскаго быта и исторіи.

Д. Айшаловъ.

В. Е. Данилевичъ. Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV столѣтія. Кіевъ. 1896.

Кіевскіе ученые уже неоднократно обогащали русскую историческую науку трудами по исторіи отдѣльных княжествъ—все это по большей части диссертации на ученые степени. Къ числу подобныхъ диссертаций относится и книга г. Данилевича.

Для того, чтобы точнѣе опредѣлить ея значеніе, слѣдуетъ имѣть въ виду, что было у насъ до появленія труда г. Данилевича по исторіи Полоцкаго княжества. Къ сожалѣнію, весьма не много. Кромѣ нѣсколькихъ страницъ въ общихъ трудахъ по исторіи Россіи Соловьева, Бестужева-Рюмина и Иловайскаго, мы имѣемъ одно только сочиненіе Бѣляева въ его 4 вып. „Разказовъ изъ русской исторіи“. Этотъ трудъ, вышедшій въ свѣтъ въ 1872 г., заключаетъ въ себѣ много недостатковъ прежде всего въ топографическомъ описаніи княжества: авторъ слишкомъ далеко отодвигаетъ южныя и западныя границы княжества—за Припять и Нѣманъ, включая въ него дреговичей и литву, помѣщая полоцкія колоніи въ землѣ ятвяговъ; затѣмъ политическая исторія княжества очерчена слишкомъ общими и поверхностными штрихами, да и то только за княженіе Всеславичей; внутренней исторіи авторъ едва коснулся, остановившись подробнѣе на вѣчевомъ устройствѣ княжества и на княжеской власти, вскользь указавъ на значеніе бояръ и купцовъ. Вдобавокъ въ книгѣ Бѣляева много находится лишняго, взятаго изъ жизни Полоцка послѣ паденія его самостоятельности, то-есть, изъ періода литовскаго, и многаго

не достааетъ за княжескій періодъ (о монастыряхъ, церквахъ). Кромѣ того, книгѣ много вредитъ постоянно подчеркиваемая имъ не вѣрная мысль о Полоцкѣ, какъ Новгородской колоніи. Въ виду этого можно безъ преувеличенія сказать, что до г. Данилевича мы не имѣли собственно исторіи Полоцкаго княжества, и его книга является такимъ образомъ первою попыткой представить систематическую и полную картину исторической жизни полочанъ.

Все сочиненіе г. Данилевича раздѣляется на шесть главъ. Въ первой главѣ содержится географическій и этнографическій обзоръ княжества; во второй главѣ авторъ трактуетъ о происхожденіи полочанъ, ихъ бытѣ, колонизации и судьбѣ кривичей до княженія Изяслава Владиміровича; третья глава обнимаетъ исторію княжества до ссылки князей въ Царьградъ; четвертая заключаетъ судьбу княжества до завоеванія его литовцами; въ пятой главѣ описываются судьбы Полоцка подъ властію литовскихъ князей до полного подчиненія литовцамъ; въ шестой главѣ заключается очеркъ внутренняго быта Полоцкаго княжества—подробно говорится о князѣ, вѣчѣ, пригородахъ, населеніи, торговлѣ и промышленности, о христіанствѣ и Полоцкой церкви, наконецъ о языкѣ и народныхъ бѣдствіяхъ. Какъ видно изъ этого перечня, содержаніе книги таково, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ съ подобными же заглавіями. Но выполненіе этой программы не всегда удовлетворительно и часто не по винѣ автора. Дѣло въ томъ, что для Полоцкаго княжества мы не имѣемъ отдѣльныхъ сводовъ лѣтописей, хотя лѣтописныя извѣстія въ немъ, безъ сомнѣнія, и записывались; до конца XII вѣка свѣдѣнія о немъ мы почерпаемъ изъ Ипатскаго свода, съ половины же этого столѣтія свѣдѣнія въ немъ прекращаются, появляясь и въ другихъ сводахъ только случайно, такъ что изслѣдователю остается довольствоваться отрывочными, скудными и разбросанными въ разныхъ мѣстахъ (лѣтописяхъ, актахъ, договорахъ) свѣдѣніями; иногда приходится о князѣ сообщать только одно имя безъ всякихъ фактовъ. Заслуга автора заключается въ томъ, что онъ собралъ эти разрозненные свѣдѣнія, привелъ ихъ въ систему, многое освѣтилъ и объяснилъ, какъ на основаніи своихъ домысловъ, такъ и воспользовавшись трудами ученыхъ предшественниковъ; такъ, въ первой главѣ его руководителями являются, кромѣ старыхъ изслѣдователей Надеждина, Погодина, Барсова, в ученые молодые, напримѣръ, Довнаръ-Запольскій; въ статьѣ о правахъ вѣча и князя мы видимъ ссылки на книги профессоровъ Сергѣевича и Владимірскаго-Буданова, въ статьѣ о торговлѣ упоминаются

труды Голубовскаго, Бережкова и др., въ главѣ о Полоцкѣ подѣ властію литовскихъ князей и о литовцахъ много ссылокъ на монографіи Антоновича, Леонтовича, Любавскаго и Дашкевича. Но знакомство съ литературой предмета не подавляетъ автора; ко многимъ выводамъ предшественниковъ онъ относится критически; многое объясняетъ съ своей точки зрѣнія, привнося такимъ образомъ кое-что и свое. Наиболѣе доказательными, по нашему мнѣнію, являются разборы извѣстій литовскихъ лѣтописей о завоеваніи Полоцка Довмонтомъ и о княжвѣ Параскевіи-Пракседисѣ. По изслѣдованію нашего автора, Довмонть Полоцка не завоевывалъ, а извѣстія о княгинѣ Параскевіи суть не что иное, какъ передѣлка на католическій ладъ житія св. княжны Евфросиніи. Къ существенной заслугѣ автора относится и болѣе точное воспроизведеніе границъ княжества, то-есть, первая глава, а равно пятая и шестая. Попадаютъ кое-какіе недосмотры: въ нѣкоторыхъ случаяхъ молодой ученый приводитъ не соотвѣтствующія доказательства: такъ, напримѣръ, на 180 стр. онъ высказываетъ совершенно правильную мысль, что дѣти, хотя бы и взрослые, но не выдѣленные, на вѣча не являлись, и родители были ихъ представителями, въ доказательство же приводятся слѣдующія слова дручанъ, сказанныя Рогволоду Борисовичу: „аче ны ся и съ дѣтьми бити за тя, а ради ся бьемъ за тя“. По нашему мнѣнію, это выраженіе означаетъ только полную готовность дручанъ биться за князя; какъ теперь часто человѣкъ, выражающій полную готовность что либо сдѣлать, говоритъ, что онъ „готовъ съ руками и съ ногами“. Не обобщенъ ли единичный случай передачи командованія войскомъ больнымъ княземъ своему сыну ¹⁾? Иногда выводы поражаютъ своею неожиданностію. Такъ, въ концѣ III главы говорится: „Теперь, избавившись отъ этой безконечной борьбы за независимость, поглощавшей все вниманіе князей и земства, Полоцкая земля могла наконецъ вздохнуть свободно. Мы видимъ, что внутренняя жизнь земли, заглохшая было во время постоянныхъ войнъ, выступаетъ на первый планъ“. Все дѣло идетъ, повидимому, хорошо. Князья освободились отъ войны; земля стала отдыхать; должно бы ожидать наступленія золотого вѣка для княжества. Не тутъ-то было! „Возвращеніе изъ ссылки полоцкихъ князей“, — читаемъ мы далѣе, — „является началомъ новой эпохи въ исторіи Полоцкой земли, правда, эпохи ея постепеннаго паденія“ ²⁾. От-

¹⁾ Ист. Пол. зем., стр. 210. Авторъ дѣлаетъ ссылку на 349 стр. Ипат. свода. На этой страницѣ мы ничего не нашли, подтверждающаго доказываемое мнѣніе.

²⁾ Ист. Пол. зем., стр. 80.

чего же подобная странность? Да просто потому, что молодой авторъ увлекся своею фантазіей; на самомъ же дѣлѣ полоцкіе князья также не переставали воевать и по возвращеніи изъ Царьграда, какъ до ссылки туда, съ тою только разницею, что раньше они воевали съ Ярославичами, а по возвращеніи еще и между собою. Слѣдовательно войны не только не уменьшились, но еще увеличились. Къ недостаткамъ книги слѣдуетъ отнести еще пропускъ о братчинахъ, своеобразной особенности Западной Руси. Правда, дѣятельность ихъ развивалась впоследствии, въ періодъ зависимости отъ Литвы, но все-таки первоначальное упоминаніе о нихъ находится въ періодъ управленія князей Всеславичей; поэтому должно быть упомянуто и въ книгѣ, трактующей объ ихъ княженіи.

Исторія Полоцкаго княжества не богата вообще громкими событиями, вся исторія его есть непрерывный рядъ или междуособныхъ войнъ или съ сосѣдними княжествами; нѣтъ и блестящихъ именъ князей, кромѣ Всеслава, сильно, впрочемъ, идеализованнаго авторомъ. Историческая же задача Полоцкаго княжества, какъ находившагося на рубежѣ съ дикими и воинственными племенами — литвою, латышами, ливью, зимголой, требовала быть не только оплотомъ для остальной Руси противъ этихъ народцевъ, но и насадителемъ среди нихъ христіанства и русской гражданственности. Къ сожалѣнію, Полоцкое княжество не выполнило своей задачи: раздираемое вѣчною борьбой съ Ярославовымъ племенемъ, благодаря внутреннимъ междуособицамъ, оно настолько истощило свои силы, что въ прибалтійскомъ краѣ потеряло свои колоніи подъ напоромъ нѣмцевъ, а подъ натискомъ литвы лишилось и своей самостоятельности.

Индивидуальная особенность Полоцкаго княжества—это борьба съ Ярославичами, красною нитью проходящая по всей его исторіи. Причинами этой борьбы г. Данилевичъ считаетъ исключеніе Всеславичей изъ наслѣдства остальною Русью и ограниченіе ихъ дѣятельности однимъ Полоцкимъ княжествомъ, а также стремленіе кіевскихъ князей подчинить себѣ Полоцкую землю. Въ первомъ случаѣ онъ слѣдуетъ мнѣнію Соловьева, а въ послѣднемъ—Затыркевича и Довнаръ-Запольскаго.

Авторъ поставилъ эпиграфомъ своего сочиненія слѣдующее изреченіе Тита Ливія: „*Novi semper scriptores aut in rebus certius aliquid allaturos se, aut scribendi arte rudem vetustatem superaturos credunt*“. Что касается до первой половины этого эпиграфа, то, какъ мы видѣли, авторъ ее выполнилъ съ успѣхомъ; не то со второю половиною:

тутъ остается пожелать многого: изложеніе автора подчасъ тяжелое, шероховатое, слишкомъ испещренное разными вводными словами, въ родѣ: правда, конечно, безъ сомнѣнія, вѣроятно, понятно и т. п., попадаютъ и не получившія еще права гражданства въ исторической литературѣ выраженія, напримѣръ, Польская земля вмѣсто поляне. Но это все мелочи. Въ концѣ концовъ слѣдуетъ работу г. Данилевича признать полезнымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу, бѣдную по исторіи отдѣльныхъ княжествъ вообще и въ частности по исторіи Полоцкаго княжества.

И. Тихомировъ.

Автобіографія Н. С. Соханской (Кохановской). Со вступительною статьей и подъ редакціей С. И. Пономарева. (Отдѣльный оттискъ изъ *Русскаго Обозрѣнія* 1896 г.). Москва. 1896.

Автобіографія эта, появившаяся въ прошломъ 1896 году на страницахъ *Русскаго Обозрѣнія*, написана полвѣка тому назадъ. Она принадлежитъ перу писательницы, нынѣ совершенно забытой и рано сошедшей со сцены, но въ свое время, при своемъ выступленіи на поприще литературы, въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, встрѣченной восторженными похвалами со стороны представителей самыхъ противоположныхъ литературныхъ направленій. Автобіографія, вышедшей теперь отдѣльнымъ оттискомъ, предпосылается статья извѣстнаго бібліографа С. И. Пономарева, въ которой онъ объясняетъ, на основаніи неизданной еще вполнѣ переписки Кохановской съ Плетневымъ, по какому поводу эта автобіографія была написана. (Письма Кохановской къ Плетневу печатаются въ *Русскомъ Обозрѣніи*).

Кохановская, дочь очень небогатаго помѣщика Изюмскаго уѣзда Харьковской губерніи, окончивъ въ 1840 г. курсъ въ Харьковскомъ институтѣ, жила въ хуторкѣ Макаровкѣ, въ такой глуши, гдѣ по цѣлымъ годамъ нельзя было достать книги, не съ кѣмъ было перекинуться словомъ о томъ, что интересовало и волновало молодую дѣвушку. Съ поразительною живостью описываетъ она переходъ отъ института къ жизни въ глухой деревушкѣ. Извѣстно, что представляли собой прежніе институты съ ихъ системой совершеннаго затворничества, полнѣйшаго отчужденія отъ жизни; въ нихъ кончали курсъ дѣвушки, увезенныя изъ дому дѣтми и за время 8—6-лѣтняго безвыѣзднаго пребыванія въ институтѣ терявшія всякое пред-

ставленіе о своей домашней обстановкѣ. Такъ было и съ Кохановскою. Въ институтѣ она занимала очень почетное положеніе: „C'est l'honneur de notre institut“, говорили о ней. Классная дама ея выпуска, ученица Плетнева по С.-Петербургскому Патриотическому институту, появившаяся въ Харьковскомъ институтѣ незадолго до окончанія Кохановскою курса, въ числѣ цѣлаго штата дамъ изъ Патриотическаго института съ новою начальницей во главѣ, говорила, „что она никому не завидуетъ, не хочетъ быть ни на чьемъ мѣстѣ; но на моемъ желала бы: что я буду прекрасно счастлива“ (стр. 43 Автобиографіи). Самой Кохановской все казалось, „что я буду или очень счастлива, или очень несчастлива—что нибудь одно, то-есть, рѣшительная противоположность того, что мнѣ готовилось“ (ibid.). Определенныхъ представлений о томъ, что ее ждетъ дома, у нея не было никакихъ: „Только такъ, иногда, въ глубокой дали мнѣ представлялась маленькая комнатка: простой бѣлый столъ, на немъ наша Библия, и вишня въ отворенное окно осыпаетъ ее своими цвѣтами“ (ibid.).

И вотъ изъ института, съ его огромными классами и дортуарами, съ его паркетными полами, Кохановскую привезли въ хуторокъ ея матери, гдѣ даже дома не было, а только маленькій флигелекъ въ 4 комнаты, и ни тычки лѣса, ни сада: направо—степь, налево—степь, и прямо въ лицо смотреть степь, и позади степь—степь! Сначала свобода домашней жизни, ласки окружающихъ дѣлали для Кохановской незамѣтнымъ отсутствіе книгъ, интересъ къ которымъ живо пробудился у нея еще въ институтѣ, гдѣ русскую словесность и литературу преподавалъ прекрасный учитель М. И. Ильенко. Но потомъ, черезъ годъ, когда, подъ впечатлѣніемъ отъ долгой мучительной болѣзни и смерти одной изъ своихъ тетокъ, Кохановская оглянулась внимательнѣе на окружавшую ее обстановку, она ужаснулась: „Мелкая, грязная рѣченка и даже не текла, а ползла кругомъ меня, завлакивая все иломъ, тиной, вѣковой плѣсенью. Такъ вотъ это-то—море жизни!.. Да это скорѣе—мертвое море! И окунуться въ эту грязь, утонуть въ этомъ омутѣ—воробью по колѣно... Я не могу, я не могу!—закрывала я себѣ глаза обѣими руками... Проснуться, ѣсть и опять лечь спать—и это жизнь? жизнь молодой души, встрепенувшейся, какъ лебедь?“ (51—52 стр.). „Господи, да помилуй же этихъ людей! И неужели это жизнь? И они думаютъ, что они живутъ! И мнѣ такъ жить—жить и умереть?“ (58 стр.). Въ ней снова проснулась страстная жажда чтенія, жажда труда, а книгъ не было, не было и дѣла, которое бы ее удовлетворяло: пробовала

она вязать чулки, заниматься садомъ, хозяйствомъ—и все скоро бросала. Окружающіе называли это лѣнью, но это была не лѣнь, а сознание страшной пустоты окружающаго, полная неудовлетворенность имъ. „Со мной произошло что-то ужасное, непередаваемое. Я даже не знаю: какъ назвать его? Развѣ смерть и погребеніе въ живомъ тѣлѣ... Еслибы самые сильные и могучіе земли меня спросили: „чего ты хочешь? Мы все тебѣ сдѣлаемъ“. Я бы сказала: „ничего, оставьте меня“. Выйдти изъ этого ужаснаго состоянія Кохановской помогло ей сильное религиозное чувство. Затѣмъ она познакомилась съ богатой помѣщицей-сосѣдкой М. И. Шидловскою, въ имѣніи которой получалось много журналовъ. Часто и подолгу гостя у этой сосѣдки, характеристикъ которой посвящены однѣ изъ интереснѣйшихъ страницъ Автобіографіи, Кохановская получила возможность постоянно читать журналы, „была завалена книгами, можно сказать, по самую душу“ (101 стр.); но среди этихъ журналовъ не было *Современника* Плетнева, и Кохановская даже не знала о немъ. Современная беллетристическая литература совершенно ее не удовлетворяла, казалась ей мелкою и пошлою: „Да это бы я лучше написала!“ приходило ей въ голову. Наконецъ, „выведенная изъ терпѣнія какою-то нелѣпою повѣстью, я долго помолилась, разумѣется, поплакала, положила окончательныхъ три поклона, сѣла и еще перекрестилась—и начала писать“ (103). Результатомъ этого писанія явилась повѣсть Кохановской „Маіоръ Смагинъ“. „Ни показать его кому, ни мнѣ посоветоваться—ничего хоть не ищи!“ (109 стр.). Кохановская рѣшилась послать свой первый литературный опытъ редактору *Сына Отечества* К. П. Мосальскому, который и напечаталъ эту повѣсть (1844 г., № 6) въ значительно измѣненномъ и сокращенномъ видѣ, ни до, ни послѣ напечатанія ее не отозвавшись ни однимъ словомъ на всѣ письма къ нему Кохановской. Эта повѣсть прошла совершенно незамѣченною со стороны критики. Легко себѣ представить, какъ мало исторія напечатанія перваго литературнаго опыта Кохановской способна была ободрить начинающую писательницу, но она не потеряла мужества. А между тѣмъ денежныя дѣла ее матери шли очень плохо, и Кохановской пришлось искать мѣста гувернантки, но всѣ ея поиски не увѣнчались успѣхомъ. Тутъ въ хуторкѣ ее матери случился пожаръ, ихъ домикъ сгорѣлъ, и Кохановской пришлось провести зиму въ домѣ сосѣдки, гдѣ совершенно случайно ей попался въ руки старый, загрязненный, безъ начала и конца номеръ Плетневскаго *Современника*, забытый на постояломъ дворѣ какимъ-то

проѣзжающимъ. Кохановская, еще въ институтѣ знакомая съ именемъ Плетнева по разказамъ классныхъ дамъ, его ученицъ, съ замѣраніемъ сердца перелистывала книгу и увидѣла въ отдѣлѣ критики статью: „Стихотворенія Улыбышевой“ (№ 6 *Современника* за 1844 г.). „Пишетъ женщина,—онъ будетъ говорить: что? какъ онъ скажетъ? Я будто читала приговоръ самой себѣ; останавливалась на каждомъ словѣ, разбирала его мертвыя черточки, какъ словно черты живаго лица... Черезъ три дня я писала къ вамъ (то-есть, къ Плетневу)“. Это было въ февралѣ 1847 г. Къ своему письму Кохановская приложила свою повѣсть „Графиня Д.“, прося судить эту повѣсть какъ можно строже и рѣшить, можетъ ли она, Кохановская, быть писательницей. Плетневъ отнесся къ Кохановской чрезвычайно тепло и внимательно, но прямо написалъ ей, что ни „Графиня Д.“, ни другая повѣсть, посланная Кохановскою Плетневу, „Мятедь“, напечатаны быть не могутъ. Въ то же время онъ послалъ ей въ подарокъ полное изданіе своего *Современника* и, подмѣчая въ ея письмахъ проблески сильнаго ума и таланта, просилъ ее описать ему свою жизнь, говоря: „Вамъ опасаться меня нечего, потому что для меня святѣе всего—каждое истинное движеніе сердца человѣческаго“. Отвѣтомъ на эту просьбу и была „Автобіографія“ Кохановской, состоящая изъ пяти отрывковъ, которые Кохановская послѣдовательно, по мѣрѣ написанія ихъ, отсылала къ Плетневу; первый изъ отрывковъ помѣченъ 26-мъ іюня 1847 г., а послѣдній—7-мъ октября 1848 г. Плетневъ былъ въ восторгѣ отъ Автобіографіи, что и высказывалъ какъ въ письмахъ къ самой Кохановской, такъ и въ письмахъ къ Гроту и Жуковскому; послѣднему онъ писалъ, между прочимъ, о Кохановской: „Ея автобіографія, по моему признанію, есть лучшее, что только явилось у насъ оригинальнаго въ послѣднія пять лѣтъ. Тутъ исчерпаны всѣ роды красоты и всѣ оттѣнки русской жизни. А сама она является такимъ неподражаемо-милымъ существомъ, что не разстаться бы съ нею! Одну изъ этихъ тетрадей (описаніе жизни въ институтѣ) я препровождалъ для прочтенія къ Государынѣ Императрицѣ, и Ея Величество раздѣляетъ мое мнѣніе“ (писано въ мартѣ 1850 г.).

Такова судьба этого въ высшей степени интереснаго литературнаго памятника, написаннаго 50 лѣтъ тому назадъ и только теперь появившагося въ печати. Еще при жизни Кохановской И. С. Аксаковъ и П. И. Бартеневъ желали напечатать эту автобіографію, но Кохановская отклонила ихъ предложенія. Затѣмъ, послѣ ея смерти,

наслѣдники ея приступили уже къ печатанію Автобіографіи, но по разнымъ обстоятельствамъ печатаніе это закончено не было.

Біографіа Кохановской до сихъ поръ нѣтъ, и для будущаго біографа ея автобіографіа вмѣстѣ съ ея доселѣ неизданною перепиской представляютъ громаднѣйшій интересъ. Въ нихъ, вѣроятно, можно найдти объясненіе того, иначе совершенно непонятнаго, факта, почему Кохановская, такъ блестяще выступившая въ литературѣ и подававшая такія надежды,—такъ рано сошла со сцены и почти совсѣмъ перестала писать? Раскрыть черты личнаго характера и степень образованія Кохановской, выяснитъ ея міровоззрѣніе, степень близости ея къ славянофиламъ и ея отношеніе къ другимъ современнымъ ей литературнымъ партіямъ, показать, въ какой зависимости стояло прекращеніе ея литературной дѣятельности отъ распадешя кружка славянофилловъ, совершившагося послѣ смерти Хомякова и К. Аксакова,—все это представляетъ въ высшей степени интересную и благодарную тему для будущаго біографа Кохановской, но всему этому, конечно, не мѣсто въ настоящей замѣткѣ.

Н. Платонова.

А. Ф. графъ фонъ-Шакъ. Исторія норманновъ въ Сицили. Переводъ съ нѣмецкаго *Н. М. Соколова*. С.-Пб. 1896. Изданіе *А. Ф. Пантелѣева*. Стр. VII + 383. Ц. 2 р. 50.

Подъ только-что выписаннымъ заглавіемъ г. Пантелѣевымъ изданъ переводъ вышедшаго въ 1889 году нѣмецкаго двухтомнаго сочиненія: „Geschichte der Normannen in Sicilien“. Von Adolf Friedrich Graf v. Schack. На 382 страницахъ in octavo русскаго перевода умѣщаются введеніе и 7 книгъ самаго изслѣдованія, равно и 5 приложений. Во введеніи сообщаются предварительныя свѣдѣнія о норманнахъ вообще, о походахъ викингговъ и о поселеніи норманновъ въ Апулію, Исландію и Нормандію. Книга 1-я трактуетъ о появленіи норманновъ въ Нижней Италіи, о завоеваніи ими этой страны и первыхъ предпріятіяхъ Роберта Гвискара. Завоеваніи Сициліи, смерть Роберта Гвискара, графъ Рожеръ—вотъ предметы 2-й книги. Исторія гротсграфа Рожера II до его вѣнчанія на королевство — излагается въ 3-й книгѣ; Рожеръ II, какъ король, изображается въ 4-й книгѣ. Властвованіе королей Вильгельма I и II рисуется въ книгахъ 5-й и 6-й; 7-я книга имѣетъ своимъ предметомъ короля Танкреда и

паденіе норманнскаго государства въ Сициліи. Изъ числа прибавленій 4 представляютъ собою переводъ арабскихъ извѣстій о норманнскомъ государствѣ въ Сициліи Ибнъ-Гаукала (X вѣка), Эдризѣ (пер. пол. XII вѣка), Ибнъ-Абдулахъ-Якута и Ибнъ-Джубайра; 5-е прибавленіе указываетъ главнѣйшіе изъ источниковъ и пособій. Таково въ общемъ содержаніе переведенной по-русски книги фонъ-Шакка.

Обращаясь къ научной цѣнности этой книги, должно отмѣтить, прежде всего, то обстоятельство (отмѣчаемое и самимъ авторомъ), что авторъ ея до написанія этой книги „далеко стоялъ отъ исторіографіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова“ и въ своемъ трудѣ, очевидно, не имѣлъ намѣренія дать наукѣ что-нибудь самостоятельное, проливающее новый свѣтъ на ту или другую сторону предмета. Графъ фонъ-Шаккъ, путешествуя по Сициліи и созерцая памятники норманнскаго искусства, заинтересовался судьбами той культуры, которая ихъ породила, и рѣшилъ изобразить исторію норманновъ въ Сициліи, по его выраженію, — „одинъ изъ прекраснѣйшихъ эпизодовъ средне-вѣковья, эпоху необыкновеннаго блеска, особенно яркаго среди мрака, въ который тогда была погружена большая часть европейскаго материка“. Такимъ образомъ и получилась книга, имѣющая въ виду не столько специалистовъ, сколько вообще исторически-образованныхъ читателей. У графа фонъ-Шакка имѣлось одно, очень выгодное условіе для выполненія задачи: специальное знакомство съ арабскимъ языкомъ и долготѣнія занятія поэтической литературою арабовъ. Своими превосходными переводами и культурно-историческими картинками онъ и здѣсь знакомитъ читателя съ поэзіей арабовъ въ Сициліи и вообще съ однимъ изъ важныхъ элементовъ норманнской культуры въ Нижней Италіи.

Популярно написанная книга фонъ-Шакка не представляетъ собою простой компіляціи, свода данныхъ, взятыхъ изъ вторыхъ рукъ: если авторъ не изучалъ критически и глубоко всѣхъ источниковъ, то онъ все-таки читалъ главнѣйшіе изъ нихъ и способенъ былъ вынести изъ нихъ общія очень живыя впечатлѣнія, подкрѣпленныя знакомствомъ съ литературою предмета. Конечно, если судить строго, то и здѣсь найдутся недосмотры и опущенія. Напримѣръ, авторъ сожалѣетъ, что ему не пришлось близко познакомиться съ книгой Базанкура—очень поверхностной. А между тѣмъ онъ совершенно не знаетъ болѣе важныхъ трудовъ: Delarc, *Les Normands en Italie* и Barlow, *A short history of the Normans in South Europe* (1886).

Съ точки зрѣнія чисто-научной можно было бы пожалѣть, что

авторъ, удѣлившій много вниманія предварительнымъ свѣдѣніямъ о норманнахъ скандинавскаго и французскаго періода, совершенно отказался отъ изложенія донорманнской эпохи Сициліи и Нижней Италіи, особенно исторія византійскаго господства въ послѣдней. Это изображеніе судебъ Южной Италіи до XI вѣка наука получила въ позднѣйшемъ трудѣ: „Geschichte der Normannen in Unteritalien und Sicilien“ von Heinemann, B. I, 1894, въ 1-мъ его отдѣлѣ. Изданные Берингомъ въ 1882—1887 годахъ „Regesten des normannischen Königshauses von 1100—1197“ отчасти являются предварительной работой для всякаго изслѣдователя соответствующаго періода. Но такъ какъ никто изъ специалистовъ-историковъ до фонъ-Шака не повелъ работу далѣе, то и фонъ-Шакъ, оставшись безъ руководителей, допустилъ въ своемъ изложеніи судебъ норманновъ въ Сициліи нѣкоторыя ошибки. Осуждали фонъ-Шака въ научно-критической литературѣ и за недостаточную осторожность въ обращеніи съ источниками завѣдомо партійными, за излишнее увлеченіе героемъ своей книги, норманнами, слѣдствіемъ чего была у него и излишняя строгость къ Гогенштауфенамъ (Генрихъ VI). Но нельзя не отмѣтить и обратной стороны дѣла: любовь къ предмету изслѣдованія, увлеченіе источниками помогли автору вжиться въ изображаемую имъ эпоху, изобразить ее живо, колоритно и одушевленно. Поэтому, если авторъ скромно и сомнѣвается въ своемъ дарѣ историческаго изображенія (стр. 17), то читатель можетъ съ удовольствіемъ успокоить его въ этомъ сомнѣніи: онъ прочтетъ его книгу съ живымъ интересомъ, а, можетъ быть, и съ художественнымъ наслажденіемъ.

Съ этой стороны можно съ особеннымъ удовольствіемъ рекомендовать книгу фонъ-Шака русскому читателю, такъ мало избалованному художественною стороною предлагаемыхъ ему историческихъ книгъ; къ тому же и русскій переводъ, за немногими погрѣшностями, можно назвать довольно удачнымъ. Для русскаго читателя книга фонъ-Шака о норманнахъ въ Сициліи можетъ имѣть свой особый интересъ съ точки зрѣнія аналогіи, какую можно предполагать и дѣйствительно предполагали (статья Бюдингера въ Historische Zeitschrift Зибеля) между норманнскимъ періодомъ въ русской исторіи и позднѣйшимъ основаніемъ норманнскаго господства въ Южной Италіи.

Ж.

Наука о жизни. Общедоступная физиология человека. Составилъ В. Лункевичъ.
Съ 91 рисункомъ въ текстѣ. Изданіе Ф. Павленкова. С.-Петербургъ,
1894. Цѣна 1 руб.

Сочиненіе г. Лункевича составлено съ несомнѣннымъ усердіемъ. Слѣдуетъ поэтому жалѣть, что авторъ очевидно имѣетъ невѣрное представленіе о популяризаціи научныхъ предметовъ. Подъ популярнымъ изложеніемъ несомнѣнно слѣдуетъ разумѣть возможно сжатое, точное, ясное и рельефное изложеніе главнѣйшихъ положеній даннаго предмета въ объединяющей ихъ научной связи, но никакъ не изложеніе растянутое и пересыпанное разными присказками. Между тѣмъ послѣдняго рода изложеніемъ въ значительной степени отличается сочиненіе г. Лункевича, и можно безъ преувеличенія сказать, что, при болѣе сжатомъ и отчетливомъ изложеніи, это сочиненіе могло бы быть сокращено приблизительно на цѣлую треть, при чемъ оно не мало выиграло бы относительно ясности и удобопонятности. Такъ, на примѣръ, уже изъ первыхъ 8 страницъ (стр. 2—9) могли бы быть съ пользою выпущены стр. 2—3, стр. 6 отъ 15-й строки до 43-й включительно, стр. 9 отъ 25-й строки до 44-й включительно, не говоря объ отдѣльныхъ строкахъ на этихъ 8 страницахъ. Затѣмъ, едва-ли можно признать облегчающими пониманіе обороты рѣчи въ родѣ, на примѣръ, слѣдующаго: „Посмотрите на устройство сердца ящерицы или крокодила. Какъ вы думаете, сколько въ немъ полостей? Можетъ быть четыре, какъ и у человѣка? Нѣтъ, четыре и не четыре“ (стр. 25) и пр. Надо думать, что простое и отчетливое описаніе сердца названныхъ животныхъ было бы гораздо понятнѣе читателю, чѣмъ эта игра словъ, при чемъ авторъ, можетъ быть, избѣгнулъ бы и ошибки относительно сердца крокодиловъ, которое какъ разъ имѣетъ полный septum ventriculorum. Кромѣ того, благодаря пристрастію—если можно такъ выразиться—къ анекдотическому разжиженію излагаемаго предмета, авторъ часто сообщаетъ недостаточно проверенныя данныя. Такъ, на примѣръ, на стр. 14 авторъ приводитъ въ кювычкахъ, какъ текстъ Св. Писанія: „Жизнь—въ крови, потому что въ ней загорается первая заря жизни и души, въ ней же послѣдней (1) померкаетъ ихъ закатъ“, при чемъ онъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду III кн. Моисея, гл. 17, ст. 11 и 14, и V кн. Моисея, гл. 12, ст. 23,—но ни въ указанныхъ мѣстахъ, ни въ какомъ либо другомъ мѣстѣ Св. Писанія нѣтъ текста ни объ загораніи въ крови „первой зари жизни и души“, ни о померканіи въ ней „ихъ заката“. Нельзя не указать также, что авторъ

подчасъ прельщается обобщеніями, которыя очевидно ему не по силамъ. Такъ, напримѣръ, на стр. 70—71 авторъ даетъ курьезный культурно-историческій очеркъ, при чемъ оказывается, что „на исторической сценѣ появляется наука“, лишь послѣ установленія торговыхъ сношеній между народами и развитія заводской и фабричной дѣятельности!

Впрочемъ еще гораздо болѣе приходится жалѣть, что автору довольно часто не удается ни точное описаніе отдѣльныхъ физиологическихъ явленій и процессовъ, ни отчетливое опредѣленіе физиологическихъ понятій.

Постараюсь привести нѣсколько образчиковъ того и другаго рода, ограничиваясь при этомъ лишь такими образчиками, гдѣ несостоятельность видна сама собою или требуетъ лишь очень краткихъ указаній.

На стр. 7 авторъ утверждаетъ, что вѣсъ всей крови человѣка „составляетъ приблизительно одну тридцатую часть вѣса всего его тѣла“; въ дѣйствительности же вѣсъ всей крови человѣка принимается въ 7—8⁰/₁₀ вѣса его тѣла.

На стр. 26 авторъ, послѣ описанія сердца, приступаетъ „къ описанію работы этого организма“; не говоря о томъ, что сердце нельзя называть организмомъ, авторъ въ дѣйствительности не разъясняетъ „работы“ сердца, въ научномъ значеніи этого слова, а описываетъ лишь отправленія сердца. При этомъ авторъ описываетъ самыя невѣроятныя явленія какъ обыкновенныя. „Много, говоритъ онъ, можно указать случаевъ, когда сердце продолжало пульсировать послѣ того, какъ грудь, въ которой оно было заключено, давно уже перестала дышать, и животное, которому оно принадлежало, давно перестало существовать (sic!). Вотъ передъ вами кроликъ, убитый часовъ десять тому назадъ, со вскрытой грудной полостью: верхушка праваго предсердія его все еще трепещетъ. Вотъ собака, убитая *двадцать* (курсивъ подлинника) часовъ тому назадъ: желудочки ея сердца продолжаютъ довольно сильно биться“ (стр. 27).

На стр. 28 авторъ совершенно невѣрно описываетъ звуки или тоны сердца. „Приложивши руку къ груди, говоритъ онъ, вы ощутите рядъ толчковъ, которые будутъ слѣдовать другъ за другомъ по два. Тукъ-тукъ, тукъ-тукъ, тукъ-тукъ,.... будетъ слышаться вамъ (черезъ руку!). и второе *тукъ* (курсивъ подлинника) въ каждомъ изъ этихъ двойныхъ ударовъ будетъ значительно слабѣе перваго. Одинъ изъ этихъ ударовъ происходитъ отъ сокращенія предсердій, другой отъ сокращенія желудочковъ“. Можно было бы пожалуй думать, что авторъ тутъ го-

ворить — и, разумеется, неправильно! — о толчках сердца. — но о толчках сердца авторъ говоритъ — также неточно — на стр. 31.

На стр. 33 авторъ совершенно невѣрно утверждаетъ, что „стѣнки артерій хрящеваты“. На этой-же стр. авторъ говоритъ, что, благодаря упругости артерій, „одна кровяная вена (!) быстро пополняетъ другую“, что совершенно непонятно.

На стр. 35 авторъ описываетъ, какъ различать пульсъ челюстныхъ артерій. „Если, говоритъ онъ, лечь на спину и свести верхніе рѣзцы (передніе зубы) съ нижними, но такъ, чтобы не сжимать сильно челюстей, то можно легко различить пульсъ челюстныхъ артерій: рѣзцы будутъ постукивать въ тактъ съ ударами этихъ артерій, а слѣдовательно и одновременно съ пульсомъ сердца“. Но трудно усмотрѣть, почему пульсации челюстныхъ артерій должны производить синхроническія постукиванія рѣзцовъ верхней и нижней челюстей.

На стр. 58 авторъ утверждаетъ что „блѣдники, высшіе классы общества и студенты (курсивъ подлинника) работаютъ своими легкими много слабѣе всѣхъ остальныхъ людей“, — классификація во всякомъ случаѣ весьма оригинальная.

На стр. 68 авторъ утверждаетъ, что окись углерода „обладаетъ способностью соединяться съ гемоглобиномъ красныхъ кровяныхъ шариковъ столь-же прочно, какъ и кислородъ“ (курсивъ подлинника); въ дѣйствительности-же окись углерода образуетъ съ гемоглобиномъ болѣе прочное соединеніе, и авторъ противорѣчитъ самъ себѣ, если онъ затѣмъ утверждаетъ, что окись углерода „вытѣсняетъ кислородъ изъ тѣхъ кровяныхъ шариковъ, которые уже поглотили его, и сама соединяется съ ними“.

На стр. 76 авторъ утверждаетъ, что „тотъ жиръ, который мы принимаемъ съ пищей, почти цѣликомъ, не измѣняясь въ своемъ составѣ, переходитъ въ кровь“, что во всѣхъ отношеніяхъ невѣрно.

На той-же стр. 76 авторъ утверждаетъ, что „сахаръ съ крахмаломъ, послѣ цѣлаго ряда измѣненій, въ концѣ концовъ превращается въ жиръ“ и что „вслѣдствіе того, что крахмалъ и сахаръ превращаются въ жиръ, ихъ принято называть жиробразователями“. Это положеніе о превращеніи въ организмѣ крахмала и сахара въ жиръ авторъ категорически утверждаетъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ своего сочиненія (стр. 78, 86 и 91). Между тѣмъ физиологія уже давно признаетъ превращеніе въ организмѣ углеводовъ въ жиры болѣе чѣмъ сомнительнымъ.

На стр. 79 авторъ утверждаетъ, что клей, попадая въ желу-

докъ, частью „превращается въ бѣлокъ“, а на стр. 83 авторъ утверждаетъ, что онъ весь „превращается въ желудкѣ въ бѣлокъ“,—но физиологія не знаетъ объ этомъ превращеніи клея въ бѣлокъ.

На стр. 153 авторъ замѣчаетъ „о чрезвычайной чувствительности челюстей къ фосфору“: „Прежде, когда о рабочемъ заботились еще меньше, чѣмъ теперь, рабочіе на спичечныхъ фабрикахъ обыкновенно оставляли свои челюсти въ рукахъ заводчика, для котораго они (онѣ?) служили такимъ образомъ своего рода оборотнымъ капиталомъ“. Правда, на спичечныхъ фабрикахъ между рабочими, особенно съ каріозными зубами, наблюдается, такъ называемое, хроническое отравленіе фосфоромъ, выражающееся, кромѣ другихъ явленій, въ періоститѣ челюстей, особенно нижней, и часто ведущее къ некрозу нижней челюсти,—но едва-ли приличествуетъ дать этому явленію столь вульгарную и возбуждающую окраску.

На стр. 192 авторъ называетъ семь радужныхъ цвѣтовъ спектра „основными цвѣтами“, между тѣмъ какъ въ физиологіи съ названіемъ основные цвѣта связано совершенно другое понятіе.

На стр. 193 авторъ описываетъ слѣдующій опытъ для доказательства сложнаго состава бѣлаго цвѣта. „Возьмите, говоритъ онъ, тончайшіе порошки красокъ, соответствующихъ своимъ цвѣтомъ семи радужнымъ цвѣтамъ, смѣшайте ихъ хорошенько и выставте эту смѣсь на свѣтъ,—она будетъ имѣть совершенно бѣлый цвѣтъ“. Авторъ очевидно не выяснилъ себѣ существеннаго различія между смѣшеніемъ спектральныхъ цвѣтовъ и смѣшеніемъ красокъ, а описываемый опытъ очевидно самъ не пробовалъ сдѣлать, потому что иначе онъ убѣдился бы, что при этомъ вовсе не получается „совершенно бѣлый цвѣтъ“. „Результатами смѣшенія красокъ, употребляемыхъ для живописи“, замѣчаетъ Гельмгольцъ, выяснившій эти отношенія, „никомъ образомъ не слѣдуетъ пользоваться для заключеній относительно смѣшенія цвѣтнаго свѣта“, потому что „для большей части свѣта, отражаемаго порошками смѣшанныхъ красокъ, происходитъ не сложеніе обоихъ цвѣтовъ (дѣло идетъ о смѣшеніи двухъ красокъ), а, въ прежде выясненномъ смыслѣ, вычитаніе“ (Helmholtz, Physiologische Optik, I-е изд., 1867, стр. 276).

На стр. 196 авторъ утверждаетъ, что „снаружи глазное яблоко покрыто твердою (!) оболочкой, называемою *роговою*“, и что „подъ роговою оболочкою лежитъ вторая—*сосудистая*“, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности лишь передняя часть наружной оболочки глазнаго яблока называется роговою оболочкою, а вся остальная наружная

оболочка глазного яблока называется бѣлковой, такъ что сосудистая оболочка лежитъ не подъ роговою, а подъ бѣлковою оболочкою.

На стр. 197 авторъ утверждаетъ, что хрусталикъ „дѣлитъ внутреннюю полость глазного яблока на *дѣтъ камеръ, переднюю и заднюю*“, что „передняя камера заполнена такъ называемою *водяною влагою*, а задняя—студенистою массой“ (стекловиднымъ тѣломъ), между тѣмъ какъ въ дѣйствительности пространство, наполненное стекловиднымъ тѣломъ, никогда не называлось заднею камерою.

На стр. 197—200 авторъ весьма очевиднымъ образомъ обнаруживаетъ, что онъ не обладаетъ самыми элементарными познаніями о ходѣ лучей въ глазѣ. Такъ, на стр. 197 онъ утверждаетъ, что фокусъ преломленныхъ въ глазѣ лучей „въ вполнѣ здоровомъ, здоровомъ глазѣ помѣщается неподалеку отъ задней стѣнки глазного яблока, неподалеку отъ дна его“, и что „за фокусомъ лучи расходятся и падаютъ на сѣтчатку“! Такъ, на стр. 198 онъ утверждаетъ, что отчетливыя изображенія на сѣтчатой оболочкѣ получаются „только тогда, когда *фокусъ хрусталика находится очень недалеко отъ сѣтчатки*“ (курсивъ подлинника), чего никогда не можетъ быть, потому что, даже при аккомодациі въблизи, фокусъ хрусталика значительно больше длины оси глаза. Такъ, на этой-же стр. 198 онъ полагаетъ, что актъ аккомодациі глаза состоитъ въ томъ, „чтобы фокусное разстояніе хрусталика могло оставаться болѣе или менѣе неизмѣннымъ“! Такъ, на этой-же стр. 198 онъ утверждаетъ, что „хрусталикъ прикрѣпляется къ внутренней поверхности его (глазного яблока) двумя нѣжными мышцами“! Такъ, на стр. 198—199 онъ утверждаетъ, что „хрусталикъ дѣлается выпуклѣе“, при разсмотрѣніи отдаленныхъ предметовъ, а при разсмотрѣніи близкихъ предметовъ онъ „дѣлается болѣе плоскимъ“! Такъ, на стр. 199—200 онъ даетъ совершенно невѣрные объясненія дальнорукости и близорукости и пр.

На стр. 203 авторъ приписываетъ Гёте открытіе явленія иррадиациі, между тѣмъ какъ оно было извѣстно уже Кеплеру.

Напечатанные на стр. 202—204 рисунки квадратовъ изъ горизонтальныхъ и вертикальныхъ линій, рисунки Цельнера и Геринга для иллюстраціи нашего ошибочнаго сужденія, при извѣстныхъ условіяхъ, о величинѣ и направленіи линій, не сопровождаемы никакими объясненіями и фигурируютъ здѣсь лишь какъ забавныя игрушки, что едва-ли умѣстно въ популярно-научномъ сочиненіи.

Главы VI и VII (отъ стр. 165 до 220) разсматриваемаго сочиненія носятъ заглавіе: „движеніе, ощущеніе и мысль“, хотя въ дѣйствитель-

ности въ этихъ главахъ не говорится ни о процесѣ мышленія, ни объ его субстратахъ, свойствахъ и пр. Вообще, такъ называемая, физиологическая психологія довольно счастливо избѣгла изложенія въ этомъ сочиненіи, если развѣ не отнести сюда нѣкоторыхъ остроумныхъ замѣчаній, въ родѣ того, что у взрослого человѣка ходьба становится „чѣмъ то бессознательнымъ и не произвольнымъ“ (стр. 218), что скрипачъ усвоившій себѣ „длинную и блестящую музыкальную пьесу“, исполняетъ затѣмъ эту пьесу „безъ всякаго почти (курсивъ подлинника) участія воли и сознанія“ и пр.

Н. Банствъ.

Возраженіе на рецензію анонимнаго рецензента моего учебника исторіи Россіи.

Рецензентъ. „Въ настоящее время учебная литература по русской исторіи далеко не бѣдна разнаго рода трудами, отъ элементарнаго учебника до болѣе или менѣе объемистой книги для чтенія. Не поминая о старыхъ общеизвѣстныхъ пособіяхъ, можно насчитать очень достаточное число новыхъ изданій по русской исторіи. Элементарные курсы гг. Беллярминова, Полевого, Преображенскаго, опытъ систематическаго повторительнаго курса русской исторіи Е. Крылова, христоматія А. Турцевича, альбомъ Верещагина, атласъ барона Торнау— все это приобрѣтенія послѣднихъ лѣтъ, и притомъ приобрѣтенія, въ большинствѣ не лишеныя серьезныхъ достоинствъ. Такое состояніе дѣла позволяетъ преподающему персоналу съ удобствомъ выбирать какъ для класснаго употребленія, такъ и для домашняго чтенія учениковъ дѣйствительно пригодныя пособія, и можно сказать, что теперь преподаваніе русской исторіи обставлено ощутительно лучше, чѣмъ было еще въ недавнее время, всего лѣтъ 10—15 назадъ. Ученному комитету кромѣ того извѣстно, по рукописямъ, представляемымъ на его разсмотрѣніе, что и въ настоящее время движеніе въ области учебной литературы по русской исторіи не остановилось. Эти обстоятельства позволяютъ съ желаемою строгостью отнестись къ дѣлу присужденія преміи за труды по русской исторіи. Цѣль учрежденія Петровскихъ премій—оживленіе педагогической литературы— требуетъ того, чтобы поощреніемъ ученаго комитета награждалась дѣятельность составителей въ тѣхъ отдѣлахъ литературы, которые

наиболѣе бѣдны и наиболѣе нуждаются въ оживленіи. По этимъ соображеніямъ въ текущемъ году предпочтительное право на премію принадлежитъ книгѣ для чтенія по средней, но не по русской исторіи. По этому же послѣднему предмету, то-есть по исторіи русской, награду могъ бы заслужить лишь трудъ выдающійся по своимъ достоинствамъ, во всякомъ случаѣ „лучшій“ изъ всѣхъ многочисленныхъ трудовъ, съ нимъ однородныхъ, вышедшихъ въ послѣднее время.

Но, конечно, „Исторію Россіи“ г. Абазы никакъ нельзя признать не только „лучшимъ“, но и просто удовлетворительнымъ во всѣхъ частяхъ учебникомъ. Эта „Исторія“ уже извѣстна ученому комитету, ибо два раза, если не болѣе, въ немъ разсматривалась; по крайней мѣрѣ, дважды печатались объ этомъ трудѣ отзывы ученаго комитета въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. 242 (1885, ноябрь) и ч. 266 (1889, декабрь). Хотя авторъ и передѣлывалъ свое сочиненіе при каждомъ его новомъ изданіи, при этомъ даже мѣнялъ его заглавіе ¹⁾, однако основное содержаніе и педагогическія свойства сочиненія остаются и теперь тѣ же самыя, такъ что оба указанные отзыва въ существѣ своемъ вполне приложимы и къ настоящему изданію. Отмѣтивъ 1) *хорошее направленіе и искренній и юрчій патріотизмъ автора* (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. 242, стр. 26, ч. 266, стр. 41), оба рецензента усмотрѣли въ его трудѣ 2) не только *отсутствіе всякой ученой самостоятельности*, но даже и неумѣнье правильно пользоваться пособиями, ведущее къ частымъ фактическимъ ошибкамъ (*Ibid.*, ч. 242, стр. 27—28, ч. 266, стр. 66) и, наконецъ указали на то, что 3) *изложеніе автора неотчетливо и неясно, а напротивъ, туманно и невразумительно* (*Ibid.*, ч. 242, стр. 26, 29, ч. 266, *passim*). Съ большимъ и въ сущности очень доброжелательнымъ вниманіемъ оба рецензента отмѣтили въ книгахъ г. Абазы многіе десятки мѣстъ, требующихъ исправленія и объясненія, и благодаря этой ихъ кропотливой работѣ дана была и автору и читателямъ возможность твердо убѣдиться въ томъ, что книга г. Абазы должна быть совершенно передѣлана, и къ тому же съ большимъ, чѣмъ обнаружилъ въ себѣ авторъ, запасомъ историческихъ знаній и педагогическаго умѣнья. Настоящее изданіе книги г. Абазы имѣетъ пересмотрѣно въ частностяхъ съ общею тенденціею къ сокращенію текста. Между прочимъ

¹⁾ 1) *Исторія Россіи для учащихся*. С.-Пб. 1885, 2) *Руководство къ отечественной исторіи*, С.-Пб. 1889, 3) *Исторія Россіи*, С.-Пб. 1893.

исключены всѣ приложения. Но этотъ пересмотръ характерныхъ свойствъ изданія не измѣнилъ, а потому и старая оцѣнка труда должна оставаться въ полной силѣ. Не предпринимая въ третій разъ совершенно бесполезнаго перечисленія частныхъ промаховъ книги, остановимся лишь на нѣкоторыхъ ея мѣстахъ“.

Отвѣтъ. Такими неосновательными обвиненіями, не имѣющими ничего общаго съ знаніемъ исторіи и историческихъ свѣдѣній, начинается критика моего послѣдняго труда: *Исторія Россіи*.

Дѣйствительно трудъ мой *Исторія Россіи*, былъ составленъ на премію по объявленію *Новаго Времени* для московскаго университета. Когда же годъ спустя оказалось, что университетъ не заказывалъ учебника русской исторіи на премію, а мой трудъ попалъ опять въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, то я немедленно просилъ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія о разсмотрѣніи моего труда, безъ ходатайства о преміи, но просто какъ учебника для среднеучебныхъ заведеній. Стороннее обстоятельство это, не идущее прямо къ дѣлу, казалось, не зачѣмъ было бы вызывать въ рецензіи, если, впрочемъ, того не требовало *доброжелательное вниманіе* рецензентовъ.

Оба рецензента первый изъ нихъ г. Васильевскій и другой неподписавшійся подъ рецензіей, анонимный рецензентъ, одинаково, своими рецензіями не могутъ внушать подозрѣнія въ доброжелательности къ моему учебнику. Рецензіи ихъ, какъ ниже увидимъ, отличаются незнаніемъ многихъ историческихъ фактовъ, что они стремятся восполнить ироніей, безцеремонною строгостью къ словамъ, къ выраженіямъ, даже къ перемѣнамъ заглавій книги. Вспоминая по приглашенію анонимнаго рецензента о прошлой рецензіи г. Васильевскаго, возьму изъ нея два-три примѣра. Г. Васильевскій выразилъ сомнѣніе въ существованіи, по его выраженію, *какой-то Родословной книги*, напечатанной, впрочемъ, въ 1660 году и хранившейся въ синодальной бібліотекѣ; громилъ лѣтописные тексты учебника, фразою: *увлекая вниманіе читающаго, вносятъ въ изложеніе нескладницу*, свою же рецензію наполнилъ словами: „игнорированіе“, „дата“, „резюме“ и т. п. варваризмами; по незнакомству же съ руководствомъ Фридриха Любкера, не довѣрялъ учебнику, что въ числѣ дѣтей Зевса,—Селена была луною на небѣ, Артемидою на землѣ, а подъ землею Гекатою и т. д. Эти и всѣ другіе промахи отнюдь его не стѣснили закончить свое авторитетное мнѣніе ироническими словами: *понять трудно*. Второй рецензентъ-анонимъ пошелъ гораздо дальше

въ своей будто бы *доброселательной кропотливой работѣ* надъ рецензіей моего учебника и прямо говорятъ противъ лѣтописей, противъ С. М. Соловьева, противъ Н. М. Карамзина, противъ Бестужева-Рюмина, а для своего удобства искажаетъ, гдѣ ему нужно, тексты моего учебника.

Въ доказательство приводимъ его рецензію всецѣло, безъ малѣйшаго измѣненія:

Рецензентъ. „На стр. 2-й готы опредѣлены, какъ „скандинаво-германскія (?) дружины“, а на стр. 3-й поляне опредѣляются, какъ „жители полей Кіевской губерніи“. Оба опредѣленія неудовлетворительны“.

Отвѣтъ. Въ отвѣтъ на это замѣчаніе, могу указать на Исторію Россіи С. М. Соловьева, который въ Т. I стр. 84, говоритъ: *во II или въ началѣ III вѣка по Р. Хр. замѣчается движеніе скандинаво-германскихъ дружинъ, подъ именемъ Готовъ, отъ береговъ Балтійскаго моря къ Черному.* Въ этомъ же томѣ на страницѣ 51: *и такъ первыми славянскими поселенцами, которыхъ приходъ и причину его помнитъ преданіе являются древляне и поляне—жители льсовъ и жители полей..*

Рецензентъ. „На стр. 4-й „Финны отличались склонностью къ волшебству; языкъ обнаруживаетъ общность ихъ происхожденія съ народами тюркскими“—фраза неудачная, въ которой и грамматическій строй и историческій смыслъ одинаково неправильны“.

Отвѣтъ. Если бы нашъ рецензентъ внимательно заглянулъ въ исторію С. М. Соловьева, то онъ бы убѣдился, что о склонности финновъ сказано тамъ тѣми же словами. Въ Т. I на стр. 73, а именно: *финское племя искони отличалось склонностью къ волшебству, а въ учебникѣ Иловайскаго, стр. 8 сказано: языкъ финновъ указываетъ на ихъ общее происхожденіе съ народами тюркскаго племени...* Почему же историческій смыслъ этотъ былъ болѣе 30 лѣтъ оставленъ безъ критики?

Рецензентъ. „На стр. 5-й. Совершенно неудовлетворительны во всѣхъ отношеніяхъ фразы въ родѣ слѣдующихъ: „о земледѣлія славянъ, впервые упоминается въ начальной лѣтописи только около половины X вѣка“. „Личная безопасность у славянъ ограждалась кровавою местию“. „Въ лицѣ хозяина, весь родъ угощалъ гостя, поэтому воровство, ради угощенія гостя не считалось проступкомъ“.

Отвѣтъ. Оставляя въ сторонѣ разборъ краснорѣчія двухъ первыхъ фразъ, нахожу не лишнимъ помянуть здѣсь слова С. М. Соловьева въ

его Т. I, стр. 63, относящіяся къ воровству славянъ ради угощенія гостя.

Славянинъ считаетъ позволеннымъ украсть для угощенія странника, потому что этимъ угощеніемъ онъ возвышалъ славу цѣлаго рода, цѣлаго селенія, которое потому и снисходительно смотрѣло на кражу: это было угощеніе на счетъ цѣлаго рода. Неужели же перефразъ учебника, въ формѣ весьма часто употребляемой, заслуживаетъ названія фразы неудовлетворительной во всѣхъ отношеніяхъ, то-есть и въ историческомъ?

Рецензентъ. „На стр. 6-й очень странно заключеніе, что религиозное вѣрованіе древнихъ славянъ выражалось въ признаніи окружающей природы со всѣмъ ея разнообразіемъ, цѣльнымъ нераздѣльнымъ живымъ существомъ, то-есть выражалось въ единобожіи“. Неужели г. Абаза нашелъ гдѣ-либо свидѣтельство о первоначальномъ господствѣ монотеизма (или, можетъ быть, пантеизма?) у русскихъ славянъ?“.

Отвѣтъ. Въ Т. I Исторіи Россіи С. М. Соловьева на стр. 70 сказано: *религія восточныхъ славянъ поразительно сходна съ первоначальной религіей арійскихъ племенъ: она состояла въ поклоненіи физическимъ божествамъ, явленіямъ природы, душамъ усопшихъ, родовымъ домашнимъ иеніямъ. Основываясь на опредѣленныхъ указаніяхъ современниковъ, мы находимъ у нашихъ славянъ, при поклоненіи многимъ различнымъ явленіямъ природы, подъ разными именами божествъ поклоненіе одному верховному божеству, къ которому остальные находились въ подчиненныхъ отношеніяхъ.* Хотя странное заключеніе, высказанное учебникомъ, и показалось анонимному рецензенту *страннымъ*, но странное заключеніе также подтверждается словами А. Н. Афанасьева въ *развитіи языческихъ вѣрованій*; подтверждается словами Ербена, извѣстнаго изслѣдователя старины, наконецъ *Исторіей Россіи* Бестужева-Рюмина стр. 9.

Рецензентъ. „На стр. 7-й. Непонятно, что хотѣлъ выразить авторъ, говоря, что основаніемъ родового быта и единства рода была нераздѣльность родовой собственности и общая всѣмъ племенамъ вершина въ лицѣ родоначальника“.

Рецензентъ. „На стр. 8-й авторъ смѣшиваетъ понятія „племя“ и „родъ“. говоря, что городъ не всегда заселялся однимъ родомъ, господствующимъ въ области, какъ напримѣръ, Кіевъ полянами; еще больше спутанности въ дальнѣйшихъ словахъ: „скученность же нѣсколькихъ родовъ учащала родовыя столкновенія, отчего въ городахъ

живѣ чувствовалась необходимость наряда, то-есть начала правительственнаго, въ чемъ собственно и заключается важное историческое значеніе первоначальнаго славянскаго города". *Неужели въ самомъ дѣлѣ юродь имѣлъ только то значеніе, что былъ главною ареною общественнаго безпорядка. И неужели слово „нарядъ“ значитъ „правительственное начало“?* Это слово „нарядъ“ вообще не дается нашему автору“.....

Отвѣтъ. Эти критическія замѣчанія, свидѣтельствующія о степени знанія русской исторіи самого критика-анонимнаго, опровергаются словами С. М. Соловьева. Вотъ что онъ говоритъ о родѣ и племени въ т. I, на стр. 53 и 61:

Для означенія родовыхъ линій употреблялось слово племя... Единство рода, связь племенъ, поддерживались своимъ родоначальникомъ... но когда отецъ, дѣдъ или прадѣдъ, умираетъ, то какимъ образомъ поддерживается единство рода? Оно поддерживается возстановленіемъ отеческой власти. Родовой бытъ условливалъ общую, нераздѣльную собственность и наоборотъ общность, нераздѣленность собственности служили самою крѣпкою связью для членовъ рода... Въ защиту того же, гдѣ анонимный критикъ нашелъ еще болѣе спутанности въ дальнѣйшихъ словахъ и заканчиваетъ ироніей надъ словомъ нарядъ, привожу слова Соловьева въ т. I, стр. 58 и 59: изъ словъ лѣтописца можно заключить только то, что эти озорженныя мѣста (города) были обиталищемъ одного или нѣсколькихъ отдѣльныхъ родовъ... первоначальнѣй славянскій юродь имѣетъ важное историческое значеніе... Въ юродахъ болѣе частая столкновенія, болѣе частая усобица должны были скорѣе повести къ сознанію о необходимости наряда, правительственнаго начала.

Рецензентъ.„На стр. 9-й вмѣсто него, (то-есть, слова „нарядъ“) онъ вставляетъ въ лѣтописный текстъ бессмысленное реченіе „нарядникъ“, упорно сохраняя его во всѣхъ изданіяхъ своей книги: „земля наша добра есть и велика... а нарядника въ ней нѣтъ“. Такъ же упорно называетъ онъ во всѣхъ изданіяхъ водный путь путемъ „изъ варяго въ греки“. На той же 9-й страницѣ авторъ упраздняетъ варяжскій вопросъ недостаточно вразумительнымъ замѣчаніемъ: „Но какъ вопросъ этотъ, нерѣшенный общимъ согласіемъ историковъ, не имѣетъ никакого особаго значенія для объясненія явленій въ древней русской исторіи, то древнѣйшее сказаніе начальнаго лѣтописца о происхожденіи Руси осталось наиболѣе прочнымъ въ наукѣ и въ народѣ“.

Отвѣтъ. Отъ перваго замѣчанія могло бы избавить рецензента

ченіе Т. XV *лѣтописнаго Сборника именуемаго Тверскою лѣтописью* стр. 30-я, откуда взять текстъ о призваніи князей и о которомъ Археографическая комиссія говоритъ въ предисловіи: *извѣстія снѣсенныя въ Сборникъ изъ Тверской лѣтописи, представляютъ весьма мною новыхъ и любопытныхъ данныхъ, а это отнюдь не можетъ вселить недоувѣріе къ ея сказаніямъ*¹⁾.

Едва ли самъ анонимный рецензентъ можетъ правильно объяснить чѣмъ ему не угодилъ водный путь: *изъ варяго въ зрѣки, важнѣйшій торговый путь древней Руси*. Что же касается вопроса о происхожденіи Руси, то историкъ Бестужевъ-Рюминъ въ своемъ сочиненіи *Исторія Россіи* гл. II стр. 89 припоминаетъ слова Длугоша, сказанныя еще въ XV вѣкѣ „*разномласіе писателей о происхожденіи Русскихъ болѣе затемнило, чѣмъ разъяснило это происхожденіе*“. Какъ извѣстно, самъ Іоаннъ IV Грозный производилъ себя отъ Прусса, брата Августа Кесаря, а также не секретъ и то, что вопросъ о происхожденіи Руси мало подвинуть къ точному разрѣшенію новѣйшими изслѣдователями. Къ этому добавлю, что анонимный рецензентъ, судя по настоящей рецензій, не читалъ, а только переписывалъ мои послѣдній учебникъ, слѣдовательно его слова: *во всѣхъ изданіяхъ* сказаны развѣ по вдохновенію.

Рецензентъ. „Перейдемъ къ другому отдѣлу книги: *Стр. 126*. Н. Романова сослала въ Сійскую обитель Антонія. Врядъ-ли такъ удобно называть въ учебникѣ Сійскій Антоніевъ монастырь“?

Отвѣтъ. Слѣдуетъ полагать, что согласно настоящей рецензій, Н. М. Карамзинъ не усматривалъ никакой разницы въ вышеупомянутыхъ двухъ названіяхъ, такъ какъ въ томѣ XI на стр. 99-й онъ говоритъ, что названнаго Филаретомъ *сослами въ Сійскую Антоніеву обитель*.

Рецензентъ. „*На стр. 126—127-й:* „По сказаніямъ всѣхъ русскихъ свидѣтельствъ Юрій (почему не Григорій?) Отрепьевъ былъ сынъ стрѣleckаго сотника Богдана-Якова“. Во первыхъ, не всѣ сказанія русскихъ свидѣтельствъ таковы, а во вторыхъ, имя Яковъ получилось изъ непонятаго Карамзиннымъ относительнаго мѣстоименія „*яковъ*“, и не слѣдуетъ, конечно, повторять эту ошибку Карамзина“.

Отвѣтъ. Въ славянскомъ языкѣ вовсе не существуетъ относи-

¹⁾ Г. Абазѣ слѣдовало взять какой нибудь изъ старыхъ и исправныхъ списковъ сказанія о призваніи варяговъ, а не повдѣйшую Тверскую Лѣтопись.

Рецензентъ.

тельнаго мѣстоименія *яковъ*, какъ утверждаетъ анонимный критикъ, но въ славянекомъ языкѣ существуетъ мѣстоименіе *яковий*. такъ одинъ изъ ирмосовъ начинается словами: *Царю Царей, яковий отъ яковаго*. Правильнѣе было бы, если бы любопытство анонимнаго рецензента остановилось на вопросѣ, почему самозванецъ не назвался Георгіемъ?

Относительно же свидѣтельствъ о Гришкѣ Отрепьевѣ, привожу слова С. М. Соловьева въ томѣ 8-мъ на страницѣ 80-й. *По согласному показанію всѣхъ свидѣтельствъ правительственныхъ и частныхъ, Юрій Отрепьевъ, перемѣнившій въ монастырѣ это имя на созвучное имя Григорія...* Если же анонимный рецензентъ открылъ какое-либо новое свидѣтельство, то столь важное открытіе слѣдовало публиковать во всевѣденіе.

Рецензентъ. „На стр. 128 — 129-й все сказанное о дѣйствіяхъ царя Феодора Борисовича совершенно произвольно и не опирается на первоисточники“.

Отвѣтъ. Уже видно было знакомство анонимнаго рецензента съ первоисточниками, остается увидѣть степень его знакомства съ источниками просто, напримѣръ: въ чемъ онъ усмотрѣлъ произвольность въ изложеніи учебника о дѣйствіяхъ Феодора Борисовича, о которомъ въ учебникѣ говорится ровно 15 строкъ. Если въ томъ, что о смѣнѣ воеводъ Мстиславскаго и Шуйскаго сказано, какъ о дѣяніи самого царя Феодора, а не правительства, то надобно помнить, что распоряженія боярской думы обыкновенно начинались словами *бояре приговорили, а царь приказалъ* и кромѣ того царь Феодоръ Борисовичъ не былъ чуждъ самостоятельности, такъ какъ отпуская Басманова въ армию сказалъ ему: *служи намъ какъ ты служилъ отцу моему* (Н. М. Карамзинъ, томъ X, стр. 177).

Рецензентъ. „На стр. 127. Въ описаніи наружности Отрепьева слово „обличеніе“ стоитъ ошибкою вмѣсто „обличіе“ и очень не складна фраза: „широкій носъ“ и т. д.“

Отвѣтъ. Слово *обличіе*, предлагаемое анонимнымъ критикомъ, нельзя произвольно вставить въ лѣтопись Кубасова, вмѣсто слова *обличеніе* имъ употребленнаго. (Примѣчанія къ XI тому Исторіи Государства Россійскаго Карамзина стр. 67)¹⁾

Рецензентъ. „На стр. 129 — 130-й. Отношенія Самозванца къ

¹⁾ Г. Абазѣ слѣдовало посмотреть, въ любомъ изъ позднѣйшихъ изданій, полный текстъ „Написанія о царѣхъ Московскихъ“, а не краткую выписку у Карамзина.

Маріи (Марѣѣ) Нагой изображены также произвольно и взаимоотношенія событій представлены невѣрно“.

Отвѣтъ. Новое обвиненіе въ произвольномъ изложеніи отношеній самозванца къ Маріи Нагой свидѣлствуетъ о незнакомствѣ нашего рецензента съ *Исторіей Государства Россійскаго* Н. М. Карамзина, гдѣ эти произвольныя изложенія занимаютъ въ томѣ XI страницы: 210 и 211.

Рецензентъ. „*На стр. 130 — 131-й.* Правленіе Самозванца изложено не вполнѣ удачно съ внѣшней стороны: можно понимать слова автора такъ: что самозванецъ цѣлыхъ „три дня вѣнчался на царство“, что въ числѣ милостей народу было и то, что самозванецъ ежедневно бывалъ въ боярской думѣ, далѣе разказывается къ чему-то, что „самозванецъ бралъ *какія-то земляныя крѣпости*, толкаясь въ свалкѣ“, что самозванецъ Лже-Петръ былъ сынъ Ивана „Корвина“ (читай: Коровина) и т. д. Очевидно, что авторъ не знакомъ хорошо съ фактами даннаго времени, почему и не можетъ ихъ удовлетворительно передать“.

Отвѣтъ. Въ учебникѣ сказано: *три дня послѣ вступленія съ Маринкой, Лже-Дмитрій вѣнчался на царство.* Трудно согласиться съ заключеніемъ рецензента о трехъ дневномъ вѣнчаніи, но для будущихъ его рецензій слѣдуетъ ему *прочитать о какихъ то земляныхъ крѣпостяхъ* (томъ VIII Соловьева, стр. 113 изд. 1883 года). Замѣчаніе же исторически вѣрное о пропускѣ буквы о въ словѣ „Корвинъ“ было бы справедливѣе отнести къ типографіи.

Рецензентъ. „*На стр. 132-й.* Совершенно не объясняется, что значить „ограниченіе царской власти боярскою думою относительно наказанія“ чему подвергся царь Василій Шуйскій“.

Отвѣтъ. Въ учебникѣ сказано: *Ограниченіе царской власти боярской думой относительно наказанія, обѣщало безнаказанность боярскому своеволю и крамоламъ.* Неужели нужны объясненія, что значить ограниченіе верховной власти. чѣмъ бы и кѣмъ бы ни было. палатою ли, парламентомъ ли и т. п.?

Рецензентъ. „*На стр. 136-й.* Тушинская острота о „курятникѣ“, подъ которымъ разумѣлся Троицкій монастырь, передана такъ, что можетъ возбудить не улыбку, а лишь недоумѣніе“.

Отвѣтъ. Трудно допустить, чтобы С. М. Соловьевъ помѣщалъ, такъ названную анонимнымъ рецензентомъ остроту, съ цѣлью вызвать чью бы ни было улыбку. (Томъ VIII, стр. 248).

Рецензентъ. „*На стр. 139-й.* Совершенно непонятно, что значать слова: „Жолкѣвскій согласился на условія тушинцевъ“, такъ какъ о тушинцахъ въ данномъ § вовсе не говорится (см. стр. 137)“.

Отвѣтъ. Условія тушинцевъ изложены въ моемъ учебникѣ на стр. 137, слѣдовательно нѣтъ нужды перечислять ихъ вновь на стр. 139. Но это замѣчаніе анонимнаго рецензента вовсе не оправдываетъ его же словъ о своей *кропотливой работѣ* при оцѣнкѣ учебника.

Рецензентъ. „На стр. 141-й. По мнѣнію автора, патріархъ „скрѣплялъ“ боярскія грамоты; скрѣпляли ихъ дьяки“.

„Ibid. Нельзя понять хронологію въ разказѣ о Московскомъ пожарѣ 1611 г.: на страстной недѣлѣ полякамъ понадобилось таскать пушки; при этомъ у нихъ произошла ссора, перешедшая въ бой; во время боя вспыхнулъ пожаръ, „три дня горѣла Москва“ и, наконецъ, подъ Москву пришло русское ополченіе „въ чистый понедѣльникъ“. Здѣсь три даты, и каждая изъ нихъ исключается другими.

„Ibid. Гуляй-городъ—„подвижная ограда съ воротами и самопалами: опредѣленіе и непонятное и невѣрное“.

Отвѣтъ. Начну съ указанія на то, что анонимный рецензентъ произвольно искажилъ весь текстъ учебника, а мы знаемъ, какъ подобныя искаженія вредны даже въ перемѣнѣ знаковъ препинанія, затѣмъ укажу на Т. XII Исторіи Карамзина, гдѣ на стр. 416 сказано: Россія получила Уложеніе, „*скрѣпленное патріархомъ*“...

Затѣмъ на стр. 141 моего учебника, сбоку поставлены не три *даты*, а всего два хронологическія указанія:

Пожаръ Москвы 1611 года, марта 19-го и обложеніе Москвы ополченіями, марта 25-го. *Страстной же вторникъ*, по невниманію метранпажа оставленъ безъ скобокъ, но такая пустая ошибка даетъ ли право рецензенту принять слова: *страстной вторникъ* за дату.

Нѣтъ никакой необходимости въ подробномъ описаніи ограды Гуляй-города, почему вовсе не помянуто о саяхъ въ текстѣ, вдобавокъ поставленномъ въ скобки.

Рецензентъ. „Стр. 142-я. Земскіе люди рѣшили избрать одного начальника для всѣхъ, а избрали трехъ. Приговоръ 30-го іюня 1611 года, на который ссылается авторъ, прямо противорѣчить этому“.

Отвѣтъ. Сказанный приговоръ до насъ не дошелъ¹⁾. Соловьевъ же говорить въ Т. 8, стр. 371: заводя переговоры о будущемъ царѣ, ополченіе должно было подумать о томъ, какъ устроить временное правительство, ввести какой нибудь порядокъ въ управленіе войскомъ и землею. Мы видѣли, сколько воеводъ съ разныхъ сторонъ пришло подъ Москву съ своими отрядами. Кому изъ нихъ надобно

¹⁾ Приговоръ 30-го іюня 1611 г. былъ дважды напечатанъ цѣликомъ.

было дать первенство... А эти слова историка даютъ основаніе предполагать, что до избранія трехъ воеводъ, намѣреніе избирателей было избрать одного главнаго воеводу, т. е. единодержца.

Рецензентъ. „Стр. 143-я. Заглавіе гласитъ: Воззванія Казани и Сергіевской Лавры, а въ текстѣ о Казани ни слова“.

Отвѣтъ. Очевиденъ пропускъ въ печати о томъ, что Казань раньше всѣхъ городовъ разсылала воззванія. Поправка не трудная, хотя бы въ листѣ опечатокъ.

Рецензентъ. „Обратимся къ третьему отдѣлу. Стр. 219-я. Дается невозможное опредѣленіе: „Дружинники (развѣ въ XVII вѣкѣ были дружинники?), служилые люди были воины, занимавшіе въ мирное время гражданскія должности, которыя не были отдѣлены отъ военныхъ“ . Стало быть, воины, не занимавшіе гражданскихъ должностей, не были служилыми людьми? Далѣе, въ опредѣленіи табели о рангахъ, авторъ совершенно не разбирается въ понятіяхъ ранга, должности, класса и чина и довольно темно замѣчаетъ, что Петръ Великій уравниалъ помѣстное право дворянъ съ правомъ вотчиннымъ“ . Все это требуетъ обстоятельнаго разъясненія“ .

Отвѣтъ. Новое искаженіе и довольно ловкое. Въ учебникѣ сказано: Дружинники или служилые люди были воины, занимавшіе въ мирное время гражданскія должности—такимъ образомъ гражданскія должности не были отдѣлены отъ военныхъ. Здѣсь, безъ искаженія, не найдется мѣста для ироніи секретнаго критика. Далѣе, на критическое обращеніе къ третьему отдѣлу моего учебника, выписываю слова Соловьева въ Т. 18, стр. 139:

Отъ половины IX до конца XVII вѣка Россія представляла первобытное государство съ рѣзкимъ признакомъ неразвитости: служба военная не была отдѣлена отъ гражданской, какъ при св. Владимірѣ. такъ и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ дружинники или служилые люди, дѣлившіеся на нѣсколько разрядовъ или чиновъ были воины. по окончаніи похода занимали и гражданскія должности. Только при царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ, какъ мы видѣли является мысль отдѣлить гражданскія должности отъ военныхъ; но мысль эта осталась только на бумагѣ. При Петрѣ развитію была дана такая сила, что разъясненіе должностей явилось необходимою, что и высказалось въ табели о рангахъ. Для того же, чтобы темныя мѣста учебника, по выраженію анонимнаго критика, проявились, критику слѣдовало читать учебникъ весь, а не на выдержку, и приводить его тексты безъ искаженія.

Рецензентъ. „Стр. 220-я. Авторъ различаетъ области права уго-

ловнаго и „юридическаго“ не указывая, къ сожалѣнiю, что онъ разумѣетъ подъ юридическимъ (1) правомъ“.

Отвѣтъ. Вмѣсто слова „гражданскаго“, по ошибкѣ корректора, напечатано „юридическаго“. Какое, подумаешь, преступленiе со стороны автора?

Рецензентъ. „Стр. 221-я. Переставлены слѣдствие и причина. впрочемъ, одинаково мало разъясненныя: „прежняя система (1) социальная замѣнилась подушкою, вслѣдствие чего народонаселенiю предварительно сдѣлана была ревизiя—поголовная перепись“.

Отвѣтъ. Слово *вслѣдствие* могло быть замѣнено словами: *для чего* С. М. Соловьевъ говоритъ: „такъ какъ прежняя подать съ дворовъ подавала поводъ къ большимъ злоупотребленiямъ при перетискѣ дворовъ, то введена была подушная подать“, но кто же мѣшалъ спросить даже самого его, почему онъ не объясняетъ ни поводовъ къ злоупотребленiямъ, ни самихъ злоупотребленiй?

Рецензентъ. „Однако достаточно. Можно и на основанiи сказаннаго сдѣлать заключенiе, что разбираемая книга не заслуживаетъ столь почетнаго поощренiя, какимъ представляется Петровская премiя. Она стоитъ гораздо ниже тѣхъ учебныхъ изданiй по русской исторiи, которыя признаются теперь просто удовлетворительными“.

Отвѣтъ. Намъ же кажется, что на основанiи сказаннаго можно сдѣлать заключенiе совсѣмъ иного рода, тѣмъ болѣе, что анонимный рецензентъ, сваливаетъ все на небывалое домогательство автора получить Петровскую премiю, о чемъ авторъ вовсе не проситъ министерство народнаго просвѣщенiя, еще же болѣе потому, что учебный комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ одобрилъ тотъ же учебникъ, какъ *полезное пособiе* для духовныхъ семинарiй и епархiальныхъ женскихъ училищъ, не заставляя автора обращаться къ высшему начальству съ прошенiемъ о рецензи, только тогда и появившейся въ настоящемъ видѣ, то-есть чрезъ 1½ года послѣ представленiя книги въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенiя. Такая *кротковость доброжелательной работы* не выжется съ рассмотрѣнiемъ нѣсколькихъ страницъ изъ 321, и съ пропускомъ массы извѣстiй не вошедшихъ въ другiе учебники.

Къ этому считаю необходимымъ добавить, что самостоятельность педагога, во многомъ замѣняется программю, утвержденною министерствомъ народнаго просвѣщенiя, по которой мой учебникъ и составленъ.

В. Абаза.

Замѣчаніе на „возраженіе“ г. Абазы.

„Анонимный рецензентъ“ учебника г. Абазы считаетъ необходимымъ прежде всего объяснить слѣдующее: Выше помѣщенное возраженіе г. Абазы имѣеть въ виду рецензію, нигдѣ не напечатанную (въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, чч. 242 и 266, помѣщены двѣ другія рецензіи на его трудъ), а полученную г. Абазою, съ надлежащаго разрѣшенія. изъ дѣлъ комиссіи, состоявшей при ученомъ комитетѣ въ 1894—1895 годахъ для присужденія премій Императора Петра Великаго по группѣ „исторія и географія“. Это обстоятельство сообщаетъ „анонимности“ рецензента характеръ официальной обязательности, намѣнить которой рецензентъ не желаетъ и не долженъ. По существу же дѣла рецензентъ даже радъ тому, что г. Абаза такъ охотно и исправно публикуетъ его замѣчанія: люди, разумѣющіе дѣло, легко поймутъ, что г. Абаза теперь возражаетъ на рецензію, не уразумѣвъ ея, какъ равнѣ онъ составлялъ свой учебникъ безъ должнаго разумнія своего предмета и своихъ пособій. „Анонимный рецензентъ“ считаетъ совершенно бесполезнымъ вступать въ пренія съ „историческимъ“ писателемъ, который, послѣ всѣхъ указаній, сдѣланныхъ ему тремя (а не двумя, какъ онъ думаетъ) рецензентами, продолжаетъ писать, что родословная книга „напечатана“ въ 1660 году, что великій водный путь шель въ Черное море „изъ *варю*“ (?), что московскій литературный языкъ XVI—XVII вѣка есть „славянскій“, что въ немъ есть мѣстоименіе „яковый“, но „вовсе не существуетъ“ мѣстоименія „яковъ“ и т. д., и т. д. Есть, конечно, хорошая сторона въ томъ, что исторія доступна всякому желающему, но есть въ этомъ и горе... Отдавая себя охотно на судъ г. Абазы, „анонимный рецензентъ“ желалъ бы только защитить отъ него людей неповинныхъ, но по своей скромности обыкновенно не приносящихъ предъ публикой оправданія. Это корректоръ и метранпажъ; первый, по увѣренію г. Абазы, печатаетъ „по ошибкѣ слово „юрическаго“ вмѣсто „гражданскаго“, а второй „по невниманію“ оставляетъ безъ скобокъ слова, не поставленныя въ скобки. Въ типографскомъ дѣлѣ такъ вѣдь не бываетъ. По видимому, вслѣдствіе излишней и напрасной самоувѣренности, г. Абаза не сдѣлалъ справки со своею рукописью. если она у него сохранилась.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

Астраханскій Сборникъ, издаваемый Петровскимъ обществомъ изслѣдователей Астраханскаго края. Выпускъ 1-й. Съ 10-ю рисунками. Астрахань, 1896 г. Стр. VI+335. Цѣна 1 р. 25 коп.—Цѣль сборника—„изданіе въ свѣтъ матеріаловъ по изученію края, еще не утратившихъ своего интереса и въ особенности составляющихъ библиографическую рѣдкость“. Сборникъ рассчитанъ на то, чтобы дать возможность „всѣмъ интересующимся изученіемъ Астраханскаго края, имѣть подъ рукою тѣ статьи и матеріалы, знакомство съ которыми необходимо при изученіи края“. Собирая статьи и документы для своего изданія, Петровское общество, однако, не имѣло средствъ для ихъ напечатанія, пока къ обществу не пришелъ на помощь г. астраханскій губернаторъ, предложившій все собранное помѣстить въ „Памятныхъ книжкахъ Астраханской губерніи“ на 1894 и 1895 годы. Изъ этихъ двухъ книжекъ Петровское общество извлекло для себя отдѣльные оттиски, составившіе первый выпускъ „Сборника“, нынѣ подлежащій нашему сужденію. Оттиски эти украшены десятью картами, планами и рисунками, относящимися къ исторіи Астрахани (они перечислены на стр. VI и II предисловія). Будучи извлечены изъ мало доступныхъ изданій, всѣ эти рисунки имѣютъ интересъ и цѣну и прекрасно исполнены, благодаря матеріальному содѣйствію дѣйствительнаго члена Петровскаго общества Н. И. Артемьева. Такъ какъ передъ нами только начало „Сборника“, то нѣтъ ни нужды, ни возможности говорить о томъ, насколько полно и систематизировано его содержаніе: мы не знаемъ, что дадутъ намъ послѣдующіе выпуски. Пока, если будемъ судить только то, что дано въ 1-мъ выпускѣ, мы должны быть благодарны издателямъ за желаніе сохранить и исправно издать все, что хотя немного можетъ служить пѣлямъ мѣстной исторіи. Послѣ вступительнаго очерка о покореніи царства Астраханскаго (*Е. П. Карновича*) мы находимъ рядъ извлеченій изъ иностранныхъ сочиненій о Россіи XV—XVIII столѣтій въ русскихъ переводахъ (всего 9 статей) и рядъ записокъ русскихъ людей, жившихъ или ѣздившихъ въ край на пространствѣ послѣднихъ 200 лѣтъ (всего 10 статей). Къ каждой статьѣ сдѣлано поясненіе, дающее свѣдѣнія объ авторѣ статьи, о времени ея составленія и объ изданіи, откуда заимствована статья въ „Сборникѣ“. Одна статья—„Рукопись Нивифора Туркива“—является пѣлькомъ въ первый разъ въ печати: это—малограмотныя и курьезныя замѣтки по исторіи Астрахани; но и онѣ оказываются не бесполезны, такъ какъ даютъ указаніе на неизвѣстнаго П. М. Строеву въ его „Спискахъ іерарховъ“ архимандрита Астраханскаго Троицкаго монастыря Рафаила, бывшаго въ исходѣ XVII вѣка. Всѣ тексты, вошедшіе въ „Сборникъ“, напечатаны удовлетворительно и читаются съ интересомъ. Они могутъ, дѣйствительно, быть полезны при занятіяхъ историка, географа и этнографа.

Двухсотлѣтіе Кубанскаго казачьяго войска. 1696—1896 гг. Историческій очеркъ. Составилъ *П. П. Короленко*. Екатеринодаръ. 1896 г. Стр. II+96. Цѣна 1 рубль; для учебныхъ заведеній 70 коп. за одинъ экземпляръ и 6 рублей за 10 экземпляровъ. — Авторъ этой брошюры, имѣя въ виду преемникъ

двухсотлѣтія Кубанскаго казачьяго войска, желая дать лишь краткій очеркъ образованія войска изъ различныхъ частей южно-русскаго казачества и вернѣе же разказать о различныхъ службахъ кубанцевъ по оборонѣ границы—такъ называемой „линіи“—и въ дальнихъ походахъ русскихъ войскъ. Авторъ занимается сперва судьбою хоперскихъ казаковъ, переводимыхъ послѣдовательно съ р. Хопра на Царицынскую укрѣпленную линію, съ Царицынской линіи на Моздокскую, а отсюда на Кавказскую линію на Кубань. Затѣмъ онъ разказываетъ о переселеніи на Кубань казаковъ черноморскихъ съ Днѣстра, донскихъ съ Дона и екатеринославскихъ изъ Екатеринославскаго намѣстничества. Такимъ образомъ раскрывается и происхождение изучаемаго войска, и любопытная сторона въ дѣятельности русскаго правительства прошлаго вѣка, именно—устройство пограничной милиціи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ наше государство сосѣдило съ безпокойными инородцами, готовыми всегда на внезапный набѣгъ и на простой разбой. Изложивъ исторію устройства Кубанскаго войска, г. Короленко переходитъ къ описанію боевой жизни кубанцевъ въ XIX столѣтіи до послѣдняго десятилѣтія, вѣрнѣе—до Кушкиской битвы 1885 года. Въ приложеніи къ очерку авторъ помѣстилъ: описи знаменъ, войсковыхъ регалій, грамотъ и прочихъ документовъ, хранимыхъ войскомъ; наименованіе отличій, выслуженныхъ войскомъ; списокъ атамановъ и строевыхъ частей войска. Брошюра составлена толково и написана вполне удовлетворительно.

Н. Я. Никифоровскій. Простонародныя примѣты и повѣрья, суевѣрные обряды и обычаи, легендарныя сказанія о лицахъ и мѣстахъ. Витебскъ. 1897.—Авторъ настоящаго сборника достаточно извѣстенъ въ этнографической литературѣ, и его „Очерки простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи“ обратили вниманіе всѣхъ занимающихся этнографіей. Давъ въ очеркахъ подробное описаніе вѣшной жизни бѣлорусса, его жилища, одежды, пищи и т. под., въ настоящемъ сборникѣ авторъ рисуетъ его внутреннее міровоззрѣніе. Богатый сборникъ этотъ важенъ уже потому, что народная память начинаетъ мало-по-малу забывать примѣты и повѣрья: „юная пока-что, замѣчаетъ по этому поводу Никифоровскій, но имѣющая всѣ задатки просвѣтительнаго роста народная школа, расширяаяся до захоlustій, мрачныхъ закутъ, безостановочно льетъ туда свѣтъ, истину и трезвый взглядъ. Благодаря сему просвѣтительному воздѣйствію, захоlustная бабка уже совѣстится повѣдать забобонныя сказы просвѣтившемуся юнцу-внуку, опасается глумленія, вслѣдствіе чего эти сказы рѣдѣютъ, какъ рѣдѣютъ и сказатели, по крайней мѣрѣ, убѣжденные“. Тѣмъ цѣннѣе при такихъ условіяхъ собраніе Никифоровскаго, содержащее 2307 нумеровъ повѣрій, примѣтъ и сказаній, записанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Витебской губерніи въ теченіе 35 лѣтъ (съ 1860 по 1894 включительно). Все это богатое собраніе распредѣлено по группамъ и обнимаетъ всю жизнь челоука съ его зарожденія до глубокой старости и смерти. Въ концѣ сборника помѣщены „дополнительныя (смѣшанныя) сказанія“. За немногимъ исключеніемъ сюда внесены легенды и преданія, какъ напримѣръ, здѣсь помѣщена довольно распространенная легенда о происхожденіи болотъ, легенда о возникновеніи горы, преданіе о волотахъ („ослкахъ“). Въ концѣ сборника, представляющаго сырой этнографической ма-

теріалъ, помѣщенъ словарь бѣлорусскихъ словъ, встрѣчающихся въ текстѣ напечатанныхъ преданій и повѣрій. Авторъ предполагалъ ввести въ этотъ словарь тѣ слова, которыхъ не находится въ словаряхъ Носовича и Дала или тѣ, которымъ придается въ данной мѣстности особое значеніе. Такихъ словъ мы находимъ около 390; число значительное, и поэтому врядъ ли бы особенно увеличило книгу помѣщеніе въ словарь всѣхъ словъ, встрѣчающихся въ текстѣ; тѣмъ болѣе что нѣкоторыя слова, какъ напримѣръ, шлѣпка въ смыслѣ удара ладонью, можно было бы вовсе не помѣщать. Что касается расположенія собраннаго матеріала, то оно сдѣлано очень тщательно, хотя трудно было обойтись безъ промаховъ въ такомъ обширномъ трудѣ; такъ, напримѣръ, въ отдѣлѣ „дѣтскія болѣзни и леченіе ихъ“ указаніе какъ лечить въ томъ случаѣ, если неизвѣстно, чѣмъ больно дитя—отъ „сурдывъ-приподока, ночницъ или крѣксывъ“, лучше было бы помѣстить послѣ объясненія всѣхъ этихъ болѣзней, а не послѣ двухъ первыхъ. Но эти незначительныя и немногочисленныя промахи, куда можно отнести также встрѣчающееся несвоевременное объясненіе словъ, не лапаютъ конечно труда Н. Я. Никифоровскаго его интереса и значенія.

Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Т. VIII и IX. Харьковъ. 1896 и 1897.—„Сборникъ“ названнаго Общества попрежнему заключаетъ кромѣ полной лѣтописи Общества рядъ весьма интересныхъ статей и рефератовъ. Такъ, въ VIII т. мы находимъ нѣсколько небольшихъ статей, посвященныхъ памяти И. М. Собѣстіанскаго, Г. С. Сквороды и Н. С. Тихонравова (статья о послѣднемъ „Обзоръ трудовъ“ Н. И. Алякрискаго продолжается и въ IX т.), двѣ статьи Н. Ѳ. Сумцова: „Сказанія о провалившихся городахъ“ (не только русскихъ, но и западно-европейскихъ) и „Къ библиографіи старинныхъ малорусскихъ религіозныхъ сказаній“; М. Д. Линда „Историческія преданія о селѣ Рублевѣ Богодуховскаго уѣзда“; М. М. Плохинскаго „Путешествіе Тарасія Каплюнскаго въ Италію въ концѣ XVII столѣтія“ (здѣсь помѣщено описаніе путешествія малороссійскаго священника о. Тарасія въ Баръ для поклоненія мощамъ Николая Чудотворца, найденное г. Плохинскимъ въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и представляющее официальный отчетъ съ сухимъ перечнемъ фактовъ и именъ); В. А. Мякотина „Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ Переяславскаго полка“. Это „слѣдствіе“ составлено въ 1729—1731 гг. и представляетъ важнѣйшій источникъ для исторіи землевладѣнія въ Малороссіи. Напечатано оно съ рукописи, хранящейся въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ подъ № 1169 и имѣющей небольшіе пробѣлы—отсутствіе свѣдѣній о селахъ Маковкахъ, Гайшинѣ, Главитовѣ, Сотниковѣ и Дѣвичкахъ. Но самую любопытную и крупную статью этого „Сборника“ является работа г. Д. П. Миллера „Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи. Суды земскіе градскіе и подкоморскіе въ XVIII вѣкѣ“. Она состоитъ изъ восьми главъ (въ первой разсматривается судоустройство въ лѣвобережной Украинѣ до 1648 г., судьба шляхетскихъ судовъ, возникновеніе казацкихъ судовъ, суды: сельскій, сотенный, полковой и войсковой генеральный, генеральная войсковая канцелярія и высшіе органы судебной власти въ краѣ; во второй—сознаніе необходимости судебной реформы, процессъ Михайловскаго монастыря и под-

коморья; въ третьей — Глуховской съѣздъ 1763 г. и учрежденіе новыхъ судовъ; въ четвертой — повѣты и земскіе суды, и устройство подкоморскихъ судовъ; въ пятой — выборы въ суды и суды градскіе; въ шестой — время отправления земскихъ, градскихъ и подкоморскихъ судовъ; въ седьмой — узаконенія, которыми руководились названныя судебныя инстанціи, и въ восьмой — статуты суды до ихъ упраздненія) и трехъ приложений. Изъ историческихъ и историко-литературныхъ статей выдѣляется замѣтка О. Е. Корша „Нѣсколько замѣчаній къ греческой фонетикѣ Бругмана“, въ которой авторъ дѣлаетъ рядъ всѣхъ замѣчаній по адресу нѣмецкаго изслѣдователя. Изъ статей IX тома назовемъ: А. С. Лебедева „Феохтисть Мочульскій“ (эта статья основана главнымъ образомъ на архивныхъ матеріалахъ, хранящихся въ Харьковской и Курской духовныхъ консисторіяхъ и Харьковской духовной семинаріи, и является прекраснымъ дополненіемъ къ статьѣ О. И. Титова „Феохтисть Мочульскій“, помѣщенной въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“, 1894 г., № 1 и 2 и написанной на основаніи однихъ печатныхъ источниковъ); Н. А. Лашенкова „Е. И. Станевичъ“ (о немъ до сихъ поръ не было извѣстно въ печати почти никакихъ свѣдѣній); П. П. Короленко „Матеріалы по исторіи войска Запорожскаго“, извлеченные изъ дѣлъ Харьковскаго Историческаго архива и относящіяся къ 1729, 1751, 1753 -- 1762, 1765—1766, 1772 и 1773 гг. Затѣмъ здѣсь же помѣщены четыре замѣтки Н. О. Сумцова историко-литературнаго характера (по народной малороссійской словесности), біографіи д-ра В. Облана, написанная Б. М. Ляпуновымъ, и продолженіе „Описи Историческаго Архива“ М. М. Плохинскаго, оканчивающагося № 107, 1747 г.

Туркестанскій кружокъ любителей археологіи за первый годъ его дѣятельности. Ташкентъ. 1897 года. 270 стр.—Основанный въ концѣ 1895 года „Кружокъ любителей археологіи“ въ Ташкентѣ обнаружилъ за первый годъ своего существованія довольно оживленную дѣятельность и, видимо, пользуется большими симпатіями мѣстнаго общества. Уже къ концу 1896 года въ немъ было, кромѣ предсѣдателя барона А. Б. Вревскаго, вице-предсѣдателя Н. П. Остроумова, казначея С. А. Лидскаго и секретаря Н. С. Лыкошина, 104 действительныхъ члена и 2 члена-сотрудника. Въ изданномъ „Кружкомъ“ сборникѣ помѣщены и всѣ научныя работы гг. членовъ, заслуживающія вниманія, тѣмъ болѣе, что онѣ касаются мѣстностей, до сихъ поръ научно никѣмъ не изслѣдованныхъ. Работы эти слѣдующія: „Нѣсколько словъ о древностяхъ Шахристана“ П. С. Скварскаго; „Археологическая поѣздка въ селеніе Биштъ-Агачъ Аулиеатинскаго уѣзда“, И. В. Аничкова; „О мусульманскомъ лѣтосчисленіи“, М. А. Терентьева; „Очеркъ археологическихъ изысканій въ Туркестанскомъ краѣ до учрежденія туркестанскаго кружка любителей археологіи“, Н. С. Лыкошина (наиболѣе обширная и интересная статья); „Древности въ окрестностяхъ г. Ташкента“, Е. Т. Смирнова; „Мѣстности Туркестана, интересныя въ археологическомъ отношеніи“, М. С. Андреева; „Нѣсколько словъ объ арійской культурѣ въ Средней Азій“, В. В. Бартольда; „Искандаръ Зу'ль-кариайнъ (Александръ Македонскій), Н. П. Остроумова; „Мусульманское представленіе о Кавказскомъ хребтѣ“, его же. Нѣкоторыя статьи иллюстрированы рисунками и чертежами, изъ которыхъ для археологовъ наиболѣе любопытны рисунки 3 гли-

няныхъ гробовъ, рисунокъ башни Буранъ близъ г. Токмака, древности Термеза, рисунки 3 монетъ, на которыхъ изображены лица съ 2 рогами (Юпитеръ Аммонскій, Александръ Македонскій и Селевкъ), и плачь одного городища. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что статьи печатались раньше появленія этого сборника (но въ томъ же 1896 году) преимущественно въ журналѣ Е. Т. Смирнова „Средне-азиатскій вѣстникъ“ и только статья г. Терентьева „О мусульманскомъ гѣтосчисленіи“ была напечатана еще въ 1876 году въ его же „Хрестоматіи турецкой, персидской, киргизской и узбекской“. Кромѣ того, въ сборникѣ находимъ протоколы „Кружка“, его уставъ и годовой отчетъ.

Профессоръ *Д. И. Багалъй*. Украинская старина. Т. I. Кіевъ, 1896 года. 804 стр.—Появленіе названной книги вызвано желаніемъ профессора Багалъи дать подробное обзорніе внутренняго быта слободской Украйны; но отсутствіе матеріала заставляетъ его вмѣсто систематическаго обзорнія сообщать матеріалы или описанія отдѣльныхъ болѣе или менѣе крупныхъ историческихъ явленій изъ разныхъ эпохъ. Такимъ образомъ, въ настоящую книгу вошли, во-первыхъ, „Наказы“ харьковскихъ дворянъ Екатерининской комиссіи 1767 года, въ которыхъ нашли себѣ выраженіе различныя стороны тогдашней украинской жизни; но ярче всего въ нихъ отразились интересы социальныя и экономическіе, слабѣе духовныя и вовсе отсутствуютъ политическіе. Въ основѣ „Наказовъ“ лежатъ исключительно интересы сословныя дворянъ и горожанъ. Изъ сравненія этихъ „Наказовъ“ съ наказами другихъ городовъ, авторъ приходитъ къ выводу объ ихъ сходствѣ по содержанію съ наказами малороссійскими, хотя послѣдніе превосходятъ ихъ опредѣленностью, ясностью пожеланій во всѣхъ отношеніяхъ и въ особенности въ политическомъ и культурно-просвѣтительномъ отношеніи. Во второй статьѣ мы находимъ характеристику харьковскаго бургомистра конца XVIII вѣка Егора Егоровича Урюпина, который изображается безкорыстнымъ, честнымъ и энергичнымъ представителемъ городскихъ интересовъ, много послужившимъ дѣлу образованія въ Харьковѣ.

Въ теченіе юня мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги:

— *Савенковъ, Ив.* Каменный вѣкъ въ Минусинскомъ краѣ. Москва. 1897. 4^о.

— Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей русскіихъ при Московскомъ университетѣ. 1897 г. Книга вторая. Москва. 1897.

— *Макаревскій, Мих.* Церковная школа на Всероссійской выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ. С.-Пб. 1897.

— *Шаргородскій, Р. М.* Разъясненіе изслѣдованія неопредѣленнаго вида $x = \frac{0}{0}$. Кишиневъ. 1897.

— *Фудель, Г.* свящ. Народное образованіе и школа. Москва. 1897.

— Отчетъ Общества поощренія женскаго профессиональнаго образованія за 1896 г. С.-Пб. 1897.

— *Зилертъ, В.* Грѣхъ юности. Переводъ съ нѣмецкаго. Одесса. 1897.

— *Майльсъ, Альф.* ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ВЪ РАЗСКАЗАХЪ. Переводъ съ англійскаго. С.-Пб. 1897.

— *Хедсонъ, У.* НАТУРАЛИСТЪ на Ла-Платъ. Часть I и II; переводъ съ третьяго англійскаго изданія. С.-Пб. 1897.

Бунге, Г. О вредѣ пьянства. С.-Пб. 1897.

Дешевая библиотека „Русскаго Паломника“, изданія Сойкина:

— Св. Адріанъ и Наталія. С.-Пб. 1897.

— Св. Іоаннъ Златоустъ. С.-Пб. 1897.

— БЕСѢДЫ ХРИСТИАНСКАГО СЕМЕЙСТВА. С.-Пб. 1897.

— РАЗМЫШЛЕНІЯ О ЖИЗНИ И СТРАДАНІЯ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ. С.-Пб. 1897.

— *Функе.* СЛѢПОРОЖДЕННЫЙ. С.-Пб. 1897.

— Гласъ Пастыря. С.-Пб. 1897.

— *Финке, Л.* ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ. Часть I и II. С.-Пб. 1897 (Полезная библиотека).

ЧЕРНОГОРІЯ ВЪ ИСТОРИИ И ЛИТЕРАТУРЪ ИТАЛІИ И ИХЪ ВЗАИМНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

При крайне малыхъ размѣрахъ территоріи и населенія — Черногорія болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе цѣлаго свѣта. Относящаяся къ ней литература довольно обширна. Тутъ вы найдете путешествія и наблюденія туристовъ и серьезныя сочиненія по исторіи, этнографіи, археологіи, праву и естественнымъ наукамъ, поэмы, драмы и трагедіи; Черногоріи посвящали свои вдохновенія такіе поэты, какъ англичанинъ Теннисонъ и нашъ Пушкинъ.

Причинъ такого большаго вниманія къ такой маленькой странѣ много. Она привлекала къ себѣ особенное вниманіе прежде всего неизвѣстностью, подъ которою скрывалось много новаго для остальнаго свѣта, и оригинальностью. начиная съ природы и кончая своеобразными формами, въ которыхъ складывалась жизнь населяющаго ее народа, представляющаго союзъ племенъ, независимыхъ ни отъ кого, ни даже другъ отъ друга, безъ всякой объединяющей свѣтской власти подъ верховнымъ главенствомъ одного духовнаго владыки митрополита. Это было такъ оригинально и для другихъ даже непонятно. что до провозглашенія Черногоріи княжествомъ цѣлая Европа недоумѣвала, какъ смотрѣть на нее, такъ какъ она не подходила ни подъ одну извѣстную свѣту государственную форму. При этомъ одни политики считали ее нераздѣлимою частью Турецкой имперіи, а другіе шли на то, чтобы поставить ее подъ власть какой либо изъ европейскихъ державъ. Такъ относилась къ ней Венеціанская республика; съ тѣми же взглядами пошелъ на нее и Наполеонъ. Никому, однако, это не удалось; обь ея скалы и желѣзныя груди ихъ жителей разбивалась

и мощь Турціи. Эта непоколебимость черногорскаго народа и приобрѣла ему всеобщее вниманіе и уваженіе къ его доблестямъ. Имя черногорца сдѣлалось синонимомъ вѣчнаго война и героя. И, дѣйствительно, на этой доблести, вмѣстѣ съ мудростью главныхъ ея вождей, основана независимость Черногоріи и ея политическая роль, которую всѣ должны были признать за нею *volens-potens*, и которую она ревниво охраняетъ ото всѣхъ покушеній извнѣ, какъ наслѣдство цѣлой ея исторіи. Вотъ почему такъ много писалось и пишется о Черногоріи на всѣхъ языкахъ.

Разбираясь въ этой обширной литературѣ, мы замѣчаемъ, что латиницей писалось и пишется гораздо больше, чѣмъ кириллицей, что совершенно понятно, такъ какъ литература, пользующаяся первою, гораздо обширнѣе второй. При томъ сама Черногорія, хотя и принадлежитъ восточной церкви и пользуется для удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей кириллицей, по своему географическому положенію больше принадлежитъ западу, чѣмъ востоку.

Къ тому же вела ее и исторія.

Начнемъ съ Сербской державы, созданной Неманичами. Колыбелью ихъ была Зета, нынѣшняя Черногорія. Зета, однако, не представляла той силы, которая необходима была для созданія большаго государства; поэтому настоящую опору Неманичи находятъ далѣе къ востоку, въ Рашкой землѣ, откуда и ширятся во всѣ стороны, а главнымъ образомъ стремятся на юго-востокъ, гдѣ, однако, встрѣчаютъ отпоръ со стороны Византійской имперіи, съ начала (въ XII вѣкѣ) довольно энергичный, потомъ постепенно ослабѣвающій. Послѣ латинскаго погрома Византія сохраняла лишь тѣнь своего прежняго значенія, не только не могла повелѣвать на всемъ пространствѣ принадлежавшей когда-то ей территоріи, но едва могла поддерживать свое существованіе, въ концѣ концовъ ради сохраненія своего индивидуальнаго существованія она призываетъ къ себѣ на помощь азіатовъ, противниковъ Европы и христіанства. Съ помощью турокъ-османовъ удалось ей сокрушить сербовъ, и тѣмъ она продолжила свое существованіе еще на полстолѣтіе, подпавши затѣмъ подъ сокрушительный мечъ тѣхъ же азіатовъ, своихъ союзниковъ.

Но пока дѣло дошло до этого послѣдняго средства, къ которому въ крайности прибѣгла Византія, крѣпкая своею старою организациею и политическою опытностью, она еще справлялась съ напиравшими на нее съ сѣвера болгарами, а также и съ сербами. Послѣдніе между

тѣмъ стали искать себѣ союзниковъ и покровителей на западѣ, и находили ихъ въ Римѣ и Венгріи.

Этими связями съ западомъ очень дорожили сербскіе краи, потому что ими они были крѣпки въ борьбѣ съ Византіей. И, дорожа этими связями ради политической цѣли, они часто должны были уступать передъ западомъ и жертвовать своею культурною и вообще духовною самостоятельностью. Но и помимо этой политической необходимости, они не могли не подчиняться до нѣкоторой степени западной культурѣ, какъ высшей.

Дѣлая, однако, уступки и идя иногда на политическіе компромиссы съ западомъ, сербскіе короли охраняли чистоту православия и самостоятельность своей церкви, для чего и добились отъ Византіи автокефальной церкви со своимъ патріархомъ въ Печи, и, когда Сербское царство пало, то церковь только и хранила сербскій народъ, которому угрожало уничтоженіе и отторженіе отъ христіанства, особенно послѣ паденія Константинополя.

Изъ всѣхъ частей сербскаго царства дольше всѣхъ держалась Зета. При этомъ государи обѣихъ ея династій Бальшичи и Черноевичи искали себѣ помощи въ Италіи, которую иногда и получали; но эта помощь оплачивалась слишкомъ дорого.

Владѣя моремъ, эти государи никакъ не могли создать своего хотя бы маленькаго флота, потому что этого не хотѣла допустить Венеціанская республика, въ то время безраздѣльно царившая на Адриатикѣ; потомъ венеціанцы же отняли у Зеты и все приморье съ пристанями, какъ Будвя, Баръ, Ульцинь, Драчь, даже Скадаръ, удаленный отъ моря, а потомъ сами уступили ихъ туркамъ, склоняясь предъ ихъ военнымъ могуществомъ или же сдѣлкою охраняя свои торговые интересы¹⁾. А оторвавши у Зеты это приморье, венеціанцы же воздвигали тамъ гоненіе на православіе, не стѣсняясь въ выборѣ средствъ, пользуясь властью и богатствомъ, подкупомъ и интригой, а часто открытою, военною силой.

Когда Зета, переставъ быть государствомъ, раздробилась на племена, которыя до нѣкоторой степени соединяла духовная власть митрополита, и когда вся ея мощь заключилась въ скалахъ Черногоріи, тогда Венеціанская республика неразъ пользовалась этимъ населе-

¹⁾ Подробнѣе это можно видѣть въ нашей книгѣ „Черногорія“, т. I, 1888 г., стр. 395—400.

ніемъ, какъ орудіемъ и боевою силой; когда же потребность миновала, венеціанцы головой предавали ихъ Турціи, иногда даже призывали на нихъ турокъ.

Но что дѣлать?—такова сила необходимости. Есть Черногорская пословица: „нужда нагони и на крвничка врата“, то-есть, необходимость заставить постучаться и въ ворота своего заклятаго врага. Такъ и черногорцы по необходимости держались съ Венеціей до послѣднихъ дней существованія республики.

Замѣчательно, что, когда Россія (въ XVI вѣкѣ), сбросивши окончательно татарское иго, начала наступать на враждебныя цѣлому просвѣщенному міру азіатскія силы, на нее тогда уже съ упованіемъ смотрѣли стонавшіе подъ турецкимъ игомъ православные народы Балканскаго полуострова. Такъ въ запискѣ 1576 года о Турціи одного мальтійскаго рыцаря при оцѣнкѣ военнаго положенія Московскаго государства въ отношеніи къ Турціи, кромѣ чисто боевой способности его указывается на то обстоятельство, что государь его греческаго исповѣданія, вслѣдствіе чего „все народы Болгаріи, Сербіи, Босніи, Мореи и Греціи безгранично преданы ему, какъ своему единовѣрцу, и ни отъ кого больше, какъ отъ него, не ожидаютъ избавленія своего изъ турецкихъ рукъ“. Въ томъ же году венеціанскій посланникъ Г. Соранцо говоритъ то же самое, добавляя, что эти народы „всегда готовы взяться за оружіе и возстать, чтобы освободиться отъ турецкаго рабства и стать подъ господство московскаго государя“¹⁾.

Знала, значить, объ этомъ хорошо и Венеція, бывшая въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ съ Черногоріей; не думали объ томъ только черногорцы. Между нами была такая пропасть, что мы не подозревали даже существованія одинъ другаго. Мы узнаемъ о существованіи Черногоріи только въ началѣ XVIII вѣка и то отъ случайно попавшихъ къ намъ сербовъ Милорадовича изъ Герцеговины и Владиславевича изъ Балки, а происхожденіемъ изъ Черногоріи; черезъ посредство ихъ и завязываются у насъ первыя съ нею сношенія. А до того времени Черногорія всецѣло принадлежала западу.

Въ продолженіе всего періода со времени удаленія изъ Черногоріи Черноевичей, она служила Венеціанской республикѣ, за что главари ея пользовались извѣстною платой и подарками отъ Венеціи; мало того, иногда къ ней обращались взоры цѣлой За-

¹⁾ V. Lamansky, Secerts d'état de Venise, 1884, стр. 380 въ примѣчаніи.

падной Европы. Такъ, въ 1614 г. герцогъ Неверскій Карлъ II Гонзаго строилъ планъ изгнанія изъ Европы турокъ, по которому Черногорія была избрана точкою отправления, и собраніе представителей всѣхъ христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова для выработки деталей этого плана происходило въ Кучахъ. Проектъ этотъ не осуществился, но приготовленія были большія; Испанія, Италія, Германія и Польша готовилась къ участию въ этомъ предпріятіи; Мальтійскій орденъ обязывался дать 10 галеръ; надѣялись также привлечь къ этому дѣлу и Генуэзскую республику, которая могла дать 6 галеръ ¹⁾; не упоминается только Венеція: можетъ быть, она считается вообще съ Италіей, или же устранилась отъ дѣла, въ осуществленіе котораго не вѣрила, и не хотѣла безъ пользы испортить своихъ отношеній къ Турціи, торговлею съ которой очень дорожила. Въ 1684 г., однако, когда Австрія и Польша объявили Турціи войну, къ нимъ присоединилась и Венеція, пригласившая въ свою очередь къ участию въ войнѣ Черногорію.

Само собою разумѣется, что миръ съ Турціей никогда не былъ искренній и прочный, такъ какъ турки, отнявши у Венеціи Ульцивъ и Баръ, стали тѣснить ее даже въ Боккѣ и Далмаціи. Отъ береговъ Африки часто налеталъ на ея владѣнія легкій флотъ варварійцевъ (*barbareschi*) и производилъ опустошенія по берегамъ Адриатическаго моря. Въ 1624 г. 13 такихъ галей напали на Перастъ, сожгли его и отвели въ рабство до 450 душъ, такъ что пераштане хотѣли было выселиться, и только щедрая денежная помощь республики удержала ихъ на мѣстѣ. А въ 1654 г. два паши Боснійскій и Скадарскій сдѣлали нападеніе на Которъ; нападеніе это однако было отбито, благодаря именно черногорцамъ, такъ какъ венеціанское войско въ то время занято было въ Далмаціи. Черногорцы же вѣстѣ съ паштровичами въ 1687 г. отбили Сулеймана-пашу отъ Будвы и въ томъ же году помогли венеціанцамъ отнять у турокъ Герцегъ-Новый (*Castel-Nuovo*), за что, однако, послѣ заплатились разореніемъ Цетинья и первымъ турецкимъ погромомъ Черногоріи (1692 г.).

Во всѣхъ этихъ дѣлахъ и отношеніяхъ Черногорія борется за свое національное существованіе и освобожденіе родныхъ ей элементовъ отъ турецкаго господства, которое въ то же время угрожало и всей Западной Европѣ, на чемъ и основывалась обоюдность ихъ интересовъ. Раз-

¹⁾ *F. Lenormant*, *Turcs et Monténégrins*, pp. 95—115 и 331—334 и въ нашемъ соч. „Черногорія“, т. I, стр. 737—742.

ница, однако, въ томъ, что Западной Европѣ не было необходимости работать всѣми своими силами; у нея были свои особые интересы, предъ которыми заботы о туркахъ отступали на задній планъ, и, кромѣ того, изъ сношеній съ турками она извлекала свои выгоды; для Черногоріи же эта борьба была неизбѣжна, поглощала всю ея жизнь и всѣ силы, и ради нея она должна была поступаться многимъ передъ своимъ союзникомъ Венеціей, которая, эгоистично понимая свое положеніе, пользовалась черногорцами и толкала ихъ противъ турокъ для извлечения изъ того своихъ собственныхъ выгодъ на счетъ обоихъ. Отнимая у Черногоріи ея прежнія составныя части, Венеція старалась уничтожить всякую связь ихъ съ Черногоріей и съ этою цѣлью всѣми средствами искореняла въ нихъ православіе, а въ концѣ концовъ стремилась къ тому, чтобы основать свою власть и въ Черногоріи, какъ уже утвердила ее въ южномъ Приморьи съ Боккой и въ Далмаціи.

Владыки черногорскіе все это понимали и все-таки должны были держаться коварной республики и иногда даже лично отправлялись въ Венецію на поклоненіе, какъ просители. Племенные же черногорскіе главари врядъ ли и понимали это и, принимая отъ Венеціи подарки и даже постоянное жалованье, тѣмъ самымъ вступали въ обязательныя отношенія къ ней, придавая которымъ юридическій смыслъ и обликъ, республика ставила ихъ въ положеніе своихъ вассаловъ и даже подданныхъ ¹⁾).

Мало того: понимая, что владыкѣ, какъ представителю православія, не было возможности вступить въ какую нибудь сдѣлку на счетъ его съ державой, которая слишкомъ ревностно проявляла свой католицизмъ, республика въ этихъ племенныхъ главаряхъ подготавливала силу, съ помощью которой можно было вырвать высшую власть изъ рукъ митрополита. Съ этою же цѣлью по венеціанской инициативѣ въ 1718 г. въ Черногоріи учреждено было и *инвернадурство*, которое дѣйствительно выступило противъ владыки, и уничтожилось только тогда, когда Венецію замѣнила Австрія (оно было уничтожено владыкою Петромъ II въ 1832 г.).

Изъ всей исторіи Черногоріи мы видимъ, какъ тѣсно она была связана съ западомъ и особенно черезъ Венецію съ Италіей. При такихъ отношеніяхъ политическихъ, конечно, Италія должна была оказывать и вліяніе культурное.

¹⁾ „Черногорія“, т. I, стр. 529 — 536. „Отношенія къ Венеціи“ и въ приложеніяхъ, стр. 777—783, „Дипломы, данныя Венеціанскою республикой черногорскому народу“.

Что касается собственно Венеціи, то она, преслѣдуя исключительно свои торговыя цѣли, мало заботилась о культурѣ тѣхъ краевъ, которые эксплуатировала. Въ Далмаціи, гдѣ было полное ея господство, она за все то время не провела ни одной дороги, не ввела ни одного производства, чтобы дать обработку мѣстнымъ произведеніямъ; не посадила ни одной маслины, ни одного корня какого нибудь лучшаго сорта винограда, не думала объ улучшеніи породы скота. Напротивъ, мѣстную торговлю она стѣсняла тѣмъ, что далматинецъ не смѣлъ ничего своего продать нигдѣ, кромѣ Венеціи, а также и купить. Купившій сукно въ Дубровникѣ подвергался штрафу въ 500 дукатовъ; а свое сукно далматинцы обязательно должны были давать въ окраску только въ Венеціи, не смѣя того дѣлать дома; вывозъ же его не допускался нигде. Всякое ремесло и кое-какая домашняя индустрія были задавлены въ самомъ зародышѣ фискальными мѣрами славной Синьорин. Только и допускалось производство салныхъ и восковыхъ свѣчей для домашняго употребленія, а мыло, глиняную посуду обязательно было получать изъ Венеціи. Въ рыболовствѣ также были разныя стѣсненія: такъ сельдь до половины сентября могли продавать только въ Венецію, гдѣ платили за нее, что хотѣли. Нечего и говорить о больницахъ и учрежденіяхъ для бѣдныхъ; и только въ послѣднее время появляется кое-какая почта. Не имѣли права строить въ Далмаціи и большихъ судовъ, и вообще судоходство на Адриатикѣ было венеціанскою монополіей.

За то на католическую пропаганду не щадили средствъ и не стѣснялись въ выборѣ ихъ. Другою заботой Венеціи въ этихъ краяхъ было создать привилегированный классъ, который былъ бы во всемъ ей обязанъ, а потому и служилъ бы ей орудіемъ во всѣхъ ея цѣляхъ, какія бы онѣ ни были. Для этого она щедро раздавала титулы и различныя привилегіи, и отсюда въ этихъ краяхъ множество контовъ (conte) или графовъ, въ число которыхъ вполнѣдствіи попали многіе князья, то-есть, сельскіе старшины. Надѣленные привилегіями, эти люди вполнѣдствіи обращались въ итальянцевъ; а рядомъ съ тѣмъ шло, конечно, порабощеніе простыхъ мѣщанъ и поселянъ, которые единственно оставались славянами.

Въ этихъ грѣхахъ или, можно сказать, преступленіяхъ противъ челоуѣчества торговой республики мы не можемъ обвинять Италію вообще. Дубровникъ, благодаря тому, что успѣлъ стать на свои ноги, прежде чѣмъ Венеція завладѣла Адриатикой, представляетъ совершенно другое явленіе: подъ влияніемъ итальянской культуры съ

XIII вѣка онъ сильно развивается и въ XV и XVI столѣтіяхъ достигаетъ процвѣтанія во всѣхъ отношеніяхъ, и своею торговлею и индустріей является конкурентомъ Венеціи, которая и старалась всѣми средствами его уничтожить. Лучшие люди Дубровника, получая образованіе въ Италіи, пересаживали его на свою родную почву, и отсюда возникла богатая литература, которая, усвоивши только чужія формы, оставалась народною по языку, по духу и содержанию.

Культурное вліяніе Италіи до нѣкоторой степени распространялось и на Зету. Не имѣя точныхъ указаній относительно Бальшичей, мы знаемъ о Черноевичахъ, что они постоянно находились съ Италіей въ весьма тѣсной связи. Такъ, Стефанъ Черноевичъ до призванія его въ Зету, по смерти Бальши III, все время проживалъ въ Италіи. Иванбегъ также отправляется въ Италію, какъ въ страну, близкую ему по духу; онъ роднится съ знатною венеціанскою фамиліей Эрицо, что было бы невозможно, еслибъ его дворъ не представлялъ собою образованной среды. Наконецъ, лучшимъ доказательствомъ просвѣщенности Черноевичей служить Ободская типографія, до чего въ то время еще не додумались многіе въ остальной Западной Европѣ. Что зетскіе государи были просвѣщенные люди, не можетъ быть сомнѣнія; иначе Георгій Черноевичъ, вытѣсненный братомъ изъ Черногоріи и явившійся въ Италію, не могъ бы сдѣлаться правителемъ г. Бергама, а послѣ *proveditor in campo* подъ Александріей. Само собою разумѣется, что при нихъ должны были также находиться просвѣщенные люди, чему доказательствомъ служить первопечатникъ Макарій, а потомъ Божидаръ Вуковичъ.

Правда, все это осталось въ зачаткахъ; но тутъ виноваты внѣшнія обстоятельства: напоръ турокъ, на борьбу съ которыми пошли всѣ силы государства, и продолжительная война, которая потомъ Зету и ея послѣднюю опору Черную-Гору довела до совершеннаго одичанія.

Знатоки типографскаго дѣла удивляются прекрасному шрифту печатаннаго въ Ободской типографіи октоиха; это—благодаря Италіи, гдѣ въ то время искусство вообще стояло выше, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ. И въ послѣдующихъ изданіяхъ, выходившихъ уже въ Венеціи, но изъ рукъ тѣхъ же зетскихъ или черногорскихъ типографщиковъ, являются различныя украшенія въ заставкахъ, заглавіяхъ и начальныхъ буквахъ, также указывающія на вліяніе итальянскаго искусства. Потомъ то же самое мы находимъ и въ черногорскихъ ру-

копцяхъ до половины XVIII столѣтія. По свидѣтельству современниковъ, монастырь на Цетинѣ, основанный Иванбегомъ, и дворецъ представляли собою прекрасный архитектурный стиль. И все это рушилось и запустѣло, уступивъ мѣсто разгулу варварскаго меча и огня.

При такихъ отношеніяхъ политическихъ и культурныхъ, какія издавна существовали между Зетой съ Черногоріей и Италіей, естественно, что итальянская литература является главнымъ источникомъ для познанія Черногоріи. На первомъ планѣ стоятъ здѣсь документы, хранящіеся въ архивахъ Италіи, главнымъ образомъ, конечно, въ Венеціи: донесенія венеціанскихъ проведиторовъ и другихъ чиновниковъ, случайныя сообщенія и цѣлыя мемуары и записки.

Первый обратилъ вниманіе на эти источники Л. Ранке въ своей книгѣ „Die Serbische Revolution“ (Hamburg, 1829 г.); а далъ имъ надлежащую оцѣнку и показалъ ихъ значеніе В. Макушевъ въ своемъ сочиненіи: „Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для славянскій исторіи“ (С.-Пб., 1872 г.); затѣмъ онъ же издалъ „Monumenta historica“ и т. д. (Варшава, 1874 г.). Въ томъ же году вышло другое изданіе Юго-Славянскій академіи въ Загребѣ: *Monumenta spectantia historiam slavorum Meridionalium*“ и т. д. Прежде еще Янко Шафарикъ издалъ „Acta Archivi Veneti“, три тома въ Бѣлградѣ (1860 г.). Въ 1878 г. появляется изданіе Ф. Рачкаго въ Загребѣ („Монум.“ и т. д., „Vasta raccolta, importante non solo per la storia, ma per la geografia“). Онъ пользовался не одними венеціанскими архивами, но также римскими, неаполитанскими и др. Съ 1859—1863 г. въ „Архивѣ исторіи юго-славянъ“ подъ редакціей И. Кукулевича-Сакцинскаго печатались: „Branj Trattj dei diarj manoscritti di Marino Sanudo 1496—1533“, которыми объясняется исторія послѣднихъ Черноовичей. Полное описаніе Черногоріи мы находимъ въ сочиненіи Марина Болицы „Relatione et descrittione del Sangiacato del Scutari“ и т. д. 1614 г., о которомъ упоминаетъ еще Л. Ранке, а потомъ находимъ полное изданіе его въ сочиненіи Ф. Ленормана „Turcs et Monténégrins“, 1866 г., и позже въ „Старинахъ“, издаваемыхъ юго-славянскою академіею въ Загребѣ 1879 г. подъ редакціей С. Любича. Въ тѣхъ же „Старинахъ“, кн. XIV, 1882 г. и имъ же напечатанъ „Skadarski zemljšnik od g. 1416“, который сообщаетъ множество географическихъ названій и личныхъ именъ относительно Черногоріи.

Сочиненіе В. И. Ламанскаго — „Secrets d'état de Venise“. St.-Petersbourg, 1884, заключающее въ себѣ самое большое количество документовъ и снабженное очень важными примѣчаніями и объясненіями

автора, и въ добавокъ съ весьма обстоятельною статьею „Aperçu sur l'administration centrale et de l'état sociale de Venise au XVI-e siècle“, не относясь прямо къ Черногоріи, помогаетъ уясненію ея исторіи, такъ какъ касается ихъ ближайшихъ сосѣдей турокъ, адриатическаго приморья и острововъ греческихъ, а главное — представляетъ намъ во всей наготѣ ту систему, которой Венеція держалась все время по отношеію ко всѣмъ тѣмъ краямъ.

Попытку написать исторію всѣхъ славянъ, а главнымъ образомъ сербовъ, между которыми значительное мѣсто дается Зетскому государству, представляютъ два сочиненія, изданныя одновременно и принадлежація перу двоихъ дубровчанъ: Don Mauro Orbini Rauseo Abbate Militense — „Il Regno de gli Slavi hoggi corrottamente detti Schiavoni“, Pesaro, 1601, и Giacomo di Pietro Luccari, Gentiluomo Rauseo — „Copioso Ristretto degli annali di Rausa“, Venetia, 1605.

Исторія Георгія Кастріота Скандербега также очень тѣсно связана съ исторіею Зеты, такъ какъ господарь послѣдней Стефанъ Черноевичъ въ продолженіе 24 лѣтъ неразлучно былъ со Скандербегомъ, принимая со всѣми своими зетянами самое дѣятельное участіе въ войнѣ его противъ турокъ. Поэтому мы къ источникамъ исторіи Зеты должны отнести и сочиненіе Марина Барлеція Скадранина „De vita, moribus ac rebus praecipue adversus Turcas gestis Georgii Castrioti“ etc., Argentorati, 1573.

Есть сочиненія объ ускокахъ, которые играли важную роль вообще въ освободительномъ движеніи противъ турокъ, и для которыхъ Черногорія была убѣжищемъ и опорною точкой. Эти сочиненія: Minuccio Minucci (arcivescovo di Zara) — „Historia degli Uschochi coi progressi di quella gente sino all' a. 1602“ — Venetia, 1683; и Paolo Sargi — „Aggiunta all' historio degli Uschochi Minuccio Minucci sino all' a. 1613“. Ф. Рачки сообщаетъ еще одно сочиненіе на итальянскомъ языкѣ объ ускокахъ въ видѣ діалога, въ которомъ авторъ защищаетъ ихъ противъ различныхъ нападокъ (*Starine*, Zagreb, knj. IX, 1877). Наконецъ, извѣстное сочиненіе Фарлати „Illyricum Sacrum“, Venetiis, 1751—1800, 6 томовъ, полно извѣстій, относящихся къ Зетѣ, географическихъ и историческихъ, въ особенности относительно тамошнихъ церквей.

Къ итальянской литературѣ мы причисляемъ и нѣкоторыя сочиненія на латинскомъ языкѣ, потому что ихъ авторы итальянцы, или потому, что они изданы въ Италіи, гдѣ латинскій языкъ былъ когда-то учено-литературнымъ языкомъ.

Въ XIX столѣтіи къ итальянской присоединяется далматинская литература на итальянскомъ языкѣ, слѣдовательно тоже рассчитывавшая на читателей итальянцевъ. Тутъ мы встрѣчаемъ заслуженныя въ наукѣ имена Томазея, Валентинелли, гр. Карачая, Фр. Петтера и др. Послѣдній въ своемъ сочиненіи „*Compendio geografico della Dalmazia*“ (Zara, 1834) Черногорію отводитъ 41 стр. (209—250), на которыхъ даетъ всестороннее и весьма обстоятельное описаніе страны и народа. Немного позже появляется другое описаніе Черногоріи D-r Bartol. Biasoletto—„*Relazione del viaggio fatto nella primavera 1838 dallo Maesta del Re Frederico Augusto di Sacsonia*“ и т. д. (Trieste, 1841; in—8° 264).

Очень много занимались Черногоріей и журнальчики, выходившіе въ то время то же на итальянскомъ языкѣ въ Далмаціи. Для примѣра возьмемъ *Osservatore Dalmato*, 1853 г. Въ № 12 въ приложеніи: „*Il Montenegro*“, дается географическое описаніе Черногоріи; другая статья: „*I Montenegrini ed i turchi*“—исторія борьбы черногорцевъ съ турками отъ стараго времени до разоренія Цетиньи, 1623 г., въ №№ 14, 17 и 23; въ № 15—„*Da posizione dell' Austria rimpetto agli avvenimenti del M.*“, три полныхъ столбца по поводу статьи Wiener Lloyd.; въ № 16—„*Sul Montenegro*“, извлеченіе изъ Віаллы де Сомьеръ, 6 столбцовъ; въ № 18: „*Dai confini del Montenegro*“; по нѣсколько нумеровъ подрядъ бывають посвящены современнымъ дѣламъ Черногоріи, во время ея борьбы съ Турціей; иногда тому посвящены обстоятельныя передовыя статьи. Также относились къ Черногоріи и другія изданія, какъ: *Strenna Triestina*, 1848; *Lettura di famiglia*, 1851; *Gazetta di Zara*, 1844—1845; *Favilla Trieste*, 1842.

Въ этомъ послѣднемъ періодѣ, то-есть, съ XIX столѣтія, начинаютъ писать о Черногоріи французы, познакомившіеся съ нею во время ихъ пребыванія въ Далмаціи и Боккѣ съ 1806—1813 гг. Первымъ былъ Viallo de Sommières, комендантъ Кастельнова, губернаторъ Которской провинціи, начальникъ штаба 2-й дивизіи иллирійской арміи въ Рагузѣ, съ 1807—1813 г.; онъ издалъ свое сочиненіе о Черногоріи подъ заглавіемъ „*Voyage historique et politique au Monténégro*“ въ двухъ томахъ (Paris, 1820) съ картою. Оно даетъ намъ самое подробное описаніе Черногоріи, которымъ пользовались всѣ послѣдующіе писатели до 70-хъ годовъ, и этимъ опредѣляется его значеніе. Замѣчательно, что въ описаніи нравовъ и обычаевъ черногорцевъ онъ цѣлкою беретъ такое же описаніе леорлаковъ у аббата А. Фортиса—„*Viaggio in Dalmazia*“ (Venezia, 1774 г.). Боль-

шой бѣды въ томъ не было, такъ какъ въ этомъ отношеніи между тѣми и другими дѣйствительно большое сходство ¹⁾. Къ тому же времени относятся записки герцога Мармона (Duc de Raguse) съ 1792—1832 г., изданныя въ 1857 г.; въ нихъ находится довольно много для характеристики тогдашняго владыки Петра I и политическаго значенія Черногоріи.

Намъ нѣтъ надобности останавливаться на этой литературѣ, такъ какъ она у насъ извѣстна, и ею пользовались многіе изъ нашихъ писателей. Довольно будетъ указать имена авторовъ, какъ Cyprien Robert, Margnier, Ubicini, Chopin, Lenormant, Lejean, H. Hecquard, Delague, Frilley et Wlahovits, Yriarte и др. Одни изъ нихъ, какъ Ленорманъ, Деларю, Фрилей, пишутъ спеціально о Черногоріи, а другіе берутъ ее вмѣстѣ съ другими странами Балканскаго полуострова, удѣляя, однако, ей значительное мѣсто и большое вниманіе. Во всѣхъ ихъ найдете географію, исторію и нравы народа, больше всего, конечно, о военныхъ дѣлахъ съ турками. Нѣмцы также имѣютъ нѣсколько серьезныхъ описаній Черногоріи какъ Kohl, Stieglitz, Ebel, а въ новѣйшее время Tietze, Schwarz, Hassert и др. Кромѣ того, въ нѣмецкой литературѣ переводятся всѣ важнѣйшія сочиненія о Черногоріи на другихъ языкахъ, и при томъ почти тотчасъ по ихъ выходѣ.

Англичане также имѣютъ очень важныя сочиненія своихъ путешественниковъ и серьезныхъ наблюдателей, какъ G. Wilkinson, Mackenzie и Irby, Denton, Evans, O'Donovan, Cozens-Hardy и др.

Мы, русскіе, позже всѣхъ другихъ узнаемъ о Черногоріи и черногорцахъ; но у насъ тотчасъ же устанавливается съ ними связь такая, какой не было у нихъ ни съ кѣмъ изъ другихъ народовъ, и которая между нами никогда не прерывалась. Въ основаніе этой связи положено было начало нашей единоплеменности и единовѣрія, а цѣлью поставлена была борьба за эти начала, въ которой мы обязываемся помогать другъ другу. Несмотря, однако, на такую прочную связь, сношенія у насъ не тѣсныя, можно сказать, только официальныя. Виновато въ этомъ географическое положеніе, слишкомъ большое пространство, раздѣляющее насъ, и совершенное отсутствіе прямыхъ путей сообщенія. Нѣкоторые черногорцы совершали свой путь въ Россію пѣшкомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

При такой трудности сообщеній и вытекающей изъ того рѣдко-

¹⁾ Богѣ подробную оцѣнку сочиненія Виллы можно найти въ нашемъ сочиненіи „Черногорія“, т. I, стр. 840—845.

сти сношеній мы очень мало знали Черногорію, и наши архивы представляютъ также очень мало матеріала для исторіи этихъ сношеній.

Правда, по повелѣнію Петра Великаго у насъ была переведена и напечатана въ Петербургѣ въ 1722 г. „Книга исторіографіи початія имене, славы и разширенія народа славянскаго, и ихъ царей и владѣтелей“ и т. д. „Господина Мавроурбіно, Архимандрита Рагужскаго“, въ которой нѣсколько страницъ (243—248) посвящено Зетскому государству, но о Черногоріи тамъ нѣтъ ничего; да и вообще эта книга не была для общаго чтенія и потому скоро предана была забвенію. А между тѣмъ, въ журналѣ *Вѣстникъ Европы* 1805 г. (№№ 7 и 8) мы встрѣчаемъ статью „Жители области Монтенегро, или черногорцы“, очевидно, почерпнутую изъ иностранной литературы. Въ этой статьѣ послѣ описанія географическаго положенія страны говорится, что черногорцы—„народъ дикій; земледѣле и скотоводство составляютъ ихъ единственное упражненіе; они не имѣютъ ни городовъ, ни деревень; каждое семейство живетъ въ отдѣльной хижинѣ; говорятъ славяно-иллирійскимъ нарѣчіемъ; подчинены митрополиту“. Потомъ слѣдуетъ описаніе битвъ черногорцевъ съ турками.

Какъ ни скудны эти свѣдѣнія, заимствованныя при томъ изъ чужаго источника, мы видимъ въ этомъ знакъ пробуждающагося и у насъ интереса къ Черногоріи.

Въ томъ же журналѣ за 1817 г. (ч. 93, стр. 9—73) опять находимъ статью „Нѣсколько словъ о черногорцахъ“ (отрывокъ изъ письма Е. М. Макарова); потомъ въ 1821 г. (ч. 118, стр. 14—130) „О торжественномъ обрядѣ примиренія (изъ-за кровавой мести) у черногорцевъ“, взятое у Віаллы-де-Сомьеръ; а затѣмъ рядъ статей о сербской поэзи, о гайдукахъ, о дѣлахъ Сербіи и т. д. ¹⁾.

Все это, однако, дѣлается по чужимъ источникамъ, главнымъ образомъ по Вуку Стеф. Караджичу, который въ то время началъ писать о сербахъ и издавать альманахъ „Даница“.

Странно только, что нигдѣ не упоминаются „Записки морскаго офицера съ 1805—1810 г.“ В. Броневскаго (С.-Пб., 1818 и 1819 г.), въ которыя входятъ личныя наблюденія автора въ Черногоріи, въ то время, когда онъ съ нашимъ флотомъ подъ предводительствомъ вице-адмирала Д. Г. Сенявина находился въ Боккѣ-Которской и отдѣльно совершилъ экскурсію на Цетинье; а между тѣмъ пользуются

¹⁾ Ссылку на *Вѣстникъ Европы* мы дѣлаемъ по „Указателю“ М. Полуденскаго, Москва, 1861 г.

сочиненіемъ Вιάллы-де-Сомьеръ, которое вышло позже, въ 1820 г. Это показываетъ, что нашъ интересъ былъ случайный, пробуждавшійся лишь подъ влияніемъ того, что обращало на себя вниманіе иностранной литературы. Въ этомъ направленія до недавняго времени идти и послѣдующее наше знакомство съ Черногоріей; самостоятельнаго и оригинальнаго относительно Черногоріи въ нашей литературѣ очень мало.

Изъ людей, научно подготовленныхъ, первый совершилъ путешествіе въ Черногорію въ 1842 г. А. Н. Поповъ, книга котораго и нынѣ не потеряла своего значенія („Путешествіе въ Черногорію“, С.-Пб., 1847 г.); Е. П. Ковалевскій, два раза посѣщавшій Черногорію съ миссіей политическо-дипломатическою (въ 1841 и 1854 гг.), оставилъ также прекрасные очерки изъ исторіи и жизни Черногоріи „Черногорія и славянскія земли“, С.-Пб., 1872 г., въ двухъ книжкахъ), которые больше всѣхъ другихъ сочиненій возбудили въ Россіи интересъ къ Черногоріи; В. Макушевъ, бывшій сначала консуломъ въ Дубровникѣ, а послѣ профессоромъ въ Варшавскомъ университетѣ, въ книгѣ своей „Задунайскіе и Адриатическіе славяне“ (С.-Пб., 1867 г.) посвятилъ Черногоріи 100 страницъ и, кромѣ того, написалъ весьма цѣнную статью о самозванцѣ Степанѣ Маломъ (*Русскій Вѣстникъ*, 1869 г., въ трехъ книгахъ); К. Петковичъ, также бывшій консуломъ въ Дубровникѣ (въ 1868 г.), написалъ очерки Черногоріи его времени (С.-Пб., 1877 г.). Профессоръ П. А. Лавровскій былъ въ Черногоріи въ 1860 г., но только черезъ 10 лѣтъ послѣ того прочиталъ въ Варшавѣ нѣсколько публичныхъ лекцій о Черногоріи, которыя послѣ того были напечатаны въ *Русской Вѣстнѣ* 1871 г. Отдѣльно въ 1842 г. были напечатаны „Записки кн. Ю. В. Долгорукова въ 1769 г.“, перепечатанныя потомъ подъ другимъ заглавіемъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1886 г. (№ 4).

Вотъ и все, что представляетъ русская литература относительно Черногоріи до послѣдней турецкой войны или до 1875 года, когда началось герцеговинское возстаніе, перешедшее потомъ въ открытую войну съ Турціей.

Съ этого времени стали и у насъ писать больше о Черногоріи. Но во всемъ этомъ капиталный трудъ составляетъ только соч. П. А. Лаврова „Петръ II Петровичъ Нѣгошъ“ (Москва, 1887 года); а то все небольшія статьи, между которыми многія принадлежать перу черногорцевъ, воспитывавшихся въ разныхъ заведеніяхъ Россіи, какъ Д. Бакичъ, братья М. и Ж. Драговичи, И. Ю. Поповичъ-Липовацъ; по-

слѣдному принадлежитъ довольно большая и занимательно составленная книжка подъ заглавіемъ „Россія и Черногорія“ (С.-Пб., 1883 года).

Кое-что о Черногоріи можно найти въ соч. А. Кочубинскаго „Мы и они“, Одесса, 1878 года. Дѣльныя статьи А. С. Будиловича „Очеркъ современнаго положенія Черногоріи“ (Славянскій ежегодникъ, Кіевъ, 1876 года, стр. 172—182) и В. Жмакина „Россія и Черногорія въ началѣ XIX вѣка“ (*Древняя и Новая Россія*, 1881 года, кн. 3, стр. 407—454). Сочиненіе Н. Каульбарса „Замѣтки о Черногоріи“, С.-Пб., 1881, 154 стр., кромѣ географическаго описанія и оцѣнки стратегическаго значенія границъ, заключаетъ въ себѣ фауну Черногоріи. Недурна компиляція С. Дроссарда „Черногорія“, С.-Пб., 1877, заключающая въ себѣ исторію и современную жизнь Черногоріи, составленная по исторіи Милоковича и соч. Фрилея „Современная Черногорія“. Компилятивную же работу представляетъ „Россія и Черногорія“ Н. Л. Ширяева (С.-Пб., 1889, 87 стр.) съ интереснымъ эпизодомъ о посылкѣ въ Черногорію совѣтника Пучкова. Есть стремленіе и популяризовать Черногорію въ русскомъ обществѣ посредствомъ маленькихъ статей и брошюръ, къ числу которыхъ относимъ произведенія В. А. Васильева, члена С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, И. В. Савельева („Черногорія“ въ чтеніи для солдатъ, 1880 года), Е. Свѣшниковой („Черногорія, Боснія и Герцеговина“ въ „Сборникѣ статей и разказовъ для юношества“, 1877 года), А. Студитскаго („Черногорія“ въ „Московской медицинской газетѣ“, 1880 года) и др.

Особенное вниманіе всего просвѣщеннаго міра обратила на себя Черногорія празднествомъ четырехсотлѣтія первой, напечатанной въ Ободской типографіи (въ Черногоріи) книги, Октоиха, въ 1493 году. Это показало и напомнило свѣту довольно высокое культурное развитіе Черногоріи въ ту отдаленную эпоху и привлекло въ нее множество посѣтителей изъ цѣлой Европы, между которыми, само собою разумѣется, было достаточно представителей и русской науки. Объ этой типографіи и вообще по поводу празднества со стороны русскихъ вышло нѣсколько статей и брошюръ. Двухсотлѣтній юбилей владѣтельнаго дома Петровичей-Нѣгошей, скромно, семейно отпразднованный на Цетиньѣ 2-го января текущаго года, также вызвалъ нѣсколько сочиненій, посвященныхъ исторіи и прославленію черногорской династіи, между которыми есть и русскія: П. А. К—скаго, „Юбилей князей-Нѣгошей въ Черногоріи“ (Москва, 1896, in—16°, 83) и А. И. Александрова „Исторія развитія духовной жизни Черной-Горы и князь-

поэтъ Николай I⁴, (Казань, 1895 года, in 8°, 82); у французовъ къ тому же моменту приваровлено сочиненіе P. Coquelle—„Histoire du Monténégro et de Bosnie“ и т. д., Paris. 1895, in 8°, V+490; а у англичанъ William Miller—The Balkans, Rumania, Bulgaria, Servia and Montenegro. London, 1896, in 8°, XIX+468; при чемъ Черногорія посвящено болѣе 100 стр. (353—468). Въ Италіи по тому же поводу сдѣлано изданіе документовъ, относящихся къ исторіи Данила, перваго владыки изъ дома Петровичей: „Il Montenegro da relazioni dei Provueditori Veneti (1687—1735)“, Roma, 1896, больш. in 8, XVIII+154, роскошное изданіе. Оно сдѣлано по приказанію итальянскаго короля „a spese della real casa, a cura di Ferdinando Ongania“, со множествомъ fac-simile, со снимками печатей, гербовъ и рисунками.

Послѣ мы еще воротимся къ этому изданію; а покуда остановимся на томъ, что вообще вышло въ итальянской литературѣ относительно Черногоріи въ новѣйшее время, какъ то сдѣлали по отношенію къ другимъ литературамъ.

До послѣдней войны въ Италіи не обращали большаго вниманія на Черногорію; съ паденіемъ Венеціанской республики и утратою для Италіи восточныхъ береговъ Адриатики какъ бы прерываются всякія сношенія ея съ этими краями. Итальянцы мало и посѣщаютъ Черногорію, и все, что писалось о ней на итальянскомъ языкѣ, принадлежитъ далматинцамъ, на что мы уже указали выше. Совершенно уединенно является сочиненіе Vedovi—„Cenni sul Montenegro“, Мадрида, 1869 г.

Но послѣдняя война вдругъ пробудила это вниманіе. Когда началось герцеговинское возстаніе въ 1875 году, въ Италіи держались сочувственные ему митинги, и составилъ цѣлый отрядъ добровольцевъ, который оставался въ Черногоріи во время герцеговинскаго возстанія. при чемъ онъ принималъ участіе во всѣхъ битвахъ ¹⁾).

Съ того времени между итальянцами и черногорцами завязались очень симпатичныя отношенія, что отражается и на литературѣ. Какъ разъ во время войны является сочиненіе A. Serristori — „La Costa Dalmata e il Montenegro durante la guerra del 1877. Noti di viaggio“, Firenze, 1877. Послѣ войны сочиненіе A. Brunialti—„Gli eredi della Turchia. Studi di geografia politica e economica sulla questione d'oriente“, Milano, 1880; съ особеннымъ вниманіемъ авторъ останавливается на исторической роли сербовъ и черногорцевъ, при чемъ даетъ очень

¹⁾ См. соч. Vico Mantegazza—„Al Montenegro“ и т. д., 1896, стр. 128—136.

симпатичную характеристику тѣхъ и другихъ; а затѣмъ, обсуждая планъ истро-балканской федераціи, не безъ участія къ нимъ высказывается такъ: „Въ концѣ концовъ имъ предстоитъ необходимость войти въ союзъ съ другими государствами (*federarsi con altri stati*), или прибѣгнуть къ протекторату Австріи“, которая такъ ловко успѣла уже завладѣть Босніей и Герцеговиной (стр. 255—259). Во время и тотчасъ послѣ войны итальянскій консулъ Дурандо всегда дѣйствовалъ въ пользу Черногоріи; въ томъ же направленіи дѣйствовалъ и итальянскій делегатъ при разграниченіи между Черногоріей и Турціей, полковн. ген. штаба G. Ottolenghi, онъ написалъ сочиненіе „*Il Montenegro prima e dopo il trattato di Berlino*“, Roma, 1881 (изъ *Rivista Militare Italiana*). Опѣивая границы Черногоріи съ точки зрѣнія политической, онъ приходитъ къ заключенію, что черногорцы своею старую доблестью въ состояніи защитить себя отъ всякаго непріятеля. „Но, пока не переменятся обстоятельства, они поставлены въ такое положеніе, что должны отказаться отъ всякой надежды на возможность внять голосу и подать руку своимъ братьямъ славянамъ Герцеговины и Новобазарскаго санджака“.

Въ другомъ журналѣ *Rivista Maritima* (январь 1881) напечатана статья E. Tergesti „*I porti del Montenegro*“, взывающая къ устройству этихъ портовъ и указывающая въ томъ необходимость для Черногоріи, чтобы выйти изъ зависимости отъ Австріи. Отъ этихъ сочиненій, вызванныхъ политическими соображеніями, перейдемъ вообще къ сочиненіямъ о Черногоріи.

V. Vannutelli—„*Zernagora, viaggi al Montenegro*“, вышедшее въ Римѣ въ 1886 году, издается вновь въ 1893 году. Въ сочиненіи „*Il Mediterraneo pittoresco, descritto da celebri viaggiatori ed illustrato da molti artisti*“, Milano, 1892, дается мѣсто и Черногоріи; то же и въ сочиненіи Lago Valentino—„*Memorie sulla Dalmazia*“, Venezia, 1870. Переведены также на итальянскій языкъ сочиненія Ириарта: „*Il Montenegro*“, Milano, 1878, и „*Le rive dell' Adriatico*“ и т. д. 1883 года.

У Domenico Ciampoli въ сочиненіи „*Studi letterari*“, Catania, 1891, находится статья „*La poesia del Montenegro*“ (стр. 171—188), то же и въ другомъ сочиненіи „*Letterature slave*“, Milano, 1889; въ 1896 году онъ же помѣстилъ статью „*La poesia nel Montenegro*“ въ „*Nuova Antologia*“. A. Baldacci, молодой ученый, три раза посѣщалъ Черногорію для изученія ея флоры, начиная съ 1886 года, и издалъ нѣсколько сочиненій, въ которыхъ къ ботаническимъ изслѣдованіямъ при-

иѣшиваются и наблюденія вообще природы и жизни Черногоріи, а наконецъ эти послѣднія собралъ онъ и издалъ отдѣльною книжкой подъ заглавіемъ „Stnagoa — Memorie di un botanico“, Bologna, 1897, мал. in—8°, 100.

Въ 1885 году однофамилецъ его L. Baldacci, профессоръ Флорентинскаго университета, по желанію князя Николая, командированъ былъ своимъ правительствомъ для геологическаго изслѣдованія Черногоріи, произведя которое онъ сообщилъ о результатахъ его въ одномъ изъ специальныхъ итальянскихъ журналовъ; но намъ оно извѣстно только по его донесенію князю въ рукописи на французскомъ языкѣ: „Étude des gites minéraux du Monténégro“, которое потомъ было переведено въ черногорскомъ журналѣ *Просвѣта* за 1890 годъ.

Больше же всего писалось въ Италіи о Черногоріи въ 1896 году по случаю помолвки, закончившейся бракосочетаніемъ черногорской княжны Елены съ итальянскимъ наслѣднымъ принцемъ Викторомъ-Эммануиломъ. Не одна сотня итальянцевъ за это время перебивала на Цетинѣ; были депутаціи въ 40 и до 70 человекъ. Это были люди самыхъ разнообразныхъ занятій и положеній, которыхъ объединяло общее одушевленіе, охватившее тогда всю Италію. Въ числѣ посѣтителей больше всего было представителей интеллигенціи, которая путешествіемъ въ Черногорію воспользовалась для удовлетворенія своей любознательности, для ознакомленія со страной, славною геройствомъ своихъ сыновъ и въ то же время очень оригинальною и романтичною. Тутъ же было много корреспондентовъ отъ разныхъ журналовъ и вообще людей пера.

Поэтому, кромѣ обычныхъ привѣтственныхъ произведеній въ стихахъ и прозѣ, появилось множество корреспонденцій, авторы которыхъ передаютъ своимъ землякамъ вынесенныя ими изъ путешествія впечатлѣнія и наблюденія. Среди этого излившагося на Черногорію дождя литературныхъ произведеній, большая часть которыхъ, выражая только моментальное настроеніе, также быстро и забудется, совершивъ свою задачу въ общемъ, массовомъ движеніи, — есть и такія, которыя, будучи приурочены также къ одному моменту, выполняютъ болѣе серьезную задачу ознакомленія и сближенія между собою двухъ народовъ. Чтобы разобратъся, однако, въ этой массѣ сочиненій, нужно жить въ Италіи, гдѣ они выходятъ. Мы же по нѣсколькимъ, болѣе выдающимся сочиненіямъ, можемъ только уловить направленіе и до нѣкоторой степени опредѣлить смыслъ и значеніе этой литературы.

Всего яснѣе это можно опредѣлить по изданіямъ не одного автора

и составленныѣ изъ различныхъ статей. Таково: „La Vita Italiana“, Roma, XXIV ottobre, 1896; больш. in—8°, 78+XIX, въ которомъ находятся слѣдующія статьи: 1) „Vittore Emanuele di Savoia principe di Napoli“ и „Elena Petrovich Njegos principessa di Montenegro“, обѣ статьи отъ редакціи съ прекрасными портретами обоихъ; 2) „La Corte Italiana“—Ugo Pesci (исторія Савойскаго дома) и 3) „Il Montenegro“—Vittorio Fiorini; географическое описаніе Черногоріи и ея исторія, съ портретами князя Николая и княгини Милены, съ нѣсколькими типичными видами внутри текста и съ картою, сдѣланною г. Дардано; 4) „Le Ninfe del Montenegro — Il Mito delle Vile“, D. Ciampoli; 5) стихотвореніе, или, вѣрнѣе, пѣсня на сербскомъ языкѣ, посвященная княжѣ Еленѣ Петровицъ; рядомъ переводъ на итальянскій языкъ; и подписано имя Corrado Niccolini; это — превосходное подражаніе народной сербской пѣснѣ по складу и духу съ весьма немногими ошибками, изобличающими въ авторѣ не настоящаго серба; 6) „La Real Basilica di San Nicolo in Bari“ — Ettore Bernich и „Santa Maria degli Angeli alle Terme Diocleziane“ (гдѣ происходило вѣнчаніе княжны Елены съ Викторомъ-Эммануиломъ)—Guido Chialvo; 7) Отрывокъ изъ приведеннаго нами выше сочиненія Р. Біазолетто „Viaggio di Federico Aug. Re di Sassonia nel Montenegro“, 1841; 8) Библиографія Черногоріи — Annibale Tenneroni, насчитывается 158 сочиненій; 9) Черногорскій гимнъ (ноты для фортепiano и голоса), и въ заключеніе 10) „Augurii di Scrittori Italiani agli Augusti Sposi“.

Другое изданіе отъ „Rivista Militare Italiana“: „Nelle Auguste Nozze“ и т. д. 24 ottob. 1896, Roma, in—8°, 135. Это также роскошное изданіе съ портретами, рисунками, чертежами и картами. Послѣ обычнаго посвященія высочайшимъ молодымъ слѣдуетъ статья: „Il Montenegro. Cenni geografici e storici“. Далѣе идетъ замѣтка (Note), въ которой указывается на сходство исторической роли Савойскаго дома и Пьемонта съ домомъ Петровичей въ Черногоріи, и какъ бы въ доказательство этого на фактахъ слѣдуютъ статьи: „La difesa alpina ed i principi di Casa Savoia nel XVIII secolo“, составилъ colonelle Cecilio Fabris; а затѣмъ изъ исторіи Зеты и Черногоріи: „Pagine di storia militare veneto-montenegrina“, въ которой послѣ объясненія отношеній Зеты къ Венеціи, идутъ отдѣльныя статьи: „L'assedio di Scutari“ (1474г.); „I Zernovich a Venezia“, (1496 г.) и „L'ultimo capitolo delle guerre dalmatiche“ (1797 г.)—Eugenio Barbarich.

Въ обоихъ этихъ изданіяхъ, во всѣхъ статьяхъ главнымъ обра-

зомъ видно стремленіе къ сближенію Италіи или собственно Савоіи и Черногоріи съ ихъ владѣтельными домами. То же самое преслѣдуется и въ отдѣльныхъ книгахъ, какъ Carlo Arner — „Savoja e Montenegro. Saggio critico, storico e politico“, Milano, 1896, роскошное изданіе со множествомъ иллюстрацій, хотя содержаніе и не отвѣчаетъ заглавію и наружности.

Вообще же итальянская литература въ сильной степени предалась ознакомленію Италіи съ Черногоріей во всѣхъ отношеніяхъ: Antonio Martini пишетъ: „Il principato del Montenegro. Sommario storico documentato“, Torino, 1896; Giuseppe Marcotti — „Il Montenegro e le sue donne“, Milano, 1896; Mario Borsa — „Lettere del Montenegro“, Bergamo, 1896, и Vico Mantegazza — „Al Montenegro. Note ed impressioni“, Firenze, 1896 — оба сочиненія предають личныя наблюденія авторовъ во время ихъ путешествія по Черногоріи, со множествомъ иллюстрацій и даютъ довольно вѣрное понятіе о ея современномъ состояніи; особенно выдается серьезностью и правдивостью сочиненіе Борсы.

Не входя въ литературную оцѣнку всѣхъ этихъ произведеній и не вдаваясь въ дальнѣйшіе поиски въ литературѣ Италіи за это время, мы можемъ на этомъ остановиться, чтобы можно было уяснить себѣ проявившіеся въ нихъ смыслъ и тенденцію.

Самый драгоцѣнный знакъ вниманія Италіи къ Черногоріи представляетъ упомянутое выше изданіе документовъ. И, кромѣ этого роскошнаго и цѣннаго изданія, король Италіи послалъ князю Черногоріи еще множество документовъ, ненапечатанныхъ, а только извлеченныхъ и переписанныхъ тѣмъ же Фердинандомъ Онганья и относящихся ко времени болѣе старому; и это собраніе, по нашему мнѣнію, имѣетъ еще больше исторической важности, такъ какъ относится къ болѣе темной эпохѣ. Покуда же богатый источникъ представляютъ и напечатанные уже документы, на чемъ и остановимся немного.

Не представляя новыхъ крупныхъ фактовъ, они полны свѣдѣній относительно различныхъ племенъ, съ которыми республика находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ и тѣсныхъ связяхъ, платя жалованье ихъ главарямъ и отъ времени до времени снабжая ихъ боевыми припасами, чтобы, когда будетъ нужно, поднять ихъ противъ Турціи. Въ документахъ этихъ встрѣчается множество названій географическихъ и личныхъ именъ, которыми можно воспользоваться для исторіи тѣхъ племенъ, хранящейся еще покуда въ народномъ преданіи и нуждающейся для точности и вѣрности въ установленіи хронологіи.

Особенно выдается въ нихъ значеніе Кучъ; а также видно, что сношенія Венгріи шли далеко за предѣлы Зетской державы и доходили до племени Дробниковъ, до Никшича, Банянь, Рудинъ и др.

Въ распредѣленіи числа документовъ по годамъ можно видѣть, когда больше всего были затронуты интересы республики, и сообразно съ тѣмъ усиливалась ея дѣятельность въ тѣхъ краяхъ и сношенія съ ними. Такъ, 19 документовъ относятся къ 1687 г., когда съ помощью Черногоріи и герцеговинцевъ изгнали турокъ изъ Новаго (Castel Nuovo). Затѣмъ самое большое число документовъ относится къ періоду съ 1687 до 1893 г., всего 97, на 96 страницахъ. Этотъ періодъ дѣйствительно составляетъ весьма важный моментъ въ исторіи сношеній Черногоріи съ Венеціей.

Помогая послѣдней, Черногорія сильно раздражила противъ себя турокъ, которые теперь обратили противъ нея всѣ свои силы. Но черногорцы, увлекаемые въ сторону своекорыстной венеціанской политики своими главарями и потомъ не видѣвшіе въ томъ никакой пользы, а скорѣе ясно видѣвшіе худыя послѣдствія того для себя, охладѣли къ этимъ дѣламъ и не хотѣли больше помогать ни главарямъ своимъ, ни владыкѣ. А между тѣмъ турки рѣшительно собирались напасть на Цетинье. Находясь въ такомъ положеніи, владыка и главари пишутъ генеральному проведитору Далмаціи Іерониму Корнеро письмо, въ которомъ его величаютъ такъ¹⁾: „Пресвѣтлому, и превозвышенному, и могучему, и пречасному господину и государю (имя), кавалеру провидуру и прокуратору генералу Далмаціи и Албаніи—отъ насъ, бискупа цетинскаго, и всѣхъ князей черногорскихъ“. Въ этомъ письмѣ прежде всего упоминается, какъ еще прежде того „отъ всего черногорскаго сбора“ приходили въ Новый старѣйшины съ письмомъ, которое составили въ Цетиньѣ; вотъ въ точности слова этого письма: „Какъ се лѣтось бѣше искупила сва Црна-гора, да будемо едно и заедно свудъ (вездѣ) и *вѣрни подложници преведрога юсподина принципа* и вашего пресвѣтлога господара, *кому смо пристутили одъ наше добре воле исподъ рука турске*“, вслѣдствіе чего и поднялся изъ Скадра Сулейманъ-паша, котораго, однако, отбили съ помощью венеціанскою въ лицѣ Зана Грбичича, а теперь опять ожидаютъ нападенія и опять просятъ послать имъ этого Грбичича, при чемъ объясняютъ: „докле смо били подъ турцима, вазде смо нихъ (Грбичича) кутѣ били, и добре намъ е чинила кутя Грбичича, а

¹⁾ Правописаніе и языкъ не соблюдаетъ вполне.

садъ *пошто смо дошми подъ крило принципово*, тако разуміемо да люби Грбичиче и остала земля, и ми црногорци любимо ихъ и *држимо за наше господаре, да намъ заповідаю вазде, докле нихъ кутя буде*". Въ заключеніе, въ виду новаго нападенія Сулеймана-паши, просятъ послать „одно сто людихъ овуде у манастирь двіе купаніе да чува ове кувине; е (такъ какъ) кадь би се огласило да овде стое платьени люди, с миромъ би стаяла ова земля и не би мого непріатель ништо наудити“¹⁾.

Въ этомъ письмѣ цетинскій епископъ съ главарями ясно признають себя *подложниками* (подданные, sudditi) венеціанскаго дожа и, сверхъ того, просятъ дать имъ Грбичича правителемъ пожизненно и съ наслѣдственностью въ его домѣ; съ нимъ вмѣстѣ послать сотню солдатъ для охраненія монастыря отъ турокъ, которые будто бы боятся ихъ больше, чѣмъ черногорцевъ.

Вслѣдствіе такого настоятельнаго прошенія 18-го ноября 1688 г. на Цетинье посылается Антонио Болица съ значительнымъ отрядомъ (con un buon corpo di gente), какъ губернаторъ того края; а отъ 13-го декабря того же года (стр. 40) получается донесеніе о трехкратномъ отраженіи Сулеймана-паши, чѣмъ обезпечивается господство республики надъ цѣлою Черногоріей (dominio di tutto Montenegro).

Войско венеціанское состояло частью изъ итальянцевъ, которыхъ можно разумѣть подъ именемъ *oltramagini*, и людей, набранныхъ изъ подвластнаго Венеціи Приморья. Этимъ послѣднимъ полагалось въ жалованье только по 10 сольдовъ на день, въ видахъ экономіи, какъ говорится въ одномъ изъ донесеній (29-го ноября 1688 г.); черногорцамъ же въ тѣхъ же видахъ не давалось ничего деньгами, а только отпускалась 1 либра хлѣба, часть сухарями и часть мукой.

Приняты были и другія мѣры противъ непріателя. Такъ, для диверсіи посланы были галей подъ Баръ и Ульцинь, находившіесе тогда уже въ рукахъ турокъ.

Въ приготовленіяхъ этихъ и отдѣльныхъ схваткахъ прошло нѣсколько лѣтъ; наконецъ Сулейманъ-паша идетъ на Цетинье съ 8.000 войска, имѣя въ резервѣ еще 4.000, и съ нимъ два сильныхъ племени Кучи и Клименты, *gente valorisissima*. Противъ нихъ собрались только Рѣцкая нахія и Цермница; но и тѣ уступили въ виду подавляющей многочисленности непріателя. Поэтому 25-го сентября

¹⁾ Письмо это съ fac-simile напечатано въ упомянутомъ собраніи документовъ на стр. 62 и 63.

новаго стила 1692 г. турки безъ большихъ препятствій достигли Цетинья, которое тогда же и подверглось первому, со времени перенесенія туда Иванбегомъ столицы Зетскаго государства, разгрому.

Какъ происходило дѣло, сообщается въ 9-ти донесеніяхъ, занявшихъ почти 12 страницъ (89—101). Донесенія эти полны подробностей; но въ нихъ не достааетъ главнаго: не видно, какое участіе принималъ народъ, да и принималъ ли? Въ одномъ мѣстѣ говорится о мѣстныхъ жителяхъ, что они „*si sono vilmente ritirati senza meno li primi esperimenti di resistenza*“ (стр. 90); въ другомъ также говорится о „*vilto da paesani pavidı dal nemico*“ (стр. 92); и еще въ одномъ приводится въ оправданіе проведитора, что онъ не могъ ничего сдѣлать „*havendolo abbandonato tutti li paesani, e nuovi, e vecchi sudditi*“ (стр. 99).

Изъ всего этого ясно, что народъ не принималъ участія въ защитѣ Цетинья противъ турокъ, потому что не хотѣлъ помогать чужимъ людямъ, которые самовольно пришли, чтобы управлять имъ, не справляясь съ его волей и дѣйствуя вопреки народному духу. Въ туркахъ черногорцы на этотъ разъ видѣли своихъ освободителей и не ошибались въ томъ, такъ какъ венеціанцы покушались распространить свою власть и на церковь, отравивши, по народной молвѣ, и владыку Виссаріона.

Самого владыку венеціанцы довели до крайняго униженія. Нужда заставляла его обращаться къ нимъ за помощью; а они ея не давали даромъ. Мы цитировали одно письмо, въ которомъ владыка и главари признаютъ себя подданными Венеціи; а другое письмо отъ „бискупа от Цетинья и свіехъ старъешинахъ от Царъне-горе“ генеральному проведитору Далмаціи заканчивается такою унизительною фразою: „и вашего господства *vesu* целивамо“ ¹⁾—переводъ итальянской: „*vi bascio le vesti*“, при чемъ *vesti* только переписано, а не переведено. Въ началѣ при томъ не стоитъ имя: ни митрополитъ, ни владыка, а бискупъ. По всему видно, что митрополитъ этотъ сошелъ уже съ высоты своего сана и потому врядъ ли пользовался большимъ уваженіемъ и преданностію своего народа, отъ котораго самъ отдался, окруживъ себя иноземною и иновѣрною стражей. Поэтому венеціанцамъ отравлять его было нѣ-для чего; а естественная смерть, можетъ быть, только избавила его отъ судьбы владыки Мардарія, хотѣвшаго вовлечь свой народъ въ унию съ Римомъ. При томъ изъ

¹⁾ Fac-simile, 19-го мая 1688 г., стр. 37.

одного донесенія проведитора изъ Котора ясно видно, что смерть владыки Виссаріона не была скоропостижною: „Послѣ продолжительнаго естественнаго страданья (*dappo lunga naturale oppressione*)—говорится въ немъ—скончался (*cesse al fato*) монсеньоръ Виссаріонъ, епископъ цетинскій въ Черногоріи, оставивши со своею смертью вакантною эту резиденцію. на которую есть нѣсколько конкурентовъ“ (донес. 21-го іюля 1692 г., стр. 68). Насколько смерть владыки озабочивала республику, и что она на этотъ случай предпринимала, видно изъ слѣдующаго донесенія сенату проведитора Д. Дольфи отъ 27-го іюля 1692 г. изъ Сплѣта: „По переселеніи въ другую жизнь господина Виссаріона, бывшаго цетинскаго епископа. между многими соискателями выступаетъ и конкуренція двоихъ, которые претендуютъ быть избранными. Одинъ изъ нихъ, поставленный турками, чтобы замѣстить теперешняго печскаго патріарха, который отсутствуетъ изъ своей резиденціи и живетъ въ Комарнѣ, въ Австрійской державѣ; этотъ патріарховъ замѣститель тѣмъ же грѣшнымъ путемъ, какимъ вообще получаютъ патріаршескую юрисдикцію—посредствомъ подкупа. за возмездіе продалъ бы епископство, которое поэтому непременно падеть на личность, принадлежащую непріятельской партіи, и кто его получитъ, тотъ будетъ имѣть за собою авторитетъ Порты. Другіе—господинъ епископъ Бѣлградскій съ остальными греческими епископами. которые состоятъ подъ юрисдикціей Новаго (*Castel Nuovo*) и отъ которыхъ можно ожидать, что, живя подъ державою вашей свѣтлости, будутъ наибольше принимать во вниманіе корректность и выберутъ личность, которая была бы предана Республикѣ. При всемъ томъ, такъ какъ въ настоящее время Цетинье находится въ крѣпкой власти вашей свѣтлости, занято собственнымъ гарнизономъ, мнѣ кажется, основательно было бы, чтобы каждый шагъ согласовался съ высочайшею волею свѣтлаго сената, и потому не можетъ послѣдовать наименованіе никого, кто не имѣлъ бы его одобренія; и скорѣе всего, по моему скромному мнѣнію, въ виду важности мѣста не допускать никого, кто бы ни былъ наименованъ, предоставивши администрацію этого епископства аббату (игумену), который и теперь имъ управляетъ, такъ какъ всѣ извѣстія о немъ согласны въ томъ, что онъ благорасположенъ къ интересамъ вашей свѣтлости и пользуется расположеніемъ тамошняго народа“.

Изъ этого ясно видно, какъ прочно было положеніе венецианцевъ на Цетиньѣ, откуда они думали и безъ владыки повелѣвать цѣлою Черногоріей; но они не понимали, что при племенной разрозненности

она только и могла слушаться духовной власти владыки, какъ и оказалось на дѣлѣ. Владыка дѣйствительно тогда не былъ выбранъ, и управлялъ, вѣроятно, упомянутый въ донесеніи аббатъ; но, когда турки нахлынули, народъ не хотѣлъ защищать Цетинья.

Послѣ этого латинцы изъ Цетинья убрались, не чувствуя себя безопасными, и народъ опять по старому порядку выбралъ себѣ владыкою Савву изъ с. Очиничей изъ окрестности Цетинья.

Остановившись такъ долго на этомъ событіи, мы имѣли въ виду показать значеніе и важность вновь изданныхъ документовъ, а также, по возможности, яснѣе опредѣлить отношенія, которыя въ то время установились было между Черногоріей и Венеціанскою республикой, но были приостановлены турецкимъ вторженіемъ.

Послѣ этого число документовъ значительно уменьшается. Именно, 75 документовъ приходится на весь періодъ съ 1693 до 1736 г., до конца правленія владыки Данила; при томъ часто бываютъ донесенія очень коротенькія, въ иные годы и ни одного нѣтъ. Мы не думаемъ, чтобы ихъ совсѣмъ не было; не могло миновать этихъ донесеній избраніе Данила и истребленіе магометанства въ Черногоріи; они только не вошли въ это изданіе, все равно какъ не находимъ донесенія Кендрашина 1729 г., въ которомъ владыка Данилъ охарактеризованъ, какъ тайный противникъ Венеціи и вообще какъ человекъ корыстолюбивый, а главное—приверженецъ московскаго царя¹⁾ Не находимъ также въ этомъ изданіи грамоты Іоанна Корнелія, отъ апрѣля 1718 г., находящуюся въ Цетиньѣ (см. „Черногорія“, т. I, стр. 778—780). Нѣкоторые документы, можетъ быть, не напечатаны вслѣдствіе юбилейнаго характера изданія, такъ какъ ими бросалась бы тѣнь на дружественныя отношенія Венеціи и Черногоріи, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, должны были измѣниться въ виду начавшагося тогда сближенія послѣдней съ Россіей, на что ясно указываютъ нѣкоторыя донесенія (16-го апрѣля и 16-го августа 1716 г., стр. 131). Тѣмъ не менѣе борьба противъ общаго врага, турокъ, не переставала дѣйствовать на тѣхъ и другихъ сближающимъ образомъ. Такъ въ 1717 и 1718 гг. черногорцы въ союзѣ съ венеціанцами дѣлають нападенія на Баръ и Ульцинь, за что со стороны Венеціи были сдѣланы нѣкоторыя уступки черногорцамъ: православнымъ въ Которѣ позволено служить въ церкви св. Луки, прежде отнятой у православ-

¹⁾ Макушевъ, *Русскій Вѣстникъ*, 1869 г., кн. 7, стр. 40, и въ нашемъ сочиненіи „Черногорія“, т. I, 1888 г., стр. 539—540.

ныхъ католиками; освобождены отъ пошлинъ черногорскія произведенія, и, сверхъ того, вновь опредѣлено жалованье черногорскимъ главарямъ и извѣстная сумма вообще на содержаніе войска. Къ этому относится документъ отъ 23-го февраля 1717 г., заключающій въ себѣ цѣлый письменный договоръ, и отдѣльно такой же договоръ и отъ того же числа съ Кучами (стр. 132—134). Сюда же относятся и еще два документа отъ 9-го и 13-го марта того же года (стр. 134—138), составляя какъ бы дополненіе и разъясненіе къ двумъ первымъ.

Черногорія въ этихъ документахъ трактуется еще, какъ вассальная страна; но владыка ея, обращаясь къ чрезвычайному проводитору, не выражаетъ никакой подчиненности и называетъ его просто „*thio sajo amico*“, и подписывается не „цетинскимъ бискупомъ“, а „*Danilo Vesovo di Schendezia*“ (30-го іюля 1717 г., стр. 138). Связи съ Россіей, очевидно, содѣйствовали поднятію духа черногорцевъ и достоинства ихъ владыки, какъ ни были эти связи неопредѣленны и слабы и какъ ни раздѣляло ихъ громадное разстояніе. А съ тѣмъ вмѣстѣ шло постепенное охлажденіе Венеціи къ Черногоріи, превратившееся наконецъ скорѣе въ непріязненныя, чѣмъ дружественныя отношенія.

Съ паденіемъ Венеціанской республики ея роль на всемъ восточномъ побережьи Адриатики перешла къ Австріи, унаслѣдовавшей отъ нея два начала: эксплуатацію края, не дѣлая ничего въ пользу его развитія, и гоненіе православія. Поэтому съ перемѣною сосѣда Черногорія ничего не выиграла. Австрія потомъ завладѣла Венеціей и Ломбардіей, а посредствомъ династическихъ связей и вліянія въ Римѣ косвенно управляла и цѣлою Италіей, подѣленною на мелкія политическія единицы, у которыхъ, несмотря на природное національное единство, совершенно терялось сознаніе этого единства. Это было время униженія итальянскаго народа, какого онъ не испытывалъ никогда прежде. Лучшіе люди понимали это состояніе, скорбѣли и въ сознаніи своего безсилія оставляли свое отечество, но не оставались пассивными наблюдателями издалека тяготѣвшихъ надъ нимъ золь, а готовились къ освобожденію своего народа, когда настанетъ благоприятный моментъ. Такой моментъ насталъ въ 1848 г., когда революціонное движеніе охватило въ большей или меньшей степени всю Западную Европу, слившись съ движеніемъ національнымъ. Съ этого момента начинается открытая борьба Италіи противъ Австріи. вначалѣ неуспѣшная, но въ концѣ-концовъ завершившаяся битвами

при Маджентѣ и Сольферино (1859 г.); а затѣмъ къ ставшей во главѣ всего этого движенія Сардиніи присоединяются одна за другой Тоскана, Модена, Парма, Романья, Миланъ (1860 г.), потомъ Неаполь и вмѣстѣ съ тѣмъ провозглашается королевство (1861), а наконецъ, послѣ долгой и упорной борьбы съ папизмомъ, Римъ дѣлается его столицей (1871 г.).

Итакъ за все это время Италія всѣ свои силы напрягала на свое внутреннее объединеніе, къ которому сочувственно относилась вся неофициальная Европа, а кстати сказать — первое официальное признаніе было со стороны Россіи. Имя Пьемонта сдѣлалось синонимомъ освободителя отъ чужаго господства; а Гарибальди былъ такою популярною личностью, что его имя знали даже самыя темныя народныя массы, не исключая самыхъ отдаленныхъ отъ Италіи мѣстъ, какъ, напримѣръ, Россія. Подъ его знамена стекались добровольцы изъ цѣлаго свѣта, и имя „гарибальдійца“ было почетнымъ именемъ. За то и онъ отзывался на каждое народное движеніе. Но самую большую популярностью пользовался онъ у славянъ, которые, состоя большою частью подъ чужимъ господствомъ, ждали, а нѣкоторые и теперь ждутъ появленія между ними своего Гарибальди. Это уваженіе къ итальянскому герою перенеслось и на весь итальянскій народъ.

Итальянцы въ свою очередь относятся сочувственно къ національному движенію cadaго народа. Въ 1870 г. они отправились помогать французамъ противъ нѣмцевъ; а въ 1875 г. какъ мы уже говорили, партія добровольцевъ явилась на помощь герцеговинскому возстанію. Это не были искатели приключеній, но люди изъ достаточныхъ семействъ, проникнутые гарибальдійскимъ духомъ и желаніемъ помочь угнетеннымъ, что и исполняли добросовѣстно, самоотверженно и не красуясь передъ свѣтомъ. Въ Черногоріи говорилось, что ихъ послалъ Гарибальди, который хотѣлъ и самъ отправиться, но не могъ, потому что ослабѣлъ отъ старости.

Такимъ образомъ между Италіей и Черногоріей установились тѣ симпатичныя отношенія, обуславливающія взаимность двухъ близкихъ одинъ къ другому народовъ безъ какихъ либо заднихъ цѣлей и хищническихъ намѣреній, которая всегда преслѣдовала Венеціанская республика. Въ этомъ смыслѣ Италія, какъ сильное государство, можетъ выступить въ роли безкорыстнаго защитника и покровителя сосѣднихъ съ нею народовъ противъ ихъ сильныхъ непріятелей и угнетателей, какими въ тѣхъ краяхъ являются Турція и Австрія.

особенно послѣдняя, дѣйствующая въ томъ же духѣ, какъ Венеція, но еще съ большею агрессивностью, какъ великая европейская держава. Завладѣвши въ силу данныхъ Европою мандатовъ сначала Далмаціей, а потомъ Босніею и Герцеговиной, она расширяетъ свои планы и на остальные земли Балканскаго полуострова, между которыми на ближайшей очереди стоятъ Черногорія и Албанія. Первую она уже окружила своею военною силою и постоянно производитъ на нее политическое давленіе; а вторую старается покорить посредствомъ католицизма, при томъ не чистаго, а австрійскаго, въ чемъ ей помогаетъ Ватиканъ и особенно его боевая армія—іезуиты. Италія, также католическая держава, также имѣетъ въ виду защиту своихъ еднотворцевъ и помогаетъ имъ, но безъ всякаго посягательства на ихъ независимость, чего нельзя сказать объ Австріи, которая слишкомъ ясно стремится завладѣть Албаніей, а затѣмъ ей легко поглотить и Черногорію, чтобы потомъ господствовать на цѣломъ Балканскомъ полуостровѣ, въ чемъ ей усердно помогаетъ Германія. Единственнымъ оплотомъ для тѣхъ странъ является Италія. Поэтому остановимся на вопросѣ: какаѣя же ея роль въ этихъ краяхъ?

Италія давно уже оказываетъ на эти страны культурное вліяніе, въ которомъ мы замѣчаемъ двѣ стороны.

Съ одной стороны далматинскіе города подъ этимъ вліяніемъ италянизировались, а съ другой, благодаря ему, въ этихъ краяхъ совершается ихъ культурное развитіе, которое, какъ мы уже упоминали, вызвало тамъ необыкновенный подъемъ національнаго духа, и плодомъ этого было возникновеніе богатой національной литературы Дубровника. Впослѣдствіи эта литература, остановившаяся въ своемъ развитіи и потомъ пришедшая въ упадокъ дома, оказала благотворное вліяніе на возрожденіе литературы сербовъ и хорватовъ.

Замѣчательно, что лучшіе народные дѣятели и патриоты Далмаціи получали свое высшее образованіе въ Италіи; особенно такимъ образовательнымъ центромъ, воспитывавшимъ національныхъ дѣятелей Далмаціи, былъ Падуанскій университетъ. Есть между ними люди, признающіе себя хорватами, но не раздѣляющіе хорватскаго шовинизма. Такимъ въ настоящее время является докторъ Барчичъ въ Фіумѣ, котораго на выборахъ выставляютъ своимъ кандидатомъ сербы. Нѣтъ въ нихъ и католическаго прозелитизма; они толерантны къ православію и къ сербамъ.

Партія такъ называемыхъ *италианашей* или *автономашей* отнюдь не тяготеетъ политически къ Италіи; но только отстаиваетъ

свои права противъ мадыро-австрійцевъ, которымъ, можетъ быть, и безсознательно, служатъ хорваты. Ихъ отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ *ирредентистами*, стремящимися къ присоединенію нѣкоторыхъ частей Австрійской имперіи къ Италіи; но ихъ претензіи не простираются на Далмацію, гдѣ для того не имѣется почвы. Есть и еще одно обстоятельство, говорящее въ пользу итальянскаго вліянія. Въ прежнее время Далмація освѣжалась и укрѣплялась славянскимъ элементомъ изъ Босніи и Герцеговины, которыя, терпя матеріальное насиліе турокъ, были свободны и крѣпки въ національномъ смыслѣ; а теперь эти провинціи подвергаются всестороннему гнету австро-мадырскому и едва могутъ отстаивать сами себя, свою національную индивидуальность; поэтому о помощи Далмаціи съ ихъ стороны не можетъ быть и рѣчи. Только и можетъ поддерживать ее въ настоящее время культурная связь съ Италіей.

Въ такомъ же положеніи находится и Черногорія. Географическое положеніе также поставило ее въ непосредственное соприкосновеніе съ Италіей, откуда и вытекаетъ неизбѣжное культурное вліяніе послѣдней, какъ страны, стоящей на высшей степени культуры. Прежде всего это вліяніе сказывается на языкѣ, хотя далеко не въ такой степени, какъ въ Далмаціи, гдѣ выработался даже особенный итальянско-сербскій жаргонъ, но тѣмъ не менѣе и рѣчь черногорца — катунянина также пересыпана итальянскими словами; особенно простой нѣгушанинъ, находящійся въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ говорящими по-итальянски бокеями (жители Бокки-Которской, *Bosche di Cattaro*), хотя бы и совсѣмъ незнающій итальянскаго языка любить уснащать свою рѣчь взятыми изъ него словами, а иногда и цѣлыми фразами, желая тѣмъ похвалиться. Итальянское вліяніе сказывается и въ самомъ быту черногорца, начиная съ домовъ новой постройки и оканчивая всѣмъ домашнимъ обиходомъ, въ которомъ въ старое время многого не было, а потомъ усвоено изъ Италіи. Вліяніе это, однако, чисто внѣшнее, при которомъ черногорскій народъ не измѣняетъ своимъ кореннымъ началамъ, на которыхъ зиждется его жизнь, народность и вѣра.

Итальянскій народъ впрочемъ вообще не отличается ни способностью, ни стремленіемъ къ денационализаціи другихъ, какъ то въ высшей степени проявляется въ германской расѣ. Среди его вотъ уже четыре столѣтія находится албанская колонія (въ Аbruццахъ въ южной Италіи), поселившаяся тамъ съ сыномъ знаменитаго албанскаго герцога Скандербега Кастриота Ивановъ, и считаетъ теперь до

200.000 душъ, сохранивъ свой языкъ и свои оригинальные обычаи; имѣеть даже свою маленькую литературу, которая старается пробудить народное самосознаніе и въ своихъ единоплеменникахъ въ Албаніи. Это никому тамъ не мѣшаетъ, а напротивъ этимъ албанцамъ одинаково съ итальянцами открытъ доступъ къ высшимъ должностямъ на государственномъ поприщѣ, и изъ нихъ между прочимъ былъ министръ Криспи. Нельзя того же сказать о двухъ албанскихъ же колоніяхъ въ Австріи близъ Задра и въ Сремѣ, которыя живутъ тамъ менѣе двухъ столѣтій и уже теряютъ свой народный типъ, терпя стѣсненія и ограниченія во внутренней своей жизни, и влачатъ жалкое существованіе.

Относительно кидаящагося въ глаза италянизированія восточныхъ береговъ Адриатики, особенно городовъ, нужно замѣтить, что оно произошло въ то старое время, когда въ населеніи его еще не было пробуждено народное самосознаніе; и при всемъ томъ, какъ мы уже замѣчали, это не помѣшало высокому національному развитію Дубровника.

Кромѣ того, въ характерѣ и типѣ итальянца и южнаго славянина много сходства природнаго, обусловливаемого одними и тѣми же климатическими и другими естественными условіями, въ которыхъ живетъ тотъ и другой народъ. Въ характерѣ сербовъ, и не подвергавшихся итальянскому вліянію, мы также находимъ много особенностей, которыя совершенно чужды намъ, славянамъ сѣвера и востока, и въ чемъ они приближаются къ итальянцамъ, грекамъ и другимъ южнымъ народамъ. Тутъ дѣйствовали природа и исторія; было въ значительной степени и прямое, кровное смѣшеніе различныхъ народностей. Въ Боккѣ, на примѣръ, и южномъ приморьи множество сербскихъ семействъ посредствомъ браковъ породнилось съ греками и питаютъ къ нимъ горячія симпатіи. Въ Далмаціи еще сильнѣе смѣшеніе съ итальянцами; въ ней множество итальянцевъ пославянилось, а въ то же время и въ Италіи вы встрѣтите множество фамилій на *ичъ*, очевидно сербскаго происхожденія. Даже въ Черногоріи, какъ она ни была изолирована отъ остальнаго культурнаго міра, можно найдти слѣды подобнаго рода смѣшенія. При этомъ цѣлый народъ, принимая въ себя чужіе элементы, не терялъ свою народность, а напротивъ освѣждался ими и приобрѣталъ ббольшую устойчивость, чѣмъ и отличаются южные сербы, особенно далматинцы. Мы уже видѣли, какъ православные въ этихъ краяхъ подвергались гоненію со стороны Венеціанской республики; но положеніе ихъ еще ухудшилось, когда Далмацію заняла Австрія,

потому что, въ то время какъ венеціанцы, нуждаясь постоянно въ военной помощи сербовъ не только далматинскихъ, но и сосѣднихъ, дѣйствовали сдержанно, Австрія, не стѣсняемая никакими условіями, дѣйствовала, какъ абсолютная монархія, облеченная во всеоружіе власти. Первое, что она предприняла противъ православныхъ, была унія. Но сербы, несмотря на свою малочисленность, дали такой отпоръ, что работавшій въ этомъ направленіи епископъ Кралевичъ и приведенные имъ уніатскіе священники должны были спастись бѣгствомъ, и съ тѣхъ поръ уже не было никакихъ покушеній. Эта, можно сказать, горсть сербовъ среди цѣлаго католическаго міра съ такою же твердостью ведетъ и выдерживаетъ борьбу во всѣхъ сферахъ жизни политической и общественной, требующую отъ нихъ большаго самоотверженія и самопожертвованія. Здѣсь мы встрѣчаемъ сильные характеры и мужество, какое рѣдко встрѣчается у другихъ славянъ.

Мы уже говорили, что Далмація въ борьбѣ за свои національные интересы опиралась на Боснію и Герцеговину; ту же роль по отношенію къ Боккѣ исполняла Черногорія. Черногорцами, особенно изъ племенъ Цуць, Цеκληчей и Нѣгушей, населена значительная часть ея. Кромѣ того, тамошніе католики, мѣстные власти, всегда стѣснялись передъ Черногоріей дѣлать насилія ихъ единовѣрцамъ изъ страха волненій, которыя она могла возбуждать.

Но и сама Черногорія для своей устойчивости нуждалась въ подкрѣпленіи, которое и приходило ей изъ сосѣднихъ Герцеговины и Старой Сербіи; изъ этихъ краевъ массовое переселеніе происходило въ XV вѣкѣ, и эти новые поселенцы приходили въ такомъ количествѣ, что старожилы почти исчезли между ними. Кромѣ того, эти новые поселенцы были люди, сильные духомъ, не хотѣвшіе покориться чужому (турецкому) господству и закалившіеся въ борьбѣ, при томъ представляли собою сильные, богатые роды. И помимо этого массоваго переселенія, оно совершалось и во все послѣдующее время отдѣльными личностями, ускоками, которые также отличались духомъ борцовъ за независимость. Однимъ словомъ, Черногорія была убѣжищемъ для всего, что не хотѣло поступиться своею свободой и независимостью, и потому она была такъ сильна въ борьбѣ со своими сильнѣйшими сосѣдями. Но по мѣрѣ того какъ Черногорія стала входить въ европейскіе трактаты и ограничиваться ими извнѣ, а внутри также сокращалась свобода, ограничиваемая новыми внутренними государственными учрежденіями, роль ея, какъ убѣжища свободы, измѣняется. Кромѣ того, со времени учрежденія княжества вся сила Чер-

ногорія заключается въ неограниченной волѣ князя, и народъ перестаетъ быть тѣмъ факторомъ, какимъ онъ былъ прежде.

Самый сильный ударъ славянекому элементу въ этихъ краяхъ нанесенъ берлинскимъ трактатомъ, по которому Боснія и Герцеговина отданы въ руки Австріи: Далмація и Черногорія тѣмъ лишились своей опоры, и въ то же время для Черногоріи не только прервана всякая связь съ этими краями, но и разбивается тотъ престижъ, которымъ она тамъ пользовалась до послѣдней войны.

Конечно, политическіе трактаты, которыми ограничивалась Черногорія, въ то же время охраняютъ ея политическую независимость. Россія въ свою очередь дѣлаетъ все возможное для поддержанія и поднятія ея политической роли. Но рядомъ стоитъ Австрія, которая употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы обратить ее въ нуль, для чего и обладаетъ средствами. Кромѣ политическаго давленія, она держитъ Черногорію въ полной зависимости въ экономическомъ отношеніи: Черногорія не можетъ жить безъ произведеній австрійской промышленности, а въ то же время и свои естественныя произведенія ей ближе всего сбывать въ австрійскія земли, гдѣ они могутъ подвергаться различнаго рода стѣсненіямъ, если Черногорія не будетъ угождать Австріи. Пути сообщенія Черногоріи съ остальною Европой также находятся въ рукахъ Австріи, которая вполне господствуетъ на Адриатическомъ морѣ, тогда какъ другаго выхода нѣтъ. Такая зависимость и такое тѣсное общеніе Черногоріи съ Австріей не можетъ не оказывать и культурнаго вліянія, которое помогаетъ политическому.

Послѣдняя война надѣлила Черногорію мѣстностями съ католическимъ населеніемъ, которое, находясь подъ властью Турціи, подлежало юрисдикціи скадарскаго епископа. Чтобы не зависѣть отъ епископа, находящагося въ другомъ и часто враждебномъ государствѣ, черногорское правительство заключило конкордатъ съ папой, по которому имѣется свой собственный епископъ. Но все это духовенство, начиная съ епископа, австрійское по происхожденію и по духу.

Съ юга, запада и сѣверо-запада Черногорія уже окружена землями австрійскими или находящимися во власти Австріи; а на востокъ къ ней прилегаютъ Албанія, гдѣ преобладаетъ католическое населеніе, также вполне преданное Австріи. Нѣтъ ея только на сѣверѣ со стороны Новобазарскаго санджака, покуда принадлежащаго Турціи, и гдѣ нѣтъ католиковъ и всѣ сербы. Къ сожалѣнію, пока не будутъ приведены въ исполненіе предполагаемыя въ Турціи реформы, этотъ

край находится въ состояніи вѣчныхъ волненій и безпорядка; а реформы эти, пока существуетъ Турція, останутся въ проектѣ, и такимъ образомъ. вмѣсто того, чтобы служить мостомъ между Черногоріей и Сербіей, онъ представляетъ и будетъ представлять впредь преграду между ними; и Черногорія. такимъ образомъ, оказывается окончательно изолированной, какъ какой нибудь островъ. Готовится и нѣчто другое, угрожающее Черногоріи окончательнымъ ея поглощеніемъ—это оккупация Новобазарскаго санджака Австріей, на чемъ она такъ усердно работаетъ съ тѣхъ поръ, какъ заняла Боснію и Герцеговину.

Этотъ планъ преслѣдуется Австріей въ договорѣ съ Германіей, которая ради того совершенно отступилась отъ Балканскаго полуострова и не пожертвуетъ для него „ни однимъ померанскимъ солдатомъ“. Да и нѣтъ ей въ томъ никакой надобности, такъ какъ ея миссію выполняетъ Австрія, какъ ея авангардъ.

Конечную цѣль этого плана составляетъ забрать въ свои руки славянъ Балканскаго полуострова, которые все тяготѣютъ къ Россіи, видя въ ней единственную опору для своего существованія, и съ покореніемъ ихъ достигается уничтоженіе тамъ престижа Россіи.

Въ этихъ видахъ и пропагандируется союзъ балканскихъ народовъ подъ щитомъ Австрій, въ которомъ она воспользуется настроенными враждебно славянамъ и Россіи румунами, албанцами и греками, какъ пользовалась до сихъ поръ въ предѣлахъ своей имперіи нѣмцами, мадярами и румунами.

Къ этому плану, направленному главнымъ образомъ противъ Россіи, присоединяется и Италія, какъ членъ тройственнаго союза.

Такимъ образомъ союзъ этотъ, преслѣдующій чисто политическія цѣли и направленный противъ Россіи, беретъ на себя судьбу народовъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ, и тѣмъ самымъ вопросъ національный ставится на политическую почву; вслѣдствіе чего мы не можемъ въ заключеніе не остановиться и на политической ситуаціи этихъ краевъ.

Спрашивается прежде всего: что имѣютъ другъ противъ друга Россія и Италія? Правда, русскія войска однажды приходили въ Италію, чтобы очистить ее отъ французовъ, и оставили память о славной побѣдѣ Суворова надъ лучшими наполеоновскими генералами Моро и Макдональдомъ; но никакихъ горькихъ воспоминаній по себѣ въ итальянскомъ народѣ не оставили. Вслѣдъ затѣмъ въ двѣнадцатомъ году итальянцы участвуютъ съ Наполеономъ въ походѣ на Рос-

сію и раздѣляютъ съ нимъ поражение на ея поляхъ и постыдное возвращеніе; но и это также ни въ томъ, ни въ другомъ народѣ не поселило никакихъ враждебныхъ чувствъ. А въ 1853 г. мы опять видимъ, что Италия тащится за Турціей, Франціей и Англіей и вмѣстѣ съ ними участвуетъ въ разрушеніи стѣнъ Севастополя. И это, однако, не помѣшало Россіи послѣ сочувственно отнестись къ объединенію Италии и первой признать объединенное Итальянское королевство.

Совсѣмъ другія отношенія къ Австріи, какъ мы показали выше. Прибавимъ къ этому еще одинъ, по нашему мнѣнію, очень важный фактъ изъ этихъ отношеній.

Въ 1866 г. Австрія, потерпѣвшая поражение отъ нѣмцевъ при Садовой, наноситъ такое же поражение итальянскому флоту подъ Висомъ (Lisso), и въ Вѣнѣ памятникъ виновнику этой побѣды адмиралу Тегетгофу передъ цѣлымъ свѣтомъ свидѣтельствуетъ объ этой славной побѣдѣ, въ которой, правду сказать, главными участниками были славяне Далмаціи, нѣкогда помогавшіе Венеціи одерживать побѣды на морѣ.

Но, и помимо этого единственнаго факта, австрійскій флотъ постепенно вытѣсняетъ итальянскій изъ Адриатики, гдѣ когда-то безраздѣльно господствовала Венеція. Объ этомъ господствѣ напоминаетъ еще куда итальянскій языкъ, господствующій и въ австрійскомъ (по крайней мѣрѣ, торговомъ) флотѣ; но и онъ понемногу вытѣсняется, и будетъ, безъ сомнѣнія, совсѣмъ вытѣсненъ, когда по Адриатическому морю заплываетъ не австрійскій, а германскій флотъ, а это можетъ быть не въ далекомъ будущемъ.

Съ кѣмъ же и ради чего намѣревается Италия дѣйствовать въ тройственномъ союзѣ? И можетъ ли быть союзъ болѣе неестественный? Что можетъ быть общаго между Италіей, политическая сила и ростъ которой основаны на національномъ единствѣ, и Австріей, которая чужда всякой народности, входящей въ ея составъ, не исключая даже нѣмецкой, и держится единственно тѣмъ, что натравливаетъ одну народность противъ другой, чтобы онѣ уничтожили одна другую? Куда пойдетъ Италия и что надѣется выиграть съ Австріей? Откажется ли она отъ своего девиза „*fara da se*“ и пойдетъ въ хвостъ Австріи, чтобы помогать ей давать другія народности?

На этомъ именно пути, однако, и стоитъ Италия, принадлежа къ тройственному союзу, который вовлекъ ее въ несчастную абиссинскую аферу; а продолжая идти тѣмъ же путемъ, она можетъ однажды очутиться и въ еще худшемъ положеніи.

Для своего матеріальнаго развитія и для политической роли Италіи, конечно, должна обладать Адриатикою, откуда ее вытѣсняютъ Австрія, прокладывая путь въ нее Германіи; тутъ она еще дома пока; при этомъ въ жителяхъ восточнаго ея побережья она найдетъ себѣ искреннихъ и естественныхъ союзниковъ, къ числу которыхъ примыкаетъ и Черногорія. Но положеніе можетъ измѣниться; это зависитъ отъ самой Италіи.

Въ предисловіи къ изданію цитированныхъ выше документовъ говорится, что Черногорія служила „бастиономъ Венеціанской республики“¹⁾, конечно, противъ турокъ; тѣмъ же самымъ она можетъ быть и противъ другаго, если то будетъ совпадать съ ея интересами.

Но при этомъ Италія должна отказаться отъ той іезуитской и хищнической политики, которой по отношенію къ Черногоріи держалась Венеція, оставившая въ этихъ краяхъ самыя непріятныя воспоминанія. Въ Черногоріи до сихъ поръ говорится: „сачувай, Боже, люба принципова“, то-есть, сохрани, Боже, отъ такой помощи, которая получалась отъ венеціанскаго дожа; горекъ былъ тотъ хлѣбъ, потому что приводилось платить за него слишкомъ дорого.

Въ простомъ черногорцѣ есть нѣкоторое предубѣжденіе, но не лично противъ итальянцевъ, а вообще противъ людей другой вѣры, народности и культуры, сообразно съ чѣмъ и сложилось понятіе, что у *латинъ* (людей романской расы и католиковъ) и кровь другая: *бліеда* (не такая густая, какъ у черногорцевъ), откуда происходитъ, что они слабѣе физически и морально, вслѣдствіе чего всегда прибѣгаютъ къ хитрости. Укоряютъ ихъ еще за то, что ѣдятъ черепахъ (*жабары*) и т. п.

Но во всемъ этомъ больше шутки и легкаго презрѣнія, чѣмъ какого нибудь непріязненнаго чувства. Въ высшемъ же и среднемъ слояхъ есть горячіе приверженцы итальянцевъ. Изъ иностранныхъ языковъ итальянскій самый распространенный въ Черногоріи; черногорцы, учившіеся въ итальянскихъ школахъ, сразу сходились со своими товарищами, находя нѣкоторую близость въ характерѣ, и сохраняютъ самое симпатичное воспоминаніе о товарищахъ и начальствующихъ лицахъ, которые въ свою очередь также симпатично относились и къ нимъ, не гордясь и не хвалясь своею высшею культурой, что такъ непріятно дѣйствуетъ въ австрійцѣ.

Въ послѣднее время особенно выражены были симпатіи и со сто-

¹⁾ „Il Montenegro fu, si puo dire, il baluardo della Repubblica“ (стр. XI).

роны итальянцевъ къ Черногоріи. Правда, симпатіи эти высказывались по особенной причинѣ, по случаю бракосочетанія черногорской княжны съ итальянскимъ наслѣднымъ принцемъ, при томъ относились больше къ владѣтельному черногорскому дому; но одушевленіе, сразу охватившее всю Италію, показываетъ, что чувство это лежало глубоко въ душѣ итальянскаго народа, и этотъ случай послужилъ только поводомъ, чтобы выразить его такъ горячо и искренно.

Однимъ словомъ, между Италіей и Черногоріей существуетъ обоюдность интересовъ, на что мы указали выше, и народныя симпатіи, въ которыхъ проглядываетъ и сознаніе общихъ интересовъ. И это можетъ послужить къ болѣе тѣсному сближенію двухъ народовъ, которое такъ желательно ихъ лучшимъ представителямъ въ литературѣ. Но какъ понимаетъ это итальянское правительство? Одно только можемъ сказать съ увѣренностью: если оно захочетъ этимъ воспользоваться для того только, чтобы втащить Черногорію въ сферу интересовъ тройственнаго союза или, вѣрнѣе, Австріи, то оно сильно ошибется и, не получивъ отъ того никакихъ выгодъ для Италіи, потеряетъ друзей и союзниковъ, наиболѣе вѣрныхъ и естественныхъ.

Что касается насъ, русскихъ. почти два столѣтія такъ тѣсно связанныхъ съ Черногоріей, въ судьбахъ которой принимаемъ самое горячее участіе, то союзъ съ Италіей, настоящею, свободною, а не тянущеюся за другими и не служащею другимъ, противонароднымъ интересамъ, по нашему мнѣнію, не можетъ измѣнить нашихъ отношеній, такъ какъ и мы въ послѣднее время держимся союза съ романскою націей, а къ итальянскому народу всегда питали и питаемъ дружественныя чувства.

И. Ревинскій.

РУССКО-АВСТРІЙСКІЙ СОЮЗЪ ВО ВРЕМЯ СЕМИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ.

ГЛАВА I.

Происхожденіе оборонительнаго союза 1746 года.

Во второй половинѣ 1744 года Фридрихъ Великій въ третій разъ нарушилъ свои обязательства передъ вѣнскимъ дворомъ и перешелъ съ войскомъ границу Богеміи. Марія-Терезія и безъ того уже имѣла на рукахъ войну съ Баваріей, Франціей и испанскою вѣтвью Бурбоновъ. Поддержки одного курфюрста саксонскаго было недостаточно; королева венгерская ждала на этотъ разъ помощи отъ Россіи. Въ силу союзнаго трактата, заключеннаго еще въ 1726 году между ея отцомъ и матерью императрицы Елисаветы, она могла бы требовать теперь двадцать тысячъ пѣхоты и десять тысячъ драгунъ, а въ случаѣ нужды рассчитывать даже на объявленіе наступательной войны прусскому королю и со стороны союзника ¹⁾). Но была ли обязана дочь Петра Великаго признавать законность предыдущихъ царствованій или права потомковъ царя Іоанна? Ея канцлеры отвѣтили на этотъ вопросъ отрицательно и стали отвергать договоры, которые не были подтверждены заново ихъ государыней. Австрійскій посолъ графъ Розенбергъ поставилъ себѣ въ 1745 году главною задачей переубѣдить въ этомъ дѣлѣ русское правительство. По его словамъ, ни при одномъ изъ европейскихъ дворовъ нѣтъ обычая, чтобы трактаты и союзы, заключенные законными правителями, скрѣплялись и

¹⁾ *Ф. Мартенсъ*, Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами. Т. I. Трактаты съ Австрією 1648—1762 гг.

подтверждались такими же законными ихъ наследниками и преемниками. Всѣ цивилизованные народы (за исключеніемъ Франціи и Пруссіи, которыя въ этомъ отношеніи держатся особыхъ маккиавеллиевыхъ принциповъ) считаютъ святыми и неразрывными узы, объединяющія человѣчество. Императрица Елисавета въ первые годы своего царствованія сама соблюдала эти христіанскія, на истинной государственной мудрости утвержденныя правила. Когда въ 1742 году австрійскій посланникъ маркизь Ботта потребовалъ у нея помощи, ея министры признавали еще за договоромъ 1726 года обязательную силу и отклонили просьбу лишь по той причинѣ, что война со шведами въ Финляндіи не была окончена. Въ этомъ отвѣтѣ отъ 19-го ноября 1742 года, подписанномъ тогда графомъ А. П. Бестужевымъ, было еще прибавлено, что взаимное довѣріе и согласіе между союзниками должны тѣмъ не менѣе остаться попрежнему безъ перемѣнъ. Графъ Розенбергъ приводилъ и еще одинъ примѣръ. Послѣ перваго отъѣзда маркиза Шетарди французскій министръ д'Аліонъ посѣтилъ тогдашняго великаго канцлера кн. Черкаскаго и сообщилъ ему извѣстіе, полученное отъ своего двора, будто бы австрійскій фельдмаршалъ графъ Кёнигсэггъ заявилъ на переговорахъ съ маршаломъ Бэлилемъ подъ Прагой, что Марія-Терезія не хочетъ завязывать переговоры о мирѣ безъ вѣдома своихъ союзниковъ, въ томъ числѣ и русской императрицы. Д'Аліонъ спросилъ при этомъ кн. Черкаскаго, существуетъ ли союзъ между обѣими имперіями, и подтвержденъ ли онъ Елисаветою. Канцлеръ отвѣтилъ тогда, что союзъ, безъ сомнѣнія, существуетъ, но что оба двора сочли излишнимъ скрѣплять его заново, такъ какъ онъ заключенъ матерью нынѣ царствующей императрицы. Наконецъ, надо вспомнить, что покойный императоръ Карлъ VI былъ вовлеченъ русскимъ дворомъ въ гибельную войну съ Турціей исключительно въ силу трактата 1726 года и не думалъ тогда уклоняться отъ нея подъ предлогомъ, будто бы съ воцареніемъ Анны Иоанновны договоръ еще нуждается въ новомъ подтвержденіи.

Правда, договоръ 1726 года подвергся существенному измѣненію въ 1732 году. Въ свое время Екатерина I сумѣла обезпечить притязанія зятя-герцога голштинскаго на Шлезвигъ, захваченный датчанами въ Великую Сѣверную войну. По добавочной конвенціи Карлъ VI и русская императрица договорились въ случаѣ надобности съ оружіемъ въ рукахъ добиваться для герцога удовлетворенія и возвращенія утраченнаго. Для императрицы Анны дружба съ Даніей была важнѣе притязаній свойственника. Въ 1732 году при заключеніи

союза съ Россіей и Австріей датскій король обязался вознаграждать голштинскій домъ за утрату Шлезвига миллиономъ рейхсталеровъ, если герцогское правительство пойдетъ на эту сдѣлку въ теченіи двухъ лѣтъ со дня ратификаціи союзнаго договора; въ противномъ случаѣ герцогъ навсегда утрачиваетъ свои права на вознагражденіе и поддержку со стороны союзныхъ державъ. Съ этихъ поръ и въ Вѣнѣ, и въ С.-Петербургѣ считалось, что долгъ передъ герцогомъ исполненъ. Эта перемѣна въ трактатѣ 1726 года совершилась въ царствованіе, казавшееся Елисаветѣ незаконнымъ, и придала всему договору новый смыслъ: союзъ между Россіей и Австріей не былъ болѣе направленъ противъ Дани, а домъ голштинскій, не согласившійся на денежное вознагражденіе, потерялъ надежду на содѣйствіе императорскихъ дворовъ осуществленію его притязаній. Съ воцареніемъ Елисаветы герцогу голштинскому были возвращены его наслѣдственныя права на русскую корону; можно было ждать, что новое правительство возстановитъ его и въ притязаніяхъ на утраченный Шлезвигъ вопреки трактату 1732 года. Въ частной бесѣдѣ съ австрійскимъ посломъ вице-канцлеръ графъ Воронцовъ открыто защищалъ точку зрѣнія, что уничтоженіе конвенціи о Шлезвигѣ, вставленной въ трактатъ 1726 г., пошатнуло весь тогдашній договоръ. Гр. Розенбергъ заранѣе готовилъ возраженія и на этотъ взглядъ; въ его глазахъ частичное измѣненіе не могло уничтожить цѣлаго трактата, тѣмъ болѣе, что другіе правительственные акты императрицы Анны были признаны и новою государыней; въ крайности посоль думалъ настаивать на возобновленіи союза 1726 года въ виду государственной важности его для обѣихъ державъ. Таковъ былъ взглядъ и доводы австрійскаго посла ¹⁾). Итакъ, у него былъ и другой выходъ изъ положенія: согласиться, что старый договоръ болѣе недѣйствителенъ, и предложить возобновить его или пригласить Россію присоединиться къ союзу четырехъ державъ—Австрія, Саксонія, Англія, Голландія, состоявшемуся въ Варшавѣ 8-го января н. с. 1745 года, съ цѣлью общими силами отразить новый натискъ Фридриха II.

Это приглашеніе присоединиться къ Варшавской уніи сдѣлано было обоимъ канцлерамъ въ нотѣ отъ 23-го апрѣля (4-го мая) 1745 г.,

¹⁾ Приложение къ донесенію гр. Розенберга отъ 30 января н. ст. 1745 года: „Von allen gesitteten Völkern (ausser von Frankreich und Preussen, die darüber ganz besondere Macchiavellische principia führen)... werden die Defensiv-Allianzen geachtet“. Кроме того, см. ноту гр. Розенберга отъ 6 апрѣля 1745 г.

врученной уполномоченными отъ четырехъ союзныхъ державъ. Третьяго (14-го н. с.) мая всѣ они четверо—лордъ Гиндфордъ, графъ Розенбергъ, Дедѣ и резидентъ Пецольтъ — были приглашены на конференцію къ графу Воронцову, гдѣ секретарь Ивановъ прочелъ имъ русскій отвѣтъ. Русскіе канцлеры нашли рядъ возраженій противъ Варшавскаго трактата. По одной статьѣ союзники сохраняли въ силѣ всѣ существующіе союзы, гарантіи и оборонительные договоры. а по другой — соглашались защищать Прагматическую Санкцію отъ дальнѣйшихъ нарушеній; но какъ согласить территориальныя уступки, сдѣланныя самой Маріей-Терезіей въ Бреславлѣ и Вормсѣ, съ поддержаніемъ Прагматической Санкціи, утверждавшей недѣлимость наслѣдія Карла VI? Королевство Богемія въ данную минуту очищено прусскими войсками и, повидимому, ни ему, ни Саксоніи не грозитъ болѣе опасность; въ крайности рѣчь можетъ идти только лишь о дальнѣйшей оборонѣ; такъ зачѣмъ же Варшавская унія готовится къ наступленію и сулитъ вознагражденіе польскому королю изъ будущихъ завоеваній? Россія блюдетъ дружбу со всѣми державами, съ прусскимъ королемъ находится въ союзѣ и наравнѣ съ англійскимъ присоединилась къ Бреславскому миру ¹⁾. За всѣхъ уполномоченныхъ началъ тогда говорить графъ Розенбергъ. Ни онъ, ни его товарищи не ожидали подобнаго отвѣта, способнаго только запутать дѣло: „Мы собрались здѣсь не для того, чтобы заключать новый трактатъ; а чтобы изъ уваженія къ ея величеству облегчить ей исполненіе существующихъ уже обязательствъ. Мы всѣ имѣли предписаніе просто потребовать исполненія прежнихъ трактатовъ, но мы вмѣсто того просили ея величество присоединиться къ Варшавскому договору, думая, что этотъ путь будетъ ей пріятнѣе, тѣмъ болѣе, что эта унія заключаетъ въ себѣ все то же, что и предыдущіе союзы. Мы увѣрены, что императрица признаетъ эти союзы. мы желаемъ только знать, какимъ количествомъ войска можетъ она свободно распорядиться, и, сообразно этому, въ какомъ размѣрѣ морскія державы намѣрены предложить ей субсидію“ ²⁾. Вице-канцлеръ перебилъ эту

¹⁾ Дон. гр. Розенберга 15 мая н. ст. Dass Ihre Kays. Majestät mit allen Puißancen gute Freundschaft pflegen, besonders aber auch mit des Königs von Preussen Majestät in bundsgenossentlichen engagements stehen, ja auf gleiche Weise, wie Ihre Majestät von Gross-Brittanien, dem Bresslauischen Tractate beygetreten sind.

²⁾ Дон. гр. Розенберга 4 (15) мая: Die Ursache, warumben wir die Kayserin zur accession des Warschauer Tractats gebetten, nicht aber simpliciter, gleichwie

рѣчь и официально повторилъ теперь свой прежній взглядъ, что договора 1726 года болѣе не существуетъ, такъ какъ онъ не утвержденъ императрицей Елисаветой, да и гарантія Шлезвига голштинскому дому отмѣнена при Аннѣ Іоанновнѣ. Графъ Розенбергъ еще разъ въ связи изложилъ всѣ свои доводы за трактатъ Екатерины I. Договоръ съ Англіей сталъ выработываться еще при Іоаннѣ Антоновичѣ, но не былъ тогда доведенъ до конца; итакъ, онъ не столько подтвержденъ при Елисаветѣ, сколько заключенъ сызнова. Почти то же произошло съ саксонскимъ союзомъ. Австрійскій посолъ особенно напиралъ на то, что князь Черкасскій, фонъ-Бревернъ, графъ Бестужевъ уже признали трактатъ 1726 г. Отъ своего правительства онъ давно имѣлъ предписаніе потребовать помощи сообразно буквѣ договора, но его удерживало соображеніе, что присоединеніе къ Варшавской уни дастъ Россіи такія выгоды, на которыя она не можетъ рассчитывать по смыслу союза 1726 г. ¹⁾ Пецольдъ уже на этой конференціи 3-го мая потребовалъ отъ имени своего правительства союзной помощи на случай нападенія Фридриха II на Саксонію. Графъ Розенбергъ заявилъ, что онъ послѣдуетъ его примѣру; онъ не могъ долѣе оставаться въ сомнѣніи и долженъ былъ знать навѣрное, готово ли русское правительство признать существованіе союза съ Австріей и исполнить свои обязательства. Уполномоченные другихъ державъ дружно поддерживали австрійскаго посла, но съ русской стороны говорилъ почти исключительно графъ Воронцовъ; казалось, что отвѣтъ былъ дѣломъ вице-канцлера и его союзниковъ. Дѣйствительно, еще въ тотъ же день часовъ около 10 вечера графа Розенберга посѣтилъ Пецольдъ и разказывалъ, что великій канцлеръ проливаетъ горькія слезы и говорить, будто бы все случившееся шло въ разрѣзъ съ его собственнымъ мнѣніемъ и волей, а подстроено графомъ Воронцовымъ съ приверженцами въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

wir alle darüber instruiert waren, die Erfüllung deren Tractaten anbegehret, ware, dass wir vermeinet, dass dieser modus Sr. Russ. Kays. Majestät umb so mehr angenehm fallen würde, als der Warschauer Tractat in sich selbst nichts anderes, als was ohne deme schon die vorgehende Bündnissen vermögen, enthaltet.

¹⁾ Дон. гр. Розенберга 4 (15) мая: Letzlich seye in der Declaration sub dato d. 19 Novemb. 1742. mit Unterschrift des jezigen H. Kanzlers und Brevern klar enthalten, dass die nicht Abfolgung der damals angesuchten Gdlfe keineswegs zulänglich seye, in dem zwischen beeden Reichen hiebevorr errichtetem Verknüpfungsband eine Voränderung zu machen und die wegen Unterhaltung derselben hiesiger Seits so öfters wiederholte Versicherungen einiger Ungültigkeit auszuseen.

Онъ, Бестужевъ, прямо сказалъ вице-канцлеру послѣ конференціи, что доводы союзныхъ министровъ неопровержимы, что Воронцовъ подвергаетъ императрицу опасности лишиться своихъ естественныхъ союзниковъ; канцлеръ умывалъ свои руки и предоставлялъ товарищу самому вывозить возъ изъ грязи. Воронцовъ былъ смущенъ и искалъ совѣта, какъ помочь дѣлу. Вслѣдствіе этого графъ Бестужевъ просилъ австрійскаго посла повременить еще съ требованіемъ союзной помощи ¹⁾. Впрочемъ, и самъ канцлеръ считалъ, что императрица не можетъ ни подтвердить, ни возобновить договора, нарушившаго интересы родственнаго ей голштинскаго дома. Графъ Розенбергъ просилъ у своего двора разъясненій въ дѣлѣ Шлезвига.

Итакъ, по воззрѣніямъ канцлеровъ, Россія была связана союзными обязательствами только съ Англіей, Пруссіей и Саксоніей. Оборонительный договоръ между Англіей и Россіей состоялся въ декабрѣ 1742 года. Такъ какъ сила Великобританіи покоилась на флотѣ, а Россія имѣла значеніе, только благодаря своему сухопутному войску, то трактатъ этотъ принялъ характеръ обмѣна услугъ. Въ случаѣ, еслибы европейскія владѣнія англійскаго короля подверглись нападенію, Елисавета должна была выставить ему на помощь 10 тысячъ пѣхоты и 2 тысячи кавалеріи. При нападеніи какой либо христіанской державы на Россію Георгъ II обязывался выслать ей на защиту 12 военныхъ судовъ. Впрочемъ, по желанію стороны, нуждающейся въ поддержкѣ, помощь могла быть замѣнена и денежною субсидіей въ 500 тысячъ рублей. Договоръ между Елисаветой и Фридрихомъ II былъ подписанъ въ мартѣ 1743 года. Обѣ стороны гарантировали другъ другу ихъ владѣнія и взаимно обязались военною помощью. Въ случаѣ нападенія на одну изъ державъ другая должна была помочь ей войскомъ въ три тысячи пѣхоты и двѣ тысячи конницы. Императрица присоединилась впоследствии и къ Бреславскому миру между Пруссіей и Австріей, но она отказалась дать Фридриху II особую гарантію на Силезію, прибрѣтенную имъ по этому миру. Наконецъ, оборонительный союзъ съ курфюрстомъ саксонскимъ и королемъ польскимъ Августомъ III состоялся въ 1744 г. Въ XVIII вѣкѣ сила державы опредѣлялась не только ея собственнымъ войскомъ, но и размѣромъ

¹⁾ Дон. гр. Розенберга 4 (15) мая, упреки гр. Бестужева гр. Воронцову: Er habe die Kayserin prostituiert und in die Gefahr gesetzt, ihre natürliche Alljrtre zu verlieren; er wasche seine Hände und er Woronzow sollte nun selbst den Kargen aus dem Koth ziehen.

помощи, на которую она могла рассчитывать по договорамъ. При этомъ держава, посылавшая вспомогательный отрядъ союзнику, подвергавшемуся нападенію, не вступала тѣмъ самымъ въ разрядъ воюющихъ державъ. Такъ какъ нити союзовъ между европейскими державами переплетались, то трудно бывало иногда опредѣлить, какую изъ державъ считать нападающею. Таково было положеніе Саксоніи въ 1745 году. По Варшавскому договору курфюрстъ подтвердилъ и расширилъ свои прежнія обязательства передъ Маріей-Терезіей помочь ей противъ нападенія Фридриха II. Въ силу декабрьскаго договора 1743 года Августъ III обязанъ былъ выставить помощь лишь въ 6 тысячъ человѣкъ; по Варшавской уніи онъ за субсидію и за территориальное вознагражденіе изъ будущихъ завоеваній обѣщалъ послать Маріи-Терезіи корпусъ въ 30 тысячъ человѣкъ. Фридрихъ II долженъ бы былъ считать Саксонію нейтральною, еслибы она послала помощь лишь въ размѣрѣ договора 1743 года, заключеннаго еще до его вторженія въ Богемію; но на военныя дѣйствія курфюрста, сообразныя съ Варшавскою уніей, онъ могъ смотрѣть лишь, какъ на вторженіе въ Пруссію, считать себя въ правѣ отразить силу силою и даже потребовать помощи у Россіи въ силу своего трактата отъ 1743 года. Съ другой стороны Саксонія могла сослаться на примѣръ самого короля прусскаго. Передъ тѣмъ какъ въ третій разъ нарушить свои обязательства относительно вѣнскаго двора, Фридрихъ II лѣтомъ 1744 года заключилъ договоры съ Франціей и императоромъ Карломъ VII, ведшими уже войну противъ Маріи-Терезіи за австрійское наслѣдство. Посылая въ августѣ 1744 года свои войска въ глубь Богеміи, онъ утверждалъ, что не производитъ новаго нападенія на королеву венгерскую вопреки Бреславскому миру, а лишь оказываетъ союзную помощь ея сопернику—курфюрсту баварскому и императору германскому Карлу VII. Пруссійскій король самъ придалъ тогда обратную силу своему союзному договору. Такъ почему же и дрезденскому двору не идти тѣмъ же путемъ? Въмѣсто открытаго присоединенія къ воюющей сторонѣ онъ заключилъ съ ней предварительно оборонительный союзъ, распространилъ его на текущую войну и собирался двинуть войско не только въ Силезію, закрѣпленную за Фридрихомъ II Бреславскимъ (Берлинскимъ) миромъ, къ которому нѣкогда присоединился самъ курфюрстъ, но и въ исконныя наслѣдственныя владѣнія короля. Еслибы въ отвѣтъ на такую союзную услугу венгерской королевѣ Фридрихъ II вторгся въ Саксонію, такъ на этотъ случай Августъ III заранѣе просилъ помощи у Россіи по

договору 1744 года. Въ концѣ концовъ во власти Елисаветы было признать любого изъ своихъ союзниковъ нападающею стороною и оказать помощь Фридриху II или Августу III, соображаясь лишь съ общимъ направленіемъ своей политики. Чтобы лишить Россію свободы выбора, надо было привлечь ее къ Варшавской уніи. Яснѣе были послѣдствія русскаго трактата съ Англіей. Въ мартѣ 1744 года Людовикъ XV открыто объявилъ ей войну, а въ іюнѣ усилилъ себя субсиднымъ договоромъ съ королемъ прусскимъ. Ганноверу грозило нападеніе, и Георгъ II имѣлъ полное право ждать помощи отъ Елисаветы, еслибы она даже и не присоединилась къ Варшавской уніи¹⁾.

Но уполномоченные союзныхъ державъ отнюдь еще не потеряли надежды на присоединеніе Россіи. 9-го (20-го) мая они вручили отвѣтъ на ноту русскихъ канцлеровъ. По ихъ мнѣнію, Бреславскій мирный договоръ уничтоженъ самимъ Фридрихомъ II въ минуту его послѣдняго вторженія въ Богемію; австрійскій домъ не связанъ болѣе его буквой и вступаетъ во всѣ свои прежнія права, закрѣпленныя прагматическою санкціей. Послѣ троекратнаго нарушенія мира и нѣсколькихъ вторженій въ Богемію и Моравію на протяженіи какихъ нибудь четырехъ лѣтъ, послѣ насилій, совершенныхъ въ предѣлахъ Саксоніи, въ связи съ опасностью вторженія, ежеминутно грозящею Ганноверу, всегда есть основаніе бояться прусскаго короля, пока онъ въ силахъ дѣлать зло. Всего болѣе должна бояться его Саксонія; она лежитъ по сосѣдству съ Пруссіей и болѣе всего подвержена опасности нападенія. Варшавская уніа вытекаетъ изъ принципа, провозглашеннаго самой Елисаветой; когда прусскій король вздумалъ было просить у нея помощи въ силу договора, тогда императрица отвѣтила Фридриху, что *casus foederis* (случай союза) не въ его пользу, такъ какъ онъ первый нарушилъ Бреславскій миръ. Союзные министры до того были увѣрены въ своемъ успѣхѣ, что приложили къ отвѣту проектъ акта присоединенія русской императрицы къ Варшавскому договору. По проекту, Елисавета должна была выставить корпусъ въ 40 тысячъ человекъ и тотчасъ послѣ подписанія договора отдать его въ распоряженіе венгерской королевы; за этотъ корпусъ Англія и Голландія должны были уплачивать Россіи ежегодно по два милліона голландскихъ

¹⁾ См. *Ф. Мартенсъ*, Собр. Тракт. и Конв. томы V и IX (X); *v. Arneth*, Maria Theresia's erste Regierungsjahre, B. III; *Prof. Koser*, Friedrich der Grosse. B. I. и *Die Geheimnisse des Sächsischen Cabinets Ende 1745 bis Ende 1766.* (Vitzthum).

флориновъ. Россія возобновляла при этомъ гарантію прагматической санкціи; три члена коллегіи курфюрстовъ—король Англіи, какъ курфюрстъ ганноверскій. Марія-Терезія, какъ королева Богеміи, и король польскій, какъ курфюрстъ саксенскій, обезпечивали великому князю его долу герцогства голштинскаго ¹⁾). Канцлеръ высказалъ представителямъ морскихъ державъ и Саксоніи свое частное мнѣніе о ихъ новомъ предложеніи. Императрица будетъ согласна выставить 36 тысячъ человекъ на помощь курфюрсту, но *casus foederis* она признаетъ только относительно Англіи, а потому за эти 36 тысячъ станетъ требовать 1½ милліона рублей. Графъ Розенбергъ сдѣлалъ тогда для своихъ товарищей такой расчетъ: по союзному договору Англія можетъ требовать у Россіи вспомогательный отрядъ въ 12 тысячъ человекъ или взамѣнъ ихъ 500 тысячъ рублей. Если императрица признаетъ *casus foederis*, то она должна выставить 12 тысячъ даромъ, то-есть, скинуть 500 тысячъ изъ 1½ милліоновъ рублей, запрошенныхъ графомъ Бестужевымъ. За остальные 24 тысячи ей придется одинъ милліонъ рублей, составляющій приблизительно два милліона голландскихъ гульденовъ, предложенныхъ морскими державами²⁾). Повидимому, договаривающіяся стороны были близки къ соглашенію. Впрочемъ, канцлеръ все еще считалъ невысказаннымъ признать трактатъ 1726 г., отчасти уже потому, что Россія была бы не въ состояніи выслать даромъ въ случаѣ войны 30 тысячъ войска въ Германію; но с.-петербургскій дворъ, казалось, не прочь былъ имѣть союзный договоръ съ Австріей, направленный противъ турокъ. Графъ Розенбергъ находилъ эти желанія Бестужева исполнимыми: союзная помощь въ силу договора 1726 г. становилась излишнею, если морскія державы оплачиваютъ корпусъ въ 36 тысячъ, а самый договоръ могъ тогда быть возобновленъ съ перемѣной нѣкоторыхъ статей. Но австрійскій посоль вынесъ впечатлѣніе, что русское правительство охотнѣе двинетъ свои 36 тысячъ противъ Франціи, хотя бы до самаго Парижа, нежели противъ Пруссіи ³⁾). Однако еще не всѣ затрудненія были устранены. Являлся вопросъ, какимъ путемъ русскій вспомогательный отрядъ достигнетъ Франціи. По доброй волѣ Пруссія его не пропуститъ, а проложитъ себѣ путь силой, какъ Фридрихъ II

¹⁾ Дон. гр. Розенберга за май 1745 года.

²⁾ По Aubök'y (*Hand-Lexikon über Münzen etc.* Wien, 1894) голландскій гульденъ, или флоринъ по количеству содержаемаго серебра равняется 0,85 гульдена австрійской валюты, или 1,7 германской марки.

³⁾ Und hat der Grosscantzler dem englischen Ambassadeur beygebracht, man könnte alsdan die Russische Troupen bis Paris führen. Ib.

черезъ Саксонію, русскіе не могутъ, если они вообще уже опасаются дѣйствовать противъ пруссаковъ. Съ другой стороны канцлеръ всякій другой видъ сдѣлки предпочиталъ простому присоединенію къ Варшавской уніи, заключавшей въ себѣ какія-то условія, будто бы невысказанныя для с.-петербургскаго двора. Варшавская унія подтверждала, на примѣръ, всѣ прежніе трактаты, а такая статья, по догадкамъ графа Розенберга, была неудобна для правительства, желавшаго освободиться отъ старыхъ обязательствъ. Только нужда въ деньгахъ могла принудить его выставить вспомогательный отрядъ; австрійскій посолъ надѣялся, что безденежье побудитъ русскихъ овладѣть королевствомъ Пруссіей, дабы собирать съ него доходы вплоть до заключенія мира. Всѣ эти возраженія противъ Варшавской уніи можно было предвидѣть заранѣе, а потому графъ Розенбергъ съ самаго начала стоялъ просто за требованіе союзной помощи и предложеніе о субсидіи въ два милліона; но министры морскихъ державъ предпочли пригласить Елисавету къ участию въ уніи. Далѣе, канцлеръ не желалъ отдавать вспомогательный отрядъ въ распоряженіе королевы венгерской; морскія державы должны были взять эти 36 тысячъ за себя съ правомъ предоставлять ихъ и своимъ союзникамъ, будь то Марія-Терезія или курфюрстъ саксонскій. Такимъ образомъ *casus foederis* существовалъ бы только для Англіи, а договоръ 1726 г. оставался ни при чемъ. Въ виду настроенія канцлера австрійскій посолъ готовъ былъ довольствоваться тѣмъ, чтобы морскія державы ограничились простою субсидною конвенціей съ Россіей¹⁾.

Въ четвергъ 30-го мая (10-го іюня) послы союзныхъ державъ и саксонскій резидентъ фонъ-Пецольдъ снова были на конференціи у канцлеровъ. Русское министерство вручило имъ отвѣтъ на ихъ приглашеніе къ Варшавской уніи. Оно признало *casus foederis* только по отношенію къ Англіи и обѣщало союзную помощь въ 12 тысячъ чело-вѣкъ. Притязанія Саксонія на помощь были найдены преждевременными, а существованіе договора съ Австріей прямо-таки отвергнуто. Впрочемъ, с.-петербургскій дворъ выразилъ при этомъ желаніе, не теряя времени, выработать сообразно трактату 1726 г. новый союзъ съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ статей. Присоединиться къ Варшавской уніи Елисавета не пожелала, но готова была своимъ войскомъ содѣйствовать возстановленію спокойствія; съ этою цѣлью она предлагала заключить съ союзными державами конвенцію и положить

¹⁾ Дон. гр. Розенберга отъ 29 мая н. с.

въ основаніе ея пять главныхъ пунктовъ: 1) Императрица Елисавета подтверждаетъ свои договоры съ королемъ англійскимъ и курфюрстомъ ганноверскимъ, а также съ королемъ польскимъ, какъ курфюрстомъ саксонскимъ; съ королевой Венгрии и Богеміи она обязуется, не медля, заключить новый союзный трактатъ съ нѣкоторыми измѣненіями. 2) Русскій вспомогательный отрядъ опредѣляется въ 30 тысячъ человѣкъ. 3) За каждыя 12 тысячъ уплачивается ежегодная субсидія въ 500 тысячъ рейхсталеровъ, а за весь вспомогательный корпусъ 1 миллионъ 250 тысячъ ¹⁾. 4) Если въ то время, пока русскія войска будутъ находиться за границей, Россія подвергнется нападенію со стороны какой либо нехристіанской державы, Персіи или Турціи, то 30 тысячъ вспомогательнаго войска немедленно отпускаются на родину для отраженія нападенія, а ежегодная субсидія попрежнему продолжаетъ выплачиваться Россіи. Если нападеніе послѣдуетъ со стороны христіанской державы, то 30 тысячъ войска возвращаются въ Россію, ежегодныя субсидіи продолжаютъ выплачиваться, и кромѣ того, союзники, то-есть, Англія, Ганноверъ, Саксонія, Австрія, въ свою очередь оказываютъ союзную помощь Россіи въ силу существующихъ или предстоящихъ въ будущемъ договоровъ. 5) Всѣ союзники гарантируютъ великому князю, герцогу шлезвигъ-голштинскому, его теперешнія владѣнія въ Германіи на вѣчныя времена, ему и его потомству, и обѣщаютъ поддерживать его своимъ содѣйствіемъ въ предстоящихъ переговорахъ съ Даніей по вопросу о Шлезвигѣ ²⁾.

Независимо отъ этого отвѣтнаго предложенія всѣмъ министрамъ союзныхъ державъ, канцлеры вручили гр. Розенбергу особую ноту относительно будущаго договора между Россіей и Австріей. Они предлагали положить въ его основаніе трактатъ 1726 года, но внести измѣненія сообразно оборонительному союзу съ Англіей, напимѣръ, опредѣлить размѣръ вспомогательнаго корпуса въ 12 тысячъ человѣкъ и доводить его до 30 тысячъ только въ случаѣ нападенія турокъ. Однако первымъ условіемъ новаго договора Россія ставила, чтобы текущая война Австріи была изъята изъ круга его дѣйствія. Право на союзную помощь могло дать только нападеніе, которое по-

¹⁾ Здѣсь расчетъ идетъ по талерамъ эрцгерцога Альберта, которые чеканились въ Нидерландахъ съ 1598 г. *Albertusthaler* былъ во вторую половину XVIII вѣка въ ходу въ Голландіи, Курляндіи, Лифляндіи и равняется по количеству содержаимаго серебра 2.187 гульденамъ австрійской валюты или 4.375 германскихъ марокъ. См. *Апбѣк*, I. с.

²⁾ Дон. гр. Розенберга отъ 1 (12) и 5 (16) іюня

слѣдуетъ послѣ прекращенія настоящей войны. Нападеніе на Россію со стороны Персіи и другихъ азіатскихъ государствъ, равно какъ и нападеніе на владѣнія вѣнскаго двора въ Италіи или его война съ Испаніей не должны были составлять *casus foederis*. Въ этомъ отвѣтѣ русскаго канцлерства коренятся уже и союзный договоръ съ Австріей. и субсидныя конвенціи съ Англіей, осуществившіяся въ слѣдующіе годы. Но относительно борьбы между Фридрихомъ II и Маріей-Терезіей императрица еще сохраняла выжидательное положеніе.

Министры морскихъ державъ довѣрили гр. Розенбергу и Пецольду выработать донесеніе ихъ дворамъ о послѣднихъ русскихъ предложеніяхъ. Австрійскій посоль и резидентъ Саксоніи сообщили этому донесенію форму воображаемаго отвѣта и наказа англійскаго короля милорду Гиндфорду. Они были убѣждены, что с.-петербургскій дворъ ищетъ только повода затянуть все дѣло, не навлекая на себя упрековъ въ неисполненіи обязательствъ. Чтобы сорвать маску съ русскихъ канцлеровъ, было найдено вѣрное средство. По договору между Англіей и Россіей сторона, прибѣгающая къ помощи союзника, могла выбирать между вспомогательнымъ отрядомъ въ 12 тысячъ человѣкъ (или соотвѣтствующимъ числомъ судовъ) и субсидіей въ 500 тысячъ рублей. Такъ какъ русское правительство признало относительно Англіи *casus foederis*, то гр. Розенбергъ и Пецольдъ предлагали сообщать потребовать у Елисаветы денежной субсидіи, которую она по состоянію финансовъ не въ силахъ выплатить; эта уловка принудить императорское правительство согласиться на разумныя уступки или признать открыто свою несостоятельность¹⁾. Пецольдъ предупредилъ объ этомъ рѣшеніи канцлера. Бестужевъ умолялъ его удержать товарищей отъ требованія субсидіи въ 500 тысячъ, иначе голова его попадетъ на плаху, такъ какъ онъ былъ единственнымъ защитникомъ трактата съ Англіей. Союзные министры хорошо понимали расчетъ канцлера; пока придетъ отвѣтъ изъ Англіи, и пока будутъ закончены приготовленія къ переправѣ вспомогательнаго отряда, удобное время года минуетъ; въ концѣ августа и началѣ сентября плаваніе по Сѣверному морю сопряжено уже съ опасностями; напротивъ, уплата денежной субсидіи можетъ совершиться во всякое время года, а между тѣмъ на два

¹⁾ Дон. гр. Розенберга отъ 5 (16) іюня. Einfeldsamb diese zu bezahlen sich nicht werden entschlagen können, zumahlen Sie aber dieses zu praestiren nicht vermögen, so glauben wir sie dadurch umb so mehr zu bezwingen, raisonable Propositiones einzugehen, alls Sie ansonsten genöthiget würden, offentlich und vor der ganzen Welt sich prostituiret zu sehen.

милліона голландскихъ флориновъ, жертвуемыхъ морскими державами, да на 500 тысячъ рублей русской субсидіи можно въ самой Германіи нанять болѣе значительный отрядъ войска. Въ виду этого гр. Розенбергъ и Пецольдъ считали себя въ правѣ требовать уступокъ съ русской стороны и въ этомъ духѣ выработали воображаемый отвѣтъ англійскаго короля. Гиндфордъ долженъ былъ настаивать на признаніи casus foederis относительно Саксоніи и договора 1726 года съ Австріей. Русскому двору пора знать, что союзъ съ Вѣной важенъ для него не только въ виду опасности со стороны Оттоманской Порты: Марія-Терезія не можетъ принять на себя обязательствъ въ пользу Голштинскаго дома, если русскіе канцлеры отказываются гарантировать прагматическую санкцію и исключаютъ текущую войну изъ круга дѣйствія новаго договора. Англія настаиваетъ на присоединеніи Россіи къ Варшавской униі, а для субсидной конвенціи предлагаетъ такія условія: с.-петербургское правительство ставить въ поле 24 тысячи пѣхоты, 4 тысячи драгунъ, 2 тысячи гусарь. Изъ общей суммы въ 30 тысячъ человѣкъ 12 тысячъ оно высылаетъ въ силу оборонительнаго договора съ Англіей, а за остальные 18 тысячъ морскія державы уплачиваютъ ей 2 милліона голландскихъ флориновъ. Въ случаѣ, если на Россію втеченіе этой войны нападетъ какая либо христіанская или иновѣрческая держава, то она можетъ отозвать весь свой вспомогательный отрядъ или только часть его, но лишается соотвѣтствующей доли субсидій. Въ виду времени года Россія можетъ содѣйствовать общему благу только диверсіей въ Прусское королевство, расположивъ тамъ свои 30 тысячъ на зимнія квартиры и пользуясь съ согласія союзниковъ и безъ уменьшенія субсидій всѣми налогами, податями и доходными статьями въ этой области вплоть до заключенія мира. На слѣдующую кампанію союзники сообщать Россіи особый планъ; тогда она обязана двинуть свой отрядъ въ Силезію, на Рейнъ или даже за Рейнъ или въ Нидерланды, соединиться съ союзною арміей и дѣйствовать заодно противъ любого врага и на каждомъ театрѣ войны, исключая Италію и Испанію. Это былъ въ сущности ультиматумъ, вложенный въ уста англійскаго короля и проникнутый желаніемъ направить союзныя силы Россіи не противъ Франціи и даже не на защиту Ганновера, а прямо въ глубь Восточной Пруссіи. Въ случаѣ, еслибы онъ не былъ принятъ, то, въ виду малочисленности обязательныхъ 12 тысячъ и поздняго времени года, Гиндфордъ долженъ былъ требовать денежную субсидію въ 500 тысячъ рублей.

До поры до времени представители всѣхъ союзныхъ державъ ограничились протестомъ ¹⁾ противъ того, что русское правительство не признало ни *casus foederis* для Саксоніи, ни договора 1726 года для Австріи вопреки собственной его деклараціи отъ 19 ноября 1742 года. Они отказывались также отъ словъ, приписанныхъ имъ канцлерами, будто бы Турція нападетъ на Россію, какъ только ея вспомогательный отрядъ двинется на помощь союзникамъ. Гиндфордъ принесъ эту ноту канцлеру на всякій случай въ запечатанномъ конвертѣ, засталъ его дома и притомъ съ друзьями за токайскимъ виномъ, долженъ былъ принять участіе въ обильномъ изліяніи ²⁾ и, только уходя, оставилъ пакетъ. Около 9 часовъ вечера канцлеръ призвалъ къ себѣ саксонскаго совѣтника Функа и сильно горячился: гр. Розенбергъ хочетъ, видно, положить мою голову на плаху; онъ приводитъ въ нотѣ декларацію императрицы отъ 19-го ноября 1742 года; князя Черкаскаго и Бреверна нѣтъ болѣе въ живыхъ, вся отвѣтственность падетъ исключительно на меня; вѣдь мы съ Ботта условились, что декларація дана только для вида и не должна вести ни къ какимъ послѣдствіямъ.

Извѣстіе о пораженіи пр. Карла при Гознфридбергѣ (4 іюня н. с.) усилило боязливость русскаго канцлера ³⁾. 13 (24) іюня Пецольдъ получилъ отъ польскаго короля новое предписаніе настоятельно требовать у Елисаветы помощи для Саксоніи въ виду того, что Фридрихъ II отозвалъ своего представителя изъ Дрездена, вызвалъ саксонскаго резидента изъ Бреслава и стягивалъ войска, угрожая вторженіемъ. Пецольдъ указывалъ при этомъ случаѣ Бестужеву, что Россіи выгоднѣе принять предложеніе морскихъ державъ, нежели даромъ выставить 24 тысячи человекъ по договорамъ съ Англіей и Саксоніей. Канцлеръ очевидно былъ подъ впечатлѣніемъ прусской побѣды. Свой договоръ съ Англіей онъ толковалъ теперь въ томъ смыслѣ, что русскія войска будутъ стоять въ предѣлахъ Ганновера, но не пойдутъ воевать далѣе его; поведеніе Фридриха II относительно Саксоніи онъ оправдывалъ извѣстіемъ, будто бы между польскимъ королемъ и Маріей-Терезіей состоялось соглашеніе о раздѣлѣ его земель. Бестужевъ сожалѣлъ, что союзники не сообщили до сихъ поръ австрোসаксонскаго договора, и что онъ пока долженъ вѣрить на слово прусскому

¹⁾ Нота отъ 1-го (12-го) іюня.

²⁾ Er trafte aber den Grosskanzler an, nebst seinen guten Freunden, in Vergrichtung vieles Tokayerweines beschäftigt, wobey er mitzuehen musste. Док. гр. Розенберга отъ 5-го (16-го) іюня.

³⁾ Вѣсть о побѣдѣ Фридриха II дошла до С.-Петербурга ночью 14-го іюня н. с.

жоролю. Гр. Розенбергъ ждалъ, что русскій дворъ вообще откажется теперь отъ всякихъ обязательствъ, и просилъ отозвать его; одновременный отъѣздъ трехъ пословъ могъ еще вызвать тревогу въ русскихъ правительственныхъ кругахъ ¹⁾. Австрийскому послу начинала даже улыбаться мысль поддержать виды Даніи на Голштинію въ ущербъ русскому великому князю. Канцлеръ Бестужевъ какъ разъ на этихъ дняхъ заявилъ датскому посланнику, что договоръ, заключенный съ Даніей при Аннѣ Іоанновнѣ, недѣйствителенъ, не утвержденъ Елисаветой и нарушаетъ интересы герцога голштинскаго, лишая его удовлетворенія за Шлезвигъ. Если воспользоваться раздраженіемъ копенгагенскаго двора и тайнымъ договоромъ закрѣпить ему голштейн-кильскія владѣнія, то, можетъ быть, онъ примкнетъ къ общему дѣлу союзниковъ; въ случаѣ удачной войны голштинскій домъ можно удовлетворить клеветскими землями. Данія, по словамъ ея посланника, во что бы то ни стало желаетъ обезпечить себѣ въ будущемъ миръ и покой, а объ этомъ нечего и думать, пока Голштинія въ русскихъ рукахъ черезъ великаго князя или въ шведскихъ черезъ наслѣднаго принца. Объединеніе Голштиніи съ Даніей не будетъ нарушеніемъ равновѣсія относительно Ганновера, такъ какъ доходы съ великокняжескаго герцогства исчислялись всего на всего въ 200 тысячъ талеровъ ²⁾.

Частная бесѣда съ гр. Воронцовымъ подала поводъ снова надѣяться на соглашеніе. По словамъ вице-канцлера, опасныя намѣренія Фридриха II, то-есть, вѣроятно, его предполагаемая попытка взволновать турокъ и шведовъ противъ Россіи, хорошо извѣстны императрицѣ и вызываютъ въ ней иногда раздраженіе, но все-таки ея склонность къ прусскому королю настолько сильна, что нечего и надѣяться получить противъ него помощь; зато Елисавета не прочь выставить войско противъ французскаго короля, не смотря на всѣ его любезности ³⁾. А вѣдь для Австріи это должно быть безразлично. Хотя

¹⁾ Дон. гр. Розенберга отъ 15-го (26-го) іюня.

²⁾ Дон. гр. Розенберга отъ 29 іюня (10 іюля).

³⁾ Дон. гр. Розенб. 6 (17) іюля. Dass obschon die Kayserin von des Königs von Preussen gefährliche Absichten unterrichtet seye, auch jeweilen wider selben irritiret su seyn schiene, so wäre doch die vorzügliche Lieb für ihn so stark, dass nimmer und nimmer mehr die Hofnung erwecket werden könnte, wider ihn Trouppen zu verlangen. Die grosse Lieb für diesen Herrn seye umb so deutlicher abzunehmen, als die Kayserin wider Frankreich Trouppen zu gebèn nicht unge-neugt seyn solle.

союзная помощь противъ Пруссіи скорѣе увѣнчалась бы успѣхомъ, но въ концѣ концовъ все сведется къ одному и тому же: часть арміи, воюющей теперь противъ Франціи, равная вспомогательному отряду, можетъ быть двинута противъ Фридриха II. Воронцовъ общалъ переговоры въ этомъ смыслѣ съ императрицей и сообщить гр. Розенбергу ея мнѣніе. Австрійскій посоль вернулся во время этой бесѣды еще разъ къ договору 1726 года. Онъ напомнилъ официальное заявленіе Елисаветы, что корона принадлежитъ ей по завѣщанію матери, и выводилъ отсюда обязательность для нея трактата, заключеннаго Екатериной I. Главными доводами оставались извѣщеніе о восшествіи на престолъ и заявленіе отъ 1742 года, подписанное гр. Бестужевымъ и ф. Бреверномъ; оба документа признавали существованіе союза. Тогда гр. Воронцовъ сослался на слова самой императрицы, что извѣщеніе о восшествіи на престолъ было подсунуто ей кн. Черкасскимъ, а декларация 1742 года составлена и отослана маркизу Ботта безъ ея вѣдома и въ противность ея воли ¹⁾). Два дня спустя, гр. Розенбергъ передалъ весь свой разговоръ съ Воронцовымъ канцлеру. Бестужевъ былъ пораженъ обвиненіемъ кн. Черкаскаго въ нечестности, а его самого въ самовольныхъ дѣйствіяхъ. По его словамъ, государыня болѣе, чѣмъ когда либо, раздражена противъ прусскаго короля ²⁾). Когда принцесса цербетская и голштинскій гофмаршалъ стали было превозносить передъ ней послѣднюю побѣду Фридриха II, то Елисавета отвѣчала имъ съ большою занальчивостью: „коли такъ, то я не могу оставаться долѣе зрительницею, это противно моимъ интересамъ допустить королеву венгерскую до гибели, я должна вступить за нее“. Все это разказалъ канцлеру гр. Разумовскій, а позднѣе подтвердила и сама императрица. Бестужевъ старался выставить

¹⁾ Ibid. Er könnte mir aber nicht bergen, dass die Kayserin sagete, das Notificationsschreiben seye ihr vom Czerkasky unterachoben worden und dass Graf Bestuchéff die Declaration von anno 1742 wider ihren Willen und Wissen in dergleichen Terminis verfasset.

²⁾ Дон. гр. Розенберга 6 (17) іюля. Er sagte mir, die Czaarin seye mehr als niemals wider den König von Preussen aufgebracht, ja sogar, dass als die Prinzessin von Zerbst und Brümmer die vom König von Preussen letzthin erhaltene victorie bey ihr Czaarin so sehr erhoben, dieselbe mit grosser vivacität geantwortet haben solle: auf diese Weis könne Sie der Sache nicht länger zusehen; es seye wider ihr Interesse die Königin von Hungarn verfallen zu lassen, und Sie müste sich ihrer annehmen. Бестужевъ говорилъ: Woronzow seye ein Schellm, und war er nicht bald nach Aachen reysete, so würde er, Grosskantzler, seine Demission begehren.

зъ выгодномъ свѣтѣ свое усердіе. Воронцовъ—плуть, говорилъ онъ: если онъ не уѣдетъ въ Ахенъ, такъ я подамъ въ отставку. По словамъ канцлера, враги Австріи распускали про нее явную ложь, это должно открыть глаза императрицѣ. Съ послѣднею почтой онъ получилъ письмо безъ подписи; сообщалось, что будто бы въ Вѣнѣ собиралась конференція при участіи англійскаго и саксонскаго министра, совѣщалась о возведеніи на престолъ Ивана и поручила это дѣло гр. Розенбергу. Слѣдствіе выяснило, что письмо брошено на почту въ Цербстѣ и пришло въ С.-Петербургъ черезъ Гамбургъ, хотя написано какъ бы изъ Вѣны очевидцемъ. И такъ, австрійскій посолъ имѣлъ основаніе вѣрить, что между Бестужевымъ и Воронцовымъ идетъ борьба. Казалось даже, что вице-канцлеръ взялъ верхъ. По общанію онъ переговорилъ съ императрицей и сообщилъ гр. Розенбергу отвѣтъ: противъ короля прусскаго она ничего не хочетъ предпринимать, другое дѣло противъ Франціи. Но гр. Розенбергъ считалъ вице-канцлера противникомъ австрійскихъ предложеній. Онъ помнилъ, что Воронцовъ не признаетъ ни договора 1726 года, ни *casus foederis* для Саксоніи, зналъ изъ вѣрныхъ рукъ и содержаніе докладной записки, врученной имъ императрицѣ. По мнѣнію вице-канцлера, Елисавета ради своей собственной безопасности не должна вмѣшиваться въ чужеземныя дѣла. Если русская армія пойдетъ за границу, то австрійскій и брауншвейгскій домъ легко найдутъ случай склонить офицеровъ и рядовыхъ на сторону Ивана Антоновича; по возвращеніи на родину они лишатъ ее короны и скипетра. Народъ будетъ недоволенъ, что императрица уменьшаетъ число населенія въ странѣ, а финансы потерпятъ большой ущербъ отъ сокращенія потребления вина въ кабакахъ. Совѣсть ея величества не можетъ дозволить ей проливать русскую кровь, разъ дѣло не идетъ о защитѣ государства. При томъ же офицеры и рядовые усвоятъ себѣ за границей чуждые нравы и начала, несогласныя съ православною вѣрой, а это вредно отразится на государственной жизни и тяжело ляжетъ на совѣсть императрицы ¹⁾). Графу Розенбергу Воронцовъ совѣтовалъ не требовать рѣшительнаго отвѣта, который выйдетъ отрицательнымъ; Елисавета ни въ какомъ случаѣ не приметъ участія въ войнѣ; лучше затянуть переговоры и держать своихъ враговъ въ неизвѣстности относительно замысловъ Россіи. Однако австрійскій посолъ предпочиталъ сразу узнать горькую правду и найти поскорѣе другое войско

¹⁾ Дон. гр. Розенберга отъ 20 (31) іюля.

за ту же субсидію. Вице-канцлеръ закончилъ разговоръ увѣреніемъ, что онъ давно настаиваетъ на необходимости дать вѣнскому двору, не медля, откровенный отвѣтъ, то-есть, отвергнуть договоръ 1726 года и отказать Австріи въ помощи, и обѣщаль еще разъ просить объ этомъ государыню ¹⁾).

Гр. Розенбергъ начиналъ отчаиваться за Бестужева. Уѣдетъ ли еще Воронцовъ на годъ за границу въ отпускъ, давно разрѣшенный Елисаветой? Рѣшится ли канцлеръ тотчасъ послѣ его отъѣзда заговорить другимъ языкомъ? Съумѣетъ ли этотъ человѣкъ, который, по наблюденію дипломатовъ и по собственному признанію, черезъ часъ начисто забывалъ только что прочитанную бумагу, вдругъ въ нѣсколько мѣсяцевъ переубѣдить женщину, удѣлявшую иной разъ лишь по часу въ мѣсяцъ на бесѣду съ министромъ? ²⁾). Взгляды, изложенные Воронцовымъ въ его докладной запискѣ, ближе подходятъ къ общему складу духовнаго міра императрицы и пускаютъ глубокіе корни въ ея умъ и сердца. Къ тому же жена вице-канцлера, женщина умная и пріятная въ обхожденіи, приходится Елисаветѣ родственницей и всегда около нея, а самъ Воронцовъ—созданіе государыни; ихъ жизненныя нити переплелись, ихъ таинственныя судьбы неразрывно связаны. Вице-канцлеръ имѣетъ доступъ къ государынѣ во всякое время дня, а Бестужевъ принять можетъ быть изъ десяти

¹⁾ Дон. гр. Розенберга отъ 20 (31) іюля. Er sagte mir bey Endigung unseres Discurs, ob es uns dan vorträglich wäre, wan uns ganz alatt gesagt würde, dass die Kayserin in keinem Fall einen Antheil zu nehmen gedenke; er glaube, es seye uns vorträglicher, die Sache nicht dahin gelangen zu lassen, weil unserc Feinde dadurch in suspenso gehalten wurden... Seine Meinung seye allzeit gewesen, uns nicht lang in suspenso zu lassen, sondern wegen der Unsubsistenz der Allianz und nicht anzuhofen habender Hülfe die Wahrheit also bald zu sagen.

²⁾ Ibid. Und mir selbstens öfters bekennet, dass wan er eine Schrift gelesen, in einer Stund darauf den Inhalt dessen vollkommen vergessen hat, welches ich und meine Colleguen täglich genugsamb erfahren.

Надо имѣть въ виду, что болѣе наблюдательные дипломаты считали это притворствомъ со стороны канцлера. Мардефельдъ говоритъ, на примѣръ: il prétexte souvent un défaut de mémoire qu'il a excellente, pour que les ministres étrangers lui remettent par écrit les propositions qu'ils lui ont faites. См. *Pr. Koser*, Preussen und Russland im Jahrzehnt vor dem siebenjährigen Kriege въ *Preussische Jahrbücher*, В. 47. Мы лично склонны объяснять многія странности въ характерѣ гр. Бестужева его неумѣренностью въ употребленіи крѣпкихъ винъ. Возможно, что ослабленіе памяти и затруднительность рѣчи наступали у него лишь послѣ хмеля, но что онъ ловко пользовался ими, когда надо было уклониться отъ прямого и немедленнаго отвѣта.

разъ одинъ. Если канцлеръ не одержитъ полного успѣха въ отсутствіи Воронцова, такъ ему будетъ грозить ссылка. Но ни одно изъ предположеній гр. Розенберга не сбылось; рѣшительный образъ дѣйствіе Фридриха II измѣнилъ положеніе дѣлъ въ С.-Петербургѣ.

Въ письмѣ къ Елисаветѣ отъ 10-го августа н. с. 1744 года Фридрихъ II извѣстилъ ее о своемъ рѣшеніи поддержать императора противъ королевы венгерской; онъ увѣрялъ, что руководится при этомъ желаніемъ отомстить вѣнскому двору за заговоръ маркиза Ботта и за старанія возвести на русскій престолъ Ивана. Въ концѣ года онъ прямо-таки приглашалъ ее употребить свои усилія ко всеобщему замиренію и официально просилъ союзной помощи противъ Маріи-Терезіи ¹⁾. Прусскій посланникъ Мардефельдъ съ своей стороны еще въ Москвѣ въ декабрѣ 1744 года посѣтилъ Бестужева и передалъ ему записку на французскомъ языкѣ, въ которой онъ изложилъ какъ бы свои личныя воззрѣнія на положеніе дѣлъ въ Европѣ. Все сводилось здѣсь къ тому, чтобы Елисавета приняла на себя посредничество между императоромъ Карломъ VII и его союзниками, то-есть, главнымъ образомъ королемъ прусскимъ, съ одной стороны, и королевой венгерскою, съ другой. Императору Карлу VII должны быть возвращены его наслѣдственные баварскія владѣнія и уступлены австрийскія въ предѣлахъ Швабскаго округа, такъ называемая Передняя Австрія; Марія-Терезія могла искать за нихъ вознагражденіе гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Не смотря на опредѣленность предложеній о посредничествѣ, канцлеръ не далъ хода запискѣ, которая даже не была подписана Мардефельдомъ. По возвращеніи двора въ С.-Петербургъ, когда Елисавета временно вернулась къ больному великому князю въ село Хотилово (январь 1745 года), прусскій посланникъ вручилъ канцлеру письмо отъ своего государя на имя императрицы, заключавшее въ себѣ требованіе союзной помощи противъ Австріи.

Самъ Фридрихъ II не придавалъ большаго значенія русской помощи; но она была нужна ему на показъ ²⁾. Елисавета была тронута письмами короля Фридриха и отдала дѣло на рѣшеніе коллегіи ино-

¹⁾ Politische Correspondenz Friedrichs d. Gr., B. III. Письма короля къ Елисаветѣ отъ 10-го августа, 6 и 19 декабря н. с. 1744 г.: „Aussi n'y aurait il rien de plus glorieux pour V. M. Impériale que si Elle voulait joindre ses bons offices à ceux des autres pour la pacification générale.

²⁾ Polit. Corr.. B. IV. Эъхель гр. Подевильсу, отъ имени короля 7 янв. 1745 г.: nicht sowohl, um eine reelle Assistance von Russland zu erwarten, als vielmehr nur einen Eclat davon zu machen.

странныхъ дѣлъ. предписывая имѣть въ виду, что нельзя допускать разгрома Пруссіи. Коллегія пришла къ заключенію, что Фридрихъ II самъ началъ новую войну и не имѣетъ права требовать союзной помощи ¹⁾). Между тѣмъ въ январѣ 1745 года умеръ императоръ Карлъ VII, прусскій король не могъ долѣе прятаться подъ личиной его союзника, и посредничество Россіи могло теперь осуществиться лишь непосредственно между Маріей-Терезіей и Фридрихомъ II. 23-го января (3-го февраля) отвѣтъ русскаго правительства, подписанный Воронцовымъ въ Хотилувѣ, былъ посланъ въ Берлинъ графу Чернышеву, а три дня спустя врученъ и барону Мардефельду. Въ виду того, что прусскій король обратился къ русской императрицѣ съ просьбой о посредничествѣ, Елисавета выражала желаніе взять его исключительно на себя, если только и другія державы дадутъ на то свое согласіе. Этотъ отвѣтъ былъ сообщенъ не только Фридриху II, но и дворамъ вѣнскому, лондонскому и дрезденскому ²⁾). Курфюрста саксонскаго государыня увѣдомила, кромѣ того, черезъ своего посла графа М. Бестужева, что двоекратное нарушеніе Фридрихомъ II саксонской границы (*violatio juris territorialis*) она не можетъ признать за случай союза; точно также, если саксонское войско, соединившись съ австрійскимъ, вторгнется въ наслѣдственные земли короля, и король отвѣтитъ на это войной, то Россія будетъ считать Августа III нападающею стороною ³⁾). Итакъ, русское правительство сдѣлало для *casus foederis* относительно Фридриха II и Августа III различіе между наслѣдственными владѣніями бранденбургскаго дома и вновь приобретеннымъ герцогствомъ Силезіей. Своимъ вторженіемъ въ Богемію прусскій король самъ нарушилъ Бреславскій миръ, а потому Елисавета, принимая на себя посредничество, признавала его, однако, за нападающую сторону (*pro aggressore*) и отказывала въ союзной помощи, пока его противники ограничиваются войной въ предѣлахъ Силезіи. Съ другой стороны, проходъ прусскаго войска черезъ Саксонію Россія не признавала за случай союза относительно Августа III въ виду того, что онъ дѣятельно помогалъ Маріи-Терезіи; она готова была объявить и его нападающею стороною, если онъ, помогая Австріи, двинетъ свое войско за предѣлы Силезіи въ исконныя земли бранденбургскаго дома. Колеблясь между Маріей-Терезіей и Фридрихомъ II, императрица стала на римипрительную точку зрѣнія, что за

¹⁾ Дон. гр. Розенберга 30 янв. н. с. 1745 г.

²⁾ Дон. гр. Розенберга за февраль.

³⁾ Дон. гр. Розенберга 20 марта н. с.

нарушеніе Бреславскаго мира король прусскій можетъ быть лишень только лишь Силезіи, приобрѣтенной по этому миру. Всякое дальнѣйшее ограниченіе его владѣній будетъ равносильно нападенію на него. Фридрихъ II былъ недоволенъ такимъ оттѣнкомъ посредничества. Ни онъ, ни Марія-Терезія, ни Августъ III не могли сочувствовать различенію между наслѣдственными и благоприобрѣтенными областями прусской короны ¹⁾. Когда Мардефельдъ увѣдомилъ короля (дон. отъ 23-го января н. ст.), что, по словамъ канцлеровъ, Елисавета согласна принять на себя посредничество, Фридрихъ II предписалъ ему (отъ 6-го февраля н. ст.) не слишкомъ выказывать свое усердіе въ этомъ дѣлѣ, а вести себя такъ, какъ будто онъ желаетъ узнать предварительно условія, положенныя въ его основаніе, а главное внушить, что Марія-Терезія сама нарушила Бреславскій миръ вторженіемъ въ Силезію. Получивъ русскую ноту о посредничествѣ, король былъ недоволенъ въ ней утвержденіемъ, что будто бы онъ официально просилъ о немъ Елисавету. По взгляду Фридриха, онъ поручилъ Мардефельду лишь развѣдать настроеніе императрицы, не болѣе. Онъ уклончиво отвѣчалъ графу Чернышеву, благодарилъ императрицу за предложеніе и выражалъ желаніе договориться сначала объ условіяхъ. Еще въ первыхъ числахъ марта н. ст. король прусскій относился выжидательно къ дѣлу посредничества, видя въ немъ лишь „последнюю тетиву на свой лукъ“ ²⁾. Одновременно онъ велъ тайные пере-

¹⁾ См. Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen, B. IV. Гр. ф. Бэссъ сообщилъ изъ Дрездена отъ 12-го апр. н. ст. со словъ М. Бестужева, что Елисавета совѣтуетъ королю польскому de ne pas agir ouvertement contre les Etats-héritaires de V. M., dans le nombre desquels la Silésie n'était pas comprise. Король приказалъ переслать эту депешу Мардефельду съ наставленіемъ darüber sowohl als wegen der suprenanten und chicaneusen Distinction, welche der Graf Bestushev zu Dresden zwischen den Pays héritaires und zwischen Schlesien machen wollen, gehörige Repräsentationen zu thun. Точно также и гр. Розенбергъ въ донесеніи отъ 19-го апрѣля. Dass in der von Bestucheff zu Dresden gethanen Erklärung unterhalten ist, dass wan die Preys. Erblanden angegriffen würden, und der König nachmals diesen Angriff ahnten und in die Sächss-Länder einfallen sollte, so würde der hiesige Hof das weitere Verfahren des Königs von Preysen wider Sachsen nicht pro casu foederis ansehen. Diese Einwendung aber ist ohne Grund, dan der letztlich mit Preysen gemachte Tractat alle seine Lande überhaupt und indistincte begreift, auch zwischen Schlesien und anderen patrimonial-Landen keinen Unterschied machet.

²⁾ Pol. Corr., B. IV. Фридрихъ Мардефельду 4-го марта н. ст.: Quant à la médiation de la Russie, je vous réitère encore que mon intention n'est nullement ni de la refuser ni de la décliner; au contraire, je la regarde toujours comme la dernière corde de mon arc, sur quoi vous pouvez prendre vos mesures.

говоры съ Англіей черезъ своего президента Андріэ. Еслибы не состоялось англійское посредничество, тогда лишь только министръ Подевильсь долженъ былъ всѣми силами добиваться вмѣшательства въ это дѣло Россіи. Но Елисавета была оскорблена колебаніями Фридриха II, въ особенности его взглядомъ, будто бы Мардефельдъ никогда формально не просилъ ея о содѣйствіи. 23-го апрѣля н. ст. графъ Чернышевъ передалъ въ Берлинѣ ноту, въ которой государыня отказывалась отъ предложеннаго ей посредничества. Король сталъ прямо-таки говорить объ „взмѣнѣ“ Россіи ¹⁾; но Мардефельдъ утѣшался тѣмъ, что переговоры о посредничествѣ задержали присоединеніе Россіи къ Варшавскому договору, и не обрывалъ ихъ. Въ іюлѣ Фридрихъ II готовъ былъ довольствоваться тѣмъ, чтобы императрица спокойно блюла невмѣшательство. Онъ надѣялся, впрочемъ, смять Саксонію прежде еще, чѣмъ вѣсть о непріязненныхъ дѣйствіяхъ дойдетъ до С.-Петербурга. Его войско уже стягивалось къ саксонской границѣ. 25-го августа н. ст. прусскій король обнародовалъ манифестъ, въ которомъ оправдывалъ начало военныхъ дѣйствій противъ Саксоніи тѣмъ, что курфюрстъ и королева венгерская договорились о вознагражденіи дрезденскаго двора изъ завоеваній на счетъ Пруссіи. На этомъ основаніи Мардефельдъ еще разъ потребовалъ союзной помощи у Россіи. Въ нотѣ отъ 24-го октября (4-го ноября) графъ Чернышевъ отвѣчалъ, что послѣ воинственнаго манифеста противъ Саксоніи его государыня должна признать случай союза относительно курфюрста, но все еще готова стать посредницей и уладить недоразумѣнія между Берлиномъ и Дрезденомъ. Въ этой нотѣ русское правительство настаивало на различіи между исконными областями Пруссіи и Силезіей, прибрѣтенною по Бреславскому миру; оно оправдывало короля польскаго тѣмъ соображеніемъ, что онъ не питаетъ враждебныхъ замысловъ противъ наслѣдственныхъ владѣній Фридриха II ²⁾. Въ дѣйствительности вѣнскій и дрезденскій дворы скрыли отъ Елисаветы, что они еще въ маѣ договорились вознаграждать курфюрста Августа III изъ старыхъ земель бранденбургскаго дома, между прочимъ Магдебургомъ. Но Фридрихъ II потерялъ уже надежду удержать Россію отъ дѣятельнаго вмѣшательства въ

¹⁾ Ibid. Фридрихъ Подевильсу отъ 26-го апрѣля н. ст.: Il est vrai que la trahison de la Russie, si subite et pour une raison si frivole, n'était pas un événement à prévoir.

²⁾ Preussische Staatsschriften aus der Regierungszeit König Friedrichs II, B. I.

войну, да и не нуждался болѣе въ ея посредничествѣ. Переговоры съ Англіей пошли лѣтомъ удачно, и 15-го (26-го) августа была подписана лордомъ Гаррингтономъ и резидентомъ Андріэ Ганноверская конвенція. Георгъ II принялъ на себя посредничество между воюющими сторонами на почвѣ Бреславскаго мира, то-есть, гарантировалъ Силезію Фридриху II, который за это при выборѣ императора долженъ былъ подать голосъ за супруга Маріи-Терезіи, великаго герцога Франца. Саксонія, Ганноверъ, Курфальцъ и Гессенъ-Кассель должны быть включены въ этотъ миръ. Ганноверская конвенція легла затѣмъ въ основаніе дрезденскаго мира; до поры до времени она была важна для Фридриха II уже тѣмъ, что отдѣляла Англію отъ Австріи и Россіи; безъ англійскихъ субсидій русское вмѣшательство въ германскія дѣла не было такъ опасно ¹⁾. Король прусскій находилъ, правда, что Мардефельдъ слишкомъ легко смотритъ на посылку 15 тысячъ русскаго войска въ Германію, но предписывалъ ему все-таки держаться твердаго тона: король сдѣлалъ все, чтобы сохранить миръ съ императрицей; если она все-таки окажетъ помощь его врагамъ при нападении на Силезію, такъ онъ найдетъ болѣе друзей, чѣмъ ожидаютъ ²⁾. Нападеніе Фридриха II на Саксонію вывело Елисавету изъ нерѣшительности и опредѣляло въ С.-Петербургѣ исходъ борьбы между Воронцовымъ и Бестужевымъ.

Въ августѣ 1745 года Фридрихъ II впервые увѣдомилъ с.-петербургскій дворъ о своемъ намѣреніи напасть на Саксонію. Въ глазахъ союзныхъ министровъ этотъ шагъ противъ курфюрета Августа могъ служить пробнымъ камнемъ для бездѣйствія, возведеннаго русскимъ дворомъ въ принципъ. Если какой либо дворъ въ Европѣ могъ до сихъ поръ ласкать себя увѣренностью въ дружбѣ Россіи, такъ это дрезденскій; ихъ связывалъ и польскій вопросъ, и личное распо-

¹⁾ *Droysen*, Geschichte der Preussischen Politik. Th. V. B. 2; *Wenck*, Codex juris gentium, II.

²⁾ Pol. Corr., B. IV. Фридрихъ секретарю Эйхелю отъ 8-го ноября н. ст. Lettre à Mardefeld: Que j'avais fait jusqu'ici tout ce que j'ai pu pour vivre en bonne intelligence avec l'Impératrice russe, mais que si contre toute raison elle veut fournir des secours à mes ennemis pour envahir la Silésie, il faudra bien que je m'en console, et que je trouverai plus d'amis qu'on ne le pense; en un mot, il faut tenir ce langage sans aigreur, mais avec fermeté. Эйхель Подевильсу отъ 8-го ноября н. ст.: Soll an Mardefeld geschrieben werden, des Königs Majestät fänden seine Relationes sehr leicht; er tractire 15.000 Russen vor nichts: ob er glaube, dass Dieselbe wie Louis XIV überall 20.000 Mann entgegen setzen könnte.

женіе какъ Елисаветы, такъ и ея канцлеровъ, которое сдумѣла завоевать себѣ Саксонія. Графъ Розенбергъ готовъ былъ даже ко временамъ Петра Великаго возводить принципъ русской политики: въ виду роста прусскаго могущества надо особенно щадить Саксонію. потому что Россія должна въ будущемъ опасаться со стороны Пруссіи того же, чего раньше отъ шведовъ¹⁾. Отъ 4-го (15-го) августа курфюрстъ прислалъ Пецольду предписаніе еще разъ просить у Россіи помощи; саксонскій резидентъ доложилъ дѣло канцлерамъ въ присутствіи пословъ морскихъ державъ и, повидимому, произвелъ впечатлѣніе. Воронцовъ называлъ Фридриха II бѣшеной собакой и обманщикомъ, потому что онъ далъ императрицѣ завѣренія не нападать на Саксонію²⁾. На совѣщаніи рѣшено тотчасъ же двинуть союзную помощь въ 12 тысячъ человекъ въ Пруссію, гдѣ предполагали не болѣе 400—600 человекъ непріятельскаго войска. Однако, въ мнѣніи, поданномъ императрицѣ, вице-канцлеръ совѣтовалъ не обнаруживать явной вражды къ королю прусскому, а для избѣжанія нареканія въ неисполненіи договора съ Саксонією вмѣсто послышки войскъ дать ей лучше деньгами 450.000 руб. въ годъ³⁾. Воронцовъ высказался за наступленіе только тогда, когда уже было поздно. Объявленіе Фридрихомъ II войны курфюрсту саксонскому оправдало совѣты канцлера и выдвинуло его опять на первое руководящее мѣсто. Еще въ октябрѣ 1744 года канцлеръ Бестужевъ высказалъ въ бесѣдѣ съ гр. Розенбергомъ свое мнѣніе, что Россія можетъ за субсидію морскихъ державъ въ два милліона рублей выставить еще 400-тысячное войско независимо отъ тѣхъ 24-тысячъ, на которыя она обязана по союзнымъ договорамъ съ Саксоніей и Англіей; тоже самое онъ повторилъ и милорду Тироулѣ. Канцлеръ продиктовалъ тогда же Функу и главныя основанія для этого субсиднаго договора. Цѣлью союза

¹⁾ Дов. гр. Розенб. 28-го августа н. с. Sachsen seye wegen der anwachsenden Macht von Preussen absonderlich zu menagiren, weiln das hinsige Reich das nembliche von Preussen wie vormahls von Schweden zu beförchten habe. Взглядъ, будто-бы союзы съ Англіей и Саксоніей входили уже въ систему Петра Великаго, канцлеръ Бестужевъ старался внушить императрицѣ Елизаветѣ ср. Соловьева, Ист. Росс., т. 22.

²⁾ Ibid. Pezold versichert mich, dass beide Cantzler, sonderheitlich aber Woronzow die Sach nach Wunsch aufgenommen, und dieser in die Expression ausgefallen seye, der König von Preussen wäre ein wüthender Hund und zugleich ein Betrüger, dan er der Kayserin die theureste Versicherungen gegeben hätte, sich an Sachsen im mindesten nicht zu vergreifen.

³⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. 22.

Россія съ морскими державами, съ Австріей и Саксоніей должно быть. возстановленіе мира въ Европѣ и ограниченіе могущества прусскаго короля ради спокойствія его сосѣдей. Морскія державы обязаны были дать субсидію въ два милліона эку за 40-тысячный корпусъ русскаго войска. Если-бы при концѣ войны Восточная Пруссія досталась Польшѣ, то Рѣчь Посполитая должна была-бы уступить Россіи какіе нибудь пограничныя округа со стороны Украйны или въ другомъ мѣстѣ, чтобы положить конецъ пограничнымъ спорамъ между обоими государствами; здѣсь Бестужевъ впервые высказалъ мысль, не разъ всплывавшую впоследствии во время Семилѣтней войны. Не имѣя денегъ для субсидіи, Марія Терезія обратилась къ Англіи; англійскій посланникъ Робинсонъ вручилъ тогда въ Вѣнѣ планъ договора между Англіей, Голландіей, Саксоніей, Австріей и Россіей, легшій въ основаніе Варшавской уніи и переговоровъ 1743 года въ С.-Петербургѣ. Съ другой стороны и Елисавета указомъ отъ 14-го декабря 1744 г. пошла на встрѣчу планамъ гр. Бестужева и приказала части войскъ, расположенныхъ внутри Россіи, быть на готовѣ къ походу ¹⁾

¹⁾ См. *v. Arneth*, Maria Theresia's erste Regierungsjahre, B. III; донесеніе гр. Розенберга за октябрь и ноябрь 1744 г. и Дон. Гогенгольца отъ 9-го ноября 1745 г. Въ наброскахъ Функа, продиктованныхъ и исправленныхъ Бестужевымъ, говорится между прочимъ: Entre tous les moyens qu'il y auroit la voye la plus courte et la plus seure pour effectuer ce but (то-есть d'établir la paix et d'aider à prescrire des bornes aux vues injustes de ceux qui ont troublé le repos public) est de mettre une fois pour toutes des bornes plus étroites á la puissance du Roy de Prusse qui s' accroissant de jour en jour deviendroit par lá d' autant plus dangereuse á tous les voisins généralement et en particulier aussi á la Russie, que ce Roy, qui ne consulte que son ambition et son humeur inquiète, ne respecte rien de tout ée que la societé humaine a d' aillems de plus sacré. О Восточной Пруссіи Бестужевъ продиктовалъ: Au cas que le Royaume de Prusse dût être cédé á la Pologne, cette Republique seroit obligée de ceder á la Russie quelques districts les mieux situés pour la conveniènce de la Russie on du coté de l' Ukraine ou ailleurs sur les frontières là, ou la Russie et la Pologne trouveroient le mieux leur compte pour couper par là en même tems les differends qui ont existé de tems en tems sur les frontières entre les deux couronnes. По наброскамъ Функа г. Розенбергъ выработалъ свой проектъ союза, который ф. Арнетъ и приводитъ въ выдержкахъ. По проекту гр. Розенберга La Prusse Ducale c'est á dire la partie de la Prusse á présent possedée par la maison de Brandenbourg appartiendra avec tous ses droits etc. á toute perpetuité á S. M. I. de toutes les Russies, excepté si sa dite M. Imp. trouveroit lui être convenable de permutet le dit État avec la République de Pologne contre quelques autres districts de sa conveniènce, principalement vers l'Ukraine. Итакъ, австрийскій посолъ предполагалъ возможность, что Россія оставитъ Пруссію за собой, о чемъ русскій

И позднѣе, въ началѣ 1745 г. Бестужевъ носился съ мыслью послать Саксоніи помощь еще до открытаго нападенія со стороны прусскаго короля. Онъ безуспѣшно предлагалъ послу Тироулэ (Tirawley) уступить Саксоніи 12 тысячъ войска, обѣщанныя Англіи, а позднѣе барону Герсдорфу. чтобы курфюрстъ согласился вплоть до начала военныхъ дѣйствій Фридрихомъ II уплачивать за вспомогательный русскій отрядъ въ 12 тысячъ человекъ субсидію въ 300 тысячъ рублей. Но саксонскій посланникъ утверждалъ, что король прусскій уже началъ явно враждебныя дѣйствія относительно курфюрста, нарушивъ неприкосновенность границы; Россія безъ всякой субсидіи обязана оказать дрезденскому двору союзную помощь ¹⁾. Въ мнѣніи, поданномъ императрицѣ уже послѣ того, какъ стала надвигаться война между Пруссіей и Саксоніей, Бестужевъ въ противоположность Воронцову настаивалъ на необходимости послать немедленно вспомогательный отрядъ королю польскому. Вице-канцлеръ могъ считать свое дѣло проиграннымъ и долженъ былъ покинуть поле битвы. 29-го августа Елисавета подписала ему заграничный паспортъ на годъ ²⁾. Иностранные дипломаты не угадали исхода борьбы между канцлерами.

Въ сентябрѣ новаго стилиа на конференціи трехъ пословъ, саксонскаго резидента и обоихъ канцлеровъ Пецольдъ повторилъ требованіе о союзной помощи и ссылался на постановленіе трактата, что въ случаѣ, если вспомогательный корпусъ не можетъ вслѣдствіе разстоянія примкнуть къ войску союзника, то обѣ стороны условливаются относительно диверсіи; онъ предложилъ отъ имени своего двора вторгнуться русскимъ въ Восточную Пруссію, тѣмъ болѣе, что ихъ войско стояло отъ границы всего миляхъ въ пятидесяти, а въ этой области у Фридриха насчитывалось лишь нѣсколько сотенъ солдатъ. Министры морскихъ державъ поддерживали предложеніе Саксоніи и готовы были включить требуемый отрядъ въ то количество войска, за которое они сулили субсидію подъ условіемъ присоединенія Россіи къ Варшавскому договору. Воронцовъ отвѣчалъ, что государыня уже

канцлеръ и не думалъ. Бестужевъ впервые продиктовалъ свои мысли Функу 26-го октября н. с. по нѣмецки. Ихъ французское переложеніе и проектъ гр. Розенберга приложены въ его донесенію отъ 7-го ноября н. с. Эку, по Anbök'у, по содержимости чистато металла равняется 1.20 флор. австр. валюты, или 2.40 герм. марокъ; это названіе французской монеты переводилось на нѣмецкій языкъ словомъ „талеръ“.

¹⁾ Док. гр. Розенберга отъ 19-го апрѣля н. с. 1745 г.

²⁾ Соловьевъ, т. 22.

согласилась оказать требуемую помощь курфюрсту; признавая невозможность послать отрядъ въ Саксонію, онъ обѣщался поддержать планъ вторженія въ Пруссію передъ Елисаветой. Бестужевъ шелъ далѣе и, вернувшись къ проекту конвенціи, выражалъ изумленіе, что союзныя державы въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не дали на него отзыва. Всѣ послы и саксонскій резидентъ объяснили это тѣмъ, что русскіе канцлеры, отвергнувъ существованіе трактата съ Австріей и случая союза съ Саксоніей, поколебали самое понятіе договора и сдѣлали невозможнымъ всякій отзывъ. Тогда оба канцлера обратились съ подобнымъ же запросомъ къ графу Розенбергу, почему вѣнскій дворъ не далъ отвѣта на русское предложеніе возобновить союзъ. Графъ Розенбергъ, какъ на словахъ, такъ и въ нотѣ, посланной на слѣдующій день (1-го (н. с.) сентября) далъ такое объясненіе: Марія-Терезія охотно скрѣпитъ дружбу между обѣими державами возобновленіемъ союза, но русскій проектъ разрушилъ самое основаніе трактата Екатерины I, отвергнувъ ручательство за прагматическую санкцію и изъясъ текущую войну изъ круга дѣйствія будущаго союза.

И на конференціи, и принимая прощальные визиты, вице-канцлеръ говорилъ представителямъ союзныхъ державъ, что императрица измѣнила свой взглядъ, поняла грозящую въ будущемъ опасность и доведеть до конца переговоры о трактатѣ съ Австріей, при чемъ дастъ согласіе включить въ него текущую войну и ручательство за прагматическую санкцію. Хотя Розенбергъ и считалъ Воронцова врагомъ, онъ съ признательностью говорилъ о его искренности; напротивъ, канцлеръ, чувствуя бывало шаткость своего вліянія, подъ личиною дружелюбнаго расположенія утаивалъ истину и постоянно прибѣгалъ къ хитростямъ и вымысламъ, лживость которыхъ всплывала наружу¹⁾. Австрійскій посоль недоумѣвалъ, чѣмъ объяснить внезапную перемѣну въ русской политикѣ; онъ не вѣрилъ въ способность правительства Елисаветы выработать себѣ подъ давленіемъ событій новый взглядъ и все доискивался, не попали ли въ С.-Петербургѣ на какую нибудь особенную интригу Франціи и Пруссіи²⁾. Канцлеръ

¹⁾ Дон. гр. Розенберга отъ 18-го сентября. Ich muss bekennen, dass obschon Woronzow für uns nicht geneugt ware, er doch mir und denen anderen ministris beständig die Wahrheit gesagt, wohingegen der Großs-Cantzler unter dem Schein der guten Gesinnung uns allezeit die Wahrheit verborgen gehalten und unter gewissen Subtilitäten beständig auf Aufzüge und mit der Zeit entdeckte Unwahrheiten verfallen.

²⁾ Ibid. Die Czaarin hat vor zwey Tagen zu Kostelitz gesagt, sie würde der Französische- und Preyssischen Canaille schon zu begegnen wissen.

продолжалъ предыдущее бездѣйствіе Россіи объяснять вреднымъ вліаніемъ Воронцова; вѣроятно, чтобы убѣдить австрійскаго посла въ его лживости, онъ черезъ Функа сообщилъ графу Розенбергу содержаніе послѣдней записки, поданной вице-канцлеромъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ въ первыхъ числахъ сентября стараго стилия; она развивала мнѣніе, что въ виду истощенія финансовъ и недостатка 50 тысячъ человѣкъ для пополненія арміи Россія не должна пускаться въ сложныя предпріятія и можетъ спокойно соблюдать миръ. Кажется, что вмѣстѣ съ вліаніемъ Воронцовъ утрачивалъ и прямоту. Самъ канцлеръ ободрялъ представителя Австріи и находилъ теперь отверженіе договора 1726 г. тѣмъ болѣе безсмысленнымъ, что сами они по повелѣнію государыни производятъ давленіе на великаго князя и стараются склонить его за миллионъ талеровъ уступить Шлезвигъ. Бестужевъ не вѣрилъ, чтобы Елисавета могла навсегда отдалиться отъ вѣнскаго двора. Наконецъ, угроза, давно пущенная въ ходъ австрійскимъ посломъ, дала послѣдній толчокъ. Графъ Розенбергъ вручилъ свои отзывныя грамоты. Императрица взволновалась, мысль растерять союзниковъ пугала ее; она приказала канцлеру собрать большой совѣтъ; на обсужденіе былъ поставленъ вопросъ: можетъ ли государыня долѣе равнодушно смотрѣть на ростъ прусскаго могущества, или какія мѣры должна принять она, чтобы помогать курфюрсту саксонскому¹⁾?

Тотчасъ же измѣнилось и личное отношеніе Елисаветы къ графу Розенбергу. На куртагѣ она углубилась съ нимъ въ разговоръ о морали, въ особенности объ обязанности коронованной главы относительно Бога и своего народа. Между прочимъ она замѣтила: король прусскій думаетъ, что такъ какъ онъ не коронованъ, то можетъ совершать всякія крайности; она удивляется, какъ это Господь не проявитъ своего чуда надъ этимъ злостнымъ государемъ. Посолъ возразилъ, что наказаніе для Фридриха II не заставитъ себя долго ждать, а кто при этомъ окажетъ помощь, тотъ станетъ орудіемъ Божіимъ²⁾.

¹⁾ Дон. гр. Розенберга отъ 2-го октября н. ст. и *Соловьевъ*, т. 22.

²⁾ Дон. Розенберга отъ 9-го октября (28-го сентября). *Bei dem letzteren Courtag sprach die Czaarin mit mir und vertiefte sich sehr in die Moral, sonderheitlich über die Schuldigkeit eines gecrönten Hautbs gegen Gott und sein Volk. Unter anderen sagte sie mir, der König von Preyssen vermeyne, weil er nicht gecrönet wäre, alle excessen ausüben zu können; Sie Czaarin verwundere sich, dass Gott an diesem bösen Herrn kein Wunder thue. Ich widersetzte ihr hierauf, dass seine Straf nicht ausbleiben würde und wer darzu verhöflich wäre, ein*

Бестужевъ спросилъ потомъ графа Розенберга отъ имени императрицы, останется ли онъ при дворѣ, если между Россіей и Австріей дѣло дойдетъ до соглашенія. Тотъ отвѣчалъ, что все нужныя полномочія уже даны резиденту фонъ-Гогенгольцу, но готовъ былъ остаться ждать предписаній изъ Вѣны и даже подписать договоръ, если найдутъ новыя русскія условія возможными. Вѣсть о побѣдѣ Фридриха II при Соорѣ (19-го сентября (н. с.)) ускорила совѣщаніе совѣта и его окончательное рѣшеніе. Русскій дворъ извѣстилъ польскаго короля о признаніи имъ *casus foederis*; одновременно онъ сообщалъ Фридриху II, что посылаетъ Саксоніи союзную помощь вслѣдствіе того, что король объявилъ ей войну. Рѣшимость Елисаветы выступить противъ короля прусскаго поддерживалъ фельдмаршалъ Лесси. Онъ мало говорилъ на засѣданіяхъ совѣта, но когда государыня частнымъ образомъ спросила у него мѣнія, то Лесси ея величайшимъ врагомъ назвалъ Фридриха II, а истиннымъ другомъ—короля польскаго; итакъ, нельзя оставить его на произволъ судьбы и въ его санѣ курфюрста саксонскаго. Но фельдмаршалъ находилъ одинъ вспомогательный отрядъ въ размѣрѣ союзнаго обязательства недостаточнымъ. Подъ вліяніемъ Лесси Елисавета собиралась расположить 15 тысячъ войска въ Курляндіи на зимнія квартиры, а въ теченіе зимы довести армію вмѣстѣ съ вспомогательнымъ отрядомъ до 50—60 тысячъ; тогда съ весны рассчитывали начать наступленіе противъ Пруссіи. Союзные министры знали, какой борьбы стоило императрицѣ ея рѣшеніе. Подписавши все эти указы о движеніи войска (указъ 8-го октября с. с. 1744 г.), она на колѣняхъ передъ иконами призывала Бога въ свидѣтели, что руководится лишь мыслью о союзникахъ, о благѣ государства и подданныхъ ¹⁾.

Werkzeug Gottes seye. Подобный же отзывъ Елисаветы о Фридрихѣ II изъ этого времени приводитъ Гиндфордъ и объясняетъ его тѣмъ, что императрицу старались возбудить противъ короля. См. *Fr. Raumer, Beiträge zur neueren Geschichte, B. II.*

¹⁾ Указъ 8-го октября 1745 г. предписывалъ фельдмаршалу гр. Лесси двинуть десять полковъ пѣхоты съ полевой артиллеріей изъ Лифляндіи въ Курляндію; на сѣмъ ихъ передвинуть соотвѣтствующее число полковъ въ Лифляндію изъ Эстляндіи и сосѣднихъ мѣстностей, а въ Эстляндію стянуть войска изъ окрестностей. Помимо корпуса, двинутаго въ Курляндію, въ Лифляндіи, Эстляндіи и вокругъ Пскова должно быть стянуто въ общемъ 20 драгунскихъ и пѣхотныхъ полковъ; сюда предписывалось послать съ весны легкія иррегулярныя войска—4 гусарскихъ полка, 6 тысячъ донскихъ казаковъ, всѣхъ чугуевскихъ казачковъ и калмыковъ и т. д. Какъ Лифляндскій корпусъ, такъ и эти

Между тѣмъ вѣсти изъ-за границы становились все болѣе тревожными: поражение саксонцевъ падало на отвѣтственность с.-петербургскаго двора, удержавшаго курфюрста отъ вторженія въ наследственныя земли бранденбургскаго дома, а естественный союзникъ Россіи—король англійскій повидимости съ вѣдома Франціи сблизился съ Фридрихомъ II. Со словъ канцлера Пецольдъ разказывалъ, что переписка между д'Аліономъ и д'Аржансономъ дешифрована. Французскій министръ совѣтовалъ посланнику не тревожиться конвенціей между Англійей и Пруссіей, такъ какъ она заключена съ согласія Версальскаго двора, а д'Аліонъ извѣщалъ, что онъ слышалъ уже то же самое отъ Мардефельда¹⁾. Когда Фридрихъ II занялъ Гёрлицъ. и явилась опасность, что онъ двинется на Дрезденъ, Пецольдъ, по наказу своего двора и съ одобренія союзныхъ министровъ, сдѣлалъ Бестужеву рѣзкія представленія и винилъ во всемъ Россію: вѣдь саксонское войско, собранное при началѣ военныхъ дѣйствій у Лейпцига, думало вторгнуться въ область Магдебурга, проникнуть оттуда въ глубь прусскихъ владѣній и нанести королю тяжелый ударъ. Только подъ давленіемъ Россіи курфюрстъ воздержался тогда отъ этого шага и облегчилъ Фридриху II нападеніе, такъ какъ прусскій король не обратилъ вниманія на предостереженія Россіи и вторгся въ Саксонію. Въ виду этого Пецольдъ требовалъ немедленнаго вторженія русскаго корпуса изъ Курляндіи въ Пруссію. Канцлеръ долженъ былъ признаться, что русскій дворъ одинъ не въ силахъ спасти Августа III по недостатку денежныхъ средствъ; онъ, Бестужевъ.

иррегулярныя войска должны быть на-готовѣ по первому указу двинуться въ походъ. См. переводъ указа при дон. Гогенгольца отъ 9-го ноября н. ст. По расчетамъ Бестужева, корпусъ, двинутый въ Курляндію, вмѣсто 12 тысячъ достигнетъ вѣроятно до 14 тысячъ; по предположенію Лесси, отъ 14—15 тысячъ. Въ донесеніи отъ 6-го ноября н. ст. резидентъ Гогенголецъ разказываетъ сцену, которую историкъ Соловьевъ приводитъ въ 22 т. по Гиндфорду. „Mir ist hier oben eine sichere Anecdote entfallen, welche jedoch ganz eygen und nöthig ist. Es hat nemlich die Czaarin, als sie jüngsthin die an Czernischew eingeschickte Notam, die requisitoriale an die Churländ.-Stände und in summa alle zu jetzigen Veranstaltungen gehörige Ordres unterschrieben, alle diese sammentliche Papiere in die Hand genommen, damit vor dem Altar im Zimmer auf die Knye gefallen und contestiret habe, dass sie alle diese Papier allein in der Absicht unterschrieben, umb eines Theils ihren allijrten mit der schuldigen Hülff nicht zu entstehen und theils, dass sie alle diese resolutiones lediglich genohmen habe, weilen das interesse ihres eygenen Reichs und Unterthanen solches erfordert.

¹⁾ Дон. Гогенгольца отъ 2 (13) ноября.

еще недавно клалъ почти въ ротъ посламъ морскихъ державъ, что они могутъ получить отъ Россіи корпусъ въ 30 тысячъ человѣкъ и при томъ, можетъ быть, за предложенную ими же субсидію, но послы не дали отвѣта¹⁾). Посылку русскаго вспомогательнаго отряда власти задерживали, поджидая прибытія саксонскаго генераль-квартирмейстера. Пецольдъ не надѣялся, впрочемъ, чтобы движеніе русскаго корпуса остановило Фридриха II; всѣ знали, что у Россіи нѣтъ денегъ, да и въ своихъ представленіяхъ прусскому королю она обыкновенно прибавляла, что готова посредничать между Берлиномъ и Дрезденомъ. Съ своей стороны Бестужевъ ждалъ послѣ паденія Лейпцига, что курфюрстъ подчинится требованію Фридриха II и примкнетъ къ Ганноверской конвенціи; тогда и новыя представленія прусскому королю, и союзная помощь курфюрсту стали бы излишними. Канцлеръ предпочиталъ повременить, пока выяснятся отношенія между Пруссіей и Саксоніей. Итакъ двойной отказъ Россіи—присоединиться къ Варшавской уніи и принять на себя посредничество между Фридрихомъ II и Маріей-Терезіей—повелъ къ Ганноверской конвенціи между обѣими державами, предложенія которыхъ были отвергнуты. Безъ англійской субсидіи с.-петербургскій дворъ былъ не въ силахъ предпринять самостоятельную диверсію въ Пруссію. Среди извѣстій о быстрыхъ успѣхахъ прусскаго короля приходилось Елисаветѣ посылать вспомогательный отрядъ курфюрсту и рѣшать вопросъ объ участіи въ текущей войнѣ посредствомъ союза съ венгерскою королевою.

Извѣстіе о выборѣ мужа Маріи-Терезіи великаго герцога Франца Лотарингскаго въ императоры германскіе пришло въ С.-Петербургъ 15-го (26-го) сентября и чуть было не вызвало новыхъ затрудненій. Бестужевъ сообщилъ графу Розенбергу, что Елисавета приметъ извѣщеніе о выборѣ Франца только подъ условіемъ, чтобы въ этой бумагѣ она сама именовалась императорскимъ титуломъ. Посолъ возражалъ, что дарованіе этого титула зависитъ не отъ одного императора, быть можетъ, даже не отъ однихъ только курфюрстовъ, а отъ согласія всѣхъ чиновъ имперіи; онъ отвергалъ, чтобы предшественники Елисаветы съ Петра I и до Анны Іоанновны когда либо получали его отъ германскаго императора²⁾. 28-го октября (8-го ноября) канцлеръ пригласилъ къ себѣ австрійскаго резидента Гогенгольца и

¹⁾ Дон. Гогенгольца отъ 30-го ноября (11-го декабря): Hierauf hat der Cantzler dem Pezold einstweilen auch in Geheim geantwortet, der Russische Hof könne allein Chur-Sachsen nicht retten, es fehlete ihnen an Geld.

²⁾ Дон. Розенберга отъ 18-го (29-го) сентября.

напомнилъ, что вѣжливость требуетъ увѣдомить Елисавету чрезъ нарочно посланнаго сановника о восшествіи на престолъ императора Франца, тѣмъ болѣе, что тотъ извѣстилъ уже другія правительства; въ противномъ случаѣ с.-петербургскій дворъ станетъ обращаться съ Гогенгольцемъ совершенно такъ же, какъ въ свое время съ барономъ Нейгаузомъ, уполномоченнымъ Карла VII, то-есть, не давать ему аудіенціи и не считать его министромъ, пока Францъ не признаетъ Елисавету императрицей. Но Гогенгольцъ занималъ нѣсколько иное положеніе, и противъ него такой образъ дѣйствія былъ непримѣнимъ; онъ уже много лѣтъ былъ аккредитованъ при русскомъ дворѣ, всегда признавался резидентомъ и неоднократно допускался къ аудіенціи. Австрійскій резидентъ совѣтовалъ Бестужеву справиться въ бумагахъ съ Петра I и до Ивана Брауншвейгскаго и убѣдиться, что ни одинъ римскій императоръ не былъ въ состояніи безъ согласія всей имперіи дать кому либо изъ коронованныхъ государей императорскій титулъ. Правда, покойный Карлъ VII въ концѣ концовъ уступилъ, но онъ далъ требуемый титулъ не какъ императоръ, а лишь какъ курфюрстъ Баварскій; его грамоты были выданы тогда не изъ императорской канцеляріи, а изъ курфюршеской ¹⁾. Наконецъ, 11-го (22-го) декабря въ С.-Петербургъ прибылъ генералъ-фельдъ-вахтмейстеръ баронъ фонъ-Претлакъ для возвѣщенія Елисаветѣ о выборѣ и коронаціи императора Франца. Вопреки ожиданіямъ графа Розенберга и Гогенгольца Вѣнскій дворъ сдѣлалъ еще одну уступку Россіи: извѣщеніе о восшествіи на престолъ императора Франца заключало въ себѣ императорскій титулъ для Елисаветы. Ради своей супруги онъ готовъ былъ идти еще далѣе: дать титулъ императорскаго высочества великому князю и допустить православнаго герцога въ семью германскихъ князей. Но съ этими уступками герцогу голштинскому баронъ Претлакъ долженъ былъ выступить лишь тогда, когда не будетъ никакого сомнѣнія въ желаніи с.-петербургскаго двора такъ или иначе оказать помощь Маріи-Терезіи ²⁾.

Въ инструкціи барону Претлаку отъ 13-го (24-го) ноября 1745 года Вѣнскій дворъ сдѣлалъ очеркъ своей предыдущей политики. Когда Фридрихъ II въ августѣ 1744 года еще разъ нарушилъ миръ, тогда курфюрстъ саксонскій призналъ себя обязаннымъ оказать союзную помощь, но въ то же время потребовалъ вознагражденія изъ земель

¹⁾ Дон. Гогенгольца отъ 29-го октября (9-го ноября).

²⁾ Нота Претлаку при рескриптѣ отъ 6-го ноября н. с. 1745 г.

Габсбурговъ на случай, еслибы Маріи-Терезіи удалось вернуть свою Силезію, а именно трехъ значительныхъ княжествъ—Глогау, Саганъ и Ауэръ. Обѣ морскія державы поддерживали Дрезденскій дворъ въ этихъ притязаніяхъ. Однако, при заключеніи Варшавскаго договора въ восьмую статью включено только общее постановленіе, что при предстоящемъ мирѣ договаривающіяся стороны должны позаботиться объ интересахъ саксонскаго дома. Подробнѣе Вѣнскій и Дрезденскій дворы договорились въ конвенціи. Сообразно этому Претлакъ долженъ былъ стараться убѣдить императрицу въ томъ, что она должна положить конецъ интригамъ Версальскаго и Берлинскаго дворовъ, какъ въ Турціи, такъ и Польшѣ; лучшимъ средствомъ для этого будетъ осуществленіе условій конвенціи. Правильный расчетъ русскаго правительства. спокойствіе и обезпеченность государствъ требуютъ не только вознаградить Саксонію Швибусскимъ округомъ, но вернуть Маріи-Терезіи все герцогство Силезское и графство Глацское; иначе Вѣнскій дворъ никогда не будетъ въ состояніи поддерживать своихъ друзей и союзниковъ. Тѣ же соображенія требуютъ завоеванія Кроссена и богемскихъ леновъ въ Лаузицѣ; они безспорно принадлежатъ къ Силезіи и необходимы курфюрсту ради непосредственнаго сообщенія съ Польшей. Претлакъ могъ пока не заговаривать о дальнѣйшихъ ограниченіяхъ Прусскаго государства, но не долженъ былъ лишать себя возможности при случаѣ потребовать ихъ. Австрія стояла на точкѣ зрѣнія, что по международному праву союзные дворы могутъ со всѣхъ сторонъ напасть на Фридриха II, если онъ не согласится вернуть Силезію и Глацъ и, сверхъ того, вознаградить курфюрста саксонскаго ¹⁾).

Когда саксонское войско стало терпѣть неудачи, и явились опасенія, что курфюрстъ войдетъ въ сдѣлку съ Пруссіей, Претлаку было предписано (въ инструкціи отъ 13-го декабря н. с.) напомнить въ

¹⁾ Инстр. бар. Претлаку отъ 21-го ноября н. с. 1745 г. Von einer weiteren Einschränkung der Preussischen Obermacht ist der Zeit nichts zu melden, doch aber auch nicht sich verfänglich zu machen, dass auf keine weitere Einschränkung angetragen werden wolle; sondern allein darauf zu bestehen, dass nach denen ohnläugbaren reglen des natürlichen und Völker-rechts beide Alljrtte Höfe berechtiget seind, den König von Preussen aller Orthen anzugreifen, so bald derselbe zur vollständig Zurückgab des Herzogthums Schlesien und der Grafschaft, dan zu unserer und der Chursächsischen Schadloshaltung und Sicherstellung nicht nur sich nicht einverstehen will, sondern sogar mit Verächtlichkeit alles verwirft, was im Nahmen der Kayserin von allen Russen an ihn gebracht wird.

С.-Петербургѣ, что дрезденскій дворъ исключительно подъ давленіемъ Россіи отказался отъ мысли предупредить Фридриха II и вторгнуться въ прусскія владѣнія; итакъ, тутъ замѣшана честь императрицы Елисаветы—не допустить Саксонію до униженія. Да и безопасность Россіи требуетъ положить конецъ преобладанію короля прусскаго. Даже въ минуту опасности Фридрихъ II не обратилъ существеннаго вниманія на представленія русскаго двора въ пользу Саксоніи и, отдѣлываясь отъ него вѣжливымъ отвѣтомъ, старался въ Константинополѣ, во Франціи, Швеціи, Польшѣ сѣять вражду противъ Россіи. Чего же ждать отъ его высокоумія въ будущемъ, если его несправедливыя начинанія снова увѣнчаются успѣхомъ? Этими соображеніями австрійскій уполномоченный долженъ былъ торопить мѣропріятія Елисаветы. Надо было разсѣять и всѣ возраженія и опасенія относительно конвенціи съ Англіей. Фридрихъ II не въ состояніи выставить войско въ Восточной Пруссіи противъ русской арміи въ 40 и болѣе тысячъ, которая легко можетъ жить на средства этой области и даже извлекать изъ нея денежныя суммы. Въ случаѣ обратнаго завоеванія Силезіи Австрія будетъ въ состояніи возмѣстить расходы русскому правительству и втеченіе перваго года обладанія этою областью выплатить Елисаветѣ два милліона гульденовъ, не вычитая изъ этой суммы контрибуцій, собранныхъ съ Пруссіи. А нѣтъ сомнѣнія, что появленіе сорокатысячной арміи въ короткое время принудитъ Фридриха II выдать обратно Силезію и заключить на долгое время миръ. Цѣли и средства, которыя намѣчали обѣ инструкціи, то-есть, вернуть себѣ Силезію при помощи русской диверсіи и вознаграждать С.-Петербургское правительство австрійскою субсидіей за военные расходы, всплыли еще разъ черезъ одиннадцать лѣтъ и легли въ основаніе переговоровъ между Маріей-Терезіей и Елисаветой при началѣ Семилѣтней войны. Но на этотъ разъ и русскія мѣропріятія, и наказы Вѣнскаго двора своему представителю опоздали. Саксонія не могла долѣе дожидаться союзной помощи. Отъ 22-го декабря (2-го января 1746 года) Марія Терезія увѣдомила Претлака, что она не хотѣла отдѣлиться отъ курфюрста саксонскаго и снабдила гр. Гарраха нужнымъ полномочіемъ на заключеніе мира совмѣстно съ курфюрстомъ. 25-го декабря н. с. этотъ двойной миръ былъ уже подписанъ въ Дрезденѣ¹⁾.

¹⁾ Двойственное поведение Маріи Терезіи относительно Россіи объясняется тѣмъ, что она сама до послѣдней минуты колебалась, не лучше ли заключить миръ съ Франціей и при помощи Россіи продолжать войну противъ Фридриха II.

Однако, Марія-Терезія не считала себя безопасною въ будущемъ. Сверхъ войскъ, уже и безъ того расположенныхъ въ Венгріи и Зибенбюргенѣ, она оставляла отчасти тамъ же, отчасти въ Богеміи и Моравіи еще 12 пѣхотныхъ и 10 кавалерійскихъ полковъ. Несмотря на миръ, королева венгерская носилась съ мыслью возобновить союзный договоръ съ Саксоніей отъ 1744 года и, чтобы внушить дрезденскому двору болѣе бодрости, опредѣляла размѣръ помощи вмѣсто 30 тысячъ въ 40. Подобный же договоръ королева думала предложить королю англійскому въ качествѣ курфюрста ганноверскаго. Но исполнѣ успокоить ее за будущее могъ бы только союзъ съ Россіей. Марія-Терезія боялась, что партія Фридриха при с.-петербургскомъ дворѣ усилилась послѣ его новыхъ побѣдъ. Предписывая барону Претлаку вести переговоры о союзѣ, она наказывала ему осторожность—ничего не сообщать русскому канцлерству письменно, дабы все дѣло не было предано прусскому королю; хотя сама королева и намѣрена была свято блюсти заключенный миръ, она, вѣроятно, боялась подать поводъ Фридриху II снова вторгнуться въ Богемію подъ предлогомъ предупредить воображаемый заговоръ между обѣими императрицами ¹⁾. Вообще на случай этого четвертаго нарушенія мира надо было заранѣе принять тѣ же мѣры, которыя были у Вѣнскаго двора въ виду до заключенія Дрезденскаго мира ²⁾. Обор-

Въ рескриптѣ гр. Гарраку отъ 21-го декабря н. с. она прямо-таки предписывала заключить миръ съ Франціей, если договоръ съ Пруссіей еще не подписанъ. Рескриптъ пришелъ къ гр. Гарраку еще до подписанія Дрезденскаго мира, но уже послѣ завершения переговоровъ. Гаррахъ не нашелъ возможнымъ уклониться отъ послѣдняго шага и подписалъ миръ съ Пруссіей.

¹⁾ Инстр. для бар. Претлака 2-го января н. с. 1746 г. Die allergrösste Behutsamkeit von darumben erforderlich seyn will, weilen der König von Preussen noch immer allda einen grossen Anhang hat, und vermuthlich durch seine bisherige ungemeyn glückliche Progressen die Anzahl seiner Anhänger nicht wenig angewachsen seyn dörfte. Daherо von dir nicht das geringste schriftlich anzubringen seyn wird, so auch nur dem äusserlichem Schein nach bey ihmе König v. Preussen im mindesten anstössig seyn möchte.

²⁾ Инстр. 2-го января. Jetzgedachte Massnehmungen hätten nun so viel dorigen Hof betrifft just die nembliche zu seyn, welche wir in unserem Rescript vom 13. hujus (декабря) anhandgegeben, mit dem Unterschied jedoch, dass was wir damahls an die Kayserin von allen Russen sogleich gesonnen und respective anerbothen, anjetzo nur eventualiter auf den Fall, wan nemblich der Fried abermahlen von Preussen unterbrochen werden solte, insgeheim zwischen Uns, ihr der Kayserin von allen Russen, dem König von Pohlen, als Churfürsten zu Sachsen, dann dem König von Engelland, als Churfürsten zu Hannover, auszudingn wäre.

нительный союзъ между Астріей, Россіей, Саксоніей, Ганноверомъ оставался по-прежнему краеугольнымъ камнемъ этихъ мѣропріятій. Такой союзъ былъ бы направленъ не только противъ Пруссіи, но и противъ Франціи, еслибы въ минуту нападенія со стороны Фридриха II она еще вела съ Австріей войну. Союзъ будетъ дѣйствителенъ и на тотъ случай, еслибы король вздумалъ взяться за оружіе по поводу выбора польскаго короля или какихъ либо смуть въ Польшѣ, порожденныхъ прусскими и французскими интригами. Претлакъ ко всѣмъ прежнимъ доводамъ въ пользу союза съ Австріею долженъ былъ теперь прибавить угрозу, что Фридрихъ II, убѣдившись во враждебномъ настроеніи къ нему Елисаветы, не замедлитъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, дабы заодно со Швеціей отомстить Россіи ¹⁾). Такимъ образомъ Маріа-Терезія совѣтовала пугать канцлера послѣдствіями того шага, къ которому она же склонила его черезъ своихъ представителей. Въ какомъ опасномъ положеніи очутилась бы Россія, успѣй она въ угоду союзникамъ ввести свои войска въ Пруссію наканунѣ Дрезденскаго мира! Отвергнувъ договоръ 1726 года и признавъ случай союза для Саксоніи, Елисавета могла подвергнуться нападенію Фридриха II и не имѣла бы права требовать помощи у Австріи. Ей оставалось теперь или сдѣлать первый шагъ къ сближенію съ Берлиномъ, или скорѣе возобновить союзный трактатъ. Въ Вѣнѣ боялись, что императрица склонится опять на сторону Фридриха II и гарантируетъ ему одному владѣнія, закрѣпленныя Дрезденскимъ миромъ. Претлаку данъ наказъ добиваться по крайней мѣрѣ гарантіи, одинаковой для Австріи и Пруссіи; но одно-сторонняя гарантія только для владѣній Маріи-Терезіи была ей, конечно, наиболѣе желательною: она оставляла надежду на возвращеніе Силезіи и Глаца. Однако австрійскіе дипломаты еще разъ ошиблись въ своихъ предположеніяхъ и обнаружили непониманіе психологіи русской политики. Слухи о мирѣ произвели въ С.-Петербургѣ совершенно обратное дѣйствіе.

Еще до полученія послѣдней инструкціи (отъ 2-го января н. с.) Претлакъ поддержалъ требованіе Пецольда скорѣе двинуть союзную помощь. Бестужевъ взялся самъ за это дѣло и выхлопоталъ созваніе

¹⁾ Ibid. Weilen nach der in Russland letzters zu erkennen gegebenen Gesinnung garnicht anzustehen ist, dass er König die erste beste ihm bequeme scheidende Gelegenheit ergreifen werde, umb mit und nebst Schweden sich an Russland zu rächen.

чрезвычайнаго совѣта на субботу 21-го декабря (1 января); совѣтъ затянулся на понедѣльникъ и даже вторникъ. А между тѣмъ въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ была перехвачена и дешифрована депеша, посланная королею прусскимъ Мардефельду отъ 10-го (21) декабря; изъ нея узнали, что переговоры о мирѣ съ Саксоніей идутъ успѣшно, и что прибылъ уже австрійскій уполномоченный гр. Гаррахъ. Эта вѣсть усилила боязнь у членовъ совѣта, что если они зайдутъ слишкомъ далеко, а тѣмъ временемъ состоится миръ, то вся прусская военная сила обрушится на Россію. Тѣмъ не менѣе совѣтъ принялъ условное, но въ общемъ смѣлое рѣшеніе. Выражая устами канцлера готовность дѣйствовать не только 30 полками, но по мѣрѣ надобности арміей въ 100 тысячъ человекъ, считая въ томъ числѣ иррегулярная войска ¹⁾, русское правительство различало двѣ возможности. Если Саксонія или даже Марія-Терезія и курфюрстъ совмѣстно заключили уже миръ съ Пруссіей, то эта вѣсть дойдетъ до С.-Петербурга черезъ 8—10 дней. Такъ какъ дрезденскій дворъ уже раньше заявлялъ, что онъ не намѣренъ соблюдать насильственно навязаннаго мира, а русская императрица никогда не допуститъ, чтобы Фридрихъ II удержалъ Силезію и Глацъ, и считаетъ Ганноверскую конвенцію недействительною, то надо тогда условиться съ Саксоніей, какъ нарушить ей миръ и гдѣ можетъ найдти себѣ лучшее примѣненіе русской вспомогательный отрядъ. Если же миръ не состоялся, то пусть польскій король пришлетъ комиссаровъ принять обѣщанное войско и позаботится заранѣе о его содержаніи и маршѣ черезъ Польшу; тогда 30 полковъ въ двѣ недѣли будутъ готовы выступить въ походъ изъ Курляндіи. Всѣ убѣжденія союзниковъ, что Россіи легче всего поддержать Саксонію вторженіемъ изъ Курляндіи прямо въ область Пруссіи близъ Кѣнигсберга съ какими нибудь 8 или 10 полками, не помогли. Русское правительство возражало на это предложеніе, что Восточная Пруссія слишкомъ бѣдна, и войска не найдутъ тамъ достаточнаго продовольствія, а изъ перехваченной прусской переписки ясно, что такое вторженіе не остановитъ военныхъ дѣйствій Фридриха II противъ союзниковъ, не отвлечетъ его въ сторону, а внушитъ скорѣе мысль отомстить за все суровымъ образомъ дѣйствій въ Саксоніи. На этомъ основаніи русскіе предпочитали двинуть свой отрядъ черезъ Польшу вдоль прусской границы въ пограничное мѣстечко Мезерицъ и далѣе

¹⁾ Дон. Претлака отъ 5-го января н. с. *Соловьевъ*, т. 22. то же самое по Гиндфорду.

къ Франкфурту на Одерѣ; если договоренный съ Саксоніей планъ военныхъ дѣйствій все-таки потребуеъ вторженія въ Восточную Пруссію, то переимѣнить направленіе и взять вправо можно будетъ еще на пути, а чѣмъ глубже русскіе проникнутъ въ эту область, тѣмъ тяжелѣе будетъ ударъ для Фридриха II ¹⁾). Споръ о преимуществахъ самостоятельной диверсии въ Восточную Пруссію передъ движеніемъ русскаго отряда на соединеніе съ союзниками возобновлялся во время Семилѣтней Войны; тогда осуществленъ былъ и намѣченный теперь уже походъ на Мезерицъ и Франкфуртъ. Однако денежные средства Россіи были истощены, и нужна была субсидія, а потому канцлеръ напомнилъ министрамъ морскихъ державъ ихъ обѣщанія. Гиндфордъ и Дедѣ отнесли къ просьбѣ сочувственно и тотчасъ же сдѣлали представленія своимъ правительствамъ ²⁾). Бестужевъ просилъ и вѣнскій дворъ поддержать желанія Россіи въ Лондонѣ и Гагѣ. Казалось, что за милліонъ талеровъ можно было теперь добиться въ С.-Петербургѣ всего, чего раньше нельзя было получить и за три ³⁾). Раздраженіе Елисаветы противъ Фридриха II росло, а вмѣстѣ съ тѣмъ зрѣло и крѣпло рѣшеніе соединиться съ воюющими союзниками какъ разъ въ то время, когда они сами уже вступили въ переговоры о мирѣ. 23-го декабря с. с. императрица сказала канцлеру, что готова вполне помириться съ Маріей Терезіей, забыть все прежнее, помочь ей вернуть Силезію и Глацъ, заключить оборонительный союзъ или возоб-

¹⁾ Дон. Претлаха отъ 25-го декабря (5-го января).

²⁾ Поведеніе Гиндфорда шло очевидно въ разрѣзъ съ Ганноверской конвенціей. Борковскій (*Borkowsky, Die Englische Friedensvermittlung im Jahre 1745. Berlin, 1884*) объясняетъ это антигонизмомъ между политикою англійскаго министерства, а именно государственнаго секретаря Гаррингтона, заключившаго Ганноверскую конвенцію, и чисто ганноверской политикою короля Георга II, враждебной Пруссіи. Гиндфордъ былъ преданъ исключительно королю и поддерживалъ съ нимъ тайную переписку при посредствѣ барона ф. Штейнберга. По требованію Фридриха II англійское министерство поручило, напримѣръ, Гиндфорду хлопотать въ С.-Петербургѣ о томъ, чтобы Елисавета взяла на себя ручательство за Дрезденскій миръ. Гиндфордъ велъ себя въ этомъ дѣлѣ очень уклончиво и выдвигалъ болѣе вопросъ о субсидной конвенціи между Англіей и Россіей. 12 (23) декабря 1746 г. Елисавета сухо отказала Фридриху II въ гарантіи Дрезденскаго мира. Гиндфордъ предупредилъ объ этомъ Георга II и черезъ Штейнберга получилъ отъ короля одобреніе за ловкость и усердіе.

³⁾ Ibid. Dieses ist gewiss, dass man jezo gleich mit einer Million Thaler hier mehr ausrichten kan, als man sonsten vorhero nicht mit drey und mehreren hätte thun können, welches man genugsam zu verstehen giebt und es zu sagen keine Scheu hat.

новить договоръ 1726 года ¹⁾). Претлакъ, услыжавъ объ этомъ отъ канцлера, тотчасъ же сталъ настаивать на необходимости возстановить союзныя отношенія между Россіей и Австріей и направить ихъ противъ Фридриха II. Въ отвѣтъ на это Бестужевъ просилъ барона передѣлать нѣмецкую докладную записку Гогенгольца на французскомъ языкѣ для подачи ея лично императрицѣ. Такъ возникла промеморія отъ 23-го декабря 1745 года. Представитель Австріи просилъ отъ имени своего двора о возобновленіи договора 1726 года, но съ тѣмъ, чтобы онъ распространялся на текущую войну Маріи-Терезіи съ Франціей и Пруссіей. Венгерская королева съ своей стороны завѣряла, что будетъ всѣми силами продолжать войну противъ короля Фридриха, врага, опаснаго для обѣихъ имперій. Съ этой цѣлью она направила корпусъ въ Силезію, дабы отвлечь его силы отъ Саксоніи, и въ то же время предписала большей части своей зарейнской арміи повернуть въ прусскія владѣнія. Претлакъ возвѣщалъ теперь Елисаветѣ, что его государыня готова уплатить за русскую помощь два милліона флориновъ и, сверхъ того, хлопотать у морскихъ державъ объ утвержденіи предложенныхъ ими субсидій. Онъ надѣялся, что даже Англія, несмотря на Ганноверскую конвенцію, измѣнитъ направленіе своей политики и охотно вернется къ переговорамъ о субсидіи, какъ только узнаетъ о мужественной рѣшимости Елисаветы. Генеральные штаты и безъ того твердо держатся своихъ старыхъ союзовъ ²⁾).

¹⁾ Ibid. Ansonsten hat mir der Kanzler noch vorgestern gesagt, dass sich bey der Kaiserin der Hass und die Verbitterung gegen den König v. Preussen von Tag zu Tag vermehre, dargegen aber die gute Gesinnung und Neigung zur Versöhnung mit Ihro Maj-t Unser Kaiserin zunehme, und hätten Allerhöchst dieselbe ihme noch vorgestern morgen expressis verbis gesaget, dass sie bereit wären sich mit unserer Kaiserin Mayest. vollkommen zu versöhnen, Alles vergangene zu vergessen, uns Schlesien und Glatz wieder zu schaffen... Sie auch nicht abgeneigt wären, einen Defensiv-Allianz-Tractat zu errichten, oder den von 1726 zu erneuern.

²⁾ Ibid. Il doit assurer positivement qu'on peut se reposer que la Cour de Vienne poursuivra de toutes ses forces la guerre contre le Roy de Prusse, ennemis très dangereux à tous les deux empires et tous ses voisins... J'ay ordre de declarer que la dite Cour promets solennel de payer à Sa Maj. l'Impératrice de toutes les Russies dans la première année qu'Elle sera derechef dans la juste possession de la Silésie la somme de deux millions de florins d'Allemagne et qu'elle continuera ses fortes instances et remonstrances auprès des Puissances maritimes pour les determiner à accorder à la même les subsides deja offerts. Et l'on peut espérer non sans fondement que l'Angleterre, voyant la magnanime et genereuse resolution que S. M. l'Impératrice de toutes les Russies prends, changera ausi, malgré la malheureuse convention d'Hannovre, bientôt de sentiments et reassumera avec plaisir la négociation du Traité de subsides.

Пораженіе саксонцевъ при Кессельсдорфѣ (15-го декабря н. ст.) измѣнило все положеніе дѣлъ. Графъ Брюль въ письмѣ къ Пецольду жаловался, что принцъ Карлъ, стоявшій съ австрійскою арміею въ часѣ пути отъ поля битвы, не пожелалъ поддержать саксонцевъ, которые дважды съ успѣхомъ отражали пруссаковъ, но въ концѣ концовъ должны были отступить вслѣдствіе нападенія съ фланга новыхъ полковъ непріятели. На слѣдующій день саксонцы предложили принцу Карлу соединенными силами возобновить битву, однако австрійскій главнокомандующій не согласился и на это. Король польскій повторялъ тѣ же обвиненія въ письмѣ къ Елисаветѣ. Чувствуя себя покинутымъ союзницею, курфюрстъ видѣлъ свое спасеніе въ сдѣлкѣ съ Фридрихомъ II и тѣмъ самымъ отказывался отъ русскаго вспомогательнаго отряда. Бестужевъ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, однако все еще готовъ былъ послать на помощь Маріи-Терезіи тридцать полковъ, отчасти стоявшихъ въ Курляндіи, отчасти бывшихъ на пути туда, если только венгерская королева воздержится отъ мира съ Пруссіей. Ради этого канцлеръ думалъ просто-на-просто возобновить договоръ 1726 г., отложивъ до другаго болѣе удобнаго времени измѣненіе нѣкоторыхъ статей, не соотвѣтствовавшихъ болѣе новымъ обстоятельствамъ ¹⁾. Но и это предложеніе опоздало. 29-го декабря (9-го января) утромъ Мардефельдъ получилъ отъ своего короля извѣстіе о двойномъ мирѣ съ курфюрстомъ Августомъ III и Маріей-Терезіей на почвѣ Бреславскаго договора и присоединенія къ Ганноверской конвенціи. Опасаясь мщенія Фридриха II, русское правительство не стало ворочать назадъ двинутаго войска и продолжало вооружать военныя суда и галеры. Когда прошлаго уже нельзя было воротить, тогда вполнѣ раскрылись глаза у Елисаветы и ея государственныхъ людей ²⁾. Канцлеръ пригласилъ къ себѣ барона Претлака и заявилъ о согласіи императрицы возобновить какъ можно скорѣе договоръ и дѣйствовать съ напряженіемъ всѣхъ силъ; Австрія должна была только указать, какого содѣйствія ждетъ она съ русскою стороны. Претлакъ напомнилъ, что, по слухамъ миръ уже заключенъ, и Марія-Терезія потеряла Силезію; русскій дворъ не поддержалъ ни

¹⁾ Гогенгольцъ отъ 28-го декабря (8-го января).

²⁾ Бар. Претлакъ отъ 4-го (15-го) января 1746 г. Überhaupt gehen dem hiesigen Hof nunmehr die Augen rechtschaffen auf, und man bereuet täglich mehr, dass man nicht schon vor 6. Monathen besser zu Werk gegangen und dem Preussischen Hof Einhalt gemacht habe.

ея, ни Саксоніи; онъ недоумѣвалъ, какихъ замысловъ можно еще ждать со стороны венгерской королевы ¹⁾). Гогенгольцу канцлеръ открылъ 2-го (13) января свои намѣренія еще откровеннѣе. Онъ предлагалъ выступить противъ Пруссіи съ арміею въ сто тысячъ чело-вѣкъ и дѣйствовать не только оборонительно, но даже наступательно, если только Марія-Терезія рѣшится, не смотря на состоявшійся уже миръ, снова начать войну противъ Пруссіи ²⁾). Елисавета принимала несчастія Саксоніи особенно близко къ сердцу, такъ какъ курфюрстъ открыто винилъ въ нихъ Россію, удержавшую его отъ вторженія въ прусскія владѣнія. Въ надеждѣ ли на возобновленіе войны противъ Фридриха II. изъ боязни ли его мщенія, или уже въ расчетъ покрыть часть военныхъ издержекъ англійскою субсидіею за вспомога-тельный отрядъ противъ Франціи, но только приготовленія къ войнѣ въ Россіи продолжались ³⁾). Претлакъ подъ рукою поощрялъ эти военныя приготовленія, надѣясь, что они вызовутъ безпокойство у Пруссіи и, можетъ быть, поведутъ даже къ войнѣ ⁴⁾).

¹⁾ Ibid.

²⁾ Дон. Гогенгольца отъ 4 (15) января. Sagte zugleich, man wäre bereit die Sache gegen Preussen mit 100 m. Mann und mit der grössten force zu unternehmen, je wo es nicht deffensive, sondern offensive geschehen müste, wan man nur einmahl allhier durch einen verlässlichen Plan und Concert gesicheret wäre, dass man von Seithen Ihro Mayt. der Kayserin und Königin ungehindert des eingegangenen Friedens de novo den Krieg wider Preussen zu unternehmen sich entschliessen wolte.

³⁾ Дон. Претлака отъ 11-го (22-го) января. Ich gestehe, wan ich diese Anstalten nicht selbstn sehete und positive wusste, mir es zu glauben unbegreiflich wäre, warumb dieser Hof, der mit keiner Puissance alljret ist, anjezo nach erfolgtem Frieden mit Preussen ohne den geringsten Praetext viel mehrer thue, als er vorhero bey existirtem Krieg mit allem Fug hätte thuen können und sollen.

⁴⁾ Ibid. Ich meines orths hindere sie in diesen ihren rühmlichen Anstalten gar nicht, sondern suche vielmehr, jedoch ohne mich im geringsten directe zu committiren, theils mit dem Canzler in geheim discoursweiss, theils durch vertraute tertios solche zu animiren. Unmöglich ist es, dass alle diese Anstalten nach dem Friedens Erfolg bey Preussen nicht eine ombrage verursachen solten, und es kan leicht seyn, dass sie dardurch mit solchen in Händel gerathen dürften. Этою цитатою воспользовался уже пр. Козеръ въ своей исторіи Фридриха II, но все-таки въ общемъ онъ говоритъ о прусскомъ королѣ: „Er irrte sich, wenn er Oesterreich für den schiebenden Theil, Russland für den geschobenen hielt“. Въ нѣмецкой исторической литературѣ есть специальное изслѣдованіе Карге о русско-австрійскомъ союзѣ 1746 года (*D-r Paul Karge, Die russisch-österreichische Allianz von 1746 und ihre Vorgeschichte. Göttingen, 1887.*). Карге воспользовался данными архива кн. Воронцова и Исторіи Россіи С. М. Соловьева, чтобы

При докладѣ 4-го (15-го) января 1746 г. на утверженіе Елисаветы былъ представленъ указъ о собраніи вновь по ея желанію совѣта; на обсужденіе ставился вопросъ о томъ, какія мѣры надлежитъ принять при нынѣшнемъ усиленіи прусскаго короля для отвращенія или для предупрежденія внезапнаго нападенія его на русскія владѣнія. Императрица велѣла прибавить къ указу, чтобъ въ томъ же совѣтѣ учинить и планъ операций, а самый совѣтъ назначила во дворцѣ на 7-е (18) января; она говорила и о томъ, чтобы безъ замедленія постановить союзы съ вѣнскимъ и копенгагенскимъ дворами ¹⁾. Канцлеръ заранѣе готовилъ предложенія, свидѣтельствовавшія о его рѣшимости. Еслибы даже ни Саксонія, ни Австрія не нашли повода возобновить военныя дѣйствія, то Елисавета должна была съ весны начать наступленіе противъ Фридриха II и выставить вмѣсто 30 цѣлыхъ девяносто тысячъ вспомогательнаго войска. Придуманъ былъ и случай для объявленія войны. Надо возобновить немедленно союзный договоръ съ Маріей-Терезіей, предоставить въ ея распоряженіе вспомо-

рѣзко выдвинуть наступательный характеръ русской политики въ 1746 г. Для изображенія сношеній между вѣнскимъ и с.-петербургскимъ дворомъ онъ имѣлъ подъ руками выписки изъ дѣлъ вѣнскаго Hof und Staatsarchiv'a, сдѣланныя пр. Коеромъ для его труда о Фридрихѣ В. Опровергая мнѣніе Дройзена, который будто бы именно австрійскій дворъ считалъ виновникомъ переговоровъ 1746 г., направленныхъ противъ Фридриха II, Карге впалъ въ крайность и выставилъ положеніе: *Russland war es, das 1746 zum sofortigen Losschlagen gegen Preussen trieb, das nicht geschoben wurde, sondern schob; Oesterreich war es, welches abwiegelte und die Entscheidung vertagte.* Но чтобы вѣрно понять русскія вооруженія 1746 года, надо вернуться къ переговорамъ 1745 г., когда члены Варшавской уніи дали толчокъ къ нимъ. Въ концѣ 1745 г. Австрія прямо таки тягивала Россію въ войну; но по особенностямъ всего склада русскаго правительства при Елисаветѣ энергія его росла по мѣрѣ того, какъ надобность въ ней исчезала. Въ 1746 году вѣнскій дворъ и не думалъ болѣе колебаться; онъ рѣшился блюсти Дрезденскій миръ, а на случай новаго нападенія заручиться союзнымъ договоромъ съ Россіей. Съ другой стороны русское правительство въ 1746 г. не предпринимало никакихъ новыхъ вооруженій, которыя не были-бы уже рѣшены въ 1745 г. подъ впечатлѣніемъ нападенія Фридриха II на Саксонію и подъ влияніемъ членовъ Варшавской уніи. Въ своей исторіи прусской политики Дройзенъ выражается гораздо осторожнѣе, нежели какъ можно было бы думать по возраженіямъ Карге; онъ замѣчаетъ напр.: „In dem Verhalten Maria Theresias während der letzten Wochen vor dem Dresdner Frieden, der ersten nach demselben, ist mehr als ein Moment noch unaufgeklärt“. (*Gesch. der Preuss. Politik, V Th. 3. B.*) Карге не могъ каснуться этихъ моментовъ, потому что имѣлъ выписки изъ вѣнскаго архива только за 1746 г.

¹⁾ Архивъ кн. Воронцова, кн. VII.

гательный отрядъ въ 30 тысячъ человѣкъ противъ Франціи и потребовать для него пропуска черезъ прусскія владѣнія. Можно было предвидѣть, что Берлинскій дворъ дастъ отрицательный отвѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желанный поводъ направить непріязненные дѣйствія прямо противъ него ¹⁾. На совѣтѣ 7-го (18) января выслушано было мнѣніе графа Лесса, присланное изъ Риги; оно говорило о расположеніи русскихъ войскъ, находившихся въ Курляндіи и Лифляндіи, о снаряженіи флота и галеръ. Члены совѣта высчитывали, что въ корпусъ, который долженъ быть собранъ въ Лифляндіи и Эстляндіи, наберется полевыхъ, кирасирскихъ, драгунскихъ и пѣхотныхъ полковъ всего 44, считая тутъ и войско, находящееся въ Курляндіи; сверхъ того, къ этому корпусу примкнутъ назначенныя туда же иррегулярныя войска. Совѣтъ предлагалъ по полученіи грамоты отъ короля польскаго о заключеніи мира вывести изъ Курляндіи русскій корпусъ и расположить по лифляндской границѣ, полки, находившіеся уже въ Лифляндіи, оставить на мѣстѣ, а всѣ остальные строевыя и иррегулярныя войска, бывшія уже на пути туда, расположить вмѣстѣ съ курляндскимъ корпусомъ по границѣ, начиная отъ Курляндіи и до Смоленска, сообразно предложенію графа Лесса. Этихъ мѣръ, по мнѣнію совѣта, было достаточно, какъ для отраженія возможнаго нападенія Фридриха II, такъ и для наступательныхъ дѣйствій въ случаѣ надобности. Только тѣмъ войскамъ, которыя по прежнимъ распоряженіямъ должны были двинуться въ Лифляндію съ весны, предписывалось теперь не медля выступить въ походъ и прибыть на мѣста еще зимой. Елисавета утвердила это мнѣніе совѣта, не заключавшее въ себѣ никакихъ новыхъ вооруженій ²⁾. Не оправдались воинственныя рѣчи Бестужева и въ переговорахъ о союзѣ между Россіей и Австріей.

Когда баронъ Претлакъ получилъ 25-го января (5-го февраля) отъ канцлера проектъ трактата, то вопреки всему тому, чего можно было ожидать послѣ его заявленій, нашелъ въ немъ статью, исключавшую текущую войну между Маріей-Терезіей и Людовикомъ XV изъ круга дѣйствія договора. Онъ сдѣлалъ видъ, какъ будто бы хочетъ тотчасъ же вернуть весь проектъ обратно, и заявилъ, что его дворъ не можетъ вступать ни въ какія обязательства съ Россіей, если не получить помощи въ войнѣ противъ Франціи. Канцлеръ склонился на

¹⁾ Доп. Претлаха 11-го (22-го) января.

²⁾ Арх. кн. Воронцова, кн. VII.

его доводы и предложилъ независимо отъ договора заключить особую дополнительную статью: императрица Елисавета согласится выставить 30 тысячъ человекъ противъ Людовика XV. но въ виду безденежья должна будетъ просить за нихъ на этотъ разъ субсидію въ миліонъ талеровъ. Въ духѣ договора 1726 года особая секретнѣйшая статья проекта предлагала, что если турки нарушатъ Бѣградскій миръ и нападутъ на одну изъ союзныхъ державъ, то другая объявляетъ Портѣ войну. Претлакъ вынесъ, однако, впечатлѣніе изъ своего пребыванія въ С.-Петербургѣ, что тамъ не боятся нападенія со стороны турокъ и въ безконечныхъ степяхъ на югѣ видятъ лучшую защиту противъ нихъ; поэтому онъ находилъ такую статью болѣе выгодною для Австріи, нежели для Россіи, и не возражалъ противъ нея ¹⁾.

Отъ 13-го (24-го) февраля вѣнскій дворъ прислалъ барону Претлаку вѣрительныя грамоты въ санѣ посла, полномочіе на заключеніе договора и подробный наказъ, что именно внушать русскому правительству. Марія-Терезія сожалѣла, что отношеніе къ общему дѣлу въ С.-Петербургѣ улучшилось слишкомъ поздно, когда обѣ мор-

¹⁾ Дон. Претлака отъ 30-го января (10-го февраля) 1746 года.

Въ депешѣ отъ 22-го февраля н. ст. Претлакъ пишетъ безъ шифра о столкновеніи между французскимъ министромъ д'Аліономъ и англійскимъ посломъ. 10-го февраля с. ст. былъ день рожденія великаго князя, но такъ какъ онъ приходился на чистый понедѣльникъ, то Бестужевъ-Рюминъ давалъ у себя обѣдъ въ воскресенье наканунѣ. Англійскій посолъ, обращаясь къ канцлеру, поднялъ свой стаканъ за здоровье Елисаветы; Бестужевъ отвѣчалъ тостомъ за Георга II. Только д'Аліонъ не сталъ пить втораго тоста. Гиндфордъ замѣтилъ это и просилъ сидѣвшаго воятъ него англійскаго консула Вольфа провозгласить здоровье французскаго короля, дабы имѣть случай пропустить этотъ тостъ. Но д'Аліонъ не принялъ привѣтствія Вольфа и заявилъ, что за его государя сѣдowało пять раньше, чѣмъ за англійскаго короля. Всѣ были на сторонѣ Гиндфорда, который всталъ и сказалъ, обращаясь къ д'Аліону: *Monsieur, il faut avoir toujours du respect pour les têtes couronnées.* Французскій министръ въ концѣ концовъ уступилъ, выпилъ сначала за здоровье Георга II, а затѣмъ и за Людовика XV. Претлакъ сидѣлъ на другомъ концѣ стола рядомъ съ Мардефельдомъ, который досадовалъ на ошибку французскаго министра и жалѣлъ, что не могъ удержать его отъ этой „глупости“ (*sotise*). Объ этой депешѣ отъ 22-го февраля баронъ Претлакъ пишетъ затѣмъ шифромъ въ донесеніи отъ 26-го февраля, что онъ разказалъ весь случай съ д'Аліономъ и прибавилъ свое сужденіе о немъ исключительно въ расчетъ на перлюстрацію. По его свѣдѣніямъ, донесеніе дѣйствительно было уже распечатано, и копія находилась въ рукахъ Елисаветы. Таковъ былъ пріемъ иностранныхъ министровъ, дружественныхъ канцлеру, выставить своихъ противниковъ въ дурномъ свѣтѣ. Съ нимъ приходится считаться при пользованіи реляціями.

скія державы отказались уже отъ облюбованныхъ было ими мѣропріятій и переговоровъ. Отсюда возникло положеніе, несогласное ни съ интересами, ни съ безопасностью и спокойствіемъ Русскаго государства. Императорское правительство должно съ особымъ вниманіемъ слѣдить за событіями въ Швеціи, Польшѣ, Турціи, гдѣ прусскій король по примѣру прошлаго всегда будетъ подкапываться подъ русское вліяніе. Ни курфюрстъ саксонскій послѣ своего пораженія, ни Марія-Терезія, окончательно утратившая Силезію, не въ состояніи съ успѣхомъ поддерживать интересы Россіи въ этихъ трехъ государствахъ. Вѣнскій дворъ не можетъ отнынѣ помѣшать тѣсному объединенію Швеціи съ Пруссіей, которое дастъ имъ перевѣсъ на сѣверѣ и всего болѣе будетъ грозить опасностью Россіи. Не только честь, но и безопасность и благосостояніе государства не позволяютъ императрицѣ Елисаветѣ оставаться въ виду такихъ обстоятельствъ безъ союзниковъ, всего менѣе дать усыпить себя Франціи и Пруссіи, которыя по-прежнему во всемъ идутъ дружно, несмотря на попытки англійскаго министерства разлучить ихъ. Французская безпомощность и боязнь Россіи побудили Фридриха II заключить выгодный миръ помимо Бурбонскаго дома. Пока шли переговоры о мирѣ, король чуждался французскихъ министровъ; какъ только миръ состоялся, онъ сталъ заискивать у Людовика XV и далъ завѣренія поддерживать въ Германіи французскіе интересы. Версальскій дворъ тотчасъ же словно забылъ свою досаду за Ганноверскую конвенцію и Дрезденскій миръ; онъ поощрялъ даже Фридриха II выступить въ имперскомъ сеймѣ какимъ-то двойникомъ императора (Gegen-Kauser), привлечь къ себѣ, кромѣ Курпфальца, Гессенъ-Касселя, Вюртемберга, Байрейта, Анспаха, еще другіе голоса, въ особенности курфюрста баварскаго, и при случаѣ возобновить непріязненные дѣйствія противъ королевы Богеміи ¹⁾. Король прусскій еще не поддался пока послѣдному искушенію, но въ имперскихъ дѣлахъ всюду дѣйствуетъ заодно съ французскими министрами противъ Маріи-Терезіи, а въ Швеціи противъ Елисаветы, опираясь на наслѣдную принцессу. Венгерская королева не намѣрена, правда, нарушать миръ съ берлинскимъ дворомъ, хотя имѣетъ право считать его поведеніе не соответствующимъ трактатамъ; но вѣрность Дрезденскому миру не можетъ помѣшать ей обезпечить себя отъ возможныхъ непріятельскихъ нападеній въ будущемъ, а потому Марія-Терезія и вступила въ переговоры о

¹⁾ Инстр. Претлаку 13-го (24-го) февраля.

союзъ. Выработывая свой проектъ, вѣнскій дворъ заботился о томъ, чтобы Фридрихъ II не могъ жаловаться на нарушеніе мирнаго договора, еслибы рано или поздно весь трактатъ и всѣ тайныя сношенія стали ему извѣстны¹⁾. Въ отличіе отъ русскихъ предложеній австрійское правительство желало установить обоюдную помощь противъ Пруссіи въ 60 тысячъ, а въ текущую войну противъ Франціи получить по крайней мѣрѣ 15 тысячъ человѣкъ, которые Россія даромъ должна была выставить на Рейнъ или въ Нидерланды. Претлакъ не надѣялся провести это послѣднее требованіе въ С.-Петербургѣ²⁾. Дѣйствительно, на докладъ Елисаветѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Бестужевъ предложилъ вмѣсто этой статьи австрійскаго проекта заключить особую конвенцію, по которой королева венгерская могла получить даромъ на свое содержаніе 6 тысячъ русскаго войска, если морскія державы пожелають взять себѣ на службу за субсидію 24-тысячный корпусъ. По словамъ канцлера, Претлакъ завѣрялъ, что на самомъ дѣлѣ вѣнскій дворъ не будетъ требовать войска у Россіи, и что вся сдѣлка нужна только на показъ, дабы расположить морскія державы къ субсидной конвенціи. Только съ этою оговоркою Елисавета и дала свое согласіе на сдѣлку³⁾.

22-го мая (2-го іюня) 1746 г. союзный трактатъ на 25 лѣтъ былъ, наконецъ, подписанъ. Главная цѣль его по буквальному смыслу — оборона взаимными силами отъ общихъ враговъ. Если императрица-королева подвергнется нападению, то Россія должна не медля по-

¹⁾ Ibid. Der fünfte Artikel ist so behutsam entworfen worden, dass wann gleich über kurz oder lang dessen Inhalt, nebst der ganzen geheimen Handlung, kundt würde, dennoch der König von Preussen sich über den mindesten Unterbruch des geschlossenen Friedens zu beklagen keine auch nur scheinbahre Ursach haben könnte.

²⁾ Дон. Претлака отъ 26-го (15-го) марта. По архиву кн. Воронцова, кн. VII, русскій проектъ доложенъ Елисаветѣ 10-го января с. ст., утверждень 13-го января и возвращень для приведенія въ дѣйствіе 22-го января. Контръ-проектъ Претлака и вторичный русскій проектъ доложены 12-го и 14-го апрѣля; 16-го апрѣля послѣдовало одобреніе. Новый договоръ выработывался на нѣмецкомъ языкѣ. Русскому канцлеру трудно было найти лицъ, достаточно свѣдущихъ въ латинскомъ языкѣ, а если они и попадались, такъ имъ опасно было довѣрять тайну. Канцлеръ думалъ, что Марія-Терезія будетъ рада нѣмецкому языку, какъ своему родному. Но Претлакъ, давая свое согласіе, сдѣлалъ все-таки оговорку, что отступленіе отъ обычнаго латинскаго языка не должно служить примѣромъ, обязательнымъ для будущаго. Дон. Претлака отъ 7-го іюня н. с.

³⁾ Арх. кн. Воронцова, кн. VII: „а въ прочемъ бы они заранѣе вѣдали, что по оной никакое исполненіе отъ здѣшней стороны учинено быть не можетъ“.

слать ей на помощь 20 тысячъ пѣхоты и 10 тысячъ конницы; точно также кто бы ни напалъ на Россію, Марія-Терезія обязана помочь ей 30 тысячнымъ корпусомъ. Однако нападеніе враговъ на итальянскія владѣнія Габсбурговъ или ихъ война съ Испаніей, равно какъ и нападеніе на русскія владѣнія со стороны Персіи, не составляли „случая союза“, такъ какъ Испанія и Персія были специальными врагами каждой изъ договаривающихся сторонъ, да и отдаленность театра войны дѣлала посылку войскъ немислимою. Зато, еслибы Оттоманская Порта нарушила миръ съ Австріей или Россіей, то оба союзника должны дружно объявить ей войну и идти въ походъ (секретнѣйшій артикулъ). Общіе интересы на югѣ вели такимъ образомъ къ болѣе тѣсному сближенію, нежели боязнь передъ Пруссіей на сѣверѣ. Но ради спокойствія у Балтійскаго моря и дружбы съ дочерью Петра Марія-Терезія должна была отказаться отъ обязательствъ, унаслѣдованныхъ ею относительно Даніи. Императрица-королева объявила недѣйствительнымъ Копенгагенскій договоръ 1732 года и не только гарантировала герцогу голштинскому Петру Фёдоровичу его нѣмецкія владѣнія, но обѣщалась заодно съ Россіей поддерживать его интересы и притязанія, еслибы переговоры съ Даніей объ удовлетвореніи герцогскаго дома не привели къ сдѣлкѣ; на этотъ случай Вѣнскій дворъ готовъ былъ ради спокойствія на сѣверѣ содѣйствовать окончательному рѣшенію шлезвигъ-голштинскаго вопроса путемъ соглашенія съ русскимъ правительствомъ (1 секретный сепаратный артикулъ). Выражая желаніе блюсти Дрезденскій миръ, Марія-Терезія (въ 4 секретномъ сепаратномъ артикулѣ) не теряетъ изъ виду своего права вернуть герцогство Силезію и графство Глацъ, какъ только Фридрихъ II самъ первый нарушитъ договоръ. Но въ трактатѣ 1746 г. императрица-королева шла еще далѣе и расширяла пониманіе дрезденскихъ обязательствъ настолько, что въ сущности разбивала рамки самаго мира. Нарушеніемъ дрезденскаго договора съ прусскою стороны она хотѣла считать всякое нападеніе Фридриха II не только на Австрію, но и на Польшу и даже Россію. Во всѣхъ этихъ случаяхъ утраченныя вѣнскимъ дворомъ права на Силезію и Глацъ тотчасъ же восстанавливались. Марія Терезія оставалась на почвѣ Дрезденскаго мира, когда она договорилась съ Елисаветой, что каждая изъ императрицъ должна держать въ сосѣднихъ съ Пруссіей областяхъ—Марія-Терезія въ Богеміи, Моравіи и близлежащихъ венгерскихъ графствахъ, а Елисавета въ Лифляндіи, Эстляндіи и другихъ пограничныхъ земляхъ—по крайней мѣрѣ 30-ти-

тысячное войско, дабы въ случаѣ нападенія Фридриха II каждая изъ договаривающихся сторонъ въ два-три мѣсяца могла прійти на помощь союзнику. Посылая помощь Россіи, вѣнскій дворъ по возрѣніямъ эпохи не вступалъ еще тѣмъ самымъ въ ряды воюющихъ державъ и не нарушалъ своего мира съ Пруссіей. Но по трактату 1746 года размѣръ взаимной помощи на случай нападенія Пруссіи удваивался и при томъ не ради обороны, а съ цѣлями завоевательными. 60-тысячной арміи было недостаточно для того, чтобы вернуть Силезію и Глацъ¹⁾, и вотъ каждый изъ союзниковъ обязывался выставить 40 тысячъ пѣхоты и 20 тысячъ конницы. Намѣчался заранѣе и планъ кампаніи. Русская армія должна была, смотря по обстоятельствамъ, переправиться сухимъ путемъ или моремъ, произвести сначала диверсію въ земли прусскаго короля, а затѣмъ соединиться съ австрійцами для общихъ дѣйствій. Такъ какъ Елисавета при этой диверсіи не имѣла ни малѣйшаго намѣренія сдѣлать какія нибудь новыя завоеванія²⁾, то Марія-Терезія обѣщалась выплатить ей въ одинъ годъ, считая съ возвращенія Силезіи и Глаца, два милліона гульденовъ и не вычитать изъ нихъ контрибуцій, которыя, можетъ быть, возьметъ Россія съ непріятельской земли. Обѣ императрицы предполагали, что Фридрихъ II выберетъ для своего нападенія на одну изъ сосѣднихъ державъ такое время, когда другая будетъ занята уже какою либо войной. Въ виду этого въ договорѣ сдѣлана была оговорка (5 секретный сепаратный артикулъ), что въ случаѣ нарушенія мира Фридрихомъ II Марія-Терезія подастъ помощь Россіи, не смотря на текущую войну съ Бурбонскимъ домомъ, и наоборотъ, Елисавета пошлетъ для обороны Австріи русскій корпусъ, хотя бы и подверглась въ то время на сѣверѣ какому либо нападенію; рѣчь могла идти здѣсь лишь о нападеніи со стороны Швеціи, гдѣ партія кронпринцессы стояла подъ вліяніемъ Франціи и Пруссіи. Договоръ 1746 г. былъ первоначально заключенъ только съ Россіей и Австріей, но деклараціей отъ 22-го мая къ нему присоединился и супругъ Маріи-Терезіи въ качествѣ главы Св. Римской имперіи³⁾. По присягѣ, данной при выборѣ въ императоры, Францъ I не имѣлъ

¹⁾ Die durch den Dresdener Frieden übertragene Länder wieder zu erobern.

²⁾ „При выѣздѣ впредь послѣдовать диверсіи, не имѣть ни малѣйшаго намѣренія, чтобы при такомъ случаѣ сдѣлать какія нибудь новыя завоеванія и оныя себѣ присвоить“.

³⁾ Ф. Мартенсъ, Собраніе трактатовъ и конвенцій, т. I.

права заключать союза отъ имени имперіи безъ вѣдома курфюрстовъ, но онъ далъ обѣщаніе — употребить, какъ глава имперіи, всѣ усилія къ тому, чтобы согласно первому тайному сепаратному артикулу всѣ законныя притязанія герцога голштинскаго были удовлетворены. Къ договору 1746 года со стороны Россіи была приложена особая декларация объ участіи Елисаветы въ войнѣ противъ Франціи. Если въ теченіе 1746 г. морскія державы возьмутъ за достаточную субсидію на свое содержаніе русскій вспомогательный отрядъ въ 24 тысячи человекъ, то императрица изъ дружбы къ Маріи-Терезіи была согласна прибавить даромъ еще 6 тысячъ войска. Однако этотъ добавочный отрядъ долженъ былъ дѣйствовать всегда вмѣстѣ съ главнымъ вспомогательнымъ корпусомъ на Рейнѣ или въ Нидерландахъ. Декларация эта повела къ субсидному договору между Россіей и Англіей и появленію русскаго корпуса въ Германіи ¹⁾).

По буквѣ договора императрица-королева могла называть его оборонительнымъ. но конечною цѣлью, куда мѣтило все соглашеніе, было все-таки обратное завоеваніе утраченныхъ областей. Прямой путь къ этой цѣли былъ отрѣзанъ Дрезденскимъ миромъ, однако вѣнскій дворъ надѣялся подойти къ ней сложнымъ обходнымъ движеніемъ.

¹⁾ Эту декларацию проф. Мартенсъ опустилъ въ своемъ собраніи. Мы приводимъ отрывки изъ нея по подлиннику вѣнскаго Государственнаго архива (Hof- und Staats-archiv): „Nach erfolgreicher Abrede aber versprechen auch Ihre Kaiserliche Majestät von allen Reussen gleichfalls zu Bezeugung eines wahren Merckmahls Dero Ihre Röm. Kays. Kgl. Majestät zutragenden Freundschaft zu Dero Dienst ohne Subsidien noch Sechs Tausend Mann zu den obbesagten vier und zwanzig Tausend Mann Subsidien Troupen zu stossen zu lassen... Allein diese Sechs-Tausend Mann sollen niemahlen von den obberegtten Subsidien — Troupen abgesondert, sondern allezeit beysammen am Rhein oder in den Niederlanden gehalten und in Operationen gebraucht werden... Diese Troupen — Überlassung extendiret sich nicht auf die künftige Zeiten, sondern nur einzig und allein auf das jetzt laufende Jahr... Wann aber aus einigen Ursachen... über obgedachte Übernehmung der Vier und Zwanzig Tausend Mann subsidien—Troupen nicht überein gekommen werden kan, so werden auch besagte denselbigen beuytfulgeude... Sechs Tausend Mann Ihre Kays. Majestät von allen Reussen Troupen als ein kleines Corps an Sich selbst weder accordiret, noch abgelassen worden können. Какъ мало можно полагаться на книгу Альб. Вавдала „Louis XV et Élisabeth de Russie“ видно изъ его пересказа договора 1746 года: „Par le traite de 1746. Élisabeth ne s'obligeait pas à déclarer la guerre à la France, mais s'engageait à la lui faire. Elle promettait de fournir à Marie Thérèse un corps de 37.000 hommes au moins, sans s'inquiéter de la destination qui serait donnée à cette portion de son armée.“

Еще до заключенія мира союзники, подписавшіе Варшавскую унію, увлекли Россію къ враждебному шагу противъ Фридриха II. Баронъ Претлакъ поощрялъ русскія вооруженія и послѣ прекращенія войны между курфюрстомъ и королемъ; онъ могъ быть увѣренъ, что по своему рѣшительному характеру Фридрихъ II поспѣшитъ предупредить воображаемое русское вторженіе нападеніемъ на прибалтійскія провинціи Елисаветы. Россія должна была раздражить врага; смертельный ударъ для прусскаго короля Австрія сохраняла за собой. Таковъ былъ политическій смыслъ договора 1746 г. въ минуту его подписанія. Д'Аржансонъ угадывалъ послѣдствія, легко проистекающія изъ подобнаго союза, и писалъ д'Аліону отъ 19-го (30-го) сентября по поводу уклончивыхъ отвѣтовъ Бестужева: „Извѣстно, что такъ называемые оборонительные договоры все-таки опасны въ силу тайныхъ видовъ и намѣреній договаривающихся сторонъ. Въ своихъ отвѣтахъ русскій министръ старался главнымъ образомъ внушить Вамъ, что новый трактатъ, несмотря на исключительно оборонительный характеръ, можетъ найти примѣненіе въ войнѣ за австрійское наслѣдство. Я вполне раздѣляю доводы, приведшіе васъ къ убѣжденію, что отнынѣ мы должны считать русскую императрицу въ числѣ враговъ Франціи, и что государыня намѣрена, во что бы то ни стало, дать намъ это такъ или иначе почувствовать, но я увѣренъ, что разстояніе и недостатокъ у нея денегъ, необходимыхъ для такого далекаго похода русскаго войска, могутъ вполне освободить насъ отъ боязни, будто намъ придется сражаться съ ними въ слѣдующую кампанію. Мы прямо-таки не можемъ себѣ вообразить, чтобы Англія взяла на себя громадныя расходы по доставкѣ русскаго войска въ Нидерланды. Я не удивляюсь высказанному вами взгляду, что для насъ было бы выгодно, еслибы турки произвели какую либо демонстрацію, способную внушить безпокойство и опасенія с.-петербургскому двору и отвлечь его отъ очевиднаго желанія какъ нибудь помочь нашимъ врагамъ въ текущую войну; но онъ знаетъ, что никакая опасность не грозитъ ему съ этой стороны, пока длится война съ Персіей“¹⁾).

Съ другой стороны на случай, еслибы запросы берлинскаго двора по

¹⁾ При дон. Претлака отъ 6-го ноября н. ст. On sçait assez que les traités qualifiés défensifs n'en sont pas moins dangereux selon les veues et les intentions secrètes des parties contractantes... nous devons regarder desormais l'Impératrice de Russie comme au nombre des ennemis de la France... Je ne suis point surpris de vous voir penser qu'il nous seroit avantageux que les Turcs fissent quelques demonstrations qui inspirassent de l'inquietude et des apprehensions à cette Cour-

поводу скопленія русскаго войска на границѣ не повели теперь уже къ началу военныхъ дѣйствій, Марія-Терезія имѣла другой болѣе сложный путь къ цѣли; онъ требовалъ прежде всего времени и хладнокровнаго выжиданія удобныхъ обстоятельствъ. Безъ англійскихъ денегъ и безъ согласія дрезденскаго двора на движеніе русской арміи черезъ Польшу союзъ съ Россіей былъ бы страшенъ для Фридриха II только на бумагѣ; нельзя было ручаться, что при постоянномъ разстройствѣ финансовъ она въ каждую данную минуту будетъ въ состояніи исполнить принятія на себя обязательства. Самимъ начать наступательную войну противъ Пруссіи при поддержкѣ лишь Елисаветы въ Вѣнѣ не рѣшались даже въ 1756 году. Только нападеніе Фридриха II непосредственно на Россію могло причинить ей живительную боль, заставить вдругъ встрепенуться и развернуть въ оборонительной войнѣ за приобретенія эпохи преобразованій всю силу, на которую она была способна. Но какое именно количество энергіи могъ проявить русскій народъ, этого, вѣроятно, не могли высчитать въ началѣ царствованія Елисаветы ни иностранные дипломаты, ни русскіе государственные люди. Со времени Великой Сѣверной войны не было опытовъ въ большихъ размѣрахъ. Невольно являлась мысль, что царствование Петра было только однимъ изъ судорожныхъ движеній, хорошо извѣстныхъ въ исторіи другихъ восточныхъ народностей. За временнымъ пробужденіемъ, угрожавшимъ чуть ли не всему балтійскому побережью отъ Финляндіи и до Даніи, могла наступить усталость или довольство тѣмъ, что взято съ перваго натиска ¹⁾. При низкой оцѣнкѣ русскихъ силъ, къ которой склонны были вѣнскіе политики вплоть до Куннерсдорфа, союза съ Россіей было для нихъ недостаточно даже для цѣлей одной только обороны. Поэтому вскорѣ послѣ подписанія договора 1746 г. Марія-Терезія намѣтила барону Претлаку въ рескриптѣ отъ 17-го (28-го) августа дальнѣйшіе шаги, которые должны были обезпечить дѣйствительное политическое значеніе за обязательствами Россіи: во первыхъ, пригласить Георга II, и какъ короля англійскаго, и какъ курфюрста ганноверскаго, присоеди-

¹⁾ Въ донесеніи отъ 1-го мая 1745 г. гр. Розенбергъ пишетъ: Nicht allein ist dieses Reich dermahlen unfähig durch sich selbst und ohne Subsidiën ausser Land zu operiren, sondern es verfallt mehr und mehr und dergestalten, dass ein neuer Petrus wird erforderlich werden, umb dasselbe wieder in Stand zu sezen, welche Gefahr umb so weiter entfernt ist, als die Succession nicht stabiliret und nicht vor stabil geachtet werden kan, bis nicht zwey oder drey Generationes eine der anderen folgen.

ниться къ оборонительному трактату и. ввоторыхъ, постараться совмѣстно съ с.-петербургскимъ дворомъ привлечь опять на свою сторону курфюрста Августа, „исправить его политику“, то-есть, убѣдить его отказаться отъ договора съ Франціей ¹⁾. При первыхъ слухахъ о существованіи договора между Августомъ III и Людовикомъ XV русскій дворъ обратился къ графу Брюлю съ упреками; саксонскій министръ отвѣчалъ отъ 7-го (18-го) іюня уклончиво, что онъ не вступилъ съ Франціей ни въ какія обязательства въ ущербъ друзей ²⁾. Но существованіе субсиднаго договора вскорѣ подтвердилось. Было дешифровано письмо д'Аржансона къ д'Аліону отъ 17-го (28-го) іюля. Французскій министръ жаловался на поведеніе гр. Кейзерлинга въ Регенсбургѣ на имперскомъ сеймѣ; представитель Россіи открыто вербовалъ голоса для Австріи и подавалъ надежду на появленіе въ Германіи русскаго вспомогательнаго отряда тысячь въ 60. Д'Аржансонъ съ злорадствомъ прибавлялъ, что большинство князей и чиновъ на германскомъ сеймѣ скорѣ боится, нежели желаетъ русской помощи. Онъ надѣялся, что безъ содѣйствія курфюрста Августа, какъ короля польскаго, русское войско не можетъ найти пути въ глубь Германіи. а такъ какъ Саксонія въ тайномъ союзѣ съ Франціей и получаетъ отъ нея значительныя субсидіи за нейтралитетъ, то выборъ между Версалемъ и Вѣной будетъ не легокъ для Дрезденскаго двора. Тайна курфюрста была отгадана уже въ апрѣлѣ, когда онъ отказалъ въ 12 тысячахъ саксонцевъ, назначенныхъ было въ Нидерланды для подкрѣпленія австрійской арміи. Съ тѣхъ поръ онъ опровергалъ черезъ своихъ посланниковъ слухи о договорѣ. Этотъ обманъ можетъ поощрить с.-петербургскій дворъ стать на сторону враговъ Франціи. Д'Аржансонъ предписывалъ д'Аліону постепенно распространять въ обществѣ увѣренность, что догадка о существованіи субсиднаго договора между Дрезденомъ и Версалемъ была справедлива. Благодаря перлюстрации, Бестужевъ успѣлъ заранѣе приготовить отвѣтъ на разоблаченія французскаго министра. Онъ рѣшился шадить Саксонію и утверждать, что договоры испанскаго и французскаго правительства съ курфюрстомъ состоялись съ вѣдома и согласія русскаго двора; они простительны въ виду безденежья Саксоніи и не могутъ поколе-

¹⁾ Дон. Претлака отъ 6-го ноября н. с. Die Herbeybring- und-Rectificirung des Königl. Poln. und Chur-Sächs. Hofes.

²⁾ Дон. Претлака отъ 9-го іюля н. ст. Ich habe solches gelesen und gehet der gantze Inhalt dahin, dass Sachsen nach wie vor rotunde negiret, dass sich dasselbe mit Frankreich in etwas nachtheiliges eingelassen habe.

бать ни системы русской политики, ни дружбы дрезденскаго правительства съ его союзниками ¹⁾). Саксонскій посланникъ гр. Вицгумъ сознался, наконецъ, отъ имени курфюрста, что дрезденскій дворъ заключилъ съ Франціей самый невинный субсидный трактатъ и просилъ представить императрицѣ все дѣло именно въ этомъ свѣтѣ. Бестужевъ отвѣчалъ, что это сознаніе противорѣчитъ предыдущей деклараціи гр. Брюля; онъ не можетъ докладывать такого заявленія государынѣ, пока Саксонія не сообщитъ всего своего трактата съ Франціей, какъ русскому правительству, такъ и союзному съ нимъ вѣнскому двору и не дастъ новыхъ инструкцій своему представителю на сеймѣ въ Регенсбургѣ дѣйствовать заодно съ другими патріотичными чинами. Гр. Вицгумъ просилъ тогда позволенія получить съ Людовика XV еще одну субсидію если не за полгода, то хоть за четверть. Канцлеръ готовъ былъ разрѣшить это и подавалъ надежду на согласіе Маріи-Терезіи, но требовалъ полнаго подчиненія Саксоніи на регенсбургскомъ сеймѣ императорскому двору и выдачи договора съ Франціей ²⁾).

Претлакъ былъ доволенъ и внимательностью Россіи къ опасности на сѣверѣ отъ сближенія между Пруссіей и Швеціей. Направленіе, сообщенное русской политикѣ Бестужевымъ, держалось крѣпко, а между барономъ Претлакомъ и самимъ канцлеромъ установились близкія личныя отношенія. Два или три раза въ недѣлю австрийскій посолъ проводилъ у канцлера вечера одинъ на одинъ часа по четыре, по пяти и тотчасъ же узнавалъ всѣ новости. Старанія Претлака усилить въ Елисаветѣ опасенія передъ отважнымъ характеромъ короля прусскаго и увлечь ее къ такимъ мѣрамъ, чтобы все вниманіе Фридриха II сосредоточилось на Россіи, не пропали безъ слѣда и отразились на постановленіи совѣта — оставить не только на зиму, но и на слѣдующее лѣто сильную армію въ Лифляндіи. Поѣздка его въ Ревель вслѣдъ за русскимъ дворомъ неоднократно давала барону Претлаку случай прививать императрицѣ нужные для его цѣлей взгляды, которые не легко было потомъ искоренить въ ней ³⁾), тѣмъ болѣе что

¹⁾ Дон. Претлака отъ 30-го августа н. с.

²⁾ При дон. бар. Претлака отъ 15-го октября его письмо къ гр. Эстергази въ Варшаву.

³⁾ Претлакъ канцлеру Ульфельду отъ 19-го (30-го) августа: *Mon voyage de Réval n'a certainement pas fait du mal aux affaires de notre Cour, y ayant eu différentes occasions à inspirer à l'Impératrice les sentiments que je trouvois à propos qu'Elle eût et qu'il ne sera plus si facile de Luy ôter de sa tête. Le Résultat du conseil en est déjà une suite.*

Елисавета общалась свято держать его совѣты въ тайнѣ. Чаше всего онъ лично переписывалъ набѣло свои докладныя записки, ихъ читали только императрица и канцлеръ; члены коллегіи иностранныхъ дѣлъ и секретари даже не знали о нихъ. Елисавета стала охотно бесѣдовать съ представителемъ Австріи о дѣлахъ; такимъ довѣриемъ она не удостоивала еще ни одного изъ иностранныхъ министровъ послѣ Шетарди ¹⁾. За нѣсколько дней до засѣданія совѣта, а именно въ пятницу 8-го (19-го) августа, Претлакъ посѣтилъ канцлера и просилъ пригласить Апраксина, генерала кригсъ-комиссара и близкаго пріятеля самого Бестужева. Они втроемъ обсудили, какъ расположить войско на зиму въ Лифляніи и Эстляндіи, въ особенности вдоль границъ Курляндіи и Польши; приготовлены были заранѣе и возраженія на доводы тѣхъ членовъ совѣта, которые собирались требовать отозванія войска внутрь Россіи. Канцлеръ Бестужевъ и генералъ Апраксинъ были согласны, что русской арміи не достаеъ хорошихъ генераловъ. На лицо было два фельдмаршала. Князю Трубецкому насчитывали уже за 80 лѣтъ; изъ нихъ двадцать два года онъ провель въ плѣну въ Швеціи и съ тѣхъ поръ никогда не несъ дѣйствительной военной службы. Второй фельдмаршалъ Лессинъ былъ тоже дряхль, но въ виду его личныхъ достоинствъ и довѣрія къ нему войска Бестужевъ и Апраксинъ считали его участіе въ походѣ необходимымъ. Далѣе шли генералъ-аншефы. Лѣнвивый, совливыи Румянцевъ никогда не былъ воинномъ въ истинномъ смыслѣ слова и преданъ Франціи, съ тѣхъ поръ какъ Шетарди выхлопоталъ его женѣ пенсію ²⁾. Кейтъ казался подозрительнымъ по своей близости къ Пруссіи. Князь Репнинъ самъ хорошо понималъ себя и не желалъ слыть военнымъ, а Салтыковъ достигъ своего сана, только

¹⁾ Ibid. V. E. peut assurer S. M. l'Impératrice qu'il n'y a aucunement à craindre que ce que je communique à l'Impératrice d'ici transpire. Elle a promise d'en tenir saintement le secret; le plus souvent je copie ces pièces moy même, il n'y a que l'Impératrice et le Chancelier qui les lisent. Ces sortes de pièces me donnent d'excellentes occasions pour faire des remontrances utiles et nécessaires à l'Impératrice d'autant plus qu'heureusement j'ay sa confiance au point qu'Elle me parle très volontiers d'affaires, ce qu'Elle n'a fait avec aucun ministre depuis Chétardie. Это подтверждаетъ и Пецольдъ въ депешѣ отъ 18-го апрѣля 1747 г. у *Hermann'a*, *Geschichte des Russ. Staats*, B. V.

²⁾ Изъ допросныхъ пунктовъ Лестоку видно, что Шетарди увеличилъ пенсію графини Румянцевой въ 1.200 рублей еще на одну тысячу. Бестужевъ и Апраксинъ говорили, по бар. Пратлаку, о пенсіи въ три тысячи рублей. См. Арх. кн. Воронцова, кн. IV.

благодаря тому, что былъ шутомъ къ царствованію Анны. Среди генераль-лейтенантовъ и генераль-маіоровъ насчитали всего на всего шестерыхъ дѣйствительно годныхъ. „Вы видите, какъ мы бѣдны генералами“, сказалъ подъ конецъ канцлеръ: „мы въ особенности недоумѣваемъ, кому вручить главную команду“. Послѣ этого, какъ-то немного стѣсняясь, онъ отъ имени Елисаветы заявилъ, что императрица была бы рада принять къ себѣ на службу такого генерала, какъ баронъ Претлакъ, и довѣрить ему всю свою армию ¹⁾. Баронъ ждалъ этой любезности, но уклонился отъ предложенія подъ предлогомъ обстоятельство, которыхъ онъ не разъяснилъ. Бестужевъ утверждалъ, что этотъ отказъ огорчить всѣхъ честныхъ людей въ государствѣ, и что императрица попроситъ въ такомъ случаѣ Марію-Терезію прислать ей другаго австрійскаго генерала для командованія русскою арміею. Претлакъ напомнилъ, что у венгерской королевы у самой война на рукахъ; она дома нуждается въ своихъ генералахъ. Но въ донесеніи своему двору посолъ доказывалъ важность этого случая помѣстить на русскую службу лицо, преданное Маріи-Терезіи. Фельд-маршалъ на службѣ у Елисаветы могъ рассчитывать на жалованье въ 6 тысячъ рублей и губернаторство, которое приноситъ столько же или даже больше. Какъ разъ теперь можно ожидать, что послѣ смерти Лесси освободится мѣсто въ Лифляндіи наиболѣе доходный постъ во всей Россіи. Канцлеръ дорожилъ, кажется, всѣмъ, что могло бы углубить пропасть между С.-Петербургомъ и Берлиномъ; ему важно было сдѣлать немислимымъ возвращеніе къ политикѣ Воронцова.

Совѣтъ состоялся въ С.-Петербургѣ 11 (22) августа 1746 года. Указъ Елисаветы напоминалъ, что опасность со стороны короля прусскаго еще не миновала, такъ какъ его вооруженія и происки въ Польшѣ, Швеціи, при Оттоманской Портѣ продолжаютъ; къ тому

¹⁾ Письмо Претлака канцлеру Ульфельду отъ 18-го (29-го) августа. Le chancelier dit: Eh bien, voyez-vous, comme nous sommes mal en généraux, surtout nous ne savons pas à qui confier notre armée... Puis d'un air fort embarrassé, ayant de la peine à accoucher de sa proposition, il me dit avec un grand compliment, que S. M. l'Impératrice lui avoit déjà fait connoître plusieurs fois et ordonné de me dire qu'Elle seroit bien aise d'avoir un général comme moy à son service pour pouvoir lui confier le commandement de son armée. Претлакъ пишетъ далѣе Ульфельду: Or je suis persuadé que V. E. trouvera de quelle importance il seroit pour les intérêts de notre cour de placer ici dans un poste semblable un bon sujet qui nous fût entièrement adonné et attaché. Онъ указываетъ на генерала Leutrum, какъ на подходящее лицо, которое находилось на службѣ у Пьемонта.

же по силѣ договора, возобновленнаго съ вѣнскимъ дворомъ, войска слѣдовало держать наготовѣ ближе къ границамъ. Генераль-прокуроръ князь Трубецкой, генераль Румянцевъ и сенаторъ Шуваловъ со времени Шетарди продолжали держаться франко-прусской партіи. И теперь князь Трубецкой привелъ жалобы лифляндскаго дворянства на тягость военнаго постоя, пересланныя фельдмаршаломъ Лесса; онъ стоялъ за сокращеніе военныхъ расходовъ и перемѣщеніе арміи во внутреннія губерніи. Зато канцлеръ представилъ выписки изъ министерскихъ донесеній и предупреждалъ отъ опасныхъ видовъ Фридриха II на Курляндію и Лифляндію. Большинство голосовъ, къ которому примкнула и Елисавета, высказалось за политику Бестужева ¹⁾. Рѣшеніе оставить какъ можно больше войска въ Лифляндіи на зимнія квартиры увѣнчало русско-австрійскій союзъ и довершило поражение Мардефельда ²⁾.

Еще 19-го (30-го) апрѣля 1746 года Фридрихъ II переслалъ Мардефельду письменный запросъ о цѣли русскихъ вооруженій съ предписаніемъ прочесть его канцлеру: четыре или пять мѣсяцевъ только и слышно, что о враждебномъ настроеніи государыни противъ Пруссіи. Изъ Вѣны и отъ другихъ дворовъ приходятъ вѣсти, что между Маріей-Терезіей и Елисаветой готовится наступательный союзъ. Военныя приготовления и сосредоточеніе войска на прусской границѣ подтверждаютъ эти слухи. Фридрихъ II желаетъ знать, чего можетъ онъ ждать отъ русскаго двора, и не противъ него ли направлены всѣ эти вооруженія. Но Мардефельдъ на мѣсяць задержалъ этотъ запросъ и сдѣлалъ его, лишь когда Фридрихъ II повторилъ свое предписаніе; королю важно было выиграть одинъ годъ, за будущіе онъ

¹⁾ Архивъ кн. Воронцова, кн. VII и дон. Претлава отъ 19-го (30-го) авг.

²⁾ Фридрихъ II объяснялъ поражение Мардефельда тѣмъ, что посланникъ старался воздѣйствовать исключительно на императрицу и ея любимцевъ; другіе дипломаты примкнули къ канцлеру и выиграли свою игру. Затѣмъ король обвинялъ его въ томъ, что онъ не встаетъ поскундисъ во время войны между Пруссіей и Саксоніей и не передалъ гр. Бестужеву подарокъ въ сто тысячъ талеровъ, на который имѣлъ полномочіе (см. *Pv. Koser, Preussen und Russland*). Но по донесенію Финча (январь 1745 г.) Елисавета легко смотрѣла на то, чтобы ея министры отбирали у Фридриха II лишнія деньги. См. *Kaumer*, I. с. При подкупѣ съ различныхъ сторонъ вліяніе денегъ уничтожалось. Дипломаты и историки преувеличиваютъ значеніе подкуповъ при русскомъ дворѣ въ XVIII вѣкѣ. Проф. Козеръ представляетъ собой счастливое исключеніе и всю систему гр. Бестужева выводитъ изъ его привязанности къ Англіи.

уже не боялся¹⁾. 27-го іюня (8-го іюля) Мардефельдъ устно изложилъ Бестужеву содержаніе деклараціи и просилъ отвѣта, намѣрена ли императрица порвать съ Пруссіей. Канцлеръ потребовалъ письменнаго изложенія для доклада Елисаветѣ, а когда прусскій посланникъ уклонился отъ этого, то Бестужевъ ограничился глухимъ обѣщаніемъ употребить всѣ усилія къ тому, чтобы сохранить близкія отношенія между обѣими коронованными главами. Фридрихъ II готовъ былъ удовлетвориться этимъ отвѣтомъ²⁾. Въ іюль^(9/20) онъ смотрѣлъ уже на русскія вооруженія, только какъ на комедію, подстроенную австрійцами, чтобы обезпечить себѣ тылъ. Русско-австрійскій союзъ король считалъ оборонительнымъ и былъ увѣренъ, что ему нечего ждать войны ни изъ Вѣны, ни изъ С.-Петербурга, пока онъ въ дружбѣ съ Англіей³⁾. Между тѣмъ 30-го іюня (11-го іюля) канцлеръ пригласилъ къ себѣ Мардефельда и пытался вручить ему ноту о томъ, что графъ Чернышевъ, согласно желанію короля, уже отозванъ изъ Берлина, и что государыня запретила принимать какія либо заявленія отъ Мардефельда. Прусскій посланникъ отвѣтилъ, что и онъ уже отозванъ, но остается до прибытія преемника. Когда въ августѣ Мардефельдъ донесъ Фридриху II о возвращеніи Воронцова, то король (отъ 26-го сентября н. с.) велѣлъ завѣрить вице-канцлера въ томъ, что онъ не питаетъ враждебныхъ замысловъ ни противъ Австріи, ни противъ Польши, вообще ни противъ кого изъ сосѣдей и жааетъ жить съ ними въ мирѣ. Въ то же время Фридрихъ потребовалъ, чтобы Мардефельдъ, не медля долѣе, покинулъ С.-Петербургъ. Но возвращеніе Воронцова сдѣлало его безсиліе еще болѣе яснымъ. Д'Аліонъ въ письмѣ, перехваченномъ и дешифрованномъ русскимъ правительствомъ, признавался, что они ждали вице-канцлера, какъ евреи Мессію, однако теперь потеряли всякую надежду и не находятъ средствъ поднять его влі-

¹⁾ Polit. Corr., B. V. 12-го іюня н. с. Фридрихъ II Подевилюсу: Si nous gagnons cette année, je ne m'embarrasse de rien, mais si malheureusement la bombe allait crever à présent, il y aurait tout à craindre pour l'État.

²⁾ *Droysen*, V Th., B. 3.

³⁾ Polit. Corr., B. V. Эахель Подевилюсу отъ 20-го іюля н. с. и Фридрихъ II Мардефельду отъ 16-го августа н. с. „1. Qu'il y a toute l'apparence du monde que le traité, qui vient d'être renouvelé entre les cours de Pétersbourg et de Vienne, n'est qu'un traité purement défensif et... 6. Le roi d'Angleterre est sur le point de signer l'acte solennel de la garantie de la Silésie, ce-qu'il aurait pu décliner fort aisément, si la Russie était sur le point de rompre avec moi en faveur de la reine de Hongrie, et vous conviendrez que, sans que l'Angleterre y soit de concert, ni l'une ni l'autre ne sera en état de m'attaquer.

яніе ¹⁾). Враждебность русскаго правительства король объяснялъ предубѣжденіемъ, какъ будто бы между Пруссіей и Швеціей идутъ переговоры о наступательномъ союзѣ. Своему новому представителю въ С.-Петербургѣ графу Финкенштейну онъ поручилъ разсѣять эти подозрѣнія.

Отъѣздъ Мардефельда и союзный договоръ съ Австріей опредѣлили политику Россіи на все время царствованія Елисаветы. Австрійскимъ посламъ и канцлеру Бестужеву удалось убѣдить государыню въ томъ, что нападеніе Фридриха II на Саксонію должно быть отражено русскими войсками какъ въ силу государственныхъ интересовъ, такъ и по старой традиціи, идущей отъ временъ Петра I, и что будто-бы ростъ прусскаго королевства и его сближеніе съ Швеціей грозятъ Россіи утратой прибалтійскихъ провинцій. Но графъ Розенбергъ былъ неправъ, когда онъ думалъ, что государыня дѣйствительно возвращалась къ системѣ своего отца. Натура Петра Великаго была богата творчествомъ, его цѣли росли, а средства мѣнялись; для него не было непримиримыхъ враговъ, но не было и неразрывныхъ союзовъ. Онъ боялся утратить завоеванный берегъ Балтійскаго моря и дорожилъ дружбой датскаго и прусскаго королей, которые могли вытѣснить шведовъ изъ Германіи; но это сдѣлало для него невозможнымъ союзъ съ Австріей. Рѣшившись поддержать притязанія герцога голштинскаго и выдать за него свою дочь, Петръ заключилъ союзъ съ своимъ прежнимъ врагомъ — Швеціей, чтобы отнять Шлезвигъ у стараго союзника. Рука объ руку съ прусскимъ королемъ шелъ теперь Петръ и въ Польшѣ, поддерживая диссидентовъ — православныхъ и евангеликовъ; но онъ стоялъ ближе къ польскимъ панамъ, нежели къ курфюрсту саксонскому и королю польскому. Родство Петра съ герцогами мекленбургскимъ и голштинскимъ начинало тревожить германскихъ государей; оно могло навести его на честолюбивые замыслы. Однако новыя теченія въ политикѣ Петра созрѣли въ систему лишь въ царствованіе его супруги. Союзомъ съ Австріей Елисавета возвращалась къ политикѣ матери, а не отца. Но она никогда не выработала себѣ ни яснаго взгляда, ни твердаго образа дѣйствія въ дѣлахъ герцога голштин-

¹⁾ Дон. Претлака отъ 8-го октября н. с. Въ дешифрованномъ письмѣ d'Alionъ говорилъ: Dass sie auf des Woronzow Zurückkunft so wie die Juden auf den Messiam gewartet hätten, nun aber leyder gestehen müsten, dass sie nunmehr keine Hofnung mehr hätten, noch auch zur Erlangung seines ehemaligen Credits und Vertrauens einige Remedur wüsten.

скаго. Въ договорѣ съ Австріей она старалась спасти его притязанія на Шлезвигъ, а въ переговорахъ съ Даніей готова была лишиться его даже и герцогства голштейнъ-кильскаго. Сознательно она не понимала, какую точку опоры давалъ ей Киль, если она хотѣла перевернуть строй Сѣверной Германіи и остановить ростъ прусскаго королевства; бессознательно она не рѣшилась принудить своего наследника отказаться отъ голоса въ имперскомъ сеймѣ и операціоннаго базиса въ центрѣ германскаго міра и тѣмъ самымъ отвернуться отъ Балта лицомъ къ Черному морю. Союзъ 1746 года вовлекъ ее черезъ десять лѣтъ въ войну съ Фридрихомъ II, но изъ-за Силезіи, а не ради собственнаго господства на Балтійскомъ побережьи. Ея истерическая натура способна была на минутную вспышку рѣшимости, обезпечившую ей престолъ, или на медлительное упорство, на тягучую выдержку въ достиженіи случайно блеснувшей цѣли; но она не умѣла находить равновѣсіе между цѣлями и средствами и не предугадала пути для будущихъ поколѣній.

Евг. Ицешкинъ.

ФРАНСУА ВИЛЛОНЪ И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ¹⁾.

На рубежѣ среднихъ вѣковъ и новаго времени, въ первой половинѣ XV столѣтія, мы находимъ въ исторіи французской литературы одно имя, которое сразу привлекаетъ наше вниманіе, хотя это

¹⁾ Главные источники: изданія сочиненій Виллона: а) *Oeuvres de François Villon, avec les remarques de diverses personnes. A la Haie. Chez Adrien Moetjens. MDCCXLII*; б) *Oeuvres complètes de François Villon, suivies d'un choix des poésies de ses disciples. Édition, préparée par la Monnoye, mise au jour, avec notes et glossaire, par Pierre Jannet. Paris, Lemerre MDCCCLXXVI*; в) *Oeuvres complètes de François Villon, publiées d'après les manuscrits et les plus anciennes éditions par Auguste Longnon. Paris, Lemerre. MDCCCXCII*.—*Les poètes Français, recueil des chefs-d'oeuvre de la poésie Française depuis les origines jusqu'à nos jours, publié sous la direction de Eugène Crépet. Tome premier. Paris, Gide, 1861*.—*François Villon, sa vie et ses oeuvres, par Antoine Campaux. Paris, Durand. 1859*.—*Studies of early french poetry, by Walter Besant. London and Cambridge, Macmillan. 1868*.—*Étude biographique sur François Villon, d'après les documents inédits, conservés aux archives nationales. Par Auguste Longnon. Paris, H. Menu. MDCCCLXXVII*. *François Villon*, by John Payne. Статья въ журналѣ *The Nineteenth Century* 1880 г., сентябрь. — *Specimen d'un essai critique sur les oeuvres de François Villon*, par W. G. C. Bijvanck. Le petit Testament. Leyde, De Breux et Smits. 1882. — *Une question biographique sur Villon*, статья Gaston Paris въ журналѣ *Romania* за 1887 г., № 62—64. — *Nouvelles recherches sur Villon*, статья Aug. Longnon, *Romania* 1892 г., № 82. — *Remarques sur Villon*, à propos de l'édition de M. A. Longnon, статья Arthur Piaget, *Romania* 1892 г., № 83. — *François Villon d'après des documents nouveaux*, статья Marcel Schwob, *Revue de deux mondes*, 1892 г., кн. отъ 15-го іюля. — *Histoire de la langue et de la littérature Française au moyen âge*, par Charles Aubertin, tome second. Paris 1878. — *Histoire de la littérature Française*, par Gustave Lanson, Paris, Hachette et C-ie, 1895 г. — *Tableau historique et critique de la poésie Française et du théâtre Français au XVI siècle*, par C. A. Sainte-Beuve, 1843. — *Französische Studien*, herausg. von G. Körting und E. Koschwitz, I Band, Heilbronn, 1881.

имя не принадлежит ни какомунибудь утонченно-изящному поэту придворныхъ круговъ, въ родѣ Карла Орлеанскаго, нѣскольکو запоздалаго представителя умиравшей рыцарской лирики, ни вліятельному въ политической области историку и автору мемуаровъ, въ родѣ Филиппа де Комина, а человѣку, вышедшему изъ толпы, проведенному значительную часть жизни среди подонковъ общества и никогда не подозрѣвавшему, какая популярность выпадетъ ему на долю послѣ смерти. Мы говоримъ о Франсуа Виллонѣ, объ этомъ „*raconte petit essor*“, какъ онъ самъ себя не разъ называетъ, странная, темная жизнь и горячее, искреннее вдохновеніе котораго издавна производили на потомство двойственное впечатлѣніе. Въ смутную, переходную эпоху XV вѣка истинное значеніе Виллона не было вполне понято и оцѣнено; тѣмъ рѣшительнѣе признало и оцѣнило его потомство. За послѣднія два столѣтія жизнь и творчество Виллона вызвали на западѣ цѣлую литературу, при чемъ изслѣдованія и критическія статьи, посвященныя ему, принадлежатъ не только французскимъ авторамъ, но подчасъ и иностранцамъ, напримѣръ, англичанамъ, нѣмцамъ и даже голландцамъ¹⁾. На русскомъ языкѣ не существуетъ ни одной специальной работы или статьи о Виллонѣ; есть только небольшіе, посвященные ему, отдѣлы въ двухъ, трехъ историко-литературныхъ трудахъ общаго характера. Это явленіе, съ одной стороны, нѣскольکو затрудняетъ русскаго изслѣдователя, который беретъ ся говорить о Виллонѣ, налагая на него извѣстную отвѣтственность; но, съ другой стороны, незаслуженное игнорированіе такого даровитаго поэта, какъ Виллонъ, можетъ, естественно, возбудить желаніе пополнить, по мѣрѣ силъ, этотъ пробѣлъ и посвятить специальное изслѣдованіе его литературной дѣятельности. Это соображеніе руководило нами, когда мы рѣшили заняться болѣе или менѣе детальнымъ изученіемъ поэзіи Виллона, въ связи съ предшествовавшими литературными явленіями, а также съ общимъ духомъ эпохи, въ которую жилъ поэтъ. Мы смотрѣли на нашу работу, именно какъ на посильную попытку охарактеризовать творчество Франсуа Виллона, включивъ его въ общую историко-литературную рамку. Наша задача представляла

¹⁾ Упомянемъ работы Джона Пэна, Безанта, Стивенсона, Нагеля, Штимиинга, Биванка и др.—Французскія работы о Виллонѣ продолжаютъ выходить до самаго послѣдняго времени: такъ въ „*Bulletin hebdomadaire de cours et conférences*“ за 1895 г. (1, 20) помѣщено изслѣдованіе Petit de Juleville о „Маломъ Завѣщаніи“ Виллона.

довольно большія трудности, какъ вслѣдствіе того, что усилія западно-европейскихъ ученыхъ были до сихъ поръ болѣе направлены на разъясненіе темныхъ и неясныхъ эпизодовъ біографіи Виллона и на критику текста его произведеній, чѣмъ на обстоятельное изученіе вопроса о его значеніи въ исторіи французской словесности, такъ и потому, что далеко не всѣ работы о Виллонѣ проникли въ Россію и доступны русскому изслѣдователю. Общій планъ нашей работы таковъ: указавъ вкратцѣ на тѣ источники, изъ которыхъ почерпнуты біографическія данныя относительно Виллона, мы излагаемъ важнѣйшіе факты изъ жизни поэта, характеризуя, вмѣстѣ съ тѣмъ, ту среду, которая его окружала, и ту эпоху, съ которою совпали его жизнь и литературная дѣятельность; затѣмъ, перейдя къ разсмотрѣнію поэтическаго творчества Виллона, мы стараемся установить важнѣйшіе мотивы его поэзіи и указать ея характерныя черты; далѣе мы рассматриваемъ вопросъ о степени подражанія Виллона болѣе раннимъ литературнымъ образцамъ, наконецъ, въ заключительной части нашей работы, мы дѣлаемъ короткій очеркъ того вліянія, которое Виллонъ имѣлъ на послѣдующихъ французскихъ писателей, отмѣчая это вліяніе у отдѣльныхъ поэтовъ и отчасти романистовъ вплоть до нашего времени. Изъ тѣхъ изданій сочиненій Виллона, которыми мы пользовались, мы отдаемъ предпочтеніе изданію А. Лоньона и слѣдуемъ преимущественно принятому имъ тексту. При ссылкахъ на отдѣльныя произведенія Виллона мы употребляемъ, въ видахъ сокращенія, слѣдующія обозначенія: G. T. вмѣсто Grand Testament, P. T.—Petit Testament и C.—Codicille. Тамъ, гдѣ мы считали необходимымъ привести цитаты изъ Виллона, мы, въ общемъ, придерживались старо-французскаго правописанія, вмѣсто нѣсколько видоизмѣненнаго въ современномъ духѣ, какое мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ изданіи Жаннэ. Вообще же мы отнюдь не включали въ нашу задачу филологическихъ и лингвистическихъ изысканій или критики текста; насъ привлекало, главнымъ образомъ, внутреннее содержаніе разбираемыхъ произведеній, ихъ отношеніе къ общественной жизни того времени и ихъ культурно-историческое значеніе.

Мы уже упомянули выше, что жизнь Виллона сдѣлалась за послѣднія два столѣтія предметомъ многочисленныхъ работъ, привлекая подчасъ даже больше вниманія, чѣмъ его литературное наслѣдіе. Разобраться въ томъ хаосѣ, который представляетъ собою его біографія, порою болѣе угадываемая, чѣмъ достовѣрно извѣстная, было очень не легко. Виллонъ, какъ человѣкъ, не занимавшій важнаго положенія

въ государствѣ, не удостоился въ ближайшія десятилѣтія послѣ его смерти какого либо жизнеописанія или болѣе или менѣе подробныхъ и серьезныхъ письменныхъ разказовъ его друзей или учениковъ. При возстановленіи его біографіи долгое время почти единственнымъ источникомъ служили его собственныя сочиненія, дѣйствительно весьма важныя, потому, что они тѣсно связаны съ жизнью ихъ автора, который много и охотно говоритъ въ нихъ о себѣ и своихъ походахъ. Но пользование этимъ очень цѣннымъ источникомъ все же представляло подчасъ извѣстную опасность и могло вести къ ложнымъ заключеніямъ. Несомнѣнно, напримѣръ, что Виллонъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ сочиненій излагаетъ факты своей жизни далеко не точно, придаетъ имъ произвольное и слишкомъ ужъ субъективное освѣщеніе и при всей своей откровенности, доходящей иногда прямо до цинизма, все же, какъ мы будемъ имѣть случай указать ниже, кое о чемъ считаетъ нужнымъ умолчать. Съ другой стороны, строить какіе либо выводы относительно хронологическихъ датъ его біографіи на томъ фактѣ, что въ отдѣльныхъ его сочиненіяхъ есть упоминаніе о тѣхъ или другихъ историческихъ событіяхъ, было иногда опасно уже потому, что далеко не о всѣхъ мелкихъ произведеніяхъ Виллона можно и въ наши дни сказать съ увѣренностью, принадлежать ли они, дѣйствительно, автору „Завѣщаній“ или должны быть отнесены къ сопровождающему каждое изданіе его сочиненій отдѣлу: „Poésies attribuées à François Villon“. Излишнее довѣріе къ подлинности нѣкоторыхъ произведеній, приписываемыхъ нашему поэту, заставило, напримѣръ, Кампо сдѣлать совершенно произвольное предположеніе относительно года смерти Виллона ¹⁾; считая почти достоверною принадлежность Виллону довольно остроумнаго и веселаго „Monologue du Franc-Archier de Baignolet“ ²⁾, Кампо заключилъ, что, такъ какъ это произведеніе наполнено разными сатирическими выходками противъ милиціи, учрежденной Карломъ VII, то, слѣдовательно, оно написано послѣ 1480 года, когда эта милиція пришла въ полный упадокъ и была уничтожена; если же такъ, то Виллонъ умеръ не ранѣе 1480 года, а, такъ какъ, съ другой стороны, первое собраніе его сочиненій было издано въ 1489 году уже не имъ

¹⁾ *Campanh.* „François Villon, sa vie et ses oeuvres“, стр. 275—276.

²⁾ Въ извѣстномъ сатирическомъ каталогѣ книгъ у Раблэ (Pantagruel, кн. II, гл. VII) мы находимъ, между прочимъ, сочиненіе: „Stratagemata francarchieri de Baignolet“.

самимъ, то, слѣдовательно, годъ смерти Виллона приходится между 1480-мъ и 1489-мъ годомъ. Но всѣ новѣйшіе изслѣдователи сходятся въ томъ, что этотъ монологъ, равно какъ и печатанный всегда вмѣстѣ съ нимъ „Dialogue des seigneurs de Malleraye et Baillevent“. очевидно, не принадлежитъ Виллону, такъ какъ эта принадлежность ничѣмъ не удостовѣрена и сами эти вещи были включены въ число сочиненій нашего поэта только въ 1532 году, когда появилось девятнадцатое изданіе его „Завѣщаній“ и остальныхъ произведеній; замѣтимъ, что они не находятся въ изданіи Маро, которое вышло годъ спустя. Такимъ образомъ, мнѣніе Кампо является недоказаннымъ; отсюда видно, съ какою осмотрительностью слѣдуетъ вообще дѣлать какіе либо выводы относительно біографіи Виллона, основываясь на его произведеніяхъ, при всей ихъ цѣнности, а особенно на тѣхъ, которыя только приписываются ему. Свѣдѣнія, сообщаемыя о Виллонѣ его современниками и тѣми писателями, которые еще могли слышать разказы о немъ отъ стариковъ, видѣвшихъ его лично или помнившихъ о немъ, необыкновенно малочисленны, скудны и незначительны, какъ это указалъ еще Кампо ¹⁾. Всѣ они сводятся къ довольно бѣглымъ упоминаніямъ о Виллонѣ, не какъ о поэтѣ, а чаще всего, какъ о бѣднякѣ, пускавшемся для того, чтобы достать себѣ кусокъ хлѣба, на всевозможныя продѣлки, а иногда и прямо на мошенничество. Нѣсколько больше свѣдѣній объ этой сторонѣ жизни Виллона сообщаютъ такъ называемыя „Reueues franches de Maistre François Villon“, по какому-то странному недоразумѣнію включавшіяся прежними издателями (это мы видимъ, напримѣръ, у Жаннэ) въ разрядъ „Poesies attribuées à F. V.“ ²⁾, между тѣмъ какъ эти веселые разказы о рискованныхъ продѣлкахъ нашего поэта, а также и другихъ проказниковъ и любителей дароваго стола, называемыхъ тутъ „sujets François Villon“, явно составлены неизвѣстнымъ намъ писателемъ, принадлежавшимъ къ числу учениковъ и друзей Виллона и говорящимъ о немъ въ тѣхъ частяхъ „Reueues“, которыя къ нему относятся въ третьемъ лицѣ. Но этотъ источникъ, помимо своей односторонности, врядъ ли особенно надеженъ, такъ какъ въ немъ, навѣрное, много анекдотическаго. Есть также упоминаніе о Виллонѣ къ книгѣ Eloy Damerval „La Deablerie“, любопытное въ томъ отношеніи, что нашъ поэтъ называется въ немъ „Clerc expert

¹⁾ *Catpax*, I. c., стр. 33—35.

²⁾ Изданіе сочиненій Виллона, подъ редакціей Pierre Jannet, стр. 178—219.

en faitz et en dictz"; но этотъ писатель, бывший почти современникомъ Виллона, утверждаетъ, что онъ *Fit à Paris son Testament*. Между тѣмъ, теперь почти установлено, что *Grand Testament*, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, написанъ былъ въ такое время, когда Виллона не было въ Парижѣ. Перейдемъ къ XVI вѣку, и мы встрѣтимъ довольно обширный разказъ о двухъ эпизодахъ изъ жизни Виллона, у Раблэ. Въ „Пантагрюэль“¹⁾ повѣствуется, между прочимъ, о пребываніи нашего поэта въ *Saint Maixent* (въ провинціи Пуату) и даже о поѣздкѣ его въ Англию, ко двору короля Эдуарда V. Если въ основѣ перваго разказа, несмотря на его очевидную анекдотичность, лежитъ, быть можетъ, какое нибудь истинное происшествіе изъ жизни Виллона, то второй разказъ не имѣетъ никакой цѣны, какъ біографическій матеріалъ. Начать съ того, что королемъ Англии въ то время, когда авторъ „Завѣщаній“ могъ явиться въ эту страну, былъ не Эдуардъ V, вступившій на престолъ въ 1483 году, а Эдуардъ IV; упоминаемый Раблэ придворный врачъ короля *Thomas Linaser* на самомъ дѣлѣ жилъ и приобрѣлъ почетное положеніе гораздо позже мнимаго пріѣзда Виллона въ Англию²⁾; наконецъ, и это самое важное, какъ указалъ Лонньонъ, весь анекдотъ, приводимый Раблэ, представляетъ собою развитіе другаго анекдота, популярнаго еще въ XIII вѣкѣ и имѣвшаго отношеніе къ нѣкому *Hugues le Noir*, бѣжавшему изъ Франціи и нашедшему себѣ пріютъ при дворѣ англійскаго короля Іоанна. Раблэ, такимъ образомъ, подставилъ имя Виллона на мѣсто другаго французскаго клерка, жившаго за два вѣка до нашего поэта³⁾. Понятно, что подобное отношеніе къ своему дѣлу подрываетъ наше довѣріе ко всему разказу Раблэ. Во всемъ XVI вѣкѣ мы не находимъ сколько нибудь точныхъ свѣдѣній относительно біографіи Виллона; *Clément Marot*, издавая его сочиненія, высказалъ свое мнѣніе о его талантѣ, но не сообщилъ ничего новаго о его жизни. Тѣ попытки изложить важнѣйшіе факты изъ біографіи поэта, которыя были сдѣланы значительно позже, долгое время носили, въ общемъ, гадательный и фантастическій характеръ, потому что въ основѣ ихъ почти не лежало достовѣрныхъ фактовъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что показанія современниковъ и ближайшихъ потомковъ заключали въ себѣ очень немного

¹⁾ *Rabelais*, „Pantagruel“, кн. IV, гл. 13 и 67.

²⁾ *Campaux*, стр. 253.

³⁾ *Ang. Longnon*, *Etude biographique sur François Villon*, стр. 92—93.

вполнѣ надежнаго матеріала для того, чтобы составить всестороннюю и удовлетворяющую современнымъ требованіямъ біографію поэта.

Во второй половинѣ XIX вѣка обращено было, наконецъ, вниманіе на весьма цѣнный и важный біографическій матеріалъ — на различные документы и юридическіе акты, сохранившіеся до нашихъ дней во французскихъ національныхъ архивахъ (еще въ 1859 году Кампо прямо заявилъ, что единственными источниками для біографіи Виллона служили ему сочиненія самого поэта ¹⁾). Въ этомъ отношеніи должны быть отмѣчены труды Лонньона, отыскавшаго и напечатавшаго цѣлый рядъ подобныхъ документовъ, которые, правда, ничего не даютъ для характеристики таланта нашего поэта, но сообщаютъ много совершенно новыхъ свѣдѣній объ отдѣльныхъ періодахъ его жизни, до тѣхъ поръ остававшихся неразъясненными. Благодаря добытымъ такимъ путемъ даннымъ, удалось, напримѣръ, точнѣе опредѣлить общественное положеніе и отличительныя особенности тѣхъ лицъ, къ которымъ Виллонъ имѣлъ отношеніе въ жизни, и которыхъ онъ дѣлаетъ своими наслѣдниками въ „Большомъ“ и „Маломъ“ Завѣщаніи“. Этотъ фактъ является важнымъ приобрѣтеніемъ для новѣйшихъ изслѣдователей, желающихъ возстановить біографію поэта. Издавая сочиненія Виллона въ 1533 году, Маро писалъ, между прочимъ, въ своемъ предисловіи: „Quant à l'industrie des lays qu'il fait en ses testamens, pour suffisamment la cognoistre et entendre, il faudroit avoir esté de son temps à Paris, et avoir congneu les lieux, les choses et les hommes dont il parle: la memoire desquelz tant plus se passera, tant moins se congnoistra icelle industrie de sez lays dictz“ ²⁾). Поэтъ XVI вѣка былъ твердо увѣренъ въ томъ, что, чѣмъ далѣе будутъ отходить люди отъ той эпохи, когда жилъ Виллонъ, тѣмъ меньше будутъ они понимать заключенные въ его произведеніяхъ намеки или указанія на событія и людей того времени. Между тѣмъ вышло наоборотъ: теперь, черезъ 3^{1/2} вѣка послѣ Маро, благодаря въ особенности изученію старыхъ документовъ, намъ многое гораздо понятнѣе и доступнѣе, чѣмъ было ему и его современникамъ, хотя ихъ отдѣляли отъ послѣднихъ годовъ жизни Виллона всего нѣсколько десятилѣтій.

Только постепенно были разъяснены весьма многочисленные, тем-

¹⁾ *Сатрапж*, I. с., стр. 35.

²⁾ Предисловіе Кл. Маро печатается теперь въ началѣ всѣхъ сочиненій Виллона.

ные и запутанные эпизоды біографіи Виллона. Даже относительно его имени долго шелъ споръ, и только сравнительно недавно было окончательно установлено, что его звали François de Moncorgbieg, а имя Виллонъ перешло къ нему отъ его покровителя и опекуна, — „*mon plus que père*“, какъ объ немъ говорилъ самъ поэтъ ¹⁾, — священника Гильома Виллона, человѣка весьма гуманнаго и благороднаго, который помогалъ и покровительствовалъ ему, не взирая на то нравственное паденіе, до котораго онъ дошелъ съ теченіемъ времени. Долго держалось среди біографовъ Виллона и изслѣдователей его поэзіи совершенно невѣроятное предположеніе, будто Villon было только нарицательнымъ именемъ, которое нашъ поэтъ получилъ за всевозможныя свои продѣлки и мошенничества, *villonneries*. Съ легкой руки Этьенна, Паскье и Клода Фоше передавалось утвержденіе, что Villon или Guillon означало въ старину обманщика и мошенника. То мнѣніе, которое умѣстно было высказывать въ XVI вѣкѣ, не можетъ не удивлять насъ, когда оно повторяется въ концѣ XIX-го, и намъ кажется очень страннымъ, что такой знатокъ французской литературы, какъ Paul Lacroix (*Bibliophile Jacob*) могъ въ 1876 году повторить ошибку Фоше и утверждать, что Villon есть имя нарицательное ²⁾. Иногда высказывался и другой взглядъ, именно, что Villon было фамильное имя роднаго отца нашего поэта. Новѣйшія работы по изслѣдованію документовъ совершенно опровергли эти мнѣнія, сообщивъ нѣкоторыя свѣдѣнія о личности священника Виллона, давашаго поэту свое имя; хотя нельзя не замѣтить, что и, помимо этихъ открытій, совершенно очевидно, что поэтъ никогда не сталъ бы самъ называть себя во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій именемъ „Villon“, еслибы это имя заключало въ себѣ что либо бранное и позорное. Относительно произношенія слова Villon вопросъ, въ сущности, все еще не рѣшенъ. Обыкновенно произносятъ оба II отдѣльно, не смягчая ихъ, какъ это дѣлается, напримѣръ, въ словѣ *ravillon*; но, съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія на то, что самъ поэтъ принимаетъ слово Villon со словами „*caréillon*“, „*vermillon*“, „*cotillon*“, „*haillon*“, „*ravillon*“ и т. д. Любопытно также, что въ одномъ юридическомъ актѣ на латинскомъ языкѣ, открытомъ А. Лонньономъ, покровитель поэта называется *Guillelmus de Villonne*,

¹⁾ G. T., строфа LXXVII.

²⁾ Предисловіе Лакруа къ его изданію „Фарса“ объ адвокатѣ Патленѣ, стр. IX.

и что деревня, откуда онъ былъ родомъ, донинѣ известна подъ именемъ Villon ¹⁾. Такимъ образомъ, вопросъ этотъ остается спорнымъ; къ сожалѣнію, то же приходится сказать и о многихъ другихъ, болѣе важныхъ вопросахъ, имѣющихъ отношеніе къ биографіи Виллона. Намъ до сихъ поръ почти ничего неизвѣстно, напримѣръ, о дѣтскихъ и отроческихъ годахъ поэта; мы совершенно теряемъ его изъ виду послѣ 1463 года и не знаемъ ни года, ни мѣста его смерти и т. д. Остается надѣяться, что гдѣ нибудь въ провинціальныхъ французскихъ архивахъ сохраняются ненайденные до сихъ поръ, но, несомнѣнно, существовавшіе документы, которые могутъ пролить новый свѣтъ на многія подробности странной и грустной жизни автора „Завѣщаній“.

Эта жизнь, даже въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ мы ее знаемъ теперь, производитъ, поистинѣ, удручающее впечатлѣніе. Тяжело видѣть поэта, литератора, окруженнаго всевозможнымъ сбродомъ, утопающаго въ порокахъ и постепенно свыкающагося съ нимъ, сдѣлавшаго воровство, а иногда и еще болѣе преступныя дѣянія, чуть ли не своимъ ремесломъ ²⁾. Тяжело находить его, время отъ времени, въ тюрьмѣ, но не за убѣжденія, какъ его послѣдователя во французской поэзіи XIX вѣка, Беранже, и столькоихъ другихъ французскихъ писателей, а за поступки очень низменнаго разбора... Невольно приходитъ въ голову мысль, что этотъ человѣкъ долженъ былъ обладать весьма крупнымъ талантомъ, чтобы и современники, и потомки съумѣли отрѣшиться отъ всякихъ предубѣжденій и, зная печальную репутацію Виллона, какъ человѣка, тѣмъ не менѣе воздать ему должное, какъ писателю. Мы всѣ предпочитаемъ обыкновенно, чтобы жизнь писателя располагала насъ въ его поэзю, и если нравственный обликъ его отличается какими нибудь несимпатичными или отталкивающими сторонами, мы приступаемъ и къ его творчеству съ извѣстнымъ недоувѣріемъ, съ извѣстною предвзятою мыслью. Виллону въ этомъ отношеніи посчастливилось: въ то время, какъ изъ поколѣнія въ поколѣніе переходили разказы о его безпорядочной, темной жизни, и парижскіе старожилы все еще вспоминали тѣ закоулки и притоны на лѣвомъ берегу Сены, въ которыхъ онъ загубилъ столько силъ и дарованій, наряду съ этимъ продолжали печататься и расхо-

¹⁾ *Ang. Longnon*, I. с., стр. 17.

²⁾ Одна изъ англійскихъ работъ о Виллонѣ, принадлежащая перу Р. Л. Стивенсона, озаглавлена „François Villon, student, poet and housebreaker“.

дятся въ массѣ изданія его стихотвореній, и самые разнообразныя общественныя слои, отъ придворныхъ круговъ (вспомнимъ, что Францискъ I зналъ стихотворенія Виллона наизусть) до завсегдатаевъ извѣстной „Рошме де рип“ включительно, задумывались надъ его своеобразными созданіями, надъ его грустными размышленіями о бренности всего земнаго, надъ напѣвами нищеты и горя. Маро прекрасно выразилъ этотъ контрастъ между Виллономъ, какъ поэтомъ, и имъ же какъ человѣкомъ, въ извѣстномъ двустишіи, которое онъ сдѣлалъ эпиграфомъ къ своему изданію и которое потомъ не разъ печаталось на заглавныхъ страницахъ послѣдующихъ изданій:

Peu de Villons en bon sçavoir,
Trop de Villons pour decevoir.

Цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ толкалъ Виллона отъ одного преступленія къ другому, лишая его возможности остановиться и вступить на другую дорогу. Вотъ онъ въ кругу студентовъ, помѣщенный въ университетъ, кажется, стараніями его покровителя. Сначала его поступки носятъ здѣсь сравнительно болѣе невинный характеръ: это предпринимавшіеся имъ съ товарищами набѣги на лотки торговковъ и на различныя лавочки, разсѣянныя въ Латинскомъ кварталѣ, гдѣ нибудь на Place Maubert,—набѣги, которые постоянно себѣ разрѣшали въ то время голодные парижскіе студенты¹⁾, подобно бурсакамъ въ старомъ Кіевѣ. Въ товарищескихъ кругахъ не обходилось и безъ шумныхъ кутежей, а иногда дѣло принимало болѣе серьезный характеръ, когда начинались своеобразныя студенческіе безпорядки, слѣдствіями которыхъ являлось буйство, грабежъ, похищеніе женщинъ и т. д. Парижскій университетъ, совершенно обособленный отъ остальнаго Парижа въ ту пору, когда вступилъ въ него Виллонъ, представлялъ собою картину полнаго безпорядка и хаоса. Элементъ научный стоялъ въ немъ на второмъ планѣ, большая часть студентовъ видѣла цѣль своей жизни въ веселомъ препровожденіи времени; рѣдко посѣщая лекціи, они предпочитали собираться въ мелкихъ кабачкахъ, а иногда и въ притонахъ, прожигать тамъ

¹⁾ Въ „Reuues Franches“ мы читаемъ слѣдующую краткую характеристику Виллона въ эту эпоху:

C'estoit la mere nourriciere,
De ceulz qui n'avoient point d'argent.
A tromper devant et deriere
Estoit ung homme deligent.

жизнь и на досугѣ обдумывать тѣ эксцентрическія, а иногда прямо мошенническія продѣлки, путемъ которыхъ они могли бы добыть себѣ средства для существованія. Имъ доставляло особое удовольствіе наводить страхъ и ужасъ на мирныхъ обитателей Парижа, для которыхъ они сдѣлались настоящею грозой. Когда Виллонъ вступилъ въ университетъ, тамъ еще продолжалась та грандіозная смута, которая длилась годами (съ 1444 года) и, не имѣя почти никакой идейной основы, выражалась въ шумныхъ, уличныхъ сценахъ, въ разбиваніи вывѣсокъ и даже, напримѣръ, въ похищеніи двухъ громаднхъ каменныхъ столбовъ или глыбъ, которыя студенты, придумавъ особую комическую церемонію, „обвѣнчали“ между собою, заставляя всѣхъ проходившихъ мимо, даже королевскихъ офицеровъ, снимать передъ ними шляпу ¹⁾). Подобныя же событія, только въ меньшихъ размѣрахъ, происходили и ранѣе; немудрено поэтому, что за студентами постепенно устанавлилась репутація людей безпкойныхъ, преданныхъ бездѣлю и безпорядочной жизни. Въ сборникѣ пословицъ, приложенномъ къ одному изъ болѣе раннихъ изданій сочиненій Виллона, встрѣчается пословица: „Pire ne trouverez que escouliers“. Эта репутація держалась очень долго, и еще въ XVI вѣкѣ мы находимъ, напримѣръ, въ комедіи Pierre Larivey „Les escolliers“ слѣдующую тираду: „O pauvres pères? hélas! que vous estes deceuz en vos opinions! car vous pensez, quand vous envoyez vos enfants aux universitez pour estudier, qu'un jour ils doivent estre l'honneur, la reputation et la gloire de vostre maison; et le plus souvent, ils sont la honte de vostre race, et la perte d'eux-mêmes, quand, oubliant leur devoir, ils s'adonnent trop à leurs voluptez. Je ne dys pas que quelqu' un ne profite, mais je dys que d'une centaine il n'en vient un à bien“ ²⁾). Безпорядки, происходившіе при Виллонѣ и закончившіеся кровавыми сценами, показали, что студенты представляли собою громадную силу..., къ сожалѣнію, только не научную и не нравственную! Состояніе нравовъ въ Латинскомъ кварталѣ и въ дни Виллона и вообще въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ было ужасно. Учебныя заведенія стояли рядомъ съ погребками, тавернами и публичными домами; а за два вѣка передъ Виллономъ Jacques de Vitry засталъ, между прочимъ, слѣдующее невѣроятное явленіе: въ одномъ и томъ же зданіи, говорить онъ, помѣщались, въ

¹⁾ „François Villon, d'après des documents nouveaux“, статья *Marcel Schoob*'а, стр. 378—380.

²⁾ *Pierre Larivey*, „Les escolliers“, acte III, scène 5.

верхнемъ этажѣ одинъ изъ парижскихъ коллежей, а въ нижнемъ— публичный домъ, который посѣщался учениками усерднѣе, чѣмъ самъ collègue ¹⁾). Такъ было въ XIII вѣкѣ; три столѣтія спустя, въ дни Раблэ, нравы были немногимъ выше этого; стоятъ вспомнить разказъ того парижскаго студента, уроженца Лиможа, котораго встрѣчаетъ Пантагрюэль и который въ очень витіеватой формѣ старается ему объяснить, какими „науками“ занимаются они у себя въ Латинскомъ кварталѣ ²⁾). Конечно, было не мало обстоятельствъ, которыя до известной степени, объясняли, если и не оправдывали подобное положеніе дѣлъ. Слѣдуетъ вспомнить, что въ учебныхъ заведеніяхъ того времени нерѣдко царилъ схоластика, такъ зло осмѣянная тѣмъ же Раблэ; преподаваніе носило педантическій характеръ; мало развивающихъ и облагораживающихъ рѣчей слышали ученики съ каеэдръ... Во многихъ школахъ, входившихъ въ составъ Парижскаго университета (во французскомъ смыслѣ этого слова), практиковалось жестокое наказаніе розгами, на приобрѣтеніе которыхъ тратились иногда значительныя суммы. Не получая вовсе настоящаго развитія и гуманитарнаго воспитанія, ученики и студенты, съ другой стороны, терпѣли зачастую тяжелую нужду, и, несомнѣнно, что нужда въ значительной степени была причиною тѣхъ насильственныхъ мѣръ, къ которымъ они иногда прибѣгали съ цѣлью достать себѣ средства для существованія. Среди студентовъ преобладали бѣдняки, кое-какъ перебивавшіеся, чуть ли не нищенствовавшіе. Если они далеко не всегда обращались къ грабежу и другимъ подобнымъ же средствамъ для приобрѣтенія себѣ куска хлѣба, зато они нерѣдко принуждены бывали обходить городъ или, по крайней мѣрѣ, свой кварталъ и, толпясь на улицахъ, выпрашивать себѣ подаваніе у той буржуазіи, которую въ душѣ презирали. Весьма яркую картину нищеты, среди которой жила значительная часть парижскаго студенчества, мы находимъ въ поэмѣ писателя XIII вѣка Жана Д'Анвиля, „Archithgenius“. Этотъ оригинальный поэтъ вывелъ въ своемъ произведеніи типъ бѣднаго студента, плохо одѣтаго, скудно питающагося, сныщаго чуть не на голой землѣ. И въ этомъ отношеніи положеніе дѣлъ не улучшилось ко времени Виллона. Зная всѣ эти факты, мы легко можемъ понять судьбу Виллона въ кругу товарищей по университету. Почти лишенный средствъ (кромѣ только поддержки со стороны его покровителя, ко-

¹⁾ *Campaux*, l. c., стр. 53—54.

²⁾ *François Rabelais*, „Pantagruel“, кн. II, гл. VI.

торой, вѣроятно, не хватало), слышавшій съ равнихъ лѣтъ „qu'il n'est trésor que de vivre à son aise“¹⁾, онъ попалъ въ это безпорядочное общество, желавшее веселиться и не имѣвшее для этого денегъ, не справлявшееся ни съ какими нравственными принципами, не имѣвшее почти никакихъ научныхъ познаній, кромѣ чисто поверхностныхъ. Конечно, были среди многолюдной „nation latine“ лица, искренно преданныя наукѣ и занимавшіяся ею съ настоящимъ самоотверженіемъ, въ родѣ вспомнутаго въ книгѣ Кампо Jean Standonck'a, который, исполняя днемъ обязанности звонаря въ церкви Sainte-Genève, могъ читать книги и отдаваться умственной работѣ только ночью, на чердакѣ, озаренномъ луною, которая замѣняла ему всякое другое освѣщеніе²⁾. Но люди подобнаго типа составляли, сравнительно, исключеніе, и общій духъ учащейся молодежи былъ другой. Виллонъ вскорѣ совершенно потерялъ голову въ этой новой обстановкѣ и, не отличаясь твердостью характера, подпалъ влиянію окружающей среды, которая заключала въ себѣ нѣкоторыхъ людей съ задатками не только веселыхъ проказниковъ и шалуновъ, но даже будущихъ преступниковъ. Именно въ Латинскомъ кварталѣ Виллонъ впервые вступилъ на тотъ скользкій путь, который довелъ его до тюрьмы и чуть не до смертной казни. Онъ вскорѣ превзошелъ въ этомъ отношеніи своихъ товарищей, хотя, благодаря своимъ рѣдкимъ способностямъ, сумѣлъ въ то же самое время добиться въ университетѣ ученой степени и получить *licentiam docendi*, что не можетъ не удивлять насъ!.. Кромѣ нужды и жажды веселой жизни, которая могла наталкивать его на различные противозаконные поступки, немаловажную роль при этомъ играла, кажется, его любовь къ Catherine de Vausselles, женщинѣ, смотрѣвшей на дѣло съ практической стороны и требовавшей отъ своего поклонника матеріальныхъ доказательствъ его чувства, различныхъ подарковъ, которые ему, естественно, приходилось доставать, а между тѣмъ исполнѣ законныхъ способовъ для этого въ его распоряженіи не было...

Случай окончательно направилъ его по той дорогѣ, которая навлекла столько позора на его имя. Въ 1455 году, во время ссоры и оживленной перебранки его съ священникомъ Philippe Sermoise, начавшейся, кажется, не по винѣ Виллона, дѣло дошло до рукопашной, при чемъ Виллонъ ранилъ противника въ голову камнемъ, что повлекло

¹⁾ G. T., стихъ 1482.

²⁾ *Catroux*, 1. с., стр. 124.

за собою его смерть. Судъ приговорилъ Виллона сначала къ смертной казни, а потомъ, послѣ его апелляціи къ парламенту, къ изгнанію изъ Парижа. Передъ нимъ раскрылась, такимъ образомъ, вся необъятная Франція, по которой онъ долженъ былъ скитаться, оторванный отъ прежней почвы, не имѣя никакихъ средствъ, никакихъ устойчивыхъ нравственныхъ принциповъ, по его собственному выраженію, „*rouge de sens et de savoir*“. Мы не станемъ подробно слѣдить за тѣми безконечными странствіями нашего поэта по родному краю, которыми наполнены чуть не всѣ остальные, извѣстные намъ годы жизни Виллона. Скажемъ только, что постепенно онъ падалъ все ниже и ниже и, наконецъ, сблизился съ шайкою такъ называемыхъ „*soquillards*“, составившихъ очень искусную мошенническую организацію, которая наводила своею таинственною дѣятельностью ужасъ на французское общество того времени. Находясь среди этихъ людей, Виллонъ научился воровскому жаргону, на которомъ написаны семь балладъ, помѣщаемыя въ собраніи его сочиненій подъ общимъ названіемъ „*Le jargon ou Jobelin de maistre François Villon*“. Въ настоящее время ключъ къ этому условному языку болѣе или менѣе найденъ; ему посвящены особыя изслѣдованія и, напримѣръ, изданіе Лонньона сопровождается, помимо общаго словаря, еще отдѣльнымъ „*Lexique du jargon de Villon*“¹⁾. Эти баллады—отраженіе одной изъ самыхъ печальныхъ сторонъ біографіи нашего поэта. Въ 1456 году Виллонъ получалъ разрѣшеніе вернуться въ Парижъ, но возвратился онъ уже совершенно испорченнымъ. Къ концу того же года онъ принялъ участіе въ необыкновенно дерзкой кражѣ со взломомъ, затѣянной и приведенной въ исполненіе его новыми друзьями; мѣстомъ дѣйствія было одно изъ парижскихъ учебныхъ заведеній, такъ называемый *Collège de Navarre*. Вскорѣ Виллонъ, получившій на свою долю весьма значительную сумму, добровольно покинулъ изъ осторожности Парижъ, предвидя возможность преслѣдованій со стороны властей, и удалился въ Angers тѣмъ болѣе, что ему дано было тайное порученіе отъ его товарищей, задумавшихъ новое преступленіе, на этотъ разъ въ только что названномъ нами городѣ. Передъ отъѣздомъ изъ Парижа Виллонъ написалъ свое первое, менѣ замѣчательное, произведеніе „*Le Petit Testament*“, названіе, замѣтимъ кстати, данное не

¹⁾ *Лонньонъ*, изданіе соч. Виллона, стр 143 — 158 и 265 — 274. О жаргонѣ Виллона и кокильаровъ: *Ang. Viti*, „*Le jargon du XV siècle*“, *étude philologique Paris*, 1884, и *Schöne*, „*Le jargon de François Villon*“, Paris, 1888.

самимъ поэтомъ, потому что онъ самъ возставалъ вполнѣдствіи противъ него:

Si me souvient bien, Dieu mercis,
Que je feis, à mon partement,
Certains laiz, l'an cinquante six,
Qu' aucuns, sans mon consentement,
Voulurent nommer Testament;
Leur plaisir fut, et non le mien,
Mais quoy! on dit communément,
Qu' un chacun n'est maistre du sien ¹⁾.

Въ этомъ произведеніи нѣтъ даже намекъ на ту истинную причину, которая побудила Виллона покинуть Парижъ; напротивъ того, „Завѣщанію“ въ значительной степени приданъ характеръ „testament d' amour“, и отъѣздъ изъ столицы мотивируется жестокостью его возлюбленной и его намѣреніемъ порвать съ нею и забыть все прошлое. Мало того: Виллонъ даже жалуется на свою крайнюю бѣдность, хотя у него находилась, какъ мы теперь знаемъ, украденная въ Collège de Navarre солидная сумма, со временемъ, разумѣется, истраченная легкомысленнымъ поэтомъ на удовольствія и веселья пирушки въ тавернахъ, но въ то время еще, вѣроятно, не израсходованная; это одинъ изъ примѣровъ, показывающихъ, съ какою осторожностью слѣдуетъ пользоваться сочиненіями Виллона, какъ біографическимъ матеріаломъ. Вскорѣ соучастники Виллона были арестованы, дѣло огласилось, раскрылось и его личное участіе. Теперь для него возврата уже не было; онъ снова принимается за свои странствія, продолжающіяся на этотъ разъ цѣлыхъ пять лѣтъ. Судьба Виллона походить порою на романъ; то онъ чуть не нищенствуетъ, скитаясь по Франціи, вынося тяжелую нужду, прибѣгая, вѣроятно, ко всевозможнымъ способамъ, чтобы не умереть съ голоду; то мы видимъ его при дворѣ Карла Орлеанскаго, въ числѣ поэтовъ, которыхъ тотъ привлекалъ къ себѣ, занимаясь и самъ литературою и желая быть чѣмъ-то въ родѣ Мецената. Теперь передъ нами уже не несчастный оборванецъ, несомнѣнно, принадлежавшій къ числу людей, которые, какъ онъ самъ выражается,

mendient tous nus
Et pain nu voient qu'aux fenestres ²⁾.

¹⁾ G. T., строфа LXV.

²⁾ G. T., строфа XXX.

Теперь онъ выступаетъ въ качествѣ литератора, участвуетъ въ устроенномъ герцогомъ состязаніи поэтовъ, пишетъ для этого состязанія балладу, начинающуюся словами: „Je meurs de seuf au près de la fontaine“, онъ вспоминаетъ, что онъ, такъ или иначе, „maître ès arts“, все же обладающій кое-какими литературными или научными познаніями. Но проходитъ нѣсколько времени, между нимъ и Карломъ наступаетъ разладъ, и онъ покидаетъ герцогскій дворъ въ Блуа, снова отправляясь странствовать ¹⁾. Мы видимъ его при дворѣ герцога Бурбона, Иоанна II, которому онъ посвятилъ балладу, извѣстную подъ названіемъ „La requestre que Villon bailla á Monseigneur de Bourbon“, прося у него матеріальной поддержки. Иногда мы совершенно теряемъ его изъ виду и не знаемъ ничего опредѣленнаго о томъ, чѣмъ онъ существовалъ и куда направлялъ свои шаги. Говоря о скитаніяхъ Виллона по Франціи, слѣдуетъ все время имѣть въ виду, въ какомъ смутномъ и тяжеломъ состояніи находилось тогда французское общество. Страна все еще переживала послѣдствія столѣтней войны съ Англіей, изнурившей и ослабившей все населеніе. Вторженіе иноземцевъ въ предѣлы Франціи, ихъ блистательныя побѣды, униженіе французскаго имени — все это оказало подавляющее дѣйствіе на народъ. Самъ Виллонъ родился въ Парижѣ въ то время, когда англичане еще занимали столицу. Наряду съ иностраннымъ вторженіемъ, въ теченіе перваго десятилѣтія XV вѣка, изнуряли Францію и междоусобныя войны, возникшія изъ раздоровъ между бургундскою и арманьякскою партіями и сопровождавшіяся кровавыми столкновеніями, народными возстаніями и общимъ разстройствомъ всѣхъ дѣлъ въ государствѣ. Единство французской націи было поколеблено (многіе французы открыто держали сторону Англіи), и на смѣну ему выдвинулась раздробленность страны и обособленіе отдѣльныхъ территоріальныхъ единицъ.

Толпы наемниковъ, которые получили вскорѣ имя *écogheurs*, призванныхъ для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, всюду бродили по странѣ и предавались самому беззастѣнчивому грабежу, обирая и опустошая цѣлыя деревни, заставляя жителей умирать съ голоду. Неурожай хлѣба вскорѣ сдѣлался хроническимъ явленіемъ; наконецъ, въ довершеніе всего, время отъ времени, вспыхивали страшныя эпидеміи, уносящія множество жертвъ, какъ это было, напримѣръ, въ

¹⁾ Биографическіе факты заимствуемъ изъ „Étude biographique“ Лоньона изъ статьи *Marcel Schwob*'а, изъ книги *Catpaux* и т. д.

1438 году, когда въ одномъ Парижѣ погибло 50.000 человекъ ¹⁾. Настроеніе массы, обнищавшей, забытой, еле существовавшей, было, разумѣется, самое подавленное и пессимистическое; передъ зрѣлищемъ страданій и бѣдствій душа каждого человека легко могла обратиться къ мыслямъ о бренности всего земнаго, о неумолимой власти смерти, о томъ, что земная жизнь есть только тяжелое испытаніе. Въ 1424 году, когда въ Парижѣ свирѣпствовали голодъ и чума, на кладбищѣ „des Innocents“ представлена была такъ называемая „Danse Macabre“ ²⁾, выражавшая общее настроеніе и приобретающая вскорѣ громадную популярность. А наряду съ этимъ, какъ это иногда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ (вспомнимъ Пушкинскій „Пиръ во время чумы“), наступленіе страшнаго повѣтрія вызывало въ людяхъ бѣшеную жажду наслажденія и бывало причиною полного упадка нравовъ. Дѣло народнаго образованія находилось, разумѣется, въ самомъ печальномъ состояніи, суевѣрія владѣли массою. Разсматривая теперь, на историческомъ отдаленіи, эту тяжелую эпоху, мы видимъ, что она все же принесла странѣ извѣстную пользу; зрѣлище раздробленности и слабости родины заставило, наконецъ, въ видѣ реакціи, вспыхнуть чувство патриотизма и національной гордости въ сердцахъ лучшихъ французовъ; продолжительныя войны и междоусобія сломили могущество старыхъ бароновъ и почти разрушили феодальный строй; общій упадокъ страны вдохнулъ мысль о необходимости начать жизнь сызнова, освѣжить государственный строй, позаботиться о реформахъ и преобразованіяхъ. Но старыя раны заживали нескоро и долго еще, чуть ли не въ теченіе всего XV вѣка, сказывались въ различныхъ отрасляхъ народной и государственной жизни тяжелые отголоски вынесенныхъ народомъ страданій. Въ ту пору, какъ Виллонъ скитался по Франціи, война была только что прекращена, и правительство старалось успокоить и привести въ порядокъ ослабленное и разоренное государство. Мы въ значительной степени смягчимъ свой приговоръ о Виллонѣ и его образѣ жизни, когда представимъ себѣ его вращающимся среди этого безпорядочнаго и невѣжественнаго населенія, въ эпоху, когда шайки мародеровъ и разбойниковъ (между прочимъ, такъ называемые „faux visages“) безпрепятственно разгуливали по странѣ, и нравы настолько упали, что въ процессѣ кокильеровъ мы находимъ фигурирующими даже лицъ съ университетскимъ

¹⁾ Всеобщая исторія Георга Вебера, т. VIII, М., 1887.

²⁾ *Сатрапж*, I. с., стр. 147.

образованіемъ и представителей духовенства, а настоятельница одного изъ видныхъ парижскихъ монастырей, Port-Royal'я, Huguette du Hamel, могла (пока дѣло не стало ужъ слишкомъ очевиднымъ) вести веселую жизнь, почти открыто принимать у себя мужчинъ и устраивать шумныя пиршества ¹⁾. Не слѣдуетъ, конечно, ни на минуту упускать изъ виду и не прекращавшуюся бѣдность Виллона, которая заставляетъ многого простить ему. Самъ поэтъ косвенно указалъ на это смягчающее значеніе своей бѣдности въ одномъ эпизодѣ изъ „Grand Testament“. Онъ разказываетъ, между прочимъ, исторію одного пирата, который былъ приведенъ въ цѣпяхъ и оковахъ къ Александру Великому.

L' empereur si l'araisonna:
 „Pourquoi es tu larron de mer?
 L' autre responce luy donna:
 „Pourquoi larron me faiz nommer?
 Pour ce qu'on me voit escumer
 En une petiote fuste?„
 Se comme toy me peusse armer,
 Comme toy empereur je fusse.
 Mais que veux tu! De ma fortune,
 Contre qui ne puis bonnement,
 Qui si faulcement me fortune,
 Me vient tout ce gouvernement.
 Excuse moy aucunement
 Et saiche qu'en grant povreté
 Ce mot dit on communement—
 Ne gist pas trop grant loyauté ²⁾.

Немного ниже онъ говоритъ уже отъ себя:

Necessité fait gens mesprendre
 Et faim saillir le loup du bois.

Кампо остроумно замѣтилъ, что вся исторія Виллона представляетъ собою до извѣстной степени „un apologue à l'adresse des barons pillards de l'époque“ ³⁾. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ Виллонъ былъ всѣми причисленъ къ разряду преступниковъ, воровъ и грабителей, послѣдніе представители феодальнаго строя, пользуясь своею силою и недоступностью своихъ замковъ, въ сущности, также

¹⁾ *Ang. Longnon*, „Étude biographique“, стр. 37—40 и 175—188.

²⁾ *G. T.*, строфы XVIII и XIX.

³⁾ *Сатрапиз*, I. с., стр. 136.

грабили окружающее населеніе, только въ широкихъ, грандіозныхъ размѣрахъ, сохраняя все время свое почетное положеніе.

Въ 1461 году мы видимъ Виллона въ тюрьмѣ города Meung-sur-Loire, въ которую онъ былъ брошенъ по приказанію епископа Орлеанскаго. Тюремное заключеніе отличалось большою суровостью; нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ въ сырѣмъ и холодномъ подземельѣ, гдѣ несчастный поэтъ былъ посаженъ на хлѣбъ и на воду, перспектива возможной казни или пожизненнаго заключенія — все это окончательно расшатало здоровье Виллона, съ ужасомъ вспоминающаго объ этомъ времени въ своемъ Grand Testament и въ двухъ балладахъ Codicille. Причина этой суровой кары въ точности неизвѣстна; есть предположеніе, что она вызвана была прикосновенностью Виллона къ совершенному въ окрестностяхъ города грабежу и убійству... Его спасла отъ казни чистая случайность: Людовикъ XI, только что вступивъ на престолъ, объявлялъ свободу всѣмъ заключеннымъ въ тѣхъ городахъ, черезъ которые онъ проѣзжалъ. Когда онъ былъ въ городѣ Meung, подъ общую амністію подошелъ и Виллонъ, который былъ, наконецъ, выпущенъ изъ тюрьмы. Тотчасъ послѣ своего освобожденія, онъ написалъ знаменитое произведеніе „Le Grand Testament“, обширную поэму со вставленными въ нее балладами, несомнѣнно, въ общихъ чертахъ задуманную имъ еще раньше, во время его скитаній по Франціи. Возможно, что послѣднія строфы были имъ дописаны въ Парижѣ, куда онъ прибылъ, нѣсколько времени спустя. Что онъ дѣлалъ дальше, мы не знаемъ; онъ заявляетъ о себѣ еще только одинъ разъ въ 1463 году, когда его имя упоминается въ связи съ вызванною имъ и его товарищами уличною сценою и потасовкою¹⁾. Затѣмъ мы опять теряемъ его изъ виду, на этотъ разъ уже навсегда...

Когда мы знаемъ общій характеръ біографіи Виллона, знаемъ, что ему приходилось по большей части имѣть дѣло съ подонками общества, а въ лучшемъ случаѣ съ веселыми малыми, его собутыльниками и товарищами въ родѣ героев Латинскаго квартала, мы не удивимся, что въ его произведеніяхъ на первый взглядъ много циническаго, скоромнаго, легкомысленнаго, что они часто посвящаютъ насъ въ тѣ или другія закулисныя исторіи отдѣльныхъ лицъ, имѣвшихъ къ поэту какое либо отношеніе. Верхъ цинизма представляетъ собою, напри- мѣръ, такъ называемая „Ballade de Villon et de la grosse Margot“,

¹⁾ Этотъ эпизодъ изъ жизни Виллона былъ впервые открытъ Лонньономъ; „Notice biographique“ при его изданіи Виллона, стр. XXXII.

отъ которой не отказались бы самыя крайніе натуралисты новаго времени. Но иногда Виллонъ только остроумень, даже просто весель, потому что способность острить и шутить и нѣсколько сатирической складъ ума составляли одну изъ характерныхъ чертъ нашего поэта (недаромъ же ему могли приписывать, хотя и неосновательно, переработку фарса объ адвокатѣ Пателэнѣ ¹⁾); эти свойства никогда не покидали Виллона, уживаясь съ печальными меланхолическими думами. „Petit Testament“ заключаетъ въ себѣ цѣлую серію подчасъ весьма забавныхъ и мѣткихъ „lays“ (собственно „legs“); ими поэтъ надѣляетъ различныхъ людей, съ которыми онъ сталкивался въ жизни или о которыхъ имѣлъ только понятіе. Много строфъ съ подобнымъ содержаніемъ есть и въ главномъ, лучшемъ произведеніи Виллона, хотя въ немъ уже занимаетъ видное мѣсто другой, болѣе серьезный и вдумчивый элементъ. Передъ нами встаетъ настоящая портретная галерея лицъ разнообразнаго происхожденія и общественнаго положенія, среди которыхъ есть, на примѣръ, даже члены парламента и Châtelét, и вообще представители класса „des gens de robe“. Виллонъ прекрасно уловилъ слабость или характерную черту каждаго отдѣльнаго лица и выразилъ ее въ мѣткихъ и сжатыхъ выраженіяхъ. Приведемъ нѣкоторые примѣры этихъ сатирическихъ „lays“:

Item laisse et donne en pur don
 Mes gans et ma hucque de soye,
 A mon amy Jaquet Cardon;
 Le grand aussi d'une saulsoye,
 Et tous les jours une grasse oye
 Et ung chappon de haulte gresse,
 Dix muys de vin blanc comme croye,
 Et deux procès, que trop n'engresse ²⁾.

.

Item ma nominacion,
 Que j'ay de l'Université,
 Laisse par resignacion
 Pour esclorre d'aversité

¹⁾ Принадлежность фарса о Пателэнѣ Виллону допускалъ, на примѣръ, Magnin и отчасти Montaiglon. Paul Lacroix, въ предисловіи къ своему изданію фарса, склоненъ признать его авторомъ Pierre Blanchet. Замѣтимъ, что на нашъ взглядъ разказы о продѣлкахъ Виллона, когда онъ былъ еще въ Парижѣ, могли до известной степени повліять на развитіе и видоизмѣненіе типа Пателэна, у котораго есть кое-что общаго съ Виллономъ. Первыми же сценами фарса напоминаютъ намъ подвиги нашего поэта, изображенные въ „Reueues francaes“.

²⁾ P. T., стр. XVI.

Povre clerks de ceste cité
 Soubz cet *intendit* contenuz:
 Charité m' y a incité
 Et Nature, les voiant nuz.

.
 Item je laisse à mon barbier
 Les rongneures de mes cheveux,
 Plainement et sans destourbier,
 Au savetier mes souliers vieulx,
 Et au freppier mes habitz tieulx,
 Que, quant du tout je les delaisse
 Pour moins qu'ils ne coustèrent neufz,
 Charitablement je leur laisse ¹⁾).

Мы узнаемъ манеру Виллона тогда, когда онъ завѣщаетъ тѣмъ, кто послѣ него будетъ сидѣть въ тюрьмѣ, между прочимъ, и „la grâce de la geollière“, и тогда, когда онъ передъ началомъ своей „Ballade aux enfans perdus“, намекая на обыкновеніе всѣхъ средневѣковыхъ завѣщателей жертвовать извѣстную сумму на воспитательные дома, замѣчаетъ:

Item, riens aux enfans Trouvez;
 Mais les perdus faut que consolle! ²⁾).

Онъ остритъ и смѣется, хотя иногда видимо подавляя слезы, въ самыя серьезныя минуты, напримѣръ, даже и въ той части „G. T.“, въ которой онъ дѣлаетъ распоряженія относительно своихъ похоронъ; онъ пародируетъ общепринятую форму завѣщанія, повторяя ее съ полною точностью и перемѣшивая старыя юридическія термины съ своими причудливыми оборотами, съ яркими вспышками своего неистощимаго остроумія. Онъ шутить даже въ ожиданіи казни, заявляя, что веревка скоро узнаетъ, сколько вѣситъ его тѣло; онъ смѣется невеселымъ смѣхомъ, говоря о своемъ голодѣ и замѣчая, что черви немногимъ поживятся, когда его тѣло будетъ въ землѣ ³⁾), „trop luy a fait faim dure guerre“. Порою его насмѣшка получаетъ болѣе общій, прямо сатирической и обличительный характеръ. Въ Petit Testament, напримѣръ, какъ справедливо указалъ Биванкъ, чувствуется порою желаніе осмѣять вырождающееся рыцарство ⁴⁾); въ другомъ мѣстѣ поэтъ мимоходомъ иронизируетъ надъ схоластическою премудростью,

¹⁾ P. T., строфы XXVII и XXXI.

²⁾ G. T., строфа CXLV.

³⁾ G. T., строфа LXXXVI.

⁴⁾ *Béjancq*, „Specimen d'un essai critique, sur les oeuvres de François Villon“, стр. 124—129.

которая преподается въ школахъ и поддерживается тѣлесными наказаніями ¹⁾); онъ отваживается даже съ легкою ироніею отозваться объ индульгенціяхъ, увѣряя, будто онъ былъ самъ въ Римѣ и добылъ тамъ отпущеніе грѣховъ, и соглашаясь оставить по завѣщанію четверть того года, въ теченіе котораго полученная индульгенція дѣйствительна ²⁾). У Виллона есть и выходки противъ монаховъ и ихъ образа жизни. Правда, онъ далеко не такъ смѣло высказываетъ въ этомъ случаѣ свое мнѣніе, какъ это дѣлали другіе противники средневѣковаго духовенства, напримѣръ, нѣкоторые изъ труверовъ, а позднѣе Раблэ. Аббатъ Дюсерсо, одинъ изъ изслѣдователей сочиненій Виллона въ XVIII вѣкѣ, довольно вѣрно опредѣлилъ характеръ протеста нашего поэта, въ частности противъ представителей духовенства, сказавъ, что онъ дѣлаетъ свои нападки „avec quelque sorte de timidité, et retirant au plutôt sa main en homme qui dit: ce n'est pas moi“ ³⁾). Довольно ѣдкою ироніею звучать, однако, слѣдующія строфы:

Item, aux Frères mendiants
 Aux Devotes et aux Beguines
 Tant de Paris que d'Orléans,
 Tant Turlupins que Turlupines,
 De grasses soupes jacoppines
 Et flaons leurs fais oblacion;
 Et puis après soubz les courtines,
 Parler de contemplacion.
 Si ne sçais-je pas qui leur donne
 Mais de touz enfans sont les meres
 En Dieu, qui ainsi les guerdonne
 Pour qu'ils seuffrent paines ameres,
 Il faut qu'ils vivent les beaulx peres,
 Et mesmement ceulx de Paris.
 S'ilz font plaisir à nos commeres,
 Ilz aiment ainsi leurs maris ⁴⁾).

Послѣ этой тирады Виллонъ спѣшить изъ осторожности сдѣлать оговорку и поправку, притворяясь, что онъ во всемъ послушенъ этимъ „beaulx pères“ и не думаетъ ихъ осуждать; но мы чувствуемъ,

¹⁾ G. T., строфа LXVIII—CXX.

²⁾ G. T., строфа CXXXVI.

³⁾ Lettre critique à M. de ***, par le père du Cergeau, въ изданіи сочиненій Виллона., 1728 г.

⁴⁾ G. T., строфа CVI и CVII.

что это говорится только для отвода глазъ, и угадываемъ скрытую иронию автора, напริมѣрь, въ слѣдующихъ его словахъ:

Si me soubmettz,—leur serviteur
 En tout ce que puis faire et dire,—
 A les honnorer de bon cueur
 Et servir, sans y contredire.
 L'homme bien fol est d'en mesdire,
 Car soit à part ou en preschier,
 Où ailleurs, il ne fault pas dire:
 „Ces gens sont pour eux revenchier“¹⁾.

Въ общемъ, сатирическая часть произведеній Виллона, иногда грубоватая, отличающаяся цинизмомъ, иногда производящая непріятное впечатлѣніе тѣмъ, что въ ней авторъ сводилъ свои личные счеты съ врагами и съ тѣми, кто ему вредилъ при жизни, все же имѣла въ свое время громадное значеніе. Это было могущественное вторженіе безыскусственной, демократической струи въ литературу, временно принявшую утонченный, далекій отъ жизни характеръ, увлекающуюся аллегоріями и цвѣтистыми выраженіями и забывшую завѣты старыхъ реалистовъ, въ родѣ авторовъ фавль. Реальный элементъ занимаетъ видное мѣсто во всемъ творествѣ Виллона; въ его „Завѣщаніяхъ“ разбросано много бытовыхъ картинокъ, выхваченныхъ изъ жизни средневѣковаго города; замѣтимъ, что Виллонъ—поэтъ исключительно городской, не любившій и не воспѣвавшій никогда природы, предпочитавшій ей, какъ указалъ еще John Ruys, зрѣлища—„paysages de metal et de piégre“ (выраженіе новѣйшаго французскаго поэта). Въ своей балладѣ „Les contreditz de Franc-Gentier“, которую Sainte-Beuve считалъ однимъ изъ лучшихъ его произведеній, онъ зло осмѣялъ мечтанія о первобытной жизни, на лонѣ природы, совершенно въ духѣ Руссо, которыя были изложены въ поэмѣ Philippe de Vitry, написанной за столѣтіе передъ тѣмъ и озаглавленной „Combien est heureuse la vie de celui qui demeure aux champs ou vulgairement Les dictz de Franc-Gontier“²⁾. Въ наши дни John Ruys сдѣлалъ оригинальную попытку возсоздать, по сочиненіямъ Виллона, кварталъ стараго Парижа, въ которомъ фантазія англійскаго эссеиста отыскиваетъ различные уголки, отмѣченные въ поэмахъ Виллона, и рисуетъ разнообразныя сцены, героями которыхъ являются выведенныя въ

¹⁾ G. T., строфа СІХ.

²⁾ *Сатрапх*, I. с., стр. 204—213.

„Завѣщаніяхъ“ лица съ ихъ характерными особенностями¹⁾. Когда Виллонъ переходитъ къ болѣе мрачнымъ и тяжелымъ сторонамъ жизни и принимается за реалистическое описаніе болѣзни, старости и смерти, онъ и тутъ, по справедливости, можетъ быть названъ предшественникомъ представителей реальной поэзіи и романа новыхъ вѣковъ.

Сатирическое направленіе, вспышки юмора, реалистическая тенденція и подчасъ цинизмъ далеко не исчерпываютъ собою, однако, всего содержанія поэзіи Виллона. Очень возможно, что въ XV вѣкѣ для такъ называемой большой публики эта сторона его творчества заключала въ себѣ всего болѣе привлекательности, въ особенности пока живы были тѣ лица, о которыхъ упоминалось въ „Завѣщаніяхъ“, что придавало нѣкоторымъ отдѣламъ этихъ произведеній характеръ *chronique scandaleuse*. Но теперь, по прошествіи четырехъ вѣковъ, мы еще болѣе цѣнимъ тѣ искренніе, сердечные, всегда грустные мотивы, которые сохранилъ въ своей душѣ замѣчательный человѣкъ среди разврата, нищеты и воровства. Вполнѣ понять и выяснить себѣ психологію Виллона мы и теперь не можемъ²⁾. Мы находимъ, напримѣръ, въ его, повидимому, загрубѣлой душѣ нѣжную любовь къ матери, которую онъ называетъ „*ma mère, la poure femme*“; онъ знаетъ, что она вынесла по его винѣ:

. . . . douleur amere
Dieu le sçet, et mainte tristesse³⁾.

По ея просьбѣ, онъ пишетъ для нея молитву къ Богородицѣ въ формѣ баллады,—таковъ уже былъ вкусъ того времени; онъ говоритъ отъ ея имени и съ замѣчательною теплотою выражаетъ чувства наивной вѣры простой, необразованной женщины („*Femme je suis poverette et ancieppe*“), для которой молитва является единственнымъ утѣшеніемъ и которая проситъ объ отпущеніи ей грѣховъ, о томъ, чтобы ей было доступно блаженство будущей жизни, заканчивая каждую строфу словами: „*En ceste foy je vueil vivre et mourir*“. Если только это не замѣчательный образчикъ силы литературнаго таланта, который можетъ заставить человѣка всецѣло перенестись въ чужую психологію и художественно изобразить неиспытанныя имъ самимъ ощущенія, эта баллада рисуетъ намъ такую сторону душев-

¹⁾ John Payne „François Villon“, стр. 495—497.

²⁾ Виллонъ самъ кончаетъ каждую строфу своей „Ballade des menus propos“ словами: „*Je congnois tout, fors que moymesmes*“.

³⁾ G. T., строфа LXXIX.

ной жизни Виллона, которую мы не ожидали бы у него найти. Порою мы встречаемъ у нашего поэта и проявленіе искренняго патриотизма, вызваннаго созерцаніемъ несчастій и страданій отечества и ненавистью къ его притѣснителямъ-англичанамъ; особенною силою отличается „Ballade contre les mesdisans de la France“, которую, однако, не всѣ критики приписываютъ Виллону. Въ этомъ отношеніи онъ являлся единомышленникомъ лучшей части французскаго общества, вынесшей изъ бѣдствій Столѣтней войны любовь къ своему народу и сознаніе о необходимости національнаго единства. Слѣдуетъ вообще имѣть въ виду, что Виллонъ, при всей своей беспорядочной жизни, болѣе внимательно слѣдилъ за политическими событіями, даже иностранными, чѣмъ многіе поэты того времени. Наряду съ патриотизмомъ мы должны отмѣтить у Виллона его способность цѣнить всякое оказанное ему благодѣяніе и вообще то добро, которое онъ видѣлъ отъ людей. „Bienfait ne se doit oublier“, говоритъ онъ однажды, и эта мысль не разъ повторяется въ его произведеніяхъ. Иногда его благодарность принимаетъ. — такова ужъ была своеобразная натура этого человѣка, — причудливый, гротескный характеръ, какъ, напримеръ, въ стихотвореніи, обращенномъ къ парижскому парламенту, смягчившему его участь, въ которомъ онъ, между прочимъ, приглашаетъ благодарить парламентъ за его милость своя глаза, уши, носъ, зубы, печень, легкія и т. д. Весьма характерна для Виллона его способность гуманно отнестись къ падшимъ женщинамъ, въ обществѣ которыхъ онъ такъ часто вращался (вспомнимъ припѣвъ одной изъ его балладъ „Tout aux tavernes et aux filles“); этотъ человѣкъ, который, говоря о Grosse Margot и другихъ куртизанкахъ низшаго разбора, казался просто циникомъ, могъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, найти въ глубинѣ своей души такой мягкій, полный состраданія взглядъ на ихъ позорную и несчастную участь, которымъ не могутъ похвалиться многіе писатели новѣйшаго времени ¹⁾).

Но самый важный мотивъ поэзіи Виллона, который мы можемъ противопоставить сатирическому элементу его творчества, это грустная мысль о смерти, о бренности всего земнаго, о тщетности любви, почестей и богатства. Эта мысль, слабо отразившаяся въ первомъ произведеніи его, постоянно возвращается въ Grand Testament, чередуясь съ насмѣшкою и сатирою. Виллонъ вполне опредѣлилъ особый характеръ своего смѣха, задолго до Гоголя употребивъ въ своей „Val-

¹⁾ G. T., строфы XLVIII—LIV.

lade du concours de Blois“ характерное выраженіе, которое Кампо сдѣлалъ эпиграфомъ своей книги: „Je ríz en pleurs“. Мы уже видѣли, что подобное настроеніе было вообще свойственно людямъ той тяжелой, мрачной эпохи, но у Виллона были для этого чисто субъективныя причины. Когда онъ писалъ свой „Grand Testament“, ему было, правда, только тридцать лѣтъ; но развратъ, голодъ и тюремное заключеніе преждевременно сдѣлали изъ него чуть не дряхлаго старика, притомъ, кажется, чахоточнаго. Въ любви онъ разочаровался; раскаяніе, хотя и далеко не полное, порою мучило его сердце, когда онъ вспоминалъ свои преступленія; иногда ему становилось больно и стыдно за свою погубленную молодость, которую онъ часто оплакивалъ, сознавая, что она не вернется („Je plains le temps de ma jeunesse“). Поэтому-то сѣтованія о прошедшей молодости, излагаемыя въ „Grand Testament“ то отъ имени самого поэта, то, напримѣръ, отъ лица прежней красавицы и побѣдительницы сердець, „la belle Heaulmière“, теперь состарѣвшейся и утратившей красоту, эти сѣтованія звучатъ такъ искренно, тепло и правдиво. Разочарованіе въ женщинѣ и любви внушило Виллону много пессимистическихъ строфъ; оно же подсказало ему извѣстную балладу съ грустнымъ refrain: „Bien est eueux qui rien n'y a“. Чѣмъ болѣе мучили Виллона его болѣзни и сознаніе приближающейся старости, тѣмъ чаще и настойчивѣе вставала въ его умѣ мысль о смерти. Онъ съ замѣчательнымъ талантомъ и силой, напоминающею порою, какъ справедливо замѣтилъ Кампо, Паскаля, излилъ въ своихъ произведеніяхъ идею всемогущества смерти, передъ которою преклоняются всю люди, безъ различія своего общественнаго положенія, возраста и пола. Слѣдующіе стихи Виллона являются какъ бы отраженіемъ того впечатлѣнія, которое производило на парижанъ упомянутое нами выше *Danse Macabre*:

Je congnois que povres et riches,
Sages et folz, prestres et laiz,
Nobles, villains, larges et chiches,
Petiz et grans, et beaux et laiz,
Dames à rebrassez collez,
De quelconque condicion,
Portans atours et bourrelez,
Mort saisit sans exception ¹⁾

¹⁾ G. T., строфы XXXIX.

Мысль о смерти дѣйствуетъ на душу Виллона особенно подавляющимъ образомъ потому, что онъ, человѣкъ переходнаго времени, уже не одушевленъ тою непоколебимою вѣрою въ загробный міръ, которую жили средніе вѣка. Намъ вспоминаются здѣсь слова русскаго историка литературы: „У Виллона и его современниковъ ангелъ и бѣсъ не стоятъ у одра умирающаго; рай не манитъ его, адъ не пугаетъ, а мысль о смерти не покидаетъ и вызываетъ реально отвратительныя картины. Старые идеалы разрушены, новые еще не успѣли создаться“¹⁾. Это сомнѣніе, это тоскливое чувство неувѣренности особенно ярко отразилось въ двухъ знаменитыхъ стихотвореніяхъ Виллона: „Ballade des dames du temps jadis“ и „Ballade des seigneurs du temps jadis“, въ которыхъ онъ вспоминаетъ славныхъ героинь и красавиць, храбрыхъ рыцарей и полководцевъ, и задумывается надъ вопросомъ о томъ, куда же скрылись всѣ эти лица, покинувъ землю и людей. Съ особеннымъ чувствомъ написана Виллономъ первая баллада, въ которой онъ спрашиваетъ, между прочимъ:

Dictes moy où, n'en quel pays
Est Flora, la belle Rommaine;
Archipiada, ne Thaïs,
Qui fut sa cousine germaine;
Echo, parlant quant bruyt ou maine
Dessus rivière ou sus estan,
Qui beaulté ot trop plus qu'humaine?..
Mais où sont les neiges d'antan!

.....
La royne Blanche comme lis,
Qui chantait à voix de seraine;
Berte au grant pié, Bietris, Allis;
Haremburgis qui tint le Maine,
Et Jehanne, la bonne Lorraine,
Qu' Englois brulèrent à Rouan,
Ou sont elles, Vierge souveraine?..
Mais où sont les neiges d'antan!

Отъ самыхъ веселыхъ выходовъ и остроумныхъ тирадъ Виллонъ иногда непосредственно переходитъ къ самымъ серьезнымъ, отличающимся подчасъ глубиною и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безыскусственностью, размышленіямъ о смерти. Случилось ему, напримѣръ, въ одномъ изъ самыхъ шутивныхъ своихъ lays упомянуть мимоходомъ о кладбищѣ

¹⁾ Всеобщая исторія литературы В. Корша и А. Киричичкова, т. II, стр. 913—914.

des Innocents, и вотъ въ его умѣ пронеслось воспоминаніе объ этомъ городѣ мертвыхъ, въ которомъ ему часто приходилось бывать. Настроеніе его сразу мѣняется, и онъ снова дѣлается выразителемъ все той же мрачной идеи о неизбежности и безпощадности смерти. Сейчасъ передъ нами былъ сатирикъ и веселый юмористъ, теперь мы видимъ почти проповѣдника. Сколько грусти, какая глубоко-пессимистическая философія выражена, напримѣръ, въ слѣдующихъ словахъ:

Quand je considère ces testes
Entassées en ces charniers,
Tous furent maîtres des requestes,
Au moins de la chambre aux Deniers,
Ou tous furent porte panniers,
Autant puis l'ung, que l'autre dire,
Car d'evesques ou lanterniers
Je n'y congnois rien à redire,
Et icelles qui s'enclinoient
Unes contre autres en leurs vies;
Desquelles les unes regnoient,
Des autres craintes et servies,—
Là les vois toutes assouvies
Ensemble en un tas pesle-mesle
Seigneuries leurs sont ravies,
Clerc ne maistre ne s'y appelle ¹⁾.

Невольно приходитъ въ голову отмѣченное вскользь нѣкоторыми изъ изслѣдователей творчества Виллона, но заслуживающее большаго вниманія извѣстное идейное сходство между этими размышленіями французскаго поэта на парижскомъ кладбищѣ и тѣми грустными думами, которыя проносятся въ умѣ Гамлета, въ сценѣ съ могильщиками. Не о подражаніи Шекспира Виллону можетъ здѣсь, конечно, идти рѣчь, да и сходство между идеями датскаго принца и автора „Завѣщаній“ не слѣдуетъ преувеличивать; но, несомнѣнно, мы все же вспоминаемъ нашего поэта, читая тѣ рѣчи, которыя Шекспиръ безъ малаго полтора вѣка спустя вложилъ въ уста своему герою. Грустные думы Виллона теперь почти забыты большою публикою; но изъ поколѣнія въ поколѣніе переходятъ пессимистическія размышленія Гамлета, въ родѣ слѣдующихъ: „That scull had a tongue in it, and could sing once... This might be the pate of a politician, which this ass now o'er-reaches; one that would circumvent God, might it not... Or of a courtier, which could say, Good morrow, sweet lord! How dost thou, Good

¹⁾ G. T., строфы CXLIX—CL.

lord?... There 's another! Why may not that be the scull of a lawyer? Where be his quiddits now, his quilllets, his cases, his tenures and his tricks?... This fellow might be in's time a great buyer of land" и т. д. ¹⁾.

Наша характеристика Виллона, какъ геніальнаго поэта смерти, донныѣ производящаго тяжелое впечатлѣніе своими пессимистическими изліяніями, была бы не полна, еслибы мы не коснулись одной баллады его, которая не вошла въ составъ Grand Testament, но своею оригинальностью превосходить, пожалуй, все, что было написано Виллономъ. Мы говоримъ о знаменитой „Ballade des Pendus“ ²⁾, зародившейся въ умѣ Виллона въ тюрьмѣ Montfaucon, когда онъ ожидалъ близкой смерти на висѣлицѣ. Болѣзненно настроенная фантазія поэта работала и создала страшную картину; ему представляется, что и онъ и его товарищи по заключенію уже повѣшены и оставлены на висѣлицѣ на позоръ передъ всѣми людьми; и вотъ ихъ безжизненные трупы обращаются съ печальною рѣчью къ тѣмъ „людямъ-братьямъ“, которые живутъ послѣ нихъ:

Frères humains, qui après nous vivez,
N'ayez les cuers contre nous endurcis,
Car, se pitié de nous povres avez,
Dieu en aura plus tost de vous mercis,
Vous nous voyez cy attachez cinq, six:
Quant de la chair, que trop avons nourrie,
Elle est piécà dévorée et pourrie,
Et nous, les os, devenons cendre et pouldre
De nostre mal personne ne s'en rie,
Mais priez Dieu que tous nous vueille absoudre!

.
La pluye nous a buez et lavez,
Et le soilleil desechez et noirciz;
Pies, corbeaux nous ont les yeux cavez
Et arraché la barbe et les sourcilz.
Jamais, nul temps nous ne sommes assis;
Puis ça, puis là, comme le vent varie,
A son plaisir sans cesser nous charie,
Plus becquetez d'oiseaux que dez à coudre.
Ne soyez donc de nostre confrairie,
Mais priez Dieu que tous nous vueille absoudre!

¹⁾ The plays and poems of Shakspeare edited by A. J. Valpy. Volume XXIV, London, 1844. Hamlet, Act V, scene I.

²⁾ С., стихи 129—164.

Это стихотвореніе, которое въ готическомъ изданіи Треппереля 1497 года было сопровождено виньеткою, изображающею висѣлицу, съ повѣшенными на ней тремя людьми ¹⁾, производитъ и теперь, черезъ нѣсколько вѣковъ, впечатлѣніе безотраднago, унылаго погребальнаго звона и возсоздаетъ передъ нами лучше всякаго историческаго изслѣдованія характеръ того вѣка, когда люди съ какимъ то болѣзненнымъ наслажденіемъ останавливали свое вниманіе преимущественно на мрачныхъ сторонахъ жизни, когда даже любовныя свиданія, по свидѣтельству самого Виллона, всего охотнѣе устраивались на кладбищахъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ причудливой, полной контрастовъ, поэзіи Виллона, которую, по справедливости, можно назвать вмѣстѣ съ Джономъ Пэнномъ романтической, веселые мотивы чередовались съ грустными, сатирическіе—съ мечтательными, циническіе—съ глубоко-философскими. Это дало поводъ Теофилю Готье сдѣлать болѣе или менѣе рискованную параллель между нимъ и Байрономъ, преимущественно, какъ авторомъ „Донъ-Жуана“. Порою Виллонъ до извѣстной степени напоминаетъ Вольтера въ его мелкихъ стихотвореніяхъ, отличающихся легкостью стиха, остроуміемъ и живымъ, бойкимъ слогомъ. Но всѣхъ ближе къ нему изъ новѣшихъ писателей, на нашъ взглядъ, стоитъ Гейне. Эпоха и судьба обоихъ поэтовъ совершенно несходны между собою; но манера Гейне, его склонность переходить отъ мечтательнаго къ реальному, отъ насмѣшки къ грустнымъ размышленіямъ не разъ напоминаютъ творчество автора „Завѣщаній“. Виллонъ, а не Карлъ Орлеанскій, какъ это утверждали нѣкоторые ученые, былъ первымъ поэтомъ новой Франціи. Онъ былъ лирикомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, отражавшимъ всѣ настроенія своей души въ искренней, правдивой формѣ. Въ его лицѣ одержала блестящую побѣду индивидуальная поэзія, въ то время только что зарождавшаяся; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ снова внесъ въ родную словесность реальный, близкій къ дѣйствительности элементъ, которому предстояла блестящая будущность. Въ общемъ его „Завѣщанія“ представляютъ собою и донныѣ своеобразное и выдающееся цѣлое.

Несмотря, однако, на всю эту оригинальность и самобытность своего таланта, Виллонъ имѣлъ, разумѣется, предшественниковъ и учителей, имѣлъ въ прошломъ родной словесности достойные подражанія образцы, которые не могли не оказать на него извѣстнаго

¹⁾ Эта виньетка помѣщена въ книгѣ *Les grands poètes Français, choix de morceaux par Alphonse Pagès. Paris, 1883, стр. 1.*

вліянія. Не приобрѣта особенныхъ научныхъ познаній въ свои студенческіе годы, Виллонъ довольно хорошо познакомился, однако, со старою французскою литературою, преимущественно поэтической. Сущность его творчества, его индивидуальныя особенности, вообще все то, что пережило вѣка и на чемъ въ наше время, собственно, и основывается право Виллона на вниманіе столь поздняго потомства, совершенно своеобразно и составляетъ неотъемлемую принадлежность поэта; но его языкъ, внѣшняя форма его произведеній, отдѣльные образы, а подчасъ даже идеи, могутъ вмѣстѣ съ тѣмъ носить слѣды вліянія того или другаго писателя. Намъ странно было встрѣтить въ статьѣ Безанта положительное утвержденіе, что, если у Виллона были послѣдователи, то у него не было совсѣмъ предшественниковъ ¹⁾. Еще Кампо въ своей книгѣ далъ одной главѣ названіе „Prédecesseurs et contemporains de Villon“ ²⁾. Въ наши дни Биванкъ въ своемъ изслѣдованіи привелъ весьма любопытные примѣры сходства между отдѣльными мѣстами въ сочиненіяхъ Виллона и произведеніями писателей стараго поколѣнія ³⁾. Иногда не можетъ быть прямо рѣчи о заимствованіи у опредѣленнаго автора, но, взаимѣ этого, чувствуется вліяніе на Виллона извѣстныхъ общеупотребительныхъ литературныхъ формъ, приѣмовъ и вкусовъ. Самая форма „Завѣщанія“, приданная литературному произведенію, не была изобрѣтена Виллономъ. Напротивъ того, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя только вдохнули новую жизнь въ этотъ видъ поэтическаго творчества, уже нѣсколько устарѣвшій къ тому времени и начинавшій выходить изъ моды. Средніе вѣка, такъ много вниманія посвящавшіе вопросу о смерти, особенно любили этотъ литературный жанръ, нѣсколько странный съ нашей точки зрѣнія. Въ началѣ произведенія, носившія названіе *Завѣщаній*, дѣйствительно, подходили къ тому представленію, которое вызывается въ нашемъ умѣ ихъ заглавіемъ, но постепенно къ нимъ сталъ примѣшиваться посторонній элементъ, впоследствии зачастую отодвигавшій на второй планъ все остальное. Естественнo было предположить, что, прощаясь съ жизнью, человекъ долженъ вспоминать тѣхъ лицъ, которыя имѣли къ нему какое либо отношеніе, и обращаться къ нимъ съ послѣдними своими просьбами, совѣтами, увѣщаніями, или распредѣлять между нѣкоторыми изъ нихъ соотвѣтственно ихъ вкусамъ и занятіямъ принадлежавшее ему при

¹⁾ *Walter Besant*. „Studies in early French poetry“, гл. V, стр. 141.

²⁾ *Campan*, I. c., стр. 13—32.

³⁾ *Bjvanck*, „Specimen“ etc., стр. 114—133.

жизни имущество. Это давало возможность выводить въ литературныхъ „Завѣщаніяхъ“ цѣлую портретную галерею разнообразныхъ лицъ и типовъ. Довольно рано проникъ въ эти оригинальныя произведенія элементъ сатирической; онъ все усиливался по мѣрѣ того, какъ сами „Завѣщанія“ получали характеръ болѣе литературный и, сохраняя свое первоначальное, частное, прикладное значеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ получили характеръ такихъ произведеній, которыя пишутся имѣя постоянно въ виду нублику, читателей. Процессъ проникновенія этого, повидимому, нѣсколько неожиданнаго элемента въ средне-вѣковыя „Завѣщанія“ вполне понятенъ; разъ въ нихъ дѣлался какъ бы смотръ всѣмъ лицамъ, съ которыми сталкивался въ жизни авторъ при извѣстномъ сатирическомъ складѣ ума, легко можно было придать этому обзору характеръ картины нравовъ, воспроизводящей, разумѣется, между прочимъ, цѣлый рядъ уродливыхъ, пошлыхъ и недостойныхъ сторонъ человѣческой природы, которыя сами напрашиваются на сатирическое освѣщеніе. Бывали случаи, когда сатирической, а иногда и прямо каррикатурной элементъ составлялъ сущность всего произведенія, подходившаго тогда къ типу „testament burlesque“, столь популярнаго и въ послѣ-виллоновскую эпоху. Такъ было во Франціи, то же видимъ мы и въ другихъ европейскихъ странахъ, напримѣръ, въ Испаніи, гдѣ во второй половинѣ XIV вѣка мы находимъ написанное какимъ-то архидиакономъ завѣщаніе, представляющее собою, какъ и произведенія Виллона, соединеніе серьезнаго и комическаго элементовъ и даже по формѣ нѣсколько сходное съ этими произведеніями. Въ XV вѣкѣ въ испанской литературѣ также встрѣчаются нѣкоторыя параллели къ французскимъ „testaments“ и въ частности къ поэмамъ и балладамъ Виллона ¹⁾).

При нѣкоторомъ знакомствѣ съ средне-вѣковою французскою словесностью, Виллонъ долженъ былъ имѣть понятіе, напримѣръ, о такомъ произведеніи какъ „Les Fortunes et Adversitez de Jehan Regnier, seigneur de Guerchy“, послѣдняя часть котораго предвѣщаетъ уже нѣкоторые отрывки изъ „Grand Testament“ ²⁾, о сатирическомъ „завѣщаніи“ Жана де-Мэна, автора второй части „романа о Розѣ“, о грубоватомъ по формѣ, но своеобразномъ „Testament de l'âne“ Рютбефа, не говоря уже о такомъ, болѣе близкомъ къ Виллону по времени произведеніи, какъ „Письма Eustache Deschamps“ (о вліяніи,

¹⁾ *Bijvanck*, стр. 118—119.

²⁾ *Сатрапъ*, стр. 25—30.

которое вообще имѣлъ этотъ писатель на Виллона, мы скажемъ ниже), писанныя имъ во время болѣзни ¹⁾). Введение въ завѣщаніе любовнаго элемента, упоминаніе о безнадежной любви, какъ причинѣ болѣзни и возможной смерти влюбленнаго, — все это также имѣло уже свою исторію ко времени появленія Виллона на литературномъ поприщѣ ²⁾). Выступая, въ общемъ, въ качествѣ сторонника здоровой народной стихіи и противника всего искусственнаго и дѣланнаго, Виллонъ въ этомъ частномъ случаѣ все же отдалъ дань условности прежнихъ „testaments d'amour“, не останавливаясь передъ введеніемъ въ свое „завѣщаніе“ старыхъ, встрѣчающихся уже у провансальскихъ трубадуровъ метафоръ и искусственныхъ оборотовъ рѣчи.

Этотъ частный видъ средневѣковыхъ завѣщаній, который повліялъ, до извѣстной степени, на первыя строки Виллоновскаго „Petit Testament“, но почти ничего общаго не имѣетъ съ его главнымъ произведеніемъ, былъ еще довольно популяренъ въ XV вѣкѣ, вплоть до самаго его конца, и во Франціи, гдѣ мы находимъ, напримѣръ, такія произведенія, какъ „Le Martir d'amours“, или на рубежѣ XVI столѣтія „Le testament d'un amoureux qui mourut par amours“, и въ Испаніи. Мы остановились нѣсколько подробнѣе на вопросѣ о средневѣковыхъ завѣщаніяхъ съ цѣлью показать, что Виллонъ воспользовался для выраженія своихъ мыслей и взглядовъ готовою литературною формою, хотя, конечно, и видоизмѣнялъ ее въ отдѣльныхъ частностяхъ, слѣдуя указаніямъ своего прихотливаго, субъективнаго духа. Но иногда мы можемъ отмѣтить у Виллона, наряду съ этимъ внѣшнимъ заимствованіемъ, и воздѣйствіе на него міросозерцанія и идей того или другаго средневѣковаго писателя. Намъ не разъ приходится жалѣть о томъ, что самъ поэтъ рѣдко упоминаетъ о тѣхъ писателяхъ, которые были ему особенно симпатичны и близки. Въ своемъ „Grand Testament“ онъ, между прочимъ, завѣщаетъ Гильому Виллону свою бібліотеку:

Je luy donne ma librairie... ³⁾.

Сколько любопытныхъ свѣдѣній о характерѣ своего литературнаго образованія могъ бы сообщить намъ поэтъ, еслибы онъ перечислялъ въ этомъ мѣстѣ входившія въ составъ его бібліотеку (выраженіе, конечно, слишкомъ торжественное, быть можетъ, употребленное здѣсь въ шутовскомъ смыслѣ) книги, которыя всего болѣе его занимали. Но онъ

¹⁾ *Bijvanck*, стр. 117—118.

²⁾ *Bijvanck*, стр. 120—123.

³⁾ G. T., строфа LXXVIII.

не прибѣгаетъ къ этому литературному приему, которымъ пользовались впоследствии нѣкоторые поэты XIX вѣка, приводя, въ видахъ характеристики своего героя, списокъ его любимыхъ авторовъ. Въ наши дни иногда дѣлались попытки возстановить эту „*librairie*“ Виллона и опредѣлить, какія сочиненія оказали на него особенно сильное вліяніе. Мы не станемъ здѣсь останавливаться на томъ знакомствѣ съ книгами священнаго писанія и съ нѣкоторыми сочиненіями классическихъ авторовъ, которое Виллонъ,—не всегда кстати,—выказываетъ въ своихъ произведеніяхъ; это знакомство, вполне естественное у человѣка, который, хотя и спустился вскорѣ до подонковъ общества и мало занимался наукой, но все же былъ клерикомъ, слушалъ кое-какія лекціи и считался принадлежащимъ къ болѣе образованному, чуть ли не ученому классу, носило характеръ болѣе или менѣе поверхностный, не оказало особаго вліянія на духъ творчества Виллона и выразилось, главнымъ образомъ, въ различныхъ цитатахъ, вставленныхъ, очевидно, для подкрѣпленія взглядовъ самого поэта. Ограничивая свой обзоръ сочиненій, служившихъ источниками и образцами для Виллона, одною лишь средневѣковою французскою словесностью, мы должны, прежде всего, отмѣтить, что нѣкоторыя изъ „завѣщаній“, которыя, какъ мы видѣли, послужили прототипомъ для произведеній Виллона со стороны внѣшней формы, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказали на него извѣстное *идейное вліяніе* или заключали въ себѣ поэтическіе образы, перенятые и часто гораздо болѣе художественно и талантливо обработанные нашимъ поэтомъ. Укажемъ для примѣра на то, что извѣстная „*Ballade des seigneurs du temps jadis*“ Виллона съ ея грустнымъ вопросомъ о томъ, куда скрылись славные герои и рыцари прежнихъ дней, и припѣвомъ „*Mais où est le preut Charlemaigne*“, имѣетъ свою параллель въ упомянутомъ нами выше сочиненіи *Regnier de Guerchy*, который, подобно Виллону, спрашиваетъ:

Où est Artus, où est Hector de Troye,
 Où sont les Preux qui crièrent Monjoye?
 Où Charlemaine et sa grant seigneurie?
 Où est Paris qui en amours eut joye,
 Où est Héleène la belle simple et quoye?
 Alexandre et sa chevalerie,
 Vespasien qui conquesta Pavie?

.....

Où sont ils tous? Leur puissance est faillie ¹⁾.

¹⁾ *Сатрапъ*, стр. 153.

Средневѣковые фавльо, по своему сюжету и внѣшней формѣ, имѣли мало общаго съ сочиненіями Виллона; нельзя, однако, не установить между ними извѣстнаго родства, извѣстной генеалогической связи. Въ фавльо сказался народный юморъ, здравый смыслъ, критическое отношеніе къ различнымъ общественнымъ явленіямъ, отрицательный взглядъ на пороки и слабости духовенства и рыцарства, стремленіе ко всему ясному, простому, близкому къ природѣ, въ противовѣсъ напыщенности и утонченности рыцарской лирики и педантизму далекой отъ жизни схоластики. Это направленіе роднитъ старыя фавльо съ творчествомъ Виллона; несомнѣнно, что имъ почти всецѣло принадлежитъ заслуга введенія во французскую литературу того народнаго, безыскусственнаго, нѣсколько скептическаго элемента, связаннаго съ наклонностью къ сатирѣ, который занимаетъ такое видное мѣсто у поэта XV столѣтія. Гастонъ Пари опредѣлялъ это значеніе фавльо, сказавъ, что, благодаря имъ, „наблюденіе надъ дѣйствительною жизнью и картинное воспроизведеніе современнаго общества, разъ войдя въ литературныя нравы, никогда уже не покидали ихъ“¹⁾. Только что упомянутый ученый отмѣчаетъ слѣды вліянія фавльо на итальянскія новеллы и на французскіе фарсы XV столѣтія²⁾; можно, думается намъ, нѣсколько увеличить этотъ перечень и до извѣстной степени включить въ составъ литературнаго потомства фавльо и нѣкоторыя изъ „завѣщаній“, особенно, типа „testament burlesque“; вспомнимъ кстати, что извѣстное „Testament de l'âne“ Рютбефа прямо принадлежитъ къ разряду фавльо. Мысль, что Виллонъ является продолжателемъ авторовъ фавльо, была высказана еще Кампо. Другая черта, сближающая между собой фавльо и „завѣщанія“ Виллона, это—сильный, простой и выразительный языкъ. Пьеръ Жаннэ въ предисловіи къ своему изданію сочиненій Виллона слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ его стиль: „La langue de Villon est encore la vieille et bonne langue française, riche et simple, claire, naturelle, à l'allure vive et franche. C'est encore *la langue des fabliaux*, assouplie, mais presque entièrement préservée de l'invasion des mots pedantesques, forgés dans la seconde moitié du XV-e siècle“³⁾.

¹⁾ Gaston Paris, Les contes orientaux dans la littérature française du moyen âge, стр. 21.

²⁾ Прибавимъ, что и Кентерберійскіе разказы Чосера не разъ обнаруживаютъ свое родство съ французскими фавльо.

³⁾ Oeuvres complètes de François Villon, édition préparée par la Monnoye, mise au jour avec notes et glossaire par M. Pierre Jannet, стр. XXIII.

Нѣсколько больше вліянія имѣло на Виллона то замѣчательное произведеніе, которое такъ долго владѣло умами, находило подражателей и вызывало разнообразныя споры и толки въ обществѣ и литературѣ своими смѣлыми взглядами на различныя явленія окружающей жизни. Мы имѣемъ въ виду знаменитый „Романъ о Розѣ“, эту оригинальную поэму, которая во второй ея части является какъ бы энциклопедіею въ стихахъ, сводомъ научныхъ познаній, общественныхъ и политическихъ идей, взглядовъ на собственность, семью, взаимныя отношенія сословій, на значеніе власти, — и вмѣстѣ съ тѣмъ образцомъ искусственного, но не лишеннаго извѣстныхъ красотъ поэтического творчества. Послѣдній элементъ, именно поэтический, нашель себя больше мѣста въ творествѣ автора первыхъ 4.669 стиховъ „романа“.—Guillaume de Lorris'a, между тѣмъ какъ его продолжателя, Жана де Мэна, очевидно, привлекало, главнымъ образомъ, изложеніе различныхъ идей и теорій, вмѣстѣ съ характеристиккою отдѣльныхъ общественныхъ слоевъ, а не сама исторія препятствій и опасностей, вынесенныхъ героемъ поэмы, такъ называемымъ „Amant“ въ поискахъ за таинственною розою. Мы не станемъ останавливаться на томъ громадномъ успѣхѣ, который имѣлъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ этотъ знаменитый романъ ¹⁾, даже въ XVI столѣтіи настолько популярный, что Клеманъ Маро нашель возможнымъ, нѣсколько подновивъ его слогъ, переиздать его въ 1527 году, между тѣмъ какъ Этьеннъ Паскье, авторъ „Recherches de la France“, не признававшій, какъ мы вскорѣ увидимъ, значенія Виллона, отозвался съ глубокимъ уваженіемъ о Жанѣ де Мэнѣ, противопоставляя его Данту и всѣмъ остальнымъ итальянскимъ поэтамъ въ ихъ совокупности ²⁾. Для насъ всего болѣе интересенъ вопросъ объ отношеніи Виллона къ „Роману о Розѣ“. Мы могли бы сказать а priori, что авторъ „Завѣщаній“ долженъ былъ имѣть понятіе о столь популярномъ произведеніи, но на это есть и опредѣленныя показанія. Первый же стихъ „G. T.“, самъ по себѣ ничѣмъ не замѣчательный, любопытенъ въ томъ отношеніи, что онъ представляетъ собою подражаніе первому стиху „Романа“. Далѣе, самъ поэтъ упоминаетъ однажды о первой части романа, то-есть, о сочиненіи Guillaume de Lorris'a. Вспоминая свою

¹⁾ Любопытно, что отголоски „Романа о розѣ“ встрѣчаются даже въ народныхъ пѣсняхъ; такъ имя Malebonche мы находимъ въ двухъ пѣсняхъ XV столѣтія. *Gaston Paris, Chansons du XV siècle*, стр. 31 и 87.

²⁾ *Aubertin, Histoire de la langue et de la litterature françaises au moyen âge. Tome second*, стр. 42.

жизнь, свои грѣхи и тѣ преслѣдованія, которыя ему пришлось испытать со стороны людей, онъ замѣчаетъ:

Et, comme le noble Rommant
De la Rose dit et confesse
En son premier commencement,
Qu' on doit jeune cuer en jeunesse,
Quand on le voit viel en viellesse,
Excuser, hélas! il dit voir! ¹⁾.

Это упоминаніе, хотя и довольно бѣглое, любопытно для насъ въ томъ отношеніи, что оно не только подтверждаетъ фактически наше предположеніе о знакомствѣ Виллона съ „Романомъ о Розѣ“, но и указываетъ на то уваженіе, съ которымъ относился къ этому произведенію нашъ поэтъ, называвшій его, какъ мы сейчасъ видѣли, „благороднымъ“ романомъ. Хотя въ данной цитатѣ говорится о первой части романа, мы можемъ предположить, зная характеръ творчества Виллона, что еще ближе къ нему по духу была вторая часть, съ ея реалистическимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обличительно-сатирическимъ оттѣнкомъ. Мы имѣемъ указаніе на то, что Виллонъ зналъ и эту вторую часть; въ томъ мѣстѣ „Grand Testament“, гдѣ говорится о различныхъ писателяхъ, чедшихъ борьбу съ католическимъ духовенствомъ, въ числѣ этихъ писателей упоминается, между прочимъ, и имя Жана де Мэна:

Maistre Jehan de Mehun s'en moque ²⁾.

Опираясь на эти два свидѣтельства самого Виллона, мы тѣмъ смѣлѣе можемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ отмѣчать вліяніе „Романа о Розѣ“ на его „Завѣщанія“. Существуетъ, правда, совершенно противоположное нашему мнѣнію, утверждающее, будто Виллонъ, хотя и цитировалъ „Романъ“, но не подражалъ ему; такъ смотритъ, напримѣръ, Низаръ, а также Обертэнъ ³⁾.

Дѣйствительно, поэтъ XV столѣтія почти не ввелъ въ свое произведеніе тѣхъ аллегорическихъ образовъ, которыми переполнена поэма Гильома де Лорриса и его продолжателя; его менѣе привлекали такія олицетворенія, какъ Bel Accueil, Courtoisie, Malebouche, Danger, dame Ouzense и т. д., чѣмъ реальныя, выхваченныя изъ повседневной жизни лица; но идейная связь въ данномъ случаѣ порою

¹⁾ G. T., строфа XV.

²⁾ G. T., строфа CVIII.

³⁾ *Aubertin*, I. c., стр. 133.

слишкомъ очевидна. Когда мы читаемъ грустныя размышленія Виллона о непрочности всего земнаго, о старости, которая слишкомъ рано наступаетъ, о неумолимой смерти, которой всѣ подвластны, намъ вспоминается то мѣсто изъ сочиненія Guillaume de Lorris'a, гдѣ описывается статуя, изображающая старость, которую „Amant“ видитъ на высокой стѣнѣ цвѣтущаго сада, пригрезившагося ему во время его знаменательнаго сна. Совершенно виллоновскіе мотивы слышатся въ вырывающейся при этомъ у автора патетической тирадѣ, рисующей непобѣдимую власть времени, которое постоянно движется впередъ и приближаетъ всѣхъ людей къ старости и могилѣ, подобно тому, какъ оно наложило свою печать на эту женскую фигуру, олицетворяющую собою старость. Приведемъ одинъ отрывокъ, который даетъ понятіе объ общемъ характерѣ этого мѣста:

Li tens qui ne puet sejourner,
Ains vait tos jors sans retourner
Com l'éave qui s'avale tote
N'il n'en retorne arrière gote:
Li tens vers qui noient ne dure
Ne fers, ne chose, tant soit dure,
Car il gaste tot et manje;
Li tens qui tote chose mue,
Qui tot fait croistre et tot norrist,
Et qui tot use et tot porrist;
Li tens qui enviellist nos pères
Et viellist rois et emperères,
Et qui tos nos enviellira,
Ou mort nos desavancera.
Li tens, qui tote a la baillie
Des gens viellir l'avait viellie...

Мысль о томъ, что всѣ люди, къ какому бы они сословію ни принадлежали, подвержены однимъ и тѣмъ же міровымъ законамъ и въ частности не могутъ избѣжать смерти,—эта мысль, столь часто повторяющаяся у Виллона, находитъ себѣ выраженіе и во второй части романа. Вспомнимъ, на примѣръ, слѣдующія слова Природы:

Ne li prince ne sont pas digne
Que le cors du ciel doignent signe
De lor mort plus que d'un autre home;
Car lor cors ne vaut une pome
Oultre le cors d'un charruier,
Ou d'un cleric ou d'un escuier,
Car jes fais tous semblables estre,
Si com il apert a lor nestre.

Мы не станемъ, конечно, утверждать, что этотъ меланхолическій мотивъ былъ всецѣло заимствованъ Виллономъ изъ „Романа о Розѣ“, и что онъ, вообще, былъ по преимуществу слѣдствіемъ подражанія; мы уже видѣли, что меланхолія и склонность задумываться надъ судьбами человѣка составляли неотъемлемую особенность міросозерцанія Виллона. Но, съ другой стороны, развитіе въ его поэзіи этого мотива можетъ, до известной степени, объясняться воздѣйствіемъ нѣкоторыхъ проникнутыхъ тѣмъ же духомъ средне-вѣковыхъ сочиненій, а также и отдѣльныхъ сентенцій „Романа“. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ. У Жана де Мэна выведенъ, напримѣръ, типъ старухи, когда-то очень красивой и ведшей веселую, легкомысленную жизнь, а теперь удрученной старостью, но все же не забывшей еще своихъ прежнихъ вкусовъ и интересовъ и исполняющей роль посредницы въ любовныхъ дѣлахъ. Несомнѣнно, что въ общемъ, эта старуха является прототипомъ для „*belle heaultmière*“ Виллона, особенно, какою она обрисовывается въ его „*Ballade de la belle heaultmière aux filles de joie*“¹⁾. О томъ, что насмѣшки Жана де Мэна надъ монахами и ихъ образомъ жизни привлекли вниманіе Виллона, мы уже говорили; поэтъ XV столѣтія, въ сущности, является и въ этомъ случаѣ ученикомъ своего предшественника, хотя, изъ осторожности, и не рѣшается такъ смѣло высказывать свое мнѣніе, какъ онъ. Совершенно также и во взглядахъ на взаимныя отношенія сословій, на правителей и ихъ власть, на распредѣленіе богатствъ Жанъ де Мэнъ показываетъ себя гораздо болѣе радикальнымъ, чуть ли не предтечею просвѣтительной философіи XVIII вѣка, чѣмъ Виллонъ, хотя и у послѣдняго мы встрѣчаемъ нерѣдко проявленіе критическаго отношенія ко многимъ сторонамъ общественнаго строя. Въ чемъ „Романъ о Розѣ“ и многія мѣста „Завѣщаній“ особенно сходятся между собою, такъ это во взглядѣ на женщину, въ томъ пессимистически-недовѣрчивомъ взглядѣ, который возбудилъ столько неудовольствія противъ Жана де Мэна въ женскомъ обществѣ того времени и вызвалъ известный отвѣтъ поэтессы Христіны Пизанской, вступившейся въ своемъ „Посланіи къ богу любви“ за честь всего женскаго пола. Вспомнимъ нѣкоторыя мѣста изъ обоихъ „Завѣщаній“ Виллона, въ которыхъ онъ высказываетъ полное разочарованіе въ женской любви, жалуется на безсердечность и непостоянство своей

¹⁾ *Lanson*, Histoire de la littérature française, стр. 134; *Crépet*, l. c., стр. 296.

возлюбленной, предостерегаетъ другихъ отъ чрезмѣрнаго увлеченія женщиною, указывая для подтвержденія своей мысли на цѣлый рядъ примѣровъ изъ священной исторіи и классической древности; вспомнимъ, какъ онъ заканчиваетъ каждый куплетъ своей извѣстной баллады припѣвомъ: „*Bien est eueux qui tiens p'u a*“, и сопоставимъ все это съ рѣзкими выходками „Романа о Розѣ“ противъ женщинъ. Нельзя тотчасъ же не замѣтить нѣкотораго идейнаго сходства, хотя, разумѣется, кромѣ „Романа“, здѣсь могли бы быть нами упомянуты и нѣкоторыя другія средне-вѣковыя произведенія, напримѣръ, многія фавлы, въ которыхъ также высказывается отрицательный взглядъ на женщину. Какъ Виллонъ приводитъ различные историческіе примѣры, такъ и Жанъ де Мэнъ устами „*Dame Raison*“ цитируетъ Теофраста, Ювенала, Вергилія, ссылается на слова аргивскаго царя Фороней и т. д. Вспомнимъ и такія встрѣчающіяся въ „Романѣ“ выходки противъ женщинъ, какъ, напримѣръ, слѣдующая:

*Beau seignor, gardés vous des fames,
Se vos cors amés et vos ames;
Au mains que ja si mal n'ovrés
Que vos secrez lor descovrés
Que dedens vos cuers estuiés.*

Характеризуя, въ общихъ чертахъ предшественниковъ Виллона, мы остановимся еще на двухъ лицахъ, вліяніе которыхъ на нашего поэта несомнѣнно: на *Eustache Deschamps* и *Alain Chartier*. Оба они теперь почти позабыты, и ихъ стихотворенія мало кѣмъ читаются, хотя сочиненія перваго были даже переизданы въ текущемъ столѣтіи¹⁾. (Произведенія Шартье въ послѣдній разъ изданы были въ 1617 году). Дешанъ, авторъ „*Miroir de mariage*“ и многочисленныхъ балладъ, *gondeaux*, *virélais* и т. д., былъ довольно популяренъ при дворѣ Карла V, а потомъ и Карла VI и прожилъ, вѣроятно, до 1407-го или 1410 года, захвативъ, такимъ образомъ, нѣсколько лѣтъ новаго вѣка. По натурѣ это былъ человѣкъ совершенно другаго типа, чѣмъ Виллонъ, и принадлежалъ къ другому общественному слою, именно къ буржуазіи. Однако, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ этотъ не

¹⁾ Изданія сочиненій Дешана появились въ 1832 г., въ 1849 г. и наконецъ въ наши дни, подъ редакцію маркиза *Queux de St. Hilaire*, въ восьми томахъ, и подъ редакцію *Гастона Рэно* въ 1895 г. (*Oeuvres d' Eustache Deschamps, publiées d'après le manuscrit de la Bibliothèque Nationale par Gaston Baynaud. Edition Société des anciens textes Français*), 56.

особенно талантливый. но благонамѣренный и искусный въ дѣлѣ стихотворства, а подчасъ даже остроумный писатель-резонеръ имѣлъ свою долю вліянія на Виллона. Прежде всего, та форма баллады, которую такъ охотно пользовался нашъ поэтъ, съ ея дѣленіемъ на строфы. по большей части по восьми стиховъ въ каждой, съ одинаковымъ припѣвомъ въ концѣ всякой строфы, съ болѣе или менѣе обязательнымъ „envoi“ въ видѣ заключенія, эта форма, встрѣчающаяся и у другихъ поэтовъ той эпохи, напримѣръ, у Христины Пизанской, у Карла Орлеанскаго и т. д., доведена была Дешаномъ до весьма высокой степеня художественной обработки. Проникновеніе народнаго, близкаго къ жизни элемента въ поэзію также, до извѣстной степени, уже замѣчается у него, наряду съ образцами искусственнаго стихотворства; достаточно вспомнить, напримѣръ, реалистическія описанія безправія и нищеты народа въ такихъ его произведеніяхъ, какъ „Chanson royale“, гдѣ, подъ видомъ животныхъ выведены представители низшихъ классовъ средне-вѣковаго общества, и каждый куплетъ кончается словами: „Pour ce, vous pri, gardez vous des barbiers“, или въ одной изъ его балладъ, проникнутой тѣмъ же направленіемъ и изображающей поборы съ бѣднаго населенія, съ характернымъ refrain въ концѣ каждой строфы „Ça de l'argent, ça de l'argent“. Любовь къ Парижу и особый парижскій патриотизмъ также составляютъ общую черту у Виллона съ Дешаномъ; если первый въ своей „Ballade des femmes de Paris“ восклицаетъ въ концѣ каждой строфы „Il n'est bon bec que de Paris“, Дешанъ въ одной балладѣ кончаетъ всѣ строфы припѣвомъ: „Rien ne se peut comparer à Paris“. Какъ указалъ Лансонъ, Дешанъ затрогиваетъ въ одномъ стихотвореніи и тотъ мотивъ, который Виллонъ съ такимъ чувствомъ выразилъ въ знаменитомъ припѣвѣ „Mais où sont le neiges d'antan“, но дѣлаетъ онъ это безъ того таланта и воодушевленія, которымъ проникнута баллада его преемника. заканчивая, напримѣръ, строфы нравоучительною сентенціею:

Ils sont tous morts: „Ce monde est chose vaine“. —

„Voilà la différence d'un poète à un raisonneur“, справедливо замѣчаетъ по этому поводу Лансонъ ¹⁾). Биванкъ указалъ еще на сходство между двумя послѣдними стихами строфы ХСVIII „G. T.“ и двумя гондеахъ Дешана; но мы не станемъ останавли-

¹⁾ Lanson, l. c., стр. 152.

ваться на этомъ вопросѣ, въ виду незначительности этихъ стиховъ. Гораздо важнѣе сдѣланное тѣмъ же Биванкомъ и уже отмѣченное нами вскользь при характеристикѣ средневѣковыхъ „завѣщаній“ указаніе на несомнѣнное сходство между „Grand Testament“ и сочиненіемъ Дешана „Lettres, envoyées par Eustache Deschamps lui estant malade et la manière de son testament par esbatement“. По тону эти „Письма“ иногда очень напоминаютъ Виллоновскую манеру,—вѣрнѣе, одну только сторону этой манеры, именно юмористическую. Биванкъ приводитъ нѣкоторыя выдержки изъ произведенія Дешана, каковы, на примѣръ, слѣдующія:

(Je laisse) à mon curé
 Ma pucelle quant je mourré.

 Je laisse aux ordres mendiens
 Mon grant esclin où il n'a riens
 Excepté le bois et le fer,
 Car ilz gectent les gens d'enfer
 Et font aler en purgatoire
 Des leur vivant qui les vent croire.
 Item je laisse à l'ordre grise
 Ma viez braie et ma viez chemise.
 Et s'ay laissié pareillement
 Au Roy le Louvre et le palays... ¹⁾ и т. д.

Несомнѣнно, что и здѣсь, и въ нѣкоторыхъ другихъ произведеніяхъ Дешана можно уже отмѣтить что-то, предвѣщающее слогъ и манеру автора „Завѣщаній“. Сентъ-Бѣвъ, относящійся вообще далеко не слишкомъ сочувственно къ Дешану, замѣчаетъ по поводу его произведеній: „Quand on l'a beaucoup lu ou feuilleté, il faut convenir qu'il fait désirer Villon“ ²⁾.

Alain Chartier. (род. въ 1394 г., умеръ послѣ 1439 г.) пользовался въ свое время еще большею популярностью, чѣмъ Дешанъ. Слава искуснаго оратора, изящнаго поэта и даже ученаго долго держалась за секретаремъ Карла VI и Карла VII, который своими произведеніями, въ особенности, такими, какъ „La belle dame sans merci“, „L'hospital d'amours“, „Le parlement d'amours“, „Le livre des quatre dames“ и т. п., очевидно, сумѣлъ уловить одну сторону литературныхъ вкусовъ того времени. Цѣлый рядъ свидѣтельствъ, какъ современниковъ, такъ и людей слѣдующихъ поколѣній, показываютъ

¹⁾ *Vijvanck*, I. с., стр. 117—118.

²⁾ Предисловіе Сентъ-Бѣва къ хрестоматіи Crépet, стр. XXIII.

намъ, какою преувеличенною славою окружено было имя этого человека, котораго называли однимъ изъ лучшихъ французскихъ поэтовъ, ставили рядомъ съ Жаномъ де Мэномъ, считая его произведенія образцами, достойными подражанія. Въ XVI вѣкѣ Этьеннъ Паскье отзывался о Шартье съ большими похвалами; Маро вспоминаетъ о немъ, перечисляя писателей, съ сочиненіями которыхъ онъ былъ знакомъ:

J'ai lu Alain, le très noble orateur ¹⁾,

и въ другомъ случаѣ, въ одной изъ эпиграммъ, написанныхъ въ подражаніе Марціалу, гдѣ упоминается и имя Виллона:

En maistre Alain Normandie prend gloire ²⁾.

Впослѣдствіи слава Шартье сильно померкла, его сочиненія болѣе не издавались, а въ наше время они представляютъ интересъ исключительно историческій. Но въ ту пору, когда Виллонъ писалъ свои „Завѣщанія“, авторъ „*Livre des quatre dames*“ считался литературнымъ свѣтиломъ и авторитетомъ ³⁾. Понятно, что молодой писатель могъ легко поддаться влиянію старшаго собрата. Во многихъ отношеніяхъ Виллона можно прямо назвать ученикомъ Шартье. Однимъ изъ наиболѣе вѣскихъ доказательствъ того, что между творчествомъ обоихъ писателей было много общаго, и что это было замѣчено еще современниками, служить, во первыхъ, тотъ фактъ, что одна изъ балладъ Виллона, начинающаяся словами „*Hommes failliz, despourveuz de raison*“ ⁴⁾, долгое время приписывалась Шартье, вошла въ рукописные сборники его стихотвореній, появилась въ первыхъ печатныхъ изданіяхъ и въ извѣстной стихотворной хрестоматіи „*Le Jardin de Plaisance*“, и только Биванкомъ была отнесена къ произведеніямъ Виллона, къ которымъ она, вѣроятно, и принадлежала, такъ какъ въ послѣдней строфѣ ея, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ балладахъ нашего поэта, первая шесть строкъ образуютъ акростихъ *Villon*, что не было до Биванка никѣмъ замѣчено:

Vivons en paix, exterminons discord,
Jeunes et vieulx, soyons tous d'ung accord.

¹⁾ *Clément Marot*, *Elégies*, livre I, 14. Изданіе 1824 г., т. II, стр. 262.

²⁾ *Clément Marot*, *Epigrammes*, livre V, 4, стр. 480.

³⁾ Въ 1471 г. Carlo del Nero перевелъ даже на итальянскій языкъ „*La belle Dame sans merci*“ и „*Le Débat Revéille—matin*“; „*Romania*“, 1892 г. № 83, ст. A. Piaget.

⁴⁾ *Bijvanck*, стр. 221—222; перепечатана въ изданіи Лонньона, стр. 140—141.

La loy le veut, l'apostre le ramaine
 Licitement en l'epistre rommaine;
 Ordre nous fault ou aucun port,
 Nottons ces pointz, ne laissons le vray port
 Pour offencer et prendre autruy demaine.

Но, если, съ одной стороны, произведение Виллона могло быть приписано его предшественнику, то, въ свою очередь, одна изъ балладъ этого послѣдняго, начинающаяся словами: „J'eu ung arbre de la plante d'amours“, была включена въ 1723 г. въ изданіе сочиненій Виллона ¹⁾. Мы находимъ въ „Grand Testament“ прямое указаніе на знакомство автора съ произведеніями Шартье; онъ говоритъ однажды:

Item, donne aux amants enfernes,
 Sans le lay maistre Alain Chartier,
 A leurs chevez, de pleurs et lermes
 Trestout fin plain ung benoistier.

По вопросу о томъ, что нужно разумѣть подъ „lay maistre Alain Chartier“, высказаны были различныя мнѣнія: думали, что здѣсь имѣется въ виду „L'hospital d'amours“, или „Le lay de Plaisance“. Arthur Piaget, на нашъ взглядъ, едва ли не ближе всѣхъ подошелъ къ истинѣ, предположивъ, что здѣсь рѣчь идетъ объ упомянутой выше поэмѣ „La belle dame sans merci“, которая въ нѣкоторыхъ рукописяхъ называется „Le lay de la belle dame sans mercu“ ²⁾. Виллонъ не хочетъ дать эту книгу въ руки „aux amants enfernes“, зная, что чтеніе заключенныхъ въ ней, между прочимъ, горькихъ сѣтованій автора по случаю смерти его возлюбленной можетъ только растравить ихъ собственные сердечныя раны. Въ пользу взгляда Piaget говорить и то обстоятельство, что выраженіе „amants enfernes“ находитъ себѣ точное соотвѣтствіе въ слѣдующемъ отрывкѣ именно изъ этого произведенія Шартье:

Je laisse aux amoureux malades
 Qui ont espoir d'allegement
 Faire chansons, ditz et balades
 Chascun en son entendement.

Не далѣе какъ въ томъ же „Lay de la belle dame sans merci“ мы можемъ найти образцы слога, весьма напоминающаго стиль Вил-

¹⁾ Bijvanck, стр. 209.

²⁾ Arthur Piaget, „Remarques sur Villon“, „Romania“, 1892, № 83, стр. 429—430.

лона, но не сатирическую или шутовую его манеру, какъ мы это отиѣтили относительно Дешана, а болѣе грустный и задумчивый отѣнокъ его поэзіи. Внѣшняя форма этого произведенія, раздѣленнаго на строфы, по восьми строкъ въ каждой, съ риемовкой схемы ab ab bc bc, еще болѣе сближаетъ его, если и не по сюжету, съ „Завѣщаніями“ Виллона. И въ другихъ произведеніяхъ Шартье мы находимъ подчасъ точки соприкосновенія съ творчествомъ его послѣдователя. Цѣлый рядъ образовъ и фигуръ былъ перенятъ у него Виллономъ; это касается особенно различныхъ поэтическихъ сравненій, метафоръ, даже аллегорій, которыя отличаются иногда нѣсколько вычурнымъ, искусственнымъ характеромъ, такъ что мы не ожидали бы встрѣтить ихъ у такого демократа-писателя, какъ Виллонъ. Стоитъ перелистать специальную, кропотливую, но очень содержательную работу М. Нанпарел'я „Poetik Alain Chartier's“, гдѣ сгруппированы всѣ важнѣйшія явленія и особенности слога этого писателя, чтобы увидать, что именно у него могли быть заимствованы Виллономъ многія выраженія, на примѣръ, относящіяся къ области любви, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ нужно имѣть въ виду, что эти выраженія были вообще весьма популярны въ то время, находя себѣ мѣсто, между прочимъ, въ такъ называемыхъ „testaments d'amours“, о которыхъ рѣчь была выше. Приведемъ два—три примѣра. Виллонъ заканчиваетъ шестую строфу „Р. Т.“ словами:

Au fort, je suis *amant martir*,
Du nombre des amoureux sains!

Подобно этому, въ другомъ мѣстѣ ¹⁾: „Car en amours mouguts *martir*“. У Шартье мы находимъ такія фразы, какъ „Amours... pour guerredon me martyre“; „L'amant n'avait autre martyre Que les maulx“... Слова Виллона ²⁾:

Me vint ung vouloir de briser
La tres amoureuse prison
Qui soulait mon cuer debriser,

напоминаютъ намъ, на примѣръ, слѣдующее мѣсто изъ „Le livre des quatre dames“:

Car amours par son droit usage
Est la *prison* de franc courage.

У Шартье мы встрѣчаемъ часто упоминанія о чудномъ, магически

¹⁾ G. T., стихъ 2001 („Ballade pour servir de conclusion“).

²⁾ P. T., строфа 11.

дѣйствующемъ взглядѣ его возлюбленной, который овладѣваетъ его сердцемъ или пронзаетъ это сердце, точно стрѣла, пущенная изъ лука; попадаютъ, напримѣръ, такіа выраженія:

Car si tost que vous avez trait
Regard en cueur de vray amant,

или:

.... Du traict d'ungs tres-doux rians yeux ¹⁾.

Виллонъ, въ свою очередь, такъ выражается, говоря о предметѣ своей любви:

Ces doux regards et beaux semblans
De tres decevante saveur
Me trespersant jusques aufflans...

и далѣе:

Le regards de celle *m'a prins*,
Qui m'a été felonnie et dure ²⁾.

Разнообразныя олицетворенія, такъ часто встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ Шартье, не находятъ себѣ, правда, такого почетнаго мѣста въ „Завѣщаніяхъ“ Виллона, но они все же появляются иногда у него, напримѣръ, слѣдующія олицетворенія, употребляемыя всегда безъ члена: *Manpensé*, *Charité*, *Nature*, *dame Mémoire*, *Amours*, *Fortune*, *Plaïbance*, *Mort* и нѣкоторыя другія. Одна изъ характерныхъ особенностей слога Шартье состоитъ въ томъ, что онъ любитъ приводить къ случаю различныя пословицы, поговорки, изреченія или свои собственныя сентенціи общаго содержанія, напримѣръ... „*en amours: Courte joye, langue doulours*“, „*Car mort n'a remède n'essoignes. En nulz endroiz*“, „*Fol est qui pour néant se paine*“. „*L'on doit juger selon les faictz*“, „*Largrecin ne se peut celer*“ и т. д. У *Hannapel'*я подобныхъ изреченій приведено нѣсколько десятковъ ³⁾. Но и въ сочиненіяхъ Виллона мы также нерѣдко встрѣчаемъ различныя нравственныя сентенціи или просто поговорки, сопровождаемыя иногда поясненіемъ „*On dit communément*“... Нѣкоторыя изъ нихъ по духу, а иногда и по содержанію, прямо подходятъ къ подобнымъ изреченіямъ Шартье, напримѣръ: „*Pour ung plaisir mille doulours*“, „*A la mort tout s'as-*

¹⁾ Всѣ эти цитаты изъ Шартье заимствуемъ изъ вышеупомянутаго изслѣдованія *Hannapel'*я, въ которомъ, однако, нѣтъ параллелей съ особенностями стиля Виллона.

²⁾ Р. Т., строфы IV, V.

³⁾ *Hannapel'*, I. с., стр. 299—300. Сличеніе съ Виллономъ до сихъ поръ еще нигдѣмъ сдѣлано не было.

souvit“, „Bien est eureux qui riens n'y a“, „Selon le clerc est deu le maistre“, „Jamais mal acquist ne prouffite“ и т. д.

Прибавимъ нѣсколько фактовъ къ нашему обзору вліянія Шартье на Виллона. Еще Кампо указалъ на нѣкоторое сходство между гопдеау Виллона, слѣдующимъ за строфою LXXXIV „G. T.“, съ патетическимъ обращеніемъ къ смерти и слѣдующимъ мѣстомъ изъ „Livre des quatre dames“, именно изъ сѣтованій первой дамы, у которой былъ убитъ ея возлюбленный на войнѣ:

Mort, dure mort, Dieu te mauldie,
Et comment es tu si hardie,
Que nos deux cuers à l'estourdie
As desparty ¹⁾?

Гораздо важнѣе сдѣланное Биванкомъ указаніе на то идейное сходство, которое, несомнѣнно, существуетъ между „Grand Testament“ и прозаическимъ трактатомъ Шартье „L'exil“ или „L'espérance“, грустные, пессимистическія размышленія котораго отразились на многихъ мѣстахъ поэмы Виллона. Даже нѣкоторыя отдѣльныя выраженія были заимствованы послѣднимъ изъ этого трактата. Но любопытенъ тотъ фактъ, что, какъ это замѣтилъ тотъ же Биванкъ ²⁾, Виллонъ, дѣлая заимствованія изъ произведеній своего учителя, сумѣлъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, до такой степени сохранить вполнѣ независимый взглядъ на нихъ, что даже отважился въ концѣ „Petit Testament“ посмѣяться надъ манерою Шартье, не называя его, правда, по имени, но очень искусно пародируя его нѣсколько приподнятый тонъ и пристрастіе къ мудренымъ словамъ, вставляя даже его подлинныя выраженія, выхваченныя изъ того же самаго трактата „Объ изгнаніи“, которому пять лѣтъ спустя онъ самъ долженъ былъ подражать. Только писатель съ такою своеобразною натурою, какъ Виллонъ, былъ способенъ на подобный образъ дѣйствія. Невольно вспоминается здѣсь сходная подробность изъ биографіи другаго даровитаго индивидуалиста Гейне, который, по его собственнымъ словамъ, пробывъ нѣкоторое время въ романтической школѣ, кончилъ тѣмъ, что „избилъ своего школьнаго учителя“. Относительно Виллона характерно, главнымъ образомъ, то, что онъ, осмѣявъ „школьнаго учителя“, тѣмъ не менѣе такъ много позаимствовалъ у него и впоследствии, составляя свой „Grand Testament“.

¹⁾ *Сатраих*, I. с., стр. 192.

²⁾ *Bjvanck*, стр. 131—132.

Нашъ обзоръ предшественниковъ Виллона принялъ такіе обширные размѣры, что мы не станемъ включать въ него также весьма любопытныхъ, но менѣе важныхъ наблюдений надъ вліяніемъ нѣкоторыхъ другихъ писателей на Виллона. Можно было бы сказать нѣсколько словъ о знакомствѣ съ народными французскими пѣснями, которое иногда выказываетъ нашъ поэтъ, приводя начальныя слова той или другой пѣсенки, очевидно, пользовавшейся особою популярностью у его веселыхъ товарищей. Лонньонъ сдѣлалъ въ примѣчаніяхъ къ „G. T.“ любопытное указаніе на связь между балладою Виллона „Les regrets de la belle Heaulmière“ и такъ называемыми „blasons de la beauté féminine“, иногда стихотворными, иногда прозаическими описаніями женской красоты, весьма детальными въ изображеніи ея частностей¹⁾; эти „blasons“, особенно популярные въ XV вѣкѣ, и именно во второй его половинѣ, дѣйствительно, представляютъ извѣстное сходство съ тѣмъ описаніемъ своихъ прелестей, которое дѣлаетъ прежняя красавица и кокетка въ балладѣ Виллона. Въ нашемъ обзорѣ мы не остановились на извѣстномъ труверѣ и сатирикѣ Рютбефѣ. Мы сдѣлали это потому, что находимъ у двухъ поэтовъ сходство натуръ, но не талантовъ; какъ типичные индивидуалисты и писатели съ опредѣленною физиономіею (вспомнимъ такія произведенія стараго трувера, какъ „La rougetei Rutebeuf“. „La prière Rutebeuf“. „Li mariage Rutebeuf“). они подають другъ другу руку черезъ пространство двухъ вѣковъ; но содержаніе и характеръ ихъ поэзіи, во многихъ отношеніяхъ, совершенно различны, какъ различаются между собою и тѣ эпохи, во время которыхъ имъ пришлось дѣйствовать. Тѣмъ не менѣе мы включимъ и „Testament de l'âne“ Рютбефа въ число тѣхъ „завѣщаній“, съ которыми могъ быть знакомъ Виллонъ; прибавимъ здѣсь, что, наряду съ фабльо, произведенія поэта XIII вѣка могли, на нашъ взглядъ, оказать общее вліяніе на языкъ Виллона и на развитіе его реалистическихъ и сатирическихъ вкусовъ и наклонностей²⁾. Слѣдуетъ замѣтить, что весьма правдоподобное зна-

¹⁾ *Longnon*, издание сочиненій Виллона, Notes et variantes, стр. 195—199.

²⁾ Въ своей біографіи Мольера (Paris, Garnier, 1885) Louis Moland говоритъ между прочимъ: „Molière est de la lignée des esprits parisiens à laquelle appartiennent encore Rutebeuf, François Villon, Voltaire; esprits dans lesquels l'ironie et la passion se combinent et proportions à peu près égales, esprits fort éloignés du mysticisme, fort peu sensibles aussi aux beautés de la nature, dont l'homme est l'unique et profonde étude, et qui possèdent dans la langue, le style et la forme, à quelque époque qu'ils aient vécu, une netteté et une franchise caractéristiques“ (стр. 22).

комство Виллона съ сочиненіями Рютбефа можетъ быть фактически доказано только тѣмъ, что въ балладѣ къ Богоматери Виллонъ упоминаетъ о Теофилѣ, продавшемъ свою душу дьяволу:

Ou comme il feist an clerc Théophilus,
Lequel par vous fut quitte et absoluz,
Combien qu'il euet au deable fait promesse.

Извѣстно, что Рютбефъ обработалъ въ видѣ *moralité* преданіе о Теофилѣ. Но, съ другой стороны, нужно имѣть въ виду, что преданіе это, предвѣщающее легенду о докторѣ Фаустѣ, было очень популярно во всемъ средневѣковомъ мірѣ, что надъ его литературною обработкою трудились многія лица, начиная съ извѣстной саксонской монахини Гросвиты въ X вѣкѣ¹⁾, а во Франціи, въ томъ же XIII столѣтіи, когда писалъ Рютбефъ, разказъ о чудѣ съ клерикомъ Теофиломъ, былъ изложенъ въ сборникѣ Gautier de Coincy „*Miscelanea de Notre-Dame*“.

Мы видѣли, что различныя произведенія оказали свою долю вліянія на Виллона, и тѣмъ не менѣе талантъ его остается вполне самобытнымъ, чисто индивидуальнымъ. Онъ, правда, заимствуетъ иногда художественные образы, характерныя выраженія, особенности слога, даже нѣкоторыя идеи у своихъ предшественниковъ, средневѣковыхъ писателей; онъ не создалъ формы „завѣщанія“, онъ не былъ первымъ пионеромъ сатирическаго направленія во французской словесности, а только его возобновителемъ; онъ выразилъ въ своихъ пессимистическихъ изліяніяхъ ту мысль о смерти, которая въ то время носилась въ воздухѣ; но онъ, за рѣдкими исключеніями, заимствуетъ только то, что сходится съ его личными мыслями и ощущеніями, что не противорѣчитъ его міросозерцанію. Иногда, какъ мы видѣли выше, онъ умѣлъ даже придать художественную красоту тому, что у его предшественника было только общимъ мѣстомъ. Онъ былъ истиннымъ поэтомъ, между тѣмъ какъ его учителя были иногда только стихотворцами. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что элементъ подражательный, который мы, изучая творчество Виллона, не могли, разумѣется, не отмѣтить въ интересахъ полноты задуманной нами характеристики, не занимаетъ главнаго мѣста въ творествѣ нашего поэта, которое, какъ мы старались показать, такъ тѣсно связано съ

¹⁾ О Гросвитѣ и о *moralité* Рютбефа—см. *Nouvelle Encyclopédie Théologique*, publiée par l'abbé Migne. Tome quarante troisième *Dictionnaire des mystères*, Paris, 1854.

его собственной бурною жизнью. Любопытенъ тотъ фактъ, что многія сочиненія, служившія для Виллона образцами, впослѣдствіи были забыты или вышли изъ моды. Кто станетъ теперь читать и тѣмъ болѣе кто найдетъ удовольствіе, читая произведенія въ свое время превознесенныхъ до небесъ Alain Chartier или Eustache Deschamps? Старыя „завѣщанія“, изъ которыхъ Виллонъ все же кое-что позаимствовалъ, давно преданы забвенію; даже „Романъ о Розѣ“ врядъ ли особенно заинтересуетъ теперь кого либо изъ лицъ, не занимающихся специально исторіею литературы, и не только вслѣдствіе устарѣлости его языка, а сочиненія Виллона и теперь могутъ дѣйствовать на наше сердце, возбуждая въ немъ чувства жалости, ужаса и грусти или, наоборотъ, поражая своею причудливою, неистощимою веселостію.

Бросивъ взглядъ на судьбу произведеній Виллона въ послѣдующіе вѣка, мы увидимъ, что его слава долго держалась и не замерла и въ наши дни. Какъ только во Франціи вводится книгопечатаніе, сочиненія Виллона издаются въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Затѣмъ съ 1489 года по 1542-й выходитъ въ свѣтъ 26 изданій его сочиненій, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, въ еще менѣе продолжительный срокъ появляется 16 или 18 разнообразныхъ, подчасъ весьма остроумныхъ подражаній его „Завѣщаніямъ“. Форма „завѣщанія“, которой Виллонъ придалъ новый блескъ, долго не вымираетъ во французской литературѣ; вспомнимъ хотя бы „Testament en vers burlesques“ Скаррона или такія произведенія, какъ „Donation des biens, meubles et immeubles, de defunt Michel Morin“, появившееся въ 1728 году, и „Oraison funèbre et testament de Bricotteau“; послѣднее сочиненіе, изданное въ 1759 году, было направлено противъ Руссо и его диссертация о вредѣ наукъ и въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ прямо напоминаетъ сатирическіе и юмористическіе „lays“ Виллона ¹⁾. У Виллона на первыхъ же порахъ являются сторонники и послѣдователи, въ лицѣ авторовъ завѣщаній и сатирическихъ писателей, въ родѣ Guillaume Coquillart, Henri Baulde, Roger de Colleye, Martial d'Auvergne и другихъ. Въ XVI вѣкѣ Clément Marot, издавшій „завѣщанія“ и другія произведенія Виллона, считавшій его „le meilleur poète parisien qui se trouve“ и самъ признававшій, что онъ ему многимъ обязанъ, не разъ дѣлаетъ заимствованія у своего предшественника и открыто подражаетъ ему, напримѣръ, въ „Bal-

¹⁾ Ch. Nisard, „Histoire des livres populaires ou de la littérature du colportage“, tome premier, Paris, E. Dentu, 1864, стр. 341—357.

lade des pendus“ и „Requete à Msgr. de Bourbon“¹⁾. Ранѣе того, въ произведеніяхъ отца поэта, Jean Marot, также чувствуется извѣстное вліяніе творчества Виллона. Раблэ въ значительной степени принадлежитъ къ послѣдователямъ Виллона, не потому, что онъ сообщаетъ нѣкоторые, болѣе или менѣе, апокрифическіе разказы изъ жизни поэта и сталкиваетъ его съ Ксерксомъ, сдѣлавшимся продавцомъ горчицы, въ своемъ фантастическомъ описаніи Елисейскихъ полей²⁾, но потому, что тотъ сатирический духъ, которымъ проникнуты „Gargantua“ и „Pantagruel“, реализмъ этихъ произведеній, отношеніе ихъ къ представителямъ схоластики, средневѣковаго суда и духовенства, характерный и образный языкъ,—все это ставитъ ихъ въ связь съ произведеніями нашего поэта, бѣгло затронувшаго многие вопросы, болѣе детально развитые потомъ, подъ вліяніемъ гуманизма и его идеаловъ, у Раблэ, въ его обширныхъ сочиненіяхъ. Замѣтимъ, что Теофиль Готье находилъ, и не безъ основанія, нѣкоторыя черты сходства между Виллономъ, только безъ его грустныхъ и философскихъ размышленій, и однимъ изъ героев Раблэ—Панургомъ. Педантическая школа Ронсара, одинъ изъ членовъ которой, Этьеннъ Паскье, отозвался о Виллонѣ съ пренебреженіемъ, временно пошатнула популярность Виллона и отвлекла вкусы публики въ другую сторону, но если сочиненія его болѣе не переиздавались, традиціи его творчества продолжали жить въ умахъ многихъ изъ лучшихъ французскихъ писателей. Mathurin Régnier, несомнѣнно, зналъ его сочиненія, заимствовалъ у него отдѣльные образы и мотивы и былъ близокъ къ нему по духу, что нерѣдко замѣчается въ его сатирахъ. Буало, не особенно щедрый на похвалы, посвящаетъ Виллону два сочувственные стиха своего „Art poétique“, вызвавшіе множество толковъ, которые не прекратились даже въ XIX вѣкѣ. Лафонтенъ знакомится съ творчествомъ Виллона, увлекается имъ, знаетъ многія его стихотворенія наизусть, что отчасти отразилось и въ его произведеніяхъ и, по словамъ аббата Дюсерсо, научается у Виллона большому, чѣмъ у самого Маро. Patru, одинъ изъ законодателей слога въ эпоху Людовика XIV, сторонникъ Vaugelas'a и Бальзака, находить все же возможнымъ довольно сочувственно отозваться о Виллонѣ; весьма вѣроятно, что и Мольеръ, прилежно изучавшій, какъ мы теперь знаемъ, старую французскую литературу, былъ знакомъ съ сочиненіями Виллона; это тѣмъ болѣе правдоподобно, что, напри-

¹⁾ Мы пользовались изданіемъ 1824 г. (Paris, Rapilly), томы I и II.

²⁾ *Rabelais*, *Pantagruel*, кн. II, гл. XXX.

мѣръ, въ комедіи „Monsieur de Pourceaugnac“ чувствуются нѣкоторые отголоски „Reueues Franches“ ¹⁾). Въ слѣдующемъ столѣтіи, въ теченіе котораго появилось, какъ мы уже указали, нѣсколько критическихъ работъ, посвященныхъ Виллону, Вольтеръ, котораго мы не можемъ считать особымъ партизаномъ старо-французской литературы, тѣмъ не менѣе, въ извѣстной степени, отдаетъ должное таланту Виллона, подражая, напримѣръ, въ своемъ „Mondain“, произведшемъ столько шума, балладѣ „Les contredits de Franc Gontier“, въ заключительной строфѣ „Basville“ — началу „Grand Testament“ и т. д.; возможно, что и стихотвореніе Вольтера „Jean qui pleure et qui rit“ отчасти навѣяно воспоминаніемъ о поэтѣ XV вѣка, всю жизнь переходившемъ отъ слезъ къ смѣху. Любопытно, что въ своемъ посланіи къ Вольтеру, аббатъ Chaulieu обращается къ нему, между прочимъ, со словами: „Pour vous successeur de Villon“ ²⁾ и т. д. Мы видимъ, что и современники Вольтера чувствовали извѣстную преемственную связь между нимъ и его отдаленнымъ предшественникомъ.

Къ сожалѣнію, не существуетъ перевода или передѣлки сочиненій Виллона на современный французскій языкъ. что дало бы возможность ознакомиться съ ними всему народу, къ которому принадлежалъ поэтъ и для котораго языкъ XV столѣтія теперь не вполне понятенъ. Но въ теченіе нашего вѣка появились переводы изъ Виллона въ иностранныхъ литературахъ; Swinburne перевелъ нѣкоторыя изъ его балладъ на англійскій языкъ, Johne Payne напечаталъ стихотворный англійскій переводъ всѣхъ его сочиненій, а Dante-Gabriel Rossetti познакомилъ итальянскую публику съ Виллономъ, переводя на родной языкъ образцы его поэтическаго творчества ³⁾). Нашъ вѣкъ, въ общемъ, отнесся съ большимъ интересомъ и сочувствіемъ къ личности и творчеству несчастнаго поэта-неудачника, и уже это одно показываетъ силу и живучесть его таланта. Цѣлый рядъ научныхъ изслѣдованій, служившихъ продолженіемъ подобныхъ же работъ, только менѣе многочисленныхъ, которыя появились въ первой половинѣ XVIII вѣка, а также цѣлый рядъ критическихъ изданій текста сочиненій Виллона ⁴⁾, по новому освѣтили его творчество и въ значительной степени возсоздали его біографію. Поэзія XIX столѣтія испы-

¹⁾ *Dr. Wilke* „Ce que Molière doit aux anciens poètes français“, Lauban, 1880, стр. 74.

²⁾ *Sainte-Beuve*, l. c., стр. 16—17.

³⁾ *Bijcanck*, l. c., стр. 6.

⁴⁾ Таковы изданія Prompsault, Paul Lacrois, Jannet, Moland, Longnon.

тала извѣстное вліяніе со стороны отдѣленнаго отъ нея длиннымъ промежуткомъ времени, но опять вспомнутаго поэта. Въ пѣсняхъ много испытывающаго на своемъ вѣку Беранже, съ ихъ народною, демократическою окраскою, съ ихъ близостью къ реальной жизни и стремленіемъ къ сатирѣ и веселой насмѣшкѣ, иногда чередующейся, однако, съ уроками грустной житейской философіи, не разъ слышатся отголоски творчества Виллона, пѣвца богемы XV вѣка, равно какъ и его предшественниковъ, авторовъ старыхъ фавль, и одного изъ его преемниковъ, Раблэ, котораго Беранже вспомнулъ въ своемъ „Baptême de Voltaire“. Théophile Gautier, съ большимъ сочувствіемъ отозвавшійся въ „Les Grottesques“ о поэзіи Виллона, и особенно Théodore de Banville своими стихотворными произведеніями много содѣйствовали тому, что подражаніе старо-французскимъ поэтамъ, и въ частности Виллону, приобрѣло права гражданства во французской литературѣ. Снова вошла въ употребленіе столь любимая въ XIV—XV вѣкѣ форма баллады, съ тою же, какъ и прежде, схемою рифмовки, съ refrain въ концѣ каждой строфы, съ „envoi“ въ видѣ заключенія, съ употребленіемъ старо-французскихъ словъ, въ родѣ „rueux“, „antain“ и т. д. Романтическая школа отнеслась вообще съ большою симпатіею къ поэзіи Виллона, видя въ немъ какъ бы своего единомышленника и предшественника, врага всего условнаго, искусственнаго, черезчуръ правильнаго, противъ чего боролись и сами романтики. Сентъ-Бёвъ, въ пору своего увлеченія романтизмомъ, отозвался о Виллонѣ съ большимъ сочувствіемъ¹⁾. Отголоски знакомства съ жизнью и творчествомъ Виллона можно даже, до извѣстной степени, найти въ романѣ Виктора Гюго „Notre-Dame de Paris“ съ его изображеніемъ Парижа XV вѣка и разнообразныхъ слоевъ стараго французскаго общества, до его подонковъ, до членовъ тайныхъ мошенническихъ организацій съ ихъ условнымъ argotъ включительно, хотя при созданіи типа Гренгуара поэтъ едва ли вспоминалъ черты изъ жизни Виллона, какъ это допускалъ Безантъ²⁾. Соприкасающійся одною стороною своего таланта съ романтическимъ движеніемъ, Жанъ-Ришпэнъ также не разъ отдаетъ дань увлеченію поэзіей Виллона; это чувствуется порою въ его балладахъ, а особенно въ его извѣстной „Chanson des Gueux“, въ которой многія составныя части напоминаютъ по духу характеръ поэзіи Виллона, а нѣкоторыя напи-

¹⁾ *Sainte-Beuve* „Tableau historique et critique de la poésie française et du théâtre français au XVI siècle“, 1843, стр. 13—17.

²⁾ *Walter Besant*, l. c., стр. 143.

саны на жаргонѣ, такъ что пришлось приложить къ нимъ, какъ къ произведеніямъ поэта XV вѣка, особый „Glossaire argotique“; въ одномъ изъ отдѣловъ этой странной, но талантливо написанной книги, озаглавленной „Nos gloires“, мы находимъ особую „Ballade Villon“, заключающую въ себѣ весьма яркую характеристику жизни и творчества автора „Завѣщаній“¹⁾. Даже у Франсуа Коппе встрѣчаются двѣ-три баллады въ виллоновскомъ духѣ. Въ XIX вѣкѣ было написано двѣ оперы: „François Villon“ и „La farce de maître Villon“, сюжеты которыхъ взяты изъ жизни нашего поэта.

Резюмируя все изложенное въ этомъ заключительномъ отдѣлѣ нашего труда, мы скажемъ, что Виллонъ оставилъ по себѣ довольно видный слѣдъ во французской литературѣ. Много вытерпѣвъ при жизни, онъ удостоился послѣ смерти большей славы, чѣмъ его мещанатъ Карлъ Орлеанскій или старшій собратъ по литературѣ и наставникъ—Alain Chartier. Виллонъ никогда не мечталъ о широкой популярности; онъ самъ диктуетъ въ „Grand Testament“ свою эпитафію, но въ этой эпитафіи не говорится ничего о его литературной дѣятельности; онъ хотѣлъ бы, чтобы въ ней, прежде всего, было сказано:

Cy gist et dort en ce sollier
Qu' Amours occist de son raillon,
Ung povre petit escolier,
Qui fust nommé François Villon.

Въ случаѣ, если останется послѣ него эта эпитафія, тогда

Au moins sera de moi mémoire
Telle qu' elle est d' ung bon follastre²⁾.

Потомство взглянуло на дѣло иначе и сохранило память о Франсуа Виллонѣ, не какъ о „bon follastre“, но какъ о даровитомъ и оригинальномъ поэтѣ, произведенія котораго не отжили свой вѣкъ даже и теперь, такъ что къ нимъ вполне примѣнима краснорѣчивая надпись, встрѣчающаяся надъ портретомъ Клемана Маро въ старыхъ изданіяхъ его сочиненій: „La mort n'y mord“.

Юрій Весселовскій.

¹⁾ *Jean Richépin*, „La chanson des gueux“, edition définitive. Paris. Maurice Dreyfous, 1881, стр. 246—247.

²⁾ Grand Testament, строфы CLXIV и CLXV.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

С. Жиаревъ. Русская политика въ восточномъ вопросѣ,—ея исторія, критическая оцѣнка и будущія задачи. Москва, 1896 г., въ двухъ томахъ (VIII+465+532 стр.).

Соотвѣтственно своему заглавію сочиненіе г. Жигарева состоитъ изъ трехъ частей,—весьма обширнаго историческаго очерка русской политики на Балканскомъ Востокѣ, критической оцѣнки этой политики и желательной, по мнѣнію автора, программы будущей политики на Востокѣ.

Въ предисловіи авторъ опредѣляетъ задачи и методъ своего изслѣдованія. По мнѣнію автора, несмотря на важность восточнаго вопроса для Россіи, „въ нашей печати, считающей себя выразительницей русскаго общественнаго мнѣнія“, сужденія о немъ „въ большинствѣ случаевъ крайне сбивчивы и противорѣчивы вслѣдствіе отсутствія твердо установившагося воззрѣнія на этотъ вопросъ и на связанные съ нимъ интересы Россіи, что въ свою очередь объясняется недостаточностью изученія многовѣковой исторіи русской политики въ этомъ вопросѣ“. Поэтому авторъ поставилъ себѣ цѣлью выясненіе истинныхъ интересовъ Россіи въ восточномъ вопросѣ, ея отношеній къ нему въ исторіи, отысканіе истиннаго смысла его для Россіи, путемъ критическаго разбора господствующихъ на этотъ счетъ въ русской литературѣ мнѣній, въ связи съ изученіемъ исторіи зарожденія и первоначальнаго развитія на Руси идеи восточнаго вопроса. Это изученіе привело автора къ выводу, что вопреки мнѣнію историка Соловьева, смотрѣвшаго на восточный вопросъ, какъ на одинъ изъ моментовъ исконной борьбы между Азіей и Европой, и славянофильскаго публициста Данилевскаго, что въ восточномъ во-

прось выражается борьба романо-германского или католического мира с миром греко-славянским или православным, — „вопросъ этотъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ обыкновенно употребляется по отношенію къ Турціи и подвластнымъ ей христіанскимъ народностямъ, возникъ для насъ, сильнѣйшаго славянскаго и православнаго народа, съ момента паденія Византійской имперіи и образованія на ея развалинахъ мусульманскаго царства, и представляетъ для Россіи сложную задачу — „обезпечить собственные матеріальные интересы на Востокѣ, связанные съ полною свободой пользованія водами Чернаго моря, и помочь своимъ восточнымъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ въ ихъ борьбѣ съ мусульманствомъ за національное и религіозное самосохраненіе, вывести ихъ изъ турецкаго порабожденія и ввести въ семью культурныхъ европейскихъ народовъ, не нарушая законныхъ интересовъ и правъ, какъ остальныхъ державъ Европы, такъ и самихъ восточныхъ христіанъ“ (стр. II). Выяснивъ во введеніи къ своей книгѣ „истинный смыслъ и значеніе“ восточнаго вопроса для Россіи, авторъ даетъ „обзоръ исторіи нашихъ отношеній къ Турціи съ момента ихъ возникновенія вплоть до конца минувшаго царствованія“ и ихъ результаты (I т. стр. 60—465 и II т. стр. 1—313); затѣмъ онъ останавливается на критической оцѣнкѣ русской политики въ восточномъ вопросѣ (т. II, стр. 313—411) и, въ заключеніе, указываетъ будущія задачи Россіи въ этомъ вопросѣ (т. II, стр. 411—526).

I.

Таковы основное положеніе и общій планъ разработки авторомъ его темы. Несомнѣнно, что при разработкѣ ея въ столь широкихъ рамкахъ, результаты работы автора должны быть въ прямой зависимости отъ принятаго имъ метода изслѣдованія и отъ имѣвшагося въ его распоряженіи матеріала. Въ этомъ отношеніи приемы автора не соответствуютъ тѣмъ требованіямъ, какимъ должно удовлетворять сочиненіе, претендующее на научную цѣнность. Въ предисловіи къ своей книгѣ авторъ говоритъ (стр. II—III), что свои очерки онъ „составилъ исключительно на основаніи русскихъ источниковъ и совершенно игнорировалъ богатую иностранную литературу предмета“ на томъ основаніи, что русская литература по исторіи внѣшней политики Россіи вообще и по политикѣ ея въ восточномъ вопросѣ въ частности имѣетъ цѣлый рядъ капитальныхъ трудовъ, составленныхъ на основаніи подлинныхъ архивныхъ документовъ, послѣ изданія кото-

рыхъ „едва ли много новаго“ фактическаго матеріала можно найти и въ иностранной литературѣ; имѣется сверхъ того и много „весьма обстоятельныхъ и серьезныхъ“ журнальныхъ статей, посвященныхъ спеціальной разработкѣ различныхъ вопросовъ и моментовъ восточной политики Россіи. Но и помимо такого богатства русской литературы, „ограничиться предѣлами этой литературы“ автора побудило к то „соображеніе, что при полной противоположности мнѣній по самымъ основнымъ вопросамъ нашей восточной политики, для русскаго чело-вѣка прежде всего необходимо усвоить себѣ правильный взглядъ на собственные интересы въ восточномъ вопросѣ, *уяснить русскую точку зрѣнія на восточный вопросъ*. Но само собою разумѣется, что выяснить истинный смыслъ для Россіи восточнаго вопроса и вывести болѣе или менѣе безпристрастное заключеніе о прошломъ и будущемъ русской политики въ этомъ вопросѣ ближе всего путемъ изученія *русскихъ* воззрѣній на нашу политику и историческія задачи на Восто-кѣ; русскихъ же воззрѣній несомнѣнно должно искать въ трудахъ русскихъ, а не западно-европейскихъ ученыхъ и публицистовъ, сужденія которыхъ о восточной политикѣ Россіи до сего времени связы-ваются съ пресловутымъ „завѣщаніемъ Петра I“ и „греческимъ про-ектомъ Екатерины Великой“ (стр. VI—VII).

Едва ли найдется кто-либо, кто бы могъ согласиться съ такою оригинальною аргументаціею. Въ ученomъ мѣрѣ издавна принято думать, что лишь *du choc des opinions jaillit la vérité*. По мнѣнію же автора, для усвоенія правильнаго взгляда на значеніе для Россіи восточнаго вопроса и для оцѣнки русской политики прошлой и буду-щей въ этомъ вопросѣ не только не требуется знакомство съ запад-ными воззрѣніями на этотъ вопросъ и на эту политику, но такое зна-комство лишь затуманило бы пытливый критическій взоръ русскаго ученаго. По общепринятому мнѣнію, котораго держится и самъ ав-торъ, восточный вопросъ есть вопросъ международный, въ немъ за-интересованы и другія державы, слѣдовательно игнорировать запад-ные взгляды на восточный вопросъ и русскую политику въ немъ ни-какъ не приходится, — съ этимъ согласенъ и самъ авторъ (см. II и III главы его книги). Очевидно, слѣдовательно, что, отменяя всю за-падную литературу предмета, можно достигнуть лишь односторонно-сти, а отождествлять односторонность съ правильностью, какъ это выходитъ по логикѣ автора, по меньшей мѣрѣ странно. Особенно странно это потому еще, что на основаніи тѣхъ же русскихъ источ-никовъ авторъ берется однако судить и дѣйствительно судить н о

политикѣ западныхъ державъ въ восточномъ вопросѣ и о ихъ взглядахъ на этотъ вопросъ, критикуетъ ихъ, противопоставляетъ русской политикѣ и русскимъ взглядамъ и т. д. И эта оцѣнка и сопоставленіе играютъ весьма значительную роль въ книгѣ г. Жягарева. Какъ же долженъ отнестись читатель къ этимъ частямъ „изслѣдованія“, примѣняя къ нимъ методологическіе принципы автора. Впрочемъ, нужно замѣтить, что авторъ не вполне послѣдовательно проводитъ свой принципъ и относитъ между прочимъ къ русской литературѣ Ранке (Исторію Сербіи), Розена (Исторію Турціи), очевидно потому только, что они переведены на русскій языкъ. Точно также, чуждаясь иноземщины, онъ не признаетъ сочиненія бар. Аврелия о Берлинскомъ трактатѣ, но тѣмъ не менѣе весьма усердно эксплуатируетъ это сочиненіе по извлеченіямъ изъ него анонимнаго автора, помѣщеннымъ въ „Наблюдателѣ“. Находимъ мы также въ одномъ мѣстѣ (I, 342) ссылку на мемуары Гизо, но по переводу и цитатѣ Татищева, и т. п.

Но обратимся къ русской литературѣ по восточному вопросу и посмотримъ, въ какой степени удовлетворительно воспользовался ею г. Жягаревъ. Въ концѣ своего сочиненія авторъ даетъ „библиографическій указатель *главнѣйшихъ русскихъ источниковъ для изученія политики Россіи въ восточномъ вопросѣ*“, которыми онъ пользовался для своей работы. Здѣсь въ отдѣлѣ „сборниковъ трактатовъ и дипломатическихъ документовъ“ мы находимъ только Лашкова (Памятники сношеній крымскаго ханства съ Московскимъ государствомъ), Мартенса (Собраніе трактатовъ) и Юзефовича (Договоры Россіи съ Востокомъ). Такимъ образомъ автору даже неизвѣстно существованіе капитальныхъ изданій Русскаго Историческаго Общества, „Архива государственнаго совѣта“, издаваемого нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, *Ежегодника*, изданія Московскаго главнаго архива того же министерства — Грамоты и историческіе документы относящіяся къ Грузіи (подъ редакцію Цагарели). Правда, указать собранія дипломатическихъ документовъ на русскомъ языкѣ невозможно, потому что въ дипломатіи принятъ французскій международный языкъ, но такое строгое примѣненіе національнаго принципа въ вопросѣ объ *источникахъ*, умалчиваніе о такихъ первостепенныхъ источникахъ для ознакомленія съ *русскою* политикою, какъ *Staatsarchiv*, *Archives diplomatiques*, *Aktenstücke z. Oriental. Frage* Ясмунда, сборники Анжебера или дипломатическія приложенія къ мемуарамъ Меттерниха и т. п. является совершенно непостижимымъ въ сочиненіи, претендующемъ на научное значеніе.

Но обращаемся къ слѣдующему отдѣлу библиографическаго указателя, къ перечню сочиненій по исторіи международныхъ сношеній Россіи и по исторіи ея восточной политики. Какъ мы уже замѣтили, авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ указывалъ на „капитальные труды“, послѣ которыхъ „едва ли много новаго фактическаго матеріала можно найти и въ иностранной литературѣ“. Между тѣмъ среди дѣйствительно болѣе или менѣе серіозныхъ трудовъ мы встрѣчаемъ такіа легковѣсныя компіляціи, какъ Теокистова (Борьба Греціи за независимость), Теплова (Русскіе представители въ Царьградѣ), а особенно Бутковскаго — Сто лѣтъ австрійской политики. Куріознѣе всего то, что книжки Бутковскаго авторъ считаетъ русскимъ сочиненіемъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности это лишь безграмотный сокращенный переводъ извѣстнаго сочиненія Беера о восточной политикѣ Австріи. И изъ этой безграмотной передѣлки авторъ черпаетъ даже документы! Между тѣмъ многіе дѣйствительно серіозные труды, напримѣръ, Брикнера—Исторія Екатерины II, Григоровича — Канцлеръ кв. Безбородко, Брикнера — гр. Н. П. Панинъ и т. п., заглянуть въ которые было бы для автора не бесполезно, оставлены имъ въ сторонѣ. Чтобы не быть голословными, укажемъ хотя два примѣра. На стр. 249 т. I авторъ объявляетъ, что содержаніе записки, представленной гр. Н. П. Панинымъ императору Павлу по вопросу о томъ, какой политики слѣдуетъ держаться Россіи, неизвѣстно; между тѣмъ эта интересная записка напечатана у Брикнера въ V т., стр. 602 сл. Авторъ избѣгнулъ бы при знакомствѣ съ этимъ сочиненіемъ и вздорнаго сообщенія о причинахъ опалы Панина, въ примѣчаніи на той же страницѣ. Другой примѣръ, — на 78 стр. I т. авторъ утверждаетъ, что отвѣтъ русскаго правительства на посольство отъ папы іезуита Комуловича въ концѣ XVI вѣка неизвѣстенъ. Между тѣмъ если бы авторъ не такъ строго придерживался своей націоналистической теоріи источниковъ и, кромѣ русскаго перевода книги о. Пирлинга — Россія и Востокъ, ознакомился и съ французскимъ сочиненіемъ того же автора *Papes et Tsars*, то въ послѣднемъ на стр. 25 и 473 онъ нашелъ бы свѣдѣнія объ этомъ отвѣтѣ.

То же и даже въ еще большей степени слѣдуетъ сказать и о подборѣ „важнѣйшихъ“ статей по восточному вопросу, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ. Мы не станемъ уже говорить о неполнотѣ этого отдѣла, напримѣръ, указывать на пропускъ такихъ серіозныхъ работъ, какъ Каптерева — Сношенія іерусалимскихъ па-

тріарховъ съ московскимъ правительствомъ, его же — Досяеѣй, патриархъ іерусалимскій, статьи Драговича по исторіи сношеній Россіи съ Черногоріей (на основаніи архивныхъ документовъ), Погодина и Аксакова, или сочиненія Брикнера о Потемкинѣ, которое во всякомъ случаѣ имѣетъ болѣе научной цѣнности, чѣмъ панегирикъ Потемкина, составленный его племянникомъ Самойловымъ, и т. д. Но, что особенно странно, это включеніе авторомъ въ число главнѣйшихъ источниковъ анонимныхъ журнальныхъ статей, часто весьма сомнительнаго научнаго качества. И особенно бѣда въ томъ, что этими статьями авторъ пользуется не столько для изученія „истинно русской точки зрѣнія“ на восточный вопросъ, сколько во избѣжаніе обращенія къ иностраннымъ первоисточникамъ. Такъ, во II томѣ главы сочиненія г. Жигарева о кризисѣ 1876—1878 гг. и о берлинскомъ конгрессѣ почти исключительно составлены ¹⁾ по статьямъ нѣкоего Б. К. П.—„Путь къ Берлинскому трактату“, помѣщеннымъ въ „Наблюдателѣ“ за 1894 г. Но эти статьи написаны исключительно по книгѣ бар. Аврilia *Négociations relatives au traité de Berlin*, при чемъ сочинитель статей мѣстами самымъ невозможнымъ образомъ уродуетъ въ переводѣ тексты приводимыхъ имъ документовъ, а г. Жигаревъ, для удержанія „истинно русской точки зрѣнія“, перепечатываетъ ихъ, какъ мы увидимъ, даже съ сохраненіемъ знаковъ препинанія. Такъ, на стр. 158 и 169. т. II, въ циркулярѣ князя Горчакова читаемъ: „Винновники преступленій... продолжаютъ пользоваться безнаказанностью и въ настоящую пору на всемъ пространствѣ Оттоманской имперіи, на глазахъ негодующей Европы; ихъ примѣръ распространяетъ и увѣковѣчиваетъ тѣ-же насилія и варварства“. Такъ въ „Наблюдателѣ“ (№ 2, стр. 258) и у г. Жигарева. Въ подлинникѣ: „...на всемъ пространствѣ Оттоманской имперіи и, на глазахъ негодующей Европы, ихъ примѣръ“... Здѣсь же, согласно „Наблюдателю“, *tandis que* переводится „благодаря тому что“, а *depuis un an* — „уже болѣе года“. На стр. 171 т. II („Наблюдатель“, № 3, стр. 217) тоже текстъ депеши кн. Горчакова о проливахъ: „такъ какъ они соединяютъ два большихъ моря, которыми (*sic*) связаны интересы всего міра“, то вопросъ о нихъ долженъ быть разрѣшенъ „на твердыхъ началахъ справедливости“. Въ подлинникѣ же: „такъ какъ они представляютъ единственный выходъ (*débouché*) изъ двухъ великихъ морей, съ которыми связаны интересы всего міра... на началахъ спра-

¹⁾ Мы имѣемъ въ виду стр. 138—141, 146—148, 152—156, 158—162, 164 — 174, 181—187.

ведливыхъ и въ достаточной степени гарантированныхъ“. Далѣе здѣсь же: „Необходимо положить предѣлъ печальному положенію христіанскихъ народностей, а также и хроническимъ волненіямъ, составляющимъ главную причину этого положенія“. Въ подлинникѣ: „положить предѣлъ бѣдственному положенію христіанъ, а также и хроническимъ кризисамъ, которые оно вызываетъ (qu'elle provoque)“. На слѣдующей страницѣ „ses relations internationales“ переведено: „ея внутреннее состояніе“, „s'est efforcé“ — „пытался“ и т. п. На стр. 181—183 (Наблюдатель, № 3, стр. 220—222) приводится текстъ ноты лорда Салисбери съ такого рода перлами: „Наиболѣе важнымъ послѣдствіемъ договора является практическое значеніе его для населенія юго-восточной Европы“, — „les conséquences les plus importantes aux quelles le traité conduit pratiquement sont celles qui résultent de son action, comme un tant, sur les nations“... „Оно поглотитъ значительное число грековъ и сочувствующихъ имъ населеній“, — „une population qui est grecque de race et de sympathie“... „Ограничивается условіемъ“ — „est accompagné“... „Подвержена стѣсненіямъ“ — „sujet à être arrêté“ и т. д. Правда, иногда встрѣчаются и несходства въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ у г. Жигарева и въ „Наблюдателѣ“ (напримѣръ, на стр. II т. 139, 153, 155, 156, 172), на основаніи которыхъ можно бы предположить, что они объясняются исправленіями перевода „Наблюдателя“, но на провѣрку оказывается, что какъ разъ въ этихъ случаяхъ переводъ былъ правиленъ, и лишь стилистически шероховатъ, а по исправленіи оказался невѣрнымъ. Напримѣръ, на стр. 155 въ депешѣ лордъ Лофтуса „illusions and phantoms“ въ Наблюдателѣ (№ 1, стр. 311) все-таки правильнѣе: „призраки и привидѣнія“, чѣмъ у г. Жигарева: „воображеніе и мечта“ и т. п.

То же самое мы увидимъ однако и въ другихъ частяхъ книги г. Жигарева. Такъ, на стр. 105 т. II сообщается циркуляръ князя Горчакова 1860 года по тексту, заимствованному изъ брошюры нѣкоего г. Неклюдова — Славянскій вопросъ. Здѣсь говорится, будто Россія предлагала „немедленное заявленіе (Портѣ) пяти великихъ державъ, что онѣ долѣе не потерпятъ настоящаго положенія вещей въ христіанскихъ провинціяхъ Оттоманской имперіи“. Ничего подобнаго въ циркулярѣ, который г. Жигаревъ могъ найти въ Staatsarchiv или, въ случаѣ нежеланія пользоваться сборникомъ иностраннаго происхожденія, — въ изданныхъ нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ *Ежегодникѣ*, на 1868 годъ или въ „Сборникѣ въ память

25-лѣтія управленія министерствомъ кн. Горчакова“, — нѣтъ. Россія предлагала лишь „непосредственное разслѣдованіе на мѣстѣ, при участіи делегатовъ державъ, для провѣрки дѣйствительности фактовъ“.

На стр. 120—121 т. II по Бутковскому сообщается содержаніе депеши австрійскаго министра Бейста 1867 г. Здѣсь *между прочимъ* мы находимъ слѣдующій куріозъ: Бейстъ предлагаетъ будто бы, что „послы державъ должны узнать взгляды и намѣренія Порты на счетъ ея различныхъ областей“. Между тѣмъ въ дѣйствительности Бейстъ предлагалъ, чтобы „державы освѣдомились чрезъ посредство своихъ органовъ въ Турціи о нуждахъ и настроеніи различныхъ турецкихъ провинцій“, для свѣдѣнія проектированной Бейстомъ конференціи. Или въ концѣ той же депеши, по Бутковскому-Жигареву: „На Востокѣ приходится имѣть дѣло со славянами, а потому, относясь къ Россіи съ подобающимъ уваженіемъ, можно добиться ея содѣйствія въ разрѣшеніи вопросовъ“ (какихъ?). У Бейста: „Нужно считаться съ положеніемъ, какое обезпечено Россіи на Востокѣ ея единовѣріемъ съ турецкими христіанами и, примирительнымъ поведеніемъ относительно ея, добиться искренняго содѣйствія Россіи въ восточныхъ дѣлахъ“. Или на стр. 346—347 т. I опять по Бутковскому сообщается содержаніе депеши кн. Меттерниха 1827 г. Говорится, что Меттернихъ изъ разговоровъ съ французскимъ посломъ создалъ себѣ убѣжденіе, что „русскій и французскій кабинеты раздѣляютъ взгляды Австріи“. Въ дѣйствительности Меттернихъ сообщаетъ, что посоль раздѣляетъ мнѣнія Австріи о „руководящихъ взглядахъ какъ русскаго, такъ и французскаго двора“. Здѣсь же: „царь... вслѣдствіе смерти Канинга увидалъ себя безъ прочныхъ основаній (sic!)“, то-есть, говоря русскимъ языкомъ — утратилъ почву подъ ногами. Здѣсь же: „значенія этого вопроса никто не отрицаетъ“ вмѣсто „онъ (австрійскій дворъ) не отрицаетъ“. Здѣсь же: „Разлученіе враждебныхъ элементовъ является условіемъ успѣха“, вмѣсто „расчлененіе предмета спора (Trennung der strittigen Gegenstände) является условіемъ успѣха“ и т. д.

Если къ приведеннымъ образчикамъ результатовъ пользованія чужими переводами присовокупить неразборчивость г. Жигарева въ источникахъ для извлеченія изъ нихъ документальныхъ свѣдѣній,—напримѣръ на стр. 205 т. II изложеніе протокола Берлинскаго конгресса по Бутковскому, на стр. 129 изложеніе протокола Лондонской конференціи по иностранному обозрѣнію „*Вѣстника Европы*“, на стр. 130 изложеніе постановленій Лондонскаго трактата по Бухарову и т. п., то немудрено, что у него иногда случаются и такіе куріозы, что въ

документъ является невѣдомо откуда ваявшаяся вставка,—напримѣръ на стр. 147 т. II при изложеніи содержанія Берлинскаго меморандума 1876 г.,—или что нѣсколько фактовъ и документовъ перепутываются. Напримѣръ, на стр. 110 т. II приводится рѣчь, произнесенная будто бы *гр. Валевскимъ* на *второмъ* засѣданіи Парижскаго конгресса въ пользу соединенія Молдавіи съ Валахією, возраженіе противъ этого англійскаго уполномоченнаго, согласіе представителей Россіи съ предложеніемъ Франціи. Тутъ перепутаны два обсужденія этого вопроса: на Вѣнской конференціи (*шестой* — 26-го марта 1855 г.) и на Вѣнскомъ конгрессѣ (въ *шестомъ* засѣданіи 8-го марта 1856 г.), а быть можетъ и на Парижской конференціи 1858 года. На конференціи англійскій уполномоченный дѣйствительно сдѣлалъ приводимое г. Жигаревымъ возраженіе противъ предложенія Франціи, но тамъ оно было сдѣлано не *гр. Валевскимъ*, а Бурканъ и притомъ въ формѣ записки безъ устной мотивировки; представитель Россіи устранился отъ обсужденія этого вопроса. На Вѣнскомъ же конгрессѣ хотя Валевскій и сдѣлалъ изложенное у г. Жигарева заявленіе, но англійскій уполномоченный на этотъ разъ высказался въ пользу его.

Наконецъ. слѣдуетъ упрекнуть автора и за то, что иногда онъ цитируетъ дипломатическіе документы безъ указанія источника, откуда они заимствованы (напримѣръ, на стр. 9, 37, 124, 141 и др. т. II), иногда же цитируетъ не тѣ источники, изъ которыхъ сдѣлано заимствованіе. Напримѣръ на стр. 111 т. II цитированъ Martens Nouveau Recueil, между тѣмъ какъ относящееся къ этой цитатѣ мѣсто взято цѣликомъ, даже съ курсивами нѣкоторыхъ словъ, изъ статьи Arntz'a въ Revue de dr. internat. 1877, стр. 36. Или въ предисловіи, въ примѣчаніи къ стр. III т. I, цитируется отзывъ Дайси о Турціи якобы по книгѣ Дайси (The peasant State) между тѣмъ, какъ переводъ этого мѣста буквально взятъ изъ фельетона „*Русскіе Вѣдомости*“ отъ 29-го іюня 1895 г. № 177.

Мы остановились быть можетъ слишкомъ долго на разборѣ источниковъ, которыми пользуется г. Жигаревъ, и качествѣ матеріаловъ, которые онъ даетъ въ своей книгѣ. Но методологическіе приемы автора отражаются и на свойствѣ самаго изслѣдованія. Безусловно до вѣряя своимъ вторичнымъ источникамъ и ихъ научной объективности¹⁾,

¹⁾ Авторъ переноситъ изъ нихъ и цѣлыя періоды (напримѣръ I, 141 — 142 Доброва, II, 152, 153, 155 изъ „*Наблюдателя*“) и хлесткія характеристики (напримѣръ II, 153 „разношерстная“ Австрія, II, 174 „алчные“ британскіе интересы и т. п.).

вполнѣ полагаясь на то, что цитируемые имъ авторы не дѣлали нужнаго имъ для тѣхъ или другихъ цѣлей искусственнаго подбора документовъ и фактовъ и не придавали имъ искусственнаго тенденціознаго освѣщенія, г. Жигаревъ привноситъ съ своей стороны еще предвзятія мнѣнія и такимъ образомъ создаетъ крайне тенденціозное изложеніе исторіи русской политики въ восточномъ вопросѣ.

II.

Какъ мы уже замѣтили, авторъ несогласенъ ни со взглядомъ на восточный вопросъ Соловьева, видѣвшаго въ немъ одинъ изъ моментовъ исконной борьбы между Азіей и Европой, ни со взглядомъ Данилевскаго, усматривающаго въ немъ выраженіе борьбы романо-германскаго католическаго міра съ міромъ греко-славянскимъ православнымъ; опредѣленіе Соловьева онъ находитъ „непригоднымъ съ точки зрѣнія цѣлей и задачъ многовѣковой политики Россіи на Востокъ“ (I стр. 18) и въ виду невозможности признанія полной солидарности Россіи и западной Европы въ борьбѣ съ Турціею; опредѣленіе же Данилевскаго — неправильнымъ какъ въ виду несправедливаго противопоставленія славянскаго и романо-германскаго культурно-историческихъ типовъ, такъ и потому, что въ немъ ступшевывается историческая роль, которую играетъ въ этой борьбѣ Турція. Поэтому, отказываясь отъ этихъ формулъ, быть можетъ и не вполнѣ вѣрно, но опредѣляющихъ общій смыслъ восточнаго вопроса въ исторіи Европы, авторъ замѣняетъ ихъ своею формулою, построенною исключительно на опредѣленіи задачъ Россіи на Балканскомъ востокѣ и взаимныхъ отношеній между Россіей и западными державами на Востокѣ. По мнѣнію автора исходною точкой для уясненія истиннаго смысла и значенія для Россіи восточнаго вопроса долженъ служить моментъ паденія Царьграда и установленія турецкаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ, такъ какъ этими фактами порождены элементы и отношенія, изъ которыхъ сложился и развился восточный вопросъ. Вслѣдствіе географическихъ и экономическихъ условій Россія должна была стремиться къ освоенію черноморскаго побережья и къ достиженію свободнаго выхода изъ него. Отсюда въ отношеніяхъ своихъ къ Турціи она должна была прежде всего заботиться объ обезпеченіи своихъ матеріальныхъ интересовъ на Востокѣ. Но съ первыхъ же дней утвержденія османовъ въ Европѣ возникаютъ, по мнѣнію автора, и національно политическія задачи ея на Балканскомъ полуостровѣ. По

мнѣнію автора, I, 27, русскіе люди XV вѣка не замедлили сдѣлать *политическіе выводы* изъ факта паденія Византіи, — „въ умахъ русскихъ людей и нашихъ общественныхъ дѣятелей XV и XVI вѣковъ появилось сознание той мысли, что отнынѣ *обязанности византійскихъ императоровъ по отношенію къ восточнымъ христіанамъ переходятъ* на московскаго царя, какъ на единственнаго теперь хранителя православія и древняго благочестія“. Такое мнѣніе автора неправильно, несмотря на то, что оно позаимствовано изъ брошюры проф. Успенскаго, — „Какъ возникъ и развился въ Россіи восточный вопросъ“. Такъ, напримѣръ, повторяя мнѣніе проф. Успенскаго, что лѣтописныя извѣстія наши о паденіи Царяграда проникнуты высокимъ національнымъ самосознаніемъ на томъ основаніи, что въ нихъ греческое предсказаніе объ освобожденіи Царяграда русымъ народомъ передѣлано въ предсказаніе объ освобожденіи его русскимъ народомъ (I, 29), авторъ не подозреваетъ, что по новѣйшимъ изслѣдованіямъ (въ „Памятн. древней письменности“) сочинителемъ этого сказанія былъ грекъ Несторъ Искандеръ. Точно также и приуроченіе другихъ распространенныхъ на западѣ и у грековъ пророчествъ, напримѣръ, Льва Мудраго, Меѳодія Патарскаго объ освобожденіи Царяграда къ русскому народу совершалось въ Греціи и на Западѣ и оттуда переносилось въ Россію. Любопытно, напримѣръ, что французъ Спон, путешествовавшій въ 1675—1676 г. по Востоку, узнавши, что между турками распространено пророчество, будто ихъ государство будетъ разрушено русымъ народомъ, высказываетъ догадку, что это предсказаніе относится къ москвитянамъ. Вслѣдъ естественно, что эти приуроченія, льстившія во всякомъ случаѣ національному самосознанію русскаго народа, должны были встрѣчать сочувствіе у русскихъ книжниковъ. Но доказательства автора въ пользу мнѣнія, будто бы наши книжники XVI вѣка понимали значеніе Византійской *имперіи* въ политическомъ ея смыслѣ, какъ высшаго политическаго авторитета для православныхъ народовъ, какъ верховной ихъ защитницы или же, что они сознавали преемство социально-политическаго склада и культурно-политическихъ задачъ отъ Византіи къ Москвѣ, какъ то полагаетъ авторъ (I, 27—30), нисколько не убѣдительны и доказываютъ лишь недостаточное знакомство автора съ нашею древнею письменностью ¹⁾. Не останавливаясь впрочемъ на этомъ вопросѣ, такъ какъ авторъ

¹⁾ Въ число такихъ доказательствъ попало (I, 34) даже риторическое украшеніе Карамзина къ описанію брака Іоанна III съ Софією Палеологъ.

можетъ возразить намъ, что въ данномъ случаѣ онъ пользовался достаточно авторитетными второстепенными, на которые имѣлъ право полагаться, замѣтимъ лишь, что онъ усматриваетъ политическіе элементы тамъ, гдѣ ихъ не было, и, наоборотъ, упускаетъ ихъ изъ виду тамъ, гдѣ они дѣйствительно имѣются. Такъ, авторъ упоминаетъ и о филоосеевской теоріи Москвы — третьяго Рима (при чемъ ему неизвѣстно, что эта теорія имѣла чисто церковную, а не политическую подкладку) и о сочиненныхъ при Іоаннѣ Грозномъ родословіи русскихъ царей отъ Августа кесаря, и о легендѣ про шапку Мономаха и о Новгородскомъ бѣломъ клобукѣ (при чемъ не подозреваетъ внутренне-политическаго смысла этихъ фактовъ, иллюстрирующихъ начавшееся уже гораздо ранѣе стремленіе московскаго царства и русской церкви къ обоснованію своей національной самобытности); словомъ, перечисляя все, что онъ нашелъ у Успенскаго, авторъ ни однимъ словомъ не обмолвился о дѣйствительно политическомъ значеніи такого крупнаго факта, какъ соборное утвержденіе греческимъ духовенствомъ за Іоанномъ Грознымъ царскаго титула, въ томъ смыслѣ, что съ этихъ поръ *съ мазакъ грековъ* русскій цесарь становился, по аналогіи съ цесаремъ византійскимъ, ихъ покровителемъ и защитникомъ. На отношенія Москвы къ Востоку это событіе не оказало политическаго вліянія, но, какъ мы увидимъ, оно оказало огромное вліяніе на отношенія восточныхъ христіанъ къ Москвѣ. Итакъ, минуя эти историческія доказательства и нѣкоторыя странныя сужденія, въ родѣ того, что „фигція о единствѣ христіанскихъ народовъ подѣ главенствомъ императора была выстроена на *восточномъ патриархально-монархическомъ* представленіи народныхъ массъ“ (I, 30), замѣтимъ только, что въ этой части сочиненія г. Жигарева ничѣмъ не доказаны положенія, высказанныя авторомъ на 37, 38 и 39 стр., что „наши политическія задачи на Востокѣ“ обуславливались не только географическимъ положеніемъ Россіи, но „истекали и изъ національности славянскаго русскаго народа“—до XVIII вѣка мы знали только „гречанъ“ на Востокѣ¹⁾—и что со времени паденія Царяграда русскій народъ „возимѣлъ намѣреніе принять на себя священный трудъ освобожденія своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ“. Въ дѣйствительности послѣ паденія Царяграда эта освободительная миссія

¹⁾ Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ авторъ соглашается съ Бухаровымъ, что за исключеніемъ временъ Петра Великаго, въ нашей восточной политикѣ національность не играла никакой роли.

внушалась русскому народу и заинтересованными въ ней „гречанами“ во-первыхъ, и западными государствами, когда они бывали заинтересованы въ привлеченіи Россіи къ борьбѣ съ Турціею во-вторыхъ, и исключительно подъ влияніемъ этихъ моментовъ и проявлялось наружу „намѣреніе“ (и только намѣреніе) русскаго народа трудиться за освобожденіе турецкихъ христіанъ, такъ какъ ему, какъ народу христіанскому, и невозможно было относиться прямо отрицательно къ такого рода внушеніямъ. Впослѣдствіи, начиная съ XVIII вѣка, къ указаннымъ двумъ моментамъ присоединяются еще особыя, случайныя въ сущности, условія борьбы Россіи съ Турціею за свои національныя государственныя интересы и интересы національной политики Россіи. Самъ авторъ, не совсѣмъ, впрочемъ, послѣдовательно признаетъ (I, 37), что намѣреніе освободить христіанъ зародилось у русскаго народа „какъ послѣдствіе общей съ балканскими христіанами борьбы противъ исламизма, незамѣтно для насъ самихъ и, быть можетъ, даже противъ нашей воли, подъ влияніемъ чувства состраданія, подкрѣпленнаго племенными и религіозными связями“. Но что помимо гуманитарныхъ соображеній и въ гораздо большей степени эти заступничества Россіи за христіанъ имѣли и политическую подкладку, что Россія руководствовалась въ своей мнимо-освободительной „исторической миссіи“ на Востокѣ и чисто русскими національными интересами и соображеніями, въ томъ числѣ даже видами на территоріальныя пріобрѣтенія, этого авторъ, повидимому, и не подозреваетъ. Между тѣмъ этимъ объясняется, между прочимъ, русская политика на Востокѣ въ теченіе всего XVIII и XIX вѣковъ, то-есть за все время ея дѣйствительнаго, а не фиктивнаго только существованія. Въ игнорированіи авторомъ этой политической подкладки заключается между прочимъ одинъ изъ крупнѣйшихъ недостатковъ исторической части книги г. Жигарева. Имъ объясняется, во-первыхъ, прямое непониманіе авторомъ нѣкоторыхъ моментовъ и эпизодовъ русской политики на Востокѣ, въ особенности въ XVIII и XIX вѣкахъ, а во-вторыхъ совершенно невѣрная и односторонняя оцѣнка политики Россіи и западноевропейскихъ государствъ.

Перваго вопроса мы коснемся въ своемъ мѣстѣ. Что же касается втораго, то—по мнѣнію автора (I, 47)—„Россія въ силу своего историческаго призванія (?) и требованія собственныхъ жизненныхъ интересовъ, должна была взять на себя постепенное разрушеніе Турціи“. Но дѣло это „было особенно трудно осуществимо потому, что затрогивало интересы всей Европы“. И вотъ, у автора слѣдуетъ

цѣлая филиппика противъ своекорыстной политики западныхъ державъ относительно Турціи въ противоположность высокобезкорыстной будто бы политикѣ Россіи. „Европейскія государства не объединялись въ борьбѣ съ Турціею идеею общаго блага цивилизованнаго міра; если они иногда хлопотали о заключеніи священныхъ союзовъ противъ Турціи, то исключительно ради частныхъ интересовъ и въ виду грозившей имъ опасности отъ турокъ, а не ради идеальныхъ, безкорыстныхъ цѣлей общаго блага и христіанства; они такъ дорожили своими торговыми и политическими интересами, что къ пожертвованію ими западную дипломатію не могли склонить ни пламенные воззванія папъ, ни религіозная ненависть христіанъ къ мусульманамъ“. (I, 18, 47, 148, 159). Отрицать у западноевропейскихъ народовъ сознание интересовъ цивилизаціи и христіанства въ ихъ отношеніи къ турецкому владычеству въ Европѣ можетъ лишь чело­вѣкъ, сознательно желающій игнорировать огромную антитурецкую западноевропейскую литературу XVI и XVII вѣковъ. А затѣмъ, развѣ Россія въ своихъ отношеніяхъ къ Турціи не руководствовалась тѣми-же „своекорыстными“ національными интересами, какъ и западноевропейскія государства?

Развѣ подобно имъ она не вступала въ борьбу съ Турціею только когда этого требовали ея матеріальные интересы? Развѣ на нее дѣйствовали пламенные воззванія папъ и германскаго императора? Развѣ ради безопасности своей торговли въ Крыму и безопасности своихъ границъ отъ татаръ Россія не предлагала Турціи въ 1571 г. союза противъ всѣхъ христіанскихъ державъ? Наконецъ, напрасно авторъ утверждаетъ (I, 160), будто трактаты, заключенные западными державами съ Портой, „касались лишь защиты ихъ подданныхъ и совершенно умалчиваютъ о покровительствѣ турецкимъ подданнымъ христіанамъ“. Мы можемъ указать ему на выговоренное Францискомъ I у Сулеймана въ 1528 году обѣщаніе охранять послѣднихъ отъ притѣсненій, предоставить имъ право содержать молитвенные дома и т. д., а по капитуляціи 1535 г. Франція выговорила себѣ покровительство тѣмъ христіанамъ, которые не состоятъ уже подъ покровительствомъ Венеціи. Отсюда традиціонное покровительство Франціи католикамъ на Востокѣ. Въ договорахъ Польши съ Портою выговаривались льготы для Молдавіи и Валахіи (запрещеніе татарскихъ набѣговъ). Въ 1689—1690 гг. Австрія требовала себѣ протектората надъ Молдавіею и Валахіею, въ 1698 г.—надъ католическимъ духовенствомъ и церквами, а въ 1699 г.—она же требовала права участія въ назна-

ченіи воеводъ въ княжествахъ, обѣщанія Порты не увеличивать въ нихъ налоговъ и т. п. Наконецъ, на стр. 449 самъ же авторъ признаетъ, что „участіе христіанскихъ народностей Турціи всегда представляла международный интересъ и Франція раньше насъ покровительствовала своимъ единовѣрцамъ на Востокѣ“.

Впрочемъ, нужно замѣтить, что, выставляя свои тезисы для характеристики политики Россіи и западныхъ державъ, авторъ не подкрѣпляетъ ихъ относительно послѣднихъ никакими доказательствами, что же касается Россіи, то приводитъ доказательства по меньшей мѣрѣ слабыя. Такъ, мы не знаемъ рѣшительно никакихъ фактовъ, которые бы доказывали „расположеніе“ Ивана III къ союзу противъ Турціи со Стефаномъ молдавскимъ (I, 64), а выписанная авторомъ изъ Карамзина риторическая тирада о томъ, что Василій Ивановичъ „вступилъ въ сношенія съ мужественнымъ воеводою молдавскимъ, еще опаснымъ сосѣдомъ для Литвы, Польши и Тавриды (то-есть Крыма) и посылалъ къ нему не только гонцовъ, но и важныхъ чиновниковъ (!)“, по меньшей мѣрѣ ничего не доказываетъ, такъ какъ Стефанъ, зная дружбу Василя съ султаномъ, просилъ московскаго великаго князя склонить султана къ *защитѣ* его отъ Польши, а для Василя лишній союзникъ противъ Польши былъ не бесполезенъ. Особенное значеніе авторъ придаетъ покоренію Казани и Астрахани Иваномъ Грознымъ. Но если Грозный въ своихъ сношеніяхъ съ западомъ ставилъ себѣ въ заслугу этотъ подвигъ какъ подвигъ на освобожденіе христіанства отъ бусурманства, то это была лишь уловка для уклоненія отъ участія въ войнахъ западныхъ державъ съ самою Турціею. Поссевиனு онъ прямо говоритъ въ отвѣтъ на его увѣщаніе воевать турокъ: „государства всеѣ вселенныя не хотимъ,—то будетъ по грѣху посползновенно“. Завоеваніе Казани было такимъ же русскимъ интересомъ, какъ позднѣйшее завоеваніе Крыма и тотъ же Иванъ Грозный предлагалъ султану союзъ противъ всѣхъ его враговъ. Между тѣмъ, давая неправильное освѣщеніе факту завоеванія Казани, авторъ упускаетъ изъ виду гораздо болѣе важный въ восточной политикѣ Россіи фактъ утвержденія восточнымъ духовенствомъ царскаго титула за Іоанномъ. Этимъ актомъ восточное духовенство, представители всего восточнаго христіанства провозглашали фактъ императорскаго преемства: этимъ актомъ востокъ пріобрѣталъ утраченнаго покровителя и защитника, такъ какъ на русскаго царя, въ представленіи востока, переходила эта обязанность византійскихъ императоровъ. Поэтому-то и самая мысль о признаніи патріархами

вселенскаго царскаго сана подсказана была Ивану восточнымъ духовенствомъ. Съ этого въ особенности времени начинаются особенно настоятельныя прошенія гречанъ о милостынѣ царской, а по временамъ и внушенія русскому правительству о „провиденціальной миссіи“ Россіи въ борьбѣ съ турками, внушенія, которыя впрочемъ встрѣчали въ Москвѣ далеко не всегда благопріятный приѣмъ. „Плачутъ,—говорилъ священникъ Лукьяновъ,—обижены отъ турка. А кабы обижены, забыли бы простые старцы носить рясы суконныя по 3 рубля аршинъ. Напрасно турка старцы греческіе оглашаютъ, что насилуетъ: а мы сами видѣли, что имъ насилія ни въ чемъ нѣтъ, ни въ вѣрѣ, ни въ чемъ: все лгутъ на турка“. Вообще, если исключить такъ сказать западниковъ (Бориса Годунова, Лжедмитрія—о которомъ, кстати сказать, у г. Жигарева не находимъ ни слова,—Ордына Нащокина), то въ XVI и XVII вѣкахъ мы не видимъ государственныхъ дѣятелей, которые сколько-нибудь серьезно помышляли объ „исторической задачѣ“ Россіи на Востокѣ. Не указываетъ ихъ и г. Жигаревъ. Авторъ увѣренъ, что у Алексѣя Михайловича „было намѣреніе положить начало“ освобожденію турецкихъ христіанъ. Но и тутъ доказательства его (стр. 91—92) слишкомъ шатки: молдавскій господарь Стефанъ обратился въ Москву за помощью по наущенію Хмельницкаго и іерусалимскаго патріарха Паисія, который игралъ роль и въ агитаціи въ пользу подчиненія Москвѣ Малороссіи, и обращался Стефанъ за помощью не столько противъ турокъ, сколько противъ Польши, такъ какъ его противника Лупула поддерживали Польша и Крымъ. Само собой разумѣется, что союзникъ противъ Польши и Крыма всегда былъ угоденъ Москвѣ, но о Турціи въ этомъ эпизодѣ не было и рѣчи. Несомнѣнно, что на Алексѣя Михайловича сильно напирала и греки (особенно Паисій, антиохійскій патріархъ Макарій), и Юрій Крижаничъ, и Ордынъ-Нащокинъ и даже польское правительство, но о томъ, какъ относился къ подобнымъ внушеніямъ тишайшій царь, можно видѣть по тому, что въ то самое время, когда Нащокинъ доказывалъ пользу сближенія съ Польшею ради отторженія Молдавіи и Валахіи отъ Турціи, въ Константинополь отправленъ былъ посолъ между прочимъ съ порученіемъ просить патріарха Парвенія, „буде онъ благочестивъ и къ великому государю радѣтеленъ“, чтобы онъ склонялъ султана къ братской любви и дружбѣ съ царемъ. Такого рода порученія со стороны русскаго правительства были константинопольскимъ патріархамъ не въ диковину (укажемъ хотя посольство Нащокина 1592 г.), но ходатайство патріарха и старанія

царя о сохраненіи братской дружбы не имѣли успѣха и Турція объявила Россіи войну за Дорошенка.

Начиная съ царствованія Петра Великаго изложеніе автора уже не представляетъ тѣхъ натяжекъ и одностороннихъ толкованій, какія мы видѣли у него ранѣе, хотя и здѣсь можно бы было желать менѣе увлеченія фикціею о провиденціальной миссіи и болѣе трезваго пониманія и объясненія историческихъ и политическихъ фактовъ. Такъ, авторъ не оцѣнилъ въ достаточной степени влияния на Петра агитации при русскомъ дворѣ (съ 1692 года) іерусалимскаго патріарха Досіея и массы выходцевъ въ Россію изъ славянскихъ земель, а также — въ политикѣ его относительно Черногоріи и Молдавіи — военныхъ соображеній, руководившихъ Петромъ въ его воззваніяхъ, напримѣръ, къ черногорцамъ о совмѣстной войнѣ противъ турокъ. Не находимъ мы у автора и оцѣнки союза Россіи съ Австріею — его сильныхъ и слабыхъ сторонъ, — игравшаго столь значительную роль въ восточной политикѣ Россіи XVIII вѣка. Не подчеркнута въ характеристикѣ турецкой войны 1737 — 1739 г. любопытное переживаніе традицій Петровской политики въ предъявленномъ Россіею (гр. А. Остерманомъ) требованіи индепенденціи Молдавіи и Валахіи, хотя этотъ фактъ не лишень интереса въ виду позднѣйшей политики Россіи относительно княжествъ. Мнѣніе нашего посланника въ Константинополь Вешнякова о необходимости разрушенія Оттоманской имперіи авторъ толкуетъ (I, 139) въ томъ смыслѣ, будто „русское правительство ясно сознавало, что пора приступить къ осуществленію исторической миссіи Россіи“, между тѣмъ какъ Вешняковъ именно указывалъ на то, что русское правительство не осуществляетъ ея, что затрудняются переходы турецкихъ христіанъ въ Россію, а что Австрія и Польша, наоборотъ, открываютъ имъ убѣжище. Въ общемъ, грубыхъ ошибокъ въ этомъ отдѣлѣ, составленномъ по Соловьеву, Уляницкому и Доброву, нѣтъ, но политическая подкладка, то-есть, политическіе интересы Россіи, служившіе подкладкою ея „исторической миссіи“ на Востокъ, не выяснены. Происходитъ это, между прочимъ, оттого, что авторъ сводитъ интересы Россіи на Востокъ лишь къ двумъ группамъ: — интересовъ экономическихъ и религіозно-національныхъ и находитъ ихъ въ русской политикѣ во всѣ періоды ея историческаго развитія. Между тѣмъ въ дѣйствительности слѣдовало бы различать четыре группы интересовъ: 1) экономическіе, 2) религіозные, 3) политическіе и 4) національные, при чемъ можно даже прослѣдить постепенное наслоеніе ихъ. При такомъ расчлененіи интересовъ и за-

дачь русской политики на Востокъ автору легче было бы избѣгнуть натяжекъ и односторонности въ своемъ изложеніи. Такъ, напримѣръ, по нашему мнѣнію, задача разрушенія турецкой имперіи и освобожденія турецкихъ христіанъ Россією не ставилась русскимъ правительствомъ до тѣхъ поръ, пока въ немъ не явилось сознаніе, что принятіе Россією на себя такой задачи представляетъ собою ея прямой *политическій* интересъ въ зависимости отъ матеріальнаго ея интереса, связаннаго съ проливами и Чернымъ моремъ. Именно, Петръ Великій въ грамотѣ къ черногорцамъ, призывавшій ихъ къ войнѣ противъ турокъ, прямо признаетъ, что онъ „изъ многихъ исторій“ удостовѣрился о ихъ храбрости. Такимъ образомъ черногорцы являлись для него цѣнными союзниками. То же внушали ему Савва Рагузинскій, Милорадовичъ, разные другіе выходцы съ Востока, іерусалимскій патріархъ Досіеи и т. д. А такъ какъ для Петра было очевидно, что доступъ къ Черному морю и выходъ изъ него для Россіи невозможенъ безъ ослабленія Турціи, то само собой разумѣется, что поддержка турецкихъ христіанъ являлась прямымъ политическимъ интересомъ Россіи. Точно также Вешняковъ въ доказательство необходимости разрушенія Оттоманской имперіи ссылался на то, что созданіемъ вмѣсто нея христіанскаго государства, которое по единству интересовъ не могло бы отстать отъ Россіи, Россія „приобрѣла бы на вѣки покой и несказанную пользу“, ибо европейское равновѣсіе зависѣло бы отъ Россіи и отъ этого новаго государства на Балканскомъ полуостровѣ. Наконецъ, для политики Россіи характерны отношенія ея къ Черногоріи, отношенія, которыя, кстати сказать, крайне недостаточно очерчены у автора. Такъ, когда въ 1753 г. черногорцы обратились къ Россіи съ просьбой о всемілостивѣйшемъ ея императорскаго величества награжденіи, то черногорцамъ отвѣчали, что „когда оказана будетъ отъ сего народа впредь здѣшней имперіи какая заслуга въ воинскихъ дѣйствіяхъ, тогда они награждены будутъ и годною пенсіей“. То же повторено было въ 1758 г. Впрочемъ, въ заключеніи этого отдѣла (I, 143) авторъ совершенно вѣрно опредѣляетъ взаимныя отношенія между Россіей и балканскими христіанами: „въ надеждѣ получить защиту и освобожденіе отъ мусульманскаго ига, народности эти обращали свои взоры и упованія на Россію, а эта послѣдняя не отталкивала ихъ отъ себя, а напротивъ ласкала и одобряла разнаго рода лестными для нихъ *объщаніями* и матеріальною помощію, и тѣмъ самымъ *приготовляла себѣ союзниковъ* для послѣдующихъ своихъ войнъ съ Турціей“. Если бы авторъ былъ нѣ-

сколько ближе знакомъ съ отношеніями Австріи къ этимъ народамъ, то увидалъ бы, что между Россією и Австрією въ этомъ вопросѣ была только та разница, что російскій святѣйшій синодъ заботился о поддержаніи православія у нихъ, и что этой заботливости синода балканскіе христіане въ значительной степени обязаны оказывавшеюся имъ отъ Россіи матеріальною поддержкою. Австрія не была связана съ балканскими христіанами ни религією, ни національностью, но въ задабриваніи ихъ она, подобно Россіи, видѣла свою прямую политическую выгоду.

Нечаянно для себя придя къ указанному выводу, не совсѣмъ согласному со всѣми ранѣе этого высказанными имъ мнѣніями объ осуществленіи Россією ея „исторической миссіи“ на Востокѣ, авторъ вслѣдъ затѣмъ, подводя общіе результаты отношеній Россіи къ Турціи до половины XVIII вѣка, впадаетъ, однако, опять въ прежній тонъ и, полемизируя противъ взглядовъ на русскую политику на Востокѣ г. Карновича, опять распространяется объ узко-эгоистическихъ мотивахъ столкновеній западно-европейскихъ государствъ съ Турцією и о неуклонномъ съ самаго паденія Царяграда слѣдованіи Россіи по пути „предопредѣленной миссіи“ ея на Востокѣ. Мы уже отмѣтили выше односторонность мнѣній автора по этому предмету и ограничимся здѣсь лишь замѣчаніемъ, что у автора читатель нигдѣ не найдетъ никакихъ слѣдовъ объ упоминаемыхъ имъ здѣсь (I, 166) какихъ-то „смѣлыхъ планахъ русскаго правительства XVI и XVII вѣковъ“ придти на помощь восточнымъ христіанамъ. Трудно также согласиться и съ мнѣніемъ автора (I, 177), будто противодѣйствіе со стороны Россіи въ восточномъ вопросѣ Европы началось въ XVIII вѣкѣ потому, что послѣдняя обнаружила въ это время „готовность выполнить задачу, которую ей поставила исторія“. Въ теченіе всего XVIII вѣка Европа едва ли могла усмотрѣть такое направленіе въ русской восточной политикѣ, но стараніе Россіи поставить Востокъ подъ свое исключительное политическое вліяніе было очевидно для всѣхъ, а противодѣйствіе *такой* цѣли русской политики на Востокѣ еще не доказываетъ своекорыстія восточной политики западныхъ державъ. Впрочемъ, нѣсколько иначе судить авторъ объ этомъ вопросѣ во второй части своего сочиненія (II, 378).

Во второмъ отдѣлѣ исторической части своего сочиненія авторъ разсматриваетъ русскую политику въ періодъ времени отъ Екатерины II до 1841 г., періодъ „энергичнаго“ преслѣдованія Россією своихъ историческихъ задачъ на Востокѣ. Совершенно правильно опредѣляя

интересы, которые преслѣдовала Россія въ этотъ періодъ: свободу судоходства въ Черномъ морѣ и черезъ проливы, охрану интересовъ православія на Востокѣ и улучшение положенія своихъ единовѣрцевъ въ Турціи, авторъ однако дѣлаетъ (I, 415) совершенно неосновательное замѣчаніе, что разница между ними заключалась въ томъ, что съ первыми связывались экономическія и политическія выгоды, а со вторыми — религіозно-національныя задачи. Политическія цѣли и политическія выгоды преслѣдовались русскою политикою и въ отношеніяхъ русскаго правительства къ балканскимъ христіанамъ, и въ этомъ именно періодѣ болѣе, чѣмъ когда-либо. „Процессъ ослабленія мусульманскаго ига надъ греко-славянскими балканскими народностями“ былъ равнозначителенъ усиленію русскаго на нихъ вліянія. Лишь при крайней политической наивности можно вѣрить безкорыстію „греческаго проекта“, а когда Екатерина II имѣла въ виду образованіе „нейтральныхъ“ румынскихъ княжествъ, — намъ положительно неизвѣстно. Авторъ совершенно правильно возражаетъ противъ мнѣнія г. Карновича, полагавшаго, что мысль объ освобожденіи грековъ подалъ Екатеринѣ Вольтеръ. Но за то авторъ совершенно не правъ, полагая, что въ первые годы царствованія Екатерины вопросъ о нашихъ единовѣрцахъ въ Турціи не выдвигался потому, что нужно было сначала обезпечить матеріальные интересы Россіи на Востокѣ. Просто, для возбужденія этого вопроса не было сначала повода, а потомъ такимъ поводомъ явились стратегическія соображенія. Точно также какъ Россія возбуждала противъ Турціи грековъ, она возбуждала противъ нея Али-бея египетскаго; точно также она поощряла корсиканскаго патріота Паоли противъ Франціи. Достаточно сравнить прокламаціи къ грекамъ и къ крымскимъ татарамъ въ первую турецкую войну для того, чтобы дать истинную цѣну заботливости Екатерины объ ихъ освобожденіи. И если авторъ на стр. 203 совершенно правильно замѣчаетъ, что „озабоченное обезпеченіемъ экономическихъ интересовъ страны, правительство Екатерины старалось упочить собственное вліяніе не татаръ“ то странно, что онъ не видитъ точно такой же связи между вопросомъ о судоходствѣ черезъ проливы и вопросомъ о балканскихъ христіанахъ. Странныя противорѣчія представляютъ и сужденія автора о пресловутомъ „греческомъ проектѣ“. То онъ придаетъ ему большое значеніе, то находить, что онъ не выдерживаетъ и легкой критики; то выражаетъ мнѣніе, что онъ встрѣтилъ бы сильное сопротивленіе со стороны западныхъ державъ, то упрекаетъ Екатерину за то, что она „не сьумѣла

уничтожить мусульманское господство на Босфорѣ“; то наконецъ низводитъ его на степень „легкомысленнаго замысла“ (II, 379). Въ дѣйствительности никакого рѣшительно положительнаго, реальнаго значенія этотъ проектъ въ политикѣ Екатерины не имѣлъ. Источникомъ его были фантазіи всемилнаго Потемкина и необыкновенное увлеченіе французовъ въ это время изученіемъ древней Греціи и идею о ея восстановленіи. Въ пользу этой идеи ратовалъ даже Шуазель-Гуфье, бывший впослѣдствіи французскимъ посломъ въ Константинополь, до назначенія его на этотъ постъ. Но о томъ, какъ относилась Екатерина къ такого рода проектамъ, можно судить по тому, что о книгѣ Шуазеля, въ которой послѣдній взывалъ къ Екатеринѣ, чтобы она отказалась отъ мысли завоевать Грецію, а восстановила бы греческое государство, она отозвалась въ письмѣ Гримму, какъ о книгѣ „скучной, преисполненной болтовни и обличающей ненависть Шуазеля къ Россіи“. Что же касается дѣйствительности, то послѣ присоединенія Крыма, въ 1784 г. мы—говоря словами рескрипта къ посланнику при Портѣ—не намѣрены были касаться Турціи безъ повода съ ея стороны и всѣ виды наши направлены были на обезпеченіе границъ отъ Персіи и на безопасность нашей торговли; да и во время войны 1787 года не было рѣчи о греческомъ проектѣ. Кстати замѣтимъ, что, отдавая справедливость выгодамъ, извлеченнымъ Россіею изъ союза съ Австріею въ этой войнѣ, авторъ—со словъ Бутковскаго—совершенно неправильно (I, 229—230) утверждаетъ, будто Россія всѣми силами старалась удержать его въ войнѣ съ Турціею. Обсуждавшійся въ совѣтѣ и утвержденный послѣднимъ (съ конца 1788 г.) планъ примиренія Россіи съ Портою былъ основанъ на принципѣ „податливости“, то-есть, уступкахъ, потому что „наше главное желаніе—поскорѣе покончивъ войну, обратить наши силы вмѣстѣ съ Австріею противъ Пруссіи; но такъ какъ Порты можетъ не согласиться на предложенныя ей мирныя условія, а продолженіе войны съ Турціею и Швеціею и польскія дѣла могутъ послужить королю прусскому къ усиленію его непріязненныхъ предпріятій, то для предупрежденія и обузданія его было бы удобно представить императору заключить отдѣльный миръ, дабы онъ, освободившись отъ войны, былъ на стражѣ противъ Пруссіи“.

Упуская изъ виду дѣйствительную политическую подкладку русскаго правительства къ вопросу о турецкихъ христіанахъ, автору приходится недоумѣвать по вопросамъ совершенно яснымъ. Такъ, онъ скорбитъ (I, 253) о томъ, что Ростопчинъ—„самъ строгій и справедливый кри-

тикъ всей предшествовавшей русской политики, имѣлъ весьма смутныя понятія объ истинныхъ пользахъ и нуждахъ своего отечества“. потому, что онъ доказывалъ необходимость раздѣла Турціи между европейскими государствами, при чемъ Россія должна была взять Руманію, Булгарію и Македонію, а императоръ Павелъ надѣялся „подвести“ подъ російскій скипетръ и всю Грецію.

Далѣе, съ самаго начала царствованія Александра I одно изъ основныхъ началъ русской политики состояло въ томъ, чтобы всѣми средствами содѣйствовать сохраненію Турціи. За этотъ принципъ стоялъ и самъ императоръ, и братья Воронцовы, и графъ Кочубей. Причина этого опять вся та же,—это считалось выгоднымъ для Россіи, на основаніи довольно распространенной уже въ XVIII вѣкѣ теоріи (Монтескье и др.), что для государства ничего нѣтъ выгоднѣе, какъ имѣть слабыхъ сосѣдей. Эта теорія примѣнялась нами уже въ XVIII вѣкѣ относительно Польши и Швеціи. Примѣненіе этой теоріи къ Турціи было тѣмъ естественнѣе, что русскіе государственные люди того времени признавали только одно рѣшеніе восточнаго вопроса — раздѣлъ Турціи между европейскими державами, а объ освобожденіи христіанскихъ народностей ея и образованіи туземныхъ христіанскихъ государствъ не было и рѣчи. Даже Сербія не признавалась русскимъ правительствомъ способною къ независимости. Кстаті замѣтить, изложеніе отношеній между сербами и Россіею въ началѣ возстанія Георгія Чернаго у автора невѣрно. Неправильно объяснено поведеніе Чарто-рыйскаго на стр. 261 и невѣрно изложены (по Попову) факты на стр. 262, какъ въ этомъ авторъ могъ бы убѣдиться изъ статьи Rosen, Die Beziehungen d. Serbenvolks zu Russland, 1878 г., если бы онъ не отрицалъ иностранныхъ источниковъ. Между прочимъ изъ этой статьи онъ бы узналъ, что, начиная войну съ Турціею, Россія предлагала Австріи взять Сербію себѣ и, лишь послѣ отказа Австріи, стала поддерживать сербовъ для того, чтобы они не отдались Наполеону и чтобы имѣть ихъ союзниками для предупрежденія вторженія французовъ черезъ Далмацію. Далѣе. Тильзитское соглашеніе „объ освобожденіи турецкихъ христіанъ“ сводилось къ раздѣлу Турціи между Франціею (Египеть) и Россіею (Молдавія, Валахія и Болгарія). Авторъ вообще не выяснилъ политическихъ цѣлей Россіи въ сербскомъ вопросѣ хотя бы по запискѣ Радофиникина и замѣчаніямъ на нее Прозоровскаго.

Ошибочно утверждаетъ авторъ, что Россіи принадлежала инициатива привлеченія Вѣнскаго конгресса къ обсужденію восточнаго во-

проса: циркулярная нота февраля 1815 г. была послѣдствіемъ принятаго осенью 1814 г. австрійскимъ кабинетомъ рѣшенія поднять на конгрессѣ вопросъ о гарантіи Турціи и разговоры по этому вопросу Кэстльри съ Александромъ. Впрочемъ въ другомъ мѣстѣ (II, 318—319) самъ авторъ признаетъ, что эта „иниціатива“ никакого серьезнаго значенія не имѣла.

Далѣе (I, 302) авторъ чрезмѣрно преувеличиваетъ мнимое вліяніе Меттерниха на Александра въ восточномъ вопросѣ вообще и греческомъ въ частности. Онъ при этомъ руководствуется мнѣніемъ Данилевскаго, которому, какъ славянофилу, нужно было свалить вину русской политики въ этомъ вопросѣ на нѣмца. Отчасти то же соображеніе быть можетъ руководило и авторомъ. Но такой взглядъ на дѣло фактически и исторически невѣренъ. Соловьевъ совершенно основательно замѣчаетъ по поводу строгаго отвѣта Александра генералу Ипсиланти и отставки послѣдняго, что „строгое соотвѣтствіе этихъ рѣшеній уже прежде высказанной программѣ не даетъ намъ права утверждать, что они состоялись подъ вліяніемъ внушеній Меттерниха, хотя послѣдній, разумѣется, долженъ былъ употребить всѣ усилія, чтобъ удержать русскаго императора при его программѣ“. Въ подтвержденіе своего мнѣнія г. Жигаревъ приводитъ записку Меттерниха отъ 26-го апрѣля, не замѣтивъ, что уже мѣсяцемъ раньше взглядъ русскаго правительства на возстаніе вполне опредѣленно высказался въ письмахъ гр. Каподистрія Строганову и Ипсиланти отъ 26-го марта. Притомъ Каподистрія употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы убѣдить Александра къ заступничеству за грековъ, но эти убѣжденія привели лишь къ его отставкѣ. Слѣдуя Данилевскому, авторъ повторяетъ его доводы (I, 302), что „Россіи въ данномъ случаѣ нечего было опасаться революціонной и либеральной заразы“ и т. п., между тѣмъ въ другомъ мѣстѣ (I, 314) самъ онъ признаетъ, что убѣжденія Каподистрія не подѣйствовали на Александра между прочимъ потому, что великій князь Константинъ доносилъ, что въ Польшѣ начинается волненіе, могущее превратиться въ открытое возстаніе. Наконецъ, не лишены интереса и мотивы, приведшіе Александра къ вмѣшательству въ пользу грековъ: „вмѣсто того чтобы подавить революціонный духъ, Порта его распространяетъ; вмѣсто того, чтобы погубить окончательно дѣло революціи, она его облагораживаетъ“ своимъ поведеніемъ относительно грековъ и если державы не вмѣшаются въ пользу послѣднихъ, то „революціонеры европейскіе перенесутъ всю свою гибельную дѣятельность въ Грецію, дадутъ здѣсь торже-

ство своимъ гибельнымъ ученіямъ и успѣютъ ввести въ заблужденіе народы, обвиняя союзъ въ стремленіи отдать Грецію подъ власть варварскую и поставить на одну доску магометанство и христіанство“.

Довольно сбивчивы сужденія, высказываемыя авторомъ (I, 399, 402 — 404; II, 322) о Мюнхенгрецкой конвенціи 1833 г. Россіи съ Австріею. Неправильно толкуетъ также авторъ Лондонскія конвенціи 1840 и 1841 г., будто ими установленъ въ европейскомъ международномъ правѣ принципъ коллективнаго вмѣшательства Европы въ турецкія дѣла.

По поводу заключительной главы I тома: „Общіе результаты отношеній Россіи къ Турціи съ половины XVIII до половины XIX вѣка“ мы должны опять повторить сдѣланный уже ранѣе упрекъ автору. Указывая, что Россія преслѣдовала здѣсь двоякіе интересы: 1) доступъ къ Черному морю и проливамъ и 2) обезпеченіе интересовъ православія и улучшеніе положенія своихъ единовѣрцевъ на Востокъ, авторъ полагаетъ (I, 451), что „разница между ними заключалась лишь въ томъ, что съ первыми связывались экономическія и политическія выгоды, а со вторыми—религіозно-національныя задачи“. Такое различеніе неправильно: какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ политическія выгоды Россіи играли одинаковую роль. Влѣдствіе непониманія политической подкладки поведенія Россіи въ вопросѣ о турецкихъ христіанахъ авторъ совершенно неправильно критикуетъ и получившій господство въ русской политикѣ первой половины XIX вѣка принципъ защиты Турціи (I, 378, 384, 459 и сл., 462 сл. и др.). Вмѣшательство въ пользу Турціи въ 1833 г. имѣло послѣдствіемъ Ункіарь-Скелесскій договоръ, который конечно былъ выгоденъ для Россіи, а путемъ дружбы съ Портою Россія имѣла въ виду достигнуть не столько „разрѣшенія восточнаго вопроса“ (I, 459) въ смыслѣ освобожденія турецкихъ христіанъ, сколько своего господства на Босфорѣ, достигнуть котораго иными путями было невозможно. Въ противномъ случаѣ не было бы никакой надобности для Россіи такъ упорно настаивать на своемъ „исключительномъ правѣ“ осуществить свое мнимое „божественное предопредѣленіе“ и „историческую миссію“ на Востокъ. Поэтому Россія въ XIX вѣкѣ не исполняла своей „исторической миссіи“ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда къ этому представлялась возможность, а либо добивалась завоеваній на счетъ Турціи, либо ограничивалась требованіями административной автономіи или полунезависимости для ея областей, когда можно было настаивать на признаніи ихъ независимости. Достаточно ясный примѣръ этого

представляет постановленіе 10 ст. Адрианопольскаго трактата относительно признанія полунезависимости Греціи и состоявшееся противъ желанія Россіи признаніе ея независимости западными державами: для Россіи легче было оказывать свое вліяніе на Турцію и Грецію при полунезависимости послѣдней (ср. напримѣръ II 30).

Усматривая въ задачахъ русской политики на Востокѣ исключительно гуманитарныя цѣли и быть можетъ намѣренно закрывая глаза на цѣли политическія, авторъ даетъ и невѣрную общую оцѣнку роли европейской дипломатіи въ отношеніяхъ Россіи къ Турціи. Впрочемъ, тутъ авторъ противорѣчитъ себѣ на каждомъ шагу. То онъ признаетъ, что участь турецкихъ христіанъ „всегда представляла международный интересъ“ и что западныя державы „не могли допускать роковаго для равновѣсія Европы преобладанія Россіи на Босфорѣ“ (I, 449). что процвѣтанія русскаго вліянія на Востокѣ „было совершенно достаточно для того, чтобы возбудить страшную подозрительность и недоброжелательство западной Европы противъ Россіи“ (I, 460), то усматриваетъ въ политикѣ западныхъ державъ только „эгоистическіе расчеты“ и „страсть къ собственной наживѣ“ (I, 461), хотя признаетъ и то, что „наша политика еще не могла быть безкорыстной“ (I, 214) и что западныя державы имѣли въ виду обезпечить Порту „отъ дальнѣйшихъ захватовъ со стороны сѣвернаго колосса“ (I, 218, 221, 241, 461). Авторъ возмущается, что во время второй восточной войны при Екатеринѣ Россія едва избавилась отъ грозной коалиціи, вызванной лишь требованіемъ ею независимости Дунайскихъ княжествъ (I, 461). Но въ другомъ мѣстѣ (I, 210) самъ авторъ признаетъ, что „само собою разумѣется, эти княжества должны были по мысли великой императрицы обязательно входить въ составъ общей политической системы русскаго двора и подчиняться вліянію Россіи“.

Вслѣдствіе неправильнаго взгляда на русскую политику сохраненія Турціи авторъ совсѣмъ не понялъ истиннаго смысла и значенія Балто-Лиманской конвенціи 1849 г. По его мнѣнію, цѣль ея—„предупредить повтореніе революціонныхъ смутъ на Балканскомъ полуостровѣ, грозившихъ существованію Турціи“ (II, 10 и 14), между тѣмъ какъ въ дѣйствительности отиѣна пожизненнаго выбора господарей и замѣна его срочными назначеніями ихъ по соглашеніямъ между Портой и Россіей направлена была лишь къ обезпеченію постояннаго вліянія Россіи на выборъ господарей, а самая конвенція—къ возстановленію ослабѣвшаго вліянія Россіи на Порту.

Русская политика въ эпоху крымской войны изложена по Татищеву, Богдановичу и барону Жомини и потому довольно удовлетворительно, хотя въ изложеніи дипломатическихъ переговоровъ эпохи Вѣнскихъ конференцій и Парижскаго конгресса не выяснена политика державъ (особенно Наполеона III) и отношенія ихъ къ отдѣльнымъ вопросамъ, обсуждавшимся на конгрессѣ: о княжествахъ, о турецкихъ христіанахъ и т. д.

Очень слабы затѣмъ главы IV и V, обнимающія періодъ съ 1856 г. до войны 1877 года,—главнымъ образомъ вслѣдствіе игнорированія авторомъ иностранныхъ источниковъ и совершенной недостаточности тѣхъ русскихъ источниковъ, коими онъ пользовался. Русская политика иногда опредѣляется невѣрно (напримѣръ, II, 105), а въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ не очерчена, даже въ такихъ существенныхъ вопросахъ 60-хъ годовъ, какъ о соединеніи Дунайскихъ княжествъ, въ сербскомъ и критскомъ вопросѣ. Русскіе дипломатическіе документы по этимъ вопросамъ авторъ могъ найти хотя бы въ „Ежегодникѣ“ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Читателю остается совершенно неизвѣстнымъ, напримѣръ, что въ 1861 и 1866 гг. Россія вмѣстѣ съ Турціею была противъ соединенія Молдавіи и Валахіи и противъ избранія ими иностраннаго князя, а равно вся любопытная аргументація нашей дипломатіи въ пользу такого сопротивленія. На стр. 117 невѣрно цитированъ декретъ критскаго національнаго собранія 1866 года, а на слѣдующей полустраницѣ критскій вопросъ такъ скомканъ, что рѣшительно неизвѣстно, какой политики держались державы, какой Россія. Авторъ, не счелъ даже нужнымъ хотя мелькомъ упомянуть, что въ то время Россія считала справедливымъ горячо отстаивать присоединеніе Крита къ Греціи или, по меньшей мѣрѣ, его автономію. Вмѣстѣ съ тѣмъ не выяснены и отношенія Россіи къ западнымъ державамъ по вопросамъ Востока за весь этотъ любопытный (послѣ 1856 г.) періодъ (напримѣръ образованіе трехдержавнаго союза). Ограничившись невѣрною передачею (II, 120) записки Бейста 1867 года, авторъ не охарактеризовалъ ни австрійской, ни французской и англійской политики за это время. Наконецъ, весьма поверхностно изложены и дипломатическіе переговоры 1871 г.

Глава о восточномъ кризисѣ 1875 — 1878 гг. удовлетворительна въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ пересказываетъ сочиненіе Мартенса, и совершенно неудовлетворительна въ большей части, заимствованной изъ указанныхъ нами выше статей въ „Наблюдателѣ“, изъ которыхъ такъ много черпаетъ авторъ. Цѣлыми страницами идутъ выписки

изъ этихъ статей. Заимствуются отсюда безъ указанія источника даже критическія замѣчанія (I, 165; „Наблюдатель“ № 2 стр. 266). Наконецъ, „наиболѣе интересными“ авторъ признаетъ (II, 155) только тѣ выдержки изъ дипломатической переписки, какія онъ нашелъ въ „Наблюдателѣ“ (№ 1 стр. 311). Поэтому напримѣръ, заключеніе депеши лорда Лофтуса о его разговорѣ съ Александромъ II (3-го ноября 1876 г.), въ которой резюмированы взгляды русской политики, оказалось для автора неинтереснымъ. Въ число неинтересныхъ фактовъ попало поэтому же и заключительное весьма важное заявленіе графа Игнатьева на Константинопольской конференціи 1876 г.

То же слѣдуетъ сказать и о главѣ, посвященной Берлинскому конгрессу. Авторъ увѣряетъ между прочимъ (II, 180—181), что Бисмаркъ, негодуя на Россію, направилъ взоры Австріи на Востокъ, между тѣмъ какъ у нея и раньше уже взоры туда были устремлены. На 186 стр. авторъ безъ всякаго основанія и вопреки документальнымъ фактамъ (быть можетъ ему неизвѣстнымъ по недостаточности его источника) утверждаетъ будто Австрія старалась весной 1877 г. примирить противорѣчіе во взглядахъ Россіи и Англій и будто разрыва не произошло благодаря посредничеству Германіи. Приводя чужія мнѣнія взамѣнъ своихъ собственныхъ, авторъ даже не считаетъ нужнымъ ихъ провѣрять. Такъ, на стр. 208 онъ выписываетъ мнѣніе г. Майкова о несправедливости допущенія Берлинскимъ конгрессомъ Сербіи въ дунайскую европейскую комиссію, хотя она такое же прибрежное къ Дунаю и независимое государство, какъ Румынія, и не замѣчаетъ, что Румынія допущена была въ нее какъ государство прибрежное къ той части Дуная (до Галаца), гдѣ функционировала комиссія и слѣдовательно *формально* основанія для допущенія въ нее Сербіи не имѣлось. Наконецъ, въ критикѣ постановленій конгресса (II, 218) авторъ напрасно приписываетъ конгрессу отдачу Босніи и Герцеговины австрійцамъ. Ему очень хорошо извѣстно, что конгрессъ лишь санкционировалъ соглашеніе, состоявшееся по этому предмету между Россіей и Австро-Венгріею до собранія конгресса. Нарушеніе этого соглашенія въ С.-Стефанскомъ договорѣ было по всей вѣроятности одною изъ главныхъ причинъ враждебности къ намъ Австріи на конгрессѣ.

Относительно послѣднихъ главъ исторической части—отъ 1878 г. до нашихъ дней—можно только сказать, что при односторонности источниковъ, которыми пользовался авторъ, много изложенія событій этого времени и ожидать было бы странно. Есть здѣсь и масса не-

точностей: напимѣрь на стр. 227 полковникъ Шепелевъ отозванъ изъ Софіи *не* по просьбѣ князя Александра. На стр. 228 конституція отмѣнена Баттенбергомъ *не* по наущенію съ запада, — объ этомъ свидѣтельствуеть Эрнротъ и статья Аксакова въ „Руси“, за недѣлю до переворота совѣтовавшаго отмѣну конституціи; на стр. 234 невѣрно, будто Стоиловъ отрѣшилъ митрополита Мелетія и т. д. Повторяя непровѣренныя чужія мнѣнія (напимѣрь 233, что генералы Соболевъ и Эрнротъ „желали быть выразителями материнской заботливости Россіи о благосостояніи Болгаріи“, или 236, что князь Александръ старался сбросить съ себя русскую опеку „изъ своихъ эгоистическихъ личныхъ видовъ“), авторъ противорѣчитъ имъ въ приводимыхъ имъ фактахъ (напимѣрь II, 237), даже въ томъ неполномъ и одностороннемъ видѣ, въ какомъ они приводятся у автора. Наконецъ, выписки патріотическихъ отзывовъ Каткова и черпаніе историческихъ данныхъ изъ газетъ, хотя бы то были даже „Московскія Вѣдомости“ (II, 242, 258 сл., 261 и др.), не только не помогли автору въ выясненіи русской политики на Востокъ и восточнаго вопроса за послѣднія десятилѣтія, но даже привели его къ противорѣчію съ самимъ собой (ср. II, 404 сл., 406 и др.). Впрочемъ въ одномъ мѣстѣ, — въ оцѣнкѣ миссіи бар. Каульбарса (II, 289) — авторъ нѣсколько отступаетъ отъ своей quasi-патріотической оцѣнки дѣйствій болгарскаго правительства въ 80-хъ годахъ. Но здѣсь на автора, кажется, повлияли воспоминанія о слышанныхъ имъ въ бытность его студентомъ лекціяхъ профессора. Въ общемъ же эти главы, посвященныя болгарскому вопросу, слѣдуетъ читать въ связи съ стр. 399—409, гдѣ отношенія между Россіей и Болгаріей рассмотрѣны и оцѣнены (на основаніи другихъ источниковъ) гораздо вѣрнѣе и справедливѣе.

При всемъ томъ съ общими выводами, которые дѣлаеть авторъ (II, 302—312) относительно русской политики на Востокъ съ 1841 г., можно согласиться, хотя опять-таки съ оговорками: Греція освобождена и Молдавія и Валахія соединились вопреки желаніямъ Россіи; точно также и Болгарія объединилась и приобрѣла нынѣшнюю свою фактическую независимость помимо желаній русской политики, которая хотя и дѣйствовала на пользу балканскихъ христіанъ, но преслѣдовала при этомъ не только освободительныя гуманитарныя, а и свои національныя политическія цѣли. Послѣднія только не были достигнуты. Недаромъ нѣкоторые славянскіе патріоты (напимѣрь Св. Милетичъ) сочувствовали замѣнѣ исключительнаго вліянія Россіи на Востокъ правомъ коллективнаго вмѣшательства державъ.

„Вліяніе державъ.—говорилъ онъ,—которыя изъ политическихъ видовъ (напримѣръ Россія и Австрія) не сочувствуютъ образованію независимыхъ національныхъ единицъ на развалинахъ Турціи, будетъ уравновѣшиваться противодѣйствіемъ тѣхъ (напримѣръ Англіи), которыя, имѣя въ виду одни торговые интересы, гарантію рынковъ для сбыта, въ сущности ничего не имѣютъ противъ дѣйствительнаго освобожденія этихъ народовъ, но опасаются, чтобы послѣдніе не сдѣлались добычей перваго сильнаго государства, которое поможетъ имъ освободиться“.

Вторая, критическая, часть сочиненія г. Жигарева раздѣляется на два отдѣла. Первый (II, 313—410) посвященъ критическому обзору прошлой политики Россіи. Этотъ отдѣлъ начинается критическимъ разборомъ взглядовъ проф. Мартенса на восточную политику Россіи. Въ общемъ замѣчанія автора правильны, хотя взгляды, высказываемые имъ здѣсь, во многомъ несогласны съ взглядами его въ исторической части его сочиненія. Такъ, оказывается, что, не допуская вмѣшательства другихъ государствъ въ наши отношенія съ Портой, русская дипломатія прежнихъ временъ доказала узкость взгляда своего на восточный вопросъ (II, 317); что „не русское правительство вызывало къ жизни греко-славянскій вопросъ разумною и гуманною политикою, а послѣдній самъ становился передъ нами неотложною задачею, самъ принуждалъ насъ къ активной политикѣ; вмѣшиваясь въ восточныя дѣла большею частью благодаря стеченію различныхъ обстоятельствъ, иногда даже противъ своего желанія и безъ яснаго сознанія великаго значенія восточнаго вопроса, русское правительство не могло проникаться высокими стремленіями, приписываемыми ему проф. Мартенсомъ“ (II, 318); что „только послѣдняя русско-турецкая война была ведена за славянскую идею“ (332); что союзъ Николая I съ Англіею и Франціею и постановленіе Адрианопольскаго трактата въ пользу грековъ „обусловливались не сознаніемъ необходимости освободить турецкихъ христіанъ, а желаніемъ обезпечить миръ Европы и укрѣпить за Россіею ея исключительное вліяніе на Востокъ“ (321 и 325); что даже русская политика на Востокъ при Николаѣ I была не безкорыстна, а имѣла въ виду торговые и политическіе интересы „съ полнымъ пренебреженіемъ къ интересамъ нашихъ единоумѣрцевъ и единоплеменниковъ“ (II, 328), и что освобожденіе турецкихъ христіанъ было слѣдствіемъ нашихъ войнъ съ Турціею, но веденныхъ ради обезпеченія правъ и преимуществъ Россіи на Востокъ, „а не съ цѣлью защиты интересовъ христіанскихъ

подданныхъ султана“ (II, 332). Если сопоставить всё эти сужденія съ сужденіями автора въ исторической части его книги, можно бы подумать, что ихъ писали два разныхъ лица.

Слѣдующія главы посвящаются разсмотрѣнію ошибокъ русской политики на Востокѣ, каковы: отсутствіе у Россіи яснаго пониманія собственныхъ интересовъ на Востокѣ, антинациональное направленіе, постоянное возбужденіе страха въ западныхъ державахъ за безопасность ихъ интересовъ на Востокѣ. Автору иногда приходится повторяться и приводить одинъ и тотъ же историческій фактъ въ каждой изъ указанныхъ рубрикъ, притомъ и взгляды, высказываемые имъ здѣсь, не новы,—мы ихъ читали и у Татищева, и у Пыпина, и у Бухарова и другихъ—но въ общемъ эта часть книги несравненно лучше исторической ея части. съ которою она впрочемъ находится въ непримиримомъ логическомъ противорѣчии. Встрѣчаются впрочемъ, и верѣдко, странныя и даже политически наивныя сужденія. Такъ, на стр. 336 авторъ удивляется, отчего Россія не присоединила Крыма послѣ войны 1769—1774 года, не потребовала его независимости, или на стр. 338, почему Россія не возбудила вопроса о проливахъ во время послѣдней войны. Констатируя еще разъ сознаніе автора на стр. 338, что „русское правительство въ отношеніи восточныхъ христіанъ издавна руководится интересами минуты и направляетъ свою политику не въ смыслѣ осуществленія историческаго призванія Россіи, а сообразно различнымъ политическимъ комбинаціямъ, которыя въ данный моментъ являются для него наиболѣе выгодными“, мы должны отмѣтить далѣе совершенно неправильное пониманіе авторомъ принципа сохраненія Оттоманской имперіи, провозглашаемаго русскою политикою съ начала XIX вѣка и до нашихъ дней. Въ сущности это было не болѣе, какъ политическою комбинаціею для поддержанія вліянія Россіи на Порту, а авторъ вѣритъ русскимъ дипломатическимъ документамъ на слово (II, 339, 356 сл.), будто этотъ принципъ имѣлъ безкорыстныя отвлеченныя основанія. Между тѣмъ онъ же признаетъ, что цѣлью русской политики при этомъ была лишь охрана созданнаго ею на Востокѣ порядка вещей ради намѣченныхъ ею задачъ (II, 346); у него прорывается, напримѣръ, сознаніе (II, 358), что подъ прикрытіемъ этого принципа русское правительство вмѣшивалось во внутреннія дѣла христіанскихъ народностей, чтобы дать ихъ политической жизни направленіе, согласное съ намѣреніями русскаго двора, но онъ находитъ противорѣчіе между этимъ принципомъ и проектами раздѣла Турціи и присоединенія ея владѣній къ Россіи (II, 340). Между

тѣмъ цѣль была и тутъ и тамъ одна и та-же. И въ настоящее время дружественную Портѣ политику Россіи въ армянскомъ и критскомъ вопросѣ на западѣ объясняютъ тѣмъ, что, не будучи въ состояніи поглотить Турцію или Константинополь по политическимъ обстоятельствамъ международнаго положенія, Россія охраняетъ цѣлость Турціи, приберегая ее себѣ до болѣе удобнаго времени. Поэтому несвоевременныя съ точки зрѣнія политическихъ интересовъ русскаго правительства или несогласныя съ его видами перемѣны на Востокѣ, „хотя бы онѣ вызывались силою историческаго процесса“; всегда вызвали и вызываютъ противодѣйствіе со стороны Россіи. Въ 1830 г. Нессельроде откровенно признавался, что, „по мнѣнію государя, Турція, вынужденная существовать подъ покровительствомъ Россіи и повиноваться ей волѣ, болѣе отвѣчаетъ нашимъ политическимъ и торговымъ интересамъ, чѣмъ всякая новая комбинація, которая вынудила бы насъ или путемъ завоеваній слишкомъ расширить наши владѣнія, либо замѣнить Турцію государствами, которыя не замедлили бы соперничать съ нами въ могуществѣ, цивилизаціи, промышленности и богатствѣ“.

Такимъ взглядомъ объясняется между прочимъ и цѣлый рядъ возмутительныхъ съ современной точки зрѣнія вышательства Россіи для подавленія освободительныхъ стремленій румынъ, сербовъ, примѣры коихъ авторъ приводитъ здѣсь (II, 361 слѣд.), умолчавъ о нихъ въ исторической части своего сочиненія, а не отвлеченною борьбой съ „революционнымъ духомъ“, которая служила лишь благоприятнымъ для истинныхъ цѣлей русской политики прикрытіемъ.

Нельзя согласиться и съ нѣкоторыми отдѣльными мнѣніями автора, напримѣръ (II, 348), будто, черпая изъ иностранной литературы и науки иностранные взгляды, симпатіи и антипатіи, слѣпо преклоняясь передъ ними въ ущербъ изученію началъ русской исторіи, русское общество прошлаго и начала нынѣшняго вѣка не имѣло возможности оцѣнить потребностей и нуждъ своего отечества, въ примѣненіи къ внѣшней политикѣ. Прежде всего надо замѣтить, что не общество руководило этою политикой, а затѣмъ—что изученіе иностранной литературы хотя бы по греческому вопросу скорѣе должно бы было привести къ выводамъ, согласовавшимся съ „историческою миссіей“, приписываемою авторомъ Россіи, точно также какъ изученіе иностранной науки по восточному вопросу едва ли можетъ помѣшать русскому автору написать хорошее сочиненіе по этому вопросу, между тѣмъ какъ примѣры обратнаго мы видимъ, къ сожалѣнію, на книгѣ г. Жигарева.

Напрасно также авторъ скорбитъ (348—349) о томъ, что нерѣдко и веденіе нашей внѣшней политики поручалось людямъ иностраннаго происхожденія, мало понимавшимъ будто бы духъ русской исторіи и чуждымъ православія. Развѣ подъ мнѣніями Миниха и Андрея Остермана по вопросу о Дунайскихъ княжествахъ авторъ не подписался бы? Развѣ онъ не называетъ Екатерину II великою императрицею? Судя по тому, что въ этомъ мѣстѣ своего сочиненія авторъ слѣдуетъ Татищеву, можно думать, что онъ имѣетъ въ виду Нессельроде, но политику при Николаѣ I вель самъ императоръ. Съ другой стороны мнѣніе автора о чисто русскомъ кн. Горчаковѣ, хотя и пересказанное съ чужихъ словъ, не особенно лестно (II, 352). Наконецъ, при сужденіи о національномъ или антинаціональнымъ направленіи политики государства, какъ то дѣлаетъ авторъ, слѣдовало бы прежде всего выяснитъ вопросъ,—кто можетъ быть признанъ истиннымъ выразителемъ національныхъ интересовъ страны. Мнѣній русской печати по политическимъ вопросамъ авторъ не приводитъ или приводитъ ихъ случайно, сообразно своимъ надобностямъ. Но вспомнимъ діаметрально противоположныя мнѣнія, высказывавшіяся въ періоды 1876—1878 г. *Голосомъ* и *Московскими Вѣдомостями*. Которая изъ этихъ газетъ и которое изъ представленныхъ ими направленій были патріотичнѣе и національнѣе,—вопросъ этотъ всегда будетъ рѣшаться двояко. Авторъ ссылается на статью г. Слонимскаго и на обзорнія „Вѣстника Европы“ для доказательства антинаціональнаго направленія восточной политики Россіи въ XIX вѣкѣ. Мы бы предпочли ссылку на совершенно тождественныя съ этимъ мнѣнія славянофиловъ, начиная съ Ростопчина и Погодина. Но нельзя же игнорировать политическія соображенія самого правительства. Авторъ не признаетъ, напримѣръ, (II, 350 сл. 372 и др.) реального значенія для русской политики за принципомъ легитимизма или политическаго равновѣсія. Между тѣмъ въ одной запискѣ Нессельроде наши вмѣшательства въ дѣла Европы прямо объяснены самообороною: „Императоръ (Николай) отстаивалъ свой собственный домъ, утушая пожаръ у сосѣдей“. Быть можетъ, авторъ и правъ, утверждая, что перевороты, совершавшіеся на Западѣ, не представляли для насъ никакой реальной опасности, но справедливость этого мнѣнія ограничивается самою Россіею, а въ Польшѣ мы имѣли возстаніе 1831 года. Польскимъ же вопросомъ обуславливались отношенія къ Австріи и Пруссіи. Кстати замѣтимъ, что мнѣнія, высказываемыя авторомъ относительно этихъ отношеній (II, 344, 369 сл.), болѣе симпатичны, чѣмъ справедливы. Что же касается прин-

ципа политическаго равновѣсія въ политикѣ Европы даже XIX вѣка. то наилучшимъ доказательствомъ его важнаго значенія служить глава въ сочиненіи автора, посвященная разсмотрѣнію отношеній Россіи и западныхъ державъ въ восточномъ вопросѣ. Мнѣнія, высказываемыя авторомъ въ этой главѣ (особенно II, 389), хотя и не оригинальныя, но усвоенныя отъ хорошихъ публицистовъ, стоятъ въ непримиримомъ противорѣчій со всею историческою частью его сочиненія и потому заслуживаютъ полнаго сочувствія. Здѣсь, какъ и въ слѣдующей главѣ, интересы западныхъ державъ, ихъ отношенія къ турецкимъ христіанамъ и мотивы ихъ враждебности къ Россіи (укажемъ еще II, 396 сл.) изложены вполне безпристрастно. То же слѣдуетъ сказать и о послѣдней главѣ этого отдѣла, гдѣ авторъ сводитъ грустные „результаты коренныхъ недостатковъ восточной политики Россіи“.

Вообще, повторяемъ, этотъ отдѣлъ книги г. Жигарева представляетъ собою лучшую часть его сочиненія. Подборъ авторовъ, у которыхъ г. Жигаревъ заимствуетъ свои мнѣнія, хорошъ. Хороша и группировка фактовъ. Но... взгляды, высказанные въ этомъ отдѣлѣ, содержатъ безпощадную критику взглядовъ, которые мы встрѣчали въ исторической части о неуклонномъ исполненіи Россіею на Востокѣ ея провиденціальной миссіи освобожденія турецкихъ христіанъ.

Наконецъ, послѣдній, собственно теоретическій отдѣлъ книги г. Жигарева (II, 411—526) посвященъ вопросу о задачахъ будущей политики Россіи на Востокѣ. Здѣсь авторъ сначала разсматриваетъ „націоналистическій взглядъ на конечныя цѣли Россіи въ восточномъ вопросѣ“. Доказывая, что утвержденіе русскаго господства на Босфорѣ и подчиненіе балканскихъ народностей политическому руководству Россіи не можетъ быть конечною цѣлью нашей восточной политики, авторъ полемизируетъ противъ извѣстнаго публициста г. Татищева и „извѣстнаго ученаго“ г. Штиглица, и въ заключеніе объявляетъ, что таковы взгляды на задачи восточной политики Россіи, высказываемыя „нашею печатью“. Несомнѣнно, что и дѣтски-наивный лепетъ г. Штиглица относится къ русской печати, но думаемъ, что можно бы было замѣнить его болѣе авторитетнымъ именемъ, хотя бы, напримѣръ, кого-либо изъ корифеевъ славянофильскаго лагеря. Затѣмъ, объявляя (II, 413, 421) послѣ изложенія мнѣній гг. Татищева и Штиглица, что „таковы взгляды на задачи восточной политики Россіи, высказываемыя нашею печатью“, авторъ вводитъ читателя въ заблужденіе, вызывая своими словами предположеніе, будто таковы взгляды *всей* печати, между тѣмъ какъ самъ авторъ основаль

свою критику „націоналистической теоріи“ на мнѣніяхъ публицистовъ и журналовъ, имѣющихъ, конечно, болѣе правъ на признаніе ихъ представителями русской печати, чѣмъ г. Штигилицъ.

Послѣднія, весьма слабыя, главы сочиненія г. Жигарева посвящены вопросамъ о „наиболѣе правильной съ точки зрѣнія международнаго права формѣ рѣшенія восточнаго вопроса“, о возможности рѣшенія его мирнымъ путемъ и объ основныхъ началахъ, которыми должна руководиться Россія въ своей политикѣ ради скорѣйшаго рѣшенія его. Весьма благонамѣренны, конечно, пожеланія автора въ пользу образованія федераціи независимыхъ балканскихъ государствъ, хотя самъ авторъ признаетъ ее почти несбыточною мечтою; но программу будущей русской политики относительно этихъ государствъ, предлагаемую авторомъ, мы рѣшительно отказываемся понять. По мнѣнію автора, Россія призвана по отношенію къ балканскимъ христіанамъ заботиться между прочимъ о томъ, чтобъ развитіе ихъ шло по возможности исправнымъ и законнымъ (по какому критерию?) путемъ; чтобъ они насильственно не посягали на взаимную независимость, чтобъ они *по справедливости* раздѣлились въ наслѣдствѣ Турціи и размежевались между собою *сообразно съ желаніями* и потребностями своихъ жителей и съ особенностями обитаемой ими страны; чтобъ они не питали другъ къ другу взаимной вражды; чтобы они были вполне безопасны отъ всякаго рода эксплуатаціи; чтобъ они всегда были самостоятельны и независимы, жили своею жизнью, держались своихъ природныхъ началъ и сохраняли вѣрность своей церкви; Россія не должна вмѣшиваться въ ихъ внутреннія дѣла, но должна предохранять ихъ отъ ошибочныхъ (по какому критерию?) увлеченій, она ни подъ какимъ видомъ не должна допускать въ нихъ усиленія верховной власти на счетъ народа; она должна заботиться, чтобы они воспитывались въ духѣ *нашихъ* національныхъ стремленій и политическихъ задачъ; она должна стараться *насадить* въ земляхъ православнаго Востока *русскую* науку (что такое русская наука?) и *русское* просвѣщеніе, а не предоставлять западной Европѣ воспитывать ихъ въ духѣ своихъ стремленій; она должна широко раскрыть двери своихъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній (раздачей стипендій и предоставленіемъ дароваго проѣзда?) для восточныхъ христіанъ и путемъ *русской* науки укрѣпить въ ихъ *массахъ* солидарность во взглядахъ съ Россією. Всего этого требуетъ не только политическій расчетъ—укрѣпить русское вліяніе на Востокѣ, но и историческое призваніе Россіи—оградить національную и духовную са-

мобитность балканскихъ народовъ, которой постоянно служатъ серьезною угрозой честолюбивые замыслы западнаго католицизма (II, 441, 450, 518, 520—521).

Такова начертанная авторомъ обширная программа поведенія Россіи относительно балканскихъ народностей. По мнѣнію автора, это программа полнаго невмѣшательства во внутреннюю ихъ жизнь. А по нашему мнѣнію, это система полнѣйшаго политическаго и культурнаго подчиненія ихъ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ сочетать содѣйствіе Россіи ихъ *справедливому* размежеванію съ содѣйствіемъ размежеванію согласно съ *желаніями* каждой изъ нихъ, напримѣръ, въ Македоніи? Какъ насаждать любовь между греками и славянами, да и между самими славянами? По какому критерию судить о законности или незаконности ихъ развитія и какъ противодействовать незаконному развитію? По какому критерию судить, подвергаются ли они эксплуатаціи или нѣтъ и чѣмъ противодействовать послѣдней? Какими способами заставлять ихъ жить *своею* жизнью, держаться своихъ природныхъ началъ и сохранять вѣрность своей церкви? Какъ судить объ *ихъ* жизни и *природныхъ* началахъ? Что признавать *ошибочными* увлеченіями и какъ имъ противодействовать? Какъ, безъ вмѣшательства, не допускать усиленія у нихъ верховной власти? Какими средствами воспитывать ихъ въ духѣ *нашихъ* національныхъ стремленій и *политическихъ* задачъ, независимо отъ *ихъ* національныхъ стремленій и *политическихъ* задачъ? Если во всемъ этомъ дѣйствовать только путемъ совѣтовъ, то—какъ показалъ весьма продолжительный опытъ—совѣты могутъ быть не приняты. Совѣты въ родѣ предлагаемыхъ г. Жигаревымъ мы давали и въ Болгаріи, и — въ болѣе раннія времена—въ Сербіи, Молдавіи, Валахіи и дѣло въ огромномъ большинствѣ случаевъ оканчивалось взаимными неудовольствіями. Оно и понятно. — единоплеменность и единовѣріе не означаютъ еще полнаго тождества народнаго склада, культурныхъ и, въ особенности, политическихъ тенденцій. Но и помимо этого авторъ сочувственно приводитъ (II, 449) на ряду съ своей программой сужденія г. Пыпина, что не бывши для балканскихъ славянъ ни тѣмъ, чѣмъ былъ Пиемонтъ для Италіи, ни чѣмъ была Пруссія для Германіи, Россія не можетъ стать политически во главѣ славянскихъ народовъ, пока сама не станетъ на высоту образцоваго славянскаго государства. нравственно притягивающаго къ себѣ однородныя политическія тѣла силой своей умственной и политической культуры. А съ другой стороны, авторъ согласенъ (II, 522), съ мнѣніемъ *Вѣстника Европы*,

что для того чтобы *отвлечь* своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ отъ западной школы, мы должны прежде всего желать для нашей собственной школы той же научной силы, той свободы изслѣдованія, свободы печати и т. п., что въ настоящее время составляетъ одно изъ главнѣйшихъ условій превосходства западной школы, то есть науки и литературы, передъ нашими, и т. д. Статья г. Пыпина писана въ 1882 г., а другая — въ 1877 г. Тѣмъ не менѣе въ теченіе 15 — 20 лѣтъ положеніе не измѣнилось, такъ какъ авторъ соглашается съ ними теперь. Остается лишь спросить автора, черезъ сколько десятковъ лѣтъ, по его мнѣнію, предложенная имъ программа будетъ вполне пригодна и практически примѣнима. Впрочемъ, можно утѣшаться тѣмъ, что такъ какъ авторъ понимаетъ подъ уваженіемъ принципа національности (II, 517) только уваженіе этнографической, а не культурно-политической національности, а подъ международною обязанностью невмѣшательства (II, 519) только невмѣшательство во внутренніе конституціонные перевороты у другихъ народовъ, то балканскія народности ничего не потеряютъ, если программа автора и не будетъ осуществлена на практикѣ.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще, что полемизируя противъ Данилевскаго и, отчасти, Татищева выписками изъ сочиненій проф. гр. Комаровскаго, авторъ доказываетъ (II, 456), что Константинополь долженъ быть признанъ вольнымъ городомъ (это была мысль еще Св. Милетича) или центромъ балканской федераціи, а Босфоръ и Дарданеллы — свободными проливами. Все это, равно какъ и упраздненіе Турціи образованіемъ новыхъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ, было бы, по мнѣнію автора, очень легко, если бы Россія обща съ западными державами рѣшилась поручить это дѣло конгрессу, но составленному не изъ дипломатовъ, а изъ ученыхъ юристовъ, которымъ было бы ввѣрено „постепенное переустройство существующаго порядка вещей на Балканскомъ полуостровѣ“ (II, 488), тѣмъ болѣе, что войны подлежатъ упраздненію, а успѣшное разрѣшеніе третейскимъ судомъ Алабамскаго спора доказываетъ, что этотъ способъ можетъ быть съ успѣхомъ примѣненъ и къ рѣшенію восточнаго вопроса.

Подводя общіе итоги, скажемъ: вкладъ въ науку книга г. Жигарева не представляетъ, такъ какъ пользоваться ею для научныхъ цѣлей безъ строгой провѣрки изложенныхъ въ ней фактовъ и взглядовъ невозможно. Но она представляетъ полезный вкладъ въ русскую литературу по восточному вопросу: кто прочтетъ ее лишь для

общаго ознакомленія съ русской политикой на Востокѣ, можетъ удовлетворить по ней свою не слишкомъ серьезную любознательность. Хотя добрыхъ три четверти сочиненія состоятъ изъ пересказа или выписокъ изъ другихъ сочиненій, но читается оно легко.

В. Уляницкій.

Гр. Павлуцкій. О жанровыхъ сюжетахъ въ греческомъ искусствѣ до эпохи эллинизма. Кіевъ. 1897. Стр. V+266.

Книга г. Павлуцкаго, тракующая о жанровыхъ сюжетахъ въ греческомъ искусствѣ, производитъ на читателя впечатлѣніе работы малопродуманной, писанной наскоро, какъ будто къ какому-либо опредѣленному сроку,—съ поспѣшностью, невыгодно отразившеюся какъ на содержаніи, такъ и на языкѣ этой книги. Сравнивая эту послѣднюю по времени работу г. Павлуцкаго съ его магистерскою диссертацией о коринескомъ архитектурномъ орднѣ, мы не находимъ въ ней никакихъ указаній на то, чтобы за періодъ, истекшій со времени появленія первой диссертации, совершился какой-либо прогрессъ въ умѣнїи автора справляться съ серьезными темами научнаго характера. По отношенію къ книгѣ г. Павлуцкаго о жанровыхъ сюжетахъ могутъ быть поэтому всецѣло примѣнены слова того официального отзыва, напечатаннаго въ *Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ* 1893 г., который данъ былъ проф. А. В. Праховымъ объ изслѣдованіи того-же автора о коринескомъ архитектурномъ орднѣ: „книга г. Павлуцкаго является и не ученою компиляціей, и не критическимъ изслѣдованіемъ по спеціальному вопросу“ (стр. 1); „эта книга есть трудъ диллетанта“ (стр. 5)... И дѣйствительно, ближайшее разсмотрѣніе послѣдней работы г. Павлуцкаго со стороны какъ самыхъ приѣмовъ изслѣдованія, такъ и внутренняго содержанія и внѣшняго исполненія ея, ясно показываетъ намъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло, именно, съ трудомъ диллетанта въ наукѣ, а отнюдь не съ *научною работой* серьезнаго ученаго, не съ *ученымъ трудомъ*.

Прежде всего самый выборъ темы для спеціального изслѣдованія таковъ, что уже а priori можно было предсказать его полную *безрезультатность* при тѣхъ *примитивныхъ приѣмахъ* работы, какіе мы видимъ у г. Павлуцкаго. Авторъ книги пользуется здѣсь методомъ чрезвычайно простымъ, но и совершенно не научнымъ: онъ пересматриваетъ въ различныхъ изданіяхъ по античному искусствѣ и ар-

хеологіи (отчасти также въ произведеніяхъ Гомера и Гезіода), разнообразныя сюжеты, легко отыскиваемые по предметнымъ регистрамъ этихъ изданій, и отыскавши среди нихъ сюжеты, по его мнѣнію, жанроваго характера, вносятъ описаніе этихъ послѣднихъ (своими словами) въ свою книгу о жанровыхъ сюжетахъ. Въ этомъ и заключается главная работа автора ¹⁾, очевидно, считающаго такую совершенно достаточною для научнаго изслѣдованія. Г. Павлуцкій не обнаружилъ ни малѣйшаго стремленія вести изслѣдованіе въ томъ направленіи, въ которомъ даже такая несложная тема, какъ избранная имъ, могла бы дать сколько-нибудь цѣнные результаты. Онъ не постарался хотя бы въ короткихъ словахъ выяснить тѣ *теоретическія основы*, въ силу которыхъ въ античномъ искусствѣ съ каждымъ столѣтіемъ прогрессивно все большее и большее число художниковъ и притомъ постепенно все съ большею настойчивостью, опредѣленностью и сознательностью проводило въ искусство *принципы реализма*, проходя въ этомъ отношеніи различныя фазисы развитія. А съ этими теоретическими основами авторъ легко могъ бы и самъ ознакомиться въ исторіи древне-греческой эстетики и, разсмотрѣвши ихъ въ приложеніи къ жанру, раскрыть ихъ смыслъ и значеніе для читателя. Такое знакомство автора съ исторіей эстетическихъ ученій классической древности, и притомъ параллельно съ исторіей самаго искусства древней Греціи, показало бы, какъ отъ первыхъ натуралистическихъ попытокъ передачи отдѣльныхъ чертъ, заимствованныхъ у природы по врожденной склонности человѣка къ подражанію, греческіе художники постепенно возвысились до *последовательнаго и сознательнаго реализма*, — реализма по принципу, — столько же въ формахъ, какъ и во внутреннемъ содержаніи своихъ произведеній. Этимъ путемъ параллельнаго изслѣдованія принциповъ реализма и въ теоріи, и въ художественной практикѣ былъ бы ясно раскрытъ прогрессъ единого начала, однимъ изъ проявленій котораго является *жанръ* въ античномъ искусствѣ. И нѣтъ сомнѣнія, что г. Павлуцкій не остановился бы тогда въ своемъ изслѣдованіи какъ разъ на томъ моментѣ, когда жанръ и вообще искусство реалистическаго направленія находятъ для себя наивысшее развитіе, а повелъ бы это изслѣдованіе далѣе въ эллинистическую эпоху.

Авторъ не даетъ въ своей работѣ, за крайне рѣдкими и случай-

¹⁾ Объ исключеніяхъ, какими являются, напримѣръ, введеніе къ книгѣ и разсужденія самого автора въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его „изслѣдованія“ см. ниже.

ными исключеніями, и никакихъ попытокъ изслѣдованія въ области *стиля*, въ которыхъ можно было бы подмѣтить стремленіе къ *самостоятельнымъ наблюденіямъ* надъ памятниками. При изученіи жанровыхъ сюжетовъ, подобныхъ описаннымъ въ книгѣ г. Павлуцкаго, гдѣ интерпретація ихъ содержанія не требуетъ многосложнаго знанія мѣологии и литературы древняго міра, гдѣ достаточно самаго элементарнаго знакомства съ бытовою жизнью народа, чтобы раскрыть все содержаніе жанроваго сюжета, — стилистическое изслѣдованіе памятниковъ наряду съ указаннымъ выше раскрытіемъ теоретическихъ основъ реализма было бы, именно, тою стороною работы, гдѣ авторъ книги могъ обнаружить самостоятельный трудъ и внести въ науку по изслѣдуемому вопросу что-либо новое. Такъ, напримѣръ, въ первой главѣ книги, гдѣ говорится о микенскихъ жанровыхъ произведеніяхъ, г. Павлуцкій не только могъ, но и необходимо долженъ былъ рассмотретьъ вопросъ объ иноземномъ *восточномъ* вліяніи съ цѣлью выяснитъ самое происхожденіе жанра въ греческомъ искусствѣ и степень его самобытности, сравнивши эти произведенія съ восточными (египетскими, ассирійскими и т. д.) въ отношеніи стиля. Большое значеніе имѣло бы стилистическое изслѣдованіе и въ тѣхъ мѣстахъ книги, гдѣ автору необходимо было неоднократно рѣшать вопросъ о томъ, представляютъ-ли разсматриваемыя имъ статуи — произведенія идеальнаго характера, или жанроваго, или, наконецъ, чисто индивидуальнаго (портретнаго). Очень цѣнно и прямо необходимо подробное стилистическое изслѣдованіе и въ тѣхъ случаяхъ, когда только съ помощью такового могла быть установлена достаточно опредѣленно эпоха созданія разсматриваемыхъ произведеній. Но, повторяемъ, за самыми рѣдкими и случайными исключеніями въ книгѣ г. Павлуцкаго такого изслѣдованія мы не находимъ.

Г. Павлуцкій не даетъ читателю, несмотря на существованіе въ его книгѣ и предисловія, и введенія, хотя бы краткихъ, но обстоятельныхъ свѣдѣній и о томъ, посвящались-ли какія-либо болѣе или менѣе крупныя изслѣдованія другихъ ученыхъ разсмотрѣнію античнаго жанра, и если да, то насколько плодотворны были они и чѣмъ позднѣйшіе изслѣдователи и самъ г. Павлуцкій обязаны своимъ предшественникамъ. О существованіи такихъ изслѣдованій о жанрѣ читатель можетъ только догадываться по приводимымъ у г. Павлуцкаго въ примѣчаніяхъ названіямъ таковыхъ, да еще по полемикѣ г. Павлуцкаго съ авторами этихъ изслѣдованій въ нѣсколькихъ случаяхъ противъ того или иного ихъ мнѣнія. А между тѣмъ обстоятельное

указаніе такихъ свѣдѣній было бы необходимо для того, чтобы путемъ сравненія предшествующихъ изслѣдованій по тому же вопросу съ работою самого автора можно было судить о степени самостоятельности послѣдняго и относительной цѣнности его труда. Теперь эту работу ознакомленія съ предшествующими работами о жанрѣ долженъ брать на себя самъ читатель.

Но къ чему-же однако стремился авторъ книги? Чтѣ желалъ онъ дать въ своей работѣ новаго и цѣннаго? Г. Павлуцкій объясняетъ это въ своемъ предисловіи, которое предшествуетъ у него отдѣльному введенію. „Въ наукѣ, — говоритъ онъ (стр. 2 и 4), — *до сихъ поръ еще господствуетъ старое и очень распространенное заблужденіе*, что греческое искусство до эпохи эллинизма вовсе не было знакомо съ жанромъ“... „Желаніемъ доказать, что окружающая дѣйствительность *всегда* возбуждала интересъ въ греческихъ художникахъ, а не только въ эпоху послѣ Александра Македонскаго, и что греки съ самаго начала дали жанровой живописи и пластикѣ почетное мѣсто рядомъ съ образами боговъ и героев, — объясняется появленіе этой книги“... „Другая весьма важная задача нашего изслѣдованія продолжаетъ онъ, — выяснить направленіе, характеръ греческаго жанра, что было бы весьма важно не только въ научномъ, но и въ практическомъ отношеніи. Какъ извѣстно, доктрины возрожденія въ настоящее время не вполне еще оставлены (?). Возрожденіе свило себѣ хорошее гнѣздо (?) въ академіяхъ и въ книгахъ, во всевозможныхъ курсахъ эстетики (?). Если молодая европейская школа живописи съумѣла совершенно порвать всякія связи съ традиціями возрожденія, то большая часть новѣйшихъ скульпторовъ не съумѣли еще найти формулу новаго искусства, стѣсняемые въ своихъ попыткахъ вліяніемъ прошлаго. Побѣда еще не вполне одержана, борьба продолжается; выяснить истинное направленіе греческаго искусства, показать, какъ греки воспроизводили дѣйствительную реальную жизнь, это значить—помочь скульптурѣ завоевать свою свободу и независимость“... Итакъ, г. Павлуцкій ставитъ себѣ двѣ почетныя задачи: во-первыхъ, *уничтожить закоренелое заблужденіе*, господствующее, по его словамъ, до послѣдняго времени; а во-вторыхъ, *помочь современной скульптурѣ* завоевать себѣ свободу и независимость, показавши ея представителямъ, какъ древніе греки воспроизводили реальную жизнь и выяснивши истинный характеръ греческаго жанра. Разсмотримъ ту и другую задачу въ ихъ исполненіи у автора.

Что касается первой, то можемъ увѣрить г. Павлуцкаго, что онъ

сражается съ давно уже несуществующимъ врагомъ. Если O. Jahn, на котораго указываетъ авторъ, и высказалъ въ свое время мнѣніе, будто до эпохи діадоховъ *жанръ въ греческой скульптурѣ* не былъ разрабатываемъ, то говорилось это ровно 50 лѣтъ тому назадъ (въ *Berichte d. k. säch. Gesellschaft d. Wiss.* 1848, s. 41 f.), что ужъ конечно нельзя назвать однимъ изъ послѣднихъ мнѣній въ наукѣ. Другой авторъ, указываемый г. Павлуцкимъ, именно, К. Герцъ въ своей статьѣ: „Греческія терракотты изъ Танагры“, (напечатано въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1878 г.), говорить только объ *особенно значительномъ развитіи* жанра въ эпоху діадоховъ, но ни словомъ не отрицаетъ его существованія въ предшествующія эпохи. „Жанръ—замѣчаетъ онъ—получилъ значительное развитіе *особенно* въ эпоху послѣ Александра Македонскаго, подъ правленіемъ діадоховъ; ему содѣйствовало новое положеніе вещей и новыя воззрѣнія, тогда распространившіяся въ міръ“... Что касается мнѣній, высказанныхъ въ наукѣ по разсматриваемому вопросу въ сравнительно недавнее время, то самъ же г. Павлуцкій указываетъ двухъ ученыхъ, Овербека и Эртеля ¹⁾, которые безусловно признаютъ существованіе жанра уже въ *древнемъ періодѣ* греческаго искусства, задолго до эпохи діадоховъ. Слѣдовательно, самъ г. Павлуцкій знаетъ, что уже раньше *до него* въ наукѣ находились серьезные и компетентные защитники и проповѣдники того самаго научнаго положенія, открытіе котораго онъ тѣмъ не менѣе склоненъ,—какъ видно изъ его словъ,—приписывать лично себѣ. Остается ознакомиться еще съ мнѣніями двухъ другихъ ученыхъ, которыхъ г. Павлуцкій считаетъ самыми рѣшительными противниками признанія факта существованія жанра въ до-эллинистическую эпоху, а именно, Коллиньона и Фуртвенглера. Относительно перваго г. Павлуцкій замѣчаетъ въ своемъ предисловіи: „въ 1892 году Коллиньонъ въ своей *Hist. de la sculpt. grecque* I, p. 477, *рѣшительно отвергаетъ* существованіе жанра въ греческой пластикѣ V столѣтія“... Читаемъ всю указанную страницу у Коллиньона и нигдѣ не находимъ этого *рѣшительнаго отрицанія*, о которомъ говоритъ г. Павлуцкій. Утверждая вмѣстѣ съ Лешке, что въ томъ мѣстѣ у Плиція (34, 57), гдѣ авторъ въ числѣ произведеній Мирона

¹⁾ Замѣтимъ, что Эртель посвятилъ вопросу о жанрѣ въ древнѣйшей исторіи греческой пластики цѣлое специальное изслѣдованіе, подъ заглавіемъ: „*Beitragę zur älteren Geschichte d. statuar. Genrebildnerie bei d. Hellenen*“, Leipzig, 1879 г.

называет *pristas* (пильщикова, распиливающихъ дерева), слѣдуетъ читать на самомъ дѣлѣ слово *rustas* (кулачные бойцы, атлеты), — Коллинсонъ высказываетъ здѣсь лишь справедливое мнѣніе, что атлетическія статуи кулачныхъ бойцовъ гораздо ближе соответствуютъ характеру всѣхъ вообще произведеній Мирона, чѣмъ сцена распиливанія дерева пильщиками въ духѣ позднѣйшаго жанра. Затѣмъ на той же страницѣ, говоря о работахъ учениковъ Мирона: Ликия и Стинпакса, онъ перечисляетъ уже чисто жанровыя произведенія (которыя приводятся и у самого Павлуцкаго стр. 206—213); въ нихъ, какъ и въ Капитолійскомъ *Spinaio*, онъ видитъ лишь болѣе строгій характеръ тѣхъ самыхъ концепцій, которыя впоследствии дѣлаются господствующими въ жанровой пластинкѣ ¹⁾.. Во всемъ этомъ едва ли возможно усмотрѣть отрицаніе жанра въ V столѣтіи.

Но болѣе всего изумительно утвержденіе г. Павлуцкаго относительно Фуртвенглера. По словамъ г. Павлуцкаго, — „Фуртвенглеръ въ его изслѣдованіи: *der Dogmauszieher und der Knabe mit der Gans*, старался доказать, что до александрійской эпохи въ Греціи не было чистаго жанра“. Раскрываемъ названное сочиненіе Фуртвенглера и видимъ слѣдующее.

Указавши на стр. 12 на то, что О. Jahn совершенно ложно отрицалъ существованіе жанра въ греческомъ искусствѣ до александрійской эпохи, онъ говоритъ на слѣдующей страницѣ: „если мы обратимся къ первоначальной древнѣйшей эпохѣ греческаго художественнаго творчества, то найдемъ, именно въ этомъ древнѣйшемъ, находившемся еще подъ вліяніемъ Азіи декоративномъ искусствѣ, не только преобладаніе, но даже почти исключительное господство жанра“ ²⁾.. Этого мало: на слѣдующихъ страницахъ своего изслѣдованія Фуртвенглеръ намѣчаетъ *цѣлая серія жанровыхъ произведеній во всю эпоху греческаго искусства приблизительно по той самой программѣ, какую мы видимъ и въ книгѣ г. Павлуцкаго*: картины на древнѣйшихъ расписныхъ вазахъ, какъ оплакиваніе умершихъ, танцы, охота, разныхъ родовъ состязанія и т. п.; далѣе,

¹⁾ „Au temps de Myron—заявчиваетъ онъ этотъ обзоръ—l'art sait conserver un caractère sévère aux conceptions qui plus tard seront le domaine de la sculpture de genre“.

²⁾ „Gehen wir nun zunächst zurück in jene ersten Zeiten griechischer Kunst, so finden wir gerade in dieser ältesten, noch wesentlich von Asien beeinflussten dekorativen Kunst nicht nur ein Überwiegen, sondern eine fast ausschliessliche Herrschaft des Genres“.

щитъ Ахилла съ цѣлыми полосами жанровыхъ сценъ на немъ; затѣмъ щитъ Геракла; жанровыя сцены на черно-фигурныхъ вазахъ, каковы сцены войны, танцы, гимнастическія игры, жизнь женщинъ внѣ дома, свадебныя сцены, погребальныя, полевыя работы и пр.; далѣе, жанръ въ произведеніяхъ школы Мирона, въ работахъ Поликлета и т. д.. Послѣ всего этого, обвинять Фуртвенглера, который посвятилъ цѣлое превосходное изслѣдованіе доказательству того, что жанръ существовалъ во всѣ эпохи греческаго искусства,—обвинять его въ непризнаніи жанра до александрійской эпохи, значить или *вовсе не имѣть понятія* о сочиненіи этого ученаго, или умышленно *искажать* истину... Во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно, — именно, что г. Павлуцкій поставилъ себѣ въ своей книгѣ странную и бесполезную задачу — бороться съ заблужденіемъ, давнымъ давно уже *несуществующимъ* въ наукѣ.

Но можетъ быть ему удалось выполнить хотя бы другую задачу, — удалось *выяснить истинный характеръ греческаго жанра*? Къ сожалѣнію, должно признать, что и эта задача оказывается у него невыполненною. Для того чтобы выяснитъ истинный характеръ греческаго жанра въ искусствѣ различныхъ эпохъ, необходимо прежде всего, чтобы авторъ прочно установилъ самое пониманіе термина „жанръ“ и съ точки зрѣнія разъ установленнаго опредѣленія его разсматривалъ всѣ произведенія искусства, подлежащія изслѣдованію. Если мы просмотримъ внимательно содержаніе книги г. Павлуцкаго, то увидимъ, что въ самомъ пониманіи того, что слѣдуетъ разумѣть подъ жанромъ въ искусствѣ, господствуетъ у него разнорѣчивость и путаница, дѣлающія выясненіе истиннаго характера греческаго жанра совершенно для него невозможнымъ. Самъ г. Павлуцкій, повидимому, прямо и рѣшительно заявляетъ (на стр. 26), что его собственное опредѣленіе жанра въ искусствѣ таково: „*жанръ есть реальная картина изъ современной жизни*“. Виѣсть съ этимъ онъ считаетъ необходимымъ совершенно отвергнуть тѣ опредѣленія жанра, которыя даны были Фуртвенглеромъ и Эртелемъ—отвергнуть, какъ „основанныя—по его словамъ (стр. 26)—на совершенно произвольныхъ историческихъ мотивахъ“... (?) Посмотримъ, что говорятъ оба названные автора въ своихъ опредѣленіяхъ, отвергнутыхъ г. Павлуцкимъ. Изъ нихъ первый (*Furtwängler: de Dornauszieher etc., s. 12*) говоритъ: „подъ жанромъ въ обширномъ, принимаемомъ нами смыслѣ мы разумѣемъ всѣ тѣ изображенія, которыя, въ противоположность миѳологическимъ и историческимъ изображеніямъ, возводятъ любое

ежедневное, обыкновенное, безымянное отдѣльное явленіе на степень представителя цѣлаго рода подобныхъ явленій. Поэтому сюда должно причислить всѣ тѣ изображенія, которыя не приводятся при помощи опредѣленныхъ собственныхъ именъ къ опредѣленнымъ индивидуумамъ "... Какъ видимъ, опредѣленіе Фуртвенглера и шире, и глубже, чѣмъ опредѣленіе г. Павлуцкаго, которое входитъ въ первое лишь какъ часть въ свое цѣлое. У Эртеля мы встрѣчаемся съ опредѣленіемъ столь же широкимъ, какъ только что приведенное, къ которому оно близко подходитъ по содержанію. Согласно мнѣнію этого ученаго (*Oertel: Beiträge etc.*, s. 4 ff),—всѣ вообще предметы, воспроизводимые въ искусствѣ, раздѣляются на два большіе разряда: одни изъ нихъ изображаются, какъ носящіе опредѣленные собственные имена; другіе — какъ предметы или явленія безъ собственныхъ именъ, съ одними только общими (нарицательными) родовыми названіями. Первые изъ нихъ принадлежатъ или *миѳу* или *исторіи*, или *портрету*; тогда какъ всѣ вторые къ тому, что называется *жанромъ*, гдѣ художникъ даетъ изображеніе отдѣльныхъ лицъ или дѣйствій, какъ представителей цѣлаго рода (*genre=genus*) индивидуумовъ или ихъ дѣйствій, а не какъ опредѣленныхъ лицъ съ опредѣленнымъ собственнымъ именемъ и въ извѣстномъ опредѣленномъ исторически случаѣ. Эту *общностью* жанровыя изображенія отличаются и отъ портретовъ, и отъ историческихъ и миеологическихъ изображеній, стремящихся всегда къ индивидуальному, тогда какъ *жанръ есть изображеніе челоѳка и челоѳческой жизни, лишенное индивидуальности*... Таковы превосходныя опредѣленія, данныя жанру этими двумя учеными и вполне соответствующія его истинному характеру и содержанію.

Г. Павлуцкій, не признавая вовсе ихъ состоятельности, утверждаетъ (стр. 3), что „Фуртвенглеръ и Эртель примѣнили здѣсь къ жанру то *неосновательное и предвзятое ученіе объ идеальной красотѣ (?) и необходимости исправлять природу (?)*, „которое въ теченіе трехъ послѣднихъ вѣковъ составляло un article de foi въ художественныхъ академіяхъ Европы, задерживая развитіе искусства и искажая молодые таланты“¹⁾...

¹⁾ При чемъ тутъ ученіе объ идеальной красотѣ и необходимости исправлять природу,—это едва ли пойметъ кто изъ читателей. Тѣмъ не менѣе, по поводу идеализма авторъ тревожитъ тѣни древняго Платона, Рафаэля, Микельанжело и другихъ представителей эпохи Возрожденія, стараясь доказать зловредность идей.

Казалось бы, что въ виду этого во всемъ своемъ послѣдующемъ „изслѣдованіи“ г. Павлуцкій долженъ былъ бы строго придержи-ваться своего собственнаго опредѣленія, признавая за жанровыя произведенія только тѣ изъ нихъ, которыя являются „реальными изображеніями изъ современной жизни“, и ясно разграничивая ихъ отъ всѣхъ тѣхъ произведеній, которыя подходятъ подъ опредѣленія жанра у обоихъ его противниковъ. Но этого въ дѣйствительности нѣтъ у г. Павлуцкаго, да и быть не можетъ, потому что именно опредѣленія его противниковъ и несравненно шире его собственнаго по объему, и вполне соотвѣтствуютъ истинному характеру жанра. Естественнымъ образомъ въ силу этого г. Павлуцкій становится нерѣдко въ явное *противорѣчіе* съ самимъ собою и подъ понятіе жанровыхъ произведеній подводятся у него не только изображенія современной дѣйствительности, но и такія изображенія, которыя совсѣмъ не соотвѣтствуютъ его опредѣленію жанра. Такъ, напримѣръ, на стр. 167—175, г. Павлуцкій вопреки собственнымъ своимъ интересамъ старается доказать, что къ числу жанровыхъ произведеній принадлежатъ не только *портретныя* статуи атлетовъ, сдѣланныя при жизни оригиналовъ, но и тѣ статуи, которыя дѣлались нерѣдко *въ память давно умершихъ* атлетовъ и которыя представляли собою, конечно, уже не портреты этихъ побѣдителей съ натуры, а лишь *общіе типы* атлетовъ съ указаніемъ главнымъ образомъ на характеръ ихъ дѣятельности, какъ выдающихся представителей того или иного рода атлетическаго спорта (какъ побѣдителей въ кулачномъ бою, въ бѣганіи, метаніи копья, диска, въ борьбѣ и т. п.)... Жанровыми произведеніями оказываются у г. Павлуцкаго (стр. 219 и 258) даже *каноническія статуи* Поликлета и Лизиппа, которыя, какъ извѣстно, являлись пластическимъ воплощеніемъ тѣхъ теоретическихъ данныхъ, какія добыты были художниками втеченіе долгаго періода изъ наблюденій надъ громаднымъ количествомъ живыхъ моделей при помощи измѣреній; иначе говоря, являлись въ пластикѣ художественными *типами*, общими какъ *норма* для множества отдѣльныхъ индивидуумовъ, были *образцами нормальнаго человѣческаго тѣла, каноническими*

Возрожденія для искусства (стр. 6) и объявляя спасителями новѣйшаго искусства отъ этихъ идей (въ семидесятыхъ годахъ) не много кого, какъ „японцевъ, подъ вліяніемъ которыхъ явилось побужденіе къ передачѣ окружающаго реального міра и оставлены были въ сторонѣ воздушныя феи и сирены (?), которыми прежде воображеніе художниковъ населяло природу“... и т. д.

нами, и ужь отнюдь не воспроизведеніемъ того или другаго изъ живыхъ, современныхъ художникамъ знаменитыхъ атлетовъ. Такія же противорѣчія съ самимъ собою мы видимъ у г. Павлуцкаго и на стр. 258, и на стр. 200 и слѣд., гдѣ говорится также о мужскихъ атлетическихъ статуяхъ, и на стр. 182 — 188, гдѣ авторъ говоритъ о женскихъ акропольскихъ статуяхъ, относящихся къ періоду до 480 г., какъ о жанровыхъ произведеніяхъ, хотя самъ же заявляетъ здѣсь, что вполне раздѣляетъ мнѣніе Софулиса о томъ, что онѣ представляютъ собою не изображенія опредѣленныхъ лицъ, а лишь *излюбленные художниками общіе женскіе типы*, назначенные для поднесенія въ даръ божеству за ихъ красоту и высокохудожественную работу... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей книги г. Павлуцкій причисляетъ, наконецъ, къ жанровымъ произведеніямъ даже такія сцены, гдѣ дѣйствующія лица обозначены *миологическими именами*, на томъ только основаніи, что лица эти помѣщены въ обстановку, встрѣчающуюся и въ жизни обыкновенныхъ людей (см. стр. 246, 247, 222, 250 и др.). Все это обнаруживаетъ, — повторяемъ, — полную неясность и сбивчивость представленій о жанрѣ у самого автора и объясняетъ намъ вполне естественно, почему и эта вторая задача, поставленная себѣ г. Павлуцкимъ, не была имъ выполнена въ его книгѣ.

Посмотримъ теперь, насколько удовлетворительно является работа г. Павлуцкаго въ другихъ отношеніяхъ.

Остановимся прежде всего на тѣхъ *способахъ доказательства*, которыми пользуется г. Павлуцкій и которыя едва ли кто рѣшится признать приемами научными. Сущность этихъ своеобразныхъ приемовъ, мѣняющихся у него смотря по обстоятельствамъ, заключается въ слѣдующемъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда автору книги желательно утверждать какое-либо положеніе, не утруждая себя никакими доказательствами, онъ дѣлаетъ это простою *ссылкою на авторитетъ* какого-либо изъ другихъ изслѣдователей, и это даже тогда, когда въ глазахъ самого г. Павлуцкаго мнѣніе ихъ не было достаточно доказано. Такъ, напримѣръ, на стр. 168 г. Павлуцкій замѣчаетъ: „мы считаемъ рѣшеніе этого вопроса, предложенное Овербекомъ и Эртелемъ наиболѣе правдоподобнымъ, *хотя они и не представили въ его пользу достаточнаго доказательства*“... (Затѣмъ, идетъ опроверженіе мнѣнія третьяго ученаго). Или на стр. 182: „по нашему мнѣнію, предположеніе Софулиса—самое вѣроятное и удовлетворительное изъ всѣхъ, имѣющихъ въ виду разрѣшить вопросъ о содержаніи акро-

польскихъ статуѣ⁴. И далѣе вмѣсто какихъ-либо доказательствъ въ пользу мнѣнія Софулиса, авторъ книги занимается опроверженіемъ одного изъ остальныхъ изслѣдователей этого вопроса (Винтера). Или на стр. 14 авторъ говоритъ: „въ доказательство правильности нашего взгляда мы приведемъ относящіяся къ тому же предмету соображенія ученаго (Винтера)... въ его рѣчи, произнесенной въ Берлинскомъ университетѣ 14-го іюня 1894 г.“, и затѣмъ цитируетъ большой отрывокъ изъ этой рѣчи. На стр. 19 г. Павлуцкій опирается на авторитетъ автора популярной книжки Пьера Пари ¹⁾, написанной для большой публики, очевидно, принимая ее за научное сочиненіе по исторіи пластики. Тотъ же родъ доказательствъ мы видимъ и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ (напримѣръ, на стр. 64 и др.) Совершенно иначе относится г. Павлуцкій къ авторитетамъ ученыхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ мнѣнія противорѣчатъ его собственнымъ: здѣсь уже онъ рѣшительно и безапелляционно *отвергаетъ* таковыя мнѣнія, опять-таки не приводя въ пользу своихъ собственныхъ никакихъ существенныхъ доказательствъ. Такъ, на стр. 18, говоря о существованіи въ аттической скульптурѣ VI вѣка двухъ типовъ головъ (что признаетъ между прочимъ и А. А. Павловскій въ своей докторской диссертациі о скульптурѣ въ Атикѣ до греко-персидскихъ войнъ), г. Павлуцкій замѣчаетъ: „подобный взглядъ, высказанный Мильхгеферомъ, Ланге и Фуртвенглеромъ и представляющій въ сущности разновидность теоріи Грефа, *основанъ на самобитной фантазіи (?) и не можетъ пользоваться ни малѣйшимъ кредитомъ*. То, что ученые эти въ данномъ случаѣ называютъ типомъ, въ дѣйствительности есть только извѣстный способъ (?) видѣть и мыслить“... (?) И затѣмъ вмѣсто доказательствъ авторъ даетъ нѣсколько ничего не поясняющихъ и странныхъ аналогій изъ области живописи, совершенно здѣсь неумѣстныхъ. На стр. 50 г. Павлуцкій говоритъ: „*общепринятое убѣжденіе* о вліяніи восточныхъ памятниковъ на созданіе Ахиллова щита, по нашему мнѣнію, носитъ на себѣ печать *ничѣмъ не оправдываемаго произвола*. Такъ Бруннъ, сопоставляя жанровыя сцены щита съ болѣе молодыми ассирійскими рельефами (опубликованными Лайардомъ во второмъ собраніи) ставить щитъ въ прямую зависимость отъ восточнаго искусства. Но разсматривая этотъ вопросъ *со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія (?)*, мы на-

¹⁾ P. Paris, La sculpture antique, p. 230 sq., переведена и на русскій языкъ.

ходимъ мнѣніе Брунна *неосновательнымъ и несообразнымъ* ни съ описаніемъ поэта (?), ни съ предшествующимъ развитіемъ искусства въ Микенскую эпоху, ни съ развитіемъ поэтической мысли и слова въ эпосѣ, которое шло рука объ руку съ такимъ же движеніемъ въ искусствѣ "... Казалось-бы, что отвергая общепринятое въ наукѣ убѣжденіе, слѣдовало бы подробно остановиться на разборѣ этого убѣжденія и вмѣсто голословныхъ утвержденій о неосновательности такового „со всѣхъ возможныхъ (?) точекъ зрѣнія“ представить рядъ основательныхъ соображеній; но и здѣсь у г. Павлуцкаго такихъ соображеній и доказательствъ мы не находимъ... На стр. 23 г. Павлуцкій дѣлаетъ слѣдующее характерное замѣчаніе, которое какъ нельзя лучше показываетъ его манеру—обращаться съ чужими мнѣніями. „По мнѣнію Kekulé (Arch. Z. 1883, S. 247) мюнхенская голова мальчика есть только дальнѣйшее развитіе типа головы капитолійской бронзы. Но такъ можно доказать все, что угодно. *Я нахожу положительно неправдоподобнымъ такое мнѣніе*“. И ни одного слова доказательства, даже разъясненій, почему неправдоподобнымъ. Но ограничиваясь этими только примѣрами, переходимъ къ разсмотрѣнію книги г. Павлуцкаго въ другихъ отношеніяхъ.

Изъ другихъ существенныхъ недостатковъ книги г. Павлуцкаго должно указать прежде всего значительную *неполноту и случайность выбора* имѣющихся матеріаловъ для описанія. Несмотря на довольно широкой объемъ книги (около 270 стр.) и многочисленность описаній отдѣльныхъ памятниковъ, весьма многіе изъ жанровыхъ сюжетовъ, воспроизведенныхъ въ греческомъ искусствѣ до эпохи эллинизма, не включены въ описаніе автора (что впрочемъ сознаетъ и самъ г. Павлуцкій на стр. 164). Отсюда случайность въ выборѣ этихъ сюжетовъ для описанія въ книгѣ, въ выборѣ, который обусловливался не какими-либо опредѣленными цѣлями автора, а просто тѣмъ, что именно такія, а не иныя произведенія встрѣчались г. Павлуцкому въ тѣхъ изданіяхъ, которыми онъ пользовался.

Что касается *языка* сочиненія г. Павлуцкаго, то недостатки его столь же многочисленны и существенны, какъ и недостатки самаго содержанія книги. Съ нѣсколькими образцами стиля г. Павлуцкаго мы ознакомили уже выше въ цитатахъ изъ его книги. Остановимся теперь на нѣкоторыхъ другихъ примѣрахъ. Во многихъ мѣстахъ языкъ этотъ оказывается весьма необработаннымъ, вслѣдствіе чего въ такихъ случаяхъ мысли автора, неясныя сами по себѣ, становятся еще менѣ понятными.

Изъ многочисленныхъ примѣровъ этого рода приводимъ здѣсь лишь нѣкоторые. На стр. 18 авторъ говоритъ: „не трудно изложить, какъ увеличивалось чувство красокъ въ различные периоды всеобщей исторіи искусства (?). Сколько ступеней прогресса можно констатировать въ этомъ отношеніи отъ Полигнота до Эд. Манэ, главы импрессионизма. Особенно живопись XIX вѣка сдѣлала огромный шагъ впередъ въ изученіи свѣта. въ открытіи закона относительно цѣнности тоновъ(?) Благодаря импрессионистамъ, нашъ глазъ видитъ теперь такія вещи, которыхъ отцы наши еще не замѣчали“(?). На той же стр. г. Павлуцкій замѣчаетъ, что „въ XVII и XVIII вѣкахъ великіе мастера пейзажа вѣрили въ то, что они получали въ своихъ картинахъ солнце посредствомъ контраста между свѣтомъ и тѣнью, а на самомъ дѣлѣ не давали ни его блеска, ни его теплоты“(?). На стр. 52: „изображенія человѣческихъ фигуръ и животныхъ на диплонскихъ вазахъ не обнаруживаютъ никакой самобытной художественности (?) и вполне носятъ на себѣ отпечатокъ геометрическихъ узоровъ“(?). На стр. 53: „однако несмотря на геометрическій отпечатокъ при сравненіи человѣческой фигуры на картинахъ диплонскихъ сосудовъ съ микенскими произведеніями замѣчается поразительное сходство“. На стр. 23: „мы не можемъ утверждать, что люди, которыхъ предлагаютъ намъ греческія скульптуры, не принадлежать ни къ какому времени(?), что они могли жить и вчера, и 2400 лѣтъ назадъ; что *человѣческая жизнь, предлагаемая греческими статуями*(?), это—жизнь *вѣчная, неизмѣняемая, райская* (?) и что греческіе художники для того, чтобы достигнуть такого *трансцендентальнаго дѣйствія*(?), обобщали индивидуальное, смягчали то, что даетъ намъ природа въ отдѣльныхъ индивидуумахъ“... На стр. 27: „греки въ своемъ жанрѣ — не больше какъ тѣ же въ буквальномъ смыслѣ натуралисты: они только списываютъ окружающее, берутъ простые общественные (?) моменты и положенія *безъ всякой претензіи на мысль*(?), на тенденцію, а ради одной любознательности и не имѣютъ понятія *даже о новеллистическихъ прикрасахъ*“(?).

Въ другихъ мѣстахъ книги выраженія автора отличаются большою *напыщенностью*, которую легко было замѣтить уже и въ предшествующихъ цитатахъ и которая производитъ иногда на читателя впечатлѣніе комическаго. Такъ, на примѣръ, на стр. 7, нѣмецкіе живописцы у г. Павлуцкаго „*воспѣваютъ дикую поэзію шумящихъ машинъ*“; на стр. 218 „греческіе скульпторы стараются передать *ослительную свѣжесть* греческаго юношества, *ароматъ* угловатыхъ

юношескихъ тѣлѣ, словно покрытыхъ *свѣжей росой весны*“ (?). На стр. 67: „авторъ Гераклова щита покидаетъ прежній путь для новыхъ формъ самостоятельно развивающаго стилия; послѣ долгаго времени почти незамѣтнаго успѣха со времени Ахиллова щита, его стѣкь двинулся къ высшей своей точкѣ“ (?). На той же стр. г. Павлуцкій замѣчаетъ, что „чрезвычайно симпатичнымъ изображеніемъ является охота на зайца; фантастическій міръ (?), начало котораго нетрудно усмотрѣть уже на памятникахъ микенской эпохи, приобретаетъ теперь большее развитіе и также вслѣдствіе художническихъ упражненій въ реальныхъ предметахъ (?) болѣе широкое поприще“. (Какая можетъ быть связь между фантастическимъ міромъ и реальными предметами,—отказываемся понять). На стр. 251 послѣ описанія картины на вазѣ Берлинскаго музея, № 2517 съ изображеніемъ изъ жизни кошекъ и мышей, г. Павлуцкій замѣчаетъ: „Эта картина ясно показываетъ, что въ искусство уже начинается врываться разсудочный, холодно додумывающійся элементъ. Живописецъ имѣлъ въ виду дѣйствовать на зрителя по преимуществу подчеркнутымъ, пикантнымъ (?) сюжетомъ; отсюда происходитъ сочиненность, дѣланность сцены, сатирическая рѣзкость: *осмываются кошки*.. Насколько выше стоятъ вазовые живописцы архаической эпохи съ своимъ неподдѣльнымъ, благодушнымъ юморомъ, котораго нельзя достигнуть при посредствѣ только остроумія и насмѣшки“. (?)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей книги авторъ обнаруживаетъ изумительно богатую *фантазію*. Такъ, напримѣръ, при взглядѣ на картины (на вазахъ) Дуриса г. Павлуцкому (стр. 21) кажется, будто онъ слышитъ „хлопаніе бичей, крики возницъ, фырканье разгоряченныхъ коней и шуршаніе колесъ по мягкому песку, подобное шуршанію крыльевъ“... На древнѣйшемъ микенскомъ золотомъ кубкѣ изъ Вафіо по словамъ г. Павлуцкаго, — „двое быковъ тупо поводятъ глазами“ (стр. 34), а на одной грубо сдѣланной геммѣ того же періода, гдѣ обыкновенному изслѣдователю трудно даже опредѣлить самый сюжетъ, по мнѣнію г. Павлуцкаго представленъ быкъ, который въ испугѣ поджалъ хвостъ и мычитъ (стр. 40). Въ *контурныхъ* рисункахъ на вазахъ, гдѣ объ экспрессіи лицъ въ дѣйствительности, конечно, не можетъ быть и рѣчи, г. Павлуцкій находитъ (стр. 135)—„и мужчинъ. съ животнымъ самодовольствомъ и съ наглою увѣренностью дѣлающихъ свои дерзкія предложенія женщинамъ; и отчаянную тоску, которая грызетъ несчастнаго влюбленнаго; и милую застѣнчивость юношей и дѣвушекъ; и олицетворенное лукавство въ образѣ моло-

дой дѣвушки. которая насмѣшливо улыбается, услуживая пьяному юношѣ"... На стр. 136: г. Павлуцкій узнаетъ даже въ картинѣ на вазѣ, что стоящіе другъ противъ друга дѣвушка и юноша „любятъ одинъ другаго; но первое признаніе въ любви всегда такъ трудно: юноша не находитъ словъ; въ смущеніи онъ опустилъ на грудь голову; дѣвушка, очевидно, смѣлѣе его и чтобы ободрить его, подаетъ ему цвѣтокъ"... Описанія, какъ видимъ, совсѣмъ романическія, но едва ли пригодныя въ научной работѣ.

Многія мѣста книги г. Павлуцкаго поражаютъ столько же *странностью* мыслей, сколько и своеобразнымъ употребленіемъ словъ. Такъ, напримѣръ, на стр. 143, описавши пиръ гетеръ въ картинѣ Эвфронія, гдѣ всѣ гетеры представлены обнаженными, авторъ замѣчаетъ: „Эвфроній не допустилъ здѣсь идеализации и оказалъ *полное уваженіе* реализму, изобразивши женскіе волосы даже на лобкѣ"... Думаемъ, что едва ли такую пикантную подробностью художникъ могъ оказать полное уваженіе реализму. На стр. 240, говоря о картинахъ изъ дѣтской жизни на греческихъ вазахъ, г. Павлуцкій замѣчаетъ: „сюжеты этихъ картинъ до такой степени *просты*, что иногда всякая попытка дать о нихъ представленіе словами оказывается *совершенно безсильною*". И затѣмъ, какъ бы нарочно въ опроверженіе своихъ собственныхъ словъ, описываетъ цѣлый рядъ такихъ картинокъ, очевидно весьма удобно поддающихся описанію, благодаря именно простотѣ своихъ сюжетовъ. Почему слова безсильны описывать такіе простѣйшіе сюжеты,—это остается неразгаданною тайной. На стр. 244, говоря объ игрѣ мальчиковъ, состоящей въ отыскиваніи камня ногою, авторъ замѣчаетъ: „при слѣдующемъ шагѣ, если онъ *глуто* (?) не перемѣнитъ своего направленія, онъ найдетъ камень". На стр. 261 г. Павлуцкій говоритъ: „греки въ своемъ жанрѣ довольствовались правдивою передачей того, что и какъ они видѣли; при этомъ устранено было все, похожее на сочиненіе, *измано было всякое стремленіе къ содержанію* (?); они не знали того *варварскаго* (?) искусства, которое хватается за разказъ (?), и вмѣсто живописнаго *куска природы, отрѣзаннаго и вставленнаго въ раму* (?), полагаетъ все значеніе произведенія въ *анекдотъ* (?), *забавляется живыми картинами*, составленными по литературной мысли (?); греки ничего не разказывали, а только изображали; они были реалистами, *неспособными ни къ малѣйшимъ обманамъ*"... Этими туманными, вычурными и странными выраженіями заканчиваетъ г. Павлуцкій свое „ислѣдованіе" о жанрѣ, и думается намъ, много бесплодныхъ усилій упо-

требилъ бы тотъ изъ читателей, кто старался бы добраться до опредѣленнаго смысла, скрывающагося въ этихъ словахъ автора книги.

Есть, наконецъ, въ книгѣ г. Павлуцкаго не мало такихъ мѣстъ, въ которыхъ своеобразность (чтобы не сказать болѣе) содержанія конкурируетъ съ своеобразностью формы и которыя обличаютъ въ авторѣ книги лишь *отдаленное знакомство съ некоторыми фактами исторіи искусства и съ эстетикой*. На стр. 24, г. Павлуцкій говорить: „Голова Гермеса Праксителя *нисколько не напоминаетъ намъ того условнаго типа*, который выработался въ римское время, когда искусство проявило уже всѣ признаки вырожденія, когда оно ограничивалось однимъ собираніемъ элементовъ въ массѣ созданий прежнихъ вѣковъ, и поэтому идеализмъ (?) его былъ старчески слабъ и осужденъ на смерть. *Эстетика требовала* (?), чтобы художникъ рабски придерживался высокихъ образцовъ прежняго времени. По ея ученію (?) пластика имѣла одну задачу — поставлять копии съ знаменитыхъ оригиналовъ. Путемъ *подражанія* и постепеннаго *отдаленія* (?) отъ греческихъ оригиналовъ выработался тотъ условный типъ, *безличный, холодный какъ клише* (?), образцами котораго могутъ служить Аполлонъ Бельведерскій, Аресъ изъ Villa Ludovisi въ Римѣ, Гера Fagnese, Юнона въ Museo Nazionale въ Неаполѣ, мраморная статуя богини Рома въ Луврѣ и многія другія... Голова Ареса Людовизи *просто передѣлана* изъ головы Гермеса Праксителя; голова Юноны въ Неаполѣ и богини Рома въ Луврѣ суть *повторенія* головы Геры Fagnese“... „Очень многія изъ уцѣлѣвшихъ статуй *времени диадоховъ* и слѣдовавшей за нимъ эпохи исполнены лишь подъ впечатлѣніемъ древнихъ греческихъ оригиналовъ“... Гдѣ г. Павлуцкій слышалъ о такихъ требованіяхъ какой-то *эстетики*, которыя онъ приводитъ здѣсь? На какихъ данныхъ онъ основываетъ свои странныя сужденія о переименованныхъ у него произведеніяхъ столь различныхъ эпохъ и о *передѣлкахъ* однихъ изъ нихъ въ другія и т. д.? Все это остается совершенно неразгаданнымъ для читателя, потому что авторъ и здѣсь не позаботился хотя бы чѣмъ-нибудь доказать свои категорическія заявленія.

Не менѣе замѣчательно длинное разсужденіе автора на стр. 98—99 по поводу картинъ Дуриса на вазахъ, гдѣ г. Павлуцкій заявляетъ слѣдующее: „Не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о *композиціи* Дуриса: у него меньше, чѣмъ у кого-либо изъ его товарищей замѣчается искусственная группировка фигуръ. Проще говоря *въ картинахъ Дуриса нѣтъ никакой композиціи* (?). Въ этомъ от-

существованіи композиціи нужно видѣть не недостатокъ Дуриса, а его своеобразіе. Дурисъ дошелъ до опредѣленнаго, самаго простаго расположенія фигуръ, а именно до такого, какое предлагаетъ сама природа: *горизонтальная линия почвы и на ней прямо, перпендикулярно стоящая фигура*. Это кажется очень безхитростнымъ приѣмомъ, а между тѣмъ такую естественную, натуральную композицію новое западно-европейское искусство отвергало въ теченіи цѣлыхъ столѣтій“... Затѣмъ, заявивши далѣе, что со времени Возрожденія въ живописи исчезла всякая естественность композиціи, ибо— „художникъ долженъ былъ исправлять природу, устраивать театральныя кулисы въ своей картинѣ, располагать фигуры и предметы по строгому закону“, — г. Павлуцкій продолжаетъ: „*Лишь въ самое послѣднее время* это эстетическое заблужденіе замѣчено многими, и многіе современные художники уже удаляются отъ него, стараясь возстановить контрастъ линій. Нѣчто подобное дѣлалъ уже Millet. Если посмотрѣть на юношескія произведенія Рафаэля, то уже тамъ можно найти вновь открытый теперь законъ: почва и фигуры образуютъ прямой уголъ; ноги стоятъ плоско. У Сандро Боттичелли это наиболѣе поразительно. Англійскіе прерафаэлиты также поняли, что однимъ изъ главныхъ недостатковъ послѣ рафаэлевскаго искусства была односторонность закона композиціи... Ради красивой группы фигуры перерѣзывали одна другую (?), руки одной дополняли туловище другой (?), третья всей своей длиною подпирала пирамиду линій (?), пока все цѣлое не дѣлалось невообразимой путаницей изъ человѣческихъ фигуръ (?) и эта путаница образовывала такъ называемую группу“... Изъ всей этой длинной цитаты можно усмотрѣть: 1) что г. Павлуцкій разумѣетъ подъ композиціей въ картинахъ нѣчто, до чрезвычайности странное, которое и существуетъ въ картинахъ Дуриса и „проще говоря“ не существуетъ. 2) Что авторъ противорѣчитъ самому себѣ въ нѣсколькихъ строкахъ этихъ нѣсколько разъ, по небрежности или незнанію. Такъ, указывая, какъ на величайшее достоинство Дуриса, — на то, что онъ изображалъ фигуры, *перпендикулярно стоящая на горизонтальной линіи почвы*, онъ тутъ же опровергаетъ себя двумя рисунками (рис. 45 и 46), гдѣ на *окружности* чаши изображены: въ одномъ случаѣ четыре фигуры *сидяція на креслахъ* и только одна стоящая, а въ другомъ — три *сидяція* и двѣ стоящія. Гдѣ же тутъ перпендикулярная линія и горизонтальная?... Далѣе, по словамъ г. Павлуцкаго новое европейское искусство начиная съ эпохи Возрожденія отвергало естественную композицію и заблужденіе было за-

мѣчено только въ самое послѣднее время; но по его же словамъ, это заблужденіе было исправлено и въ раннихъ произведеніяхъ Рафаэля, и у Сандро Ботичелли, и у англійскихъ прерафаэлитовъ и т. д. Что касается заключительныхъ словъ г. Павлуцкаго о „такъ называемыхъ группахъ“, то мы отказываемся вѣрить, чтобы все это сказано было имъ серьезно, — до такой степени мало похоже все это описаніе на то, что мы видимъ на самомъ дѣлѣ въ произведеніяхъ выдающихся мастеровъ со времени Возрожденія и до нашихъ дней, — произведеніяхъ, огульно осужденныхъ авторомъ ради вящаго прославленія Дуриса.

На стр. 53 г. Павлуцкій замѣчаетъ: „*дипилонскій стиль* (на вазахъ) есть ничто иное, какъ примѣненіе геометрическихъ элементовъ на микенской основѣ; онъ созданъ искусственно и возникъ исключительно для парада погребальныхъ церемоній“. — Приписывать возникновеніе *художественнаго стиля*, характернаго для цѣлой эпохи, пададу погребальныхъ церемоній — по меньшей мѣрѣ странно. Г. Павлуцкому должно быть извѣстно, что „парады погребальныхъ церемоній“ имѣли мѣсто и въ теченіи цѣлаго ряда послѣдующихъ столѣтій, и тѣмъ не менѣе художественный стиль на вазахъ каждой эпохи не былъ похожъ на стиль другихъ эпохъ, *развиваясь по своимъ внутреннимъ законамъ*, а не въ зависимости отъ этого „парада“... На стр. 2 своего предисловія авторъ замѣчаетъ, что „современное декадентство не есть какое-нибудь новое явленіе въ искусствѣ: оно находитъ свой первообразъ у грековъ“. Изъ дальнѣйшихъ словъ его видно, что этотъ первообразъ декадентства онъ усматриваетъ въ тѣхъ олицетвореніяхъ явленій природы, которыми такъ богата греческая мифологія. Ясно, что авторъ имѣетъ самое превратное представленіе о современномъ декадентствѣ съ его фальшивой, искусственно придуманной символикой и нерѣдко уродливыми внѣшними формами, если находить что-либо общее между нимъ и тѣми жизненными мифологическими олицетвореніями древнихъ грековъ, въ которыхъ воплощалась конкретно живая вѣра цѣлаго народа...

Ограничиваясь только этими примѣрами, подобныхъ которымъ можно было бы представить еще значительное количество, мы можемъ лишь повторить здѣсь мнѣніе, высказанное въ началѣ разбора, что книга г. Павлуцкаго написана слишкомъ поспѣшно и небрежно, а качества ея таковы, что книга эта не можетъ быть признана серьезною научною работою.

А. Мироновъ.

Князь *Е. Н. Трубецкой*. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ XI вѣкѣ. Идея божескаго царства въ твореніяхъ Григорія VII и публицистовъ, его современниковъ. Выпускъ I и II. Кіевъ. 1897 г. 511 стр. Цѣна 2 р. 50 коп.

Въ исторіи средневѣковья много еще остается темныхъ и неразъясненныхъ вопросовъ, имѣющихъ, однако, чрезвычайно важное значеніе для правильнаго пониманія минувшихъ судебъ европейскаго Запада. Помимо скудости сохранившихся извѣстій и недостатка въ надежномъ матеріалѣ, точному воспроизведенію жизни средневѣковаго общества мѣшало и мѣшаютъ національныя пристрастія и въ особенности религіозныя разногласія, ярко сказывающіяся въ трудахъ даже новѣйшихъ изслѣдователей. Само собою понятно, напримѣръ, что для правовѣрнаго католика и убѣжденнаго протестанта нѣтъ возможности смотрѣть одинаковыми глазами на папство, на его борьбу съ имперіей, оставившую неизгладимыя слѣды въ жизни западныхъ народовъ. Сочувствіе историковъ протестантовъ лежитъ всецѣло на сторонѣ имперіи, въ которой они обыкновенно восхваляютъ борца за свѣтское государство будущаго, тогда какъ католическіе изслѣдователи сплошь и рядомъ идеализируютъ, какъ папъ, такъ и папство; вражда и преклоненіе передъ „мистицизмомъ“ и „клерикализмомъ“ въ одинаковой степени не позволяютъ правильно понять и всесторонне оцѣнить могучее вліяніе церкви на міросозерцаніе средневѣковья, на идеи, вдохновлявшія его представителей и на запросы, мучившіе общественное сознаніе того времени. Вдобавокъ, нѣмецкіе ученые довольно часто впадаютъ въ патріотическія увлеченія, которыя сказываются, даже быть можетъ и помимо ихъ вѣдома, въ стремленіи подчеркнуть и отбѣнить самымъ выгоднымъ образомъ все, говорящее о славѣ и величіи ихъ предковъ, ступевать темныя стороны ихъ прошлаго, приписать ихъ дѣятельности все, чѣмъ въ правѣ гордиться современная Европа. Естественно, что изслѣдователи другой національности, по преимуществу постоянные соперники нѣмцевъ—французы, склонны суживать „заслуги нѣмецкаго народа“, выставлять на видъ его варварство и низкій культурный уровень, а потому нерѣдки случаи, когда замалчиваются ученые труды иноплеменниковъ или ихъ прямо обвиняютъ въ партійности и недобросовѣстности ¹⁾. Съ этой

¹⁾ Примѣромъ, и притомъ недавнимъ, но яркимъ, можетъ послужить любопытная книга: *A. Lapôtre, L'Europe et le Saint-Siège à l' époque Carolingienne. Paris. 1895.*

точки зрѣнія понятны полемическія ноты, звучація въ произведеніяхъ даже наиболѣе извѣстныхъ историковъ, какъ французовъ, такъ и нѣмцевъ, понятны и попытки исправить ошибки другъ друга, понятны и жалобы и сѣтованія, что та или другая эпоха не разработана „съ католической точки зрѣнія“ (*Ibach, Der Kampf zwischen Papstthum und Königthum von Gregor VII bis Calixt II*). Эта борьба различныхъ и непримиримыхъ основныхъ и руководящихъ началъ сказывается съ особою силою при подведеніи общихъ итоговъ, въ оцѣнкѣ значенія какъ цѣлыхъ учреждений, такъ и отдѣльных лицъ, воплощавшихъ въ себѣ тѣ или нныя идеи. Такъ, между прочимъ, протестанты Штенцель, Флото, Баксманъ, Гизебрехтъ. Мирбтъ не сходятся съ католиками Гфререромъ, Монталамберомъ, Гефеле, Деляромъ въ установленіи значенія борьбы Генриха IV съ Григоріемъ VII (см. „Личность и значеніе Григорія VII въ исторической литературѣ“. *Историческое Обзорніе* т. 4). При множествѣ отдѣльныхъ вѣрныхъ наблюденій и частныхъ выводовъ общія основы столкновенія властей остаются, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, односторонне освѣщенными, его коренныя причины и дѣйствительный характеръ недостаточно уясненными. Словомъ, въ данномъ случаѣ западно-европейская наука изготовила безчисленное множество прекрасныхъ кирпичей, отстроила отдѣльныя части по величавымъ замысламъ, но оказалась неспособною создать цѣлое, законченное зданіе, соответствующее дѣйствительному положенію дѣлъ, а не планамъ, внушеннымъ пристрастіями и личными воззрѣніями изслѣдователей. Однимъ изъ немногочисленныхъ исключеній является блестящая книга Брайса, дающая, однако, общій очеркъ, а не всестороннее и подробное изслѣдованіе исторіи средневѣковой теократіи. Русскій ученый, чуждый вѣроисповѣдныхъ и національныхъ предразсудковъ Запада, князь Е. Н. Трубецкой, въ своемъ новомъ трудѣ попытался, сознавая свое благоприятное положеніе, разрѣшить задачу, не удавшуюся западнымъ соображателямъ. Подготовленный годами занятій ¹⁾ по изученію міросозерцанія европейскихъ народовъ въ различныя эпохи ихъ существованія къ глубокому пониманію особенностей средневѣковаго міровоззрѣнія

¹⁾ *Е. Трубецкой, Рабство въ древней Греціи. Ярославль. 1866. Политическіе идеалы Платона и Аристотеля въ ихъ всемірно-историческомъ значеніи. Вопросы философіи и психологіи, 1890. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V вѣкѣ. Часть I. Міросозерцаніе блаженнаго Августина. 1892. Политическое міросозерцаніе эпохи возрожденія. Кіевъ. 1893.*

въ его историческомъ развитіи, князь Трубецкой, по отзывамъ специалистовъ ¹⁾, обнаружилъ уже необычайную широту постановки изслѣдуемыхъ вопросовъ, блестящій литературный талантъ, умѣнье спокойно и безпристрастно оцѣнивать великіе и жгучіе моменты прошлаго, устанавливать связь и преемство развитія, отношеніе „сущности каждаго частнаго явленія ко всемірно-историческому цѣлому“. Эти крупныя достоинства присущи и новой его работѣ: какъ сторонній наблюдатель, онъ заглядываетъ, такъ сказать, въ душу одного изъ величайшихъ представителей папства, вскрываетъ коренныя противорѣчія папской теоріи, служащія „главнымъ препятствіемъ къ совершенному и всестороннему осуществленію идеала святительской теократіи“. Сила и живучесть идей, ихъ могучее вліяніе на теченіе и окраску событій показаны княземъ Трубецкимъ съ величайшею убѣдительною и блестящею наглядностью. Стало бытъ, князь Трубецкой не пошелъ за моднымъ нынѣ направленіемъ, сводящимъ сложную и разнообразную историческую жизнь къ „простымъ экономическимъ явленіямъ“. Экономическій матеріализмъ, дѣтище нашего времени, переживающаго денежный и торговый міровой кризисъ, имѣющій экономическую подкладку, грѣшитъ перенесеніемъ непосредственно наблюдаемыхъ воздѣйствій въ далекую пору средневѣковья, совершенно чуждую современныхъ условій. Подъ вліяніемъ выступленія на первый планъ въ настоящемъ вопросѣ финансовыхъ и экономическихъ Фиккеръ и Мирбѣтъ усматриваютъ въ борьбѣ за инвеституру прежде всего „вопросъ финансовый“. Хозяйственно-финансовыя отношенія несомнѣнно играли и тогда большую роль, но ими только нельзя объяснить всей совокупности изучаемыхъ явленій, а потому историкъ обязанъ изслѣдовать идеалы угасшихъ поколѣній, проникнуть въ область ихъ завѣтныхъ стремленій. Князь Трубецкой, признавая важность экономическихъ условій, не придаетъ, однако, имъ рѣшающаго значенія и совершенно основательно выдвигаетъ религиозную сторону вопроса объ инвеститурѣ.

Русскій изслѣдователь счастливо избѣжалъ и другой обычной ошибки историковъ борьбы папства съ имперіей: будучи современниками, иногда даже участниками столкновеній и обостренныхъ отношеній между церковью и государствомъ, терзавшихъ Западную Европу въ недавнее время и все еще не улаженныхъ окончательно, они обык-

¹⁾ См. отзывы проф. *Виноградова* въ *Русской Мысли*, 1893, № 7, проф. *Зетт-рева* и *Лопатина* въ *Вопросахъ философіи и психологіи* 1892 г.

новенно забывали. что средневѣковье не знаетъ точно выработанныхъ отличій между „духовнымъ“ и „свѣтскимъ“, между церковью и государствомъ. Отсюда происходило постоянное смѣшеніе нынѣ разграниченныхъ понятій, „захватъ“ послѣднимъ правъ и преимуществъ первой, „вторженіе“ одной въ область другаго, словомъ тѣ „захваты и вторженія“, о которыхъ любятъ распространяться современные изслѣдователи, стоящіе на чуждой прошлому точкѣ зрѣнія. Иначе отнесся къ пресловутой борьбѣ князь Трубецкой: онъ проникъ въ самыя нѣдра идеаловъ средневѣковья, подмѣтилъ тамъ цѣнныя и важныя черты, неправильно освѣщенныя его предшественниками или совсѣмъ отъ нихъ ускользнувшія. Въ этомъ увѣнчавшемся полнымъ успѣхомъ стремленіи понять истинную сущность идеала святительской и царской теократіи и состоитъ одна изъ крупнѣйшихъ заслугъ новой книги. Князь Трубецкой изъ кирпичей, сдѣланныхъ по преимуществу нѣмецкими изслѣдователями, создалъ величавое зданіе, далъ общую схему, позволившую ему выяснить и связать разнообразныя явленія изучаемой эпохи въ единое цѣлое, быть можетъ, черезчуръ стройное и тонко отдѣланное. Онъ показалъ съ неоспоримою ясностью, что осуществленіе „единства“ божескаго царства на землѣ составляетъ общій идеалъ публицистовъ XI вѣка, что ихъ роковыя противорѣчія являются прямымъ и неизбежнымъ слѣдствіемъ коренныхъ противоположностей, лежащихъ въ самой основѣ средневѣковаго міровоззрѣнія. Свои обобщенія князь Трубецкой не выражаетъ въ видѣ откровеній, но поддерживаетъ данными памятниковъ: прекрасно, въ общемъ, ознакомившись съ литературою изучаемаго времени, онъ находитъ главную опору своимъ положеніямъ въ первоисточникахъ, въ твореніяхъ публицистовъ, помѣщенныхъ въ известномъ сборникѣ „*Libelli de lite imperatorum et pontificum*“, гдѣ многіе памятники или напечатаны впервые по свѣреннымъ точно рукописямъ, или же помѣщены полностью, а не въ отрывкахъ, какъ въ прежнихъ изданіяхъ, такъ что, можно сказать, вошли окончательно въ научный обиходъ лишь со времени выхода въ свѣтъ новаго отдѣла „*Monumenta Germaniae*“, не изучены еще исчерпывающимъ образомъ и представляются въ значительной степени научною новинкою. Конечно, эта свѣжесть матеріала благотворно отражается на общихъ итогахъ и даже многихъ частностяхъ рассматриваемой книги, тѣмъ болѣе, что ея авторъ умѣетъ и въ старомъ, хорошо известномъ, уловить новыя черты. Это особенно ярко сказывается въ выясненіи значенія св. Петра въ церковно-политической теоріи Григорія VII. Въ

то время какъ нѣмецкій наслѣдователь, В. Мартенсъ довольно тщательно подобралъ мѣста, гдѣ Григорій говоритъ о св. Петрѣ, но рѣшительно не сумѣлъ воспользоваться сырымъ матеріаломъ для какихъ нибудь цѣнныхъ обобщеній, князь Трубецкой, существенно дополнивъ трудъ Мартенса, внесъ въ груду выписокъ объединяющее начало и показалъ, что апостоль Петръ—„мистическое олицетвореніе того строя, который долженъ, по убѣжденію папы, господствовать во всей церкви“: „вся іерархія сверху до низу должна стать іерархіей апостольскою, иначе говоря іерархіей Петровою; въ этомъ заключается главная цѣль всѣхъ церковно-общественныхъ преобразованій, тѣхъ мѣръ противъ брака духовенства, симоніи и инвеституры, которыя проводитъ Григорій“; мало того, „служеніе св. Петру, главѣ священства, по ученію папы, должно быть высшею цѣлью для самихъ мірянъ“. Такимъ образомъ, „св. Петръ наполняетъ собой, заслоня Спасителя“, всю жизнь католическихъ народовъ; „его благодать—единственное скрѣпляющее начало, съ отнятіемъ коего руются царства и весь общественный организмъ распадается на части“. „Благодать св. Петра“ находится въ полномъ распоряженіи папы, который представляется Григорію пресуществленіемъ Петра; его дѣйствія, какъ должностнаго лица,—дѣйствія самого апостола; какъ преемникъ св. Петра и носитель его полномочій, папа непогрѣшимъ и святъ. „Именемъ св. Петра папа одинаково общается всѣмъ послушнымъ и вѣрнымъ, какъ небесныя сокровища, такъ и матеріальныя выгоды“, въ силу чего „спасеніе и осужденіе человѣка является какъ бы результатомъ выполненнаго договора, сдѣлки между нимъ и св. Петромъ“. Оцѣнивая эту теорію папы, князь Трубецкой выясняетъ, что въ „католицизмѣ Григорія и его сторонниковъ сталкиваются два непримиримыхъ между собою возрѣнія, изъ коихъ одно вовсе уничтожаетъ человѣческую свободу св. Петра и его преемника, а другое, напротивъ, ее необычайно преувеличиваетъ: съ одной стороны, апостоль-человѣкъ камень *по благодати* (элементъ августиновскій); съ другой стороны, самая благодать подчиняется его власти, будучи присвоена св. Петру какъ бы въ видѣ монополии на основаніи его личныхъ заслугъ“ (элементъ целаганскій). Блестяще обосновавъ эту мысль разбросанными по письмамъ папы его собственными показаніями, князь Трубецкой даетъ „ключъ къ пониманію всей Церковно-политической теоріи Григорія“, въ силу которой „папа совмѣщаетъ въ своемъ лицѣ не только святительскія, но и царскія функціи: онъ—источникъ всякаго закона и всякой власти на землѣ“. Но на такую же полноту

власти притязаетъ и императоръ—„глава церкви и блюститель единства божескаго царства на землѣ“, такъ какъ „двоевластіе въ церкви и государствѣ коренится въ самой природѣ средневѣковой теократіи“. Вотъ почему „споръ папства и имперіи составляетъ неизбѣжное проявленіе ея внутреннихъ противорѣчій“. Блестящая и обстоятельная разработка „ученія Григорія о св. Петрѣ“ представляетъ собою центръ тяжести цѣннаго изслѣдованія князя Трубецкаго и является самою существенною заслугой его, наиболѣе оригинальнымъ и самобытнымъ отдѣломъ его книги. Такими же качествами отличается и установленіе тѣсной связи между теократическимъ міровоззрѣніемъ и тревожнымъ ожиданіемъ антихриста. Общераспространенное заблужденіе, простирающееся отъ недостаточнаго знакомства съ особенностями средневѣковаго настроенія, утверждаетъ, что въ концѣ X вѣка всеобщая паника охватила Западную Европу въ виду кончины міра, ожидаемой въ 1000 году. Извѣстный ученый Зибель возводитъ даже къ этому ожиданію начало аскетическаго настроенія—исходной точки крестоваго движенія. Новѣйшія изслѣдованія Розьера, Эйкена и Руа окончательно отвергли легенду о тысячномъ годѣ, все еще принимаемую проф. Герье, Корелинымъ и Трачевскимъ. Князь Трубецкой не только стоитъ на высотѣ современной науки, но и указываетъ связь частнаго случая съ общими причинами: „страхъ передъ предстоящею въ скоромъ времени міровою катастрофой несетъ только временное, преходящее явленіе, характеризующее какую либо одну эпоху средневѣковой исторіи въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ: этотъ страхъ представляетъ собою скорѣе проявленіе хроническаго недуга средневѣковаго общества“, такъ какъ „средневѣковая теократія заключаетъ въ себѣ богатый матеріалъ для эсхатологическихъ предчувствій, скрывая въ себѣ самой своего „антихриста“, который представляетъ собой какъ бы конкретное олицетвореніе ея внутренняго раздвоенія“. Рядъ цѣнныхъ обобщеній даетъ въ особенности „заключеніе“, гдѣ авторъ подводитъ итоги, къ которымъ привело его тщательное изученіе времени Григорія VII. Вообще князь Трубецкой съ честью разрѣшилъ поставленную себѣ задачу и внесъ въ литературу „борьбы за инвеституру“ самый цѣнный вкладъ за послѣднее время, такъ какъ новѣйшія крупныя работы [*Vincent, The age of Hildebrand, Edinburgh, 1897*, еще не полученъ рецензентомъ], посвященныя времени Григорія, не выдерживаютъ сравненія съ разсматриваемымъ изслѣдованіемъ: трудъ *Мартенса, Gregor VII, sein Leben und Wirken. Leipzig, 1894 г.*, страдаетъ отсутствіемъ широты кругозора, не вноситъ

ничего существенно новаго и оригинальнаго въ общую оцѣнку Григорія VII, несмотря на всю необъятную самонадѣянность автора; монографія *Мирбта*: *Die Publizistik im Zeitalter Gregors VII*, Leipzig, 1894, доставляя цѣнный матеріалъ для обобщеній и выводовъ, не указываетъ также руководящей нити, общихъ основъ всѣхъ излагаемыхъ имъ безконечныхъ и разнообразныхъ споровъ публицистовъ XI вѣка: наконецъ, вторая половина третьяго тома „Церковной исторіи Германіи“ профессора Гаука (*Hauck, Kirchengeschichte Deutschlands*, Leipzig, 1896), несмотря на крупныя и выдающіяся достоинства этого труда, является лишь разсмотрѣніемъ одной изъ сторонъ дѣятельности Григорія, мало обращая вниманія на его общіе взгляды и ихъ коренную связь съ самыми основами средневѣковаго міросозерцанія.

Нельзя, однако, не замѣтить, что князь Трубецкой, воспроизводя „идеалъ западнаго христіанства въ XI вѣкѣ“, ограничился твореніями публицистовъ съ Григоріемъ во главѣ и тѣмъ самымъ существенно сѣузилъ область своего изслѣдованія, сознательно уклонился отъ разрѣшенія вопроса во всей его широтѣ: его интересная и цѣнная работа разсматриваетъ лишь одну сторону дѣла и это вполне понятно, такъ какъ при изученіи идеала какого нибудь времени изслѣдователь неизбежно наталкивается на огромныя трудности и крупныя пробѣлы въ матеріалахъ, необходимыхъ для прочности выводовъ: стремленія далеко не всѣхъ слоевъ общества представлены въ памятникахъ съ одинаковою равномѣрностью, поэтому за идеалъ времени обыкновенно принимается лишь идеалъ имѣвшаго голосъ класса, тогда какъ въ высшей степени важно отмѣтить различныя теченія общественной мысли и съ этою цѣлью необходимо изучить всѣ уцѣлѣвшія данныя: памятникъ народной поэзіи, частное письмо, грамота, хроника, житіе даютъ тутъ драгоцѣнныя указанія. Правда, въ итогѣ получится не такая однообразная и стройная картина, но зато установится болѣе точное воспроизведеніе дѣйствительности, вообще довольно трудно укладываемой въ тѣсныя рамки схемъ. Безспорно, стремленіе къ единству играло выдающуюся и руководящую роль въ идейной жизни XI вѣка, но въ общемъ необходимо было бы указать и на другія теченія, напримѣръ, на современныя еретическія движенія, краснорѣчивый показатель неудовлетворенности общественныхъ запросовъ въ области религіи. Исторія ересей рѣдко привлекается къ дѣлу въ общихъ работахъ, и въ научной литературѣ еретическія заблужденія не находятъ обыкновенно правильной оцѣнки того значенія, какое они имѣли въ дѣйствительной жизни. Любопытно, однако, что въ XI вѣкѣ на-

ряду съ „неоманихеями“ встрѣчаются и поклонники языческаго, классическаго міра, стало быть, теократіи приходится считаться съ своими старыми противниками, и отъ автора „Религіозно-общественнаго идеала западнаго христіанства въ V вѣкѣ“ можно было ожидать, что онъ отвѣдетъ мѣсто и ересямъ въ своемъ новомъ трудѣ. Допущенный пробѣлъ отразился, между прочимъ, и на постановкѣ вопроса о безбрачїи духовенства: князь Трубецкой не воспользовался въ данномъ случаѣ цѣнными наблюденіями Эйкена, показавшими, что аскетически настроенное средневѣковое міровоззрѣніе отрицательно относится къ семейной жизни вообще, какъ къ состоянію менѣе почтенному, чѣмъ дѣвственность. Теократія и тутъ должна была пойти на уступки требованіямъ жизни и ограничилась запрещеніемъ браковъ духовенства, тогда какъ еретики были несравненно послѣдовательнѣе и нападали на браки вообще, считая брачныя отношенія грѣховными для самихъ мірянъ. Эта проповѣдь еретиковъ, занесенная изъ предѣловъ Византійской имперіи на Западъ, имѣла и практическое значеніе, подготавливая почву для народныхъ движеній противъ женатаго духовенства: „патарія“ началась съ отрицанія браковъ священнослужителей, и противники „патаровъ“ упрекали ихъ въ единомысліи съ еретиками, появившимися незадолго въ окрестностяхъ Милана. Но князь Трубецкой, повидимому, сознаетъ и самъ, что у него рѣчь идетъ лишь объ идеалахъ извѣстной группы лицъ, но не *всего* западно-христіанскаго міра, а потому далъ своей книгѣ второе заглавіе, несравненно болѣе точное, чѣмъ первое. Однако, и у публицистовъ, усматривавшихъ идеалъ общественныхъ отношеній въ водвореніи царства Бога на землѣ, замѣчается общая черта, не отмѣченная княземъ Трубецкимъ съ необходимою яркостью и точностью: *идеалъ для нихъ не впереди, а позади*; они вдохновляются возвращеніемъ „золотаго вѣка апостоловъ“, восстановленіемъ порядковъ первоначальной христіанской общины; по ихъ убѣжденію, древніе каноны должны служить мѣриломъ и руководствомъ, какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни; самъ Григорій съ особенною силой подчеркиваетъ, что не вводитъ ничего новаго, ничего неслыханнаго, но лишь стремится къ исполненію декретовъ папъ и соборныхъ постановленій. Всѣ современные памятники сходятся въ этомъ преклоненіи передъ канонами, и потому для опредѣленія завѣтныхъ стремленій XI вѣка необходимо прежде всего принять во вниманіе идеалы каноническихъ сборниковъ, враждавшихъ тогда и высоко почитаемыхъ, какъ пастырями, такъ и пасомыми. Тутъ очень полезныя услуги могъ бы оказать князю Тру-

бецкому чрезвычайно интересный трудъ французскаго ученаго *Fournier* ¹⁾, *Le premier Manuel canonique de la Réforme du XI-e siècle*. помѣщенный въ *Mélanges d'archéologie et d'histoire* за 1894 г. Благодаря изслѣдованію Фурнье, особенно чувствуется пробѣлъ, допущенный нашимъ уважаемымъ авторомъ, прямо изъ V вѣка перешагнувшимъ въ XI, вмѣсто того, чтобы выполнить свое обѣщаніе и дать „міросозерцаніе“ папы Льва I, Павла Орозія, Сальвіана, полупелагианъ, познакомить съ ихъ „религіозно-общественнымъ идеаломъ“. Нельзя также не пожалѣть, что князь Трубецкой, уловившій и отмѣтившій вліяніе Августина тамъ, гдѣ и не подозрѣвали его прежніе изслѣдователи, искавшіе ссылокъ на мертвую букву и упускавшіе изъ виду живой духъ, не пожелалъ, безъ сомнѣнія, сознавая огромныя трудности этой задачи, дать картину постепеннаго видоизмѣненія теократическаго идеала на Западѣ. Такъ, важно ознакомиться обстоятельно съ вытѣсненіемъ папской теократіи царскою при Карлѣ Великомъ, изслѣдовать идеалы лжеисидоровыхъ декреталій, положившихъ сильнѣйшій отпечатокъ на стремленія преобразователей XI вѣка; въ особенности было необходимо прекрасному знатоку августиновыхъ твореній показать на значеніе папъ Николая I и Григорія I въ исторіи распространенія идеала „царства божьяго“, тѣмъ болѣе, что послѣдній является главнымъ виновникомъ укрѣпленія идей Августина въ сознаніи средневѣковья. Между прочимъ Григорій Великій послужилъ посредствующимъ звеномъ между Августиномъ и Григоріемъ VII. Правда, какъ показалъ Мирбтъ въ своей кропотливой работѣ: „Die Stellung Augustins in der Publicistik des gregorianischen Kirchenstrettes, Leipzig, 1888“, Григорій VII всего лишь разъ ссылается на Августина (R. VIII, № 21, p. 459), но уже князю Трубецкому удалось доказать, что общія идеи Августина вдохновляли великаго папу. Къ сожалѣнію, нашъ авторъ не воспользовался статьей Бернгейма: „Politische Begriffe des Mittelalters im Sichte der Ausschauungen Augustins“ въ *Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* за 1896—1897 годъ. Здѣсь прекрасно раскрыты и освѣщены „политическія воззрѣнія“ Григорія VII путемъ сопоставленія ихъ съ идеями Августина: въ противоположность микроскопическому методу Мирбта, Бернгеймъ принимаетъ во вниманіе прежде всего сходство общихъ

¹⁾ Ср. неоконченную еще статью того же *Fournier*, *Les collections canoniques attribuées à Yves des Chartres* въ *Bibliothèque de l'école d. Chartes* за 1896 и 1897 гг.

понятій и неоспоримо доказываетъ, что „Григорій стоитъ вполнѣ на почвѣ августиновыхъ воззрѣній, и это вполнѣ понятно, такъ какъ они составляли общее достояніе образованныхъ людей того времени, да и, кромѣ того, папа обнаруживаетъ особое пристрастіе къ своему предшественнику, Григорію Великому, творенія и идеи котораго онъ знаетъ на основаніи личнаго изученія и довольно часто приводитъ изъ нихъ выдержки въ своихъ письмахъ, тогда какъ рѣже ссылается непосредственно на сочиненія Августина“. Сближеніемъ идей Григорія VII и знаменитаго автора „De civitate Dei“ Бернгеймъ проявлялъ яркій свѣтъ на обычные заблужденія историковъ, повторявшихъ слова папы, не понимая ихъ настоящаго смысла. Таковъ, напримѣръ, Мартенсъ, совершенно не способный подняться на высоты обобщенія и, благодаря этому, изъ-за деревьевъ не видящій лѣса: кропотливое подбораніе отдѣльныхъ выраженій Григорія не привело ни къ какимъ плодотворнымъ наблюденіямъ, потому что новѣйшій изслѣдователь оторвалъ своего героя отъ идейной жизни средневѣковья. Князь Трубецкой, показавъ связь воззрѣній Григорія и Августина, оказалъ наукѣ крупную услугу, но остановился на половинѣ пути, не далъ полной характеристики Григорія во весь ростъ, не познакомилъ съ основными его взглядами во всей полнотѣ, а потому и не раскрылъ вліянія Августиновыхъ идей съ надлежащею обстоятельностью. Прекрасная статья Бернгейма доказываетъ, что Григорій насквозь проникся ученіемъ Августина, въ переработкѣ своего знаменитаго тѣзки, о „Rex justus“, „Tyranus“, „regimen justī pastoris“, „superbia“, „discordia“, „inobedientia“, „justitia“, „pax“ и т. п. Выводы Бернгейма служатъ важнымъ и необходимымъ дополненіемъ къ наблюденіямъ князя Трубецкаго, такъ какъ вносятъ довольно существенныя поправки въ изложеніе русскаго изслѣдователя, что отражается въ особенности на характеристикѣ понятій Григорія объ отношеніи властей и его мѣропріятій, направленныхъ противъ инвеституры.

Князь Трубецкой считаетъ Григорія „заранѣе предрасположеннымъ противъ свѣтской инвеституры“ и пытается объяснить колебанія папы „открыть противъ нея огонь по всей линіи“, отвергая намѣреніе и надежду его „окончить дѣло мирнымъ путемъ, добиться отмѣны инвеституры посредствомъ полюбовнаго соглашенія съ заинтересованными въ ея сохраненіи свѣтскими государями“: „Григорій обладалъ слишкомъ здравымъ смысломъ, онъ слишкомъ хорошо зналъ того противника, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло, въ особенности Ген-

риха IV, чтобы надѣяться съ его стороны на такую уступку, которая подкапывала бы въ самомъ корнѣ основы его королевской власти“ (стр. 208—209). Но такое прямолинейное утверждение не находить опоры въ источникахъ, такъ какъ въ письмахъ самого Григорія VII находятся неопровержимыя доказательства обратнаго положенія: Папа ожидалъ уступокъ отъ Генриха даже по вопросу объ инвеститурѣ миланскаго архіепископа, слѣдовательно по вопросу, имѣвшему огромное значеніе для обѣихъ сторонъ, какъ прекрасно разъяснилъ самъ князь Трубецкой. Обратившись къ регистру Григорія VII, увидимъ изъ R. I, № 9, р. 19 и № 11, р. 22, что еще до своего посвященія Григорій питалъ надежду на исправленіе Генриха и на сближеніе съ нимъ. Посредниками между папой и „главой мірянъ, съ божьей помощью будущимъ императоромъ“ (R. I, № 20, р. 35), были Беатрисса, Матильда, Агнесса, нѣкоторые епископы и имперскіе князья. Подъ несомнѣннымъ ихъ вліяніемъ Григорій выражалъ увѣренность, что только дурные совѣтники мѣшаютъ королю выполнять обязанности христіанскаго государя. Самъ папа настроенъ мирно и считаетъ согласіе между папствомъ и имперіей желательнымъ, такъ какъ они—„два глаза, управляющіе тѣломъ церкви“ (R. I, № 19, р. 33). Слѣдовательно, объ „отрицательномъ отношеніи къ свѣтской власти“ еще нѣтъ рѣчи, тѣмъ болѣе, что Григорій пишетъ епископу веронскому: „мы желаемъ тебѣ показать, насколько искренне цѣнимъ благополучіе короля и хотимъ бодрствовать о его чести, *сообразно завѣтамъ Божьимъ и законамъ мірскимъ*, если самъ Генрихъ постарается воздать должную честь Богу и, оставивъ ребяческія страсти, премудро станетъ подражать примѣру *святыхъ царей*“ (R. I, № 24, р. 41). Оживленные переговоры между куріей и нѣмецкимъ дворомъ, о которыхъ говорятъ наши источники (R. I, № 25, р. 42; sp. col. № 14, р. 536; Widonis Ferrar. lib. I, с. 3, р. 156; Donizonis lib. I, с. 19, р. 376; Pauli Bermiedensis с. 61, р. 507), шли въ желательномъ для папы направленіи, такъ какъ онъ совѣтуетъ Эрлембальду „не бояться противниковъ въ виду предстоящаго соглашенія съ королемъ“ не только „относительно другихъ церковныхъ вопросовъ, но и, въ особенности, по поводу миланскихъ дѣлъ“ (R., № 26, р. 43). Это ожиданіе отъ Генриха „удовлетворенія нашимъ желаніямъ“ блистательно оправдывается письмомъ молодого короля къ папѣ, гдѣ Генрихъ приноситъ покаяніе въ своихъ прегрѣшеніяхъ и проситъ Григорія о совѣтѣ и поддержкѣ, обѣщая ему надлежащее повиновеніе „во всемъ“. Какъ бы въ залогъ своей искрен-

ности, Генрихъ „прежде всего просить о каноническомъ исправленіи папой миланской церкви, которая впала въ заблужденіе по нашей винѣ“, и предлагаетъ затѣмъ приступить къ „дальнѣйшимъ исправленіямъ по своему усмотрѣнію“ (R. I, № 29 а, р. 47). И дѣйствительно, король поддерживалъ папскихъ легатовъ во время ихъ столкновения съ германскими епископами, за что и получилъ одобреніе папы (R. II, № 30, р. 142; ср. Lambertі р. 216; Bonithonis lib. VII, р. 658), который изъявлялъ готовность, если окажется возможнымъ, уступить въ миланскомъ вопросѣ, но въ то же время умолялъ Генриха „изъ любви къ Богу и уваженія къ св. Петру свободно возвратить миланской церкви ея права“, напоминая ему, что онъ „только тогда правильно пользуется королевскою властью, когда употребляетъ высоту своего владычества на службу царю царей Христу для возстановленія и защиты его церковей“ (R. I, № 30, р. 143). Одновременно Григорій увѣрялъ короля въ глубокой искренности своего расположенія къ нему, „поставленному, Богомъ во главѣ всего“, и ввѣрялъ „послѣ Бога“, ему римскую церковь, дабы Генрихъ охранялъ ее, какъ святую мать, и защищалъ ея честь (R. II, № 31, р. 144—146). Приведенныхъ данныхъ достаточно, чтобы признать несостоятельность отрицанія княземъ Трубецкимъ стремленія Григорія къ полубовному соглашенію съ Генрихомъ: папа до самаго разрыва надѣялся, что король отринуетъ дурныхъ совѣтниковъ, пойдетъ „стезеею правою“, послѣдуетъ примѣру святыхъ царей, на которыхъ лежала обязанность защиты церковей и заботы о спасеніи душъ подвластныхъ. Мало того, Григорій, повидимому, не выработалъ еще окончательно взгляда на права королей при замѣщеніи епископскихъ каедръ, по крайней мѣрѣ, онъ пишетъ въ декабрѣ 1074 года Гумберту, графу Фермо, клиру и народу, „чтобы они предоставили исполненіе епископскихъ обязанностей мѣстному архидіакону до тѣхъ поръ, пока, по божественной милости, какъ по нашей заботливости, такъ и *по совѣтамъ и усмотрѣнію короля*, не найдется лицо, способное управлять церковью“ (R. II, № 38, р. 151). Не даромъ Мирбѣтъ (стр. 491) говорить, что „первый годъ понтификата Григорія едва позволяетъ предугадывать, что принесутъ слѣдующіе“. Напрасно князь Трубецкой придаетъ особое значеніе основанію епископства въ Гуркѣ, при чемъ замѣщеніе новой каедръ должно было происходить „не посредствомъ свѣтской инвеституры“ (стр. 490). При ближайшемъ разсмотрѣніи это „запрещеніе свѣтской инвеституры“ совершенно утрачиваетъ характеръ боевой мѣры: архіепископъ Зальцбургскій, вслѣдствіе обшир-

ности своей епархіи и затруднительности сообщеній въ гористой мѣстности, выдѣлилъ изъ земель, находившихся въ его распоряженіи, особый викаріатъ, но не далъ даже ему самостоятельныхъ доходовъ. Естественно поэтому, что новое епископство, не будучи имперскимъ, но архіепископскимъ леномъ, подлежало замѣщенію съ назначенія архіепископа и его преемниковъ: таково было требованіе феодальнаго права, шедшее въ разрѣзъ съ каноническими выборами клиромъ и народомъ, коихъ добивалась преобразовательная партія. Для правильнаго пониманія значенія учрежденія епископства въ Гуркѣ необходимо также не упускать изъ виду, что не только папа, но и король особою грамотой скрѣпилъ права Гебгарда и его преемниковъ. стало быть, о посягательствѣ на умаленіе королевскихъ правъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, и къ послѣдующему запрещенію инвеституры этотъ случай не имѣетъ никакого отношенія¹⁾. Мало того, въ памятникахъ имѣются указанія, что папство сдерживало даже крайнихъ противниковъ вліянія короля на замѣщеніе епископскихъ кафедръ: самъ папа Александръ II незадолго до своей кончины, слѣдовательно въ моментъ обостренныхъ отношеній между куріей и германскимъ дворомъ, отправилъ своего племянника Ансельма къ Генриху за полученіемъ инвеституры на Луккскую епископію, (*Vita Anselmi*, с. 2, р. 14). Но ревностный поборникъ крайняго направленія, Ансельмъ отвергалъ безусловно инвеституру и обратился за поддержкой къ новому папѣ Григорію. Послѣдній, однако, не поддерживалъ его рвенія, посоветовавъ не принимать инвеституры, пока между папой и королемъ не состоится соглашеніе (*R. I.* № 21, р. 36), и изъявивъ готовность идти на уступки (*Hugonis Flav. lib. II*, р. 411—412). Даже послѣ запрещенія инвеституры, Григорій признавалъ за духовенствомъ обязанности передъ короной, которыя ревнители приравнивали къ симоніи: „мы никоимъ образомъ не желаемъ“, пишетъ папа аквилейцамъ, „противодѣйствовать и мѣшать выполненію службы и должной королю вѣрности; мы не пытаемся ввести ничего новаго, нами изобрѣтеннаго, но ищемъ только то, что требуетъ необходимость и общее благо, а именно, чтобы при поставленіи епископовъ, сообразно общему одобренію св. отцовъ, прежде всего соблюдался авторитетъ евангелія и канонівъ“ (*R. V.* № 5, р. 292). Производи-

¹⁾ *Monumenta historica ducatus Carinthiae*, В. I, 1897. Die Gurker Geschichtsquellen. См. *Mitteil. d. Inst. für östr. Gesch.-for.*, В. XVIII, 1897 г. Mansi XIX, р. 975, и *Gesta episcoporum Salisburgensium*, с. 5, р. 38.

мыя Генрихомъ назначенія на епископскія и аббатскія мѣста не вызвали протеста Григорія, несмотря на законъ 1075 г. Папа выражалъ даже свое одобреніе преобразовательной дѣятельности короля (R. III, № 3, р. 205). Самъ князь Трубецкой признаетъ, что „не принципиальный споръ объ инвеститурѣ, какъ такой, былъ причиною разрыва между папствомъ и имперіей“ (стр. 223), и въ этомъ отношеніи приближается къ изслѣдователямъ, возстающимъ противъ неточнаго названія „борьба за инвеституру“ (Мирбтъ, Мартенсъ и Гаукъ). Далѣе, нашъ авторъ, въ противоположность своимъ прежнимъ сомнѣніямъ (см. стр. 209), утверждаетъ, что „Григорій не рѣшался вступать въ открытую борьбу, пока не выяснилась совершенная невозможность соглашенія: въ февралѣ 1075 года Григорій не имѣлъ *никакихъ данныхъ, чтобы считать мирное соглашеніе невозможнымъ*“ (стр. 219). соглашается съ Гизебрехтомъ, что папа „предлагалъ Генриху компромиссъ послѣ изданія февральскаго канона 1075 года и дѣлалъ уступки ему“ (стр. 216), не желая вступать въ борьбу съ королемъ по вопросу объ инвеститурѣ“ (стр. 217). Нельзя не согласиться съ княземъ Трубецкимъ, когда онъ объясняетъ эту уступчивость тѣмъ, что „теократія нужно содѣйствіе свѣтскаго органа для осуществленія ея преобразовательныхъ цѣлей: царство въ ней такой же необходимый элементъ, какъ и священство“. „Оттого-то, продолжаетъ уважаемый авторъ, Григорій не можетъ быть вполне послѣдователенъ въ своемъ отношеніи къ мірской власти: онъ, подобно другимъ сторонникамъ преобразованій, колеблется между двумя воззрѣніями. изъ коихъ одно превращаетъ царей во святителей, а другое считаетъ мірскую власть изобрѣтеніемъ сатанинской гордости“. Но князь Трубецкой не приводитъ ни одной выдержки изъ писемъ папы, доказывающей признаніе имъ за царскою властью „святительскихъ“ правъ. Григорій по-своему былъ очень послѣдователенъ въ своихъ отношеніяхъ къ свѣтскимъ властямъ: ключъ къ его „противорѣчіямъ и колебаніямъ“ не дають случайныя временныя и смѣняющіяся обстоятельства, но ученіе блаженнаго Августина о „rex justus“ и „tyrannus“ (ср. стр. 304). Пока король обнаруживаетъ должную „obedientia“ римскому первосвященнику, выполняетъ свои обязанности, какъ „rex justus“, защищая церковь, водворяя „pax“, отстаивая „justitia“, онъ „божій слуга и избранникъ“, но разъ онъ впадаетъ въ „superbia“ и „inobedientia“, сѣетъ „discordia“, губить такимъ образомъ души подвластныхъ,—онъ „tyrannus“ и „membrum diaboli“, а папа обязанъ въ силу своего сана и долга, съ нимъ связаннаго (regimen justi

pastoris), возстать на защиту поправной правды и отстаивать „libertas ecclesiae romanae“. Вотъ почему нельзя придавать преувеличенное значеніе восточной политикѣ папы для объясненія его „колебаній по вопросу объ инвеститурѣ“, какъ это дѣлаетъ князь Трубецкой (стр. 213): Григорій прежде всего ожидалъ отъ Генриха водворенія той „универсальности“ между папствомъ и имперіей, которая была завѣтною мечтою поборниковъ водворенія Царства Бога на землѣ. Да и самъ князь Трубецкой въ другомъ мѣстѣ признаетъ, что „крестовый походъ имѣется въ виду Григоріемъ, какъ цѣль, сравнительно отдаленная“ (стр. 118), и допускаетъ стремленія папы къ доброму согласію съ королемъ „я послѣ того какъ вопросъ о крестовомъ походѣ на востокъ снятъ съ очереди“ (стр. 216). Но, домогаясь единенія съ имперіей, Григорій первое мѣсто отводилъ, какъ и вообще средневѣковые писатели, папству. Онъ здѣсь опирается на своеобразное пониманіе новозавѣтныхъ писаній: знаменитое отлученіе Генриха почти дословно повторяетъ слова апостола Павла, говоря о полномъ подчиненіи духовной власти и мірскихъ дѣлъ, и доводъ „a fortiori“, на слабость котораго нападаютъ Мартенсъ и Трубецкой (стр. 295), выдвинуть въ первомъ посланіи къ коринтянамъ ¹⁾, (гл. 6 ст. 1 — 3), что ускользнуло и¹⁾ отъ Лангена (*Langen, Die zwei Schwerter* въ *Revue internationale de Théologie* № 16, 1896, стр. 643). Превосходство духовной власти папы надъ всѣмъ міромъ (ср. R. I, № 63, р. 82), логично вытекавшее изъ ученія Августина о „царствѣ Божьемъ“, пустило глубочайшіе корни въ средневѣковое сознаніе, и даже сторонники „единенія властей“ отводили первое мѣсто папѣ. (Ср. Petri Damiani op. IV, р. 86—87). Именно въ этомъ преобладаніи послѣдняго и заключается коренное отличіе „священной Римской имперіи“ отъ византійской монархіи, гдѣ вся полнота власти сосредоточилась въ рукахъ императора, вершителя даже чисто церковныхъ дѣлъ. Но эти византійскіе идеалы оказывали мощное вліяніе и на западъ: „возстановители имперіи“, Карлъ и Оттонъ, добились по отношенію къ папамъ и церкви власти своего византійскаго образца; образовалась теорія святительскихъ правъ императора подъ несомнѣннымъ византійскимъ вліяніемъ. По мнѣнію князя Трубецкаго, „эта теорія получала самое совершенное и законченное свое выраженіе въ трактатѣ Бенцона Альбскаго“, то-есть, въ произведеніи уроженца южной Италіи, знакомаго съ византійскими государственными поряд-

¹⁾ *Willing, Zur Geschichte des Investiturstreites. Liegnitz, 1896, стр. 39 сл.*

ками, имѣвшаго передъ глазами полномочія византійскихъ императоровъ и жаждавшаго перенесенія византійскихъ началъ въ западно-европейскій хаосъ. Любопытно также, что и другой имперіалистъ, Петръ Крассъ, *равеннскій юристъ*, основываетъ свою „защиту Генриха IV“ на кодексъ Юстиніана, то-есть, на памятникъ, проникну томъ византійскими воззрѣніями на императорскую власть. Сами папы признавали священный характеръ за властью византійскихъ императоровъ: папа Левъ I пишетъ Θεодосію II—*„vobis non solum regium. sed etiam sacerdotalem animum inesse“*; папа Григорій признавалъ несомнѣннымъ, что „Константинъ, Θεодосій, Валентиніанъ, Юстиніанъ были царями и священниками“. Но „возстановленіе имперіи на Западѣ“ дало папамъ возможность смотрѣть на императоровъ—своихъ ставленниковъ, какъ на носителей власти, зависящей отъ усмотрѣнія „намѣстниковъ апостоловъ“, хотя стремленіе новыхъ „преемниковъ цезарей“ удержать полномочія византійскихъ императоровъ сказывается, напримѣръ, въ такихъ выраженіяхъ Генриха V, какъ *„imperator sum et sacerdos“*, дословномъ повтореніи формулы Льва Исаврійскаго. Однако, папа оставался первенствующимъ лицомъ въ сознаніи огромнаго большинства мыслящихъ людей Запада, а потому теоріи, оправдывающія временный захватъ полномочій императорами, не имѣя корня въ прошломъ, не пользовались тутъ прочнымъ успѣхомъ и вліяніемъ. Князь Трубецкой впадаетъ поэтому въ преувеличеніе значенія теорій такихъ имперіалистовъ, какъ Бенцонъ Альбскій.—теорій, отражавшихъ прежде всего вождедѣнія автора, а не дѣйствительное положеніе дѣлъ. Затѣмъ, даже Бенцонъ Альбскій не думаетъ утверждать, какъ полагаетъ князь Трубецкой (стр. 266), что „императоръ обладаетъ *всѣми* (?) тѣми полномочіями, которыя, по ученію папистовъ, должны принадлежать только римскому первосвященнику“. Достаточно заглянуть въ *Dictatus papae* (R. II, № 55 а, р. 174—176), чтобы увидѣть полную неосновательность этого явнаго преувеличеннаго положенія. Вдобавокъ, князь Трубецкой самъ признаетъ (стр. 389), что Генрихъ III, облекшись въ санъ римскаго патриція, выговорилъ себѣ право располагать апостольскимъ престоломъ, въ силу договора съ римлянами сталъ назначать римскихъ первосвященниковъ“. Стало быть, санъ императора, въ глазахъ Генриха и его современниковъ, не приносилъ съ собой господства надъ папствомъ, и нужны были особыя полномочія отъ клира и народа („патриціатъ“) для пріобрѣтенія правъ на замѣщеніе „апостольскаго престола“. Вотъ почему вопросъ о патриціатѣ нельзя считать, какъ это дѣлаетъ князь

Трубецкой, „пустымъ словопреніемъ“, такъ какъ отъ того или другаго его рѣшенія зависить то или иное воззрѣніе на отношенія папства и имперіи (см. *Niehues, De imperatoris Heinrici III patriciatu gotano*, 1897). Эти отношенія все еще не раскрыты съ необходимою обстоятельностью и точностью, что отражается, между прочимъ, на вопросѣ объ инвеститурѣ. По князю Трубецкому, она „понимается одновременно, какъ власть царя-священника, свыше поставленнаго управлять церквами, и какъ свѣтское верховенство и, наконецъ, какъ имущественное право надъ церковными бенефиціями“. Понимая въ столкновеніи власти XI вѣка борьбу двухъ теократій, князь Трубецкой особенно подчеркиваетъ „святительскія“ права королей на замѣненіе духовныхъ должностей. Но сеньоральная инвеститура не могла вырасти на священной, теократической почвѣ: сеньоры не получали помазанія, не становились причастными благодати священства. Очевидно, ихъ власть надъ церквами имѣла другія основанія. Фиккерь, Имбаръ де ла Туръ и въ недавнее время Штутцъ возводятъ ихъ къ праву собственности. Большой трудъ послѣдняго *Geschichte des kirchlichen Benefizialwesens* (Berlin, 1895) еще не конченъ, но съ общими взглядами автора можно ознакомиться по его вступительной лекціи: *Die Eigenkirche als Element des mittelalterlich-germanischen Kirchenrechtes* (Berlin, 1895). Взгляды, приводимые здѣсь, имѣютъ за себя многое и прекрасно объясняютъ недостаточно освѣщенную русскимъ изслѣдователемъ сторону дѣла: не подлежащій сомнѣнію священный характеръ королевской власти (*Imbart de la Tour, Les élections épiscopales dans l'église de France*, стр. 101—106) не исключаетъ вліянія правовыхъ воззрѣній времени на печальную участь церковныхъ имуществъ; епископства дѣлились между наследниками, служили приданымъ; епископы превращались въ феодальныхъ владѣльцевъ и утрачивали все болѣе свойственныя ихъ сану черты. При узко-религіозномъ настроеніи вѣка, созиданіе церквей было не только душеспасительнымъ, но и выгоднымъ дѣломъ: владѣлецъ церкви отдавалъ ее въ аренду или назначалъ священника изъ своихъ крѣпостныхъ; доходы шли въ пользу собственника, дѣлились между его потомствомъ. Любопытныя подробности пагубныхъ послѣдствій подобныхъ порядковъ рисуетъ хроника капитула въ Ареццо, напечатанная Бресслау въ *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde*, B. V, стр. 442—451.

Несомнѣнно, сеньоральная инвеститура была страшнымъ зломъ и вела къ самымъ безобразнымъ явленіямъ. Борьба съ ними оставлена

въ сторонѣ княземъ Трубецкимъ, сосредоточившимъ свое вниманіе на столкновеніи изъ-за взаимныхъ отношеній королевской и святительской власти. Такимъ образомъ, необходимо признать, что цѣнное изслѣдованіе князя Трубецкого не охватываетъ вопроса объ „инвеститурѣ“ въ полномъ объемѣ и нуждается въ нѣкоторыхъ добавленіяхъ для болѣе точнаго воспроизведенія стремленій преобразовательной партіи.

Другимъ недочетомъ разсматриваемой книги является преувеличеніе значенія и вліянія Гильдебранда, склонность свести къ личности то, что было плодомъ воздѣйствія различныхъ историческихъ условій времени, создавшаго самого Григорія. Его дѣятельность была подготовлена предшествовавшимъ развитіемъ, а не обусловлена его „оригинальностью“. Онъ уже нашель сложившимся кругъ представленій о папѣ монархъ въ церкви и царъ міра; уже Николай I изъ обязанностей папы выводилъ его права; Левъ IX и Гумбертъ поставили ясно не только цѣли, но и выработали и указали средства для ихъ достиженія. Даже какъ „борецъ за теократическій идеалъ“, Гильдебрандъ не представляется самобытнымъ: возстановленіе каноническихъ выборовъ, выдвинутое папой Львомъ IX, и обращеніе, Гумберта къ мірянамъ уже предѣшили союзъ съ патарами. Самъ Гильдебрандъ былъ вполне проникнутъ воззрѣніями, ярко сказывающимися въ литературныхъ памятникахъ, написанныхъ до его возвышенія. Самъ онъ говоритъ, что не вводитъ „ничего новаго, имъ избрѣтеннаго“ (Р. III, № 10 р., 220). Его идеи были удѣломъ лицъ, получившихъ образованіе въ тогдашнихъ высшихъ школахъ ¹⁾, гдѣ ученикамъ внушали вѣру въ господство папы надъ міромъ, въ его неподсудность, вселяли вражду къ вмѣшательству мірянъ въ дѣла церковныя, къ симоніи и „прелюбодѣніямъ“ клира. Сознаніе необходимости преобразованій было распространено всюду, такъ какъ вездѣ были на лицо печальныя проявленія господствовавшихъ порядковъ. Сила Григорія заключалась именно въ томъ, что онъ стремился искоренить ясныя уже злоупотребленія. Поэтому изслѣдователю необходимо обратить главное вниманіе на общество, а не на отдѣльное лицо, которое, какъ бы ни были велики его способности, не можетъ добиться успѣха, если не черпаетъ силъ изъ окружающей среды. Несмотря на то, что времена преклоненія передъ героями и титанами, казалось, уже прошли безвозвратно, традиціонное воззрѣніе все еще

¹⁾ Clerical, Les écoles de Chartres au moyen âge. Chartres. 1895.

выдвигаетъ на первый планъ „геніальнаго“ Гильдебранда. Князь Трубецкой отдаетъ свои силы и свой блестящій талантъ служенію этому обычному и широкораспространенному воззрѣнію. Но оно требуетъ значительныхъ поправокъ и ограниченій. Нельзя упускать изъ виду, что главнѣйшіе наши источники написаны уже послѣ смерти Григорія VII, когда славное прошлое великаго папы вліяло на писателей, побуждая упомянуть о его предшествующей дѣятельности. Тутъ сказывались и различныя, чисто личныя побужденія: такъ Бонитонъ Сутрійскій писалъ для личнаго друга „боголюбзнаго Гильдебранда“ и потому склоненъ былъ отводить на долю послѣдняго слишкомъ большое вліяніе; съ другой стороны, личный врагъ Гильдебранда Бенцонъ взываетъ къ Генриху IV и для возбужденія его гнѣва противъ преступнаго монаха приписываетъ именно ему рѣшающее участіе въ событіяхъ, умалявшихъ права имперіи. Поэтому необходима величайшая осторожность при пользованіи такими мутными источниками и тщательная повѣрка ихъ показаній путемъ сопоставленія съ другими данными. Въ этомъ отношеніи князь Трубецкой и погрѣшаетъ, привлекая для подтвержденія своей мысли не совсѣмъ пригодныя свидѣтельства: по его мнѣнію, при папѣ Стефанѣ IX Гильдебрандъ впервые явился въ роли руководителя римской политики въ полномъ смыслѣ этого слова. Доказательствами этого положенія служатъ: 1) посольство Гильдебранда въ Германію; 2) сближеніе его съ патарами; 3) требованіе папы Стефана—ожидать возвращенія Гильдебранда для новыхъ выборовъ папы; 4) отвѣтъ Гервасію реймскому и 5) назначеніе кардиналомъ Даміани, которому Гильдебрандъ „далъ епископство“. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи всѣ эти доводы оказываются недостаточными: посольство Гильдебранда въ Германію какъ разъ устранило его отъ вліянія на папу. Князь Трубецкой признаетъ, что при Стефанѣ IX въ Римѣ возобладали идеи Гумберта, „постояннаго спутника и совѣтника папы“. Спрашивается: кто руководилъ политикой, отсутствующій ли Гильдебрандъ, вѣдь Стефанъ правилъ всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ, или личный другъ папы, его „архиканцлеръ“, имѣвшій съ нимъ давнія и прочныя связи? Посланъ былъ Гильдебрандъ въ Германію, потому, что имѣлъ связи при германскомъ дворѣ и могъ ими воспользоваться въ видахъ куріи. Сближеніе съ патарами происходитъ „по порученію папы“ (стр. 422). Мало того, Стефанъ, въ противоположность послѣдующему поведенію Гильдебранда, не сталъ всецѣло на сторону патаровъ, поручивъ, по свидѣтельству очевидца и участника этихъ событій Арнульфа, ихъ противнику Ви-

дону созвать соборъ для устранения смуть. Что же касается отвѣта Стефана Гервасію, то ожиданіе возвращенія Гильдебранда объясняется не „главнымъ его руководствомъ“, а тѣмъ, что онъ, бывший легатомъ во Франціи, имѣлъ по разсматриваемому дѣлу точныя свѣдѣнія; естественно, что они были необходимы для Стефана, не успѣвшаго, за краткостью времени своего управленія, ознакомиться съ подробностями текущихъ дѣлъ. Равнымъ образомъ для новыхъ выборовъ важно было не присутствіе именно Гильдебранда, но посла, возвратившагося изъ Германіи, сближеніе съ которою въ виду разрыва съ норманнами приобрѣтало особое значеніе. Наконецъ, выраженіе Даміани о дарованіи ему „епископства“ Гильдебрандомъ нѣтъ основаній понимать въ томъ смыслѣ, какъ это обыкновенно дѣлается: Даміани не говоритъ, что Гильдебрандъ сдѣлалъ его кардиналомъ или епископомъ *остійскимъ*, да и ни одинъ источникъ не приписываетъ возвышенія Даміани вліянію Гильдебранда; наоборотъ, имѣются даже показанія болѣе позднихъ, но совершенно не заинтересованныхъ въ вымыслѣ источниковъ, что Даміани былъ сдѣланъ Стефаномъ кардиналомъ не задолго до смерти этого папы, то-есть, во время отсутствія Гильдебранда. Выраженіе „далъ епископство“, поэтому, надо относить къ времени, когда старый кардиналъ управлялъ епископствомъ Веллетрійскимъ, переданнымъ ему Гильдебрандомъ послѣ избранія Бенедикта X. Въ доказательство того же преобладанія Гильдебранда князь Трубецкой, между прочимъ, ссылается еще на то, что папа Стефанъ по его настоянію далъ иммунитетъ Луккской церкви, но въ грамотѣ, составленной по этому поводу (Mansi, XIX, p. 866), Гильдебрандъ упоминается лишь на седьмомъ мѣстѣ послѣ епископовъ и кардиналовъ, да и, кромѣ того, ходатаями выступали „*alii nostri fideles*“. Итакъ, „*главное вліяніе*“ и „*руководящая роль*“ Гильдебранда при Стефанѣ IX княземъ Трубецкимъ, равно какъ и его предшественниками, *не доказаны*. Для правильнаго пониманія виднаго участія, отводимого источниками Гильдебранду въ послѣдующихъ событіяхъ, необходимо принимать въ расчетъ его могущественное должностное положеніе: *Ordo Romanus* называетъ архидиакона „намѣстникомъ епископа“, на немъ лежитъ надзоръ за духовенствомъ, за чистотою вѣроученія, за соблюденіемъ церковныхъ привилегій; ему принадлежитъ судебная власть; на немъ лежала обязанность, вмѣстѣ съ кардиналомъ архипресвитеромъ и примицеріемъ (*primicerius*) нотаріевъ, управлять римскою церковью въ то время, когда папа отсутствовалъ или папскій престолъ былъ не занятъ, что давало ему круп-

ное вліяніе при замѣщеніи апостольскаго престола. Совокупность этихъ преимуществъ дѣлала архидіакона „значительнѣйшимъ лицомъ въ римской церкви послѣ папы“ (Hinschius, I, стр. 360, и *Sägmüller*, *Die Thätigkeit und Stellung der Cardinäle bis Papst Bonifaz VIII*, Freiburg, 1896). Неудивительно, что наши источники часто упоминаютъ объ *архидіаконѣ* Гильдебрандѣ. Но и архидіаконъ не былъ всемогущимъ, папа не былъ „самодержавнымъ“. Въ публицистической литературѣ есть цѣлое теченіе, рисующее „религіозно-общественный идеалъ“ кардиналовъ римской церкви. По выставленной ими теоріи, не папа является полномочнымъ носителемъ преимуществъ св. Петра, но римская церковь, представляемая кардиналами; ихъ приговору— „*sententia divina*“, подлежитъ весь міръ и самъ намѣстникъ апостоловъ; кардиналы, „*senatores sanctae sedis*“, „*patres romanae ecclesiae*“, выступаютъ хранителями традицій папства; безъ ихъ согласія и совѣта не принимается ни одно важное рѣшеніе; безъ ихъ подписи постановленія папы не имѣютъ законной силы; мало того, папа остается „намѣстникомъ апостоловъ“, пока стоитъ въ общеніи съ кардиналами. Ученіе о святости и непогрѣшимости „св. отца“ находитъ въ кардиналахъ рѣшительныхъ противниковъ: ссылками на историческіе примѣры (Либерій, Анастасій, Марцеллинъ) они доказываютъ, что папа впадалъ въ заблужденія и божественный приговоръ скрѣплялъ осужденіе, произнесенное надъ нимъ хотя бы однимъ кардиналомъ (*Sägmüller*, стр. 215—248). Въ изучаемый періодъ кардиналы приобретаютъ особое значеніе, съ тѣхъ поръ, какъ Левъ IX пополнилъ ихъ составъ строгими поборниками преобразованій, принадлежавшими къ разнымъ національностямъ, и тѣмъ самымъ сдѣлалъ ихъ коллегію настоящею представительницею мирообъемлющей римской церкви. При папѣ Викторѣ II наиболѣе дѣятельное участіе въ дѣлахъ принимаютъ кардиналы епископы; ни одно важное политическое рѣшеніе не происходило безъ совѣщанія съ кардиналами; на дошедшихъ грамотахъ имѣются ихъ подписи съ выраженіемъ согласія и одобренія. Такимъ образомъ коллегія кардиналовъ занимаетъ руководящее положеніе, которое сказывается и при Николаѣ II (*Scheffer Boichorst*, *Die Neuordnung des Papstwahl durch Nicolaus II*, стр. 70—71). Наконецъ, при Александрѣ II замѣтна борьба между Гильдебрандомъ и кардиналами, во главѣ которыхъ стоялъ Петръ Даміани, то-есть, между „намѣстникомъ папы“—архидіакономъ и епископомъ Остійскимъ, пользовавшимся, какъ признаетъ самъ папа Александръ (Mansi, XIX, p. 958), „наибольшою властью послѣ папы въ римской церкви“. Карди-

налы попрежнему сохраняютъ свое вліяніе на рѣшеніе дѣлъ, такъ какъ Александръ, напримѣръ, въ ихъ отсутствіе отказывается дать опредѣленный отвѣтъ на просьбы Гервасія Реймсскаго о помощи (Mansi, XIX, p. 955). Кромѣ того, въ источникахъ сохранились извѣстія, показывающія, что борьба кардиналовъ съ Гильдебрандомъ вовсе не походила на „борьбу младенцевъ съ великаномъ“ (стр. 501). Доказательствомъ могутъ послужить миланскія дѣла, гдѣ политика куріи колеблется между крайнимъ направленіемъ Гильдебранда и умѣренными, примиряющими стремленіями кардиналовъ, что сказывается, напримѣръ, на посольствѣ кардинала епископа Майнарда. Самъ князь Трубецкой называетъ его мѣропріятія „отреченіемъ отъ союза съ патарами“, слѣдовательно разрывомъ отношеній, установленныхъ, по его же мнѣнію, Гильдебрандомъ (стр. 173). Нѣтъ ни малѣйшихъ основаній считать „послабленія ломбардскимъ пастырямъ“ плодомъ уступчивости Гильдебранда, такъ какъ ни одинъ источникъ не говоритъ, что это посольство было отправлено *по желанію архидіакона*, что оно дѣйствовало *по его указаніямъ*. Если недовольный постановленіями легатовъ Эрлембальдъ отправляется за содѣйствіемъ къ Гильдебранду, значить онъ не считаетъ его вдохновителемъ примирительной политики. Наоборотъ, предшественникомъ, по образу дѣйствій, Майнарда былъ Даміани, уже разъ сгладившій крайности Гильдебранда. Наконецъ, князь Трубецкой, объясняя „поворотъ“, сдѣланный архидіакономъ, впадаетъ въ погрѣшность: онъ принимаетъ догадку Пэха (Raech), раздѣляемую и Мейеромъ фонъ Кюнау, по которой опасность со стороны норманновъ вызвала легатство Майнарда. Но Пэхъ не могъ привести въ свою пользу никакихъ соображеній: хотя князь Трубецкой относить разсматриваемое событіе къ 1066 году (стр. 495)¹⁾, но оно безусловно произошло въ августѣ 1067 года (Mansi, XIX, p. 946; Pflugk-Harttung, *Iter Italicum* № 39, p. 424); примиреніе же съ норманнами было налажено *раньше*, въ іюлѣ того же года (Heinemann, I, стр. 250), тогда какъ въ самомъ началѣ августа Александръ II держалъ соборы въ Мельфи и Салерно и затѣмъ посѣтилъ Капую (Mansi, XIX, p. 1063—1064; Jaffé, № 4636, p. 581). Слѣдовательно, опасность со стороны норманновъ въ моментъ посольства Майнарда уже миновала, тѣмъ болѣе, что уже въ серединѣ мая Александръ вмѣстѣ съ Готфридомъ и кардиналами направился въ

¹⁾ Если только тутъ нѣтъ описки или опечатки: ср. стр. 113 пр. 1 и стр. 172—173.

нижнюю Италію (Leonis lib. II, c. 23, p. 714). Въ виду этихъ обстоятельствъ догадка Пэха оказывается несостоятельною, слѣдовательно противное мнѣніе выигрываетъ въ своей достовѣрности. Необходимо также имѣть въ виду, что какъ разъ въ томъ же 1067 году кардиналы склоняютъ на свою сторону Александра по дѣлу флорентійскаго епископа, то-есть, дѣйствуютъ въ томъ же умѣренномъ духѣ, какъ и въ Миланѣ. Правда, князь Трубецкой, умаляя значеніе кардиналовъ, подчеркиваетъ *исходъ* дѣла флорентійскаго епископа Петра, „который былъ въ концѣ концовъ осужденъ и долженъ былъ сложить свой санъ, какъ того хотѣлъ Гильдебрандъ“ (стр. 499). Но, какъ показываетъ съ несомнѣнною точностью недавно изданное житіе Іоанна Гвальберта (*Davidsohn, Forschungen zur älteren Geschichte von Florenz, Berlin, 1896. Vita Iohannis Gualberti adhuc inedita, стр. 57—58*) Петръ Даміани на римскомъ соборѣ 1067 года столкнулся съ „монахомъ архидіакономъ Гильдебрандомъ“, которому *не удалось* настоять на своемъ, такъ какъ и папа и соборъ высказались противъ него. Только божій судъ и подвигъ „огненнаго Петра“ окончили распрю въ пользу противниковъ епископа. Любопытно, однако, что, сложивъ свой санъ, онъ поступилъ въ Помпозскій монастырь (*Bertholdi p. 274*), гдѣ аббатомъ былъ кардиналъ Майнардь (*Sud. R. II, №15*). Стало быть, кардиналы попрежнему оказали ему поддержку, и „побѣда монаховъ, его враговъ“, не была слѣдствіемъ торжества вліянія Гильдебранда, не успѣвшаго склонить на свою сторону папу, но произошла, благодаря непосредственному вмѣшательству, съ точки зрѣнія современниковъ, небеснаго судьи.

Та же склонность преувеличивать значеніе и вліяніе Гильдебранда въ ущербъ воздѣйствіямъ другихъ лицъ привела князя Трубецкаго къ неправильному пониманію отношеній между архидіакономъ и Петромъ Даміани. Такъ уважаемый авторъ говоритъ, что „въ то время, какъ архидіаконъ распекалъ своего коллегу (за письмо, послужившее толчкомъ къ созванію мавтуанскаго собора) авторитетнымъ тономъ власть имѣющаго, послѣдній велъ себя, какъ провинившійся школьникъ“ (стр. 500). Но такой рѣзкій отзывъ не оправдывается письмомъ, на которое ссылается князь Трубецкой: здѣсь съ самаго начала Даміани ставитъ Гильдебранда въ надлежащіе предѣлы, называя его „сыномъ“ своимъ, а папу „отцомъ“ (lib. I, № 16 p. 235). Затѣмъ слѣдуетъ обращеніе къ „святому сатанѣ“ и его „достопочтенной гордости“. Колкій смыслъ этихъ вычурныхъ выраженій раскрываетъ послѣдующее подчеркиваніе пагубныхъ послѣдствій висо-

комѣрной заносчивости; нельзя забывать также, что руководители идейной жизни средневѣковья, бл. Августинъ и Григорій Великій, считаютъ именно гордость величайшимъ изъ смертныхъ грѣховъ. Вообще для правильнаго пониманія Даміани необходимо постоянно считаться съ его манерой говорить обиняками, прибѣгать къ недомолвкамъ, разсыпать „floges eloqui“, часто сразу не совсѣмъ понятные. Такъ въ одномъ изъ писемъ Петръ Даміани (Op. XX, p. 441) называетъ Гильдебранда „virga Assur“; сопоставленіе же съ посланіемъ къ Аннону Кельнскому показываетъ, что эта кличка далеко не почетная и примѣняется къ антипапѣ Кадалу (lib. III, № 6, p. 294), а изъ другихъ сочиненій Даміани (p. 1170) видно, что подъ Ассуромъ надо понимать дьявола, и такое вычурное выраженіе означаетъ также упрекъ въ непомерной гордости, за которую дьяволъ лишился прежняго блаженства. Само собою понятно, что такой языкъ совершенно неумѣстенъ въ устахъ „провинившагося школьника“: письмо проникнуто сознаніемъ своего достоинства и чуждо льстивой угодливости и страха, такъ что князь Трубецкой совершенно неправъ увѣряя, будто Даміани послѣ своего письма „долго не смѣлъ показаться на глаза папѣ и не явился даже вопреки данному обѣщанію на соборъ въ Мантуѣ“ (стр. 500). Но Даміани и не думалъ давать подобнаго обѣщанія: вотъ что онъ пишетъ папѣ и Гильдебранду: „что же касается вашего предписанія прибыть къ вамъ въ Римъ и затѣмъ отправиться съ вами въ Мантую, то тяжесть *объихъ поѣздокъ* мнѣ показалась чрезмѣрно затруднительною и непомерно обременительною для меня уже старика, а потому я отложилъ мало для васъ полезную поѣздку въ Римъ; снарядиться же въ Мантую я счелъ болѣе необходимымъ для васъ“, но въ виду высокомерной рѣзкости Гильдебранда отложилъ окончательное рѣшеніе „до прибытія вашего въ наши края“ (lib. I, № 16, p. 236—237). Едва ли и здѣсь безпристрастный изслѣдователь усмотритъ образъ дѣйствій „провинившагося школьника“. Излюбленная мысль о безконечномъ превосходствѣ генія надъ окружающими сказывается и въ другихъ погрѣшностяхъ: князь Трубецкой выдвигаетъ (стр. 500—501), что „обиженный Александромъ Даміани жаловался на папу тому же Гильдебранду“, позабывъ прибавить „и кардиналу Стефану“, но „прежде всего всемогущему Богу“ (lib. II, № 16, p. 270), слѣдовательно наряду съ архидіакономъ ставится кардиналъ, которому необходимо также приписать извѣстную долю вліянія. Подчеркивая зависимость папы отъ Гильдебранда, князь Трубецкой замѣчаетъ (стр. 501): „когда слабый Александръ пытался

проявить свою самостоятельную волю, Гильдебрандъ пушилъ его, рѣзко выражая свое неудовольствіе, а простодушный папа терялся, не зная, „чѣмъ его обидѣлъ“! По увѣренію Даміани, подобныя сцены были обычны между ними“. Между тѣмъ Даміани не говоритъ ничего подобнаго: въ письмѣ, на которое ссылается князь Трубецкой (стр. 501, пр. 2), Петръ жалуется, что папа Александръ похитилъ какое-то его сочиненіе, и, осыпавъ папу рядомъ изысканныхъ упрековъ, продолжаетъ: „но государь папа, услышавъ эти слова (упреки Даміани), пожалуй, по обыкновенію отвѣтитъ: „ты выражаешься рѣзко, чѣмъ я это заслужилъ, въ чемъ предъ тобою тяжко провинился“? Это очень похоже на обращеніе сыновъ Дана къ Михѣ, у котораго они похитили все имущество; „что тебѣ нужно“? „чего ты кричишь?“ — сказали они ему“. Очевидно, что здѣсь нѣтъ рѣчи объ обыкновеніи Гильдебранда „пушить папу“.

Таковы натяжки, вызванныя увлеченіемъ борьбой съ мнѣніемъ, проводимымъ въ „Распаденіи преобразовательной партіи при папѣ Александрѣ II“ (Харьковъ, 1897), такова дань, которую, къ сожалѣнію, уважаемый изслѣдователь платитъ традиціонному воззрѣнію. Главною задачей его противника было доказать, что „Гильдебранду, несмотря на его несомнѣнное вліяніе на Александра, приходилось считаться съ проявленіями собственной воли папы и съ различными вѣяніями, дѣйствовавшими порою въ ущербъ видамъ и цѣлямъ архидіакона“ („Распаденіе“, стр. 1—2; 7—8). Это положеніе принимаетъ и князь Трубецкой, признавая существованіе „противодѣйствія со стороны умѣренныхъ сторонниковъ преобразованій“ и „разногласія въ нѣкоторыхъ пунктахъ между Гильдебрандомъ и папой“ (стр. 502). Напрасно только уважаемый изслѣдователь думаетъ, будто авторъ „Распаденія“ „не хочетъ признать положенія: Гильдебрандъ фактически управлялъ римскою церковью при Александрѣ“ (стр. 506). Князь Трубецкой, повидимому, упустилъ изъ виду 13 стр. „Распаденія“: „со смертію Гумберта и Даміани Гильдебрандъ остался единственнымъ вождемъ преобразованій, безспорно самымъ выдающимся и вліятельнымъ человѣкомъ при папскомъ дворѣ, естественнѣйшимъ преемникомъ Александра: *архидіакону оставалось приобрести право на власть, и безъ того бывшую въ его рукахъ*“.

Разросшіеся размѣры этой замѣтки позволяютъ лишь вскользь коснуться другихъ мелкихъ неточностей, допущенныхъ княземъ Трубецкимъ: такъ онъ полагаетъ, что вліяніе Гильдебранда при Викторѣ „выдвигавшемъ его уже въ большей степени, чѣмъ его предшественникъ

(стр. 420), значительно расширилось“ (стр. 424). Несомнѣнно, однако, что Гильдебрандъ былъ близокъ къ папѣ Льву, тогда какъ легатство въ Галлію не можетъ служить доказательствомъ „расширенія вліянія“; вѣдь на такомъ же основаніи можно говорить о ростѣ вліянія, напримѣръ, Гуго Бѣлаго, легата при Александрѣ, Стефана. Майнарда и другихъ легатовъ. Нѣтъ никакихъ указаній на особое расположеніе Виктора къ Гильдебранду, тогда какъ Левъ былъ, по словамъ хорошо освѣдомленнаго Дезидерія, его „учителемъ“, мнѣнія котораго онъ позволялъ себѣ оспаривать (R. I, № 79, p. 99).

Необходимо также отмѣтить неосторожное согласіе съ Мартенсомъ: утверждающимъ, что Генрихъ былъ лишь отрѣшенъ Григоріемъ въ 1076, вопреки R. IV, № 3, p. 245—246: „a regia dignitate depositus“, и переговорамъ объ избраніи новаго короля, даже вопреки клятвѣ, данной Агнессѣ. Едва ли можно также согласиться, что положеніе дѣлъ въ 1073 году было благопріятно для проведенія преобразованій въ духѣ Гильдебранда, такъ какъ его возвышеніе не встрѣтило общаго сочувствія, и ему было необходимо прежде всего утвердиться на престолѣ св. Петра. Не вполнѣ убѣдительные доводы въ пользу составленія Гильдебрандомъ знаменитаго закона о папскихъ выборахъ 1059 года и т. д.

Отмѣченные недостатки и незначительныя погрѣшности нисколько не умаляютъ крупныхъ достоинствъ и выдающагося значенія *перваго* русскаго изслѣдованія о Григоріи VII, основаннаго на обширномъ знакомствѣ съ первоисточниками и на строго-научныхъ, въ общемъ, приѣмахъ пользованія какъ ими, такъ и важнѣйшими трудами предшествовавшихъ работниковъ въ этой области. Своими самостоятельными и оригинальными построениями князь Трубецкой вноситъ свѣжую струю въ разработку изучаемой эпохи, будитъ мысль и наталкиваетъ на рядъ вопросовъ, способствующихъ дальнѣйшему углубленію научнаго изслѣдованія. Главныя основныя положенія новой книги раскрыты авторомъ въ высшей степени обстоятельно и убѣдительно. Въ особую заслугу необходимо поставить также умѣнье постепенно развивать свои мысли, заинтересовывая и завлекая все больше читателя. Живое изложеніе, литературный языкъ дѣлаютъ трудъ князя Трубецкого достояніемъ не однихъ только специалистовъ, но и всѣхъ образованныхъ людей, желающихъ познакомиться съ научнымъ воспроизведеніемъ идейной жизни средневѣковья. Можно сказать съ увѣренностью, что прекрасное изслѣдованіе князя Трубецкого съ полнымъ правомъ займетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ не только

въ небогатой русской исторической литературѣ, но и въ ряду иностранныхъ изысканій, посвященныхъ пацству, далеко превосходя ихъ безпристрастнымъ отношеніемъ къ свѣтлымъ и темнымъ сторонамъ этого величаваго и своеобразнаго учрежденія.

А. Вязгинъ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

ИМПЕРАТОРСКІЙ РОССИЙСКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ ИМЕНИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III. Описаніе памятниковъ. Выпускъ I. Русскія монеты до 1547 г. Москва. 1896.—Въ это описаніе, составленное хранителемъ музея Орѣшниковымъ, вошли: 1) извѣстное собраніе монетъ А. Д. Черткова (въ сборникѣ вошелъ и портретъ его); 2) собственныя приобрѣтенія историческаго музея, въ числѣ которыхъ особаго вниманія заслуживаетъ коллекція количествомъ въ 1.102 монеты, исключительно тверскихъ и городенскихъ, найденныхъ въ кладѣ близъ деревни Львова, Волоколамскаго уѣзда, Московской губерніи, и 3) монеты, пожертвованныя археологической комиссіей въ 1892 г., въ количествѣ 392 экземпляровъ. При описаніи авторъ держался хронологическаго порядка, разсмотрѣвъ сначала монеты кievскаго періода русской исторіи, потомъ великаго княжества Московскаго съ удѣлами; далѣе княжествъ: Суздальско-Нижегородскаго, Рязанскаго, Ростовскаго, Ярославскаго, Тверскаго съ удѣлами; городовъ: Великаго Новгорода, Пскова, Торжка; безыменныя и неясныя монеты и наконецъ — кожаные жеребьи. Въ предисловіи даются общія понятія о состояніи древней русской нумизматики, а также сообщаются нумизматическія свѣдѣнія предъ началомъ описанія монетъ княжества, города и отдѣльнаго князя. Особую цѣнность эта книга имѣетъ благодаря описанію древнѣйшихъ монетъ, значительно дополненному даже противъ Чертковскаго описанія. При нѣкоторыхъ опредѣленіяхъ авторъ вдавался въ собственныя догадки и предположенія, отъ которыхъ, впрочемъ, говоритъ онъ, „я готовъ отказаться, если будутъ представлены въ опроверженіе положительныя данныя“ (XI стр.). Въ приложеніи помѣщены XXI фототипическая таблица монетъ.

Историческіе акты Ярославскаго Спасскаго монастыря. Изданы И. А. Вахрамеевымъ. Москва. 1896, 4°, VII + 36 + 3 стр.—Настоящій выпускъ заключаетъ „Кормовую книгу гор. Ярославля поволгскаго Спасова монастыря“. Извѣстно, что этотъ монастырь пользовался особыми милостями Василія III и его сына Іоанна Грознаго, которые не разъ жаловали ему села, пустоши, деньги и т. п. Всѣ эти пожалованія и вносились въ кормовую книгу, съ полнымъ и подробнымъ обозначеніемъ всѣхъ условій. Первый экземпляръ кормовой книги отъ XVI вѣка былъ утраченъ и вновь написанъ по панихидному списку и по удѣлѣвшимся кое-гдѣ записямъ въ XVII вѣкѣ. Но и въ настоящемъ видѣ книга наглядно свидѣтельствуетъ о прежнемъ богатствѣ и

особомъ почитаніи монастыря; она же сохранила и имена жертвователей потомковъ князей Ярославскихъ (Троекуровыхъ, Аленкиныхъ, Малыгиныхъ, Юхотскихъ, Курбскихъ и мн. др.), настоятелей, постриженниковъ (патріарха Іоасафа, Вяземскаго архіепископа Михаила, Смоленскаго архіепископа Феодосія). Въ концѣ книги помѣщенъ алфавитный указатель.

Библиотека Московской синодальной типографіи. Ч. I.—Рукописи. — Выпускъ I.—Сборники. Описаль А. Орловъ. Москва. 1896.— Московская синодальная типографія, образовавшаяся изъ прежняго Печатнаго двора, и ея бібліотека имѣють свою довольно обширную исторію. А. Викторовъ еще въ 1859 г. напечаталъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ статью подъ заглавіемъ: „Библіотека и историческая дѣятельность Московской синодальной типографіи“; В. Е. Румянцевъ посвятилъ статью „Древнимъ зданіямъ Московскаго печатнаго двора“ (М. 1869 г.); А. Артемьевъ составилъ каталоги бібліотеки (М. 1851 г.) и др. Но до сихъ поръ не появлялось систематическаго описанія этого довольно богатаго книгохранилища, и добрый починъ въ этомъ дѣлѣ, принадлежащій А. Орлову, предпринять только въ концѣ прошлаго года (1896). Выпуская въ свѣтъ первый выпускъ перваго тома своего систематическаго описанія, въ которомъ рассматриваются только сборники рукописные, г. Орловъ вполне уместно въ предисловіи сообщаетъ въ краткихъ чертахъ исторію самой бібліотеки и ея составъ, пользуясь, главнымъ образомъ, печатными матеріалами и отчасти архивными документами. Для насъ любопытно въ данномъ случаѣ собраніе типографскаго книгохранилища, которое дѣлится на три отдѣла: 1) рукописи, 2) печатныя книги и 3) архивъ типографіи. *Рукописи*, числомъ 1.809, обнимають собою вѣка XI—XIX; писаны на языкахъ: русскомъ (1715 №№), церковно-славянскомъ (1—пергаменная), латинскомъ (37), польскомъ (4) нѣмецкомъ, голландскомъ, французскомъ, англійскомъ, италіанскомъ и нѣкоторыхъ восточныхъ. По содержанію рукописи могутъ быть раздѣлены на текстъ священнаго писанія, богослужебныя, духовно-нравственныя, историческія, юридическія и литературныя въ тѣсномъ смыслѣ. Среди рукописей богослужебнаго содержанія находятся нѣсколько потныхъ: кондакарнаго распѣва — Уставъ церковный XI—XII и знаменнаго распѣва: пергаменная (декабрьская служебная Минея XII—XIII вѣка, Стихари XII—XIII вѣка, Ирмологій XII вѣка, Ирмологій XIV вѣка и Праздники XII—XIII вѣка) и бумажныя (Стихарари, Обиходы, Октоихи и проч.). Значительную часть рукописей составляютъ оригиналы изданій Московской типографіи XVII и XVIII вѣка; изъ нихъ особенно интересны: Кормчая 1650 г., свѣтъ соборный 1666 г., Вѣдомости Московскаго государства 1702 г. и программы „дѣйствъ“ Славяно-греко-латинской академіи. Что касается *печатныхъ книгъ*, то ихъ г. Орловъ дѣлитъ „на группы по времени (старопечатныя и новыя), языку и типографіямъ“. Всѣхъ печатныхъ книгъ въ бібліотекѣ оказывается 7.983, изъ нихъ на славянскомъ 6.506 и на иностранныхъ—1.477. Славяно-русскія старопечатныя книги изданы въ Москвѣ, Острогѣ, Львовѣ, Вильнѣ, Кіевѣ, Черниговѣ, Могилевѣ, Почаевѣ, Супраслѣ, Гроднѣ, Новгородѣ-Сѣверскомъ, Краковѣ, на Афонѣ въ Иверскомъ монастырѣ, въ Амстердамѣ, Гагѣ, С.-Петербургѣ и нѣкоторыхъ другихъ. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны по рѣдкости и древности: Московскій Апостолъ 1564 г., Острож-

ская Библия 1581 г., Часословъ и Трїодъ Постная 1491 г., — Краковскія, Святыцы (Амстердамъ, 1702) и нѣкоторыя другія. Послѣ славяно-русскихъ книгъ по количеству слѣдуютъ латинскія — 854, изъ которыхъ самая ранняя—1496 г. („*Libre creaturæ seu naturæ et fasciculus temporum*“); затѣмъ, польскія—220, преимущественно, богословско-попечительскаго содержанія; греческія—164 и нѣмецкія—159. Остальныхъ на чешскомъ, голландскомъ, шведскомъ, французскомъ и другихъ языкахъ сравнительно по немногу. Наконецъ, *архивъ* содержитъ приходо-расходныя книги, протоколы, указы и проч., всего 2547 №№, изъ которыхъ къ XVII вѣку относятся 103 №№, а остальные къ XVIII вѣку. Самый ранній документъ XVII вѣка—приходо-расходная книга 1620 г. Число находящихся въ библиотекѣ и описанныхъ г. Орловымъ сборниковъ доходить до 24; древнѣйшій изъ нихъ относится къ половинѣ XIV и позднѣйшій началу XIX вѣка. Описаніе весьма подробное, какъ съ внѣшней стороны, такъ и со стороны содержанія. Нѣкоторые сборники описаны по прежнимъ описаніямъ; почти всюду указываются и библиографическія данныя. Сборникъ, описанный подъ № 1, состоящій изъ 216 листовъ и содержащій часть Толковой Псалтири, часть сборника житій святыхъ и нѣсколько статей изъ сборника чтеній разнаго содержанія, былъ уже описанъ И. И. Срезневскимъ („Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ“, С.-Пб. 1860 г.); сборникъ подъ № 2 находимъ въ „Описаніи“ Горскаго и Невоструева подъ № 231; сборникъ подъ № 3 въ книгѣ Мочульскаго „Слѣды народной библии“... (Одесса. 1893) и т. д. Наибольшее число сборниковъ XVII вѣка, но есть и смѣшанные XVI и XVII, и XVII и XVIII вѣковъ. Содержаніе ихъ составляютъ — святцы (№ 3, 10), календари (№ 3), отрывки изъ ветхозавѣтныхъ книгъ и богослуженныхъ (№ 3, 18...) пасхалии (3, 10), житія святыхъ, измаргады (7, 17), церковныя службы, поученія, слова, посланія Іосифа Волоцкаго (12) и т. п. При нѣкоторыхъ (№ 11) г. Орловъ указываетъ и различенія съ прежде изданными. Въ виду полноты описанія и библиографическихъ указаній работа г. Орлова должна быть признана весьма полезной и даже необходимой. Остается только пожелать скорѣйшаго появленія дальнѣйшихъ выпусковъ ея.

Въ теченіе іюля мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги:

— *Латышевъ, В. В.* Очеркъ греческихъ древностей. Пособіе для гимназистовъ старшихъ классовъ и для начинающихъ филологовъ. Часть 1-я. Государственныя и военныя древности. Изданіе 3-е, пересмотрѣнное *А. И. Щукаревскимъ*. С.-Пб. 1897.

— *Аванасевъ, А. Н.* Народныя русскія сказки. Изданіе третье, дополненное біографическимъ очеркомъ и указателемъ, подъ редакціей *А. Е. Грушинскаго*. Два тома. Москва. 1897.

— *Тарановскій, Ѡ. В.* Обзоръ памятниковъ магдебургскаго права западно-русскихъ городовъ литовской эпохи.—Историко-юридическое изслѣдованіе. Варшава. 1897.

— *Бодувиъ-де-Куртень, И. А.* Кашубскій языкъ, кашубскій народъ и кашубскій вопросъ. С.-Пб. 1897.

- *Савенковъ, Ив.* Каменный вѣкъ въ Минусинскомъ краѣ. М. 1897.
- *Германъ, И. О.* Къ вопросу объ объединеніи мѣръ. С.-Пб. 1897.
- *Шаргородскій, Р. М.* Разъясненіе изслѣдованія неопредѣленнаго вида $x = \frac{0}{0}$. Кишиневъ. 1897.
- *Бѣлоконскій, И. Н.* Народное начальное образованіе въ Курской губерніи. Съ діаграммами и картограммами. Изданіе курскаго губернскаго земства. 2-е изданіе, исправленное и дополненное. Курскъ. 1897.
- *Фудель, Г., свящ.* Народное образованіе и школа. Москва. 1897.
- *Макаревскій, Михаилъ.* Церковная школа на всероссійской выставкѣ 1896 года въ Нижнемъ-Новгородѣ. С.-Пб. 1897.
- *Платневъ, Л.* Таблица процентныхъ отношеній, исчисленныхъ на составъ класса отъ 1 до 50 учащихся. Пособіе для класныхъ наставниковъ и класныхъ надзирательницъ при составленіи отчетныхъ вѣдомостей. Кишиневъ. 1897.
- *Платневъ, Л. М.* Хронологія. Пособіе для учащихся при прохожденіи и повтореніи курса всеобщей и русской исторіи. Кишиневъ. 1897.
- Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1897 г. Книга вторая. 181-я Издана подъ завѣдываніемъ *Е. В. Барсова*. Москва. 1897. Содержаніе: *С. М. Муретовъ*, Изслѣдованіе прескомидіи въ славяно-русскихъ служебникахъ XII—XIV вѣковъ.—*А. Н. Зерцаловъ*, Къ вопросу о раскопкахъ въ Московскомъ Кремлѣ въ началѣ XVIII вѣка.—*Н. И. Петровъ*, Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ Кіевѣ.—*В. М. Истрицъ*, Откровенія Мееодія Патарскаго и апокрифическія видѣнія Даніила. Смѣсь.
- Отчетъ государственныхъ сверегательныхъ кассъ за 1895 г. С.-Пб. 1897.
- Отчетъ харьковской общественной бібліотеки за 10-й годъ ея существованія (1895—1896). Харьковъ. 1897.
- Календарь и справочная книжка Уфимской губерніи на 1897 г. Съ картою губерніи, портретами и рисунками. Изданіе губернскаго статистическаго комитета подъ редакціей *Н. А. Орлова*. Уфа. 1897.
- *Ибсенъ, Генрихъ.* Собраніе сочиненій. Т. VI. С.-Пб. 1897.
- SITZUNGS-BERICHTE DER GELEHRTEN ESTNISCHEN GESELLSCHAFT. 1896. Jurjew (Dorpat).
- *Змертъ, В.* Грѣхи юности. Ихъ причины, слѣдствія и способы устраненія. Переводъ съ нѣмецкаго. Одесса. 1897.
- *Хадсонъ, У.* Натуралистъ на Ла-Платѣ. Двѣ части. Переводъ съ третьяго англійскаго изданія. (Полезная бібліотека, изд. *П. П. Сойкина*). С.-Пб. 1897.

— *Майльс, Алфредъ.* Естественная исторія въ разказахъ. Переводъ съ англійскаго *Марка Басампа* (Полезная бібліотека, над. *П. П. Сойкина*). С.-Пб. 1897.

— Дешевая ввлютека русскаго паломника. Изданіе *П. П. Сойкина*. (Гласъ пастыря.—Бесѣды христіанскаго семейства.—Благоговѣйныя размышленія о жизни и страданіяхъ Спасителя.—Св. Іоаннъ Златоустъ.—Св. Адріанъ и Наталья (церковно-историческая повѣсть).—Слѣпорожденный, соч. *О. Функе*). С.-Пб. 1897.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Волшебный фонарь. Устройство его и способ употребления. Картины для волшебнаго фонаря. Кинематографъ и его устройство. Составилъ инженеръ-технологъ *Ф. А. Даниловъ*. Съ 76 рус. въ текстѣ. Москва. 1897 г., 158 + II стр. Цѣна 75 коп.

Съ величайшимъ удовольствіемъ мы прочли эту прекрасную книгу, во всѣхъ частяхъ которой необыкновенно удачно сочетаются правильныя теоретическія разъясненія и обширныя практическія указанія. Вопросы чисто научныя, относящіяся, напримѣръ, къ ходу лучей въ оптическихъ системахъ или къ разнообразнымъ опытамъ, которые можно демонстрировать при помощи проекціоннаго аппарата, изложены, за весьма немногими исключеніями, совершенно правильно. Практическія указанія выбраны и группированы весьма удачно и съ очевиднымъ глубокимъ знаніемъ дѣла.

Книга состоитъ изъ введенія, содержащаго литературныя указанія, и 12-ти главъ. Первыя двѣ главы посвящены описанію различныхъ фонарей и ихъ оптическимъ системамъ. Здѣсь особенно хорошо, можно сказать изящно, изложены вопросъ о значеніи конденсатора и вопросъ объ увеличеніи изображенія. Главы 3, 4 и 5 трактуютъ объ источникахъ свѣта для фонаря. Разобраны освѣщенія керосиновое, газолиновое, ацетиленовое, электрическое и друммондовъ свѣтъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, удѣлено должное мѣсто русскимъ усовершенствованіямъ и изобрѣтеніямъ. Въ главѣ 6 рассмотрѣнъ, и притомъ вполне отчетливо, важный вопросъ о правильной установкѣ источника свѣта внутри фонаря; далѣе говорится объ экранѣ и о лампочкѣ для

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензїи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

лектора. Въ главахъ 7, 8 и 9 рассмотрѣны способы приготовленія картинъ для фонаря и притомъ съ большою полнотою. Глава 10 посвящена приборамъ, служащимъ для воспроизведенія такъ называемыхъ живыхъ картинъ.

Глава 11 особенно интересна; въ ней описано множество опытовъ относящихся къ физикѣ, къ химіи и къ другимъ наукамъ, которые могутъ быть демонстрированы при помощи проекціоннаго фонаря. Полагаемъ, что здѣсь и специалистъ найдетъ кое-что новое и поучительное. Послѣдняя глава, 12-ая, посвящена употребленію волшебнаго фонаря для увеличенія фотографическихъ снимковъ и для театра. Въ концѣ книги помѣщены правила для устройства народныхъ чтеній въ губернскихъ городахъ и указанія на нѣкоторыя позднѣйшія дополненія къ этимъ правиламъ.

Книга написана удобопонятнымъ языкомъ и редактирована довольно тщательно. Рисунки весьма недурны. Исключеніе представляетъ рис. 16 на стр. 21, въ которомъ ходъ лучей нельзя признать правильнымъ.

Укажемъ на немногочисленные промахи, исправленіе которыхъ желательно.

Стр. 54: „отраженный экранъ“—неудачное выраженіе.

Стр. 99: „... большія массы, называемыя перистыми облаками ...“.

Стр. 110. Кружокъ Ньютона кажется и *долженъ* казаться сѣрымъ, а не бѣлымъ, какъ утверждаетъ авторъ.

Стр. 118. „Если помѣстить молекулы и т. д.“. Здѣсь рѣчь идетъ о капляхъ, а не о молекулахъ.

Стр. 143. Сказано, что николева призма ограничена естественными гранями; это невѣрно. О томъ, что она состоитъ изъ двухъ склеенныхъ частей ничего не сказано.

Стр. 146. Про двусонные кристаллы сказано, что они имѣютъ въ центрѣ два свѣтлыхъ круга. Фраза сама по себѣ непонятная; фигура, которую очевидно имѣлъ въ виду авторъ, вовсе не состоитъ изъ двухъ круговъ.

На стр. 152 и 153 досадный промахъ. Читаемъ: „Эти лучи называются ультра-фіолетовыми и инфра-красными; они невидимы для глазъ, но могутъ быть при извѣстныхъ условіяхъ очень дѣятельными. Этими лучами воспользовался Рентгенъ и т. д.“. О лучахъ Рентгена кажется довольно писалось и говорилось! Далѣе сказано: „Рентгенъ для своихъ опытовъ получилъ X—лучи изъ трубки Крукса“. Откуда-же ихъ еще можно получить? На стр. 153 читаемъ, что на анодѣ появляется яркій зеленый свѣтъ, что совершенно невѣрно.

- 1) Царство животныхъ. 250 изображеній для нагляднаго обученія съ объяснительнымъ текстомъ П. Ю. Шмидта. 23 табл. + 39 стр. больш. форм. Цѣна 4 р. С.-Пб. Изд. А. Ф. Девриена.
- 2) Царство растеній и минераловъ. 270 изображеній для нагляднаго обученія съ объяснительнымъ текстомъ П. Ю. Шмидта. 23 табл. + 39 стр. больш. форм. Цѣна 4 р. С.-Пб. Изд. А. Ф. Девриена.

1) *Царство животныхъ*. На 23-хъ таблицахъ помѣщено 250 изображеній различныхъ животныхъ; больше половины ихъ (14-ть) посвящено млекопитающимъ. Многія животныя представлены въ естественной обстановкѣ, такъ на примѣръ слонъ (табл. 8), носорогъ (табл. 9), олень (табл. 11), китъ (табл. 14), низшія морскія животныя (табл. 23) и др. Выполнены рисунки хорошо, въ особенности удачно изображены млекопитающія. Объяснительный текстъ заключаетъ 39 страницъ.

Въ введеніи авторъ знакомитъ съ классификаціей животныхъ, даетъ характеристику классовъ, а у высшихъ животныхъ и отрядовъ, затѣмъ подробно описываетъ отдѣльныхъ животныхъ, по крайней мѣрѣ главныхъ; но не касается устройства ихъ, а только рассказываетъ о ихъ образѣ жизни. Авторъ видимо выказываетъ пристрастіе къ рѣдкимъ формамъ; такъ изъ рыбъ авторъ помѣстилъ морскаго конька, щетинозуба, электрическаго угря, пилу-рыбу, а болѣе обыкновенныя, каковы лосось, окунь, минога не изображены; тоже изъ насѣкомыхъ представлены геркулесъ, свѣтоноска суринамская, а нѣтъ слоника и ни одного насѣкомаго изъ полужесткокрылыхъ. Текстъ написанъ хорошимъ языкомъ; читается не безъ интереса; но мѣстами попадаются неточности и ошибки.

Такъ на стр. 11-й читаемъ: „насѣкомоядныя питаются насѣкомыми или мелкими животными, ведутъ скрытый образъ жизни, невзрачны по своей внѣшности и потому часто преслѣдуются людьми“; но изъ нихъ если и преслѣдуется, то только одинъ кротъ и то не потому, что онъ не взраченъ, а потому что портить дорожки и газоны въ садахъ.

Стр. 33: „ротовыя части, которыми насѣкомыя пережевываютъ пищу“; это помѣщено въ общей характеристикѣ насѣкомыхъ, но извѣстно, что многія насѣкомыя, на примѣръ бабочки, мухи, не жуютъ, а сосутъ.

Стр. 34: нѣсколько странно выраженіе: „три сословія пчелъ“. На той же страницѣ читаемъ: „трутни же (самцы) ничего не дѣлаютъ, а

потому рабочія пчелы въ концѣ концовъ ихъ убиваютъ“; лучше было бы пропустить выраженіе: „ничего не дѣлаютъ“.

2) *Царство растений и царство минераловъ*. Всѣхъ растений изображено 170, минераловъ 101; выполнены они хорошо и вѣрно окрашены; но и здѣсь тоже не встрѣчается многихъ обыкновенныхъ растений, какъ напримѣръ папоротника, мха, водоросли.

Авторъ распредѣляетъ растения не по естественной системѣ, а по мѣсту ихъ находженія. Прежде всего изображены садовые и огородныя растения, потомъ полевые и кормовыя, луговые, болотныя и водяныя, наконецъ лѣсныя, между которыми, казалось, естественно было бы встрѣтить папоротники.

Объяснительный текстъ къ растениямъ занимаетъ 34 страницы, написанъ хорошимъ и понятнымъ языкомъ. Въ введеніи авторъ знакомитъ съ классификаціею растений, а далѣе описываетъ растения въ томъ порядкѣ, какъ они изображены; а такъ какъ онъ не указываетъ семействъ, то при каждомъ изъ растений приходится перечислять всѣ свойственные ему признаки. Сухость описанія авторъ старается смягчить описаніемъ той обстановки, въ которой находится известное растение, приведеніемъ интересныхъ разказовъ и т. д. Все это конечно хорошо, но пожалуй излишне въ текстѣ, главная цѣль котораго познакомить съ изображеннымъ растеніемъ. Лучше вмѣсто этого было бы дать помимо русскихъ названій растений еще латинскія, а то пожалуй и знающій ботаникъ станетъ въ тупикъ, что это за растеніе: „рогатые васильки“, развѣ только по изображенію догадается, что это кавалерская шпора (*Delphinium*) и т. под.

На многихъ страницахъ замѣчается путаница въ номенклатурѣ; такъ на стр. 4 у сирины плодникъ называется пестикомъ, а на слѣдующей страницѣ у желтофіоля плодникомъ.

На стр. 2-й читаемъ: „достаточно припомнить бобъ, горошину, зерно ржи и маленькое сѣмячко мака, — всѣ они не что иное, какъ сѣмена“; но первыя три „бобъ, горошина и зерно ржи не сѣмена, а плоды“.

На стр. 14-й: „подъ каждымъ цвѣткомъ (у подсолнечника) находится бѣловатая завязь, которая потомъ превратится въ плодикъ, называемый обыкновенно сѣмячком“; но въ ботаникѣ такой плодъ носить названіе сѣмянки, а не сѣмени; такъ бы и слѣдовало назвать его, а не прибѣгать къ простонародному названію.

На стр. 25-й: „лѣтомъ (у березы) въ этихъ сережкахъ разви-

вазотся сѣмячки, снабженныя „крылышками“—не сѣмячки, а плоды, носящіе опредѣленное названіе: крылатка.

На стр. 9-й: „вмѣсто сѣмячковь внутри сладкой и вкусной мякоти находится лишь одна твердая косточка“; но сѣмячко не однозначущая часть съ косточкою, послѣдняя сама внутри содержитъ сѣмя.

На стр. 26-й: „мелкія сѣмячки (у малины) отличаются живучестью“; здѣсь тоже ошибка; косточка принимается за сѣмя. Укажу на неправильное выраженіе: „Турки ѣдятъ (?) ошумъ (стр. 18)“, на описку: „Древніе германы“.

Минералы изображены на 6-ти таблицахъ; сначала помѣщены драгоценныя камни, потомъ металлы и руды, затѣмъ идутъ руды металловъ, минералы и горючіе минералы. Непонятно, почему таблица 19-я обозначена: „металлы и руды“, а таблица 20-я: „руды металловъ“; вѣдь рудой называется минералъ, содержащій металлъ, а потому совершенно излишне прибавлять къ рудамъ еще особое названіе: „металловъ“. Табл. 21 и 22 обозначены названіемъ: „минералы“; но вѣдь металлы и руды тоже минералы, скорѣе слѣдовало бы назвать минералы изображенныя на этихъ таблицахъ, просто камни. Текстъ занимаетъ $8\frac{1}{2}$ страницъ, содержитъ описаніе 99 минераловъ правда, краткое, но въ общемъ вѣрное. Не можемъ мы согласиться только съ тѣмъ, что „кристаллы представляютъ угловатыя фигурки (стр. 29)“—не фигурки, а формы; „что много добывается гранатовъ въ Венгрии (стр. 33)“—не въ Богеміи ли? „золотыми россыпями славятся Уральскія и Алтайскія горы“; но самыя богатыя мѣсторожденія золота у насъ находятся въ восточной Сибири, въ Якутской области и приамурскомъ краѣ.

Элементарный курсъ нѣмецкой грамматики. Составили *В. Донверъ* и *К. Грубе*.
Elementarkursus der deutschen Grammatik von W. Donner und K. Grube.
III Stufe. Zweite Auflage. Riga, 1897: Стр. VI+57. Цѣна не обозначена.

Нынѣ разсматриваемая 3-ья ступень названнаго учебника, напечатанная въ настоящее время уже вторымъ изданіемъ, составлена по тому же самому типу, какъ и первыя двѣ ступени. Она также распадается на двѣ части, а именно: на практическую и теоретическую. Первая заключаетъ въ себѣ матеріалъ, служащій для вывода грамматическихъ правилъ; потомъ разныя упражненія, назначенныя для затверживанія приобрѣтенныхъ свѣдѣній; наконецъ, нѣсколько статей, подобранныхъ для грамматическаго разбора.

Во второй, теоретической части этой ступени, сообщаются, въ весьма сжатой формѣ тѣ грамматическія правила, для вывода которыхъ долженъ служить матеріалъ, предложенный въ первой, практической части.

Соотвѣтствующіе параграфы обѣихъ частей означены тѣми же номерами.

Между тѣмъ какъ на первой ступени излагалось простое нераспространенное предположеніе, — на второй — рассматривалось простое распространенное и слитное предположенія, — на третьей ступени излагается сложно-составное предположеніе. Исиходомъ, говорить авторъ въ предисловіи, служить простое предположеніе: замѣняя члены простаго предположенія придаточными предположеніями, мы доходимъ до сочетанія предположеній по способу подчиненія; а соединяя нѣсколько простыхъ предположеній въ одну совокупность, — до сочетанія предположеній по способу сочиненія.

Слѣдуя такому методу, авторъ въ весьма краткой формѣ, (вся книжка обнимаетъ не болѣе 57 страницъ), но тѣмъ не менѣе вполне ясно и точно излагаетъ все ученіе о сложномъ предположеніи въ 22-хъ только параграфахъ, предая при этомъ еще довольно богатый матеріалъ для практическихъ упражненій.

Въ доказательство того, что разбираемая книжка въ самомъ дѣлѣ заключаетъ въ себѣ все то, что необходимо знать о сложномъ предположеніи ученикамъ начальныхъ училищъ, а также и низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, приводимъ содержаніе книжки, какъ оно указано въ оглавленіи: § 1. Der Subjectsatz. § 2. Der Objectsatz. § 3. Der Attributsatz. § 4. Der Adverbialsatz. § 5. Der Adverbialsatz der Ortes. § 6. Der Adverbialsatz der Zeit. § 7. Der Adverbialsatz der Art und Weise. § 8. Der Adverbialsatz des wirklichen Grundes. § 9. Der Adverbialsatz des Beweggrundes. § 10. Der Adverbialsatz des möglichen Grundes. § 11. Der Adverbialsatz des entgegenstellenden Grundes. § 12. Das Satzgefüge. § 13. Die Satzverbindung. § 14. Der zusammengesetzte Satz. § 15. Verkürzte Nebensätze. § 16. Die Apposition. § 17. Unehchte Nebensätze. § 18. Unvollständige Sätze. § 19. Der mehrfach—zusammengesetzte Satz. § 20. Der Schaltsatz. § 21. Uebersicht über den Gebrauch der Satzzeichen. § 22. Uebersicht der Satzlehre.

Типографская сторона книжки безукоризненна: бумага хороша. шрифтъ прекрасный, опечатокъ нѣтъ.

ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ НѢМЕЦКАГО ЯЗЫКА ПО НАТУРАЛЬНОМУ МЕТОДУ ДЛЯ МЛАДШИХЪ КЛАССОВЪ СРЕДНЕ-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ И ДЛЯ ВЗАИМНАГО ОБУЧЕНІЯ ДОМА. Составилъ И. Смиз, директоръ Павлоградской гимназіи. Первый курсъ. Первый годъ обученія. Съ 62 рисунками, 7 картинами и 3 картами. Цѣна 60 коп. Стр. IV + 150. Москва, 1896.

Оставляя въ сторонѣ цѣлый рядъ допущенныхъ въ разбираемой книжкѣ менѣе важныхъ отступленій и уклоненій отъ требованій дѣйствующихъ программъ и объяснительныхъ къ нимъ записокъ, мы не можемъ не указать на одно обстоятельство, имѣющее несомнѣнно весьма большое значеніе при обсужденіи вопроса о пригодности какого бы то ни было учебника для употребленія въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ. Обстоятельство это слѣдующее: такъ называемый *натуральный методъ*, по которому составлена разбираемая книга, совершенно исключаетъ употребленіе роднаго языка на урокахъ новыхъ языковъ, такъ что вообще всѣ занятія, относящіяся къ изученію этихъ языковъ, по указанному методу обязательно слѣдуетъ вести на изучаемомъ языкѣ. Сказанное нами подтверждается и самимъ авторомъ „Практическаго курса“. Такъ мы читаемъ въ предисловіи къ послѣднему (стр. 3): „съ самаго начала между учащимъ и учащимся ведутся бесѣды на нѣмецкомъ языкѣ о предметахъ, находящихся передъ учениками или въ натурѣ или въ картинахъ“. А въ предисловіи къ „Руководству къ первоначальному обученію и т. д. для учащихся“ сказано (стр. 3): „первая половина курса состоитъ *исключительно* изъ разговора на изучаемомъ языкѣ *безъ посредства роднаго языка*, изъ бесѣдъ о предметахъ, находящихся передъ учениками, въ натурѣ, или въ изображеніи на картинахъ“—и тамъ же, на стр. 4: „*во всемъ* курсѣ можно обходиться *безъ роднаго языка*...“ Но здѣсь авторъ, поступая не совсемъ послѣдовательно, допускаетъ слѣдующій компромисъ: „однако“, продолжаетъ онъ, „для учебныхъ заведеній, въ особенности многочленныхъ, необходимо записывать слова съ русскимъ значеніемъ и заучивать и повторять ихъ..., ибо трудно, и для учителей, имѣющихъ уроки въ разныхъ классахъ, невозможно вести бесѣду такъ, чтобы всѣ слова повторялись для всѣхъ учащихся достаточное число разъ“. Вотъ, къ этому то опасенію, высказанному въ послѣднихъ словахъ самимъ авторомъ, присоединяется у насъ еще другое опасеніе, а именно: какъ бы всѣ эти бесѣды на совершенно чужомъ языкѣ, составляющія съ перваго же урока сущность всего преподаванія по

натуральному методу. при преподавателѣ не особенно опытномъ, не обращались въ пустую болтовню, никому никакой пользы не приносящую, а въ случаѣ, если преподаватель не пользуется полнымъ авторитетомъ въ классѣ, не вели къ разнымъ глупостямъ и шалостямъ, составляющимъ уже въ настоящее время, безъ натурального метода, не особенно рѣдкое явленіе на урокахъ по новымъ языкамъ.

Но есть, кромѣ указаннаго, еще другое соображеніе, побуждающее насъ къ большой осторожности, если вопросъ идетъ о допущеніи натурального метода, или же, что то же самое, учебниковъ, составленныхъ по этому методу, въ наши среднія учебныя заведенія. Допуская даже, что методъ этотъ можетъ принести не мало пользы дѣтямъ съ хорошими способностями, достаточно развитымъ, здоровымъ, а поэтому правильно посѣщающимъ уроки, — мы всетаки полагаемъ, что этотъ самый методъ, какъ основанный почти исключительно на живой бесѣдѣ преподавателя съ учениками и учениковъ съ преподавателемъ. происходящей только на урокахъ и притомъ на чужомъ языкѣ, и, слѣдовательно, исключаящей почти всякую работу дѣтей дома, всякое домашнее къ этимъ урокамъ приготовленіе и повтореніе пройденнаго, — для учениковъ слабыхъ и менѣе развитыхъ, а въ особенности для дѣтей болѣзненныхъ и вслѣдствіе этого часто пропускающихъ уроки, окажется методомъ очень тяжелымъ и лишаящимъ дѣтей всякой возможности пополнить пробѣлы, наверстать пропущенное и вообще успѣвать по данному предмету.

А вслѣдствіе этого, по необходимости, произойдетъ то, что, въ особенности, въ многолюдныхъ классахъ, скоро послѣ начала курса, окажется весьма много отдѣленій или группъ учениковъ съ весьма различными знаніями и различными успѣхами по данному языку, Это, однако, крайне нежелательно въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Хотя все эти только что высказанныя нами опасенія въ извѣстной мѣрѣ относятся, конечно, ко всемъ учебнымъ заведеніямъ вообще, мы всетаки считаемъ необходимымъ при разсужденіи о степени примѣнимости рекомендуемаго г. Сигомъ метода въ средней школѣ, строго различать разные ея типы, какъ то: мужскія и женскія гимназій. реальныя училища, коммерческія училища и т. д., такъ какъ заведенія эти, какъ извѣстно, довольно рѣзко отличаются другъ отъ друга и цѣлями, которыя они преслѣдуютъ, и, согласно съ этимъ, значеніемъ въ нихъ новыхъ языковъ въ кругу остальныхъ преподаваемыхъ въ нихъ предметовъ, и въ связи съ этимъ, и количествомъ

уроковъ, назначенныхъ для преподаванія этихъ языковъ. А такимъ различіемъ въ характерѣ названныхъ учебныхъ заведеній, по всей вѣроятности, будетъ обуславливаться и большая или меньшая пригодность натурального метода при преподаваніи въ нихъ новыхъ языковъ. Для лучшаго выясненія такого положенія мы считаемъ не излишнимъ повторить здѣсь вкратцѣ нѣкоторыя соображенія, высказанныя нами о натуральномъ методѣ еще въ 1894 году. При этомъ случаѣ нами было сказано слѣдующее: „мы не отрицаемъ пользы, которую такъ называемый натуральный методъ въ рукахъ опытнаго и дѣльнаго преподавателя можетъ принести при обученіи новымъ языкамъ меньшаго кружка дѣтей дома, въ семьѣ, а также и въ школахъ для взрослыхъ, особо организованныхъ именно для такого преподаванія. Такъ, напримѣръ, въ Америкѣ, какъ извѣстно, такія школы дѣйствительно достигаютъ по этому методу прекрасныхъ результатовъ. Однако, мы не думаемъ, что такъ называемый натуральный методъ, въ скоромъ времени получить право гражданства въ нашей средней школѣ и, въ особенности, въ нашихъ гимназіяхъ. Можетъ быть найдутся преподаватели, которые дѣйствительно желали бы его ввести въ реальныхъ училищахъ, въ виду тѣхъ, отчасти по крайней мѣрѣ, практическихъ цѣлей, которыя въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ преслѣдуются при преподаваніи новыхъ языковъ, но въ гимназіяхъ, гдѣ, по самому характеру и назначенію этихъ заведеній, преподаваніе всѣхъ языковъ основано на правильномъ, точномъ и болѣе или менѣе подробномъ изученіи грамматики, гдѣ цѣлью преподаванія новыхъ языковъ не является умѣніе правильно писать и свободно говорить на иностранныхъ языкахъ, но только умѣніе учениковъ въ свое время, при занятіяхъ каждого своей специальностью, хотя и при помощи словаря, безъ особыхъ затрудненій пользоваться и научной литературою Запада,—въ гимназіяхъ, гдѣ какъ всѣ предметы, такъ, конечно, и новые языки, имѣютъ и должны имѣть въ виду, главнымъ образомъ, возможно болѣе развитіе умственныхъ способностей учащихся, дабы послѣдніе, по окончаніи курса, съ успѣхомъ могли слѣдить за преподаваніемъ наукъ въ высшемъ учебномъ заведеніи и скоро приступить къ самостоятельному научному труду; въ гимназіи, преслѣдующей преимущественно такія цѣли, по моему мнѣнію, такъ называемый натуральный методъ, пока гимназія останется гимназіей, никогда не можетъ и не долженъ себѣ находить мѣста. Если г. Сигъ въ I и даже въ приготовительномъ классахъ Павлоградской прогимназіи преподавалъ нѣмецкій языкъ по рекомен-

дуемому имъ методу, между тѣмъ какъ преподаваніе этого языка въ названныхъ классахъ по учебнымъ планамъ вовсе не полагается, то это, по всей вѣроятности, было не что иное, какъ экспериментъ совершенно частнаго характера, произведенный надъ небольшимъ числомъ добровольцевъ и имѣвший, какъ говоритъ самъ г. Сигъ, „блестательный результатъ“.

Но едва ли найдется серьезный преподаватель, который, въ виду вышеприведенныхъ соображеній и требованій нынѣ существующихъ учебныхъ плановъ и примѣрныхъ программъ, рѣшился бы преподавать новые языки въ соответствующихъ классахъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія по рекомендуемому г. Сигомъ методу.

Перехода къ частнымъ недостаткамъ составленнаго г. Сигомъ „Практическаго курса нѣмецкаго языка по натуральному методу“, замѣтимъ, что самымъ главнымъ недостаткомъ этой книги слѣдуетъ признать большую неполноту поурочныхъ словарей, которая, въ виду отсутствія алфавитнаго словаря, должна оказаться крайне затруднительною для учениковъ, отъ которыхъ нельзя требовать, чтобы память имъ никогда не измѣняла; такъ, напримѣръ, къ статьямъ 40 и 42, занимающимъ каждая по цѣлой страницѣ, — даны, къ первой только 12, а къ послѣдней 16 словъ. Если ученики и будутъ записывать слова, какъ этого требуетъ авторъ, въ особыя тетради, то этого они, конечно, не могутъ сдѣлать въ алфавитномъ порядкѣ, а слѣдовательно и такое записываніе имъ мало поможетъ. Поурочные словари должны быть значительно дополнены, или же прибавленъ алфавитный словарь.

Другимъ не менѣе важнымъ недостаткомъ является неудовлетворительность шрифта въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги, какъ напримѣръ шрифтъ всѣхъ примѣчаній на стр. 1, 3, 5, 7, 10, 11, 12, 25; потомъ шрифтъ правилъ, данныхъ на стр.: 119 и 120. Всѣ слова, приведенныя на первыхъ страницахъ книги для чтенія и письма слѣдуетъ раздѣлить на слоги. Изъ этихъ упражненій было бы хорошо устранить слова, трудно или вовсе недоступныя пониманію учениковъ младшихъ классовъ, какъ, напримѣръ, I класса реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій. Сюда относятся слова, какъ: Roman, Lapa, Eifel, Philosph и другія. Карты, рисунки и картины оставляютъ желать весьма многого, какъ, напримѣръ, карты Европы и Россіи на стр. 78 и 81 и рисунокъ съ подписью: „Der Körper des Menschen“ на страницѣ 64. Статьи за №№ 16, 17 и 18, подъ заглавіями: „Rechnen“, „Längemasse“ и „Geld“ мы считаемъ излишними, или же, по

крайней мѣрѣ, въ такой формѣ, въ которой онѣ даются, слишкомъ трудными для дѣтей.

И нѣмецкій языкъ не вездѣ безукоризненъ: такъ мы читаемъ на страницѣ 31: „*Von was ist der Tisch?*“ на страницѣ 33: „*Von was ist das Buch?*“ „*Von was sind die Ecken?*“ Та же ошибка повторяется на стр.: 34, 36, 38 и другихъ. На страницѣ 40 сказано: „*Trägt er die Bluse oder die Uniform?*“ На страницѣ 41 мы читаемъ: „*Wie ist die Bluse? wie sind die Knöpfe?*“ А отвѣты даются слѣдующіе: „*Die Bluse ist, wie die Hosen, grau und Sie (то-есть, die Knöpfe) sind gelb.*“ Такая неправильная формулировка вопросовъ, повторяется довольно часто. Опечатокъ не много, бѣльшая часть ихъ указана въ особомъ спискѣ.

Обзоръ учебной и научной литературы по русскому языку. Изданіе Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній С.-Пб. 1896. Предисловіе. 250+VI и оглавленіе. Цѣна 1 р.

Подъ этимъ заглавіемъ издана справочная книга для преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, содержащая въ себѣ каталогъ тѣхъ сочиненій, которыя могутъ служить пособіями при преподаваніи русскаго языка и словесности. Поэтому слѣдовало бы и въ заглавіи ея прибавить „и словесности“¹⁾. Въ составленіи ея участвовали гг. преподаватели военно-учебныхъ заведеній. Въ предисловіи указываются слѣдующія лица: К. И. Арабажинъ, А. А. Гласовъ, А. О. Круглый, А. А. Пыльневъ, В. М. Чулицкій и В. А. Яковлевъ. Въ „Обзорѣ“ внесены названія только тѣхъ сочиненій, которыя, по мнѣнію гг. составителей, „въ какомъ либо отношеніи заслуживаютъ предпочтительнаго вниманія“. Такимъ образомъ вопросъ о полнотѣ каталога устраняется самъ собою. „Къ большинству заглавій“, какъ говорится въ предисловіи, „приложены замѣтки, имѣющія цѣлю дать читателю нѣкоторое понятіе объ особенностяхъ рекомендуемыхъ книгъ“. Эти замѣтки отличаются большимъ разнообразіемъ: однѣ изъ нихъ ограничиваются краткимъ изложеніемъ содержанія книги въ формѣ сжатой характеристики ея, или въ формѣ простаго перечня заглавій содержаемаго; другія соединяютъ въ себѣ изложеніе содержанія книги съ одобреніемъ ея въ какомъ либо отношеніи; третьи выражаютъ только одобренія въ разной степени, иногда даже съ при-

¹⁾ То-есть „Обзоръ учебной и научной литературы по русскому языку и словесности“.

нѣсью вѣкотораго коряванія чего либо въ книгѣ; такъ, напримеръ, объ учебникѣ русской грамматики Ф. Н. Буслаяна читается слѣдующую замѣтку: „первый учебникъ русской грамматики, въ которомъ русский языкъ былъ сооставленъ съ языкомъ Остромирава евангелия и ново-церковно-славянскаго. Этимология и синтаксисъ. *Изложеніе стараго сужденія*“ (стр. 54, № 16). Однако невѣдѣно, какую именно болѣзнь учебника слѣдуетъ разуть въ сужденію его изложенія... Четвертыя заключаютъ въ себѣ довольно подробныя характеристики книгъ, занимающія собою иногда болѣе страници великаго шрифта, и т. п. Но всѣ замѣтки излагаются тономъ спокойнымъ, объективнымъ, вполне приличнымъ содержанию справочной книги научно-учебнаго характера. Весьма рѣдко встрѣчаются въ нихъ нѣкоторыя недосмотры, такъ, на стр. 81 къ № 115 въ концѣ замѣтки, содержащей въ себѣ довольно подробную характеристику книги г. Воронова о Кириллѣ и Меодіи говорится: „Ср. разборъ Голубинскаго въ „отчетъ“ о 22-мъ присужденіи уваровской преміи. Ср. итальянская легенда, статья Лавровскаго *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*“. Но гдѣ же это? *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* котораго года и мѣсяца? не указано. Подобнымъ же образомъ оканчивается замѣтка къ № 117 на книгу Будяловича ссылкой на рецензіи Степовича, Добровскаго и другихъ“ (стр. 82). Но гдѣ помѣщены эти рецензіи, не сказано.

Книга начинается вступительною статью „о преподаваніи русскаго языка въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ“, составленною г. Яковлевымъ „на основаніи учебныхъ плановъ, по которымъ ведется преподаваніе въ кадетскихъ корпусахъ, военныхъ училищахъ, классическихъ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ и въ женскихъ гимназіяхъ вѣдомства Императрицы Маріи“. Желая придать этой статьѣ надлежащій справочный характеръ, авторъ приводитъ изъ учебныхъ плановъ вышепоименованныхъ заведеній буквально самыя тексты ихъ, относящіяся къ разнымъ существеннымъ вопросамъ преподаванія; какъ то: къ вопросу о специальныхъ цѣляхъ, теоретическихъ и практическихъ каждаго предмета, входящаго въ кругъ преподаванія русскаго языка и словесности; къ вопросу о методахъ и объ объемахъ научныхъ отдѣловъ по классамъ: нижнимъ, среднимъ и высшимъ. Поэтому каждый читатель можетъ найти въ этой статьѣ точныя и полныя указанія на то, что, какъ и въ какомъ объемѣ проходитъ въ каждомъ классѣ всѣхъ вышепоименованныхъ среднихъ учебныхъ заведеній. г. Яковлевъ иногда объясняетъ, въ чемъ они

сходны между собою и въ чемъ различны, не вдаваясь въ критику: его объясненія представляются простыми выводами изъ приведенныхъ данныхъ. Въ началѣ статьи, выписавъ изъ учебныхъ плановъ то, что относится къ вопросу о специальныхъ цѣляхъ преподаванія русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Яковлевъ весьма удачно формулируетъ всѣ приведенныя изъ плановъ положенія въ слѣдующихъ словахъ: „такимъ образомъ мы видимъ, что по общему смыслу всѣхъ учебныхъ плановъ—спеціальная задача преподавателя отечественнаго языка въ средне-учебныхъ заведеніяхъ состоитъ въ изученіи *самого языка* и должна имѣть въ виду слѣдующіе результаты:

1) сознательное отношеніе ко всѣмъ формамъ языка, начиная отъ самыхъ элементарныхъ (звукъ, слово, предложеніе) и кончая самыми сложными (виды прозаическихъ и поэтическихъ произведеній).

2) практическій навыкъ правильно (въ грамматическомъ, стилистическомъ и логическомъ отношеніяхъ), свободно и по возможности изящно пользоваться литературнымъ языкомъ, какъ письменно, такъ и устно.

Говоря кратко, изученіе языка должно принести результаты двоякаго рода: *теоретическіе* и *практическіе*, при чемъ само собою разумѣется, что теорія и практика должны стоять въ тѣсной другъ съ другомъ связи“. До сихъ поръ все—вѣрно. Но далѣе г. Яковлевъ не совсѣмъ вѣрно строитъ систему рубрикъ „Обзора“ слѣдующимъ образомъ:

„Согласно съ этимъ“, говоритъ онъ, „и занятія, рекомендуемыя учебными планами, имѣютъ или теоретическій или практическій характеръ:

Къ *теоретическимъ* занятіямъ относятся: I) изученіе грамматики, II) теоріи словесности, III) логики (?), IV) исторіи литературы.

Къ *практическимъ* занятіямъ относятся: V) чтеніе, VI) устные упражненія, VII) письменныя упражненія“. Въ выноскѣ прибавляетъ: „Примѣнительно къ этимъ рубрикамъ расположенъ и матеріалъ каталога“ (стр. 2—3). Но вѣдь логика не относится къ числу дисциплинъ, имѣющихъ въ виду *слово, рѣчь* и *словесныя произведенія*. Трудно понять, почему г. Яковлевъ помѣстилъ логику между теоріей словесности и исторіею литературы. Правильнѣе было бы помѣстить ее внѣ круга предметовъ по русскому языку и словесности. Кромѣ того и матеріалъ каталога не помѣстился въ вышепоименованныхъ семи рубрикахъ: къ нимъ пришлось прибавить еще восьмую подъ заглавіемъ „Общая методика преподаванія отечественнаго языка“.

Во вступительной статьѣ, раздѣленной на семь рубрикъ, обращать на себя особенное вниманіе слова г. Яковлева, объясняющія значеніе грамматики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: „Грамматика“, говоритъ онъ, „есть предметъ теоретическій. Отсюда ясно, что прежде всего она должна преслѣдовать и цѣль *теоретическую*, то-есть *научную*: должна осмысливать въ сознаніи учениковъ извѣстный рядъ явленій, подобно тому, какъ это дѣлаютъ и другіе теоретическіе предметы учебнаго курса (математика, логика и проч.). Явленіе, объясняемое грамматикою, есть языкъ: его формы и законы. Конечно, всякій ребенокъ еще до поступленія въ школу, не имѣя никакихъ грамматическихъ понятій, уже пользуется всѣми средствами своего роднаго языка, всѣми его формами и законами. Но онъ пользуется ими вполнѣ *бессознательно*, какъ даромъ природы. Задача грамматики и состоитъ въ томъ, чтобы *бессознательное* претворить въ *сознательное*. Она разлагаетъ передъ глазами учениковъ сложныя формы на болѣе элементарныя и обратно—указывая, какъ изъ элементарныхъ формъ составляются сложныя, сообщаетъ законы и правила подобнаго рода соединеній, уясняетъ значеніе каждой формы и отношенія ихъ одна къ другой,—а въ результатъ постепенно *осмысливаетъ въ сознаніи учениковъ весь процессъ человеческой рѣчи*“ (стр. 21) Въ этихъ словахъ выражается вполнѣ правильный взглядъ автора на грамматику и вѣрное объясненіе значенія ея для учащихся; но то, что говорится въ нихъ о результатѣ изученія русской грамматики, который она оставляетъ въ сознаніи учениковъ, представляется неяснымъ. Непонятно, какимъ образомъ русская грамматика „въ результатъ постепенно *осмысливаетъ въ сознаніи учениковъ весь процессъ человеческой рѣчи*“. Переходъ отъ сознательнаго употребленія формъ русскаго языка къ пониманію *всего процесса человеческой рѣчи* кажется скачкомъ и притомъ чрезвычайно смѣлымъ. Авторъ не объяснилъ, что онъ разумѣетъ подъ *процессомъ человеческой рѣчи*, къ которой, какъ извѣстно, вмѣстѣ съ русскою рѣчью относятся и рѣчь китайца, и рѣчь бушмена. На слѣдующей страницѣ (22) г. Яковлевъ справедливо говоритъ, что „теоретическіе результаты должны непременно вести за собою и *практическіе*“; но едва ли справедливо и непосредственно слѣдующее за этимъ положеніе, что „научныя познанія должны сдѣлаться *источникомъ умѣнья*“, если подъ „научными познаніями“ должно разумѣть теорію. Источникомъ умѣнья всегда останется практика, а не теорія; а потому и трудно согласиться съ тѣмъ, что говоритъ авторъ дагѣе; а

именно: „старинныя учебники обыкновенно начинались слѣдующимъ положеніемъ“: „русская грамматика учить правильно говорить и писать порусски“. Въ этомъ положеніи *совершенно вѣрно* указывается практическая цѣль грамматическаго курса, которая именно и заключается въ томъ, чтобы научить дѣтей *правильно* пользоваться литературнымъ языкомъ,—какъ устно, такъ и письменно“. Дѣло въ томъ, что вышеуказанное положеніе старинныхъ учебниковъ только кажется совершенно вѣрнымъ; въ сущности же оно—совершенно невѣрно: въ немъ теоріи приписывается то, что принадлежитъ собственно практикѣ. Вѣдь, если и достигается вышеуказанная практическая цѣль, то достигается она не теорією, или собственно грамматикою, а практическими упражненіями по поводу того или другого грамматическаго положенія, то-есть, такую же практику, или такимъ же навыкомъ, какимъ дѣти, подражая взрослымъ, выучиваются правильно говорить и безъ грамматики, до поступленія своего въ школу, о чемъ выше говоритъ и самъ г. Яковлевъ. Поэтому-то положеніе старинныхъ учебниковъ, что „русская грамматика учить правильно говорить и писать по русски“, какъ неимѣющее надлежащаго смысла, и должно быть оставляемо въ покоѣ.

Въ „обзорѣ“ первыя пять рубрикъ имѣютъ свои подраздѣленія. Съ какою цѣлю они дѣлались, это объясняетъ г. Чулицкій, который составилъ каталогъ книгъ, относящихся къ IV рубрикѣ подъ заглавіемъ „Исторія словесности“. „Желая“, говоритъ г. Чулицкій, „упорядочить тотъ громадный матеріалъ, который относится къ исторіи русской словесности, я разсматриваю учебныя и ученыя пособія, разбивая ихъ на слѣдующія группы:

- 1) Справочники; подъ ними я разумѣю сочиненія, которыя неудобны для сплошнаго чтенія, но которыя необходимы для разнаго рода справокъ.
- 2) Хрестоматіи, по преимуществу историко-литературнаго характера.
- 3) Курсы исторіи русской литературы.
- 4) Литературныя воспоминанія.
- 5) Исслѣдованія по русской литературѣ.
- 6) Сборники критическихъ и историко-литературныхъ статей; здѣсь же помѣщены и исслѣдованія о нашихъ критикахъ.
- 7) Монографіи, то-есть болѣе солидныя, самостоятельныя ученыя исслѣдованія, приносящія свой вкладъ въ науку исторіи русской литературы.

8) Исслѣдованія по иностранной литературѣ, наиболѣе соприкасающіяся съ русской, имѣющіяся на русскомъ языкѣ.

9) Литература по оцѣнкѣ нашихъ классиковъ и писателей, вошедшихъ въ курсы исторіи русской литературы“ (стр. 107—108).

Справедливость требуетъ замѣтить, что каталогъ, составленный г. Чулицкимъ, производитъ особенно хорошее впечатлѣніе по полнотѣ и упорядоченію въ немъ книжнаго матеріала. Подобныя подраздѣленія находятся и въ другихъ рубрикахъ.

За каталогомъ слѣдуетъ „Алфавитный указатель“ (стр. I—IV), заключающій въ себѣ фамиліи авторовъ, которыхъ сочиненія вошли въ „Обзоръ учебной и научной литературы“. При каждой фамиліи поставлены числа, обозначающія собою тѣ номера, подъ которыми внесены въ каталогъ сочиненія этого автора. Здѣсь кстати замѣчу, что труды пишущаго эти строки находятся въ „обзорѣ“ только подъ №№ 98, 150 и 568, приписанные ему труды въ алфавитномъ указателѣ подъ №№ 566 и 800 принадлежатъ другимъ авторамъ. Всѣхъ номеровъ 856.

Оглавленіе обзора, какъ справочной книги, лучше было бы составить не по главнымъ рубрикамъ, а по всѣмъ подраздѣленіямъ послѣднихъ съ указаніемъ страницъ, на которыхъ каждое изъ нихъ можетъ быть отыскано.

Книга вообще составлена весьма толково, производитъ пріятное впечатлѣніе и представляетъ трудъ почтенный и полезный въ нашей научно-учебной литературѣ, преимущественно для гг. преподавателей русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ концѣ книги заявляется, что „обзоръ научныхъ изслѣдованій по народной поэзіи выйдетъ особымъ добавленіемъ“. Желаемъ какъ гг. составителямъ, такъ и начальству Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній, полного успѣха: первымъ—въ окончаніи ихъ полезнаго труда; а второму—въ распространеніи его среди педагоговъ. Цѣна книги весьма дешевая.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾).

Книга упражненій по греческой этимологii. Составилъ *Я. Мора*, директоръ С.-Петербургской 6-й гимназiи. Изданiе третье, исправленное и значительно дополненное. С.-Пб. 1897. Стр. 242. Цѣна 1 р. 25 коп.

Означенный почтенный трудъ нынѣ явился третьимъ изданiемъ, исправленнымъ и значительно дополненнымъ. Хотя книга г. Мора уже въ прежнемъ видѣ собственно нисколько не нуждалась въ исправленii, но тѣмъ не менѣе, на основанii заявленiй многихъ изъ преподавателей (см. предисловіе къ 3-му изд.) о необходимости, по новымъ учебнымъ программамъ, сообщить ученикамъ 3-го класса формы не только *ind. praes.*, но также и *imprf. act.* и *med.*, составитель, признавъ эти заявленiя справедливыми, счелъ долгомъ, рядомъ съ формами *ind. praes.*, ввести и формы *imprf. act.* и *med.* какъ въ русскiя, такъ и греческiя фразы для упражненiя, начиная съ 3 класса, напримѣръ, стр. 15, 17, 18, 20, 21, 22, 24, 25, 26, 27, 28, 29, гдѣ настоящее время нѣкоторыхъ русскiхъ и греческiхъ глаголовъ замѣнено прошедшимъ; сверхъ того въ концѣ статей прибавлено 14 русскiхъ мелкихъ разказовъ для письменныхъ переводовъ въ классѣ при повторенii болѣе крупныхъ статей этимологii. Эти исправленiя и дополненiя произведены цѣлесообразно и съ уваженiемъ къ матеріальной обстановкѣ учащихся, такъ какъ третье изданiе учебника, какъ авторъ предполагаетъ (см. предисловіе), безъ всякаго труда можетъ быть употребляемо совмѣстно съ прежними, не причиняя родителямъ учениковъ лишнiхъ и часто чувствительныхъ издержекъ. Нельзя не пожелать, чтобы примѣръ г. Мора

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензiи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенiя.

подѣйствовалъ на составителей подобныхъ учебниковъ, которые, не обращая вниманія на недостаточныхъ родителей учащихся, то безпрестанно передѣлкою фразъ, то безпощадною перестановкою параграфовъ, то видоизмѣненіемъ правилъ, какъ бы насильственно устраняютъ прежнія свои изданія изъ школьнаго употребленія.

Историческія чтенія. Частная и Общественная жизнь Грековъ. П. Гиро. Переводъ съ французскаго съ 70 рисунками подъ редакціей Я. И. Руднева. С.-Пб. 1897.

Г. Пантелѣевъ предпринялъ изданіе русскаго перевода извѣстной Гашеттовской серіи: „Lectures historiques“; въ числѣ другихъ появилась подъ вышеназваннымъ заглавіемъ и „La vie privée et la vie publique des Grecs“ par Paul Guiraud, Paris 1890 (XIII + 500).

Книга Гиро заключаетъ въ себѣ XIV главъ. Первая глава подъ именемъ „Общія свѣдѣнія“ говоритъ о греческомъ типѣ, о счастьи по понятіямъ аѳинянина, объ аѳинянахъ и спартанцахъ вообще, о спартанскомъ остроуміи, характерѣ аѳинцевъ, простотѣ греческой жизни, дѣленіи времени, о мѣрѣ, вѣсѣ, монетахъ и способѣ счисленія. Далѣе, но уже съ большею системою, излагаются свѣдѣнія: во II главѣ—о семьѣ, въ III главѣ—о воспитаніи, въ IV—о частной жизни, въ V—о рабствѣ, въ VI—о трудѣ и богатствѣ, въ VII—объ общественной жизни, въ VIII—о религіи, въ IX—о правительствѣ, въ X—о правосудіи, въ XI—о налогахъ, въ XII—объ арміи и флотѣ, въ XIII—объ международныхъ отношеніяхъ, въ XIV—приложеніи—о греческомъ искусствѣ (очевидно, переводъ сдѣланъ не съ 1-го французскаго изданія, ибо въ немъ приложеніе трактовало о персахъ; но редакторъ не сообщаетъ, съ котораго изданія сдѣланъ переводъ). Изъ краткаго указанія на содержаніе книги Гиро видно, что она даетъ читателю греческія древности: частныя, религіозныя и государственныя (послѣднія менѣе полно). Авторъ даетъ скорѣе описаніе и характеристику явленій и учрежденій, чѣмъ послѣдовательное развитіе ихъ. Каждая глава распадается на параграфы, которые иногда отличаются незначительностью и не очень тѣсно связаны другъ съ другомъ. Приведемъ, напримѣръ, параграфы VII главы—„общественная жизнь: жизнь на открытомъ воздухѣ въ Аѳинахъ, уличные типы; черты нравовъ; общительность аѳинянъ; приглашеніе; кружки; общества взаимной помощи; нѣкоторыя греческія игры; коттабъ; пѣтушій бой; танцы; вокальная и инструментальная музыка; музыка въ Спартѣ; лавочки парикмахеровъ; ссора между молодыми

людьми; охота; путешествія; гостепрѣимство“. Самъ Гиро написалъ немного параграфовъ; громадное большинство изъ нихъ взято изъ древнихъ авторовъ, надписей и болѣе всего изъ новѣйшихъ лучшихъ сочиненій. Къ такимъ сочиненіямъ принадлежать: „La cité antique“ Фюстель-де-Куланжа, „L'éducation athénienne au V et au IV siècle“ Жирара, „Dictionnaire des antiquités“ Daremberg et Saglio, руководства греческихъ древностей Шемана, Гильберта; извѣстный трудъ Бёка: „Die Staatshaushaltung der Athener“ и др. Выдержки приведены иногда буквально, а иногда съ сокращеніями и измѣненіями. Указаніе на источники книги Гиро свидѣтельствуетъ о цѣнности ея содержанія. Разумѣется, при дробности дѣлений и заимствованіяхъ у разныхъ авторовъ составителю иногда приходилось допускать незначительныя противорѣчія и повторенія; но эта же дробность дѣлений дѣлаетъ книгу Гиро удобною для чтеній изъ нея учителемъ въ классѣ, гдѣ учитель часто бываетъ стѣсненъ временемъ и обстоятельствами. Гиро снабдилъ свою книгу рисунками, заимствованными изъ „Histoire des Grecs“ Дюрюя и „Dictionnaire“ Daremberg-a; въ русскомъ переводѣ они вышли немного блѣдными.

Что касается текста русскаго перевода, то, въ общемъ, онъ удобочитаемъ. Неприятное впечатлѣніе производитъ неряшливость, допущенная редакторомъ перевода въ цитированіи сочиненій, изъ которыхъ заимствованъ матеріалъ книги: нѣмецкія сочиненія Курціуса, Шемана. Бёка приводятся съ французскими заглавіями; греческіе классики цитируются безразлично въ переводахъ латинскихъ, французскихъ и русскихъ—безъ всякихъ основаній въ томъ или другомъ случаѣ.

Исторія Греціи со времени Пелопоннесской войны. Сборникъ статей. Переводъ подъ редакціей *Н. Н. Шамолина* и *Д. М. Петрушевскаго*. Вып. 1-й. XIX + 451 + III стр. Вып. 2-й XII + 502 + II. Москва 1896.

„Исторія Греціи“ входитъ въ „Библиотеку для самообразованія“, издаваемую московскою комиссіей по организациіи домашняго чтенія, и служить пособіемъ для намѣченной комиссіею программы по древней исторіи (см. „Программы домашняго чтенія на 1895 г.“ М. 1895). При составленіи сборника гг. редакторы задавались цѣлью „подобрать рядъ статей, характеризующихъ важнѣйшіе моменты внутренней исторіи грековъ за время отъ начала пелопоннесской войны до покоренія Греціи римлянами“. (Вып. 1-й, стр. XI). При этомъ „событія внѣшней исторіи должны были находить себѣ мѣсто лишь настолько, насколько

они оказали вліяніе на ходъ внутренней исторіи, или, наоборотъ, насколько въ нихъ проявлялось вліяніе послѣдней. Отдѣльныя личности и событія должны были затрогиваться преимущественно для характеристики общихъ теченій эпохи (*ibid*)⁴. Намѣтивъ себѣ такую цѣль, гг. редакторы выполняютъ ее слѣдующимъ образомъ. Сообразно главнѣйшимъ моментамъ въ жизни Греціи, 1-й выпускъ раздѣленъ на 3 отдѣла: 1) Эпоха Пелопоннесской войны; 2) Первая половина IV вѣка и 3) Время Филиппа и Александра Великаго. Въ первый отдѣлъ вошли слѣдующія статьи: Аѳинскія партіи въ началѣ пелопоннесской войны; Стратеги и демагоги (объ изъ *Beiträge zur innern Geschichte Athens, Gilbert'a*); Клеонъ и его время (*Ranke, Weltgeschichte*); Алкивиадъ и Лисандръ; Олигархическая партія и гетерія въ Аѳинахъ (*Vischer, Kleine Schriften, I вып.*); Критій и Фераменъ (перев. изъ Греч. ист. Ксенофонта); Перяклъ о величій Аѳинъ; Сравненіе аѳинской политики со спартанскою; Отношеніе аѳинскаго демагога къ союзникамъ; Верховное право силы; Вражда партій въ Элладѣ (все это—изъ Фукидида); Политическое и социальное значеніе Аѳинъ по Аристофану (изъ *Athen im Spiegel d. Aristoph. Komödie, Lange*); Политическія воззрѣнія Еврипида (изъ статей профессора Д. Ф. Бѣляева); Софисты, ихъ послѣдователи и противники (изъ *Griech. Geschichte, Гольма*); Сократъ и аѳинская демократія (*Weltgesch. Ранке*).

Второй отдѣлъ составляютъ такія статьи: Греко-персидскія отношенія въ 1-й четверти IV вѣка (изъ *Ranke, то же соч.*); Эпаминондъ и возвышеніе Фивъ (*Vischer, вышеназван. соч.*); Греческіе наемники въ 1-й половинѣ IV вѣка (переработка „Государ. мужи древней Греціи“ Бабста); Разложеніе греческаго общества подъ вліяніемъ крайностей индивидуализма; Взглядъ Платона на происхожденіе современнаго общественнаго строя; Реакція философской мысли противъ крайностей индивидуализма (всѣ три заимствованы изъ *Gesch. d. ant. Kommunismus und Sozialismus, Пельмана*); Политическіе идеалы Исократъ и Ксенофонта (по вышеназв. соч. Бабста).

Третій отдѣлъ слагается изъ статей: Аѳины около 360 г. (изъ *Griech. Gesch. Гольма*) Македонія до Филиппа и его реформы (изъ „Исторіи эллинизма“, т. 1-й, Дройзена); Характеръ и политика Филиппа; Политическія воззрѣнія Демосоеена (объ изъ „*Demosthenes*“ Шефера); Аѳинскія партіи въ 340 годахъ (изъ „Греч. исторіи“, т. III Курціуса); Демосоеень о битвѣ при Херонеѣ (изъ его рѣчи „О вѣнкѣ“); Гегемонія Филиппа; Завоеваніе Александра въ Азіи (объ изъ вышен. соч. Шефера); Александръ Великій и греки (изъ „*Weltgesch.*“ Ранке

и „Исторіи эллинизма“ Дройзена). Въ концѣ выпуска дано приложение—„Общій очеркъ образованія государствъ и союзовъ въ древней Греціи“ Фишера, статья, „могущая служить хорошимъ введеніемъ для читателя, который приступитъ къ чтеніямъ настоящаго выпуска безъ предварительнаго ознакомленія съ предыдущей исторіей Греціи“ (стр. XVII).

Второй выпускъ „Исторіи Греціи“, посвященный „эллинизму“, содержитъ отдѣлы 3-й — 6-й всей книги. Подъ общимъ заглавіемъ „Результаты македонскаго завоеванія“ въ 3-мъ отдѣлѣ даны двѣ статьи изъ „Исторіи эллинизма“ т. III, Дройзена: Характеръ и значеніе новыхъ городовъ и Востокъ и Западъ послѣ Александра Великаго.

Отдѣлъ 4-й „Эпоха діадоховъ“, послѣ короткаго „введенія“ (Гольмъ, Griech. Geschichte) заключаетъ въ себѣ статьи, переведенныя изъ книги „Greek life and thought“ Магаффи или составленныя по ней: Главные дѣятели времени діадоховъ; Младшее поколѣніе діадоховъ и современныя имъ царицы; Внутренняя политика времени войнъ между діадохами; Отношеніе искусства и литературы къ социальной жизни этого времени; Серьезная сторона греческой общественной жизни; Религія того времени. Въ этотъ же отдѣлъ включена и статья „Новая комедія и современныя Аэины“ изъ „Griech. Geschichte“ Гольма.

Въ 5-й отдѣлѣ вмѣщаются—подъ общимъ заголовкомъ „Расцвѣтъ эллинизма въ эпоху эпигоновъ“—статьи изъ книги Магаффи: Золотой вѣкъ эллинизма; Александрія и ея соперники; Александрія при Филадельфѣ, Антиохія и т. д.; Городская жизнь въ III вѣкѣ до Р. Х. и ея вліяніе на современную ей цивилизацію; Пергамъ и его положеніе въ эллинистическомъ мірѣ; Торговяя отношенія эллинистическаго міра; Союзы и федерации; Международный третейскій судъ; Общественный кредитъ; Политическія понятія эпохи; Внутренняя жизнь эпохи. Кромѣ того здѣсь имѣются: статья: „Александрійская поэзія“ изъ Gesch. d. griech. Literatur Суземля и 3 статьи изъ книги профессора Васильевскаго „Политическая реформа и социальное движеніе въ древней Греціи“ а именно: Упадокъ Спарты въ половинѣ III вѣка; Спарта и ахейскій союзъ во времени Арата и Клеомена; Устройство ахейскаго союза.

Отдѣлъ 6-й „Упадокъ эллинизма“—представляютъ двѣ статьи изъ вышеуказанной книги Магаффи: Великія державы въ концѣ III вѣка и Греція эпохи Полибія.

Таково богатое содержаніе книги по исторіи Греціи. Нѣтъ сомнѣ-

нія, что матеріалъ, вмѣщенный почти на 1.000 страницахъ текста, либо отличается полной ученой доброкачественностью, либо по крайней мѣрѣ не возбуждаетъ большихъ сомнѣній; за это говорятъ въ большинствѣ случаевъ самыя имена авторовъ, статьи которыхъ входятъ въ книгу.

Замѣчанія, которыя можетъ вызвать противъ себя книга, касаются не ученой стороны ея, а учебной, образовательной. Книга, предназначенная для самообразованія, должна отличаться характеромъ цѣльности и дать читателю свѣдѣнія связныя и проникнутыя единствомъ основной идеи. Съ этой точки зрѣнія книга по исторіи Греціи, какъ и всякая хрестоматія, погрѣшаетъ противъ идеала учебнаго руководства. Издатели, видимо, сами сознавали отрывочность статей своей книги и каждому выпуску предпослали связное и объясняющее обзорѣніе статей выпусковъ. Но и при этомъ можно утверждать, что только читатель, прошедшій курсъ исторіи средней школы, не потеряется въ богатомъ содержаніи книги. Примѣромъ такой отрывочности статей могутъ служить статьи I и XV. Въ I-й статьѣ читатель узнаетъ, что „въ основѣ дѣленія на партіи лежало въ Аѳинахъ сознаніе розни интересовъ различныхъ слоевъ населенія Аттики“ (стр. XI); онъ могъ бы ждать здѣсь именно указаній на эти „интересы“, на экономическія условія аѳинской жизни, а между тѣмъ онъ находитъ эти указанія уже въ статьѣ XV, въ совѣмъ другой связи фактовъ. Можно указать и на случаи несогласованныхъ историческихъ воззрѣній. Напримѣръ, на стр. 230-й 1-го выпуска, въ статьѣ объ Эпаминондѣ, по поводу гибели его дѣла, говорится: „его примѣръ показываетъ, какъ даже сама крупная личность служить только однимъ изъ звеньевъ великой цѣли историческаго развитія, и какъ надъ дѣятельностью личности господствуетъ съ неотразимою силою высшій міровой порядокъ“. Это одно историческое воззрѣніе. Но вотъ и другое: наемники покоряютъ Востокъ, потому что „явился чело-вѣкъ, сумѣвшій сдѣлать что“ (стр. 234). Разрѣшеніе оказывающагося противорѣчія можно найдти—въ формѣ довольно странной—на стр. 392-й, по поводу крушенія монархіи Александра Великаго: „это дѣло осталось неоконченнымъ, благодаря его скорой смерти, или если угодно, благодаря внутренней необходимости“. Существуютъ въ книгѣ противорѣчія, касающіяся и не философско-историческихъ вопросовъ, а прямо-таки основныхъ фактовъ греческой исторіи. Гольмъ (статья XIX 1-го выпуска) находитъ положеніе (внутреннее) Аѳинъ довольно блестящимъ, а по статьямъ Пельмана оно выходитъ безотраднымъ.

Вообще, статьи Пельмана при всемъ интересѣ затронутыхъ въ нихъ вопросовъ представляются наименѣе пригодными въ сборникѣ по своему приподнятому тону, поучающему характеру, незначительному фактическому содержанію и спутанности основныхъ идей. Въ статьяхъ Пельмана замѣтны политическія убѣжденія и страсти гражданина нашего времени. Тѣмъ же основнымъ недостаткомъ страдаютъ и статьи Магаффи, составляющія около $\frac{2}{3}$ 2-го выпуска. Статьи эти написаны блестящимъ языкомъ, даютъ живыя и красивыя картины былой жизни, оставившей, къ сожалѣнію, мало письменныхъ свидѣтельствъ о себѣ,—это все ихъ достоинства. Но Магаффи слишкомъ аристократически настроенъ и, очень строго относясь къ демократіи вообще, и къ аѳинской—въ частности, нѣсколько увлекается талантливыми авантюристами той эпохи. Впрочемъ, не забывая своихъ культурныхъ и политическихъ воззрѣній при изученіи старой жизни, Магаффи извлекаетъ отсюда и прямыя выгоды для самого дѣла: онъ умѣетъ находить тѣ элементы старой жизни, которые роднятъ ее съ нашей современностью; если аѳинскіе эмигранты напоминаютъ ему ирландскихъ, а финансовая политика діадочовъ—современную Германію, то все это лишь оживляетъ изложеніе. Но, повторяемъ, указанныя противорѣчія и увлеченія извиняются самымъ характеромъ книги—хрестоматическимъ.

Впрочемъ, кое-что слѣдуетъ отнести и насчетъ редакціи книги. Гг. редакторы любятъ представлять читателю двѣ точки зрѣнія на предметъ (напримѣръ взгляды на Александра Великаго Ранке и Дройзена) во имя правила *audiatur et altera pars*, причемъ за читателемъ сохраняются свобода выбора и лестное право окончательнаго рѣшенія. Но редакторы, видимо, забываютъ, что читателю не-спеціалисту, пожалуй, будетъ затруднительно отнестись сознательно къ поставленной предъ нимъ задачѣ и свободно разрѣшить противорѣчіе. Наконецъ, страннымъ представляется малое вниманіе гг. редакторовъ къ Сократу; читатель вынесетъ изъ статей сборника очень блѣдное и, пожалуй, неправильное представленіе о великомъ философѣ. Написаніе собственныхъ именъ не вездѣ послѣдовательно, а иногда и неправильно, какъ напримѣръ, много разъ повторяемое Птоломей въ статьяхъ Магаффи.

Во всякомъ случаѣ изданіе „Комиссіи“ представляетъ прекрасное явленіе въ нашей литературѣ, и можно лишь порадоваться, если русскіе читатели, особенно учащаяся молодежь, со вниманіемъ прочтеть эту „Исторію Греціи“. Прекрасно изданные и съ внѣшней стороны, какъ умѣютъ и любятъ издавать лишь въ Англіи, оба выпуска „Исторіи Греціи“ и стоятъ очень дешево—1 р. 75 к. за выпускъ.

Естествознаніе и географія. Научно-популярный журналъ. Москва. Редакторъ-издатель *М. П. Варавва*. Цѣна за 10 книжекъ въ годъ 4 р., съ пересылкою 4 р. 50 коп.

Рѣдко, чтобы новый журналъ при выходѣ въ свѣтъ не сопровождался широкообъяснительною программою, общающею такъ много, а между тѣмъ нерѣдко послѣ нѣсколькихъ номеровъ и заканчиваетъ свое существованіе. Не то представляетъ рассматриваемый журналъ. Редакторъ заданъ относительно скромною цѣлью: посылить удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи и способствовать правильной постановкѣ и разрѣшенію вопросовъ по преподаванію естественной исторіи и географіи. На самомъ же дѣлѣ онъ въ своемъ журналѣ представилъ обильный и интересный матеріалъ и притомъ строго-научнаго серьезнаго характера. Журналъ выходитъ въ годъ 10 номерами, на два же каникулярные мѣсяца прекращаетъ свою дѣятельность. Онъ заключаетъ 1.706 стр. довольно объемистой печати, иллюстрированъ множествомъ рисунковъ, заключаетъ много оригинальныхъ и чисто специальныхъ статей, какъ на примѣръ, проф. Шимкевича: паразитизмъ, изъ жизни клѣтки, условія жизни и географія животныхъ, живущихъ въ морѣ, Догеля: элементы нервной системы и къ біологіи зернышекъ; Тихомирова: изъ лекцій по философіи зоологіи; Брандта: Симбіозъ, Голенкина: Антокіанъ и другія. Не мало переводныхъ статей, а также популярныхъ, на примѣръ, Габерландта: дерево подъ тропиками, тропическій мостъ, цвѣты и плоды тропиковъ; Маршалъ: Дюны; Мечъ: два мѣсяца въ южномъ Уралѣ, Сапожникова: Золотое озеро и Золотая гора; Носилова: По Сибири; Греве: Ленкоранъ; статья: Тибетъ, переводъ съ англійскаго въ приложеніи) и др. Однѣ изъ статей вполне обстоятельно знакомятъ съ избранною темою, написаны простымъ языкомъ, но требуютъ предварительнаго запаса свѣдѣній. другія же совершенно непонятны и, нужно полагать, прочтутся многими не безъ удовольствія.

Въ журналѣ достаточно и статей педагогическаго содержанія.

Г. Рождественскій въ статьѣ: „къ вопросу о преподаваніи естественной исторіи“ знакомитъ съ различными взглядами на этотъ предметъ, высказанными въ педагогической литературѣ. Онъ совершенно объективно относится къ избранной темѣ и заканчиваетъ свое сужденіе тѣмъ, что вслѣдствіе невыработанности и неясности окончательнаго взгляда на преподаваніе естественной исторіи, крайне желателенъ обмѣнъ мыслей по этому вопросу, въ чѣмъ конечно нельзя не согласиться съ авторомъ Г. Демковъ въ статьѣ: „къ во-

просу о методикѣ естествознанія“ высказываетъ нѣсколько мыслей, сходныхъ съ указанными въ объяснительной запискѣ по поводу учебника естественной исторіи на премію императора Петра Великаго.

Въ статьѣ: „естествознаніе въ реальныхъ училищахъ, (неизвѣстнаго автора) говорится объ исключеніи изъ курса физики химическихъ свѣдѣній и о передачѣ ихъ преподавателю естественной исторіи, для чего придется въ 5-мъ классѣ назначить на послѣдній предметъ не три, а четыре урока; затѣмъ объ измѣненіи программы по ботаникѣ въ реальныхъ училищахъ, а именно, что слѣдуетъ начинать ее не съ систематики, а съ описанія нѣсколькихъ типическихъ растений и послѣ того перейти къ морфологіи растений; наконецъ о прибавкѣ одного урока на физическую географію, безъ чего крайне трудно выполнить ея программу. Авторъ предлагаетъ въ 3-мъ классѣ проходить морфологію растений и позвоночныхъ животныхъ; въ 4-мъ классѣ: цвѣтковые растения и беспозвоночные; въ 5-мъ безцвѣтковые растения, устройство человѣка и животныхъ и минералогію; наконецъ въ 6-мъ классѣ (вмѣсто дополнительнаго) анатомію и физиологію растений и человѣка. Съ нѣкоторыми изъ высказанныхъ мнѣній можно вполне согласиться, но нельзя того же сказать о программахъ, представленныхъ авторомъ для 3-го класса, въ особенности по минералогіи; она слишкомъ научна, подробна и не подходяща для возраста учащихся въ этомъ классѣ.

Г. Рождественскій въ статьѣ, сходной по содержанію съ предыдущею (о распредѣленіи преподаванія естественной исторіи), стоитъ за подготовительный курсъ естественной исторіи, предшествующій систематическому.

Нужно сказать, что всѣ эти статьи написаны вполне спокойно, никого и ничего не затрогиваютъ, и только преслѣдуютъ одну цѣль: лучшую постановку естествознанія въ средней школѣ.

Помимо теоретическихъ статей въ журналѣ много такихъ, которыя могутъ оказать не малую услугу преподавателямъ; къ такимъ относятся: Кольбаха: ученическія экскурсіи (переводъ), Акинфіева: о производствѣ экскурсій; Фрейберга: весеннія экскурсіи въ окрестностяхъ Москвы; школьные сады въ большихъ городахъ (переводъ); письма изъ Швейцаріи (тоже объ ученическихъ экскурсіяхъ) и т. д.

Кромѣ научныхъ, педагогическихъ и популярныхъ статей въ журналѣ отведено мѣсто критикѣ, библиографіи, смѣси и хроникѣ.

Отъ всей души привѣтствуя новый журналъ, могущій принести посильную пользу преподавателямъ, мы желали бы однако встрѣчать въ немъ побольше статей какъ по научному землевѣдѣнію, дѣлаю-

щему такіе большіе успѣхи за послѣднее время, такъ и по методикѣ географіи. Если затрудненіе въ томъ, что оригинальныя статьи по географіи составляютъ рѣдкость въ научной литературѣ, то можно было бы по крайней мѣрѣ ограничиться переводными статьями. Богатый матеріалъ въ этомъ отношеніи могутъ доставить: Supan: Lehrbuch der physischen Erdkunde, Günther: Lehrbuch der physikalischen Geographie, Penck: Morphologie der Erde, Wagner: Lehrbuch der Geographie (I и II Lief.), Lapparent: Geographie physique, Kirchhoff: Länderkunde von Europa, а также Seibert: Zeitschrift für Schulgeographie.

Указанныя достоинства журнала: „Естествознаніе и географія“ при скромной его цѣнѣ заставляютъ желать, чтобы онъ получилъ большее распространеніе между преподавателями естественной исторіи и географіи, тѣмъ болѣе, что имя и положеніе редактора служитъ ручательствомъ, что и впредь журналъ будетъ держаться того же серьезнаго направленія.

В. Е. Романовскій. Русская исторія. Пособіе для повторенія ея въ VIII классѣ гимназій. Часть I. Допетровскій періодъ. Изданіе журнала „Гимназія“. Ревель. 1896. Стр. 53.

Въ VIII классѣ нашихъ классическихъ гимназій курсъ исторіи заключается въ повтореніи исторіи Греціи и Рима; „остальное же время употребляется на повтореніе преимущественно отечественной исторіи“. Въ объяснительной запискѣ къ учебному плану исторіи (стр. 134) указывается на то, что однимъ изъ средствъ и способовъ повторенія пройденнаго должно служить „расположеніе пройденнаго матеріала по группамъ“ по вопросамъ, „касающимся, на примѣръ, географическихъ данныхъ, религіозныхъ вѣрованій, политическихъ учрежденій, внѣшнихъ войнъ, междоусобій и т. п.“

Имѣя въ виду эти условія, г. Романовскій и предлагаетъ намъ особаго рода пособіе для повторенія русской исторіи. Для повторенія ранѣе пройденнаго курса въ VIII классѣ можно взять, по его мнѣнію, краткій элементарный учебникъ, проходимый въ III классѣ, внѣшнюю сторону историческаго процесса возстановить путемъ опроса и напоминанія въ классѣ, такъ сказать, мимоходомъ, а главное вниманіе учениковъ устремить на „сущность родной исторіи“, которая и должна составить „квинтъ-эссенцію“ курса (такова терминологія автора). Эта „квинтъ-эссенція“ заключается въ общественныхъ отношеніяхъ, учрежденіяхъ, законахъ, въ коихъ „выражается самымъ нагляднымъ образомъ отличіе одного народа отъ другаго“. Очевидна

односторонность такого взгляда, переносящая насъ въ то далекое время, когда сущность историческаго движенія видѣли въ развитіи правоваго быта. Теперь ее видятъ въ эволюціи экономическихъ отношеній, и разумѣется нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что будетъ время, когда кто-нибудь изъ педагоговъ увидитъ квинтъ-эссенцію курса VIII класса въ изученіи хозяйственныхъ формъ и отношеній. Школа не должна впадать въ подобныя односторонности и служить преходящимъ теоріямъ и увлеченіямъ. Если она дастъ своему питомцу, вступающему въ университетъ, прочныя элементарныя знанія, онъ съ успѣхомъ усвоитъ себѣ результаты научнаго движенія изъ университетскихъ лекцій. Если же онъ въ VIII классѣ гимназіи будетъ изучать дѣтскій элементарный учебникъ и въ то же время „квинтъ-эссенцію“ исторіи русскаго права, то онъ, при недостаткѣ времени въ VIII классѣ (всего 2 часа на исторію), ничего толкомъ не выучитъ и не повторитъ. Такимъ образомъ, самая мысль автора дать въ руки ученику для повторенія предмета не привычный для него систематическій учебникъ, а новую книгу, и притомъ спеціальнаго содержанія, намъ не кажется удачною: этимъ дѣло не облегчается, а затрудняется.

Когда авторъ послѣ объяснительнаго вступленія переходитъ къ изложенію своего пособия, недоумѣніе читателя растетъ съ каждою страницей. На стр. 6-й авторъ свое пособие называетъ „программами для повторенія“, на стр. 12-й — „руководствомъ“ и въ то же время „планомъ“. На самомъ дѣлѣ это черновая тетрадь преподавателя, въ которой сдѣланы предварительныя замѣтки о томъ, какъ вести повтореніе русской исторіи. Въ § 1-мъ занесены дословныя *выписки* изъ книги Забѣлина „Исторія русской жизни“ для характеристики русской природы. Въ § 2-мъ *конспективно* (и неполно) изложена исторія русской колонизаціи. Въ § 3-мъ записанъ *планъ* классной бесѣды о вліяніи Византіи на Русь. И такъ черезъ всю книгу связанное изложеніе мѣшается съ конспектами и планами. Подъ понятіе печатнаго руководства книга г. Романовскаго не подходитъ. Въ указанныхъ трехъ параграфахъ авторъ даетъ какъ бы общее введеніе въ курсъ; далѣе слѣдуютъ спеціальныя главы: §§ IV и V содержатъ ученіе о власти, § VI—о сословіяхъ, § VII—объ администраціи, § VIII—о войскѣ и § IX—о судѣ. Такимъ образомъ, по содержанію, это—курсъ исторіи государственнаго права; онъ не освобожденъ при пересажденіи въ гимназію отъ спеціальной терминологіи (напримѣръ, „преобладаніе территориальнаго начала“ въ организаціи власти, стр. 19 и т. п.) и не приноровленъ къ потребностямъ средней школы по

общему своему характеру—случайности и отрывочности слѣшно подобраннаго матеріала.

Въ трудѣ г. Романовскаго есть много и частныхъ погрѣшностей, даже грубыхъ опечатокъ (стр. 13, 18 и др.). Укажемъ на нѣкоторыя ошибки и неточности:

Стр. 15. Непонятно опредѣленіе „сущности политическаго устройства древней Руси въ X вѣкѣ“, которая „заключалась въ *юродовомъ дружинномъ* бытѣ“. Это все равно, что теперь сказать: „гражданское военное“ устройство.

Стр. 20, 21, 29. Принята непризнаваемая лучшими авторитетами гипотеза о *земскихъ* боярахъ въ Ростовско-Суздальской землѣ въ XII вѣкѣ и въ другихъ (кромѣ Новгорода) старыхъ городахъ.

Стр. 24. Слова лѣтописнаго сказанія о боярахъ приписаны духовному завѣщанію или „прощальной грамотѣ“ Дмитрія Донскаго.

Стр. 25. Темна фраза о первыхъ 14-ти годахъ правленія Грознаго (1533—1547): „Малолѣтство его продолжалось 14 лѣтъ“. Если въ эти годы до 17-лѣтняго возраста Грозный былъ малолѣтнимъ, то когда же онъ былъ несовершеннолѣтнимъ?

Стр. 26. Невѣрно, что Годуновъ „казнилъ“ бояръ и что В. Шуйскій былъ низвергнуть „боярами“.

Стр. 30. Совершенно невѣрно говорится о разборѣ служилыхъ людей (въ примѣчаніи) и о переходѣ дворянъ въ бояре; самое названіе „бояръ“ истолковывается на этой страницѣ невразумительно.

Стр. 35. Вліяніе Сильвестра на Грознаго не давало бѣлому духовенству „временно участіе въ государственныхъ дѣлахъ“; это былъ частный случай.

Стр. 36. Образцомъ неточности языка у нашего автора можетъ служить фраза въ примѣчаніи о значеніи города: „Городъ былъ крѣпостью и въ то же время точкою опоры и передовымъ постомъ, точкою центральнаго соединенія того племени, которое его построило.“

Стр. 38. Полная ошибка заключается въ утвержденіи, что „смерды слились съ закупами и холопами въ одно крестьянское сословіе“.

Стр. 42. „Кормленіемъ“ называлась не одна доставка съѣстныхъ припасовъ княжескому чиновнику.

Учебныя карты Южной Европы въ эпоху Крестовыхъ походовъ. Составилъ и издалъ *И. П. Максимовъ*.—Гомель 1896. I. Крестовые походы 1096—1192 года—II. Крестовые походы 1202—1291 г.

Обѣ карты г. Максимова представляютъ не плодъ самостоятельной работы, а болѣе или менѣе точное воспроизведеніе соотвѣтству-

ющихъ картъ изъ нѣмецкаго учебнаго атласа Пуцгера. Атласъ Пуцгера, вообще, составленъ настолько тщательно, что противъ него можно сдѣлать мало возраженій, такъ что г. Максимовъ сдѣлалъ хороший выборъ, взявъ для своего изданія за прототипъ именно карты Пуцгера. Напрасно только онъ не всегда правильно передаетъ свой оригиналъ. Такъ, на первой картѣ у г. Максимова совсѣмъ не показано Византійскихъ владѣній въ Малой Азій (Синопъ, Трапезунтъ и др.), что у Пуцгера изображено правильно. На второй картѣ Галлиполи отнесенъ къ Латинской имперіи, хотя принадлежалъ Венеціи, что опять-таки вѣрно показано у Пуцгера. Прямымъ недосмотромъ, конечно, надо объяснить то обстоятельство, что желтая краска, которой обозначены на первой картѣ половцы, захватываетъ весь Прутъ, Днѣстръ, тянется вдоль Карпатъ по всей восточной границѣ Венгрии и попадаетъ даже на сѣверъ отъ Венгерскаго королевства, а Русь совершенно отсутствуетъ, хотя карта захватываетъ часть территории, занятой въ XI и XII вѣкахъ русскими. Затѣмъ, г. Максимовъ, подражая Пуцгеру, показываетъ восточную границу Византійскихъ владѣній въ Малой Азій къ концу XII вѣка, но не показываетъ утраты Византійцевъ на Балканскомъ полуостровѣ къ тому же времени (Сербія и Болгарія). Пуцгеръ отмѣчаетъ только отложеніе Сербіи, а про Болгарію и онъ забываетъ.

Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ г. Максимовъ не въ мѣру близко держится своего оригинала. Такъ нѣмецкія надписи *Königreich Serbien* и *Königreich Bulgarien* онъ переводитъ: *королевство* Сербія, *королевство* Болгарія (на второй картѣ), хотя титулъ „королевство“ въ данномъ случаѣ врядъ-ли умѣстенъ.

Отмѣтимъ еще рядъ мелкихъ погрѣшностей и корректурныхъ недосмотровъ, которые отчасти портятъ впечатлѣніе, производимое картами г. Максимова. Онъ пишетъ: Бейутъ. Итолемаида, Асколонъ, рѣка Сакарія (вм. Сангарій), Гоза, а на добавочной картѣ на второй таблицѣ островъ Кипръ названъ Критомъ.

Во всякомъ случаѣ, надо сказать, что послѣднія карты г. Максимова составлены и изданы гораздо тщательноѣе и аккуратнѣе, чѣмъ первыя его попытки въ области картографіи, появившіяся въ свѣтъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ (стѣнныя карты по Древней Исторіи).

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОБЪ ОКОНЧАТЕЛЬНЫХЪ ЭКЗАМЕНАХЪ ВЪ РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ ВЪ 1895 ГОДУ.

Въ 1895 году окончательные экзамены въ реальныхъ училищахъ производились за шесть классовъ основнаго и коммерческаго отдѣленія въ 101 училищѣ; за дополнительный классъ—въ 89 училищахъ.

За 6 классовъ подвергались испытаніямъ 1.735 учениковъ и 135 постороннихъ лицъ, всего 1870, сравнительно съ 1894 годомъ болѣе на 104.

За дополнительный классъ: учениковъ 1.011, постороннихъ 60, всего 1.071, то-есть, на 55 человекъ менѣе, нежели въ 1894 году.

Успѣшно выдержавшихъ испытанія за 6 классовъ было:

учениковъ	1.531 (88,2%)
постороннихъ	66 (48,1%)
Всѣхъ	1.597 (85,4%)

за дополнительный классъ:

учениковъ	973 (96,2%)
постороннихъ	43 (71,7%)
Всѣхъ	1.016 (94,9%)

Результаты окончательныхъ экзаменовъ учениковъ реальныхъ училищъ въ 1895 году оказались такъ же благопріятны, какъ въ предшествовавшемъ году. Сравнивая процентъ успѣшно выдержавшихъ

испытанія въ 1895 году съ таковымъ же процентомъ за 1894 годъ. замѣчаемъ, что этотъ процентъ въ 1895 году даже нѣсколько увеличился, а именно: за 6-й классъ на 0,2%, а за дополнительный классъ—на 0,3%. Слѣдовательно. сдѣланныя преобразованія въ уставѣ, планахъ и программахъ реальныхъ училищъ оказали въ 1895 году должное вліяніе на возвышеніе успѣшности кончающихъ курсъ за 6 классовъ. Кромѣ того, успѣшность кончающихъ курсъ въ дополнительныхъ классахъ, какъ и ранѣе, оказалась выше успѣшности окончившихъ курсъ шести классовъ на 8,0%.

Процентъ выдержавшихъ окончательные экзамены постороннихъ лицъ въ 1895 году также увеличился сравнительно съ предшествовавшимъ 1894 годомъ.

Въ частности, по отдѣльнымъ учебнымъ округамъ процентъ успѣшно выдержавшихъ испытанія выражается такими таблицами:

За шесть классовъ:

Учебные округа.	% успѣшно выдержавшихъ испытанія.	
	Учениковъ.	Постороннихъ.
С.-Петербургскій	89,4	37,5
Московскій	90,8	75,0
Казанскій	93,7	50,0
Оренбургскій	93,4	100
Харьковскій	82,3	36,0
Одесскій	92,1	83,4
Кіевскій	85,5	30,0
Виленскій	86,7	50,0
Варшавскій	93,0	50,0
Рижскій	81,9	11,2
Кавказскій	79,1	84,5
Западно-Сибирскій	100	—
Восточная Сибирь	100	—

Изъ этой таблицы видно: а) въ 8-ми учебныхъ округахъ (С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Казанскомъ, Оренбургскомъ, Одесскомъ, Варшавскомъ, Западно-Сибирскомъ и Восточной Сибири) процентъ успѣшно выдержавшихъ испытанія для учениковъ— выше средняго процента (88,2%), при чемъ въ 2-хъ округахъ всѣ подвергавшіеся испытаніямъ выдержали таковыя, а для 4-хъ округовъ (Виленскаго,

Рижскаго, Кавказскаго и Харьковскаго) процентъ успѣшно выдержавшихъ испытанія — ниже средняго; в) для постороннихъ лицъ процентъ успѣшно выдержавшихъ испытанія выше средняго (48,1) въ семи учебныхъ округахъ (Московскомъ, Казанскомъ, Оренбургскомъ, Одесскомъ, Виленскомъ, Варшавскомъ и Кавказскомъ) и ниже средняго въ четырехъ округахъ (въ С.-Петербургскомъ, Харьковскомъ, Киевскомъ и Рижскомъ). Въ Восточной и Западной Сибири постороннiя лица вовсе не экзаменовались по курсу шести классовъ.

Для дополнительнаго класса:

Учебные округа.	% успѣшно выдержавшихъ испытанiя.	
	Учениковъ.	Постороннихъ.
С.-Петербургскiй	97,8	45,6
Московскiй	94,5	100
Казанскiй	97,0	66,7
Оренбургскiй	100	100
Харьковскiй	97,5	72,7
Одесскiй	100	100
Киевскiй	96,2	100
Виленскiй	94,4	100
Варшавскiй	94,9	33,4
Рижскiй	90,6	—
Кавказскiй	94,6	85,5
Западно-Сибирскiй	100	—

Изъ этой таблицы видно: а) въ шести учебныхъ округахъ (С.-Петербургскомъ, Казанскомъ, Оренбургскомъ, Харьковскомъ, Одесскомъ и Западно-Сибирскомъ) процентъ учениковъ, успѣшно выдержавшихъ испытанiя, былъ выше средняго процента (96,2%), при чемъ въ трехъ округахъ всѣ подвергавшiеся испытанiямъ выдержали таковыя, въ одномъ округѣ (Киевскомъ) этотъ процентъ соответствовалъ среднему, а въ остальныхъ округахъ былъ ниже средняго; в) для постороннихъ лицъ % успѣшно выдержавшихъ былъ выше средняго (71,7) въ округахъ Московскомъ, Оренбургскомъ, Харьковскомъ, Одесскомъ, Киевскомъ, Виленскомъ и Кавказскомъ.

Въ прилагаемыхъ къ отчету статистическихъ таблицахъ приведены свѣдѣнiя о числѣ лицъ, не удовлетворившихъ испытанiямъ, а по семи округамъ (С.-Петербургскому, Казанскому, Оренбургскому, Харь-

ковскому, Варшавскому, Рижскому и Кавказскому) сдѣланы указанія, по какимъ предметамъ не выдержавшіе испытанія оказали неудовлетворительныя познанія. Оказывается, что изъ числа экзаменовавшихся за шесть классовъ не удовлетворили требованіямъ на испытаніяхъ: по Закону Божию 2, по русскому языку 104 на письменномъ испытаніи и 35 на устномъ, по новымъ языкамъ 192 на письменномъ и 27 на устномъ, по математикѣ 194 на письменномъ и 64 на устномъ, по исторіи 24, по географіи 2, по бухгалтеріи 5, по рисованію 1. по естествовѣдѣнію 1 и по физикѣ 13. Изъ числа лицъ, экзаменовавшихся за дополнительный классъ, получили неудовлетворительныя отвѣтки: по Закону Божию 1; по русскому языку: на письменномъ испытаніи—37, на устномъ—17; по новымъ языкамъ: на письменномъ—43, на устномъ—6; по математикѣ: на письменномъ—48, на устномъ—12; по исторіи—3, по географіи—1 и по физикѣ—7. Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что наибольшее число неудовлетворительныхъ отвѣтовъ на экзаменахъ за шесть классовъ и за дополнительный приходится на письменныя испытанія по математикѣ, новымъ языкамъ и по русскому языку. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что наибольшее число неудовлетворительныхъ отвѣтовъ было по русскому языку, такъ какъ по этому предмету на экзаменѣ за шесть классовъ исполняется одинъ отвѣтъ, тогда какъ по новымъ языкамъ—два отвѣта, а по математикѣ—6 задачъ.

Окончившіе курсъ въ реальныхъ училищахъ, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ изъ 8 учебныхъ округовъ, распределяются по возрастамъ слѣдующимъ образомъ: въ VI классѣ: 15 лѣтъ — 0,5%, 16 лѣтъ—11,8%, 17 лѣтъ—23,1%, 18 лѣтъ—22,9%, 19 лѣтъ—20,1%, 20 лѣтъ—13,0%, 21 года и болѣе—8,6%. Слѣдовательно, наибольшее число окончившихъ курсъ шести классовъ было въ возрастѣ отъ 17 до 19 лѣтъ.

Въ дополнительномъ классѣ: 16 лѣтъ—0,8%, 17 лѣтъ—11,4%, 18 лѣтъ—20,4%, 19 лѣтъ—23,8%, 20 лѣтъ—22,0%, 21 года и болѣе 21,6%. Слѣдовательно, наибольшее число реалистовъ въ отчетномъ году окончило курсъ въ дополнительныхъ классахъ въ возрастѣ 19-ти и 20-ти лѣтъ.

По занятіямъ, къ которымъ предназначили себя окончившіе курсъ, приведены въ отчетахъ попечителей шести учебныхъ округовъ слѣдующія данныя. Для окончившихъ курсъ въ шести классахъ: поступить въ дополнительные классы тѣхъ же реальныхъ училищъ изъявили желаніе 592, въ военныя училища 6, въ разныя спеціальныя

училища 39; на государственную службу: военную—17, гражданскую—6; на частную службу: учебную—5, сельско-хозяйственную—11, коммерческую—91.

Для окончившихъ курсъ въ дополнительныхъ классахъ: въ высшія спеціальныя учебныя заведенія изъявили желаніе поступить 434, въ военныя училища 40, на государственную службу: военную 58, гражданскую 10; на частную службу: учебную 10, сельско-хозяйственную 20, коммерческую 36.

Слѣдовательно, въ среднемъ, 85,7% изъ числа окончившихъ курсъ изъявили желаніе подвергнуться повѣрочнымъ испытаніямъ въ высшія спеціальныя учебныя заведенія.

Окончательныя испытанія въ 1895 году происходили на точномъ основаніи правилъ для испытаній, утвержденныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Письменныя испытанія предшествовали устнымъ, и письменные отвѣты составлялись на темы, предложенныя попечителями учебныхъ округовъ. Работы экзаменовавшихся, рассмотрѣнныя и оцѣненныя мѣстными испытательными комиссіями, препровождались для рецензіи въ учебныя округа. Рецензенты учебныхъ округовъ дали о представленныхъ работахъ слѣдующія заключенія:

По С.-Петербургскому учебному округу.

Русскій языкъ.

Ученики дополнительнаго класса писали сочиненія на различныя темы: въ училищахъ 1-мъ С.-Петербургскомъ, Гуревича, Выборгскомъ и Кронштадтскомъ писали на тему: „Войны Людовика XIV и Петра Великаго“; во 2-мъ С.-Петербургскомъ училищѣ на тему: „Литературныя заслуги Ломоносова“; въ Великолуцкомъ училищѣ— „Императрица Екатерина II по ея произведеніямъ и одамъ Державина“; въ Вологодскомъ училищѣ— „О важности здоровья“; въ Псковскомъ— разборъ комедіи „Недоросль“; въ Череповскомъ училищѣ— „Владиміръ Мономахъ—вѣрный другъ юношества“; въ училищѣ св. Петра— „Кантемаръ, какъ писатель эпохи преобразованій“; въ училищѣ св. Анны— „Взглядъ на науку Петра I, Кантемира и Ломоносова“.

По мнѣнію рецензента округа, окружнаго инспектора дѣйствительнаго статскаго совѣтника Мохначева, почти всѣ экзаменовавшіеся поняли темы. Знаніе, необходимое для отвѣтовъ, было въ Черепов-

скомъ училищѣ очень хорошее, въ Выборгскомъ и 1-мъ С.-Петербургскомъ—хорошее, во 2-мъ С.-Петербургскомъ и св. Петра—слабѣе, чѣмъ въ другихъ, но, въ общемъ, удовлетворительное. Главную причину недостатковъ въ содержаніи и изложеніи является непривычка учениковъ нѣкоторыхъ училищъ къ составленію плановъ. Эта сторона дѣла была поставлена вполне удовлетворительно только въ училищахъ Выборгскомъ, 1-мъ С.-Петербургскомъ, Новгородскомъ и Череповскомъ; заботливость о приученіи учениковъ къ планамъ видна также и въ работахъ училищъ: 2-го С.-Петербургскаго, св. Петра и, отчасти, училища г. Гуревича. Рѣчь учениковъ многихъ училищъ—удовлетворительна, а въ нѣкоторыхъ оставляетъ желать лучшаго. Правописаніе учениковъ нѣкоторыхъ училищъ требуетъ, чтобы на него было обращено больше вниманія и особенно въ младшихъ классахъ.

По мнѣнію рецензента округа, работы просмотрѣны испытательными комиссіями хорошо въ училищахъ: Выборгскомъ, 1-мъ С.-Петербургскомъ, Псковскомъ и св. Петра. Осталось незамѣченнымъ достаточное число ошибокъ, преимущественно стилистическихъ, въ училищахъ: Великолуцкомъ, Вологодскомъ, 2-мъ С.-Петербургскомъ и Кронштадтскомъ.

Въ общемъ, лучшія работы доставлены изъ Выборгскаго и Новгородскаго училищъ.

Изъ числа работъ учениковъ дополнительнаго класса испытательными комиссіями признано хорошими 30,6%, слабыми — 11,9% при общемъ среднемъ баллѣ 3,2. „По моему же мнѣнію, говорить рецензентъ, правильнѣе было бы считать хорошими лишь 24,6%, а слабыми 28,4% и среднимъ балломъ 3,0, т. е., въ общемъ, работы дополнительнаго класса я склоненъ признать удовлетворительными“.

По сравненію съ предшествовавшимъ годомъ общій процентъ слабыхъ работъ уменьшился.

Ученики VI класса восьми реальныхъ училищъ (1-е С.-Петербургское, Кронштадтское, Новгородское, св. Петра, Реформатское, г. Гуревича, Мая и Видемана) писали на тему: „Путешествіе Н. М. Карамзина“, и восьми же училищъ—на различныя темы, составленныя самими училищами: во 2-мъ С.-Петербургскомъ училищѣ была дана тема „Крѣпостное право по произведеніямъ Гоголя“, въ Великолуцкомъ—„Заслуги Жуковскаго въ литературѣ“, въ Вологодскомъ—„О романтической поэзіи“, въ Выборгскомъ—„Освобожденіе крестьянъ въ Россіи отъ крѣпостной зависимости“, въ Псковскомъ—„Значеніе

Карамзина въ исторіи русской литературы“, въ Череповскомъ—„Космополитъ—уродливое явленіе“, въ училищѣ св. Анны—„Можно ли судить о человѣкѣ по его внѣшности“, въ училищѣ св. Екатерины—„Какъ появился и какъ распространился слухъ о сумасшествіи Чацкаго, и какъ Фамусовское общество отнеслось къ этому слуху“.

По мнѣнію рецензента, „почти во всѣхъ училищахъ ученики владѣли знаніемъ, достаточнымъ для того, чтобы отвѣтить на тему. Работы нѣкоторыхъ училищъ доказываютъ, что ученики приучены думать въ вопросъ и ясно намѣчать себѣ ходъ отвѣта“. Рѣчь учениковъ не во всѣхъ училищахъ одинаково удовлетворительна и во многихъ является слабою. Правописаніе удовлетворительно въ восьми училищахъ, а въ остальныхъ восьми оно слабо.

Разсматривая достоинства и недостатки работъ по всѣмъ училищамъ, какъ рецензентъ, такъ и испытательныя комиссіи приходятъ къ тому заключенію, что бѣльшій процентъ успѣшности падаетъ на правительственныя учебныя заведенія. затѣмъ слѣдуютъ нѣмецкія; слабѣе всѣхъ оказались частныя.

Оцѣнка исполненныхъ работъ сдѣлана рецензентомъ такъ:

	хорошихъ:	слабыхъ:	ср. баллъ:
а) въ правительственныхъ	18,5 ⁰ /о	29,0 ⁰ /о	2,93
б) въ нѣмецкихъ	10,6 ⁰ /о	34,0 ⁰ /о	2,8
в) въ частныхъ	3,1 ⁰ /о	53 ⁰ /о	2,5

Оцѣнка эта оказалась не вполне согласною съ оцѣнкою испытательныхъ комиссій, по мнѣнію которыхъ было:

	хорошихъ:	слабыхъ:	ср. баллъ:
а) въ правительственныхъ	25,8 ⁰ /о	13,7 ⁰ /о	3,1
б) въ нѣмецкихъ	22,3 ⁰ /о	10,6 ⁰ /о	3,1
в) въ частныхъ	6,3 ⁰ /о	37,5 ⁰ /о	2,7

Разницу въ оцѣнкѣ, по мнѣнію рецензента, слѣдуетъ объяснить оольшою снисходительностью испытательныхъ комиссій.

Просмотрѣны работы хорошо въ училищахъ: Выборгскомъ, а также въ 1-мъ С.-Петербургомъ, Псковскомъ и св. Петра.

По сравненію съ предшествовавшимъ годомъ общій процентъ слабыхъ работъ не измѣнился.

По нѣмецкому языку ученикамъ VI коммерческаго класса задано было составить коммерческое письмо слѣдующаго содержания „За-

граничный торговый домъ предлагаетъ свои услуги относительно устройства комиссіоннаго склада южно-русскихъ винъ. Указаніе на разныя фирмы, гдѣ можно освѣдомиться какъ на счетъ личности, такъ и относительно прочихъ обстоятельствъ, необходимыхъ, какъ гарантіи. Вырученныя суммы высылаются или сохраняются до соответственныхъ распоряженій. Означеніе платы за комиссію и указаніе на кого падаютъ привозныя издержки“.

Изъ 18 работъ, представленныхъ въ отчетномъ году учениками коммерческихъ отдѣленій, 83,3% исполнены вполнѣ удовлетворительно. Три изъ нихъ, по оцѣнкѣ окружнаго рецензента, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Мора, можно признать отличными. Содержаніе представленныхъ писемъ удовлетворяетъ почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ тѣмъ требованіямъ, которыя вообще можно предъявлять ученикамъ этого отдѣленія реальныхъ училищъ; форма же изложенія въ нѣкоторыхъ работахъ не всегда безупречна. Встрѣчаются и грамматическія, а, въ особенности, орфографическія ошибки.

Оцѣнка работъ испытательныхъ комиссій такова: хорошихъ работъ 38,9%, удовлетворительныхъ 44,4% и неудовлетворительныхъ 16,7%.

Г. рецензентъ повысилъ оцѣнку и призналъ хорошими работами 44,5%, удовлетворительными 38,8 и неудовлетворительными—16,7%.

Ученикамъ VI класса основнаго отдѣленія былъ данъ для перевода съ русскаго языка на нѣмецкій коротенькій разказъ о философѣ Діогенѣ и Александрѣ Великомъ.

По мнѣнію рецензента округа, удовлетворительныхъ работъ было 75,9%. Между ними 10,3% заслуживаютъ высшей отмѣтки 5: онѣ во всѣхъ отношеніяхъ написаны прекрасно. Въ остальныхъ работахъ встрѣчаются, конечно, разныя погрѣшности какъ противъ грамматики и стилистики нѣмецкаго языка, такъ, въ особенности, противъ нѣмецкой орфографіи, но въ общемъ число такихъ погрѣшностей не велико.

Лучшія работы въ этомъ отдѣленіи представлены 1-мъ С.-Петербургскимъ реальнымъ училищемъ, а именно: 100% удовлетворительныхъ; въ числѣ ихъ 7 работъ (больше $\frac{1}{3}$ всѣхъ работъ этого училища) удостоены высшей отмѣтки 5.

По мнѣнію рецензента, оцѣнка работъ этого отдѣленія должна быть такова: „хорошихъ работъ 35,6%, удовлетворительныхъ 40,3%, неудовлетворительныхъ 24,1“.

VII дополнительный классъ. Задано было перевести русскую статью о Карлѣ Великомъ и устройствѣ имъ школъ для дѣтей своихъ придворныхъ.

Изъ всѣхъ работъ, представленныхъ учениками этого класса, — 87,8% признаны вполне удовлетворительными; въ числѣ ихъ 20 работъ удостоены высшей оцѣнки 5, изъ которыхъ половина принадлежитъ 1-му С.-Петербургскому реальному училищу.

Изъ всего сказаннаго выше видно, что результатъ письменныхъ работъ по нѣмецкому языку, исполненныхъ учениками какъ обонхъ отдѣленій VI, такъ и дополнительнаго класса правительственныхъ и частныхъ реальныхъ училищъ С.-Петербургскаго округа на испытаніяхъ въ отчетномъ году, вообще можно назвать вполне хорошимъ.

Сравнивая процентъ удовлетворительныхъ работъ въ 1895 году съ такимъ же за предыдущій 1894 годъ, замѣчаемъ въ пользу отчетнаго года значительное повышение успѣшности, а именно: для VI коммерческаго класса—на 3,5%, для VI основнаго—на 15,9% и для дополнительнаго—на 15,5%.

Лучшія работы представили училища: 1-ое С.-Петербургское, 2-ое С.-Петербургское, Мая, Псковское, Кронштадтское, Новгородское и св. Петра.

Что касается исправленія работъ испытательными комиссіями, то оно во всѣхъ училищахъ какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ, въ отчетномъ году должно быть признано весьма тщательнымъ и крайне добросовѣстнымъ. Равнымъ образомъ и оцѣнка работъ вполне правильна, а въ нѣкоторыхъ училищахъ скорѣе слишкомъ строга, чѣмъ снисходительна.

По французскому языку ученикамъ дополнительнаго класса дано было перевести на французскій языкъ небольшой разказъ „Зарытыя деньги“.

Всего представлено въ управленіе округа 27 работъ изъ 3-хъ училищъ: св. Петра, св. Анны и г. Гуревича. Лучшія работы и оцѣненные безъ особаго снисхожденія—изъ училища св. Петра; но и въ нихъ встрѣчаются, хотя и значительно рѣже, чѣмъ въ другихъ, ошибки въ употребленіи времени, въ управленіи словъ и орфографическія.

Испытательными комиссіями работы оцѣнены такъ: удовлетворительныхъ работъ 96,3%, неудовлетворительныхъ 3,7, средній баллъ 3,6.

Рецензентъ округа, окружный инспекторъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Моръ, не вполне согласенъ съ такою оцѣнкою и находитъ ее слишкомъ снисходительною.

Ученикамъ VI класса основнаго отдѣленія предложено было пере-

вести съ русскаго языка на французскій статью подъ заглавіемъ: „Императрица Марія Феодоровна, супруга Императора Павла I“. Текстъ этой статьи, признаваемый въ однихъ училищахъ, какъ видно изъ отзывовъ преподавателей, — легкимъ, для другихъ оказался труднымъ и у достаточнаго числа учениковъ, какъ говоритъ рецензентъ, „не хватило запаса словъ и оборотовъ для того, чтобы сдѣлать сколько нибудь удовлетворительный переводъ“.

Представленныя работы оцѣнены испытательными комиссіями такъ: удовлетворительныхъ работъ 31,1%, неудовлетворительныхъ 68,9%.

По мнѣнію рецензента, такая оцѣнка слишкомъ высока, число слабыхъ работъ значительно больше и вообще знаніе французскаго языка учениками VI-го класса основнаго отдѣленія удовлетворительнымъ названо быть не можетъ.

Ученикамъ VI коммерческаго класса было предложено написать „Циркуляръ объ основаніи торговаго дома компанію“. (Извѣщеніе объ основаніи торговаго дома для оптовой продажи предметовъ роскоши. Указаніе на денежные средства и опытность компаніоновъ въ дѣлахъ и предложеніе собрать отъ извѣстныхъ торговыхъ домовъ свѣдѣнія о ихъ характерѣ и платоспособности. Предложеніе услугъ по приобрѣтенію товаровъ; выраженіе увѣренности, что клиенты останутся довольны доброкачествомъ и дешевизною товара, а также аккуратностью высылки. Выраженіе надежды получить въ недалекомъ будущемъ заказъ).

По мнѣнію г. рецензента, „работы коммерческаго отдѣленія можно считать удовлетворительными, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ это признали испытательныя комиссіи, которыя сочли слабыми только 15,2%. Наиболѣе серьезно оцѣнены работы въ училищѣ св. Петра“.

Лучшія работы представили училища св. Анны, Реформатское и св. Екатерины.

По математикѣ для абитуриентовъ VI основнаго класса было предложено 6 задачъ: одна по ариметикѣ, на правило пропорціональнаго дѣленія, въ которомъ одно число требуется раздѣлять обратно пропорціонально даннымъ числамъ; двѣ по геометріи:

1) (на вычисленіе) „Въ прямой конусѣ, коего высота $h = 60$ арш. и образующая $l = 65$ арш., вписанъ шаръ. Вычислить отношеніе объема конуса къ объему шара“.

2) (на построеніе) „Построить прямоугольный треугольникъ по данной гипотенузѣ и данному отношенію катетовъ“. По алгебрѣ двѣ задачи: № 1 (на рѣшеніе уравненій) „Нѣкто прошелъ въ первый

день столько верстъ, сколько единиц содержится въ суммѣ корней уравненія $lg_{10}x + lg_{10}(25 - x) = 2$. Если въ каждый слѣдующій день онъ проходитъ пятью верстами болѣе, чѣмъ въ предыдущій, то во сколько дней онъ пройдетъ 280 верстъ? № 2 (на преобразование формуль). Упростить дробь

$$\frac{\sqrt{a^2 - a}\sqrt{x} + x\sqrt{a} - \sqrt{x^3}}{\sqrt{x^5 - a^2}\sqrt{x} + 2x\sqrt{a^2 - 2a}\sqrt{x^2 + x^2}\sqrt{a} - \sqrt{x^3}}$$

По тригонометриі: вычислить углы $\triangle ABC$, если разность двухъ сторонъ $a - b = 102,8$ арш., третья сторона $c = 218,9$ арш. и $2 \operatorname{tang} \frac{c}{2} = 5 \sin C$.

Для дополнительнаго класса были предложены слѣдующія задачи:

По алгебрѣ: „Около даннаго квадрата описать квадратъ наибольшей площади“.

По приложенію алгебры къ геометріи: „Въ данный кругъ вписать равнобедренный треугольникъ такъ, чтобы сумма основанія и высоты его равнялась данной прямой“.

Исполненныя работы по каждому отдѣлу математики представлены были на разсмотрѣніе окружному инспектору С.-Петербургскаго учебнаго округа дѣйствительному статскому совѣтнику Муромцеву.

Все изложенное въ его рецензіи приводитъ къ слѣдующему заключенію:

Ариметическія работы, несмотря на простоту предложенной задачи, не могутъ быть признаныи вполне удовлетворительными, такъ какъ процентъ неудовлетворительныхъ работъ равняется 25%. Главнѣйшій недостатокъ этихъ работъ непониманіе того, что значить раздѣлить число обратно пропорціонально нѣсколькимъ даннымъ числамъ, и потому неумѣніе разъяснить свое рѣшеніе. Г. рецензентъ признаетъ для правительственныхъ училищъ 76% работъ удовлетворительныхъ, а для частныхъ—42%.

Наилучшія работы принадлежатъ училищамъ 2-му С.-Петербургскому, св. Петра и св. Анны.

Геометрическая задача на вычисленіе рѣшена хорошо: неудовлетворительныхъ работъ только 5%.

Геометрическая задача на построеніе рѣшена хорошо всѣми училищами, кромѣ двухъ, гдѣ она рѣшена дурно. Всѣхъ удовлетворительныхъ работъ 87% (въ правительственныхъ реальныхъ училищахъ—90,2%).

Задача на рѣшеніе уравненій исполнена удовлетворительно. Почти всѣ ученики излишне рѣшали $x^2 - 25x + 100 = 0$, такъ какъ условіями задачи требовалось знать только сумму корней этого уравненія. Большинство абитуриентовъ не выяснили непригодности отрицательнаго корня уравненія $n^2 + 9n - 112 = 0$. Удовлетворительныхъ работъ 94%.

Задача на преобразование алгебраическихъ формулъ рѣшена вполне хорошо. Удовлетворительныхъ работъ 97%. (Въ правительственныхъ училищахъ 99%).

Тригонометрическая задача рѣшена не вполне удовлетворительно. Рядомъ съ другими серьезными недостатками исполненныя работы обнаруживаютъ недостаточный навыкъ учениковъ въ вычисленіяхъ помощью логарифмовъ и въ употребленіи таблицъ логарифмовъ тригонометрическихъ функций: минуты и секунды берутся въ таблицахъ съ правой стороны, тогда какъ слѣдуетъ брать съ лѣвой и т. д.

Удовлетворительныхъ работъ изъ правительственныхъ училищъ представлено 66%, изъ частныхъ—39%.

Хорошія работы представлены училищами С.-Петербургскими 1-мъ и 2-мъ, св. Петра, Новгородскимъ и Кронштадтскимъ.

Въ дополнительномъ классѣ задача по алгебрѣ рѣшена посредственно; главные недостатки работъ: отсутствіе доказательства равенства прямоугольныхъ треугольниковъ, составляющихъ избытокъ искомаго квадрата по даннымъ и недостаточность объясненій. Удовлетворительныхъ работъ въ правительственныхъ училищахъ 82%.

Задача по приложенію алгебры къ геометріи рѣшена во многихъ училищахъ крайне дурно; всѣхъ удовлетворительныхъ работъ только 52%. Лучшія работы представлены училищами: 2-мъ С.-Петербургскимъ, Великолукскимъ, Св. Петра и Св. Анны.

Въ заключеніе общей рецензій работъ реальныхъ училищъ г. рецензентъ говоритъ слѣдующее: „Въ теченіе многихъ лѣтъ наименѣе удачными работами являются работы по приложенію алгебры къ геометріи; причину этого факта должно искать въ томъ, что въ большинствѣ училищъ преподаватели недостаточно серьезно относятся къ рѣшенію задачъ на этотъ отдѣлъ математики и не выясняютъ общаго пріема изслѣдованій задачъ, которыя составляютъ самую наисущественнѣйшую часть при рѣшеніи этихъ задачъ“.

По Московскому учебному округу.

По Московскому учебному округу не представлены въ министерство народнаго просвѣщенія отзывы лицъ, разсматривавшихъ письменныя работы, исполненныя на окончательныхъ испытаніяхъ. Темы же, предложенныя окружнымъ начальствомъ для окончательныхъ испытаній, были слѣдующія:

По русскому языку для VII-го класса: „Почему Ломоносовъ называется отцомъ русской литературы?“; для VI-го класса: „Заслуги Карамзина для русской литературы и русскаго просвѣщенія“.

По нѣмецкому языку для дополнительнаго класса: „*Schilderung eines auf dem Lande verbrachten Sommers*“; для VI-го класса основнаго отдѣленія: переводъ статьи „Кануть, король Англіи и Даніи“; для VI-го класса коммерческаго отдѣленія: составить письмо, въ которомъ гг. Юнкеръ и К^о въ Москвѣ обращаются къ гг. Мейеръ и К^о въ Петербургѣ съ просьбою сообщить имъ точныя свѣдѣнія о состоятельности одной фирмы, которая дѣлаетъ имъ предложеніе вступить въ компанію по нѣкоторымъ крупнымъ банковымъ операціямъ съ Одесскимъ коммерческимъ банкомъ.

По французскому языку для VI класса основнаго отдѣленія: перевести статью „Ртуть“; для VI класса коммерческаго отдѣленія: написать письмо, въ которомъ „Петровъ проситъ торговый домъ Иванова немедленно прислать уже три недѣли тому назадъ заказанный товаръ. Замедленіе можетъ причинить значительные убытки. Петровъ проситъ немедленно отвѣтить, чтобы знать, можетъ ли Ивановъ прислать товаръ“.

По математикѣ для VII дополнительнаго класса: по приложенію алгебры къ геометріи: „Въ круговой секторъ съ угломъ $= 90^\circ$, радиусъ коего $= R$, вписать прямоугольникъ, коего периметръ былъ бы равенъ $2r$ и коего смежныя стороны AO и OC расположены по сторонамъ прямиаго угла MOB . Изслѣдовать рѣшеніе задачи“.

По алгебрѣ: „Найти способомъ неопредѣленныхъ коэффиціентовъ частное и остатокъ отъ дѣленія

$$10x^4 - 9x^3 - 61x^2 - 10x - 2$$

$$\text{на } 2x^2 - 5x - 3.$$

Для VI-го класса основнаго отдѣленія по ариметикѣ: „Торговецъ имѣлъ товаръ двухъ сортовъ: въ 24 рубля и въ 18 рублей за фунтъ.

Смѣшавъ 30% числа фунтовъ перваго сорта съ 0,(2) числа фунтовъ втораго сорта, торговецъ получилъ 9 фунтовъ смѣси по 20 рублей за фунтъ. Изъ оставшихся количествъ товара того и другаго сорта онъ сдѣлалъ новую смѣсь. Что стоятъ фунтъ этой второй смѣси?“.

По геометріи двѣ задачи: 1) „Сѣченіе прямого круглаго цилиндра плоскостью, проходящею черезъ ось цилиндра, представляетъ прямоугольникъ, у котораго діагональ $= d$, а высота относится къ основанію, какъ $m : n$. Въ нижнее основаніе цилиндра вписанъ квадратъ, служащій основаніемъ правильной пирамидѣ, имѣющей вершину въ центрѣ верхняго основанія цилиндра. Определить объемъ этой пирамиды“.

2) (на вычисленіе): „Перпендикуляръ AD , опущенный изъ вершины A прямоугольнаго треугольника BAC на гипотенузу BC , дѣлать ее на два отрѣзка: $BD = 2,88$ метр. и $DC = 5,12$ метр. Изъ середины M катета AC проведена параллельно катету AB прямая ME , пересекающая гипотенузу въ точкѣ E . Вычислить: 1) длину катетовъ треугольника BAC и 2) боковую поверхность усѣченного конуса, производимаго вращеніемъ трапеціи $AMEB$ около AM ($\pi = 3,14$)“.

По алгебрѣ двѣ задачи: 1) „Три числа, сумма которыхъ $= 18$, образуютъ непрерывную арифметическую пропорцію; если же первое изъ нихъ увеличить на единицу, то они составятъ непрерывную геометрическую пропорцію. Найти эти три числа“. 2) (на вычисленіе): „Вмѣсто капитала 25.000, отданнаго на сложные проценты 18-го августа 1863 года, получено 3 января 1870 года 34.121 рубль. По скольку процентовъ былъ отданъ капиталъ?“ (Мѣсяць принимается равнымъ 30 днямъ).

По тригонометріи: „Перпендикуляръ, опущенный изъ вершины одного изъ угловъ треугольника на противоположную сторону $= a = 15$ метр., дѣлать этотъ уголъ на двѣ части, величины которыхъ суть: $\alpha = 18^\circ$, $\beta = 35^\circ, 4'12''$. Найти длину этого перпендикуляра“.

По Казанскому учебному округу.

По русскому языку абитуриенты писали сочиненія на основныя темы, присланныя изъ управленія округомъ. Основная тема для абитуриентовъ VI класса была слѣдующая: „Москва... какъ много въ этомъ звукѣ для сердца русскаго слилось!“ и для VII класса: „Значеніе растеній въ природѣ и въ жизни человѣка“. Ученики, заболѣвшіе во время испытанія, писали на запасную тему: „Историческое значеніе Кіева въ дѣлѣ просвѣщенія Россіи“.

По оцѣнкѣ испытательныхъ комиссій средняя успѣшность учениковъ VI класса опредѣляется балломъ 3,21 (3,34 въ основномъ отдѣленіи, 2,48 — въ коммерческомъ), VII класса — 3,46. По оцѣнкѣ рецензента округа, окружного инспектора статскаго совѣтника Дѣдова, средняя успѣшность учениковъ VI класса опредѣляется балломъ 3,18 въ основномъ, 2,24 въ коммерческомъ отдѣленіяхъ и учениковъ VII класса—3,26.

По мнѣнію рецензента, результатъ письменныхъ испытаній нельзя признать вполне удовлетворительнымъ для VI класса основнаго и коммерческаго отдѣленій. „При этомъ справедливо отмѣтить, говорить онъ, что на значительное пониженіе общаго средняго балла оказали немаловажное вліяніе отмѣтки на письменныхъ работахъ одного реального училища, ученики котораго оказались вообще слабо подготовленными по русскому языку. Если же, не принимая въ расчетъ работъ учениковъ этого училища, вывести общій баллъ только для 9 училищъ, то средняя общая отмѣтка для обонхъ отдѣленій VI класса будетъ равняться 3,33, а это свидѣтельствуетъ уже о болѣе, чѣмъ удовлетворительной успѣшности учениковъ VI класса по русскому языку въ 9 реальныхъ училищахъ Казанскаго учебнаго округа“.

Лучшія работы VI класса принадлежать училищамъ Сызранскому, Елабужскому и Вольскому.

Работы учениковъ VII класса выше работъ VI класса. Лучшія принадлежать училищамъ Астраханскому, Сызранскому и Вятскому.

По нѣмецкому языку для VI и VII классовъ были предложены для перевода историческія статьи. Для коммерческаго класса—составить коммерческое письмо. По разсмотрѣніи работъ испытательными комиссіями, признано неудовлетворительными 0,9% общаго числа работъ.

Рецензентъ округа, лекторъ Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ Бергъ, находитъ, что ученики обнаружили въ своихъ сочиненіяхъ вполне достаточное пониманіе темы, и работы абитуриентовъ, по его мнѣнію, подкупаютъ, какъ связностью изложенія, такъ и правильностью языка; но оцѣнку работъ испытательными комиссіями (средній баллъ 3,90) г. рецензентъ находитъ нѣсколько высокою (3,26), говоря, что оцѣнка произведена не во всѣхъ училищахъ съ одинаковою строгостію. Лучшія работы представлены училищами Астраханскимъ и Сызранскимъ (100% удовлетворительныхъ). Успѣшность учениковъ сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ почти не измѣнилась.

По французскому языку были предложены слѣдующія основныя темы, присланныя изъ управленія учебнаго округа: въ основномъ отдѣленіи VI класса: перевести письмо подъ заглавіемъ „Совѣты отца своему сыну“; въ коммерческомъ отдѣленіи VI класса: „Написать письмо съ просьбою о мѣстѣ приказчика-конторщика“; въ VII дополнительномъ классѣ: „Перевести письмо съ извѣщеніемъ о полученіи товара, который по осмотрѣ оказался попорченнымъ“.

По оцѣнкѣ работъ испытательными комиссіями, признано въ VI классѣ удовлетворительныхъ работъ 90,2%, для постороннихъ лицъ — 53,4%. Работы абитуриентовъ VII класса признаны всѣ неудовлетворительными.

Рецензентъ округа, лекторъ Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ Поръ, находитъ, что во всѣхъ училищахъ, за исключеніемъ Сарапульскаго, оцѣнка работъ абитуриентовъ слишкомъ снисходительна; по его мнѣнію, средній баллъ для всѣхъ работъ долженъ быть пониженъ до 2,9.

Лучшія работы представлены Вятскимъ, Астраханскимъ и Саратовскимъ реальными училищами. По сравненію съ предшествовавшимъ годомъ успѣшность работъ понизилась на 7,5%.

По математикѣ были предложены слѣдующія задачи:

I. Для VI класса:

а) по ариметикѣ: „Купецъ пустилъ въ оборотъ $\frac{2}{3}$ своего капитала по 5%, $\frac{5}{8}$ его же по $6\frac{1}{3}$ % и оставшуюся затѣмъ часть по $7\frac{1}{2}$ %; по окончаніи года онъ получилъ всего 4.027,5 рублей прибыли. На какое время онъ долженъ былъ бы положить въ банкъ весь свой капиталъ по $2\frac{1}{2}$ %, чтобы получить ту же самую прибыль“?

б) по алгебрѣ на вычисленіе: „Вычислить сумму первыхъ девяти членовъ возрастающей краткой прогрессіи, которой первые два члена суть корни уравненій:

$$b^x + b^y = 1302, \quad b^x \cdot b^y = 7776“;$$

в) по алгебрѣ на выводъ формулъ: „Представить въ видѣ произведенія слѣдующее выраженіе:

$$\frac{x+a}{x-a} + \frac{x-b}{x+b} - \frac{a^2+b^2}{ab}“;$$

г) по геометріи на вычисленіе: „Въ шаръ вписанъ цилиндръ, діаметръ основанія котораго равенъ сторонѣ правильнаго треугольника, вписаннаго въ большой кругъ шара. Какую часть объема шара со-

ставляетъ объемъ цилиндра, и чему онъ равенъ, если поверхность шара $S = 599,8139$?

е) по геометріи на построеніе: „Построить треугольникъ, подобный одному и равновеликій другому изъ данныхъ треугольниковъ“;

ф) по тригонометріи: „По углу $A = 118^\circ 4' 18''$, по углу $B = 58^\circ 6' 36''$ и площади $S = 90$ кв. дюймовъ рѣшить треугольникъ“.

II. Для VII-го класса:

г) по алгебрѣ: „Опредѣлить p и q такъ, чтобы многочленъ $x^4 + 3x^3 + px + q$ дѣлился безъ остатка на $(x-1) \cdot (x+2)$ “;

h) по приложенію алгебры къ геометріи: „Построить кругъ, касающійся одновременно даннаго круга радіуса r , его діаметра и хорды, перпендикулярной къ этому діаметру и отстоящей отъ центра даннаго круга на разстояніи a “.

Исполненныя работы по всѣмъ отдѣламъ математики рассмотрѣны ordinarily профессоромъ чистой математики Императорскаго Казанскаго университета дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Суворовымъ.

Въ своемъ отзывѣ объ исполненныхъ работахъ рецензентъ высказываетъ между прочимъ, что „при рѣшеніи нѣкоторыхъ изъ предложенныхъ задачъ экзаменующіеся встрѣтили затрудненія. Вопервыхъ, въ темѣ по ариметикѣ дана полученная купцомъ прибыль, а опредѣленіе самаго капитала задачею не требуется, такъ что послѣдняя съ удобствами можетъ быть рѣшена безъ данной прибыли. Но весьма немногіе ученики замѣтили, что прибыль дана въ задачѣ, какъ излишнее число, которымъ при рѣшеніи задачи нѣтъ необходимости пользоваться, а почти всѣ сначала по данной прибыли опредѣляли капиталъ, а потомъ уже искомое время. Вторыхъ, въ задачѣ по алгебрѣ на выводъ формулъ оставленъ весьма большой произволъ въ выборѣ вида множителей, на которые должно быть разложено данное выраженіе. Во всѣхъ училищахъ, кромѣ Сызранскаго, ученики разлагали данный многочленъ на произведеніе множителей, линейныхъ въ отношеніи x и ирраціональныхъ въ отношеніи другихъ входящихъ буквъ; въ Сызранскомъ же реальномъ училищѣ ученики стремились разложить этотъ многочленъ, повидимому, на произведеніе произвольнаго числа ирраціональныхъ дробныхъ множителей. Такъ нѣкоторые находили достаточнымъ для рѣшенія предложенной задачи вынести одинъ изъ членовъ данной суммы общимъ множителемъ, считая оставшійся въ скобкахъ многочленъ вторымъ множителемъ. Я не думаю, чтобы подобное преобразование можно было признать рѣшеніемъ

задачи, но въ силу отсутствія въ задачѣ указанія вида требуемыхъ множителей отвѣтъ, по моему мнѣнію, не можетъ быть признанъ неудовлетворительнымъ, а только неудачнымъ. Встрѣтыхъ, въ реальныхъ училищахъ. вѣроятно, мало обращалось вниманія на теорему, что стороны подобныхъ треугольниковъ относятся, какъ стороны равновеликихъ имъ квадратовъ, почему только весьма немногіе ученики примѣняли эту теорему къ рѣшенію предложенной по геометріи на построеніе задачи, а почти всѣ рѣшали ее, приводя задачу къ алгебраическому уравненію, рѣшивъ которое строили полученную для неизвѣстнаго формулу. Но такъ какъ методы приложенія алгебры къ геометріи и построенія алгебраическихъ формулъ ученикамъ VI класса еще неизвѣстны, то рѣшеніе предложенной задачи оказалось для большинства экзаменующихся затруднительнымъ. Остальныя задачи не представили затрудненій, хотя очень многими изъ учениковъ VII класса не вполне удачно рѣшены задачи, предложенныя для ихъ испытанія. Въ отвѣтахъ по алгебрѣ многіе ученики выказали не ясно усвоенное различіе между уравненіемъ и тождествомъ, а въ отвѣтахъ на приложеніе алгебры къ геометріи выказался недостаточный навыкъ учениковъ, во первыхъ, въ выборѣ наиудобнѣйшаго неизвѣстнаго, а, во вторыхъ, въ изслѣдованіи различныхъ положеній, какія можетъ занимать искомая геометрическая форма въ отношеніи данныхъ, почему очень многіе ученики не дали полного рѣшенія задачи, и дали весьма странное толкованіе отрицательному значенію радіуса искомаго круга“.

Работы оцѣнены испытательными коммиссіями слѣдующимъ образомъ: для VI-го класса средній баллъ 3,57; для дополнительнаго класса средній баллъ 3,86.

Рецензентъ округа призналъ оцѣнку испытательныхъ коммиссій вообще правильною, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ слишкомъ снисходительною. По его мнѣнію, средній баллъ за работы VI класса 3,46, для дополнительнаго 3,79, а для всѣхъ работъ 3,6, такъ что результатъ испытаній слѣдуетъ признать въ общемъ удовлетворительнымъ.

По сравненію съ предшествовавшимъ годомъ успѣшность учащихся почти не измѣнилась.

Лучшія работы представлены изъ VI класса Вятскимъ и Елабужскимъ, а изъ VII класса: Вятскимъ, Сарапульскимъ и Астраханскимъ училищами.

Работы по бухгалтеріи (VI коммерческій классъ) признаны рецензентомъ округа, окружнымъ инспекторомъ Дѣдовымъ, вполне удовлетворительными, при среднемъ баллѣ 4, который ниже балла 1894 г. на 0,29.

По Оренбургскому учебному округу.

Для письменныхъ испытаній по русскому языку начальствомъ округа предложены были слѣдующія темы: въ VI классѣ „Характерныя черты басень Крылова со стороны содержанія и языка“, въ VII классѣ „Нравственно-воспитательное и эстетическое значеніе поэзіи Пушкина“.

По оцѣнкѣ испытательныхъ комиссій, удовлетворительныхъ работъ оказалось въ VI классѣ 87,1⁰/₁₀₀, а въ VII классѣ 100⁰/₁₀₀.

Успѣшность признана выше предшествовавшаго года на 5,60⁰/₁₀₀.

По нѣмецкому языку экзаменовавшіеся въ VI классѣ составили переводъ на тему „Боденское озеро“, а абитуриенты дополнительнаго класса—„Сократъ“.

По разсмотрѣніи работъ испытательными комиссіями, успѣшныхъ работъ оказалось въ VI классѣ 91,5⁰/₁₀₀, а въ дополнительномъ 100⁰/₁₀₀. Такой результатъ испытаній можно считать вполне удовлетворительнымъ.

Процентъ удовлетворительно исполненныхъ работъ по сравненіи съ предшествовавшимъ годомъ почти не измѣнился.

По французскому языку экзаменовавшіеся въ VI классѣ составили переводъ на тему: „Императрица Екатерина II и капитанская дочь Миронова“.

Неудовлетворительными признано только три работы, что составляетъ 6,4⁰/₁₀₀ всѣхъ исполненныхъ работъ. Результатъ слѣдуетъ признать вполне удовлетворительнымъ.

По математикѣ были предложены слѣдующія задачи:

I. Въ VI классѣ:

а) По ариметикѣ: „Нѣкто, имѣя 50.000 рублей, издержалъ на покупку дома нѣкоторую часть всего капитала, $\frac{5}{7}$ остатка положилъ въ банкъ по 4⁰/₁₀₀, а остальные деньги отдалъ въ заемъ по 5⁰/₁₀₀. По истеченіи года онъ получилъ съ дома и капиталовъ 5.319 рублей дохода. Опредѣлить, сколько стоитъ домъ, если извѣстно, что процентныя деньги съ обоихъ капиталовъ, отданныхъ на проценты, составляютъ 0,182 дохода съ дома?“

б) По геометріи (на вычисленіе):

Полная поверхность прямоугольнаго параллелепипеда=1112 кв. фут. и боковая=728 кв. фут. Объемъ его=2496 куб. футовъ. Опредѣлить: 1) длину боковаго ребра, 2) длины сторонъ основанія и 3) какъ ве-

с*

ликъ былъ бы радіусъ шара, описаннаго около этого параллелепипеда?

с) По геометріи (на построеніе): Даны двѣ точки на плоскости A и B .

Требуется провести прямую линію по этой плоскости такъ, чтобы разстоянія ея отъ A и B были равны a и b даннымъ. (Показать, какія могутъ быть рѣшенія).

а) По алгебрѣ (на вычисленіе):

Нѣкто отдалъ въ банкъ 25.000 рублей по $p\%$ (сложныхъ) и бралъ изъ него ежегодно по a рублей въ теченіе t лѣтъ.

Узнать, сколько онъ получилъ изъ банка, зная, что p и t опредѣляются изъ

$$\begin{aligned} t^2 - p &= 189 \\ pt &= 90 \\ \log_{10} a &= 29.999\dots \end{aligned}$$

е) По алгебрѣ (на выводъ формулъ):

Изъ двухъ точекъ A и B начали двигаться на встрѣчу другъ другу два тѣла. Когда они встрѣтились въ C , то оказалось, что первое пробѣжало m футами больше, нежели второе. Продолжая двигаться съ прежними скоростями, первое пришло въ B черезъ k секундъ, а второе въ A —черезъ t секундъ послѣ встрѣчи.

Опредѣлить, какъ велико разстояніе d между A и B ?

(для вычисленія формулъ дается

$$m = 40, k = 6^{2/3}, t = 15).$$

ф) По тригонометріи:

Одинъ изъ угловъ $\triangle ABC$ опредѣляется изъ уравненія $5tgA = 13 \sin A$.

Радіусъ описанной около этого треугольника окружности $R = 8,125$ футовъ; сумма двухъ сторонъ \triangle -ка $b + c = 27$ футамъ. Опредѣлить величину сторонъ и площадь $\triangle ABC$?

По рассмотрѣннн работъ по математикѣ, представленныхъ экзаменовавшимися въ VI классѣ, оказалось неудовлетворительныхъ по ариметикѣ—14,9%, по алгебрѣ—6,4%, по геометріи—21%, по тригонометріи—8,5%; для всѣхъ же работъ по всѣмъ отдѣламъ математики 8% неудовлетворительныхъ. Процентъ успѣшности понизился противъ предшествовавшаго года на 4,9%.

II. Въ дополнительномъ классѣ:

а) По приложенію алгебры къ геометріи: „Данный шаръ ра-

дуса R разсѣчь плоскостью такъ, чтобы объемы: вписаннаго конуса, имѣющаго основаніемъ сѣченіе шара, и отсѣченнаго сегмента, находились въ данномъ отношеніи $m : n$?

(P. S. Сегментъ брать какой угодно).

b) По алгебрѣ:

Какой капиталъ составитъ изъ ежегодныхъ взносовъ по a рублей, въ началѣ каждаго года, въ теченіе t лѣтъ, по $p\%$ сложныхъ, при условіи, чтобы:

1) a равнялось наибольшей величинѣ объема цилиндра, у котораго сумма радіуса основанія и высоты постоянна и равна положительному значенію y изъ уравненій

$$\begin{aligned} x^2 + y^2 &= 45 \\ \frac{x+y}{x-y} + \frac{x-y}{x+y} &= \frac{10}{3} \end{aligned}$$

2) чтобы t равнялось положительному значенію x изъ тѣхъ же уравненій,

3) чтобы p^2 былъ бы равенъ коэффициенту при z^2 разложенія $(1 + \sqrt{z^2})^{1/2}$.

Всѣ работы абитуриентовъ дополнительнаго класса признаны удовлетворительными. Успѣшность полная.

По Виленскому учебному округу.

Для письменныхъ испытаній по русскому языку предложены были начальствомъ округа слѣдующія темы: для VI класса основнаго отдѣленія „Значеніе Карамзина въ исторіи русской литературы“. Для VI класса коммерческаго отдѣленія „Вліяніе природныхъ условій страны на характеръ и степень промышленности“. Для VII класса „Оды Державина и ихъ значеніе въ исторіи русской словесности“.

Представленныя работы рассмотрѣны директоромъ 2-й Виленской гимназіи Бржезинскимъ. По его мнѣнію, „большинство абитуриентовъ VI основнаго класса, а именно 80,23%, на сколько можно судить по содержанію ихъ работъ, располагали достаточнымъ запасомъ матеріала для толковаго, обстоятельнаго, цѣльнаго и законченнаго развитія темы. Предисловія своимъ сочиненіямъ довольно зрѣло обдуманнныя и логично построенныя планы, абитуриенты твердо и увѣренно стали на правильный путь рѣшенія тематическаго вопроса и, устранивъ изъ разсужденій все, что не имѣло непосредственнаго от-

ношенія къ предмету темы, въ достаточной степени отчетливо и основательно выяснили заслуги Карамзина: 1) какъ литератора и журналиста, ознакомившаго современное ему общество съ лучшими сочиненіями отечественныхъ и иностранныхъ писателей, давшего русской литературѣ новое направленіе, собственными произведеніями своими указавшаго ей новые пути, новыя задачи для разработки; 2) какъ преобразователя русскаго литературнаго языка, сообщившаго послѣднему простоту, естественность и изящество, и, наконецъ, 3) какъ историка, капитальное произведеніе котораго „Исторіи Государства Россійскаго“ представляетъ собою трудъ ученый, художественный и патріотическій“.

Со стороны стилистической, работы, по мнѣнію того же рецензента, вообще удовлетворительны. Въ этомъ отношеніи, по сравненію съ предшествовавшимъ годомъ, въ шести училищахъ замѣтно значительное улучшение.

Далѣе рецензентъ говоритъ: „останавливаясь на грамматической сторонѣ работъ, не могу не отмѣтить, что и въ усвоеніи правилъ этимологіи и синтаксиса русскаго языка успѣхи абитуриентовъ также повысились почти во всѣхъ реальныхъ училищахъ. Работъ, совершенно свободныхъ отъ этимологическихъ ошибокъ, въ отчетномъ году оказалось на 10% больше, чѣмъ въ предшествовавшемъ 1893—1894 учебномъ году. Съ употребленіемъ знаковъ препинанія большинство абитуриентовъ знакомо въ достаточной степени“.

По оцѣнкѣ испытательныхъ комиссій, удовлетворительныхъ работъ въ VI классѣ основнаго отдѣленія 88,89%, неудовлетворительныхъ 11,11%. Средній баллъ 3,18. Рецензентъ нашелъ приведенную оцѣнку близкою къ достоинству работъ и съ своей стороны призналъ удовлетворительными работами 85,56%, при среднемъ баллѣ 3,11. Лучшими во всѣхъ отношеніяхъ оказались работы учениковъ Поневѣжскаго училища.

Въ VI классѣ коммерческаго отдѣленія ученики писали разсужденіе на тему—„Вліяніе природныхъ условій страны на характеръ и степень промышленности“. Выясняя прямую зависимость, какъ степени развитія, такъ и характера промышленности отъ вліянія природныхъ условій страны, абитуриенты въ своихъ сочиненіяхъ рассматриваютъ въ отдѣльности каждое изъ этихъ условій, разумѣя подъ ними: географическое положеніе страны, устройство ея поверхности, орошеніе, климатъ, естественныя богатства страны. Сужденія по существу тематическаго вопроса вообще вѣрны и въ двухъ сочинені-

яхъ не лишены детальной разработки. Планы составлены удовлетворительно, и изложение мыслей не представляетъ уклоненій отъ правилъ элементарной логики. Грамматическая сторона вполне удовлетворительна“.

По мнѣнію рецензента, „работы рассмотрѣны съ надлежащею внимательностью, и оцѣнка ихъ замѣчаній не вызываетъ“. Всѣ работы могутъ быть признаны удовлетворительными во всѣхъ отношеніяхъ.

VII классъ. Относительно работъ, исполненныхъ абитуриентами дополнительнаго класса, рецензентъ говоритъ слѣдующее: „Удачный приемъ изслѣдованія тематической задачи, а также довольно стройная система расположенія матеріала и значительное число приведенныхъ въ текстѣ работъ ссылокъ и выдержекъ изъ важнѣйшихъ одъ Державина позволяютъ придти къ заключенію, что абитуриенты вообще приобрѣли достаточно отчетливое и основательное знакомство съ характеромъ одъ Державина и правильно поняли ихъ значеніе въ русской литературѣ.

„Соотвѣтственно предварительнымъ планамъ, въ построеніи которыхъ, за немногими исключениями, надлежащимъ образомъ соблюдены логическія правила дѣленія и расчлененія, работы учениковъ дополнительнаго класса отличаются полнотою и обстоятельностью развитія темы.

„Въ стилистическомъ отношеніи работы въ большинствѣ не представляютъ существенно важныхъ недостатковъ. Точность, чистота, легкость и благозвучіе рѣчи преобладаютъ въ большинствѣ работъ.

„Грамматическая сторона вообще удовлетворительна. Работъ, совершенно свободныхъ отъ этимологическихъ ошибокъ, оказалось такъ же, какъ и для абитуриентовъ VI класса основнаго отдѣленія, на 10% больше, чѣмъ въ предшествовавшемъ 1893—1894 учебномъ году“.

Работы рассмотрѣны съ должною внимательностію во всѣхъ училищахъ, и оцѣнка имъ дана испытательными комиссіями слѣдующая: удовлетворительныхъ работъ 93,06%, при среднемъ баллѣ 3,29; по оцѣнкѣ рецензента, удовлетворительныхъ работъ было 90,28%, при среднемъ баллѣ 3,21, а въ Могилевскомъ училищѣ даже 3,67; работы учениковъ этого послѣдняго училища во всѣхъ отношеніяхъ лучше остальныхъ. Къ лучшимъ работамъ относятся также работы учениковъ Пинскаго реальнаго училища.

Вообще, результатъ окончательныхъ испытаній по русскому языку для всѣхъ классовъ признанъ выше удовлетворительнаго.

По сравненію съ предшествовавшимъ годомъ удовлетворительныхъ работъ въ VI классѣ было болѣе на 6,67%, а въ дополнительномъ на 7,26%.

По нѣмецкому языку въ VI классѣ основнаго отдѣленія написано самостоятельное сочиненіе на тему: „Вечеръ въ деревнѣ“.

Рецензентъ округа, преподаватель нѣмецкаго языка Витебской гимназіи Бадендикъ, находитъ предложенную тему „при всей своей простотѣ и незамысловатости труднѣе прошлогодней“ и, несмотря на то, работы, представленныя учениками VI класса основнаго отдѣленія (а равно и коммерческаго, и дополнительнаго классовъ), должно считать, по его мнѣнію, вполне удовлетворительными, какъ по полнотѣ содержанія, такъ и по логичности изложенія. Относительно этимологическихъ ошибокъ рецензентъ выражается такъ: „было бы лучше, если бы ихъ было еще меньше“. Большинство этихъ ошибокъ состоитъ въ промахахъ во флексіи.

Далѣе рецензентъ говоритъ, что представленныя работы VI-хъ и VII-хъ классовъ имѣютъ очень приличный наружный видъ. Бѣловые списки изготовлены опрятно и аккуратно. Черновыя также читаются безъ труда. Буквы написаны просто и правильно.

Работы просмотрѣны комиссіями тщательно и добросовѣстно. Оцѣнка произведена вообще правильно.

По оцѣнкѣ рецензента число удовлетворительно составленныхъ работъ въ VI классѣ равняется 84,9%, неудовлетворительныхъ = 14,11%. Средній баллъ 3,3, въ Могилевскомъ реальномъ училищѣ— даже 4.

Лучше всѣхъ оказались, какъ по содержанію, такъ и по изложенію, работы Могилевскаго, Бѣлостокскаго и Минскаго реальныхъ училищъ.

Въ VI коммерческомъ отдѣленія составлено коммерческое письмо: „Циркуляръ владѣльца торговаго дома о принятія въ компанію, въ качествѣ полноправнаго члена, старшаго приказчика съ измѣненіемъ вслѣдствіе этого фирмы и подписей“.

Работы 4-хъ учениковъ коммерческаго отдѣленія слѣдуетъ признать удовлетворительными, такъ какъ двѣ изъ нихъ оцѣнены балломъ 4, одна — балломъ 3, и только одна признана неудовлетворительною.

Въ VII дополнительномъ классѣ написано самостоятельное сочиненіе на тему: „Описаніе прекрасной зимней ночи“.

Относительно работъ, представленныхъ учениками дополнительнаго

класса, рецензентъ высказываетъ слѣдующее: „Сочиненія, представленныя абитуриентами VII класса, нельзя назвать вполне удачными по плану, такъ какъ почти ни одно изъ нихъ не соответствуетъ съ точностію темѣ. Хорошая половина сочиненій рисуетъ не самую ночь; но ночную прогулку или ночное путешествіе; есть работы, въ которыхъ разказывается про какое нибудь ночное занятіе или удовольствіе, напримѣръ, про охоту на зайцевъ изъ засады. Однимъ словомъ, въ работахъ много лишняго, а красота зимней ночи остается въ сторонѣ. Если не принять въ расчетъ этого недостатка, то можно признать работы вообще удовлетворительными по количеству и группировкѣ матеріала. Особенно богаты по содержанію сочиненія учениковъ Виленскаго училища. При оцѣнкѣ работъ принята, конечно, во вниманіе большая или меньшая полнота содержанія, а также плавность или безсвязность въ изложеніи. Оцѣнка работъ во всѣхъ училищахъ вполне правильная, не слишкомъ строгая, но и не очень снисходительная“.

По оцѣнкѣ рецензента удовлетворительныхъ работъ 90%, неудовлетворительныхъ 10%. Средній баллъ 3,5.

Лучшія работы принадлежатъ Бѣлостокскому и Пинскому училищамъ.

По французскому языку ученики VI класса основнаго отдѣленія писали переводъ отрывка „Смерть Сократа“, а ученики VI класса коммерческаго отдѣленія самостоятельное письмо „Отвѣтъ на запросъ о кредитоспособности двухъ фирмъ“.

Работы рассмотрѣны преподавателемъ французскаго языка Виленскаго Маринскаго высшаго женскаго училища г. Регоме.

По мнѣнію рецензента, работы слѣдуетъ признать въ общемъ удовлетворительными въ основныхъ отдѣленіяхъ и вполне удовлетворительными—въ коммерческомъ. Изъ общаго числа работъ, по оцѣнкѣ рецензента, удовлетворительными могутъ быть признаны 83,2%, при среднемъ баллѣ 3,22. Лучшія работы представлены Бѣлостокскимъ и Пинскимъ реальными училищами и Виленскимъ коммерческимъ отдѣленіемъ. Сравнительно съ предшествовавшимъ 1894 годомъ успѣшность учащихъ по французскому языку почти не измѣнилась.

По математикѣ окружнымъ начальствомъ предложены были слѣдующія задачи:

Для VI класса.

а) По ариметикѣ: „Купецъ продалъ за 481 рубль 69 коп. 2¼ пуда чаю, смѣшаннаго изъ двухъ сортовъ: одного цѣною по 5 рубл.

37¹/₂ коп. за фунтъ, другаго цѣною по 2 рубля 87¹/₂ коп. за фунтъ. Раздѣливъ всю вырученную сумму между тремя сыновьями пропорціонально ихъ лѣтамъ, купецъ замѣтилъ, что младшему сыну досталась вся прибыль, полученная отъ продажи смѣшаннаго чая. Определить, сколько было взято каждаго сорта чаю для составленія смѣси, если лѣта старшаго сына относились къ лѣтамъ средняго, какъ $\frac{3}{4}$: 0,5, а лѣта средняго къ лѣтамъ младшаго, какъ 0,6: $\frac{6}{25}$ “.

Изъ 86 экзаменовавшихся задачу рѣшили вѣрно 81 человекъ (94,2⁰/₀). Изложеніе рѣшенія задачи можетъ быть признано хорошимъ въ 12 работахъ (13,95⁰/₀), удовлетворительнымъ въ 32 (37,21⁰/₀), посредственнымъ въ 30 работахъ (34,89⁰/₀) и слабымъ въ 12 (13,95⁰/₀).

Работы по ариметикѣ разсмотрѣны инспекторомъ Виленской 1-й гимназій Доброхотовымъ. По его мнѣнію, чистота и внѣшній видъ почти всѣхъ работъ этого выпуска могутъ быть признаны хорошими, ариметическій путь рѣшенія задачъ усвоенъ учениками весьма удовлетворительно, но повѣрка рѣшенія задачи въ работахъ отчетнаго года, по словамъ рецензента, находится на недостаточной высотѣ: полная повѣрка рѣшенія оказалась только въ 23 работахъ. Въ виду важнаго значенія, какое имѣетъ для умственнаго развитія учениковъ производство математическихъ повѣрокъ, попечительскій совѣтъ рекомендуетъ гг. преподавателямъ ариметики возможно раньше знакомить своихъ учениковъ со способами повѣрки рѣшенія задачъ, начиная это упражненіе непременно съ I класса, а для руководства преподавателей въ этомъ отношеніи сообщить имъ постановленіе совѣта, изложенное въ протоколѣ отъ 18-го февраля 1894 года.

Сравнивая ариметическія работы учениковъ реальныхъ училищъ, исполненныя въ отчетномъ году, съ работами предыдущаго года, г. рецензентъ находитъ, что первая нѣсколько слабѣе, такъ какъ баллъ въ отчетномъ году понизился на 0,38 (съ 3,6 до 3,22), но тѣмъ не менѣе результатъ письменныхъ испытаній отчетнаго года слѣдуетъ признать удовлетворительнымъ.

б) По геометріи на вычисленіе: „На діаметрѣ $AB = 2r$ окружности построенъ равносторонній треугольникъ AMB . Касательная къ окружности, параллельная діаметру AB , пересѣкаетъ стороны AM и MB треугольника въ точкахъ E и F . Определить поверхность тѣла, получающагося отъ вращенія трапеціи $AEFB$ около діаметра AB “.

Изъ 86 учениковъ вѣрный отвѣтъ на задачу дали 80, и только у 6-ти видна нѣкоторая нетвердость геометрическихъ представленій и недостатокъ навыка въ рѣшеніи геометрическихъ задачъ. Въ осталь-

ныхъ же работахъ задача рѣшена безъ затрудненій, способы рѣшенія выбраны несложные, почти всѣ ученики справились съ задачей легко.

Общая манера изложенія, какъ и въ прошломъ году, хороша: ученики просто, послѣдовательно и быстро идутъ къ цѣли, такъ что работы читаются легко. Внѣшній видъ работъ, въ большинствѣ случаевъ, производитъ впечатлѣніе благоприятное.

Рецензентъ округа, преподаватель Виленской 2-й гимназіи Родинъ, находитъ въ среднемъ выводѣ работы удовлетворительными. Результаты балловой оцѣнки работъ, произведенной испытательными комиссиями и рецензентомъ, совершенно одинаковы, а именно: отличныя и удовлетворительныя работы составляютъ 91,8%, средній баллъ по всѣмъ училищамъ 3,42.

Какъ на существенный недостатокъ геометрическихъ работъ, а равно и тригонометрическихъ, рецензентъ указываетъ на полное почти отсутствіе повѣрокъ, которыя найдены только въ 9-ти работахъ.

Попечительскій совѣтъ, обращая вниманіе гг. преподавателей на этотъ серьезный недостатокъ, нашелъ желательнымъ, чтобы была образована особая коммиссія въ Вильнѣ, которая занялась бы собраніемъ и сведеніемъ всѣхъ имѣющихся въ протоколахъ попечительскаго совѣта и въ отзывахъ гг. окружныхъ рецензентовъ указаній о способахъ производства повѣрокъ, могущихъ служить руководствомъ для гг. преподавателей.

с) По геометріи на построение: „Построить ромбъ, зная периметръ и разность діагоналей“.

Изъ 86 работъ 74 исполнены удовлетворительно. По мнѣнію рецензента округа, какъ по числу неудовлетворительныхъ работъ, такъ и по качеству отвѣтовъ удовлетворительныхъ, результатъ испытанія по геометрическому черченію значительно уступаетъ результату по рѣшенію задачи на вычисленіе. Это общее для всѣхъ училищъ явленіе зависитъ, по мнѣнію рецензента, главнымъ образомъ отъ усталости учениковъ, только что передъ тѣмъ написавшихъ свое сочиненіе на первую геометрическую тему и утомленныхъ не только 2-хъ—3-хъ часовой напряженною умственной работою, но въ еще ббльшей степени и тѣмъ волненіемъ и нервнымъ возбужденіемъ, которыя неизбежны для экзаменуемыхъ и которыя сейчасъ же послѣ экзамена смѣняются у нихъ угнетеннымъ состояніемъ. Если къ этому прибавить еще, что на окончаніе работы, требующей тщательнаго исполненія чертежа, полагается только 2¹/₂ часа, то будетъ очевидно, что незаконченность и необдуманность, проявляющіяся въ разныхъ ча-

стяхъ разсматриваемыхъ работъ, обуславливаются, кромѣ утомленія учениковъ, еще и спѣшностью работы. Въ общемъ, какъ по оцѣнкѣ испытательныхъ комиссій, такъ и по оцѣнкѣ рецензента, работы признаны удовлетворительными.

По оцѣнкѣ рецензента изъ 86 работъ 35 исполнены отлично, 39 удовлетворительно и только 12 оказались слабыми. Средній баллъ 2,3. Лучшія работы представлены Пинскимъ и Бѣлостокскимъ реальными училищами. По сравненію съ предшествовавшимъ годомъ неудовлетворительныхъ работъ оказалось болѣе на 6,1%.

а) По алгебрѣ были даны двѣ задачи:

д) „Найти такое число, которое при дѣленіи на 48 даетъ въ остаткѣ $\sqrt{324}$, а при дѣленіи на 18 даетъ въ остаткѣ столько единицъ, сколько членовъ въ арифметической прогрессіи, у которой 3-й членъ равенъ 8, седьмой 20 и сумма всѣхъ членовъ равна 155“.

2) „Рѣшить уравненіе:

$$\frac{1}{2} \log 2 + \log \sqrt{x^2 + 4x + 5} = \frac{1}{2} [\log (x^2 - 4x + 5) + 1]^4.$$

Преподаватель Виленской 1-й гимназій Оношко, разсматривавшій алгебраическія работы, исполненныя учениками VI класса, въ рецензій своей относительно рѣшенія задачи на первую тему высказываетъ слѣдующее: „Большинству учениковъ рѣшеніе неопредѣленного уравненія далось сразу, и только у очень немногихъ замѣтенъ недостатокъ навыка въ рѣшеніи неопредѣленныхъ уравненій. Изложеніе первой части работы, гдѣ опредѣлялось число членовъ арифметической прогрессіи, можетъ быть признано вполне удовлетворительнымъ за немногими исключеніями. Изложеніе же второй части, а именно рѣшенія неопредѣленного уравненія и производства повѣрки, написано недостаточно обстоятельно. Въ большинствѣ случаевъ ученики рѣшеніе неопредѣленного уравненія оставляли безъ всякихъ поясненій, и повѣрка работъ сдѣлана неполная“.

По мнѣнію рецензента, всѣ работы разсмотрѣны испытательными комиссіями тщательно и оцѣнены правильно. Въ общемъ работы признаны удовлетворительными: изъ 86: только 12 оказались неудовлетворительными.

Средній баллъ по всѣмъ училищамъ 3,24.

Работы по рѣшенію задачи на вторую тему въ 5-ти реальныхъ училищахъ слѣдуетъ признать хорошими, а въ двухъ — удовлетворительными. Число очень хорошихъ и хорошихъ работъ, по оцѣнкѣ г. окружнаго рецензента, составляетъ 52,32% общаго ихъ количе-

ства, а съ удовлетворительными 93,2⁰/₀; такъ что неудовлетворительныхъ оказалось только 6 работъ (6,98⁰/₀). Средній балъ по всѣмъ училищамъ выше 3½ (3,63), въ Пинскомъ же онъ достигаетъ 3,70, въ Поневѣжскомъ 3,78, а въ Бѣлостокскомъ даже 3,91.

Общій недостатокъ, замѣченный г. рецензентомъ, состоитъ въ непониманіи многими учениками значенія въ подобныхъ задачахъ извлѣденія корней.

По тригонометріи всѣ ученики VI класса реальныхъ училищъ Виленскаго округа рѣшали слѣдующую задачу: „Сторона *a* правильного вписаннаго въ кругъ двѣнадцатигульника содержитъ 12 дюймовъ. Вычислить площадь вписаннаго въ тотъ же кругъ правильного десятиугольника“.

По отзыву рецензента округа, преподавателя Виленской 2-й гимназіи Родина, задача по содержанию своему не принадлежитъ къ числу замысловатыхъ, и составленіе общей формулы рѣшенія не могло затруднить средняго ученика. Вслѣдствіе легкости самой задачи, о степени подготовки какъ отдѣльныхъ учениковъ, такъ и цѣлыхъ выводовъ приходится судить по болѣе или менѣе удачному выбору способа рѣшенія, по сравнительному совершенству изложенія и по достоинству повѣрки. Въ оцѣнкѣ ученическихъ работъ по тригонометріи рецензентъ высказываетъ слѣдующее: „Ошибокъ противъ основныхъ формулъ и правилъ математики въ этихъ работахъ почти не встрѣчается, промаховъ и ошибокъ въ вычисленіяхъ весьма мало, а если и попадаются, то главнымъ образомъ въ вычисленіяхъ повѣрочныхъ. Во многихъ училищахъ способы рѣшенія отличаются разнообразіемъ и простотой, а подчасъ и изяществомъ; изложеніе написано свободно-правильнымъ языкомъ. Изъ недостатковъ чаще всего встрѣчается смѣшеніе терминовъ „значеніе“, „выраженіе“ и „величина“ и др.“

Разсмотрѣвъ отзывъ рецензента, попечительскій совѣтъ нашель, что изъ 86 представленныхъ работъ 37, по оцѣнкѣ рецензента, исполнены отлично, 46 удовлетворительно и только 3 неудовлетворительно. Средній балъ по всѣмъ училищамъ 3,58, а въ Бѣлостокскомъ достигаетъ 4,25.

Такой результатъ письменныхъ испытаній по тригонометріи слѣдуетъ признать болѣе, чѣмъ удовлетворительнымъ.

Работы по бухгалтеріи учениковъ VI коммерческаго класса, по отзыву того же рецензента г. Родина, оказались исполненными болѣе, чѣмъ удовлетворительно, и не вызывающими никакихъ замѣчаній. Средній балъ 3,5.

Для дополнительнаго класса даны были слѣдующія задачи:

1) По приложенію алгебры къ геометріи: „Въ данномъ кругѣ вписать хорду, которая была бы длиннѣе своего разстоянія отъ центра на данную длину l “.

Рецензентъ округа, преподаватель Виленской 1-й гимназіи Оношко. находитъ, что существенная сторона работъ, какъ-то: предварительный анализъ, построеніе, повѣрка и изложеніе исполнены удовлетворительно, и задача, въ общемъ, рѣшена довольно хорошо. Хорошо также сдѣлано и изложеніе хода рѣшенія задачи. Техника черченія хороша во всѣхъ училищахъ. Лучшіе чертежи принадлежать работамъ учениковъ Двинскаго и Виленскаго училищъ.

По мнѣнію рецензента, работы разсмотрѣны испытательными комиссіями тщательно, и исправленіе работъ сдѣлано весьма основательно. Не отмѣченныя ошибки незначительны и встрѣчаются главнымъ образомъ въ тѣхъ работахъ, которыя послѣ по разработанному въ нихъ матеріалу. Разсмотрѣвъ отзывъ г. Оношко объ исполненныхъ работахъ по приложенію алгебры къ геометріи, попечительскій совѣтъ призналъ, что работы учениковъ VII класса исполнены удовлетворительно, а именно 36,1% всего числа работъ признано г. окружнымъ рецензентомъ отличными и хорошими, 51,4% удовлетворительными и только 12,5% неудовлетворительными. Средній баллъ по всѣмъ училищамъ 3,25.

2) По дополнительнымъ статьямъ алгебры: „Опредѣлить радіусъ основанія цилиндра, вписаннаго въ данный конусъ и имѣющаго объемъ M “.

Работы въ общемъ исполнены хорошо. Составленіе функціи на основаніи условія задачи не представляло никакихъ затрудненій ученикамъ. Приемы опредѣленія того значенія независимой переменнѣй, при которой функція имѣетъ максимум, усвоены учениками вполне удовлетворительно. Алгебраическая повѣрка рѣшенія задачи сдѣлана правильно въ большинствѣ работъ. Изложеніе довольно обстоятельно. Изъ 74 работъ 58,3% признаны окружнымъ рецензентомъ г. Оношко отличными и хорошими, 36,1% удовлетворительными и только 5,6% неудовлетворительными. Средній баллъ по всѣмъ училищамъ 3,69. Такой результатъ письменныхъ испытаній по дополнительнымъ статьямъ алгебры слѣдуетъ по всей справедливости признать хорошимъ.

По Одесскому учебному округу.

Для письменныхъ испытаній по русскому языку ученикамъ VI и дополнительнаго классовъ предложена была одна и та же тема: „Вліяніе морей на климатъ“, изъ области физической географіи.

Работы разсмотрѣны ординарнымъ профессоромъ Одесскаго университета А. А. Кочубинскимъ. По отзыву рецензента, „грамотность—почти общее явленіе въ письменныхъ отвѣтахъ воспитанниковъ реальныхъ училищъ округа. Такое же пріятное явленіе—опрятность и выработанный почеркъ“, такъ что работы читаются легко. Внутренними достоинствами работъ своихъ учениковъ выдѣляются училища Мелитопольское и Одесское св. Павла.

Отвѣты дополнительнаго класса выше работъ VI класса, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ училищъ. Лучшія работы въ VII классѣ представлены, по мнѣнію г. профессора, учениками Кишиневскаго реальнаго училища.

Результатъ окончательныхъ испытаній въ реальныхъ училищахъ по русскому языку признанъ удовлетворительнымъ.

По нѣмецкому языку ученики VI и VII классовъ реальныхъ училищъ округа перевели русскія статьи: „Добрые сосѣди“ и „Неустранимость начальника“.

По мнѣнію окружнаго рецензента, лектора нѣмецкаго языка г. Хонякевича, разсматривавшаго работы по нѣмецкому языку воспитанниковъ VI и VII классовъ, „русскія статьи: „Добрые сосѣди“ и „Неустранимость начальника“, предложенныя для перевода, удовлетворяютъ своему назначенію, какъ доступныя силамъ среднихъ учениковъ“.

Поданныя работы, за немногими исключеніями, вполнѣ удовлетворительны и соотвѣтствуютъ требованіямъ установленныхъ программъ.

Къ числу погрѣшностей по отдѣльнымъ училищамъ г. рецензентъ относить: 1) ошибки (въ нѣкоторыхъ училищахъ) при разстановкѣ словъ въ предложеніи; 2) недостаточное знакомство съ значеніемъ и употребленіемъ членовъ (въ одномъ училищѣ); 3) въ склоненіи и употребленіи членовъ; 4) недостаточное пониманіе различія въ значеніяхъ имперфекта и перфекта (въ одномъ училищѣ); 5) неумѣлое пользованіе предлогомъ *zu* при неопредѣленномъ наклоненіи и сложныхъ глаголахъ (въ 3-хъ училищахъ). Похвальною самостоятельностью труда, по отзыву г. рецензента, отличаются работы экзамено-

вавшихся въ Одесскихъ реальныхъ училищахъ—казенномъ и св. Павла, Елисаветградскомъ, Екатеринославскомъ и Камратскомъ. Согласно заключенію г. Хонякевича, работы признаны въ общемъ удовлетворительными.

По французскому языку предложены были въ VI классѣ статьи: „Суворовъ въ Альпахъ“, а въ VII—„Русскій солдатъ“ (Николаевского и Елисаветградскаго) и „Неустрасимость начальника“ (Севастопольскаго). Сообразно проценту представленныхъ училищами удовлетворительныхъ работъ, рецензентъ округа, лекторъ французскаго языка Одесскаго университета г. Шапеллонъ, отводитъ первое мѣсто Херсонскому, Николаевскому и Мелитопольскому (по 100% удовлетворительныхъ) училищамъ, замѣчая при этомъ, что испытательная комиссія Камратскаго училища высказала чрезмѣрную снисходительность, признавъ удовлетворительными всѣ письменныя работы, тогда какъ, по мнѣнію рецензента, изъ 10 отвѣтовъ этого заведения 4 неудовлетворительны. Въ общемъ, по представленію г. рецензента, письменные отвѣты воспитанниковъ реальныхъ училищъ округа, при замѣтномъ пониженіи процента грамматическихъ ошибокъ, свидѣлствуютъ о нѣкоторомъ навыкѣ учащихся въ употребленіи оборотовъ французской рѣчи и могутъ быть признаны удовлетворительными.

По математикѣ воспитанники VI класса реальныхъ училищъ исполнили шесть задачъ: одну по ариметикѣ, двѣ по геометріи, двѣ по алгебрѣ и одну по тригонометріи.

Изъ отчета ординарнаго профессора Кононовича оказывается, что число неудовлетворительныхъ работъ невелико: по ариметикѣ—всѣ удовлетворительны; по геометріи и по алгебрѣ изъ общаго числа 155 работъ—5 неудовлетворительныхъ (97% удовлетворительныхъ) и по тригонометріи—11 неудовлетворительныхъ (95% удовлетворительныхъ).

Ученикамъ дополнительнаго класса даны были двѣ задачи: по алгебрѣ оказалось 5 неудовлетворительныхъ работъ изъ 114 (95,5% удовлетворительныхъ) и по приложенію алгебры къ геометріи—всего лишь 3 неудовлетворительныхъ отвѣта (удовлетворительныхъ 97,5%). „Эта-то удовлетворительность отвѣтовъ, говорятъ г. профессоръ въ своей рецензій, повторяющаяся въ теченіе многихъ лѣтъ, несмотря на мнѣняющійся составъ преподавателей, и указываетъ на хорошую постановку преподаванія математики въ реальныхъ училищахъ округа“. Далѣе рецензентъ говоритъ: „Особенно утѣшительною является удовлетворительность работъ по приложенію алгебры къ геометріи, ибо

1) задачи по „приложенію“ требуютъ отъ учащихся бѣльшей находчивости и бѣльшаго знакомства съ математикой, чѣмъ курсовыя задачи по другимъ отдѣламъ элементарной математики; 2) для рѣшенія задачи по „приложенію“ ученикъ долженъ знать основательно всѣ частныя отдѣлы элементарной математики; 3) число уроковъ, отводимыхъ на прохожденіе курса „приложенія“, такъ мало, что хорошіе отвѣты экзаменующихъ указываютъ на основательное изученіе ими, въ предѣлахъ программы, курсовъ ариметики, алгебры, геометріи и тригонометріи“.

На основаніи мнѣнія, изложеннаго г. рецензентомъ, работы воспитанниковъ реальныхъ училищъ Одесскаго округа по всѣмъ отдѣламъ математики слѣдуетъ признать вполне удовлетворительными. Лучшіе отвѣты въ VI классѣ по ариметикѣ принадлежатъ училищамъ: Кишиневскому, Екатеринославскому и Одесскому св. Павла; по алгебрѣ—Кишиневскому и Севастопольскому; по геометріи—Одесскому казенному, Кишиневскому, Одесскому св. Павла и Севастопольскому; по тригонометріи—Кишиневскому, Одесскому св. Павла и Николаевскому.

По алгебрѣ въ VII классѣ—Кишиневскому, Екатеринославскому, Херсонскому и Одесскому казенному; по приложенію алгебры къ геометріи—Кишиневскому и Одесскому казенному.

По Кавказскому учебному округу.

Для письменныхъ испытаній по русскому языку въ Кавказскомъ округѣ для каждаго училища была предложена особая тема, и при томъ часто одна и та же для учениковъ VI и VII классовъ. Къ протоколамъ испытаній приложены примѣрные планы для работъ, выработанные испытательными комиссіями.

По мнѣнію рецензента округа г. Карповича, „планы испытательныхъ комиссій не всегда вытекаютъ изъ темы, и, отличаясь излишнею обширностью (часто одного пункта предложенной программы было бы довольно на тему выпускнаго сочиненія) и предъявляя слишкомъ большія требованія при слабомъ знаніи фактовъ учениками и ограниченности времени, привели многія училища къ не вполне удовлетворительнымъ результатамъ“.

Оцѣнка комиссій по нѣкоторымъ училищамъ слишкомъ низка, и, по отзыву рецензента, результаты почти во всѣхъ училищахъ нѣсколько выше.

1. Бакинское реальное училище.

VI классъ. Всего представлено 43 работы учениковъ и 2 работы экстерновъ.

Тема: „Какъ росла и крѣпла Русская держава?“ Давая тему въ формѣ вопроса: какъ росла и крѣпла Русская держава. комиссія, по мнѣнію рецензента, по всей вѣроятности, имѣла въ виду спросить учениковъ о причинахъ быстрого роста Русскаго государства, а между тѣмъ вопросъ „какъ“ натолкнулъ учениковъ на хронологическій порядокъ, и въ этомъ смыслѣ ученики были правы, излагая въ хронологическомъ порядкѣ исторію Россіи, какъ кто умѣлъ и помнилъ.

Удовлетворительныхъ работъ по оцѣнкѣ испытательныхъ комиссій всего 40% при средней отиѣткѣ 2,5. По оцѣнкѣ рецензента удовлетворительныхъ работъ 46,6%, средній баллъ 2,6.

VII классъ. Тема: „Образованность въ Россіи при Петрѣ Великомъ“. Всѣхъ работъ 35 (32 ученическія и 3 экстерновъ).

По мнѣнію рецензента, лучшіе ученики поняли, что отъ нихъ требовалось, и легко справились съ темой. Ученики послабѣе не могли сосредоточиться на сути вопроса и довести работу до конца. Они отвѣтили, въ сущности, на вопросъ, предложенный въ одномъ изъ училищъ округа, а именно: „Какихъ сторонъ государственной и общественной жизни коснулись реформы Петра Великаго?“ Въ общемъ работы исполнены удовлетворительно: 71,4% удовлетворительныхъ при среднемъ баллѣ 3,0. Ошибокъ, въ среднемъ, по 9,4 на работу; безошибочно написано одно сочиненіе; каллиграфія хороша.

2. Ставропольское реальное училище.

VI классъ. Тема: „Какихъ сторонъ государственной и общественной жизни коснулись реформы Петра Великаго?“

Къ темѣ приложенъ комиссіей примѣрный планъ сочиненія, представляющій слишкомъ большія требованія и отличающійся такою обширностью, что директоръ сдѣлалъ справедливую приписку: „выполненіе этого плана необязательно для учениковъ во всей полнотѣ“. Но при оцѣнкѣ работъ, повидимому, мнѣніе директора не было принято во вниманіе, и работы оцѣнены довольно низко. Рецензентъ говоритъ, что изъ приложеннаго списка работъ, исполненныхъ учениками въ году. явствуетъ, что ученики не были подготовлены къ темѣ такого содержания и объема, но, несмотря на это, не могъ повысить оцѣнку, въ виду значительнаго числа грамматическихъ ошибокъ.

Въ общемъ работы исполнены удовлетворительно: 81,8% при средней отмѣткѣ 2,8.

VII классъ. Тема: „Участіе Россіи въ европейскихъ событіяхъ, начиная съ 1799 г. до Вѣнскаго конгресса“. Всѣ работы исполнены хорошо: 100% удовлетворительныхъ, при среднемъ баллѣ 3,4. Ученики обнаружили достаточное знакомство съ историческими фактами, относящимися къ темѣ, и умѣніе группировать матеріалъ. Съ оцѣнкою испытательныхъ комиссій рецензентъ вполне согласенъ.

3. VI-му и VI-му классамъ Тифлискаго училища предложена была одна тема: „Вліяніе физическихъ условій страны на характеръ, образъ жизни и образованность страны“.

Въ общемъ работы исполнены хорошо: въ VI-мъ классѣ 84,6% удовлетворительныхъ при средней отмѣткѣ 3,0; въ VII классѣ 66,6% удовлетворительныхъ при среднемъ баллѣ 3,7. Грамотность въ VI-мъ классѣ—удовлетворительна, а въ VII-мъ классѣ—хороша.

4. Во Владикавказскомъ училищѣ ученики обоихъ классовъ писали на одну и ту же тему: „Характеристика литературной дѣятельности Гоголя“.

Абитуриенты обоихъ отдѣленій справились съ задачей хорошо: 94,1% удовлетворительныхъ работъ въ VI-мъ классѣ при среднемъ баллѣ 3,3 и 84,4% удовлетворительныхъ въ VII-мъ классѣ при средней отмѣткѣ 3,2. Произведенія Гоголя учениками усвоены и продуманы. Внѣшность работъ и каллиграфія довольно удовлетворительны. Изъ списка работъ, исполненныхъ въ году, видно, что дѣло преподаванія велось правильно.

5. Темиръ-Ханъ-Шуринское училище. Тема для обоихъ классовъ одна и та же: „Запорожцы въ мирное время по повѣсти Тарась Бульба“. Работы исполнены хорошо: 85,7% удовлетворительныхъ, средней балль 3,1. Внѣшность работъ хороша.

6. Ейское училище. Абитуриенты обоихъ классовъ писали на тему: „Литературная дѣятельность Карамзина“.

Работы исполнены хорошо, но оцѣнены комиссіей сжуро: 75% удовлетворительныхъ при средней отмѣткѣ 2,7 въ VI-мъ классѣ и 80% удовлетворительныхъ при среднемъ баллѣ 3,0—въ VII-мъ классѣ.

Въ виду хорошей грамотности рецензентъ значительно повысилъ оцѣнку: 87% удовлетворительныхъ работъ при среднемъ баллѣ 3,3 въ VI-мъ классѣ и 100% удовлетворительныхъ при отмѣткѣ 3,8 въ VII-мъ классѣ.

7. Работы учениковъ VI-го и VII-го классовъ Кубанскаго реальнаго училища на тему: „Выдающіяся темы басень Крылова“, исполнены очень хорошо: удовлетворительныхъ работъ для обоихъ классовъ 100%, средній баллъ 4.

8. Шущинское реальное училище. Тема для обоихъ классовъ: „Педагогическое значеніе басень Крылова“.

Рецензентъ не одобряетъ формулировки темы и находитъ учениковъ недостаточно подготовленными для ея разработки. Въ общемъ, по снисходительной оцѣнкѣ, работъ, исполненныхъ удовлетворительно: 72,7% при средней отмѣткѣ 2,9 въ VI классѣ и 90% при средней отмѣткѣ 3,1—въ VII классѣ.

По нѣмецкому языку для cadaго реальнаго училища предложена была управленіемъ округа отдѣльная тема, изъ числа представленныхъ гг. преподавателями. По оцѣнкѣ работъ испытательными комиссиями удовлетворительныхъ въ VI-мъ классѣ было 71,6%, неудовлетворительныхъ 28,4; средній баллъ 3,0. По оцѣнкѣ рецензента удовлетворительныхъ работъ 61,8%, неудовлетворительныхъ 38,2%; средній баллъ 2,7.

Работы учениковъ VII-го класса, какъ и слѣдуетъ ожидать, выше работъ VI-го класса. По оцѣнкѣ испытательныхъ комиссій, удовлетворительныхъ работъ въ VII классѣ 75%, средній баллъ 3,12. По оцѣнкѣ рецензента округа г. Крейсберга, удовлетворительныхъ было 64,3%, неудовлетворительныхъ 35,7%, средній баллъ 3,18.

Лучшія работы, какъ въ VI, такъ и въ VII классѣ принадлежать училищамъ: Кубанскому, Ставропольскому и Ейскому, въ которыхъ всѣ работы признаны успѣшными. Въ общемъ результатъ окончательныхъ испытаній по нѣмецкому языку слѣдуетъ считать удовлетворительнымъ.

По французскому языку такъ же, какъ и по нѣмецкому, для cadaго училища предложена была управленіемъ округа отдѣльная тема изъ числа представленныхъ гг. преподавателями. Какъ по оцѣнкѣ испытательныхъ комиссій, такъ и по оцѣнкѣ окружнаго рецензента г. Крейсберга, всѣ работы экзаменовавшихся въ VII-мъ классѣ признаны удовлетворительными при среднемъ баллѣ 3,6.

Въ VI-мъ классѣ удовлетворительныхъ работъ, по оцѣнкѣ испытательныхъ комиссій, было 84,8%, неудовлетворительныхъ 15,2%; средній баллъ 3,1. По оцѣнкѣ же г. рецензента, удовлетворительныхъ

работъ 72%, неудовлетворительныхъ 28; средній баллъ 2,7. Результатъ испытанія можно считать удовлетворительнымъ.

Лучшія работы принадлежатъ Ейскому, Кубанскому и Темиръ-Ханъ-Шуринскому училищамъ.

По математикѣ ученикамъ VI-го класса дано было шесть задачъ: по ариметикѣ: „Капиталъ 29.640 рублей, принадлежащій тремъ лицамъ, принесъ прибыли 25%. Сколько получить изъ этой прибыли каждое лицо, если часть 1-го относится къ части 3-го, какъ 0,25 : $\frac{7}{8}$?“.

По отзыву рецензента округа, окружнаго инспектора Шенгера, эта весьма несложная задача рѣшена удовлетворительно значительнымъ большинствомъ экзаменовавшихся, изъ которыхъ вполнѣ правильные числовые отвѣты получили 94,3%. По оцѣнкѣ испытательныхъ комиссій удовлетворительныхъ работъ оказалось 97,6%. Средній баллъ 3,77. По мнѣнію рецензента: удовлетворительныхъ отвѣтовъ 96,8%, неудовлетворительныхъ 3,2%, средній баллъ 3,13.

Лучшія работы представлены учениками Шушинскаго, Кубанскаго и Тифлискаго училищъ.

По геометріи:

а) На вычисленіе: „Опредѣлить объемъ усѣченного конуса, описаннаго около шара радіуса r , если извѣстно, что площадь нижняго основанія конуса въ n разъ больше площади верхняго основанія ($r=5,34813$, $n=2$)“. Для желающихъ: „Опредѣлить также полную поверхность конуса“.

б) На построение: „Показать, что, если въ трехгранной пирамидѣ боковыя грани суть взаимно перпендикулярныя плоскости, то: а) квадратъ площади основанія пирамиды равенъ суммѣ квадратовъ площадей боковыхъ квадратовъ, и б) сумма квадратовъ косинусовъ двугранныхъ угловъ, составленныхъ боковыми гранями съ плоскостью основанія, равна единицѣ“. Задача на вычисленіе не затруднила учениковъ и рѣшена во всѣхъ училищахъ удовлетворительно.

Хорошія работы представили абитуриенты Кубанскаго, Шушинскаго, Темиръ-Ханъ-Шуринскаго и Тифлискаго училищъ.

По оцѣнкѣ испытательныхъ комиссій удовлетворительныхъ работъ—65,4%, неудовлетворительныхъ 34,6%, средній баллъ 3,03.

Вторая задача по геометріи понята не всѣми учениками, и общій результатъ испытанія можетъ быть признанъ хорошимъ въ училищахъ: Кубанскомъ и Шушинскомъ, едва удовлетворительнымъ—въ Тифлис-

скомъ, слабымъ — въ Ставропольскомъ и Бакинскомъ и совсѣмъ слабымъ — въ остальныхъ 3-хъ училищахъ.

По оцѣнкѣ комиссій, удовлетворительныхъ работъ 37,9%, неудовлетворительныхъ 62,1%, средній баллъ 2,29.

По мнѣнію рецензента, удовлетворительныхъ только 30,6%, средній баллъ 2,18.

По алгебрѣ:

а) На вычисленіе: „Четвертый и седьмой члены возрастающей арифметической прогрессіи суть корни уравненія

$$\frac{1}{10}x^2 - 5x + 589 = 0,$$

а сумма всѣхъ членовъ прогрессіи равна наименьшему изъ цѣлыхъ чиселъ, которыя при дѣленіи на 37 даютъ остатокъ 33, а при дѣленіи на 53 даютъ въ остаткѣ 32. Опредѣлить число членовъ этой прогрессіи“.

По отзыву рецензента, непониманіе темы не встрѣчается вовсе, и задача въ общемъ рѣшена хорошо: удовлетворительныхъ работъ, по оцѣнкѣ испытательныхъ комиссій, 89,7%, средній баллъ 3,63; по оцѣнкѣ рецензента—86%, средній баллъ 3,31.

б) На выводъ формулъ: „Найти четыре числа, составляющихъ геометрическую пропорцію, въ которой сумма квадратовъ крайнихъ членовъ = a , сумма квадратовъ среднихъ членовъ = b , а сумма всѣхъ четырехъ членовъ = c “.

По мнѣнію рецензента, результатъ испытанія по второй алгебраической задачѣ былъ вообще неудаченъ: даже болѣе или менѣе удовлетворительныя работы не лишены крупныхъ недостатковъ.

По оцѣнкѣ испытательныхъ комиссій, удовлетворительныхъ работъ 58,9%, средній баллъ 2,66, а, по мнѣнію рецензента, только 34,7% при среднемъ баллѣ 2,19.

Результатъ можно считать хорошимъ только въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ и Кубанскомъ реальныхъ училищахъ.

По тригонометріи: „Опредѣлить площадь равнобедренной трапеціи, въ которой меньшая изъ параллельныхъ сторонъ и обѣ не параллельныя стороны равны a , а острый уголъ = d “.

$$[a = 8,585, \angle = 58^\circ 14' 22'']$$

Общій результатъ можетъ быть названъ хорошимъ, а въ училищахъ: Кубанскомъ, Шуринскомъ, Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ и Тифлисскомъ—очень хорошимъ.

По оцѣнкѣ испытательныхъ комиссій. удовлетворительныхъ работъ 80,2%, средній баллъ 3,32. По отзыву рецензента, удовлетворительныхъ работъ 71,2%, средній баллъ 3,04.

Ученикамъ дополнительнаго класса были даны двѣ задачи:

1) По алгебрѣ—задача, рѣшеніе которой сводится къ опредѣленію *мінімумъ*'а выраженія $\sqrt{ax^2 + bx + c}$.

2) По приложенію алгебры къ геометріи: „Около круга радіуса r описать равнобедренный треугольникъ такъ, чтобы прямая, проходящая черезъ центръ круга и параллельная основанію треугольника, дѣлила его площадь пополамъ“.

По первой задачѣ результатъ можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ, а въ училищахъ: Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ, Кубанскомъ и Шушинскомъ—очень хорошимъ.

Результатъ по второй задачѣ признанъ вполне хорошимъ, за исключеніемъ одного училища. Ученики безъ затрудненія рѣшили задачу и дали удовлетворительное объясненіе рѣшенія. Построеніе исполнено правильно, чертежи хороши.

По заключенію окружнаго рецензента, общій результатъ письменныхъ испытаній по всѣмъ отдѣламъ математики можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ во всѣхъ училищахъ Кавказскаго учебнаго округа.

По Кіевскому учебному округу.

Письменные отвѣты по русскому языку во всѣхъ училищахъ написаны на тему: „О вліяніи воспитанія на умъ и характеръ челоуѣка“.

Прежде всего должно замѣтить, что преподаватели всѣхъ училищъ отмѣтили трудность темы, находя ее не по силамъ для юношей шестнадцатилѣтняго возраста, а потому сочиненія учениковъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ училищъ, не отличаются большимъ разнообразіемъ содержанія, и недостатокъ большей части изъ нихъ заключается въ разсужденіи и въ опредѣленіи „ума“ и „характера“.

Работы разсмотрѣны профессоромъ Кіевскаго университета П. В. Владиміровымъ. Мнѣніе рецензента объ исполненныхъ работахъ въ общемъ таково: „Разсмотрѣнные отвѣты, несмотря на трудность темы, не ниже прошлагоднихъ и. во всякомъ случаѣ, выше нѣсколькихъ предшествовавшихъ годовъ“. По отзыву рецензента, въ работахъ учениковъ нѣкоторыхъ училищъ видна общая серьезность мысли. и

во многихъ сочиненіяхъ обращено вниманіе на вопросы о врожденности, о наслѣдственности и о силѣ воспитанія. Сочиненія написаны по планамъ, которые и помѣщены въ началѣ отвѣтовъ. Къ недостаткамъ работъ рецензентъ причисляетъ грамматическія ошибки, встрѣчающіяся въ отдѣльныхъ работахъ нѣкоторыхъ училищъ, и стилистическія погрѣшности, хотя въ общемъ грамотность въ реальныхъ училищахъ Кіевскаго округа весьма удовлетворительна.

Съ оцѣнкою испытательныхъ комиссій рецензентъ вполне согласенъ, находя ее справедливою и рецензію отвѣтовъ довольно обстоятельною. Исправленіе ошибокъ вообще тщательное, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и встрѣчаются пропуски: напримѣръ, не всегда исправлены неправильные переносы словъ изъ строки въ строку.

Какъ по оцѣнкѣ комиссій, такъ и по оцѣнкѣ г. профессора. удовлетворительныхъ работъ было 88,3%, неудовлетворительныхъ 11,7%.

Кременчугское и Кіевское реальные училища попрежнему занимаютъ первое мѣсто по успѣшности работъ, а Винницкое, Новозыбковское и Роменское значительно повысились въ общей грамотности отвѣтовъ.

По нѣмецкому языку представлено 135 ученическихъ работъ.

Изъ отзыва рецензента округа, лектора университета св. Владимира Андерсона, видно, что въ нѣкоторыхъ реальныхъ училищахъ неудовлетворительныхъ работъ оказалось немного, нашлись и вполне неудовлетворительныя и даже хорошія работы, но за то въ другихъ училищахъ письменныя работы рѣдко возвышаются надъ уровнемъ посредственности и процентъ порядочныхъ отвѣтовъ весьма незначителенъ. Принявъ во вниманіе достоинства и недостатки письменныхъ отвѣтовъ, работы учениковъ реальныхъ училищъ можно распределить слѣдующимъ образомъ: къ лучшимъ слѣдуетъ отнести работы Новозыбковскаго и Роменскаго училищъ, обнаруживающія въ значительной части вполне достаточное знаніе нѣмецкаго языка; удовлетворительны работы Винницкаго и Кременчугскаго реальныхъ училищъ и посредственны въ остальныхъ.

Въ общемъ результатъ испытаній слѣдуетъ признать удовлетворительнымъ.

По французскому языку представлено 132 отвѣта. Преподаватель Кіевской 1-й гимназій Регаме въ отзывѣ своемъ объ исполненныхъ работахъ говоритъ слѣдующее: „Тема, предложенная на испытаніе въ отчетномъ 1895 году, вполне соответствовала темѣ прошлаго года и

не должна была представить ученикамъ какихъ либо особенныхъ затрудненій. Начало темы даже очень легкое, и въ этой части ученическихъ переводовъ сравнительно меньше ошибокъ. Во второй части перевода большинство учениковъ оказалось не въ состояніи справиться съ встрѣченными трудностями. Особенно затруднялъ учениковъ порядокъ словъ русскихъ предложеній, который иногда нужно было совершенно измѣнить; они же строго придерживались текста“.

По мнѣнію рецензента, работы исполнены не вполне удовлетворительно, ученики обнаружили въ своихъ переводахъ недостатокъ знанія грамматики, и работы заключаютъ довольно много ошибокъ, какъ этимологическихъ, такъ и лексическихъ. „Но нельзя не замѣтить“, говоритъ рецензентъ, „однако, хотя очень малаго, но все же дѣйствительнаго успѣха по сравненію съ предшествовавшими годами“.

По оцѣнкѣ испытательныхъ комиссій удовлетворительныхъ работъ было 63,8%, неудовлетворительныхъ 36,2%. По оцѣнкѣ рецензента удовлетворительныхъ работъ 45,4%, неудовлетворительныхъ 54,6%.

По математикѣ предложено было шесть задачъ. Отвѣты рассмотрѣны профессоромъ университета Ермаковымъ.

Арифметика.

Задача. Два брата раздѣлили между собою нѣкоторый капиталъ такъ, что старшій получилъ 84% того, что досталось младшему. Старшій помѣстилъ свои деньги въ банкъ по 5% на 10 мѣсяцевъ, а младшій по $4\frac{1}{2}$ % на 7 мѣсяцевъ. Оказалось, что первый получилъ процентныхъ денегъ на 49 рублей болѣе втораго. Определить капиталъ каждаго брата.

Задача въ общемъ довольно проста, и всѣ ученики (за немногими исключеніями) дали правильное рѣшеніе.

Алгебра.

а) Буквенная задача. Рѣшить систему уравненій:

$$\begin{aligned} x + y &= 2a, \\ (x^2 + y^2)(x^3 + y^3) &= 4a(a^2 + b^2)(a^3 + 3b^3). \end{aligned}$$

Въ однихъ училищахъ ученики дали удовлетворительное рѣшеніе задачи, есть даже прекрасныя работы; въ другихъ же училищахъ ученики обнаружили полное неумѣнье въ обращеніи съ буквенными выраженіями.

Въ отчетномъ году этотъ недостатокъ устраненъ вполне только въ Роменскомъ и Кіевскомъ реальныхъ училищахъ и частію въ Роуэнскомъ.

в) Задача на составленіе уравненій.

Только въ Ромнахъ и въ Ровно всѣ ученики умѣютъ составлять уравненія. Въ остальныхъ же училищахъ многіе ученики обнаружили недостатокъ навыка, и задача рѣшена съ большимъ трудомъ, послѣ многихъ помарокъ.

Геометрія.

а) На построеніе. Раздѣлить параллелограммъ на три равнобѣрныя части прямыми, параллельными діагонали.

Задача почти прямо взята изъ числа тѣхъ задачъ, которыя обязательно проходятся въ теченіе года, а потому рѣшена, за немногими исключеніями, учениками всѣхъ училищъ, и у нѣкоторыхъ изъ воспитанниковъ встрѣчаются вполне хорошее изложеніе и вѣрные чертежи. Къ недостаткамъ работъ относятся: въ однихъ училищахъ краткость изложенія безъ объясненія и безъ доказательствъ, въ другихъ—усложненіе безъ надобности чертежа.

в) На вычисленіе. Определить боковую поверхность и объемъ правильной шестиугольной пирамиды, у которой высота равна 3 футамъ, а апогема составляетъ съ высотой уголъ въ 30° .

Въ задачѣ нужно было произвести извлеченіе корня и указать число вѣрныхъ цифръ въ результатѣ. Но только ученики Кіевского и Роменскаго училищъ имѣютъ ясное представленіе о приближенномъ вычисленіи и даютъ правильные результаты съ точностію до 0,01. Въ остальныхъ училищахъ или совсѣмъ не извлекаютъ корня или дѣлаютъ ошибки и въ результатѣ удерживаютъ лишнія невѣрныя цифры. Встрѣчаются ошибки и въ самыхъ формулахъ.

Тригонометрія.

Задача. Въ трапеціи параллельныя стороны равны 30 д. и 18 д., а непараллельныя 20 д. и 15 д. Определить углы и площадь трапеціи.

Въ отзывѣ о тригонометрической задачѣ рецензентъ округа говорить слѣдующее: „Отвѣты по тригонометріи въ 1894 году были почти безошибочны, можно было ожидать такихъ отвѣтовъ и далѣе. Но, къ сожалѣнію, въ отчетномъ году отвѣты по тригонометріи переполнены ошибками. Преподаватели объясняютъ такой результатъ переполненіемъ, такъ какъ ученики раньше заняты были рѣшеніемъ

задачъ по алгебрѣ въ теченіе $3\frac{1}{2}$ часовъ и послѣ того немедленно приступили къ рѣшенію задачи по тригонометріи“.

Несмотря на такія неблагоприятныя условія, есть работы удовлетворительныя, есть и очень хорошія. Ученики формулы знаютъ и умѣютъ пользоваться таблицами.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что лучшіе отвѣты по математикѣ принадлежатъ Роменскому и Кіевскому училищамъ; въ сравненіи съ предшествовавшими годами качество отвѣтовъ въ этихъ училищахъ значительно повысилось. Не много повысилось качество работъ и въ Винницѣ, въ остальныхъ училищахъ осталось безъ перемены и только въ одномъ понизилось. Въ общемъ результатъ письменныхъ испытаній по математикѣ долженъ быть признанъ удовлетворительнымъ.

По Западно-Сибирскому округу.

Для письменныхъ испытаній по русскому языку ученикамъ VI класса предложена была тема: „Характеристика Евгенія Онѣгина“, а ученикамъ дополнительнаго класса: „Вліяніе Ломоносова на просвѣщеніе въ Россіи“.

Представленныя работы разсматривалъ инспекторъ студентовъ Императорскаго Томскаго университета, статскій совѣтникъ Пятницкій.

По его мнѣнію, тема оказалась не по силамъ ученикамъ VI класса. и изъ 22 работъ, исполненныхъ учениками, признать хорошими можно только двѣ: одну изъ Томскаго и одну изъ Тюменскаго реальныхъ училищъ. По содержанію работы являются слабыми и характеристики Евгенія Онѣгина не представляютъ, но изложеніе и языкъ въ большинствѣ случаевъ правильны. Планы приложены при всѣхъ работахъ и наиболѣе удовлетворительныя принадлежатъ ученикамъ Томскаго реальнаго училища. Грамматическія и стилистическія неправильности находятся въ сочиненіяхъ учениковъ обоихъ училищъ, но тѣмъ не менѣе результатъ испытаній можно признать удовлетворительнымъ. Съ оцѣнкою испытательныхъ комиссій рецензентъ вполне согласенъ: удовлетворительныхъ отвѣтовъ было 81,8%, неудовлетворительныхъ 18,2%, средній баллъ 2,9. Лучшія работы представлены Тюменскимъ реальнымъ училищемъ.

Работы учениковъ VII класса выше работъ VI класса. въ особенности въ Тюменскомъ училищѣ, хотя и Томское сдѣлало въ истек-

шемъ году значительные успѣхи. Тема понята почти всѣми учениками, и сочиненія многихъ абитуриентовъ обнаруживаютъ достаточное знакомство съ Ломоносовымъ. Между работами есть отличныя и по содержанію, и по изложенію. Планъ приложенъ ко всѣмъ сочиненіямъ, языкъ правильный. Грамматическія ошибки и стилистическія неправильности хотя и встрѣчаются, но не такъ часто.

По мнѣнію рецензента округа, „разсмотрѣны работы испытательными комиссіями весьма тщательно, рецензіи преподавателей выдаются и полною и обстоятельностью“. Съ оцѣнкою испытательныхъ комиссій рецензентъ вполне согласенъ. Удовлетворительныхъ работъ 81,8%, неудовлетворительныхъ 18,2%, средній баллъ 3,2.

Результатъ испытаній вполне удовлетворителенъ. По сравненію съ предшествовавшимъ годомъ удовлетворительныхъ работъ болѣе на 11,2%. Лучшія работы принадлежатъ Тюменскому училищу.

Для письменныхъ испытаній по нѣмецкому языку ученикамъ VI класса предложено было перевести на нѣмецкій языкъ „Четыре брата“, а ученикамъ дополнительнаго класса—„Юность Шиллера“.

Исполненныя работы разсмотрѣны окружнымъ инспекторомъ Гаазе. Изъ его отзыва можно вывести слѣдующее заключеніе: удовлетворительныхъ работъ въ VI классѣ было 86,4%, неудовлетворительныхъ 5,6%, средній баллъ 3,45; въ VII классѣ удовлетворительныхъ работъ 91%, неудовлетворительныхъ 9%, средній баллъ 3,6. Результатъ для обоихъ классовъ вполне удовлетворительный.

По французскому языку предложено было перевести съ русскаго языка на французскій статью „Утреннія занятія Петра Великаго“. Изъ отзыва рецензента округа, окружнаго инспектора статскаго совѣтника Карагодина, заключаемъ, что ученики Томскаго училища оказались недостаточно подготовленными для составленія удовлетворительнаго перевода на предложенную тему, и работы ихъ значительно слабѣ работъ учениковъ Тюменскаго реальнаго училища. По мнѣнію рецензента, „пересмотръ работъ Тюменскаго училища послѣ работъ Томскаго представляетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ отдыхъ, а чтеніе лучшихъ—даже удовольствіе“. Недостатковъ, общихъ большинству работъ и имѣющихъ, поэтому, значеніе указателей пробѣловъ въ курсѣ Тюменскаго училища, г. рецензентъ не нашелъ. Просмотрѣны и выправлены отвѣты Тюменскаго училища тщательно. Рецензіи преподавателей достаточно полно характеризуютъ ученика и его отношеніе къ дѣлу.

По оцѣнкѣ испытательной комиссіи удовлетворительныхъ работъ было 100% при среднемъ баллѣ 3,80. Съ такою оцѣнкою рецензентъ вполне согласенъ.

По математикѣ ученикамъ VI класса обоихъ училищъ предложены были слѣдующія темы:

Арифметика. „Сколько нужно взять серебра 80-й пробы, чтобы составить слитокъ въ 5 фунтовъ 70-й пробы?”

По отзыву рецензента, окружнаго инспектора статскаго совѣтника Карагодина, арифметическая задача въ сущности очень проста, такъ что невѣрный отвѣтъ полученъ только однимъ ученикомъ. О повѣркѣ добытыхъ результатовъ имѣютъ болѣе ясное представленіе ученики Тюменскаго училища. Здѣсь рецензентъ считаетъ необходимымъ отмѣтить, что „преподаватели напрасно придаютъ такъ мало значенія повѣркѣ результатовъ, имѣющей самостоятельное значеніе не только по отношенію къ каждой данной математической работѣ, но и вообще — для развитія умственныхъ способностей въ смыслѣ самостоятельности“.

Въ общемъ результатъ удовлетворительный. По оцѣнкѣ испытательныхъ комиссій успѣшныхъ работъ было 95,5%, средній баллъ 3,35. По оцѣнкѣ рецензента—68,2%, средній баллъ 2,97. По сравненію съ предшествовавшимъ годомъ успѣшность повысилась на 9,4%.

Лучшія работы представлены Тюменскимъ училищемъ.

Алгебра:

1) Населеніе нѣкоторой страны состоитъ изъ 1.400.000 человѣкъ; ежегодный приростъ населенія 1,6%, эмиграція же отнимаетъ каждый годъ 2.000 человѣкъ.

Сколько жителей останется черезъ 10 лѣтъ?

2) Найдти всѣ корни уравненія:

$$x \sqrt{x} = \sqrt{x^x}.$$

Обѣ задачи рѣшены удовлетворительно.

Работы по 2-й задачѣ лучше работъ по первой. Успѣшныхъ отвѣтовъ 81,8%, средній баллъ 2,95. По оцѣнкѣ рецензента удовлетворительныхъ работъ въ обоихъ училищахъ 63,6%, средній баллъ 2,73. Лучшія работы въ Тюменскомъ училищѣ.

Геометрія:

1) Боковая поверхность конуса разворачивается на плоскости въ секторъ, уголъ котораго равенъ 63° , длина же дуги равна 11 дюймамъ. Определить полную поверхность конуса и объемъ ($n = \frac{22}{7}$).

2) Внутри данного круга провести три равныхъ круга, которые касались бы какъ между собою, такъ и окружности данного круга.

Объ геометрическія задачи рѣшены удовлетворительно. Успѣшныхъ работъ по задачѣ на вычисленіе было $81,8\%$, средній баллъ 3,41. По второй—на построеніе— $68,2\%$ при среднемъ баллѣ 2,95.

Рецензентъ находитъ такую оцѣнку слишкомъ снисходительною и признаетъ удовлетворительныхъ работъ по первой задачѣ $54,6\%$ при среднемъ баллѣ 3,08.

Лучшія работы въ Тюменскомъ училищѣ. Задача по тригонометріи: „рѣшить треугольникъ и вычислить его площадь по двумъ угламъ $A=60^\circ 18' 20''$, $B=43^\circ 8'$ и суммѣ двухъ противоположныхъ сторонъ $a+b=60,584$ дюйм.“,—рѣшена также удовлетворительно.

По сравненію съ предшествовавшимъ годомъ неудовлетворительныхъ работъ менѣе на $0,3\%$.

Въ дополнительномъ классѣ даны были двѣ задачи:

по алгебрѣ: „Раздѣлить дробь $\frac{7x-5}{x^3+x^2-6x}$ на сумму простыхъ дробей“.

Задача рѣшена хорошо. Удовлетворительныхъ работъ было $90,9\%$. Средній баллъ 3,43. Сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ успѣшность повысилась на $37,9\%$. По приложенію алгебры къ геометріи: „Построить параллелограммъ $ABCD$ по углу $A=60^\circ$ и діагоналямъ $AC=m$ и $BD=p$ “.

По оцѣнкѣ испытательныхъ комиссій удовлетворительныхъ отвѣтовъ было въ обоихъ училищахъ $54,6$ при среднемъ баллѣ 2,7.

Разсмотрѣвъ отзывъ г. Карагодина о письменныхъ отвѣтахъ по всѣмъ отдѣламъ математики, приходимъ къ заключенію, что результаты испытаній въ 1895 году должны быть признаны удовлетворительнымъ.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ТАБЛИЦЫ.

ВѢДО

О ПОДВЕРГАВШИХСЯ ИСПЫТАНІЯМЪ И УДОСТОЕННЫХЪ АТТЕСТАТОВЪ

Учебные округа.	Подвергались испытаніямъ			
	За шесть классовъ.			Въ допол.
	Ученики.	Посторонніе.	Всего.	Ученики.
С.-Петербургскій	250	16	266	134
Московскій	293	8	301	163
Казанскій	160	12	172	99
Оренбургскій	45	2	47	21
Харьковскій	219	25	244	122
Одесскій	164	6	170	109
Кіевскій	130	10	140	78
Виленскій	90	6	96	71
Варшавскій	86	28	114	39
Рижскій	138	9	147	53
Кавказскій	134	13	147	111
Западно-Сибирскій	22	—	22	11
Восточная Сибирь	4	—	4	—
Всего	1.735	135	1.870	1.011

МОСТЬ

и свидѣтельствъ въ реальныхъ училищахъ въ 1895 году.

н і я м ъ.		Удостоены аттестатовъ.			Удостоены свидѣтельствъ въ		
нительномъ классѣ.		За шесть классовъ.			знаніи дополнительнаго класса.		
Посто- ронніе.	Всего.	Ученики.	Посто- ронніе.	Всего.	Ученики.	Посто- ронніе.	Всего.
11	145	223	6	229	131	5	136
1	164	266	6	272	154	1	155
15	114	150	6	156	96	10	106
1	22	42	2	44	21	1	22
11	133	180	9	189	119	8	127
5	114	151	5	156	109	5	114
4	82	115	3	118	75	4	79
2	73	78	3	81	67	2	69
3	42	80	14	94	37	1	38
—	53	114	1	115	48	—	48
7	118	106	11	117	105	6	111
—	11	22	—	22	11	—	11
—	—	4	—	4	—	—	—
60	1.071	1.531	66	1.597	973	43	1.016

ВЪДО

О НЕ ВЫДЕРЖАВШИХЪ ИСПЫТАНІЯ ВЪ VI И VII

Учебные округа.	Общее число подвергавшихся испытанію.				Общее число не выдержавшихъ испытанія.				Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.			
	Ученики за		Посторонніе за		Ученики за		Посторонніе за		Ученики за		Посторонніе за	
	VI	VII	VI	VII	VI	VII	VI	VII	VI	VII	VI	VII
С.-Петербургскій	250	134	16	11	27	3	10	6	10,6	2,2	62,5	54,6
Московскій	293	163	8	1	27	9	2	—	9,2	5,5	25,0	—
Казанскій	160	99	12	15	10	3	6	5	6,3	3,0	50,0	33,3
Оренбургскій	45	21	2	1	3	—	—	—	6,6	—	—	—
Харьковскій	219	122	25	11	39	3	16	3	17,7	2,5	64,0	27,3
Одесскій	164	109	6	5	13	—	1	—	7,9	—	16,6	—
Кіевскій	130	78	10	4	15	3	7	—	11,5	3,8	70,0	—
Виленскій	90	71	6	2	12	4	3	—	13,3	5,6	50,0	—
Варшавскій	86	39	28	3	6	2	14	2	7,0	5,1	50,0	66,6
Рижскій	138	53	9	—	24	5	8	—	18,1	9,4	88,8	—
Кавказскій	134	111	13	7	28	6	2	1	20,9	5,4	15,5	14,5
Западно-Сибирскій	22	11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Восточная Сибирь	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	1735	1011	135	60	204	38	69	17	11,8	4,7	44,8	19,6

МОСТЬ

классахъ реальныхъ училищъ въ 1895 году.

Число лицъ, не выдержавшихъ испытанія по предметамъ:

	Закону Божію.	Русскому языку.		Новымъ языкамъ.		Математикъ.		Исторіи.	Географіи.	Космографіи.	Бухгалтеріи.	Рисованію.	Естественной исторіи.	Физикъ.	
		Устный.	Письменн.	Устный.	Письменн.	Устный.	Письменн.								
{ за VI {	учен.	—	4	5	4	14	4	6	2	—	3	—	—	—	1
	пост.	—	—	1	—	7	5	7	—	—	—	—	—	—	—
{ за VII {	учен.	1	1	—	—	—	3	1	—	—	—	—	—	—	—
	пост.	—	—	—	—	1	3	2	—	—	—	—	—	—	1
С в ѣ д ѣ н і й н е д о с т а в л е н о.															
{ за VI {	учен.	—	2	5	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	1
	пост.	—	—	3	—	3	—	3	—	—	—	—	—	—	2
{ за VII {	учен.	—	2	2	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	пост.	—	1	3	—	2	—	1	—	—	—	—	—	—	2
за VI	пост.	—	3	6	2	6	3	3	—	—	—	—	—	—	—
{ за VI {	учен.	1	1	19	4	75	12	69	3	—	—	—	—	—	2
	пост.	—	—	8	—	32	6	48	—	—	—	—	—	—	—
{ за VII {	учен.	—	—	2	—	8	—	21	—	—	—	—	—	—	—
	пост.	—	—	1	—	6	—	5	—	1	—	—	—	1	1
} С в ѣ д ѣ н і й н е д о с т а в л е н о.															
{ за VI {	учен.	1	3	2	—	—	—	4	1	—	—	—	—	—	1
	пост.	—	1	5	—	2	—	2	5	1	—	—	1	1	—
{ за VII {	учен.	—	—	1	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—
	пост.	—	—	1	—	1	—	—	2	—	—	—	—	—	—
{ за VI {	учен.	—	8	6	—	—	10	13	—	1	—	—	—	—	1
	пост.	—	2	8	2	—	4	2	—	—	—	5	—	—	—
за VII	учен.	—	5	5	—	—	5	5	—	—	—	—	—	—	1
за VI	учен.	—	11	36	15	52	19	34	11	—	—	—	—	—	6
за VII	учен.	—	8	22	6	24	6	12	—	—	—	—	—	—	2
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Распределение окончившихъ курсъ въ реаль

Учебные округа.		15-ти лѣтъ.	16-ти лѣтъ.
С.-Петербургскій	{ VI	3	19
	{ VII	—	1
Казанскій	{ VI	—	24
	{ VII	—	—
Харьковскій	{ VI	—	22
	{ VII	—	1
Оренбургскій	{ VI	—	4
	{ VII	—	—
Варшавскій	{ VI	—	14
	{ VII	—	3
Рижскій	{ VI	1	15
	{ VII	—	—
Кавказскій	{ VI	1	14
	{ VII	—	—
Восточная Сибирь	VI	—	—
Всего	{ VI	5	112
	{ VII	—	5

ныхъ училищахъ въ 1895 году по возрастамъ.

17-ти лѣтъ.	18-ти лѣтъ.	19-ти лѣтъ.	20-ти лѣтъ.	21-го года и болѣе.
49	55	53	30	20
14	38	40	20	23
58	36	23	14	6
19	22	23	18	24
46	36	41	27	17
7	16	35	40	28
10	13	7	7	3
3	7	2	5	5
24	24	16	14	2
7	9	7	10	2
30	29	42	22	24
12	38	25	15	12
12	14	17	29	39
—	—	—	1	3
209	217	191	123	81
67	120	140	129	127

Распределение окончившихъ курсъ по заня

Учебные округа.		Заявившіе желаніе продолжать						
		Дополнительный классъ реальн. училищъ.	Военныя училища.	Институтъ пу- тей сообщенія.	Институтъ технологическ.	Институтъ горный.	Политехникумъ.	Институтъ электро-техни- ческій.
С.-Петербургскій	VI	134	2	—	2	—	—	—
	VII	—	9	24	24	13	10	5
Казанскій	VI	114	—	—	—	—	—	—
	VII	—	2	—	27	12	—	3
Одесскій	VI	138	—	—	—	—	—	—
	VII	—	—	—	—	—	—	—
Варшавскій	VI	47	—	—	—	—	—	—
	VII	—	—	10	11	5	—	—
Рижскій	VI	53	—	—	—	—	—	—
	VII	—	—	2	3	1	42	—
Кавказскій	VI	106	1	—	—	—	—	—
	VII	—	18	1	24	11	5	3
Всего	VI	592	6	—	4	—	—	2
	VII	—	40	43	100	51	61	17

тѣмъ, къ которымъ они себя предназначили.

учение въ специальныхъ училищахъ.										Поступающіе на поприще практическ. дѣятельности.					
Институтъ гражданскихъ инженеровъ.	Строительн. и Академія художествъ.	Консерваторія.	Ветеринарный институтъ.	Сельско-хозяйственн. учебныя заведенія.	Лѣсной институтъ.	Промышленныя училища.	Спеціальн. загран. училища.	Средн. техническ. училища.	Московская практич. акад. коммерч. наукъ.	На госуд. службу.		На частную дѣятельность.			
										Военную.	Гражданскую.	Учебную.	Сельско-хозяйств.	Коммерческую.	Мануфактур технической и желѣзнодорожн. промышленности.
—	—	1	—	1	—	2	5	—	1	12	3	—	4	61	—
8	5	1	—	8	11	—	—	—	—	15	1	1	—	—	1
13										—	—	—	—	—	—
—	3	—	17	8	6	1	—	—	—	8	8	4	3	3	1
9										3	6				—
96										18	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	1	—	1	—	6	1
1	—	—	—	—	2	—	—	1	—	—	—	—	2	5	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	1	—	—	—	4	—	—	—	—	10	—	5	15	3	23
—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	3					—
2	8	1	—	14	6	—	—	6	—	7	1	—	—	—	—
—	—	4	2	4	—	5	5	7	2	17	6	5	11	87	4
15	29	6	24	40	34	4	—	10	—	58	10	10	20	11	25

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

АРХИВНЫЙ ИНВЕНТАРЬ.

Значеніе, форма и изданіе архивныхъ описей—вопросъ первостепенной важности для архивовъ, обязанныхъ описывать древнія рукописи, и для науки, изучающей архивные матеріалы. Научная постановка и вѣрное рѣшеніе этого вопроса намъ кажутся возможными только при посредствѣ выясненія и сопоставленія требованій закона съ практикою описательной дѣятельности архивовъ древнихъ актовъ и требованіями людей науки, близко стоящихъ къ архивному дѣлу.

Законъ 7-го іюля 1852 года, учредившій Московскій архивъ министерства юстиціи, возложилъ на канцелярію директора архива, состоявшую изъ 50-ти лицъ, составленіе „описанія“ архивныхъ документовъ. Объ изданіи описанія въ этомъ законѣ ничего не было сказано, а его форма и порядокъ были предоставлены усмотрѣнію министра юстиціи и директора архива.

При директорѣ П. И. Ивановѣ описательная канцелярія архива была занята распредѣленіемъ на разряды и отдѣлы архивныхъ документовъ, приведеніемъ въ порядокъ и нумераціей книгъ, свитковъ, вязокъ и дѣлъ и составленіемъ инвентарнаго описанія архивныхъ документовъ, часть котораго была напечатана впоследствии въ первой и второй книгахъ архивнаго изданія, начатаго при Н. В. Калачовѣ подъ заглавіемъ „Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи“.

Въ 1869 году въ предисловіи къ первой книгѣ сказаннаго архивнаго изданія были напечатаны „правила“ описанія архива, проекти-

рованныя Н. В. Калачовымъ и утвержденныя министромъ юстиціи. въ которыхъ говорится слѣдующее:

1) *„Начинать описаніе каждою разряда документовъ съ составленія имъ описей; описи эти должны имѣть значеніе инвентарей тому, что находится въ описываемомъ разрядѣ, давая краткій, но ясный отчетъ о каждомъ дѣлѣ, книгѣ и отдѣльномъ документѣ; 2) по такимъ описямъ, пользуясь по мѣрѣ надобности и самими документами, составлять систематическіе перечни содержанія ихъ... Описаніе по первому способу, какъ инвентарь, въ которомъ занумерованъ каждый отдѣльный документъ, должно храниться въ архивѣ при самыхъ книгахъ и дѣлахъ для непосредственныхъ въ нихъ справокъ; описаніе же систематическое и ученое должно быть издано въ свѣтъ“.*

По изданіи „правилъ описанія“ архива 1869 года архивная канцелярія, обязанная закономъ описывать архивныя рукописи, уклонилась отъ этой обязанности и посвятила свою дѣятельность научной разработкѣ и изданію архивныхъ матеріаловъ. Одинъ изъ чиновниковъ архива времени Калачова утверждаетъ, что „по штатамъ архива никакого ученаго отдѣленія не значится; но въ дѣйствительности оно возникло и существовало все время при Калачовѣ, какъ вполне самостоятельное отдѣленіе архива, специально преслѣдовавшее научныя задачи его. Въ составъ этого отдѣленія входили поступавшія въ архивъ лица съ высшимъ образованіемъ; *официально они носили званіе столоначальниковъ, секретарей и т. п.; но въ дѣйствительности не несли никакихъ административныхъ и канцелярскихъ обязанностей, а всецѣло занимались только научными работами“* (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1892 г. „Памяти Востокова“, стр. 9). Самъ Н. В. Калачовъ слѣдующими словами характеризуетъ описательную работу Московскаго архива министерства юстиціи, послѣдовавшую за изданіемъ правилъ описанія 1869 года: *„по этой системѣ изготовляется въ архивѣ разомъ нѣсколько работъ, чему посвятили себя исключительно нѣсколько молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно въ университетахъ, изъ коихъ во второй книгѣ „Описанія документовъ и бумагъ“ напечатана статья г. Сѣвернаго о дѣлахъ Сыскаго приказа; въ третьей помѣщены статьи г. Петровскаго, „О Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго“ и г. Мрочекъ-Дроздовскаго „Областное управленіе эпохи перваго учрежденія губерній“; а въ слѣдующихъ затѣмъ книгахъ печатается. между прочимъ, систематическое описаніе въ высшей сте-*

пени любопытных бумаг, относящихся къ кратковременному царствованію Иоанна Антоновича. Въ то же время цѣльные документы, имѣющіе важное значеніе, какъ матеріалъ для разработки русской исторіи и русскаго права, издаются архивомъ въ свѣтъ, благодарн содѣйствію историческихъ обществъ, Петербургскаго и Московскаго, Русскаго Географическаго и Императорской академіи наукъ". (Сборникъ Государственныхъ знаній, изд. В. П. Безобразовымъ; т. IV; стр. 214, 215).

Такимъ образомъ „Описаніе документовъ“, официальное архивное изданіе, превратилось въ сборникъ диссертаций молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; одни изъ чиновниковъ архива были заняты изготовленіемъ и печатаніемъ такихъ диссертаций, подъ названіями „систематическихъ описаній“ или „обозрѣній“; другіе посвятили служебное время выборкѣ архивныхъ матеріаловъ для частныхъ изданій.

А между тѣмъ, количество неприведенныхъ въ порядокъ и неописанныхъ документовъ Московскаго архива министерства юстиціи, вслѣдствіе присоединенія къ нему въ теченіе послѣдняго сороколѣтія многихъ архивовъ упраздненныхъ столичныхъ и провинціальныхъ учреждений, возросло до громаднхъ размѣровъ, до двухъ съ половиною милліоновъ номеровъ книгъ, свитковъ, вязокъ и дѣлъ, представляющихъ сборники (древнихъ актовъ), заключающіе въ себѣ десятки и сотни безпорядочныхъ и неописанныхъ древнихъ актовъ. Множество документовъ принято въ архивъ безъ всякихъ описей и остаются въ немъ непригодными для практическихъ справокъ и для научныхъ изслѣдованій, потому что, по архивнымъ правиламъ (ст. 26). „документы, еще неприведенные въ систематическій порядокъ, а равно числящіеся по архивнымъ реестрамъ „безгласными“ или секретными, никакимъ постороннимъ учреждениямъ и частнымъ лицамъ выдаемы быть не могутъ“. (Памятная книжка Московскаго архива министерства юстиціи; стр. 170).

Личное обозрѣніе организаціи и дѣятельности архивовъ древнихъ актовъ въ Германіи, Франціи, Италіи и Австріи и обсужденіе вопроса о составленіи и печатаніи архивной инвентарной описи въ Петербургской археографической комиссіи (см. Лѣтопись Занятій; кн. V; отд. IV, стр. 145—158; к. VII, отд. IV, стр. 74—83) измѣнили воззрѣніе Калачова по этому вопросу: „къ чести начальствъ, говорить онъ въ своей теоріи архивовъ древнихъ актовъ 1877 года, должно сказать, что они поняли важное значеніе составленія описаній и

указателей въретенныхъ имъ документовъ и, не выжидая времени, когда будутъ разобраны всѣ эти документы и выдѣлены изъ нихъ матеріалы, полезныя въ научномъ отношеніи, приступили къ изданію въ свѣтъ указателей... Легче печатать памятники, нежели составлять имъ описанія или реестры съ цѣлью обнародованія этихъ послѣднихъ. Первою главною обязанностію служащихъ въ архивъ есть составленіе описаній и указателей рукописямъ ввѣреннаго имъ хранилища“ („Архивы, ихъ государственное значеніе, составъ и устройство“, въ сборникѣ Безобразова, V, стр. 206, 209, 213).

Подъ влияніемъ новыхъ понятій объ организаціи и дѣятельности архивовъ древнихъ актовъ, Н. В. Калачовъ предпринялъ реформу дѣятельности Московскаго архива министерства юстиціи; но изъ дѣлъ архивной канцеляріи видно, что эта реформа оказалась неисполнимою, потому что разъ поручено было чиновникамъ канцеляріи составленіе „ученыхъ систематическихъ обзорѣній“ и изданіе архивныхъ матеріаловъ, то уже невозможно было возвратитъ такихъ „ученыхъ архивистовъ“ къ исполненію обязанности „начинать описаніе каждаго разряда документовъ съ составленія имъ инвентарныхъ описей“. Распоряженія, направленные къ исполненію этой обязанности архивными чиновниками, оставались мертвою буквою. Состоявшіе на службѣ чиновники за исполненіе служебной обязанности, за составленіе „отчетливой и добросовѣстной описи“ требовали отъ управляющаго архивомъ особой платы „сверхъ жалованья“. (См. Памяти Востокова, стр. 17). Современникъ утверждаетъ, что даже поступавшій на службу „ставилъ условіемъ своего поступленія въ архивъ освобожденіе отъ обязательнаго ежедневнаго хожденія на службу, предлагая вмѣсто того разрѣшить ему брать архивные документы на домъ и тамъ заниматься“, и что будто-бы Н. В. Калачовъ, „гуманный и чуждый формальнаго отношенія къ дѣлу, разрѣшалъ эту уступку“ (тамъ-же, стр. 8). Это послѣднее заявленіе однако-же не оправдывается фактически (тамъ-же, стр. 15).

Тогда Н. В. Калачовъ задумалъ такую реформу архива, по которой было-бы возможно оставить за штатомъ почти весь персоналъ архивныхъ чиновниковъ. 30-го марта 1885 года Калачовъ подалъ министру юстиціи проектъ преобразованія архива въ Археологическій институтъ, долженствовавшій состоятъ изъ 6 справочныхъ чиновниковъ (двухъ архиваріусовъ и четырехъ помощниковъ архиваріусовъ), неопредѣленнаго количества слушателей, обязанныхъ слушать лекціи по архивовѣдѣнію и составлять инвентарное описаніе архивныхъ до-

кументовъ, и неопредѣленнаго количества *профессоровъ*, на которыхъ проектъ возлагалъ чтеніе лекцій, научную разработку и изданіе архивныхъ матеріаловъ. По новому проекту Архива-Археологическаго института, всѣ „ученые архивисты“ времени Калачова могли сохранить службу въ архивѣ только въ значеніи „слушателей“, обязанныхъ составлять инвентарныя архивныя описи. такъ какъ служить въ значеніи „профессоровъ“ они не могли, не имѣя ученыхъ степеней.

Результатомъ этого проекта было изданіе уже по смерти Калачова Высочайше утвержденнаго 15-го іюня 1887 года мѣннія государственнаго совѣта, обратившаго бывшую описательную канцелярію архива въ описательное или редакціонное отдѣленіе, состоящее изъ редактора, двухъ старшихъ и пяти младшихъ помощниковъ его, причемъ обязанности описательнаго отдѣленія опредѣлены такъ, какъ значились обязанности *слушателей и профессоровъ* Археологическаго института въ проектѣ Калачова, за исключеніемъ чтенія лекцій; а именно: „Обязанности архива заключаются... въ составленіи описей и указателей хранящимся въ архивѣ дѣламъ и документамъ; въ научной разработкѣ и изданіи сего матеріала“. Въ дополненіе къ этому опредѣленію штатами архива назначена ежегодная сумма въ тысячу рублей „на печатаніе изданій и важнѣйшихъ описей“. (Памятная книжка Московскаго архива министерства юстиціи, стр. 163, 165).

Н. А. Поповъ, подобно Калачову, душевно преданный архивному дѣлу и желавшій принести ему возможно большую пользу, поселившись въ архивѣ, ясное своего предшественника видѣлъ недостатки дѣятельности архивныхъ чиновниковъ и энергично приступилъ къ ея реформѣ въ направленіи специально архивныхъ цѣлей. Удаливъ изъ архива многихъ чиновниковъ времени Калачова, онъ замѣнилъ ихъ молодыми людьми высшаго образованія. Этимъ новымъ силамъ архива Н. А. Поповъ поручилъ сначала составленіе обстоятельной исторіи архивовъ, вошедшихъ въ составъ Московскаго архива министерства юстиціи, съ цѣлью болѣе полнаго и яснаго опредѣленія состава содержанія послѣдняго; а когда эта исторія была закончена и напечатана въ архивномъ изданіи рядомъ съ „обозрѣніями“, начатыми большею частью при Калачовѣ, Н. А. Поповъ потребовалъ отъ нихъ составленія инвентарныхъ описей.

При Н. А. Поповѣ была составлена очень полезная „Памятная книжка Московскаго архива министерства юстиціи“, съ цѣлью „дать для служащихъ въ архивѣ справочную книгу по всѣмъ предметамъ, которые входятъ въ кругъ ихъ обязательныхъ занятій“. Въ этомъ

архивномъ руководствѣ Н. А. Поповъ, соотвѣтственно правиламъ Калачова 1869 года, требуетъ отъ архивистовъ всего прежде архивнаго инвентаря, а составленіе архивными чиновниками ученыхъ систематическихъ описаній признаетъ непосильною для архива роскошью. „Архивъ“, говоритъ Н. А. Поповъ, *прежде всего долженъ имѣть описи*, которыя обезпечивали бы цѣлость дѣлъ и способствовали быстрому присканію справокъ, то-есть *прежде всего реестры и алфавиты...* отъ архивныхъ чиновниковъ нельзя требовать учености“ (стр. 174). Въ „обозрѣніяхъ“ архивистовъ времени Н. В. Калачова Н. А. Поповъ усматривалъ не ученые изслѣдованія и систематическія описанія архивныхъ документовъ, а „словесность“, не соотвѣтствовавшую специальнымъ задачамъ архива. Въ письмѣ Н. А. Попова къ А. А. Востокову отъ 20-го іюля 1889 г. говорится: *«я возложу на редакціонный отдѣлъ описи: пора отъ словесности перейти и къ строго архивнымъ трудамъ»*. (Памяти А. А. Востокова, стр. 21). Но кратковременность управленія архивомъ и смертельная болѣзнь Н. А. Попова лишили его возможности закончить начатую реформу служебныхъ работъ архивныхъ чиновниковъ. Полная реформа описательной дѣятельности Московскаго архива министерства юстиціи, намѣченной Н. В. Калачовымъ и начатой Н. А. Поповымъ, послѣдовала въ 1892 году, когда высшею администраціей архива было сдѣлано нижеслѣдующее распоряженіе, напечатанное въ предисловіи къ IX книгѣ „Описанія документовъ Московскаго архива министерства юстиціи“ (изд. 1894 г.):

1) „Закончить къ 1-му января 1894 года работы архивныхъ чиновниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „обозрѣній“, и всѣ наличныя рабочія силы архива, свободныя отъ справочныхъ занятій, направить къ составленію описанія документальнаго архивнаго имущества, къ приведенію его въ порядокъ въ архивномъ хранилищѣ и къ печатанію описанія въ архивномъ изданіи, подъ заглавіемъ „Описаніе документовъ и бумагъ Московскаго архива министерства юстиціи“.

2) „Напечатанное описаніе документовъ должно имѣть цѣлью охрану содержанія архива на будущее время и облегченіе архивныхъ справокъ и ученыхъ розысканій, а потому должно указывать номеръ каждаго документа въ описанномъ архивномъ отдѣлѣ, его время, содержаніе, количество листовъ или склеекъ, дефекты и мѣсто помѣщенія въ архивномъ хранилищѣ“.

Приступая къ исполненію этого распоряженія, Московскій архивъ министерства юстиціи выработалъ предварительно форму описанія древнихъ рукописей, соотвѣтствующую содержанію архива и совре-

меннымъ требованіямъ науки и закона. До окончательнаго утвержденія эта форма была предложена на рассмотрѣніе Высочайше учрежденной 15-го сентября 1892 года комиссіи по преобразованію дѣятельности центральныхъ архивовъ древнихъ актовъ, состоявшей изъ представителей археографическихъ комиссій и начальниковъ архивовъ разныхъ вѣдомствъ. Въ одномъ изъ засѣданій этой комиссіи единогласно было признано, что „сохранить въ порядкѣ и цѣлости матеріалы нашей историко-юридической жизни для будущихъ поколѣній наша первая прямая и священная обязанность, а исполнить эту обязанность возможно посредствомъ составленія архивами инвентарныхъ описей по формѣ описи Московскаго архива министерства юстиціи“. (Проектъ докладной записки министру народнаго просвѣщенія; стр. 121).

Въ описаніи документовъ Московскаго архива министерства юстиціи рѣшено сохранить неизмѣнными раздѣлы, отдѣлы и нумерацію документовъ, установленные комитетомъ 1835 года и описательную канцелярію бывшаго директора архива Иванова, потому что перемѣна старой архивной нумераціи лишила бы архивъ возможности провѣрять по новымъ описямъ старыя архивныя справки, а занимающихся въ архивѣ постороннихъ лицъ лишила бы возможности повѣрять ссылки въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, основанныхъ на документахъ нынѣ существующей архивной нумераціи.

Описанію каждой рукописи даннаго архивнаго отдѣла, предпосылается общій обзоръ его содержанія, за которымъ помѣщается инвентарная опись каждаго номера рукописей отдѣла, съ характеристикою документовъ однороднаго содержанія краткимъ выраженіемъ: „боярская книга“, „жилицкій списокъ“, „верстальная десятня“ даннаго города и т. д.; документы же архивной нумераціи разнороднаго содержанія подраздѣляются на группы актовъ однороднаго содержанія и указываются страницы или склейки рукописей, на которыхъ помѣщаются акты каждой группы.

Въ названіяхъ древнихъ актовъ рѣшено сохранить терминологію современную описываемымъ документамъ, потому что разрѣшеніе измѣнять и исправлять терминологію древнихъ актовъ архивистамъ нашего времени, долженствующимъ составлять инвентарныя описи, было бы дѣломъ очень рискованнымъ въ научномъ отношеніи.

Съ цѣлью охраны архивныхъ документовъ отъ фальсификаціи и утраты, подобныхъ многократно обнаруженнымъ въ центральныхъ архивахъ древнихъ актовъ, принято отмѣчать въ примѣчаніяхъ къ описи документовъ пробѣльные листы и выписывать скрѣпы и подписи, по-

тому что это самое вѣрное средство охраны древнихъ актовъ и доказательства принадлежности данной описанной рукописи тому архиву, которому принадлежитъ ея инвентарная опись.

Принятая Московскимъ архивомъ министерства юстиціи форма описанія древнихъ актовъ выражаетъ минимумъ требованій, предъявляемыхъ архивисту въ видахъ потребностей архивныхъ и научныхъ, но не стѣсняетъ его въ описаніи рукописей отмѣчать факты, акты и дѣла, особенно интересные въ научномъ отношеніи. Въ этомъ отношеніи описаніе содержанія древнихъ рукописей невозможно подвести подъ одну какую бы то ни было форму, потому что объемъ содержанія описи обусловливается разнородностью содержанія рукописей, подлежащихъ описанію. Весь объемъ содержанія множества архивныхъ рукописей, имѣющихъ форму книгъ и свитковъ, характеризуется краткимъ выраженіемъ: „боярская книга“, „жилецкій списокъ“, „разрядная книга“, „писцовая книга“, „межевая книга“ и т. д. Но въ архивахъ хранится также множество книгъ, свитковъ, вязокъ и дѣлъ съ документами разнороднаго содержанія, краткая инвентарная опись котораго требуетъ многихъ строкъ, а часто и многихъ страницъ. Напримѣръ, описанію содержанія каждаго нумера разрядныхъ вязокъ, напечатанному въ X томѣ „Описанія“, посвящено нѣсколько страницъ; описанію содержанія каждаго нумера актовыхъ книгъ Кіевскаго центрального архива посвящается многостраничный выпускъ, а между тѣмъ, это описаніе представляетъ собою краткую инвентарную опись, требуемую закономъ 2-го апрѣля 1852 года.

Къ законченной и напечатанной описи документовъ каждаго архивнаго разряда должны быть присоединены алфавитные указатели: личный, географическій и предметный.

По указанной формѣ архивъ приступилъ въ концѣ 1892 года къ приведенію въ порядокъ и описанію документовъ бывшаго Разряднаго Приказа, наиболѣе беспорядочныхъ и наиболѣе важныхъ для научныхъ изслѣдованій и для практическихъ архивныхъ справокъ.

По настоящее время составлены и напечатаны въ IX и X книгахъ „Описанія документовъ“ (изд. 1884 и 1896 гг.) инвентарная опись слѣдующихъ архивныхъ отдѣловъ, составляющихъ подраздѣленія документовъ разряда: боярскихъ книгъ, боярскихъ списковъ, жилецкихъ списковъ, десятичь, смотрѣнныхъ списковъ, книгъ разрядныхъ столовъ: московскаго, владимірскаго, новгородскаго, сѣвскаго, бѣлгородскаго, приказнаго, денежнаго и кіевскаго; дѣлъ разныхъ родовъ, дѣлъ разрядныхъ и разрядныхъ вязокъ. Въ прибавленіи къ

X книгъ „Описанія“ помѣщены указатели: личный, географическій и учреждений. Вслѣдъ затѣмъ описательное отдѣленіе архива приступило къ составленію описи свитковъ или столбцовъ московскаго стола Разряднаго Приказа, за описаніе котораго принимались архивисты семидесятихъ и восьмидесятихъ годовъ, но не двигались далѣе второй сотни столбцовъ, а ихъ въ отдѣлѣ около 1200. Нынѣ къ описаннымъ уже столбцамъ этого отдѣла заканчивается составленіе личного алфавитнаго указателя, по окончаніи котораго столбцы Московскаго стола Разряда войдутъ въ составъ справочныхъ отдѣловъ архива, а опись будетъ напечатана въ XI томѣ „Описанія документовъ“.

Независимо отъ указанныхъ описательныхъ и издательскихъ работъ архива, одному изъ чиновниковъ описательнаго отдѣленія поручены повѣрка и подготовка къ печатанію составленной при П. И. Ивановѣ инвентарной описи 15 тысячъ грамотъ Коллегіи Экономіи; а одному изъ вольнослужащихъ въ архивѣ поручены выборка и печатаніе образцовыхъ и особо важныхъ въ научномъ отношеніи документовъ отдѣленія „Литовской Метрики“, относящихся къ литовскимъ сеймамъ и экономическому состоянію народонаселенія литовскаго государства. Эта послѣдняя работа, въ объемѣ около 40 печатныхъ листовъ, заканчивается печатаніемъ. Наконецъ, пять вольнонаемныхъ лицъ архивной канцеляріи заняты специально алфавитами къ архивнымъ документамъ, необходимыми для архивныхъ справокъ.

Успѣшность работы Московскаго архива министерства юстиціи, послѣднихъ лѣтъ, направленной къ приведенію въ порядокъ, составленію и печатанію описанія документовъ Разряднаго Приказа, доказываетъ фактически, что если бы эта работа, начатая при директорѣ Ивановѣ по отношенію къ документамъ Помѣстнаго Приказа и грамотамъ Коллегіи Экономіи, не была прервана составленіемъ архивными чиновниками „групповыхъ обзорнѣй“, то въ настоящее время множество архивныхъ отдѣловъ, состоящихъ изъ книгъ, вязокъ и свитковъ съ беспорядочными актами и дѣлами, разбитыми, безъ пагинаціи, безъ описей и алфавитовъ, недоступными для практическихъ справокъ и научныхъ работъ, были бы приведены въ порядокъ, пронумерованы и снабжены описями и указателями, безъ которыхъ невозможны полныя и вѣрныя архивныя справки и научныя изслѣдованія по архивнымъ документамъ.

Напечатанная опись даетъ возможность ученымъ людямъ, заинтересованнымъ архивнымъ матеріаломъ, указать ея недостатки, а указанія научной критики на дѣйствительные недостатки описи будутъ

приняты съ благодарностью управленіемъ Московскаго архива министерства юстиціи и помогутъ его усиліямъ, направленнымъ къ упорядоченію и описанію хранилища, заключающаго въ себѣ до двухъ съ половиною милліоновъ сборниковъ древнихъ актовъ, книгъ, столбцовъ, вязокъ и дѣлъ, представляющихъ собою официальные доказательства личныхъ и имущественныхъ правъ государственнаго народонаселенія и богатѣйшіе матеріалы для научнаго познанія русской исторіи и исторіи русскаго права.

До настоящаго времени объ инвентарныхъ описяхъ Московскаго архива министерства юстиціи были высказаны въ печати только мнѣнія лицъ, мало знакомыхъ съ архивнымъ дѣломъ, и заявленія архивистовъ, лично заинтересованныхъ въ рѣшеніи вопроса о формѣ, значеніи и изданіи архивныхъ описей, а потому представляющихъ въ невѣрномъ освѣщеніи описательную дѣятельность Московскаго архива министерства юстиціи, а также относящіяся къ ней узаконенія и распоряженія архивной администраціи.

Анонимъ апрѣльской книжки журнала „Русской Мысли“ за текущій годъ говоритъ, что „десятый томъ Описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, наполненъ сплошь такъ называемыми инвентарными описями, то-есть *описями канцелярскою, а не научнаго характера*“. „Печатно противъ этихъ канцелярскихъ описей высказались И. М. Каманинъ, О. П. Истомины, Н. Н. Оглоблинъ, В. Н. Сторожевъ и др. Особенно рѣзки отзывы извѣстныхъ ученыхъ архивистовъ Каманина и Оглоблина.. *По нашему законодательству архивъ есть учрежденіе ученое*, на обязанности котораго лежитъ научная разработка и изданіе важнѣйшихъ первоисточниковъ“.

Тотъ же анонимный библиографъ въ декабрьской книжкѣ „Русской Мысли“ за прошедшій годъ требуетъ отъ Московскаго архива министерства юстиціи невозможнаго *изданія текста „всѣхъ“, то-есть 390 десятковъ, хранящихся въ архивѣ*, образцы которыхъ уже были изданы на средства архива при Н. А. Поповѣ.

Анонимный библиографъ январьской книжки за текущій годъ „Журнала Юридическаго Общества при Петербургскомъ Университетѣ“ серьезно заявляетъ, что „при Московскомъ архивѣ министерства юстиціи учреждено особое редакціонное отдѣленіе, *на опубликованіе работъ котораго ассигнована тысяча рублей въ годъ, помимо штатныхъ окладовъ членовъ этого отдѣленія, служащихъ, такъ сказать, иононаромъ за ихъ литературный трудъ (?)*... Опоздавъ съ выхо-

домъ ежегодника (?), составители, ради достиженія известной толщины (?), прибѣгли къ курьезному средству: они стали указывать пустыя мѣста въ рукописяхъ и выписывать всѣ ихъ скрѣпы и подписи“.

Въ анонимной корреспонденціи изъ Москвы, напечатанной въ 20-мъ номерѣ „Міровыхъ Отголосковъ“ за текущій годъ, говорится: „Предшествующая дѣятельность нынѣшняго главы архива министерства юстиціи вовсе не подготовила его къ управленію архивами. Вѣроятно, потому (?) главною задачею Московскаго архива министерства юстиціи онъ поставилъ не научное систематическое изданіе и описаніе его актовъ, а составленіе и печатаніе въ архивномъ изданіи канцелярскихъ инвентарей, негодныхъ ни для научныхъ цѣлей, ни для справочныхъ потребностей (?), а между тѣмъ о послѣднихъ министерство особенно заботится“.

Ө. П. Истомина напечаталъ въ V выпускѣ „Книговѣднія“ за 1894 годъ замѣтку „Къ вопросу объ описаніи актовыхъ книгъ въ архивахъ западныхъ губерній“, въ которой свою компетентность въ рѣшеніи этого вопроса опредѣляетъ слѣдующими словами: „Я все же нѣкоторое время занимался кое-какими научными изслѣдованіями въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ... съ содержаніемъ и характеромъ документовъ, которые находятся на храненіи въ архивахъ внутреннихъ губерній и столичныхъ, я мало знакомъ“ (стр. 1, 4). Разсужденіе автора, направленное къ доказательству преимущества „ученыхъ фактическихъ указателей предъ архивными инвентарями“, основано на слѣдующемъ понятіи о значеніи архивныхъ инвентарныхъ описей: „инвентарныя описи вѣдь предназначаются почти исключительно для тѣхъ лицъ, которыя отыскиваютъ дворянскія права (?), а для ученыхъ изслѣдователей подобныя инвентари никакого значенія имѣть не могутъ“ (?)..

Изъ дѣлъ канцеляріи Московскаго архива министерства юстиціи видно, что въ 1886 году Н. А. Поповъ разрѣшилъ архивариусу Оглоблину „составить обзорѣніе книгъ, столбцовъ и дѣлъ Сибирскаго Приказа, въ количествѣ 6.903 номеровъ, относящихся къ 1595—1768 годамъ“ (Дѣло канцеляріи архива, № 723); а въ годичномъ отчетѣ о дѣятельности архива за 1890 годъ было сказано: „Обзорѣніе документовъ Сибирскаго приказа предполагалось окончить въ текущемъ 1891 году“ (Дѣло канцеляріи архива, № 25). Но означенное обзорѣніе не было закончено даже къ 1-му января 1894 года, назначенному распоряженіемъ министра юстиціи 1892 года срокомъ прекращенія

составленія архивными чиновниками въ присутственное время „обозрѣній“ и печатанія такихъ работъ на средства архива.

Въ январѣ 1894 года архивариусу Оглоблину было предложено посвятить присутственное время составленію требуемаго архивными правилами инвентаря документовъ Сибирскаго Приказа, съ правомъ продолжать „ученое обозрѣніе“ въ неприсутственное время, напечатать его въ изданіяхъ ученыхъ учреждений и представить эту служебную работу, какъ частное изданіе, на академическую премию, на что испрошено было специальное разрѣшеніе министра юстиціи.

Въ 1895 году г. Оглоблинъ напечаталъ первую часть своего „Обозрѣнія столбцовъ и книгъ Сибирскаго Приказа“ въ изданіи Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ; а въ предисловіи къ нему высказалъ слѣдующее заявленіе: „Раньше предполагалось печатать обозрѣніе въ „Описаніи документовъ Московскаго архива министерства юстиціи“—по мысли покойнаго управляющаго архивомъ Н. А. Попова, о которомъ не могу не вспомнить съ чувствомъ благодарности за оказанное имъ содѣйствіе моей работѣ (?). Но новая администрація архива юстиціи, поставившая задачей своего изданія—печатать примитивныя, инвентарныя описи вмѣсто систематическихъ „обозрѣній“, отказалась отъ печатанія моего обозрѣнія“ (стр. 16).

Вслѣдъ за выходомъ изъ печати приведеннаго заявленія Н. Н. Оглоблина, печатается въ IX книгѣ „Чтеній Историческаго Общества Нестора лѣтописца“ за 1895 годъ статья И. М. Каманина, подъ заглавіемъ: „Чѣмъ должны быть описи архивовъ“, въ которой говорится, что „трудъ Н. Н. Оглоблина, по независимымъ отъ автора обстоятельствамъ, долженъ былъ пріютиться въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей“!.. Новая администрація архива отказалась отъ печатанія его „Обозрѣнія“ въ своемъ официальномъ органѣ. Подобный отказъ тѣмъ болѣе удивителенъ, что та же администрація (?) печатаетъ изслѣдованія по исторіи русскаго права почти въ каждой книгѣ „Описанія документовъ и бумагъ“ (?), что является уже нѣкотораго рода роскошью“... Выражая затѣмъ свои мнѣнія о достоинствахъ „Обозрѣнія“ г. Оглоблина и недостаткахъ „официальныхъ инвентарныхъ описей“, г. Каманинъ высказываетъ слѣдующее положеніе: „въ архивахъ, при составленіи описи актамъ, приходится руководствоваться указами устарѣвшаго уже закона, который въ свое время имѣлъ въ виду лишь практическія требованія“ (стр. 5). Но, во-первыхъ, законъ, требующій отъ архивовъ инвентарныхъ описей, имѣетъ въ виду не только практическія, но и на-

учныя требованія; а во-вторыхъ, если законъ устарѣлъ, то должно ходатайствовать объ его отиѣнѣ, а пока законъ существуетъ, администрація и всѣ служащіе въ архивѣ обязаны исполнять его требованія; законъ же 1852 и 1887 годовъ требуетъ отъ описательной дѣятельности архива всего прежде инвентарнаго описанія: „составленія описей и указателей хранящимся въ архивѣ дѣламъ и документамъ и печатанія важнѣйшихъ описей“. (Памятная книжка Московскаго архива министерства юстиціи, стр. 163, 165).

Результатомъ критики г. Каманина являются слѣдующіе выводы: „Трудъ г. Оглоблина представляетъ собою послѣднее слово науки“ (стр. 8), а IX книга „Описанія документовъ“ не удовлетворяетъ и обыкновеннымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ простымъ канцелярскимъ описямъ“ (стр. 9).

Трудъ г. Оглоблина, дѣйствительно, имѣетъ свои достоинства, въ значеніи систематической выборки и изданія архивныхъ матеріаловъ, иначе мы не рѣшились бы ходатайствовать о правѣ представить этотъ трудъ на академическую премию, а въ нашей рецензіи не высказались бы за присужденіе ему премии Сибирякова. Но для насъ несомнѣнно также, что „Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго Приказа“ почти совершенно бесполезно, въ значеніи „архивнаго руководства“ и „описанія архивныхъ документовъ“. Противное кажется г. Каманину только потому, что онъ мало знакомъ съ состояніемъ и содержаніемъ документовъ Московскаго архива министерства юстиціи и не проверялъ фактически указателей „Обозрѣнія“ г. Оглоблина.

Состояніе документовъ и описей Московскаго архива министерства юстиціи выражается въ слѣдующей характеристикѣ Н. Н. Оглоблина: „Во многихъ столбцахъ листы расклеились и перепутались, вслѣдствіе чего и документы перебиты и спутаны. Путаница листовъ произошла еще отъ того обстоятельства, что только первые 327 номеровъ (а ихъ въ отдѣлѣ Сибирскаго Приказа болѣе 9000) имѣютъ пагинацію, а листы почти всѣхъ остальныхъ столбцовъ не перенумерованы, поэтому и въ цитатахъ (автора „Обозрѣнія“) ссылки на листы встрѣчаются только по столбецъ № 327, а въ остальныхъ указывается только номеръ столбца... Въ каждомъ столбцѣ и книгѣ обыкновенно описаны два, три (рѣдко больше) начальныхъ документа, а остальные проходятся молчаніемъ, да и первые описаны и кратко и невѣрно... Отсутствие такого существеннаго пособія при составленіи обозрѣнія, какъ описи, не могло не отозваться на точности и систематичности его. Весьма возможно, что подробныя описи документовъ

Сибирскаго Приказа откроютъ немалыя прорѣхи и неточности въ настоящемъ обзорѣни; но это судьба всѣхъ обзорѣний, составляемыхъ по подлиннымъ документамъ и не руководимыхъ предварительно сдѣланными точными и обстоятельными описями“.

Слѣдовательно, прежде чѣмъ составлять систематическое обзорѣніе, во всякомъ случаѣ. необходимо было предварительно привести въ порядокъ документы Сибирскаго Приказа и составить имъ точную и обстоятельную опись, тѣмъ болѣе, что и архивныя правила обязываютъ „начинать описаніе каждаго разряда документовъ съ составленія имъ описей“.

Самъ г. Оглоблинъ опредѣлилъ пользу своей обзорѣвательной работы для ученыхъ изслѣдователей и для архива слѣдующими словами: „Надѣюсь, что несмотря на значительные недостатки обзорѣнія, неизбежныя въ такой обширной и кропотливой работѣ, она принесетъ немалую пользу архиву юстиціи, то-есть тѣмъ, кто въ немъ будетъ работать надъ спеціальнымъ изученіемъ Сибирскаго Приказа“ (предисловіе, стр. 16). Но на практикѣ оказалось, что для такихъ лицъ и для архива „Обзорѣніе“ автора бесполезно, потому что его обзорѣвательная работа не была связана съ архивною работою, направленною къ упорядоченію и описанію документовъ Сибирскаго Приказа инвентарнымъ способомъ. Всѣ рукописи, оставленныя авторомъ безъ пагинаціи, въ безпорядочномъ состояніи, съ перебитыми и спутанными актами и дѣлами, неописанными инвентарно, не подлежатъ выдачѣ для занятій въ архивѣ постороннимъ частнымъ лицамъ, а равно и высылкѣ въ какія бы то ни было учрежденія, по правилу архива: „Документы, еще неприведенные въ порядокъ..., никакимъ постороннимъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ выдаваемы быть не могутъ“— (Памятная книжка; стр. 170; ст. 26). Но если бы этого правила не существовало и безпорядочные документы выдавались для занятій частнымъ лицамъ, то и тогда „Обзорѣніе“ г. Оглоблина было бы мало полезно для ученыхъ, занимающихся въ архивѣ. Надняхъ Историческое общество Нестора лѣтописца обратилось въ архивъ съ просьбою дать г. предѣдателью общества для научныхъ занятій перепись Лубенскаго полка, сохранившуюся въ столбцѣ Сибирскаго Приказа подъ № 1637. Столбецъ оказался съ документами до такой степени спутанными въ перебитыхъ склейкахъ, что возстановленіе въ немъ порядка и пагинація склеекъ потребовали работы цѣлой недѣли опытнаго архивиста. Приступавшіе къ изученію столбцовъ Сибирскаго Приказа по изданіи „Обзорѣнія“ г. Оглоблина немедленно возвращали

ихъ обратно, потому что акты, составляющіе содержаніе столбцовъ, оказались недоступными для изученія по своей спутанности въ переплетенныхъ и пронумерованныхъ склейкахъ, а приведеніе ихъ въ порядокъ требуетъ времени, какимъ не располагаютъ изслѣдователи, являющіеся въ архивъ для научныхъ занятій. Какой же смыслъ имѣютъ групповыя обзорѣнія съ ихъ указателями, оставляющіе архивныя документы въ такомъ беспорядкѣ, что изслѣдователи не могутъ пользоваться ими для научныхъ цѣлей?

А между тѣмъ, на „Обзорѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго Приказа“, ограничившее свою первоначальную задачу (6903 нумера) групповымъ обзорѣніемъ содержанія только 3325 номеровъ столбцовъ и книгъ (предисловіе, стр. 4 и 5), затрачено авторомъ 8 лѣтъ, и длилось бы оно еще неизвѣстное количество времени ¹⁾, если бы не было прервано распоряженіемъ высшей архивной администраціи, какъ работа, дорого стоящая, нарушающая установленный порядокъ архивной службы, мало полезная въ научномъ отношеніи и бесполезная для архива.

Съ другой стороны, достоинство критики г. Каманина, направленной противъ инвентарныхъ описей, нынѣ составляемыхъ Московскимъ архивомъ министерства юстиціи, выражается въ слѣдующихъ словахъ: „Описаніе документовъ не удовлетворяетъ и обыкновеннымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ простымъ канцелярскимъ описямъ; отъ каждой изъ послѣднихъ, какъ извѣстно, требуется, чтобы было указано время и мѣсто дѣйствія, самое дѣйствіе и дѣйствующія лица. Не то мы видимъ въ „Описаніи“ архива министерства юстиціи. Напримѣръ, № 1 — 7135 (1626 — 1627 гг.). Боярская книга. — 476 л.; и только. Также описаны и всѣ другія боярскія книги, а между тѣмъ, здѣсь бы слѣдовало опредѣлить, къ какой мѣстности относится боярская книга, какою разряда бояре записаны и проч.“ (стр. 9). Въ подлинникѣ инвентарной описи „боярскихъ книгъ“ предшествуетъ общее обзорѣніе ихъ содержанія, изъ котораго видно, что всѣмъ боярскимъ книгамъ имѣется въ архивѣ алфавитъ, отпечатанный на 498 страницахъ, и что каждая боярская книга заключаетъ въ себѣ „списки служилыхъ людей, бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ, дум-

¹⁾ Въ письменномъ сообщеніи г. Оглоблина отъ 23-го января 1894 года на имя управляющаго архивомъ говорится: „Кажется, мѣсяцъ тому назадъ я сказалъ Вамъ, что „надѣюсь окончить обзорѣніе весною“, а сейчасъ скажу, что эту надежду уже потерялъ, и когда окончу не знаю, не знаю и не могу знать“.

ныхъ дьяковъ, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, начальныхъ людей въ полкахъ и дьяковъ въ приказахъ“ того времени, къ которому относятся сохранившіяся боярскія книги. Слѣдовательно. „Описание“ даетъ ясный и точный отвѣтъ на требованія, предъявляемыя закономъ и наукою къ инвентарнымъ описямъ по вопросамъ „о времени и мѣстѣ дѣйствія, самомъ дѣйствіи и дѣйствующихъ лицахъ“; въ этомъ отношеніи опись боярскихъ книгъ такъ полна, что болѣе полная свѣдѣнія можетъ дать только изданіе текста списковъ служилыхъ людей, составляющихъ содержаніе боярскихъ книгъ. Что же касается требованія по вопросамъ: „къ какой мѣстности относится боярская книга, какого разряда бояре записаны въ ней и проч.“, то г. Каманину, рѣшающемуся критиковать результатъ дѣятельности Московскаго архива министерства юстиціи, слѣдовало бы по крайней мѣрѣ знать, что въ *Московскомъ государствѣ были только московскіе бояре*, въ значеніи одного высшаго разряда служилыхъ людей. Именованіе же описей „Описанія“ „канцелярскими“ ничего не обозначаетъ по вопросу объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ, хотя и вѣрно, потому что Московскій архивъ министерства юстиціи, дѣйствительно, по своему положенію въ системѣ государственныхъ учреждений, занимаетъ мѣсто третьяго департамента министерства юстиціи, представляющаго собою канцелярію министра юстиціи. Фактическія же преимущества „канцелярскихъ“ архивныхъ инвентарей предъ групповыми обзорніями или фактическими указателями состоятъ въ томъ, что при составленіи инвентаря документы приводятся въ порядокъ и нумеруются, описываются всѣ рукописи архивныхъ отдѣловъ и всѣ дѣла въ каждой рукописи, что даетъ возможность, при помощи сопровождающихъ инвентарь указателей, немедленно отыскать въ архивѣ дѣло, требуемое для архивной справки и для ученыхъ занятій, а въ напечатанной формѣ такой инвентарь служитъ лучшимъ средствомъ охраны отъ расхищенія документальнаго архивнаго имущества и ознакомленія съ нимъ ученыхъ людей.

Новый походъ архивистовъ противъ архивныхъ инвентарей, требуемыхъ закономъ, съ цѣлью замѣнить ихъ фактическими указателями или групповыми обзорніями, явленіе старое, давно осужденное людьми науки, близко знавшими и знающими архивное дѣло. Истинные мотивы критики архивными чиновниками требуемыхъ закономъ и наукою инвентарныхъ описей и указателей давно указаны Н. В. Калачовымъ: „Какъ ни полезно, говорить онъ, составленіе подобныхъ указателей, многіе ли изъ специалистовъ архивнаго дѣла готовы принять на себя

такую работу? При своих знаніяхъ *архивистъ можетъ пріобрести юраздо болѣе славы и даже матеріальнаго вознагражденія за свои изслѣдованія*, составленныя на основаніи своего же архива. *Легче печатать памятники, нежели составлять имъ описанія или реестры съ цѣлью обнародованія этихъ послѣднихъ*". (Сборникъ государственныхъ знаній В. П. Безобразова; т. IV, стр. 207, 213, изд. 1877 г.). Но эти мотивы, конечно, не освобождаютъ архивную администрацію отъ обязанности требовать отъ архивныхъ чиновниковъ исполненія лежащей на нихъ обязанности по приведенію въ порядокъ, храненію въ цѣлости и инвентарному описанію архивныхъ документовъ.

Что же касается утверждаемой архивными чиновниками бесполезности инвентарныхъ описей для науки, то надѣмся, что нижеслѣдующій обзоръ воззрѣній по этому вопросу людей науки докажетъ противное каждому безпристрастному читателю.

Высочайшій указъ 2-го апрѣля 1852 года возложилъ на центральные архивы древнихъ актовъ „составленіе и печатаніе краткихъ описей актовымъ книгамъ, съ означеніемъ нумера каждаго документа, его содержанія, мѣсяца и числа, когда оный состоялся и когда явленъ“. Въ 1870 году кievскій архиваріусъ возбудилъ ходатайство объ отмѣнѣ обязанности архива печатать архивныя описи и возложенія на него взаимнѣ той обязанности составленія алфавитовъ. Это ходатайство было мотивировано тѣмъ, что печатаніе инвентарныхъ описей, необходимыхъ для архива, бесполезно для ученыхъ, требуетъ большихъ издержекъ отъ казны и отнимаетъ много времени у архивныхъ чиновниковъ; составленіе и печатаніе описанія документовъ, потребнаго для ученыхъ, по мнѣнію кievскаго архиваріуса, должно составлять обязанность археографической комиссіи, а не архива. Въ 1872 году подобное же ходатайство возбудилъ и архиваріусъ Виленскаго центральнаго архива, по которому „краткія архивныя описи бесполезны для архива, науки, мѣстной археографической комиссіи, частныхъ лицъ и присутственныхъ мѣстъ; архивныя описи слѣдуетъ замѣнить предметными указателями, при посредствѣ которыхъ архивъ древнихъ актовъ можетъ быть разработанъ и проясненъ ученымъ образомъ“. Оба ходатайства архиваріусовъ были переданы министромъ народнаго просвѣщенія на обсужденіе Петербургской археографической комиссіи, а предсѣдатель комиссіи передалъ ихъ на предварительное разсмотрѣніе А. Ѳ. Бычкова, Н. И. Костомарова, М. О. Кояловча и П. А. Гильтебрандта, сообщившихъ свои заключенія въ за сѣданія комиссіи 31-го октября 1870 года и 19-го марта 1877 г.

(Лѣт. Зан. Археогр. ком.; V, отд. IV, стр. 145—158; VII, отд. IV, стр. 74—83) Эти заключенія выражаются въ нижеслѣдующихъ положеніяхъ.

А. Ѡ. Бичковъ: „Большая часть каталоговъ рукописей представляютъ лишь одни перечни, которые тѣмъ не менѣ являются чрезвычайно важнымъ пособіемъ для занимающихся наукою. *Обнародованіе даже перечневой описи дѣлзъ, сообщающей лишь одни ихъ заголовки и служащей указателемъ, что заключается въ архивѣ, не можетъ не вызвать благодарности ученыхъ изслѣдователей.* Во Франціи съ 1852 г. началъ печататься *inventaire sommaire des archives départementales antérieures à 1790*,—самый краткій перечень актовъ, заключающихся въ департаментскихъ архивахъ,—и съ какою признательностью къ правительству и къ лицамъ, трудящимся надъ составленіемъ этихъ перечней, французскіе ученые приняли и принимаютъ десятки томовъ, облегчающихъ имъ разысканіе, указывающихъ на такіе документы, существованія которыхъ они и не подозрѣвали. Въ Германіи и Англии также существуютъ изданія, подающія руку помощи исторіи обнародованіемъ описей того, что хранится въ архивахъ. Отчего же мы должны идти не по проторенной дорогѣ? Кому неизвѣстно, что каждый благоустроенный архивъ долженъ имѣть описи?... Въ отзывѣ г. Горбачевскаго (архиваріуса), конечно, заслуживаетъ вниманія не то обстоятельство, что *важность и необходимость составленія и печатанія архивныхъ описей отвергается безъ всякихъ доводовъ, голословно, то-есть отвергается давнымъ давно признанное полезнымъ для науки.* но то, что *упущенъ законъ 2-го апрѣля 1852 года, требующій въ интересахъ науки составленія и изданія этихъ описей...* Ученые и практическія цѣли, которыя имѣло въ виду правительство при предписаніи составлять и печатать описи, существуютъ и въ настоящее время, и съ точки зрѣнія науки было бы весьма желательно и полезно продолженіе составленія и печатанія описей въ настоящемъ ихъ видѣ, такъ какъ эти описи вполне удовлетворяютъ ученымъ требованіямъ. Можно пожелать только, для удобства пользованія, присоединенія къ нимъ азбучныхъ указателей географическихъ мѣстностей и лицъ. Послѣдніе въ высшей степени необходимы“.

Н. И. Костомаровъ: „Что касается вопроса о печатаніи описи, то смѣю полагать, что *дѣло это не только полезное, но первой важности въ работахъ архива.* Доводы архиваріуса не выдерживаютъ даже легкой критики... Люди, занимающіеся наукою, не въ одномъ мѣстѣ живутъ и для cadaго изъ нихъ очень важно знать, что есть

по его части въ мѣстѣ, отдаленномъ отъ него. Прежде чѣмъ изучать вещь, нужно узнать о ея существованіи. Очень полезно для ученаго, прежде чѣмъ онъ рѣшится ѣхать пользоваться архивомъ, проглядѣть опись, чтобы узнать, есть ли тамъ то, что нужно для его ученыхъ видовъ“.

М. О. Кояловичъ: „Составленіе и печатаніе архивныхъ описей не только полезно, но и необходимо. Невозможно эту обязанность возложить на археографическую комиссію, имѣющую свою специальную задачу, состоящую въ изданіи архивныхъ матеріаловъ и научной ихъ разработкѣ... *Предлагаемые виленискимъ архивариусомъ алфавиты въ замѣнъ описей—вещь ненаучная.* При значительной части актовыхъ книгъ есть описи старыя, польскія; перевести эти уже готовые описи на русскій языкъ, сокративъ ихъ, гдѣ окажется нужнымъ, и затѣмъ издать—не составитъ ни особеннаго труда, ни значительнаго расхода, такъ какъ, вѣроятно, въ годъ будетъ выходить не болѣе одного тома. Между тѣмъ, въ это время чинами архива будутъ составляться новыя описи къ книгамъ преимущественно древнѣйшимъ“.

П. А. Гильтебрандтъ: „Законъ 2-го апрѣля 1852 года вышелъ изъ прекрасныхъ побужденій—собрать западно-русскую рукописную старину въ три центральные пункта, описать ее и описи издать въ свѣтъ“... По вопросу о предметныхъ алфавитахъ П. А. Гильтебрандтъ присоединился къ заключенію М. О. Кояловича, добавивъ, что *„такіе алфавиты могутъ быть вполне замѣнены указателями къ каждому печатному тому описи актовыхъ книгъ“*.

П. А. Мухановъ, предсѣдатель комиссіи, съ своей стороны добавилъ, что *„законъ, предписывая печатаніе краткихъ описей, имѣлъ въ виду какъ практическую, такъ и ученую цѣль, а равно предупрежденіе посредствомъ гласности возможности поддѣлки актовъ“*.

Выслушавъ изложенныя заключенія ученыхъ людей, близко знакомыхъ съ архивнымъ дѣломъ, комиссія единогласно постановила слѣдующее рѣшеніе: *„составленіе и печатаніе краткой описи актовъ слѣдуетъ продолжать, а напечатанную опись сдѣлать общедоступною, то-есть пустить ее въ продажу и снабжать указателями лицъ и географическихъ мѣстностей, встрѣчающихся въ заголовкахъ актовъ“*. Это рѣшеніе комиссіи вполне было одобрено и принято совѣтомъ министра народнаго просвѣщенія въ засѣданіи 3-го марта 1871 года.

П. А. Мухановъ, извѣстный собиратель и издатель архивныхъ матеріаловъ, въ своей статьѣ, подъ заглавіемъ: „Что желательно для русской исторіи“ (С.-Петербургъ 1870 г., стр. 150), посвященной

спеціально изложенію „важнѣйшихъ требованій, предъявляемыхъ современною наукою относительно сохраненія и изданія историческихъ памятниковъ“, по вопросу о составленіи и изданіи архивистами архивныхъ инвентарей говоритъ слѣдующее: „Храненіе и описаніе документовъ, относящихся къ отечественной исторіи, обратили на себя вниманіе правительствъ... Но для пользы исторіи не слѣдуетъ ограничиться только сохраненіемъ и описаніемъ архивовъ; необходимо приступить къ напечатанію описей. Это и дѣлается теперь во Франціи. Съ нашими архивами слѣдовало бы поступать также, то-есть начать обнародованіе краткихъ описей (inventaire sommaire), что не только содѣйствовало бы ознакомленію ученой публики съ тѣмъ, что находится въ нашихъ архивахъ, но и къ ихъ сохраненію. Если мы будемъ гоняться за совершенствомъ и предпримемъ подробное описаніе каждаго акта, то врядъ ли внуки наши увидятъ конецъ этихъ геркулесовскихъ трудовъ... Не надобно забывать, что мы не имѣемъ архивистовъ, приготовленныхъ спеціальнымъ образованіемъ къ этому званію“.

Н. В. Калачовъ, въ своей теоріи архивовъ древнихъ актовъ, напечатанной въ 1877 году подъ заглавіемъ: „Архивы, ихъ государственное значеніе, составъ и устройство“, значеніе составленія и печатанія архивныхъ инвентарей и обязанность архивистовъ по этому дѣлу выражаетъ слѣдующими словами: „Чѣмъ значительнѣе количество бумагъ, составляющихъ архивъ, тѣмъ труднѣе знать ихъ безъ указателей не только разныхъ отдѣловъ ихъ по содержанію, но и каждой рукописи въ особенности. Первая главная обязанность служащихъ въ архивъ есть составленіе описаній и указателей рукописямъ въ рѣдкѣ имъ хранилища... Инвентарный способъ описанія даетъ хотя краткое, но точное понятіе о каждомъ документѣ... Нѣтъ сомнѣнія, что такой способъ не можетъ быть устраненъ въ описаніи какаго бы то ни было архива: онъ дастъ инвентарь всего что здѣсь хранится, и необходимъ съ одной стороны для цѣлости документовъ, а съ другой для того, чтобы подробно, хотя и кратко, ознакомитъ дѣлающую справку или розысканіе съ содержаніемъ каждаго отдѣльнаго матеріала... Къ чести начальствъ, завѣдующихъ многими изъ нашихъ архивовъ, должно сказать, что они приступили къ изданію въ свѣтъ указателей“ (Сборникъ В. П. Безобразова; т. IV; стр. 206, 209, 211).

Н. А. Поповъ, въ „руководствѣ“, составленномъ для чиновниковъ Московскаго архива министерства юстиціи, говоритъ: „Инвентарная

описи (реестры, каталоги), то-есть краткіе перечни дѣлъ, однихъ заголовковъ, съ обозначеніемъ нумера, необходимы для каждаго архива, для распредѣленія дѣлъ на отдѣлы, для сохраненія порядка въ отдѣлахъ и для провѣрки наличности; архивъ министерства юстиціи прежде всего долженъ имѣть описи, которая обеспечивали бы цѣлость дѣлъ и способствовали быстрому приисканію справокъ, то-есть прежде всего реестры и алфавиты“. (Памятная книжка Московскаго архива министерства юстиціи; стр. 174).

В. С. Иконниковъ, въ своемъ обстоятельномъ обзорѣ архивовъ и архивнаго дѣла, указавъ на требованіе П. А. Муханова, по которому „для пользы исторіи необходимо обнародованіе краткихъ описей (inventaire sommaire), съ своей стороны заявляетъ, что „современная наука требуетъ, чтобы описи были изданы во всеобщее пользованіе“. (Опытъ Русской Исторіографіи; т. I, кн. 1, стр. 377, 379).

Такія же требованія по вопросу о значеніи, формѣ и изданіи архивныхъ описей предъявляетъ намъ современная западно-европейская научная теорія архивовъ древнихъ актовъ. Напримѣръ. Ch. V. Langlois, въ своемъ трактатѣ подъ заглавіемъ: „La science des Archives“, напечатанномъ въ 1895 году. (Revue Internationale des Archives; t. I, N. 1, Paris) говоритъ: „inventorier — c'est la fonction propre de l'archiviste; la fonction propre de l'archiviste n'est pas d'écrire l'histoire, ni même de publier des textes, ni même de compiler des registes... C'est seulement lorsque toutes les archives anciennes ayant été centralisées dans des dépôts publics, les inventaires descriptifs de ces dépôts seront achevés et indexés, c'est alors seulement que l'on pourra compiler dans de bonnes conditions, rapidement, à peu de frais et avec sécurité, ces catalogues d'actes, ces registes, ces statistiques de faits qu'il est aujourd'hui si penible et si prématuré d'entreprendre“... (р. 24, 25).

Сопоставленіе вышеизложенныхъ требованій закона и современной науки, по нашему мнѣнію, рѣшаетъ вопросъ о значеніи, формѣ и изданіи архивныхъ описей, дѣлаетъ обязательнымъ для архивовъ древнихъ актовъ составленіе и печатаніе архивныхъ инвентарей.

Д. Самковасовъ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ОБЪ ИСПЫТАНІЯХЪ ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1895 ГОДУ.

При обработкѣ настоящаго отчета составитель руководствовался такими же соображеніями, какія высказаны имъ въ предисловіи къ отчету объ испытаніяхъ зрѣлости, происходившихъ въ 1894 году (см. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1896 г. сентябрь). Подобно этому послѣднему, настоящій отчетъ распадается на двѣ главныя части: въ первой представлены результаты испытаній зрѣлости, произведенныхъ ученикамъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а во второй—результаты тѣхъ же испытаній постороннимъ лицамъ. Въ заключительной (третьей) части отчета сдѣланъ общій сводъ всѣхъ числовыхъ данныхъ, касающихся вообще испытаній зрѣлости въ отчетномъ году. Въ этой же части отчета приведены данныя относительно возраста молодыхъ людей, признанныхъ зрѣлыми, и о того рода дальнѣйшей дѣятельности, который они избрали; сдѣланъ сравнительный обзоръ результатовъ зрѣлости за время съ 1890 по 1895 годъ и сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія относительно производства испытаній зрѣлости въ различныхъ учебныхъ округахъ въ отчетномъ году.

I.

1) Въ 1895 году испытанія зрѣлости были произведены въ 177-ми учебныхъ заведеніяхъ имперіи, въ которыхъ состояло 3.922 ученика VIII-го класса. Распредѣленіе учебныхъ заведеній и учениковъ VIII-го класса по учебнымъ округамъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Учебные округа.	Число учебных заведений.	Число учеников VIII-го класса.
С.-Петербургскій	28 ¹⁾	598
Московскій	26 ²⁾	632
Варшавскій	21	372
Кіевскій	18	495
Одесскій	17 ³⁾	386
Харьковскій	17	374
Рижскій	10	233
Кавказскій	9	232
Виленскій	9	209
Казанскій	9	190
Оренбургскій	6 ⁴⁾	95
Западно-Сибирскій	4	59
Восточная Сибирь	2 ⁵⁾	27
Туркестанскій край	1	20
Всего	177	3922

Изъ общаго числа учениковъ VIII-го класса состояло:

въ 167-ми правительственныхъ гимназіяхъ	3782 (96,4%)
„ 5-ти церковныхъ училищахъ	76 (1,9%)
„ 5-ти частныхъ гимназіяхъ	64 (1,7%)

Всего . . . 3922

¹⁾ Правительственныхъ гимназій—21, считая въ томъ числѣ и гимназію Императорскаго историко-филологическаго института въ С.-Петербургѣ; училищъ при церквяхъ иностранныхъ исповѣданій (св. Петра, св. Анны, св. Екатерины и при реформатской церкви)—4 и частныхъ гимназій (Гуревича, Видемана и Мая)—3 въ С.-Петербургѣ.

²⁾ Правительственныхъ гимназій—23, считая въ томъ числѣ и гимназическое отдѣленіе Лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ Москвѣ и Александровскій дворянскій институтъ въ Нижнемъ-Новгородѣ; 1 училище при ев.-лютеранской церкви св. Петра и Павла и 2 частныхъ гимназій (Креймана и Поливанова) въ Москвѣ.

³⁾ Въ отчетномъ году открытъ VIII-й классъ при Павлоградской гимназій (въ г. Павлоградѣ Херсонской губ.), преобразованной изъ бывшей 6-тиклассной прогимназій.

⁴⁾ Считая въ томъ числѣ и VIII-й классъ бывшей Уральской войсковой гимназій, преобразованной въ настоящее время въ Уральское реальное училище.

⁵⁾ Въ городахъ Иркутскѣ и Красноярскѣ. Что же касается гимназій въ г. Читѣ, то она съ 1-го іюля 1894 г., вслѣдствіе изыятія Забайкальской области изъ вѣдѣнія главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири, подчинена окружному инспектору училищъ Приамурскаго края, которымъ не представлено никакихъ свѣдѣній объ испытаніяхъ зрѣлости, произведенныхъ въ этой гимназій въ отчетномъ году.

По сравненію съ предыдущимъ годомъ число учениковъ VIII-го класса увеличилось въ правительственныхъ гимназіяхъ на 63 человекъ, въ церковныхъ училищахъ на 7 человекъ; въ частныхъ же гимназіяхъ уменьшилось на 16 человекъ; въ общемъ оно увеличилось на 54 человекъ.

Наибольшее число учениковъ VIII-го класса было въ гимназіяхъ Кіевскаго учебнаго округа: въ среднемъ 27,5 на одну гимназію, а наименьшее—въ гимназіяхъ Восточной Сибири: 13,5 на одну гимназію. Всѣ округа по относительному числу учениковъ VIII-го класса слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ:

Кіевскій	29,5	на одну гимназію.
Кавказскій	25,7	" " "
Московскій	24,3	" " "
Рижскій	23,3	" " "
Виленскій	23,2	" " "
Одесскій	22,7	" " "
Харьковскій	22	" " "
С.-Петербургскій	21,3	" " "
Казанскій	21,1	" " "
Туркестанскій край	20	" " "
Варшавскій	17,7	" " "
Оренбургскій	15,8	" " "
Западно-Сибирскій	14,7	" " "
Восточная Сибирь	13,5	" " "

2) Изъ 3782-хъ учениковъ, находившихся въ VIII-мъ классѣ правительственныхъ гимназій, не были допущены къ испытаніямъ зрѣлости по малоуспѣшности въ ученіи за послѣднее время пребыванія въ гимназіи 104 (2,7%). Кроме того, испытаніе было отсрочено на одинъ годъ: 18-ти ученикамъ по болѣзни и 9-ти ученикамъ за нарушеніе правилъ объ испытаніяхъ (п. к. § 63), всего 27-ми ученикамъ (0,7%). Сравнивая числовыя данныя, касающіяся учениковъ правительственныхъ гимназій, не допущенныхъ къ испытаніямъ по малоуспѣшности, мы видимъ, что, за исключеніемъ тѣхъ гимназій, въ которыхъ не было ни одного случая недопущенія къ испытаніямъ по этой причинѣ (Оренбургскій и Западно-Сибирскій округа, Восточная Сибирь и Туркестанскій край), въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ былъ С.-Петербургскій округъ, для котораго процентное отношеніе числа не допущенныхъ къ испытаніямъ по малоуспѣшности къ общему числу учениковъ VIII-го класса выражается числомъ 0,2; за

нимъ слѣдуютъ округа: Одесскій—0,8%, Киевскій—1%, Харьковскій—1,1%, Кавказскій—1,3%, Виленскій—2,9%, Московскій—3,6%, Казанскій—3,7%. Варшавскій—5,1%; послѣднее мѣсто занимаетъ Рижскій округъ, въ которомъ было 15% не допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости учениковъ VIII-го класса.

По сравненію съ предыдущимъ годомъ число учениковъ правительственныхъ гимназій, не допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости по малоуспѣшности, уменьшилось на 20 человекъ, или на 0,6%.

Всего было устранено отъ испытаній зрѣлости по разнымъ причинамъ 131 ученикъ правительственныхъ гимназій — что составляетъ 3,5% всего числа учениковъ, бывшихъ въ VIII-мъ классѣ.

Изъ 76 учениковъ VIII-го класса, обучавшихся въ церковныхъ училищахъ, и 64-хъ учениковъ частныхъ гимназій не были допущены къ испытаніямъ зрѣлости по малоуспѣшности въ ученіи: въ первыхъ—5 (6,6%), во вторыхъ—1 (1,6%); кромѣ того одному ученику одной изъ частныхъ гимназій испытаніе было отсрочено на годъ по болѣзни. По сравненію съ предыдущимъ годомъ число учениковъ церковныхъ училищъ и частныхъ гимназій, не допущенныхъ къ испытаніямъ по малоуспѣшности, уменьшилось: въ первыхъ на 7 человекъ, во вторыхъ на 5 человекъ, или на 10,8% въ первыхъ и на 5,9% во вторыхъ.

Сводя эти числовыя данныя вмѣстѣ, получимъ общій итогъ учениковъ всѣхъ 177-ми учебныхъ заведеній имперіи, устраненныхъ по разнымъ причинамъ отъ испытаній зрѣлости въ настоящемъ году:

въ правительственныхъ гимназіяхъ	131 (3,5%)
„ церковныхъ училищахъ	5 (6,6%)
„ частныхъ гимназіяхъ	2 (3,1%)
<hr/>	
Всего	138 (3,5%) ¹⁾

Всего было допущено къ испытаніямъ зрѣлости въ отчетномъ году и подвергалось имъ:

въ правительственн. гимназіяхъ	4651 (96,5%)
„ церковныхъ училищахъ	71 (93,4%)
„ частныхъ гимназіяхъ	62 (96,9%)
<hr/>	
Всего	3784 (96,5%)

¹⁾ По сравненію съ предыдущимъ годомъ процентъ учениковъ VIII-го класса, устраненныхъ отъ испытаній, значительно уменьшился: въ 1894 году такихъ учениковъ было 189 (4,9%).

3) Изъ учениковъ правительственныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости, выдержали эти испытанія и получили аттестаты зрѣлости 3517 (96,3%), считая въ этомъ числѣ и тѣхъ двухъ учениковъ одной изъ гимназій С.-Петербургскаго учебнаго округа и одной изъ гимназій Кіевскаго округа, которымъ, въ виду ихъ болѣзненнаго состоянія, съ особаго разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, были выданы аттестаты зрѣлости безъ испытаній. Наилучшіе результаты дали испытанія, произведенныя въ гимназіяхъ Кавказскаго и Казанскаго учебныхъ округовъ, въ которыхъ всѣ ученики, допущенные къ испытаніямъ, выдержали ихъ успѣшно. Что же касается остальныхъ округовъ, то порядокъ ихъ, опредѣляемый процентнымъ отношеніемъ числа учениковъ, выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты зрѣлости, къ общему числу учениковъ, подвергавшихся испытаніямъ, слѣдующій: Оренбургскій (99%), С.-Петербургскій (98,8), Одесскій (98,7), Виленскій (98,5), Варшавскій (97,4), Восточная Сибирь (96,1), Кіевскій (95,5), Туркестанскій край (95), Западно-Сибирскій (94,9), Харьковскій (94,3), Московскій (94,1), Рижскій (85,3). Наибольшее число аттестатовъ зрѣлости, сравнительно съ числомъ гимназій, выдано гимназіями Кіевскаго учебнаго округа—25,8 на одну гимназію; порядокъ остальныхъ округовъ слѣдующій: Кавказскій—25,1, С.-Петербургскій—23,5, Московскій—22,9, Одесскій—22,1, Виленскій—22, Харьковскій—20,4, Казанскій—20,3, Туркестанскій край—19, Рижскій—16,8, Варшавскій—16,4, Оренбургскій—15,6, Западно-Сибирскій—14, Восточная Сибирь—12,5; а въ общемъ, по отношенію ко всей Имперіи, на одну гимназію приходится почти 21,1 аттестата зрѣлости. По сравненію съ предыдущимъ годомъ, въ которомъ изъ 3549-ти учениковъ правительственныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости, выдержали ихъ 3375 или 95,1%, результаты испытаній зрѣлости отчетнаго года значительно лучше, такъ какъ процентъ выдержавшихъ испытанія повысился на 1,2.

Изъ учениковъ церковныхъ училищъ и частныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ, выдержали ихъ и получили аттестаты зрѣлости: въ первыхъ—65 (91,6%), во вторыхъ—61 (98,4%). Сравнительно съ предыдущимъ годомъ процентъ выдержавшихъ испытанія учениковъ церковныхъ училищъ и частныхъ гимназій значительно измѣнился: для первыхъ понизился на 4,9, а для вторыхъ повысился на 3,9.

Общій итогъ учениковъ всѣхъ 177-ми учебныхъ заведеній импе-

рѣн, выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты зрѣлости, получается слѣдующій:

въ правительственн. гимназіяхъ	3517 (93%)
„ церковныхъ училищахъ . . .	65 (85,5%)
„ частныхъ гимназіяхъ . . .	61 (95,3%)
<hr/>	
Всего .	3643 (92,9%)

4) Изъ учениковъ правительственныхъ гимназій, выдержавшихъ испытанія зрѣлости, были награждены медалями: золотыми—186 и серебряными—188 учениковъ, всего 374 ученика,—что составляетъ 10,6% всего числа учениковъ правительственныхъ гимназій, получившихъ аттестаты зрѣлости. По отношенію къ отдѣльнымъ округамъ, процентъ учениковъ, награжденныхъ медалями, слѣдующій: Казанскій—17,5, Оренбургскій—13,8, Одесскій—13,1, С.-Петербургскій—11,6, Московскій—10,8, Харьковскій—10,7, Туркестанскій край—10,5, Кіевскій—10,1, Кавказскій—9,7, Виленскій—9,6, Западно-Сибирскій—8,9, Варшавскій—7,6, Рижскій—4,2, Восточная Сибирь—4.

Изъ учениковъ церковныхъ училищъ ни одинъ не былъ удостоенъ этого отличія, а въ частныхъ гимназіяхъ награждены медалями 4 ученика (6,5%).

Въ отчетномъ году процентъ награждаемыхъ медалями. повысившійся для частныхъ гимназій (былъ 2,9) сравнительно съ предыдущимъ годомъ, нѣсколько понижился для правительственныхъ гимназій (былъ 10,8) и въ общемъ выводѣ для всѣхъ учебныхъ заведеній (былъ 10,6, а въ отчетномъ году—10,4).

5) Изъ учениковъ правительственныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости, не выдержали этихъ испытаній—134 (3,7%). Наибольшій процентъ не выдержавшихъ испытаній учениковъ приходится на Рижскій учебный округъ (14,7%), а наименьшій—на Оренбургскій (1%). Что же касается остальныхъ округовъ, то порядокъ ихъ, опредѣляемый процентнымъ отношеніемъ числа учениковъ, не выдержавшихъ испытаній, къ общему числу учениковъ, подвергшихся имъ, слѣдующій: Московскій (5,9), Харьковскій (5,7), Западно-Сибирскій (5,1), Туркестанскій край (5), Кіевскій (4,5), Восточная Сибирь (3,9), Варшавскій (2,6), Виленскій (1,5), Одесскій (1,3), С.-Петербургскій (1,2). Въ гимназіяхъ Кавказскаго и Казанскаго учебныхъ округовъ, какъ уже замѣчено, всѣ ученики, допущенные къ испытаніямъ зрѣлости, выдержали ихъ успѣшно.

По сравненію съ предыдущимъ годомъ процентъ не выдержавшихъ испытаній учениковъ правительственныхъ гимназій понизился какъ въ общемъ (4,7 вмѣсто 4,9), такъ и по отношенію къ отдѣльнымъ округамъ, за исключеніемъ округовъ: Московскаго, Оренбургскаго, Виленскаго, Западно-Сибирскаго, Восточной Сибири и Туркестанскаго края, въ которыхъ онъ повысился: наибольшее повышение произошло въ Туркестанскомъ краѣ—на 5%, и въ округахъ: Западно-Сибирскомъ—на 2,1 и Московскомъ—на 2, а наибольшее пониженіе—въ Рижскомъ на 5,8.

Общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, полученныхъ всѣми 134-мя учениками правительственныхъ гимназій, не выдержавшими испытаній зрѣлости, доходить до 360 (въ среднемъ 2,7 на cadaго), изъ которыхъ 87,2% (314 отмѣтокъ) получено на письменныхъ испытаніяхъ и только 12,8% (46 отмѣтокъ)—на устныхъ. Наибольшее число такихъ отмѣтокъ приходится на латинскій языкъ, по которому получено 116 неудовлетворительныхъ отмѣтокъ (104 на письменныхъ и 12 на устныхъ испытаніяхъ); затѣмъ слѣдуютъ предметы: греческій языкъ—86 неудовлетворительныхъ отмѣтокъ (79 на письменныхъ и 7 на устныхъ испытаніяхъ), русскій языкъ—76 неудовлетворительныхъ отмѣтокъ (72 на письменныхъ и 4 на устныхъ испытаніяхъ), математика—73 неудовлетворительныхъ отмѣтокъ (59 на письменныхъ и 14 на устныхъ испытаніяхъ) и исторія—9 неудовлетворительныхъ отмѣтокъ. По отношенію къ отдѣльнымъ округамъ наибольшее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ было получено учениками гимназій Рижскаго округа: 80 на письменныхъ и 8 на устныхъ испытаніяхъ, всего 88, — что составляетъ 24,5% всего числа неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, или въ среднемъ—по 3 отмѣтки на cadaго изъ 29 учениковъ, не выдержавшихъ испытаній зрѣлости въ гимназіяхъ этого округа. Порядокъ остальныхъ округовъ, расположенныхъ по степени уменьшенія числа неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, слѣдующій: Московскій—69 (19,3%), Харьковскій—53 (14,7%), С.-Петербургскій—21 (5,8%), Одесскій и Варшавскій—14 (3,9%), Виленскій—6 (1,6%), Западно-Сибирскій—4 (1,1%), Туркестанскій край—3 (0,9%), Восточная Сибирь и Оренбургскій округ—1 (1,1%). По сравненію съ предыдущимъ годомъ, хотя общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ и уменьшилось на 100, но—въ среднемъ—на cadaго изъ не выдержавшихъ учениковъ правительственныхъ гимназій приходится почти столько же, сколько и въ 1894 году (2,7 вмѣсто 2,6). Что же касается отдѣльныхъ предметовъ, то число неудовлетвори-

тельныхъ отбѣтокъ уменьшилось по русскому языку (на 30), по латинскому языку (на 10), по греческому языку (на 23) и по математикѣ (на 21); по исторіи оно осталось прежнее (9), а по Закону Божію и по всѣмъ иностраннымъ языкамъ неудовлетворительныхъ отбѣтокъ не было.

Въ церковныхъ училищахъ и частныхъ гимназіяхъ изъ учениковъ, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости, не выдержали этихъ испытаній: въ первыхъ—6 (8,4%), получившіе въ общемъ 15 неудовлетворительныхъ отбѣтокъ на письменныхъ испытаніяхъ по русскому (5), латинскому (6) и греческому (1) языкамъ и на устныхъ испытаніяхъ по русскому (1) и нѣмецкому (1) языкамъ и по исторіи (1); во вторыхъ—1 (1,6%), получившій 3 неудовлетворительныя отбѣтки на письменныхъ испытаніяхъ по обоимъ древнимъ языкамъ и по математикѣ. По сравненію съ предыдущимъ годомъ процентъ учениковъ, не выдержавшихъ испытаній, въ церковныхъ училищахъ повысился на 4,9, въ частныхъ гимназіяхъ понизился на 3,9.

Общій итогъ не выдержавшихъ испытаній зрѣлости учениковъ всѣхъ 177-ми учебныхъ заведеній Имперіи получается слѣдующій:

въ правительственныхъ гимназіяхъ	134 (8,5%)
„ церковныхъ училищахъ	6 (7,9%)
„ частныхъ гимназіяхъ	1 (1,6%)
<hr/>	
Всего	141 (3,6%)

6) Если къ этому числу прибавить показанное выше число тѣхъ учениковъ VIII класса, которые по разнымъ причинамъ были устранены отъ испытаній, то получится сумма, показывающая общее число учениковъ, лишившихся возможности поступить въ отчетномъ году въ высшія учебныя заведенія вслѣдствіе неполученія аттестатовъ зрѣлости. Общее число такихъ учениковъ было:

въ правительственныхъ гимназіяхъ	265 (7%)
„ церковныхъ училищахъ	11 (14,5%)
„ частныхъ гимназіяхъ	3 (4,7%)
<hr/>	

Всего 279, — что составляетъ 7,1% всего числа учениковъ, находившихся въ VIII классѣ въ отчетномъ году предъ началомъ испытаній.

Изъ этого числа были со свидѣтельствами на основаніи § 80 Прав. объ испыт.

ученики правительственныхъ гимназій . . .	48
„ церковныхъ училищъ	—
„ частныхъ гимназій	1
	<hr/>
Всего	49

Остались на 2-й годъ въ VIII классѣ:

ученики правительственныхъ гимназій . . .	217
„ церковныхъ училищъ	11
„ частныхъ гимназій	2
	<hr/>
Всего	230

II.

Постороннихъ лицъ, заявившихъ желаніе подвергнуться испытаніямъ зрѣлости въ 1895 году, было 268 (сравнительно съ предыдущимъ годомъ на 53 человекъ больше). Распределеніе ихъ по учебнымъ округамъ, за исключеніемъ единственной гимназіи Туркестанскаго края (въ г. Ташкентѣ), въ которой не было постороннихъ лицъ на испытаніяхъ отчетнаго года, видно изъ слѣдующей таблицы:

Кіевскій	47 (17,5%)
С.-Петербургскій	39 (14,5%)
Одесскій	38 (14,1%)
Рижскій	36 (13,4%)
Казанскій	29 (10,8%)
Московскій	19 (7,1%)
Харьковскій	18 (6,7%)
Кавказскій	17 (6,3%)
Варшавскій	8 (3,0%)
Восточная Сибирь	7 (2,6%)
Виленскій	5 (1,9%)
Оренбургскій	3 (1,1%)
Западно-Сибирскій	2 (0,7%)

Всего 268 —

Изъ нихъ были устранены отъ испытаній: а) на основаніи § 51 правилъ объ испытаніи — по п. а 3, по п. б 1, по п. в 3, по п. г 6, и б) на основаніи § 63 п. к (за нарушеніе правилъ объ испытаніяхъ)—1, всего 14 человекъ (5,2%). Кромѣ того, не явились къ испытаніямъ: а) по болѣзни 3 и б) по неизвѣстной причинѣ 10,

всего 13 человекъ (4,9%). Такимъ образомъ изъ всего числа постороннихъ лицъ заявившихъ желаніе подвергнуться въ отчетномъ году испытаніямъ зрѣлости, были устранены или добровольно отказались отъ нихъ 27 человекъ или 10,1% (по сравненію съ предыдущимъ годомъ на 2,2 больше), а въ дѣйствительности подвергались имъ 241 человекъ (89,9%).

Изъ нихъ выдержали испытанія и получили свидѣтельства зрѣлости 122 человека, что составляетъ 50,6% всего числа постороннихъ абитуриентовъ, подвергавшихся испытаніямъ (по сравненію съ предыдущимъ годомъ на 2,9 меньше). Наибольшій процентъ ихъ приходится на Оренбургскій учебный округъ, для котораго онъ выражается полнымъ числомъ 100; остальные округа можно расположить въ слѣдующемъ порядкѣ: Восточная Сибирь (66,7%), Одесскій (64,7%). Виленскій (60%), Варшавскій и Кавказскій (57,1%), С.-Петербургскій (55,6%). Казанскій (51,9%), Киевскій (47,5%), Харьковскій (47,1%), Рижскій (33,3%), Московскій (26,3%).

Не выдержали испытаній зрѣлости изъ числа постороннихъ абитуриентовъ, допущенныхъ къ этимъ испытаніямъ и въ дѣйствительности подвергавшихся имъ, 119 человекъ или 49,4% (по сравненію съ предыдущимъ годомъ на 2,9 больше). По отношенію къ отдѣльнымъ учебнымъ округамъ процентъ не выдержавшихъ испытаній постороннихъ лицъ слѣдующій: Московскій — 73,7, Рижскій — 66,7, Харьковскій — 52,9, Киевскій — 52,5, Казанскій — 48,1, С.-Петербургскій — 44,4, Варшавскій и Кавказскій — 42,9, Виленскій — 40, Одесскій — 35,1, Восточная Сибирь — 33,3.

Общее число неудовлетворительныхъ отиѣтокъ, полученныхъ всѣми 119-ю посторонними абитуриентами, не выдержавшими испытаній, было 330, изъ которыхъ большая часть — 85,5% (282 отм.) получена на письменныхъ испытаніяхъ, остальные — 14,5% (48 отм.) — на устныхъ испытаніяхъ. Наиболѣе неудовлетворительно подготовленными оказались посторонніе абитуриенты по латинскому языку, по которому было получено всего 96 неудовлетворительныхъ отиѣтокъ (85 на письменныхъ и 11 на устныхъ испытаніяхъ); затѣмъ слѣдуютъ предметы: математика — 78 неудовл. отм. (69 на письменныхъ и 9 на устныхъ испытаніяхъ), греческій языкъ — 74 неудовл. отм. (65 на письменныхъ и 9 на устныхъ испытаніяхъ), русскій языкъ — 67 неудовл. отм. (63 на письменныхъ и 4 на устныхъ испытаніяхъ), Законъ Божій — 5 неудовл. отм., исторія — 4 неудовл. отм., физика съ математическою географіею, логика и новые иностранные языки — по 2 неудовл. отм. По сравненію съ предыдущимъ годомъ общее число неудовлетвори-

тельныхъ отбѣтокъ, полученныхъ посторонними абитуриентами, увеличилось какъ въ общемъ итогѣ (на 84), такъ и по отдѣльнымъ предметамъ (по русскому языку на 25, по математикѣ на 22, по латинскому языку на 21, по греческому языку на 10, по Закону Божию на 4, по исторіи на 2, по физикѣ на 1); только по логикѣ и по новымъ иностраннымъ языкамъ оно осталось безъ измѣненій. Но при этомъ, благодаря тому, что въ отчетномъ году подвергалось испытаніямъ большее число постороннихъ лицъ, чѣмъ въ предшествовавшемъ году, среднее число неудовлетворительныхъ отбѣтокъ, полученныхъ каждымъ изъ не выдержавшихъ испытаній, осталось прежнее (2,7).

III,

Въ заключеніе представимъ общій сводъ всѣхъ числовыхъ данныхъ, касающихся испытаній зрѣлости 1895 года.

1. Предъ началомъ испытаній состояло учениковъ VIII-го класса:	
въ 167-ми правительственныхъ гимназіяхъ	3782
„ 5-ти церковныхъ училищахъ	76
„ 5-ти частныхъ гимназіяхъ	64
	<hr/>
	3922

Подано прошеній о допущеніи къ испытаніямъ зрѣлости посторонними лицами	268
	<hr/>

Всего было абитуриентовъ въ отчетномъ году 4190

2. Къ испытаніямъ зрѣлости не были допущены или добровольно отказались отъ нихъ:

ученики правительственныхъ гимназій	131
„ церковныхъ училищъ	5
„ частныхъ гимназій	2
	<hr/>
	138
постороннія лица	27
	<hr/>

Всего было устранено отъ испытаній по разнымъ причинамъ 165 (4%)

3. Подверглись испытаніямъ:

ученики правительственныхъ гимназій	3651
„ церковныхъ училищъ	71
„ частныхъ гимназій	62
	<hr/>
	3784
постороннія лица	241
	<hr/>

Всего подвергалось испытаніямъ 4025 (96%)

4. Не выдержали испытаній:

ученики правительственныхъ гимназій	134	
„ церковныхъ училищъ	6	
„ частныхъ гимназій	1	
		141
постороннія лица		119
		260 (6,5%)

5. Выдержали испытанія и получили аттестаты и свидѣтельства зрѣлости:

ученики правительственныхъ гимназій	3517	
„ церковныхъ училищъ	65	
„ частныхъ гимназій	61	
		3643
постороннія лица		122
		3765 (93,5%)

Всего выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты и свидѣтельства зрѣлости было 3765 (93,5%)

Сопоставляя результаты испытаній отчетнаго года съ результатами предшествовавшаго года, по скольку они выражаются числовыми данными, мы можемъ сдѣлать слѣдующее заключеніе: такъ какъ въ отчетномъ году число не выдержавшихъ испытаній уменьшилось (6,5% вмѣсто 7%), а число выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты и свидѣтельства зрѣлости соответственно увеличилось (93,5% вмѣсто 93%), то результаты испытаній зрѣлости 1895 года должны быть признаны нѣсколько болѣе благопріятными, чѣмъ въ 1894 году, притомъ не только вообще, но и въ частности, какъ показано выше, по отношенію къ правительственнымъ и частнымъ гимназіямъ, и только для церковныхъ училищъ эти результаты были нѣсколько хуже, чѣмъ въ предшествовавшемъ году.

Помѣщенная въ концѣ отчета вѣдомость (№ 5) представляетъ выраженные въ числахъ результаты испытаній зрѣлости съ 1890 по 1895 годъ включительно. Изъ сопоставленія приведенныхъ въ этой сводной вѣдомости данныхъ оказывается, что отчетный годъ былъ наиболѣе благопріятнымъ для правительственныхъ гимназій относительно общаго числа абитуриентовъ, которые были удостоены аттестатовъ зрѣлости (96,3% вмѣсто: 95,1% въ 1894 г., 95,2% въ 1893 г., 94,8% въ 1892 г., 93,2% въ 1891 г. и 94,3% въ 1890 г.).

Такое же значеніе имѣлъ отчетный годъ и для частныхъ гимназій, если исключить изъ сравненія 1890 и 1891 годы, въ которые всѣ ученики частныхъ гимназій, допущенные къ испытаніямъ зрѣло-

сти, выдержали ихъ успѣшно (100%), за исключеніемъ въ 1890 г. 1 (1,5%) и въ 1891 г. 3 (3,8%), устраненныхъ отъ испытаній по малоуспѣшности. Измѣненіе процента устраненныхъ отъ испытаній по малоуспѣшности, удостоенныхъ аттестатовъ зрѣлости и не выдержавшихъ испытаній учениковъ частныхъ гимназій видно изъ слѣдующей таблицы:

	1892 г.	1893 г.	1894 г.	1895 г.
Устранено отъ испытаній по малоуспѣшности	2,3%	3,6%	7,5%	1,0%
Удостоено аттест. зрѣлости	92,5%	92,6%	94,5%	98,4%
Не выдержало испытаній	7,5%	7,4%	5,5%	1,6%

Что же касается церковныхъ училищъ, то для нихъ отчетный годъ имѣлъ далеко не такіе благоприятные результаты: процентъ учениковъ этихъ училищъ, удостоенныхъ аттестатовъ зрѣлости, значительно ниже, а процентъ тѣхъ изъ нихъ, которые не выдержали испытаній, соотвѣтственно значительно выше, чѣмъ во всѣ предыдущіе годы, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

	1890 г.	1891 г.	1892 г.	1893 г.	1894 г.	1895 г.
Удостоено аттестатовъ зрѣлости	100%	98,1%	98,3%	93,8%	96,5%	91,6%
Не выдержало испытаній	—	1,9%	1,7%	6,2%	3,5%	8,4%

Относительно процента учениковъ церковныхъ училищъ, устраненныхъ отъ испытаній по малоуспѣшности (6,6%), отчетный годъ занимаетъ среднее мѣсто: онъ выше, чѣмъ былъ въ 1891 г. (1,9%), въ 1892 г. (0%), въ 1893 г. (3%), и ниже, чѣмъ былъ въ 1890 г. (7,4%) и въ 1894 г. (17,4%).

Относительно постороннихъ лицъ, подвергавшихся испытаніямъ зрѣлости за время съ 1890 по 1895 годъ, можно сказать слѣдующее: хотя въ отчетномъ году общее число подавшихъ прошенія было больше, чѣмъ во всѣ предыдущіе годы (въ 1890 г.—256, въ 1891 г.—264, въ 1892 г.—187, въ 1893 г.—175, въ 1895 г.—268), но степень подготовки ихъ была такая же слабая, какъ и раньше, даже слабѣе, чѣмъ въ 1892 г. и въ 1894 г., судя по проценту тѣхъ изъ нихъ, которые успѣшно выдержали испытанія и получили свидѣтельства зрѣлости. Такихъ было: въ 1890 г.—43,3%, въ 1891 г.—43,8%, въ 1892 г.—51,8%, въ 1893 г.—49,1%, въ 1895 г.—50,6%.

Сводя вмѣстѣ данныя, касающіяся испытаній зрѣлости за 1890—1895 гг., получимъ слѣдующія числа, показывающія превосходство отчетнаго года по сравненію съ предыдущими годами:

Общее число абитуриентовъ предъ началомъ испытаний:

	въ 1890 г.	въ 1891 г.	въ 1892 г.	въ 1893 г.	въ 1894 г.	въ 1895 г.
а) ученики VIII класса	3342	3531	3831	3819	3868	3922
б) постороннія лица .	256	264	187	175	215	268
Всего	3598	3795	4018	3994	4083	4190
Изъ нихъ:						
а) Подвергались испытаніямъ зрѣлости	3445 (95,7%)	3625 (95,5%)	3855 (95,9%)	3829 (95,9%)	3877 (95%)	4025 (96%)
б) Выдержали испи- танія и получили атте- статы зрѣлости . . .	3126 (90,7%)	3272 (90,3%)	3584 (93%)	3568 (93,2%)	3605 (93%)	3765 (93,5%)
в) не выдержали ис- пытаній зрѣлости . . .	319 (9,3%)	353 (9,7%)	271 (7%)	261 (6,8%)	372 (7%)	260 (6,5%)

Что касается возраста молодых людей, удостоенных въ отчетномъ году аттестатовъ и свидѣтельствъ зрѣлости, что, какъ видно изъ приложенной къ отчету вѣдомости № 3, наибольшее число тѣхъ изъ нихъ, которые обучались въ правительственныхъ и частныхъ гимназіяхъ, приходится на 19-лѣтній возрастъ, а наименьшее—на 17-лѣтній возрастъ: первыхъ было всего 939 (26,2⁰/о), а вторыхъ—160 (4,5⁰/о); въ церковныхъ училищахъ наименьшее число было также 17-лѣтнихъ (4 или 6,1⁰/о), а наибольшее 18-и и 19-лѣтнихъ (тѣхъ и другихъ по 18 или 27,7⁰/о). Изъ постороннихъ абитуриентовъ наибольшій процентъ приходится на молодыхъ людей, имѣвшихъ 21 и болѣе лѣтъ: такихъ было всего 77 (63,1⁰/о), а 17-лѣтнихъ было только 3 (2,5⁰/о). Распределение всѣхъ абитуриентовъ, получившихъ аттестаты и свидѣтельства зрѣлости, по возрастамъ показано въ ниже-слѣдующей таблицѣ:

Возрастъ.	Правительств. гимназіи.	Церковныя училища.	Частныя гимназіи.	Посторон. лица.	Всего.
17-ти лѣтъ . . .	159 (4,52 ⁰ /о)	4 (6,1 ⁰ /о)	1 (1,6 ⁰ /о)	3 (2,5 ⁰ /о)	167 (4,44 ⁰ /о)
18-ти „ . . .	711 (20,22 ⁰ /о)	18 (27,7 ⁰ /о)	8 (13,1 ⁰ /о)	6 (4,9 ⁰ /о)	743 (19,73 ⁰ /о)
19-ти „ . . .	918 (26,10 ⁰ /о)	18 (27,7 ⁰ /о)	21 (34,4 ⁰ /о)	10 (8,2 ⁰ /о)	967 (25,68 ⁰ /о)
20-ти „ . . .	847 (24,08 ⁰ /о)	12 (18,5 ⁰ /о)	17 (27,9 ⁰ /о)	26 (21,3 ⁰ /о)	902 (23,96 ⁰ /о)
21-го года и болѣе . . .	881 (25,05 ⁰ /о)	13 (20 ⁰ /о)	14 (23 ⁰ /о)	77 (63,1 ⁰ /о)	985 (26,16 ⁰ /о)
Неизвѣстнаго возраста . . .	1 (0,03 ⁰ /о)	—	—	—	1 (0,03 ⁰ /о) ¹⁾
Всего .	3617	65	61	122	3765

Распределение абитуриентовъ 1895 года, получившихъ аттестаты и свидѣтельства зрѣлости, по избранной ими специальности, показано въ приложенной къ отчету вѣдомости № 4. Большинство ихъ выразило намѣреніе продолжать научное образованіе въ университетахъ 3201 (85,02⁰/о)

Въ высшія спеціальныя учебныя заведенія желали поступить 487 (12,93⁰/о)

Предполагали посвятить себя практической дѣятельности 76 (2,02⁰/о)

Не дали свѣдѣній о родѣ избранной специальности 1 (0,03⁰/о)

Всего 3765

¹⁾ Подъ рубрикою: „неизвѣстнаго возраста“ показанъ одинъ бывшій ученикъ одной изъ гимназій Кіевскаго учебнаго округа, о возрастѣ котораго не сообщено свѣдѣній изъ управленія округа.

Въ 1-й группѣ преобладающее большинство принадлежитъ тѣмъ молодымъ людямъ, которые пожелади посвятить себя изученію медицины, поступивъ на медицинскіе факультеты университетовъ или въ Военно-Медицинскую Академію.

Такихъ было 1074 33,5°/о (28,52°/о).

Остальные избрали факультеты:

Юридическій	1070	33,4°/о	(28,42°/о)
Физико-математическій . .	799	25°/о	(21,22°/о)
Историко-филологическій .	190	6°/о	(5,05°/о)
Восточныхъ языковъ . . .	54	0,4°/о	(1,43°/о)
Богословскій (при Юрьевскомъ университетѣ)	14	1,7°/о	(0,37°/о)

3201

Во 2-й группѣ по числу заявленій учебныя заведенія располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

Институтъ инженеровъ путей сообщенія	157	32,3°/о	(4,17°/о)
Технологическіе институты и другія высшія техническія училища	151	31°/о	(4,01°/о)
Земледѣльческія академіи и сельско-хозяйственныя институты	46	9,5°/о	(1,22°/о)
Горный институтъ	40	8,2°/о	(1,06°/о)
Военныя училища	26	5,3°/о	(0,70°/о)
Лѣсной институтъ	21	4,3°/о	(0,56°/о)
Институтъ гражданскихъ инженеровъ	15	3,1°/о	(0,40°/о)
Академія художествъ и консерваторія	10	2,1°/о	(0,26°/о)
Духовная академія	8	1,6°/о	(0,21°/о)
Александровскій Лицей . . .	6	1,2°/о	(0,16°/о)
Заграничныя учебныя заведенія спеціального характера .	5	1°/о	(0,13°/о)
Электро-технический институтъ	1	0,2°/о	(0,03°/о)

Кромѣ того, не выбралъ
опредѣленнаго учебнаго заве-
денія

1 0,2% (0,03%)

487

Изъ молодыхъ людей 3-й группы пожелали поступить:

Въ военную службу . . . 44 57,9% (1,17%)

Въ гражданскую службу . 6 7,9% (0,16%)

Избрали частную дѣятель-
ность:

Коммерческую 12 15,8% (0,32%)

Сельско-хозяйственную . . 8 10,5% (0,21%)

Учебную 6 7,9% (0,16%)

76

Не далъ свѣдѣній о родѣ
избранной специальности . .

1 — (0,03%) 1

3765

Темы и задачи для письменныхъ испытаній или предлагались отъ начальства того или другаго учебнаго округа, общія для всѣхъ учебныхъ заведеній округа, или выборъ ихъ предоставленъ былъ испытательнымъ комиссіямъ отдѣльныхъ учебныхъ заведеній. Первый способъ сообщенія темъ и задачъ былъ примѣненъ въ большей части учебныхъ округовъ: Московскомъ, Киевскомъ ¹⁾, Харьковскомъ, Рижскомъ, Виленскомъ, Казанскомъ, Оренбургскомъ, Западно-Сибирскомъ, въ Восточной Сибири и въ Туркестанскомъ краѣ; второй имѣлъ мѣсто въ Варшавскомъ и Одесскомъ округахъ, въ которыхъ каждая гимназія имѣла свои особыя темы по всѣмъ предметамъ письменнаго испытанія. Въ С.-Петербургскомъ и Кавказскомъ округахъ была примѣнена смѣшанная система: темы по древнимъ языкамъ и задачи по математикѣ были назначены отъ управленій этихъ округовъ, общія для всѣхъ учебныхъ заведеній ²⁾; что же касается темъ по русскому

¹⁾ Въ Киевскомъ округѣ предложены были двѣ тема: одна для гимназій года Кіева, другая—для остальныхъ гимназій округа.

²⁾ За исключеніемъ гимназій Историко-филологическаго института (въ С.-Петербургѣ), которой испытанія зрѣлости производятся внѣ контроля начальства С.-Петербургскаго округа.

языку, то назначеніе ихъ было предоставлено испытательнымъ комиссіямъ отдѣльныхъ заведеній, при чемъ въ первомъ изъ названныхъ округовъ тѣ учебныя заведенія (числомъ 14), которыя не доставили во время въ управленіе округа собственныхъ темъ, получили тему отъ управленія округовъ. Для русскаго сочиненія темы были или общаго содержанія, или историческія, или историко-литературнаго и обще-литературнаго характера. На письменныхъ испытаніяхъ по древнимъ языкамъ предлагались для перевода на русскій языкъ (а въ церковныхъ училищахъ съ русскаго языка на древній) отрывки изъ прозаическихъ произведеній древнихъ авторовъ, читаемыхъ въ гимназіяхъ, предварительно не читанные учениками. По латинскому языку большинство отрывковъ для этой цѣли было взято изъ Тита Ливія, но были предложены также отрывки изъ Саллюстія (Jugurtha), Юлія Цезаря (de bello Gall.), и Цицерона (in Verr.); по греческому языку для этой цѣли служили отрывки изъ Геродота и Ксенофонта (Anab., Cyrop., Hist. Gr.). По математикѣ были предложены двѣ задачи: одна по алгебрѣ и другая по геометріи съ введеніемъ въ послѣднюю такихъ данныхъ и условій, которыя должны были дать возможность судить о знакомствѣ абитуриентовъ съ тригонометрическими функціями, объ умѣньи ихъ пользоваться тригонометрическими таблицами и рѣшать треугольники ¹⁾. Письменные работы абитуриентовъ, согласно § 79 правилъ объ испытаніи, поступали, по окончаніи всѣхъ испытаній зрѣлости, на разсмотрѣніе окружныхъ управленій, которыми поручалось составленіе отзывовъ о нихъ или профессорамъ мѣстныхъ университетовъ, или состоящимъ при управленіяхъ окружнымъ инспекторамъ, или другимъ лицамъ по выбору окружнаго начальства. Такими рецензентами письменныхъ работъ абитуриентовъ 1895 года были ²⁾:

¹⁾ Постороннимъ лицамъ, кромѣ задачъ по алгебрѣ и геометріи, давались еще задачи по ариметикѣ.

²⁾ Изъ Московскаго учебнаго округа не было доставлено свидѣній о письменныхъ испытаніяхъ зрѣлости 1895 года; а изъ Рижскаго округа доставленъ только отзывъ рецензента русскихъ сочиненій.

Учебные округа.	По русскому языку.	По латинскому языку.	По греческому языку.	По математикѣ.
Въ С.-Петербурѣ.	окр. инсп. Мухомчевъ	окр. инсп. Санчурскій	6. окр. инсп. Моръ	окр. инсп. Муropicъ.
Варшавскомъ	проф. Кулаковский	проф. Новосадскій	проф. Анисимовъ.	проф. Анисимовъ.
"	" Смирновъ	" Дьячанъ	" Востоконъ.	"
"	" Сосоновичъ	" Вѣховъ	" Зининъ.	"
Кіевскомъ	проф. Флоринскій	проф. Кулаковский	проф. Дециуъ	проф. Букрѣвъ.
" Одесскомъ	проф. Кочубинскій	проф. Деревницкій	проф. Воеводскій	проф. Преображенскій.
" Харьковскомъ	проф. Сушиловъ	проф. Нетушиль	проф. Шимковъ.	проф. Шимковъ.
" Рижскомъ	проф. Пѣтуховъ			
" Кавказскомъ	окр. инсп. Завадскій	окружный инспекторъ	Доплатинскій	окр. инсп. Шингерь.
" Виленскомъ	преп. Минск. реальн. учил. Александровичъ.	"	Бржезинскій	дир. Виленск. реал. училища Фохтъ.
" Казанскомъ	окр. инсп. Дѣловъ	проф. Нагуевскій	проф. Вьдлевъ	проф. Суворовъ.
" Оренбургскомъ	окружный инспекторъ	инспекторъ	Адриановъ	окр. инсп. Чеховичъ.
" Зап.-Сибирск.	инсп. студентовъ Томскаго университета	бывшій окружный инспекторъ	Газза	окр. инсп. Карагодинъ.
"	Патницкій			
" Вост.-Сибир.	заслуж. преподаватель Красноярской гимназіи	главный инспекторъ	училища Татлинъ	
"	Арданскій			
" Туркестанск. крайъ.	главный инсп. учил. Керенскій	инспекторъ народныхъ училищъ	Прилежайевъ	инсп. народн. учил. Граменицкій.

Въ своихъ отзывахъ рецензенты даютъ обстоятельный разборъ бывшихъ на ихъ разсмотрѣніи письменныхъ работъ не только по существу, но и по формѣ ихъ выполненія, касаясь также вопроса объ оцѣнкѣ ихъ подлежащими испытательными комиссіями. Въ послѣднемъ отношеніи многіе рецензенты указываютъ фактъ болѣе или менѣе снисходительной оцѣнки письменныхъ работъ, мотивируемой иногда, въ отдѣльныхъ случаяхъ, принятіемъ въ соображеніе занятій учениковъ въ продолженіе учебнаго года. Но такъ какъ это разсмотрѣніе письменныхъ работъ производилось уже послѣ окончанія испытаній, то несогласіе рецензентовъ съ отмѣтками, выставленными испытательными комиссіями, не имѣло для абитуриентовъ никакихъ послѣдствій и не принимало той формы, которая могла бы потребовать, согласно § 65 прав. объ испыт., вмѣшательства попечительнаго совѣта въ качествѣ высшаго авторитета въ подобныхъ случаяхъ. Встрѣчаются указанія на слабость надзора за абитуриентами во время производства письменныхъ испытаній, результатомъ которой были нѣкоторыя, нежелательныя въ такомъ дѣлѣ, какъ испытанія зрѣлости. злоупотребленія со стороны абитуриентовъ (напримѣръ, на письменныхъ испытаніяхъ по греческому языку въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ Кіевскаго округа они пользовались русскимъ переводомъ Ксенофонта), и на другія, болѣе или менѣе существенныя, отступленія отъ тѣхъ требованій, которыя указаны въ существующихъ правилахъ относительно производства письменныхъ испытаній зрѣлости (§§ 62—65): въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ письменныя работы были разсмотрѣны членами испытательныхъ комиссій недостаточно внимательно, и рецензенты въ своихъ отзывахъ отмѣчаютъ не одинъ такой случай, когда въ работахъ абитуриентовъ были оставлены безъ исправленія порою весьма существенныя недостатки; не всегда выставлялась на работахъ одна общая отмѣтка, выражающая мнѣніе всей испытательной комиссіи; не вездѣ составлялись протоколы письменныхъ испытаній и пр.; а въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ (Рижскаго и Оренбургскаго округовъ) письменныя испытанія по русскому языку продолжались долѣе указаннаго § 62 прав. объ испыт. срока (на одинъ часъ и больше). На эти отступленія обращено вниманіе окружныхъ начальствъ, со стороны которыхъ были сдѣланы по гимназіямъ соотвѣтствующія распоряженія, направленные къ устраненію на будущее время замѣченныхъ на испытаніяхъ отчетнаго года нарушеній существующихъ правилъ и къ улучшенію самаго дѣла гимназическаго обученія. Нѣкоторые рецензенты обращаютъ вниманіе на слишкомъ широкое толкова-

нѣ педагогическими совѣтами нѣкоторыхъ гимназій предоставленнаго имъ права допускать къ устнымъ испытаніямъ учениковъ, исполнившихъ неудовлетворительно письменныя работы. Это право въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ понимается, повидимому, въ смыслѣ обязательнаго допущенія всѣхъ абитуриентовъ къ устнымъ испытаніямъ, вопреки самому смыслу § 67 врав. объ испыт., въ которомъ точно опредѣлены условия, допускающія возможность такой льготы, при чемъ русское сочиненіе выдѣлено изъ другихъ письменныхъ работъ: „русское сочиненіе—сказано въ концѣ этого §—неудовлетворительное въ орфографическомъ отношеніи и оцѣненное балломъ ниже трехъ, обуславливаетъ собою недопущеніе экзаменующагося къ устнымъ испытаніямъ зрѣлости“. Между тѣмъ въ отчетномъ году было не мало случаевъ (въ различныхъ округахъ) допущенія абитуриентовъ къ устнымъ испытаніямъ и при наличности послѣдняго обстоятельства, то есть неудовлетворительно исполненнаго русскаго сочиненія. Результатомъ этого является то, что—по словамъ одного рецензента—„общая усѣбность въ русскомъ языкѣ и словесности не улучшается, а оставляетъ желать многого“... Не менѣе странны случаи присужденія аттестатовъ зрѣлости ученикамъ, не выдержавшимъ устныхъ испытаній по тому или другому предмету, а такихъ случаевъ было въ отчетномъ году нѣсколько въ гимназіяхъ различныхъ округовъ.

Нѣкоторые рецензенты, высказываясь по поводу предложенныхъ на письменныхъ испытаніяхъ темъ и задачъ, выражаютъ свои desiderata, съ цѣлью поднятія качественной стороны испытаній, и предлагаютъ нѣкоторыя, не безполезныя въ общемъ, замѣненія въ нынѣшнихъ правилахъ о производствѣ письменныхъ испытаній зрѣлости. Такъ, профессоръ Харьковскаго университета Шимковъ не одобряетъ такихъ задачъ по математикѣ, которыя требуютъ многихъ вычисленій, особенно однородныхъ: „большаго навыка—говоритъ онъ въ своемъ отчетѣ—въ вычисленіяхъ въ нашихъ классическихкихъ гимназіяхъ, съ ихъ многолюдными классами и преобладаніемъ изученія языковъ, ни ожидать, ни тѣмъ болѣе требовать нельзя, а между тѣмъ это отвлекаетъ отъ главнаго въ письменныхъ отвѣтахъ—ясной формулировки соображеній и доказательствъ, изъ которыхъ получается возможность сужденія какъ о познаніяхъ, такъ и о развитіи экзаменующихся“. Тотъ же рецензентъ, въ виду менѣе удовлетворительнаго результата письменнаго испытанія по геометріи сравнительно съ таковымъ же по алгебрѣ, между тѣмъ какъ „знанію и пониманію геометріи въ гим-

нази слѣдуетъ — по его словамъ—придавать преобладающее значеніе въ сравненіи съ другими отдѣлами гимназическаго курса математики, потому что оно болѣе тѣсно связано съ умственнымъ развитіемъ учащихся“,—возбудилъ вопросъ о необходимости „введенія такого порядка на письменныхъ испытаніяхъ, чтобы задача по геометріи рѣшалась обязательно первою, между тѣмъ какъ теперь это преимущество дается, повидимому, алгебрѣ. Помимо того, что этимъ геометрія выдвинется на первый планъ, какъ то и слѣдуетъ, къ рѣшенію геометрической задачи ученики приступятъ съ свѣжими силами и съ большимъ запасомъ времени для изложенія ея. Умѣтность такого, повидимому, лишь формальнаго измѣненія вытекаетъ и изъ того, что въ настоящее время многія комиссіи объясняютъ въ своихъ протоколахъ недостатки письменныхъ отвѣтовъ по геометріи какъ недостаткомъ времени для этого, такъ и усталостью экзаменующихся послѣ нѣсколькихъ часовъ, потраченныхъ на рѣшеніе алгебраической задачи. Затѣмъ предлагаемое измѣненіе порядка рѣшенія задачъ естественно повлечетъ за собою относительное упрощеніе если не самой задачи, по алгебрѣ, то вычисленій въ ней“. Это мнѣніе профессора Шимкова нашло сочувственный приемъ въ попечительномъ совѣтѣ Харьковскаго учебнаго округа, обсуждавшемъ отзывы рецензентовъ письменныхъ работъ, и вызвало ходатайство совѣта объ измѣненіи соответствующаго пункта § 62 прав. объ испыт. въ томъ смыслѣ, чтобы для исполненія работы по геометріи назначался особый день, и чтобы на каждую изъ работъ по математикѣ разрѣшено было употреблять по 3 часа, вмѣсто 5 часовъ, нынѣ назначаемыхъ для совместнаго исполненія работъ по алгебрѣ и геометріи. За необходимость раздѣленія письменнаго испытанія по математикѣ на два дня высказался въ своемъ отчетѣ и профессоръ Новороссійскаго университета Преображенскій. Окружный инспекторъ Казанскаго учебнаго округа Дѣдовъ, характеризуя русскія сочиненія абитуриентовъ этого округа, указываетъ какъ на одинъ изъ „важныхъ недочетовъ“ этихъ работъ, „то, что въ области психологическихъ явленій свѣдѣнія абитуриентовъ оказались весьма ограниченными“, и по этому поводу высказываетъ сожалѣніе о томъ, что „логика въ гимназіяхъ такъ рѣшительно отдѣлена отъ психологіи“. „Съ одной стороны—говоритъ онъ въ своемъ отчетѣ—преподавателю логики при своихъ объясненіяхъ необходимо упираться на психологическія данныя, а съ другой—при наличности взгляда на психологію, какъ на науку далеко

не установившуюся, все-таки желательно, чтобы гимназисты, окончивая курсъ, соединяли съ тѣми или другими психологическими терминами точныя и ясныя представленія. Въ этомъ смыслѣ краткій, элементарный курсъ психологіи нельзя признать излишнимъ“.

Въ отчетномъ году на испытаніяхъ зрѣлости въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ и училищахъ присутствовали члены мѣстнаго управленія учебнаго округа, или приглашенные профессора и привать-доценты университетовъ; въ частныхъ гимназіяхъ испытанія происходили обязательно въ присутствіи депутата отъ управленія округа.

Въ отчетномъ году случаевъ разногласія между депутатами отъ окружныхъ управленій и испытательными комиссіями отдѣльныхъ заведеній, за исключеніемъ одного случая въ Казанскомъ учебномъ округѣ, не было

Списокъ темъ для русскаго сочиненія на испытаніяхъ зрѣлости 1895 года.

С.-Петербургскій учебный округъ.

- 1) Отъ управленія округа:
 - а) основная—разница между исторіею и историческимъ романомъ.
 - б) запасная—значеніе поэзіи Пушкина въ русской литературѣ.
- 2) Отдѣльныхъ гимназій:
 - а) Что трагическаго въ „Скупомъ рыцарѣ“ Пушкина?
 - б) Характеръ романтизма Жуковскаго.
 - в) Отраженіе личности писателя въ его произведеніяхъ.
 - г) О русскихъ пословицахъ.
 - д) Что значить изучать писателя?
 - е) Признаки ложноклассическаго направленія въ комедіи „Недоросль“.
 - ж) Постепенное развитіе драматическихъ произведеній въ Россіи.
 - з) Развитіе русскаго общества на основаніи „Домостроя“ Сильвестра и „Духовной“ Татищева.
 - и) Значеніе изящной литературы въ дѣлѣ образованія человѣка.

- і) О народности драмъ Пушкина.
- к) Какъ отразился взглядъ Карамзина на исторію въ его разказѣ о царствованіи Бориса Годунова?
- л) Значеніе Ломоносова въ исторіи развитія нашего литературнаго языка.

Московскій учебный округъ.

„Пушкинъ освободилъ нашу литературу отъ подражательности, господствовавшей въ ней со временъ Ломоносова, и далъ ей само-бытное направленіе“. Галаховъ.

Варшавскій учебный округъ.

- а) Подъ какими литературными вліяніями написана трагедія Пушкина „Борисъ Годуновъ“?
- б) Значеніе Пушкина въ исторіи русской литературы.
- в) Взглядъ Пушкина на поэта и поэзію.
- г) Значеніе Ломоносова и Карамзина въ исторіи развитія русскаго литературнаго языка.
- д) Характеристика Евгенія Онѣгина.
- е) Характеристика главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ драмѣ „Борисъ Годуновъ“.
- ж) Подъ какими вліяніями развивался поэтичскій талантъ Пушкина?
- з) Характеристика Чичикова.
- и) Историко-литературное значеніе комедіи Фонъ-Визина „Недоросль“.
- і) Значеніе Кіева и Москвы въ исторіи Россіи.
- к) Значеніе царствованія императора Петра Великаго въ исторіи Россіи.
- л) Сравненіе элегій Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова.
- м) Различіе между Пушкинымъ и Гоголемъ по предмету и характеру ихъ поэтическаго творчества.
- н) Мнѣніескій, бытовой и историческій элементъ въ произведеніяхъ русской народной поэзіи.

- о) Характеристика главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи Го-голя „Ревизоръ“.
- п) Сравнительная характеристика Плюшкина (Мертвыя Души Го-голя) и Барона (Скупого рыцаря Пушкина).
- р) Роль Москвы въ исторіи возвышенія Россіи.
- с) Петръ Великій по изображенію М. В. Ломоносова и А. С. Пушкина.
- т) Историческая и художественная сторона поэмы Пушкина „Полтава“.
- у) Причины возвышенія Москвы.
- ф) Характеристика главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ повѣсти Пушкина „Капитанская дочка“.
- х) Особенности ложно-классической комедіи по „Недорослю“ Фонъ-Визина.

Кіевскій учебный округъ.

- а) Для гимназій города Кіева „Истинное просвѣщеніе неразрывно соединяетъ умственное развитіе съ нравственнымъ“.
- б) Для гимназій въ другихъ городахъ:
 „Когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо
 „И пользу отъ того сыскать;
 „А безъ ума перенимать,
 „И, Боже сохрани, какъ худо!“

Одесскій учебный округъ.

- а) Въ какихъ изъ видовъ словесныхъ произведеній изображается преимущественно отрицательная сторона жизни?
- б) Значеніе литературы въ жизни народа.
- в) Сущность прозы и поэзіи.
- г) Отношеніе Жуковского и Пушкина къ дѣйствительности.
- д) Воспитательное и образовательное значеніе историческихъ ро-мановъ.
- е) Значеніе поэзіи (значеніе изученія поэтическихъ произве-деній).

ж) Романъ и польза этой преобладающей формы изящной словесности.

з) Романтизмъ и ложно-классицизмъ.

и) Главнѣйшія отличительныя черты прозаическихъ и поэтическихъ произведеній

і) Значеніе поэтическихъ произведеній, изображающихъ свѣтлыя и темныя стороны жизни.

к) Современное значеніе романа.

л) Отличіе современной драмы отъ древне-классической.

м) О необходимости знаній въ жизни.

н) Различіе между трагедіей и комедіей.

о) Какія причины способствовали быстрому развитію русской литературы въ XIX вѣкѣ?

п) Характеръ элегій Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова.

р) Мысли Фонъ-Визина и Крылова о важности хорошаго воспитанія.

Харьковскій учебный округъ.

а) Основная:

„О Ахиллѣ, о мой родитель!
 „(Возгласилъ Неоптолемъ)
 „Быстрый міра посѣтитель,
 „Жребій лучшій взялъ ты въ немъ.
 „Жить въ любви племенъ дѣлами—
 „Благо первое земли;
 „Будемъ вѣчны именами
 „И сокрыты въ пыли.
 „Слава дней твоихъ нетлѣнна,
 „Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она:
 „Жизнь живущихъ невѣрна,
 „Жизнь отжившихъ неизмѣнна“.

(Жуковскій, Торжество побѣдителей).

б) Запасная—„Худыя сообщества развращаютъ добрые нравы“
 (1 посл. къ Коринѣ. XV, 33).

Рижскій учебный округъ.

- а) основная—Необходимость самообразования въ школахъ и по выходѣ изъ нея.
- б) запасная—Жизнь—тяжкій трудъ.

Кавказскій учебный округъ.

- а) Причины и слѣдствія Великой Сѣверной войны.
- б) Петръ Великій, какъ преобразователь Россіи.
- в) Борба Рима съ Каррагеномъ.
- г) Главныя дѣйствующія лица въ комедіи Гоголя „Ревизоръ“.
- д) Главнѣйшіе моменты русскаго самодержавія до Петра Великаго.
- е) Трудъ и его значеніе въ учебные годы.
- ж) Значеніе комедіи Грибоѣдова „Горе отъ ума“.
- з) Какихъ сторонъ государственной и общественной жизни коснулись реформы Петра Великаго, и какое значеніе онѣ имѣли?
- и) Развитіе самодержавія въ Россіи и его благотѣльные послѣдствія.

Виленскій учебный округъ.

- а) основная—Отличительныя черты эпоса и лирики.
- б) запасная—Преимущество драматическихъ произведеній передъ другими родами поэзіи.

Казанскій учебный округъ.

- а) основная—Надежда и воспоминаніе.
- б) запасная—Вѣкъ живи,—вѣкъ учись.

Оренбургскій учебный округъ.

а) основная—Фамусовъ и Чацкій, какъ представители двухъ послѣдовательныхъ эпохъ — императрицы Екатерины II и императора Александра I.

а) запасная—Императрица Екатерина II и ея вельможи въ произведеніяхъ Державина.

Западно-Сибирскій учебный округъ.

а) основная—Дѣятельность императора Петра Великаго въ созданіи флота и приобрѣтеніи Балтійскаго моря.

б) запасная—Недостатки воспитанія и образованія въ Россіи въ вѣкъ Фонъ-Визина.

Восточная Сибирь.

Какими достоинствами отличаются басни Крылова.

Туркестанскій край.

Значеніе литературной дѣятельности Карамзина.

№ 1. Вѣдомость о подвергавшихся испытанію и удостоен

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Ученики VIII класса.							
	Общее число предъ началомъ испытанія.	Устранены отъ испытанія.				Всего.	Подвергались испытанію.	Выдержали испытаніе и удостоены аттестата зрѣлости.
		Недопущены къ испытанію.		Отсроч. испыт.				
		По малоуспѣшности.	По правительственной повѣлости.	По болѣзни.	На основ. п. в. § 63 прав. ообъ испытаніи.			
<i>С.-Петербургскій:</i>								
21 правительств. гимн.	501	1 (0,2%)	—	—	1	2 (0,4%)	499 (99,6%)	493 (98,8%)
4 церковныхъ учил.	60	2 (3,3%)	—	—	—	2 (3,3%)	58 (96,7%)	56 (96,5%)
3 частныхъ гимназій.	37	1 (2,7%)	—	—	—	1 (2,7%)	36 (97,3%)	36 (100%)
Всего	598	4 (0,7%)	—	—	1	5 (0,8%)	593 (99,2%)	585 (98,5%)
<i>Московскій:</i>								
23 правительств. гимн.	589	21 (3,6%)	—	5	3	29 (4,9%)	560 (95,1%)	527 (94,1%)
1 церковное училище.	16	3 (18,75%)	—	—	—	3 (18,75%)	13 (81,25%)	9 (69,2%)
2 частныхъ гимназій.	27	—	—	1	—	—	26 (96,3%)	25 (96,1%)
Всего	632	24 (3,8%)	—	6	3	33 (5,2%)	599 (94,8%)	561 (93,7%)
<i>Казанскій:</i>								
9 правительств. гимн.	190	7 (3,7%)	—	—	—	7 (3,7%)	183 (96,3%)	183 (100%)
<i>Оренбургскій:</i>								
6 правительств. гимн.	95	—	—	—	—	—	95 (100%)	94 (99%)
<i>Харьковскій:</i>								
17 правительств. гимн.	374	4 (1,1%)	—	3	—	7 (1,9%)	367 (98,1%)	346 (94,8%)
<i>Одесскій:</i>								
17 правительств. гимн.	386	3 (0,8%)	—	3	—	6 (1,6%)	380 (98,4%)	375 (98,7%)
<i>Кіевскій:</i>								
18 правительств. гимн.	495	5 (1%)	—	2	2	9 (1,8%)	486 (98,2%)	464 (95,5%)

НЫХЪ АТТЕСТАТОВЪ И СВИДѢТЕЛЬСТВЪ ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1895 ГОДУ.

Среднее число на одно учебное заведеніе.	Награждены медалями.			Постороннія лица.										Подвергались испытанію.	Выдержали испытаніе и удостоены свидѣт. зрѣлости.					
	Золотыми.	Серебряными.	Всего (и процент. отношеніе къ общему числу удостоен. аттест.).	Устранены отъ испытанія.						Всего.	Подвергались испытанію.	Выдержали испытаніе и удостоены свидѣт. зрѣлости.								
				Не допущены къ испытанію на осн. нов. правилъ объ испытаніи.		Не явились къ испит.		По соглаш. по неизв. прич.	Всего.				Подвергались испытанію.			Выдержали испытаніе и удостоены свидѣт. зрѣлости.				
				§ 51	§ 53	§ 51	§ 53													
п. а.	п. б.	п. в.	п. г.	п. к.	п. л.	п. м.	п. н.	п. о.	п. п.	п. р.	п. с.	п. т.	п. у.	п. ф.	п. х.	п. ц.	п. ч.	п. ш.	п. щ.	п. з.
23 $\frac{10}{41}$	23	34	57 (11,6%)	38	—	—	—	—	—	3	—	3 (7,9%)	35 (92,1%)	19 (54,3%)						
14	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1 (100%)	1 (100%)						
12	3	1	4 (11,2%)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—						
20 $\frac{25}{33}$	26	35	61 (10,4%)	39	—	—	—	—	—	3	—	3 (7,7%)	36 (92,3%)	20 (55,6%)						
22 $\frac{21}{33}$	37	20	57 (10,8%)	18	—	—	—	—	—	—	—	—	18 (100%)	5 (27,8%)						
9	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1 (100%)	—						
12 $\frac{1}{2}$	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—						
21 $\frac{15}{26}$	37	20	57 (10,2%)	19	—	—	—	—	—	—	—	—	19 (100%)	5 (26,3%)						
20 $\frac{1}{3}$	15	17	32 (17,5%)	29	—	—	—	2	—	—	—	2 (6,9%)	27 (93,1%)	14 (51,9%)						
15 $\frac{2}{3}$	8	5	13 (13,8%)	3	—	—	—	—	—	—	—	—	3 (100%)	3 (100%)						
20 $\frac{7}{17}$	11	26	37 (10,7%)	18	—	—	—	—	—	1	—	1 (5,5%)	17 (94,5%)	8 (47,1%)						
22 $\frac{1}{17}$	28	21	49 (13,1%)	38	—	—	—	—	—	1	—	1 (2,6%)	37 (97,4%)	24 (64,9%)						
25 $\frac{1}{5}$	27	20	47 (10,1%)	47	2	—	3	—	—	2	—	7 (14,9%)	40 (85,1%)	19 (47,5%)						

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Ученики VIII класса.							
	Общее число предъ началомъ испытанія.	Устранены отъ испытанія.					Подвергались испытанію.	Выдержали испытаніе и удостоены аттестата зрѣлости.
		Недопущены къ испытанію.		Отероч. испыт.				
		По мало-успѣшности.	По нравственной нечестности.	По болѣзни.	На осков. и. в. 83 прав. объ испытаніи.			
					Всего.			
<i>Виленскій.</i>								
9 правительств. гимн.	209	6 (2,9%)	—	1	1	8 (3,8%)	201 (96,2%)	198 (98,5%)
<i>Варшавскій:</i>								
21 правительств. гимн.	372	19 (5,1%)	—	—	1	20 (5,4%)	352 (94,6%)	343 (97,4%)
<i>Рижскій:</i>								
10 правительств. гимн.	233	35 (15%)	—	1	—	36 (15,4%)	197 (84,6%)	168 (85,3%)
<i>Кавказскій:</i>								
9 правительств. гимн.	232	3 (1,3%)	—	3	—	6 (2,6%)	226 (97,4%)	226 (100%)
<i>Западная Сибирь:</i>								
4 правительств. гимн.	59	—	—	—	—	—	59 (100%)	56 (94,8%)
<i>Восточная Сибирь:</i>								
2 правительств. гимн.	27	—	—	—	1	1 (3,7%)	26 (96,3%)	25 (96,1%)
<i>Туркестанскій край:</i>								
1 правительств. гимн.	20	—	—	—	—	—	20 (100%)	19 (95%)
Итого:								
Во всѣхъ 167 прав. гимн.	3782	104 (2,7%)	—	18	9	131 (3,5%)	3651 (96,5%)	3517 (96,3%)
„ „ 5 церк. уч.	76	5 (6,6%)	—	—	—	5 (6,6%)	71 (93,4%)	65 (91,6%)
„ „ 5 част. гимн.	64	1 (1,6%)	—	1	—	2 (3,1%)	62 (96,9%)	61 (98,4%)
Всего:								
Во всѣхъ 177 учебныхъ заведеніяхъ.	3922	110 (2,8%)	—	19	9	138 (3,5%)	3784 (96,5%)	3643 (96,3%)

Среднее число на одно учебное заведение.	Награждены медалями.			Постороннія лица.										Подверга- лись испытанію.	Выдержали испытаніе и удостоены свидѣт. зрѣлости.		
	Золотыми.	Серебряными.	Всего (и процент. отношеніе къ об- щему числу удо- стоен. аттест.).	Устранены отъ испытанія.													
				Подали прошенія.	Не допущены къ испытанію на ос- нов. правилъ объ испытаніи.					Не яви- лись къ испыт.						Всего.	
					§ 51					§ 52							
п. а.	п. б.	п. в.	п. г.	п. к.	По болѣз. По неизв. пртч.	п. а.	п. б.	п. в.	п. г.	п. к.	п. к.	п. к.					
22	10	9	19 (9,6%)	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5 (100%)	3 (60%)	
16½	10	16	26 (7,6%)	8	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1 (12,5%)	7 (87,5%)	4 (57,1%)	
16½	4	3	7 (4,2%)	36	—	—	—	—	—	6	—	6	—	6 (16,7%)	30 (83,3%)	10 (33,3%)	
25½	11	11	22 (9,7%)	17	—	—	—	—	3	—	—	—	—	3 (17,6%)	14 (82,4%)	8 (57,1%)	
14	1	4	5 (8,9%)	2	1	1	—	—	—	—	—	—	—	2 (100%)	—	—	
12½	—	1	1 (4%)	7	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1 (14,3%)	6 (85,7%)	4 (66,7%)	
19	1	1	2 (10,5%)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
21½	186	188	374 (10,6%)	266	3	1	3	6	1	3	10	—	—	27 (10,2%)	239 (89,8%)	121 (50,6%)	
13	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2 (100%)	1 (50%)	
12½	3	1	4 (6,5%)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
20½	189	189	378 (10,4%)	268	3	1	3	6	1	3	10	—	—	27 (10,1%)	241 (89,9%)	122 (50,6%)	

№ 2. Вѣдомость о не выдержавшихъ

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Общее число подвергавшихся испытанію.	Общее число не выдержавшихъ испытанія.	Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ, по Закону Божію.	Число не выдержавшихъ						
				Русск. яз. и словесн.		Латинск. языку.		Греческ. языку.		
				Письменно.	Устно.	Письменно.	Устно.	Письменно.	Устно.	
<i>С.-Петербургскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	499	6	1,2	—	2	2	4	2	1	1
„ церковныхъ училищъ	58	2	3,5	—	1	1	2	—	1	—
„ частныхъ гимназій	36	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	593	8	1,4	—	3	3	6	2	2	1
Постороннія лица	36	16	44,4	4	6	1	13	1	10	2
<i>Московскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	560	33	5,9	—	8	—	28	2	24	—
„ церковнаго училища	13	4	30,8	—	4	—	4	—	—	—
„ частныхъ гимназій	26	1	3,9	—	—	—	1	—	—	—
Всего	599	38	6,3	—	12	—	33	2	25	—
Постороннія лица	19	14	73,7	—	6	1	8	—	9	—
<i>Казанскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	183	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	27	13	48,1	—	6	—	6	4	4	1
<i>Оренбургскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	95	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Харьковскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	367	21	5,7	—	12	—	16	—	12	—
Постороннія лица	17	9	52,9	—	4	1	17	1	3	1
<i>Одесскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	380	5	1,3	—	3	—	2	3	2	2
Постороннія лица	37	13	35,1	—	7	—	9	—	9	1
<i>Кіевскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	486	22	4,5	—	13	—	23	4	17	2
Постороннія лица	40	21	52,5	—	11	—	16	2	11	2

испытанія зрѣлости въ 1895 году.

испытанія по отдѣльнымъ предметамъ:								Общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ.	Остались на другой годъ въ VIII кл.	Выбыли со свидѣтельствами на основаніи § 80 правилъ объ испытаніи.
Математикѣ.		Физикѣ и математической географіи.	Исторіи.	Географіи.	Логикѣ.	Новымъ иностраннымъ языкамъ.				
Письменно.	Устно.									
3	3	—	3	—	—	—	21	8	—	
—	—	—	1	—	—	1	7	4	—	
—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	
3	3	—	4	—	—	1	28	13	—	
7	1	—	1	—	6	—	46	—	—	
4	1	—	2	—	—	—	69	54	8	
—	—	—	—	—	—	—	8	7	—	
1	—	—	—	—	—	—	3	1	1	
5	1	—	2	—	—	—	80	62	9	
9	2	—	—	—	—	—	35	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	—	7	—	
5	1	2	1	—	1	2	34	—	—	
—	1	—	—	—	—	—	1	1	—	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
12	1	—	—	—	—	—	58	23	5	
2	1	—	—	—	—	—	20	—	—	
2	1	—	—	—	—	—	14	10	1	
7	—	—	1	—	—	—	35	—	—	
23	4	—	—	—	—	—	86	18	13	
17	1	—	1	—	—	—	61	—	—	

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Общее число подвергавшихся испытанію.	Общее число не выдержавшихъ испытанія.	Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.	Закону Божію.	Число не выдержавшихъ					
					Русск. яз. и словесн.		Латинск. языку.		Греческ. языку.	
					Письменно.	Устно.	Письменно.	Устно.	Письменно.	Устно.
<i>Виленскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	201	3	1,5	—	2	—	2	—	2	—
Постороннія лица	5	2	40	—	1	—	1	—	1	—
<i>Варшавскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	352	9	2,6	—	5	1	2	—	1	—
Постороннія лица	7	3	42,9	—	2	—	3	1	2	—
<i>Рижскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	197	29	14,7	—	23	1	25	1	19	2
Постороннія лица	30	20	66,7	—	15	—	17	1	14	1
<i>Кавказскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	226	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	14	6	42,9	—	5	—	4	1	1	1
<i>Западная Сибирь.</i>										
Ученики правительств. гимназій	59	3	5,1	—	2	—	2	—	—	—
Постороннія лица	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Восточная Сибирь.</i>										
Ученики правительств. гимназій	26	1	3,9	—	1	—	—	—	—	—
Постороннія лица	6	2	33,3	1	—	—	1	—	1	—
<i>Туркестанскій край.</i>										
Ученики правительств. гимназій	20	1	5	—	1	—	—	—	1	—
Постороннія лица	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
И Т О Г О :										
Ученики правительств. гимназій	3651	134	3,7	—	72	4	104	12	79	7
„ церковныхъ училищъ	71	6	8,4	—	5	1	6	—	1	—
„ частныхъ гимназій	62	1	1,6	—	—	—	1	—	1	—
В с е г о	3784	141	3,7	—	77	5	111	12	81	7
Постороннія лица	241	119	49,4	5	63	4	85	11	65	9
О б щ і й и т о г ъ	4025	260	6,5	5	140	9	196	23	146	16

Испытанія по отдѣльнымъ предметамъ:								Общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ.	Остались на другой годъ въ VIII кл.	Выбыли со свидѣтельствами на основаніи § 80 правилъ объ испытаніи.
Математикѣ.		Физикѣ и математической географіи.	Исторіи.	Географіи.	Логикѣ.	Новымъ иностран-нымъ языкамъ.				
Письменно.	Устно.									
—	—	—	—	—	—	—	6	11	—	
1	—	—	—	—	—	—	4	—	—	
1	1	—	3	—	—	—	14	26	3	
3	—	—	—	—	—	—	11	—	—	
13	4	—	1	—	—	—	88	48	17	
11	—	—	—	—	—	—	59	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	—	5	1	
5	1	—	—	—	1	—	19	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	4	3	—	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	1	2	—	
2	1	—	—	—	—	—	6	—	—	
1	—	—	—	—	—	—	3	1	—	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
59	14	—	9	—	—	—	360	217	48	
—	—	—	1	—	—	1	15	11	—	
1	—	—	—	—	—	—	3	2	1	
60	14	—	10	—	—	1	378	230	49	
69	9	2	4	—	2	2	330	—	—	
129	23	2	14	—	2	3	708	230	49	

№ 3. Распределение признанныхъ зрѣлыхъ по возрастамъ.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.										Неизв. воз- растъ.	
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.			
<i>С.-Петербургскій.</i>													
			%		%		%		%		%		%
Ученики правит. гимназій.	493	20	4	100	20,2	123	25	124	25,2	126	25,6	—	—
” церковн. училищъ.	56	4	7,1	16	28,6	16	28,6	10	17,85	10	17,85	—	—
” частныхъ гимназій.	36	1	2,8	5	13,9	14	38,9	9	25	7	19,4	—	—
Постороннія лица .	20	1	5	1	5	2	10	1	5	15	75	—	—
Всего . .	605	26	4,3	122	20,2	155	25,6	144	23,8	158	26,1	—	—
<i>Московскій.</i>													
Ученики правит. гимназій.	527	24	4,6	117	22,2	137	26	125	23,7	124	23,15	—	—
” церковн. училищъ.	9	—	—	2	22,2	2	22,2	2	22,2	3	33,4	—	—
” частныхъ гимназій.	25	—	—	3	12	7	28	8	32	7	28	—	—
Постороннія лица .	5	—	—	—	—	1	20	2	40	2	40	—	—
Всего . .	566	24	4,2	122	21,6	147	26	137	24,2	136	24	—	—
<i>Казанскій.</i>													
Ученики правит. гимназій.	183	15	8,2	52	28,4	61	33,3	30	16,4	25	13,7	—	—
Постороннія лица .	14	1	7,1	—	—	1	7,1	4	28,6	8	57,2	—	—
Всего . .	197	16	8,1	52	26,4	62	31,5	34	17,3	33	16,7	—	—

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрасть съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.											
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.		Неизв. воз- расть.	
<i>Оренбургскій.</i>													
Ученики правит. гимназій.	94	7	7,5	12	12,8	27	28,7	27	28,7	21	22,3	—	—
Постороннія лица.	3	—	—	—	—	—	—	1	33,3	2	66,7	—	—
Всего . .	97	7	7,2	12	12,4	27	27,8	28	28,9	23	23,7	—	—
<i>Харьковскій.</i>													
Ученики правит. гимназій.	346	18	5,2	55	15,9	103	29,8	92	26,6	78	22,5	—	—
Постороннія лица.	8	—	—	—	—	—	—	3	37,5	5	62,5	—	—
Всего . .	354	18	5,1	55	15,5	103	29,1	95	26,8	83	22,5	—	—
<i>Одесскій.</i>													
Ученики правит. гимназій.	375	10	2,6	81	21,6	105	28	88	23,5	91	24,3	—	—
Постороннія лица.	24	1	4,2	3	12,5	—	—	2	8,3	18	75	—	—
Всего . .	399	11	2,8	84	21,1	105	26,3	90	22,5	109	27,3	—	—
<i>Кіевскій.</i>													
Ученики правит. гимназій.	464	22	4,7	107	23,1	111	23,9	110	23,7	113	24,4	1	0,2
Постороннія лица.	19	—	—	1	5,3	1	5,3	4	21	13	68,4	—	—
Всего . .	483	22	4,5	108	22,4	112	23,2	114	23,6	126	26,1	1	0,2

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрасть съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.											
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.		Неизв. воз- расть	
<i>Виленскій.</i>													
Ученики правит. гимназій.	198	8	4	48	24,2	35	17,7	51	25,8	56	28,3	—	—
Постороннія лица.	3	—	—	—	—	—	—	1	33,2	2	66,7	—	—
Всего . . .	201	8	4	48	23,9	35	17,4	52	25,9	58	28,8	—	—
<i>Варшавскій.</i>													
Ученики правит. гимназій.	343	15	4,4	66	19,3	90	26,2	78	22,7	94	27,4	—	—
Постороннія лица.	4	—	—	—	—	—	—	2	50	2	50	—	—
Всего . . .	347	15	4,3	66	19,1	90	25,9	80	23	96	27,7	—	—
<i>Рижскій.</i>													
Ученики правит. гимназій.	168	12	7,1	21	12,5	45	26,8	44	26,2	46	27,4	—	—
Постороннія лица.	10	—	—	—	—	1	10	5	50	4	40	—	—
Всего . . .	178	12	6,7	21	11,8	46	25,8	49	27,6	50	28,1	—	—
<i>Кавказскій.</i>													
Ученики правит. гимназій.	226	7	3,1	35	15,5	46	20,3	51	22,6	87	38,5	—	—
Постороннія лица.	8	—	—	1	12,5	1	12,5	1	12,5	5	62,5	—	—
Всего . . .	234	7	3	36	15,4	47	20,1	52	22,2	91	39,3	—	—

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.										Неизв. воз- растъ.	
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.			
<i>Западная Сибирь.</i>			%		%		%		%		%		%
Ученики правит. гимназій.	56	1	1,8	9	16,1	20	35,7	14	25	12	21,4	—	—
Постороннія лица	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего . .	56	1	1,8	9	16,1	20	35,7	14	25	12	21,4	—	—
<i>Восточная Сибирь.</i>													
Ученики правит. гимназій.	25	—	—	6	24	7	28	8	32	4	16	—	—
Постороннія лица	4	—	—	—	—	3	75	—	—	1	25	—	—
Всего . .	29	—	—	6	20,7	10	34,5	8	27,6	5	17,2	—	—
<i>Туркестанск. край.</i>													
Ученики правит. гимназій.	19	—	—	2	10,5	8	42,1	5	26,3	4	21,1	—	—
Постороннія лица	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего . .	19	—	—	2	10,5	8	42,1	5	26,3	4	21,1	—	—
ИТОГО:													
Ученики правит. гимназій.	3517	159	4,52	711	20,22	918	26,10	847	24,08	881	25,05	1	0,03
" церковн. училищъ.	65	4	6,1	18	27,7	18	27,7	12	18,5	13	20	—	—
" частныхъ гимназій.	61	1	1,6	8	13,1	21	34,4	17	27,9	14	23	—	—
Постороннія лица	122	3	2,5	6	4,0	10	8,2	26	21,3	77	63,1	—	—
Всего . .	3765	167	4,44	743	19,73	967	25,68	902	23,96	985	26,16	1	0,03

№ 4. Распределение признанныхъ зрѣлымъ

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Поступающіе на факультеты:							Поступающіе на курсы:			
	Гоголовскій.	Историко-филологичес.	Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Восточныхъ языковъ.	Всего.	Историческ. наукъ.	Технологическіе институты.	Землед. вѣд. и Сельско-хоз. инст.	Горный.
<i>С.-Петербургскій.</i>											
21 правительств. гимназій	—	33	81	138	124	17	393	44	11	11	76
4 церковныя училища	4	5	13	13	9	—	44	4	—	—	11
3 частныя гимназій	—	1	11	13	7	—	32	2	1	—	3
Изъ всѣхъ 28 учебн. заведеній.	4	39	105	164	140	17	469	50	12	11	73
<i>Московскій.</i>											
23 правительств. гимназій	—	33	144	157	155	7	496	15	11	—	26
1 церковное училище	—	1	1	2	5	—	9	—	—	—	2
2 частныя гимназій	—	5	14	12	4	—	25	—	—	—	4
Изъ всѣхъ 26 учебн. заведеній.	—	39	149	171	164	7	530	15	11	—	30
<i>Казанскій.</i>											
9 правительств. гимназій	—	8	34	59	62	3	166	9	9	3	24
<i>Оренбургскій.</i>											
6 правительств. гимназій	—	—	22	22	35	2	81	4	5	—	9
<i>Харьковскій.</i>											
17 правительств. гимназій	—	10	75	84	140	5	314	14	9	6	29
<i>Одесскій.</i>											
17 правительств. гимназій	—	22	99	106	125	8	360	6	13	3	22

занятіямъ, къ которымъ они себя предназначали.

въ высшія спеціальныя училища:										Поступающіе на поприще практической дѣятельности.						
Военныя училища.	Лѣсной институтъ.	Инстит. гражданск. инженер.	Академію худож. и кооператорію.	Заграничныя учебныя зав.	Электро-технич. инст.	Другія завед. (безъ указанія спеціальн.)	Александровскій лицей.	Духовную академію.	Всего.	Въ гос. сл.		Частной дѣятел.				Всего.
										Гражданскую.	Военную.	Учебной.	Сельско-хозяйств.	Коммерческой.	Мануфактурную	
—	—	10	—	—	—	—	4	3	107	2	5	4	1	—	—	12
—	—	1	—	3	—	—	—	—	8	—	1	—	1	3	—	5
—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—
9	7	11	3	3	—	—	4	3	119	2	6	4	2	3	—	17
—	—	—	—	1	—	—	—	1	32	1	3	—	—	—	—	4
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	1	—	—	—	1	32	1	3	—	—	—	—	4
1	1	—	—	—	—	—	—	—	25	1	1	—	2	2	—	6
—	3	—	1	—	—	—	—	—	16	—	—	—	—	—	—	—
5	—	—	1	—	—	—	—	1	40	—	—	—	—	—	—	—
1	3	—	1	—	—	1	1	—	32	—	5	1	—	1	—	7

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Поступающіе на факультеты:							Поступающіе			
	Богослов-скій.	Историко-филологичес.	Физико-математическій.	Юридиче-скій.	Медицин-скій.	Восточныхъ языковъ.	Всего.	Институтъ нем. путей сообщенія.	Технологиче-скіе инстит.	Землед. академ. и Сельско-хоз. ин.	Горный институтъ.
<i>Кіевскій.</i>											
18 правительств. гимназій . . .	—	27	97	176	122	3	425	13	20	—	4
<i>Виленскій.</i>											
9 правительств. гимназій . . .	—	7	46	67	49	1	170	8	10	4	1
<i>Варшавскій.</i>											
21 правительств. гимназія . . .	3	12	54	97	89	3	258	18	37	12	8
<i>Рижскій.</i>											
10 правительств. гимназій . . .	7	10	35	43	49	2	146	4	16	—	1
<i>Кавказскій.</i>											
9 правительств. гимназій . . .	—	11	48	55	78	1	193	14	5	6	3
<i>Западная Сибирь.</i>											
4 правительств. гимназій . . .	—	2	19	16	11	2	50	1	1	1	—
<i>Восточная Сибирь.</i>											
2 правительств. гимназій . . .	—	—	12	8	6	—	26	—	—	—	—
<i>Туркестанскій край.</i>											
1 правительств. гимназія . . .	—	3	4	2	4	—	13	1	2	—	1
Всего въ 177 учебн. заведеніяхъ.	14	190	799	1070	1074	54	3201	157	151	46	40

въ высшія спеціальныя училища:										Поступающіе на поприще практической дѣятельности:						
Военныя училища.	Дѣсной институтъ.	Инстит. гражданск. инженер. академію.	Академію худож. и консерваторію.	Заграничныя учебныя зав.	Электро-технич. инст.	Другія завед. (безъ указанія спеціальн.).	Александровскій лицей.	Духовную академію.	Всего.	Въ гос. сл.		Частной дѣятел.				Всего.
										Гражданскую.	Военную.	Учебной.	Сельско-хозяйств.	Коммерческой.	Мануфакт. и заводово-добр.	
1	4	—	1	—	—	—	—	—	43	—	11	—	—	3	—	14
3	—	—	—	—	—	—	—	2	28	—	2	—	—	1	—	3
2	2	3	2	—	—	—	—	—	84	—	4	—	—	1	—	5
—	1	—	1	—	—	—	—	—	23	1	2	1	4	1	—	9
1	—	1	—	1	1	—	1	—	33	—	8	—	—	—	—	8
—	—	—	—	—	—	—	—	1	4	—	2	—	—	—	—	2
1	—	—	—	—	—	—	—	1	2	1	—	—	—	—	—	1
2	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—
26	21	15	10	5	1	1	6	8	487	6	44	6	11	12	—	76

№ 5. Сводная вѣдомость о результатахъ

Г О Д Ъ.	Название и число учебных заведеній.	Общее число абитуриентовъ передъ началомъ испытаній.	Устранены отъ испытанія.		
			По мало-успѣшности.	По другимъ причинамъ.	В с е г о .
1890	Въ 165 правит. гимназіяхъ.	3223	113 (3,5%)	31	144 (4,5%)
	„ 5 церковн. училищахъ.	54	4 (7,4%)	—	4 (7,4%)
	„ 5 частныхъ гимназіяхъ.	65	1 (1,5%)	—	1 (1,5%)
	Всего въ 175 учебныхъ заведеніяхъ.	3342	118 (3,5%)	31	149 (4,5%)
	Постороннія лица	256	—	—	4 (1,6%)
	И т о г о . . .	3598	—	—	153 (4,3%)
1891	Въ 168 правит. гимназіяхъ.	3399	102 (3%)	26	128 (3,8%)
	„ 5 церковн. училищахъ.	53	1 (1,9%)	—	1 (1,9%)
	„ 5 частныхъ гимназіяхъ.	79	3 (3,8%)	—	3 (3,8%)
	Всего въ 178 учебныхъ заведеніяхъ.	3531	106 (3%)	26	132 (3,7%)
	Постороннія лица	264	—	—	38 (14,4%)
	И т о г о . . .	3795	—	—	170 (4,5%)
1892	Въ 170 правит. гимназіяхъ.	3685	113 (3,1%)	23	136 (3,7%)
	„ 5 церковн. училищахъ.	60	—	—	—
	„ 5 частныхъ гимназіяхъ.	86	2 (2,3%)	4	6 (7%)
	Всего въ 180 учебныхъ заведеніяхъ.	3831	115 (3%)	27	142 (3,7%)
	Постороннія лица	187	—	—	21 (11,2%)
	И т о г о . . .	4018	—	—	163 (4,1%)

ИСПЫТАНІЙ зрѣлости съ 1890 по 1895 годъ.

Подвергались испытанію.	Не выдержали испытаній.	Выдержали ис- пытанія и полу- чили аттестаты и свидѣтельства зрѣлости.	Награждены медалями.		
			Золотыми.	Серебря- ными.	В с е г о.
3079 (95,5%)	176 (5,7%)	2903 (94,3%)	137	142	279 (8,6%)
50 (92,6%)	—	50 (100%)	1	—	1 (2%)
64 (98,5%)	—	64 (100%)	1	3	4 (6,3%)
3193 (95,5%)	176 (5,5%)	3017 (94,5%)	139	145	284 (9,4%)
252 (98,4%)	143 (56,7%)	109 (43,3%)	—	—	—
3445 (95,7%)	319 (9,3%)	3126 (90,7%)	—	—	—
3271 (96,2%)	225 (6,8%)	3046 (93,2%)	136	160	296 (9,6%)
52 (98,1%)	1 (1,9%)	51 (98,1%)	2	1	3 (1,9%)
76 (96,2%)	—	76 (100%)	4	3	7 (9,2%)
3399 (96,3%)	226 (6,6%)	3173 (93,4%)	142	164	306 (9,6%)
226 (85,6%)	127 (56,2%)	99 (43,8%)	—	—	—
3625 (95,5%)	353 (9,7%)	3272 (90,3%)	—	—	—
3549 (96,3%)	184 (5,2%)	3365 (94,8%)	194	186	380 (11,3%)
60 (100%)	1 (1,7%)	59 (98,3%)	—	1	1 (1,7%)
80 (93,%)	6 (7,5%)	74 (92,5%)	2	1	3 (4,1%)
3689 (96,3%)	191 (5,2%)	3498 (94,8%)	196	183	384 (11%)
166 (88,8%)	80 (43,2%)	86 (51,8%)	—	—	—
3855 (95,9%)	271 (7%)	3584 (93%)	—	—	—

Г О Д Ъ.	Названіе и число учебныхъ заведеній.	Общее число абитуриентовъ передъ началомъ испытаній.	Устранены отъ испытанія.		
			По мало-успѣшности.	По другимъ причинамъ.	Всего.
1893	Въ 167 правит. гимназіяхъ.	3668	116 (3,2%)	32	148 (4%)
	„ 5 церковн. училищахъ.	67	2 (3%)	—	2 (3%)
	„ 5 частныхъ гимназіяхъ.	84	3 (3,6%)	—	3 (3,6%)
	Всего въ 177 учебныхъ заведеніяхъ.	3819	121 (3,2%)	32	153 (4%)
	Постороннія лица	175	—	—	12 (6,9%)
	И т о г о	3994	—	—	165 (4,1%)
1894	Въ 167 правит. гимназіяхъ.	3719	124 (3,3%)	46	170 (4,6%)
	„ 5 церковн. училищахъ.	69	12 (17,4%)	—	12 (17,4%)
	„ 5 частныхъ гимназіяхъ.	80	6 (7,5%)	1	7 (8,75%)
	Всего въ 177 учебныхъ заведеніяхъ.	3868	142 (3,6%)	47	189 (4,9%)
	Постороннія лица	215	—	—	17 (7,9%)
	И т о г о	4083	—	—	196 (5%)
1895	Въ 167 правит. гимназіяхъ.	3782	104 (2,7%)	27	131 (3,5%)
	„ 5 церковн. училищахъ.	76	5 (6,6%)	—	5 (6,6%)
	„ 5 частныхъ гимназіяхъ.	64	1 (1,6%)	1	2 (3,1%)
	Всего въ 177 учебныхъ заведеніяхъ.	3922	110 (2,8%)	28	138 (3,5%)
	Постороннія лица	268	—	—	27 (10,1%)
	И т о г о	4190	—	—	165 (4%)

Подвергались испытанию.	Не выдержали испытаний.	Выдержали ис- пытания и полу- чили аттестаты и свидетельства зрѣлости.	Награждены медалями.		
			Золотыми.	Серебря- ными.	В с е г о .
3520 (96 ⁰ / ₀)	168 (4,8 ⁰ / ₀)	3352 (95,2 ⁰ / ₀)	174	172	346 (10,8 ⁰ / ₀)
65 (97 ⁰ / ₀)	4 (6,2 ⁰ / ₀)	61 (93,8 ⁰ / ₀)	1	3	4 (6,5 ⁰ / ₀)
81 (96,4 ⁰ / ₀)	6 (7,4 ⁰ / ₀)	75 (92,6 ⁰ / ₀)	4	1	5 (6,7 ⁰ / ₀)
3666 (96 ⁰ / ₀)	178 (4,9 ⁰ / ₀)	3488 (95,1 ⁰ / ₀)	179	176	355 (10,2 ⁰ / ₀)
163 (93,1 ⁰ / ₀)	83 (50,9 ⁰ / ₀)	80 (49,1 ⁰ / ₀)	—	—	—
3829 (95,9 ⁰ / ₀)	261 (6,8 ⁰ / ₀)	3568 (93,2 ⁰ / ₀)	—	—	—
3549 (95,4 ⁰ / ₀)	174 (4,9 ⁰ / ₀)	3375 (95,1 ⁰ / ₀)	172	194	366 (10,8 ⁰ / ₀)
57 (82,6 ⁰ / ₀)	2 (3,5 ⁰ / ₀)	55 (86,5 ⁰ / ₀)	2	—	2 (3,6 ⁰ / ₀)
73 (91,25 ⁰ / ₀)	4 (5,5 ⁰ / ₀)	69 (95,5 ⁰ / ₀)	2	—	2 (2,9 ⁰ / ₀)
3673 (95,1 ⁰ / ₀)	180 (4,9 ⁰ / ₀)	3499 (95,1 ⁰ / ₀)	176	194	370 (10,6 ⁰ / ₀)
198 (92,1 ⁰ / ₀)	92 (46,5 ⁰ / ₀)	106 (53,5 ⁰ / ₀)	—	—	—
3877 (95 ⁰ / ₀)	272 (7 ⁰ / ₀)	3605 (93 ⁰ / ₀)	—	—	—
3651 (96,5 ⁰ / ₀)	134 (3,7 ⁰ / ₀)	3517 (96,3 ⁰ / ₀)	186	188	374 (10,6 ⁰ / ₀)
71 (93,4 ⁰ / ₀)	6 (8,4 ⁰ / ₀)	65 (91,6 ⁰ / ₀)	—	—	—
62 (96,9 ⁰ / ₀)	1 (1,6 ⁰ / ₀)	61 (98,4 ⁰ / ₀)	3	1	4 (6,5 ⁰ / ₀)
3784 (96,5 ⁰ / ₀)	141 (3,7 ⁰ / ₀)	3643 (96,3 ⁰ / ₀)	189	189	378 (10,4 ⁰ / ₀)
241 (89,9 ⁰ / ₀)	119 (49,4 ⁰ / ₀)	122 (50,6 ⁰ / ₀)	—	—	—
4025 (96 ⁰ / ₀)	260 (6,5 ⁰ / ₀)	3765 (93,5 ⁰ / ₀)	—	—	—

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Іюль 1897 года.

I.

Политическія событія, совершающіяся на Востокѣ, отразились и на нашемъ научномъ мірѣ. Во время Пасхальныхъ вакацій должно было состояться въ Греціи празднованіе пятидесятилѣтія со дня основанія Французской археологической школы, хорошо извѣстной подъ именемъ Аѣинской. Нѣсколько сотъ французскихъ ученыхъ намѣревались съѣхаться въ столицѣ Греческаго королевства. Война разрушила всѣ эти благія намѣренія, торжество отложили до ближайшей осени, но врядъ ли оно вообще состоится: грекамъ теперь не до веселья, и время не благоприятно для празднествъ въ Аѣинахъ.

Аѣинская школа основана въ 1846 году, съ цѣлью дать нашимъ молодымъ ученымъ возможность совершенствоваться въ изученіи исторіи и археологіи. Въ началѣ ея дѣятельность имѣла характеръ продолжительныхъ командировокъ. Отправляя въ Аѣины учителей коллегій, думали, что они, вмѣстѣ съ собственными изслѣдованіями, будутъ заниматься преподаваніемъ французской и латинской литературъ въ греческихъ школахъ. Съ 1850 года было установлено, чтобъ питомцы школы представляли ежегодно отчеты по своимъ археологическимъ трудамъ, а потомъ введенъ былъ конкурсъ между питомцами школы. Въ сущности только Высшая Нормальная школа снабжаетъ Аѣинскую школу учениками. Принимаемые въ ея составъ должны быть моложе тридцати лѣтъ, имѣть званіе доктора или магистра и выдержать экзаменъ по эпиграфикѣ, палеографіи и археологіи, исторіи и географіи древней Греціи. Директоръ назначается на десять лѣтъ.

Въ настоящее время, это мѣсто занимаетъ извѣстный Омоля. Всѣхъ питомцевъ школы шесть; въ Римѣ, гдѣ ученики должны предварительно провести нѣкоторое время, и въ Аѳинахъ они имѣютъ помѣщеніе отъ французскаго правительства, получаютъ 3.600 франковъ содержанія, а столъ имѣютъ свой. Они не стѣснены въ распредѣленіи своего времени. Въ концѣ каждаго мѣсяца они представляютъ отчетъ въ своихъ занятіяхъ директору, который опредѣляетъ время и продолжительность ихъ ежегодныхъ поѣздокъ. Обыкновенно поѣздки совершаются между 1-мъ апрѣля и 16-мъ ноября. Въ 1876 году питомцы Аѳинской школы основали институтъ такъ-называемый греческой корреспонденціи, труды котораго даютъ матеріалъ для изданія *Бюллетени греческой корреспонденціи*. Другія болѣе обширныя сочиненія печатаются въ *Библиотекѣ Французской Аѳинской и Римской школы*. За это пятидесятилѣтіе Аѳинская школа подготовляла цѣлый рядъ замѣчательныхъ археологовъ. Достаточно назвать Колиньюна, Рейнака, Фукара, Омоля. Вся ученая Европа знаетъ о раскопкахъ на островѣ Делосѣ, въ Микенахъ и Дельфахъ. Но надо замѣтить, что по возвращеніи во Францію многіе изъ этихъ „аѳинянь“, какъ ихъ называютъ у насъ, измѣняютъ археологію и посвящаютъ себя литературѣ; напримѣръ, Эдмонъ Абу сдѣлался публицистомъ и романистомъ, Мезьеръ—профессоромъ иностранныхъ литературъ въ Парижскомъ словесномъ факультетѣ, затѣмъ депутатомъ и журналистомъ, Жебаръ—профессоромъ италіанской литературы, историкомъ, романистомъ и членомъ Академіи нравственныхъ наукъ; наконецъ, за послѣднее время Гастонъ Дешанъ, о которомъ я вамъ не разъ писалъ, сдѣлался критикомъ газеты *Temps*. Достоинно замѣчанія то, что „аѳиняне“ вообще не сохранили доброй памяти о своемъ пребываніи въ Греціи. Я нахожу, что они весьма несочувственно относятся къ грекамъ. Скоро исполнится подвѣвка грозному памфлету Эдмона Абу „Современной Греціи“.

Выдающимся событіемъ въ сферѣ средняго образованія можно считать первый съѣздъ преподавателей лицеевъ и коллегій. Они замыслили образовать общество, но это имъ не разрѣшили. Имъ дозволено только созывать конгрессы для обсужденія вопросовъ исключительно педагогическихъ или филантропическихъ. Министръ разрѣшилъ имъ созвать конгрессъ, и помощникъ попечителя Парижскаго учебнаго округа предоставилъ въ ихъ распоряженіе одну изъ залъ Парижскаго юридическаго факультета; 175 лицеевъ или коллегій имѣли своихъ представителей на конгрессѣ. Онъ отличался большимъ порядкомъ и досто-

инствомъ. Занимались разрѣшеніемъ вопроса о званіи бакалавра. Конгрессъ выразилъ желаніе, чтобы жюри состояло изъ членовъ, принадлежащихъ къ числу преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, подъ предсѣдательствомъ одного изъ профессоровъ факультета. Кромѣ того, положили образовать общество содѣйствія нуждающимся преподавателямъ среднихъ школъ. Это прекрасная мысль. Учителя лицеевъ, какъ и другіе служащіе въ нихъ, вносятъ ежегодно 5% изъ своего содержанія для образованія капитала на выдачу пенсій уходящимъ въ отставку. Пользуются этою пенсіей они сами или ихъ вдовы по истеченіи 30-лѣтней службы. Въ общемъ конгрессъ прошелъ вполне къ удовольствію министра, разрѣшившаго его.

Вы знаете, какое придають у насъ теперь значеніе развитію физическаго воспитанія. Въ скоромъ времени состоится *Олимпійскій* конгрессъ (sic) въ Гаврѣ, для разсмотрѣнія вопросовъ по гигиенѣ и педагогикѣ, имѣющихъ отношеніе къ физическимъ упражненіямъ.

II.

Масперо продолжаетъ издавать свою большую „Древнюю исторію народовъ классическаго Востока“; 4-й томъ ея составляетъ весьма объемистую книгу въ 800 страницъ. Онъ заключаетъ въ себѣ исторію перваго Халдейскаго царства, покоренія Египта гиксами, исторію Сири до и во время занятія ея египтянами, исторію XVIII-й Оивскаго династии, XIX-й, царства гиттитовъ въ Сири и Малой Азіи, конецъ Оивскаго царства, исторію начала Ассириі, исторію завоеванія Ханана Евреями, исторію Филистимлянъ, царствованія Давида и Соломона, основанія Дамасскаго царства. Это строго ученый трудъ и заключаетъ въ своихъ примѣчаніяхъ одну изъ наиболѣе полныхъ бібліографій по своему предмету. Въ немъ болѣе 500 гравюръ, взятыхъ исключительно изъ оригинальныхъ памятниковъ, и карты. Въ нашей литературѣ не было еще подобнаго, безусловно превосходнаго труда. Въ отдѣлѣ, посвященномъ Евреямъ, не допускавшимъ человѣческаго изображенія, Масперо помѣстилъ одни развалины и виды.

У Масперо царствованію Давида посвящено только нѣсколько страницъ. Другой ученый—Дъелафуа, археологъ, хорошо извѣстный своими раскопками на Востокѣ, которыя доставили ему кресло въ Академіи надписей, написалъ о царѣ Давидѣ цѣлую книгу. Онъ задумалъ обрисовать личность царя Давида исключительно съ точки зрѣнія мірскаго, описать его жизнь и среду, его окружавшую. Долго

проживъ въ тѣсной связи съ народами Востока, Дьелефуа пытается объяснить нравственную сторону Давида, руководствуясь личнымъ опытомъ, и изучаетъ его значеніе какъ воина и администратора. Этотъ любопытный ученый трудъ вызоветъ большую полемику.

Многообразныя занятія Рамбо не мѣшаютъ ему продолжать, вмѣстѣ съ Лависсомъ, „Всеобщую Исторію“; IX томъ ея, только что вышедшій въ свѣтъ,—несомнѣнно одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ. Онъ заключаетъ въ себѣ періодъ консульства и имперіи; отдѣльныя главы написаны разными компетентными писателями, изъ коихъ нѣкоторые считаются выдающимися историками, напримѣръ: консульство описано Оларомъ, франко-русскій союзъ—Вандалемъ, французская литература отъ 1799 до 1814 года—Фагз, Италия—Пенго, Германія время Наполеона—Дени, Польша и Великое княжество Варшавское—Л. Лежеромъ, Венгрія—Сейу, Россія и Турція—Рамбо, походъ 1814 года—Анри Гуссе. Это настоящая литературная антологія, а нѣкоторыя главы ея суть произведенія образцовыя. Разумѣется, не всѣ отдѣлы этого гигантскаго труда одинаковы, нѣкоторые требуютъ исправленія. Но Лависсъ и Рамбо могутъ сказать: *exegi monumentum*.

Просвѣщенные люди, интересующіеся Россіей и другими славянскими землями, интересуются также православнымъ вѣроисповѣданіемъ. Вы вѣдь знаете, какъ желаетъ папа воссоединенія церквей; я какъ-то присутствовалъ при произнесеніи проповѣди, въ которой католическій проповѣдникъ восторженно восхвалялъ Восточную церковь. Издается журналъ *Revue de l'Orient chrétien*, при сотрудничествѣ весьма извѣстныхъ людей. Съ этою же цѣлью Леонъ Ключье выпустилъ въ свѣтъ „Греко-французскій словарь“ церковно-славянскихъ названій Греческой церкви. Этотъ словарь въ 170 страницъ, довольно полный, будетъ полезенъ даже и при изученіи славянскихъ нарѣчій, въ которыя греческія слова вошли почти буквально. Эти слова обыкновенно переводятся неточно въ славянскихъ словаряхъ, употребляемыхъ французами.

Книготорговецъ Плонъ, специально издающій сочиненія по исторіи и дипломатикѣ, напечаталъ „Дипломатическія воспоминанія“ (*Souvenirs diplomatiques*) маркиза де-Габріака, бывшаго посла. Маркизь де-Габріакъ былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при С.-Петербургскомъ дворѣ во все время франко-прусской войны и въ Берлинѣ послѣ подписанія Франкфуртскаго мира до 4-го января 1872 года. Онъ принималъ участіе въ переговорахъ между Франціей, Германіей и Россіей въ очень важный моментъ XIX вѣка. Онъ говоритъ въ выс-

шей степени осторожно о направленіи умовъ въ Россіи въ моментъ революціи 4-го сентября, рассказываетъ о прибытіи и пребываніи Тьера въ Петербургъ, о переговорахъ относительно отѣны нѣкоторыхъ статей трактата 1856 года, о прибытіи генерала Ле-Фло въ Петербургъ, о переговорахъ съ Бисмаркомъ по случаю подписанія Франкфуртскаго договора, о положеніи Австріи и Германіи и наконецъ о происхожденіи Kulturkampf въ Пруссіи. Къ тексту де-Габріака приложено нѣсколько дипломатическихъ документовъ.

Тотъ же издатель напечаталъ весьма любопытную книгу Валишевскаго о Петрѣ Великомъ. Валишевскій—полякъ по происхожденію, но получилъ воспитаніе во Франціи и пишетъ по французски, какъ на родномъ языкѣ. Историки, взятые имъ за образецъ, это Вогюэ и Вандаль. Онъ пользуется сочиненіями и русскими, и иностранными, стараясь особенно обрисовать нравственную фізіономію и духовную сторону личности Петра Великаго. Его книга, блестящая по стилю и переполненная анекдотами, конечно, понравится французскимъ читателямъ. Любопытно было бы сличить его съ Вольтеромъ, чтобы судить объ успѣхѣ франко-русской историографіи въ теченіе полутора вѣка.

Мемуары де-Норвена закончились 3-мъ томомъ. Онъ обнимаетъ время съ 1802 по 1810 годъ и заключаетъ въ себѣ любопытныя подробности о впечатлѣніи, произведенномъ въ Парижѣ смертію герцога Англенскаго, о пребываніи Наполеона въ Бриеннѣ, гдѣ онъ проходилъ военную школу, о походѣ въ Германію, куда де-Норвенъ сопровождалъ императора, о битвахъ при Гутштадтѣ, Гейльсбергѣ, Фридландѣ, о свиданіи въ Тильзитѣ, о состояніи Пруссіи того времени, о дворахъ Баденскомъ и Вестфальскомъ, наконецъ о бракѣ Наполеона съ Маріей-Луизой. Къ сожалѣнію, записки эти разомъ прерываются, какъ только авторъ ихъ назначенъ былъ директоромъ полиціи въ Римѣ. Конецъ ихъ былъ похищенъ у семейства де-Норвена. Особенно драгоцѣнны подробности о фантастическомъ характерѣ Наполеона.

Моно, издатель *Revue historique* и директоръ Школы высшихъ знаній, собралъ въ книгу „Portraits et Souvenirs“ нѣкоторые этюды, напечатанные имъ въ послѣдніе годы въ различныхъ журналахъ. Это одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ людей нашего времени. Онъ преподаетъ исторію въ Нормальной школѣ и въ Школѣ высшихъ знаній; имъ же основано общество Сень-Симона (Историческое общество), собиравшее въ теченіе 15 лѣтъ, на своихъ періодическихъ собраніяхъ, ученыхъ всѣхъ странъ. Оно имѣло, за эти 20 лѣтъ, рѣшительное влія-

ніе на молодыхъ историковъ, преподающихъ теперь въ нашихъ университетахъ и въ лицейхъ. Эти различныя заслуги теперь вознаграждены. Моно избранъ въ члены Академіи нравственныхъ наукъ на мѣсто скончавшагося Поля де-Ремюза. Томъ „Портретовъ и воспоминаній“ содержитъ въ себѣ этюды о Викторѣ Гюго, Мишле, Фюстелѣ де-Куланжѣ, Дюрюи, Дармстеттерѣ и о современной Германіи. Эти этюды поучительны и увлекательны.

Болѣе блестящій писатель, чѣмъ Моно, Ларруме пишетъ очень много. Онъ только что напечаталъ шестой томъ своихъ „Mélanges“, на этотъ разъ озаглавленный: „Petits portraits et notes d'art“. Онъ состоитъ изъ двадцати или тридцати весьма небольшихъ этюдовъ, посвященныхъ почти исключительно XIX вѣку; изъ нихъ особенно важны опыты о Баррасѣ, Жозефинѣ, Наполеонѣ, Прево-Парадолѣ, Эмиль Ожье, о Нормальной школѣ, о современныхъ живописцахъ и актерахъ. Эти краткіе этюды пріятны въ чтеніи.

Тотъ же Ларруме издалъ въ свѣтъ четвертый томъ своихъ „Etudes de littérature et d'art“, заключающій въ себѣ опыты о современныхъ писателяхъ (Гонкуръ, Доде, Лоти), о критикахъ искусства, путевыя воспоминанія о Голландіи и Италіи и опытъ объ италіанскомъ романтистѣ д'Аннунціо. Ларруме любимъ, какъ авторъ, профессоръ и собесѣдникъ, любимъ особенно женщинами. Студенты пробуютъ иногда заставить его искупить этотъ успѣхъ, организуя противъ него въ Латинскомъ кварталѣ шумныя демонстраціи, но онѣ скоро утихаютъ. Эти демонстраціи не мѣшаютъ Ларруме продолжать свои лекціи и имѣть успѣхъ.

Камилль Жюліанъ, профессоръ университета въ Бордо, извѣстенъ какъ ученый и какъ писатель. На его долю выпала честь печатать окончательное изданіе сочиненій Фюстеля де-Куланжа, любимымъ ученикомъ котораго онъ былъ. Онъ же печаталъ классическое изданіе Монтеस्कѣ и, подъ заглавіемъ „Gallia“, издалъ небольшую книжку, о которой я въ свое время писалъ вамъ, какъ имѣющей серьезное научное достоинство. Въ настоящее время онъ занятъ монументальнымъ трудомъ — исторіей города Бордо. Для книготорговли Гашетта ему удалось приготовить сборникъ „Extraits des historiens français du XIX siècle“, обѣщающій принести большую пользу, особенно иностраннымъ читателямъ. Не всегда легко наводить справки въ сочиненіяхъ Мишле, Тьера, Гизо и сразу находить въ нихъ лучшія страницы. Сборникъ Жюліана обнимаетъ собою періодъ съ 1800 по 1870 годъ. О нынѣ живущихъ историкахъ онъ умалчивается, но даетъ

отрывки изъ Шатобриана, Огюстена Тьерри, Баранта, Гизо, Тьера, Минье, Мишле, Токвилля, Кине, Дюрюи, Ренана, Тэна, Фюстеля де-Куланжа. Эта хрестоматія особенно любопытна по своему обширному введенію, въ которомъ авторъ изображаетъ эволюцію французской историографіи съ 1800 по 1870 годъ. Хронологическій указатель статей помогаетъ находить текстъ, относящійся къ извѣстной эпохѣ. Обращаю особенное вниманіе на этотъ томикъ.

Тамень, профессоръ философіи одного изъ парижскихъ лицеевъ, издалъ въ томъ же собраніи свои „*Extracts des moralistes français du XVII au XIX siècle*“. Статьи этого сборника размѣщены не въ хронологическомъ порядкѣ, а по порядку содержанія: удѣлъ чело-вѣка, личная нравственность, внутренняя жизнь, домашняя жизнь, общественная жизнь, политическая жизнь. Рядомъ съ великими клас-сиками, какъ Паскаль, Боссюэтъ, Декартъ, Малебраншъ, Дидеро, Монтескье, Вольтеръ, Вовенаргъ, авторъ сгруппировалъ отрывки изъ сочиненій второстепенныхъ писателей и современныхъ публицистовъ, имена которыхъ не встрѣчаются въ такого рода изданіяхъ: Амшель, Эмиль Ожье, Дюма сынъ, Бомарше, Огюсть, Контъ, Гюйо, Лакор-дерь, Маріонъ, Мишле, Ренанъ, Сентъ-Бѣвъ. Къ книгѣ присоединены краткія примѣчанія объ этихъ писателяхъ, такъ что она можетъ служить полезнымъ добавленіемъ ко всемъ курсамъ философіи.

Альфредъ Франклинъ продолжаетъ свои серьезныя изысканія о частной жизни былаго времени. Серія этихъ изысканій достигла уже 20-го тома. Каждый томъ имѣетъ свое особое заглавіе и продается отдѣльно. Томы 19-й и 20-й появились въ свѣтъ почти одновременно; 19-й посвященъ животнымъ, въ немъ изучается зоологія XIII и XIV вѣковъ по сочиненіямъ того времени, значеніе животныхъ въ обще-ственной жизни (о животныахъ, звѣрнцы, домашнія животныя, жи-вотныя въ миниатюрахъ и въ скульптурѣ). Въ этомъ томѣ, какъ и въ предыдущихъ, помѣщено нѣсколько любопытнѣйшихъ иллюстра-цій. 20-й томъ этого собранія переноситъ насъ въ XVIII вѣкъ. Онъ озаглавленъ „*La Vie de Paris sous la régence*“; имъ начинается вто-рая серія, въ которой Франклинъ намѣренъ перепечатать нѣкоторыя весьма рѣдкія или мало извѣстныя книги. Имъ найдено одно сочи-неніе, напечатанное въ Лейденѣ въ 1727 году, нѣкоего Немеца, по происхожденію нѣмца, совѣтника при князѣ Вальдекскомъ. Этотъ Не-мецъ жилъ въ Парижѣ съ 1716 по 1718 годъ. Желая подѣлиться со своими соотечественниками личнымъ опытомъ, онъ напечаталъ для нихъ свой трудъ, изданный на нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ:

„Пребываніе въ Парижѣ, точныя указанія для знатныхъ путешественниковъ, какъ они должны держать себя, если хотятъ хорошо употребить свое время и свои деньги“ (*Séjour de Paris, c'est à dire instructions fidèles pour les Voyageurs de condition, comment ils doivent se conduire, s'ils veulent faire bon usage de leur temps et de leur argent*). Это не простое описаніе Парижа, въ родѣ путеводителей, а настоящее *Vade mecum* въ парижское общество; авторъ—большой наблюдатель и моралистъ. Его книга любопытна для исторіи общественной и экономической жизни.

Книжная фирма Ларусса издала нѣсколько лѣтъ тому назадъ сборникъ статей о Россіи, составленный при посредствѣ лучшихъ французскихъ специалистовъ, и книга эта имѣла большой успѣхъ. Ободренная имъ, та же фирма издаетъ теперь подобный же сборникъ объ Италіи. Въ него вошло статей двадцать, различныхъ сотрудниковъ, и множество гравюръ. Онъ представляетъ полную картину исторіи, политики, искусства и литературы современной Италіи. Одна изъ главныхъ статей: „Политическое устройство Италіи“ написана Луи Фаржемъ; другія: „Организація политическая, административная и судебная“—Эрнестомъ Лера; „Развитіе религіознаго чувства“—Е. Жебаромъ и Шарлемъ Дежабомъ; „Италіанское искусство“—Еженомъ Мюнтцемъ; „Италіанская литература“—Шарлемъ Дежабомъ. Книга эта весьма убористой печати и составляетъ цѣлую бібліотеку объ Италіи. Она послужитъ къ умственному сближенію Италіи и Франціи, которому сочувствуютъ столько просвѣщенныхъ людей.

23-й выпускъ „Словаря греческихъ древностей“ Даранбера и Сальо идетъ отъ *Heracles* до *Hoplomachia*. Самыя важныя статьи въ немъ слѣдующія: *Hercules* (Дюрбаха), *Hermes* (П. Париса), *Herois* (А. Гильда), *Heros* (А. Гильда), *Hetairai* (П. Фукара), *Hibernaculum* (Канья), *Hippodromos* (Альберта Мартена), *Histris* (Наварра), *Honos* (С. Жюліана и Сальо).

Въ 22-мъ томѣ „Большой Энциклопедіи“ оканчивается буква *L* и начинается буква *M*. Наибольше замѣчательны въ немъ слѣдующія статьи: *Linguistique* (Жюльена Винсона),—*Lithuanie* (Когена, Гомона, Карловица), *Lorraine* (Е. Больё), *Louis XIV* (Г. Монена) *Madagascar* (Редельспергера), *Malherbe* (Бркенетъера). По видимому, это замѣчательное изданіе будетъ окончено къ всемірной выставкѣ 1900 года.

Смерть герцога Омальскаго составляетъ потерю не только для королевскаго семейства Орлеановъ, но и для науки и литературы. Герцогъ Омальскій былъ воиномъ и историкомъ; военную исторію

онъ страстно любилъ. Унаслѣдовавъ великолѣпное помѣстье Шантильи, принадлежавшее дому Конде, онъ обогатилъ его превосходною картинною галлереей, обширною прекрасною библіотекою и значительнымъ архивомъ. Въ теченіе слишкомъ сорока лѣтъ онъ былъ занятъ составленіемъ „Исторіи дома Конде“: это—очень любопытный историческій трудъ, но написанный другимъ авторомъ онъ нравился бы менѣе. Герцогъ Омальскій состоялъ членомъ Французской академіи и Академіи изящныхъ искусствъ. Онъ любилъ общество литераторовъ и художниковъ. Свой замокъ Шантильи, со всѣми собраніями и библіотекою, онъ завѣщалъ Французскому институту, обязавъ употреблять доходы на пользу науки и литературы. Даръ прекрасный!

Л. Л—ръ.

ПИСЬМО ИЗЪ РИМА.

15-го іюня 1897 года.

Папа Левъ XIII. по видимому, желалъ освѣжиться отъ разныхъ непріятностей, причиненныхъ ему политикой, и доказать свѣту, что его духовная власть отъ этого нисколько не пострадала. Онъ воспользовался случаемъ канонизаціи двухъ священниковъ, одного италіанскаго, другаго французскаго, чтобы въ первый разъ послѣ Ватиканскаго собора публично явить всю традиціонную пышность папскаго служенія и такимъ образомъ официально прекратить молву о своемъ мнимомъ плѣненіи со времени уничтоженія свѣтской власти папъ.

Уже давно слѣдовало напомнить міру, что всякое религіозное учрежденіе обязано хранить свои интересы. Между тѣмъ клерикальная пресса такъ плохо поняла хорошую сторону этого рѣшенія папы, что сочла долгомъ пролить притворныя слезы о печальной участи святаго отца, лишеннаго будто бы, вмѣстѣ съ утратой свѣтской власти, возможности совершать величественное священнодѣйствіе католической церкви вполне свободно и со всѣмъ блескомъ, подобающимъ его высокому достоинству. Пущень былъ слухъ, что италіанское правительство запретило папѣ совершить канонизацію и помѣшало 270 италіанскимъ епископамъ и 700 иностраннымъ собраться въ Римѣ по этому случаю, и что оно готово закрыть двери храма св. Петра, чтобы не впускать туда народа, богомольцевъ и, пожалуй, самаго папу съ его блестящимъ дворомъ духовныхъ и свѣтскихъ приближенныхъ, его стражей и жандармами. На самомъ же дѣлѣ италіанское правительсто предоставило папѣ полную свободу дѣйствія и, по особому предложенію кардинала викарія, согласилось занять площадь св. Петра своими войсками, чтобы направлять движеніе собравшихся тамъ десятковъ

тысячъ лючей, жадныхъ до пышнаго дароваго зрѣлища, и предупредить тѣмъ возможность уличныхъ беспорядковъ. Единственная разница между былымъ и настоящимъ состояла въ томъ, что въ прежнее время площадь занимало папское войско, и что тогда входъ въ храмъ былъ свободенъ для всякаго, между тѣмъ какъ теперь туда впускали по билетамъ, которые выдавалъ мажордомъ папы. Роздано было 30.000 билетовъ не только лицамъ духовнаго званія, но и министрамъ, сенаторамъ, депутатамъ, общественнымъ дѣятелямъ, офицерамъ и представителямъ печати италіанской и иностранной, слѣдовательно, въ томъ числѣ и отлученнымъ отъ церкви; если входъ разрѣшали только по билетамъ, то вѣроятно, чтобъ указать, что въ храмѣ св. Петра единственный хозяинъ — папа: манифестація довольно ребяческая, такъ какъ правительство италіанское никогда не лишало его права быть безусловнымъ главой у себя. Но я забылъ одно обстоятельство, которое могло показаться духовнымъ лицамъ въ высшей степени важнымъ: въ прежнее время совершившаяся канонизація провозглашалась *urbi et orbi* не только при звонѣ колоколовъ всѣхъ церквей въ Римѣ, но и при пушечныхъ выстрѣлахъ съ замка св. Ангела; на этотъ разъ пушки молчали.

Впрочемъ на огромной площади, какъ и въ храмѣ, все происходило въ строжайшемъ порядкѣ, безъ малѣйшаго стѣсненія. На площади толпа любопытныхъ была огромная: хотѣли видѣть поѣздъ кардиналовъ въ ихъ пышныхъ каретахъ, шествіе сотенъ епископовъ и другихъ прелатовъ, тысячу священниковъ и монаховъ, отправлявшихся въ Ватиканъ и въ соборъ. Хотя въ храмѣ церемонія должна была начаться только въ девять часовъ, трибуны были полны еще съ шести часовъ. Исключая трибуны, предназначенной для „государей“ (каковыхъ не было), и трибуны дипломатическаго корпуса, уполномоченнаго при папѣ, всѣ остальные были взяты приступомъ и прежде всего прекраснымъ поломъ, который при каждомъ зрѣлищѣ, преступая всякое запрещеніе, занимаетъ огражденные мѣста, не заботясь о тѣхъ, кому они предназначены. Папская жандармерія напрасно силилась сдержать этихъ героинь, отважно пренебрегавшихъ опасностью быть смятыми, повергнутыми на землю и задавленными толпой, напиравшею на нихъ сзади. Къ счастью, за исключеніемъ обмороковъ, нѣсколькихъ вывиховъ рукъ и отдавленныхъ ногъ, особенно важныхъ инцидентовъ не было. Да и этого рода случайность была предвидѣна, и восемь санитарныхъ пунктовъ, снабженныхъ кроватями, носилками и лѣкарствами, находились въ капеллахъ, привле-

гающихъ къ храму. Не нашедшіе себѣ мѣста на трибунахъ прогуливались въ серединѣ храма, какъ въ бальной залѣ, громко разговаривали и вообще вели себя такъ, какъ бы находились не въ храмѣ. Впрочемъ, такъ бываетъ при всякомъ служеніи папы, и духовенство этимъ не смущается. Всѣ собравшіеся осматриваютъ убранство обширнаго собора и восхищаются имъ. Пиластры храма были покрыты шелковою тканью малиноваго цвѣта съ золотою каймой и золотою бахромой, куполь и боковыя арки убраны тканью того же цвѣта, гигантскія люстры и канделябры, а также и архитравъ средней части храма увѣнчаны тысячами свѣчей, проливающихъ повсюду ослѣпительный свѣтъ. На клиросѣ воздвигнуть былъ тронъ для папы, обтянутый блестящей бѣлою парчой со множествомъ золотыхъ украшеній, но очень небольшой сравнительно съ поразительною величиною храма и ярко съ золотомъ драпировкой въ глубинѣ его. Правда, трудъ декорировать величайшій и величественнѣйшій въ мірѣ храмъ требуетъ нечеловѣческихъ усилій, и обойщикъ-декораторъ, желающій соперничать съ Микель-Анжело, всегда проиграетъ въ своемъ дѣлѣ; довольно признаться, что убранство храма было очень дурно, хотя добрые римляне находили его прекраснымъ, развѣ отъ того только, что оно стоило 240.000 франковъ.

Перейдемъ теперь къ церемоніи, происходившей въ этой блестящей обстановкѣ.

Канонизація считается величайшимъ торжествомъ папской власти, такъ какъ, канонизируя новаго святаго или святую, папа предписываетъ всей католической церкви чтить ихъ и поклоняться имъ. Въ первыя времена христіанства каждая церковь включала имена своихъ мучениковъ въ свой списокъ (*каточу*) и почитала ихъ какъ святыхъ. Позже епископы канонизировали по епархіямъ; въ 993 году папа Іоаннъ XV предоставилъ однимъ папамъ право канонизаціи. До сихъ поръ насчитываютъ 194 канонизацій папскихъ, и разумѣется, онѣ случались бы чаще, если бы каждая изъ нихъ стоила менѣе полумилліона франковъ. Папа Бенедиктъ XIV значительно сократилъ эти расходы и упорядочилъ ихъ.

Эта сумма расходуется на канцелярскіе расходы, на плату адвокатамъ каноническихъ дѣлъ, на подарки папскому двору и папѣ, на изготовленія всего церковнаго облаченія и священныхъ сосудовъ для папы, и духовныхъ лицъ его двора и всѣхъ прелатовъ, которые будутъ въ сослуженіи съ нимъ, къ этотъ день, и на убранство храма св. Петра въ данномъ случаѣ.

Папа никогда не приступаетъ къ канонизаціи *motu proprio*: она всегда испрашивается или семействомъ кандидата, или духовною корпораціей, къ которой онъ принадлежалъ, или же комитетомъ вѣрующихъ, которые и берутъ на себя всѣ расходы по дѣлу канонизаціи; ходатайство можетъ быть возбуждено не ранѣе истеченія пятидесяти лѣтъ со смерти кандидата. Прошеніе о канонизаціи идетъ отъ кардинала-ходатая къ папѣ и называется поэтому *postulatum*. Принявъ его, папа поручаетъ „апостольской конгрегаціи церковныхъ обрядовъ и реликвій“ разсмотрѣніе прошенія и передачу его каноническому дѣлопроизводству. За немѣнѣемъ мучениковъ, исключая нѣсколькихъ миссіонеровъ, убитыхъ дикими, теперь довольствуются доказательствомъ „вышей набожности“ кандидата и совершенными имъ чудесами.

Это должно быть доказано въ духовномъ процессѣ противъ официальной оппозиціи совѣтника папскаго трибунала „*Sacra Rota*“, почему онъ и называется „*diabolus Rotae*“. Разумѣется, этотъ несчастный всегда проигрываетъ свое дѣло; конгрегація признаетъ достоинства кандидата, и если папа одобритъ ея опредѣленіе, кандидатъ получаетъ санъ „преподобнаго“, чтò и составляетъ первую степень къ канонизаціи. Кардиналь-ходатай не довольствуется этимъ успѣхомъ; онъ проситъ, чтобы его кліента причли „къ лику блаженныхъ“. Для этого слѣдуетъ доказать, что кандидатъ при жизни или послѣ смерти сотворилъ хотя бы одно чудо, какъ напримѣръ, исцѣленіе больнаго, избавленіе отъ неминуемой опасности, воскрешеніе мертваго. Если конгрегація, не смотря на оппозицію съ стороны „*diabolus Rotae*“, признаетъ приписываемое кандидату чудо „сверхъестественнымъ дѣйствіемъ“, ему присуждается „беатификація“. и съ одобренія папы онъ считается блаженнымъ (*beatus*). Беатификація есть вторая степень. Тогда кардиналь-ходатай ведетъ далѣе дѣло канонизаціи своего кліента и проситъ о провозглашеніи его святымъ (*sanctus*) и объ обязательномъ поклоненіи ему во всей католической церкви. Для возведенія его на эту степень требуется еще два чуда. Окончивъ эти формальности, папа созываетъ полупубличное собраніе консисторіи, въ которомъ, согласно съ защитительною рѣчью консисторскаго адвоката и по настоянію кардинала-ходатая, спрашиваетъ мнѣніе кардиналовъ. Если, по обыкновенію, они всѣ или почти всѣ отвѣчаютъ утвердительно, папа назначаетъ день для торжества канонизаціи.

Расходы по всей этой духовной процедурѣ, очень продолжительной, весьма значительны, и рѣдко бываетъ, чтобы начавшіе ее могли уплатить ихъ сразу. Нѣкоторые духовные процессы длятся болѣе сто-

лѣтія. По мѣрѣ исчезновенія денежныхъ средствъ дѣло приостанавливается и возобновляется только по доставленіи необходимой суммы. Средства эти обыкновенно доставляются духовными конгрегаціями. Всѣмъ извѣстно давнишнее желаніе испанцевъ канонизировать Христофора Колумба, и французовъ—Орлеанскую Дѣву, но за неимѣніемъ необходимыхъ денежныхъ средствъ они не доводятъ дѣла до конца. Ходатайствовавшіе о канонизаціи французскаго нищаго Жозефа Лабра имѣли болѣе удачи: внуки Вольтера и энциклопедистовъ собрали въ короткое время столько денегъ, что осуществили свое намѣреніе; большая же часть кандидатовъ во святые останавливаются, за неимѣніемъ средствъ, на первой или второй инстанціи и не достигаютъ третьей. Кардиналь Фредерикъ Борромео, прославленный въ романѣ Манцони „Promessi Sposi“, настаивалъ на признаніи канонизаціи своего дяди, кардинала Карла Борромео, и потерялъ все свое семейное состояніе. Какъ архіепископъ, получая доходъ только со своей епархіи, онъ говорилъ своимъ племянникамъ: „Будьте честными людьми, но не святыми, если не хотите умереть въ бѣдности“.

Канонизація 28-го мая стоила въ общемъ 500,000 франковъ, изъ которыхъ 240.000 внесены двумя кардиналами-ходатаями на убранство церкви св. Петра. Двѣ канонизаціи, совершенныя ранѣе Львомъ XIII, стояли менѣе, такъ какъ церемонія происходила въ большой ложѣ надъ папертью (atrium) храма св. Петра, въ помѣщеніи сравнительно тѣсномъ, убранство котораго стоило отъ 50 до 60.000 франковъ, но расходы по каноническому процессу обошлись дороже. Въ XIX вѣкѣ папа Пій VII совершилъ одну канонизацію въ 1807 году, Григорій XVI—одну въ 1839 году, Пій IX—двѣ въ 1861 и 1867 годахъ, Левъ XIII — три въ 1881, 1889 и 1897 годахъ. Послѣдняя, какъ я уже сказалъ, отличалась особенною пышностью.

Церемонія начинается въ восемь часовъ утра въ Сикстинской капеллѣ въ Ватиканѣ, гдѣ папа въ новомъ облаченіи, принесенномъ начавшими дѣло канонизаціи, въ тиарѣ, вступаетъ на тронъ (*sedia gestatoria*), несомый восьмью bussolante, и возглашаетъ гимнь „Ave Maria stella“, который поется папскими пѣвчими, кардиналами и прелатами, собравшимися вокругъ папы. Между тѣмъ процессія устанавливается; монашескіе ордена и приходское духовенство Рима идутъ изъ Ватикана по паперти св. Петра до „Confessione“. Тогда начинается торжественный выходъ папы; ему предшествуютъ три гвардіи: швейцарцы, палатины и дворяне, его дворъ, состоящій изъ нѣсколькихъ сотенъ епископовъ, архіепископовъ и патриарховъ, сановниковъ ду-

ховныхъ и свѣтскихъ его придворныхъ, кардиналовъ и высшаго духовенства. Папа отправляется для совершенія богослуженія. Можно сказать безъ преувеличенія, что дворъ папы — самый блестящій изъ всѣхъ европейскихъ дворовъ, а духовныя облаченія блескомъ своимъ превосходятъ всѣ гражданскіе и военные мундиры прочихъ европейскихъ дворовъ. Когда папа появляется, несомый на *sedia gestatoria*, высоко поднятый надъ головами, съ восковою свѣчей въ лѣвой рукѣ, благословляя правою колѣнопреклоненную толпу, кажется, что онъ не дышетъ. Левъ XIII казался подобенъ видѣнію; худое и блѣдное лицо его отражало душевное волненіе; рука дрожала, и приподымаясь, чтобы преподать благословеніе, онъ въ изнеможеніи опускался на свой тронъ. Римское духовенство любитъ привѣтствовать его возгласомъ: „*Evviva il Papa Re*“, но на этотъ разъ это было строго воспрещено; тѣмъ не менѣе нѣсколько экзальтированныхъ лицъ крикнули: „*Evviva il Papa Re!*“ Но папа величавымъ движеніемъ правой руки заставилъ ихъ замолчать. Отъ Сикстинской капеллы Ватикана до хоровъ храма св. Петра шествіе двигалось въ теченіе полутора часа.

По прибытіи папа сходитъ съ *sedia gestatoria* и переходитъ на тронъ. Онъ былъ въ полномъ изнеможеніи; потребовалось четверти часа для его отдыха на постели, приготовленной по приказанію его доктора Лапони за главною декораціей надъ трономъ: Левъ XIII желалъ во что бы то ни стало лично отслужить мессу, не смотря на полное запрещеніе врача, и тогда только отказался, когда докторъ Лапони назвалъ это самоубійствомъ. Отдохнувъ и подкрѣпившись пищей, папа сѣлъ на тронъ, и церемонія началась. Она длилась очень долго.

Какъ и въ консисторіи, передъ канонизаціей адвокатъ консисторіи, колѣнопреклоненный передъ папой, защищаетъ своего кліента, говоря о его добродѣтели и о явленныхъ имъ чудесахъ; онъ проситъ „настоятельно“ (*instanter*) св. отца внести имя кандидата въ „списокъ“ святыхъ. Папа отвѣчаетъ ему, что надо усердно молиться Богу, Пресвятой Дѣвѣ и всѣмъ святымъ. Затѣмъ поютъ славословіе всѣмъ святымъ. Адвокатъ снова преклоняетъ колѣна передъ папой и произноситъ вторую рѣчь, умоляя „*instantius*“ о возведеніи своего кліента въ чинъ святыхъ. Папа отвѣчаетъ: „Надо молиться Св. Духу, да осѣнитъ его разумъ“, и начинается молитва „*Veni Creator Spiritus*“, которая поется всѣми присутствующими. Тогда адвокатъ консисторіи произноситъ третью рѣчь и повторяетъ „*instantissime*“ свое прошеніе. Папа встаетъ на тронъ и читаетъ постановленіе о канонизаціи, въ силу права, даннаго Іисусомъ Христомъ св. Петру и

перешедшаго къ намѣстнику его на землѣ. Папа начинаетъ хвалебную пѣснь „Te Deum laudamus“, которую поютъ всѣ присутствующіе, при праздничномъ звонѣ колоколовъ всѣхъ церквей города Рима. Папа, имѣвшій на головѣ, во время церемоніи, бѣлую епископскую митру, замѣняетъ ее теперь тиарой, садится снова на *sedla gestatoria* и переносится къ главному алтарю, гдѣ и даетъ апостольское благословеніе, говоря: „Benedictio Dei omnipotentis, Patris et Filii et Spiritus Sancti descendat super vos et maneat semper“.

Перенесенный опять къ трону, папа отдыхалъ четверть часа. Въ то время одинъ изъ его апостольскихъ проповѣдниковъ говорилъ похвальное слово новымъ святымъ. Затѣмъ папа въ митрѣ сѣлъ на тронъ, и старшій изъ кардиналовъ началъ служить папскую мессу въ сослуженіи множества другихъ кардиналовъ и епископовъ. Пѣвчіе Сикстинской капеллы исполнили мессу папы Марцелла, величайшее произведение Палестрины. Апостолъ и Евангеліе пропѣты на латинскомъ и греческомъ языкахъ, на послѣднемъ епископами восточнаго обряда. Затѣмъ папѣ подносятъ, по ритуалу, символическіе дары: два золотые хлѣба, два небольшие золотые боченка вина, три золотые кѣтки съ бѣлыми голубями, горлицами и пѣвчими птичками. Эти приношенія, по видимому, доставили большое удовольствіе папѣ, который очень любитъ птицъ. Принявъ дары и глядя на птицъ, онъ сказалъ съ улыбкой: „Бѣдняжки, сегодня вечеромъ я васъ освобожу“.

Во время „Sanctus“ папа, снявъ митру, сталъ на колѣни передъ трономъ. „Sanctus“ пѣли двѣсти пѣвчихъ мальчиковъ, стоявшихъ на первой галлерей огромнаго купола, и имъ отвѣчали пѣвчіе, помѣщавшіеся на хорахъ. Это восхитительное и величественное пѣніе поразительно; директоръ папской пѣвческой капеллы Мустафа, придумавъ такого рода исполненіе, сдѣлалъ удачнѣйшее музыкальное нововведеніе. Во время освященія даровъ пѣніе прекращается, и при возношеніи даровъ исполняется на серебряныхъ тромбонахъ мотеть, производящій неизгладимое впечатлѣніе. Кардиналъ, совершавшій священнодѣйствіе, подноситъ папѣ чашу и св. дары, и папа, преклонивъ колѣна, причащается изъ его рукъ *sub utraque specie* и въ концѣ обѣдни опять благословляетъ народъ.

Вся церемонія отличается величайшею торжественностью, кромѣ музыки во время „возношенія даровъ“, которая слишкомъ свѣтскаго характера. Эта музыка царственная, даже болѣе чѣмъ царственная, но не духовная. Впечатлѣнію церемоніи много вредило поведеніе публики, наполнявшей храмъ. Я не говорю о свѣтской публикѣ, собравшейся

какъ на спектакль, но о 10 или 12,000 священниковъ, монаховъ, монахинь, семинаристовъ всѣхъ національностей и всѣхъ духовныхъ орденовъ, которые обязаны умѣть вести себя въ храмѣ, а не думать, что они въ театрѣ. Но они прибыли сюда только для удовлетворенія своего любопытства—видѣть папу и его блестящій дворъ: свѣтская пышность подавила въ нихъ чувство религіозности. Всѣ падаютъ ницъ передъ папой, проносимымъ въ *sedia gestatoria*, не обращая ни малѣйшаго вниманія на актъ, совершающійся въ церкви. Даже и не исповѣдающій католическую вѣру смущается отъ подобнаго поведенія священниковъ и церковнослужителей.

По окончаніи обѣдни процессія устанавливается снова для сопровожденія папы въ Ватиканъ. Она выходитъ не въ главный входъ храма, а черезъ капеллу Тѣла Господня, имѣющую прямое сообщеніе съ Ватиканомъ. Въ капеллѣ папа сходитъ съ *sedia gestatoria*, снимаетъ тиару и папское облаченіе и уже въ креслѣ относится въ свои апартаменты. При входѣ въ капеллу толпа, забывъ о запрещеніи, стала кричать: „*Evviva il Papa Re*“ и аплодировать какъ въ театрѣ. Церемонія окончилась въ половинѣ втораго часа. Не смотря на четыре широко открытыя двери, потребовалось болѣе получаса, чтобы присутствовавшіе въ храмѣ могли выйдти изъ него; смѣшавшись съ стоявшими на площади св. Петра, они образовали толпу въ 50 или 60.000 человекъ.

Какъ въ храмѣ, такъ и на площади порядокъ былъ образцовый. Въ подобныхъ случаяхъ итальянскій народъ ведетъ себя превосходно.

Врачъ папы опасался, чтобы безконечная церемонія не повліяла на физическія силы почтеннаго 87-лѣтняго старца, слабого и малокровнаго. Опасеніе основательное, но не оправдавшееся. Левъ XIII такъ хорошо перенесъ утомленіе этого дня, что на другой же день принималъ въ *Loggia* св. Петра 2.000 ломбардскихъ и лотарингскихъ пилигримовъ, пришедшихъ въ Римъ на торжество канонизаціи двухъ новыхъ святыхъ, своихъ соотечественниковъ. Папскій дворъ ликуетъ въ виду предстоящей въ скоромъ времени новой канонизаціи,—только бы нашлись необходимыя средства у ходатайствующихъ о ней. Я нарочно распространялся о подробностяхъ, чтобы яснѣе показать искусство Римскаго двора соединять интересы свѣтскіе съ интересами духовными. За неимѣніемъ героевъ религіи и мученичества онъ канонизируетъ отважныхъ священнослужителей и монаховъ и истеричныхъ монахинь. Никому зла это не причиняетъ, доставляетъ много денегъ какъ папѣ его двору, такъ и апостольскимъ конгрегаціямъ, художни-

камъ, рабочимъ и содержателямъ гостиницъ въ Римѣ, а міру даетъ возможность видѣть собственными глазами намѣстника Христа на землѣ во всемъ блескѣ и величіи, которымъ окружаетъ его уже цѣлыя вѣка изящное воображеніе италіанской націи.

Въ то время, какъ папа, казалось, былъ поглощенъ приготовленіями къ канонизаціи, онъ весьма пристально занимался дѣломъ, болѣе важнымъ для тщеславныхъ стремленій папства. Я уже писалъ вамъ, какъ милостиво отнесся Левъ XIII къ идеѣ Хорватскаго епископа Штроссмайера способствовать соединенію православной церкви южныхъ славянъ съ Римскою церковью посредствомъ введенія у нихъ славянской литургіи римскаго обряда.

Вѣроятно, монсеньоръ Штроссмайеръ, какъ добрый католикъ и хорошій патріотъ, воображалъ успѣхъ своей идеи болѣе легкимъ, чѣмъ то оказалось; но я сомнѣваюсь, достаточно ли онъ понимаетъ духъ православной церкви, вполнѣ тождественный съ національнымъ чувствомъ сербовъ и болгаръ и несогласный съ тенденціями Римской церкви, враждебными принципу національности и епископальной системѣ. Литургія на славянскомъ языкѣ могла бы смягчить натянутость отношеній между сербами и болгарами, съ одной стороны, и между хорватами и словенцами—съ другой, но не могла бы заставить православныхъ подчиниться папѣ, провозглашенному непогрѣшимымъ. Левъ XIII не отказался сдѣлать попытку, даровавъ католикамъ Черногоріи право служить на славянскомъ языкѣ католическую литургію. Но какъ Австрію, такъ и Венгрію, опечалило это разрѣшеніе палы, хотя оно ихъ и не касалось, а только испугало ихъ въ качествѣ опаснаго прецедента въ отношеніи славянъ Австріи и Венгріи; Кальноки, бывший тогда общимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, бомбардировалъ Ватиканъ депешами и нотами и заранѣе протестовалъ противъ подобной уступки въ пользу славянъ Австріи и Венгріи. Какъ бы то ни было, Левъ XIII, не смотря на свое намѣреніе, не сдѣлалъ этого, и Штроссмайеръ не показался болѣе въ Римѣ: дѣло это, по видимому, было предано полному забвенію.

Но теперь что-то снова мелькаетъ на горизонтѣ. Мадьярская газета оповѣстила, что недавно католическій архіепископъ Босніи монсеньоръ Штадлеръ, католическій архіепископъ Черногоріи монсеньоръ Милиновичъ и епископы Рагузы и Каттаро имѣли совѣщаніе на островѣ Лакрома близъ Рагузы, для обсужденія вопроса о введеніи католической литургіи на славянскомъ языкѣ въ Далмаціи, Истріи, Хорватіи, Босніи и Герцеговинѣ. Фактъ этотъ не былъ опровергнутъ,

и если это дѣйствительно такъ, то достойно удивленія: кѣмъ и для какой цѣли поднять опять этотъ несчастный вопросъ?

Дѣло это довольно запутанное, и не бесполезно было бы рассмотреть его поближе. Несомнѣнно, что, кромѣ тщеславнаго желанія расширить господство папской власти надъ всѣми южными славянами, два обстоятельства помогли снова поднять этотъ вопросъ: во-первыхъ, отказъ православнаго Константинопольскаго патріарха подчиниться власти Римскаго папы; отказъ былъ слишкомъ рѣзокъ и рѣшителенъ, чтобы папа не почувствовалъ его глубоко и не подумалъ объ отплатѣ; болѣе сильнаго возмездія не могло быть, какъ соединеніе православной церкви Сербской и Болгарской, обиженныхъ патріархомъ Константинопольскимъ, съ Римскою церковью. Чтò же бы привело къ этому соединенію, какъ не разрѣшеніе южнымъ славянамъ служить на славянскомъ языкѣ католическую литургію? Въ Ватиканѣ хорошо знали, какъ желаютъ славяне имѣть это право, и этимъ-то способомъ Римъ и хотѣлъ притянуть ихъ къ себѣ. Другое обстоятельство—это неудовольствіе Ватикана противъ австро-венгерскаго правительства по поводу введенія гражданскаго брака въ Венгрію; какъ говорятъ, императоръ Францъ-Иосифъ не утвердилъ бы этого „безнравственнаго и антихристіанскаго закона“ безъ согласія вѣнскаго министерства. Прибавьте, что папа принужденъ былъ пожертвовать своимъ нунціемъ монсиньоромъ Аліарди, а подобнаго пораженія Ватиканъ не прощаетъ. Но какое же болѣе жестокое возмездіе могъ употребить Ватиканъ противъ Вѣны и Будапешта, какъ не разрѣшеніе славянской литургіи ихъ подданнымъ славянамъ-католикамъ? Ужасныя слова „славянская литургія“ производятъ на австро-венгерское правительство такое же дѣйствіе, какъ красный цвѣтъ—на быка на аренѣ испанскаго цирка. Подумадырь Кальноки—католикъ и архимадырь Коломанъ Тисса—кальвинистъ, однако они ощущаютъ одинаковый страхъ и питаютъ одинаковое отвращеніе къ этой славянской литургіи, имѣющей въ ихъ глазахъ значеніе политическаго завоеванія Европы панславизмомъ. Штроссмайеръ проигралъ въ Вѣнѣ не столько по своему политическому положенію, какъ по своимъ прояскамъ у папы въ пользу введенія славянской литургіи.

Монсиньоръ Штроссмайеръ по причинамъ, твѣбующимъ долгаго объясненія, можетъ считаться не существующимъ, значеніе его въ Ватиканѣ ничтожнымъ. Поставить его во главѣ вопроса о введеніи славянской литургіи значить проиграть дѣло. Сочли за лучшее замѣнить его Боснійскимъ архіепископомъ монсиньоромъ Штадлеромъ,

человѣкомъ умѣреннымъ и сдержаннымъ, пользующимся довѣріемъ въ Ватиканѣ и покровительствомъ Каллая, правителя Босніи и Герцоговицы. Такъ какъ эти двѣ провинціи управляются Австріей и находятся какъ бы въ осадномъ положеніи, не дозволяющимъ архіепископу Штадлеру отлучаться изъ Сараева безъ особаго разрѣшенія Каллая, то любопытно знать, сообщилъ ли онъ Каллаю цѣль своей поѣздки на островъ Лакрому и говорилъ ли ему о конференціи епископовъ, на которой, какъ свидѣтельствуеть вышеупомянутая мадьярская газета, было рѣшено просить у св. престола введенія славянской литургіи римскаго обряда у всѣхъ южныхъ славянъ-католиковъ. Возможно ли предположеніе, что австро-венгерское правительство потеряло свой бѣшенный страхъ къ славянской литургіи, и что совѣщаніе епископовъ на островѣ Лакромѣ состоялось подъ его покровительствомъ? Пока не смѣю ни утверждать, ни отрицать этого, но укажу на одно обстоятельство, могущее отчасти объяснить кажущуюся снисходительность австро-венгерскаго правительства.

Въ настоящее время въ Венгріи и въ Хорватіи происходятъ выборы депутатовъ въ національное собраніе сербской православной церкви этихъ странъ, которое состоится въ Карловцахъ въ іюль мѣсяцѣ. Это все же важное событіе сильно занимаетъ австро-венгерское правительство; но на этотъ разъ конгрессъ будетъ имѣть особое значеніе, требующее подробнаго объясненія. Во время войнъ Германскаго императора и Мадьярскаго короля Леопольда I противъ Турціи императоръ призывалъ къ содѣйствію христіанскіе народы Турціи противъ турокъ. Дѣйствительно, сербы Босніи, Старо-Сербіи и Македоніи вооружились противъ своихъ притѣснителей, но успѣха не имѣли; они вынуждены были покинуть отечество, и 200.000 изъ нихъ, имѣя во главѣ Арсенія Черноевича, патріарха Печскаго, вступили въ 1692 г. въ Венгрію, разоренную и опустошенную, гдѣ императоръ обѣщалъ имъ свое покровительство, земли для воздѣлыванія, свободу вѣроисповѣданія и полную автономію ихъ національной церкви. Всѣ эти уступки возбуждены въ императорскихъ манифестахъ и декретахъ и съ точностію занесены въ законный актъ, извѣстный подъ названіемъ „*Declaratorium Nationis Illyricae*“, составляющій основаніе законнаго существованія сербовъ въ Венгріи.

Хотя опредѣленія этой „*Magna Charta*“ довольно ясны и точны, но правительство, подчиненное іезуитскимъ наклонностямъ императорской фамилии и шовинистской зависти мадьяръ, преступало ихъ при всякомъ случаѣ, такъ что сербы не переставали требовать своихъ

правъ, гарантированныхъ деклараторіемъ. Патриарху Черноевичу назначили мѣстопробываніемъ небольшой городокъ Карловцы, гдѣ преемники его живутъ и донинѣ, и гдѣ собирается національный конгрессъ для выбора патриарха, для установленія дисциплины церкви и духовенства, для устройства духовныхъ школъ и распределенія суммъ, предназначенныхъ на содержаніе церквей. Въ конгрессѣ засѣдаютъ патриархъ, епископы, архимандриты, протоіереи сербской церкви, а также депутаты изъ низшаго духовенства и мірянъ. Такъ какъ духовенство, какъ и всякая синодальная организація, старалось вытѣснить мірской элементъ, то число желавшихъ пробраться на конгрессъ все увеличивалось, а правительство, всегда дурно смотрѣвшее на автономію православной церкви и расшатывавшее по частямъ духовный организмъ ея, пользовалось этимъ, чтобы парализовать дѣло конгресса. Нескончаемыя предостереженія и карательныя мѣры ни къ чему не приводили. Въ XVIII вѣкѣ правительство самовластно уничтожило патриаршество и даровало главѣ православной церкви санъ митрополита Карловацкаго. Какъ ни протестовалъ конгрессъ, но онъ созывался только для избранія преемника умершаго „митрополита“.

Въ 1848 году, во время возстанія всей Венгріи, требовавшей реформъ политическихъ, религиозныхъ и общественныхъ, сербы также потребовали возстановленія дарованныхъ имъ правъ. Митрополитъ Іосифъ Раяичъ созвалъ національный конгрессъ въ Карловцахъ, первымъ актомъ котораго было возстановленіе патриаршаго достоинства въ лицѣ монсеньора Раяича и выборъ изъ мірянъ главы націи, всеводы въ лицѣ полковника Іосифа Шупликаца. Мадыарское министерство развирѣпѣло отъ этой дерзости „греческихъ подданныхъ не уніатовъ“ (такъ какъ названія сербовъ не существовало въ официальной терминологіи), разсѣяло конгрессъ, уничтожило его постановленія и повелѣло генералу Грабовскому, коменданту Петроварадинской крѣпости, бомбардировать городъ Карловцы. Приказаніе это было исполнено, и несчастный городъ почти совершенно разрушенъ. Сербы не покорились и возстали противъ мадыарскаго правительства. Патриархъ Раяичъ, подобно средневѣковымъ героямъ христіанства, верхомъ на лошади, держа крестъ въ лѣвой рукѣ, а въ правой саблю, сталъ во главѣ своей импровизированной арміи и не одинъ разъ разбивалъ мадыарскую армію. Остальное извѣстно. Онъ остался патриархомъ, но національный конгрессъ былъ навсегда уничтоженъ. По смерти монсеньора

Раячича преемникъ его Маширевичъ назначенъ былъ въ силу императорскаго декрета.

Послѣ возстановленія мадыарской конституціи необходимо было вновь созвать конгрессъ для выбора патріарха, но конгрессъ не удовольствовался возстановленіемъ этого права и требовалъ преобразованія своей организаціи и возобновленія полной автономіи православной сербской церкви. Венгерское министерство, дѣлая видъ, что даетъ согласіе на это требованіе, не противилось тому, чтобы конгрессъ вновь выработалъ свое устройство, но изъ этого ничего не вышло. Въ силу постоянныхъ требованій сербовъ правительство Будапешта принуждено однако было созвать конгрессъ на іюль мѣсяць текущаго года, при чемъ предупредило, что если конгрессъ не представитъ благоразумнаго плана, согласно съ его требованіями, то оно будетъ вынуждено даровать сербской православной церкви законъ по своему усмотрѣнію.

Эта попытка устрашенія не произвела, по видимому, желаемаго эффекта, такъ какъ, судя по газетамъ, большинство выбранныхъ депутатовъ составляютъ такъ называемые радикалы, лица, требующія полной автономіи церкви, преобладанія свѣтскаго элемента въ управленіи школъ и фондовъ и устраненія всякаго вмѣшательства правительства въ духовныя дѣла. Трудно ожидать, чтобы къ разрѣшенію этого вопроса отнеслись осторожно и справедливо.

Въ виду того, что это дѣло въ высшей степени интересно для всего православнаго міра, я почту долгомъ сообщить вамъ точно о всемъ, что произойдетъ на конгресѣ въ Карловцахъ.

А. Т.

ВЪ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ¹⁾.

V.

Антиохъ илионскихъ надписей.

Главное содержаніе этой статьи — разборъ одной изъ самыхъ извѣстныхъ въ наукѣ надписей, которая остается однако до сихъ поръ непонятою. Камень найденъ въ церкви мѣстечка Jeni-Schehr, на мѣстѣ древняго Сигея; тамъ купленъ Эдуардомъ Вортлей Монтегю и перевезенъ въ Кембриджъ. Издали Chishull, *Antiquitates Asiaticae*, 1728, p. 49 sqq.; Dobree, *Classical Journal*, томъ XXX, p. 124 sqq. По ихъ снимкамъ издалъ Бѣкъ—С. I. Gr. № 3595, томъ II, p. 878 sqq. Бѣкъ первый доказалъ, что эта надпись не *сигейская*, а *илионская*. Намъ необходимо привести текстъ этого интереснаго документа.

Ἐπιτηνιεύοντος Νυμφίου τοῦ Διοτρέφους, ἐπιστατοῦντος δὲ Διονου-
σίου τοῦ

Ἰπποκρίδουτος, Δημήτριος Διοῦς εἶπεν· ἐπειδὴ βασιλεὺς Ἀντίοχος
βασιλέως

Σελεύκου ἐν ἀρχῇ τε παραλαβὼν τὴν βασιλείαν καὶ προστάς ἐν
δόξῳ καὶ καλῆς αἰρέσεως ἐζήτησε τὰς μὲν πόλεις τὰς κατὰ τὴν Σε

5 λευκίδα, περιεχομένας ὑπὸ καιρῶν δυσχερῶν διὰ τοὺς ἀποστάνας
τῶν πραγμάτων, εἰς εἰρήνην καὶ τὴν ἀρχαίαν εὐδαιμονίαν καταστήσαι,
τοὺς δ' ἐπιθεμένους τοῖς πράγμασι ἐπεξελεθῶν, καθάπερ ἦν δίκαιον, ἀνα-
κτῆσασθαι τὴν πατρίαν ἀρχήν· διὸ καὶ χρησάμενος ἐπιβολῇ καλῇ
καὶ δικαίᾳ[ι]

¹⁾ *Продолженіе*. См. мартовскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1897 годъ.

ВЪ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ¹⁾.

V.

Антиохъ илїонскихъ надписей.

Главное содержаніе этой статьи — разборъ одной изъ самыхъ извѣстныхъ въ наукѣ надписей, которая остается однако до сихъ поръ непонятой. Камень найденъ въ церкви мѣстечка Jeni-Schehr, на мѣстѣ древняго Сигея; тамъ купленъ Эдуардомъ Вортлей Монтегю и перевезенъ въ Кембриджъ. Издали Chishull, *Antiquitates Asiaticae*, 1728, p. 49 sqq.; Dobree, *Classical Journal*, томъ XXX, p. 124 sqq. По ихъ снимкамъ издалъ Бѣкъ—С. I. Gr. № 3595, томъ II, p. 878 sqq. Бѣкъ первый доказалъ, что эта надпись не *сигейская*, а *илїонская*. Намъ необходимо привести текстъ этого интереснаго документа.

Ἐπιμηρεύοντος Νομφίου τοῦ Διοτράφους, ἐπιστατοῦντος δὲ Διονου-
σίου τοῦ
Ἰππομέδοντος, Δημήτριος Διοῦς εἶπεν· ἐπειδὴ βασιλεὺς Ἀντίοχος
βασιλέως
Σελεύκου ἐν ἀρχῇ τε παραλαβὼν τὴν βασιλείαν καὶ προστάς ἐν
δόξου καὶ καλῆς αἰρέσεως ἐζήτησε τὰς μὲν πόλεις τὰς κατὰ τὴν Σε
5 λευκίδα, περιεχομένας ὑπὸ καιρῶν δυσχερῶν διὰ τοὺς ἀποστάνας
τῶν πραγμάτων, εἰς εἰρήνην καὶ τὴν ἀρχαίαν εὐδαιμονίαν καταστῆσαι,
τοὺς δ' ἐπιθεμένους τοῖς πράγμασιν ἐπεξελεθῶν, καθάπερ ἦν δίκαιον, ἀνα-
κτῆσασθαι τὴν πατρίαν ἀρχήν· διὸ καὶ χρῆσάμενος ἐπιβολῇ καλῆι
καὶ δικαίᾳ[ι]

¹⁾ *Продолженіе*. См. мартовскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1897 годъ.

- καὶ λαβῶν οὐ μόνον τοὺς φίλους καὶ τὰς δυνάμεις εἰς τὸ διαγωνίσα-
σθαι περὶ
- 10 τῶμ πραγμάτων αὐτῶι προθύμως, ἀλλὰ καὶ τὸ δαιμόνιον εὖνουν καὶ συν
εργόν, τὰς τε πόλεις εἰς εἰρήνην καὶ τὴμ βασιλείαν εἰς τὴν ἀρχαίαν
διάθεσιν
κατέστησεν· νῦν τε παραγενόμενος ἐπὶ τοὺς τόπους τοὺς ἐπὶ τὰδε τοῦ
Ταύρου
μετὰ πάσης σπουδῆς καὶ φιλοτιμίας ἅμα καὶ ταῖς πόλεσιν τὴν εἰρήνην
κατεσκεύ
ασεν καὶ τὰ πράγματα καὶ τὴμ βασιλείαν εἰς μείζω καὶ λαμπροτέραν
διάθεσιν
- 15 ἀγήγοχε, μάλιστα μὲν διὰ τὴν ἰδίαν ἀρετὴν, εἶτα καὶ διὰ τὴν τῶμ.
φίλων καὶ τῶν
δυνάμεων εὖνοιαν· ὅπως οὖν ὁ δῆμος, ἐπειδὴ καὶ πρότερόν τε, καθ'
ὄν καιρὸν
παρέλαβεν τὴμ βασιλείαν, εὐχὰς καὶ θυσίας ὑπὲρ αὐτοῦ πᾶσι τοῖς θεοῖς
διετέλει ποιούμενος, καὶ νῦν εὖνους ὦν καὶ τὴν αὐτὴν αἴρεσιν ἔχων
φανερὸς ἦι τῶι βασιλεῖ, τύχηι τῆι ἀγαθῆι δεδόχθαι τῆι β[ου]λῆι καὶ τῶι
- 20 δῆμωι, τὴμ μὲν ἱερείαν καὶ τοὺς ἱερονόμους καὶ τοὺς πρυτάνεις εὐξασ
θαι τῆι Ἀθηνᾶι τῆι Ἰλιάδι μετὰ τῶμ πρεσβευτῶν τὴν τε παρουσίαν γεγο
νέναι τοῦ βασιλέως καὶ τῆς ἀδελφῆς αὐτοῦ βασιλείου καὶ τῶμ φίλων
καὶ τῶν δυνάμεων καὶ γίνεσθαι τὰ τε ἄλλα ἀγαθὰ τῶι βασιλεῖ καὶ
τῆι βασι
λίωσι πάντα, καὶ τὰ πράγματα καὶ τὴμ βασιλείαν αὐτοῖς διαμένειν
λαμβάνου
- 25 σαν ἐπίδοσιν καθάπερ αὐτοὶ προαιροῦνται· εὐξασθαι δὲ καὶ τοὺς ἄλ-
λους ἱερεῖς καὶ
ἱερείας μετὰ τοῦ ἱερέως τοῦ τοῦ βασιλέως Ἀντιόχου τῶι τε Ἀπόλλωνι
τῶι ἀρχηγ[ῶι]
τοῦ γένους αὐτοῦ καὶ τῆι Νίκηι καὶ τῶι Διὶ καὶ τοῖς ἄλλοις θεοῖς
πᾶσι καὶ πάσαις· ἐ[πὶ δὲ]
ταῖς εὐχαῖς τῆι μὲν Ἀθηνᾶι συντελεσάτωσαν τὴν νομιζομένην καὶ
πάτ[ριον θυ]
- 30 σίαν οἷτε ἱερονόμοι καὶ οἱ πρυτάνεις μετὰ τῆς ἱερείας καὶ τῶμ πρε-
σβευτῶν, τ[ῶι δὲ Ἀπό]
λλωνι καὶ τοῖς ἄλλοις θεοῖς οἱ στρατηγοὶ μετὰ τῶν ἄλλων ἱερείων.
ὅταν δὲ ποιῶ[σι τὰς θυ]
σίας, στεφανηφορεῖτωσαν οἳ τε πολῖται καὶ οἱ πάροιχοι πάντες, καὶ
συνιόν[τες τὰς πάς]

- ας συντελείωσαν θυσίας τοῖς θεοῖς ὑπὲρ τοῦ βασιλέως καὶ τοῦ δήμου.
 [ὄπως δὲ τὰ]
 εἰς τὴν τιμὴν καὶ δόξαν ἀνήκοντα συγκατασκευάζων ὁ δῆμος φανερός
 [ἦι πᾶσιν, ἔπει]
 νέσαι μὲν αὐτὸν ἐπὶ τῇ ἀρετῇ καὶ τῇ ἀνδραγαθίαι ἦν ἔχων [διατ]-
 λεῖ. [στήσαι δὲ αὐτοῦ εἰ]
- 35 κόνᾳ χρυσῇν ἐφ' ἔκπου ἐν τῷ ἱερῷ τῆς Ἀθηνᾶς ἐν τῷ ἐπιφρα[υστά-
 ται τόποι]
 ἐπὶ βήματος τοῦ λευκοῦ λίθου καὶ ἐπιγράψαι· „Ὁ δῆμος ὁ [Ἰλιέων
 βασιλέα Ἀντί]
 οχον βασιλέως Σελεύκου εὐσεβείας ἕνεκεν τῆς εἰς τὸ ἱερό[ν] εὐεργέτην
 καὶ σω]
 τῆρα γεγονότα τοῦ δήμου.“ ἀναγορεῦσαι δὲ καὶ ἐν [τῇ πανηγύρει ἐν τῷι]
 γυμνικῷ ἀγῶνι τὸν ἐγφονοθέτην καὶ τοὺς στρατηγούς· ὅτι αὐτὸν ἠ πό]
- 40 λισ καὶ αἱ λοιπαὶ πόλεις στεφανῶσιν τῷδε [τῷ στεφάνῳ εὐσεβοῦντα
 περὶ τὴν Ἀθηνᾶν τὴν]
 Ἰλιάδα, τὴν ἀνχγγελίαν ποιουμένους [διὰ τοῦ κήρυκος τῆς βουλῆς καὶ
 τοῦ δήμου·]
 ἐλέσθαι δὲ καὶ πρεσβυτάς ἐκ πάν[των] Ἰλιέων ἄνδρας τρεῖς, οἳτινες·]
 ἀσπασάμενοι αὐτὸν παρὰ τ[οῦ] δήμου πρῶτον μὲν καλεῖσσοσιν ὅ]
 γαίνειν αὐτὸν τε καὶ τὴν [ἀδελφὴν αὐτοῦ βασιλισσαν καὶ τὰ τέκνα]
- 45 καὶ τοὺς φίλους καὶ τὰς [δυνάμεις, ἔπειτα δ' ἀπαγγελοῦσιν αὐτῷ τὴν τι]
 μὴν καὶ ἀπολογισά[μενοι,] ὅσα ἡμῖν ὑπάρχει πρὸς αὐτὸν τε καὶ τὸν πα]
 τέρα αὐτοῦ βασιλέα Σ[έλευκον — — — — — δια]
 τετέλεκεν, παρακαλοῦσ[ιν — — —
 — — ν συμβαιν

Строка 2: Διοῦς Βῆκς; Диттенбергеръ (Sylloge, № 156) считаетъ эту форму невозможной и ставитъ Δίου.—Въ строкѣ 23 послѣ слова δυνάμεων пропущено: ἐπ' ἀγαθῷ, или подобное выражение.—Въ строкахъ 39 и слѣд. приняты возстановленія Диттенбергера, который въ 40-й строкѣ исправляетъ στεφανοῦσιν.

„При мѣсячномъ предсѣдателѣ Нимфіѣ сынѣ Діотрефа, при эпитатѣ Діонисіѣ сынѣ Ипомедонта Димитрій сынъ Діея (или Дія) предложилъ: такъ какъ царь Антиохъ сынъ царя Селевка и въ началѣ, принявъ царство и ставъ во главѣ славнаго и прекраснаго намѣренія, постарался города, находящіяся въ Селевкидѣ. охваченные трудными обстоятельствами по винѣ возмутившихся противъ го-

сударства поставовить въ миръ и прежнее счастье. а покусившихся на государство преслѣдовать, какъ было праведно, и возобладать своею отчиною; посему и взявшись за предпріятіе прекрасное и праведное, и получивъ не только друзей и войска ревностными въ борьбѣ за его государство, но и божество благосклоннымъ и содѣйствующимъ, возстановилъ города въ миръ и царство въ прежнее положеніе;

и нынѣ, прибывъ въ мѣста по сию сторону Тавра, со всѣмъ стараніемъ и усердіемъ вмѣстѣ и городамъ миръ устроилъ, и государственныя дѣла и царство привелъ въ болѣе великое и блестящее положеніе, наипаче благодаря собственной своей доблести, а потомъ благодаря преданности друзей ¹⁾ и войскъ;

чтобы посему и народъ (илионскій), такъ какъ и прежде, въ то время какъ (царь) принялъ царство (вступилъ на престолъ), постоянно творилъ молитвы и жертвоприношенія за него, и нынѣ въ своей преданности и той же самой благонамѣренности явентъ былъ бы царю,

на доброе счастье, пусть поставовить совѣтъ и народъ, чтобы жрица и іерономы и пританы помолились Аѳинѣ Иліадѣ вмѣстѣ съ послами, чтобы прибытіе царя и сестры его царицы и друзей и войскъ (было на благо), и чтобы было и прочее всякое благо царю и царицѣ, и чтобы власть и царство ихъ продолжали расти и увеличиваться, какъ они сами предпочитаютъ; и чтобы помолились и прочіе жрецы и жрицы вмѣстѣ съ жрецомъ царя Антиоха Аполлону, верховному предку рода его, и Побѣдѣ и Зевсу и всѣмъ прочимъ богамъ и богинямъ; и при молитвахъ пусть іерономы и пританы вмѣстѣ съ жрицею и послами совершатъ законную и отеческую жертву Аѳинѣ, а стратеги съ прочими жрецами Аполлону и другимъ богамъ. А когда совершаютъ жертвоприношенія, пусть имѣютъ на головахъ вѣнки всѣ граждане и прочіе жители, и сходясь вмѣстѣ пусть совершаютъ всѣ жертвоприношенія богамъ за царя и народъ (илионскій).

[А чтобы] явно [было всѣмъ], какъ народъ (илионскій) со своей стороны устраиваетъ то, что относится къ чести и славѣ (царя), похвалить его за добродѣтель и доблесть, съ какою онъ пребываетъ. [и поставить] золотую конную статую [его] въ святилищѣ Аѳины на [самомъ видномъ мѣстѣ] на мраморномъ основаніи и написать: „Народъ [илионскій] (посвящаетъ статую) царя Анти]оха сына царя Селевка за

¹⁾ Извѣстно, что друзьями (φίλοι) въ греко-македонскихъ царствахъ назывались всѣ высшіе и средніе военные и гражданскіе чины.

благочестіе къ свѣтынь, ставшаго [благодѣтелемъ и] спасителемъ народа (илионскаго)⁴. Агоноосты и [стратиги] пусть провозгласятъ въ [праздничномъ собраніи], во время гимническаго состязанія, [что городъ (Иліонъ)] и прочіе города (то-есть, союза во имя Аенны Илиады) вѣнчаютъ [его этимъ вѣнкомъ за благочестіе къ Аеннѣ] Илиадѣ, и пусть сдѣлаютъ провозглашеніе [черезъ глашатая совѣта и народа]; и выбрать пословъ изъ всѣхъ [илионцевъ трехъ мужей, которые] привѣтствовавъ его отъ [народа, прежде всего пожелаютъ] здравствовать ему и [сестрѣ его царицѣ и дѣтямъ] и друзьямъ и [войскамъ, а потомъ объявятъ ему постановленную] почесть, и изложивъ [что есть у насъ относительно его и] отца его Селевка — — — представлять (или будутъ побуждать)⁴. — — —

Книга Чишѣлля (Chishull) *Antiquitates Asiaticae christianam aetam antecedentes* занимаетъ значительное мѣсто въ исторіи эпиграфики; въ ней въ первый разъ издано довольно много важныхъ малоазійскихъ надписей, въ томъ числѣ только что приведенная нами. Вотъ объясненія Чишѣлля. Въ заголовкѣ Чишѣлль поставилъ: *Psephisma Sigeorum ad Regem Antiochum Soterem et secundam eius uxorem, sororem reginam, spectans*. (Случайно на камнѣ не сохранилось имени города — тоу δῆμος или τῆς πόλεως). Относится постановленіе, какъ ему кажется, ко второму году послѣ убіенія Селевка, 278 до Р. Хр.

Мемнонь (у Фотія), историкъ Ираклеи понтійской, разказываетъ, какъ Селевкъ послѣ побѣды надъ Лисимахомъ рѣшилъ переправиться въ Македонію и тамъ кончить жизнь (онъ былъ уже старъ), а Азікъ поручить сыну своему Антиоху. Скоро Селевкъ былъ убитъ Птолемеемъ Керанномъ. Ὁ δὲ Σελεύχου Ἀντίοχος πολλοῖς πολέμοις, εἰ καὶ μόλις καὶ οὐδὲ πᾶσαν, ὅμως ἀνασώσασθαι τὴν πατρῴαν ἀρχὴν, πέμπει στρατηγὸν Πατροκλέα σὺν ἐκστρατεύματι εἰς τὴν ἐπὶ ταῖς τοῦ Ταύρου. Вотъ эти войны, которыми Антиохъ вновь спасъ себѣ или выручилъ отцовскія владѣнія и упоминаются въ постановленіи сигейцевъ, въ строкахъ 4-й и слѣдующихъ, о возмущеніи, охватившемъ города въ Селевкидѣ. Селевкидою называлась лучшая и главная часть Сиріи, она же называлась и τετράπολις, четыреградіе, по четыремъ главнымъ городамъ (а кромѣ главныхъ было въ ней нѣсколько и другихъ); эти четыре самыхъ большихъ города были Антиохія, что при Дафнѣ (то-есть, столица всего царства Селевкидовъ), и Селевкия, что въ Пьеріи, и Апамея, и Лаодикея, всѣ четыре построенныя Селевкомъ Никаторомъ: самый главный городъ по имени его отца, самый крѣпкій по его собственному имени, Апамея по имени его жены Апамы, Лаоди-

кея по имени его матери—Strabo XVI 2, 4 (я выписываю изъ Страбона богѣе, чѣмъ выписалъ Чисѣль, потому что мѣсто Страбона намъ понадобится далѣе).

По усмирениі возстанія въ Селевкидѣ Антиохѣ I послалъ Патрокла съ войскомъ въ страну по сию сторону Тавра. Извѣстно, что такъ называлась Малая Азія или большая часть ея. Патроклъ попалъ въ засаду, устроенную военами, и погибъ со всѣмъ войскомъ (Мемнонъ). Изъ за этого Антиохъ рѣшилъ воевать противъ военновъ. Царь военновъ Никоидъ заключилъ союзъ съ Ираклеєю понтійскою. Антиохъ сынъ Селевка и Антигонъ сынъ Димитрія воевали между собою, собравъ большія войска. Антигону помогалъ Никоидъ, Антиоху многіе другіе. До битвы однако не дошло. Затѣмъ Никоидъ помогъ галатамъ переправиться въ Малую Азію.—Все это изложено въ выпискахъ изъ Мемнона, сдѣланныхъ Фотиємъ. Чисѣль ставитъ свою надпись въ 278 году, слѣдовательно за годъ до переправы галатовъ въ Азію.

У Аппіана сказано Syr. 65: „Антиохъ первый, прозванный Спасителемъ (σωτήρ) за, то что онъ изгналъ галатовъ, вторгнушихся изъ Европы въ Азію“. Въ надписи сказано, что Антиохъ былъ благодѣтелемъ и спасителемъ города. Извѣстно, что галаты, переправившись въ Азію, жестоко опустошали ее, и города должны были откупаться. Извѣстно, что Антиохъ I одержалъ когда-то побѣду надъ галатами. О ней мы имѣемъ разказъ у Лукіана: Ζεῦσις ἢ Αντιόχος. Прозваніе Сотира есть и у Лукіана: Ἀντιόχος δὲ ὁ σωτήρ ἐπικληθεῖς. Лукіанъ описываетъ, какъ страшно было войско галатовъ, какъ ничтожно войско Антиоха, какъ Антиохъ отчаялся въ успѣхѣ, какъ слоны доставили ему неожиданную побѣду. Изъ всего разказа Лукіана явно, что война съ галатами была для Антиоха вообще неудачна и бѣдственна.

Описаніе побѣды Антиоха у Лукіана совершенно фантастическое. Изъ надписей, которыя открыты полтораста лѣтъ послѣ Чисѣля, мы видимъ, что іонійскіе города собираютъ деньги для уплаты Леоннорію, одному изъ двухъ главныхъ галатскихъ вождей, переправившихся въ Азію въ 277 году (Dittenberger, Sylloge, № 159), что при Антиохѣ II существовалъ постоянный налогъ или сборъ съ городовъ для уплаты дани галатамъ, и что этотъ сборъ былъ, очевидно, установленъ Антиохомъ I (Антиохъ II пишетъ эриерейцамъ: ἀφορολογήτους εἶναι συχφροδμεν τῶν τε ἄλλων ἀπάντων καὶ [τῶν εἰς] τὰ Γαλατικά συναγομένων. Диттенбергеръ—№ 166, р. 260—весьма неудачно комментируетъ: tributum ad bellum Galaticum ab prioribus regibus—но ранѣе Антиоха II

одинъ только Антиохъ I имѣлъ дѣло съ галатами — *impositum, quod eo facilius Antiochus Erythraeis remittere potuit, quia patris victoria periculum ab illa gente imminens depulsum erat.* Но Антиохъ II освобождаетъ эрирейцевъ отъ *всѣхъ налоговъ*, и слова τὰ εἰς τὰ Γαλατικά συνατόμενα звучатъ не побѣдоносно). Антиохъ I *не измалъ* галатовъ изъ Азии, и Аппианъ выражается въ высшей степени не точно. Чишѣллъ хитрымъ и вмѣстѣ наивнымъ образомъ стремится согласить фразу Аппиана съ извѣстными фактами тѣмъ предположеніемъ, что, можетъ быть, небольшой отрядъ галатовъ переправился въ Азію раньше и былъ прогнанъ Антиохомъ. Но извѣстно, что раньше переправы Леоннорія и Лугарія галлы нѣкоторое время не могли, хотя и старались, переправиться въ Азію.

„Сестра царица“ понята Чишѣллемъ буквально, какъ родная сестра. Супруга Антиоха I была Стратоника, дочь Димитрія Полиоркита. Всѣмъ извѣстна романическая любовь Антиоха, еще наследника престола, къ молодой махихѣ Стратоникѣ и счастливая развязка. Ἀντίοχος, ὁ τῆς μητροῦς ἀρσθενίς, говоритъ Аппианъ. Селевкъ Никаторъ, соединивъ Антиоха со Стратоникой, послалъ ихъ царствовать на востокъ. Такъ какъ, по Мемнону и Павсанію (I 16), Селевкъ послѣ побѣды надъ Лисимахомъ намѣревался передать Антиоху царство надъ всею Азіей, то Антиохъ могъ прибыть изъ восточныхъ столицъ въ Антиохію еще при жизни Селевка или скоро послѣ его смерти. Филетеръ, владѣтель Пергама, передавшійся отъ Лисимаха на сторону Селевка, купилъ за большія деньги тѣло Селевка у Птолемея Керавна, сжегъ и послалъ останки къ Антиоху. Антиохъ положилъ ихъ въ Селевкии приморской, выстроилъ храмъ и окружилъ участкомъ; священный участокъ называется Νικατόρειον. — Appian. *Sug.* 63.

Селевкия приморская тоже, что Селевкия, что въ Пiereis, или просто Селевкия Пiereis, одинъ изъ четырехъ городовъ Селевкиды, „охваченныхъ войною“ по надписи. Чишѣллъ такъ и говоритъ, что Антиохъ, усмиряя возстаніе Селевкиды (*opportune compescendis motibus intentus*), получилъ останки отца и устроилъ гробницу.

Такъ какъ Стратоника не была сестрою Антиоха I, то Чишѣллъ предполагаетъ, что сигейская надпись составлена уже послѣ смерти Стратоники, и что второю женою Антиоха была его сестра, отъ которой онъ имѣлъ Лаодію, ставшую супругою его сына и наследника Антиоха II. Чишѣллъ ссылается на Полиена, VIII 50: Ἀντίοχος ὁ προσαγορευθεὶς Θεὸς εὔημε Λαοδίην ὀμοπατρίαν ἀδελφῆν.

Объясненія Чипшелля, въ ихъ сущности, повторяются всеми слѣдующими учеными до настоящаго времени. *Сигейская* надпись съ постановленіемъ въ честь царя Антиоха I была знаменита въ ученномъ мірѣ. Теперь подъ именемъ *сигейской* надписи болѣе извѣстна архаическая надпись Фанодика, въ первый разъ изданная также Чипшеллемъ въ особой книгѣ въ 1727 году и повторенная въ слѣдующемъ году въ *Antiquitates Asiaticae*. Бѣкъ призналъ надпись Фанодика имитациею архаическаго письма, и приговоръ Бѣка былъ въ силѣ до выхода въ свѣтъ *Studien zur Geschichte des griechischen Alphabets* Кирхгофа, который доказалъ ея несомнѣнную подлинность и древность. Но и надпись въ честь Антиоха ученые продолжаютъ называть „такъ называемою сигейскою“—*sogenannte sigeische Inschrift* (Дройзень, Вилькенъ).

Въ 1818 году одновременно вышли два изданія армянскаго перевода хроники Евсевія, и Нибуръ съ жаромъ обращалъ вниманіе ученыхъ на *den historischen Gewinn* изъ этого перевода. Объ Антиохѣ II тамъ сказано (по обратному латинскому переводу): *filios suscepit duos Seleucum, cognomento Callinicum, et Antiochum, filiasque duas e Laodice Achaei, quarum alteram Mithridates, alteram Ariarathes duxerunt uxores*. Евсевій выписалъ это, конечно, изъ Порфирія (К. Müller, *Fragm. N. Gr.* III, pag. 707). Нибуръ отдалъ преимущество показанію Порфирія надъ показаніемъ Полиена объ отцѣ жены Антиоха и замѣчаетъ, что у Селевкидовъ не было обычая жениться на родныхъ сестрахъ.—*Kleine Schriften*, томъ I, pag. 257. Дройзень и Карль Мюллеръ принимаютъ мнѣніе Нибура. Бѣкъ и Диттенбергеръ не согласны съ нимъ. Диттенбергеръ опровергаетъ Нибура примѣромъ, что Антиохъ III соединилъ бракомъ дѣтей своихъ Антиоха и Лаодику: γάμος τε τῶν παίδων ἔθειεν, Ἀντιόχου καὶ Λαοδίκης, ἀλλήλοις συναμύζων—*Arrian. Syr.* 4.

Бѣкъ подробно комментировалъ надпись въ честь царя Антиоха во II томѣ *Corp. Inscr. Gr.* Какъ выше сказано, онъ доказалъ, что постановленіе сдѣлано илїонцами. Я думаю, что въ III и II вѣкахъ до Р. Хр. Сигей принадлежалъ илїонцамъ и былъ ихъ гаванью. Бѣкъ показалъ, что *прочіе города*, упоминаемые въ надписи (стр. 40), суть города союза, котораго священнымъ центромъ была святиня Аѳины Илиады въ Илїонѣ, что Илїонъ былъ во главѣ союза. Нѣкоторыя надписи этого союза были извѣстны Бѣку, другія открыты послѣ него. Особенно ясны постановленія въ честь Малусія гаргарейца *συνεδρίου τῶν πόλεων τῶν κοινωνουσῶν τοῦ τε ἱεροῦ καὶ τῆς πανηγύρεως τῆς Ἀθη-*

νάς τῆς Ἰλιάδος—Dittenberger, Sylloge, № 125.—Общимъ выраженіемъ Мемнона: „Антиохъ многими войнами, хотя и насилу, и не всё, вновь выручилъ владѣнія отца“ Бѣкъ противопоставилъ хвалебный отзывъ риторика Ливанія: „Антиоху не пришлось вести никакой войны: все враждебное ему притихло отъ страха“: Ἀντιόχῳ — — πόλεμος οὐδεὶς ἐπολεμήθη· τὸ γὰρ δυσμενὲς ἅπαν ἐπτήχει τῷ φόβῳ—I, p. 306, ed. Reiske. Ливаній, вѣроятно, не справлялся ни съ какой исторіей Антиоха I. Царствованіе Антиоха I намъ, собственно говоря, почти совсѣмъ неизвѣстно.—Бѣкъ замѣтилъ нелѣпость возмущенія самой Антиохіи и области прилежащей къ столицѣ, неупоминаемаго никакимъ древнимъ авторомъ. Селевкида илѣонской надписи должна быть тождественна съ Селевкидою, упоминаемою въ большой смирской надписи времени Селевка II Каллиника (какъ признаетъ и Чишѣлль). Въ царствованіе Селевка II было побѣдоносное вторженіе Птолемея III, завоевавшего почти всё провинціи громаднаго царства Селевкидовъ; потомъ была продолжительная междоусобная война братьевъ Селевка II и Антиоха Iерака. Всѣ эти событія весьма плохо намъ извѣстны. Смирнцы говорятъ (Dittenberger, Sylloge, № 171. стр. 1 и слѣд.): Ἐπειδὴ πρότερόν τε καθ' ὃν καιρὸν ὁ βασιλεὺς Σέλευκος ὑπερέβαλεν εἰς τὴν Σελευκίδα, πολλῶν καὶ μεγάλων κινδύνων περιστάσεων τῆμ πόλιν ἡμῶν καὶ τὴν χώραν, διεφύλαξεν ὁ δῆμος τῆμ πρὸς αὐτὸν εὐνοίαν τε καὶ φιλίαν, οὐ καταπλαγείς τὴν τῶν ἐναντίων ἐφοδὸν οὐδὲ φροντίσας τῆς τῶν ὑπαρχόντων ἀπωλείας, ἀλλὰ πάντα δεύτερα ἡγησάμενος εἶναι πρὸς τὸ διαμειναι ἐν τῆ αἰρέσει καὶ ἀντιλαβέσθαι τῶμ πραγμάτων κατὰ τὴν ἑαυτοῦ δύναμιν καθότι ἐξ ἀρχῆς ὑπέσση. И далѣе, въ строкахъ 13-ой и слѣд.: νῦν τε ὑπερβεβληχότος τοῦ βασιλέως εἰς τὴν Σελευκίδα. Бѣкъ предположилъ, что въ смирской и въ илѣонской надписяхъ разумѣется не столичная и богатая Селевкида сирійская, но Селевкида, находившаяся въ Каппадокіи и упоминаемая Аппіаномъ (Syn. 55).—О *сестрѣ царицѣ* Бѣкъ вполне согласенъ съ Чишѣллемъ, что послѣ смерти Стратоника Антиохъ I женился на своей родной сестрѣ, и опять ссылается на Полиена, VIII 50, такъ что отвергаетъ показаніе Порфирія.

Дройзенъ (Geschichte des Hellenismus, 2-е изданіе, III, 1, pag. 267) высказалъ, съ сомнѣніемъ, предположеніе, что въ илѣонской надписи ἀδελφὴ αὐτοῦ βασιλίσσα есть *титулъ* супруги царя и не означаетъ непременно *сестру*. Супругѣ царя въ Египтѣ дается титулъ *сестры*, но въ царствѣ Селевкидовъ не встрѣчается тому другаго примѣра. Дройзенъ склоненъ видѣть въ *сестрѣ царицѣ* Стратонику. И конечно мнѣніе Чишѣлля, что знаменитая царица Стратоника была царицею всего

какойнибудь одинъ годъ можно было признать невѣроятнымъ и при извѣстныхъ самому Чишѣллю источникахъ. Память о Стратоникѣ осталась великая. Существовала въ Каріи Стратоникея, цвѣтущій городъ, выстроенный въ честь ея; существовалъ до времени императоровъ римскихъ культъ Афродиты Стратоникиды. Смирнцы въ своемъ большомъ постановленіи съ благоговѣніемъ говорятъ о Стратоникѣ. За вышеприведеннымъ началомъ надписи слѣдуетъ такая тирада: διὸ καὶ ὁ βασιλεὺς Σέλευκος, εὐσεβῶς τὰ πρὸς τοὺς θεοὺς διακείμενος καὶ φιλοστόργως τὰ πρὸς τοὺς γονεῖς, μεγαλόφυχος ὢν καὶ ἐπιστάμενος χάριτας ἀποδίδοναι τοῖς ἑαυτὸν εὐεργετοῦσιν, ἐτίμησεν τῆμ πόλιν ἡμῶν διὰ τε τὴν τοῦ δήμου εὐνοίαν καὶ φιλοτιμίαν ἣν ἐπεποιήτο εἰς τὰ πράγματα αὐτοῦ καὶ διὰ τὸ τὸμ πατέρα αὐτοῦ θεὸν Ἀντίοχον καὶ τὴμ μητέρα τὴν τοῦ πατρὸς θεὰν Στρατονικήην ἰδρῶσθαι παρ' ἡμῖν τιμωμένους τιμαῖς ἀξιολόγοις καὶ κοινῆι ὑπὸ τοῦ πλήθους καὶ ἰδίαι ὑφ' ἐκάστου τῶμ πολιτῶν, καὶ ἐβεβαίωσεν τῶι δήμῳ τὴν αὐτονομίαν καὶ δημοκρατίαν, ἔγραψεν δὲ καὶ πρὸς τοὺς βασιλεῖς καὶ τοὺς δυνάστας καὶ τὰς πόλεις καὶ τὰ ἔθνη ἀξιώσας ἀποδέξασθαι τό τε ἱερὸν τῆς Στρατονικήδος Ἀφροδίτης ἄσολον εἶναι καὶ τὴμ πόλιν ἡμῶν ἱερὸν καὶ ἄσολον (строки 5—12).—Въ настоящее время извѣстно, что Стратоника была въ живыхъ въ 268 году, и неизвѣстно, пережила-ли ее ея супругъ, царь Антиохъ I. Вѣроятно, никакой другой жены у Антиоха I не было.

Дройзенъ слѣдуетъ Бёку во всѣхъ подробностяхъ объясненій надписи. Придуманную Бёкомъ Каппадокійскую Селевкиду онъ принимаетъ безъ малѣйшаго сопротивленія и много съ нею мучится въ концѣ II и въ продолженіе всего III тома *Geschichte des Hellenismus*. Она совершенно неизвѣстна. „Въ границахъ Каппадокіи находимъ мы область Селевкиду (Каппаδοκία ἢ Σελευκίς λεγομένη). Вѣроятно, это восточная Каппадокія, у Евфрата. Вѣроятно, она по крайней мѣрѣ нѣкоторое время была подъ властью Селевкидовъ“—III, 2, p. 265. Такъ какъ Каппадокія была независимымъ царствомъ, то всего удобнѣе было-бы совсѣмъ вытащить Селевкиду изъ Каппадокіи. Итакъ возмущенія и походы, упоминаемые въ большихъ и важныхъ современныхъ актахъ, остаются для Бёка и Дройзена совершенно непонятными. Два раза въ смирнской надписи говорится: „когда царь Селевкъ перевалилъ (ὑπερέβαλεν, ὑπερβεβληκός) въ Селевкиду“. Очевидно, Селевкида гдѣ-то далеко, куда трудно добраться. Если онъ перевалилъ на берега верхняго теченія Евфрата, въ восточную Каппадокію, то откуда же онъ перевалилъ? съ запада или съ востока? И почему эта Селевкида, о которой никто не упоминаетъ, имѣетъ та-

кую важность? И какіе въ ней города — *αἱ πόλεις αἱ κατὰ τὴν Σελευχίδα*? Ни Бѣкъ, ни Дройзенъ не могутъ назвать ни одного города этой Селевкиды.

Диттенбергеръ въ своей *Sylloge* (1883 г.) возвращается къ мнѣнію Чишѣлля относительно Селевкиды. О „возмущеніи“ Диттенбергеру приходится говорить: *hanc rebellionem, de qua praeterea nihil traditum est, ilico post Seleuci necem erupisse veri simile est.* Такъ какъ Дройзенъ пытается слова *τοὺς δ' ἐπιθεμένους τοῦ πράγματι ἐπεξελευθῶν* объяснить отраженіемъ нападенія Птолемея Филадельфа, то Диттенбергеръ замѣчаетъ: *at ipsa verba eiusmodi sunt, ut de sedittonis auctoribus puniendis potius quam de externo hoste arcendo dici appareat.* Диттенбергеръ слѣдуетъ мнѣнію Бѣка, то-есть Чишѣлля, что въ надписи говорится о второй женѣ Антиоха I, родной сестрѣ его, и что ихъ дочерью была Лаодика, жена Антиоха II.

Въ IX томѣ *Bulletin de Correspondence Hellénique*, за 1885 г., изданы двѣ важныя надписи, прямо относящіяся къ вопросамъ, поднятымъ въ этой нашей статьѣ: 1) рескриптъ *царя Антиоха* о введеніи культа *сестры его царицы Лаодики*, статья гг. Pierre Paris и Maurice Holleaux; и 2) постановленіе іонійскихъ городовъ о культѣ *царей Антиоха и Антиоха и царицы Стратоники*, статья Фукара. Гг. Paris и Holleaux считаютъ свою надпись рескриптомъ Антиоха II, видятъ въ ней полнѣйшее подтвержденіе словъ Полиена VIII 50 и считаютъ, что слова *ἀδελφῆ βασιλίσσης* непременно должно понимать о настоящей сестрѣ. Эту надпись мы разберемъ далѣе.

Изъ надписи, изданной Фукаромъ, узнаемъ, что Стратоника пережила своего старшаго сына Селевка, который былъ сначала наслѣдникомъ Антиоха I и былъ, по epitome Трога Помпея, кн. XXVI, убитъ стцомъ (*ut in Syria rex Antiochus cognomine Soter altero filio occiso, altero rege nuncupato Antiocho decesserit*) по подозрѣнію въ заговорѣ: *Ioann. Antioch., Fragm. H. Gr. IV, p. 558.*—Замѣтимъ, что Стратоникѣ не дается титула сестры.

Въ высшей степени неудачна догадка Белоха въ *Hist. Zeitschrift N. F.*, томъ XXIV (1888), р. 502 относительно Селевкиды смирнской и иліонской надписей. „Всѣ ученые“, говоритъ Белохъ, „принимаютъ подъ Селевкидою (смирнской надписи) сѣверную часть Сиріи, которую Страбонъ означаетъ этимъ именемъ (мы видѣли, что не всѣ). Эта часть Сиріи называется Селевкидою въ противоположность съ Птолемеевскою Сиріею, какъ *Καππαδοκία Σελευκίς* (*App. Syr. 55*) называется въ отличіе отъ свободной Каппадокіи. По этой аналогіи Се-

левкидская Малая Азія должна была называться 'Ασία Σελευκίς, а въ устахъ самихъ малоазіатовъ просто Σελευκίς. Такое же значеніе Σελευκίς, безъ всякаго сомнѣнія, имѣетъ въ № 156 у Диттенбергера, потому что wenn Antiochos sich diese Verdienste um die Städte in Syrien erworben hätte, so konnte das den Ilern ziemlich gleichgültig sein (но для илѳонцевъ и самая жизнь Антиоха была ziemlich gleichgültig; Белохъ забываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ официальными восхваленіями). Также точно и въ смирскомъ постановленіи: подданные всего ревностиѣ стоятъ за интересы царя, пока онъ близко. Выраженіе: βασιλεὺς Σελευχὸς ὑπερέβαλεν εἰς τὴν Σελευκίδα, очевидно, то же самое, что παραγένομενος ἐπὶ τοὺς τόπους τοὺς ἐπὶ ταῖς τοῦ Ταύρου“.

Значитъ, вопреки очевидности, Селевкида илѳонской надписи и Селевкида смирской надписи оказываются двумя разными областями, такъ какъ въ илѳонской надписи Селевкида явно различается отъ страны по сую сторону Тавра. Значитъ, во-вторыхъ, что куда бы царь не пришелъ въ предѣлахъ своей монархіи, онъ всегда *перевалитъ въ Селевкиду*. Далѣе, Селевкида сирійская была только одною изъ провинцій Селевкидскихъ владѣній въ Сиріи, какъ прямо сказано у Страбона. Кромѣ Селевкиды была Коммагина и Кирристика на сѣверѣ, Келесирия на югѣ. Первымъ Селевкидамъ все-таки принадлежала часть Келесирии. Что такое Καππαδοκία Σελευκίς, мы увидимъ дальше. Что Азія по сую сторону Тавра называлась Σελευκίς, выставлено ученымъ въ первый еще разъ и, безъ сомнѣнія, въ послѣдній. Выраженія ὑπερέβαλεν εἰς τὴν Σελευκίδα и παραγένομαί ἐπὶ ταῖς τοῦ Ταύρου означаютъ *два диаметрально противоположныхъ движенія*. Оба раза, когда въ смирской надписи царь Селевкъ „перевалилъ въ Селевкиду“, смирцы отрѣзаны отъ сношеній съ царемъ, лишены помощи царя, находятся въ опасномъ положеніи. См. выше, начало надписи.

Вилькенъ (Wilcken), въ статьѣ Antiochos I новѣйшаго изданія Realencyclopädie Pauly-Wissowa, томъ I, столбецъ 2450 и слѣд., сообщаетъ интересныя свѣдѣнія изъ специальныхъ періодическихъ изданій по клинописи (Zeitschrift für Assyriologie и Keilschriftliche Bibliothek) о вавилонскихъ табличкахъ времени первыхъ Селевкидовъ. частныхъ актахъ съ помѣтою годовъ по Селевкидской эрѣ. Существуютъ клинописныя вавилонскія таблички годовъ Селевкидской эры 37, 38, 39, 43 = до Р. Хр. 275, 274, 273, 269, съ именами царей Антиоха и Селевка, то-есть, Антиоха I и его старшаго сына, какъ соправителя; 46, 47, 49=266, 265, 263 г., съ именами царей Антиоха и Антиоха. Стратоника упоминается на одной вавилон-

ской таблицѣ 268 года. Вышеупомянутая надпись, изданная Фукарромъ (Bull. de Cong. Hell. IX, p. 387 sqq.), вѣроятно, не раньше 266 года. — О самомъ началѣ царствованія Антиоха I выводитъ Вилькенъ изъ сравненія Мемнона и Павсанія съ одной пергамской надписью своеобразныя и едва-ли вѣрныя заключенія. Въ пергамской надписи времени конца пергамскаго царства, № 245, обломокъ С въ книгѣ Френкеля *Inscriptionen von Pergamon* (Berlin, 1890), томъ I, p. 140 sqq. (рѣшеніе спора о правахъ Питаны на какую-то землю). въ строкахъ 41 и слѣд. читается: Σελεύκ[ο]ς [τῆ]ς πρὸς Λοο[ύμαχον μάχῃ ἐπι]κρατήσαντος ὁ υἱὸς αὐτοῦ διαδεξάμενος τὴν βασιλείαν [Ἀντιό]χος τὴν πεδ[ιάδα χω]ρὰν αὐτοῖς ἐπώλησεν τάλαντων τριακοσίων [τρία]κοντα καὶ π[ροσει]σέπραξεν ἄλλ[α τ]άλαντα πεντήκοντα, καὶ περὶ τούτων τὰς πίστεις ἐ[γγ]ράφους παρατίθε[ασιν], δόντος [εἰς τ]αῦτα Πιταναιοῖς καὶ Φιλεταίρου τάλαντα — — хонта. Далѣе въ обломкахъ упоминается письмо Селевка. Вилькенъ думаетъ, что *διαδεξάμενος τὴν βασιλείαν* относится къ уступкѣ Азій Антиоху Селевкомъ, а въ упомянутомъ письмѣ Селевка было утверженіе распоряженій Антиоха Селевкомъ. Но гораздо проще относить *διαδεξάμενος τὴν βασιλείαν* къ вступленію Антиоха I на престолъ послѣ смерти Селевка, а письмо принадлежало Селевку II.

Вилькенъ принимаетъ вмѣстѣ съ Чиселлемъ и Бѣкомъ показаніе Полиена VIII 50, но такъ какъ такъ называемая сигейская надпись не можетъ быть отнесена къ концу царствованія Антиоха I, когда возможно допустить смерть Стратоники, то по мнѣнію Вилькена Антиохъ имѣлъ эту сестру *по тогдашнему обычаю царей* другою женою вмѣстѣ со Стратоникою. Какъ все это невѣроятно! Отчего же эта другая жена не упомянута въ надписи, изданной Фукарромъ? Отчего же Стратоника не упомянута въ надписи сигейской? Птолемей VII имѣлъ двухъ женъ царицъ, и обѣ царицы отмѣчактся вмѣстѣ въ актахъ. Когда Антиохъ II объявилъ царицей Веренику, то лишилъ Лаодику званія царицы и супруги. А если повѣримъ Вилькену, то Антиохъ I изъ двухъ своихъ царицъ называетъ въ одномъ актѣ царицею свою сестру, а въ другомъ Стратонику, какъ бы по очереди.

„Съ Керавномъ Антиохъ I не воевалъ“, говоритъ Вилькенъ „потому что былъ занятъ durch ausserordentlich gefährliche Aufstände und Empörungen jenseits des Tauros (Dittenberger 156, Anfang—то есть, наша сигейская надпись). — Von wem diese inneren Unruhen ausgingen, ist völlig unbekannt. Erst nachdem Antiochos durch viele Kriege und nur mit Mühe sich behauptet und das Reich wieder zusammengefügt hatte (Memnon), mischte er sich in die kleinasiatischen und

europäischen Angelegenheiten, doch nicht mit Glück“. Слѣдуетъ о войнѣ Антиоха съ Антигономъ Гонатомъ и о мирѣ. Нашествіе галатовъ (277 г.) побудило Антиоха примириться съ Антигономъ.

Итакъ Вилькенъ приходитъ буквально къ *тѣмъ же самымъ* соображеніямъ, какія изложены Чяшѣлемъ! Сто шестьдесятъ девять лѣтъ повторяютъ невѣроятныя и невозможныя догадки стариннаго англійскаго ученаго! Вотъ новый примѣръ того, какъ мало мы знаемъ исторію III вѣка до Р. Хр. — и осмѣливаюсь прибавить, *какъ мало мы читаемъ Поливіа*.

Антиохъ III вступилъ на престолъ въ 223 году, девятнадцать лѣтъ (въ 192 году ему было 50 лѣтъ), послѣ смерти старшаго его брата Селевка III. убитаго измѣннически въ области по сию сторону Тавра, гдѣ онъ былъ въ походѣ. Въ войскѣ съ Селевкомъ III былъ родственникъ царя Ахей. Ахей казнилъ убійцъ Селевка III и сначала былъ вѣренъ Антиоху, наслѣднику убитаго царя, удачно велъ войну съ Атталомъ I, царемъ пергамскимъ (Атталь первый изъ владѣтелей пергамскихъ принялъ царскій титулъ; походъ Селевка былъ направленъ противъ него) и отнялъ отъ него занятія имъ провинціи, такъ что заперъ его въ Пергамѣ—Polyb. IV 48. Войска, бывшія въ походѣ съ Селевкомъ, были приведены назадъ въ Сирію вождемъ Эпигеномъ. Конечно, часть войскъ осталась съ Ахеемъ. Антиохъ III поручилъ правленіе Малой Азіи (страны ἐπὶ τὰς τοῦ Ταύρου) Ахею, сатрапомъ Мидіи былъ Молснъ, сатрапомъ Персиды братъ Молона Александръ. Наибольшимъ вліяніемъ на молодого царя пользовался Эрміи, бывший родомъ изъ Каріи. Эрмію вручилъ правленіе царства Селевкѣ, когда отправился въ походъ за Тавръ. По смерти Селевка Эрміи господствовалъ, завидовалъ всякому важному придворному чиновнику, будучи жестокъ по природѣ, всякій проступокъ истолковывалъ въ наихудшемъ значеніи и казнилъ. а на другихъ клеветалъ и по живымъ обвиненіямъ былъ неумолимымъ и жестокимъ судьею. Больше всего хотѣлось Эрмію погубить Эпигена. челоуѣка способнаго и любимаго войсками. Сатрапы Молонъ и Александръ возмутились противъ царя: они рассчитывали на юность царя, надѣялись на содѣйствіе Ахея, а больше всего боялись жестокости и вѣроломства Эрміи. Собранъ былъ совѣтъ по поводу возстанія Молона и Александра, царь пригласилъ каждаго высказать свое мнѣніе, какія мѣры принять противъ отступниковъ. Первый говорилъ Эпигенъ: онъ совѣтовалъ немедленно начать войну противъ мятежниковъ и, главное, чтобы самъ царь пошелъ въ походъ и явился на мѣсто возстанія; тогда Молонъ и Александръ

или вовсе не осмѣлятся сопротивляться, или будутъ схвачены собственнымъ войскомъ и выданы царю. Эрмій въ гнѣвѣ и злобѣ сталъ обвинять Эпигена въ измѣнническомъ намѣреніи подвергнуть царя опасности, выдать царя мятежникамъ. Эрмій боялся идти въ дальній и опасный походъ на Милона и посоветовалъ начать войну противъ Птолемея (Филопатора, вступившаго на престолъ весною 221 года), извѣстнаго своею слабостью и лѣнностью. Эрмій застрашалъ всѣхъ членовъ совѣта и послалъ на Милона вождей Ксенона и Θεодота, а царя хотѣлъ занять войною съ Птолемеємъ, чтобы юноша былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ войною и не задумалъ бы отнять власть у Эрмія и наказать его за злодѣянія. Эрмій представилъ царю подложное письмо отъ Ахея, въ которомъ сообщалось, что Птолемей убѣждаетъ его, Ахея, надѣтъ царскую діадиму и обѣщаетъ помогать. Царь повѣрилъ и готовъ былъ идти войною на Келесирию. Въ это время навархъ Діогнитъ привезъ царю изъ Каппадокіи, что при Евксинѣ (то-есть изъ Понта), Лаодику дочь царя Миеридата, дѣвицу нареченную женою царя. Діогнитъ явился съ Лаодикою въ Селевкію. что при наводномъ мостѣ—ἐπί ζεύγματος—на Евфратѣ. Царь встрѣтилъ невѣсту торжественно, отпраздновалъ бракъ, прибылъ въ Антиохію и провозгласилъ Лаодику царицею (Βασίλισσαν ἀποδείξας τὴν Λαοδίκην—Ролуб. V 43).—Въ это время Милонъ съ большимъ войскомъ двинулся навстрѣчу вождамъ, посланнымъ отъ царя. Сатрапы соседніе сочувствовали ему или были подкуплены. Ксенонъ и Θεодотъ отступили передъ Милономъ и ввели свои войска въ города. Милонъ завладѣлъ Аполлоніатидой (областью въ южной части древней Ассиріи, къ востоку отъ Тигра) и попытался перейти черезъ Тигръ и осадить Селевкію, но Зевксидъ помѣшалъ этому, захвативъ рѣчные суда. Милонъ готовился зимовать въ Ктисифонтѣ и окрестностяхъ. Царь хотѣлъ идти на Милона, но Эрмій опять удержалъ его, представивъ, что противъ мятежниковъ должно посылать стратиговъ, а противъ царей воевать самому царю. Противъ Милона былъ посланъ Ксенитъ, а царь двинулся въ Келесирию, но остановился передъ укрѣпленной позиціей непріятеля и не имѣлъ успѣха.—Ксенитъ прибылъ въ Селевкію и сталъ противъ непріятеля на западномъ берегу Тигра, затѣмъ переправился черезъ Тигръ; Милонъ сначала отступилъ, но потомъ неожиданно подошелъ и напалъ на лагерь Ксенита. Произошло полное смятеніе и бѣгство, Милонъ овладѣлъ лагеремъ, разсѣялъ войско Ксенита, завладѣлъ Селевкіею. Потомъ онъ покорилъ Вавилонію, Сузіану, часть Месопотаміи.—Получивъ такія извѣстія, Антиохъ не

хотѣлъ уже продолжать войны въ Келесиріи. Опять собранъ былъ совѣтъ; несмотря на все сопротивленіе Эрмія рѣшено было, согласно съ мнѣніемъ Эпигена, идти на Молона. Эрмію не могъ уже противиться общему желанію, но когда войско собралось въ Апамею (о ней смотри выше), то тамъ произошло волненіе въ войскѣ изъ за неплаченного жалованья, и Эрмію обѣщаль напуганному царю уплатить все, что слѣдовало войску, если царь согласится, чтобы Эпигенъ не участвовалъ въ походѣ. Царь съ неудовольствіемъ слушалъ это, онъ хотѣлъ пользоваться въ походѣ опытностью Эпигена, но онъ былъ окруженъ стражами и слугами Эрмія и не былъ воленъ въ своихъ поступкахъ (οὐκ ἦν αὐτοῦ χόριος); онъ долженъ былъ уступить. Эпигенъ долженъ былъ удалиться, войско было удовлетворено Эрміемъ, кромѣ Кирристовъ: эти, въ числѣ до 6000, продолжали смятеніе, подняли открытое возстаніе и много безпокойствъ причинили на продолжительное время, наконецъ, были побѣждены однимъ изъ царскихъ вождей въ сраженіи и большею частью перебиты, а оставшіе сдались на милосердіе царя (εἰς τὴν τοῦ βασιλέως πίστιν). Эрмію, покоривъ себѣ *друзей* (φίλους) страхомъ, а войска оказанною имъ пользою, двинулся въ походъ съ царемъ. Эпигена онъ погубилъ грубымъ подлогомъ и клеветою. Придворные подозрѣвали обманъ, но молчали изъ страха.—Антиохъ прибылъ къ Евфрату, присоединилъ къ войску подкрѣпленія и прошелъ далѣе, въ Антиохію, что въ Мигдоніи, то-есть въ Низибисѣ, куда прибылъ около зимняго солнцестоянія (декабрь, 221 года). Въ этомъ городѣ Антиохъ оставался 40 дней, чтобы переждать самое суровое время зимы. Затѣмъ прибылъ въ Ливву, и тамъ былъ собранъ совѣтъ о томъ, какою дорогою идти на Молона, и откуда доставать припасы (Молонъ находился въ это время въ Вавилонѣ). Эрмію предложилъ идти вдоль западнаго берега Тигра; Зевксидъ, помятуя о гибели Эпигена, боялся говорить свое мнѣніе, но невѣжество Эрмія было очевидно, и онъ насилу рѣшился посовѣтовать, что слѣдуетъ перейти черезъ Тигръ. Онъ объяснилъ всю трудность пути вдоль по рѣкѣ, и что придется одолѣть большое пространство, а потомъ перейти пустыню въ 6 дней пути и достигнуть Царскаго канала; когда каналъ занятъ непріателемъ, невозможно перейти черезъ него, отступленіе опять чрезъ пустыню явно опасно и особенно по неизбѣжному недостатку провіанта. Если же царь перейдетъ черезъ Тигръ, то народъ Аполлоніатиды, по необходимости покорившійся Молону, склонится на сторону царя, и войско не будетъ ни въ чемъ нуждаться въ богатой странѣ къ востоку отъ Тигра; а главное.

Молонъ будетъ отрѣзанъ отъ Мидіи, его операціонной базы и главной опоры; Молонъ тогда будетъ принужденъ дать сраженіе, а если не захочетъ, то войска его перейдутъ на сторону царя. Мнѣніе Зевксида было принято, и войско тремя отрядами перешло черезъ Тигръ, двинулось на Дуры, освободило эту крѣпость отъ осады, а оттуда безъ остановокъ на восьмой день прибыло въ Аполлонію. Молонъ, узнавъ о прибытіи царя и не рассчитывая на вѣрность только что покоренныхъ имъ сусіанцевъ и вавилонянъ, перешелъ черезъ Тигръ и быстро двинулся по горной Аполлоніатидѣ, чтобы пройти въ Мидію. Но ему не удалось избѣжать встрѣчи съ царемъ. Пришлось вступить въ битву. и во время битвы лѣвое крыло войска Молона передалось на сторону царя; Молонъ былъ уже окружаемъ и наложилъ на себя руки. Всѣ вожди, участники его бунта, разбѣжались по домамъ и также покончили съ собой.—Братъ Молона Неолай, убѣжавшій послѣ пораженія, прибылъ въ Персиду къ Александру, убилъ мать и дѣтей Молона, а потомъ и самъ зарѣзался, убѣдивъ и Александра поступить также. Антиохъ послѣ битвы прочиталъ длинный выговоръ войскамъ Молона, но принялъ снова въ свою милость и приказалъ отвести ихъ въ Мидію; самъ вступилъ въ Селевкию и устраивалъ окрестныя сатрапіи, обращаясь со всѣми кротко и разумно. Эрміи поступалъ по своему нраву, обвинялъ жителей Селевкии въ измѣнѣ, наложилъ на городъ штрафъ въ 1000 талантовъ, казнилъ и пыталъ многихъ селевкийцевъ. Царь уговаривалъ Эрмія, отмѣняя его рѣшенія и насилу успокоилъ и устроилъ городъ, наложивъ на жителей только 150 талантовъ штрафа. Устроивъ это, царь оставилъ Діогена стратигомъ Мидіи, Аполлодора Сусіаны, Тихона, главного секретаря войска, послалъ стратигомъ на берега Персидскаго залива.

Царь, возбужденный успѣхами, рѣшилъ привести къ повиновенію сосѣднихъ съ его сатрапіями династовъ варварскихъ земель и внушить имъ страхъ, чтобы они впредь не осмѣливались помогать мятежнымъ правителямъ; и прежде всего предпринялъ походъ на Артабазана, самаго сильнаго и разумаго изъ династовъ. Эрміи по прежнему желалъ похода противъ Птолемея. Но въ это время пришло извѣстіе о рожденіи сына у царя, и Эрміи согласился на походъ противъ Артабазана. Царь перевалилъ черезъ Загръ и вторгся въ землю Артабазана (это была Атропатена, нынѣ Азербайджанъ). Артабазанъ, бывшій въ глубокой старости, покорился Антиоху.—Царь давно уже тяготился вліяніемъ Эрмія и боялся его и вступилъ противъ перваго своего министра въ заговоръ съ разными придворными. Эрміи былъ

убить во время ранней прогулки, предписанной царю врачами, когда вмѣстѣ съ придворными, бывшими въ заговорѣ, онъ былъ въ свитѣ царя. Царь избавился теперь отъ страха и неприятностей и двинулся въ обратный путь. По мѣрѣ того, какъ по дорогѣ узнавали о концѣ Эрмія, всѣ радовались. Въ Апамеѣ женщины побили камнями жену Эрмія, а юноши его дѣтей.

Все это гораздо подробнѣе и съ большою живостью, мастерски разказано Полиемъ (V 40—56). Ни малѣйшаго сомнѣнія не можетъ быть, что сигейская надпись говоритъ именно о возстаніи Молона и Александра. Стоитъ только прочесть начало надписи. Селевкида—область, гдѣ лежали богатые и знаменитые города Селевкия и Ктисифонтъ, другъ противъ друга, раздѣленные Тигромъ. Въ 50 верстахъ по открытой равнинѣ прямо къ югу отъ Селевкии лежалъ Вавилонъ. вокругъ много другихъ цвѣтущихъ городовъ. Вотъ αἱ πόλεις αἱ κατὰ τὴν Σελευκίδα. Въ смирской надписи Селевка Калиника, какъ сказано выше, разумѣется та же самая Селевкида. Изъ разказа Поливія видно, какъ нелегко было *перевалить*—*ὑπερβῆλαιν*—изъ Антиохіи въ землю Селевкии, что на Тигрѣ. Пустыни месопотамскія, дороги по берегамъ Евфрата и Тигра встрѣчаются въ описаніяхъ множества походовъ, начиная съ Анабазиса Ксенофонта. Сколько войскъ погибло или потерпѣло пораженія въ этихъ походахъ. Что мы не встрѣчаемъ у древнихъ авторовъ имени Σελευκίς какъ области, столицею которой была Селевкия, что на Тигрѣ,—небольшое затрудненіе. Σελευκίς значить территория города Селевкии, какъ Μεγαρίς, Ἐρμιονίς и т. д. Селевкия на Тигрѣ имѣла самоуправленіе и была греческимъ городомъ даже при парянахъ (Tacit. Annal. VI 42: quotiens concordēs agunt, spernitur Parthus). Число жителей ея считалось сотнями тысячъ. Наконецъ, встрѣчается у авторовъ и имя Σελευκίς именно о странѣ на нижнемъ теченіи Евфрата и Тигра. Прочтемъ то самое мѣсто Аппіана, гдѣ Бѣкъ и Дройзень нашли Селевкиду Каппадокійскую, а Белохъ Каппадокію Селевкидскую, Sуг. 55: Περόντος δ' Ἀντιγόνου κατὰ τὴν μάχην, ὅσοι βασιλεῖς τὸν Ἀντίγονον ἅμα τῷ Σελεύκῳ καθήρκεσαν, τὴν Ἀντιγόνου γῆν διενέμοντο. καὶ ὁ Σελεύκος τότε τῆς μετ' Εὐφράτην Συρίας ἐπὶ θαλάσῃ καὶ Φρυγίας τῆς ἀπὸ τὸ μεσόγαλον ἀρχεῖν διέλαχεν. ἐπεδρεῶσαν δὲ αἱ ἐπὶ τοῖς ἐγγύς ἔθνεσι, καὶ δυνατὸς ὢν βιάσασθαι καὶ πιθανὸς προσαγαγέσθαι, ἤρξε Μεσοποταμίας καὶ Ἀρμενίας καὶ Καππαδοκίας τῆς Σελευκίδος λεγομένης καὶ Περσῶν καὶ Παρθυαίων καὶ Βακτριῶν καὶ Ἀραβίων καὶ Ταπόρων καὶ τῆς Σογδιανῆς καὶ Ἀραχωσίας καὶ Ἰρκανίας, καὶ ὅσα ἄλλα ὄμορα ἔθνη μέχρι Ἰνδοῦ ποταμοῦ Ἀλεξάνδρῳ γεγένητο δορυλῆπτα. Если мы вста-

вимъ καὶ передъ τῆς Σελευκίδος λεγομένης, то получимъ область Селевкиду, и именно упоминаемую смиренскою и сигейскою надписями. то-есть область, столицей которой была Селевкия на Тигрѣ. Поливій отдѣляетъ Вавилонію и Селевкию на Тигрѣ и Аполлоніатиду отъ Месопотаміи. Списокъ Аппіана не точенъ и не полонъ: не слѣдовало упоминать Каппадокію и Арабовъ, пропущены Киликія, Мидія и др.

Слова Мемнона (15, Fr. H. Gr. III, p. 534) о многихъ войнахъ Антіоха I нельзя относить только къ двумъ годамъ отъ 280 до 278, какъ относятъ ученые. Такъ буквально выходитъ по извлеченію Фотія; но вѣдь мы не имѣемъ полного текста Мемнона. Антіоху I приходилось вести войны и предпринимать походы на всемъ огромномъ пространствѣ его царства. Онъ воюетъ въ Малой Азіи; полководецъ его переходитъ за Яксартъ, то-есть Сырь-Дарью: Plin. H. N. VI 16, 49.—„Многими войнами онъ насилу спасъ (сохранилъ, выручилъ—ἀνασωσάμενος) владѣнія отца, и то не все“—эти слова относятся къ результату усилій всего царствованія Антіоха I. Нѣкоторыхъ областей, принадлежавшихъ Селевку I, онъ не могъ удержатъ, на примѣръ, той части Фригіи, которая стала называться Галатією, Пергама.

Въ исторіи Молона и Александра мы видимъ, какое благоговѣніе, какая любовь была къ царю, главѣ царскаго рода, въ греко-македонскихъ государствахъ (см. рѣчь мою о Третьемъ столѣтіи въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за июль 1886 г., класс. отд.). Это новое явленіе сравнительно съ V и IV вѣками. Царь дома Антигонидовъ, Селевкидовъ, Птолемеевъ былъ неприкосновененъ. Встрѣчается—хотя рѣдко—убіеніе царя, но виновникомъ является какой-нибудь иностранецъ наемникъ (на примѣръ, въ случаѣ Селевка III). Эпигенъ вполне убѣжденъ, что войска оставятъ Молона, какъ только приблизится царь. Событія оправдали увѣренность Эпигена. Вотъ τὸ δαμόλιον εἶναι καὶ σωτηρίον. Но не стану повторять текста сигейской надписи; прошу только послѣ разказа о бунтѣ Молона и Александра прочесть ея начало.

Заговоръ царя Антіоха III на жизнь Эрмія очень напоминаетъ убіеніе маршала д'Анкръ.

Вернемся еще къ разказу Поливія о царствованіи Антіоха III.—Во время похода Антіоха на Артабазана Ахей принялъ діадиму и сталъ писать себя царемъ въ письмахъ къ городамъ. Онъ пошелъ было на Сирію, но въ Ликаоніи войско возмущилось, догадавшись,

что походить предпринять на ихъ природнаго и законнаго царя — ἐπι τὸν κατὰ φύσιν αὐτῶν ἐξ ἀρχῆς ὑπάρχοντα βασιλέα, — в Ахей отказался отъ своего намѣренія. Вернувшись изъ восточнаго похода, Антиохъ посмалъ много разъ письма Ахею съ упреками въ измѣнѣ и требованіемъ покорности. Весною 219 года Антиохъ началъ войну противъ Птолемея IV и прежде всего обратился на Селевкію Пiereю. Очевидно, Селевкія Пiereя была однимъ изъ остатковъ завоеваній Птолемея III. Вліятельный при дворѣ Антиоха врачъ Аполлофанъ представилъ совѣту, собранному царемъ, что постыдно оставлять за Птолемеемъ Селевкію, городъ, который можетъ быть названъ началовождемъ (вышнимъ покровителемъ) и очагомъ владычества Селевкидовъ — ἀρχηγέτην ὄσον καὶ σκεδὸν ὡς εἰσεῖν ἐστὶν ὑπάρχουσαν τῆς αὐτῶν δυναστείας. — Итакъ немудрено, что столичная провинція Азіатскаго царства называлась Селевкидою, несмотря на то, что въ предѣлахъ этой провинціи находилась сама Антиохія. — Селевкія Пiereя была взята Антиохомъ и осталась за нимъ, несмотря на поражение его при Рафин. — Война Антиоха съ Птолемеемъ IV продолжалась съ 219 до 217 года — Polyb. V 57—87. Атталъ въ это время возвратилъ себѣ нѣкоторыя изъ потерянныхъ владѣній. Иліонцы оставались вѣрны Атталу въ войнѣ съ Ахеемъ (V 78). Заключивъ миръ съ Птолемеемъ, Антиохъ въ 216 году пошелъ войною на Ахея, лѣтомъ перевалилъ (ὀπερήσατο) черезъ Тавръ и заключилъ союзъ съ царемъ Атталомъ противъ Ахея (V 107). Въ послѣдней главѣ V книги Поливія (V 111) разказывается, что отрядъ галатовъ, вызванныхъ Атталомъ изъ Европы и поссорившихся съ Атталомъ, осадилъ Иліонъ, и что александрійцы троядскіе заставили галатовъ снять осаду Иліона и изгнали ихъ изъ Трояды.

Описаніе кампаніи Антиоха III противъ Ахея въ 216 году не сохранилось. Первый отрывокъ Поливія, относящійся къ дѣламъ Антиоха, прямо изображаетъ намъ, что Ахей осажденъ въ Сардахъ Антиохомъ, и какъ въ началѣ втораго года осады городъ Сарды взятъ, и Ахей запертъ въ крѣпости Сардъ (VII 15—18). Одинъ изъ великолѣпныхъ разказовъ Поливія представляетъ намъ, какъ критянинъ, посланный египетскимъ главнымъ министромъ Сосивіемъ тайно вывести Ахея изъ крѣпости, измѣнически привелъ его предъ лицо самого Антиоха. По рѣшенію совѣта въ лагерѣ Антиоха Ахей былъ четвертованъ. Жена Ахея Лаодика и вождь Аріовазъ сдали крѣпость Антиоху (VIII 17—23). Это было, вѣроятно, въ 214 году. Иліонцы, какъ видно изъ

нашей надписи и двухъ другихъ, а также изъ Тита Ливія (XXXV, 43). подчинились власти Антиоха. Въ войнѣ съ Ахеемъ Атталъ былъ на сторонѣ Антиоха и конечно не могъ бороться противъ Антиоха послѣ смерти Ахея, пока оставался одинъ, безъ союзниковъ. Въ 211 году Этолійская симполитія заключила союзъ съ римлянами противъ Филиппа и въ союзномъ договорѣ было упомянуто, что можно включить въ число общихъ союзниковъ Аттала, если онъ пожелаетъ. Атталъ приступилъ дѣйствительно къ союзу. Въ положеніи, въ какомъ Атталъ былъ съ 214 года, онъ долженъ былъ ограничиваться собственно пергамскою землею, то-есть южною Мисією. И не только Атталъ, но и преемникъ его Евменъ не выходилъ изъ этихъ предѣловъ до самой побѣды римлянъ надъ Антиохомъ. Итакъ Иліонъ, какъ и прочіе города западной Малой Азіи, подчинился Антиоху. Выраженія сигейской надписи какъ нельзя лучше представляютъ эту усилившуюся власть царя Азіи (таковъ былъ настоящій титулъ Селевкидовъ): *vñ te παραγεγόμενος ἐκὶ τοὺς τόπους τοὺς ἐπὶ ταῦτα τοῦ Ταύρου— ἅμα καὶ ταῖς πόλεσιν τὴν εἰρήνην κατασκεύασεν καὶ τὰ πράγματα καὶ τὴν βασιλείαν εἰς μεῖζω καὶ λαμπροτέραν διάθεσιν ἀγγήοιχε, μάλιστα μὲν διὰ τὴν ἰδίαν ἀρετὴν, εἶτα καὶ διὰ τὴν τῶν φίλων καὶ τῶν δυνάμεων εὐνοίαν.* Это прямо относится къ побѣдѣ надъ Ахеемъ. Постановленіе иліонцевъ или тотчасъ послѣ гибели Ахея, или во время осады Сарды: первое вѣроятнѣе, потому что говорится *о мирѣ*. Эти молитвы и жертвоприношенія, эти почести, эта золотая (то-есть позолоченная) конная статуя показываютъ, что царь очень силенъ и очень близокъ. Царица супруга Антиоха III, Лаодика, дочь царя Миеридата IV Каппадокіи, чтó при Понтѣ, находится въ лагерѣ Антиоха. Она титулуется *сестрою* царя, и она была его *двоюродною сестрою*.

Вторая иліонская надпись, относящаяся къ Антиоху, издана въ первый разъ Кларкомъ (Clarke), затѣмъ Бэкомъ—С. I. Gr. № 3596; Диттенбергеромъ—Sylloge, № 157. Найдена въ Иліонѣ.

Ἐπειδὴ ὁ βασιλεὺς Ἀντίοχος ἐπέστειλεν, ὅτι τραυματίας γενόμενος ἐν τῇ μάχῃ εἰς τὸν τράχηλον θεραπευθ[εῖν] ὑπὸ Μητροδώρου τοῦ ἱατροῦ ἀκινδύνως, ἐφέσταλκεν [δὲ] 5 περὶ αὐτοῦ καὶ Μελέαγρος ὁ στρατηγὸς προορώμενος τὸ τῆς πό

- λεως συμφέρον, δεδύχθαι. τῆι βουλῆι
καὶ τῶι δήμῳ, ἐπικινέσαι μὲν
- 10 Μητρόδωρον Τιμοκλέους Ἀμφι
πολίτην ἀρετῆς ἔνεχεν καὶ
εὐνοίας τῆς εἰς τοὺς βασιλεῖς
Ἀντίοχον καὶ Σέλευκον καὶ τὸν
δῆμον, εἶναι δὲ αὐτὸν καὶ πρότε
15 νον καὶ εὐεργέτην τῆς πόλεως.
δεδύχθαι δ' αὐτῶι καὶ πολιτείαν
καὶ [ἔγ]κτησιν καὶ ἔφοδον ἐπὶ τὴν
βουλῆν καὶ τὸν δῆμον πρῶτῳι
μετὰ τὰ ἰερά. ἐξεῖναι δ' αὐτῶι καὶ
20 εἰς φυλὴν καὶ φρατρίαν ἣν ἂν βού
ληται ε —

„Такъ какъ царь Антиохъ прислалъ увѣдомленіе, что онъ, раненный въ битвѣ въ шею, вылѣченъ Митродоромъ врачомъ безъ осложненій, и прислалъ объ этомъ и Мелеагръ стратигъ, имѣя въ виду пользу города, пусть совѣтъ и народъ постановить похвалить Митродора сына Тимокла Амфиполита за его доблесть и преданность къ царямъ Антиоху и Селевку и къ народу (илионскому), и считать его проксеномъ и оказавшимъ услугу городу; дать ему и гражданство и право пріобрѣтать недвижимую собственность и доступъ къ совѣту и народу первому послѣ священннхъ дѣлъ. Можно ему [записаться] въ филу и фратрію, въ какую пожелаетъ“...

Кларкъ и Бѣкъ признаютъ царей Антиоха и Селевка надписи за Антиоха III и его наслѣдника Селевка, что несомнѣнно. Селевкъ, наслѣдникъ Антиоха, въ 190-хъ годахъ былъ съ отцомъ въ Іоніи и на Эллиспонтѣ, что упоминается Поливіемъ и Титомъ Ливіемъ. Послѣ казни Ахея Антиохъ предпринялъ огромный походъ на востокъ, чтобы возстановить и укрѣпить власть Селевкидовъ надъ всѣми дальними сатрапіями и покорить всѣхъ отпавшихъ царей и династовъ. Антиохъ доходилъ до Индіи и подчинилъ себѣ царя индовъ Софагасина. Этотъ походъ занялъ время съ 213 до 206 года. Послѣ смерти Птолемея Филадельфа Антиохъ и Филиппъ рѣшили воспользоваться малолѣтствомъ преемника его Птолемея V Эпифана и заключили между собою договоръ о раздѣлѣ владѣній Птолемеевъ внѣ Египта. Антиохъ началъ войну въ Келесиріи и въ 198 году одержалъ при Паніи полную побѣду.

Онъ покорилъ всю Келесирию, Палестину и Финикию, чего такъ давно добивались Селевкиды. Въ 196 году Антиохъ переправился во Фракию, возобновилъ раззоренную еракійцами Лисимахию. Онъ пользовался поражениемъ Филиппа и мысленно возвращался къ тому времени, когда Селевкъ, побѣдивъ Лисимаха, переправился въ Херсонисъ, чтобы взять все царство Лисимаха, какъ военную добычу. Римляне протестовали. Сохранилось у Поливіа описаніе свиданія римскихъ пословъ съ Антиохомъ въ Лисимахиі въ 196 году. Тогда между прочимъ Антиохъ сказалъ, что онъ приготовляетъ Лисимахию какъ удѣлъ (οἰκητήριον) для своего наслѣдника Селевка.—Polyb. XVIII 49—52; Liv. XXXIII 38—41. Въ этомъ году Антиохъ былъ въ походѣ противъ еракійцевъ, сосѣднихъ съ Лисимахию, и опустошалъ ихъ землю. Уѣзжая изъ Лисимахиі въ Эфесъ, Антиохъ оставилъ Селевка съ войскомъ продолжать возстановленіе Лисимахиі. Мнѣ кажется, что Бѣкъ вполне удачно относитъ надпись именно къ этому году. — Диттенбергеръ возражаетъ, что Антиохъ только опустошилъ Фракию; изъ разказа Ливія можно заключить, что едва-ли была настоящая битва (in acie signis collatis pugnatum), ἐν τῇ μάχῃ; и Селевкъ не имѣлъ титула царя при жизни отца. Поэтому Диттенбергеръ думаетъ, что дѣло идетъ объ Антиохѣ I и отцѣ его Селевкѣ. Конечно никто не согласится съ Диттенбергеромъ, что имя отца могло быть поставлено на второмъ мѣстѣ, или что въ надписи выраженіе ἀρετῆς ἔνεκεν καὶ εὐνοίας τῆς εἰς τοὺς βασιλεῖς Ἀντίοχον καὶ Σέλευκον можетъ означать преданность, оказанную живому Антиоху и умершему Селевку. Взрослый наслѣдникъ обыкновенно имѣлъ титулъ царя рядомъ со своимъ отцомъ. Замѣчательно, что Вилькенъ принялъ на половину мнѣніе Диттенбергера и тоже полагаетъ, что въ надписи идетъ дѣло объ Антиохѣ I и его наслѣдникѣ Селевкѣ, котораго отецъ казнилъ, если вѣрить Трогу Помпею и Иоанну Антиохійскому.

Вовсе не нужно принимать, что Антиохъ писалъ иліонцамъ о ранѣ, только что недавно имъ полученной. Рана вѣдь уже вылѣчена. Битва, притомъ извѣстная всѣмъ и значительная, ἡ μάχη, можетъ быть только *битва при Паніи*. Антиохъ имѣлъ при себѣ въ походѣ на Эллиспонтъ врача Митродора и хотѣлъ доставить ему иліонское гражданство; онъ увѣдомилъ иліонцевъ, что Митродоръ оказалъ ему такую значительную услугу; а въ тоже время стратигъ Эллиспонта Мелеагръ написалъ иліонцамъ, προορῶμενος τὸ τῆς πόλεως συμφέρον, то-есть совѣтовалъ имъ дать гражданство Митродору.

Третью иллонскую надпись нѣтъ нужды приводить цѣлымъ текстомъ, такъ какъ время ея легко опредѣлится. Она значительной величины (72 строки) и весьма важна для ознакомленія съ внутреннимъ устройствомъ царства Селевкидовъ, такъ что: Дройзенъ помѣстилъ ее въ приложенія ко II тому своего труда. Нашелъ ее Шлиманъ и первый издалъ въ своихъ *Trojanische Alterthümer*. Шлиманъ совершенно правильно отнесъ ее къ Антиоху III, но Диттенбергеръ *turbat et hic*, а за нимъ и Вилькенъ.—Возьмемъ изъ надписи наиболѣе важныя для насъ мѣста.

1 sqq.—Μελεάγρος Ἰλιέων τῆι βουλῆι καὶ τῶι δῆμῶι χαίρειν· ἀπέδωκαν ἡμῖν Ἀριστοδικίδης ὁ Ἄσσιος ἐπιστολάς παρὰ τοῦ βασιλέως Ἀντιόχου, ὧν τάντιγραφα ὑμῖν ὑπογεγράφαμεν. Ἀριστοδικίδυ царь пожаловалъ землю, и многіе города просили его присоединить эту землю къ ихъ территории. Онъ выбралъ Иліонъ: βούλεσθαι τὴν χώραν καὶ διὰ τὸ ἱερόν καὶ διὰ τὴν πρὸς ὑμᾶς εὖνοϊαν προσενέγκασθαι πρὸς τὴν ὑμετέραν πόλιν. ἃ μὲν οὖν ἀξιοῖ γενέσθαι αὐτῶι παρὰ τῆς πόλεως, αὐτὸς ὑμῖν δηλώσει· καλῶς δ' ἂν ποιήσατε ψηφισάμενοι τε πάντα τὰ φιλόπρωπα αὐτῶι καὶ καθ' ὅτι ἂν συγχωρήσῃ τὴν ἀναγραφὴν ποησάμενοι καὶ στηλώσαντες καὶ θέντες εἰς τὸ ἱερόν. Ἴνα μὲντι ὑμῖν βεβαίως εἰς πάντα τὸν χρόνον τὰ συγχωρηθέντα. ἔρωσθε (vs. 8—18).

Слѣдуютъ три письма царя Антиоха Мелеагру.

Βασιλεὺς Ἀντιόχος Μελεάγρῳ χαίρειν· δέδωκαμεν Ἀριστοδικίδηι τῶι Ἄσσιῳ γῆς ἐργασίμου πλέθρα δισχιλία προσενέγκασθαι πρὸς τὴν Ἰλιέων πόλιν ἢ Σκηψίων· σὺ οὖν σύνταξον παραδείξειαι Ἀριστοδικίδηι ἀπὸ τῆς ὁμορούσης τῆι Γεργιδίαι ἢ τῆι Σκηψίαι, οὗ ἂν δοκιμάζῃς, τὰ δισχιλία πλέθρα τῆς γῆς, καὶ προσορίσαι εἰς τὴν Ἰλιέων ἢ τὴν Σκηψίων. ἔρωσο (vs. 18—25).

Во второмъ письмѣ царь Антиохъ увѣдомляетъ Мелеагра, что жадуеть Аристоδικиду еще Петру, находящуюся ἐν τῆι ἐφ' Ἑλλησπόντου σατραπείαι, съ 1.500 плееровъ земли и еще участокъ въ 2.000 плееровъ, въ прибавокъ къ прежнему дару, и притомъ по просьбѣ Аристоδικиды. Объ услугахъ Аристоδικиды, награжденныхъ такими богатыми дарами, говорится только: διὰ τὸ φίλον ὄντα ἡμέτερον παρσοχῆσθαι ἡμῖν τὰς κατ' αὐτὸν χρείας μετὰ πάσης εὖνοίας καὶ προθυμίας (vs. 36—38). Далѣе слѣдуетъ: σὺ οὖν ἐπισκεψάμενος, εἰ μὴ δέδοται ἄλλῳ πρότερον αὐτῆι ἢ μερίς, παραδείξον αὐτῆν καὶ τὴν πρὸς αὐτῆι χώραν Ἀριστοδικίδηι, καὶ ἀπὸ τῆς βασιλικῆς χώρας τῆς ὁμορούσης τῆι πρότερον δεδομένῃι χώρῃι Ἀριστοδικίδηι σύνταξον καταμετρήσαι καὶ παραδείξειαι αὐτῶι πλέθρα δισχιλία καὶ εἶσαι αὐτῶι προσενέγκασθαι πρὸς ἣν ἂμ βούληται πόλιν τῶν ἐν τε χώρῃι τε

καὶ συμμαχίαι. οἱ δὲ βασιλικοὶ λαοὶ οἱ ἐκ τοῦ τόπου, ἐν ᾧ ἐστὶν ἡ Πέτρα, εἰς βούλωνται οἰκεῖν ἐν τῇ Πέτραι ἀσφαλείας ἕνεκα, συντετάχαμεν Ἀριστοδικίδῃ εἶν αὐτοὺς οἰκεῖν (vs. 38—49).

Въ третьемъ письмѣ говорится, что Петра оказалась пожалованной уже Аеннею, и что дается Аристоδικиду другой участокъ, съ новой прибавкой: Ὁρῶντες οὖν αὐτὸν εὖνοον ὄντα καὶ πρόθυμον εἰς τὰ ἡμέτερα πράγματα βουλόμεθα πολυωρεῖν τὰνθρώπου (59—61). Опять упоминается βασιλικὴ χώρα и πόλεις αἱ ἐν τῇ ἡμέτεραι συμμαχίαι.

Итакъ греческіе города Малой Азіи имѣли самоуправленіе, и ихъ земля отдѣлялась отъ земли царя; царская земля облекала землю городовъ и близко подходила къ морю. Вѣроятно, города Сиріи и провинцій далѣе на востокъ не имѣли самоуправления, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, напримѣръ Селевкии, что на Тигрѣ, права которой, какъ кажется, были значительны. Изъ городовъ Малой Азіи иные не пользовались автономіей и свободой отъ налоговъ, другіе пользовались; такъ что въ царствѣ Селевкидовъ также были civitates liberae, immunes и просто civitates sociae, пользовавшіяся однако самоуправленіемъ. И тѣ, и другіе были πόλεις ἐν συμμαχίᾳ τοῦ βασιλέως.— Политическія формы устройства греческихъ городовъ имѣли очень полезны: при ослабленіи власти царя города тотчасъ становились вполнѣ свободными и самостоятельными. Такъ Смирна и Лампсакъ отпали отъ Антиоха еще въ 197 году, или даже раньше, рассчитывая на римлянъ, уже воевавшихъ противъ Филиппа, и на помощь родосцевъ.— Liv. XXXIII 38. Лампсакское посольство къ римлянамъ и къ массалиотамъ извѣстно изъ надписи Dittenberger, № 200 (В. В. Латышевъ—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1881 г.). Александрія Троадская отпала, кажется, нѣсколько позже—Liv. XXXV 42. Послѣ битвы при Мюннисѣ и переправы Сципіоновъ въ Азію Антиохъ уступалъ Лампсакъ, Смирну и Александрію, изъ-за которыхъ началась война, — ἐξ ᾧν ὁ πόλεμος ἔλαβε τὰς ἀρχάς—Polyb. XXI 13.

Мелеагръ стратигъ Эллиспонта одинъ и тотъ же, само собою разумѣется, во второй и третьей надписяхъ. У Поливія упоминается Мелеагръ, два раза бывший посломъ Антиоха IV въ Римѣ—XXVII 19, 1; XXVIII 1, 1 sq. 22 (но Hultsch напрасно считаетъ его за amicus Demetrii, упоминаемаго XXXI 21; тотъ былъ молодой человекъ). Мелеагръ иліонскихъ надписей, можетъ быть, одно лицо съ Мелеагромъ посломъ (170 и 169 годовъ). Въ рескриптахъ Антиоха Мелеагру не дается титула πατήρ, или ἀδελφός, или υἱός: значитъ, онъ не былъ

въ числѣ такъ называемыхъ *родственниковъ*, συγγενεῖς, то-есть чиновниковъ перваго класса. Напримѣръ, въ рескриптѣ Антиоха III сатрапу Лидіи Зевксиду у Юсіафа Флавія (Antiqu. XII 3, 4) читается: Βασιλεὺς Ἀντίοχος Ζεύξιδι τῷ πατρὶ χαίρειν. Вѣроятно, это тотъ самый Зевксидъ, который далъ такой разумный совѣтъ въ походѣ противъ Модола. Рескриптъ Зевксиду посланъ во время восточныхъ походовъ Антиоха (213—206). А посломъ въ Римъ Селевкиды посылали первыхъ вельможъ. Напримѣръ, въ 193 году посломъ въ Римъ былъ Мениппъ, одинъ изъ первыхъ чиновниковъ, упоминаемый во многихъ надписяхъ. — Поэтому вполне возможно, что Мелеагръ былъ правителемъ Эллиспонтской сатрапіи въ 196 году и посломъ въ Римъ въ 170 и 169. Эллиспонтская сатрапія была невелика, такъ какъ Вивонія и Пергамъ были независимы, а Лидія была особою, и притомъ одною изъ главныхъ сатрапіи.—Я отношу съ увѣренностью вторую и третью иліонскія надписи (Dittenberger, №№ 157 и 158) къ 196 году.

Разберемъ теперь рескриптъ царя Антиоха, изданный гг. Paris и Holleaux. Французская аѳинская школа приобрѣла этотъ камень, и при внимательномъ изслѣдованіи разобрано было гораздо больше, чѣмъ въ первый разъ. Вотъ эта надпись по второму изданію г-на Holleaux въ Bull. de Corresp. Hell., томъ XIII (1889), p. 523 sqq.

- [Ἀναξι]μ[β]ροτος Διονουτῶι χαίρειν· τοῦ γρ[α]
 [φέντ]ος παρὰ τοῦ βασιλέως προστάγματος
 [περ]ὶ τοῦ ἀποδεδεῖχθαι τῆς βασιλείσης
 [ἀ]ρχιέρειαν τῶν ἐν τῇ σατραπείῳ Βερνίκη[ν]
 5 τὴν Πτολεμαίου τοῦ Λουσιμάχου θυγατέρα
 καταχεχώρισται τὸ ἀντίγραφον· ἐπακολούθ[ως]
 [ο]ὔν τοῖς ἐπεσταλμέν[ο]ις συντέλει καθ' ἃ
 [οἰ]εται δεῖν, ἵνα δὲ καὶ τὰ ἀντίγραφα ἀναγρ[α]
 [φ]άντα εἰς στήλην λιθίνην ἀνατεθῆι ἐν τῷ
 10 ἐπιφανοστάτῳ τόπῳ π[ρ]ονοή[θη]τι.
 εἰ Ἀρτεμισίου ΙΟ
 Βασιλεὺς Ἀντίοχος Ἀναξι[μ]μβρότῳ χαίρειν·
 βουλόμενοι τῆς ἀδελφῆς βασιλείσης Λαοδίκ[ης]
 [τ]ὰς τιμὰς ἐπὶ πλείον αὔξειν καὶ τοῦτο ἀναγ
 15 [καί]ο[υ]σαν ἑαυτοῖς νομίζοντας εἶναι διὰ τὸ
 [οὐ μ]όνον ἡμῖν φιλοστόργως καὶ κηδεμον
 [ῶ]ς αὐτὴν συμβιοῦν, ἀλλὰ καὶ πρὸς τὸ θε[ῶ]ι]

- [ον ε]ῦσεβῶς δια[χ]εῖσθαι, καὶ τὰ ἄλλα μὲν
 [ὄσα πρ]έπει καὶ δίκαιόν ἐστι παρ' ἡμῶν αὐτῆι
 20 [χαρ]ί[σ]ασθαι δια[τ]ελοῦμεν μετὰ φιλο[σ]
 [τ]ο[ρ]γίας ποιῶντες, [χρ]ίνομεν δὲ καθάπερ
 [πρότερον καθεστῆκασιν χ]ατὰ τὴν βασιλε[ί]α[ν]
 [ἡμῶν ἀρχι]ερεῖς καὶ ταύτ[η]ς καθίστασθαι
 [ἐ]ν τοῖς αὐτοῖς τόποις ἀρχιερείας, αἱ φο
 25 [ρ]ήσουσιν στεφάνους χρυσοῦς ἔχοντας
 ις ¹⁾, ἐπιγραφῆσονται δὲ καὶ ἐν
 [τοῖς σ]υναλλάγμασι μ[ε]τὰ τοὺς τῶν
 [τε θε]ῶν καὶ ἡμῶν ἀρχιερεῖς. Ἐπεὶ οὖν
 ἀποδέδε[ιγμ]αι ἐν τοῖς ὑπὸ σὲ τόποις
 30 [Βερ]ενίχην Πτολεμαίου τοῦ Δυσιμάχου
 [τοῦ προσήκ]οντος ἡμῖν κατὰ συγγένειαν θυγατέρα
 συντελείσθω πάντα τοῖς προγεγραμμέ
 νοις ἀ[χο]λούθως καὶ τὰ ἀντίγραφα τῶν
 ἐπιστολῶν ἀναγραφέντα εἰς στήλας
 35 ἀνατεθῆτω (sic) ἐν τοῖς ἐπιφανεστάτοις
 τόποις, [ὄ]πως νῦν τε καὶ τὸ λοιπὸν
 πᾶσιν φανε[ρ]ᾷ [δηλ]ῶ[τ]αι ἡ [ἡ]μετέρα καὶ ἐν τοῦ
 [τοῖς δι]ὰ τὴν ἀδελφὴν προαίρεσις.

„Анаксимвротъ Діонитѣ здравствовать. Написаннаго отъ царя повеленія о томъ, чтобы назначить царицы верховную жрицу жрицъ сатрапіи Веренику дочь Птолемея сына Лисимаха, ниже помѣщена копія. Итакъ согласно съ предписаніемъ исполняй, какъ (царь) полагаетъ должнымъ, а чтобы копія, записанная на каменную стилу, была поставлена на самомъ видномъ мѣстѣ, позаботься.

Года —, Артемисія 19-го.

Царь Антиохъ Анаксимвроту здравствовать. Желая сестры (нашей) царицы Лаодики почести увеличить и считая это самымъ необходимымъ для себя потому, что она не только сожительствуетъ съ нами какъ любящая и заботливая сѹпруга, но и къ божеству благочестиво относится, мы и прочее, что приличествуетъ и справедливо отъ насъ ей воздать, постоянно съ любовію совершаемъ, и рѣшаемъ (нынѣ), [какъ раньше поставлены] по царству [нашему] верховные жрецы, и ея верховныхъ жрицъ поставить въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, которыя будутъ носить золотые вѣнки съ [тюбанами], и будутъ записываемы

¹⁾ Можетъ бытъ [κρόβρε]ις, тюбаны или шапочки.

въ гражданскихъ актахъ послѣ верховныхъ жрецовъ боговъ и нашихъ. И такъ какъ я назначилъ въ мѣстахъ, подчиненныхъ тебѣ, Веренику дочь Птолемея сына Лисимаха, [ближняго] нашего по родству, то пусть будетъ исполнено все согласно съ вышешисаннымъ, и копія письма, написанная на стилы, пусть будетъ поставлена на самыхъ видныхъ мѣстахъ, чтобы и нынѣ и на будущее время всѣмъ очевидно [заявлено было] наше и въ [этомъ относительно] сестры предпочтеніе“.

И при этомъ вторичномъ изданіи надписи г. Holleaux остается при мнѣніи, что рескриптъ принадлежитъ Антиоху II, и что надписью подтверждается много разъ упомянутое нами мѣсто Полиена VIII 50, на которомъ всѣ ученые, начиная съ Чишѣлля, основывали свое толкованіе сигейской (или первой илліонской) надписи. Дѣйствительно, въ надписи Антиохъ говоритъ о сестрѣ своей царицѣ Лаодицѣ, и если слово ἀδελφή понимать буквально, то разногласіе между Полиеномъ и Порфиріемъ рѣшено въ пользу перваго. Но я думаю, что ἀδελφή не значить въ буквальномъ смыслѣ сестра, и что, еслибы даже рескриптъ принадлежалъ Антиоху II, царь именемъ ἀδελφή означалъ бы свою двоюродную или троюродную, а не родную сестру, такъ какъ все-таки показаніе Порфирія вѣрно. Мы уже доказали, что сигейская надпись принадлежитъ Антиоху III; слѣдовательно, тамъ сестрою царя называется Лаодика, супруга Антиоха III и его *двоюродная сестра*. Относительно титула ἀδελφή мое мнѣніе таково: 1) цари Селевкиды вообще не женились на своихъ сестрахъ, хотя Антиохъ III и соединилъ бракомъ своихъ сына и дочь; 2) не всякая царица называлась ἀδελφή, но *двоюродная сестра* или близкая родственница. О надписи Holleaux я думаю, что это рескриптъ опять таки Антиоха III, и что мы въ ней *во второй разъ* встрѣчаемъ ту же *сестру царицу*, какъ и въ сигейской надписи, и что надпись *того же времени, какъ и сигейская*. Приведемъ доказательства.

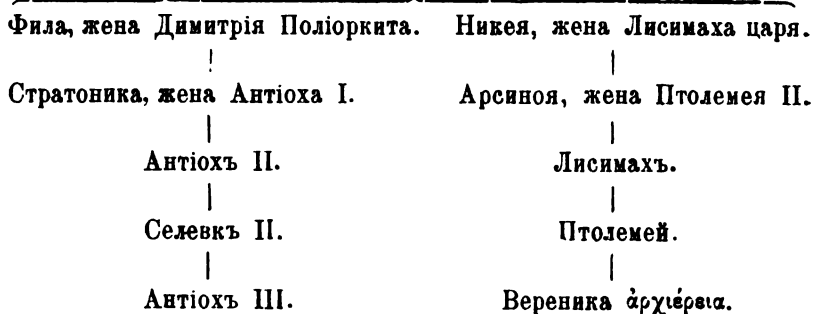
Во 1-хъ мы не имѣемъ свѣдѣній, чтобы установленъ былъ культъ царицы Лаодики, жены Антиоха II. Хотя это вполне возможно, но замѣчательно, что въ смирнской надписи (въ приведенномъ нами мѣстѣ) говорится о культѣ Антиоха II, отца Селевка Каллиника, и о культѣ Стратоники, матери его отца, но не говорится о культѣ его матери. За два года (или около того) до смерти Антиохъ II удалилъ Лаодику и лишилъ ее титула царицы.

Во 2-хъ приводитъ къ тому же заключенію родословная верховной жрицы Вереники. Holleaux не думаетъ, чтобы Вереника происхо-

дила отъ царя Лисимаха. Я считаю вѣроятнымъ, что она внучка Лисимаха, сына Птолемея Филадельфа и брата Птолемея Еввергета. Въ схолияхъ на Теокрита XVII 128 сказано, что у Птолемея II отъ Арсиной, дочери Лисимаха, было трое дѣтей: Птолемей, Лисимахъ и Вереника. Этотъ Лисимахъ былъ первою жертвою Сосивія, котораго Поливій называетъ „сосудъ коварный и долговѣчный и злодѣйскій въ царствѣ“ (Ἐσοῖβιος—ἐδόκει γεγονέναι σκεῦος ἀγχίνουον καὶ πολυχρόνιον, ἔτι δὲ καχοποιὸν ἐν βασιλείᾳ, καὶ πρώτῳ μὲν ἀρτῶσαι φόνον Δουσιμάχῳ, δεῦτε τῷ υἱῷ Ἀρσινόῃς τῆς Δουσιμάχου καὶ Πτολεμαίου—XV 25). Смерть Лисимаха произошла въ царствованіе Птолемея III. Онъ далъ имя Птолемея своему сыну въ честь дѣда—постоянный обычай грековъ. Nolleaux думаетъ, что никакого родства не было между назначенною великою жрицею и царемъ, и что она была только дочь высшаго чиновника, συγγενοῦς. Но тогда было бы сказано: Βασιλικὴν τοῦ Πτολεμαίου τοῦ συγγενοῦς θυγατέρα. А выраженіе τοῦ προσήκοντος ἡμῖν κατὰ συγγένειαν означаетъ дѣйствительнаго родственника. Могли быть родственныя отношенія намъ неизвѣстныя. Вѣроятно, Арсиноя была дочь Никеи и внучка Антипатра регента (о Никее, въ честь которой названъ знаменитый городъ — Strabo XII 4, 7); въ такомъ случаѣ вотъ родство:

Антипатръ регентъ

† 319

По словамъ гг. Paris и Nolleaux, надпись найдена въ турецкомъ селеніи Дурдуркаръ, между Караюкъ Базаромъ и Хорзумомъ. Вѣроятно, то была древняя *Кивира* (Κιβίρα); область ея называлась Кивиратида и составляла юго-западный уголь Фригій, примыкая къ Каріи и Ликіи. Карія и Ликія принадлежали до 204 года къ царству Птолемеевъ, Кивиратида къ царству Селевкидовъ. Въ 189 году, во время похода Гн. Манлія Вульсона на галатовъ, римскій полководецъ

принималъ отъ Селевка, наслѣдника Антиоха III, провинціи по сю сторону Тавра, уступленныя Антиохомъ послѣ пораженія при Магнисиі. Консуль обходитъ сначала бывшую юго-западную границу царства Селевкидовъ и приходитъ въ Кивиратиду. Оказывается, что надъ Кивиркою и еще двумя городами господствуетъ тираннъ Моагетъ; съ него консуль беретъ контрибуцію, при чемъ Моагетъ долго торгуется съ консуломъ—Polyb. XXI 34. О походѣ Гн. Манлія Вульсона говоритъ Ливій XXXVIII 12—15. Когда Моагетъ, котораго Поливій называетъ жестокимъ и коварнымъ тиранномъ, захватилъ Кивирку, неизвѣстно. Конечно онъ воспользовался войною Антиоха съ римлянами. О мѣстныхъ династахъ или монархахъ въ царствѣ Селевкидовъ упоминаютъ адулитанская и смирнская надписи.—Въ разбираемой надписи, къ сожалѣнію, *стерта цифра года*; еслибы дата уцѣлѣла, не было бы никакого сомнѣнія. Цифра года состояла изъ *двухъ* буквъ: слѣдовательно годъ былъ не позже 110-го: ΡΙ; о годѣ ΡΚ, 120-мъ, то-есть 192 до Р. X. не можетъ быть рѣчи. Вѣроятно, культъ своей супруги Антиохъ III установилъ въ своемъ царствѣ, въ томъ числѣ въ сатрапіи, къ которой принадлежала Кивиратида, въ 213 г. или немного послѣ. Въ сигейской надписи есть культъ Антиоха III и нѣтъ еще культа царицы Лаодики. Въ Кивирской надписи прямо сказано, что культъ Лаодики устанавливается по образцу культа царя. Въ главномъ городѣ каждой сатрапіи былъ *ἀρχιερεὺς* царя Антиоха и *ἀρχιερεῖα* царицы Лаодики; въ каждомъ городѣ—*ἱερεὺς* царя и *ἱερεῖα* царицы. Такъ видно изъ сличенія сигейской и кивирской надписи (я позволяю себѣ надпись гг. Paris и Nonеаих назвать кивирской). *Ἱερεῖα* сигейской надписи (vs. 20, 29)—жрица *Ἀθρυῆς τῆς Ἰλιάδος*.

Нибуръ прекрасно говоритъ объ Ахеѣ, отцѣ Лаодики, жены Антиоха II. Естественно предположить, что онъ дѣдъ Ахея, провозглашившаго себя царемъ и казненнаго въ 214 году. Сынъ перваго Ахея и отецъ втораго, Андромахъ, упоминается Поливіемъ IV 51. Онъ былъ въ плѣну въ Египтѣ и освобожденъ Птолемеемъ Филопаторомъ въ 218 году. Ахей и Андромахъ вмѣстѣ являются полководцами Селевка Каллиника у Полиена IV 17. Они воюютъ въ Арменіи противъ Антиоха Іерака.—По имени Ахея былъ названъ городъ Ахайя въ Аріи—Strabo, XI 10. Антиохида, мать Атталы I пергамскаго, была дочь Ахея—Strabo, XIII 4, 2. Атталъ и Селевкъ II были почти ровесники: Атталъ родился въ 269, Селевкъ между 268 и 264 годомъ. Итакъ

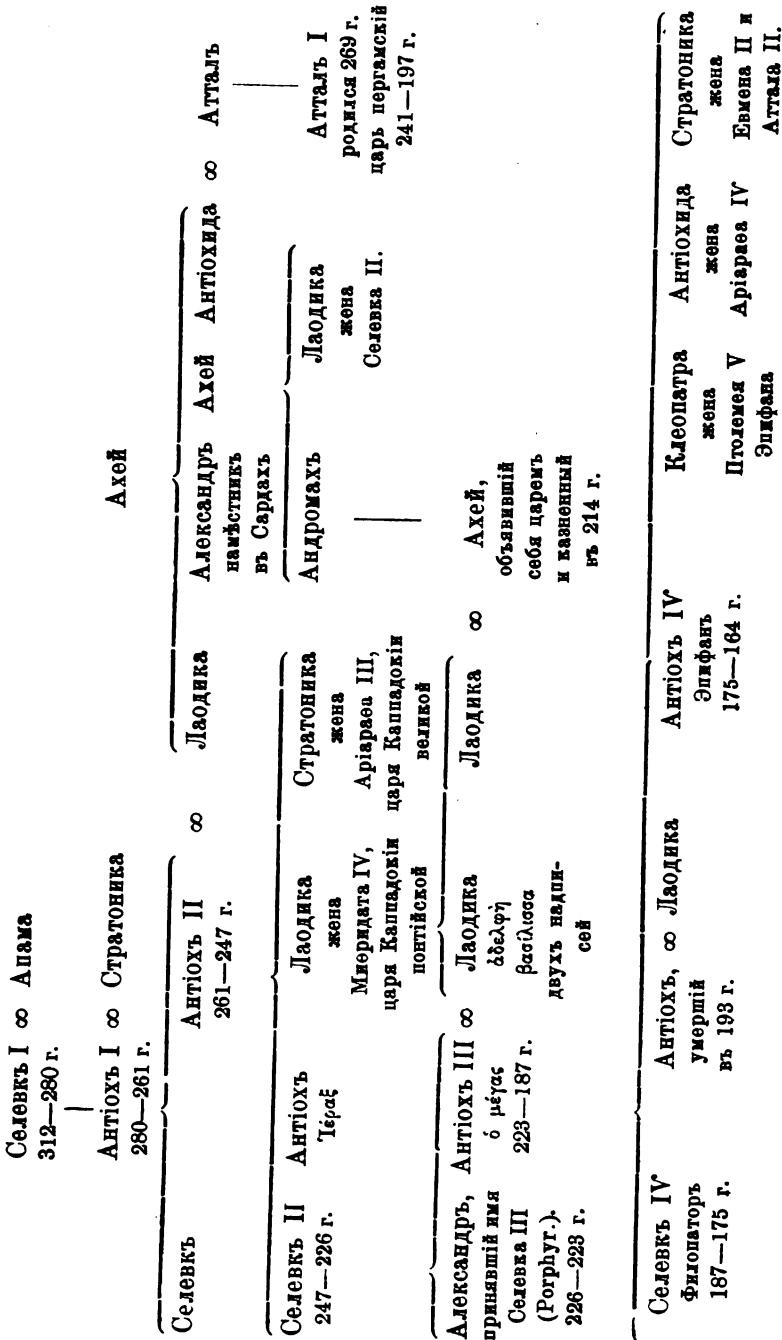
Лаодика, мать Селевка II, и Антиохида, мать Аттала I, были родныя сестры. Вѣроятно, Ахей старшій былъ самъ родственникомъ царскаго дома по происхожденію или по свойству (*verwandt oder verschwägert*).— *Kleine Schiften I. 257—264.*

Одну только ошибку дѣлаетъ Нибуръ: онъ называетъ Лаодику, жену Селевка II *дочерью* Андромаха, между тѣмъ какъ Поливій *два раза* называетъ Андромаха *братомъ* жены Селевка: IV 51 и VIII 22. Но это скорѣе не ошибка, а такъ сказать *tacita emendatio* текста Поливія. Въ самомъ дѣлѣ, если Андромахъ—братъ Лаодики, то, значить, Лаодика, жена Селевка II, придется родной сестрой матери своего мужа.—За Нибуromъ всѣ ученые повторяли, что жена Селевка II была дочь Андромаха. Вилькенъ первый замѣтилъ ошибку и рѣшаетъ такъ, что дочь Ахея, сестра Андромаха, была женою Селевка II, а не Антиоха II, какъ сказано въ армянскомъ переводѣ Евсевія, и что женою Антиоха II была его *ἑτεροῦ ἀδελφῆς*, какъ сказано въ приведенномъ много разъ мѣстѣ Полиена (*Pauly-Wissowa, томъ I, столбецъ 206*). Тогда выйдетъ, что Атталъ I былъ племянникомъ Селевка II, который былъ моложе его лѣтъ на 5, если не болѣе. Антиохъ Иеракъ, младшій братъ Селевка, былъ въ 246 году моложе 14 лѣтъ. Во время войны съ Птолемеемъ III Антиохъ 14-ти лѣтъ объявилъ себя царемъ—*Iustin. XXVII 2*. Селевку въ 247 году могло быть и 15 лѣтъ. Порфирій даетъ столько точныхъ фактовъ о царяхъ Селевкидахъ, что нельзя отвергать его показанія объ отцѣ Лаодики. Я предполагаю, что слѣдуетъ различать двухъ Ахеевъ, отца и сына: Лаодика, жена Антиоха II, и Антиохида, мать Аттала I, были дочерьми перваго Ахея; Андромахъ и Лаодика, жена Селевка II, были дѣтьми втораго Ахея. Такимъ образомъ мы не будемъ передѣлывать ни Поливія, ни Порфирія. Почему же первый Ахей назвалъ своего сына Ахеемъ, а не въ честь своего отца? Это покажется мало вѣроятнымъ. Но второй Ахей былъ, вѣроятно, не старшимъ, а вторымъ сыномъ перваго Ахея, а *второю* сына грекъ называлъ постоянно *своимъ* именемъ. Въ армянскомъ переводѣ говорится (*Fr. Hist. Graec. III, pag. 708 sqq.*): *Seleucus Callinicus—annis XXI dominatus est. Eo mortuo succedit filius Seleucus — . Verumtamen vivente adhuc Callinico Seleuco, Antiochus minor natu frater, quietis sortisque suae impatiens, adiutorem favitoremque nactus est Alexandrum, qui et urbem Sardes tenebat et Laodices matris suae frater erat.* Объ этомъ Александрѣ Нибуръ, К. Мюллеръ и Дройзенъ говорятъ: *hunc Ale-*

xandrum aliunde non novimus (слова, понятно, К. Мюллера). Но я думаю, что онъ упоминается въ надписи, найденной въ Теосѣ (Lebas-Waddington, № 87; Dittenberger, № 165) и заключающей въ себѣ постановленіе варгилитовъ (приморскій городъ въ Каріи) въ честь Тирова, сына Полвера. Въ надписи упоминается гимнический агонъ въ Варгиліи въ честь царя Антиоха Сотира. Можно согласиться съ Диттенбергеромъ, что надпись относится къ концу царствованія Антиоха I. Въ стр. 46—48 ея постановляется: ἀναγγεῖλα[ι δὲ] καὶ Ἀλεξάνδρῳ τῷ [κατα]λειμμένῳ ὑπὸ [τοῦ β]ασιλέως κτλ. Ваддингтонъ указалъ, что этотъ Александръ упоминается и въ знакомой намъ большой смирской надписи. Смирнцы заключаютъ договоръ съ жителями Палемагнисіи, укрѣпленія въ землѣ Магнисіи, что подъ Сипиломъ: οἱ δὲ οἰκοῦντες ἐν τῷ χωρίῳ ἐλόμενοι τῆμ φιλίαν τὴν πρὸς τὸν βασιλέα Σέλευχον μετὰ πάσης προθυμίας προσεδέξαντο τάξιόμενα ὑπὸ τοῦ δήμου καὶ τὰς τε κλειδας παραδεδώκασιν[υ] τῷ ἀρχοντὶ τῷ ἀπεσταλμένῳ ὑπὸ τοῦ δήμου καὶ τὴν φυλακὴν τὴν παρὰ τῆς πόλεως παραδέξαντο εἰς τὸ χωρίον, ἀγαθῆι τύχῃ, δεδόχθαι πολίτας τε αὐτοὺς εἶν[αι] καὶ ὑπάρχειν αὐτοῖς τὰ αὐτὰ ὅσα καὶ τοῖς ἄλλοις πολίταις ὑπάρχει, καὶ τοὺς τε κλήρους αὐτῶν τοὺς δύο ὃν τε ὁ θεὸς καὶ σωτὴρ Ἀντίοχος ἐπεχώρησεν αὐτοῖς καὶ περὶ ο[ῦ] Ἀλεξάνδρος γεγράφηκεν, εἶναι αὐτοῖς ἀδεκαστούτους (vs. 97—101).

Истина открывается. Точные авторы и надписи всегда согласны между собою. Если бы ученые, отъ Чишѣлля до Вилькена, были правы, если бы Лаодика, жена Антиоха II, была дочерью Антиоха I, то братъ ея, Александръ, былъ бы сыномъ Антиоха I. Но ни надписи, ни Порфирій не называютъ его сыномъ Антиоха I. Чрезвычайная точность свѣдѣній Порфирія доказывается показаніями надписей о томъ, что дѣйствительно Александръ былъ правителемъ въ Сардахъ. Онъ не называется στρατηγός, но καταλειμμένος ὑπὸ τοῦ βασιλέως, то-есть *оставленный* править всею странюю ἐπὶ τάδε τοῦ Ταύρου. Его высокое положеніе и довѣріе царей доказывается тѣмъ, что онъ командуетъ въ Сардахъ по крайней мѣрѣ двадцать лѣтъ, отъ послѣднихъ лѣтъ Антиоха I до войны Антиоха Иерака съ Селевкомъ II. Онъ—старшій братъ втораго Ахея. Въ междоусобной войнѣ братьевъ Антиоха и Селевка мать Лаодика и ея братъ Александръ приняли сторону Антиоха Иерака (см., кромѣ Порфирія, Плутарха περὶ φιλαδέλφιας, 18), *другой братъ Лаодики Ахей* и сынъ Ахея Андромахъ остались на сторонѣ Селевка. Ахей командовалъ на востокѣ, гдѣ былъ Селевкъ; понятно, что онъ остался на сторонѣ Селевка.

Мы имѣемъ право составить такую генеалогическую таблицу:

Царицы-супруги пользовались въ греко-македонскихъ царствахъ величайшими почестями, одинаковыми съ почестями царей. Мы часто встрѣчаемъ, что братъ умершаго царя тотчасъ же вступаетъ въ бракъ съ царицею вдовою, очевидно желая ея царскій вѣнецъ соединить со своимъ. Такъ поступали цари въ Египтѣ и при фараонахъ. Рѣдки примѣры удаленія царицы и провозглашенія новой царицы, какъ поступилъ Антиохъ II. Изъ за этого поступка послѣдовали кровавыя войны. Атталъ, братъ Евмена II, по первому слуху (оказавшемуся невѣрнымъ) о смерти Евмена, тотчасъ объявилъ себя царемъ, и первое дѣло его было жениться на Стратоникѣ (дочери Антиоха III) и даже вступить въ супружескія права. Самые эти браки Птелемеевъ съ родными сестрами не имѣютъ такого чудовищнаго характера, потому что цари и царицы освящены были культомъ, были богами и богинями. Антиохъ III женить своего сына Антиоха на своей же дочери, а его родной сестрѣ, Лаодикѣ, имѣя, вѣроятно, въ виду объявить его царемъ. Я думаю, что Антиохъ, умершій въ 193, былъ не старшій, а второй сынъ Антиоха III. На это указываетъ во первыхъ самое его имя, во вторыхъ то, что Селевкъ названъ, какъ мы видѣли, царемъ въ илионской надписи 196 года. Я уже упоминалъ, что Антиохъ III мечталъ возобладать всѣмъ наслѣдіемъ Селевка Никатора, вмѣстѣ съ царствомъ Лисимаха, покореннымъ битвою при Корупедіонѣ. Онъ говоритъ римскимъ посламъ, что въ Лисимахиі назначаетъ жилище (οἰκητήριον) или удѣлъ сыну Селевку. Былъ, по видимому, планъ и второму сыну предназначить царство, или Селевку дать Европу, а Антиоху Азію, какъ Селевкъ I Европу беретъ себѣ, Азію оставляетъ сыну.

У Ливія въ разказѣ о смерти молодаго царевича Антиоха находятся замѣчательныя фразы: *magnus luctus in regia fuit magnumque eius iuvenis desiderium: id enim iam specimen sui dederat, ut, si vita longior contigisset, magni iustique regis in eo indolem fuisse apparet. quo carior acceptiorque omnibus erat, eo mors eius suspectior fuit, gravem successorem eum instare senectuti suae patrem credentem per spadones quosdam, tallium ministerio facinorum acceptos regibus, veneno sustulisse. eam quoque causam clandestino facinori adiciebant, quod Seleuco filio Lysimachiam dedisset, Antiocho quam similem daret sedem ut procul ab se honore eum quoque ablegaret, non habuisset.* (XXXV 13, 15). Конечно слухъ объ отравленіи нелѣпъ.—Антиохъ III былъ сангвиникъ, тщеславенъ и легкомысленъ: онъ могъ мечтать о такихъ широкихъ завоеваніяхъ, онъ въ 192 году переправился съ 10,000 войска въ Халкиду (*vix duarum male plenarum legiuncularum*

instar, какъ говорятъ Т. Квинцій Фламиннъ) и началъ войну съ римлянами, а зимою, увидѣвъ прекрасную дѣвушку въ Халкидѣ, сыгралъ съ ней свадьбу и продолжительное время пировалъ. Онъ назвалъ юную жену Евбеей: Polyb. XX 8; Liv. XXXVI 11. Но она, конечно, не была объявлена царицей, и мы ничего болѣе не слышимъ о ней. Тщеславіе Антіоха получило на короткое время большое удовлетвореніе: Этолійцы объявили его верховнымъ вождемъ, онъ началъ войну за освобожденіе Греціи, вступилъ въ Фессалію, собиралъ кости убитыхъ на поляхъ Киноскефалъ воиновъ Филиппа, доходилъ до Акарнаніи, откуда поспѣшно вернулся, услыхавъ о прибытіи въ Грецію перваго небольшого римскаго отряда. Послѣдовали страшные удары. Римскій мечъ отсѣкъ отъ царства Селевкидовъ всю землю вѣкѣ таде тоѣ Таѳоро.

Ф. Соколовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГЕРАКЛЪ.

ТРАГЕДІЯ ЕВРИПИДА ¹⁾).

(записана между 423 и 413 г. до Р. Хр.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

въ порядкѣ ихъ появленія на сцену.

Амфитріонъ.

Мегара, при ней три малолѣтнихъ сына.

Хоръ оиванскихъ старцевъ.

Корифей.

Лизъ, при немъ стража.

Гераклъ.

Ирнда.

Лисса.

Вѣстникъ.

Тесей.

Задняя декорация представляетъ стѣну Гераклова дворца въ Оивахъ, по серединѣ большія ворота. Передъ дворцомъ на площади большой каменный алтарь Зевса-Спасителя. На его ступеняхъ сидятъ Амфитріонъ, Мегара и дѣти.

¹⁾ Текстъ по изд. U. v. Wilamowitz-Moellendorff, Euripides Herakles, 2 Bde, 2-te Bearbeitung, Berlin 1895.

ПРОЛОГЪ.

Явленіе I.

Амфитріонъ.

Кому невѣдомъ мужъ, который съ Зевсомъ
Любовь жены дѣлилъ. Амфитріонъ
Изъ Аргоса, Алкидъ и внукъ Персея,
Геракла знаменитаго отецъ?

Да, родомъ я изъ Аргоса, но въ Оивахъ,
Средь поколѣнья горети земнородныхъ.
Что въ битвахъ уцѣлѣли изъ посѣва,
Мнѣ довелось жить. Изъ крови спартовъ
Произошелъ и Менекеевъ сынъ,
Отецъ⁴ вотъ этой женщины, Мегары.

Давно ли, кажется, подъ звуки флейты,
Подъ звуки гимна брачнаго, который
Кадмейцы пѣли, въ этотъ царскій домъ
Привелъ ее великій внукъ Алкея?
Онъ съ нами жилъ недолго: и Мегару,
И новую родню покинувъ, весь горѣлъ
Однимъ желаньемъ онъ—въ далекій Аргосъ
Уйти и овладѣть стѣнами
Циклоповъ, изъ которыхъ былъ я изгнанъ,
Запятнанный Электріона кровью.

Чтобъ смыть съ отца позорное пятно
И воротить себѣ отцовскій городъ,
Сынъ заплатилъ недешево и подвигъ
Для Евристея справилъ не одинъ:
Всю землю онъ очистилъ отъ чудовищъ...
— Безуміемъ ли былъ Геракль охваченъ,
Отъ Геры насланнымъ, или къ тому
Его судьба вела,—не знаю, право.
Теперь, когда, могучій, онъ осилилъ
Всѣ тяжкіе труды, въ жерло Тенара
Его послали, чтобъ изъ царства мрака,
На свѣтъ онъ вывелъ пса о трехъ тѣлахъ;
Герой пошелъ и больше не вернулся...

Я старое преданье здѣсь слыхалъ,
 Что въ семивратныхъ Эивахъ былъ когда-то
 Царемъ могучій Ликъ, супругъ Диркенъ,
 Котораго смѣнили близнецы,
 Зеть съ Амфіономъ, порожденье Зевса,
 Владѣльцы бѣлоснѣжныхъ лошадей.
 Такъ вотъ потомокъ Лика, не Кадмеець,
 А выходець съ Евбеи, тоже Ликъ,
 Здѣсь только что убилъ царя Креонта
 И мятежомъ истерзаннаго Эивы
 Своей тиранской власти подчинилъ.

Мы, родичи Креонтовы, конечно,
 Въ опалѣ: новый царь замыслилъ кровью
 Его дѣтей смыть пролитую кровь...
 Пока отца земныя нѣдра кроютъ,
 Онъ ищетъ погубить его вдову
 И сыновей, чтобъ возмужавъ, за дѣда
 Не стали мстить,—да кстати и меня:
 Должно быть, и старикъ тирану страшень.
 А между тѣмъ, сходя въ юдоль тѣней,
 Герой мнѣ отдалъ сыновей въ опеку,
 Жену и домъ велѣлъ мнѣ сберечь.
 Что-жъ было дѣлать мнѣ? Я подъ защиту
 Зевеса всю семью сюда привелъ.
 И вотъ у алтаря мы приютились.
 Чтò нѣкогда воздвигъ мой славный сынъ,
 Съ побѣдою вернувшись отъ Минійцевъ.
 Вы видите: безъ хлѣба, безъ воды,
 Нагіе и босые, на холодной
 Землѣ мы смерти ждемъ; а передъ нами
 Нашъ царскій домъ, забить и опечатанъ.
 Спасенья не видать, и тѣ друзья,
 Чтò выручить могли бы насъ, не стоютъ
 Названія друзей, а вѣрные и силъ
 Не соберутъ помочь намъ—сами старцы.
 Да, человекъ въ несчастьѣ—точно въ школѣ,
 И если только каплю состраданья
 Къ кому выѣшь ты, такъ не желай
 Ему познать людскую дружбу въ горѣ.

МЕГАРА (долго смотреть на Амфитріона).

Подумать, что и ты, отецъ, когда-то
 Былъ славный вождь, что во главѣ дружинъ
 Оиванскихъ ты умѣлъ разрушить стѣны
 Тафійскія: о, какъ неясны смертнымъ
 Боговъ предначертанья! Развѣ счастье
 Подъ отчимъ кровомъ мнѣ не улыбалось?
 Царевой я жила, довольствомъ, блескомъ
 И завистью людской окружена;
 Отца семьей благословили боги...
 А мой блестящій бракъ съ твоимъ Геракломъ?...
 Гдѣ-жъ это счастье? сгибло, стало прахомъ, —
 И только смерть теперь въ глаза глядитъ
 Тебѣ, старикъ, и мнѣ, и Гераклидамъ,
 Моимъ несчастнымъ дѣтямъ.—А ужъ я-ль
 Птенцовъ не оперившихся подъ крылья
 Не прятала? Повѣришь, помнунто,
 Они меня разспросами терзаютъ:
 „Ахъ, мама, гдѣ отецъ? Чего не ѣдетъ?
 „Когда-жъ онъ будетъ съ нами?“ Иль бѣгутъ
 Его искать повсюду, точно въ прятки
 Играетъ съ ними бѣдный ихъ отецъ.
 Придумаю-ль угомонить ихъ сказкой...
 Куда тамъ? Стоитъ двери заскрипѣть,
 Всѣ какъ одинъ: „Отецъ, отецъ пріѣхалъ!“
 Бѣгутъ его колѣни обнимать...

(Гладитъ дѣтей, которыя къ ней прижимаются, потомъ,
 помогавъ, къ Амфитріону)

Ну что-же, старецъ, можетъ быть, придумалъ
 Ты что-нибудь?—О, если-бъ хоть не выходъ,
 Лишь слабый лучъ спасенья намъ увидѣть!
 Бѣжать изъ города? Повсюду караулъ,
 Ворота на запорѣ... А на дружбу
 Надѣюсь я не болѣе, чѣмъ ты...
 Но говори, отецъ, не бойся словомъ
 Мнѣ неизбежность смерти подтвердить!

Амфитрионъ.

Дитя мое! Не подобаютъ старцу
Несбыточные планы и гаданья.
Мы слабы, но зачѣмъ же намъ спѣшить?
Вѣдь умереть. Мегара, мы успѣемъ.

МЕГАРА.

Что-жъ, горя мало или жить такъ сладко?

Амфитрионъ.

Да, сладко—и надѣяться, и жить.

МЕГАРА.

Надѣяться!... Но гдѣ-жъ она, надежда?

Амфитрионъ.

Переживи недугъ,— и будешь здоровъ.

МЕГАРА.

Переживи!.. Измучить неизвѣстность...

Амфитрионъ.

Дитя мое... а если среди золь,
Объявшихъ насъ, супругъ твой, сынъ мой милый
Нежданный къ намъ вернется?.. Нѣтъ, Мегара.
Нѣтъ, дочь моя: ты—мать, такъ будь бодрѣй!
Утри глаза малюткамъ и старайся
Прогнать ихъ дѣтскій страхъ веселой сказкой.
Повѣрь, Мегара, что и въ жизни смерчъ,
Какъ въ полѣ ураганъ, шумить не вѣчно:
Конецъ приходитъ счастьемъ и несчастьемъ...
Жизнь движетъ насъ безсмѣнно вверхъ и внизъ,
А смѣлый—тотъ, кто не утратитъ вѣры
Средь самыхъ страшныхъ бѣдствій: только трусъ
Теряетъ бодрость, выхода не видя...

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ПЬЕСА

ХОРА.

(Старики поднимаются по ступенямъ на сцену и начинаютъ пѣть, когда еще большая часть зрителей ихъ не видитъ: они въ вѣнкахъ и поднимаются медленно, опираясь на посохи. Поднявшись, они располагаются по обѣ стороны алтаря. Корифей становится ближе къ алтарю).

СТРОФА.

Поднимайте меня, ноги слабыя,
 Ко дворцу высокому царскому!
 Помогай ты мнѣ, посохъ вѣрный,
 Добрести до стараго друга.
 Заведу я унылую пѣсню,
 Посѣдѣвшаго лебеда пѣсню...
 Что отъ прошлаго въ старцѣ осталось?
 Точно призракъ я. ночью рожденный,
 Только голоса звукъ и остался...
 Но пускай дрожить мое тѣло,
 Не угасла въ груди моей вѣрность
 Къ обездоленнымъ этимъ сиротамъ
 И къ соратнику дряхлому вѣрность:
 Плача съ ними, готовъ призывать я
 Изъ подземнаго царства Геракла.

АНТИСТРОФА.

Поддержите-жъ меня, ноги слабыя,
 Не дрожите, колѣни усталыя!
 Я не конь, что крутымъ подъемомъ
 Съ колесницей тащится въ гору.
 Ты возьми мою руку, товарищъ!
 Если ноги тебѣ измѣняются,
 За мою придержиися одежду!
 Пусть старикъ старику помогаетъ.
 Вспомнимъ время, когда молодыми
 Собирались мы тѣсною толпою
 И, щиты со щитами сплотивши,
 Потрясали мы копьями смѣло.
 Мы достойными были сынами

Нашей славной въ тѣ годы отчизнѣ,
Семивратнымъ и царственнымъ Эивамъ.

Эподъ.

Въ глазахъ у дѣтей Геракла
Отцовская ярая смѣлость;
Отцовская, видно, и доля
Покинутымъ дѣтямъ досталась.
Гераклу должны мы такъ много, —
Что-жъ долга мы дѣтямъ не платимъ?
Эллада, Эллада, какихъ
Могучихъ сыновъ ты теряешь!
Какихъ ты защитниковъ губишь!

Корифей.

Постойте: Ликъ сюда идетъ, тиранъ нашъ,
Сейчасъ онъ будетъ около дворца...

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе II.

Тѣ же и Ликъ, въ царской одеждѣ; съ нимъ вооруженная стража. Онъ приходитъ съ той же стороны, откуда пришелъ и хоръ.

Ликъ.

Амфитрионъ и ты, жена Геракла!
Какъ господинъ, я требую отъ васъ, —
И, кажется, я въ правѣ это сдѣлать, —
Я требую, чтобъ вы сказали мнѣ,
Чего вы ждете здѣсь? зачѣмъ влечите
У алтаря безрадостную жизнь?
Надежда есть у васъ какая, что ли?
Иль, можетъ быть, вы вѣрите, что мертвый
Сомедшій въ царство Гадеса, отецъ
Вотъ этихъ ребятишекъ возвратится?
Скажите, для чего весь этотъ плачъ
Предъ неизбежной смертью? И зачѣмъ

Амфитріонъ хвастливо увѣряетъ,
 Что съ Зевсомъ онъ любовь жены дѣлилъ.
 А ты, Мегара, будто мужъ твой—первый
 Изъ эллинскихъ героевъ? Да и удалъ
 Какая же убить змѣю въ болотѣ,
 Да льва какого-то въ Немеѣ одолѣть?
 — И задушилъ-то даже не руками,
 Какъ хвастался, а въ петлѣ удавилъ.
 Что-жь? я на этомъ основаніѣ долженъ
 Дѣтей Геракла что-ли пощадить?
 Да, что такое вамъ Гераклъ, скажите?
 Чѣмъ славу заслужилъ онъ?—убивая
 Звѣрей: на это точно у него
 Хватало мужества; но развѣ взялъ онъ щитъ .
 Или копьѣ когда, готовясь къ бою?
 Его оружіе—трусливая стрѣла,
 Его военное искусство—въ быстрыхъ пяткахъ.
 Да можетъ ли, скажите мнѣ, стрѣлокъ
 Изъ лука храбрымъ быть. Нѣтъ, чтобы мужемъ
 Быть истиннымъ, спокойнымъ окомъ надо,
 Не выходя изъ воинскихъ рядовъ.
 Слѣдить за копьями враговъ, и мускулъ
 Въ твоемъ лицѣ пусть ни одинъ не дрогнетъ...

(Обращаясь къ Корифею)

Пожалуй ты жестокостью корить
 Меня готовъ, старикъ; но не жестокость,
 Лишь осторожность въ дѣйствіяхъ моихъ:
 Убивъ Креонта, дѣда ихъ, не вправѣ-ль
 Я ожидать, что, возмужавъ, они
 Отплатятъ мнѣ за кровь отца Мегары?

Амфитріонъ.

Пусть Зевсъ—отецъ Геракла защититъ.
 А я, старикъ безпомощный, лишь словомъ
 Попробую невѣжество и дерзость
 Въ твоихъ рѣчахъ, тиранъ, разоблачить.
 Порочить моего Геракла, и такой
 Безсмыслицей порочить!.. Развѣ кто
 Разумный трусомъ назоветъ Геракла?

Боговъ въ свидѣтели зову, самихъ боговъ.
 Что это и безсмыслица, и дерзость.
 Ту молнію, ту колесницу я
 Беру въ свидѣтели небесную, на коей
 Онъ съ боя возвращался, поразивъ
 Стрѣлы ударомъ вѣрнымъ земнородныхъ
 Ужасныхъ великановъ, чтобъ потомъ
 Дѣлать съ богами славную побѣду. (Къ Лику)
 А ты, жалчайшій изъ тирановъ, можешь
 Спросить хоть у кентавровъ этихъ что-ли,
 Разбойниковъ четвероногихъ, пусть они
 Тебѣ укажутъ перваго героя
 По мужеству, и знай: услышишь имя
 Тобою трусомъ названнаго,—да!
 Отправься слѣдомъ на свою Евбею
 И тамъ спроси: тебѣ не скажутъ „Ликъ“;
 Не слыть героемъ Лику и въ отчизнѣ!
 Затѣмъ, тиранъ, ты не хотѣлъ признать
 Отъ лука пользы: слушай и учися!
 Гоплитъ—онъ въ вѣчномъ рабствѣ у своихъ
 Доспѣховъ: сломится-ль копье въ сраженѣхъ,
 Онъ беззащитенъ, и случись съ нимъ рядомъ трусъ,
 Храбрѣйшій изъ гоплитовъ пропадетъ.
 Ну, а владѣлецъ лука можетъ смѣло
 Разить враговъ: всегда довольно стрѣлъ
 Въ его распоряженѣ для защиты.
 А выстрѣлъ издали, когда врагу
 Тебя не видно и, прикрытый, можешь
 Ты цѣлиться?—О, Ликъ, вредить врагамъ,
 Отъ случая при этомъ не завися,
 Вотъ высшее искусство на войнѣ.

Скажи мнѣ лучше, царь, чѣмъ провинились
 Передъ тобою дѣти, и за что
 Ты хочешь ихъ казнить? Я понимаю,
 Положимъ, что дѣтей героя мечь
 Должна страшить ничтожнаго тирана.
 Но неужели-жъ смѣлые должны
 Платить за трусость властелина жизнью?
 Нѣтъ, справедливость требуетъ, тиранъ,

Чтобъ жалкій трусъ являлся жертвой смѣлыхъ.
 А ты, коли дѣйствительно задумалъ
 Царить надъ Фивами, зачѣмъ же убивать
 Насъ хочешь? Ну, отправь въ изгнанье, что-ли!...
 Насилье-жъ даромъ не проходить, Ликъ.
 И стоитъ счастьемъ тыломъ повернуться,
 Чтобъ изъ владыки жертвою ты сталъ.

О, городъ Кадма древняго, у старца
 Давно упрекъ на сердцѣ для тебя!
 Такъ вотъ какой наградой отплатили
 Гераклу вы, кадмейцы: позабыть,
 Что нѣкогда одинъ онъ ополчился
 За городъ на минійцевъ и свободу
 Порабощеннымъ Фивамъ возвратилъ!

А ты, Эллада, развѣ я молчаньемъ
 Могу неблагодарность обойти
 Столь низкую? Итенцовъ того Геракла,
 Который море возвратилъ твоимъ
 Сынамъ и смель съ земли чудовищъ хищныхъ,
 Ты оставляешь умирать. Я ждалъ-бы
 Процессіи торжественной съ огнями
 И съ коньями побѣдными... Вы, дѣти
 Несчастныя, Эллада отвернулась
 Отъ васъ и Фивы, и ко мнѣ, ко мнѣ
 Съ надеждою вы взоры обратили?
 Иль вы не знаете, что я лишь звукъ рѣчей
 Безсильныхъ, только дряхлый старецъ?
 О, если-бъ мнѣ былую юность. длань
 Могучую, я-бъ эти кудри Лику
 Своимъ мечомъ окрасилъ въ красный цвѣтъ,
 Я за море копьемъ прогналъ бы труса.

Корифей.

Не будь витія, только честенъ будь,
 И къ мыслямъ ты подыщешь выраженья.

Ликъ.

Давай тягаться, старый! ты меня
 Рази словами, я-жъ дойму васъ дѣломъ.

Эй, люди, маршъ! Одни на Геликонъ,
 Другіе на Парнасъ и дровосѣкамъ
 Велите хворосту да лѣсу натаскать;
 Вкругъ алтаря вы здѣсь костеръ сложите
 И всѣхъ, какъ есть, сожгите ихъ живьемъ!
 Поймутъ, небось, что въ Оивахъ ужъ не мертвый
 Царить, а настоящій властный мужъ. (Къ хору)
 Вы-жъ, старики, остерегайтесь: если
 По прежнему вы станете со мной
 Здѣсь спорить, ужъ не Гераклидовъ жребій
 Придется вамъ оплакивать, а свой.
 Попомните: я—царь, а вы—мнѣ слуги!

Корифей.

Чего-жъ вы ждете, Спарты? или вы
 Забыли доблесть предковъ земнородныхъ,
 Тѣхъ предковъ, что когда-то самъ Арей
 Здѣсь выростилъ, посѣявъ у дракона
 Изъ жадныхъ десенъ вырванные зубы?
 Скорѣй же посохи воздвигните, что вамъ
 Опорой служить, и тирану черепъ
 Раскровяните, чужеземцу, трусу
 Безправному, что назвался царемъ
 И, нищій, завладѣлъ наслѣдьемъ вашимъ!
 Не для тебя трудились мы, тиранъ.
 Иди разбойничать въ свою отчизну!
 И знай, пока я живъ, я не отдамъ
 Тебѣ убить дѣтенышей Геракла.
 Изъ пропасти подземной я скорѣй
 Верну опять на божій свѣтъ героя!
 Я видѣлъ отъ него лишь добро, а ты,
 Который разорилъ мое наслѣдье,
 Мѣшаешь мнѣ въ тяжелую минуту
 Геракловымъ сиротамъ помогать.
 Увы, рука, зачѣмъ копья ты ищешь?
 Безсильна ты, и тщетенъ твой порывъ.
 Терпи, старикъ, когда тиранъ кичливый
 Тебя рабомъ, ругаясь, назоветъ...
 О, городъ! Ты раздорамъ и враждѣ

Себя расхитить даль. Не то бы развѣ
Могъ овладѣть тобой какой-то Ликъ?

МЕГАРА.

Благодарю васъ, старцы, понимаю
Вашъ благородный гнѣвъ. Но для чего
Изъ за друзей погибшихъ съ властелиномъ
Вамъ ссориться? А ты, Амфитріонъ,
Теперь послушай рѣчь мою, разумно-ль
Я раскудила. Я люблю дѣтей...
И какъ же не любить рожденныхъ въ мукахъ,
Взлелѣянныхъ. Мнѣ страшно умирать.
Но только чернь безумно тратитъ силы
Въ борьбѣ съ непоправимымъ зломъ. Должны
Старикъ, мы умереть; но пусть не пламя
Врагамъ на посмѣянье насъ пожретъ.
Позоръ намъ было-бъ тяжелѣе смерти
Предчувствовать. Честь дома намъ велитъ
Быть смѣлыми. Твоя былая слава,
Отець, трусливой смерти не допустить.
А мой Гераклъ, неужто хоть на мигъ
Ты могъ-бы, хоть на мигъ о немъ подумать,
Что жизнь дѣтей онъ купить ихъ позоромъ?
Нѣтъ, благородный не въ одномъ себѣ,
Онъ честь свою и въ дѣтяхъ охраняетъ.
Что до меня, отецъ: мнѣ мужъ—законъ.
Теперь послушай, о твоихъ надеждахъ
Что думаетъ Мегара. На возвратъ
Геракла ты надѣешься? Да развѣ
Ты слышалъ, чтобы мертвые вставали?
Разсчитывать на милость Лика?—бредни!
Вообще въ переговоры съ мужикомъ
Входить излишнее. Вѣдь только умныхъ,
Воспитанныхъ покорностью ты тронешь;
Однихъ толковыхъ можно убѣдить.
Изгнанье?... Охъ, я думала объ этомъ!
Да развѣ жизнь изгнанника не мука.
Не нищета сплошная? развѣ онъ
У пріютившаго когда увидитъ

Два дня подъ рядъ радушное лицо?..
 И такъ, отецъ, намъ остается смерти
 Смотрѣть въ глаза. Ты съ нами осужденъ,
 И насъ теперь не бросишь!.. заклинаю
 Тебя твоею благородной кровью...
 Бороться съ повелѣніемъ боговъ —
 Какое жалкое, бесплодное боренье!
 Какая слѣпота! Да развѣ смертный
 Судьбы рѣшенье измѣнилъ хоть разъ?

Корифей.

Когда бы силу прежнюю, Мегара,
 Моимъ рукамъ, пускай бы кто посмѣлъ
 Тебя хоть пальцемъ тронуть, а теперь
 Что я? Старикъ безсильный... Ты, Геракловъ
 Отецъ, придумай, какъ намъ поступать.

Амфитрионъ.

О, нѣтъ, Мегара! Нѣтъ, не ужасъ смерти,
 Не жажду жизни въ сердцѣ я носилъ:
 Дѣтей, дѣтей берегъ я для Геракла.
 Но если сохранить ихъ я не въ силахъ, —
 Эй, ты, палачъ, гдѣ ножъ твой? рѣжь мнѣ горло!
 (Оставляетъ алтарь. Мегара и дѣти за нимъ).

Царь! мы къ твоимъ услугамъ: если хочешь,
 Такъ заколи. не то зарѣжь, съ высокой
 Скалы насъ можешь сбросить. Объ одной
 Молю я милости для матери несчастной
 И для себя: дозвожь намъ умереть,
 Не видя смерти этихъ бѣдныхъ крошекъ,
 Избавь насъ отъ жестокой пытки, Ликъ,
 Мученья смертныя ихъ видѣть, слышать,
 Какъ плача насъ зовутъ они на помощь;
 А остальное дѣлай, какъ рѣшилъ.
 Борьбы и слезъ отъ насъ ты не увидишь.

Мегара.

Ликъ! Къ этой милости, тебя молю,
 Прибавь еще одну. Пускай дворецъ

По слову твоему для насъ отворять:
 Мнѣ бы хотѣлось сыновей Геракла
 Принарядить для смерти: пусть они
 Отцовское наслѣдство хоть надѣнутъ.

Ликъ.

На это я согласенъ, и ведию
 Вамъ отпереть дворець. Веди ихъ въ теремъ;
 Тамъ, если хочешь, золотомъ увѣсь:
 Нарядовъ я для васъ не пожалѣю.
 Когда-жъ на праздникъ тѣло уберешь,
 Я самъ приду убрать его въ могилу. (Уходитъ со стражей. Передъ
 его уходомъ, по его знаку отворяють дворець).

Явленіе III.

Тѣ-же безъ Лика и стражи.

МЕГАРА.

Вставайте, дѣти, и въ отцовскій домъ
 За горемычной матерью идите!
 Нашъ домъ теиерь онъ только по названью.
 (Уходитъ во дворець; дѣти за ней).

Явленіе IV.

Амфитріонъ одинъ.

АМФИТРИОНЪ.

О, Зевсъ! и это ты къ моей женѣ
 Входилъ на ложе, и отцомъ Геракла
 Тебя я называлъ по праву! Стыдъ и горе!
 Неужто-жъ Олимпійца пристыдить
 Придется человѣку, мнѣ: Амфитріонъ
 Не предавалъ врагамъ сиротъ Геракла,
 Какъ ты ихъ предалъ, ты, верховный богъ,
 Умѣющій такъ ловко всѣ препоны
 Съ пути къ чужому ложу удалять.
 Друзьямъ въ бѣдѣ помочь не властны боги:
 Искусства не хватаетъ или сердца. (Уходитъ во дворець).

Первый музыкальный антрактъ.

Строфа I.

По струнамъ цѣвницы златой
 Смычкомъ ¹⁾ Аполлонъ ударяетъ,
 И свѣтлыя пѣсни смѣняетъ
 Тоскливый напѣвъ гробовой.
 Я-жъ гимнъ погребальный Гераклу,
 Сошедшему въ область Аида.
 Изъ крови ли мужа онъ вышелъ,
 Иль Зевсова кровь въ его жилахъ,
 Невольно слагаю изъ пѣсенъ,
 Торжественно яркихъ и свѣтлыхъ...
 Пусть адскою тьмою покрытъ онъ,
 Но доблесть надъ мертвымъ героемъ
 Сіяетъ вѣнцомъ лучезарнымъ.
 Въ рошѣ Кронида сначала
 Страшнаго льва удавилъ онъ,
 На плечи гордо накинувъ
 Шкуру его золотую:
 Пастью кровавой
 Свѣтлыя кудри
 Онъ увѣнчалъ.

Антистрофа I.

И буйныхъ кентавровъ стада
 По скаламъ и зарослямъ лѣса
 Подъ мѣткой стрѣлой Гераклеса
 Къ землѣ прилегли навсегда.
 А видѣли это Пеней
 Вы пѣнно-пучинныя воды,
 Фессалии тучныя нивы,
 Которыя стали пустыней
 Подъ тяжкимъ копытомъ кентавровъ,
 И вы, Пеліонскія выси,

¹⁾ Переводъ неточенъ: πλῆκτρον (v. 350) обозначаетъ орудіе, которымъ не водили по струнамъ, а щипали ихъ, какъ на цитрѣ.

Ущелья Гомола, гдѣ сосенъ
 Бывало себѣ наломаютъ
 Кентавры, въ поля отправляясь.
 Послѣ съ пятнистою шкурой
 Лань положилъ онъ стрѣлю,
 Что золотыми рогами
 Нивы Аркадіи рыла;
 И Артеמידѣ
 Эту добычу
 Онъ посвятилъ.

Строфа II.

Какъ были ужасны еракійскіе кони царя Діомеда,
 Узды они знать не хотѣли и рыскали въ полѣ:
 Изъ челюстей жадныхъ
 Куски человѣчьяго мяса
 Торчали межъ десенъ кровавыхъ;
 Но мощной рукою узду имъ надѣлъ Гераклесь.
 Потомъ, въ колесницу запрягши,
 Заставилъ коней переплыть
 Онъ Гебра сребристо-пучинныя воды.
 И, подвигъ окончивъ, къ царю Евристею привелъ ихъ.
 А на побережьѣ Анавра,
 Возлѣ горы Пеліонской
 Мѣткой стрѣлой уложилъ онъ
 Звѣрское чудище—Кикна.
 Больше проѣзжихъ
 Хищникъ не будетъ
 Подстерегать.

Антистрофа II.

На западной грани земельной есть садъ, гдѣ поютъ Геспериды.
 Тамъ въ зелени древа, склонившаго тяжкія вѣтви,
 Плоды золотые
 Сверкаютъ и прячутся въ листьяхъ;
 И стволъ обвивая, багровый
 То древо безсмѣнно драконъ сторожилъ:
 Убить онъ теперь Гераклесомъ.
 И съ дерева сняты плоды.

Герой и въ морскія пучины спускался
 И весламъ людей покорилъ непокорныя волны.
 Въ горнемъ жилищѣ Атланта,
 Гдѣ опустилося небо
 Къ лону земному, руками,
 Съ нечеловѣческой силой,
 Куполь звѣздистый
 Вмѣстѣ съ богами
 Онъ удержаль.

Строфа III.

Черезъ бездну Евксина
 Къ берегамъ Меотиды,
 Въ многоводныя степи,
 На полки амазонокъ
 Много витязей славныхъ
 За собой онъ увлекъ.
 Тамъ въ безумной охотѣ
 Онъ у варварской дѣвы,
 У Ареевой дщери,
 Златоконанный поясъ
 Въ поединкѣ отбилъ:
 Среди сокровищъ микенскихъ
 Онъ висить и доселѣ.
 Онъ гидрѣ лернейской
 Ея неисчетныя главы спалилъ,
 И ядомъ змѣинымъ
 Онъ мѣткія стрѣлы свои наполнилъ,
 Чтобъ ими потомъ пастуха Геріона убить,
 Три мертвыя тѣла урода на землю сложить.

Антистрофа III.

Много было походовъ,
 И побѣдъ не исчислить.
 Но настала путина,
 Изъ которой возврата
 Не бываетъ для смертныхъ,
 Въ царство мрака и слезъ...
 А Харонъ ужъ на стражѣ:

Скоро онъ и малютокъ
 Увезетъ въ ту обитель,
 Гдѣ ни бога, ни правды,
 Гдѣ безъ выхода домъ.
 На тебя вся надежда,
 А тебя схоронили.

Ты гдѣ, моя сила?
 Съ тобою, о бранный товарищъ, вдвоемъ
 Мы вѣрно-бъ отбили
 Сегодня малютокъ Геракла копьемъ.
 Увы! нашу юность далеко отъ насъ унесло,
 А съ нею и наше счастливое время прошло.

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Явленіе V.

Изъ дворца выходитъ Мегара; за ней еле идутъ испуганныя дѣти въ траурныхъ покрывалахъ. Шествіе замыкаетъ Амфитріонъ.

Корифей (пока они идутъ).

Вотъ, вотъ они! Смотрите: изъ чертога
 Сюда выходятъ. Видишь, впереди
 Идетъ Мегара. Онъ любилъ такъ нѣжно
 Ее, покойный. За собой влечетъ
 Дѣтей она; въ покровахъ погребальныхъ
 Малютки еле тянутся, идти
 Боятся и цѣпляются руками
 За складки пеплоса ея. А вотъ
 И онъ, старикъ отецъ. Прости, товарищъ:
 Изъ старыхъ глазъ моихъ катятся слезы...

МЕГАРА.

Ну, что-же? Гдѣ нашъ жрецъ, и чья рука
 Должна поднять свой ножъ на эту жертву:
 Она готова—шествіе печальное; кого
 Кого тутъ нѣтъ: и старики, и дѣти,
 И матери... О. дѣти, дѣти милыя,
 Насъ разлучать сейчасъ. Зачѣмъ, зачѣмъ

Я родила васъ? для кого росила?
 Кому взростивши отдала?—Врагамъ
 Васъ бросила въ забаву, въ поруганье,
 На смерть позорную. А вы. мои мечты?
 Давно ли вашъ отецъ, малютки, царство
 Свое дѣлилъ вамъ, а теперь отца
 Ужь нѣтъ. А мы?!.. Онъ говорилъ: „ты старшій
 И будешь въ Аргосѣ царемъ; чертогъ
 Тебѣ на долю будетъ Евристеевъ
 И нивы тучныя Пеласгін“. Чело
 Твое онъ украшалъ въ мечтахъ трофеемъ
 Своей побѣды первой—львиной пастью.
 А ты, второй мой сынъ, тебѣ въ удѣлъ
 Фиванское предназначалось царство;
 Мои поля ты выпросить сумѣлъ
 Съ Кадмеей у отца, а въ символъ власти
 Онъ палицу тебѣ опредѣлилъ.
 Дѣдаловъ даръ, предательскій гостинецъ.
 Ты, наконецъ, мой младшій, получалъ
 Эхалию, ту крѣпость, что стрѣлюю
 Отецъ твой добылъ. Такъ мечталъ герой
 Оставить по себѣ три царства дѣтямъ;
 А я невѣсть смышляла сыновьямъ
 Изъ Спарты, изъ Аеинъ или изъ здѣшнихъ
 Красавицъ благородныхъ, чтобъ родней
 Держалось ваше счастье, какъ канатомъ
 Причальнымъ держится у берега триера...
 Мечты ушли. И бракъ, который я
 Для васъ теперь справляю,—невеселый:
 Невѣсты ваши—Парки, и нельзя
 Мнѣ ваше ложе брачное украсить;
 Оно—могила. Дѣти, старый дѣдъ
 Пируетъ съ вами, самъ Андъ вамъ зятемъ,
 И вѣтъ холодомъ отъ брачныхъ похоронъ...
 Простимся-жъ, дѣти милыя! Не знаю,
 Кого изъ васъ прижать мнѣ къ сердцу первымъ,
 Кого послѣднимъ: поцѣлуй кому
 Дать первому, кому послѣдній въ жизни? (Обнимаетъ ихъ, плача).
 О еслибъ, какъ пчела, изъ вашихъ губъ,

Изъ вашихъ глазъ всю скорбь могла я выпить, (цѣлуетъ ихъ)
 Чтобы рѣкою слезъ теперь оплакать
 Васъ и себя съ моею тяжелой мукой.

(Съ усиленъ отрываясь отъ дѣтей).

Къ тебѣ моя послѣдняя мольба,
 О мой Гераклъ, о мой супругъ желанный!
 И если мертвому дано внимать словамъ
 Изъ устъ еще живыхъ, то не отвергни
 Моей мольбы, герой. Старикъ отецъ
 И сыновья твои простились съ жизнью,
 Я свой удѣлъ счастливейшей изъ женъ
 Сейчасъ закончу подъ ножомъ. Не медли-жь,
 Явись, желанный мой, явись хоть тѣнью,
 Могильнымъ призракомъ, видѣнемъ соннымъ!
 И трусовъ тѣнь могильная прогонить,
 И выронить въ испугѣ ножъ палачъ...

Амфитрионъ.

Ну, дочь моя, послѣднія твори
 Приготовленья къ смерти: неизбежный
 Конецъ насталъ.—А я къ тебѣ, Кронидъ,
 Въ послѣдній разъ съ мольбой подьемаю руки:
 Не медли, богъ верховный! если ты
 Спасти дѣтей рѣшилъ, черезъ минуту
 Ужь будетъ поздно.—Ты молчишь, Зевесъ?!
 Ну, что-же? Намъ въ тебѣ разувѣряться
 Не въ первый разъ... (Хору) Вы, старые друзья,
 Примите мой завѣтъ: нашъ вѣкъ коротокъ,
 И надо такъ прожить его, чтобъ утромъ
 О вечерѣ не думать; коли счастливъ
 Теперь ты, такъ и слава Богу! Время
 Совсѣмъ твоихъ желаній исполнять
 Не думаетъ. Приходить день и, грузъ свой
 Сдавъ людямъ, дальше онъ идетъ... Не я ли
 Былъ гордъ и славенъ, счастливъ былъ, и что же?
 День привела судьба, и это счастье
 Онъ смель, какъ вѣтеръ легкое перо.
 Не знаю ужъ, случается-ль, чтобъ счастливъ
 Всю жизнь былъ челоуѣкъ, чтобъ ему

Безсмѣннымъ спутникомъ служила слава. Старцы.
Вы были вѣрными друзьями мнѣ. Простите-жъ
Передъ разлукой вѣчной старику! (Кланяется имъ).

МЕГАРА (всматриваясь въ даль).

Но что со мной? Не можетъ быть... я брежу...
Смотри, отецъ! Вѣдь это онъ, мой мужъ!..

АМФИТРИОНЪ (смотря въ ту же сторону, раз-
дѣльно и съ усмѣшкою).

Не знаю. дочь моя... боюсь повѣрить.

МЕГАРА.

О, прочь сомнѣнія и суевѣрный страхъ!
Вѣдь призраки ночные передъ солнцемъ
Бѣгутъ, старикъ. Нѣтъ, это онъ—твой сынъ,
Котораго такъ долго мы считали
Умершимъ.—(Дѣтямъ) Дѣти милыя, къ отцу
Бѣгите, за одежду ухватитесь,
Чтобъ не ушелъ отъ насъ опять. Онъ—богъ,
Онъ вашъ теперь Зевесъ—спаситель, дѣти.

Явленіе VI.

Пока Мегара говоритъ свои послѣднія слова, со стороны, противоположной той, откуда появлялся хоръ и Ликъ, показывается Гераклъ, въ царской одеждѣ, безъ львиной шкуры, съ лукомъ и колчаномъ. Первые слова онъ говоритъ на ходу.

ГЕРАКЛЬ.

Благословенны вы, мой отчій кровь
И ворота отцовскія! Какъ сладко
Увидѣть васъ и чувствовать, что живъ.
Ба... это что? За воротами дѣти,
На нихъ покровы мертвыхъ; старики
Какіе-то вокругъ жены толпятся...
Отецъ въ слезахъ. Что-жъ это значить? Развѣ
Бѣда какая на моемъ дворѣ?

АМФИТРИОНЪ (подходя къ сыну).

О свѣтъ очей моихъ, о сынъ мой милый,
Спасенный, ты спасенье намъ несешь.
Какъ въ-время—одной минутой позже...

ГЕРАКЛЬ.

Кончай, отецъ! Бѣда стряслась надъ вами?

МЕГАРА (перебивая Амфитріона).

Да, насъ вели на казнь. Прости, старикъ.

Что женщина перехватила слово

Изъ устъ твоихъ. Я дольше не могла

Таить волненіе. Подумать, что малютокъ

Въ своихъ объятяхъ смерть уже держала...

(Закрываетъ лицо руками).

ГЕРАКЛЬ.

Какое страшное начало, Аполлонъ!

МЕГАРА.

Убить отецъ мой и убиты братья.

ГЕРАКЛЬ.

Что слышу? Чей же мечъ ихъ уложилъ?

МЕГАРА.

Ликъ ихъ убійца, новый царь ѳиванскій.

ГЕРАКЛЬ.

Въ бою или въ уوبيщѣ убилъ?

МЕГАРА.

О нѣтъ,—мятежъ доставилъ тронъ тирану.

ГЕРАКЛЬ.

Но ты и мой отецъ, при чемъ же вы?

МЕГАРА.

Ликъ осудилъ на смерть твое семейство.

ГЕРАКЛЬ.

Что-жь? онъ боялся маленькихъ дѣтей?

МЕГАРА.

Ихъ мести будущей боялся за Креонта.

ГЕРАКЛЪ.

ГЕРАКЛЪ (взглядывая на дѣтей).

Но ихъ нарядъ! Такъ въ гробъ кладутъ людей.

МЕГАРА.

Да я и наряжала ихъ для гроба.

ГЕРАКЛЪ.

О, боги! Смерть глядѣла на дѣтей.

МЕГАРА.

Тебя считали мертвымъ. Мы-жъ такъ слабы.

ГЕРАКЛЪ.

Про смерть мою откуда знали вы?

МЕГАРА.

Отъ Евристея были здѣсь герольды.

ГЕРАКЛЪ.

Но кто же изъ дворца васъ могъ прогнать?

МЕГАРА.

Насъ силой выгнали... Отца съ постели...

ГЕРАКЛЪ.

Согнать съ постели старца?! Что за стыдъ!

МЕГАРА.

Стыдъ? развѣ Ликъ знакомъ съ богиней этой?

ГЕРАКЛЪ.

Но я друзей имѣлъ здѣсь, что-жъ друзья?

МЕГАРА.

Друзей искать задумалъ у несчастныхъ!

ГЕРАКЛЪ.

И лавры ужъ Геракловы не въ счетъ?

МЕГАРА.

Опять скажу: съ бѣдой не ладить дружба.

ГЕРАКЛЪ (къ дѣтямъ).

А, ты все здѣсь еще, уборъ гробовъ?..
Прочь съ дѣтской головы! (срываетъ покрывала съ дѣтей).

Смотрите смѣло

На божій свѣтъ, малютки, и забудьте
Про темную могилу. Развѣ кто
Обидитъ Гераклидовъ? Пришлеца
И узурпатора на землю съ трона
Я сброшу: голову вѣнчанную срублю
И кину въ снѣдь собакамъ; а еиванцевъ,
Толпу неблагодарную, вотъ эта (поднимаетъ палицу)
Моя подруга всѣхъ угомонить,
Иль стрѣлы легкія пронизуть; въ волны
Исмена свѣтлаго кровавыя тѣла
Я побросаю, и Диркеи лоно
Окрасится пурпуровой струей.
Ты, длань моя, привыкшая къ работѣ,
Моей семьѣ сегодня послужи!
Побѣды, лавры!—что за прокъ въ побѣдахъ,
Когда готовы были умереть
За побѣдителя Геракла крошки дѣти?
И какъ смѣшно бы было въ самомъ дѣлѣ,
Когда бы послѣ всѣхъ трудовъ герой,
И льва немейскаго, и краснаго дракона
Для Евристея одолѣвшій, отомстить
Не захотѣлъ врагамъ своей семьи,
Побѣды не искалъ бы, безъ которой
Всѣ прочія—ничтожная забава!

Корифей.

Достойно мужа справедливаго идти
Своей охотой на спасенье старца
Отца, супруги милой и дѣтей.

Амфитрионъ.

Опорой для друзей, врагамъ грозю
Ты былъ всегда. Но здѣсь не горячись!

ГЕРАКЛЪ.

ГЕРАКЛЪ.

Ты видишь въ замыслахъ моихъ горячность?

Амфитрионъ.

Довольно и того, что твой приходъ
Врагами былъ замѣченъ. и собратъся
Они имѣли время. Не давай
Теперь врасплохъ застать себя тирану.

ГЕРАКЛЪ.

И горя мало: пусть бы ихъ хоть всѣ
Кадмейцы видѣли меня. да по дорогѣ
Смутилъ меня зловѣщій птичій знакъ:
Я ожидалъ найдти несчастье въ домѣ
И къ вамъ, отецъ, вошелъ я незамѣтно.

Амфитрионъ.

Вотъ и отлично. А теперь поиди
И очагу привѣтъ скажи, пусть стѣны
Отцовскія лицо твое увидятъ.
Ликъ все равно и самъ сюда придетъ
За нами, чтобъ на казнь вести. Тогда ты
Здѣсь во дворцѣ съ нимъ справишься спокойно;
А городъ на ноги не поднимай, мой сынъ,
Пока съ тираномъ счетовъ не покончишь.

ГЕРАКЛЪ.

Благодарю тебя, отецъ, и твой совѣтъ
Исполню. Въ грустномъ царствѣ Персефоны
И Гадеса, гдѣ вѣчный мракъ лежитъ,
Скитался долго я, и поклониться
Роднымъ пенатамъ мнѣ давно пора.

Амфитрионъ.

Ты въ преисподнюю спускался, такъ ли?

ГЕРАКЛЪ.

Оттуда только-что я Кербера привелъ.

Амфитрионъ.

Осилилъ или въ даръ пріялъ отъ Кору?

ГЕРАКЛЪ.

ГЕРАКЛЪ.

Осилилъ, тайнства сподобившись узрѣть.

АМФИТРИОНЪ.

И что же? чудище уже въ Микенахъ?

ГЕРАКЛЪ.

Нѣтъ, въ рошѣ Кору я оставилъ пса.

АМФИТРИОНЪ.

Такъ царь еще объ этомъ и не знаетъ?

ГЕРАКЛЪ.

Всѣхъ васъ спѣшилъ я раньше повидать.

АМФИТРИОНЪ.

Но ты такъ долго пробылъ въ царствѣ Кору?

ГЕРАКЛЪ.

Освобождалъ Тесея я, отецъ.

АМФИТРИОНЪ.

Тесея? гдѣ-жъ онъ? Вѣрно ужъ въ отчизнѣ?

ГЕРАКЛЪ.

Какъ только свѣтъ опять онъ увидалъ,
Сейчасъ же заспѣшилъ въ свои Аѣины.
— Ну, дѣти, полно жаться! Мы пойдемъ
Теперь домой и будетъ веселѣе
Конечно, возвращенье вамъ, чѣмъ выходи.
Но будьте же мужчинами! Опять
Вы плачете. А ты, моя Мегара,
Ты вся дрожишь! Пустите же меня!
Зачѣмъ вы, мальчики, въ меня вцѣпились?
Не птица-жъ въ самомъ дѣлѣ вашъ отецъ,
Что вдругъ возьметъ да улетитъ; и развѣ
Я убѣгу отъ васъ, моихъ любимыхъ?
О, Господи!
Вѣдь не пускаютъ! Какъ клещи впились
Руками въ перекидку!—что тутъ дѣлать?

Что? очень напугались? Ну, впередъ
 Я заберу васъ всѣхъ троихъ и буду
 Большой корабль, а вы за мной, какъ барки.
 Потянетесь. (Поднимаетъ ихъ и идетъ въ ворота. Мегара и отецъ за нимъ).
 Да люди всюду тѣ же:
 Тѣ побогаче, эти побѣднѣе,
 А дѣти всякому свои милы.

Второй музыкальный антрактъ.

Строфа I.

Хорошо человѣку, какъ молодъ!
 Тяжела ему старость.
 Словно Этны тяжелыя скалы
 Долу голову старую клонять,
 И не видитъ онъ божьяго свѣта.
 Дай намъ на выборъ:
 Тронъ Ассирійскій,
 Золота горы,
 Старость съ костей,—
 Молодость спросимъ:
 Въ золотѣ молодъ.
 Въ рубицѣ молодъ,
 Да не завистливъ.
 Завѣйте вы, буйные вихри,
 Несите вы горькую старость,
 Далеко, на синее море!
 Пусть будетъ зарокъ ей положенъ
 Въ жилище входить къ человѣку,
 Пусть вѣчно, земли не касаясь,
 Пушилкой кружится въ эфирѣ.

Антистрофа I.

Еслибъ богъ о насъ думалъ на небѣ,
 Да умнѣй были-бъ люди.—
 Могъ бы добрый двѣ юности видѣть,
 Послѣ смерти весной насладиться.
 А дурные, въ комъ нѣтъ благородства.
 Такъ бы и были:

Отжили вѣкъ свой,
 Да и въ могилу.
 Какъ мореходъ
 Черезъ туманы
 Звѣзды считаетъ,
 Правду на смертныхъ
 Мы бы читали.

Могли бы тогда различать мы,
 Кто истинно былъ благороденъ:
 Печатью бы злые клеймились...
 Нѣтъ божьяго знака на людяхъ;
 Кружить колесо насъ: то склонить,
 То въ гору подниметь, и только
 Богатый вверху остается.

Строфа II.

Нѣтъ, не покину, музы, алтарь вашъ;
 Вы же, хариты, старца любите!
 Истинной жизни нѣтъ безъ искусства...
 Зеленью плюща бѣлыя кудри
 Я увѣнчаю. Лебедь весь бѣлый,
 Но не мѣшайте пѣть ему, люди!
 Пусть онъ былому пѣсню слагаетъ,
 Пусть онъ побѣды славить Геракла
 Когда-жъ полетѣтъ въ чаши
 Даръ Вакха благодатный,
 Иль понесутся звуки
 Цѣвницы семиструнной.
 Иль заиграетъ флейта,
 Оставивъ хороводы,—
 Побудь со мною, муза!

Антистрофа II.

Гимномъ побѣднымъ сына Латоны
 Славятъ, кружася, Делоса дѣвы,
 Праздничной пляской бога встрѣчаютъ;
 Я-жъ, одряхлѣвшій, возлѣ чертога
 Голосомъ слабымъ славлю Геракла.
 Лебедь весь бѣлый, но не мѣшайте

Пѣть ему люди: пѣсня годится,
 Если онъ славить то, что прекрасно.
 Въ героѣ кровь Зевеса,
 Но выше крови знатность
 Дѣла ему стяжали:
 Безъ бурь на бѣломъ свѣтѣ
 Прожить теперь мы можемъ,
 И подъ могучей дланью
 Чудовища смирились.

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

Явленіе VII.

Ликъ (съ прежней стороны), за нимъ Амфитріонъ (изъ дворца).

Ликъ.

Ну, наконецъ-то ты, Амфитріонъ,
 Пожаловалъ! не торопились, видно,
 Для смерти наряжать вы Гераклидовъ,
 Да погробальные покровы выбирать...
 Ну, поскорѣй зови сюда Мегару,
 Пускай дѣтей ведетъ: рѣшили вы
 Безъ споровъ подчиниться мнѣ, не такъ-ли?

Амфитріонъ.

Ликъ! я нуждой придавленъ. и меня
 Легко преслѣдовать, надъ беззащитнымъ
 Ругаться; поскромнѣй бы надо быть
 Тебѣ, хоть и сильнѣе насъ теперь ты.
 Царь нашей жизни требуетъ? Ну, что-жь?
 Конечно, мы должны повиноваться.

Ликъ.

Да гдѣ-жь Мегара? гдѣ ея приплодъ?

Амфитріонъ.

Дверь заперта. Насколько можно слышать...

Ликъ.

Что слышать?... Коли началъ, говори!

Амфитрионъ.

У очага съ дѣтьми Мегара плачеть.

Ликъ.

Но слезы бесполезны ей, старикъ!

Амфитрионъ.

Взываетъ къ мужу тамъ она, и тщетно —

Ликъ.

Геракла нѣтъ, откуда-жъ онъ придетъ?

Амфитрионъ.

А если боги воскресятъ героя?

Ликъ.

Оставь, старикъ. Сноху сюда веди!

Амфитрионъ (раздѣльно).

Ты мнѣ велишь вести на казнь Мегару?

Ликъ.

Всѣ эти тонкости, почтенный, не для насъ.

Я мать съ дѣтьми сейчасъ и самъ доставлю.

Эй, вы, приспѣшники! за мною во дворецъ!

Пора намъ съ плечъ свалить обузу эту. (Уходитъ со стражей).

Явленіе VIII.

Тѣ-же безъ Лика.

Амфитрионъ.

Ушелъ... Небось обратно не придетъ.

Туда тебѣ злодѣю и дорога!

Тамъ полностью получишь свой расчетъ...

Друзья мои! подлѣйшій изъ тирановъ

Въ желѣзную теперь попался сѣтъ;

Острившій мечъ, самъ отъ меча погибнетъ.

Пойди, полюбоваться, какъ его

Уложить. Сладко намъ смотрѣть на кару

Злодѣя нашего, и видѣть смерть врага.

Хоръ.

Довольно бѣдь!

Изъ адской тьмы холодной

Пришелъ насъ царь природный

На вольный божій свѣтъ.

И новая жизнь покатила въ веселой волной:

О, будьте вы, правые боги, со мной!

Корифей.

Не долго Ликъ поцарствовалъ и жизнью

Заплатить онъ за поруганье добрыхъ.

Хоръ.

Слезъ не могу сдержать.

Радости свѣтлыхъ слезъ.

Смѣлъ ли я ждать тебя?

Ты-ли со мной.

Царь мой, природный царь?

Ликъ (за сценой).

Ой. . . . Ой.

Хоръ.

Постой старикъ,

Склони-ка долу ухо:

Тамъ кто-то стонетъ глухо.

А что? вѣдь это Ликъ!

(Стоны продолжаютъ. Слышно паденіе тѣла).

Отрадно намъ слушать, какъ жалобно стонетъ тиранъ,

Какъ валится на земь, терзаясь отъ ранъ.

Ликъ (за сценой).

Всѣ, всѣ ко мнѣ, я въ западнѣ, убить я!

Ой, лихо мнѣ! ой, смерть!

Хоръ.

Жалкій безумецъ ты,

Если на мигъ дерзнешь

Въ мысли кощунственной

Слабымъ признать

Бога всеильнаго.

Корифей.

Друзья! умолкли стоны, и тиранъ
Убить, возславимъ же свободу!

Третій музыкальный антрактъ.

Строфа I.

Завивайтесь кольцомъ, хороводы,
Пируйте священныя Оивы!
Съ солнца счастья сбѣжали тѣни,
И вернулись свѣтлыя пѣсни.
Больше нѣтъ надъ нами тирана.
Адскій мракъ намъ вернулъ героя:
То, что было безумною сказкой,
Непреложной истиной стало.

Антистрофа I.

Безпредѣльна власть Олимпійцевъ
Надъ добрымъ и злымъ человѣкомъ.
Часто смертнаго манить злато,
Къ высямъ славы мечты уносятъ.
Но лишь палицу время подыметъ,
Задрожитъ забывшій про бога;
И летитъ съ высоты колесница,
Вся обрызгана грѣшною кровью.

Строфа II.

Вѣнкомъ уберися, Исмень мой!
Вы, улицы Оивъ, развернитея шире для пляски сегодня;
Приди къ намъ на праздникъ и ты,
Диркея, изъ темной пучины,
И ты приводи своихъ дочекъ, Асопъ!
Пускай эти нимфы
Намъ хоромъ согласнымъ споютъ
Про славныя битвы Геракла!
А вы, геликонскія рощи,
Гдѣ музы живутъ.
Откройтея для звуковъ побѣдныхъ,
Звучите оиванскою славой,
Исконною славой ея земнородныхъ князей!
Тѣ Спарты въ тяжелыхъ доспѣхахъ

Священныя Ѡивы потомкамъ
На славу свою сберегли.

АНТИСТРОФА II.

Рожденье Геракла чудесно:
Къ Персеевой внукъ на ложе безсмертный и смертный входилъ;
Обоихъ пріяла она.
И вѣрилъ всегда, что въ героѣ
Течеть небожителя славная кровь.
Но кто же изъ смертныхъ
Дерзнетъ сомнѣваться теперь,
Когда Олимпіецъ такъ дивно,
Изъ адскаго мрака исторгнувъ,
Геракла явилъ,
Что точно онъ зачатъ былъ богомъ?
Ты царь мой, ты истинный царь мой.
И Ликъ этотъ жалкій ничтоженъ въ сравненьи съ тобой:
Не даромъ, мечомъ пораженный,
На опытъ горькомъ позналъ онъ,
Что въ небѣ есть правда и богъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Явленіе IX.

Набѣгаетъ мракъ. Глухіе раскаты грома. Въ воздухѣ, надъ домомъ Геракла показывается Ирида, крылатая молодая богиня, въ шафранномъ пенлоѣ, и Лисса, страшное, худое созданье, въ черномъ, со змѣями въ черныхъ волосахъ и съ отвратительнымъ лицомъ.

КОРИФЕЙ.

Га! что это?
Иль буря новая грозитъ намъ, старцы?
Смотрите, призраки надъ домомъ поднялись...

ПЕРВЫЙ ПАРАСТАТЬ.

Бѣги! Бѣги!
Охъ, уносите, ноги старья, — бѣги!

ВТОРОЙ ПАРАСТАТЬ.

Царь Аполлснъ!
Владыка, сохрани отъ навожденья!

Ирида (жестомъ успокаивая стариковъ).

Смѣлѣе, люди! Зла мы не хотимъ
 Ни вамъ, ни городу. Со мною Лисса,
 Рожденная отъ Ночи, я-жь—Ирида,
 Боговъ посланница. А ополчились мы
 На смертнаго, который позволяетъ
 Себя звать сыномъ Зевса и Алкмены.
 Пока онъ не свершилъ своихъ трудовъ
 Тяжелыхъ, все судьба его хранила;
 О немъ заботился отецъ Зевесъ, и намъ,
 Мнѣ съ Герой, не давалъ его въ обиду.
 Но порученья Евристея онъ
 Окончилъ, и теперь охрана снята.
 Угодно Герѣ, чтобъ обиду, ей
 Гераклѣмъ нанесенную, онъ кровью
 Своихъ дѣтей сегодня заплатилъ.
 Угодно Герѣ такъ, и мнѣ угодно. (Лиссѣ)
 Ты-жь, брака не познавшая, ты, дщерь
 Глубокой ночи, собери всю злобу
 Въ груди безжалостной! Теперь на мужа,
 Для Геры ненавистнаго, должна ты
 Наслать безумье ярое. Пусть ноги
 Танцуютъ танецъ сумашедшій, мозгъ
 Его горитъ отъ бѣшеныхъ желаній
 Дѣтоубійцы: разнуздай его, заставь
 Своей рукой толкать въ пасть жадной смерти
 Своихъ дѣтей цвѣтущихъ. Пусть познаетъ
 Онъ ненависть царицы и мою
 Оцѣнить! Что-бы стало съ вами, боги,
 Когда-бъ для кары вышнихъ человѣкъ
 Въ величьи оставался недоступнымъ?

Лисса.

Отъ крови знатной я и изъ утробы
 Я вышла благородной. Мой отецъ
 Былъ Небосводъ, а мать зовется Ночью.
 Но какъ богинѣ мнѣ досталась доля
 Противная безсмертнымъ. И самой
 Мнѣ горько посѣщать обитель дружбы.
 Ирида, прежде чѣмъ васъ допустить

До роковой ошибки, я должна вамъ
 Сказать: одумайтесь! Тотъ человекъ,
 Чей домъ ты указала мнѣ, не даромъ
 Извѣстенъ на землѣ и славенъ въ небѣ:
 Онъ сушу непролазную, онъ море
 Суровое смирилъ и отдалъ людямъ,
 Возстановилъ служеніе богамъ,
 Разбойниковъ преступными руками
 Смятенное,—все онъ одинъ. Такъ Герфъ
 Да и тебѣ, Ирида, мой совѣтъ—
 Не трогайте Геракла: это дурно.

Ирида.

Геры планъ, мое рѣшеніе ты не призвана судить.

Лисса.

Но стопы твои на правый путь хочу я обратить.

Ирида.

Да на что-жъ теперь намъ съ Герой доброта твоя, скажи?

Лисса.

Солнце вышнее, ты слышишь? Расскажи-же солнце людямъ,
 Что въ Геракловъ домъ вступаю не своей я вольной волей:
 Такъ царица захотѣла и Ирида приказала;
 И бѣгу я, какъ собака, что за дичью посылають. (Молнія и громъ)
 А теперь, за дѣло, Лисса! И клянуся я, что море
 Такъ не выло въ непогоду, волны тяжкія сдвигая;
 Такъ земля не содрагалась, и, по небу пролетая,
 Столько ужаса и смерти стрѣлы молній не носили,
 Сколько ужаса, и воя, и безумныхъ содраганій
 Принесу я въ грудь Геракла. Я чертогъ его разрушу,
 Размечу колонны дома. Но сперва дѣтей убьетъ онъ;
 Да, своей рукой малютокъ умертвить онъ безъ сознанья...
 Долго, долго послѣ будетъ сонъ его кровавый длиться.
Видишь, видишь,—началось. Голова отъ гнѣва ходитъ;
 Самъ ни звука, точно скованъ. Только бѣлые шары
 Все по впадинамъ катаетъ, да высоко и неровно
 Ходитъ грудь его скачками. Точно быкъ, готовъ онъ прыгнуть...
 Вотъ изъ сдавленнаго горла воздухъ вырвался со свистомъ.

Грознымъ ревомъ смерть зоветъ онъ. Скоро, скоро,—погоди:
 Дикій танецъ затаицуюсь, блѣдный страхъ флейтистомъ будетъ...
 На Олимпъ лети къ безсмертнымъ, благородная Ирида!
 Мнѣ-же надо невидимкой въ этотъ царскій домъ спуститься.
 (Обѣ исчезаютъ).

Хоръ.

Увы мнѣ! Увы мнѣ! Увы мнѣ!
 Ты плачь и стенай,
 Эллада, Эллада!
 Срѣзанъ серпомъ твой цвѣтъ;
 Вотъ онъ, твой славный вождь,
 Адекому визгу внимая,
 Носится въ пляскѣ безумной.
 Вотъ и она
 На колесницѣ
 Царица слезъ...
 Бѣшено мчатъ ее кони.
 Сама же дочь ночи, Горгона,
 Подъятымъ стрекаломъ
 Ихъ колетъ и дразнить;
 А змѣи и вьются и свищутъ
 Средь угольно черныхъ волосъ.
 Трудно богу счастье разрушить?
 Долго-ль малюткамъ дѣтоубійцѣ
 Души отдать?

Амфитрионъ (за сценой).

О, горе! О, горе мнѣ!

Хоръ.

Горе, о Зевсъ!
 Сынъ твой лишится сейчасъ сыновей...
 Онъ грянется на земь, осилень
 Духами бѣшеной злобы и кары,
 Хищнымъ отродьемъ подземнаго царства.

Амфитрионъ (за сценой).

О, горе дому нашему!

Хоръ.

Вотъ въ хороводѣ кружиться пошелъ;

Только тимпановъ не слышно.
Тирсовъ не видно, что Бромію мило.

Амфитрионъ (за сценой).

О, сѣнь моя!

Хоръ.

Вотъ онъ готовится жертву заклать...
Ищетъ козленка для жертвы
Жаждетъ, безумный, Вакховой влаги.

Амфитрионъ (за сценой).

Бѣгите дѣти! Шибче, шибче, дѣти!

Хоръ.

Крики-то, крики-то!
Безумный ловець,
По дому онъ ищетъ дѣтей...
О, Лисса не даромъ пришла пировать:
Безъ жертвы не будетъ.

Амфитрионъ (за сценой).

О, злыя бѣдствія!

Хоръ.

Горе тебѣ
Старый отецъ!
Съ матерью горькой,
Въ мукахъ на муку родившей,
Съ матерью плачу я.

Явленіе X.

Амфитрионъ на минуту показывается изъ дворца, гдѣ съ трескомъ руются колонны и падаютъ стѣны.

Амфитрионъ.

Бѣгите старцы!

Въ чертогахъ буря. валятся колонны.
(Нѣсколько подземныхъ ударовъ, и затѣмъ продолжительный гулъ. Огромный призракъ Паллады съ копьемъ и въ шлемѣ входитъ во дворець.)

Хоръ.

О, боги! Но ты,
Чего же ты ищешь въ чертогахъ.

Дочь Неба Паллада?
 Ты тяжело ступаешь...
 Такъ нѣкогда въ битву
 Съ гигантами шла ты.
 И такъ-же дрожала земля
 До нѣдръ сокровенныхъ.

Явленіе XI.

Вѣстникъ выбѣгаетъ изъ дворца.

Вѣстникъ.

Вы, старцы бѣлые...

Хоръ.

Ты, ты зовешь меня?

Вѣстникъ.

О, что за ужасъ тамъ!

Хоръ.

Надо-ль угадывать?

Вѣстникъ.

Убиты мальчишки...

Хоръ.

Горе намъ, горе намъ!

Вѣстникъ.

Да, плачьте, это стобить слезъ.

Хоръ.

Какъ страшень

Дѣтоубійца былъ, я думаю!

Вѣстникъ.

Какъ страшень былъ, не спрашивай, старикъ:
 У пережившаго нѣтъ словъ для описанья.

Корифей (настоячиво).

Коль видѣлъ ты гнусный тотъ грѣхъ.

Отца и дѣтей поразившій,

Намъ все безъ утайки теперь разкажи:
 Какъ насланный богомъ вошелъ,
 Злой демонъ въ царевы чертоги,
 Какъ дѣтскія жизни сначала,
 А послѣ и стѣны разрушилъ.

Вѣстникъ.

У алтаря Зевесова Гераклъ
 Готовился свой дворъ очистить жертвой
 Отъ крови Лика пролитой, тирана,
 Котораго онъ только что убилъ.
 Его вѣнцомъ прекраснымъ окружали
 И сыновья, и мать ихъ, и старикъ
 Отецъ. А мы, рабы ихъ, тѣсно
 Вкругъ алтаря толпились, и въ ходу
 Уже корзины были, ужъ молчанье
 Хранили мы благоговѣнно. Взявъ
 Горящій уголь, господинъ собирался
 Его въ водѣ священной омочить,
 И вдругъ остановился, озираясь...
 И замолчалъ. И дѣти, и старикъ
 Смотрѣли на него, дивясь, и весь онъ будто
 Сталъ самъ не свой. Тревожно заходили
 Бѣлки въ глазахъ и налилися кровью,
 А съ губъ на бороду густую пѣна
 Закапала; и дикій, страшный смѣхъ
 Сопровождалъ слова его: „Зачѣмъ-же
 „Здѣсь это пламя чистое? Онъ живъ,
 „Аргосскій царь. Два раза что-ль Гераклу
 „Одну и ту же жертву приносить?
 „Вотъ голову добуду Евристея,
 „Тогда заразъ всю пролитую кровь
 „Отъ рукъ отмою. Эти возліянья,
 „Корзины эти—прочъ; а мнѣ, рабы,
 „Подайте лукъ со стрѣлами! А гдѣ же,
 „Гдѣ палица моя? Иду въ Микены;
 „Мнѣ лóмы надобны теперь и рычаги:
 „Циклопы пригоняли аккуратно,
 „По ватерпасу камни, и киркóй
 „Придется видно стѣны разворочать“.

Глазами колесницу сталъ искать;
 Вотъ будто сталъ на передокъ и машеть
 Стрекаломъ. Было и смѣшно глядѣть,
 И жутко намъ. Давно ужъ межъ собою
 Шептались мы: „что-жь это? шутки шутить
 „Нашъ господинъ иль не въ своемъ умѣ?“
 А онъ, гляди, разгуливать пустился
 По дому, сталъ потомъ среди чертога
 И говорить: „вотъ я теперь въ Мегарахъ“.
 А какъ попалъ въ покои, то, какъ былъ.
 Разлегся на роль, завтракать собрался.
 Потомъ, немного отдохнувъ, рѣшилъ,
 Что онъ теперь подходитъ къ рощамъ Истма.
 Тутъ царь, одежду скинувъ, сталъ бороться
 Съ какимъ-то призракомъ и самъ себя,
 Людей какихъ-то пригласивъ къ вниманью,
 Провозгласилъ на играхъ побѣдившимъ.
 Вотъ, наконецъ, въ Микенахъ онъ: къ врагу
 Съ угрозами ужасными подходитъ...
 Тутъ руку мощную Гераклову отецъ
 Остановилъ словами: „Сынъ мой, что-ты
 „Затѣялъ? Брось! Что за игра! Не кровь-ли,
 „Которую ты только что здѣсь пролилъ,
 „Твой разумъ отуманила?“ Но царь
 Его толкаетъ отъ себя, считая
 Отцомъ аргосца, чѣдъ пришелъ молить
 За сына своего. Потомъ стрѣлу онъ
 На лукъ натянутый кладеть, собираясь
 Покончить съ вражьими дѣтьми, а самъ
 Въ своихъ нацѣлился. А мальчики, дрожа,
 Врозь разбѣгаются: одинъ защиты
 У бѣдной матери на лонѣ ищетъ,
 Тотъ за колонну спрятаться бѣжить,
 А третій, какъ испуганная птица,
 Дрожа, забился за алтарь. А мать
 Кричитъ: „Опомнись, мужъ мой! ты родилъ ихъ.
 „И ты-жь убить ихъ хочешь?“ Крикъ и стонъ
 Тутъ поднялись: кричитъ старикъ и слуги,
 А Гераклесъ безумною стопой

Полуокружя ужъ чертитъ у колонны.
 Вотъ мигъ онъ уловилъ.—и прямо въ сердце
 Вонзается стрѣла ребенку; навзничъ
 Онъ падаетъ, и мраморный устоя
 Стѣны дворца онъ въ яркій пурпуръ красить
 Своею кровью. А покуда сынъ
 Духъ испускаетъ, дикій крикъ побѣдный
 Слетаетъ съ губъ отца: „Одинъ итенецъ
 „Готовъ, и тотъ аргосецъ ненавистный
 „Часть долга кровью сына заплатилъ“.
 Затѣмъ изъ лука мѣтится безумный
 Въ другаго сына, что у алтаря
 Себя считалъ покуда безопаснымъ.
 Ребенокъ, видя смерть, со ступеней
 Алтарныхъ бросился къ отцу, стараясь
 Отъ выстрѣла уйдти: ему на шею
 Повисъ малютка и, рукой касаясь
 До бороды, онъ молить о пощадѣ.
 „Отецъ“, онъ говоритъ, „возлюбленный, меня
 „Ты развѣ не узналъ? не Евристеевъ,
 „Я твой, я твой, отецъ. О, пощади!“
 Гераклъ не внемлетъ сыну, онъ ребенка
 Толкаетъ отъ себя: онъ видитъ только,
 Что этой жертвы не возьмешь стрѣлой.
 И вотъ, блуждая озвѣрѣлымъ взоромъ,
 Онъ палицу надъ бѣлой головенкой
 Взмахнулъ высоко, какъ кузнецъ свой молотъ
 Надъ наковальной поднимаетъ, и она
 Малюткѣ черепъ разнесла. Покончивъ съ этой
 Второю жертвой, третьяго убить
 Онъ ищетъ. Но малютку мать успѣла
 Въ покои унести и заперлась.
 Тогда, вообразивъ, что это стѣны
 Циклоповой работы, Гераклесъ
 Свой домъ буравить начинаетъ, стѣны
 Свои ломаетъ; бѣшенныхъ ударовъ
 Не выдержали двери: черезъ мигъ
 Мегара и малютка съ ней одною
 Стрѣлой пронизаны лежатъ... За старцемъ

Погнался царь, да богъ не допустилъ.
 Явился образъ величавый, и признали
 Аенину тотчасъ мы: она легко
 Копьемъ мѣдноконечнымъ потрясала,
 Его сжимая въ шуйцѣ. Прямо въ грудь
 Богиня бросила огромный камень
 Безумному царю и злодѣянья
 Десницею остановила властной...
 Царь на земь рухнулся, и крѣпкій сонъ
 Его сковалъ немедля. А спиною
 Какъ разъ изломъ колонны онъ покрылъ,
 Чтò городила дворъ среди погрома.
 Приободрились мы тогда и, вмѣстѣ
 Съ Амфитріономъ подойдя къ царю,
 Его мы путали и поясами крѣпко
 Къ обломку прикрутили, чтобъ потомъ,
 Когда проснется, новыхъ бѣдъ какихъ
 Не натворилъ. Несчастнѣйшій сномъ тяжелымъ
 Спать и теперь. Да, онъ дѣтей убилъ,
 Жену убилъ,—но равныхъ съ нимъ страданій
 Здѣсь, на землѣ не испыталъ никто.

Четвертый музыкальный антрактъ.

Хоръ.

Было и раньше страшное дѣло:
 Мужей Данаиды убили,—
 Эллада повѣрить не смѣла тогда
 Тому, что аргосскія стѣны узрѣли.
 Но ужаса больше внушаетъ мнѣ доля
 Несчастнаго Зевсова сына.
 Кровавое дѣло иное
 Могу я повѣдать,
 Какъ Прокна сына убила
 Единого музамъ:
 Звучать и поднесъ
 Ея тоскливыя пѣсни.
 Но ты, но ты, отъ котораго богъ отступился,
 Не трехъ-ли убилъ ты, тобою рожденныхъ?

Не трехъ-ли, бѣснуясь,
 На землю дѣтей уложилъ?
 Увы мнѣ! Увы мнѣ! Увы мнѣ!
 Гдѣ слезъ наберу я оплакать тебя?
 Гдѣ пѣсенъ надгробныхъ?
 Гдѣ плясокъ для тризны?

ПЯТОЕ ДѢЙСТВІЕ

Явленіе XII.

Во время первыхъ словъ хора ворота дворца распахиваются, виденъ дворъ и внутренность дома. На первомъ планѣ, среди общаго разгрома виденъ обломокъ колонны, а на немъ спитъ связанный и прикрученный къ камню Гераклъ; около него брошены лукъ и колчанъ, и разсыпаны стрѣлы. Дальше трупы Мегары съ ребенкомъ на груди и двухъ мальчиковъ. Въ глубинѣ сцены Амфитріонъ.

Хоръ.

Га! . . .
 Смотрите! смотрите!
 Подалися створки,
 И настезь открылись
 Ворота высокихъ чертоговъ.
 О, ужась! О, горе!
 Вотъ, вотъ они, дѣти —
 Лежать и не дышать
 Въ ужасномъ сосѣдствѣ
 Съ убійцей отцомъ.
 А онъ-то какъ страшень,
 Осиленный кровью сыновней.
 Опутанъ, завязанъ, прикрученъ,
 Распяленъ на камнѣ колонны!

Корифей.

Вотъ и старикъ... стопой невѣрной онъ
 Едва бредеть подъ грузомъ лѣтъ и горя;
 Такъ птица отлетѣть не хочетъ отъ гнѣзда
 Разбитаго и все по мертвымъ стонеть.

Амфитрионъ (приближаясь).

Тише, тише оиванскіе старцы!
Пусть, развязанный сномъ,
Онъ забвеніе муки вкушаетъ.

Хоръ.

Мои слезы, мои вздохи
Все тебѣ, мой старый вождь.
Все твоимъ прекраснымъ внукамъ
И вѣнчанному побѣдой
Твоему герою-сыну.

Амфитрионъ.

Ахъ, отойдите!
Шумомъ и крикомъ своимъ
Сына разбудите...
Весь онъ размаялся,
Сладко такъ спить онъ.

Хоръ.

Крови-то, крови-то, Господи!

Амфитрионъ.

Сжальтесь, сжальтесь надъ старцемъ!

Хоръ.

Крови-то пролито!

Амфитрионъ.

Тише вы, тише вы, старцы соратники!
Развѣ не можете
Плакать безъ голоса?
Будеть намъ всѣмъ бѣда.
Если проснется сынъ:
Съ камня-то прынетъ,
Путы порветъ;
Всѣхъ перебьетъ тогда,
Въ груды развалинь
Городъ смететь...

ГЕРАКЪЛЪ.

ХОРЪ.

Силъ моихъ, силъ моихъ нѣтъ молчать.

АМФИТРИОНЪ.

Стойте вы тамъ!
Ухо къ груди его
Дайте приблизить мнѣ.
Спать ли онъ? Спать ли-жъ онъ?
(Подходить къ Гераклу и преклоняется къ его груди).

ХОРЪ.

Спать ли онъ?

АМФИТРИОНЪ.

Спать онъ... Но какъ?
Сномъ онъ кровавымъ спать,
Дрѣмой грѣховною...
Спать, а во снѣ
Съ жилы натянутой
Стрѣлы срываются,
Свищутъ и смерть несутъ,
Матери, дѣтямъ смерть...

ХОРЪ.

Плачь-же!

АМФИТРИОНЪ.

О, плачу я.

ХОРЪ.

Внуковъ оплачь!

АМФИТРИОНЪ.

Бѣдныя, горькія...

ХОРЪ.

Сына...

АМФИТРИОНЪ.

Охъ, плачу я!

ХОРЪ.

Старець!

АФИТРИОНЪ.

Постойте-жъ вы! Видите! видите!

Вотъ заворчался! вотъ головой затрясь!

Приподнимается!.. Боги, проснулся онъ...

Спрячь меня, спрячь, дворець!

(Съ движеніемъ, по направленію отъ Геракла).

ХОРЪ.

Богъ съ тобой! ночь еще

Соннымъ забвеніемъ

Сына объемлетъ, ночь...

Амфитрионъ.

Не за себя боюсь,

Старцы-соратники;

Жалкій старикъ,

Смерти-ль бояться мнѣ?..

Но если онъ снова начнетъ

Убийства... но если,

Отцовской кровью запятнанъ,

Все глубже, все дальше...

Въ пучину нечестья...

ХОРЪ.

О, для чего пережилъ ты

День, когда городъ тафійцевъ,

Весь окруженный водою,

Мстя имъ за жениныхъ братьевъ,

Дланью могучей ты рушилъ.

Амфитрионъ.

Старцы!

Я заклинаю васъ, не оставайтесь здѣсь...

Бѣшеный поднялся, кровь его душитъ, кровь...

Будетъ онъ жертвы искать,

Вихремъ безумія

Фивы охватитъ онъ...

Корифей.

О Зевсъ, къ чему весь этотъ гнѣвъ? Зачѣмъ

Въ такое море слезъ ты гонишь сына?

ГЕРАКЛЬ. (Открываетъ глаза и говоритъ медленно).

Га...

Я живъ еще. О Гелиосъ, опять
 Въ твоемъ сѣньѣ и земля, и небо
 Передо мной... Но точно... жаркій вѣтеръ
 Пустыни... опалилъ мнѣ душу... Горячо
 Дыханье, воздухъ вырывается изъ легкихъ
 Неровно такъ... А самъ-то?.. Какъ корабль,
 Прикрученный канатами... Смотрите:
 Веревкой спутаны и грудь, и руки... Что...
 Что подо мною здѣсь? Обломокъ
 Расколотою колонны. А? А это?
 А это что вокругъ меня? Тѣла
 Убитыхъ. Брошень лукъ.. Вотъ стрѣлы
 Разсыпаны... Я такъ ихъ берегу:
 Онѣ—моя защита лучшая... Да гдѣ-жъ я?
 Опять въ аду? Быть можетъ, Евристей
 Меня сослалъ туда вторично... Только
 Гдѣ-жъ тутъ тогда Сизифовъ камень? Нѣтъ,
 Здѣсь Персефона не царить. Такъ гдѣ-жъ я?..
 Я изумленъ, боюсь я, леденѣю отъ ужаса...
 Эй, люди добрые, скажите, гдѣ я, гдѣ я?
 Туманомъ умъ закутанъ мой. Ужели
 Никто не исцѣлитъ его? Узнать
 Я не могу привычныхъ образовъ. Да гдѣ-жъ я?..

Амфитрионъ (подвигаясь къ Гераклу).

Дерзну ли къ горькому приблизиться?

Корифей (съ хоромъ тоже подступая къ Гераклу).

Иду съ тобой, не брошу друга въ горѣ.

ГЕРАКЛЬ (узнавъ Амфитриона).

Отец! Ты плачешь? Ты лицо закрылъ?
 Ты къ сыну будто подойти боишься?

Амфитрионъ.

О, мой Гераклъ! оплаканный, все-жъ мой!

ГЕРАКЛЪ.

Оплаканный? А горе? Гдѣ же горе?

АМФИТРИОНЪ.

Самъ богъ слезу бы пролилъ надъ тобой.

ГЕРАКЛЪ.

Самъ богъ—легко сказать! Да въ чемъ же дѣло?

АМФИТРИОНЪ.

Самъ видишь, если ужъ пришелъ въ себя.

ГЕРАКЛЪ.

Во мнѣ что новое открылъ, отецъ, ты? Что же?

АМФИТРИОНЪ.

Скажи намъ, ты совсѣмъ пришелъ въ себя?

ГЕРАКЛЪ.

Уклончивый отвѣтъ таить несчастье.

АМФИТРИОНЪ.

Коль бѣсъ тебя ужъ пересталъ терзать...

ГЕРАКЛЪ.

Такъ бѣсновался я?.. Совсѣмъ не помню.

АМФИТРИОНЪ.

Я развяжу Геракла, старики? (Подходить и распутываетъ узы Геракла; тотъ садится на камень).

ГЕРАКЛЪ.

А кто-жъ вязалъ меня? О, какъ мнѣ стыдно

АМФИТРИОНЪ.

Что знаешь, знай. Объ остальномъ молчи.

ГЕРАКЛЪ.

Ты-жъ молча объяснишь мнѣ все, не такъ-ли?

АМФИТРИОНЪ.

Ты съ ложа Геры видишь насъ, Кронидъ?

ГЕРАКЛЪ.

ГЕРАКЛЪ.

Ты назвалъ Геру... Местъ ея все дится?

АМФИТРИОНЪ (строго).

Оставь боговъ! иль мало золъ своихъ?

ГЕРАКЛЪ.

Золь, говоришь ты? Развѣ я преступникъ?

АМФИТРИОНЪ.

Ты эти трупы, сынъ мой, узнаешь?

ГЕРАКЛЪ (всматривается въ трупы).

О, горе мнѣ! О, горе! Дѣти... Дѣти...

АМФИТРИОНЪ.

Да, дѣтскій трупъ, мой сынъ,—плохой трофей.

ГЕРАКЛЪ.

Ты говоришь—трофей? Но кто-жъ убилъ ихъ?

АМФИТРИОНЪ.

Ты, лукъ твой и желавшій смерти богъ.

ГЕРАКЛЪ.

Я ихъ убилъ?.. Какъ? какъ? О, вѣстникъ бѣдствій!

АМФИТРИОНЪ.

Бѣснуясь. Слишкомъ страшно все раскрыть.

ГЕРАКЛЪ.

Жены, Мегары, тоже я убійца?

АМФИТРИОНЪ.

Весь этотъ ужасъ дѣло рукъ твоихъ.

ГЕРАКЛЪ.

Какою тучей скорби я окутанъ!

АМФИТРИОНЪ.

Я плачу надъ тобой, мой бѣдный сынъ.

ГЕРАКЛЪ.

Но гдѣ-жъ, отецъ, когда бѣда потряслася?

Амфитрионъ.

У алтаря, при очищенѣ рукъ.

ГЕРАКЛЬ.

А домъ кто рушилъ? Тоже я, бѣснущься?

Амфитрионъ.

Чего-жь ты ждешь еще? Отвѣтъ одинъ:
Повсюду разлито твое несчастье.

ГЕРАКЛЬ.

Я это слушаю, и я еще живу?
Ждетъ счастья дѣтоубійца, видно!
Зачѣмъ съ утеса въ море не прыгну я,
Чего я медлю въ сердце мечъ вонзить,
Какъ слѣдуетъ судьѣ и мстителю?
Что держитъ это тѣло? Что мѣшаетъ
Ему въ огнѣ спастися отъ безчестья,
Жизнь замѣнившаго Гераклу?... Что?

(Хочетъ идти и видитъ приближающаго Тесея).

Ба... остановка для расчета съ жизнью...
Сюда Тесей идетъ, мой лучший другъ:
Сейчасъ нечистаго дѣтоубійцу
Увидать, и увидеть человѣкъ,
Который былъ такъ близокъ мнѣ. Проклятье!
Ни небу, ни землѣ меня не скрыть
Теперь отъ взоровъ этого пришельца:
Пускай же ночь Гераклу осѣнитъ
Хоть голову... Какъ будто мало муки,
Позора за содѣянное зло.
Я запятналъ свой домъ... Иль надо друга
Дѣтоубійцѣ взглядомъ осквернять? (Закрываетъ плащомъ лицо).

ИСХОДЪ.

Явленіе XIII.

Тѣ же и Тесей, въ походной одеждѣ и съ коньемъ. Съ нимъ небольшая свита.

Тесей.

Амфитрионъ! Я прихожу на помощь
Къ Гераклу, а отрядъ вооруженный

Аѳинскихъ юношей оставилъ у рѣки...
 Мы получили вѣсть, что бѣзь Геракла
 Здѣсь Ликъ у васъ престоломъ завладѣлъ
 Насильно. И не медля я рѣшился
 Услугою Гераклу отплатить
 За то, что онъ меня изъ преисподней
 На божій свѣтъ вернулъ. Такъ если только
 Полезна вамъ моя рука иль войско...

Ба...

Но что же это? передъ домою трупы!
 Иль опоздалъ придти я, и уже
 Неслыханное дѣло совершилось?
 Вотъ дѣти? Кто-жъ убилъ ихъ? Вотъ жена,—
 Кто мужемъ былъ ей? Только не сраженъ
 Происходило здѣсь. Малютки развѣ
 Въ бояхъ участвуютъ? Нѣтъ, здѣсь слѣды
 Иного и ужаснаго злодѣйства.

Амфитріонъ.

Увы мнѣ, владыка скалистаго града оливы.

Тесей.

Зачѣмъ ты говоришь „увы“, старикъ?

Амфитріонъ.

Намъ боги послали ужасную кару.

Тесей.

Чьи-жъ дѣти здѣсь оплаканы тобой?

Амфитріонъ.

Ихъ сынъ мой посѣялъ, несчастнѣйшій смертный,
 И онъ же убійца, ихъ кровью покрытый.

Тесей.

Молчи, молчи! Что говоришь ты, старецъ?

Амфитріонъ.

О, если бы неправду я сказалъ!

Тесей.

Ужасное извѣстье!

Амфитрионъ.

Погибли мы, аѳинскій царь, погибли!

Тесей.

Убилъ-то какъ онъ ихъ?

Амфитрионъ.

Желѣзомъ,
Желѣзомъ палицы и ядомъ стрѣль.

Тесей.

Зачѣмъ, старикъ, зачѣмъ?

Амфитрионъ.

Ударъ безумья,
Безумья вселъ плескъ по влагѣ жизни.

Тесей.

Все Геры мечь. Но кто же это тамъ,
Старикъ, сидитъ межъ труповъ?

Амфитрионъ.

Сынъ мой,
То сынъ мой съ своей несказанною мукой,
Когда-то соратникъ боговъ
На выжженныхъ нивахъ гигантовъ...

Тесей.

О, боги! Гоненій судьбы
Кто болѣе вынести могъ-бы?

Амфитрионъ.

Никто, о Тесей, на землѣ
Такихъ испытаній не встрѣтилъ,
И дикіе вихри такіе
Изъ смертныхъ никѣмъ не играли...

Тесей.

Зачѣмъ же голову побѣдную накрылъ онъ?

АМФИТРИОНЪ.

Стыдится тебя онъ, Тесей,
 Стыдится и старцевъ еиванскихъ.
 А пуще дѣтей онъ стыдится,
 Ихъ крови, что пролилъ.

ТЕСЕЙ.

Открой его: мы вмѣстѣ будемъ плакать.

Амфитрионъ (подходя къ сыну, который сидитъ на камнѣ неподвижно, съ покрытой головой).

Дитя мое, сынъ мой!
 Спусти покрывало.
 И тьму отъ очей удали!
 Пусть солнце лице твое видитъ.
 Ты слезъ не стыдися! Смотри, какъ я плачу.
 Неужто за слезы отца
 Ты стыдъ не отдашь свой?
 Смотри, я къ колѣнямъ припалъ,
 Съ мольбою ловлю твою руку.
 Щеки я касаюсь, и плачу.
 Пусть слезы мои.
 Струясь съ рѣсницъ посѣдѣвшихъ,
 Смягчатъ твою ярость,
 Пусть ей не дадутъ
 Геракла увлечь по кровавой стезѣ
 Къ убійствамъ.
 Дитя мое, сынъ мой!

ТЕСЕЙ (тоже подходя въ Гераклу, который сидитъ неподвижно).

Пора, Гераклъ! Не вѣкъ же въ самомъ дѣлѣ
 На ложѣ слезъ тебѣ сидѣть и плакать.
 Открой лицо и другу отзовись!
 Несчастья все равно не скроешь: тучи
 Такой, такого мрака не найдешь.
 Ты боязливо руку отстраняешь
 Мою. Иль даже, говоря съ тобой,
 Себя я оскверняю? Нѣтъ Гераклъ,
 Дѣлать несчастье друга не боюсь я.

Пусть въ счетъ идетъ теперь тотъ день, когда
 Меня на землю вывелъ ты изъ мрака
 Поддѣннаго. Та дружба, что ветшаетъ,
 Мнѣ ненавистна. Какъ? у друга за столомъ
 Отвѣдавъ брашенъ сладкихъ, въ дни невзгоды
 Его корабль покинуть?—Встань, герой,
 И голову несчастную открывъ, хоть разъ мнѣ
 Въ лицо взгляни. О, благородный мужъ
 Ударь судьбы перенесетъ безъ жалобъ. (Открываетъ его).

ГЕРАКЛЬ.

Ты, царь, дѣтей моихъ ужъ видѣлъ трупы?

ТЕСЕЙ.

Все видѣлъ я и обо всемъ узналъ.

ГЕРАКЛЬ.

Узналъ и хочешь, чтобъ на свѣтъ глядѣлъ я?

ТЕСЕЙ.

А отчего-жъ бы нѣтъ? Ты—смертный мужъ,
 И міра божьяго ты осквернить не можешь.

ГЕРАКЛЬ.

Бѣги отъ язвы, смертный, отъ проклятья!

ТЕСЕЙ.

Проклятьемъ другъ не будетъ мнѣ, Геракль.

ГЕРАКЛЬ.

Да. Точно, зла ты отъ меня не видѣлъ.

ТЕСЕЙ.

Ты спасъ меня, дай мнѣ страдать съ тобою.

ГЕРАКЛЬ.

Мнѣ надо много, много состраданья...

ТЕСЕЙ.

Несчастный другъ, и страшная судьба!

ГЕРАКЛЪ.

ГЕРАКЛЪ.

Тесей, ты видѣлъ смертныхъ въ большемъ горѣ?

ТЕСЕЙ.

Нѣтъ, до небесъ главою скорбь твоя.

ГЕРАКЛЪ.

Такъ знай, ея сейчасъ со мной не будетъ.

ТЕСЕЙ.

Иль похвальбой ты пригроишь богамъ?

ГЕРАКЛЪ.

Богамъ? намъ дѣла нѣту другъ до друга...

ТЕСЕЙ.

Молчи, больнѣе падать съ высоты...

ГЕРАКЛЪ.

Наполненъ кубокъ, черезъ край ужъ льется.

ТЕСЕЙ.

Скажи, куда же гнѣвъ тебя влечетъ?

ГЕРАКЛЪ.

Опять въ Андъ, на этотъ разъ ужъ трупомъ.

ТЕСЕЙ.

Обычный выходъ черни—въ сердце ножъ.

ГЕРАКЛЪ.

Сентенція умовъ самодовольныхъ!

ТЕСЕЙ.

И это ты, великій Геракльсь,
Подъявшій столько тяжкихъ испытаній!..

ГЕРАКЛЪ.

Но не такихъ! И испытанью мѣра...

ТЕСЕЙ (не слушая его)
 Защитникъ, неизмѣнный другъ людей...

ГЕРАКЛЪ.

А люди защитятъ меня отъ Геры?

ТЕСЕЙ.

Такъ именемъ Эллады говорю
 Тебѣ: оставь безумную затѣю!

ГЕРАКЛЪ (вставая съ камня).

Нѣтъ, прежде выслушай меня, Тесей!
 Я докажу тебѣ, что право жить
 Гераклъ ужъ потерялъ. Начнемъ съ рожденья.
 Отъ корня я грѣховнаго: отецъ,
 Не смывши крови тестя стараго, поялъ
 Алкмену въ жены. Дѣти отвѣчаютъ
 За ненадежные устои дома. Зевсъ
 Всходилъ на ложе брачное Алкмены.
 Да,—Зевсъ, Тесей. А ты, Амфитріонъ,
 На сына не сердись: тебѣ всецѣло
 Принадлежитъ сыновняя любовь.
 Отъ Зевса только ненависть супруги
 Его я получилъ. Еще у груди
 Я былъ, когда она мнѣ въ колыбель
 Послала змѣй съ горящими глазами.
 А съ той поры, когда вошелъ я въ силу.
 Съ дней юности... Иль надо исчислять
 Труды подъятые? тѣхъ львовъ, гигантовъ,
 Тѣхъ пламя изрыгающихъ чудовищъ,
 Стада кентавровъ тѣхъ четвероногихъ,
 Чтò избивать я долженъ былъ? Змѣю,
 То чудище стоголавое, чтò вѣчно
 Ростило головы взамѣнъ отбитыхъ,
 Я долженъ былъ осилить... Цѣлый рядъ,—
 Неисчислимыя труды мои замкнулись
 Сошествіемъ въ юдоль тѣней, откуда
 Я сторожа въ воротахъ смерти, пса
 О трехъ тѣлахъ, изъ мрака вывелъ къ свѣту.
 Такъ Евристей мнѣ приказалъ... Но вотъ

Предѣльный подвигъ мой, Тесей,—ты видишь
 Тѣла убитыхъ мной дѣтей: то камень
 Послѣдній въ зданіи моихъ несчастій.
 Такой бѣдой придавленный, могу-ль
 Убийцей я остаться въ милыхъ Оивахъ?
 А еслибъ и остался, то дерзну-ль
 Я въ храмъ войти, или къ друзьямъ на праздникъ
 Идущимъ присоединиться? Нѣтъ, Тесей,
 Проклятье, надо мной висящее,
 Людей страшить должно. Нельзя и въ Аргось
 Изгнаннику. Такъ дальше на чужбину
 Быть можетъ? Да, чтобы встрѣчать повсюду
 Взглядъ непріязненный и ненависть.
 Геракла всюду знаютъ. Каково
 Услышать, какъ надменный чужестранецъ.
 Указывая на тебя, промолвить:
 „А, это тотъ Гераклъ, сынъ Зевеса,
 „Который перебилъ свою семью.
 „Пусть уходилъ бы онъ куда подальше!“
 Вѣдь до того дойдетъ, что ужъ не люди,
 А рѣки, море, земли закричатъ:
 „Назадъ—не смѣй касаться насъ, несчастный!“
 Что-жъ или обратиться напоследокъ
 Мнѣ въ Иксіона, съ вѣчнымъ колесомъ
 Изъ пламени, которое онъ крутитъ?
 . . . И всетаки я долженъ жить? Да жизнь-то
 Подъ бременемъ проклятья развѣ—жизнь?
 Нѣтъ, пусть она теперь, свѣтлѣйшая
 Супруга Олимпійца, танецъ свой
 Побѣдный пляшетъ тамъ, на горной выси
 Зевесовой, и подъ ея стопой
 Гора дрожить! Свершилась воля Геры:
 Эллады первый мужъ низвергнуть, домъ
 Его въ обломкахъ, скрыть до основанья...
 И это—богъ... Молиться могутъ ей...
 Изъ ревности къ какой-то смертной, мужа
 Красой привлекущей, мститъ она тому,
 Кто эллинамъ оградой былъ, спасалъ ихъ;
 И чью-жъ вину онъ долженъ искупать?

Корифей.

Да, это вѣрно: все твое несчастье
Отъ Геры, а не отъ другихъ боговъ.

Тесей.

Не спору: легче требовать терпѣнья,
Чѣмъ самому терпѣть отъ рукъ судьбы.
Но гдѣ тотъ человѣкъ, тотъ богъ, скажи мнѣ,
Который бы, грѣха не зная, жилъ?
Послушаешь поэтовъ, что за браки
Творятся въ небѣ незаконные!
А развѣ не было, скажи мнѣ, бога,
Который, въ жадѣ трона, надъ отцомъ
Ругаясь, заковалъ его? И что же?
Они живутъ, какъ прежде, на Олимпѣ,
И бремя преступленій не гнететь ихъ.
Такъ какъ же смѣешь ты, ничтожный смертный,
Невыносимой называть судьбу.
Которой боги подчиняются? Ты въ Оивахъ,
Обычаю покорный, жить не долженъ.
Но въ градъ Паллады ты войдешь за мной;
Отъ крови пролитой очистивъ руки,
Я дамъ тебѣ пріютъ и прокормлю:
Дары, которыми аеиняне почтили
Меня за Критскаго быка. и дважды семь
Дѣтей, спасенныхъ мной, — они твои.
Имѣнія мои — по всей странѣ: покуда
Живешь ты, ты — хозяинъ полный ихъ.
Когда же смерть тебя въ юдоль Аида
Опуститъ, алтаремъ почетнымъ, жертвой
Почтить героя весь аеинскій край.
Наградой же Аеинъ достойной будетъ
Та слава, что въ Эладѣ мы пожнемъ
За помощь мужу славному въ несчастьѣ.
Позволь и личный долгъ мнѣ уплатить:
Надежный другъ теперь Гераклу нуженъ.

Гераклъ.

Увы, Тесей, меня въ моей печали
Теперь игра ума не веселить...

Къ тому же я не вѣрилъ и не вѣрю,
 Чтобъ богъ вкушалъ запретнаго плода,
 Чтобъ на рукахъ у бога были узы,
 И богъ одинъ повелѣвалъ другимъ.
 Нѣтъ, божество само себѣ довлѣтъ:
 Все это бредни дерзкія пѣвцовъ.

Довольно... Я не скрою, что сомнѣнемъ
 Теперь охваченъ я, не точно-ль трусь
 Самоубійца. (Въ раздумѣ) Да, кто не умѣтъ
 Противостать несчастью, тотъ и стрѣлъ
 Врага, пожалуй, испугается... Я долженъ
 И буду жить... Съ тобой, Тесей, пойду
 Въ Аѳины. Какъ тебя благодарить
 За дружбу и подарки, я не знаю.
 Я вынесъ тысячи трудовъ и мукъ
 Я безъ числа вкусилъ, не отказавшись
 Ни отъ одной, и никогда изъ глазъ
 Моихъ слеза не выпала. Не думалъ,
 Что мнѣ придется плакать, но судьбѣ
 Теперь какъ рабъ я повинуюсь.

(Плачетъ, потомъ къ отцу). Старецъ,
 Я ухожу въ изгнанье. Я—убійца
 Своихъ дѣтей; возьми ихъ, о отецъ,
 И схорони, почти слезой надгробной:
 Любви услугу эту я не смѣю
 Имъ оказать. Ты положи дѣтей
 На грудь ихъ матери, ты ихъ отдай ей:
 Пусть вмѣстѣ и покоятся, какъ вмѣстѣ
 Убилъ ихъ я неволей. Въ Оивахъ ты
 Останься жить; хоть трудно, да смиришь,
 Неси со мной, отецъ, мое несчастье.

(Подходить къ трупамъ дѣтей и жены съ прощаньемъ).
 Вы, дѣти, мной рожденныя и мной же
 Убитыя! Всю жизнь трудился я,
 Чтобъ вамъ оставить лучшее наслѣдство,
 Какое дѣтямъ оставляютъ,—имя.
 Но вы отцовской славы не вкусили.
 Прости и ты, жена, убійцѣ. Плохо
 Вознаградилъ тебя твой мужъ за то,

Что съ робкимъ и упорнымъ постоянствомъ
 Ему ты ложе чистымъ берегла,
 И столько лѣтъ... Моя Мегара, дѣти!
 Вамъ мертвымъ горе, горе и убійцѣ!
 О, дайте-жъ передъ вѣчнымъ разставаньемъ
 Съ лобзаніемъ послѣднимъ къ вамъ прижаться!
 Какъ горекъ этотъ сладкій поцѣлуй (плача цѣлуетъ мертвыхъ),
 Я длю его... А вотъ и лукъ... Какъ тяжко
 Его мнѣ видѣть... Братъ или не братъ?
 Онъ при ходьбѣ, стучась о бокъ, мнѣ скажетъ:
 „Ты мной убилъ жену и сыновей,
 „Ты носишь на плечѣ убійцу кровныхъ“.
 Не братъ?.. Но какъ же бросить тотъ dospѣхъ,
 Съ которымъ подвигъ я свершилъ славнѣйшій
 Изъ всѣхъ, въ Элладѣ виданныхъ, себя-жъ,
 Владѣльца стрѣлъ, обречь безславной смерти
 Отъ вражеской руки?.. (Беретъ лукъ и собираетъ въ кочанъ стрѣлы).

Товарищъ бранный!

Носить тебя, страдая, но носить!
 А ты, Тесей, мнѣ помоги теперъ
 Свести къ царю Кербера, не отважусь
 Идти одинъ, тоской совсѣмъ измученъ...
 Васъ, напоследокъ, Фивы, я зову
 Сюда, народъ кадмейскій: остригитесь,
 Надѣньте трауръ и на погребенье
 Дѣтей моихъ придите: плачь, стеной,
 Земля еиванская, по мертвыхъ и живомъ,
 Всѣхъ Гера насъ въ одинъ связала узелъ. (Садится опять на камень).

Тесей.

Приподнимись, несчастный. Будетъ плакаты!

Гераклъ.

Какъ камень ноги. Силъ не соберу.

Тесей.

Что? видно, и могучихъ ломить горе.

Гераклъ.

Я камень, камень... Какъ забыть я могъ?
 О, горе!..

ГЕРАКЛЬ.

ТЕСЕЙ.

Не плачь, мой бѣдный другъ, и дай мнѣ руку.

ГЕРАКЛЬ.

Ты осквернишься: вся рука въ крови.

ТЕСЕЙ.

Смѣлѣй бери! я не боюсь скверны.

ГЕРАКЛЬ.

Бездѣтному ты точно добрый сынъ...

ТЕСЕЙ.

Идемъ, Гераклъ, берись за плечи друга (приподнимаетъ Геракла).

ГЕРАКЛЬ.

Ты—вѣрный, я-жъ, Тесей,—несчастный другъ.

ТЕСЕЙ (беря его за плечи подвигаетъ къ выходу).

Впередъ! я подѣлюсь съ тобою счастьемъ.

ГЕРАКЛЬ.

Отецъ, видалъ ли ты такихъ, какъ онъ?

АМФИТРИОНЪ.

Да счастливъ городъ, чтò раститъ подобныхъ!

ГЕРАКЛЬ.

Постой, Тесей, постой!

Дай кинуть взглядъ прощальный на дѣтей.

ТЕСЕЙ.

Иль сердца боль отъ этого смягчится?

ГЕРАКЛЬ (направляясь къ отцу).

Къ груди отца прижаться дай, Тесей!

АМФИТРИОНЪ.

О, сынъ мой, дай обнять тебя и старцу! (Обнимаетъ его; плачутъ оба).

ТЕСЕЙ.

Гдѣ подвиги твои, герой, гдѣ стойкость?

СОДЕРЖАНІЕ
ТРИСТА-ДВѢНАДЦАТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.
(іюль и августъ 1897 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Именные Высочайшіе указы, данныя Правительствующему Сенату.

	СТРАН.
19-го мая 1897 года	3
3-го іюля 1897 года	39

Высочайшія повелѣнія.

1. (25-го апрѣля 1897 года). Объ утвержденіи дополненій и измѣненій въ примѣненіи къ Кавказскому учебному округу правилъ о производствѣ испытаній и выдачѣ свидѣтельствъ на льготу 3-го (бывшій 4) разряда по воинской повинности, утвержденныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 16-го ноября 1885 года	3
2. (22-го января 1897 года). Объ учрежденіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ единовременной денежной преміи имени А. Ю. Давидова	39
3. (5-го мая 1897 года). Объ усиленіи личнаго состава инспекціи въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ	40
4. (5-го мая 1897 года). О правахъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института по выпискѣ изъ за границы печатныхъ произведеній, рукописей и учебныхъ предметовъ и по приобрѣтенію имущества	—

5. (12-го мая 1895 года). Объ увеличені пособия на содержаніе Археологическаго института въ С.-Петербургѣ	41
6. (12-го мая 1897 года). Объ учрежденіи должности инспектора народныхъ училищъ Карсской области	42
7. (12-го мая 1897 года). О преобразованіи Борисоглѣбской Александровской шестиклассной прогимназіи въ полную гимназію	—
8. (29-го мая 1897 года). Объ учрежденіи въ городѣ Барнаулѣ семикласснаго реальнаго училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія	43
9. (2-го іюня 1896 года). Объ учрежденіи при Пятигорскомъ городскомъ училищѣ низшей ремесленной школы	44
10. (2-го іюня 1897 года). О назначеніи Императорскому Московскому Археологическому обществу постояннаго пособия на устройство археологическихъ сѣздовъ	45

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

19-го мая 1897 года	5
30-го мая 1897 года	6
6-го іюня 1897 года	11
13-го іюня 1897 года	—
19-го іюня 1897 года	46
3-го іюля 1897 года	47
5-го іюля 1897 года	49
9-го іюля 1897 года	50
12-го іюля 1897 года	—

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (20-го февраля 1897 года). Положеніе о стипендіи имени Владимира Носенкова при Московскомъ реальномъ училищѣ	12
2. (25-го февраля 1897 года). Положеніе о стипендіи имени вдовы статскаго совѣтника Софьи Ивановны Яковлевой при Московской 1-й гимназіи	13
3. (25-го февраля 1897 года). Положеніе о стипендіяхъ имени отставнаго подполковника А. П. Лачинова при Московской 2-й мужской гимназіи	14
4. (12-го марта 1897 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго заслуженнаго преподавателя пятой С.-Петербургской гимназіи Константина Краевича	15
5. (25-го марта 1897 года). Положеніе о стипендіи при Елецкой мужской гимназіи имени бывшаго елецкаго уѣзднаго предводителя дворянства Михаила Александровича Стаховича	16
6. (3-го апрѣля 1897 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Астраханскаго биржеваго общества при Астраханской мужской гимназіи	17
7. (5-го апрѣля 1897 года). Положеніе о второй стипендіи имени красноярскаго купца Василя Философовича Васильева при Томской гимназіи	18

8. (5-го апрѣля 1897 года). Положеніе о стипендіяхъ при Виленской 1-й гимназіи имени отставнаго подпоручика Ивана Михайловича Шеміотъ-Полочанскаго 19
9. (17-го апрѣля 1897 года). Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Ивана Ивановича Кронберга при Тверской мужской гимназіи 20
10. (23-го апрѣля 1897 года). Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Николая Егоровича Зайкевича при Мелитопольскомъ реальномъ училищѣ —
11. (23-го апрѣля 1897 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго предсѣдателя Каменецъ-Подольскаго окружнаго суда, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Николая Владиміровича Римскаго-Корсакова при Каменецъ-Подольской гимназіи 21
12. (27-го апрѣля 1897 года). Положеніе о стипендіи имени коллежскаго совѣтника Михаила Ивановича Иванова въ мужскомъ училищѣ при евангелическо-лютеранской свв. Петра и Павла церкви въ Москвѣ 22
13. (16-го мая 1897 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго заслуженнаго профессора, инженеръ-технолога, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петра Алексѣевича Аванасьева, учрежденной въ Технологическомъ институтѣ Императора Николая I 23
14. (22-го мая 1897 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго тайнаго совѣтника Иосифа Васильевича Бертенсона при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ 24
15. (5-го апрѣля 1897 года). Положеніе о стипендіи Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ при Александровской женской прогимназіи. 55
16. (5-го апрѣля 1897 года). Положеніе о стипендіяхъ въ ознаменованіе Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны при Мышкинскомъ городскомъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищѣ 56
17. (5-го апрѣля 1897 года). Положеніе о стипендіи Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ при Александровскомъ трехклассномъ городскомъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищѣ 57
18. (5-го апрѣля 1897 года). Положеніе о стипендіяхъ въ ознаменованіе Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны при Заславскомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ 58
19. (7-го апрѣля 1897 года). Положеніе о стипендіи имени генераль-лейтенанта Павла Львовича Волоцкаго при Виленскомъ Маріинскомъ высшемъ женскомъ училищѣ 60
20. (25-го апрѣля 1897 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго Мало-Вишерскаго посадскаго головы Михаила Петровича Варасова при Мало-Вишерскомъ городскомъ училищѣ --
21. (1-го мая 1896 года). Положеніе о стипендіи имени тайнаго со-

вѣтника Евгенія Васильевича Богдановича при Ирбитскомъ трех- классномъ городскомъ училищѣ	61
22. (2-го мая 1897 года). Положеніе о стипендіяхъ имени потом- ственного почетнаго гражданина Александра Сергѣевича Александрова, при Казанской Марининской женской гимназіи	62
23. (5-го іюня 1890 года). Положеніе о стипендіи при Екатерин- бургской женской гимназіи, учреждаемой въ память бывшей ученицы сей гимназіи Ольги Егоровны Магницкой	63
24. (9-го іюня 1897 года). Положеніе о стипендіи имени купца Дмитрія Павловича Соколова при Верхнедѣпровскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ	64
45. (14-го іюня 1897 года) Положеніе о стипендіяхъ Именъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александр- овича, Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны и Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны при училищѣ для дѣтей бѣдныхъ лицъ иностранныхъ исповѣданій въ С.-Петербургѣ	63
26. (14-го іюня 1897 года). Положеніе о стипендіи Имени въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра I при училищѣ для дѣтей бѣдныхъ лицъ иностранныхъ исповѣданій въ С.-Петербургѣ	66

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ 25 и 67**

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ 26 и 71**

**Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета министерства на-
роднаго просвѣщенія по техническому образованію . 32 и 72**

Открытіе училищъ	35
Первое дополненіе къ „Опыту каталога ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній“ вѣдомства министерства народнаго про- свѣщенія, составленному въ 1889 году и напечатанному вторымъ изда- ніемъ въ 1896 году (окончаніе)	

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Л. Н. Майковъ. Молодость В. К. Тредіаковскаго до его поѣздки за границу (1703—1726)	1
Д. М. Позднѣевъ. Основныя теченія государственной жизни Китая въ XIX вѣкѣ	23
А. И. Кирпичниковъ. Историческій обзоръ иконописныхъ изображеній Богоматери	45

М. В. Довнаръ-Запольскій. Западно-Русская сельская община въ XVI вѣкѣ	73
Н. А. Умовъ. Николай Алексѣевичъ Любимовъ (1830—1897) . . .	129
Е. В. Пѣтуховъ. Слѣды непосредственнаго вліянія нѣмецкой литературы на древне-русскую	145
П. А. Ровинскій. Черногорія въ исторіи и литературѣ Италіи и ихъ взаимное политическое положеніе	207
Е. Щепкинъ. Русско-австрійскій союзъ во время семилѣтней войны	243
Ю. А. Веселовскій. Франсуа Виллонъ и его значеніе въ исторіи французской литературы	302

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Д. В. Айналовъ. Русскіеклады. Изслѣдованіе древностей велико-внѣжскаго періода. <i>Н. Кондакова</i> . Т. I. С.-Пб. 1896.	159
И. А. Тихомировъ. <i>В. Е. Дамилевичъ</i> . Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV столѣтія. Кіевъ. 1896.	172
Н. Н. Платонова. Автобіографія Н. С. Соханской (Кохановской). Со вступительною статьей и подъ редакціей <i>С. И. Пономарева</i> . Москва. 1896	176
Н. В. Я. А. <i>Ф. графъ фонъ-Шаккъ</i> . Исторія норманновъ въ Сициліи. Переводъ съ нѣмецкаго <i>Н. М. Соколова</i> . С.-Пб. 1896	180
Н. И. Бакстъ. Наука о жизни. Общедоступная физиологія чловека. Составилъ <i>В. Луцкевичъ</i> . С.-Пб. 1894	183
В. Абаза. Возраженіе на рецензію анонимнаго рецензента моего учебника исторіи Россіи	188
Замѣчаніе на „возраженіе“ г. Абазы	200
В. А. Ульяницкій. <i>С. Жигаревъ</i> . Русская политичека въ восточномъ вопросѣ,—ея исторія, критическая оцѣнка и будущія задачи. Москва. 1896	356
А. Мионовъ. <i>Гр. Павлуцкій</i> . О жанровыхъ сюжетахъ въ греческомъ искусствѣ до эпохи эллинизма. Кіевъ. 1894	392
А. Вязигинъ. Князь <i>Е. Н. Трубецкой</i> . Религіозно-общественный идеаль западнаго хрисіанства въ XI вѣкѣ. Идея божескаго царства въ твореніяхъ Григорія VII и публицистовъ, его современниковъ. Выпускъ I и II. Кіевъ. 1897	410
Книжныя новости	201 и 436

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Наша учебная литература (разборъ 12 книгъ)	1 и 17
--	--------

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Объ окончательныхъ экзаменахъ въ реальныхъ училищахъ въ 1895 году	1
Д. Я. Самоковъ. Архивный инвентарь	57
Наши учебныя заведенія: Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1895 году	78
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	126
А. Т. Письмо изъ Рима	135

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Ө. Ө. Соколовъ. Въ области древней исторіи	1 — 39
И. Ө. Анненскій. Гераклъ. Трагедія Еврипида	36 и 49 — 29

Овъявленія.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Изданія А. А. РАДОНЕЖСКАГО:

„РОДИНА“.

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАСНАГО ЧТЕНІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Изданіе пятнадцатое. 1896 г.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскихъ и народныхъ училищахъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, въ качествѣ хорошаго учебнаго пособия, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ качествѣ руководства для церковно-приходскихъ школъ. Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Е. и И. Императорскаго Величества в Канцеляріи рекомендуется, какъ полезное пособие для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ прогимназій.

„УРОКИ ТЕОРИИ СЛОВЕСНОСТИ“.

(Примѣнительно къ программѣ для духовныхъ семинарій).

Цѣна 75 коп.

ИЗДАНИЕ ПЯТОЕ. 1896 г.

Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ—въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ И ПИСЬМЕННЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ И НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ“.

Второй годъ обученія. Изданіе седьмое, безъ перемѣнъ. 1896 г.

Одобрена Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ въ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ въ качествѣ книги для класснаго и вѣнкласснаго чтенія.

Цѣна 45 коп.

„СОЛНЦЫШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ рисунками. Изданіе шестое, дополненное, 1895 г. Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія для класснаго и вѣнкласснаго чтенія; Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ. Посвящена священной памяти въ Востѣ починнаго Императора Александра Николаевича.

Цѣна 50 коп.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЛА И РАЗОСЛАНА ПОДПИСЧИКАМЪ

МАЙСКО—ІЮНЬСКАЯ КНИЖКА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ:

„РУССКАЯ ШКОЛА“:

Содержаніе майско—іюньской книжки слѣдующее: 1) Правительственныя распоряженія по учебному вѣдомству; 2) К. Д. Ушинскій въ Симферополѣ въ 1870 году (по личнымъ воспоминаніямъ). И. П. Дерячева; 3) Воспитательныя идеи Г. С. Сковороды. С. Р.; 4) Очерки изъ жизни С.ской гимназій въ пятидесятихъ годахъ (отрывки изъ гимназическихъ воспоминаній). Н. Бундава; 5) Развитие женскаго образованія до Я. А. Каменскаго и заслуги его въ этомъ дѣлѣ. Марія Холодникъ; 6) Идеалы и дѣйствительность средняго образованія въ Англій. П. Г. Милуева; 7) Новая русская педагогія, ея главнѣйшіе идеи, направленія и дѣятели. (Продолженіе). П. Ф. Каптерева; 8) О школьныхъ болѣзняхъ и мѣрахъ, предупреждающихъ ихъ развитіе. Д-ра В. Ф. Ялубовича; 9) Живая мысль. Н. Тулинова; 10) Объ идеалахъ церковной и свѣтской школы. Вл. Тихомирова; 11) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1896 года. (Окончаніе). И. П. Бѣлокомскаго; 12) Народное образованіе въ Чистопольскомъ уѣздѣ съ 1864 до 1895 года. Никифора Вязова; 13) О наглядно-звуковомъ методѣ обученія грамотѣ. Н. Страхова; 14) Способы и приемы обученія правописанію. (Окончаніе). В. Г. Зимницкаго; 15) О желательной постановкѣ преподаванія сельскохозяйственной экономіи и земледѣльческой механики. П. А. Загорскаго; 16) Критика и библиографія: (35 рецензій); 17) Педагогическая хроника: а) Изъ хроники народнаго образованія въ западной Европѣ. Е. Р.; б) Хроника народнаго образованія. Я. В. Абрамова; в) Хроника народныхъ библиотекъ. Его-же; г) Хроника воскресныхъ школъ; е) Хроника профессиональнаго образованія. В. Б-ча; ф) Одна изъ попытокъ проведенія въ народъ сельскохозяйственныхъ знаній черезъ духовенство. Мих. Витовскаго; г) Столѣтіе вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи; h) Къ характеристикѣ дешевыхъ сельскихъ школъ; i) Постоянная коммиссія народныхъ чтеній въ Петербургѣ; к) Всеобщее обученіе въ Петербургѣ; л) Къ вопросу о введеніи всеобщаго образованія въ С.-Иб. губерніи; m) Первоначальное образованіе въ Каменецъ-Подольскѣ; n) Новое общество для содѣйствія народному образованію; o) Вопросы перво-

начальнаго образованія въ Тульскомъ земствѣ; р) Первоначальное образованіе въ Нижегородской губерніи; q) Кіевскій пріютъ для дѣтей рабочихъ; r) Печальный случай со школами; s) Общество пособія учащимся въ Нижнемъ-Новгородѣ; t) Общество попеченія о больныхъ и бѣдныхъ дѣтяхъ; u) Въ обществѣ доставленія средствъ высшихъ женскимъ курсамъ; v) Отъ редакціонной комиссіи Кіевского общества грамотности (открытое письмо); w) Объявленіе о приѣмѣ на С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы; 18) Разныя извѣстія и сообщенія; 19) Объявленія.

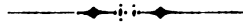
Продолжается подписка
НА
„РУССКУЮ ШКОЛУ“
за 1897 годъ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе десяти печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкою — **ШЕСТЬ руб. 50 коп.**, для иногороднихъ съ пересылкою — **СЕМЬ руб.**, за границу — **ДЕВЯТЬ руб.**

Учителя и учительницы сельскихъ школъ, выписывающіе журналъ за свой счетъ, пользуются уступкою въ одинъ рубль. Земства, выписывающія не менѣе 10 экз. журнала, пользуются уступкою въ 10%.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголь Лиговки и Бассейной, гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ.*

1897 годъ.

годъ VIII.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ

38-я КНИГА (май—июль) ЖУРНАЛА

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“

издаваемого Московскимъ Психологическимъ Обществомъ.

Содержаніе: *Вл. С. Соловьевъ.*—Понятіе о Богѣ. *Г. Е. Струве.*—Способности и развитіе философствующаго ума. *А. Н. Гилърогъ.*—Предсмертныя мысли нашего вѣка во Франціи. *Л. М. Лопатинъ.*—Спиритуализмъ, какъ психологическая гипотеза. *В. О. Ключевскій.*—Западное вліяніе въ Россіи XVII вѣка (историко-психологическій очеркъ). *П. П. Соколовъ.*—Факты и теорія цвѣтнаго слуха. *Н. Д. Виноградовъ.*—Биологическій механизмъ и матеріализмъ. *П. К. Энгельмейеръ.*—Теорія познанія Эрнста Маха. *Г. Ф. Шершеневичъ.*—По поводу вниги *Вл. С. Соловьева.* „Оправданіе добра“. *Полемика* I). *Вл. С. Соловьевъ.* Замѣчанія на статью проф. *Г. Ф. Шершеневича.* II). *Б. Н. Чичеринъ.* Еще объ идеализмъ. III). *Кн. С. Н. Трубецкой.* Нѣсколько словъ въ отвѣтъ *Б. Н. Чичерину.*—*Критика и библиографія:* I) Обзоръ внигъ. II) Обзоръ журналовъ. III) Новости иностранной философской литературы.—*Психологическое Общество. Известія и замѣтки.*

Условія подписки: на годъ безъ доставки—6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города—7 р., за границу—8 р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 р.

Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимаются только въ конторѣ редакціи.

Подписка, кромѣ книжныхъ магазиновъ, принимается въ конторѣ журнала: Москва, Большая Никитская, д. 2—24 (въ помѣщеніи журнала „Русская Мысль“).

Предсѣдатель Московскаго Психологическаго Общества
Н. Я. Гротъ.

Редакт.: *Л. М. Лопатинъ* и *В. П. Преображенскій.*

Изданія А. А. РАДОНЕЖСКАГО:

„РОДИНА“.

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Изданіе пятнадцатое. 1896 г.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскихъ и народныхъ училищахъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, въ качествѣ хорошаго учебнаго пособия, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ качествѣ руководства для церковно-приходскихъ школъ. Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи рекомендуется, какъ полезное пособие для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ прогимназій.

„УРОКИ ТЕОРІИ СЛОВЕСНОСТИ“.

(Примѣнительно къ программѣ для духовныхъ семинарій).

Цѣна 75 коп.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ. 1896 г.

Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ—въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ И ПИСЬМЕННЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ И НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ“.

Второй годъ обученія. Изданіе седьмое, безъ перемѣнъ. 1896 г.

Одобрена Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ въ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ въ качествѣ книги для класснаго и внѣкласснаго чтенія.

Цѣна 45 коп.

„СОЛНЬШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ рисунками. Изданіе шестое, дополненное, 1896 г. Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія для класснаго и внѣкласснаго чтенія; Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ. Посвящена священной памяти въ Востѣ почившаго Императора Александра Николаевича.

Цѣна 50 коп.

843081

L451
A4
v.312

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

